

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯБРЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАНОВА

Екатерин. каналъ, между Вознес.

Мостовск.

Л. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНИЕ.

**Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета
г. министра народнаго просвѣщенія
за 1875 годъ (Окончаніе).**

Правительственныя распоряженія.

Философскія начала цѣльнаго знанія (Продолженіе) В. С. Соловьева.

Патрикъ Гордонъ и его дневникъ (Продолженіе). А. Г. Брикнера.

О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной библіотекѣ О. Успенскаго.

**Критическія и библіографическія замѣтки:
Важнѣйшія явленія Польской исторической литературы въ Познаніи и Галиціи въ 1876 году.**

Еще объ изданіи Табарн В. Розина.

Низшія училища и образованіе учителей въ Россіи. Г. Страка.

Переносъ народонаселенія во Франціи въ 1876 году сравнительно съ Германскою 1875 года. С. Матвѣева.

О работахъ профессора К. Гревингска по изслѣдованію первобытныхъ древностей Прибалтійскаго края.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетъ и низшія училища.

Письмо изъ Парижа. Л. Л—ра.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И. С. БАЛАШЕВА

Князькинский каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1875 ГОДЪ ¹⁾.

По Варшавскому университету:

Ординарные профессеры: *Мѣржвинскій*—напечаталъ брошюру „Даня и Персей“, въ журналѣ Пива „Обзоръ сочиненій по литовской минеологій“ и въ газетѣ Kurjer codzienny „Замѣтку о названіи и значеніи Жипиче“; *Коссовичъ*—занимался приготовленіемъ 2-го изданія Греко-русскаго словаря; *Струве* — напечаталъ: третье изданіе „Элементарной логики“, въ Русскомъ Вѣстникѣ „Позитивизмъ и искусство“, въ журналѣ Kłosy „Характеристика философскихъ стремленій І. Кремера и Либельта“ и помѣщалъ статьи критическаго и эстетическаго содержанія въ журналахъ Biblioteka Warszawska и Kłosy; *Левестамъ*—печаталъ разныя статьи историко-литературнаго содержанія въ журналахъ Wiek и Kłosy и въ Берлинскомъ журналѣ Magazin für die Literatur des Auslandes; *Павинскій* — напечаталъ брошюру „Pamiętniki Matuszewicza Kasztelana Brzeskiego“; *Востоковъ* — помѣстилъ въ журналѣ Astronomische Nachrichten статью „Micrometrische Beobachtungen s. 1874 (Coggia)“; *Юркевичъ*—издалъ переводы: американскаго сочиненія профессора Кука (Cooke) „Новая химія“ и англійскаго сочиненія Единбургскаго профессора Джикі (Giekie) „Начала геологій“, и помѣстилъ статьи: въ журналѣ Природа и Промышленность—„Земли и человѣкъ. Человѣческіе труды на землѣ“ по

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку Журн. Мин. Народн. Просв., текущаго года.

сочиненію г. Реклю „La Terre“, и въ журналѣ *Bluzzez*—„Калетанскій туннель“; *Голетинскій*—напечаталъ 2-й—6-й выпуски сочиненія „Объ обязательствахъ“; *Будзинскій*—на польскомъ языкѣ монографію „О повтореніи преступленій“ и нѣсколько статей въ Варшавскомъ судебномъ журналѣ *Gazeta Sądowa*; *Кашиница*—въ журналѣ *Gazeta Sądowa* статью „Народныя представленія о правѣ и обычное право“; *Бродовскій*—въ Сборникѣ работъ, произведенныхъ въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета „Нѣсколько наблюденій изъ анатомо-патологической лабораторіи“ и продолжалъ печатать на польскомъ языкѣ „Руководство къ патологической анатоміи“; *Гирштовъ*—помѣстилъ въ Медицинской Газетѣ статью „Объ инородныхъ тѣлахъ въ суставахъ“ и продолжалъ печатать „Руководство къ хирургіи“; *Лойеръ*—напечаталъ въ *Hoffman und Schwalbe Jahresbericht über die Fortschritte der Anatomie und Physiologie* „Рефераты объ успѣхахъ русской и польской литературы по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи въ 1873—1874 гг.“; *Вислицкій*—окончилъ переводъ на польскій языкъ сочиненія Каспера о судебной медицинѣ; *Лямбль*—помѣстилъ: въ Варшавскомъ Дневникѣ — „Докладъ Варшавскому генералъ-губернатору о крестѣ въ селѣ Александровѣ, о которомъ распространилась молва, какъ о чудодѣйственномъ“, и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „*Sergosomus et Echinococcus in hepate hominis*. Наблюденіе изъ терапевтической факультетской клиники“.

Экстраординарные профессора: *Колосовъ*—продолжалъ печатаніе въ Филологическихъ Запискахъ сочиненія „Новыя данныя былевого творчества сѣверной Россіи“; *Никитскій*—занимался приготовленіемъ къ печати двухъ трудовъ: „Исторія внутренней жизни Великаго Новгорода“ и „Очеркъ внутренней исторіи торговли въ Псковѣ“; *Яковлевъ*—напечаталъ изслѣдованіе „Древне-Кіевскія религіозныя сказанія“; *Поповъ*—въ Журналѣ русскаго химическаго общества: „Объ образованіи новаго третичнаго жирно-ароматическаго алкоголя“ и „Объ окисленіи несимметрическихъ кетоновъ“; *Вржесніевскій*—въ журналѣ *Природа и Промышленность* статью „Уэльсъ. Подражаніе и другія предохранительныя сходства животныхъ“ и напечаталъ брошюру „О. Шмидтъ. О происхожденіи видовъ и дарвинизмъ“; *Окольскій*—въ *Gazeta Sądowa* „О примиреніи“ и „О третейскомъ судѣ“; *Микласинскій*—статьи: въ газетѣ *Wick*—„*Sprawozdanie z posiedzen komitetu towarzysztwa osad rolnych i przytutków rzemieślniczych*“, „Czy potrzebna u nas druga osada poprawcza dla nieletnich przestępców“.

сѡвъ", „Sprawa sztabskapitana Karlowa, obwinionego o rozmyslne zabójstwo", въ *Gazeta Sądowa—Notatki naukowe i literackie Prawodawsto Cesarstwa w ciagu 1-o kwartalu 1874 r.*., „O piśmie obrończem", „Przegląd bibliograficzny", „Notatki naukowe i literackie. Czasopisma prawne rossyjskie za 1874 r.", „Doroczne posiedzenie Towarzystwa osad rolnych", „Czy na sadadzie postanowien Pr. Austrjackiego żona lub rodzice podsądnego, wyrokiem I Instancyi skazanego za oszustwa na odlanie do rot aresztanckich, mogą zalozyć rekurs do wyższej Instancyi, jesli sam podsądný nie staje do publikacyi wyroku, w dalszym ciagu którego nastąpiła decyzja na przyaresztowanie, a z powodu ukrywania się skazanego listy gończe?", „Notatki naukowe i literackie. O zjeździe ruskich prawników w Moskwie", „Sprawozdanie Ministra Spraw Wewnętrznych o zarządzie gminnym w gubernijach Królestwa Polskiego za 1873 r.", „Nowella do art. 144 Kodeksu kaz głów. i popr.", „Notatki naukowe i literackie, o dziełach, postugujących do poznania nowych ustaw sądowych"; въ *Судебномъ Вѣстникъ* — „Варшавское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ", „Дѣло объ авторскомъ правѣ"; отдѣльными брошюрами — „Studja nad postępowaniem karńem obowiązującym", „Обозрѣніе польской юридической литературы за 1873 годъ, преимущественно по уголовному праву", и „О системахъ тюремнаго заключенія", „Rys organizacyi wladz sądowych podlug ustaw z. d. 20 Listopadu 1864 r. i postanowienie o wprowadzeniu reformy sądowej w Królestwie Polskiem z. d. 19 Lutego 1875 r."; *Косинскій* — въ журналѣ общества Варшавскихъ врачей статьи: „Четыре наблюденія въ хирургической клиникѣ: а) Угано-plastica, б) камень мочевого пузыря у пятилѣтней дѣвочки, удаленный помощію раздробленія (Lithotripsia), в) фибромы наружнаго уха, г) кипечный гловъ" и „Туберкулы языка"; *Лучкевичъ* — первую часть перевода на польскій языкъ „Исторіи медицины" Хезера; *Хлѣбниковъ* — „По вопросу объ отношеніи цивилизаціи къ государству"; *Самковасовъ* — „О раскопкахъ и курганахъ, относящихся къ древнему періоду русской исторіи".

Доценты: *Петтасъ* — пансчаталъ: въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* — „Библиографическія замѣтки" и „Очеркъ исторіи развитія латинскихъ склоненій", въ *Giornale degli Scavi di Pompei* — „Sopra una iscrizione osca", въ „Atti del Primo Congresso della Societa Italiana dal Progreso della Scienze" — рефератъ подъ заглавіемъ „Iscripciones osche del Museo Campano"; *Дьячанъ* — въ *Журна-*

ль *Министерства Народнаго Просвѣщенія* „О родинѣ, родныхъ и годѣ рожденія Геродота“; *Трейдосевичъ*—въ журналѣ *Przegląd i przemyśl*: „Замѣтки объ изысканіи полезныхъ ископаемыхъ тѣлъ въ Царствѣ Польскомъ“, „Нѣсколько словъ о такъ называемомъ волиннѣ“ и „Геологія и философія, геологія и исторія“, два отрывка изъ сочиненія Котты „Геологія настоящаго времени“, и въ журналѣ *Encyklopedia rolnictwa*—статью „Почва“; *Вреденъ*—въ *Gazeta Lekarska*: отчетъ, представленный въ Русское химическое общество о полученномъ имъ, вмѣстѣ съ лаборантомъ Знатовичемъ, углеводородъ гексагидротолуолъ, и отчетъ объ изслѣдованіи, произведенномъ вмѣстѣ съ лаборантомъ Фуксомъ, Цѣхонинскихъ лѣчебныхъ средствъ; *Пленковский*—въ „Земледѣльской энциклопедіи“ статью „Hygiena ludu wiejskiego, choroby endemiczne i epidemiczne“; *Фудиковскій*: „Vorläufige Mittheilung, betreffend zwei aus dem Milchzucker entstehende Zuckerarten. Bericht der deutschen chemischen Gesellschaft и въ *Gazeta Lekarska* — „О салициловой кислотѣ и тигвогѣ“; *Чаусовъ* — въ Военно-медицинскомъ журналѣ статью „Обзоръ успѣховъ по хирургической патологіи и оперативной хирургіи за 1868, 1869, 1870 и 1871 годы“; *Волибринъ*—въ томъ же журналѣ статью „По поводу развитія глазныхъ болѣзней между войсками“; лекторъ *Дени*—занимался переводомъ сочиненія Манцони „*Promessi Sposi*“; исправляющій должность астронома-наблюдателя *Ковальчикъ* — напечаталъ въ журналѣ *Astronomische Nachrichten* — „Meridianbeobachtungen von Planeten und Cometen Coggia“ и въ Берлинскомъ астрономическомъ календарѣ за 1875 годъ—„Elemente und Ephemeriden der Planeten Hesperia und Thisbe für 1876“; лаборанты: *Слюсарскій*—въ *Encyklopedia Rolnictwa* статью „Jaje“; *Фуксъ* — статья: „Изотропическіе котоны“—въ Журналѣ русскаго химическаго общества, „Селанинитическое изслѣдованіе трехпроцентной Цѣхонинской соменки и Цѣхонинскаго пла“—въ *Gazeta Lekarska* и „Нѣсколько словъ о мылѣ“—въ журналѣ *Przegląd techniczny*; *Майцель*—въ журналѣ *Centralblatt für Medicin. Wissenschaft* статью „Ueber eigenthümliche Vorgänge bei der Theilung der Kerne in Epithelialzellen“ и ту же статью на польскомъ языкѣ въ журналѣ *Medycyna*; ординаторы *Гросшерна*—въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ, издаваемой профессоромъ Гирштовтомъ, переводъ сочиненія Alarenga da Costa: „Termometria, Termosemiologia, i Termakologia“; *Клиникъ*—пять статей казуистическихъ въ журналѣ *Medycyna*; хранитель зоологическаго кабинета *Тамбовскій*—въ Про-

ceedings of Zoolog. Soc. of London *статья*: „Description d'une nouvelle espèce de cerf tacheté de l' Ussiri“, „Catalogue des oiseaux recueillis au Pérou central, par M. Constantin Jelski et Description d'espèces nouvelles“; и Description d'une nouvelle espèce du coq de bruyère de Caucase“ и въ Journal für Ornithologie „Verzeichniss der Vogel welche durch die Herren Dk. Dyбовski und Godlevski an der Ussurimmündung gesammelt werden“.

;

СРАВНИТЕЛЬНАЯ

штатнаго числа преподавателей съ наличными ихъ

Въ университетахъ.	С.-Петербургскомъ.			Московскомъ.			Харьковскомъ.		
	Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.	
		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштатныхъ.
Профессоровъ богословія.	1	1	—	1	1	—	1	1	—
Ординарныхъ профессоровъ	34	34	2	39	37	2	39	36	1
Экстраординарныхъ профессоровъ	16	14	—	18	10	3	18	8	—
Доцентовъ и адъюнктовъ	24	18	—	31	25	—	31	10	—
Прозекторовъ.	—	—	—	2	2	—	2	2	—
Помощниковъ прозекторовъ..	—	—	—	3	3	—	3	3	—
Лекторовъ	8	8	—	4	3	—	4	2	—
Преподавателей.	—	—	2	—	—	9	—	—	—
Приватъ-доцентовъ	—	—	9	—	—	9	—	—	5
Итого.	83	75	13	98	81	23	98	61	6
		88			104			67	

¹⁾ Первый прозекторъ причисленъ къ экстраординарнымъ профессорамъ.

²⁾ Доцентъ началъ архитектуры состоитъ и архитекторомъ университета.

³⁾ Въ томъ числѣ двое исправляющихъ должность доцента.

⁴⁾ Въ томъ числѣ одинъ исправляющій должность прозектора.

СВѢДОМѢСТЬ

числомъ въ университетахъ къ 1-му января 1876 года.

Казанскіи.			Св. Влади- мира.			Новороссій- скіи.			Дерптскіи.			Варшавскіи.			В С Е Г О.		
Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.		Назначено по штату.	Состояло на лицо.	
	Штатныхъ.	Сверхштат- ныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштат- ныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштат- ныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштат- ныхъ.		Штатныхъ.	Сверхштат- ныхъ.			
1	1	—	1	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	7	7	—
39	84	1	39	34	2	28	25	—	43	36	—	27	27	—	245 43 121	262	8
18	6	—	18	5	1	13	5	—		5	—	20	20	—		73	4
31	14	—	31	22	—	16	9	—	10	8 ⁹⁾	—	21	15 ⁹⁾	—	195	121	—
2	1	—	2	2	—	—	—	—	1 ¹⁾	1	—	3	3 ⁴⁾	—	12	13	—
8	4	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	12	19	1
4	8	—	4	2	—	4	3	—	5	4	—	5	5	—	38	30	—
2	—	8	—	—	—	—	—	1	8	6	—	—	—	—	10	6	17
—	—	11	—	—	8	—	—	1	—	—	4	—	—	—	—	—	47
90	63	15	98	79	11	62	43	2	68	61	4	76	70	1	683	523	77
78			90			45			65			71			600		

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

О наличномъ составѣ штатныхъ преподавателей и о числѣ преподавательскихъ вакансій въ 1874 и 1875 году.

Въ университетахъ.	Состояло на лицѣ штатныхъ преподавателей						Число штатныхъ вакансій.						Всего вакансій.
	Университетскихъ профессоровъ.	Экстраординарныхъ профессоровъ.	Доцентъ и ассистентъ.	Провизоры.	Помощники провизоровъ.	Лекторы.	Университетскихъ профессоровъ.	Экстраординарныхъ профессоровъ.	Доцентъ и ассистентъ.	Провизоры.	Помощники провизоровъ.	Лекторы.	
С.-Петербургскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	35	14	18	—	—	7	—	2	6	—	—	1	9
„ „ „ 1876 г.	35	14	18	—	—	8	—	2	6	—	—	—	8
Московскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	37	13	21	2	3	4	3	5	10	—	—	—	18
„ „ „ 1876 „	38	10	25	2	3	4	2	5	8	—	—	—	15
Харьковскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	37	6	12	2	3	3	3	12	19	—	—	1	35
„ „ „ 1876 „	36	8	10	2	3	2	4	10	21	—	—	2	37
Казанскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	35	6	14	—	3	3	5	12	17	2	—	1	37
„ „ „ 1876 „	35	6	14	1	3	3	5	12	17	1	—	1	36
Св. Владиміра.													
Къ 1-му января 1875 г.	32	7	21	2	3	2	8	11	10	—	—	2	31
„ „ „ 1876 „	35	5	22	2	3	2	6	13	9	—	—	2	30
Новороссійскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	27	2	10	—	—	3	2	11	6	—	—	1	20
„ „ „ 1876 „	26	5	9	—	—	3	3	8	7	—	—	1	19
Варшавскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	27	20	16	3	—	4	—	—	5	—	—	1	6
„ „ „ 1876 „	27	20	13	2	—	5	—	—	8	1	—	—	9
Дерптскомъ.													
Къ 1-му января 1875 г.	37	4	9	1	—	4	1	—	1	—	—	1	3
„ „ „ 1876 „	37	5	7	1	—	4	—	—	1	—	—	1	2
Итого по университетамъ													
Къ 1-му января 1875 г.	267	72	121	10	12	30	21	53	74	2	—	8	159
„ „ „ 1876 „	269	71	118	10	12	31	19	50	77	2	—	7	156

ВЪДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ЛИЦЪ, УТВЕРЖДЕННЫХЪ ВЪ УЧЕНЫХЪ И МЕДИ-
ЦИНСКИХЪ СТЕПЕНЯХЪ И ЗВАНІЯХЪ ВЪ 1876 ГОДУ.

В Ѣ Д С

о числѣ лицъ, утвержденныхъ въ ученыхъ

Въ университетахъ по факультетамъ и отдѣленіямъ утверждено въ степеняхъ и званіяхъ.	С.-Петербургскій.				Московский.				Харьковский.			
	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	Восточныхъ языковъ.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-филологическому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.
Докторовъ.	1	1	—	1	—	—	2	10	—	1	—	3
Магистровъ	8	1	1	1	2	2	7	—	—	1	—	—
Кандидатовъ.	17	40	84	3	8	13	72	—	8	4	26	—
Дѣйствительныхъ студентовъ.	2	8	45	2	8	6	52	—	—	1	27	—
Лекарей.	—	—	—	—	—	—	—	106	—	—	—	39
Инспекторовъ врачебной управы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Губернскихъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Уѣздныхъ врачей	—	—	—	—	—	—	—	98	—	—	—	38
Операторовъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Акушеровъ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Магистровъ фармаціи.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Провизоровъ.	—	—	—	—	—	—	—	74	—	—	—	19
Аптекарскихъ помощниковъ	—	—	—	—	—	—	—	50	—	—	—	38
Дантистовъ	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	4
Повивальныхъ бабокъ	—	—	—	—	—	—	—	84	—	—	—	22
Землемѣровъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Архитекторовъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	23	50	130	7	18	21	183	426	8	7	52	163
	210				598				230			

МОСТЬ

ЮРИДИЧЕСКИХЪ СТЕПЕНІАХЪ И ЗВАНІАХЪ ВЪ 1875 ГОДУ.

Казанскій.				Св. Владимира.				Новороссійскій.			Дерптскій.				Варшавскій.				И Т О Г О.	
По историко-философскому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-философскому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.	По историко-философскому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По богословскому.	По историко-философскому.	По физико-математическому.	По юридическому.	По медицинскому.					
1	1	—	3	—	—	—	8	—	1	—	—	—	2	—	12	—	1	—	—	43
—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	25
6	4	20	—	24	2	27	—	4	7	30	6	6	12	28	—	5	8	23	—	486
5	3	36	—	—	1	50	—	4	8	37	8	4	5	10	—	—	5	28	—	355
—	—	—	26	—	—	—	72	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	47	301
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	15	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	3	159
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—	218
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47	—	—	—	—	274
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	16
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	—	—	—	—	333
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	15
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
12	9	56	193	24	3	79	225	8	16	67	15	10	19	39	140	6	32	51	195	2,237
270				331				91			223				284					

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ и вольныхъ слушателей, состоявшихъ въ университетахъ къ 1-му января 1875 и 1876 годовъ.

Въ университетахъ.	Состояло на лицо къ 1 января 1875 г.	Въ теченіе 1875 года.				Состояло на лицо къ 1 января 1876 г.
		Новыхъ поступило.	Выбыло.			
			До оконча- нія курса.	По оконча- ніи курса.		
<i>С.-Петербургскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	1.150 73	494 свѣдѣній не доставлено.	237	231	1.149 76	
<i>Московскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	1.161 40	415 42	41 44	255 —	1.259 42	
<i>Харьковскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	407 23	236 71	59 11	103 12	481 45	
<i>Казанскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	462 50	211 39	43 17	110 23	478 39	
<i>Св. Владиміра.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	694 78	272 71	80 свѣдѣній не доставлено.	217	666 66	
<i>Новороссійскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	259 22	175 свѣдѣній не доставлено.	29	79	340 12	
<i>Дерптскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	35 —	267 14	132 13	100 1	770 —	
<i>Варшавскомъ.</i>						
студентовъ вольнослушателей.	482 38	136 свѣдѣній не дост.	45	121	453 31	
Вообще						
студентовъ вольнослушателей	5.368 324	2.246 237	666 85	1.216 36	5.596 311	

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ и распредѣленіи учащихся по факультетамъ и разрядамъ къ 1-му января 1876 года.

Въ университетахъ.	Число студентовъ.													
	Въ богословск. факультетъ.	Въ историко-филологическомъ факультетъ.	Отдѣленіе математическое.	Историко-филологическое.	По разряду юридическихъ наукъ.	По разряду государственныхъ наукъ.	По разряду математическихъ наукъ.	По разряду естественныхъ наукъ.	По разряду физико-химическихъ наукъ.	Въ медицинск. факультетъ.	Въ факультетъ восточныхъ языковъ.	Общее число студентовъ.	Число волынскихъ слушателей.	
С.-Петербургскомъ	—	—	—	138	514	37	187	229	—	—	44	1149	76	1225
Московскомъ	—	—	—	93	291	—	145	36	—	694	—	1259	42	1301
Харьковскомъ	—	—	—	37	129	—	28	20	16	253	—	481	45	526
Казанскомъ	—	—	—	40	84	22	41	9	—	282	—	478	39	517
Св. Владиміра	—	—	—	62	120	—	45	27	—	412	—	666	66	732
Поворосійскомъ	—	—	—	77	150	—	28	85	—	—	—	340	12	352
Деритскомъ	91	41	—	71	177	6	23	43	—	318	—	770	—	770
Варшавскомъ	—	—	—	30	156	—	31	15	—	221	—	453	31	484
Итого	91	41	548	1621	65	526	464	16	2180	44	5596	311	5907	
		589		1686		1006								

Сверхъ того въ Московскомъ университетѣ аптекарскихъ помощниковъ—170 и въ Варшавскомъ университетѣ фармацевтовъ—144.

Сверхъ того въ Московскомъ университетѣ аптекарскихъ помощниковъ—170 и въ Варшавскомъ университетѣ фармацевтовъ—144.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ студентовъ, допущенныхъ къ слушанію лекцій въ университетахъ бесплатно и за половинную плату въ 1875 г.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Общее число студентовъ.	Слушавшихъ безплатно.		Число слушавшихъ лекціи за половинную плату.
		Число лицъ.	Процентъ общаго числа студентовъ.	
С.-Петербургскомъ.	въ 1-й полов. 1875 г. 1123 во 2-й > 1149	358 328	31,8% 28,5%	39 30
Московскомъ.	въ 1-й полов. 1875 г. 1269 во 2-й > 1269	652	51,7%	28
Харьковскомъ.	въ 1-й полов. 1875 г. 407 во 2-й 481	219 243	болѣе 53% 50%	— —
Казанскомъ	въ 1-й полов. 1875 г. 478 во 2-й 478	50	10%	129
Св. Владиміра.	въ 1-й полов. 1875 г. 703 во 2-й 724	357 270	— —	— —
Новороссійскомъ.	въ 1-й полов. 1875 г. 448 во 2-й 448	232	51%	—
Дерптскомъ	въ 1-й полов. 1875 г. 1002 во 2-й 1002	128 132	16,97%	—
Варшавскомъ	въ 1-й полов. 1875 г. 519 во 2-й > 478	53 47	10%	—
В С Е Г О				

ВѢДОМОСТЬ

О числѣ стипендіи и единовременныхъ пособій.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.	Число стипендіи.	Общая сумма, пендія на стипендіи.	Число единовременныхъ пособій, съ показаніемъ ихъ размѣра.	Общая сумма на единовременныя пособия.	Количество всѣхъ суммъ на стипендіи и единовременныя пособия.
С.-Петербургскій...	361	87443 р. 20 к.	отъ 10 до 100	3939 р. 72 к. ¹⁾	91382 р. 92 к.
Московскій.	461	99807 32	486 25 до 100	9104 81	108912 13
Харьковскій.	142	39800 —	59 10 60	1215 52	41015 52
Казанскій.	168	32222 85	395 10 до 100	7311 68 1/2	39534 53 1/2
Кіевскій св. Владиміра	125	20487 46	208 10 до 100	6899 21	27188 67
Новороссійскій	124	26422 55	9 20 30	189 81	26512 36
Дерптскій	71	12766 8	41 10 до 30	1160 —	13926 8
Варшавскій.	109	23896 7	470 10 30	6788 64 1/2	30882 51 1/2
Итого.	1561	342845 р. 53 к.	1658 отъ 10 до 100	36527 р. 40 к.	379252 р. 72 1/2 к.

¹⁾ Сюда не вошла сумма, доставленная обществомъ вспоможенія бѣднымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета.

Всѣхъ реальныхъ училищъ въ 1-му января 1876 г. было 44. По округамъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ *С.-Петербургскомъ* — 6; въ *С.-Петербургѣ* 2 и по одному въ Череповцѣ, Исковѣ, Кронштадтѣ и Новгородѣ; въ *Московскомъ* — 10; по одному въ Москвѣ, Зарайскѣ, Костромѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Орлѣ, Ливнахъ, Тулѣ, Муромѣ, Калугѣ и Твери; въ *Харьковскомъ* — 3: въ Харьковѣ, Сумахъ и Курскѣ; въ *Казанскомъ* — 4: въ Казани, Сарапулѣ, Саратовѣ и Сызрани; въ *Виленскомъ* — 4: въ Вильнѣ, Динабургѣ, Вѣлостокѣ и Пинскѣ; въ *Кіевскомъ* — 5: въ Бѣлой Церкви, Ровнѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ и Нововыбовкѣ; въ *Одесскомъ* — 7: въ Одессѣ, Николаевѣ, Ростовѣ на Дону, Кишиневѣ, Медитополѣ, Екатеринославѣ и Севастополѣ; въ *Варшавскомъ* — 3: въ Варшавѣ, Влоцлавскѣ и Ловичѣ; въ *Оренбургскомъ* — 2: въ Екатеринбургѣ и Красноуфимскѣ.

Сверхъ того въ Дерптскомъ учебномъ округѣ 2 реальныхъ училища—въ Митавѣ и Ригѣ, имѣющія особые уставы.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1875 году.

Въ учебныхъ округахъ.	Состояло учебныхъ заведеній.				Учащихся въ нихъ.				
	Къ 1 января 1875 г.		Къ 1 января 1876 г.		Состояло на лицо.		Выбыло въ теченіе года.		
	Реальныхъ училищъ.	При реальныхъ училищахъ параллельныхъ классовъ.	Реальныхъ училищъ.	При реальныхъ училищахъ параллельныхъ классовъ.	Къ 1-му января 1876 г.	Къ 1-му января 1876 г.	Противъ 1-го января 1875 г. болѣе.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
С.-Петербургскомъ..	5	—	6	—	717	896	179	116	21
Московскомъ .	6	—	10	—	641	1112	471	95	—
Харьковскомъ.	3	—	3	—	362	492	130	56	—
Казанскомъ.	4	—	4	1	570 ¹⁾	587	17	73	—
Виленскомъ.	4	4	4	6	1077	1281	154	145	57
Кіевскомъ	4	10	5	12	1319	1470	151	276	42
Одесскомъ .	5	9	7	11	1173	1467	294	155	61
Варшавскомъ .	3	—	3	—	686	833	148	157	16
Оренбургскомъ	—	—	2	—	177 ²⁾	220	220	.8	—
Итого.	34	23	44	30	6544	8308	1764	1081	197

¹⁾ Число учащихся къ 1-му января 1875 г. въ 4-хъ училищахъ: Сызранскомъ, Саратовскомъ, Сарапульскомъ и Екатеринбургскомъ; последнее отчислено къ Оренбургскому учебному округу.—Въ первыхъ трехъ къ 1-му января 1875 г. было 394. (Въ 1875 г. открыто Казанское).

²⁾ Въ Екатеринбургскомъ; включено уже въ число, показанное въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ учениковъ къ 1-му января 1876 года по вѣро-
исповѣданіямъ и сословіямъ.

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Общее число учащихся къ 1-му января 1876 г.	Въ томъ числѣ находилось									
		По вѣроисповѣданіямъ.					По сословіямъ.				
		Православнаго.	Римско-като- лическаго.	Лютеранскаго.	Магометанск.	Прочихъ испо- вѣданій.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духовнаго званія.	Городскихъ сословій.	Сельскихъ сословій.	Пностранныхъ.
О.-Петербургскому. .	896	759	48	66	1	22 ¹⁾	466	20	321	71	18
Московскому . .	1112	1022	35	40	—	15	471	27	494	85	35
Харьковскому. .	492	427	15	27	—	23	267	18	176	28	3
Казанскому . .	587	490	8	71	—	18	190	18	203	165	11
Виленскому. .	1231	343	623	74	2	189 ²⁾	749	39	343	70	30
Кіевскому. .	1470	633	582	37	1	217 ³⁾	887	53	400	79	51
Одесскому	1467	985	105	54	1	322	621	32	654	92	68
Варшавскому. .	833	42	701	38	—	52 ⁴⁾	542	7	259	17	8
Оренбургскому	220	208	4	8	—	—	76	15	103	25	1
Итого .	8308	4909	2121	415	5	858	4269	229	2953	632	225

¹⁾ Евреевъ.

²⁾ Изъ нихъ 129 Евреевъ.

³⁾ Изъ нихъ старообрядцевъ 24 и Евреевъ 193.

⁴⁾ Изъ нихъ 51 еврейскаго.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ пансіоновъ и общихъ ученическихъ квартиръ и о числѣ воспитанниковъ въ нихъ къ 1-му января 1876 года.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Пансіоновъ.		Общихъ ученическихъ квартиръ.			
	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Казенныхъ.		Частныхъ.	
			Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.
С.-Петербургскомъ.	1	67	—	—	—	—
Московскомъ.	—	—	—	—	3	н. с.
Харьковскомъ.	—	—	—	—	—	—
Казанскомъ.	—	—	—	—	1	25.
Виленскомъ.	—	—	—	—	29	273 ¹⁾
Кіевскомъ	—	—	—	—	163	671
Одесскомъ	—	—	—	—	—	—
Варшавскомъ.	—	—	—	—	64 ²⁾	213
Оренбургскомъ.	—	—	—	—	—	—
Итого.	1	67	—	—	240	1182

¹⁾ Кроме того 48 учениковъ Виленскаго реальнаго училища помѣщаются въ казенной общей ученической квартирѣ при Виленской гимназіи.

²⁾ Изъ ученическихъ квартиръ, находящихся въ Варшавѣ (числомъ 29), живутъ ученики и другихъ учебныхъ заведеній.

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ВАКАНТНЫХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИХЪ ДОЛЖНОСТЕЙ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ КЪ 1-му ЯНВАРЯ 1876 г.

В Ъ Д О

О числѣ вакантных преподавательскихъ должностей

Въ реальныхъ училищахъ учебныхъ округовъ:	С.-Петербургскаго.		Московского.		Харьковскаго.		Казанскаго.	
	Общее число должностей, бывшихъ вакантными въ теченіи 1875 г.	Изъ сего числа оставалось незаполненными должностей въ 1 января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій въ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій въ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій въ 1-му января 1876 г.
Законоучителей .	—	—	—	—	—	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ:								
Математики.	4	—	2	2	1	1	1	1
Русскаго языка .	—	—	—	—	1	1	2	—
Нѣмецкаго языка..	}	—	3	3	—	—	2	—
Французскаго языка.		1	1	1	—	—	2	2
Англійскаго языка .	—	—	—	—	—	—	—	—
Исторіи и географіи.	2	—	1	1	—	—	1	1
Естественной исторіи .	—	—	—	—	—	—	1	1
Коммерческихъ наукъ .	—	—	1	1	—	—	2	1
Физики, химіи и механики.	1	—	—	—	1	1	—	—
Искусствъ .	—	3	—	—	—	—	4	2
Учителей дополн. класса.	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого.	9	4	8	8	3	3	15	8

МОСТЪ

къ реальнымъ училищамъ къ 1-му января 1876 года.

Вилнскаго.		Кіевскаго.		Одесскаго.		Варшавскаго.		Оренбургскаго.		По всѣмъ округамъ.	
Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.	Общее число.	Оставалось вакансій къ 1-му января 1876 г.
1	1	2	1	—	—	1	—	—	—	4	—
3	3	2	2	—	1	—	—	—	—	13	10
—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	5	1
1	1	2	—	—	—	2	—	—	—	21	14
3	3	1	1	1	—		1	1	1		
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	6	4
—	—	1	—	—	1	—	—	1	1	2	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	2
1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	11	4
2	1	5	1	1	—	—	—	—	—	8	7
—	—	3	1	—	1	1	—	—	—	1	1
1	1	—	—	—	—	—	—	—	—		
12	10	19	6	3	3	4	1	4	4	77	47

В Ѣ Д С

о средствахъ содержанія реалъ

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число реальныхъ уч- лицъ.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содер- жаніе своихъ учениковъ и разнѣхъ вѣдомствъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ почите- лей и обшителей.		Изъ суммъ дворянства.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
С.-Петербургскому	6	180000	40	6580	—	21465	32	—	—	—	—
Московскому .	10	158997	89	—	—	18660	—	—	—	1000	—
Харьковскому.	3	79107	40	1575	—	7477	—	—	—	—	—
Казанскому.	4	40437	—	—	—	9867	40	—	—	—	—
Кіевскому	5	123960	80	—	—	27047	50	—	—	—	—
Виленскому	4	126022	25	—	—	29209	17	—	—	—	—
Одесскому	7	70723	80	—	—	31682	50	—	—	—	—
Варшавскому	3	62852	50	—	—	—	—	—	—	—	—
Оренбургскому	2	5405	—	—	—	4665	—	—	—	—	—
Итого.	44	847507	4	8155	—	150073	89	—	—	1000	—

МОСТЪ

ИХЪ УЧИЛИЩЪ ЗА 1875 ГОДЪ.

Отъ городского общества.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертвован- ныхъ капиталовъ.		Отъ единоречивныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ сибѣянго и коро- бочнаго съ евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источни- ковъ.		В СЕГО.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
5870	—	4900	—	—	—	900	—	—	—	—	—	—	—	219715	72
25000	—	14830	—	818	60	2341	66	—	—	—	—	—	—	221648	15
5894	—	7500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101553	40
21445	48	19410	35	—	—	—	—	—	—	—	—	3273	65	94433	88
10000	—	10250	—	2115	53	80	—	—	—	400	—	10284	40	184138	23
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6342	78	480	—	162054	20
38458	76	25170	—	—	—	10000	—	—	—	—	—	—	—	176035	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62852	50
6000	—	27000	—	—	—	500	—	—	—	—	—	—	—	43570	—
112668	24	109060	35	2934	13	13821	66	—	—	6742	78	14038	5	1266001	14

В Ѣ Д С

о числѣ преподавательскихъ должностей: 1) бывшихъ вакантныи въ
 щенныи къ 1-му января 1876 г

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	ПЕТЕРБУРГСКОМЪ.			
	Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа оставшихся неизмѣненными въ должностяхъ къ 1-му января 1876 г.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей.	2	—	1 ¹⁾	—
УЧИТЕЛЕЙ:				
Русскаго языка и словесности	—	—	—	—
Латинскаго языка .	1	5	1	1
Греческаго				
Исторіи .	3	2	1	1
Географіи .				
Математики и физики	3	2	—	1
Французскаго языка .	4	3	—	2
Нѣмецкаго				
Рисованія, черченія и чистописанія.	1	—	1	—
Итого	14	12	4	5

¹⁾ Лютеранскаго исповѣданія.

²⁾ Въ томъ числѣ 1 армяно-григоріанскаго исповѣданія.

МОСТЪ

чение 1875 г. или нѣкоторой части его, и 2) оставшихся незанятыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

МОСКОВСКОМЪ.				КАЗАНСКОМЪ.				ОРЕНБУРГСКОМЪ.			
Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-нѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1876 г.		Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-нѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1876 г.		Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-нѣщеннымъ должностей къ 1-му января 1876 г.	
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	2	—	1	1	—	1	—	1	—	—	—
13	5	3	1	3	2	1	1	3	2	5	—
7	7	2	4	1	2	—	2	2	1	1	—
—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
6	9	—	6	2	4	1	4	2	2	2	—
—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	1	—
34	24	6	12	10	8	4	7	14	5	9	—

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	ХАРЬКОВСКОМЪ.			
	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось вакантных должностей к 1-му января 1876 г.	
	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей	1	1	—	—
УЧИТЕЛЕЙ:				
Русскаго языка и словесности	9	3	6	
Латинскаго языка .	11	5	8	4
Греческаго				
Исторіи .	3	3	—	1
Географіи .				
Математики и физики	4	4	3	1
Французскаго языка .	6	6	4	4
Нѣмецкаго				
Рисованія, черченія и чистописанія.	1	1	1	1
Итого.	35	23	22	13

¹⁾ Въ томъ числѣ 1 реформатскаго и 1 лютеранскаго исповѣданія.

ОДЕССКОМЪ.				КІЕВСКОМЪ.				ВІЛЕНСКОМЪ.			
Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенными должностей къ 1-му января 1876 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенными должностей къ 1-му января 1876 г.		Общее число вакантныхъ должностей въ теченіе 1875 г.		Изъ сего числа осталось неза-мѣщенными должностей къ 1-му января 1876 г.	
Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
2	—	1	—	2	—	2	—	4 ¹⁾	—	—	—
3	2	—	—	4	2	1	—	5	1	1	—
4	2	1	—	10	4	—	—	7	4	3	3
	1	1	—	2	1	—	—	—	1	—	—
4	1	1	1	5	—	—	—	1	3	—	1
2	1	—	—	5	3	—	—	—	4	—	3
—	1	—	1	2	1		1	—	1	—	1
17	8	4		30	11	5	1	17	14	4	8

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУТАХЪ.	ДЕРПТСКОМЪ.		ВАРШАВСКОМЪ.			
	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось незаполненныхъ должностей къ 1-му января 1876 г.	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось незаполненныхъ должностей къ 1-му января 1876 г.		
	Въ гимназіяхъ.		Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ прогимназіяхъ.
Законоучителей.	3 ¹⁾	1 ²⁾	1	—	—	—
УЧИТЕЛЕЙ:						
Русскаго языка и словесности.	3	1	6	1	—	—
Латинскаго языка.	—	—	5	—	1	—
Греческаго	—	—	—	—	—	—
Исторіи.	1	—	—	—	—	—
Географіи.	—	—	—	—	—	—
Математики и физики.	—	—	1	—	—	—
Французскаго языка.	1	1	5	4	2	1
Нѣмецкаго	—	—	—	—	—	—
Рисованія, черченія и чистописанія.	1	1	—	2	—	2
Итого.	9	4	18	7	3	3

¹⁾ Въ томъ числѣ 1 православнаго и 1 римско-католическаго исповѣданія.

²⁾ Римско-католическаго исповѣданія.

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.		ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.				ПО ВСѢМЪ УЧЕБНЫМЪ ОУРУГАМЪ.			
Общее число вакантных должностей въ теченіе 1876 г.	Изъ сего числа осталось неза-ищенными должностей къ 1-му января 1876 г.	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось неза-ищенными должностей къ 1-му января 1876 г.	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось неза-ищенными должностей къ 1-му января 1876 г.	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось неза-ищенными должностей къ 1-му января 1876 г.	Общее число вакантных должностей въ теченіе 1875 г.	Изъ сего числа осталось неза-ищенными должностей къ 1-му января 1876 г.
Въ гимназіяхъ.		Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.	Въ гимназіяхъ.
—	—	—	1	—	1	17	2	5	1
1	1	1	2	1	1	40	13	12	4
4	3	6	5	6	5	72	34	32	15
1	1	1	—	1	—	23	18	7	8
1	—	2	3	—	2	22	14	4	6
2	2	1	2	1	2	36	38	14	22
1	1	—	—	—	—	9	6	8	6
10	8	11	13	9	11	219	125	82	62
						344		144	

В Ѣ Д С

о средствахъ содержанія гимназій и прогимназій:

Въ учебныхъ округахъ.	Число заведеній.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержаніе своихъ учениковъ и разныя въ-домства воспитанія.		Изъ сбора за ученіе.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ попечителей и блюстителей.		Изъ суммъ дворянства.	
<i>Петербургскомъ:</i>		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Гимназій	15	404.884	72	133.575	71	99.682	81	—	—	47.361	67
Прогимназій	7	129.566	40	—	—	27.357	39	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	22	534.451	12	133.575	71	127.040	20	—	—	47.361	67
<i>Московскомъ:</i>											
Гимназій	20	494.327	42	168.791	64	103.870	—	—	—	—	—
Прогимназій	12	116.697	—	—	—	11.210	—	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	32	611.024	42	168.791	64	115.080	—	—	—	—	—
<i>Казанскомъ:</i>											
Гимназій	8	227.623	22	21.257	33	62.470	79	—	—	—	—
Прогимназій	2	11.600	—	—	—	1.592	50	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	10	239.223	22	21.257	33	64.063	29	—	—	—	—
<i>Оренбургскомъ:</i>											
Гимназій	6	141.846	76	11.220	53	24.546	67	—	—	900	—
Прогимназій	1	—	—	—	—	207	—	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	7	141.846	76	11.220	53	24.753	67	—	—	900	—
<i>Харьковскомъ:</i>											
Гимназій	11	230.645	25	62.445	7	49.359	47	—	—	295	—
Прогимназій	9	85.731	60	—	—	14.937	50	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	20	316.376	85	62.445	7	63.296	97	—	—	295	—
<i>Одесскомъ:</i>											
Гимназій	11	289.558	27	46.716	11	71.958	82	11.300	—	—	—
Прогимназій	7	93.175	80	—	—	27.567	92	1.000	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	18	382.734	7	46.716	11	99.526	74	12.300	—	—	—
<i>Кіевскомъ:</i>											
Гимназій	11	294.368	40	42.675	40	90.425	87	—	—	—	—
Прогимназій	6	91.526	11	9.400	—	9.300	96	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ	17	386.894	51	52.075	40	99.726	83	—	—	—	—

ДОСТЪ

75 г. по отчетамъ попечителей учебныхъ округовъ.

Отъ городскихъ об- ществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертво- ванныхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ сѣбнаго и коро- бочнаго съ евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источни- ковъ.		В С Е Г О.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
11.137	14	1.525	—	15.811	71	670	80	—	—	—	—	—	—	714.649	56
1.343	—	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158.326	79
12.480	14	1.525	—	15.871	71	670	30	—	—	—	—	—	—	872.976	35
1.960	—	14.854	—	49.099	79	8.158	—	—	—	—	—	—	—	839.720	85
29.550	—	30.250	—	—	—	427	60	—	—	—	—	—	—	188.134	60
31.510	—	45.104	—	49.099	79	8.585	60	—	—	—	—	—	—	1.027.855	45
—	—	3.450	—	2.218	—	5.511	75	—	—	—	—	—	—	322.531	9
16.880	25	2.000	—	50	—	105	—	—	—	—	—	—	—	32.227	75
16.880	25	5.450	—	2.268	—	5.616	75	—	—	—	—	—	—	354.758	84
5.142	85	—	—	747	89	28	—	24.300	—	—	—	—	—	208.732	70
11.092	49	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11.299	49
16.245	34	—	—	747	89	28	—	24.300	—	—	—	—	—	220.032	19
5.000	—	16.930	—	2.772	62	1.501	29	67.796	70	—	—	—	—	436.745	40
1.460	—	26.580	72	—	—	746	15	26.104	—	—	—	—	—	155.559	97
6.460	—	43.510	72	2.772	62	2.247	44	93.900	70	—	—	—	—	582.305	37
31.420	—	10.605	—	5.179	92	—	—	—	—	1.411	15	—	—	471.148	27
11.350	—	17.300	—	12	—	445	78	—	—	—	—	—	—	146.801	50
45.770	—	27.905	—	5.191	92	445	78	—	—	1.411	15	—	—	617.949	77
200	—	23.918	75	13.226	55	3.451	75	—	—	4320	30	—	—	472.587	2
9.766	—	14.678	28	1.228	—	500	—	—	—	602	50	—	—	139.001	35
9.966	—	38.597	3	14.454	55	3.951	75	—	—	4922	80	—	—	609.588	37

Въ учебныхъ округахъ.	Число лицъ.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ сбора платы за содержание своихъ и разныхъ расходовъ воспитанниковъ.		Изъ сбора за учение.		Обязательныхъ взносовъ отъ почетныхъ попечителей и благодѣтелей.		Изъ суммъ дворянства.	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Виленскомъ:</i>											
Гимназій.	8	217.515	30	—	—	79.764	25	—	—	—	—
Прогимназій.	5	85.475	33	—	—	17.328	50	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	13	302.990	63	—	—	97.092	75	—	—	—	—
<i>Варшавскомъ:</i>											
Гимназій.	18	515.004	38	—	—	7.254 ¹⁾	—	—	—	—	—
Прогимназій.	8	107.036	62	—	—	—	—	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	26	622.041	—	—	—	7.254	—	—	—	—	—
<i>Дерптскомъ:</i>											
Гимназій .	13	151.016	8	—	—	90.478	64	—	—	37.258	—
<i>Западной Сибири:</i>											
Гимназій.	2	61.699	12	5.073	80	4.542	—	—	—	—	—
<i>Восточной Сибири:</i>											
Гимназій.	2	62.932	85	2.873	40	5.208	80	—	—	—	—
Прогимназій.	2	40.131	40	—	—	1.669	49	—	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	4	103.064	25	2.873	40	6.878	29	—	—	—	—
Итого: гимназій											
Прогимназій.	59	760.949	66	9.400	—	111.170	76	1.000	—	—	—
И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ .	184	3.892.371	43	504.028	46	800.733	88	12.300	—	85.814	6

¹⁾ Сверхъ того внесены въ государственный доходъ изъ суммъ сбора платы за 12.539 руб.—всего 108.475 руб.

Отъ городскихъ об- ществъ.		Отъ земствъ.		Изъ % съ пожертво- ванныхъ капиталовъ.		Отъ единовременныхъ пожертвованій.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Изъ свѣчнаго и коро- бочнаго съ евреевъ сбора.		Изъ разныхъ источни- ковъ.		В СЕГО:	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1.340	—	—	—	19.725	73	—	—	—	—	5.738	69	3.116	65	327.190	62
350	—	—	—	192	91	—	—	—	—	2.746	55	4.745	52	110.838	81
1.690	—	—	—	19.918	64	—	—	—	—	8.485	21	7.852	17	438.029	43
—	—	—	—	2.268	20	—	—	—	—	—	—	—	—	524.526	58
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107.036	62
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	631.563	20
31.748	20	—	—	—	—	2.787	53	—	—	—	—	236	—	313.524	45
—	—	—	—	2.205	38	102	50	—	—	—	—	—	—	73.622	80
—	—	—	—	865	34	413	—	—	—	—	—	—	—	72.293	39
—	—	—	—	57	50	519	35	—	—	—	—	—	—	42.377	74
—	—	—	—	922	81	932	35	—	—	—	—	—	—	114.671	13
90.948	19	71.282	—	114.122	13	22.624	62	92.096	70	11.470	14	3.342	65	4.818.614	45
81.791	74	90.808	—	1.599	50	2.743	29	26.104	—	3.349	5	4.745	52	1.093.981	52
172.739	93	162.090	—	115.721	63	25.867	91	118.200	70	14.819	19	8.088	17	5.912.595	97

въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа 95.936 рублей и въ прогимназіяхъ

Гимназіи и прогимназіи.

Къ 1-му января 1876 г. въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находилось гимназій: 125, шестиклассныхъ прогимназій 15 и четырехклассныхъ 44,—всего 184. По учебнымъ округамъ онѣ были распределены слѣдующимъ образомъ: въ *С.-Петербургскомъ округѣ* 15 гимназій, 3 шестиклассныя и 4 четырехклассныя прогимназіи: въ *С.-Петербургѣ* 8 гимназій (въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ институтѣ и гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества) и 6 прогимназій, изъ коихъ 3 шестиклассныя; въ *Кронштадтѣ*, *Царскомъ Селѣ*, *Искровѣ*, *Новгородѣ*, *Вологдѣ*, *Петрозаводскѣ* и *Архангельскѣ* по 1-й гимназіи и въ *Нарвѣ* 1 прогимназія; въ *Московскомъ округѣ* 20 гимназій и 12 четырехклассныхъ прогимназій: въ *Москвѣ* 7 гимназій (въ томъ числѣ общіе гимназическіе классы Лазаревского института восточныхъ языковъ) и 2 прогимназіи; въ *Нижегородѣ* 1 гимназія и 1 институтъ (Александровскій); въ *Язани* 1 гимназія и 1 прогимназія; въ *Твери*, *Ярославлѣ*, *Костромѣ*, *Владимирѣ*, *Калугѣ*, *Вязьмѣ*, *Смоленскѣ*, *Тулѣ*, *Орлѣ* и *Елецѣ* по одной гимназіи и въ *Серпуховѣ*, *Коломнѣ*, *Касимовѣ*, *Егорьевскѣ*, *Ржевѣ*, *Рославлѣ*, *Вѣльскѣ*, *Шуѣ* и *Рыбинскѣ* по одной прогимназіи; въ *Казанскомъ округѣ* 8 гимназій и 2 прогимназіи: въ *Казани* 3 гимназіи; въ *Симбирскѣ*, *Самарѣ*, *Саратовѣ*, *Астраханн* и *Вяткѣ* по одной гимназіи; въ *Волыскѣ* и *Царицынѣ* по одной прогимназіи; въ *Оренбургскомъ округѣ* 6 гимназій и 1 прогимназія: въ *Оренбургѣ*, *Перми*, *Уфѣ*, *Екатеринбургѣ*, *Уральскѣ* и *Троицкѣ* по одной гимназіи, а въ *Мензелинскѣ* 1 прогимназія; въ *Харьковскомъ округѣ* 11 гимназій, 3 шестиклассныя и 6 четырехклассныхъ прогимназій: въ *Харьковѣ* 3 гимназіи и 1 (четырехклассная) прогимназія, въ *Целяѣ* 1 гимназія и 1 (шестиклассная) прогимназія, въ *Ворожежѣ* 1 гимназія и 1 (четырехклассная) прогимназія; въ *Вѣлгородѣ*, *Сумахѣ*, *Новочеркасскѣ*, *Усть-Медвѣдицкѣ*, *Тамбовѣ* и *Курскѣ* по 1-й гимназіи; въ *Корочѣ* и *Елатьмѣ* по 1 шестиклассной прогимназіи; въ *Старобѣльскѣ*, *Нижечирскѣ*, *Каменской* и *Ахтыркѣ* по 1-й четырехклассной прогимназіи; въ *Одесскомъ округѣ* 11 гимназій, 2 шестиклассныя и 5 четырехклассныхъ прогимназій: въ *Одесѣ* 3 гимназіи и 2 (четырехклассныя) прогимназіи, въ *Херсонѣ* 1 гимназія и 1 (шестиклассная) прогимназія, въ *Киньиполѣ* 1 гим-

назія и 1 (четыреклассная) прогимназія; въ Николаевѣ, Екатерино-
славѣ, Таганрогѣ, Бердянскѣ, Керчи и Симферополѣ по 1 гимназіи,
въ Апанъевѣ 1 шестиклассная и въ Феодосіи и Павлоградѣ по 1-й
четыреклассной прогимназіи; въ *Кіевскомъ округѣ* 11 гимназій (не
считая коллегіи Павла Галагана), 3 шестиклассныя и 3 четырех-
классныя прогимназіи; въ Кіевѣ 3 гимназіи и 1 (шестиклассная) про-
гимназія; въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Немировѣ, Полтавѣ,
Лубнахъ, Черниговѣ, Пѣжинѣ и Новгородѣ-Вѣвскѣ по 1-й гимназіи;
въ Острогѣ и Глуховѣ по 1-й шестиклассной прогимназіи, въ Суражѣ,
Прилукахъ и Златополѣ по 1-й четырехклассной прогимназіи; въ *Ви-
ленскомъ округѣ* 8 гимназій, 2 шестиклассныя и 3 четырехклассныя
прогимназіи; въ Вильнѣ 1 гимназія и 1 шестиклассная прогимназія,
въ Ковнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ и Ша-
ляхъ по 1 гимназіи, въ Мозырѣ 1 6-классная прогимназія, въ Го-
мелѣ, Бобруйскѣ и Брестъ-Литовскѣ по 1-й 4-классной прогимназіи;
въ *Варшавскомъ округѣ* 18 гимназій и 8 4-классныхъ прогимназій:
въ Варшавѣ 6 гимназій и 2 прогимназіи и по одной гимназіи въ Ка-
лишѣ, Петроковѣ, Радомѣ, Кѣльцахъ, Люблинѣ, Холмѣ, Сѣдлецѣ,
Влодѣ, Ломжѣ, Сувалкахъ, Маріамполѣ и Плоцѣ, въ Ченстоховѣ же,
Грубешовѣ, Замостья, Пултускѣ, Сандомирѣ и Пипчовѣ по 1-й про-
гимназіи; въ *Дерптскомъ округѣ* 13 гимназій: въ Ригѣ 3, въ Ревелѣ
3 (въ томъ числѣ Рыцарское Домское училище) и по одной гимназіи
въ Митавѣ, Дерптѣ, Феллинѣ, Аренсбургѣ, Черновѣ, Либавѣ и Голь-
дингенѣ; въ *Западной Сибири* 2 гимназіи, по одной въ Тобольскѣ и
Томскѣ; въ *Восточной Сибири* 2 гимназіи (по одной въ Иркутскѣ
и Красноярскѣ) и 2 шестиклассныя прогимназіи (въ Якутскѣ и Ни-
колаевскѣ на Амурѣ).

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и учащихся въ нихъ въ 1875 г.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.								Учащихся въ нихъ.					
	Къ 1-му янва- ря 1875 г.				Къ 1-му янва- ря 1876 г.				Состояло на лицо.				Было въ теченіи 1875 года.	
	Гимназій.	Прогимназій.	при нихъ.		Гимназій.	Прогимназій.	при нихъ.		Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.	противъ 1874 г.		До окончанія курса.	по окон- чаніи курса.
			Преподвѣ- дѣльскіхъ клас- совъ.	Параллельныхъ классовъ.			Преподвѣ- дѣльскіхъ клас- совъ.	Параллельныхъ классовъ.			Болье.	Менѣе.		
С.-Петербургскій.	15 ¹⁾	6 ²⁾	21	20	15 ¹⁾	7 ²⁾	22	20	4620	5063	373	—	904	121
Московскій.	20	11	31	45	20 ¹⁾	12 ²⁾	32	47	6937	7360	423	—	1221	162
Казанскій.	14	2	16	32	8 ¹⁾	2 ²⁾	10	18	4381	2995	—	1386 ¹⁾	429	84
Оренбургскій.	—	—	—	—	6	1	7	8	—	1598	1598	—	251	24
Харьковскій.	11	9 ²⁾	19	17	11 ¹⁾	9 ²⁾	19	20	4480	4910	430	—	657	139
Одесскій.	11	6 ²⁾	17	19	11 ¹⁾	7 ²⁾	18	18	4100	4344	244	—	769	121
Кіевскій.	11	6 ²⁾	17	43	11 ¹⁾	6 ²⁾	17	44	5277	5558	291	—	999	159
Виленьскій.	8	5 ²⁾	13	27	8 ¹⁾	5 ²⁾	14	26	3935	4023	88	—	806	85
Варшавскій.	18	8 ²⁾	26	32	18 ¹⁾	8 ²⁾	26	43	6563	7196	633	—	1389	100
Дерптскій.	12	—	2	18	13 ¹⁾	—	4	22	3193	3454	261	—	541	134
Западной Сибири.	2	— ¹⁰⁾	2	2	2	— ¹⁰⁾	2	2	503	510	7	—	77	22
Восточной Сибири.	2	2 ¹⁰⁾	4	2	2	2 ¹⁰⁾	4	3	579	628	49	—	103	15
Итого.	124	55	168	257	125	59	175	271	44698	47639	2041	1386	8146	1166

¹⁾ Въ томъ числѣ гимназія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ.

²⁾ Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

*) Въ томъ числѣ институты: Лазаревскій, Восточныхъ языковъ и Нижегородскій-Александровскій.

*) Уменьшеніе произошло вслѣдствіе отчисленія отъ Казанскаго округа 6-ти гимназій: Пермской, Екатеринбургской, Уфимской, Оренбургской, Троицкой и Уральской и одной прогимназіи Мензелинской, которыя вошли въ составъ вновь открытаго Оренбургскаго учебнаго округа; въ оставшихся же и нынѣ въ составъ Казанскаго учебнаго округа гимназійхъ и прогимназіяхъ учащихся было къ 1-му января 1875 г.—2866.

*) Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

*) Въ томъ числѣ 2 шестиклассныя.

*) Въ томъ числѣ 3 шестиклассныя.

*) Въ томъ числѣ 2 шестиклассныя.

*) Въ томъ числѣ Гыцарское Дюкское училище въ Ревелѣ.

*) Обѣ прогимназіи, Ляутонная и Никольовская, въ Приморской области шес-
тиклассныя.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о распредѣленіи учениковъ, состоявшихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1876 года, по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Общее число учащихся къ 1-му января 1876 г.	Въ томъ числѣ находилось:										
		По вѣроисповѣданіямъ.						По сословіямъ.				
		Православ- наго.	Римско-ка- толическаго.	Лютеран- скаго.	Еврейскаго.	Магометав.	Проч. испов.	Дворянъ и чиновниковъ	Духовнаго званія.	Городскихъ сословіи.	Сельскихъ сословіи.	Иностранц.
С.-Петербургскомъ.	5063	427	264	341	170	6	10	2984	257	1498	207	117
Московскомъ.	7360	6636	188	198	150	6	182	3946	439	2555	347	73
Казанскомъ.	2995	2707	71	132	30	6	49	1437	219	1008	299	32
Оренбургскомъ.	1598	1324	31	28	24	52	139	709	100	628	158	3
Харьковскомъ.	4910	4528	103	119	146	3	11	2702	344	1270	537	57
Одесскомъ.	4344	2370	230	86	1549	2	107	1661	143	2258	158	124
Кіевскомъ.	5558	3820	1050	100	582	2	4	3280	520	1373	295	90
Віленскомъ.	4023	1318	1640	164	859	31	11	2320	169	1274	224	36
Варшавскомъ.	7196	863	5100	337	874	10	12	3932	206	2276	748	34
Дерптскомъ.	3454	439	331	2450	216	—	18	1412	229	1448	291	74
Западной Сибири.	510	437	36	1	36	—	—	244	32	213	21	—
Восточной Сибири.	628	570	11	5	38	4	—	266	31	250	49	32
Итого	47639	29284	9055	3961	4674	122	543	24893	2689	16051	3334	672

¹⁾ Въ томъ числѣ 22 старообрядца въ Ржевской прогимназіи и 144 армяно-григоріанскаго исповѣданія въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

²⁾ Въ томъ числѣ 31 армяно-григоріанскаго исповѣданія (въ Астраханской гимназіи).

³⁾ Изъ нихъ 134 старообрядца въ Уральской войсковой гимназіи.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ пансіоновъ и общихъ ученическихъ квартиръ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1876 г.

Въ учебныхъ округахъ.	Пансіоновъ.		Общихъ ученич. квартиръ.				В С Е Г О .	
	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Казенныхъ.		Частныхъ.		Число заведеній.	Число воспитанниковъ.
			Число заведеній.	Число воспитанниковъ.	Число заведеній.	Число воспитанниковъ.		
С.-Петербургскомъ.	8	753	—	—	2	31	10	784
Московскомъ .	11	865	—	—	5 ¹⁾	45 ²⁾	16	910 ³⁾
Казанскомъ .	3	175 ⁴⁾	—	—	2	17	5	192 ⁵⁾
Оренбургскомъ .	3	151	—	—	—	—	3	151
Харьковскомъ .	5	323	1	12	4	95	10	430
Одесскомъ .	5	194	—	—	58 ⁴⁾	290	63	484
Кіевскомъ .	2 ⁶⁾	139 ⁴⁾	1	169	349	(приб.) 1466	352	(прибл.) 1774
Виленьскомъ .	—	—	5	232	78	761	83	993
Варшавскомъ .	—	—	—	—	422	2024 ⁴⁾	422	2024
Дерптскомъ .	—	—	—	—	не показано.		—	—
Западной Сибири .	2	71	—	—	—	—	—	71
Восточной Сибири.	1	72	—	—	—	—	1	72
Итого .	40	2743	7	413	920	4729	967	7885

¹⁾ Не считалъ малыхъ общихъ ученическихъ квартиръ при Орловской гимназіи, въ коихъ состояло всего 43 ученика, сверхъ 18, жившихъ у преподавателей и помощниковъ классныхъ наставниковъ.

²⁾ Число учениковъ, жившихъ на общей ученической квартирѣ при Тверской гимназіи въ отчетъ г. попечителя учебнаго округа не показано.

³⁾ Не считалъ 23 полупансіонеровъ.

⁴⁾ Всѣ малыя съ числомъ учениковъ отъ 3 до 6-ти на каждой, и въ самыхъ большихъ изъ нихъ помѣщается не болѣе 10 учениковъ.

⁵⁾ Не считалъ коллегіи Павла Галагана.

⁶⁾ Въ томъ числѣ 68 въ благотворительныхъ пріютахъ, и сверхъ того 288 у частныхъ преподавателей.

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учащихся въ нихъ
и окончившихъ курсъ въ 1875 году.

ПО ОКРУГАМЪ.	Состояло учебныхъ заведеній.							Число учащихся.		Выбыло въ 1875 году.			
	Уѣздныхъ училищъ.			Уѣздныхъ училищъ.			Городскихъ училищъ.			Къ 1-му января 1875 года.	Къ 1-му января 1876 года.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
	Къ 1 янв. 1875 г.		При нихъ.	Къ 1 янв. 1876 г.		При нихъ.	Къ 1 янв. 1876 г.						
	Докончившие курсъ.	Ремесленные классы.		Докончившие курсъ.	Ремесленные классы.		Докончившие курсъ.	Ремесленные классы.					
С.-Петербургскому.	44	4	4	31	3	2	14	2850	3345	455	260		
Московскому	106	5	1	95	6	1	16	8019	9133	1532	1006		
Казанскому.	50	2	4	50	2	4	—	4466	4480	1050	634		
Харьковскому.	56	1	—	51	1	—	2	4391	4429	928	479		
Кіевскому.	32	—	—	32	—	—	—	2052	2117	318	229		
Одесскому	32	5	15	31	6	13	1	3042	3123	706	830		
Виленскому.	40	—	—	40	—	—	—	2487	2730	452	443		
Оренбургскому	16	—	4	11	1	5	2	1229	1270	301	156		
Дерптскому.	16	4	—	15	4	—	1	1935	2075	704	205		
Варшавскому	1	—	—	1	—	—	—	116	207	19	4		
Западной Сибири	13	1	—	13	1	—	—	891	860	199	71		
Восточной Сибири.	9	—	—	9	—	—	—	780	760	168	78		
Итого	415	22	28	382	24	25	36	32258	34529	5932	3896		

ВѢДОМОСТЬ

ОБЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И ШКОЛАХЪ ЗА 1875
ГОДЪ.

В Ѣ Д

о б ѣ у ч и т е л ь с к и х ъ с е м и н а р і

по учебнымъ округамъ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся.	
	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января
<i>С.-Петербургскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	3	5	145	22
Земскихъ учительскихъ школъ:				
а) для приготовленія учителей .	2	2	136	9
б) для приготовленія учительницъ .	1	1	48	5
<i>Московскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	4	6	222	33
Земскихъ учительскихъ школъ:				
а) для приготовленія учителей .	2	1	183	10
б) для приготовленія учительницъ .	2	2	148	15
Школа для приготовленія учительницъ на средства братства св. Гавриила-постольной Маріи .	1	1	56	
<i>Харьковскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	3	4	137	18
Екатеринопольскій учительскій институтъ въ Тамбовѣ .	1	1	114	11
Земская учительская школа .	1	1	76	10

¹⁾ Слѣдствіи объ окончившихъ курсъ относятся къ одной Костромской земс. достыдено.

²⁾ Цѣля эта представляетъ содержаніе земской школы для приготовленія уч-и Твери слѣдствіи не достыдено.

³⁾ Въ этомъ числѣ не включено число учащихся въ Воронежской учительской семинаріи.

ДОСТЪ

школахъ за 1875 годъ.

Число вы- данныхъ въ 1875 г.		ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.									
До основанія курса.	По оконча- ніи курса.	Изъ суммъ государ- ственнаго казначейств.		Отъ земства.		Отъ горюх- селъ въ сельскихъ обществахъ.		Изъ пожер- твованій и другихъ по- сужденій.		ВСЕГО.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
14	22	65309	—	14391	66	—	—	5379	18	85079	84
21	34	1000	—	41644	69	—	—	460	—	43104	69
13	20										
13	55	90007	—	8583	32	—	—	5453	74	104044	6
21	16	—	—	19158	39 1/4	—	—	180	—	19338	39 1/4
15	12 1/2	—	—	9490 3/4	—	—	—	—	—	9490	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	28	50094	—	31558	75	995	95	562	50	83209	20
с в ѣ д ѣ н і и				н о д о с т а в л е н о				—			
1	—	—	—	17887	83	—	—	—	—	17887	83

для приготовленія учительницъ, а изъ Московской и Тверской этихъ свѣданій
въ Костромѣ; о содержаніи же школъ для приготовленія учительницъ въ Москвѣ
притой только 31-го декабря 1875 года.

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся	
	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января 1876 г.	Къ 1 января 1876 г.
<i>Каванскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	3	4	260	262
Земскихъ учительскихъ школъ:				
а) для приготоуленія учителей .	1	1	95	149
б) для приготоуленія учительницъ .	2	2	266	306
<i>Виленьскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	3	4	207	231
<i>Кіевскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	1	2	198	243
Учительская земская школа .	1	1		
<i>Одесскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	3	4	231	243
Татарская учительская школа въ Симферополѣ .	1	1	32	38
<i>Оренбургскому.</i>				
Татарская учительская школа въ Уфѣ .	1	1	31	42
<i>Дерптскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	2	3	144	143
<i>Варшавскому.</i>				
Учительскихъ семинарій .	9	9	561	646
<i>Западной Сибири.</i>				
Омская учительская семинарія .	1	1	41	42

Число вы- шедшихъ въ 1876 г.		ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.									
до оконча- нія курса.	До оконча- нія курса.	Изъ суммъ государ- ственнаго казначейств.		Отъ земства.		Отъ город- скихъ и сель- скихъ об- ществъ.		Изъ пожер- тованій и другихъ по- судбъ.		В С Е Г О .	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
29	54	85518	30	6809	—	346	—	130	—	92803	30
80	21	—	—	58729	46	—	—	896	27	59625	73
45	63	79551	94	—	—	4296	32	8769 Въ томъ числѣ изъ суммъ окр. 6379	10 60	92617	36
16	42	29508	—	— 6570	—	—	—	—	—	29508 6570	—
17	34	61123	—	—	—	—	—	2000	—	63123	—
3	—	13520	—	1820	—	—	—	—	—	15340	—
—	—	18392	40	—	—	—	—	347	—	13739	40
13	32	28622	20	—	—	—	—	400	—	29022	20
78	116	174042	43	—	—	—	—	—	—	174042	43
—	16	16698	—	—	—	886	23 1/2	—	—	17584	23 1/2

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число учебныхъ заведеній.		Число учащихся	
	къ 1 января 1875 г.	къ 1 января 1876 г.	къ 1 января 1875 г.	къ 1 января 1876 г.
<i>Восточной Сибири.</i>				
Учительскихъ семинарій	2	2	63	91
Вообще	50	58	3384	3851
Учительскихъ семинарій	34	43	2011	2399
Земскихъ учительскихъ школъ: мужскихъ	7	6	490	453
женскихъ	5	5	452	506
Тамбовскій Екатеринбургскій учительскій институтъ	1	1	114	114
Школа для приготовленія учительницъ на счетъ братства св. равноапостольной Маріи въ Москвѣ	1	1	56	56
Татарскихъ учительскихъ школъ	2	2	63	80

Примѣчаніе. Показанныя въ этой ведомости учительскія семинаріи и школы пахо Гатчинѣ, Псковѣ, Череповцѣ, Тотьмѣ и Вытегрѣ; земскія учительскія школы: въ С.-Пetersburgскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ с. Полянскомъ Подольскаго уѣзда, въ с. Алесѣ въ г. Корочевѣ; земскія учительскія школы: въ гг. Рязани, Твери, Вострогѣ (женскія); Харьковскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ гг. Пензѣ, Воронежѣ, Валгородѣ, Водѣ; въ Курскѣ: въ Казанскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ г. Казани, въ с. Порацкѣ (Казани (женская) и Самарѣ (женская); въ Виленскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ Попеляжѣ; въ Киевскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ г. Острогѣ, въ м. Коростынѣ; въ учебномъ округѣ: семинаріи: въ м. Вафринѣ Аккерманскаго уѣзда, въ г. Херсонѣ, въ учительская школа въ с. Симеорополѣ; въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ: татарскія: Дерптѣ; въ Варшавскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ г. Варшавѣ, въ п. Слоницѣ, въ с. Вышеславѣ Липионскаго уѣзда, въ с. Вейсерахѣ Мѣриампольскаго уѣзда;

ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.											
Курса.	По оконча- ніи курса.	Изъ суммъ государ- ственнаго казначействъ.		Отъ земствъ.		Отъ город- скихъ и сель- скихъ об- ществъ.		Изъ пожер- твованій и другихъ ис- точниковъ.		В С Е Р О.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	10	51130	—	—	—	6127	86	200	—	57457	86
2	574	759516	27	216641	10 ¹ / ₄	12652	36 ¹ / ₂	24777	79	1013587	52 ¹ / ₄
	429										
	50										
	32										
3											

въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ: семинаріи: въ гг. рѣ, состоящая изъ мужскаго и женскаго отдѣленій и въ Новгородѣ; въ Москов-
 ского уѣзда, въ г. Торжкѣ, въ с. Новомъ, Молодоского уѣзда, въ г. Владимірѣ,
 сѣвѣ (женская), содержащая на средства братства св. Равноапостольной Маріи; въ
 Императорскій учительскій институтъ — въ Тамбовѣ и земская учительская школа —
 мрскаго уѣзда, въ гг. Самарѣ и Волыскѣ; земскія учительскія школы: въ гг. Вяткѣ,
 Песчанѣ Слуцкого уѣзда, въ м. Молодечнѣ Вилейскаго уѣзда, и въ гг. Полоцкѣ и
 ѣдомельскаго уѣзда и земская учительская школа въ г. Черниговѣ; въ Одесскомъ
 вонѣ-Бугѣ, Хоронскаго уѣзда, въ с. Переславлѣ Бердянскаго уѣзда и татарская
 зыкая школа въ г. Уфѣ; въ Дерптскомъ учебномъ округѣ: семинарія: въ Ригѣ и
 Бѣлѣ, въ г. Ходялѣ, въ п. Солецѣ Илженскаго уѣзда, въ г. Ленчицѣ, въ г. Ан-
 ладной Сибири въ г. Омскѣ; въ Восточной Сибири: въ гг. Иркутскѣ и Красноярскѣ.

В Ъ Д

О ЧИСЛѢ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ

ПО УЧЕБНЫМЪ ОКРУГАМЪ.	Число училищъ.				Общее число началь- ныхъ учи- лищъ.	Ч и с л			
	Двуклас- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.			Въ двуклассныхъ учи- лищахъ.			
	Городскихъ.	Сельскихъ.	Городскихъ.	Сельскихъ.		Городскихъ.		Сельскихъ.	
						Муж. пола.	Жен. пола.	Муж. пола.	Ж. по
С.-Петербургскому.	19	43	104	1574	1740 ¹⁾	923	432	2307	4
Московскому .	34	62	504	4013	4613 ²⁾	1697	487	6556	8
Харьковскому .	8 ³⁾	27	150	2132	2317	2854	—	—	4
Казанскому .		22	226	2123	2371 ⁴⁾	—	—	2047	3
Вильенскому .	23	4	137	3160	3324 ⁵⁾	909	422	382	
Кіевскому .	66	20	191	2355	2632 ⁶⁾	3363	1562	1838	3
Одесскому .	56		1508		1564 ⁷⁾	4400	—	—	14
Оренбургскому	4	20	40 ⁸⁾	588 ⁹⁾	652 ¹⁰⁾	1936	—	—	3
Дерптскому .	16 ¹¹⁾	—	92	493	601 ¹²⁾	1591	349	—	—
Варшавскому .	41	10	245	2975	3271 ¹³⁾	3968	—	—	14
Западной Сибири .	—	—	46	390	436 ¹⁴⁾	—	—	—	—
Восточной Сибири.	2	—	28	385	415	156	—	—	—
Итого.	213	208	1763	20188	23936	8639	3252	13130	210
	56		1508			13158	—	—	361

¹⁾ Въ томъ числѣ 272 церковно-приходскія школы. ²⁾ Въ томъ числѣ 34 нис школы грамотности, 6 воскресныхъ классовъ техническаго черченія и 2 ремеслен классовъ. ³⁾ Въ томъ числѣ 3 воскресныя школы и 25 церковно-приходскихъ школъ, равныхъ исповѣданій. ⁴⁾ Въ томъ числѣ 2 сельскихъ воскресныхъ школы, 1141 цер числѣ 21 татарская школа, 3 караимскія и 4 при церквяхъ иностранныхъ исповѣд 7 школъ Святотроицкаго Златоустовскаго братства. ⁵⁾ Здѣсь не показаны двукл области за недостаткомъ свѣдѣній. ⁶⁾ Въ томъ числѣ 5 училищъ трехклассны при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій. ⁷⁾ Въ томъ числѣ 461 панторатъ. ⁸⁾ ства, киргизская школа въ г. Омскѣ и 17 татарскихъ магометанскихъ училищъ,

Л О С Т Ъ.

бующихся въ нихъ къ 1-му января 1876 года.

ч а щ и х с я.				Общее число учащихся.		Въ теченіи 1875 г. было.	
Въ одноклассныхъ училищахъ.							
Городскихъ.		Сельскихъ.					
Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Мужеск. пола.	Женск. пола.	До оконч. курса.	По оконч. курса.
4835	1914	43471	8244	51806	11043	7849	3532
173135	—	—	32642	181388	34024	24320	10488
108345	—	—	16998	111199	17415	18562	6248
9625	5125	71596	10163	83268	15650	16140	7033
3320	1847	70280	3841	74891	6130	14428	3748
69524	—	—	6173	74725	8107	5918	1845
53460	—	—	9708	57860	11197	7011	3822
22790	—	—	5380	24726	5732	6716	1846
10735	—	—	7888	12336	8237	1970	1212
93165	—	—	48118	97133	49556	26137	9093
8936	—	—	1538	8936	1538	1145	243
912	49	6139	1356	7207	1405	675	302
13130	2102	191756	23604	785465	170034	130871	49412
3696 женскаго пола		128445 женскаго пола					

ія школы (5 мордовскихъ и 29 татарскихъ), 222 церковно-приходскія школы, 138 лш. *) Одно изъ нихъ, именно, училище Дашкенича въ Краснокутскѣ имѣетъ три томъ числа 523 отдѣленія начальныхъ училищъ и 12 школъ при церквяхъ иностранно-приходская школа и 5 школъ при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій. *) Въ томъ въ томъ числѣ 4 участковыя женскія школы въ Оренбургѣ. *) Въ томъ числѣ и въ одноклассныя училища въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской и Уральской Изъ этого числа училищъ 370 находятся въ православныхъ селеніяхъ и 2 училища въ числѣ 5 церковно-приходскихъ школъ, 2 окружныхъ училища казачьяго вѣдомства при мѣстечкахъ.

В Ѣ Д С

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СОДЕРЖАНІЯ

Наименованіе источниковъ содержанія.	Расходы начальныхъ							
	С--Петербургскому.				Московскому.			
	Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Изъ суммъ государственнаго казначейства	44817	53	7081 р. ¹⁾ 35176	4	122088	р. 13	к.	
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и управленій.	4328	58	327 р. ¹⁾ 40503	90	245118	р. 42	к.	
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечительствъ.	5643	—	8202 р. 24 к. ¹⁾ 66970	27	215331	р. 84	к.	
4. Отъ земства.	4896	—	150 р. ²⁾ 205501	22	590595	р. 9	к.	
5. Изъ суммъ сбора за ученіе.	322	50	5029	9	7299	р.		
6. Обязательныхъ взносовъ почетныхъ смотрителей и блюстителей и пожертвованій отъ частныхъ лицъ.	1497	—	187 р. 72 к. ¹⁾ 8431	97	144418	р. 61	к.	
7. Изъ войсковыхъ суммъ.	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Изъ специальныхъ средствъ.	40	—	357	9	—	—	—	—
9. Отъ разныхъ вѣдомствъ	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Свячаго и коробочнаго сбора съ евреевъ	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Изъ разныхъ другихъ источниковъ	—	—	655	50	8600	—	—	—
Итого.	61544	61	15947 р. 96 к. 362025	8	1333451	р. 9	к.	

¹⁾ Сумма эта показана отдельно, въ видѣ временныхъ источниковъ для городскихъ.

²⁾ Сумма эта показана отдельно, какъ временный источникъ для сельскихъ у.

МОСТЪ

альныхъ училищъ въ 1875 году.

училищъ по учебнымъ округамъ.

Харьковскому.				Казанскому.				Волоцкому.				Кіевскому.			
Двухкласс- ныхъ.		Однокласс- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Однокласс- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Однокласс- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Однокласс- ныхъ.	
РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	В.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
19967	17	27442	2	11677	50	48029	20	8686	10	160779	69	158352	18	48910	36
10000	80	203581	7	—	—	119827	77	8013	50	6633	10	9899	68	29275	67
				4959	98	140841	77	1076	—	195913	10	1937	—	91567	98
1125	—	258692	14	15462	25	440974	57	—	—	—	—	2165	—	103667	67
127	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8853	93	—	—
2287	р. 74 к.	43699	8	—	—	26756	37	295	—	3378	34	7468	91	18099	42
1335	—														
75749	р. 52 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	173	60	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32955	58
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1340	6	—	—
1250	—	473	—	—	—	—	—	1618	85	11521 въ томъ числѣ нѣ суммъ округа	78 6376	822	70	3069	11
78037	р. 26 к.														
33904	97	633837	31	32099	73	776803	29	19689	45	378225	99	190837	43	327565	79

и сельскихъ училищъ Оловенцкой губерніи.
лишь Оловенцкой губерніи.

Наименованіе источниковъ содержанія.	Расходы начальныхъ							
	Одесскому.				Оренбургскому.			
	Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.		Двухкласс- ныхъ.		Одноклас- ныхъ.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
1. Изъ суммъ государственнаго казначей- ства.	11201	50	12201	—	10422	—	6461	15
2. Отъ городскихъ думъ, ратушъ и упра- вленій.	26000	—	129352	65	2040	—	15241	47
3. Отъ сельскихъ обществъ и попечи- тельствъ.	11257	65	181433	—	—	—	85173	24
4. Отъ земства	7716	—	254551	—	4583	—	178571	20
5. Изъ суммъ сбора за ученіе .	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Обязательныхъ взносовъ почетныхъ смотрителей и блюстителей и по- жертвованій отъ частныхъ лицъ. .	2945	—	10462	—	340	—	22140	77
7. Изъ войсковыхъ суммъ .	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Изъ специальныхъ средствъ.	1409	50	2098	—	—	—	265	—
9. Отъ разныхъ вѣдомствъ.	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Свячнаго и коробочнаго сбора съ енреевъ.	706	—	300	40	—	—	—	—
11. Изъ разныхъ другихъ источниковъ	—	—	—	—	—	—	—	—
И т о г о	61235	65	590398	5	17385	—	257852	83

училищъ по учебнымъ округамъ.

Дерптскому.				Варшавскому.				Западной Сибири.				Восточной Сибири.				Вообще по вѣмъ округамъ.					
Двух-класс-ныхъ.		Одно-класс-ныхъ.		Двух-класс-ныхъ.		Одно-класс-ныхъ.		Двух-класс-ныхъ.		Одно-класс-ныхъ.		Двух-класс-ныхъ.		Одно-класс-ныхъ.		Двухкласс-ныхъ.		Одно-класс-ныхъ.			
Р.	К.	Р.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Р.	К.	Руб.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.		
12164 р. 69½ к.				13056	81	98649	52	7587		14690 р.		156023 р. 82½ к.				278180	79	445235	98½		
15065 р. 3½ к.				3998	93	35280	54	20204		92	13683 р. 13½ к.				304193 р. 59½ к.		54280	67	396320	2	
—				12547		8	404070	28	50979		24	49675		72½	10100080		203581	7	223534	р. 8 к.	
900 р.				—		—		—		—		—		—		37420	71	1216624	62		
18297 р. 50 к.				300	322		90	—		—		—		—		591645	р. 9 к.		35947	25	
—				22		50	2963	23	823		69½	1548 р. 45 к.				960343½		535199	148442	р. 52 к.	
—				—		—		—		—		—		—		13901	41	136814	87½		
—				25		50	3187	58	—		—		—		75749		р. 52 к.		1475	—	
—				150		2987		—		—		—		150		35912		58	(1081)	27	
—				—		—		—		—		—		—		2046	6	300	40		
18324 р. 24 к.				—		1372		90	2537		87	—				26924		р. 24 к.		3691	55
—				—		—		—		—		29921 р. 58½ к.				1552109 р. 37 к.		46797	67½		
94751 р. 47 к.				30100	82	548833	95	82228		87½	49675				72	3907896				74	
—				—		—		—		—		—				—				—	

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ казенныхъ и частныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ къ 1 января 1876 года.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Состояло къ 1 января 1876 г.		
	Учебныхъ заведеній.	Число учащихся.	
		Мужского пола.	Женского пола.
Харьковскому:			
Частныхъ еврейскихъ училищъ	3	6	12
Виленьскому:			
<i>Казенныхъ:</i>			
Еврейскій учительскій институтъ	1	35	
При немъ: начальное училище съ приготовительнымъ классомъ	1	108	
Училищъ 1-го разряда	28	2245	
Послѣбѣдственныхъ при нихъ смѣнъ	10		
Двухклассныхъ школъ русской грамотности	5	590	
Смѣнъ при нихъ	2		
Одноклассныхъ школъ русской грамотности	1		
Женскихъ одноклассныхъ смѣнъ при мужскихъ школахъ русской грамотности	4		145
<i>Частныхъ:</i>			
Мужскихъ училищъ и школъ грамотности	24	2708	
Субботная школа для ремесленниковъ	1		
Ешиботовъ	3		
Талмудъ-торы	7		

		Состояло къ 1 января 1876 г.	
ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Учебныхъ заведеній.	Число учащихся.	
		Мужскаго пола.	Женскаго пола.
Женскихъ пансіоновъ и школъ .	18		988
Хедеровъ, содержимыхъ меламади .	1209 ¹⁾	3094	
Кіевскомъ:			
Казенныхъ:			
Житомирскій учительскій институтъ .	1	46	
При немъ: начальное еврейское училище съ приготовительнымъ классомъ .	1	75	
Училищъ 1-го разряда .	34	1369	
Частныхъ еврейскихъ училищъ:			
Мужскихъ и женскихъ 3-го разряда .	13	216	201
Обоего пола 3-го разряда .	2		
Талмудъ-торъ .	87	свидѣній не доставлено.	
Одесскомъ:			
Казенныхъ:			
Училищъ 1-го разряда .	10	793	
Дѣвчье училище въ Одессѣ .	1		239
Частныхъ:			
Мужскихъ: училищъ 2-го разряда .	61	1916	1113
3-го разряда .			
Женскихъ училищъ 2-го разряда .			
3-го разряда .			

¹⁾ Число хедеровъ, содержимыхъ меламади, въ отчетномъ году уменьшилось сравнительно съ 1874 годомъ (на 1013) по случаю закрытія хедеровъ лицами, не имѣвшими права на содержаніе ихъ и при томъ не доставлено свидѣній о числѣ хедеровъ, содержимыхъ меламади въ Витебской губерніи и возстановленныхъ послѣ ихъ закрытія въ 1875 году еще на два года, въ видѣ временной мѣры.

ВЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГАХЪ.	Состояло къ 1 января 1876 г.		
	Учебныхъ заведеній.	Число учащихся.	
		Мужскаго пола.	Женскаго пола.
Ешиботовъ	1	738	
Талмудъ-торъ	4		
Дорптскомъ:			
Казенныхъ:			
Училищъ 1-го разряда	7	447	114
При одномъ изъ нихъ женская смѣна	1		
Городскихъ и частныхъ 1-го и 2-го разряда	4		
Варшавскомъ:			
Казенныхъ:			
Училищъ 3-го разряда	45	2526	1301
Частныхъ:			
Училищъ 3-го разряда	23	296	649
Западной Сибири:			
Частное училище	1	свѣдѣній не доставлено.	
В о о б щ е:			
Казенныхъ:			
Учительскихъ институтовъ	2	81	
При нихъ: начальныхъ училищъ съ пригото- вительными классами	2	183	
Училищъ 1-го разряда со смѣнами при нихъ	79	4407	1686
Училищъ и школъ 2-го и 3-го разрядовъ	69	3116	
Частныхъ:			
Училищъ и школъ 2-го и 3-го разрядовъ	252	8974	447
Ешиботовъ и Талмудъ-торъ			2963
Хедеропъ	1209		

ВѢДОМОСТЬ

О ЧИСЛѢ ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВѢДОМСТВА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И О ЧИСЛѢ
УЧАЩИХСЯ ВЪ НИХЪ, А ТАКЖЕ ОВЪ ИСТОЧНИКАХЪ ИХЪ
СОДЕРЖАНІЯ ВЪ 1875 ГОДУ.

В Ѣ Д С

о числѣ женскихъ учебныхъ заведеній въдомства министерства народныхъ просвѣщенія
и казахъ ихъ содерж:

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заведе- ній.		Число уча- щихся.		Число выходящихъ по окончаніи курса въ 1876 г.	И С Т О			
	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.		Изъ государствен- наго казначейства.	Отъ городскихъ об- ществъ.		
						Руб.	К.	Руб.	К.
<i>Петербургскомъ:</i>									
Гимназій.	6	6	1309	1380	130	12000	—	8126	—
Прогимназій .	12	15	1090	1350	61	13000 ¹⁾	—	9739	61
<i>Московскомъ:</i>									
Гимназій	12	12	2819	2981	133	13880	—	24015	30
Прогимназій	27	27	2749	2756	143	10420	—	26255	1
<i>Харьковскомъ:</i>									
Гимназій	7	8	5303	5755	316	21000	—	42147	62
Прогимназій .	31	32							
<i>Казанскомъ:</i>									
Гимназій.	8 ²⁾	3	2212	1233	66	18000	—	26121	63
Прогимназій	21	13	2640	1840	104				

¹⁾ Одну тысячу министерство передало прогимназій на постройку дома.

²⁾ Въ теченіе отчетнаго года 5 гимназій и 8 прогимназій были отчислены отъ К

МОСТЬ

ого просвѣщенія и о числѣ учащихся въ нихъ, а также объ источ-
ия въ 1875 году.

СННКИ СОДЕРЖАНІЯ.

Отъ заведеній.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборъ за ученіе.		Процентъ по пожертвован- нымъ капиталамъ.		Пожертвованія раз- ныхъ обществъ и лицъ.		Изъ разнхъ источниковъ.		В С Е Г О.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
10435	36	—	—	3138	35	3036	83 1/2	3997	61	5558	48	74536	63 1/2
7750	—	—	—	4327	75	993	15	5032	99 1/2	7602	58 1/2	48446	9
24750	—	—	—	98966	43	3700	50	11098	89	2071	45	173482	57
11683	—	—	—	14137	50	2623	49	5224	18	—	—	70343	61
43687	48	12215	—	80200	45	3984	11	12931	87	580	—	223746	53
24551	50	—	—	33916	44	814	91	7000	89	—	—	110405	37

искаго учебнаго округа къ Оренбургскому округу.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заведе- ній.		Число уча- щихся.		Число выѣзжавшихъ по окончаніи курса.	И С Т О			
	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.		Изъ суммъ государ- ственного казна- чейства.		Отъ городскихъ обществъ.	
<i>Кіевскомъ:</i>						Руб.	К.	Руб.	К.
Гимназій	3	3	882	950	59	18000	—	1400	—
Прогимназій	11	13	936	1241	83	22100	—	12470	—
Кіевское училище графа Д. Н. Влудова	1	1	—	134	—	—	—	—	—
<i>Одесскомъ:</i>									
Гимназій	11	11	3118	3300	139	22377	—	78698	73
Прогимназій	11	13	1415	1398	76				
<i>Вилнскомъ.</i>									
Высшее Маріинское училище 1-го разряда	1	1	469	504	18	16146	—	—	—
<i>Варшавскомъ</i>									
Гимназій	10	10	1635	1866	113	191082	92	—	—
Прогимназій	7	7	533	598	81				
Высшее женское училище въ г. Хомиѣ	1	1	133	123	17	29275	—	—	—
<i>Дерптскомъ.</i>									
Гимназій	1	2 ¹⁾	220	440	22	7860	—	10800	73
Прогимназій	1	1	27	45	—				

¹⁾ Въ отчетномъ году трехклассное городское училище въ Ригѣ преобразовано

ВѢСЬМА СОДЕРЖАНІЯ.

Отъ заведен.		Изъ войсковыхъ суммъ.		Сборъ за ученіе.		% съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованія разныхъ обществъ и лицъ.		Изъ разнѣхъ источниковъ.		В С Е Г О.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
5000	—	—	—	22404	—	1126	48	334	56	—	—	48365	4
8273	—	—	—	15661	—	507	62	2176	56	—	—	61188	18
—	—	—	—	—	—	13300	—	—	—	—	—	13300	—
38173	—	—	—	—	—	5421	—	6790	88	118289	29	268261	12
—	—	—	—	46293	—	400	—	—	—	1930	—	64769	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	191082	92
—	—	—	—	3600	—	—	—	—	—	—	—	32875	—
—	—	—	—	12085	75	71	42	—	—	—	—	30817	90

съ шестиклассное съ учебнымъ курсомъ и правами женскихъ гимназій.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учеб- ныхъ заведе- ній.		Число уча- щихся.		Число выѣзжихъ по окончаніи курса въ 1875 г.	И С Т О			
	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.	Къ 1-му января 1875 г.	Къ 1-му января 1876 г.		Изъ суммъ Госу- дарственнаго каз- начейства.	Отъ городскихъ обществъ.		
<i>Оренбургскому:</i>						Руб.	К.	Руб.	К.
Гимназій.	—	5	1161	1254	68	4400	—	7869	—
Прогимназій	—	8	1135	999	61	2600	—	17027	50
<i>Западной Сибири.</i>									
Гимназій		2	517	559	27	3050	—	2100	—
Прогимназій .		9	713	695	54	6950	—	6814	—
<i>Восточной Сибири.</i>									
Гимназій.	1	1	262	300	44	1600	—	3300	—
Прогимназій	8	8	538	523	42	6400	—	12667	93
И т о г о:									
Гимназій.	61	63	31214	31477	1822	374719	92	269553	49
Прогимназій	138	146							
Высшихъ женск. училищъ.	3	3	602	761	35	45421	—	—	—

Ч И Н К И С О Д Е Р Ж А Н І Я.

Отъ земства.		Изъ ноясковыхъ суммъ.		Сборъ за ученье.		° съ пожертвованныхъ капиталовъ.		Пожертвованія разнѣхъ обществъ и лицъ.		Изъ разнѣхъ источниковъ.		В С Е Г О.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
10000	—	10781	16	—	—	5501	74	2908	22	19361	55	60821	67
4662	—	—	—	—	—	42	70	1275	71	1393	50	27004	41
—	—	—	—	—	—	50	—	4723	—	22500	—	32423	—
—	—	—	—	—	—	1272	32	2768	83	—	—	17805	15
—	—	—	—	4697	60	200	80	120	—	—	—	9927	40
—	—	—	—	4686	50	2934	38 1/2	6355	53 1/2	—	—	33057	35 1/2
188965	84	22996	16	317463	92	32089	46	72739	73	177359	85 1/2	1481714	95
—	—	—	—	49893	—	13700	—	—	—	1930	—	110944	—

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія частныхъ учебныхъ заведеній и училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и о числѣ учащихся въ нихъ къ 1-му января 1876 года.

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихся.	
	Гимназій.	Училищъ.			ВООБЩЕ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
<i>С.-Петербургскомъ.</i>							
мужскихъ .	3	4	20	33	60	2049	—
женскихъ .	—	13	24	42	79	—	3463
обоого пола .	—	—	—	327	327	4794	3448
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ .	3	—	8	—	11	2610 ¹⁾	—
женскихъ .	2	—	3	—	5	—	1629
обоого пола .	—	—	—	10	10	217	227
Итого .	8	17	55	412	492	10030	8767
<i>Московскомъ.</i>							
мужскихъ .	2	4	11	12	29	2663	—
женскихъ .	1	—	16	11	33	—	2615
обоого пола .	—	—	—	88	88	—	2)
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число учащихъся.	
	Гимназій.	училищъ.			вообще.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
мужскихъ	—	—	—	—	7	820	418
женскихъ	—	—	—	—		—	
обоюго пола	—	—	—	—		—	
Итого . .	3	9	27	111	157	3483	3033
<i>Харьковскомъ.</i>							
мужскихъ	—	—	2	1	3	223	528
женскихъ	—	5	3	—	8	—	
обоюго пола	—	—	—	10	10	—	
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							
мужскихъ	—	—	1	—	1	318	290
женскихъ	—	—	—	3	3	—	
обоюго пола	—	—	—	—	—	—	
Итого . .	—	5	6	14	25	541	818
<i>Казанскомъ.</i>							
мужскихъ .	—	—	3	5	8	585	627
женскихъ .	—	2	6	7	15	—	
обоюго пола	—	—	—	13	13	—	
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій .	—	—	—	—	—	—	
Итого . .	—	2	9	25	36	585	627

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число уча- щихся.	
	Гимназій.	Училищъ.			ВООБЩЕ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
<i>Виленьскомъ.</i>							
мужскихъ	—	—	—	1	1	45	—
женскихъ	—	—	9	25	34	—	806
обоюго пола	—	—	—	1	1	20	29
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	—	12	12	640	247
Итого	—	—	9	39	48	705	1081
<i>Кіевскомъ.</i>							
мужскихъ	—	—	3	3	6	295	—
женскихъ	—	2	7	6	15	—	746
обоюго пола	—	—	—	15	15	—	
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій	—	—	—	5	5	182	102
Итого	—	2	10	29	41	427	848
<i>Одесскомъ.</i>							
мужскихъ	1	4	6	9	20	1682	1976
женскихъ	—	9	8	13	30	—	
обоюго пола	—	—	—	6	6	—	
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:	—	—	—	—	—	—	—
мужскихъ	—	—	3	—	3	410	—

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число уча- щихся.	
	Гимназій.	УЧЕНИЦЪ.			ВООБЩЕ.	Мужского пола.	Женского пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
женскихъ	—	—	—	—	—	—	—
обоихъ половъ	—	—	—	1	1	803	—
Итого	1	13	17	29	60	2395	1976
<i>Воршаскомъ.</i>							
мужскихъ	—	1	24	20	45	3561	—
женскихъ	—	—	34	95	129	—	—
обоихъ половъ	—	—	—	4	4	—	—
при церквахъ иностранныхъ исповѣданій:							5750
мужскихъ	—	—	—	—	—	—	—
женскихъ	—	—	—	—	—	—	—
обоихъ половъ	—	—	—	461	461	5753	4481
Итого	—	1	58	580	639	9314	10231
<i>Дерятскомъ.</i>							
мужскихъ	—	1	8	22	31	—	—
женскихъ	—	15	15	51	81	—	—
обоихъ половъ	—	—	—	43	43	—	—
Итого	—	16	23	116	155	2530	4178

Въ учебныхъ округахъ.	Число учебныхъ заведеній.					Число уча- щихся.	
	Гимназій.	училищъ.			вообще.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
		1-го разряда.	2-го разряда.	3-го разряда.			
<i>Оренбургскомъ.</i>							
мужскихъ .	—	—	8	3	6	236	82
женскихъ	—	—	1	2	3		
обоюго пола	—	—	—	5	5		
Итого . .	—	—	4	10	14	236	82
<i>Западной Сибири.</i>							
обоюго пола	—	—	—	3	3	81	61
<i>Восточной Сибири.</i>							
обоюго пола	—	—	—	—	—	—	—
Всего .	12	65	218	1368	1670	30327	31702

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (22-го августа (3-го сентября) 1877 года). *Объ учрежденіи стипендій при медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета двухъ стипендій на счетъ процентовъ съ капитала въ *десять тысячъ сто сорокъ руб.*, отказаннаго по духовному завѣщанію поручика Романова, съ наименованіемъ оныхъ „стипендіями Фаддія Сергѣевича Романова“.

2. (20-го августа 1877 года). *Объ измѣненіи редакціи 1-го общаго примѣчанія къ штатамъ реальныхъ училищъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи редакціи 1-го общаго примѣчанія къ штатамъ реальныхъ училищъ и находя справедливымъ, согласно съ мнѣніемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, раздѣляемымъ какъ министромъ финансовъ, такъ и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, при назначеніи вознагражденія преподавателямъ, исполняющимъ обязанности инспектора въ реальныхъ училищахъ, принимать въ расчетъ окладъ всего содержанія, которое причиталось бы, смотря по составу училища, инспектору,—мнѣніемъ положилъ: измѣнить редакцію 1-го обща-

го примѣчаніи къ Высочайше утвержденнымъ 15-го мая 1872 года штатамъ реальныхъ училищъ, замѣнивъ слова „назначается сему послѣднему (то-есть, лицу, исполняющему инспекторскія обязанности), добавочное жалованье, равное половинѣ жалованья, коимъ пользовался бы, смотря по составу училища, инспекторъ“ словами: „назначается сему послѣднему добавочное вознагражденіе, равное половинѣ содержанія, коимъ пользовался бы, смотря по составу училища, инспекторъ“.

Государь Императоръ, изложенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (10-го сентября 1877 года). *Объ опредѣленіи въ Полтавскую гимназію третьяго помощника классныхъ наставниковъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ опредѣленіи въ Полтавскую гимназію третьяго помощника классныхъ наставниковъ, мнѣніемъ положилъ: въ видѣ исключенія изъ общаго правила, опредѣлить въ Полтавскую гимназію въдомства министерства народнаго просвѣщенія, сверхъ положенныхъ по штату гимназій, двухъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, еще третьяго ихъ помощника, съ предоставленіемъ сему лицу служебныхъ правъ, означенной должности присвоенныхъ, но съ тѣмъ, чтобы содержаніе ему производилось изъ специальныхъ средствъ названной гимназій.

Государь Императоръ, вышеизложенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

13-го декабря 1876 года (№ 13). *Утверждаются:* статскій совѣтникъ *Посполитакъ*—почетнымъ попечителемъ Керченской Александровской гимназій на три года.

Статскій совѣтникъ *Яновичъ*, потомственный почетный гражданинъ Прокопій *Зворжикъ* и Вольскій городской голова *Лутогинъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Ростовскаго Петровскаго, второй—Муромскаго и третій—Вольскаго; всѣ трое на три года.

Командируется за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Горюевскій*—на три недѣли (Высоч. пов. 29-го ноября 1876 года).

Командируются за границу съ ученою цѣлю: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Студенскій*—на четыре мѣсяца.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица *Сертневскій*—на полтора года.

12-го августа 1877 г. (№ 7). *Назначается:* инспекторъ Царицынской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Иноземцевъ*—окружнымъ инспекторомъ Казанскаго учебнаго округа, съ 1-го августа 1877 года.

Утверждаются на три года: Сарапульскій участковый мирной судья *Шиллеродскій*, потомственный почетный гражданинъ, Пермскій 1-й гильдіи купецъ *Любимовъ* и потомственный почетный гражданинъ, Колыванскій 1-й гильдіи купецъ *Цибульскій*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Сарапульскаго, второй—Пермскаго Алексѣевского и послѣдній—Томскаго; изъ нихъ: Любимовъ съ 7-го мая 1877 года и Цибульскій съ 1-го іюля 1877 года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: вычислителя Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Дублю*—на четыре мѣсяца.

Зачисляется съ командировку за границу съ ученою цѣлю: доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Краузе*—разрѣшенный ему отпускъ за границу на одинъ мѣсяцъ.

Командируются за границу: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Гротъ* и экстраординарный академикъ сей академіи, генералъ-лейтенантъ *Гадолинъ*—на двадцать одинъ день.

Ординарные профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета: тайный совѣтникъ *Срезневскій* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Менделѣвъ*—на двадцать шесть дней.

Наставникъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Добіашъ*—на мѣсяцъ.

Директоръ Вологодскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Маакъ*—на мѣсяцъ и семь дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяцъ.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Томса*—на лѣтнее

вакаціонное время 1877 года и двадцать восемь дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ.

Сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Болускій* — по 1-е января 1878 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Шварцъ* — на одинъ годъ.

Кандидаты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, *Александръ* и Казанскаго, *Евдокимъ* — на два года.

Продолжается срокъ отпуска: попечителю Виленскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Серіевскому* — на двѣ недѣли, по болѣзни, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (9-го сентября 1877 года). *Положеніе о стипендіи имени преосвященнаго Леониды, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 21-й день іюня 1877 года учреждается при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ стипендія имени преосвященнаго Леониды, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго на проценты съ капитала въ 2.000 руб. въ 5% билетахъ государственнаго банка, пожертвованнаго на этотъ предметъ дочерью гвардіи ротмистра Елизаветою Петровною Милуковой.

2) Капиталъ этотъ долженъ навсегда оставаться неприкосновеннымъ и храниться въ процентныхъ бумагахъ въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ въ разрядѣ специальныхъ средствъ лица, подчиняясь въ расходованіи процентовъ дѣйствию общихъ правилъ о единствѣ кассы.

3) Проценты образуются на выдачу стипендіи одному изъ студентовъ лица.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ совѣту лица, при

чемъ выборъ производится преимущественно изъ бывшихъ воспитанниковъ Ярославской семинаріи.

5) Студентъ, удостоенный стипендіи, пользуется оною до окончанія курса въ лицѣ или до выбытія изъ онаго, раньше этого времени онъ можетъ быть лишенъ совѣтомъ стипендіи за малоспѣшность и неодобрительное поведеніе.

6) Пользованіе стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіата.

IV. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

27-го августа 1877 года (№ 12). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Пыжовскій*—заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины *Кузнецовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ специальной патологій и терапій, съ 18-го ноября 1876 года.

Инспекторъ Лебедянской прогимназіи *Гаскъ* — директоромъ Старобѣльской прогимназіи.

Директоръ Новинской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Деймидовичъ* — директоромъ Калужскаго реальнаго училища.

Камышинскіе 2-й гильдіи кушцы *Колесовъ* и *Казакъ* — членами попечительства Камышинскаго реальнаго училища, на три года

Назначаются: преподаватель С.-Петербургской 5-й гимназіи *Шебора*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института по латинскому языку, съ 16-го августа 1877 года.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Брандтъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ по русской словесности, съ 1-го августа 1877 года.

Инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, титулярный совѣтникъ *Токаревскій* — исправляющимъ должность директора Новинской учительской семинаріи.

Перемѣщаются съ 1-го августа 1877 года: директоры гимназій: Херсонской, статскій совѣтникъ *Алаевъ* и Екатеринославской, коллежскій совѣтникъ *Кустовскій*—директорами гимназій: первый—Екатеринославской и послѣдній—Херсонской.

Директоры реальныхъ училищъ: Севастопольскаго, статскій совѣтникъ *Федорченко* и Херсонскаго, коллежскій совѣтникъ *Потовъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Херсонскаго и послѣдній—Севастопольскаго.

Исправляющій должность директора Муромскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Зерновъ*—исправляющимъ должность директора Тульскаго реальнаго училища.

Учители коммерческихъ наукъ реальныхъ училищъ: Сызранскаго, *Хорошавинъ* и Иваново-Вознесенскаго, *Еремьевъ*—учителями реальныхъ училищъ: первый—Казанскаго и послѣдній—С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища.

Опредѣляются на службу съ 1-го августа 1877 года: стипендіаты министерства народнаго просвѣщенія: *Владиміровъ, Шидловскій, Пухидинскій, Семеновскій, Корнѣенко, Дмитревскій, Мюнхгаузенъ, Соколовъ, Лявчусъ, Кузнецовъ, Щепинскій, Тумановъ* и *Неждановскій*—учителями реальныхъ училищъ: *Владиміровъ*—Иваново-Вознесенскаго, *Шидловскій*—Пинскаго, *Пухидинскій*—Сызранскаго, *Семеновскій*—Новозыбковскаго, всѣ четверо коммерческихъ наукъ; *Корнѣенко*—Пинскаго, *Дмитревскій*—Казанскаго, *Мюнхгаузенъ*—Новгородскаго, всѣ трое химіи; *Соколовъ*—Кронштадтскаго, *Лявчусъ*—Новгородскаго, *Кузнецовъ*—Череповецкаго, *Щепинскій*—Вольскаго: *Тумановъ*—Днепробургскаго, всѣ пятеро механики и *Неждановскій*—Новозыбковскаго, черченія и математики.

Оставаются на службу на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грубе*, съ 16-го апрѣля 1877 года.

Директоръ Алферовской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кульнъ*, съ 1-го августа 1877 года.

Продолжается срокъ отпуска: въ Россіи: директору Одесской 3-й гимназіи, статскому совѣтнику *Порункову*—на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи.

За границу: учителю Варшавской V мужской гимназіи *Маисевскому* и сверхштатному учителю Варшавскаго реальнаго училища *Врѣблнскому*—по 1-е сентября 1877 года, по болѣзни.

Классной дамѣ Радомской женской гимназіи *Будянской* — по 5-е сентября 1877 года, по болѣзни.

Классной дамѣ Варшавской IV женской гимназіи *Мачиковской* — по 13-е сентября 1877 года, по болѣзни.

Ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, статскому совѣтнику *Митюфу* — на двадцать девять дней.

Уволяются въ отпускъ: въ Россіи: директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи *Павловъ* — на двадцать восемь дней, въ разныхъ губерніи.

За границу: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ *Толмачевъ* — на двадцать девять дней.

Почетный смотритель Аккерманскаго уѣзднаго училища *Леонардъ* — на мѣсяць.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причиненный въ сему министерству, коллежскій секретарь *Поновъ*, съ 1-го іюля 1877 года, по случаю назначенія исправляющимъ должность инспектора Брянской прогимназіи.

Увольняются, согласно прошеніямъ: директоръ Лубевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Симоновъ* — отъ сей должности.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института *Помяловскій* — отъ сей должности, съ 16-го августа 1877 года.

Адъюнктъ астрономъ Николасовской астрономической обсерваторіи *Глазенапъ* — отъ сей должности, съ 23-го августа 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему преподавателю бухгалтеріи въ С.-Петербургскомъ первомъ реальномъ училищѣ *Ишилопу* — за полезную его дѣятельность въ семъ училищѣ.

Исключается изъ списковъ умершихъ: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности тайный совѣтникъ *Никитенко*.

23-го сентября 1877 года (№ 13), *Утверждается:* Кременчугскій 2-й гильдіи кунецъ *Бабенко* — членомъ попечительства Кременчугскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Грининъ*, съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ 27-го августа 1877 года.

Остается на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Феодосійскаго

учительскаго института, статскій совѣтникъ *Шууровъ*, съ 23-го декабря 1876 года.

Директоръ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Веревкинъ*, съ 18-го августа 1877 года.

Директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, статскій совѣтникъ *Добровольскій*, съ 1-го сентября 1877 года.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Срезневскій*, съ 9-го сентября 1877 года.

Продолжается срокъ отпуску за границу: астроному наблюдателю Императорскаго Новороссійскаго университета *Блоху* — на мѣсяць, по болѣзни.

Увольняются въ отпуску: за границу и на Кавказъ: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, князь *Мещерскій* — на четыре мѣсяца.

За границу: исправляющій должность старшаго учителя Гольдингенской гимназій, надворный совѣтникъ *Зорисвицъ* — на двѣ недѣли.

Директоръ главной физической и магнитной обсерваторіи въ С.-Петербургѣ, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ *Вильдъ* — на мѣсяць.

Учительница Новгородсѣверской женской прогимназій *Литвинова* — на два мѣсяца.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному почетному Томскаго реальнаго училища, потомственному почетному гражданину *Цибульскому* — за пожертвованіе имъ 15.000 рублей въ пользу означеннаго училища.

Помѣщику Черниговской губерніи, статскому совѣтнику *Ришель-малу* — за пожертвованіе его на содержаніе сельскаго училища въ с. Андреевкѣ, Черниговскаго уѣзда.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу: „*Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартина* (элементарный практическій курсъ біологіи) перев. съ ан-

гійскаго *А. Я. Герда*. Спб. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к., — признать полезнымъ учебнымъ пособіемъ для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „*Руководство къ ариметикѣ* составилъ *Н. В. Бунаевъ*, ординарный профессоръ Императорскаго московскаго университета. Часть I *Ариметика цѣлыхъ чиселъ*. Часть II *Ариметика дробныхъ чиселъ*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва 1876 г. Изданіе книжнаго магазина *Н. Мамонтова*. Цѣна I части 40 коп., II части 50 к.“ — допустить въ видѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Латинская грамматика Элендта Зейфферта*, переведенная съ приспособленіями къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ *П. Пыльницкимъ*, старшимъ учителемъ лицей Цесаревича Николаи и *В. Зубковымъ*, бывшимъ преподавателемъ московской 3-й гимназіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва 1877 г.“, — одобрить какъ руководство для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *Начатки Ботаники. I. Д. Гукера*, президента королевскаго общества, директора Кьюскаго ботаническаго сада. Переводъ съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями *А. Ѳ. Баталмина*. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Цѣна 50 коп.“, — одобрить какъ учебное пособие для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Книгу: „*Конципторическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ*. Часть II. Изд. 4-е. Составилъ *В. Имятовичъ*. Спб. 1877 г.“, одобрить какъ руководство для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1) *Musterstücke. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ*. Для употребленія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. Сост. *Морицъ Массонъ*. Изд. 4-е. Спб. 1877 г., — одобрить къ употребленію въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій и дворянскихъ институтовъ въ видѣ пособія при преподаваніи нѣмецкаго языка; и 2) *Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій*. Съ грамматическими примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Сост. *Морицъ Массонъ*. Изд. 9-е. Спб. 1877 г. Цѣна 75 к., — допустить какъ учебное пособие для употребленія въ третьемъ и высшихъ классахъ гимназій.

— Книгу: „*Задачи на наибольшія и наименьшія величины, рѣшаемыя начальной алгеброю*“. Сост. А. Бѣляевъ, учитель Динабургскаго реальнаго училища“, — включить въ каталогъ книгъ для фундаментальныхъ библиотекъ реальныхъ училищъ.

Книги: I) К. Ф. Зюпфле: „*Статьи для перевода на латинскій языкъ*“. Руководство, переведенное съ приспособленіемъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ К. Павликовскимъ и В. Исасниковымъ, преподавателями древнихъ языковъ во 2-й московской гимназіи. Часть I. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ. Изданіе 2-е, вновь просмотрѣнное и значительно исправленное. Москва. 1877. Цѣна 1 р. 40 к. Ч. II. Курсъ старшихъ классовъ. Цѣна 1 р. 25 к.“, — одобрить какъ пособіе латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій въ домства министерства народнаго просвѣщенія. II) „*Общій элементарный курсъ механики, съ приложеніемъ собранія задачъ*“. Е. Г. Котельникова. Изданіе 2-е, исправленное, значительно дополненное и приспособленное къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877 г. Цѣна 2 р.“, — допустить въ число учебныхъ пособій по реальнымъ училищамъ.

— Книгу: „*Систематическій сборникъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощью земнаго и небеснаго глобусовъ*“. Сост. А. Мануиловъ. Кишиневъ. 1877 г. Цѣна 30 к.“, — допустить въ число учебныхъ пособій, по математической географіи, какъ въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Составленнымъ преподавателемъ московской VI гимназіи и нѣмецкой петропавловской школы И. Баталинымъ книги:

I) *Руководство къ составленію періодовъ*. Москва. 1876 г. Цѣна 40 коп.“, — одобрить, какъ пособіе, при прохожденіи періодовъ въ среднс-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оно положено по учебному плану.

II) *Сборникъ статей для теоретическаго изученія образцовъ русской литературы прилѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведе-*

ній, съ объясненіями, примѣчаніями, вопросами для разбора и повторенія и особыми приложеніями краткихъ плановъ темъ для ученическихъ сочиненій. Москва. 1875 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.“,—одобрить какъ пособие при преподаваніи русскаго языка и словесности въ 4, 5 и 6 классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Составленную А. Никулинымъ брошюру: „Сборникъ пѣсенъ“,—признать возможнымъ допустить лишь для употребленія въ школахъ виленскаго учебнаго округа.

— Книгу: „Собраніе ариѳметическаго задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Сост. А. Вороновъ, для народныхъ училищъ сообразно съ программой экзаменовъ при выпускѣ изъ училищъ 4-го разряда Спб. 1876 г. стр. 111—102 in 16. Цѣна 20 коп.“—одобрить для употребленія въ видѣ учебнаго пособия въ народныхъ училищахъ и начальныхъ школахъ, если авторомъ будетъ приложенъ листокъ опечатокъ и недосмотровъ, какъ указанныхъ комитетомъ, такъ и иныхъ имъ подобныхъ.

— Книгу: „Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Элементарная грамматика“. Состав. Н. Говоровъ. Курсъ I и II. Изд. 12-е. Москва 1876 г. Цѣна 50 коп. Курсъ III. Синтаксисъ. Изд. 2-е. Москва 1876 г. Цѣна 50 коп.,—одобрить въ видѣ руководства по русскому языку для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „С. Смайльсъ. Исторія Шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда“. Переводъ С. И. Смирновой. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 1 руб.,—допустить въ учебныя библіотеки гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, преимущественно для старшаго возраста.

— Книгу: „Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“. Съ 25-ю портретами и 30-ю картинками. Изд. 4-е исправленное и дополненное. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 30 коп., признать возможнымъ одобрить какъ книгу для чтенія для низшихъ училищъ.

— Книгу: „Первая классная книга для чтенія. Пособіе для начальной обученія родному языку“. Сост. П. Г. Васильевъ, преподаватель 6-й С.-Петербургской гимназій. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 40 коп.,—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Всмилоствѣявше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Ташкентской и Вѣрненской прогимназій портрета г. министра народнаго просвѣщенія, и въ актовомъ залѣ Мелитопольскаго реальнаго училища портретовъ: г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ прогимназіяхъ: *Тѣлевской*—въ приготовительномъ классѣ по десяти рублей, а въ прочихъ классахъ по пятнадцати рублей; *Устюженской*—въ приготовительномъ классѣ по дѣсятирублей, а въ прочихъ классахъ по восемнадцати руб.; *Житомирской*—въ приготовительномъ классѣ по шестнадцати руб., а въ прочихъ классахъ по двадцати шести руб.; *Ахтырской*—въ приготовительномъ классѣ по десяти руб., а въ прочихъ классахъ по пятнадцати руб., и *Азовской*—въ приготовительномъ классѣ по пятнадцати руб., а въ прочихъ классахъ по двадцати пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ реальнхъ училищахъ: *Томскомъ*—по пятнадцати руб., *Смоленскомъ*—по двадцати пяти руб., *Нижегородскомъ*—по тридцати руб., *Астраханскомъ*—по тридцати руб. и *Камышинскомъ*—по пятнадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

— 15-го сентября послѣдовало открытіе прогимназій въ г. Вѣлевѣ (Тульской губ.), въ которую принято 20 учениковъ.

— 1-го сентября, послѣ молебствія, въ присутствіи представителей мѣстной администраціи, города и земства, послѣдовало открытіе прогимназій въ г. Брянскѣ; ко дню открытія принято въ прогимназію 42 ученика, изъ нихъ 23—въ приготовительный классъ и 19—въ первый; классныя же занятія начались 5-го сентября.

— 1-го сентября, послѣ торжественнаго молебствія, въ присутствіи представителей мѣстной администраціи, города и земства, а также родителей учащихъ, послѣдовало открытіе прогимназій въ

г. Жыздрѣ, при чемъ въ настоящемъ году открыты лишь первый и приготовительный классы, въ которые поступило 27 учениковъ, изъ нихъ 10—въ первый и 17—въ приготовительный.

— 26-го августа открыто реальное училище въ г. Ромнахъ, а 30-го августа открыто реальное училище въ г. Великихъ-Лукахъ, причемъ въ послѣднее поступило въ 1-й и во 2-й классы по 33 ученика.

— 21-го августа открыто въ г. Томскѣ реальное училище въ составѣ низшихъ 4 классовъ. По день открытія училища принято: въ I классъ 37, во II—20, въ III—14 и въ IV—15, а всего 86 учениковъ.

— 25-го августа открыта прогимназія въ г. Житомирѣ, въ составѣ первыхъ двухъ классовъ съ приготовительнымъ; въ этому времени въ прогимназію принято 92 ученика.

— 26-го августа открыта мужская прогимназія въ г. Устюжнѣ. Въ прогимназію принято 37 учениковъ.

— 11-го сентября послѣдовало открытіе реального училища въ Нижнемъ-Новгородѣ, причемъ было принято 29 учениковъ, изъ нихъ въ I классъ 20 и во II—9 мальчиковъ.

— Татарская учительская школа перемѣщена изъ г. Уфы въ г. Оренбургъ и открыта 16-го августа. Ко дню открытія явилось въ школу 35 учениковъ и также 10 учениковъ начального училища. Вновь принято 8 воспитанниковъ стипендіатами и 2 вольноприходящими.

— Открыты слѣдующія одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія: 4-го сентября въ с. Озерѣ, Луцкаго уѣзда, Волынской губ., 1-го сентября въ с. Мосуровцахъ, Кременецкаго уѣзда, той же губерніи, 16-го августа въ с. Новорусештахъ, Бессарабской губ., при 46 ученикахъ, 1-го сентября въ д. Кудбаковой, Златоустовскаго уѣзда для Башкирѣ, женское для Башкирѣ въ д. Мастѣевой, Мензелинскаго уѣзда, съ 12-ю дѣвочками, русскіе классы при медресахъ въ д. Бузавьясѣ, Стерлитамакскаго, и въ д. Мастѣевой, Мензелинскаго уѣздовъ, 15-го августа въ с. Городѣ, Новгородскаго уѣзда при 42 учащихся, и въ с. Лужиѣ, Демьянскаго уѣзда при 42 ученикахъ, 1-го сентября въ д. Борисовѣ, Вѣлосерскаго уѣзда при 45 ученикахъ, и преобразовано 22-го сентября изъ однокласснаго въ двухклассное въ с. Тесовѣ, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., 25-го сентября въ с. Великой-Ростовкѣ, Липовецкаго уѣзда

да, Кіевской губ., 11-го сентября въ с. Бѣльковскомъ, Луцкаго уѣзда, 12-го сентября Исаевское, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ. при 20 ученикахъ, 1-го сентября въ с. Неровичахъ, Ровенскаго уѣзда, Волинской губ.

Циркуляръ г. попечителя Виленскаго учебнаго округа директорамъ гимназій и прогимназій и инспекторамъ прогимназій означеннаго округа.

При ревизіи гимназій и прогимназій въѣреннаго мнѣ учебнаго округа въ 1875—1877 годахъ замѣчено между прочимъ слѣдующее:

Устные упражненія при преподаваніи *русскаго языка* не во всѣхъ заведеніяхъ занимаютъ подобающее имъ мѣсто въ курсѣ. Къ устнымъ упражненіямъ относятся: развитіе навыка читать громко, механически свободно, логически правильно и евфонически изъясно. За чтеніемъ и усвоеніемъ, при помощи объясненій учителя, содержанія прочитаннаго, должна слѣдовать повѣрка того, на сколько прочитанное и разказанное усвоено ученикомъ. Устное воспроизведеніе прочитаннаго можетъ быть то простымъ изложеніемъ содержанія, то изложеніемъ существенныхъ частей съ опущеніемъ подробностей, то изложеніемъ по извѣстнымъ логическимъ категоріямъ, и вообще по плану, отличному отъ порядка статьи. Заучиваніе на память стиховъ и провъ удобнѣе поставить въ связь съ курсомъ словесности. Заученное на память ученики должны умѣть произносить выразительно, а болѣе способные—и декламировать, т. е. читать съ нѣкоторой художественностію. Всѣ эти упражненія должны проходить чрезъ всѣ классы безъ назначенія особыхъ часовъ. Въ VII и VIII классахъ должно быть назначено особое время на устные упражненія, о которыхъ слѣдующимъ образомъ разсуждалъ училищный совѣтъ въ Коблепцѣ: „не дѣло гимназій стремиться къ развитію въ юношахъ ораторскаго искусства, которое можетъ быть только плодомъ образованія, свойственнаго зрѣлому возрасту; не дѣло школы приучать ихъ говорить, ради того только, чтобы говорить, развивать привычку къ фразистому ораторствованію о томъ, чего юноша не испыталъ и что находится внѣ сферы его пониманія. Поэтому организуемая въ гимназіяхъ упражненія для развитія способности владѣть рѣчью не должны выходить за предѣлы той области, въ которой ученикъ могъ бы чувствовать себя какъ дома,

спокойно и увѣренно; упражненія эти ни въ какомъ случаѣ не должны подавать повода къ лицемѣрному резонерству и вообще къ умственной дѣятельности, непосильной возрасту гимназистовъ, слѣдовательно, на самомъ то дѣлѣ упражненія эти должны быть ничѣмъ инымъ, какъ свободнымъ воспроизведеніемъ того, что школа успѣла сдѣлать умственнымъ капиталомъ своихъ питомцевъ. Для осуществленія разсматриваемой задачи многое можетъ и должно быть сдѣлано посредствомъ постоянной заботливости объ образованіи органа рѣчи и тѣхъ природныхъ задатковъ, развитіе которыхъ заключаетъ въ себѣ вѣшнія условія дѣйствія рѣчи (ясный выговоръ, интонація, ритмъ) посредствомъ разнообразныхъ и цѣлесообразныхъ упражненій памяти, посредствомъ строгаго приученія къ логически правильному мышленію, къ ясному выраженію и связному изложенію усвоеннаго; въ этомъ отношеніи каждый урокъ даетъ немало поводовъ къ тому, чтобы ученикъ могъ выказаться; но достиженію означенной цѣли много могутъ содѣйствовать и самостоятельныя упражненія учениковъ въ свободномъ изложеніи, правильно организованныя. Достиженію означенной цѣли могутъ и должны содѣйствовать всѣ преподаватели, представляя въ своемъ собственномъ изложеніи образцы примѣрнаго построенія рѣчи, требуя отъ учениковъ ясныхъ, точныхъ и полныхъ отвѣтовъ, и при удобныхъ случаяхъ требуя отъ учащихся связнаго изложенія. Терпѣніе, съ какимъ учитель спокойно предоставляетъ ученикамъ высказаться, принадлежитъ къ существеннымъ свойствамъ хорошаго учителя, хотя встрѣчается очень рѣдко".—Мысли эти повторяются въ школьныхъ законахъ Германіи и признаются основными при устройствѣ устныхъ упражненій (*freie Vorträge*) въ высшихъ классахъ. Подъ *freie Vorträge* разумѣются такія самостоятельныя устные упражненія учащихся, которыя представляютъ изложеніе тѣхъ или другихъ знаній, свѣдѣній и наблюденій о предметахъ и явленіяхъ природы, объ историческихъ личностяхъ и событіяхъ и т. п., вообще о предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ предметамъ общаго образованія. По отношенію собственно къ занятіямъ роднымъ языкомъ, *freie Vorträge* являются средствомъ правильно организовать и контролировать домашнее чтеніе учениковъ, долженствующее служить значительнымъ подспорьемъ для классныхъ занятій. Классное чтеніе произведеній, кромѣ изученія самаго произведенія, имѣетъ цѣлю практически и теоретически показать ученику и научить его, какъ слѣдуетъ читать, путемъ какой умственной работы прочитанное можетъ

стать прочнымъ достояніемъ его ума; желательно убѣдиться, что эта послѣдняя цѣль дѣйствительно достигается, что учениками уже приоб- рѣтается привычка читать, отдавая себѣ отчетъ въ прочитанномъ; средствомъ для этого служатъ такіа темы для *freie Vorträge*, по тре- бованіямъ которыхъ ученикъ долженъ въ подготовительной рѣчи пред- ставить изложеніе прочитаннаго имъ сочиненія. При объясненіи со- держанія изучаемыхъ произведеній, признается необходимымъ сооб- щать разные историческія свѣдѣнія, нужныя для пониманія не толь- ко частныхъ, но и всего характера произведенія—составлять обра- ботанный въ произведеніи матеріалъ съ источниками, указывать зна- ченіе труда автора для современнаго общества и т. д., а это слу- житъ также источникомъ темъ для *freie Vorträge*. Даются также темы изъ исторіи литературы, исторіи, географіи и др. наукъ.—Что касается вышней обстановки, то ученикъ, приготовившій *Vortrag*, обыкновенно выходитъ на средину класса или становится на каедрѣ, и по окончаніи изложенія ему оппонируютъ желающіе изъ товарищей, а послѣ дебатовъ преподаваніе высказываетъ свое заключеніе.—На изложенную потребность отзывались наши учебные планы, но не замѣтно, чтобы указанія ихъ осуществлялись.

Списокъ темъ для сочиненій въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ показы- ваетъ, что чѣмъ выше классъ, тѣмъ число сочиненій больше. Такое распредѣленіе упражненій совершенно отступаетъ отъ общепринятаго. Обыкновенно полагаютъ, что въ низшихъ классахъ должно быть по возможности больше сочиненій, такъ какъ здѣсь сочиненія и по формѣ, и по содержанію не должны представлять особенныхъ трудностей, и такъ какъ здѣсь особенно ученики должны приучаться къ рабо- тамъ этого рода; наконецъ, предварительная подготовка сочиненія, разъясненіе предмета, отношеніе содержанія къ формѣ, разъясненіе приемовъ писанія—все это должно дѣлаться съ особенной подробно- стію въ низшихъ классахъ, такъ что трудъ учениковъ значительно облегчается и не потребуетъ долгаго времени на его выполненіе. Иное дѣло сочиненія въ высшихъ классахъ, гдѣ на первый планъ выступаетъ самостоятельность уже сравнительно развившагося ученика. Положимъ, что ученикъ, уже знакомый съ формами сочиненій, не затруднится изложеніемъ, но за то тема представляетъ болѣе труд- ную задачу, разъясненіе ея со стороны учителя если и допускается, то развѣ въ существенномъ, труднѣйшемъ и въ общихъ чертахъ. Поэтому на сколько могутъ быть полезны частыя сочиненія въ низ-

шихъ классахъ, настолько же они могутъ быть вредны въ высшихъ, заставляя учениковъ дѣлать дѣло на-скоро, не обдумавши по возможности строго и всесторонне предмета, не прочитавъ пособій и не выработать отчетливаго представленія о предметѣ.

Изъ изложенныхъ соображеній вытекаетъ также, что число классныхъ сочиненій, напр. въ VIII классѣ, никакъ не должно равняться и даже превосходить число домашнихъ, какъ это принято въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ. Большую часть сочиненій необходимо давать на домъ, въ классѣ полезно назначать одно—два для опредѣленія подлинности труда.

Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что число сочиненій не во всѣхъ заведеніяхъ достаточно. Въ благоустроенныхъ заведеніяхъ назначается обыкновенно въ среднихъ классахъ одно сочиненіе на 2—3 недѣли, а въ старшихъ на 3—4 недѣли, въ виду понятной важности этихъ занятій. Ни одно средство не можетъ такъ основательно и логически дисциплинировать мысль, какъ письменныя упражненія. Не говоря уже о томъ, что въ сочиненіяхъ ученикъ всегда имѣетъ болѣе побужденій къ самостоятельности, что подобныя занятія вызываютъ мысль на сравненіе и обсужденіе различныхъ мнѣній, даютъ навыкъ и умѣніе группировать данный матеріалъ, разсматривать его съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ сочиненіи ученикъ долженъ углубляться въ предметъ, сосредоточиться и дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ пишетъ и не только въ общей мысли, но и въ каждой фразѣ, что не такъ легко возможно при устныхъ отвѣтахъ. Выполняя письменныя работы, ученикъ приобретаетъ умственные навыки и приемы, какихъ не въ состояніи дать никакое теоретическое изложеніе предмета. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что частыя сочиненія могутъ вызывать въ учащихся манію многописанія. Эта манія усложняется не количествомъ сочиненій, а ихъ качествомъ. Изъ серьезныхъ упражненій письменныхъ можно сдѣлать игривое и бесполезное, а затѣмъ и вредное самоуслажденіе собственнымъ измышленіемъ, въ которомъ можетъ находить пищу болѣзненная мечтательность юношескаго воображенія, преждевременно и искусственно раздраженнаго чтеніемъ всякаго литературнаго балласта. Очевидно, тутъ вина не упражненій. Вѣрно же то, что гдѣ идетъ вопросъ о приобрѣтеніи навыковъ и умѣнія, тамъ несомнѣнно имѣетъ значеніе и количество работы.

По поводу темъ, назначенныхъ въ одной гимназій, можно рекомендовать остерегаться темъ, требующихъ выраженія различныхъ чувствъ. Не всѣ одинаково способны испытывать одни и тѣ же ду-

шевные движенія, и можетъ случиться, что именно заданное чувство не было испытано ученикомъ. Тогда придется сочинять ему и чувства, что можетъ породить въ душѣ глубокую неистинность и способность говорить то, чего авторъ не испытать, а это въ особенности слѣдуетъ устранивать отъ начинающихъ, такъ какъ здѣсь образуются первые интеллектуальные навыки, съ которыми ученикъ нерѣдко остается на всю жизнь. Темы такого содержанія какъ, на примѣръ, *Pecunia neminem divitem facit, Consuetudo altera natura, Non scholae sed vitae*, юность—весна человеческой жизни,—едва ли не лежатъ внѣ умственного кругозора, внѣ опыта и пониманія учащихся. А подобныя темы не могутъ не затруднить учащихся недостаткомъ соответственнаго содержанія и представляютъ неудобства въ нравственномъ отношеніи, развивая въ учащихся ложное преувеличиваніе своихъ силъ и побуждая ихъ думать, что они способны и въ правѣ братья за такія задачи, удовлетворительнаго разрѣшенія которыхъ можно ждать только отъ серьезныхъ размышленій взрослого развитаго человѣка, на помощь которому идетъ жизнь съ ея богатыми внутренними и внѣшними опытами.

Въ виду пристрастія нѣкоторыхъ преподавателей къ отвлеченнымъ темамъ, нельзя не указать на существующее въ педагогической литературѣ мнѣніе о значительныхъ неудобствахъ моральныхъ темъ. Въ обработкѣ темъ подобнаго рода ученикъ является проповѣдникомъ морали, онъ вызывается нерѣдко говорить иначе, чѣмъ думаетъ, подвергается опасности говорить неправду, лицеѣрить, выдавать фразы за свои чувства. Ученикъ смотритъ на многое совершенно иначе чѣмъ предписываетъ ему школа, между тѣмъ при разработкѣ подобнаго рода темъ онъ пишетъ такъ, какъ требуетъ того школа. Въ сферѣ нравственной дѣятельности ученикъ и старшаго возраста многое исполняетъ по привычкѣ; школа нарушаетъ этотъ естественный порядокъ, если заставляетъ его рефлексировать. Невинный, въ простотѣ души своей погруженный въ книги, ученикъ часто бываетъ не въ состояніи сказать что либо на ту или другую моральную тему; кто же и можетъ что нибудь сказать, то въ большинствѣ случаевъ потому, что самъ часто погрѣшалъ противъ требованій той или другой моральной сентенціи, а тѣмъ не менѣе сочиненіе рѣдко располагаетъ къ раскаянію и служитъ лишь поводомъ къ тому, чтобы высказать нѣсколько прекрасныхъ фразъ, свойственныхъ лицеѣрию. Возникаютъ обыкновенно, что школа должна вліять на характеръ и образъ мыслей своихъ питомцевъ посредствомъ того или другаго ма-

теріала изъ области нравственности, но въ этомъ отношеніи вліяніе оказываетъ примѣръ и наставленіе, а не сочиненіе. По этимъ и имъ подобнымъ соображеніямъ и вообще предпочитаютъ темы, тѣсно связанныя съ содержаніемъ обученія и, между прочимъ, сравненіе между собою произведеній литературныхъ могло бы доставить богатый выборъ темъ. Такъ напримѣръ, ученики разбираютъ статью Карамзина: „О любви къ отечеству“; предметъ статьи обсуждается также при изученіи нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній; въ стихотвореніи „Бородино“ они видятъ, какъ возбужденный патріотизмъ обращаетъ обыкновенныхъ людей въ богатырей; въ стихотвореніи—У гроба Кутузова—какъ память человѣка, спасшаго отечество, возбуждая патріотическое чувство, становится священной въ глазахъ его соотечественниковъ. Поэтому возможно сравнить статью Карамзина съ однимъ изъ этихъ произведеній. Не менѣе серьезной можетъ быть задача сравнить „Рейнскій водонадъ“ или „Куликовскую битву“ съ разсужденіемъ „О любви къ отечеству“, и такимъ образомъ опредѣлить существенную разницу между описаніемъ, повѣствованіемъ и разсужденіемъ; сравнить „Куликовскую битву“ съ драматической хроникой Островскаго—Мининъ Сухорукъ; сравнить басни Крылова: Прудъ и Рѣка, Орелъ и Пчела, Щука, Котъ и Обезьяна, и на основаніи ихъ опредѣлить взглядъ на трудъ, на его значеніе въ жизни человѣка, на условія его успѣшности и цѣпности; сравнить характеристику Черкеса и его жизни по отрывкамъ изъ Кавказскаго плѣнника и Путешествія въ Арзерумъ. Еще желательнѣе было бы сравненіе эпоса греческаго и русскаго. Вообще элементъ сравненія не занимаетъ подобающаго ему мѣста въ учебномъ курсѣ, между тѣмъ очевидно, что если исключается изъ программы критическое отношеніе къ изучаемымъ образцамъ, то единственной его замѣной можетъ быть постоянное сравненіе, и необходимо давать какъ можно болѣе матеріала для подобной работы.

Есть неудобства въ томъ, что лирическія стихотворенія избираются для объяснительнаго чтенія и заучиванія въ I и II классахъ. Лирическое произведеніе всегда выражаетъ собою какое либо внутреннее чувство въ душѣ поэта; тѣмъ выше это произведеніе, тѣмъ глубже отражается въ немъ это субъективное чувство. Можетъ ли это, составляющее главный смыслъ произведенія, чувство быть доступно и понятно неразвитой душѣ ребенка? Можетъ ли оно быть понято имъ, и созерцаніе его можетъ ли доставить ему наслажденіе? Каковы должны быть отвѣты на эти вопросы, объ этомъ не мо-

жетъ быть и рѣчи. Обыкновенно дѣти увлекаются въ такихъ произведеніяхъ метромъ и рифмою и, читая стихотвореніе, забываютъ даже о ближайшемъ грамматическомъ смыслѣ произведенія, не говоря уже о смыслѣ и чувствѣ цѣлаго.

Къ произведеніямъ, недоступнымъ уму дѣтей, относится, кромѣ драматическихъ, огромное большинство лирическихъ произведеній, въ томъ числѣ и столь часто разучиваемая, на примѣръ, Туча Пушкина. Не говоря уже объ общемъ смыслѣ Тучи, не легко поддающемуся анализу и тѣмъ болѣе недоступномъ душѣ ребенка, не говоря уже объ этомъ общемъ смыслѣ, который можно видѣть и не видѣть въ стихотвореніи, слѣдуетъ обратить вниманіе на самую картину природы, представленную въ произведеніи. Красота ея зависитъ отъ необыкновенной, такъ сказать, одушевленной живости изображенія. Каждый предметъ природы живетъ почти человѣческою жизнью, и это видно изъ того, что каждому изъ предметовъ природы чрезвычайно мѣтко и совершенно-естественно приписаны свойства, заимствованныя изъ жизни человѣческой души (унылая тѣнь, ликующій день, таинственный громъ и т. п.). Но произведеніе это, какъ чистая картина природы, какъ не имѣющее ни завязки, ни развязки, не привлекаетъ къ себѣ вниманія ребенка, и онъ холодно пройдетъ мимо его красоты. Ему, слѣдовательно, необходимо растолковать эти красоты, и толкованія дѣйствительно дѣлаются. Преподаваніе указываетъ содержаніе стихотворенія — описаніе картины свѣтлаго дня съ оставшеюся на небѣ послѣ бури тучею, къ которой и обращается поэтъ подъ нѣяніемъ своей душевной настроенности. Затѣмъ раскрывается это содержаніе въ анализѣ каждой отдѣльной строфы, опредѣляется предметъ стихотворенія — чувство печали, испытываемое при восторженно радостномъ настроеніи. Главная мысль произведенія, обнимающая собою и предметъ и содержаніе стихотворенія, въ связи съ даннымъ образомъ, выражается приблизительно такъ: какъ туча, оставшаяся на свѣтломъ небѣ яснаго дня послѣ предшествовавшей бури, портитъ своимъ присутствіемъ общую картину, такъ и одно грустное чувство, оставшееся въ душѣ послѣ выстраданной борьбы, въ состояніи омрачить собою общую радостную настроенность. Не отрицая достоинствъ изложеннаго объясненія, справедливо сказать, что обширныя толкованія едва ли могутъ вызвать въ душѣ художественныя наслажденія и что изложенное объясненіе стихотворенія доступно для дѣтей можетъ быть также мало, какъ мало отзвѣва находятъ въ ихъ душѣ бури природы, какъ мало понят-

нымъ языкомъ говорить имъ таинственный громъ, какъ мало можетъ тяготить ихъ грустная мысль при общей радости. Гораздо естественнѣе и удобнѣе предлагать вниманію дѣтей такія художественныя произведенія, которыя, интересуя ихъ воображеніе и будучи совершенно доступны дѣтскому пониманію, подготавливали бы ихъ въ то же время къ пониманію болѣе сложныхъ и высокихъ формъ поэзій. Такой удобный матеріалъ для низшихъ классовъ представляетъ поэзія эпическая—народная, ея передѣлки, басни Крылова, гомерическія пѣсни, сербскія эпическія пѣсни и т. п.

Выборъ статей для чтенія, разбора и заучиванія въ низшихъ классахъ желательно поставить въ связи съ курсомъ словесности, который былъ бы облегченъ этимъ способомъ.

Такъ, напримѣръ, въ V классѣ, при уясненіи отличія поэзій и прозы, преподаваніе могло бы воспользоваться Куликовской битвой Карамзина и Пѣснью о Вѣщѣ Олегѣ, разученными въ III или IV классѣ. Поэтическій разказъ Пушкина можно сравнить съ прозаическимъ разказомъ Карамзина: оба писателя воспользовались лѣтописнымъ разказомъ, оба передаютъ событія прошедшей жизни, но одинъ строго держится предѣловъ дѣйствительности, другой допускаетъ вымыселъ; одинъ имѣетъ цѣлю передать и объяснить историческій фактъ, другой—дать живую картину минувшей жизни и образное выраженіе народнаго вѣрованія, имѣющаго прямое отношеніе къ народной жизни; одинъ передаетъ факты дѣйствительно происходившіе, выбирая ихъ изъ источниковъ, другой даетъ множество подробностей, почерпнутыхъ вовсе не изъ источниковъ, а созданныхъ имъ самимъ, заботясь только о сообразности ихъ съ общимъ характеромъ, то-есть, заботясь о сохраненіи поэтической правды.

Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ всѣ образцы изъ курса словесности разбираются въ классѣ. Въ виду этого справедливо желать, чтобы ученики пріучались мало по малу обходиться безъ непосредственнаго руководства учителя и привыкали къ болѣе самостоятельной работѣ, для чего можно бы ввести въ V классѣ слѣдующій пріемъ: выставлять для учениковъ заблаговременно тѣ общіе вопросы, разъясненію и разрѣшенію которыхъ будетъ посвящена классная бесѣда. Пусть они сами поработаютъ надъ образцомъ, обдумывая вопросы; тогда работа пойдетъ живѣе, преподаваніе будетъ мало по малу освобождать себя отъ необходимости поддерживать мышленіе учениковъ, подталкивать ихъ мысль наводящими вопросами, а воспитанники постепенно пріучатся разрѣшать самостоятельно общіе вопросы, слѣдо-

вательно—мыслить самостоятельно. Разумѣется, что вопросы должны быть выставлены за нѣсколько дней до урока, чтобы было достаточно времени для обдумыванія ихъ и для внимательнаго прочтенія образца. Если предлагаемый приемъ приведетъ бы къ желаемымъ результатамъ, то въ этомъ же классѣ можно попытаться предложить воспитанникамъ совершенно самостоятельное объясненіе такихъ произведеній, которыя, по содержанію или по формѣ, похожи на одно изъ разобранныхъ въ классѣ безъ помощи вопросовъ. Придать разборамъ образцовъ болѣе самостоятельный характеръ желательно потому, что мало толку, если молодые люди будутъ понимать только то, что прочитаютъ и разберутъ въ классѣ; цѣлю объяснительнаго чтенія въ школѣ должна быть выработка навыка разбирать каждое произведеніе литературы, для чего необходимо, чтобы учащіеся ясно и твердо усвоили себѣ приемы разбора и затѣмъ еще и потому, что необходимо выгадать время для пополненія примѣрной программы образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ примѣрной программѣ не упоминается о народной лирикѣ, хотя очевидно, что едва ли можно получить ясное понятіе о лирикѣ, не имѣя сознательно выработаннаго понятія о самомъ естественномъ проявленіи ея, какъ одной изъ потребностей духа человѣческаго, въ формѣ народной пѣсни. Затѣмъ, народная лирика справедливо называется самымъ живымъ естественнымъ выраженіемъ жизни и съ этой стороны представляетъ отличный матеріалъ для самостоятельныхъ работъ. Наконецъ, народныя пѣсни представляютъ прекрасный поводъ къ сравненію съ произведеніями Кольцова.—Можно замѣтить также, что въ русской поэзіи всегда преобладала сатира, преобладаетъ и нынѣ, и чтеніе и увлеченіе сатирическими произведеніями со стороны учениковъ несомнѣнно. Поэтому крайне желательно постараться направить молодыхъ людей къ вѣрному и возможно основательному пониманію отрицательной поэзіи, чтобы они научились сопоставлять съ отрицательными образами ея положительные, находить въ ней проявленіе скрытаго идеала, или даже осмыслить смѣхъ писателя своимъ собственнымъ идеаломъ. Изъ первой сатиры Кантемира (внесенной въ программу) учащіеся узнаютъ такіе нападки на науку, которые приходится слышать и въ современномъ обществѣ; они увидятъ, что эти нападки всегда вытекали изъ невѣжества и своекорыстія, что наука всегда имѣла честныхъ и смѣлыхъ защитниковъ и что литература всегда стояла за нее. Но весьма желательно, кромѣ сатиры Кантемира, прочесть, напримѣръ, Шинель Гоголя. Шинель, кромѣ ея удобства для класснаго чтенія

(краткость, цѣльность, простота содержанія), хороша еще и тѣмъ, что даетъ юношамъ случай ясно сознать различіе между легкимъ и серьезнымъ высококонрастнымъ смѣхомъ, испытать на себѣ, какъ смѣхъ переходитъ иногда въ горькія размышленія, какъ смѣхъ глубоко-чувствующаго челоуѣка часто маскируетъ тяжелую, задумчивую скорбь, какъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ возбуждать смѣхъ при бѣгломъ, поверхностномъ взглядѣ, и слезы при болѣе глубокомъ серьезномъ отношеніи къ нему.

Впрочемъ, еслибы встрѣтились какія либо серьезныя затрудненія въ увеличеніи числа разучиваемыхъ образцовъ, то можно бы оставить, напримѣръ, Свѣтлану Жуковскаго; еслибы и это оказалось почему-либо неудобнымъ, то все-таки важно имѣть свободное время для того, чтобы примѣнять сравнительный методъ въ возможно большемъ размѣрѣ, напримѣръ, сравнить Недоросля и Горе отъ ума съ Ревизоромъ.

2) *Логика* есть, съ одной стороны, природное свойство мышленія, а съ другой—всеобщій и неотъемлемый элементъ всякой разумной дѣятельности. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, логика, очевидно, можетъ и должна находиться въ тѣсной связи съ разными предметами гимназическаго курса, и, съ своей стороны, должна служить его завершеніемъ, должна закончить то серьезное развитіе мысли учащихся, какое составляетъ задачу классическаго образованія. Такой цѣли нельзя достигнуть, если преподаваніе (какъ это и дѣлается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ) будетъ давать теоретическія положенія, опредѣленія, формулы прямо готовыми, и только поддерживать ихъ примѣрами; въ такомъ случаѣ умъ ученика будетъ лишь пассивно воспринимать содержащіе урока, будетъ присутствовать при дѣлѣ, а не участвовать въ немъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда ученикъ, только руководимый учителемъ, изъ данныхъ фактовъ самостоятельно создаетъ теорію, изъ даннаго матеріала дѣлаетъ общіе выводы какъ естественныя нормы мышленія, заимствуя матеріалъ, подмѣчая логическіе примѣры въ ближайшемъ содержаніи своихъ занятій: въ правилахъ грамматики, въ разказахъ историческихъ, въ доказательствахъ математики, въ урокахъ физики. Курсъ логики, изложенный въ такой формѣ, послужилъ бы заключительнымъ концентромъ всего гимназическаго образованія, объединяя въ сознаніи учащихся весь запасъ ихъ научныхъ познаній, и освободился бы отъ той схоластической формы, въ какую обыкновенно облакаются руководства по логикѣ. Осуществленію такой задачи должно содѣйствовать препода-

ваніе и другихъ предметовъ курса, которое отъ этого приобрѣло бы больше основательности. Не говоря уже о томъ, какъ логическій элементъ можетъ быть отмѣченъ и выясненъ учащимся при изученіи русской грамматики и словесности, что и не упускается изъ виду, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени, справедливо желаніе, чтобы изученіе, на примѣръ, физики развивало въ учащихся индуктивное мышленіе, для чего преподаваніе должно идти такимъ же путемъ, какимъ въ дѣйствительности совершилось постепенно раскрытіе законовъ природы и развитіе физическихъ теорій. Человѣкъ прежде всего обратилъ вниманіе на явленіе, затѣмъ онъ старался объяснить себѣ причину этого явленія, открыть связь между явленіями и законами, по которымъ эти явленія совершаются; зная же законы, онъ создавалъ теоріи или гипотезы для объясненія начальной причины цѣлаго ряда явленій, стараясь подвести эти законы подъ строгій математическій анализъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ опыты производились на основаніи какого-либо разсужденія. Поэтому желательно, чтобы изученіе физическихъ явленій, на сколько позволитъ время, начиналось съ опыта предъ учениками, которые отмѣчаютъ, что они видятъ, и находятъ законъ явленія при содѣйствіи вопросовъ учителя, который приводитъ, гдѣ нужно, ту гипотезу, которая принята для объясненія подобныхъ явленій, и въ заключеніе, сообразно съ математической подготовкой учениковъ, подводитъ найденные законы подъ математическій вычисленія. Такой индуктивный методъ благотворно отразится на развитіи учениковъ и доставитъ матеріалъ для логическихъ упражненій.

Съ обратнымъ, то-есть, дедуктивнымъ, методомъ мышленія лучше всего знакомить учащихся на примѣрахъ изъ математики, которую по возможности слѣдовало бы преподавать не исключительно догматическимъ путемъ, такъ какъ вообще при догматическомъ изложеніи нельзя ясно представлять себѣ потребностей и мыслительныхъ процессовъ учащихся, а слѣдовательно, и степени ихъ сознательнаго пониманія объясненій, по желательнo примѣнять эвристическій методъ, то-есть, руководить самихъ учениковъ выводить истины и ихъ доказательствна изъ основныхъ положеній, каковой методъ безъ сомнѣнія вліяетъ на развитіе душевныхъ силъ учащихся гораздо болѣе, чѣмъ одно излагательное доцированіе.

3) Нѣкоторые гг. учителя, преподающіе *классическіе языки* въ высшихъ классахъ, излагаютъ систематическій курсъ теорій латинской стилистики ученикамъ VII и VIII классовъ по одному часу въ

недѣлю, слѣдуя извѣстнымъ руководствамъ Бергера и Негельсбаха. Они знакомятъ учащихся съ взаимнымъ отношеніемъ лексическаго матеріала въ русскомъ и латинскомъ языкахъ отдѣльно по частямъ рѣчи, съ преобладаніемъ и недостаткомъ тѣхъ или другихъ формъ въ этихъ языкахъ, со средствомъ замѣны недостающихъ или неупотребляемыхъ словъ, съ особенностями въ строеніи предложеній и періодовъ, съ простымъ и украшеннымъ языкомъ и проч. Нельзя не сочувствовать подобной задачѣ — не ограничиваться ознакомленіемъ учащихся съ внѣшней формальной стороной языка, но довести ихъ до пониманія внутренняго строя латинской рѣчи. Но съ другой стороны слѣдуетъ сказать, что прохожденіе стилистики въ видѣ систематической теоріи вообще не практикуется даже и въ германскихъ гимназіяхъ; а стилистическое обученіе тѣсно связывается съ чтеніемъ авторовъ. Сначала ученики приучаются переводить строго держась оригинала, а затѣмъ, когда уснеть и понять точно смыслъ текста, придавать переводу форму болѣе свободную, разнообразную, вполне соответствующую законамъ родной рѣчи какъ въ отношеніи отдѣльных словъ и фразъ, такъ и относительно строя предложеній и періодовъ, для чего длинные и сложные періоды разлагаются на нѣсколько самостоятельныхъ предложеній простыхъ или сложныхъ посредствомъ превращенія главныхъ предложеній въ придаточныя и наоборотъ, посредствомъ вставки союзовъ и нарѣчій для указанія связи и отношеній между отдѣльными предложеніями, посредствомъ замѣны предложеній одного рода предложеніями другого рода, а иногда посредствомъ болѣе или менѣе значительнаго измѣненія мѣста и послѣдовательности предложеній.

Путемъ такихъ преобразованій и сличенія чистаго перевода съ оригиналомъ, выясняются учащимся главнѣйшія стилистическія правила, которыя утверждаются въ памяти учениковъ посредствомъ устной и письменной ретроверсіи переведенныхъ текстовъ. Стилистическія правила повторяются и разширяются на переводахъ съ отечественнаго языка, причемъ строй родной рѣчи измѣняется согласно законамъ латинскаго языка. Добытыя такимъ образомъ правила записываются учениками въ тетради и къ концу курса подводятся подъ нѣсколько рубрикъ. Относительно того, какому изъ означенныхъ двухъ способовъ изложенія стилистики слѣдуетъ отдать преимущество, — способу систематической теоріи болѣе или менѣе отрѣшенному отъ чтенія, или практическому, поставленному въ тѣсную связь съ чтеніемъ авторовъ, — слѣдуетъ сказать, что восхожденіе отъ кон-

кретныхъ явленій къ отвлеченнымъ выводамъ имѣеть важныя всѣмъ понятныя педагогическія преимущества, что языкъ, какъ органическое цѣлое, требуетъ изученія въ возможномъ единствѣ и приведенія всѣхъ частей преподаванія къ возможно тѣсной взаимной связи, которая, по понятнымъ психологическимъ основаніямъ, облегчаетъ трудъ самихъ учащихся и составляетъ требованіе правильного воспитательнаго обученія. Вѣроятно по этимъ и имъ подобнымъ соображеніямъ, практика благоустроенныхъ заведеній у насъ и за границей предпочитаетъ практическій способъ обученія стилистикѣ, въ пользу котораго высказываются также и лучшіе представители теоріи гимназической педагогики. Такъ напримѣръ, Шрадеръ говоритъ слѣдующее на 374 страницѣ своего извѣстнаго трактата: „толкованіе автора со стороны языка представляетъ не только цѣлесообразный поводъ и матеріалъ, но, что еще важнѣе, единственную и цѣльную основу для стилистическаго образованія учениковъ. Они должны заимствовать изъ него необходимый запасъ словъ и фразъ, должны имѣть въ немъ образецъ, на которомъ они могли бы видѣть законы изложенія въ живой дѣйствительности и примѣнять ихъ въ своихъ собственныхъ опытахъ. Такимъ все опредѣляющимъ образцомъ можетъ быть только одинъ писатель. Знатоки языка могутъ и дѣйствительно пользуются съ благоразумной разборчивостію всѣми средствами изложенія и выраженія, которыя представляетъ римская литература вообще и въ особенности классическій ея періодъ; но учениковъ нужно воспитывать на одномъ образцѣ и постоянно возвращать къ нему. Для начинающаго весьма трудная хотя неизбежная задача состоитъ въ томъ, чтобы усвоить себѣ одинъ родъ стиля со всѣми его богатыми средствами настолько, чтобы можно было, подражая и воспроизводя его, пользоваться имъ въ собственныхъ опытахъ; если же эту задачу усилить тѣмъ, что распространить изученіе на нѣсколько образцовъ, то учащимся представится смутный неясный образъ, въ которомъ они не отдадутъ себѣ яснаго отчета, не говоря уже о примѣненіи его въ собственныхъ опытахъ. Что этимъ однимъ писателемъ долженъ быть Цицеронъ, едва ли это требуетъ доказательствъ, но такъ какъ у Цицерона разсматриваются и изслѣдуются далеко не всѣ стороны античной жизни, то понятно, что необходимо заимствовать запасъ словъ и способы сочетанія ихъ изъ другихъ писателей, читаемыхъ въ гимназіи. Такъ, напримѣръ, для изложенія историческаго матеріала многое можно заимствовать изъ Ливія; наглядной живости и изяществу выраженія можно научиться

у поэтовъ. Но главные опредѣляющіе законы изложенія, общую противоположность римскаго и роднаго языка, соответственное выраженіе и развитіе понятій, строй періода, расположеніе словъ, сочетаніе предложений и т. п., ученикъ долженъ изучить на одномъ писателѣ, который выражаетъ особенности римскаго характера самымъ чистымъ, полнымъ и осязательнымъ образомъ, и этимъ путемъ пріучиться къ тому изиществу рѣчи, которое необходимо для усвоенія чужаго языка и для общаго литературнаго образованія.

Такимъ образомъ при чтеніи Цицерона учитель указываетъ и объясняетъ, на цѣлесообразныхъ частяхъ текста, строеніе періода, отношеніе и постановку отдѣльныхъ его частей, подчиненіе тѣхъ частей предложений и мыслей, которыя въ родномъ языкѣ являются въ другомъ сочетаніи. Разобранными такимъ образомъ частямъ текста ученики подражаютъ въ экзерциціяхъ и экстермпоралихъ, а при обсужденіи ученическихъ работъ они припоминаются ученикамъ. Весьма часто координація въ родной рѣчи соответствуетъ уступительному періоду въ латинскомъ языкѣ. Если учитель при переводѣ напримѣръ *de off. 1, pro Mil. 1* такой уступительный періодъ разложилъ на координированныя предложенія, то при письменныхъ упражненіяхъ онъ будетъ слѣдовать обратному пути и возведетъ отдѣльный случай на степень правила. Подобный же приѣмъ можетъ быть примѣненъ при обработкѣ другихъ видовъ періода. Такимъ же путемъ слѣдуетъ знакомить учащихся съ латинизмами, напримѣръ, замѣной абстрактныхъ понятій конкретными, множественнаго числа единственнымъ, части цѣлыми и наоборотъ. Со всѣмъ этимъ необходимо знакомить учащихся при случаѣ въ тѣсной связи съ чтеніемъ и изученіемъ автора. Если же излагать этотъ матеріалъ въ видѣ теоретической системы, то кромѣ потери времени, онъ утратитъ свое живое непосредственное значеніе и вліяніе, и искусственно разовьетъ въ учащихся наклонность къ мелочному анализу, которая скуетъ, если не уничтожитъ, едва только пробужденную производительную дѣятельность и явится тяжелымъ тормозомъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ усвоеніи латинскаго стиля. Систематическое изложеніе умѣстно для филологовъ спеціалистовъ и слѣдовательно для учителей, но должно быть вовсе устраниено изъ школьнаго обученія".

Замѣчено, что вообще чтеніе латинскихъ авторовъ у нѣкоторыхъ преподавателей не вполне отвѣчаетъ условіямъ нормальнаго веденія дѣла прежде всего въ томъ отношеніи, что классъ совсѣмъ почти не привлекается къ дѣятельному занятію предметомъ урока, а соуча-

стіе цѣлаго класса въ занятіяхъ лежитъ въ самомъ понятіи гимназическаго преподаванія и составляетъ необходимое отъ него требованіе по многимъ уваженіямъ. Только посредствомъ соучастія учениковъ въ классномъ занятіи можетъ быть поддерживаемо ихъ вниманіе дѣйствительное, активное, а не лицемѣрное, выражающееся въ спокойномъ сидѣніи, обращеніи глазъ на учителя и т. п. Такъ какъ для учениковъ не все равно, отвѣчаютъ ли они хорошо или дурно, то соучастіе въ занятіяхъ служитъ побужденіемъ къ лучшему приготовленію уроковъ и слѣдовательно къ прилежанію. Когда преподаваніе ведется живо, то оно становится пріятнѣе и для учителя и для учениковъ. Учитель не долженъ шага дѣлать впередъ, не увѣрившись, что ученики вполнѣ и прочно поняли и усвоили сего преподаваніе, а увѣрившись въ этомъ онъ можетъ только при постоянномъ привлеченіи всѣхъ учениковъ къ классной работѣ. Ученики тоже могутъ увѣрившись въ томъ, что правильно и вполнѣ понимаютъ преподаваемое лишь посредствомъ отвѣтовъ на цѣлый рядъ вопросовъ, обнимающихъ всѣ стороны преподаваемаго. Стремясь втянуть весь классъ въ работу, преподаваніе должно остерегаться постоянно и безотвязно льстиваться въ отвѣты учениковъ. Учителю нужно научиться молчать, когда ученикъ говоритъ, и нужно имѣть терпѣніе, чтобы ежеминутно не врѣзываться въ умственную дѣятельность ученика, прерывая и тормозя ее замѣчаніями, поправками и вопросами. При отвѣтѣ ученику должно быть предоставлено полное спокойствіе. Въ виду этого безспорнаго положенія, можно, напримѣръ, предоставить вызванному ученику по прочтеніи текста перевести его безъ перерыва, еслибы даже переводъ оказался неправильнымъ. Только этимъ путемъ ученикъ можетъ ясно выказать, какъ онъ приготовился къ уроку. Если переводящій ученикъ не въ силахъ перевести что-либо, то вызывается другой, но при дальнѣйшемъ переводѣ обыкновенно слѣдуетъ обращаться къ прежнему ученику, чтобы не оскорбить его, если онъ хорошій, а лѣнивому не дать повода бездѣйствовать. Послѣ перевода ученикомъ назначеннаго предложенія или мѣста, умѣстно обратиться къ классу съ вопросомъ, все ли правильно переведено и не можетъ ли кто сдѣлать возраженія. Если классъ приученъ къ порядку, то каждый разъ можетъ выискаться нѣсколько учениковъ для поправки неправильностей и неточностей перевода, и если при этомъ ученикъ скажетъ что-либо неправильное, что считаетъ однако болѣе вѣрнымъ, чѣмъ слышанное, то это дастъ новый поводъ къ полезнымъ поправкамъ. Такимъ образомъ хорошій переводъ получается

трудомъ самихъ учениковъ, а учитель поправляетъ лишь когда никто изъ учениковъ не въ состояніи это сдѣлать.

Содержаніе большихъ отдѣловъ прочтеннаго ученики должны умѣть передавать самостоятельно, равно какъ объяснить связь съ предыдущимъ и съ цѣлымъ сочиненіемъ, такъ чтобы они ясно представляли себѣ содержаніе всего прочтеннаго, въ особенности если это рѣчь или стихи.

Ученики должны твердо усваивать лексическій матеріалъ чтенія, для чего необходимо постоянно спрашивать при закрытыхъ книгахъ слова и фразы, хотя и не всѣ. Чтобы съ своей стороны способствовать этому усвоенію и руководить имъ, преподаваніе должно ознакомить учащихся съ основными правилами словообразованія и словопроизводства, указывать и упражнять учениковъ въ производствѣ сложныхъ и производныхъ формъ отъ встрѣчающихся при чтеніи корней, а также указывать и объяснять синонимы.

Весьма полезно установить упражненія, состоящія въ томъ, что учитель говоритъ классу по русски разныя предложенія, для перевода которыхъ долженъ быть употребленъ матеріалъ изъ переведеннаго текста. При этомъ необходима находчивость со стороны преподавателя, чтобы не было паузъ, чтобы не тратилось время на приискиваніе словъ, на придумываніе фразъ, которыя должны быть относительно кратки, но мало по малу, по мѣрѣ навыка учениковъ, могутъ дѣлаться длиннѣе и труднѣе. При подобныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ брать въ соображеніе пройденное изъ синтаксиса и выраженія, прежде встрѣчавшіяся при чтеніи. Поэтому подобныя упражненія требуютъ старательнаго приготовленія со стороны учителя.

Этими упражненіями, вмѣстѣ съ спрашиваніемъ словъ и фразъ, слѣдуетъ особенно заниматься по окончаніи какого нибудь краткаго цѣлаго и при его повтореніи; можно иногда заниматься подобными упражненіями въ началѣ урока, возвращаясь къ предыдущему. Такія упражненія вліяютъ полезно и на качество приготовленія, заставляя учениковъ готовиться съ большею точностію, не ограничиваться поверхностнымъ пониманіемъ, лучше учить слова и внимательно примѣчать обороты. Эти упражненія составляютъ единственное средство къ пріобрѣтенію нѣкотораго навыка выражаться полнѣе. Такъ какъ предметъ знакомъ ученикамъ и по содержанію и по выраженію, то упражненія идутъ съ быстрымъ успѣхомъ; по мѣрѣ удачи усиливается охота къ занятіямъ и увеличивается вообще усердіе и настойчивость.

Необходимо, чтобы преподаваніе сопровождало упражненія памяти, то-есть, заучиваніе на память такихъ вещей, которыя стоятъ того; для этого оно должно пользоваться каждымъ случаемъ при чтеніи—сходствомъ конструкцій, словъ, историческими и географическими фактами, собственными именами и т. п., чтобы вызывать учениковъ вспомнить заученное и такимъ образомъ укорепить оное въ ихъ памяти. Для сбереженія времени, при спрашиваніи задаваемого назвустъ, можно вызывать слабѣйшихъ памятью, а тѣхъ, у кого память хороша, можно призывать лишь на помощь слабымъ. Чтобы не обременять учениковъ, можно задать не къ опредѣленному дню, а на извѣстный періодъ—недѣлю или десять дней—и притомъ небольшіе отрывки, такъ какъ запоминаніе связи и послѣдовательности рѣчи представляетъ свои трудности.

Съ самаго начала года нѣкоторые преподаватели отдѣляютъ по два урока въ недѣлю на письменныя упражненія учениковъ I класса по латинскому языку. Мѣра эта противорѣчитъ указаніямъ учебныхъ плановъ и едва ли можетъ найти педагогическое оправданіе. Письменные экстернорале имѣютъ значеніе главнымъ образомъ контроля, а начинающіе и особенно малолѣтніе пуждаются не въ контролѣ, а въ прямомъ поставленіи. Конечно работы разсматриваются преподавателемъ, и изъ его поправокъ учащіеся могутъ извлечь полезныя указанія. Но если справедливо вообще, что *viva vox docet*, то относительно I-го класса это бесспорная аксіома. Письменныя упражненія умѣстны и въ I классѣ, но непрактично посылать ихъ цѣлыми часами, отлагая поправку работъ на домъ. Письменныя упражненія необходимо разсматривать и поправлять въ общей классной работѣ, которая и не пройдетъ безслѣдно для учащихся. Отдѣливъ на письменныя упражненія $\frac{1}{4}$ всего времени, преподаваніе этимъ самымъ ограничиваетъ возможность выполнить удовлетворительно главнѣйшую свою обязанность—разучивать во время урока въ классѣ новыя флексіи и покабули. Разучиваніе уроковъ въ классѣ вмѣняется въ обязанность преподавателя и учебными планами и современной наукой. Это, говорю настоятельно, единственное средство для возвышенія успѣшности,—средство, не невыполнимое при 8 урокахъ. Предварительныя приготовленія уроковъ въ самомъ классѣ вмѣстѣ съ учениками избѣгаютъ не только учениковъ, но и учителя отъ бесполезной работы и многочисленныхъ порицаній. Вслѣдъ, кто по опыту своей ученической жизни знаетъ, въ какомъ безпомощномъ состояніи находится предоставленный самому себѣ ученикъ, какъ его собствен-

ныя силы даже при величайшемъ напряженіи не могутъ поборотъ представляющіяся затрудненія, какъ онъ отчаявается въ исполненіи заданной работы и именно вслѣдствіе отчаянія оставляетъ ее неисполненной,—тотъ не можетъ сомнѣваться въ необходимости подобныхъ приготовленій уроковъ учениками сообща съ учителемъ въ самомъ классѣ. Такое классное приготовленіе не только поощряетъ ученика, но и не позволяетъ ему съ тяжкимъ трудомъ заучивать ошибки, искорененіе которыхъ причиняетъ вслѣдствіи учителю столько случайнаго и бесполезнаго труда. Въ началѣ подобныхъ совокупныхъ приготовленій не слѣдуетъ ограничиваться отдѣльными общими указаніями, необходимо проходить подробно весь задаваемый § и лишь постепенно уменьшать эту приготовительную дѣятельность, не прекращая ея вовсе, пока классъ не будетъ упражненъ въ приготовленіи уроковъ. Для этого учителю необходимо терпѣніе, возможное только при полной преданности дѣлу; отстающихъ и велегко понимающихъ учениковъ не слѣдуетъ сурово порицать, ихъ надо съ кротостію поддерживать и подвигать впередъ, подробно объясняя имъ ихъ недоумѣнія; болѣе способныхъ можно съ пользою употреблять для поддержки остальныхъ, предлагая имъ вопросы, или заставляя ихъ непосредственно помогать товарищамъ. Если такимъ образомъ прочно организовано преусибіяніе класса, то ни одинъ ученикъ не можетъ имѣть причины отчаяваться въ приготовленіи заданнаго ему урока: тогда его подстрекаетъ желаніе поинтаться самостоятельно сдѣлать ту же работу, въ которой онъ упражнялся подъ руководствомъ учителя и въ удобоисполнимости которой могъ убѣдиться. Кромѣ того, при подобномъ совокупномъ приготовленіи, учитель узнастъ безошибочно изъ собственнаго наблюденія, что онъ можетъ требовать отъ класса, въ чемъ заключаются постоянныя затрудненія для учениковъ, и какимъ образомъ ихъ побѣдить съ возможно болѣею пользою для истиннаго умственнаго воспитанія учащихся. И въ старшихъ классахъ, задавая уроки, нѣкоторые учителя не дѣлаютъ никакихъ руководственныхъ указаній и предоставляютъ учениковъ ихъ собственнымъ усиліямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ученики имѣютъ репетиторовъ. Въ виду этого слѣдуетъ сказать, что крайне превратно задавать ученикамъ работу, не указавъ имъ сперва на самый лучший и самый цѣлесообразный способъ ея выполненія, не обративъ предварительно ихъ вниманія на встрѣчающіяся въ задаваемой работѣ трудности.

Подобныя поясненія возможны и необходимы по *всѣмъ предме-*

тамъ. Не слѣдуетъ, напримѣръ, задавать ни одной темы для сочиненія, за исключеніемъ немногихъ въ высшемъ классѣ, не опредѣливъ предварительно вмѣстѣ съ учениками планъ этого сочиненія. Математическія задачи тоже должны сопровождаться объяснительными замѣчаніями, иначе онѣ потребуютъ большой траты времени и истощать прилежаніе учениковъ. Но въ особенности при переводѣ съ иностранныхъ языковъ необходимо устраивать предварительныя приготвленія въ самомъ классѣ вмѣстѣ съ учениками, указывать имъ при этомъ на болѣе рѣдкія формы, запутанныя конструкціи и т. п. Этимъ устраняется также и обращеніе учениковъ къ непослѣдательной помощи и заучиваніе ими ошибокъ.

4) Въ отношеніи преподаванія *математики* замѣчено прежде всего, что нѣкоторые преподаватели излагаютъ *арифметику* и въ первомъ классѣ чисто теоретическимъ путемъ, въ формѣ систематическихъ лекцій. Они обращаютъ главное вниманіе даже и въ первомъ классѣ на научный матеріалъ, на строго систематическое его изложеніе и упускаютъ изъ виду природу, возрастъ, развитіе и подготовку учениковъ. При хорошей элементарной подготовкѣ учениковъ можетъ быть возможно и въ первомъ классѣ строго систематическое изложеніе, но фактическая подготовка учениковъ далеко не вездѣ и не всегда представляется удовлетворительной и потому едва ли не практичнѣе отпираться не отъ отвлеченныхъ на большія числа примѣровъ, а въ основаніе занятій взять русскія мѣры и вѣсы и рѣшать задачи, въ которыхъ приходилось бы дѣлать различныя дѣйствія надъ числами и всякій приѣмъ выводился бы дѣтскими изъ цѣлаго ряда задачъ. Сначала можно употреблять способы наиболѣе понятныя для дѣтей, хотя и сложные, а потомъ уже перейти къ болѣе краткимъ и упрощеннымъ приѣмамъ. Числа слѣдуетъ выбирать не сложныя и особенно такія, какъ 48, 60, 96, изученіе которыхъ можетъ принести дѣтямъ много пользы, и постепенно переходить къ болѣе сложнымъ числамъ. При рѣшеніи задачъ и выводѣ правилъ, полезно обращаться не къ отдѣльнымъ ученикамъ, а къ цѣлому классу, такъ чтобы преподаватель могъ постоянно чувствовать весь классъ, то-есть, повѣрять, на сколько ученики усвоили пройденное, на сколько внимательны и желаютъ учиться.

Методъ рѣшенія задачъ могъ бы представлять больше разнообразія. Такъ, кромѣ повторенія условій задачи, ученики могли бы давать точный отчетъ о величинахъ данныхъ и искомымъ, объяснять общій ходъ рѣшенія задачи, при чемъ въ затруднительныхъ случаяхъ ока-

зываетъ помощь преподаваніе, указывать дѣйствія, которыя необходимо произвести надъ данными числами и по совершеніи этихъ дѣйствій повторить снова послѣдовательно всѣ разсужденія, чтобы имѣть цѣльное представленіе о всемъ ходѣ рѣшенія. Послѣдній приемъ тѣмъ необходимѣе, что умѣнье отвѣчать на частные вопросы еще не выражаетъ умѣнья сдѣлать связный отвѣтъ, обнимающій цѣлый рядъ разсужденій, какъ это ученики должны исполнить на экзаменѣ.

Когда ученики приобрѣтутъ достаточный навыкъ въ рѣшеніи задачь посредствомъ изложеннаго приема, не требующаго особенной сообразительности, можно примѣнить другой способъ, при которомъ наводящіе вопросы учителя располагаются въ такомъ порядкѣ, что ученики, слѣдя за ними и отвѣчая на нихъ, сами могутъ понять и причину, почему они такъ, а не иначе приступаютъ къ рѣшенію задачи. Приемъ этотъ необходимъ для приученія учениковъ къ самостоятельному рѣшенію задачь безъ помощи преподавателя.

Справедливо желать также чтобы, задавая работу, преподаваніе указывало лучшіе способы ея исполненія. Если математическія задачи не сопровождаются объяснительными замѣчаніями, то онѣ требуютъ траты огромнаго количества времени и истощаютъ прилежаніе учащихся, но такъ какъ для рѣшенія ихъ ученики владѣютъ или должны владѣть необходимыми основаніями, то не трудно достигнуть цѣли путемъ выпрашивающихъ и наводящихъ вопросовъ при дѣятельномъ соучастіи въ работѣ всего класса. Задавая задачи на домъ, не слѣдуетъ требовать, чтобы ученики писали условія въ тетрадахъ, а ограничиться одними вычисленіями.

Замѣчено, что преподаваніе иногда посвящаетъ не болѣе 2 — 3 уроковъ на переходъ отъ ариметки къ алгебрѣ, а этого времени едва ли достаточно, чтобы оправдать необходимость и цѣль и привести учениковъ къ пониманію такихъ отвлеченныхъ обобщеній какъ алгебраическое количество, вся классификація положительныхъ и отрицательныхъ количествъ по ихъ составу и прохожденію и т. п., и вообще ознакомить учениковъ съ сущностію основныхъ вопросовъ алгебры и рѣшеніемъ ихъ въ простѣйшихъ случаяхъ. Для достиженія этого знатоки дѣла рекомендуютъ, напримѣръ, въ какой либо задачѣ перемѣнять данныя числа, оставляя условія и вопросъ безъ перемѣны; ученикъ безъ труда замѣтитъ, что рядъ дѣйствій для рѣшенія задачи остается одинъ и тотъ же и что, слѣдовательно, онъ не зависитъ отъ значенія данныхъ чиселъ, а только отъ условій и вопроса задачи. Отсюда уясняется цѣль и значеніе частнаго и об-

щаго числа, частной и общей задачи. Ученикъ увидить, что если рѣшеніе частной задачи состоитъ въ отысканіи числа, то рѣшеніе общей приводится къ составленію формулы. Общая формула можетъ служить для рѣшенія множества задачъ одного рода, если вмѣсто буквъ подставлять соотвѣтствующія частныя числа и дѣлать указанныя въ формулѣ дѣйствія, слѣдовательно, естественно упростить формулу раѣе подстановки частныхъ чиселъ. Отсюда вытекаетъ необходимость въ коэффициентахъ, показателяхъ, соединеніи подобныхъ членовъ, въ упрощеніи формулъ умноженія и дѣленія одинаковыхъ количествъ съ показателями.

Вообще преподаваніе математики обявано, можетъ быть болѣе другихъ, ни на минуту не упускать изъ виду дидактическое правило, выраженное Дистервегомъ такъ: „Начинай ученіе съ той точки, на которой стоитъ ученикъ, и, съ нею начиная, веди его далѣе безъ перерывовъ, безъ пробѣловъ, основательно и постоянно впередъ“.

5) *По географіи.* Если точное воспроизведеніе очертаній странъ представляетъ трудности, то слѣдовало бы воспользоваться упрощенными способами изображать контуры странъ, направленія горъ и рѣкъ прямолинейно, рѣдко когда криволинейно. Такъ, напримѣръ Балканскій полуостровъ изображается въ видѣ равносторонняго треугольника, раздѣленнаго на шесть полосовъ, Пиренейскій — въ видѣ квадрата, Апеннинскій — въ видѣ наклоннаго параллелограмма, длина котораго въ пять разъ превосходитъ ширину; этотъ параллелограммъ на сѣверѣ снабженъ трапеціей, а на югѣ треугольникомъ. Указанія на упрощенный способъ черченія картъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Опшермана, Гюпо, Лозе. У насъ въ Россіи вышелъ въ Одессѣ географическій атласъ по упрощенному способу съ объяснительнымъ текстомъ, учителя Херсонской гимназіи г. Шилова. Авторъ предлагаетъ черченіе картъ посредствомъ геометрическихъ фигуръ: сначала онъ показываетъ, какъ чертятся плоскошарія, какъ вчерчиваются въ эти плоскошарія части свѣта, а потомъ переходитъ къ чертежу отдѣльных частей свѣта. Контуры даетъ онъ самыя простыя.

Штесмеръ употребляетъ особый родъ черченія посредствомъ нормалей. Чтобы начертить, напримѣръ, южную Америку, проводится 60-й меридіанъ къ западу отъ Гринича и дѣлится на 5 частей или нормалей, чрезъ что опредѣляется шесть точекъ: первая точка будетъ устье Эссивебо; вторая — сліяніе Мадейры съ Амазонской; третья — истокъ Парагвая; четвертая — сліяніе Парагвая съ Параной; пятая — недалеко отъ мыса Коріентла; шестая — Фалькландскіе острова.

Отложу отъ второй точки къ востоку двѣ нормали, получу мысъ С. Рока; къ западу—Punta Ragina, и т. д.

Кромѣ картъ береговыхъ очертаній, расовыхъ бюстовъ, преподаваніе географіи не обставляется почти никакими наглядными пособіями, какъ это необходимо. Многочисленные элементы земнаго шара можно подвести подъ слѣдующія рубрики:

а) горизонтальныя и вертикальныя формы земной поверхности, то-есть, береговое очертаніе материковъ, горныя страны, плоскогорія и низменности;

б) океаны и моря съ ихъ частями;

в) рѣки и озера;

г) почва;

д) климатъ;

е) растенія;

ж) животныя;

з) человѣкъ.

Согласно съ этимъ, для выясненія всѣхъ элементовъ земнаго шара необходимы пособія:

а) для изученія береговой линіи—глобусы, карты, атласы;

б) для земныхъ профилей—рельефные глобусы и карты, рисунки профилей и картины, изображенія рельефовъ посредствомъ разныхъ условныхъ красокъ;

в) для водъ—карты теченій, картины морскихъ и рѣчныхъ явленій;

г) для изученія почвы—коллекціи почвъ и горныхъ породъ;

д) для климата—карты вѣтровъ, картины воздушныхъ явленій;

е) для изученія растительнаго и животнаго царствъ необходимы чучелы, фигуры, картины животныхъ, растений и плодовъ;

ж) для изученія народонаселенія земнаго шара необходимы фигуры типовъ, расъ, фигуры и картины различныхъ народовъ, рисунки ихъ жилищъ и вообще домашней обстановки, планы городовъ, картины замѣчательныхъ зданій и образцы продуктовъ промышленности;

з) для знакомства съ наружнымъ видомъ земнаго шара, пособіями должны служить картины (ландшафты) типическихъ мѣстностей разныхъ поясовъ.

Употребленіе стереоскопа во всемъ этомъ можетъ оказать существенную пользу.

Если географія не должна быть простымъ сборникомъ чиселъ и

именъ, являться только служанкой исторіи, если преподаваніе ея претендуетъ на педагогическое значеніе, то оно должно стремиться развивать мыслительныя способности учащихся, должно особенно возбуждать ихъ самодѣятельность, а это прежде всего достигается внимательнымъ чтеніемъ карты со стороны учениковъ.

Каждая хорошая карта даетъ понятіе объ очертаніи страны, ея мировомъ положеніи, величинѣ, поверхности, орошеніи, длинѣ рѣкъ, величинѣ бассейна, климатическихъ условій, произведеній, и т. д.; кромѣ того, даетъ возможность дѣлать различныя сравненія; чтеніе карты переводитъ въ слова знаки, видимыя ученикомъ, и, будучи ведено правильно, доводитъ до того, что ученики ясно понимаютъ внутренній образъ страны. Слишкомъ недостаточно—какъ это однако перѣдко встрѣчается въ преподаваніи географіи,—если только при случаѣ обращаются къ картѣ или только вскользь пользуются ею для указанія извѣстныхъ мѣстъ, напротивъ, должно изучать ее непремѣнно въ строгой системѣ. Только такое чтеніе развиваетъ способность возвращенія и воспріятія и вызываетъ въ ученикѣ самодѣятельность. Ученикъ долженъ читать карту и посредствомъ наводящихъ вопросовъ дѣлаетъ выводы и заключенія; учитель же, съ своей стороны, разъясняетъ и дополняетъ то, чего не видно на картѣ. Читая карту, ученикъ прежде всего долженъ отвѣчать на слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: подѣ какую широтою и долготою и въ какомъ полѣ лежитъ страна; какими окружена землями и морями; представляетъ ли политическія или естественныя границы; прямое или извилистое очертаніе береговъ; въ какіе вытянута полуострова; какіи моря углубляются въ видѣ заливовъ; нѣтъ ли острововъ неподалеку отъ материка, какими проливами они отдѣлены. Далѣе, возвышенная или низменная страна, и если возвышенная, то представляетъ ли плоскогорье или горы массами, или отдѣльными возвышеніями, по какому направленію таятся горныя цѣпи, куда онѣ падаютъ круто и куда отлого (о наклонѣ горъ можно судить по толщинѣ штриховъ). Хорошо ли страна орошена или нѣтъ; какія протекаютъ рѣки, откуда онѣ берутъ начало, какіе принимаютъ притоки съ указаніемъ ихъ истока и теченія; широка ли долина; какія горы прорываются рѣками; гдѣ водораздѣлы между рѣчными системами, какое устье воронкообразное или дельтообразное.

Полезно заставлять учениковъ измѣрять по картѣ, для чего найденное число вершковъ или дюймовъ умножаютъ на число, показывающее во сколько разъ уменьшена карта, или отмѣряютъ расто-

яніе прямо по линейному масштабу, который обыкновенно приложенъ внизу карты, или, наконецъ, вычисляютъ по градусамъ. Такъ опредѣляется длина рѣки, горнаго хребта, вычисляется площадь, занимаемая страной, плоскогорьемъ, низменностію, бассейномъ рѣки и т. д.

Кромѣ упомянутыхъ самостоятельныхъ работъ, можно посредствомъ наводящихъ вопросовъ заставить учениковъ дѣлать болѣе сложные выводы. Такъ, по положенію страны можно судить о слѣдующемъ: разстояніе отъ экватора указываетъ каковъ климатъ—теплый или холодный; какова флора, богата ли она, плотно ли населеніе и чѣмъ оно занимается; покрыты ли горы снѣгомъ? Близость страны отъ моря указываетъ на морской климатъ. По горизонтальному очертанію прежде всего заключаютъ о климатѣ. Страна, вытянутая по меридіану, представляетъ гораздо больше разнообразія по климату и естественнымъ произведеніямъ чѣмъ страна, имѣющая наибольшее протяженіе по параллели, чѣмъ извилисте берега, тѣмъ удобнѣе сношеніе между жителями и больше развита культура. Рельефъ страны показываетъ, почему одна рѣка имѣетъ одно направленіе, а другая другое, отчего въ одну рѣку впадаетъ много притоковъ, а въ другую мало, и почему съ одной стороны ихъ больше, чѣмъ съ другой. По рельефу же можно судить о климатѣ и занятіяхъ жителей и о причинахъ процвѣтанія тѣхъ или другихъ городовъ. Изъ изложеннаго видно, что чтеніе карты представляетъ богатый матеріалъ для самостоятельныхъ работъ и для возбужденія вниманія и мышленія. Нужно только, чтобы у всѣхъ учениковъ были хорошіе и по возможности одинакіе атласы, чтобы можно было развѣ работать съ цѣлымъ классомъ.

6) При задаваніи урока *по исторіи* иногда только прочитывается известное число §§ учебника, причемъ не всегда дѣлаются какія либо поясненія. Отвѣты учениковъ по исторіи состоятъ изъ пересказа содержанія заданныхъ §§. Въ виду этого справедливо выразить, что историческій слогъ имѣетъ свои требованія, которыхъ не нужно избѣгать, но съ которыми слѣдуетъ знакомить мальчиковъ. Не нужно адѣсь слишкомъ полагаться на развитіе воспитанниковъ; такое выраженіе, которое можетъ показаться взрослому, развитому, простымъ, для мальчика можетъ показаться непонятнымъ. Поэтому, учителю необходимо предъ каждымъ классомъ самому прочесть задаваемый урокъ, отиѣтитъ тѣ термины и выраженія, которые нужно объяснить, и непремѣнно требовать отчета въ этихъ объясненіяхъ, иначе они пройдутъ безслѣдно. Затѣмъ, географическая карта должна быть не-

преимущественно предъ глазами учениковъ; задавая урокъ, учитель долженъ показать тѣ мѣста, которыя встрѣчаются въ урокѣ. Отъ этого значительно выиграетъ усвоеніе учениками историческихъ фактовъ; умѣя привязать всякое событіе къ опредѣленной мѣстности, они не такъ легко будутъ спутывать событія и лица. Необходимо также указать въ задаваемомъ урокѣ на факты и даты первостепенной важности и на такіе, которые составляютъ только подробности.

Наконецъ, учитель исторіи обязанъ не только сообщить ученикамъ извѣстную сумму фактовъ, но онъ долженъ объяснить имъ значеніе и смыслъ изучаемыхъ фактовъ, сдѣлать сравненіе и оцѣнку различныхъ явленій общественной жизни, разумѣется, на сколько возможно для степени развитія учащихся. Последнюю задачу необходимо выполнить съ помощью самихъ учениковъ. Посредствомъ вопросовъ преподаваніе заставляетъ учащихся подмѣчать характеристическія черты въ изучаемыхъ событіяхъ и лицахъ, указывать на причины и слѣдствія, связь между фактами, побуждаетъ ученика дѣлать сравненія и возможные для ихъ возраста выводы изъ фактовъ. Подобная разработка матеріала умѣстна и при задаваніи уроковъ, а тѣмъ болѣе при повтореніи ихъ. Нѣкоторые учителя исторіи справедливо считаютъ весьма важнымъ возбудить самостоятельность учащихся и для этого назначили ученикамъ VII и VIII классовъ письменныя работы—изложить по слышаннымъ объясненіямъ и по извѣстнымъ источникамъ (например, Геродоту) извѣстный рядъ событій (персидскіи войны). Работа была назначена домашняя. Ученики жаловались на невозможность исполнить ее при другихъ занятіяхъ, и какъ ихъ заявленіе признано было уважительнымъ, то письменныя работы по исторіи были отменены. Признавая справедливымъ желаніе не обременять учащихся и не стѣснять преподаваніе другихъ предметовъ, имѣющихъ болѣе важное образовательное значеніе, справедливо замѣтить, что если невозможны домашнія работы, то слѣдовало бы вести ихъ въ классѣ. Послѣ того какъ пройденъ извѣстный отдѣлъ, умѣстно обозрѣть его въ сжатомъ и краткомъ очеркѣ, въ существенныхъ моментахъ и затѣмъ, отчего не предложить ученикамъ воспроизвести письменно въ классѣ этотъ общій обзоръ періода или событій, имѣющаго видное значеніе, съ тѣмъ, чтобы выяснитъ отношеніе явленій между собою и ихъ относительное значеніе? Подобныя задачи, конечно, не легки и не превосходятъ силъ учениковъ старшихъ классовъ. Повторяютъ же ученики устно разказы учителя, связываются же въ ихъ головахъ какъ нибудь историческія событія.

Пусть ученики, не задаваясь широкими задачами, на первый разъ просто передадутъ письменно, то, что они отвѣчаютъ устно и что, слѣдовательно, существуетъ уже въ ихъ головѣ. Это будетъ тотъ же урокъ, только передаваемый не устно, а письменно, слѣдовательно, передаваемый съ большей внимательностію, съ большею степенью состоятельности, что собственно, и составляетъ педагогическое значеніе этихъ упражненій, которыя въ тоже время могутъ служить и орудіями болѣе прочнаго и основательнаго усвоенія предмета. По мѣрѣ успѣховъ, задачи могутъ дѣлаться серьезнѣе и стать отличными средствомъ дисциплинировать молодые умы, незамѣтно приучать ихъ къ послѣдовательности и логической стройности въ расположеніи мыслей.

7) Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ въ высшихъ классахъ для переводовъ съ нѣмецкаго языка набираютъ отдѣльныя произведенія литературы, а не хрестоматіи, какъ это обыкновенно дѣлается. Эта мѣра въ принципѣ имѣетъ немало хорошихъ сторонъ. Интересъ къ автору и цѣлому сочиненію можетъ быть для ученика больше и живѣе, чѣмъ къ выбраннымъ отрывкамъ. Сознаніе ученика, что онъ трудится надъ цѣлымъ сочиненіемъ, имѣетъ для него свою пріятность, оно у него въ полномъ распоряженіи, онъ можетъ брать изъ него что и сколько хочетъ безъ опасенія, что неискусная рука выкроила изъ него самое лучшее и интересное. Авторъ является предъ учащимся, такъ сказать, лицомъ къ лицу и это самое увеличиваетъ интересъ къ нему. Ученикъ получаетъ возможность вчитаться въ самого автора, углубиться въ его содержаніе, проникнуть его во всѣхъ направленіяхъ; ученикъ видитъ, что все находится на своемъ мѣстѣ съ цѣлію содѣйствовать внутренней силѣ мысли или служить внѣшнимъ ея украшеніемъ; въ ученикѣ вырабатываются ясныя взгляды на весь образъ мыслей и чувствъ автора. Путь къ такому пониманію фактовъ ученикъ долженъ открыть себѣ основательнымъ изученіемъ языка, отдѣльныхъ словъ, отношеній, въ которыхъ они находятся въ рѣчи, изученіемъ построенія предложеній и періодовъ, употребленія фигуръ, особенныхъ отгѣнковъ слога; все это облегчается для ученика тѣмъ, что онъ въ одно время занимается произведеніемъ одного лишь ума, который сохраняетъ единство какъ въ пониманіи вещей, такъ и въ употребленіи средствъ языка. Такимъ образомъ, сдружившись съ содержаніемъ и формой книги, ученикъ наконецъ чувствуетъ, что авторъ сдѣлался для него своимъ человѣкомъ, онъ замѣтилъ мѣста, которыя особенно заинтересовали его, въ которыхъ выражены истины, имѣющія для

него особую цѣну, потому что въ нихъ рельефно выражено то, что онъ самъ испыталъ или чего не раздѣляетъ. Такимъ образомъ, составляетъ множество личныхъ отношеній ученика къ автору, которыя и даютъ чтенію плодотворную силу. Такихъ благопріятныхъ результатовъ нельзя ждать отъ чтенія хрестоматіи, тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе она содержитъ отрывковъ и чѣмъ болѣе въ нее вошло статей изъ разныхъ авторовъ. Эти статьи обыкновенно такъ коротки, что на нихъ нельзя остановиться и спокойно осмотрѣться во всѣ стороны; на нихъ останавливаешься на такое короткое время, что не успѣешь углубиться въ нихъ; разнообразіе матеріала и лицъ слишкомъ велико, такъ что не могутъ установиться тѣ прочныя отношенія, о которыхъ сказано выше. Какъ ни важны преимущества чтенія цѣлыхъ произведеній авторовъ надъ чтеніемъ хрестоматіи, но примѣненіе этой мѣры въ настоящее время не во всѣхъ гимназіяхъ возможно главнымъ образомъ потому, что общій уровень знаній учениковъ старшихъ классовъ по нѣмецкому языку не высокъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слабо подготовленные ученики и не вполнѣ свободно владѣющіе русскимъ языкомъ преподаватели тратятъ на переводъ все классное время, — и не смотря на всѣ усилія, достигаютъ только рабскаго перевода — вмѣсто того, чтобы, облегчивъ трудности перевода, употреблять по частямъ время на занятія болѣе скромныя, но болѣе необходимыя: на повтореніе грамматики и, главное, на изученіе лексической стороны языка, для чего необходимо тщательно провѣрять знаніе учениками словъ и фразеологій, встрѣчающихся въ переводахъ, и сверхъ того каждое слово разсматривать не въ одномъ только томъ значеніи, въ которомъ оно встрѣчается въ читаемомъ текстѣ, но и во всѣхъ другихъ, причемъ различныя значенія и употребленія словъ полезно усвоивать не посредствомъ одного только перевода, но и въ примѣрахъ. Для лучшаго изученія словъ и фразеологій, а также для того, чтобы ученики не готовились по писаннымъ переводамъ, чего опасаются гг. преподаватели, можетъ служить ретраверсія, а также вопросы ученикамъ на нѣмецкомъ языкѣ на содержаніе перевода, съ требованіемъ отвѣтовъ на томъ же языкѣ.

8) По *французскому* языку слѣдуетъ желать, чтобы обращалось больше вниманія на чтеніе. Правильность чтенія не только относительно одного произношенія, но и механизмъ его чрезвычайно важны, такъ какъ затруднительное чтеніе вселяетъ впослѣдствіи отвращеніе къ самостоятельнымъ запятіямъ. Вотъ почему слѣдуетъ рекомендовать поставить требованіе такъ, чтобы приготовленный текстъ былъ про-

читать безукоризненно. Если настойчиво преслѣдовать эту цѣль, ошибочное и небрежное чтеніе исчезнетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, по крайней мѣрѣ, въ старшихъ классахъ.

Замѣчено, что, начиная съ четвертаго класса, на урокахъ *французскаго*, равно какъ и *нѣмецкаго* языковъ, у нѣкоторыхъ преподавателей ученики переводятъ на русскій безъ приготовленія *à livre ouvert*, причемъ не записываются и не заучиваются слова и переведенный текстъ не перерабатывается. Такой ходъ занятій нельзя признать цѣлесообразнымъ; необходимо, чтобы учащіеся твердо заучивали встрѣчающіеся въ переводѣ слова, чтобы по возможности обращалось ихъ вниманіе на точное и переносное значеніе словъ, на корни словъ, на производство отъ нихъ другихъ словъ въ разныхъ грамматическихъ формахъ, на синонимы, разные оттѣнки словъ и выраженій, на идиотизмы, поговорки, пословицы, — все это сравнительно съ русскимъ языкомъ, когда представится къ тому удобный случай. Не довольствуясь однимъ пониманіемъ, несь этотъ матеріалъ ученики должны твердо заучивать на память. Не менѣе важна разработка переведеннаго, понимая подъ этимъ, съ одной стороны, упражненіе въ обратномъ переводѣ отдѣльныхъ выраженій и фразъ, встрѣчающихся въ текстѣ, устно и письменно, а съ другой — упражненія въ составленіи вопросовъ и отвѣтовъ, относящихся къ содержанію переведеннаго. Такая разработка оживляетъ классъ, возбуждаетъ въ учащихся охоту къ занятіямъ, заставляетъ безъ скуки разсматривать пройденное во всѣхъ частяхъ его, приучаетъ ухо къ пониманію вопроса и языкъ къ составленію отвѣта на иностранномъ языкѣ, утверждаетъ въ памяти пройденное, приучаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ думать на иностранномъ языкѣ.

9) По *приготовительнымъ* классамъ замѣчено слѣдующее :

а) Раздѣленіе класса на группы не сохраняется строго и послѣдовательно и учителя не имѣютъ точныхъ свѣдѣній, къ какой группѣ принадлежитъ какой ученикъ.

б) Задавъ одной группѣ письменную работу и запинаясь сами съ другой, нѣкоторые учителя привлекаютъ къ устнымъ отвѣтамъ учениковъ изъ пишущей группы, а иногда принимаютъ участіе въ письменныхъ работахъ отдѣльныхъ учениковъ, оставляя безъ запятій группу, съ которой занимаются сами.

в) Во время своихъ занятій съ группой позволяютъ нѣкоторымъ ученикамъ изъ этой группы готовить письменныя работы.

г) Дѣти не приучены къ правильной дисциплинѣ, такъ, чтобы,

сидя непринужденно, въ то же время внимательно слѣдили за вопросами учителя, у каждаго готовъ былъ отвѣтъ, не было ни шума, ни разговоровъ, ни шалостей; книги, тетради, доски вынимались бы только по приказанію учителя, безъ суетни. Для поддержанія правильной дисциплины необходимо, чтобы преподаваніе овладѣвало вниманіемъ цѣлаго класса, заставляло работать всѣхъ дѣтей, возбуждало самостоятельность всего класса и каждаго ученика постояннымъ обращеніемъ то къ тому, то къ другому, стремилось къ тому, чтобы въ каждый урокъ каждый ученикъ былъ спрошенъ по нѣскольکو разъ.

д) Нѣкоторые учителя не помнятъ того, что задаютъ на урокъ, и не стараются вести занятія такъ, чтобы обученіе совершалось болѣе въ классѣ, не только при преподавателѣ, но и вѣсть съ преподавателемъ, чтобы домашнія занятія дѣтей по возможности ограничивались, а классное время посвящалось не на одинъ контроль и экзаменъ, но и на дѣятельныя занятія.

е) Интенсивность занятій не доводится до надлежащей степени. Такъ, напримѣръ, упражненія въ чтеніи не доводится до того, чтобы дѣти читали вполне сознательно и притомъ съ такой интонаціей, которая показывала бы, что они не только подвинулись въ искусствѣ хорошаго чтенія, но и вполне овладѣли матеріаломъ статьи. Упражненія арифметическія преслѣдуютъ по преимуществу механизмъ счисленія и упускаютъ изъ виду, чтобы учащіеся ясно представляли себѣ, какія дѣйствія нужно употреблять для рѣшенія задачи по соображенію отношеній между данными въ задачѣ величинами и искомыми.

10) На урокахъ *чтенія и рисованія* замѣчено, что ученики даже старшаго отдѣленія иногда затрудняются, какъ очинить карандашъ, какъ поступить, чтобы резина не марала бумаги, какъ натереть тушь, сберечь ее, предохранить отъ растрескиванія и проч. Эти свѣдѣнія, повидимому, ученики добываютъ собственнымъ опытомъ, но первоначальное ознакомленіе съ ними умѣстно внести въ составъ обученія черченію и рисованію. Еще важнѣе, чтобы преподаваніе озаботилось сдѣлать поправки каждой работы производительными и понятными для всего класса.

11) Нѣкоторыя администраціи заведеній и преподаватели имѣли того убѣжденія, что пѣніе въ школахъ есть только средство къ теоретическому изученію музыки, иначе говоря, музыкальной грамоты, что посредствомъ теоріи музыки преподаваніе обязано стремиться къ обученію учениковъ самостоятельному пѣнію по нотамъ и къ необ-

ходимому пониманію музыкальнаго искусства вообще. Противъ такого взгляда обыкновенно возражаютъ, что преждевременно и противоестественно начинать съ музыкальной грамоты, когда ученики не учились говорить музыкально, то-есть, не умѣютъ слѣть по слуху простой напѣвъ, что это тоже чѣтъ учить грамматику ребенка, не умѣющаго еще говорить. Не менѣе вѣскимъ доказательствомъ служить и то, что успѣхи, достигнутые французскими учителями пѣнія въ школахъ—сторонниками теоріи, ничтожны въ сравненіи съ нѣмецкими, которые руководствуются противоположнымъ методомъ. Германскія школы, включая въ свою программу пѣніе, никогда не задавались, подобно французскимъ, идеей серьезнаго изученія музыкальнаго искусства; напротивъ того, точкой исхода для нихъ служило убѣжденіе, что пѣніе—потребность природная человѣку и потому онѣ стремились удовлетворить эту потребность. Практическое приращеніе пѣнія къ школьной жизни составляетъ одно изъ первыхъ условій при обученіи этому предмету. Школа, въ которой дѣти не знаютъ пѣсенъ, употребляемыхъ во время прогулокъ, при домашнихъ праздникахъ, играхъ, не знаютъ веселыхъ и гимнастическихъ пѣсенъ, считается нѣмецкими педагогами просто безобразной. Въ ихъ глазахъ всѣ методы, всѣ основанія, теоретическія свѣдѣнія, должны быть вспомогательнымъ средствомъ къ правильному и вѣрному пѣнію пѣсенъ. Теоретическое обученіе музыки, то-есть, обученіе музыкальной грамотѣ, не вытѣняется школамъ въ непрѣвѣнную обязанность и желательна на столько, на сколько оно необходимо для пѣнія пѣсенъ.

Вотъ что пишетъ Р. Ланге, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и опытнѣйшихъ германскихъ педагоговъ, объ элементарныхъ упражненіяхъ въ народной школѣ и цѣли школьнаго народнаго пѣнія вообще:

„Элементарныя упражненія сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія; развивая слухъ и голосъ, они должны служить пособіемъ пѣнію церковныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ.

Элементарнымъ упражненіямъ слѣдуетъ удѣлять не болѣе $\frac{1}{3}$ всего урока. Въ народной школѣ пѣніе народныхъ и церковныхъ напѣвовъ составляетъ главную часть преподаванія. Изъ элементарныхъ упражненій могутъ быть употребляемы, между прочимъ, слѣдующія:

- 1) пѣніе мажорнаго трезвучія;
- 2) мажорной гаммы;
- 3) минорной гаммы;
- 4) минорнаго трезвучія;

5) разборъ низкихъ, высокихъ и простыхъ звуковъ.

Въ школахъ, гдѣ поется въ два голоса:

6) двуголосая мажорная гамма.

Въ школахъ, въ которыхъ уже поютъ по нотамъ:

7) отношеніе и размѣръ слѣдующихъ интерваловъ: октавы, чистой квинты, большой терціи, малой терціи, большой и малой секунды и большой кварты.

8) Пѣніе каноновъ.

Объемъ элементарныхъ упражненій можетъ быть увеличиваемъ, смотря по тому, къ какому роду занятій подготовляются дѣти. Но не слѣдуетъ никогда забывать, что народная школа даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ не можетъ дать больше, чѣмъ поверхностное понятіе изъ общей элементарной теоріи музыки или теоріи пѣнія. Народная школа выполнить свое назначеніе, если возбудитъ въ питомцахъ охоту и любовь къ пѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ разовьетъ утонченное чувство пониманія богатаго сокровища духовныхъ и свѣтскихъ пѣсней, которыя всегда должны быть подъ рукою и выполняться относительно словъ и напѣва съ возможнымъ совершенствомъ. Не слѣдуетъ, конечно, устранять изъ программы всякія теоретическія объясненія и сольфеджіо. Старшихъ учениковъ непрерывно слѣдуетъ знакомить съ нотнымъ шрифтомъ, такъ какъ онъ выясняетъ наглядно мелодическія и ритмическія отношенія звуковъ, что составляетъ несомнѣнную помощь. Тѣмъ не менѣе, ученикъ народной школы никогда не достигнетъ того, чтобы пѣть съ листа, какъ онъ читаетъ книгу à vista; сознательное пѣніе по нотамъ должно допускаться на столько, чтобы дѣти приучились сознательно пѣть простые двуголосыя пѣсни или съ листа, или послѣ нѣкоторыхъ попытокъ.

Въ низшихъ классахъ пѣніе преподается по слуху, въ старшихъ, хотя и съ помощью нотъ, но въ сущности тоже по слуху. Пѣніе въ дѣйствительности по нотамъ можетъ существовать только въ такихъ школахъ, въ которыхъ извѣстное число дѣтей внѣ школьнаго времени берутъ еще уроки пѣнія. Во всякомъ случаѣ пѣніе по нотамъ въ народной школѣ составляетъ не цѣль, а средство.

Время, цѣль, матеріалъ и изложеніе школьнаго народнаго пѣнія въ Германіи формулируетъ г. Дратъ слѣдующимъ образомъ:

Младшій отдѣлъ:

Время $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю.

Если на преподаваніе пѣнія назначается три часа въ недѣлю,

то каждый часовой урокъ распредѣляется такъ, что 20 минутъ удѣляется на элементарныя упражненія и постановку голоса. Если въ недѣлю полагается на этотъ предметъ шесть получасовыхъ уроковъ, то въ каждомъ урокѣ назначается 10 минутъ для элементарныхъ упражненій и постановку голоса и 20 минутъ для духовныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ. Если по два часа въ недѣлю, то 15 минутъ на упражненія и 45 на пѣсни. Если же четыре получаса, то 7 минутъ упражненія и 23 минуты пѣсни.

Цѣль: любовь къ духовнымъ и народнымъ пѣснямъ и развитіе слуха и голоса.

Матеріалъ: а) приблизительно 12 легкихъ общепотребительныхъ хоральныхъ мелодій съ текстами, которые частію или даже вполнѣ заучены учениками. (У насъ въ Россіи вмѣсто хораловъ должны быть употребляемы молитвы для одного и двухъ голосовъ, и напѣвы обыкновенной литургіи).

б) Приблизительно 20 народныхъ пѣсенъ.

в) Упражненія для развитія слуха и голоса.

Изложеніе: а) для избѣжанія постояннаго и непрерывнаго пѣнія всего класса устраивается пѣніе поочередно — разнечное, общее и группами и все это по слуху.

г) Къ правильно организованнымъ элементарнымъ упражненіямъ присоединяются еще предварительныя словесныя и письменныя упражненія съ цифрами.

Средній отдѣлъ.

Времи: каждую недѣлю 2 — 3 часа. Если три часа, то каждый урокъ распадается слѣдующимъ образомъ: 5 минутъ постановка голоса, 15 — элементарныя упражненія, 40 минутъ пѣсни.

Если два часа, — то по 5 минутъ для постановки голоса, 10 минутъ для элементарнаго упражненія и 45 — для пѣсенъ.

Цѣль: твердое знаніе и умѣнье пѣть известное число хораловъ и народныхъ школьныхъ пѣсенъ, приблизительно отъ 13 до 15 хораловъ и 25 пѣсенъ.

Изложеніе: Предъ изученіемъ каждой мелодіи назначаются предварительныя упражненія, при этомъ нотный шрифтъ употребляется для большей наглядности.

Печатная книжка съ пѣснями необходима. Желательны упражненія въ письмѣ нотъ.

Старшее отдѣленіе.

часть скоп., отд. 1.

Время: 2—часа съ тѣмъ же подраздѣленіемъ, что и въ среднемъ отдѣленіи.

Цѣль: вѣрное и свободное выполненіе наиболѣе употребительныхъ церковныхъ напѣвовъ: 15—20 одноголосныхъ хораловъ въ минорномъ и мажорномъ тонахъ и 35 двуголосныхъ народныхъ пѣсень съ раздѣлспіемъ по времепамъ года.

Изложеніе: всѣ элементарныя приготовительныя и письменныя упражненія дѣлаются съ нотами и цифрами, обращается особенное вниманіе на чтеніе нотъ, чтобы оно было относительно мелодіи, такта дѣленія и динамики вѣрное и сознательное. Здѣсь тоже умѣстна печатная книжка съ напѣвами.

12. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ *классная мебель*, даже двухмѣстная, имѣетъ такъ называемую дистанцію, то-есть, горизонтальное разстояніе стола отъ скамьи ровно 20 сантиметровъ. Эта дистанція оказываетъ вредное вліяніе на развитіе организма, заставляя сильно вытягивать руки впередъ для того, чтобы можно было писать. При этомъ невольно сѣзжаешь на скамью впередъ, голова и верхняя часть туловища склопняются напередъ и, чтобы поддержать центръ тяжести тѣла, точно также наклонный напередъ, положивъ одинъ или оба локтя на столъ. При подобномъ держаніи тѣла не только затылочныя мышцы, но вся спинная мышечная система должна быть въ напряженномъ состояніи, чтобы поддержать тѣло въ разъ принятомъ имъ положеніи и не дать ему еще болѣе склониться напередъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени мышцы выдерживаютъ это напряженіе, но затѣмъ устаютъ, тѣло клонится напередъ и грудь приближается къ краю доски, однако верхняя часть тѣла все еще удерживается отъ окончательнаго опусканія посредствомъ мышцъ, идущихъ отъ поясицы вверхъ по спинѣ. Когда же устаютъ и эти мышцы, тѣло склоняется впередъ на столько, что грудь совершенно опирается на доску стола. При этомъ руки принимаютъ различныя положенія, наприимѣръ лѣвая рука иногда совершенно кладется на столъ и далеко отстоитъ отъ тѣла, при этомъ лѣвое плечо выше праваго и лѣвая половина груди приподнята; иногда же верхняя часть опирается на правую руку и плечо. При всѣхъ этихъ положеніяхъ глаза приближаются къ бумагѣ, а это вызываетъ чрезмерное напряженіе аккомодаци и сведеніе осей. Сверхъ того положеніе позвоночнаго столба и кровообращеніе въ груди, шеѣ и животѣ представляютъ крайнія неправильности.

Дифференція многихъ столовъ равна 39 сантиметрамъ, то-есть,

стола слишкомъ высоки, что также вредно. — Часть столовъ имѣть спинки плечными. Такія спинки даютъ возможность только облокотиться и отдыхать нѣкоторое время и не поддерживаютъ слабѣйшей части столба — поясицы. Поэтому плечныя спинки замѣняются крестцовыми; послѣднія состоятъ изъ неширокой поперечной дощечки, лежащей такъ низко, что подпираетъ крестецъ.

Вообще главнѣйшія гигиеническія условія, которымъ должна удовлетворять классная мебель, слѣдующія:

1) все тѣло ученика должно находиться въ удобномъ, непринужденномъ и надежно подпертомъ сидѣчемъ положеніи;

2) кровообращеніе въ полостяхъ тѣла и въ оконечностяхъ должно совершаться безпрепятственно;

3) грудная кѣтка и брюшная полость при дыханіи должны расширяться свободно;

4) большіе нервные стволы на протяженіи своемъ нигдѣ не должны подвергаться давленію;

5) слабый у дѣтей позвоночный столбъ долженъ имѣть цѣлесобразную опору;

6) всѣ необходимыя для классныхъ занятій движенія должны совершаться безъ усиленнаго напряженія мышцъ, сгибающихъ туловище впередъ и въ стороны;

7) предметы, лежащіе на столѣ, должны находиться на разстояніи около 12 дюймовъ отъ глазъ сидящаго ученика.

Или другими словами:

а) бедра ученика должны во всю длину свою покоиться на сидѣннхъ горизонтально;

б) голени должны находиться въ совершенно отвѣсномъ положеніи;

в) ступни всею подошвою должны касаться пола;

г) предплечья должны имѣть возможность, не измѣняя правильного положенія туловища, до локтя удобно покоиться на столѣ;

д) столовая доска должна находиться на правильномъ отъ глазъ разстояніи, то-есть, имѣть надлежащую высоту, наклонъ и близость къ ученику;

е) спинка сидѣнья должна представлять твердую опору для спины и особенно для крестца.

Такъ какъ величина бедеръ, голени, предплечья, крестца, измѣняется съ ростомъ, то очевидно, что единственное правильное основаніе для устройства и распредѣленія мебели по классамъ долженъ составлять ростъ учениковъ, который простирается отъ 130 до 186

сантиметровъ. Гигіенисты принимаютъ, что разность въ ростѣ до 10 сантиметровъ можетъ быть оставляема безъ вниманія.

Для того, чтобы ученикъ сидѣлъ прямо, необходимо, чтобы ступня его касалась и упиралась на полъ. Слѣдовательно высота скамейки должна соответствовать длинѣ ноги отъ колѣна до ступни, равная $\frac{2}{7}$ всего роста, слѣдовательно для роста отъ 130 до 185 сантиметровъ она должна составлять приблизительно 40, $43\frac{1}{2}$, 47, 51, 54 сантиметра. Ширина скамьи должна равняться $\frac{1}{8}$ роста.

Вертикальное разстояніе между столомъ и скамейкой, такъ называемая дифференція, равно разстоянію отъ локтя, при спокойно опущенной рукѣ, до сѣдалища (а это разстояніе по большей части равно $\frac{1}{7}$ роста) + 5—6 сантиметровъ.

Горизонтальное разстояніе между столомъ и скамейкой, или дистанція, равная нулю, считается безусловно необходимой, еще лучше, если она будетъ отрицательная.

Низкія крестцовыя спинки предпочитаютъ высокимъ. Если же устроены уже послѣднія, то на высотѣ крестца прикрѣпляютъ къ спинкѣ планку съ сильно выдающеюся посрединѣ выпуклостію для поддержки крестца.

Перпендикулярное разстояніе полки для книгъ отъ крышки стола опредѣляется въ 10 сантиметровъ.

Для каждого ученика признается необходимымъ не менѣе 60 сантиметровъ скамейки.

Высота столовъ надъ поломъ должна быть различна въ каждомъ классѣ, чтобы можно было въ нѣкоторой мѣрѣ разставить ихъ въ нисходящемъ порядкѣ.

Неудобствъ отъ этого не можетъ произойти при цѣлесообразномъ устройствѣ подножекъ отъ 30 до 50 сантиметровъ ширины.

При соблюденіи этихъ условій, ученики могутъ долгое время сидѣть прямо и безъ вреда для себя, но заключеніе, что на такой мебели ученики непременно должны сидѣть прямо, было бы ошибочнымъ. Такой столъ, за которымъ ученикъ не могъ бы сидѣть дурно, не можетъ быть устроенъ. Приучить учениковъ сидѣть хорошо — задача воспитательнаго надзора. Задача эта преслѣдуется слабо и несовершенно.

13) *Ослѣпленіе отъ ученическихъ квартиръ* даетъ поводъ къ слѣдующимъ указаніямъ. Окулисты признаютъ безспорнымъ, что впечатлительность къ свѣту различныхъ глазъ чрезвычайно различна и зависитъ отъ различной пигментаціи сосудистой оболочки глаза;

одна и таже масса свѣта въ слабо пигментированномъ глазу кажется ослѣпительной, тогда какъ въ сильно пигментированномъ глазу производитъ только пріятное впечатлѣніе, потому что сосудистая оболочка глаза поглощаетъ много лучей и мало отражаетъ ихъ на сѣтчатку, отъ чего послѣдняя менѣе раздражается. Кромѣ того чувствительность къ свѣту одного и того же человѣка можетъ измѣняться подъ вліяніемъ усталости. — Тѣмъ не менѣе спектральный анализъ пламени, даваемого различными освѣтительными матеріалами, показываетъ, что въ свѣтѣ ихъ количество лучей разныхъ цвѣтовъ весьма разнообразно.

Самымъ ослѣпительнымъ цвѣтомъ считается зеленый (желтый тоже ослѣпительнѣе, но его бываетъ мало въ спектрѣ обыкновенныхъ освѣтительныхъ матеріаловъ). Солнечный свѣтъ содержитъ

2% зеленого цвѣта.

Стеаринъ	3	—	—
Керасинъ	5	—	—
Газъ	6	—	—

Всѣ вообще освѣтительные матеріалы должны оказывать на организмъ токсическое вліяніе, развивая углекислоту. Dr. Цахъ при вычисленіи на пространство въ 100 кв. метровъ и при одной и той же силѣ свѣта, равной 10 нормальнымъ свѣчамъ, получилъ слѣдующіе результаты:

Углекислота увеличивается въ воздухѣ pro mille при горѣніи:

	керасина.	газа.	сургучи и стеарина.
въ 1 часъ.	0,9	0,7	0,5
— 2 часа .	1,4	1,3	1,0
— 3 —	1,7	1,5	1,1
— 4 —	1,8	1,5	1,2

Dr. Цахъ замѣтилъ также, что если при извѣстной продолжительности и напряженности освѣщенія керасиномъ увеличеніе содержанія углекислоты доходило до 1,7, то воздухъ становился удушливымъ и вонючимъ. Причина этой порчи заключается конечно не въ одной углекислотѣ, но вообще въ продуктахъ несовершеннаго сгоранія.

Изъ изложеннаго вытекаетъ слѣдующее:

а) одинъ какой либо способъ освѣщенія не гигиениченъ для многочисленной массы, а сообразно различной чувствительности глазъ нужно вводить различныя способы освѣщенія;

б) керасинъ, которымъ освѣщаются почти всѣ частныя квартиры,

имѣсть не малія неудобства, можетъ быть пригоденъ для сильныхъ глазъ и въ небольшомъ числѣ горѣлокъ съ употребленіемъ абажуровъ;

в) для слабо-глазыхъ необходимо стеариновое освѣщеніе.

Вредъ для глазъ отъ того или другаго способа освѣщенія значительно ступшевывается предъ вредомъ отъ недостаточности освѣщенія, что главнымъ образомъ вынуждаетъ учениковъ нагибаться надъ работою и отъ того дѣлать излишнія напряженія глазъ и въ особенности аккомодационнаго аппарата. По сдѣланнымъ наблюденіямъ освѣщеніе многихъ квартиръ недостаточно для того, чтобы за нимъ можно безъ затрудненія писать и читать печать обыкновенной величины на разстояніи 10 — 12 дюймовъ. Желательно, чтобы гимназическіе врачи обратили на это вниманіе. Едва ли нужно говорить, что экономія, конечно мелочная въ дѣлѣ освѣщенія, была бы крайне нерациональна.

14. Относительно мебели въ ученическихъ квартирахъ нельзя не замѣтить, что во многихъ изъ нихъ ученики при занятіяхъ сидятъ на табуретахъ безъ спинки, и довольно низкихъ. Такая мебель совершенно нецѣлесообразна. Дѣло въ томъ, что нормальнымъ положеніемъ тѣла можно считать такое, при которомъ равновѣсіе тѣла поддерживается почти исключительно тяжестью отдѣльныхъ его частей, а это возможно, когда центръ тяжести отдѣльныхъ частей тѣла (головы, шеи, груди, живота) лежитъ на отвѣсной линіи. Если же этого нѣтъ, если наприимѣръ, центръ тяжести головы лежитъ впереди этой отвѣсной линіи, какъ это бываетъ при сидѣнн на низкихъ табуретахъ безъ спинки, то позвоночный столбъ теряетъ нормальную форму и склоненная напередъ голова должна быть предохраняема отъ окончательнаго опусканія напередъ посредствомъ напряженія затылочныхъ мускуловъ, которые только нѣкоторое время могутъ выдержать требуемое отъ нихъ напряженіе, а затѣмъ устаютъ; потомъ напрягаются другіе мускулы и тѣло принимаетъ другое положеніе, мышцы снова устаютъ и тѣло переходитъ отъ одного неестественнаго положенія въ другое; если подобный процессъ длится ежедневно по нѣсколько часовъ, то понятны его результаты — изуродованіе тѣла. Если табуреты низки, то при писаніи правая рука должна приподняться, а вмѣстѣ съ нею и правое плечо, отчего получается боковое искривленіе столба вправо. Не всѣ квартиры имѣютъ отдѣльныя комнаты для больныхъ, какъ это желательно.

15. Въ *понедѣніи учащихся* замѣчено неблагоприятное обстоятельство—весьма распространенное куреніе въ ретирадахъ гимназій,—

проступокъ, вызывающій самое упорное неисполненіе. Борьба противъ куренія ведется постоянно и нельзя не сознаться, что возможность уменьшенія этого проступка, заключающагося въ силѣ привычки, есть дѣло въ высшей степени трудное и важное въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ тутъ надо подѣйствовать на нравственную сторону воспитанниковъ, убѣдить ихъ сознаться въ томъ, что всякое подобное дѣло, совершенное въ тайнѣ, ведущее къ лжи, скрытности, нарушенію уставовъ,—есть не хорошее.

Достигнуть того, чтобы учащіеся уважали законъ заведенія и не нарушали его единственно ради этого уваженія, — дѣло очень трудное. Надзоръ или физическая невозможность дѣлать извѣстный проступокъ для этого необходимы конечно, но 1) желающій курить всегда найдетъ для этого и время и мѣсто, не смотря ни на какой надзоръ. Ловленіе курильщиковъ—это своего рода игра въ прятки, въ которой надзоръ часто проигрываетъ; 2) при отпятіи возможности сдѣлать что либо противозаконное недостаетъ нравственной заслуги. Воспитательная сила въ томъ именно и заключается, когда учащіеся, выходя средства для нарушенія законовъ заведенія, проникнуты убѣжденіемъ, что это по меньшей мѣрѣ нечестно. Поэтому наиболѣе надежное средство для искорененія проступка заключается въ общемъ сознаніи самихъ воспитанниковъ. Есть проступки, къ которымъ учащіеся относятся съ презрѣніемъ и сами преслѣдуютъ виновныхъ въ нихъ, и такого рода проступки очень рѣдки. Еслибы на куреніе, какъ на проступокъ въ своемъ родѣ нечестный и недобросовѣстный, сами ученики смотрѣли несочувственно, то оно исчезло бы само собой. Поэтому, не отрицая значенія надзора какъ средства палліативнаго, слѣдуетъ признать, что уничтоженіе куренія зависитъ отъ извѣстнаго вліянія и присмотра самихъ воспитанниковъ. Подѣйствовать въ этомъ смыслѣ на убѣжденія учащихся, особенно старшихъ классовъ, организовать изъ нихъ надзоръ за среднимъ классомъ, гдѣ обыкновенно начинается куреніе, — вотъ задача для дѣятельности классныхъ наставниковъ, а со стороны администраціи заведенія желательнo не оставлять безъ надзора гимназическіе дворы, въ случаѣ упорнаго непослушанія удалять виновныхъ изъ школы, для куренія гг. преподавателей назначить особую комнату, въ которую учащіеся не должны входить. Курить же въ дежурныхъ комнатахъ рядомъ съ классными, на виду учащихся, и требовать отъ нихъ некуренія—по меньшей мѣрѣ нелогично.

16) Замѣчено, что некоторые преподаватели, дѣлательно преслѣ-

дуга слабости и недостатки своихъ учениковъ, не соблюдаютъ въ отноше-
ніи къ виновнымъ надлежащей снисходительности, являются гроз-
ными судьями, дѣлающими приговоръ, виѣняющими ученику его
провинности, а не заботливыми попечителями, внимательно слѣдя-
щими за всѣми проявленіями наклопностей, оберегающими отъ вся-
каго невѣрнаго шага. Въ этомъ отношеіи слѣдуетъ пригласить при
неудовлетворительныхъ отиѣтахъ остерегаться отрицать въ ученикѣ
способность къ труду, выражаясь наприимѣръ такъ: „вы совершенно
неспособны, вы не можете понимать“,—такъ какъ ученикъ тернеть
при этомъ бодрость и приходитъ къ мысли, что всѣ его усилія бу-
дутъ бесполезны, и такъ какъ учитель затѣмъ именно и поставленъ,
чтобы поправлять и руководить ученика. Вѣніапіе гг. преподавате-
лей изъ иностранцевъ справедливо обратитъ на то, что по особымъ
ли свойствамъ нашей русской природы, или по мало обдуманному
веденію дѣтей въ домахъ родителей, или почему либо другому, од-
нако несомнѣнно, что педантизмъ и мелочность требованій тяжело
всего чувствуются въ нашихъ русскихъ школахъ и не удаются. Слѣ-
дуетъ сказать и вообще, что система дѣйствія крутыми мѣрами, какъ
показалъ неоднократно опытъ, приводитъ къ одной лишь пспол-
нительности и благоприличію, и не вызываетъ въ дѣтахъ тѣхъ нрав-
ственныхъ стремленій, которымъ внѣшность должна служить только
полезной практикой. Умственное и нравственное развитіе челоуѣка
можетъ совершаться только послѣдовательнымъ, постепеннымъ пу-
темъ. Ученикъ, недостаточно подготовленный, не можетъ усвоить
урока, ему непосильнаго, не можетъ своими поступками отвѣтить
требованіямъ, несоразмѣрнымъ съ его силами. Для ученика не пра-
вильно поведеннаго въ умственномъ отношеіи плохимъ ученіемъ,
пужна осторожная, разумная система, въ которой, слѣдуя впередъ,
принимается въ соображеніе прежнее ошибочное развитіе ученика;
точно также при существованіи нравственныхъ недостатковъ беспо-
лезно заявлять требованія, несоразмѣрные съ силами дѣтей, нужно
пизойдти до ученика и усилить себя, на чемъ онъ остановился въ
своемъ развитіи и какія уклоненія въ немъ допущены; необходимо
отыскать ту степень умственного развитія, на которой остановилось
большинство класса, и на этой основѣ строить планъ своего препо-
даванія, точно также и въ воспитательномъ отношеіи нужно опре-
дѣлять съ чего начать, какъ отнестись къ извѣстнымъ проступкамъ
во имя возраста массы и разныхъ вліяній, положившихъ въ поня-
тіяхъ дѣтей извѣстныя начала и наклонности.

Въ каждомъ ребенкѣ хранится зачатокъ будущаго нравственнаго совершенствованія, и какъ бы ни былъ испорченъ ребенокъ, сего никакъ нельзя признать несправимымъ. Поэтому не будетъ не правильнымъ, если и къ неудовлетворительной массѣ отнестись съ довѣріемъ и участіемъ. Природа ребенка до такой степени еще не окрѣпла, что, выказывая вниманіе и довѣріе, не вполне можетъ быть заслуженныя, можно вызвать въ ребенкѣ нравственное улучшеніе. Однажды признать въ каждомъ ребенкѣ задатки къ нравственному совершенствованію, педагогъ и на дурную массу смотреть съ надеждой на улучшеніе и располагается къ ней душевно. Расположеніе къ дѣтямъ искреннее, безыскусственность и простота отношеній, соединенныя съ прямымъ, ровнымъ, открытымъ характеромъ, достаточной самоувѣренностію и настойчивостію, знаніе обязанностей, — побуждаютъ юные умы, рѣшаютъ все дѣло въ пользу учителя и дѣлаютъ его любимымъ и уважаемымъ.

Сообщая изложенныя указанія, свѣдѣнія и соображенія, покорнѣйше прошу воспользоваться ими при исполненіи обязанностей, ввѣренныхъ вашей просвѣщенной заботливости.

ФИЛОСОФСКІЯ НАЧАЛА ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ ¹⁾.

V.

Начала органической логики (продолженіе): относительныя категории, опредѣляющія идею какъ существо.

Сверхсущее абсолютное, которое само по себѣ есть положительное ничто (Эн—софъ), осуществляется или проявляется въ своемъ другомъ или идеѣ, которая такимъ образомъ есть осуществленное или проявленное (открытое) сверхсущее; самый же актъ проявленія или откровенія есть Логосъ или точнѣе: сверхсущее въ актѣ своего откровенія есть Логосъ.

Всякое проявленіе есть различеніе; для абсолютнаго же, не имѣющаго ничего внѣ себя, различеніе есть саморазличеніе. И такъ, Логосъ есть абсолютное въ его саморазличеніи.

Всякую вещь по отношенію къ абсолютному первоначалу всего сущаго можно познать трояко: во 1-хъ — въ субстанціальности, коренномъ и первоначальномъ единствѣ со сверхсущимъ, то-есть, въ чистой потенциальности или положительномъ ничто (въ Эн—софѣ или Богѣ Отцѣ); во 2-хъ — въ различеніи отъ сверхсущаго или въ актѣ осуществленія (въ Логосѣ или Сынѣ), и наконецъ, въ 3-хъ — въ свободномъ, то-есть, опосредствованномъ единствѣ со сверхсущимъ (въ Духѣ Св.).

Когда мы различаемъ категории, то это только въ Логосѣ, слѣдовательно не безусловно (*условіе*—отъ *словъ*—*логосъ*). Всякое логическое познаніе есть тѣмъ самымъ условное или относительное, безусловное логическое познаніе, безусловная логика есть *contradictio in*

¹⁾ *Продолженіе. См. Ж. М. Н. Пр. за октябрь 1877 года.*

adjecto. Познавать логически значитъ познавать въ отношеніи, то-есть, относительно. Логосъ есть отношеніе, то-есть, первоначально—отношеніе сверхсущаго къ себѣ самому какъ такому или его саморазличеніе, а такъ какъ сверхсущее есть абсолютное, то-есть, вмѣстѣ съ тѣмъ и *всѣ*, то Логосъ есть также отношеніе сверхсущаго ко всему и всего къ сверхсущему. Первое отношеніе есть внутренній или скрытый Логосъ (λογος εὐδιαθετος); второе есть Логосъ открытый (λογος προφορικος); третье есть Логосъ воплощенный или конкретный (Христосъ).

Первый Логосъ не можетъ быть дѣйствителенъ безъ втораго, второй безъ третьяго, а всѣ три предполагаютъ то, къ чему сущее чрезъ нихъ относится, то-есть, его другое или сущность; причѣмъ первому или внутреннему Логосу, который въ актѣ есть лишь саморазличеніе абсолютнаго, соответствуетъ другое или сущность только какъ чистая потенція или идея въ возможности (магія или Майя); второму же или открытому Логосу соответствуетъ другое какъ чистая идея, то-есть, въ умопостигаемой дѣйствительности; наконецъ, третьему или конкретному Логосу отвѣчаетъ и конкретная идея или Софія. Смыслъ этого третьяго Логоса и соотвѣствующей ему идеи можетъ быть выясненъ только въ послѣдствіи, теперь же намъ должно остановиться на первыхъ двухъ.

Въ абсолютномъ *другое* есть только проявленное *то же*; оно только кажется (представляется, видится, является) другимъ и въ этомъ качествѣ есть *Майя*, то-есть, видимость или призракъ. Но только чрезъ эту видимость возможно дѣйствительное проявленіе абсолютнаго; поэтому Майя есть единственная возможность или мѣсто творенія: майя=магія. Она же есть тѣмъ самымъ первоначальный субстратъ всего, или первая матерія.

Этому первому моменту идеи соответствуетъ, какъ мы видѣли, со стороны абсолютнаго начала внутренній или скрытый Логосъ, который будучи съ одной стороны, какъ было сказано, первымъ моментомъ въ дѣйствительномъ проявленіи абсолютнаго или первымъ изъ трехъ Логосовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннее начало саморазличенія въ абсолютномъ какъ такомъ, или второй членъ верховной, сверхсущественной Троицы. Въ самомъ дѣлѣ, абсолютно-сущее проявляется и въ проявленіи, то-есть, по отношенію къ своему другому, оно есть Логосъ, а какъ проявленное, то-есть, въ другомъ—есть идея; по проявляясь, оно необходимо остается самимъ собою или само въ себѣ, и въ этомъ его внутреннемъ самоутвержденіи

различаются по отношенію къ проявленію три момента—три вѣчные фазиса его собственнаго существованія. Первый есть оно само въ безусловномъ безразличіи какъ первѣйшее логически всякаго проявленія. Мы уже обозначили этотъ фазисъ абсолютно-сущаго какъ Эн-софъ, или Богъ-отецъ (прабогъ); здѣсь сущее и его другое или сущность, а слѣдовательно и ихъ отношеніе или бытіе, не различаются. Второй моментъ есть абсолютное какъ такое по отношенію къ проявленію, то-есть, различающее себя, какъ такое отъ своего проявленія; это-то и есть внутренній или сокрытый Логосъ. (Логосъ открытый со всѣми своими проявленіями коренится въ глубинѣ абсолютнаго, и этотъ-то его корень и есть внутренній или первый Логосъ). Наконецъ, третій фазисъ есть абсолютное по отношенію къ самому себѣ какъ уже проявленному или по отношенію къ идеѣ, то-есть, абсолютно-сущее, которое будучи проявлено или воплощено остается самимъ собою, пребываетъ какъ сверхсущее и тѣмъ безусловно утверждаетъ себя какъ такое—Духъ Святый.

И такъ, если вообще мы различаемъ собственно абсолютное или сверхсущее, затѣмъ дѣйствительный или обнаруженный Логосъ и наконецъ, идею, то въ собственно абсолютномъ, въ его внутреннемъ существованіи необходимо является такое же тройственное различіе, причемъ вѣншему или обнаруженному Логосу здѣсь соответствуетъ Логосъ внутренній или скрытый, а идеѣ здѣсь соответствуетъ третій внутренній фазисъ, то-есть, Духъ Св.

Основные категоріи сущаго, сущности и бытія, какъ общія понятія, необходимо принадлежать какъ собственно абсолютному, такъ равно и Логосу и идеѣ, но въ различныхъ степеняхъ и отношеніяхъ. Собственно абсолютное есть по преимуществу сущее, затѣмъ уже сущность и бытіе; какъ сущее оно есть духъ, какъ бытіе—воли какъ сущность—блага. Логосъ есть по преимуществу бытіе, именно представленіе (то-есть, актъ представленія), но онъ также есть сущее, именно умъ, и сущность, именно истина. Наконецъ, идея есть по преимуществу сущность, именно красота, но также сущее, именно душа, и бытіе, именно чувство. Хотя въ предыдущей главѣ мы отождествляли иногда сущее съ абсолютнымъ, сущность съ идеей, а бытіе съ Логосомъ, такъ какъ они дѣйствительно совпадаютъ въ извѣстномъ отношеніи, но это не есть безусловное тождество, которое невозможно здѣсь уже потому, что сущее, сущность и бытіе суть общія логическія опредѣленія, необходимо свойственныя всему существующему, хотя и въ различной степени, тогда какъ собствен-

но-абсолютное, Логосъ и идея при всей своей универсальности имѣютъ, какъ мы увидимъ, совершенно особенный, индивидуальный характеръ.

Дѣло въ томъ, что между названными тремя началами и основными категоріями, введенными въ предыдущей главѣ, есть двоякая связь: по содержанію и по формѣ существованія, такъ что одно и то же опредѣленіе, относящееся по содержанію къ Логосу или идеѣ, по формѣ существованія относится къ абсолютному и наоборотъ. А именно, умъ и душа, изъ коихъ первый по содержанію принадлежитъ Логосу, а вторая—идеѣ, по формѣ существованія оба, то-есть, какъ сущіе или виды сущаго относятся къ собственно абсолютному, которое есть сущее по преимуществу. Далѣе воля и чувство, изъ коихъ первая по содержанію принадлежитъ абсолютному, а второе — идеѣ, по формѣ существованія, какъ виды бытія, относятся вмѣстѣ съ представленіемъ къ Логосу, который есть бытіе по преимуществу. Наконецъ, опредѣленія блага и истины, которыя по содержанію своему принадлежатъ—первое абсолютному, а вторая—Логосу, по формѣ существованія, какъ сущности, относятся вмѣстѣ съ красотою къ идеѣ, которыя есть сущности по преимуществу, вслѣдствіе чего благо и истина и называются идеями паравиѣ съ красотою, хотя только этой послѣдней принадлежитъ специально идеальный характеръ.

Двоякая связь десяти (или двѣнадцати, если считать три общія категоріи) основныхъ опредѣленій между собою и съ тремя индивидуальными началами (абсолютнымъ, Логосомъ и идеею) можетъ быть выражена въ слѣдующей таблицѣ:

	1) Сущее. (Абсолютное).	2) Бытіе. (Логосъ).	3) Сущность (Идея).
1) Абсолютное .	Духъ	Воля	Благо.
2) Логосъ	Умъ	Представленіе	Истина.
3) Идея	Душа	Чувство	Красота..

Такъ какъ абсолютное или всецѣлое по опредѣленію своему не можетъ имѣть ниѣ себя ничего существенно иного, то его другое или идея можетъ быть только тѣмъ же самымъ абсолютнымъ, но лишь въ формѣ инобытія, то-есть, положенное для себя или объективированное, сознанное, такъ что мы имѣемъ: абсолютное или проявленное для себя (Идея) и самый актъ его проявленія (Логосъ).

Сверхсущее начало какъ такое (или собственно абсолютное) есть безусловное внутреннее единство, слѣдовательно Идея, какъ проявлен-

ное абсолютное, есть *осуществленное единство*, то-есть, *единство во всемъ* или въ множественности, это все, эта множественность уже заключаются потенціально въ абсолютномъ, которое есть единое и все. Въ Логосѣ эта потенціальная множественность переводится въ актъ, слѣдовательно въ Идеѣ она должна быть опять сведена къ единству, *какъ уже дѣйствительная*. Другими словами, сверхсущее какъ такое есть коренное, субстанціальное единство многихъ прежде ихъ проявленія (или точнѣе независимо отъ ихъ проявленія), Идея есть ихъ дѣйствительное единство какъ уже проявленнымъ, Логосъ же есть начало ихъ различія.

Что касается до самихъ этихъ многихъ элементовъ, которые Логосъ различаетъ въ абсолютномъ и которые находятъ свое единство въ Идеѣ, то мы уже опредѣлили основныя изъ нихъ какъ духъ, умъ и душу. Итакъ, Идея есть дѣйствительное единство духа, ума и души. Они едины въ абсолютномъ, едины и въ Идеѣ, но различнымъ образомъ. Они субстанціально едины въ абсолютномъ, различаются въ Логосѣ, соединяются актуально въ Идеѣ. Ихъ различенное Логосомъ бытіе, а именно воли какъ бытіе духа, представленіе какъ бытіе ума и чувство какъ бытіе души называются натурой или природой сущаго. Логосъ есть производящее (опредѣляющее, дѣйствительное) начало бытія или натуры и постольку имъ соотвѣствуетъ, но не тождественъ съ ними и не долженъ быть съ ними смѣшиваемъ. Онъ есть божество въ бытіи или природѣ, также какъ Идея есть божество въ сущности или объектѣ (отраженіи).

Единство трехъ основныхъ субъектовъ въ Идеѣ является троякимъ, поскольку принципъ этого единства можетъ паходиться въ собственно абсолютномъ, или же въ Логосѣ, или наконецъ непосредственно въ самой Идеѣ. Другими словами, это ихъ единство, осуществляемое въ Идеѣ, является инымъ для абсолютнаго, инымъ для Логоса и инымъ для самой Идеи. Какъ мы уже знаемъ, первое есть благо, второе истина, третье красота. Только истина какъ единство теоретическое или логическое *мыслится*; благо какъ такое только *хочется* (желается), а красота какъ такая только *чувствуется*. Другими словами благо есть единство субъектовъ, или Идея, поскольку она *хочется* истина поскольку она представляется или *мыслится*, красота—поскольку она *чувствуется*. Совершенное же единство состоитъ въ томъ, что *то же самое*, именно Идея, что *мыслится* какъ истина, *оно же* и *хочется* или *желается* какъ благо, и оно же самое, а не другое что нибудь, и *чувствуется* какъ красота, такъ что эти три опредѣленія

не суть какія нибудь отдѣльныя сущности, а только три формы или образа, въ которыхъ является для различныхъ субъектовъ одно и то же, именно Идея, въ которой такимъ образомъ и обитаетъ вся полнота Божества.

Но что же такое это одно и то же, въ чемъ состоитъ идея, которой мы хотимъ какъ блага, которую представляемъ или мыслимъ какъ истину, которую чувствуемъ какъ красоту? Другими словами, чего мы хотимъ въ благѣ, что мыслимъ въ истинѣ, что чувствуемъ въ красотѣ? Очевидно, логически опредѣленный отвѣтъ возможенъ только на второй изъ этихъ трехъ вопросовъ, ибо благо и красота какъ такіа, будучи предметомъ воли и чувства, а не мышленія, не подлежатъ логическимъ опредѣленіямъ, которые относятся къ идѣ только какъ къ истинѣ. Но вслѣдствіе единства идеи мы и не нуждаемся въ логическомъ опредѣленіи всѣхъ ея формъ, ибо благо и красота суть то же самое, что и истина, но только въ модусѣ воли и чувства, а не въ модусѣ представленія. Когда мы спрашиваемъ: что есть красота, то-есть, какое она имѣетъ содержаніе, то мы собственно спрашиваемъ: что мыслится въ красотѣ? а такъ какъ подлинный предметъ мышленія есть истина, то мы собственно спрашиваемъ: что есть истина въ своемъ отношеніи къ красотѣ? То же самое и въ вопросѣ о благѣ. Такимъ образомъ, всякій теоретическій вопросъ, то-есть, вопросъ о содержаніи, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, есть всегда вопросъ объ истинѣ и ни къ чему другому относиться не можетъ.

Такъ какъ идея въ образѣ истины есть мыслимое единство субъектовъ, то содержаніе этой идеи зависитъ отъ особенныхъ свойствъ этихъ субъектовъ или отъ ихъ мыслимыхъ различій. Если вообще начало различенія есть Логосъ, то непосредственный субъектъ его есть Умъ, то-есть, Умъ, непосредственно опредѣляемый Логосомъ, различаетъ себя отъ другихъ субъектовъ и эти-то различія сводятся къ единству въ Идеѣ. Въ этомъ смыслѣ Логосъ опредѣляетъ Идею посредствомъ Ума. Но съ другой стороны обусловленный Логосомъ Умъ полагаетъ различія только въ виду ихъ единства въ Идеѣ, то-есть, Идея, какъ еще неопредѣленное потенциальное единство, предстаетъ Уму въ его различающей дѣятельности, и въ этомъ смыслѣ онъ опредѣляется уже Идеей. Такимъ образомъ, этотъ вѣчный логическій процессъ, которымъ опредѣляется Истина, есть взаимно-отношеніе или взаимодействие Логоса и Идеи посредствомъ Ума.

Первоначальный Умъ мыслить Идею въ логической формѣ какъ истину. Это его мышленіе есть умственное созерцаніе, то-есть, все, что онъ мыслить въ Идеѣ, имѣетъ непосредственную объективность, или точнѣе, самое противоположеніе между субъективнымъ и объективнымъ не существуетъ для первоначальнаго Ума въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно имѣетъ силу для насъ. Для нашего индивидуальнаго ума, какъ такого, то-есть въ его самоутвержденіи, порождающемъ чисто рациональное или отвлеченное мышленіе, Идея или сущность, то-есть сущее какъ объектъ является лишь въ отвлеченіи какъ понятіе; ибо нашъ умъ въ своей отдѣльности, будучи только частнымъ явленіемъ среди другихъ явленій и имѣя слѣдовательно прежде и вмѣстѣ себя цѣлый объективный міръ отъ него независимый, долженъ въ своей дѣятельности — если только хочетъ дать ей какое-нибудь объективное значеніе — подчиниться независимымъ отъ него законамъ этого объективнаго міра; онъ не имѣетъ продуктивной силы, не можетъ *производить* истину, а можетъ только *находить* ее. Идея въ формѣ истины уже есть первѣе его самого и притомъ ему, поскольку онъ связанъ съ эмпирическимъ бытіемъ конкретнаго лица, эта идея не дается непосредственно въ своей чистотѣ, а смѣшанная съ вторичнымъ производнымъ эмпирическимъ бытіемъ вещей, подчиненнымъ множеству другихъ условій помимо чистаго мышленія, и слѣдовательно, первая задача нашего ума состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы отдѣлить идею отъ эмпирической примѣси, отвлечь или снять ее; но, очевидно, снять или отвлечь ее можно только какъ форму безъ подлежательной дѣйствительности, или только какъ понятіе ¹⁾.

И такъ, есть два рода мышленія или чистаго представленія: производительное или цѣльное, принадлежащее первоначальному уму (а также и нашему, поскольку онъ становится причастнымъ перваго), и мышленіе рефлексивное или отвлеченное, свойственное нашему уму въ его самоутвержденіи.

Идея, какъ истина или въ области ума, будучи мыслимымъ единствомъ или гармоніей, предполагаетъ мыслимыя различія, такъ какъ дѣйствительностью этихъ послѣднихъ очевидно обуславливается и дѣйствительность ихъ единства. Необходимость различій даетъ намъ отрицательный элементъ въ производительной дѣятельности первоначальнаго ума. Ибо настоящее единство предполагаетъ не простое

¹⁾ Поэтому философія Гегеля, для которой наше рациональное мышленіе есть мышленіе абсолютное, знаетъ идею только въ формѣ понятія.

различіе или разнородность, а противоположность или полярность однородныхъ, то-есть ихъ взаимное отрицаніе. Въ самомъ дѣлѣ, просто различныя или разнородныя вещи и понятія (например, равнобедренный треугольникъ и музыкальная композиція, или таблица умноженія и старинная свѣча) не заключаютъ въ себѣ никакого основанія ниже возможности непосредственнаго взаимодействія и единства и равнодушно пребываютъ чуждыми другъ другу. Напротивъ, однородные, но противоположные или полярные термны, взаимно отрицаемые другъ другомъ и выѣстъ съ тѣмъ одинаково необходимы, требуютъ третьяго обонимъ однороднаго термйна, который опредѣлялъ бы ихъ совмѣстное существованіе, представляя такимъ образомъ ихъ единство; такъ, напримеръ, полярныя понятія *матерія* и *форма* находятъ свое единство въ третьемъ понятіи *вещь* или *тѣло*; противоположныя понятія пребыванія и измѣненія соединяются въ понятіи жизни. Такимъ образомъ, всѣ мыслимыя опредѣленія иди суть двойныя или полярныя, причемъ сама идея въ своей дѣятельности является третьимъ терминомъ, соединяющимъ эти соотносительныя или противоположныя опредѣленія.

Дѣятельность ума сама по себѣ безконечна, ибо поскольку собственное свойство его состоитъ въ способности рефлексировать на самого себя, его можно сравнить съ двумя зеркалами, поставленными другъ противъ друга и производящими безконечный рядъ отраженій. По справедливому выраженію Шеллинга умъ есть безконечная процессія мышленія, и еслибы онъ утверждался въ своей исключительности или въ своемъ эгоизмѣ, то ряды его опредѣленій или частныхъ идей или бы безъ конца, никогда не сводясь къ высшему послѣднему единству или настоящей идеѣ. Но первоначальный умъ, въ силу своего самоотрицанія или какъ опредѣляемый Божественнымъ Логосомъ, полагаетъ предѣлъ своей отрицательной дѣятельности и согласуя ее съ волей абсолютнаго блага и чувствомъ абсолютной красоты приводитъ свои опредѣленія ко всецѣлому абсолютному единству, которое и есть собственно Истина или Идеа какъ истина, ибо всѣ частныя идеи или истины суть таковы лишь поскольку представляютъ необходимыя ступени для осуществленія всецѣлой истины или логической идеи. Такимъ образомъ логическое развитіе умопостигаемой идеи повинуетъ общему закону всякаго развитія, по которому выдѣленіе и обособленіе отдѣльныхъ частей и элементовъ, составляющее второй главный моментъ развитія, не продолжается безконечно (ибо тогда не было бы никакого развитія, а только рас-

паденіе), но персходить въ новое, дифференцированное единство, которое и составляетъ цѣль развитія.

Еслибы различными умомъ опредѣленія идеи составляли безконечный рядъ, то логическая система этихъ опредѣленій была бы очевидно невозможна. Если же, какъ это необходимо, весь рядъ логическихъ опредѣленій сводится къ извѣстному высшему единству въ самой идее, то намъ даже нѣтъ надобности знать всѣхъ относительныхъ членовъ этого ряда (число коихъ хотя и не безконечно на самомъ дѣлѣ, но можетъ казаться таковымъ для нашего ума): достаточно для логической системы раскрыть первыя изъ этихъ относительныхъ опредѣленій, послѣднее и главнѣйшія изъ промежуточныхъ; подобно тому, какъ эмбриологъ, изучающій исторію развитія извѣстнаго организма, не имѣетъ ни возможности, ни надобности указывать всѣ моменты этого развитія, а довольствуется обозначеніемъ важнѣйшихъ. Логическая система есть схема идеи и потому можетъ обозначать *explicitè* лишь главнѣйшія изъ ея относительныхъ опредѣленій безъ всякаго ущерба для общей своей полноты и законченности, подобно тому какъ географическая схема, то-есть ланд-карта, обозначаетъ лишь важнѣйшіе пункты извѣстной страны, что нисколько не мѣшаетъ ей изображать всю страну.

Развитіе полярныхъ или относительныхъ опредѣленій идеи образуетъ срединную, наиболѣе діалектическую часть органической логики. Что касается до разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущей главѣ основныхъ опредѣленій подъ категоріями сущаго, сущности и бытія, то они хотя и познаются умомъ въ своей необходимости и постольку подлежатъ логикѣ, но не производятся умомъ, что ясно уже изъ того, что самъ умъ есть одно изъ этихъ опредѣленій. Они проявляются Логосомъ какъ такимъ первѣе ума и его условій, слѣдовательно магически, хотя вторичная познаваемость ихъ, разумѣется, обуславливается умомъ.

Изъ полярныхъ или относительныхъ опредѣленій мы разсмотримъ девять паръ подъ тремя категоріями: существа, организма и личности. Въ каждой парѣ опредѣленій противоположность ихъ разрѣшается въ третьемъ терминѣ, который собственно и есть идея какъ выраженіе истины: она есть синтезъ, которому необходимо предшествуютъ тезисъ и антитезисъ — форма издавна и по необходимости усвоенная всякою діалектикой. Такимъ образомъ мы разсмотримъ всего двадцать семь логическихъ опредѣленій, между ними девять синтетическихъ, изъ коихъ каждое представляетъ собою нѣкоторую

частную истину, послѣднее же выражаетъ саму идею или истину *κατ'εἶδος*.

А. Относительныя опредѣленія идеи какъ существа.

1) *То же и другое = ничто.*

Всякое мышленіе состоитъ въ различеніи и соединеніи и слѣдовательно предполагаетъ формально три термина: два различаемые и третій—ихъ единство. Діалектическое различеніе состоитъ въ противоположеніи одного другому. То, чему другое противопоставляется или противоположное другому, есть то же или само (то же самое). Въ самомъ дѣлѣ, если второй терминъ есть другое, а первый отъ него различается, то онъ уже не есть другое, слѣдовательно есть то же или то же самое. Но такъ какъ противоположеніе терминовъ есть обоюдное или взаимное, такъ что если второй терминъ различается отъ перваго и есть его другое, то и первый различается отъ втораго и есть точно также другое для него, то слѣдовательно оба эти опредѣленія принадлежать безразлично обоимъ терминамъ и имѣютъ такимъ образомъ только относительное или субъективное значеніе. Но если различаемые термины суть то же и другое только относительно, въ своемъ взаимномъ противоположеніи, то что же они такое безотносительно? Если то, въ чемъ они различаются (понятіе того же и другаго), имѣетъ лишь относительное значеніе, то безотносительное ихъ опредѣленіе должно быть для нихъ одинаковымъ или выражать ихъ единство. Они необходимо должны имѣть такое опредѣленіе, ибо такъ какъ тѣ два опредѣленія (то же и другое) не принадлежать различаемымъ терминамъ, а только ихъ различію, то еслибы у нихъ не было третьяго опредѣленія, то они были бы ничѣмъ сами по себѣ, но въ такомъ случаѣ они не могли бы и различаться, не могли бы находиться и во взаимоотношеніи, ибо ничто отъ ничего не различается, ничто къ ничему ни въ какомъ отношеніи не находится. И такъ, если мыслится различіе (а оно мыслится въ относительныхъ понятіяхъ *то же и другое*), то должно мыслиться и нѣчто различасное; различаемые термины во всякомъ случаѣ должны быть чѣмъ нибудь, каждый изъ нихъ одинаково долженъ быть *ничто*. Такимъ образомъ мы находимъ въ понятіи *ничто* то опредѣленіе, которое составляетъ объективное содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ единство двухъ первыхъ различаемыхъ терминовъ.

Если *ничто* есть одинаково содержаніе *того же и другаго*, то

спрашивается, чѣмъ же различаются между собою эти три термина? Если всѣ три термина суть нѣчто, то третій терминъ есть нѣчто какъ такое, первые же два суть нѣчто въ своемъ саморазличеніи. Такимъ образомъ третій синтетическій терминъ является въ сущности первымъ, а два остальные только его положеніями. Но чтобы подъ этимъ саморазличеніемъ первой идеи дѣйствительно что-нибудь мыслить, мы должны указать опредѣленное основаніе различію. Если логическое содержаніе или сущность (Идеи) трехъ терминовъ тождественна, такъ какъ всѣ они одинаково суть нѣчто, то въ чемъ же заключается ихъ особенное содержаніе, дѣлающее ихъ различными? Не имѣя своего основанія въ общемъ логическомъ содержаніи или логической формѣ, оно можетъ заключаться только въ способѣ бытія. Способовъ же бытія можно мыслить только три: *бытіе какъ непосредственное проявленіе сущаго, отъ себя бытіе, воля*; *бытіе какъ отраженное проявленіе сущаго, для себя бытіе или представленіе*; и наконецъ, *бытіе какъ состояніе сущаго, обратно опредѣляемое его представленіемъ, у себя бытіе или чувство*; при чемъ очевидно, что третій способъ бытія есть единство или синтезъ первыхъ двухъ. Въ первомъ способѣ бытіе тождественно съ сущимъ, есть его собственное непосредственное проявленіе—воля, во второмъ оно различается отъ него, полагается какъ его другое, въ третьемъ различіе опять снимается въ синтетическомъ единствѣ. Отсюда ясно, что первому способу соответствуетъ опредѣленіе того же или тождества, второму—опредѣленіе другого или различіе, а третьему—опредѣленіе ихъ единства или нѣчто. Такимъ образомъ мы получили для нашихъ трехъ терминовъ необходимыя для ихъ различенія особенности. Всѣ три суть нѣчто, по первый есть нѣчто какъ предметъ или содержаніе воли (въ бытіи отъ себя сущаго), второй есть нѣчто какъ предметъ или содержаніе представленія (въ бытіи для себя сущаго), третій, наконецъ, есть нѣчто какъ предметъ или содержаніе чувства (въ бытіи у себя сущаго). Другими словами, нѣчто есть то же поскольку оно хочется или утверждается волею, оно есть другое поскольку представляется, и оно же есть единство того и другого или собственно нѣчто поскольку чувствуется; а такъ какъ мы знаемъ, что каждому способу бытія соответствуетъ особенный субъектъ или видъ сущаго, то наши логическіе термины закрѣпляются этими субъектами и такимъ образомъ *реализуются* или осуществляются. Съ другой стороны сами эти субъекты, а слѣдовательно и единство ихъ или идея получаютъ въ этихъ трехъ логическихъ опредѣленіяхъ (то-

го же, другаго и пѣчто) свое первое общелогическое содержаніе и такимъ образомъ *обобщаются*.

Понятно, что если пѣчто дѣйствительно хочется, представляется, чувствуется, то это пѣчто само по себѣ, по существованію или субстанціально, различается отъ своего бытія для другихъ субъектовъ въ формѣ воли, представленія и чувства; другими словами Идея (ибо *мысли* есть только первое логическое опредѣленіе идеи) сама по себѣ различается отъ своего бытія для духа, ума и души. И хотя въ этой послѣдней (душѣ), идея утверждается какъ такая и слѣдовательно получаетъ свое дѣйствительное осуществленіе, однако это осуществленіе идеи въ душѣ и сама идея тождественны лишь по содержанію или сущности (*essentia*), а не субстанціально или по существованію (*existentia*), ибо въ самомъ дѣлѣ душа не могла бы и осуществлять идею или утверждать ее какъ такую, еслибы идея не существовала первѣе сама по себѣ.

Такимъ образомъ по субстанціальному содержанію или по особенному существованію мы имѣемъ здѣсь четыре термина, тогда какъ по логическому содержанію или формѣ—только три. Это обстоятельство,—что наши четыре субстанціальныя элемента представляютъ въ логическомъ отношеніи лишь тройственное различіе,—происходить отъ относительнаго характера чисто-логическихъ опредѣленій. Въ самомъ дѣлѣ, хотя съ объективной точки зрѣнія, то-есть, для идеи, известное логическое опредѣленіе соответствуетъ лишь одному опредѣленному способу бытія и одному опредѣленному субъекту (а именно опредѣленіе того же соответствуетъ волѣ и духу, опредѣленіе другаго—представленію и уму, логическое же единство ихъ или пѣчто—соотвѣтствуетъ чувству и душѣ, такъ, что сама идея какъ субстанціальное единство является уже не третьимъ, а четвертымъ терминомъ), но для самихъ этихъ субъектовъ такого исключительнаго соотвѣтствія быть не можетъ, ибо каждый изъ нихъ одинаково для себя есть то же или само (ибо ничто не можетъ быть другимъ для самого себя, но необходимо есть для себя то же), а слѣдовательно оба остальные являются для него одинаково какъ другіе, то-есть, оба вмѣстѣ подлежатъ логическому опредѣленію *другому*, такъ что любой изъ субъектовъ представляетъ первый логическій терминъ, или то-же (само), два прочіе—второй логическій терминъ, или другое. внутреннее же ихъ единство или Идея является такимъ образомъ третьимъ, а не четвертымъ терминомъ. Съ другой стороны такъ какъ всякое дѣйствительное (а не чисто

логічское или относительное) опредѣленіе должно быть по крайней мѣрѣ двухстороннимъ ¹⁾, слѣдовательно предполагаетъ одно опредѣляемое, два опредѣляющие и сверхъ того ихъ единство, какъ основаніе или *medium* опредѣленія, то необходимо являются четыре субстанціальныя элементи, находящіеся въ тройственномъ логическомъ отношеніи.

Мы нашли въ понятіи *чѣмъ* первое логическое опредѣленіе Иден. Это понятіе, равно какъ и тѣ, изъ коихъ оно происходитъ (то-же и другое), имѣють столь общій и неопредѣленный смыслъ, что наше построеніе ихъ можетъ казаться пустою игрой словъ. Но сущность діалектики, которая есть собственный методъ органической логики, состоитъ въ томъ, что мыслиицъ умъ, имѣя предъ собою самое общее и неопредѣленное понятіе, путемъ послѣдовательныхъ актовъ мышленія развиваєтъ содержаніе этого понятія, паходившееся въ немъ сначала лишь потенціально, въ этихъ же актахъ мышленія получающее свою опредѣленную дѣйствительность. И это есть единственный возможный методъ въ первой или основной части философіи; ибо такъ какъ задача философіи вообще состоитъ въ разумномъ объясненіи всякаго опредѣленнаго, дѣйствительнаго содержанія, то-есть, въ его мыслимомъ построеніи или выведеніи, то философія не можетъ въ началѣ основываться на этомъ дѣйствительномъ содержаніи, которое она должна еще вывести, слѣдовательно, она можетъ начинать только съ такихъ понятій, которые не имѣють еще опредѣленнаго содержанія и дѣйствительности и суть только чистомыслимыя потенціи или возможности. Конкретная дѣйствительность есть *задача* философіи, а никакъ не *принципъ* или *начало* ея. Поэтому даже понятіе *чѣмъ* при всей своей общности не можетъ служить исходною точкою логики, какъ имѣющее уже нѣкоторую, хотя и крайне скудную, опредѣленность, поскольку пѣчто не есть ничто. Безусловно же первымъ началомъ логики и, слѣдовательно, всей философіи можетъ быть только понятіе абсолютнаго или сверхсущаго, съ котораго мы и начали свое изложеніе. Абсолютное не есть даже

¹⁾ Ибо при односторонности опредѣленія, то-есть, при одномъ опредѣляющемъ, опредѣляемое покрывалось бы вполне этимъ однимъ опредѣляющимъ, слѣдовательно не различалось бы отъ него, то-есть, въ такомъ случаѣ опредѣляемаго совѣсть бы не было, а когда нѣтъ опредѣляемаго, то нѣтъ и опредѣленія, нѣтъ и опредѣляющаго. Такимъ образомъ одностороннее опредѣленіе, то-есть, опредѣленіе однимъ опредѣляющимъ, уничтожаетъ самого себя и слѣдовательно оно логически невозможно.

нѣчто: оно есть потенціальное сдѣяство (безразличіе, тождество) ничто и нѣчто, не имѣетъ слѣдовательно уже никакой опредѣленности.

Всѣ сколько нибудь послѣдовательныя системы умозрительной философіи признавали въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ понятіе абсолютнаго своимъ первымъ принципомъ. Но кромѣ того, что эти системы большею частью смѣшивали понятіе абсолютнаго съ понятіемъ бытія вообще,—а это далеко не одно и то же, ибо бытіе вообще есть уже нѣкоторое опредѣленіе, поскольку противопоставляется небытію—кромѣ того большинство этихъ системъ, начиная съ ученія Элейца Парменида и кончая *Identitätsphilosophie* Шеллинга, признавая по справедливости понятіе абсолютнаго *началомъ* философіи, вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно принимаютъ это понятіе въ той же его неопредѣленности или потенціальности и за *конецъ* философіи, въслѣдствіе чего у нихъ необходимо все философствованіе сводится къ простому утвержденію этого безразличнаго абсолютнаго (или абсолютнаго безразличія) противъ всякой опредѣленной дѣйствительности, то-есть, къ простому отрицанію этой послѣдней. Истинная же философія или цѣльное знаніе, исходя отъ понятія абсолютной потенціи, полагаетъ какъ конецъ или послѣдній результатъ философіи тоже абсолютное, но уже *осуществленное*, то-есть, въ полной его опредѣленности и всецѣлой дѣйствительности, причемъ сама философія является какъ органическое развитіе первоначальнаго понятія объ абсолютномъ, какъ неопредѣленной потенціи въ дѣйствительную всецѣлоопредѣленную его идею. Такимъ образомъ и здѣсь абсолютное является какъ начало и конецъ, альфа и омега философіи,—по въ различномъ смыслѣ: первое понятіе абсолютнаго и окончательная идея его относятся между собою какъ сѣмя растенія къ тому же растенію вполне развитому и плодоносному; школьная же философія довольствуется однимъ сѣменемъ истины, засушивъ его отпеченными формулами.

Если идея вообще есть опредѣленность абсолютнаго, то понятно, что уже первое логическое выраженіе идеи *нѣчто* при всей своей скудости представляетъ уже нѣкоторое опредѣленіе. Идея есть нѣчто—въ этомъ содержится необходимость дальнѣйшаго развитія. Ибо если идея есть нѣчто, то что же она такое? Въ самомъ дѣлѣ пельзя быть нѣчто или что нибудь вообще, ибо въ самомъ понятіи *нѣчто* или *что нибудь* содержится отрицаніе его общности и требованіе опредѣленнаго, особеннаго содержанія, которое (содержаніе) въ самомъ

этомъ понятіи еще не дается. Когда я говорю *что-нибудь*, то предполагаю *что-нибудь* опредѣленное, хотя и не указываю въ этомъ понятіи *что именно*. Такимъ образомъ неопредѣленность понятія *ничто* или *что-нибудь* есть относительная и такъ сказать предварительная, требующая своего снятія. Итакъ, въ чемъ же состоитъ это первоначальное нѣчто, какое дальнѣйшее содержаніе существенной Идеи, а въ ней и сверхсущаго абсолютнаго? Постепеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является все послѣдующее изложеніе. Но прежде чѣмъ перейти къ развитію дальнѣйшихъ опредѣленій Идеи необходимо, по поводу уже изложеннаго, сдѣлать слѣдующія четыре замѣчанія.

Первое. Всѣ относительныя опредѣленія уже заключаются *imply* въ тѣхъ первоначальныхъ опредѣленіяхъ, которыя подъ именемъ основныхъ опредѣленій составляли предметъ предыдущей главы; они заключались въ нихъ именно, какъ ихъ отношенія, и разсматривая теперь особенно эти относительныя опредѣленія, мы только полагаемъ ихъ *explicit*. Они встрѣчались намъ уже при изложеніи первыхъ началъ, но тогда мы не останавливали на нихъ вниманіе, потому что не они были собственнымъ предметомъ или цѣлью нашего изложенія; теперь же мы дѣлаемъ ихъ именно такою цѣлью, и это совершенно соответствуетъ общему закону органическаго развитія, по которому никакой элементъ или опредѣляющая форма организма не создается вновь, а только полагаются *explicit* тѣ, которыя уже имѣлись въ зародышѣ. Другими словами, въ ходѣ развитія особенные элементы или члены организма, бывшіе первоначально поглощенными, не выделяемыми, становятся каждый какъ частная цѣль, такъ что можно сказать, что развитіе состоитъ въ томъ, что организующая сила жизни послѣдовательно останавливаетъ свое вниманіе и свою дѣятельность на отдѣльныхъ элементахъ, чтобы потомъ свести ихъ къ новому единству. Разумѣется, что въ развитіи логическихъ опредѣленій роль этой организующей силы играетъ мыслящій умъ. Такое же выведеніе логическихъ категорій, при которомъ каждая являлась бы разомъ и впервые на своемъ діалектическомъ мѣстѣ, возникала непосредственно изъ своей предыдущей—такое выведеніе должно быть признано совершенно невозможнымъ. Первоначальный умъ, обусловливаемый абсолютнымъ Логосомъ, полагаетъ относительныя опредѣленія, но такъ какъ эта чистая дѣятельность первоначальнаго ума не можетъ подлежать времени, а есть слѣдовательно вѣчная въ положительномъ и безусловномъ смыслѣ этого термина,

то всѣ эти опредѣленія существуютъ вѣчно совмѣстно одни съ другими, а равно и съ основными началами сущаго, сущности и бытія, и всѣ они находятся во взаимодействіи, опредѣляя другъ друга. Поэтому невозможно разсматривать основныя опредѣленія въ безусловной отдѣльности отъ относительныхъ, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ и въ абсолютномъ логическомъ опредѣленіи возникаютъ не одно изъ другаго, а всѣ одинаково изъ самого Логоса посредствомъ первоначальнаго ума. Нашъ же умъ не производитъ ихъ ни одно изъ другаго, ни изъ самого себя, а напротивъ самъ въ своей логической дѣятельности обуславливается этими опредѣленіями какъ уже данными независимо отъ него, и затѣмъ только воспроизводитъ ихъ своимъ мыслительнымъ процессомъ въ ихъ нормальномъ соотношеніи и единствѣ, или какъ сказано, организуетъ ихъ для себя.

Второе. Всякій актъ чисто логическаго мышленія, состоящій въ различеніи и соединеніи, сводится, какъ къ своей первоначальной формѣ, къ закону тождества, то-есть, $A=A$. Здѣсь очевидно, утверждая тождество перваго и втораго A , мы тѣмъ самымъ утверждаемъ и ихъ различіе, ибо безъ послѣдняго невозможно и первое. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ сравнивать и отождествлять между собою можно только пѣсколько, по крайней мѣрѣ два по числу различныхъ предмета, то сравнивая и отождествляя A съ самимъ собою мы тѣмъ самымъ раздвоаемъ его, то-есть, различаемъ его отъ самого себя или полагаемъ его какъ другое самому себѣ или для себя; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ самомъ противоположеніи убѣждаемся въ формальномъ тождествѣ его съ самимъ собою, ибо другое A не имѣетъ никакого иного содержанія, ничѣмъ формально не отличается отъ перваго, есть то же самое A , только положенное другой разъ, то-есть, различіе между ними не касается ихъ содержанія или сущности, а только акта ихъ утвержденія или существованія; другими словами, это различіе есть только нумерическое. Такимъ образомъ основной логическій законъ или общая форма мышленія выражаетъ единство того же и другаго или тождества и различія, но по въ одномъ и томъ же отношеніи, что было бы противорѣчіемъ, а въ разныхъ отношеніяхъ именпо тождество по сущности или содержанію и различіе по существованію или акту утвержденія. Законъ тождества или не имѣетъ никакого смысла (таковымъ онъ обыкновенно принимается въ формальныхъ логикахъ), или же имѣетъ слѣдующій смыслъ: то самое, что раздвоается или различается само отъ себя *по существованію* или *акту своего утвержденія*, вмѣстѣ съ тѣмъ тождественно себѣ или

едино по сущности своей или содержанию. Только въ этомъ смыслѣ понимаемый законъ тождества становится плодотворнымъ и получаетъ опредѣляющее значеніе не только для логики, но и для всей философіи. Но при этомъ необходимо помнить слѣдующее различіе. Для насъ, поскольку мы существуемъ во времени, различіе чего бы то ни было по существованію или акту утвержденія можетъ сводиться къ простому различію во времени или въ моментѣ утвержденія. Такъ, когда мы высказываемъ $A=A$, то различіе между вторымъ и первымъ A состоитъ лишь въ томъ, что они нами мыслятся въ два различныя, одинъ за другимъ слѣдующіе, момента времени, ибо нельзя въ одинъ моментъ времени, въ одномъ временномъ актѣ мыслить A въ двухъ положеніяхъ, или два раза полагать это A ; такимъ образомъ все необходимое различіе по существованію между ними сводится къ тому, что второе A существуетъ въ другой моментъ времени, нежели первое, или что актъ, которымъ мы мыслимъ второе A , есть нумерически другой, нежели тотъ, которымъ мы мыслимъ первое, — только нумерически другой, ибо во всемъ остальномъ эти два акта тождественны, то-есть, не только они имѣютъ одно и то же содержаніе, именно A , но и самый способъ ихъ существованія, или способъ, какимъ они утверждаютъ свое содержаніе, совершенно одинаковъ, поскольку оба суть одинаково акты одного и того же чисто-логическаго мышленія. По если здѣсь различіе существованія сводится къ различію времени, то это является немислимымъ въ примѣненіи къ первоначальной дѣятельности самого абсолютнаго Логоса, которая не можетъ подлежать времени. Слѣдовательно, въ немъ различіе по существованію касается самаго способа существованія, то-есть, это различіе состоитъ не въ томъ, что одно и то же содержаніе полагается въ различныя моменты времени, а въ томъ, что одно и то же содержаніе различными способомъ полагается или утверждается, а именно: во первыхъ, какъ представляемое, во вторыхъ, какъ желаемое и въ третьихъ, какъ чувствуемое. Лишь вслѣдствіе такой тройственности модусовъ, а слѣдовательно и субъектовъ, при тождествѣ содержанія возможно совмѣстное утвержденіе безъ всякаго различенія времени, то-есть, утвержденіе въ единомъ моментѣ, или что то же, въ единой вѣчности. Посему когда первоначальный умъ представляетъ какое-нибудь различіе, то дѣйствительное основаніе этого различія заключается не въ представленіи или мышленіи, а въ волѣ и чувствѣ, представленіе же даетъ только самую форму различія. Здѣсь заключается неразрывная связь и неразрѣшимый узелъ, соединяющій часть сxciv, отд. 2.

между собою трѣхъ способа бытія, а тѣмъ и трѣхъ субъектовъ, тѣмъ modulusъ соответствующихъ.

Третье. Въ опредѣленіи того же и другаго *implicite* и непосредственно заключается нѣсколько другихъ опредѣленій, которыя и могутъ быть изъ нихъ прямо выведены. Изъ этихъ опредѣленій, такъ же полярныхъ или соотносительныхъ какъ и рассмотрѣнное выше, считаемъ нужнымъ указать особенно на два. Первое есть *единое* и *многое*. То же или само какъ такое есть одно, въ различеніи же или положеніи другаго тѣмъ самымъ полагается множественность; другими словами, различаясь или полагая себя какъ другое, оно размножается, слѣдовательно единство ихъ есть единство одного и многаго. Такъ, какъ различаться можетъ только многое (ибо и одно, различаясь, тѣмъ самымъ становится многимъ или размножается, не переставая быть единымъ въ силу общаго закона всякой дѣятельности, и совмѣщая въ себѣ такимъ образомъ субстанціальное единство съ феноменальною множественностью), а съ другой стороны множественность можетъ быть только при *различеніи* многихъ (въ силу закона *identitatis indiscernibilium*), то эти два опредѣленія являются лишь двумя выраженіями или двумя субъективными сторонами одного и того же понятія. Другое соотносительное опредѣленіе, вытекающее изъ нашего перваго опредѣленія, есть *безусловное* и *относительное*. Мы называемъ безусловнымъ то, что не опредѣляется ничѣмъ инымъ, не имѣетъ внѣ себя ничего другаго какъ условія своего бытія. Такимъ образомъ то же самое какъ такое или само по себѣ есть безусловное, различаясь же или полагая другое, къ которому оно относится, оно тѣмъ самымъ становится относительнымъ. Очевидно, что когда двѣ вещи относятся между собою, то онѣ должны первѣе быть внѣ отношенія, то-есть, безусловно, ибо еслибы онѣ были ничѣмъ или ничѣмъ не были внѣ отношенія, то-есть, сами по себѣ или безусловно, то и отношеніе ихъ было бы отношеніемъ ничего къ ничему, то-есть, его не было бы совсѣмъ, ибо ничто къ ничему и относиться не можетъ. Такимъ образомъ тѣмъ самымъ что что-нибудь относительно, оно же и безусловно, или *все относительное безусловно*. Но точно также и *все безусловное необходимо относительно*, ибо оно, отличаясь отъ относительнаго какъ другаго, тѣмъ самымъ находится съ нимъ въ отношеніи, то-есть, само относительно. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы мыслимъ безусловное, то въ этомъ понятіи самомъ по себѣ нѣтъ никакого положительнаго содержанія; какъ уже показываетъ отрицательная форма этого термина, подъ безусловнымъ разумѣется только отсутствіе того,

что мы называемъ условнымъ или относительнымъ; этимъ исчерпывается все чисто-логическое содержаніе этого понятія, которое такимъ образомъ имѣетъ совершенно отрицательное значеніе. Какъ логическое понятіе безусловное, то-есть, *безусловность* вполнѣ опредѣляется своимъ противоположнымъ, слѣдовательно само есть совершенно условное или относительное, представляя такимъ образомъ прямое отрицаніе своего собственнаго опредѣленія. Но при такой діалектикѣ, въ которой понятія оказываются прямо противоположными самимъ себѣ, что становится съ закономъ тождества? Такая философія, которая разсматриваетъ общія логическія опредѣленія не какъ предикаты сущаго или сущихъ, а какъ чистыя абсолютныя формы, сами по себѣ независимы въ своей отвлеченности, для которой такимъ образомъ все исчерпывается чисто-логическимъ, формальнымъ содержаніемъ или общою формою этихъ опредѣленій, такъ что для нея нѣтъ собственно *безусловнаго, единого, различнаго* и т. д., а только *безусловность, единство, различіе* и т. д., такая чисто формальная философія, будучи послѣдовательно, необходимо должна отрицать законъ тождества, что мы и находимъ дѣйствительно у представителя этой философіи — Гегеля. Здѣсь мы должны еще разъ остановиться на существенномъ отличіи органической логики отъ логики Гегеля, что составитъ:

Четвертое замѣчаніе, въ которомъ впрочемъ и ограничусь только нѣсколькими указаніями, такъ какъ полную параллель Гегелевой логики и логики органической удобнѣе будетъ сдѣлать послѣ изложенія этой послѣдней. Такъ какъ для Гегеля истина представляется только съ ея формальной стороны, со стороны чистаго мышленія, то для него всѣ логическія опредѣленія не суть предикаты сущаго или сущихъ, утверждаются сами по себѣ въ своей отвлеченности, такъ что, напримѣръ, опредѣленіе самого или того же является у него только какъ общее понятіе самости или тождества, а опредѣленіе другаго только какъ общее понятіе „быть другимъ“, то-есть, понятіе инобытія или различія. Слѣдовательно по Гегелю тождество того же и другаго есть тождество тождества и различія, иначе — тождество себя и своего противоположнаго. И въ самомъ дѣлѣ, это утвержденіе, что абсолютная идея въ самой общей своей формѣ есть тождество тождества и различія или себя и своего противоположнаго, составляетъ основное положеніе всей Гегелевой логики, и слѣдовательно и всей его философіи; для однихъ это парадоксальное положеніе есть (или лучше сказать было, ибо теперь едва ли пайдутся на всемъ свѣтѣ чистые Гегельянцы, что разумѣется не мѣшаетъ Гегель-

иству имѣть и теперь и впредь огромное значеніе въ философіи и въ наукѣ) высшая формула самой абсолютной истины; для другихъ же оно есть просто абсурдъ, и вся основанная на этомъ абсурдѣ философія Гегеля является бредомъ сумасшедшаго или же наглою галиматіей шарлатана (таково, какъ извѣстно, мнѣніе знаменитаго Шопенгауэра); въ дѣйствительности же это есть только одностороннее и притомъ отрицательное выраженіе истины, утверждаемое какъ ея абсолютное и положительное выраженіе и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно ложное. Мы видѣли въ самомъ дѣлѣ и еще болѣе увидимъ впоследствии, что чисто логическія категоріи имѣютъ характеръ относительный и діалектический. Каждая изъ нихъ, взятая въ своей отдѣльности или отвлеченности, переходитъ въ свою противоположную, оказываясь такимъ образомъ не истинною въ этомъ видѣ, и слѣдовательно истина ихъ или идея заключается въ ихъ единствѣ. Но это единство не мыслимо безъ различій (ибо то, что не различается, не можетъ и соединяться), и такъ какъ такихъ различій нѣтъ въ этихъ опредѣленіяхъ самихъ по себѣ или отвлеченно-взятыхъ, ибо въ этомъ видѣ они переходятъ другъ въ друга, то требуемое различіе можетъ являться лишь поскольку эти опредѣленія суть дѣйствительныя отношенія нѣкоторыхъ сущихъ, или грамматически говоря, — сказуемыхъ нѣкоторыхъ подлежащихъ. Такимъ образомъ эти чисто логическія опредѣленія какъ относительныя предполагаютъ другія основныя или субстанціальныя опредѣленія, съ которыхъ мы и начали наше изложеніе. Мы знаемъ, что логическія опредѣленія, какъ полагаемыя въ мышленіи, по сути первоначальны, ибо мышленію предполагаетъ мыслящаго, а мыслящій предполагаетъ волящаго и чувствующаго. Мыслящій умъ въ опредѣленіи самости или тождества полагаетъ, очевидно, самого себя для себя, а въ опредѣленіи другаго полагаетъ волящаго духа и чувствующую душу какъ мыслимыя или для него и тѣмъ производитъ ихъ въ этомъ качествѣ, ибо хотя они суть сами по себѣ, но какъ мыслимыя могутъ полагаться только умомъ. Такимъ образомъ если первоначальныя субъекты дѣйствительно различаются посредствомъ логическихъ опредѣленій, то это различіе не зависитъ исключительно ни отъ самихъ сущихъ, ни отъ логическихъ опредѣленій самихъ по себѣ. Ибо въ самомъ дѣлѣ логическія опредѣленія (тоже и другое, единое и многое, безусловное и относительное и т. д.) выражаютъ очевидно нѣкоторыя отношенія, но отношеніе необходимо требуетъ относящихся (ибо безъ этого оно превращается въ пустое слово), а съ другой стороны относящіеся, какъ такіе, требуютъ

извѣстнаго способа или формы отношенія, такъ что логическія опредѣленія получаютъ отъ сущихъ свою дѣйствительность, а сущіе получаютъ отъ логическихъ понятій свою форму или опредѣленность. Но не такъ для Гегеля, который не признаетъ ничего кромѣ чисто-логическихъ или относительныхъ опредѣленій и съ нихъ прямо начинаетъ свою философію¹⁾. Предполагать сущаго или сущихъ онъ не можетъ, такъ какъ его первое начало есть чистое отвлеченное бытіе или понятіе *an sich*. Субъектъ является для него только какъ одинъ изъ послѣдующихъ моментовъ въ саморазвитіи чистаго понятія, какъ одна изъ формъ логическаго бытія, а не какъ сущій. Поэтому для него всѣ логическія опредѣленія суть сказуемыя безъ подлежащихъ, отношенія безъ относящихся. Въ такомъ видѣ они теряютъ всякую дѣйствительную опредѣленность, становятся текучими, каждое изъ нихъ безпрепятственно переходитъ въ свое противоположное, и констатированіе этого тождества или безразличія противоположныхъ опредѣленій, взятыхъ въ ихъ отвлеченности, или указаніе ихъ течучести составляетъ всю суть Гегелевой діалектики. Если для насъ то обстоятельство, что логическія опредѣленія сами по себѣ, въ отвлеченной формѣ (то-есть, безъ всякаго субстанціальнаго содержанія или какъ сказуемыя безъ подлежащихъ), переходятъ одно въ другое и противорѣчатъ такимъ образомъ закону тождества—если это обстоятельство, говорю я, доказываетъ намъ неистинность той отвлеченной формы, то Гегель, напротивъ, признавая эту отвлеченную форму за абсолютную истину, изъ указаннаго противорѣчія заключаетъ только о неистинности закона тождества; отсюда ясно, что отрицаніе этого закона со стороны Гегеля есть только необходимое слѣдствіе того принципа отвлеченнаго раціонализма или формализма, котораго этотъ философъ есть крайній и самый послѣдовательный представитель, такъ что и съ этой отрицательной стороны Гегелева философія имѣетъ важное значеніе какъ блистательное *reductio ad absurdum* цѣлаго философскаго направленія въ его исключительности.

¹⁾ Подъ *бытіемъ*, съ котораго Гегель начинаетъ свою логику, онъ разумѣетъ не способъ или модусъ самоположенія сверхсущаго (въ какомъ-то смыслѣ бытіе есть одно изъ основныхъ и положительныхъ опредѣленій), а только общее понятіе бытія, отвлеченное отъ всякихъ признаковъ и никакому субъекту не принадлежащее; въ этомъ смыслѣ бытіе имѣетъ, очевидно, характеръ чисто отрицательный и совершенно отрицательный, вслѣдствіе чего и равняется понятію *ничто*.

2) *Отрицательніи причины и дѣйствія. Изъ единство или дѣйствительность.—Вещь о себѣ и явленіе.*

Мы имѣемъ различіе того же и другаго. А различіе отъ себя В какъ свое другое. Поскольку само А различаетъ отъ себя это свое другое, поскольку это послѣднее существуетъ для него, оно очевидно имъ же самимъ полагается. Если я различаю отъ себя что-нибудь или ставлю что-нибудь передъ собою какъ объектъ, то въ этомъ различеніи или въ качествѣ моего представленія, предметъ этотъ полагается мною самимъ. Всякій объектъ, какъ существующій для субъекта или какъ его представленіе, есть очевидно дѣйствіе самого субъекта. И такъ В, поскольку А различаетъ его отъ себя или представляетъ какъ свое другое, есть положеніе или *дѣйствіе* самого А, слѣдовательно А есть его *причина*. Иными словами то же или само есть причина своему другому какъ такого.

Это есть одна сторона дѣла, и та философія (субъективный идеализмъ), которая ограничивается этою стороною, или одностороннюю истину припимаетъ за истину всецѣлую, необходимо приходитъ къ такимъ заключеніямъ, которые не только находятся въ безсильномъ противорѣчій съ дѣйствительностію, но и логически немыслимы. Въ самомъ дѣлѣ, другое не можетъ быть только дѣйствіемъ того же, объемъ не можетъ быть только продуктомъ субъекта. Вслѣдствіе относительности этихъ понятій само или то же мыслимо только по отношенію къ другому, слѣдовательно оно какъ такое предполагаетъ другое или определяется имъ. Въ этомъ смыслѣ оно само есть столько же дѣйствіе своего другаго, какъ и другое есть его дѣйствіе. Вообще причина, какъ такая, есть только причина дѣйствія и безъ него не есть причина. Слѣдовательно причина, какъ такая, зависитъ отъ своего дѣйствія и имъ определяется, другими словами дѣйствіе есть причина своей причины или причина есть дѣйствіе своего дѣйствія. И такъ, абстрактно говори, нѣтъ собственно ни причины, ни дѣйствія; логическое различіе между ними въ такой отвлеченности оказывается призрачнымъ. Но оно получаетъ свое настоящее значеніе, если мы будемъ разсматривать эти понятія въ ихъ истинномъ смыслѣ, то-есть, какъ сказуемыя подлежащихъ подлежащихъ.

Какъ мы видѣли, то, что для извѣстнаго подлежащаго какъ того же или самого, есть только его другое, то само по себѣ есть такое же подлежащее какъ и первое, которое для него точно также является другимъ. Если другое обозначилось у насъ какъ дѣйствіе, а то же какъ причина, то мы должны сказать, что нѣчто, будучи дѣйствіемъ

по отношенію къ извѣстному подлежащему, само по себѣ есть такая же причина какъ и то подлежащее, или, говоря точнѣе, имѣть свою особенную независимую отъ этого подлежащаго причину. И такъ другое не есть исключительно ни дѣйствіе перваго подлежащаго какъ того же, ни причина его. Оно есть и то и другое, но въ различныхъ отношеніяхъ. Какъ существующее для этого подлежащаго оно есть его дѣйствіе, но оно не могло бы для него и существовать, то-есть, это подлежащее не могло бы и полагать его, еслибы само не опредѣлялось другимъ,—не другимъ какъ этимъ дѣйствіемъ, которое какъ такое не существуетъ первѣе этого подлежащаго, а другимъ какъ собственно причиной этого дѣйствія, то-есть, другимъ подлежащимъ. И такъ другое, существующее для извѣстнаго подлежащаго, не есть собственно ни дѣйствіе, ни причина, а взаимодействіе между этимъ и другимъ подлежащимъ. Всякое дѣйствіе такимъ образомъ есть взаимодействіе двухъ подлежащихъ и имѣетъ необходимо по крайней мѣрѣ двѣ причины.

Изъ сказаннаго ясно, что первоначальныя подлежащія находятъ свою связь или единство не въ понятіяхъ причинъ и дѣйствій, причѣмъ между ними было бы одностороннее подчиненіе, а только въ понятіи взаимодействія или дѣйствительности, при которомъ они сохраняютъ свою самостоятельность. Итакъ въ этой категоріи идея или истина опредѣляется какъ взаимодействіе основныхъ подлежащихъ, которыя въ этомъ взаимодействіи различаются по относительнымъ опредѣленіямъ причины и дѣйствія. Это взаимодействіе основныхъ подлежащихъ есть ихъ *дѣйствительность*. Причина не дѣйствующая очевидно не имѣетъ дѣйствительности, она получаетъ ее только чрезъ свое дѣйствіе; всякое же дѣйствіе причиной есть ея взаимодействіе съ другою, ибо нельзя дѣйствовать на ничто или въ ничѣмъ. Такимъ образомъ основныя подлежащія сами по себѣ, въ своей отдѣльности или отвлеченно другъ отъ друга, суть только потенціи, не имѣютъ дѣйствительности, и получаютъ ее только въ своемъ взаимодействіи, то-есть, въ идеѣ. И такъ идея есть ихъ дѣйствительность. Соединяя это опредѣленіе съ тѣмъ, которое мы получили въ предыдущей категоріи, мы находимъ, что идея есть *нѣчто дѣйствительное или та-которая дѣйствительность*.

Изъ опредѣленій причины и дѣйствія прямо вытекаютъ опредѣленія *вещи о себѣ* и *явленія*. Мы называемъ явленіемъ всякое для насъ существующее или намъ явное (отсюда явленіе, *phenomenon* отъ *φαίνεσθαι*) дѣйствіе, обусловленное съ одной стороны воспринимаю-

щимъ субъектомъ, а съ другой—нѣкоторою производящею независимую отъ воспринимающаго субъекта причиною, которая какъ такая не можетъ быть непосредственно явною, а обнаруживается только въ своемъ дѣйствіи или явленіи; независимо же отъ него мы приписываемъ этой причинѣ собственное о себѣ бытіе и называемъ ее о себѣ сущимъ, самосущимъ или вещью о себѣ — Ding an sich ¹⁾. Такимъ образомъ явленіе есть дѣйствіе вещи о себѣ, вещь же о себѣ есть собственная или производящая причина явленія. Ибо если и разумѣть явленія въ смыслѣ субъективнаго идеализма, то-есть, какъ чисто идеальныя представленія творчески мыслящаго субъекта, то и тогда предметный характеръ этихъ представленій, фактически имъ присущій, можетъ зависѣть только отъ того, что субъектъ вызывается или опредѣляется къ произведенію этихъ представленій или явленій тѣмъ-то отъ него независимымъ, что и имѣетъ значеніе матеріально производящей причины этихъ явленій (субъекту же всегда принадлежитъ только значеніе формальной причины). Это допускается не только Кантомъ въ его Ding an sich, но и Фихте въ его absolute Schranke, равно какъ и Берклеемъ въ его понятіи Божества, вызывающаго въ насъ идеи.

Возвращаясь къ понятіямъ о себѣ бытія и явленія какъ чисто логическимъ опредѣленіямъ, легко видѣть, что они имѣютъ смыслъ только какъ сказуемыя извѣстныхъ подлежащихъ, причемъ оба могутъ принадлежать одному и тому же подлежащему въ различныхъ отношеніяхъ; и не только могутъ, но и должны. О себѣ сущій субъектъ необходимо заключаетъ и ипобытіе или явленіе, ибо понятіе о себѣ предполагаетъ различеніе себя и другаго, слѣдовательно отношеніе къ этому послѣднему или дѣйствіе на него, то-есть, явленіе. Съ другой стороны, явленіе, то-есть, бытіе для другаго предполагаетъ того, который есть для другаго, явленіе предполагаетъ являющагося, который уже помимо этого своего отношенія не можетъ быть самъ явленіемъ и слѣдовательно есть о себѣ сущій или вещь о себѣ.

Исно также, и уже не разъ было мною указано, что бытіе для другаго или явленіе совпадаетъ съ формой познанія вообще, такъ что

¹⁾ Сохраняю выраженіе—вещь о себѣ—какъ буквальный переводъ Ding an sich, не потому чтобы я считалъ этотъ терминъ Канта вполнѣ точнымъ и адекватнымъ, а потому что онъ вошелъ во всеобщее употребленіе въ философіи и было бы практически неудобно замѣнить его другимъ.

эта форма по самому понятію своему не можетъ быть ничѣмъ кромѣ явленіи. Если въ самомъ дѣлѣ быть явленіемъ по логическому смыслу значить только быть для другаго и если точно также быть познаваемымъ по логическому смыслу значить только быть для другаго, то, очевидно, эти два понятія, какъ вполне покрываемыя однимъ третьимъ, равны между собою. Но такъ какъ съ другой стороны явленіе невозможно безъ являющагося, то и всякое познаніе, будучи формально явленіемъ, относится къ этому являющемуся или сущему о себѣ, которое такимъ образомъ, какъ никогда не могущее всецѣло перейти въ форму познанія, поскольку являющееся не можетъ совпасть съ явленіемъ, есть въ этомъ смыслѣ непознаваемое, и опять таки оно есть единственно познаваемое поскольку всякое познаніе къ нему относится какъ къ своему субстанціальному содержанию, и то, о чемъ данное содержаніе познается, о чемъ данные предикаты или атрибуты утверждаются, есть именно это сущее; какъ всякое мое познаніе о васъ есть несомнѣнно явленіе, но вы сами, о которыхъ и это познаю или которыхъ я въ этомъ познаю, уже не составляете явленія, а являющееся, которое становится для меня какъ другаго, производя въ мнѣ это познаніе, и въ немъ мною познается.

Если по самому понятію всякое явленіе есть явленіе сущаго или вещи о себѣ, то точно также и во всякомъ познаніи познается нѣчто объ этомъ сущемъ, и изъ того, что сущее о себѣ какъ такое никогда не можетъ перейти въ форму познанія, то-есть, стать самопознаніемъ, очевидно не слѣдуетъ, чтобы оно было безусловно непознаваемо, ибо быть познаніемъ и быть познаваемымъ суть два понятія совершенно различныя.

Вслѣдствіе отвлеченнаго характера школьной философіи, обособлившей логическія понятія и утверждавшей ихъ въ такой исключительности, многіе школьные философы не признавали и доселѣ не признаютъ необходимую познательность (въ выше объясненномъ смыслѣ этого слова) о себѣ сущаго, несмотря на простоту и ясность этой истины, а одинъ изъ величайшихъ между этими философами, Кантъ, съ особенною рѣзкостью настаиваетъ на противоположности о себѣ сущаго, Ding an sich, и міра явленій—какъ двухъ безусловно отдѣльныхъ и несовмѣстныхъ областей. По его утвержденію то обстоятельство, что мы познаемъ формально только явленія, дѣлаетъ для насъ невозможнымъ познаніе вещи о себѣ; тогда какъ на самомъ дѣлѣ можно съ одинаковымъ правомъ утверждать какъ то, что мы познаемъ только явленія, такъ и то, что мы познаемъ только вещь о себѣ,—это зависитъ отъ

значеніи слова *познавать*, приче́мъ очевидно нельзя брать по произволу одно изъ этихъ значеній, когда оба одинаково необходимы и не только вполне совмѣстны, но и предполагаютъ логически другъ друга. Многія важныя ошибки въ философіи происходятъ отъ простой неточности въ постановкѣ логическихъ вопросовъ. Еслибы Кантъ вполне ясно опредѣлилъ логическое отношеніе между понятіями явленія и вещи о себѣ, а также между понятіями познанное и познаваемое, вмѣсто того, чтобы ограничиваться въ этомъ пунктѣ неопредѣленными и фигуральными выраженіями, то онъ вѣроятно избѣжалъ бы того заблужденія, которое оказалось таковымъ для его философіи и привело ее къ саморазложенію. Уже Фихте, а потомъ Шеллингъ и Гегель окончательно отвергли безусловную противоположность между Ding an sich и явленія, хотя они, особенно послѣдній, знали, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ противоположную крайность. За то въ болѣе поверхностной философіи, которая игнорируетъ все то, что у Канта было истиннаго и великаго — его трансцендентальную эстетику, то-есть ученіе объ идеальности формъ пространства и времени и его ученіе о различіи эмпирическаго умопостижимаго характера и о соединеніи трансцендентальной свободы съ феноменальною необходимостью, — въ тоѣ, говорю я, поверхностной философіи, которая неспособна оцѣнить и потому игнорируетъ „эти лучшіе алмазы въ философскомъ вѣнцѣ Канта,“ указанное заблужденіе этого великаго мыслителя сдѣлалось ходячею басней, и его стали на всѣ лады повторять такіе quasi-философы, которые, не имѣя за собою заслугъ Канта, должны были бы по крайней мѣрѣ избѣгать его ошибокъ.

Въ серьезной же философіи алогическое раздѣленіе или безусловный дуализмъ между Ding an sich и явленіемъ былъ навсегда устраненъ Гегелемъ; но онъ, какъ сказано, впалъ въ противоположную крайность и отождествилъ явленіе съ являющимся, что собственно сводится къ отрицанію этого послѣдняго. Развитію такого взгляда посвящена въ особенности вторая часть Гегелевой логики — *über das Wesen*. Основаніе этого новаго заблужденія — новаго впрочемъ только въ европейской философіи, ибо въ Индіи за дѣя тысячи слишкомъ лѣтъ до Гегеля философы Буддизма проводили такое отождествленіе сущаго съ явленіемъ или отрицаніе всякаго сущаго съ гораздо болѣею послѣдовательностью и смѣлостью чѣмъ самъ Гегель — основаніе этого заблужденія заключается въ самомъ общемъ принципѣ Гегелевой философіи, по которому онъ не признавалъ никакого дѣйствительнаго и первоначальнаго подлежащаго логическимъ предикатамъ

или опредѣленій, а брать эти опредѣленія сами по себѣ въ ихъ общности или отвлеченности. Но о себѣ сущее есть именно постоянное подлежащее явленій и слѣдовательно не могло быть допущено Гегелемъ какъ нѣчто дѣйствительное, а является у него какъ только одно изъ ограниченныхъ рефлексивныхъ понятій, снимаемыхъ въ абсолютномъ діалектическомъ процессѣ.

Истиннымъ во взглядѣ Гегеля остается несомнѣнно только то, что опредѣленія Ding an sich и явленія имѣютъ характеръ относительный, а не безусловный, какъ предполагалъ Кантъ. Вслѣдствіе этой относительности нельзя сказать просто, чтобъ нѣкоторое *a* или *x* было о себѣ сущимъ, или вещью о себѣ, а нѣкоторое *b* или *y* было явленіемъ; ибо всякое *a* и *b*, *x* и *y* есть необходимо зъ одно и то же время и о себѣ сущее и явленіе, только въ различныхъ отношеніяхъ и степеняхъ. По той же причинѣ нельзя сказать, что метафизическая философія имѣетъ своимъ предметомъ только сущности или вещи о себѣ, а положительная наука изучаетъ только явленія, ибо въ такомъ случаѣ и метафизика и наука имѣли бы своимъ предметомъ нѣчто несуществующее и даже логически невозможное. На самомъ-же дѣлѣ обѣ эти отрасли человѣческаго знанія имѣютъ своимъ предметомъ *сущее какъ оно является*, или въ явленіихъ познаютъ нѣчто о сущемъ, которое въ явленіяхъ обнаруживается, и слѣдовательно, между ними нѣтъ и не можетъ быть безусловной и коренной противоположности, а есть только относительное и степенное различіе, поскольку наука познаетъ сущее преимущественно въ крайнихъ или обусловленныхъ явленіяхъ или эффектахъ, метафизика же познаетъ его въ явленіяхъ первоначальныхъ или обуславливающихъ—иначе въ опредѣляющихъ причинахъ.

Собственно говоря нѣтъ ни вещи о себѣ, ни явленія, а есть единое абсолютно сущее, которое есть и альфа и омега, единое и все, начало и конецъ, которое въ своей всецѣлости заключаетъ и абсолютно о себѣ бытіе и начало всѣхъ явленій, и всѣ остальные существа и существованія представляются только различными степенями его самоположенія или проявленія. Это мы лучше поймемъ, когда будемъ говорить о цѣльныхъ опредѣленіяхъ идеи. Теперь же и замѣчу, что только при правильномъ взглядѣ на относительный характеръ опредѣленій о себѣ бытія, и явленія какъ различныхъ безъ раздѣленія и соединенныхъ безъ смѣшенія, можно вѣрно и удовлетворительно понимать другія спеціальныя отношенія въ области метафизики, какъ напримѣръ отношеніе Божества къ міру, духа къ природѣ,

души къ тѣлу, а безъ этого необходимо прійдти или къ безразличному монизму и монологизму, въ которомъ исчезаютъ всѣ опредѣленія и получается діалектическій туманъ, гдѣ всякое опредѣленіе можетъ приниматься за всякое другое, какъ по французской пословицѣ *la nuit tous les chats sont gris*—или же тотъ ограниченный дуализмъ, который, раздѣляя безусловно первыя начала бытія, превращаетъ міръ и природу въ мертвую машину, а изъ божества и духа дѣлаетъ какіе то импотентные призраки.

3) *Опредѣленія матеріи и формъ.*

Всѣ дѣйствія, воспринимаемыя представляющимъ умомъ, или всѣ явленія въ немъ происходящія, какъ его внутреннія состоянія, необходимо получаютъ его собственнымъ опредѣленіемъ или опредѣляются его собственною природою. Такимъ образомъ представляющій умъ необходимо дать *форму* явленій, ибо очевидно, что нѣчто можетъ существовать для него и въ немъ только въ формѣ его собственного бытія. То же, что подлежитъ этой формѣ, то-есть, дѣйствующія на него вещи или субъекты составляютъ тѣмъ самымъ *матерію* явленій и если, какъ мы сказали, всякое дѣйствіе или явленіе предполагаетъ двѣ, по крайней мѣрѣ, взаимодействующія причины, то одна изъ нихъ—воспринимающій субъектъ или умъ—есть причина формальная, а другая, то что на него дѣйствуетъ, есть причина матеріальная.

Но если представляющій умъ можетъ воспринимать и дѣйствовать только по опредѣленію собственной своей природы или бытія и слѣдовательно даетъ необходимую форму всѣмъ явленіямъ для него существующимъ, то точно то же должно быть очевидно сказано и о другихъ подлежащихъ. Духъ и душа точно также должны воспринимать и дѣйствовать лишь по опредѣленіямъ своей собственной природы, они также въ этомъ смыслѣ даютъ форму явленіямъ, и для нихъ умъ можетъ быть только матеріальною причиною. И такъ каждый изъ подлежащихъ для себя есть форма, а другія являются для него какъ только матерія. Съ этой стороны такимъ образомъ различныя подлежащія исключаютъ другъ друга, они не могутъ имѣть своего единства въ опредѣленіи формы какъ субъективной, исключительно принадлежащей каждому изъ нихъ. Слѣдовательно, свое необходимое единство они могутъ имѣть только въ нѣкоторой общей объективной формѣ. Эта форма не можетъ заключаться ни въ одномъ изъ трехъ подлежащихъ какъ такихъ или въ отдѣльности взятыхъ, ибо какъ такіа они имѣютъ лишь субъективную исключительную форму, не представляющую никакого основанія для объективнаго единства; слѣдовательно,

они могутъ имѣть необходимую общую форму только въ томъ, что для всѣхъ ихъ одинаково есть общее и объективное, то-есть въ идеѣ.

И такъ, идея есть форма. Но еслибы она была только формой и слѣдовательно матерію свою имѣла бы не въ себѣ самой, а въ трехъ подлежащихъ, то она не могла бы быть ихъ дѣйствительнымъ и объективнымъ единствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣли бы очевидно логическій кругъ: съ одной стороны три подлежащихъ должны бы были имѣть свое единство въ идеѣ какъ формѣ, съ другой стороны эта самая идея, какъ только форма, слѣдовательно лишенная всякаго собственного содержанія или матеріи, могла бы опредѣляться только какъ общее единство подлежащихъ, и такимъ образомъ мы не могли бы уйти далѣе того тождесловія, что единство подлежащихъ состоитъ въ ихъ единствѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое единство возможно только подъ общею формой единства, но столь же несомнѣнно, что одной этой формы недостаточно. Чтобы быть дѣйствительнымъ принципъ единства долженъ имѣть особенное положительное содержаніе или матерію. Поясню это конкретнымъ примѣромъ.

Многіе, весьма впрочемъ почтенные люди, будучи огорчены господствующею въ наши дни анархіею умовъ, какъ на средство противъ нея, какъ на объединяющее начало человѣчества указываютъ на то, что они называютъ общественными идеалами. Было бы напрасно искать подъ этими словами значеніе, предполагать въ нихъ какое нибудь опредѣленное содержаніе: ими выражается только формальное требованіе объединяющаго принципа вообще въ видѣ отвлеченныхъ понятій общественности, братства, общей цѣли и т. под. Такимъ образомъ на вопросъ: чѣмъ можно внутренне объединить общество?—отвѣчаютъ: общественными идеалами, а на вопросъ: въ чемъ же состоятъ общественные идеалы? отвѣчаютъ: во внутреннемъ единствѣ общества, не подовѣрвая, что не двигаются съ мѣста внутри логическаго круга. Между тѣмъ здѣсь уже вполне очевидно, что общее, отвлеченное понятіе общественного единства (которое конечно ничего не выигрываетъ отъ того, что его украшаютъ громкимъ именемъ идеала), будучи лишено всякаго положительнаго содержанія, не можетъ производить и никакого дѣйствія. Объединить человѣчество вопреки совершенно реальной и могучей силѣ эгоизма, разъединяющей людей, есть задача трудная и для боговъ, а разрѣшить ее посредствомъ отвлеченныхъ идеаловъ, то-есть, собственно понятія объ идеалѣ, также невозможно какъ посредствомъ картонной пушки пробить каменную стѣну. Въ дѣйствительности, когда народы и обще-

ства внутренно объединялись, то основаніемъ этого единства или объединяющимъ и связующимъ началомъ являлись не отвлеченныя идеи и идеалы, а положительныя, опредѣленнымъ содержаніемъ обладающія религіи (которыя, можетъ быть, и ими свое получили отъ этой связующей силы имъ присущей: religio отъ religare). Еслибы даже доселѣ существовавшее въ человѣчествѣ религіозное, то-есть, связующее содержаніе оказалось недостаточнымъ, то изъ этого по здравому разуму вовсе не слѣдуетъ, чтобы нужно было отказаться отъ всякаго положительнаго содержанія, а только то, что старое содержаніе должно быть замѣнено новымъ или преобразовано. Тѣ же, кто не можетъ указать такого новаго содержанія или даже по принципу отрицать заранѣе всякое религіозное, то-есть, связующее начало, лучше бы поступали, еслибы не жаловались на умственную анархію и не предлагали бы въ качествѣ объединяющихъ началъ такіе пустяки, которыми, по нѣмецкому выраженію, и собаки изъ за печки не выманишь.

Но возвратимся къ нашимъ опредѣленіямъ. Мы нашли, что идея не можетъ быть только формой, имѣющею свою матерію или содержаніе въ чемъ-нибудь другомъ, а что она, слѣдовательно, сама въ себѣ должна имѣть свою матерію и быть такимъ образомъ столько же матеріей сколько и формой, то-есть, единствомъ того и другаго. И такъ, идея есть единство или синтезъ матеріи и формы. Только такимъ синтезомъ образуется *опредѣленное существованіе или реальность*. Всякая реальность состоитъ въ опредѣленномъ соединеніи матеріи и формы. И такъ, идея какъ единство матеріи и формы, есть реальность или опредѣленное существованіе¹⁾. Соединяя это новое опредѣленіе съ прежними, мы получаемъ положеніе, что *идея есть нечто дѣйствительно и опредѣленно существующее, или некоторая дѣйствительная реальность*, или, выражая эти понятія однимъ словомъ, что *идея есть существо*.

Примѣчаніе. Между понятіями дѣйствительности и реальности есть логически ясное, хотя эмпирически всегда относительное различіе. Нѣчто, имѣющее внутреннюю дѣйствительность, можетъ не

¹⁾ Форма безъ матеріи имѣетъ общую опредѣленность, но не имѣетъ собственного существованія. Матерія безъ формы имѣетъ существованіе какъ потенція или сила, но не имѣетъ никакой опредѣленности. Соединеніе же ихъ обладаетъ и тѣмъ и другимъ и есть такимъ образомъ опредѣленное существованіе или реальность.

быть реализовано и не имѣть слѣдовательно реальности. Творческая идея художника имѣетъ дѣйствительность, но лишена реальности, пока не будетъ осуществлена во внѣшнемъ матеріалѣ. Дѣйствительность и реальность относятся между собою какъ производящее и произведенное, какъ *natura naturans* и *natura naturata*. Несмотря на это ясное логическое различіе двухъ понятій не всѣ новые языки имѣютъ по два слова для ихъ обозначенія. Тогда какъ въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ кромѣ словъ *реальность*, *Realität*, которыми общи имѣтъ съ французскимъ *réalité* и англійскимъ *reality*, будучи взяты изъ одного общаго источника—латинскаго языка, — тогда какъ, говорю, въ русскомъ и нѣмецкомъ кромѣ этого общаго слова есть особенное коренное слово *дѣйствительность*, *Wirklichkeit*, такъ что оба эти сродныя, но различныя понятія имѣютъ определенное соотноствующее выраженіе, — по французскомъ и англійскомъ, напротивъ, одно слово, обозначающее реальность, служитъ и для обозначенія дѣйствительности, такъ что здѣсь оба понятія отождествляются, или собственно понятіе дѣйствительности исчезаетъ, будучи поглощено понятіемъ реальности ¹⁾. Въ силу своего языка Французъ и Англичанинъ могутъ признавать только реализованную, вещественную дѣйствительность, ибо для выраженія нереальной собственной дѣйствительности у нихъ нѣтъ слова. Этому соотноствуется склонность этихъ народовъ придавать значеніе только тому, что реализовано въ твердыхъ опредѣленныхъ формахъ. Повліялъ ли здѣсь недостатокъ языка ²⁾ на характеръ народнаго ума, или же, наоборотъ, реализмъ народнаго характера выражается въ отсутствіи словъ для болѣе духовныхъ понятій, ибо умъ народный творитъ себѣ языкъ по образу и подобию своему, — какъ бы то ни было, это обстоятельство весьма характерно. Отождествленіе существованія вообще съ существованіемъ вещественнымъ или исключительное признаніе этого послѣдняго и отрицаніе всякой невещественной дѣйствительности выразилось въ англійскомъ языкѣ особенно рѣзко въ томъ, что для понятія *ничто*, *nichts*, въ этомъ языкѣ употребляется слово *nothing*, которое собственно значить *не вещь* или *никакая вещь*, и точно также

¹⁾ Слова *actualité*, *actuality*, которыми могли бы соотноствовати *дѣйствительности*, *Wirklichkeit*, вообще неупотребительны, а когда и употребляются, то въ другомъ смыслѣ.

²⁾ Кромѣ приведеннаго примѣра есть много другихъ, доказывающихъ этотъ недостатокъ; два изъ нихъ будутъ сейчасъ указаны.

для понятія *ничто* или *что-нибудь*, *choas*, слово *something*, то-есть, *нѣкоторая вещь*. Такимъ образомъ, по смыслу этого языка, только вещественное бытіе, только вещь есть нѣчто, а то, что не есть вещь, тѣмъ самымъ есть ничто: *what is no thing is nothing of course*. Съ такимъ же грубымъ реализмомъ Англичанинъ говоритъ *nobody*, *somebody*, то-есть, *никакого тѣла, нѣкоторое тѣло*, вмѣсто *никто, кто*. Французскій языкъ представляетъ эту особенность не такъ рѣзко (хотя и въ немъ нѣчто — *quelque chose*), но за то въ другихъ случаяхъ онъ еще гораздо бѣднѣе англійскаго. Такъ онъ имѣетъ только одно слово *conscience* для выраженія двухъ столь различныхъ понятій какъ *сознаніе* и *совѣсть*, точно также существо и бытіе выражаются по французски однимъ словомъ *être*, а духъ и умъ однимъ словомъ *esprit*. Неудивительно, что при такой бѣдности языка Французы не пошли въ области философій дальше первыхъ элементовъ умозрѣнія, установленныхъ Декартомъ и Мальбраншемъ; вся послѣдующая ихъ философія состоитъ изъ отголосковъ чужихъ идей и безплоднаго эклектизма ¹⁾. Подобнымъ же образомъ и Англичане вслѣдствіе грубого реализма, присущаго ихъ уму и выразившагося въ ихъ языкѣ, могли разрабатывать только поверхность философскихъ задачъ, глубочайшіе же вопросы умозрѣнія для нихъ какъ бы совсѣмъ не существуютъ.

¹⁾ Такъ Кондильякъ былъ только карриатурой Локка, Сент-Мартенъ въ наиболѣе зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ является только послѣдователемъ Якова Бема, Мопи-де-Вирани. передаетъ своими словами Фихте, а другіе, такъ называемые симпатизанты, или повторяютъ Декарта или же пародируютъ Шеллинга и Гегеля.

Владиміръ Соловьевъ.

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ. ¹⁾

Жизнь Гордона.

Прививаніе въ Кіевѣ въ 1678—1686 годахъ.

Каково было положеніе Гордона въ Кіевѣ до 1684 года, мы не знаемъ. Въ 1681 г. кончилась война съ Турціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжавшаяся 27 лѣтъ борьба за Малороссію. Кіевъ остался въ рукахъ Россіи. Въ 1678 году заключено вновь перемиріе между Россіей и Польшею на 13 лѣтъ. Вѣчное окончаніе состоялось въ 1686 г. Кое-какія менѣе важныя столкновенія съ Польшею происходили въ то время, когда Гордонъ находился въ Кіевѣ, между прочимъ, изъ-за запорожскихъ казаковъ, которые, на основаніи заключенныхъ между Польшей и Россіей трактатовъ, должны были состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ. Гордонъ, конечно, принималъ участіе въ этихъ дѣлахъ, и безъ сомнѣнія, утраченная часть его дневника (съ 1678 по 1684 годъ) заключала въ себѣ много любопытныхъ данныхъ о событіяхъ той эпохи.

Гордонъ все время съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за сопряженными политическими событіями и съ разныхъ сторонъ получалъ письма, въ которыхъ сообщались ему свѣдѣнія объ отношеніяхъ различныхъ державъ къ Портѣ, о дѣлахъ въ Польшѣ, о разныхъ происшествіяхъ въ Англіи. Служебная дѣятельность его имѣла довольно важное значеніе. Въ Сѣвскѣ по его указаніямъ были построены кое-какія укрѣпленія. Иногда между гетманомъ Самойловичемъ и Гордономъ происходили совѣщанія о политическихъ дѣлахъ (II, 15). Подъ его руководствомъ производились въ Кіевѣ разныя постройки (II, 20, 44); онъ находился, сколько можно судить по дневнику, въ хорошихъ

¹⁾ *Продолженіе.* См. октябрьскую книжку Ж. М. Н. Ир. за текущій годъ. ЧАСТЬ СХІV, отд. 2.

отношенійхъ съ разными сановниками, духовными лицами и сослуживцами. Такъ, напримѣръ, бывалъ иногда у игумена Печерскаго монастыря (II, 22) и давалъ совѣты по случаю производившихся тамъ построень (II, 29).

Главною обязанностью Гордона въ 1684 и 1685 годахъ было наблюденіе за сооруженіемъ укрѣплень въ Кіевѣ. Объ этомъ въ дневникѣ говорится нѣсколько разъ (II, 81, 94) ¹⁾. Вообще же, кажется, Гордонъ не былъ заваленъ дѣлами и могъ посвящать много времени разнаго рода увеселеніямъ. И Русскіе, и иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, любили устраивать пирушки разнаго рода. Объ обѣдахъ, ужинахъ, попойкахъ, балахъ и маскарадахъ въ дневникѣ говорится весьма часто. Передко ѣзжалъ онъ и на охоту (II, 39, 47, 70, 80, 117). Лѣтомъ онъ съ пріятелями предпринималъ поѣздки въ окрестности Кіева. Вообще жизнь его текла мирно, и только по временамъ покой его нарушался случайнымъ нездоровьемъ.

Довольно важнымъ эпизодомъ, прервавшимъ на нѣсколько недѣль этотъ порядокъ жизни, была поѣздка въ Москву, гдѣ мы застаемъ его въ началѣ 1684 года. Въ Москвѣ въ то время важнѣйшую роль игралъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ которымъ Гордонъ находился въ сношеніяхъ еще съ царствованіи Θεодора Алексѣевича. Гордонъ, какъ кажется, пользовался въ то время особеннымъ расположеніемъ любимца царевны Софіи, бывалъ у него весьма часто и бесѣдовалъ съ нимъ о важныхъ политическихъ вопросахъ. Такъ, напримѣръ, 16-го января онъ имѣлъ съ Голицынымъ „тайную“ бесѣду о состояніи дѣлъ въ Кіевѣ, о заключеніи союза съ Польшей и съ императоромъ Леопольдомъ и о походѣ въ Крымъ. Болринъ, нишеть Гордонъ, — былъ склоненъ къ предпріятію противъ Татаръ; на Польшу онъ однако при этомъ не надѣялся и вообще понималъ тѣ затрудненія, которыя предстояли въ такомъ походѣ. Гордонъ, напротивъ того, не сомнѣвался въ успѣхѣхъ и указывалъ на цѣлый рядъ благоприятныхъ обстоятельствъ, которыми, по его мнѣнію, должно было пользоваться. Болринъ просилъ Гордона изложить свои соображенія въ особенной запискѣ, и тотъ на другой же день подпелъ Голицыну довольно обширный мемуаръ объ этомъ предметѣ (II, 4).

Записка Гордона о восточномъ вопросѣ, сообщенная дѣликомъ въ дневникѣ, замѣчательна по многихъ отношеніяхъ. Обширность ея

¹⁾ Въ 1679 году, какъ видно изъ Разрядныхъ книгъ, II, 1173, Гордонъ представлялъ проекты о такихъ работахъ.

(семь страницъ въ 8-ю л. л. въ изданіи дневника) можетъ служить доказательствомъ того, что Гордонъ былъ въ состояніи въ самое короткое время изложить весьма ясно и отчетливо довольно сложные политическіе вопросы. Вместе съ тѣмъ можно удивляться и нѣкоторой смѣлости, съ которою Гордонъ затрогиваетъ нѣсколько щекотливые предметы. Содержаніе записки состоитъ въ слѣдующемъ: Сперва Гордонъ доказываетъ, что Россія нуждается въ мирѣ, потому что цари малолѣтніе, и регентство, начавшее неудачную войну, легко можетъ навлечь на себя гнѣвъ государей, какъ скоро они достигнутъ совершеннолѣтія. При двоевластіи въ государствѣ легко могутъ возникнуть раздоры, борьба партій, соперничество вельможъ, а все это во время войны легко можетъ повести къ неуспѣху военныхъ дѣйствій. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, плохая дисциплина въ войскахъ, миролюбіе Русскихъ вообще, въ особенности же вельможъ и сановниковъ, существованіе мирныхъ договоровъ между Русскими и Татарами, убѣжденіе Русскихъ, что никогда не слѣдуетъ вести наступательную войну, недовѣріе къ союзникамъ, и въ особенности къ Польшѣ—вотъ, по мнѣнію Гордона, главные аргументы противъ войны. Затѣмъ онъ старается опровергнуть всѣ эти доводы. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на разные примѣры удачныхъ войнъ, какъ-то на войны, начатныя во время малолѣтства короля Англійскаго Генриха V и на военные дѣйствія Шведовъ въ Германіи во время малолѣтства королевы Христины. На согласіе вельможъ и сановниковъ Гордонъ надѣется, такъ какъ согласіе—въ ихъ собственномъ интересѣ. Финансовыя затрудненія кажутся ему ничтожными. Усердіе военныхъ людей можетъ-де быть поддерживаемо наградами и наказаніями. На договоры съ Татарами, постоянно ихъ нарушающими, не должно обращать вниманія. Если даже Россія начнетъ войну, то такая война не можетъ считаться наступательною, потому что Татары въ свою очередь довольно часто въ мирное время предпринимали разные набѣги на русскія владѣнія, оскорбляли русскихъ дипломатовъ и пр. На сдѣлствіе Польши можно надѣяться потому, что Польша многимъ будетъ обязана Россіи. Впрочемъ, Гордонъ не особенно надѣется на дружескія сношенія между Польшей и Россіей. Въ пользу войны, по мнѣнію Гордона, можно привести еще слѣдующіе аргументы: Польша будетъ воевать съ Татарами; въ случаѣ успѣшнаго хода этой войны, Польша можетъ сдѣлаться опасною для Россіи въ томъ случаѣ, когда Россія не будетъ участвовать въ войнѣ. Въ случаѣ неудачи Польши, Турки и Татары станутъ требовать для себя части польскихъ

малороссійскихъ владѣній и даже части русскихъ областей. Еслибы Польша сдѣлалась вассальнымъ владѣніемъ Турціи, то это обстоятельство можетъ быть весьма гибельно для Россіи. Что касается до малороссійскихъ казаковъ, то Гордонъ допускаетъ, что съ ихъ стороны грозитъ нѣкоторая опасность, и что они легко могутъ думать о присоединеніи вновь къ Польшѣ, воспользовавшись при этомъ случаѣ послѣдними дѣйствіями обѣихъ державъ; но припятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности Гордонъ надѣется предупредить эту опасность. Вообще Гордонъ не сомнѣвается въ успѣхѣ въ войнѣ съ Татарами. Онъ считаетъ весьма легкою задачею истребленіе гнѣзда невѣрныхъ, чѣмъ можно „оказать существенную услугу Богу“, освобожденіе изъ плѣна многихъ тысячъ христіанъ, пріобрѣтеніе громкой славы опустошеніемъ Крымскаго полуострова, избавленіе христіанства отъ этого „ядовитаго, проклятаго и сквернаго изчадія“, мщеніе за столь многія обиды, нанесенныя Татарами Русскимъ въ продолженіе многихъ столѣтій, обогащеніе Россіи путемъ такого завоеванія. По мнѣнію Гордона, Крымъ можно занять посредствомъ войска въ 70,000 чел. пѣхоты и 20,000 чел. конницы. Походъ въ Крымъ развѣ только тѣмъ представляетъ затрудненіе, что на пути туда два дня нужно идти безводною степью. Съ другой стороны, степь представляетъ собою то удобство, что при отсутствіи лѣсовъ, холмовъ, болотъ, узкихъ проходовъ и пр. войско во время похода всюду можетъ идти въ боевомъ порядкѣ. Въ концѣ записки Гордонъ говоритъ объ опасности, заключающейся въ томъ, что чрезъ слишкомъ долгій миръ русское войско совсѣмъ отвыкнетъ отъ ратнаго дѣла, между тѣмъ какъ окрестныя государства постоянно упражняются въ войнѣ. (II, 4—11).

Какъ видно, нѣкоторые соображенія Гордона вполнѣ основательными. Неудавшіеся походы сильно не повредили Петру и совершенно согласно съ опасеніями Гордона, наплекли гнѣвъ Петра на того самаго Голицына, для котораго Гордонъ писалъ свой мемуаръ. Опасенія Гордона относительно вражды и соперничества между вельможами также сбылись во время Крымскихъ походовъ: изъ переписки Голицына съ Шакловитымъ извѣстно, что во время отсутствія Голицына другіе вельможи крамолили противъ него въ Москвѣ. За то главная мысль Гордона, его вѣра въ успѣхъ войны не пала себѣ оправданій. Онъ считалъ возможнымъ занятіе Крыма; но русскія войска не проникли туда ни въ 1687, ни въ 1689 году.

Впрочемъ, эту ошибку онъ раздѣляетъ съ другимъ современнымъ ему публицистомъ — съ Юріемъ Крижаничемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, знаменитый „Серблянинъ“ въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ проповѣдывалъ войну противъ Татаръ, мечталъ о занятіи Крымскаго полуострова, объ изгнаніи оттуда всѣхъ мусульманъ, не желавшихъ принять христіанскую вѣру, и даже о перенесеніи въ Крымъ столицы Россіи ¹⁾. Ни Крижаничъ, ни Гордонъ, ни русское правительство не могли ожидать ужасной неудачи походовъ 1687 и 1689 годовъ. Но наиболѣе достойна порицанія ошибочность соображеній именно у Гордона, который, какъ опытный полководецъ, знакомый съ недостатками русской военной администраціи и съ затрудненіями, представляемыми безводною степью, по настоящему долженъ былъ серьезно смотрѣть на такого рода предпріятіи.

Мы не знаемъ, какъ была принята записка Гордона, какое несчастіе она произвела на Голицына. Гордонъ оставался въ столицѣ еще нѣсколько недѣль послѣ передачи боярину записки, по какъ кажется, между ними не было болѣе никакихъ совѣщаній объ этомъ предметѣ. Устряловъ ²⁾, сообщая записку Гордона, замѣчаетъ: „Ничто не могло быть основательнѣе мнѣнія Гордона при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Голицынъ, кажется, выслушалъ его равнодушно: по крайней мѣрѣ, не отмѣнилъ даннаго полномочнымъ комиссарамъ въ Андрусовѣ наказа объ уклоненіи отъ наступательнаго союза съ Польшею противъ Турціи, и чрезъ мѣсяцъ послѣ совѣщаній съ Гордономъ получено было въ Москвѣ извѣстіе, что переговоры въ Андрусовѣ были прерваны. Первый крымскій походъ состоялся лишь чрезъ три года спустя.“

Не смотря на то, что Гордонъ имѣлъ въ столицѣ сильныхъ покровителей, его желанія, выраженныя во время пребыванія въ Москвѣ, не исполнились. Онъ пріѣхалъ собственно съ цѣлью хлопотать о переводѣ въ Москву. Желая быть допущеннымъ къ царской рукѣ, онъ узналъ, что по случаю болѣзни Петра, страдавшаго въ то время оспою, можно видѣть только царя Ивана; Гордонъ сначала хотѣлъ ждать выздоровленія Петра, затѣмъ однако рѣшился просить аудіенціи у одного Ивана. 22-го происходила эта аудіенція. Гордонъ замѣчаетъ, что Иванъ былъ вида болѣзненнаго, слабаго и печальнаго.

¹⁾ См. мою статью «Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ» въ сборникѣ *Древола и Новая Россія*, декабрь 1876 года

²⁾ Ист. Петра Вел., I, 129—133.

Почти сразу царскую руку, Гордонъ представлялся и царевнѣ Софіи, которая благодарила его за службу и приказала ему готовиться немедленно къ возвращенію въ Кіевъ. Гордонъ просилъ принять въ соображеніе его печальныя обстоятельства, называлъ себя „разорившимся человѣкомъ“, указывалъ на то, что онъ уже пять лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ и желалъ бы получить отпускъ на короткое время. Но ему отвѣтили сухо повтореніемъ приказанія ѣхать обратно въ Кіевъ (I, 12).

Не смотря на рѣшительный отказъ, Гордонъ однако не унывалъ и настаивалъ на своемъ. На другой же день по утру онъ отправился къ Голицыну и просилъ, чтобы его не отправляли обратно изъ Кіевъ. Бояринъ обѣщалъ подумать о томъ, но два дня спустя далъ Гордону советъ безпрекословно ѣхать, куда его посылали. Сахарное пирожное, принесенное Гордону въ тотъ же день отъ царскаго имени въ знакъ милости, едва ли было достаточнымъ утѣшеніемъ для него (II, 13).

Когда Гордонъ, нѣсколько дней спустя, явился откланиваться къ Голицыну, бояринъ похвалилъ его за уступчивость, замѣтивъ при этомъ, что высательно дозволеніи оставить Россію Гордонъ можетъ надѣяться на него. Говорилъ ли Голицынъ о временномъ отпускѣ, или о полномъ увольненіи—мы не знаемъ. За то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что самъ Гордонъ не переставалъ мечтать о совершенномъ возвращеніи на родину. Между тѣмъ онъ воспользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами: въ Москвѣ онъ добился полученія вдругъ половины годоваго жалованья, успѣлъ продать казенный домъ, принадлежавшій ему въ Сѣвскѣ, и выхлопоталъ себѣ возвращеніе Чигиринскихъ убытковъ (II, 14).

Путешествіе въ Кіевъ въ мартѣ мѣсяцѣ было весьма трудно по случаю разлива рѣкъ. Цѣлый мѣсяцъ Гордонъ былъ въ дорогѣ; въ это время его главнымъ образомъ занималъ вопросъ объ увольненіи, о чемъ онъ, по видимому, просилъ въ Москвѣ. Но въ октябрѣ 1684 года онъ получилъ отъ полковника Менгдена извѣстіе, что на челобитню его послѣдовалъ отказъ (II, 42). Онъ объяснилъ себѣ это тѣмъ, что не имѣлъ въ Москвѣ надежнаго ходатая (II, 49). Въ началѣ 1685 года Гордонъ явился за дѣломъ весьма серьезно и написалъ множество писемъ въ Москву, все съ просьбой объ увольненіи; такъ, 8-го января онъ писалъ къ Василю Васильевичу Голицыну, который и сообщилъ ему, что онъ получить увольненіе или по крайней мѣрѣ отпускъ для поѣздки за границу на короткое время; писалъ Гордонъ и къ Украинцеву, и къ полковнику Менгдену, и къ дат-

скому резиденту Бутенанту, и къ полковнику Гамильтону. Изъ письма къ Гамильтону видно, что Гордонъ ожидалъ, что самъ король Карлъ II будетъ за него ходатайствовать предъ царями (II, 55). Затѣмъ, онъ опять отправилъ къ Голицыну челобитную объ отпускѣ за границу (II, 58), но въ февралѣ узналъ, что все еще нѣтъ рѣшенія (II, 61). Очевидно, съ цѣлью хлопотать лично въ Москвѣ о своемъ дѣлѣ Гордонъ былъ челомъ объ отпускѣ его въ Москву для покупки тамъ разныхъ матеріаловъ для построекъ въ Кіевѣ. Тотчасъ послѣ того онъ получилъ письмо отъ полковника Мендена съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ ни подъ какимъ видомъ не хотѣтъ допустить Гордону уѣхать изъ Кіева, но что онъ не смѣетъ сообщить о причинахъ этого рѣшенія и только софитуетъ Гордону подать челобитіе съ изложеніемъ всѣхъ своихъ жалобъ и желаній (II, 68). Гордонъ опять отправилъ въ Москву цѣлый рядъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но извѣстіе, полученное отъ Мендена, подтвердилось: письмами другихъ знакомыхъ: правительственно, писали Гамильтонъ, Бутенантъ и проч.,—не только не желало отпустить Гордона за границу, но даже хотѣло перевести его изъ Кіева. Съ свойственною Гордону настойчивостію онъ продолжалъ хлопотать, переписываться съ разными лицами и подавалъ разные бумаги; между прочимъ, составилъ онъ обширную записку, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельныя, и которую должны были передать его покровители царямъ и царевнѣ Софіи. Въ этой запискѣ Гордонъ указывалъ на свое знатное происхожденіе и на военную службу въ разныхъ государствахъ. „Вездѣ“, говоритъ онъ,—„меня отпускали тотчасъ же, когда я выражалъ желаніе увольненія; вездѣ получалъ я письменныя свидѣтельства и похвалы о моей службѣ. Я прѣхалъ въ Россію не въ крайней нуждѣ и не убогимъ, а въ качествѣ богатаго и знатака чело-вѣка, съ цѣлью прослужить лишь нѣсколько времени и въ надеждѣ уѣхать какъ скоро мнѣ заблагоразсудится“. Затѣмъ, онъ выстав-ляетъ на видъ свои заслуги въ русской военной службѣ, пониженіе жалованья ратнымъ людямъ въ Россіи въ 1669 году, свои потери въ Чигиринѣ, и указываетъ на свои прежнія просьбы объ увольненіи, а также и на даваемы ему обіиды отпустить его въ Шотландію. Тутъ мы узнаемъ объ особенно важной причинѣ, заставившей его желать возвратиться туда. Въ 1684 году умерли родители Гордона. Такъ какъ онъ остался единственнымъ сыномъ, то нужно было привести въ порядокъ отцовское имѣніе; безъ его личного присутствія въ Шотландіи, какъ онъ пишетъ,—онъ не могъ вступить

во владѣніе унаслѣдованнымъ отъ отца имѣніемъ. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ жалобъ. Гордонъ жалуется на то, что другіе иноземцы получили большія въ сравненіи съ нимъ награды, что ему трудно прожить съ скуднымъ жалованьемъ, что онъ не въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей надлежащимъ образомъ, и что частыя болѣзни вслѣдствіе ранъ и чрезвычайныхъ усилій въ разныхъ походахъ заставляютъ его думать о предстоящей кончинѣ и о томъ, что онъ оставляетъ свою семью въ крайне бѣдственномъ состояніи. Далѣе, Гордонъ жалуется на недостатокъ въ католическихъ священникахъ, которымъ было запрещено пребываніе въ Россіи. Поэтому онъ просилъ о повышеніи жалованья, о дозволеніи приглашать въ Кіевъ хотя бы по случаю главныхъ праздниковъ католическихъ священниковъ изъ ближайшихъ польскихъ городовъ, о содержаніи въ Кіевѣ врача, и папкопекъ, о дозволеніи ему, если нельзя думать объ увольненіи, съѣздить на шестъ мѣсяцевъ въ Шотландію (II, 83—88).

Подробное изложеніе всѣхъ этихъ желаній, находится и въ письмѣ Гордона къ Леонтею Романовичу Нецлюеву, котораго онъ просилъ ходатайствовать за него предъ правительствомъ. Тутъ между прочимъ сказано, что Россія не купила его, какъ товаръ, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ, а пріѣхалъ въ Россію свободнымъ человекомъ. Далѣе Гордонъ указывалъ на то обстоятельство, что въ случаѣ его кончины правительство будетъ имѣть расходы для содержанія его жены и дѣтей и проч. (II, 91—92).

По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, къ Гордону пришелъ какой-то думный дякъ и совѣтовалъ ему не просить объ увольненіи, а довольствоваться исполненіемъ другихъ желаній (II, 97). Гордонъ, какъ кажется, дѣйствительно на этотъ разъ рѣшился прекратить свои ходатайства. За то въ концѣ 1685 года онъ отправился въ Москву опять хлопотать объ отпускѣ, и въ началѣ 1686 года мы застаемъ его въ столицѣ ¹⁾.

При разборѣ прошеній Гордона мы не можемъ не спросить себя: было ли его положеніе въ Россіи въ матеріальномъ отношеніи дѣйствительно столь бѣдственно, какъ онъ рассказывалъ. Съ одной стороны, мы знаемъ, что онъ жилъ въ Кіевѣ безбѣдно, устраивалъ празднества и увеселенія разнаго рода; съ другой — знаемъ изъ достовѣрнаго источника — изъ одного письма Лефорта, что поло-

¹⁾ 3-го декабря онъ еще былъ въ Кіевѣ. Затѣмъ пробылъ въ дневникъ до 1-го января.

женіе иностранныхъ офицеровъ именно послѣ Чигиринскихъ походовъ, когда насталъ миръ на пѣсколько лѣтъ, было весьма дурное. Лефортъ пишетъ, что многіе офицеры, получившіе увольненіе и приведенные въ крайне бѣдственное состояніе, занимались грабежомъ и совершали разныя преступленія, чтобы не умереть съ голоду, но что и оставшіеся на службѣ получали самое скудное жалованье, такъ что едва были въ состояніи содержать на эти деньги лошадей. „Москвитяне“, пишетъ Лефортъ, — „думаютъ, что они уже много лѣтъ достаточно знаютъ ратное дѣло и потому не хотятъ болѣе содержать ни офицеровъ, ни солдатъ изъ иностранцевъ“. Поэтому и Лефортъ желалъ оставить Россію въ то время и писалъ въ Швейцарію, что военные люди въ настоящее время не могутъ рассчитывать на карьеру въ Россіи¹⁾. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что изъ нѣкоторыхъ случаевъ иностранные офицеры, служившіе въ Россіи, направляли свое положеніе принятіемъ православной вѣры. Голландскій резидентъ Келлеръ пишетъ въ это время, что принявшіе православіе офицеры, не имѣя средствъ выѣхать изъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи были обезпечены, что русское правительство такихъ людей, чрезъ перемѣну исповѣданія сдѣлавшихся подданными царя, не могло выслать вонъ изъ государства. Лефортъ упоминаетъ о полковникѣ Штоделѣ, принявшемъ православіе, чтобы поправить свое положеніе, и говорить, что братъ этого Штодела генералъ-маіоръ, вѣроятно, послѣдуетъ его примѣру. Они были реформатскаго исповѣданія²⁾.

Все это не могло относиться къ Гордону. Его положеніе было гораздо выгоднѣе; при томъ значеніи, какое онъ имѣлъ въ русскомъ войскѣ, при существенныхъ услугахъ, оказанныхъ имъ Россіи, правительство не только не думало о высылкѣ его вонъ изъ государства, но даже, какъ мы видѣли, ни за что не хотѣло лишиться Гордона. Далѣе мы знаемъ, что Гордонъ былъ отличнымъ хозяиномъ и никогда не бѣдствовалъ; къ тому же онъ послѣ смерти родителей сдѣлался зажиточнымъ землевладѣльцемъ въ Шотландіи; для него и въ матеріальномъ отношеніи могло быть болѣе выгоднымъ возвратиться на родину, нежели оставаться въ Россіи. Наконецъ, Гордонъ былъ ревностнымъ католикомъ и ни за что не рѣшился бы на перемѣну вѣры. Напротивъ того, благодаря своимъ сношеніямъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, склоннымъ къ поддержкѣ

¹⁾ *Posselt. Lefort*, I, 252 и 257.

²⁾ Тамъ же, I, 257 и 265.

католицизма въ Россіи, онъ скорѣе могъ надѣяться на льготы русскаго правительства въ пользу католицизма.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ въ началѣ 1686 года Гордонъ, безъ сомнѣнія, говорилъ о своемъ дѣлѣ и съ Лефортомъ, котораго онъ зналъ уже нѣсколько лѣтъ и съ которымъ даже былъ въ родствѣ. Жена Лефорта была племянницею тестя Гордона, полковника Вокровона. Въ то время, когда Гордонъ былъ начальникомъ въ Кіевѣ, Лефортъ находился при немъ и даже жилъ нѣкоторое время въ его домѣ; однажды Гордонъ написалъ для Лефорта одобрительное свидѣтельство ¹⁾, а во время пребыванія въ Москвѣ ему случалось посѣщать Лефорта (II, 118).

Въ девятилѣтнихъ годахъ имъ суждено было играть весьма важную роль при Петрѣ Великомъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи они даже были соперниками; но нельзя сказать, чтобъ ихъ отношенія были особенно близкія. Они рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ. Гордонъ былъ болѣе серьезнымъ дѣльцомъ, а Лефортъ — болѣе веселымъ и пріятнымъ товарищемъ, собесѣдникомъ. Оипатностію въ ратномъ дѣлѣ, знакомствомъ съ политическими вопросами, знаніемъ техники и вообще обихода нѣмцевъ Гордонъ превосходилъ Лефорта. Послѣдній былъ болѣе тѣлеснымъ дилетантомъ, чѣмъ солиднымъ специалистомъ въ военномъ искусствѣ. Но своимъ дарованиямъ и своей необыкновенно привлекающей личности онъ могъ сдѣлаться фаворитомъ; напротивъ того, Гордонъ, отличавшійся болѣе силою характера, стойкостью въ трудѣ, чѣмъ талантливостью, скорѣе могъ принести пользу государству, чѣмъ довольствоваться ролью царедворца. И тотъ, и другой въ жизни и дѣятельности Петра играли важную роль и могли быть его руководителями. Но это было уже послѣ государственнаго переворота 1689 года. Когда они встрѣтились въ Москвѣ въ началѣ 1686 г., ихъ официальное положеніе было очень скромное. И Лефортъ, подобно Гордону, также подумывалъ о выѣздѣ за границу, но Гордонъ на этотъ счетъ, какъ и вообще, обнаруживалъ гораздо болѣеую стойкость и послѣдовательность, болѣеую привязанность къ своей родинѣ, меньшую любовь къ Россіи. Когда незадолго предъ тѣмъ Лефортъ ѣздилъ къ роднымъ въ Швейцарію, ему совѣтовали не возвращаться въ Россію, а искать случая для дальнѣйшей карьеры въ Германіи, Франціи, Англіи или въ Нидерландахъ, онъ прямо возразилъ, что многимъ

¹⁾ *Rosse*, *Lefort*, I, 269, 280, 302.

обязанъ Россіи, а потому хочетъ продолжать служить Петру и надѣется тамъ сдѣлать блестящую карьеру ¹⁾. Гордонъ, напротивъ того, при каждомъ посѣщеніи своего отечества все болѣе и болѣе желалъ отдѣлаться отъ русской службы и даже когда послѣ 1689 года его положеніе въ Россіи стало гораздо болѣе выгоднымъ, онъ не переставалъ мечтать о возвращеніи въ Англію или Шотландію. Обстоятельства, къ которыхъ находились Гордонъ и Лефортъ, были различны. Лефортъ не имѣлъ никакого состоянія, его не знали на западѣ; онъ не имѣлъ никакихъ связей, не принадлежалъ ни къ какой политической партіи: онъ долженъ былъ главнымъ образомъ надѣяться на карьеру въ Россіи. Гордонъ же, какъ зажиточный земледѣлецъ, какъ роялистъ и католикъ, какъ политическій дѣятель, котораго знали лично и уважали короли Карлъ II и Яковъ II, всегда могъ надѣяться на обезпеченное положеніе въ западной Европѣ и на почетное мѣсто въ ряду приверженцевъ Стюартовъ. Изъ его переписки въ началѣ девятистыхъ годовъ, а также изъ его дневника видно, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми событіями въ западной Европѣ и какъ страстно желалъ, особенно послѣ революціи 1688 года въ Англіи, участвовать въ тамоннихъ дѣлахъ. Лефортъ почти вовсе не занимался политикою, былъ равнодушенъ къ религіознымъ дѣламъ, по за то, какъ настоящій космополитъ и свѣтскій человѣкъ, держался правила „ubi bene ibi patria“, и какъ кажется, отличался отъ Гордопа болѣе теплою душою и неограниченною приязнью къ Петру. Лефортъ всегда былъ готовъ жертвовать всѣмъ для своего монарха и друга; Гордонъ никогда не забывалъ своего долга въ отношеніи къ Англіи и Шотландіи, въ Стюартамъ, къ католицизму, къ своему семейству и къ самому себѣ.

Гордонъ убѣдился теперь, что просить объ увольненіи опасно. За то вопросъ объ отпускѣ за границу былъ разрѣшенъ на этотъ разъ очень скоро. 18-го января Гордонъ обратился къ Голицыну съ просьбою, и на другой же день последовало рѣшеніе. Ему было дозволено ѣхать за границу, но онъ долженъ былъ оставить жену и дѣтей въ Кіевѣ. Этимъ условіемъ правительство хотѣло обезпечить себѣ возвращеніе Гордопа въ Россію. Когда онъ имѣлъ аудіенцію у царевны Софій, она впускала ему весьма серьезно, чтобъ онъ скорѣе возвращался и привезъ съ собою одного изъ сыновей, которіе находились въ то время за границею. Когда онъ откланивался влію Василію Василье-

¹⁾ *Posselt*, I, 312.

вичу Голицыну, послѣдній убѣдительноше просилъ его вернуться скоро, иначе онъ, князь, взявшій на себя ручательство за возвращеніе Гордона въ Россію, можетъ попасть въ бѣду (II, 119 — 120). Что значило въ семнадцатомъ столѣтіи такое ручательство, мы знаемъ изъ сочиненія Котошихина, который пишетъ, что родственники находившихся за границею лицъ и поручители за нихъ подвергались пыткамъ, конфискованію имущества и т. п. въ случаѣ невозвращенія во-время тѣхъ лицъ, которымъ была дозволена поѣздка ¹⁾. Кроме того, Голицынъ вмѣнилъ Гордону въ обязанность въ каждый почтовый день писать къ нему письма. Эта мѣра могла имѣть двѣ цѣли. Во-первыхъ, Голицынъ, получая ежедневно письмо отъ Гордона, легче могъ слѣдить за нимъ. Во-вторыхъ, такимъ путемъ онъ могъ узнать болѣе или менѣе подробно о томъ, что происходило на западѣ. Мы знаемъ, что и въ 1666 году, когда Гордонъ былъ за границею, онъ писалъ такія же, похожія на газеты, донесенія дядю Алмазову.

Путешествіе въ Шотландію въ 1686 году.

Въ 1666 году Гордонъ былъ въ Англіи въ качествѣ дипломатическаго агента. Онъ не имѣлъ тогда возможности съѣздить въ Шотландію, побывать у родныхъ и заняться своими дѣлами. О поѣздкѣ 1669—1670 годовъ (II, 84) мы не имѣемъ никакихъ подробностей и только изъ одной замѣтки въ частномъ письмѣ можемъ заключить, что это путешествіе имѣло совершенно частный характеръ. Такова же была и поѣздка 1686 года.

Не останавливаясь на частностяхъ письма подробнаго разказа Гордона объ этомъ путешествіи, укажемъ лишь на важнѣйшія черты этого эпизода. Гордонъ выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ февраля, посѣтилъ Новгородъ и затѣмъ, послѣ краткаго пребыванія въ Ригѣ, отправился сухимъ путемъ въ Мемель. Въ Брунсбергѣ (близъ Кенигсберга) онъ посѣтилъ сына Джемса, находившагося тамъ въ іезуитской коллегіи. Сначала онъ намѣревался отправиться въ Лондонъ моремъ изъ Гамбурга, но потомъ избралъ путь чрезъ Голландію. Изъ числа знакомыхъ, которыхъ онъ посѣтилъ въ Лондонѣ, назовемъ лорда Мельфорта, который былъ ревностнымъ сторонникомъ Стюартовъ и послѣ революціи 1688 года жилъ въ Ригѣ, чтобы дѣйствовать въ пользу Якова II ²⁾. Во время пребыванія въ Лондонѣ Гордонъ

¹⁾ Котошихинъ, IV, 24.

²⁾ О не особенно хорошей репутаціи этого романиста см. *Исторію Макарова* (Tauchnitz edition) III, 428.

нѣсколько разъ представлялся ко двору, и король Яковъ II, уже прежде знавшій его, кажется, умѣлъ цѣнить его преданность королевскому дому.

Мы знаемъ, что Гордонъ былъ роялистомъ. Когда, въ 1657 году его желали привлечь въ Австрію (I, 146), то дали ему замѣтить, что ему не слѣдуетъ служить въ шведскомъ войскѣ, такъ какъ Швеція состоитъ въ союзѣ съ „архи-измѣнникомъ“ (architrailor) Кромвелемъ. Когда роялисты, служившіе въ шведскомъ войскѣ и находившіеся въ Польнѣ въ 1657 году, узнали о проѣздѣ посланника Кромвели Бредшо (Bradshaw) въ Россію, то хотѣли убить его. Гордонъ, разказывая о томъ, хвалитъ ихъ намѣреніе, впрочемъ не приведенное въ исполненіе, и даже можетъ быть, самъ принадлежалъ къ числу 15 лицъ, составившихъ этотъ замыселъ (I, 154). Можно представить себѣ, какъ обрядовала Гордона реставрація (Стюартонъ въ Англіи. О личныхъ свиданіяхъ его съ Карломъ II въ 1666 году мы говорили выше. Послѣ того онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ событий въ Англіи. Ежегодно праздновалъ онъ день рожденія короля и даже въ Чигиринѣ, 29-го мая 1678 года, угостилъ своихъ сослуживцевъ-соотечественниковъ въ своемъ саду (I, 469). Въ апрѣлѣ 1684 года онъ чрезъ газеты и частныя письма узналъ о кончинѣ Карла II и о вступленіи на престолъ Якова II (II, 79); 29-го мая находившіеся въ Кіевѣ соотечественники Гордопа вмѣстѣ съ нимъ собрались въ день рожденія покойнаго короля „для печальнаго празднества его памяти“ (II, 89). Вскорѣ послѣ того Гордонъ узналъ о возстаніи побочнаго сына Карла II Монмута противъ Якова II и о его казни. Въ дневникѣ сообщены стихи на латинскомъ языкѣ, относящіеся къ этому событію (II, 107 и 108). Нѣсколько времени послѣ того Гордонъ поѣхалъ въ Англію. 16-го апрѣля 1686 года онъ имѣлъ аудіенцію у короля Якова II, который долго бесѣдовалъ съ нимъ о царяхъ, о Россіи вообще, объ устройствѣ Московскаго государства, о тамошнемъ ратномъ дѣлѣ и правленіи. Тутъ же привѣтствовали его шотландскіе дворяне. Затѣмъ Гордонъ былъ представленъ зятю короля, датскому принцу Георгу. Чтобы находиться ближе ко двору, Гордонъ нанялъ квартиру недалеко отъ Сен-Джемскаго сада, куда ходилъ гулять, и гдѣ нѣсколько разъ встрѣчался съ королемъ. Яковъ II между прочимъ разспрашивалъ его объ осадѣ Чигирина. Однажды Гордонъ участвовалъ въ поѣздкѣ короля на рѣкѣ Темзѣ, и при этомъ случаѣ король спрашивалъ мнѣніе Гордопа о разныхъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Лондона. Другой разъ Гордонъ имѣлъ

случай говорить съ королевѣ, когда присутствовалъ при католическомъ богослуженіи во дворцѣ, и еще разъ—когда былъ въ театрѣ, гдѣ давали Шекспирова „Гамлета“. Когда Гордонъ въ послѣдній разъ былъ у короля, Яковъ подробно разспрашивалъ его о его происхожденіи и положеніи въ Россіи и въ военной службѣ, выразилъ желаніе, чтобы Гордонъ совсѣмъ возвратился въ свое отечество, и обѣщалъ ему свое покровительство. Въ заключеніе Яковъ сказалъ: „Не оставайся тамъ, я напишу о насъ царю письмо“ (II, 131—138).

У Гордона было множество знакомыхъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пробылъ около трехъ недѣль. Затѣмъ онъ отправился въ Шотландію. Въ Эдинбургѣ, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ его родственникъ пажибѣйшій членъ всего рода, герцогъ Гордонъ. Во время пребыванія въ Эдинбургѣ, Патрикъ Гордонъ, получилъ письмо отъ Голицына съ просьбою привезти въ Россію нѣкоторое число инженеръ, фейерверкеровъ и сапѣровъ (II, 142). Какъ кажется, Гордонъ представлялъ въ своихъ бесѣдахъ съ знакомыми русскую службу въ доволно выгодномъ свѣтѣ; иначе графъ Эглингоунъ не просилъ бы его взять съ собою въ Россію его сына (I, 144).

Въ концѣ мая Гордонъ оставилъ Эдинбургъ и отправился въ Эбердинъ. Тутъ онъ прожилъ нѣкоторое время среди родныхъ и занялся своими частными дѣлами и устройствомъ своего хозяйства. 15-го іюля Гордонъ выѣхалъ изъ Шотландіи моремъ. Въ Ригѣ онъ остановился на нѣсколько дней, и затѣмъ чрезъ Псковъ, Новгородъ и пр. отправился въ Москву, куда и прибылъ 31-го августа, послѣ семимѣсячнаго отсутствія.

Гордонъ — граноричиѣ.

Впечатлѣнія пребыванія въ Англіи, свиданіе съ родными и знакомыми, обѣщанное королевѣ покровительство, наконецъ, условія жизни въ западной Европѣ, все это утвердило въ Гордонѣ желаніе окончательно покинуть Россію. Но желанія эти совершенно расходились съ тогдашними видами русскаго правительства. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Гордона изъ-за границы заключенъ былъ миръ съ Польшею и выстѣлъ съ тѣмъ наступательный союзъ противъ Татартъ; рѣшившійся посягнуть противъ Крыма въ слѣдующемъ году, правительство сильнѣе прежняго нуждалось въ Гордонѣ, который еще недавно оказалъ столь существенныя услуги Россіи въ Чигиринѣ и еще въ 1684 году подѣлалъ столь подробную записку о войнѣ съ Та-

тарами. Поэтому новыя попытки Гордона испросить себѣ увольненіе должны были повести къ довольно серьезному кризису.

На другой день по прибытіи въ Нѣмецкую слободу, 1-го сентября, Гордонъ явился къ Голицыну, былъ принятъ имъ весьма милостиво, и поздравилъ его съ новымъ годомъ. 3-го сентября Гордонъ обѣдалъ у Голицына, 10-го—также. При этомъ случаѣ они бесѣдовали о пребываніи Гордона въ Англіи, о его путешествіи вообще и о разныхъ другихъ предметахъ. Но о предстоявшей войнѣ рѣчи не было. Затѣмъ послѣ обѣда Гордонъ выѣхалъ съ Голицынымъ отправился на охоту. 13-го сентября Гордонъ долженъ былъ представиться царю. Аудіенція почему-то въ этотъ день не состоялась; но на слѣдующій онъ былъ допущенъ къ царской рукѣ. Затѣмъ онъ былъ у царевны Софіи, которая сказала ему: „Воиъ награждать тебя за то, что ты сдержалъ слово“, то-есть, вернулся въ Россію (II, 158—159).

Тутъ пока еще не видать ничего что подтверждало бы разказъ Корба, что Голицынъ накопецъ „возненавидѣлъ“ Гордона ¹⁾. Есть основаніе думать, что Гордонъ пока не говорилъ о своемъ памѣреніи, воспользовавшись протекціей Якова II, выѣхать изъ Россіи. Между тѣмъ кризисъ приближался.

Мы уже выше видѣли, что король Яковъ II обѣщалъ Гордону писать царю о его увольненіи. Королевское письмо было написано еще во время пребыванія Гордона въ Великобританіи, а когда онъ готовился къ отплытію изъ Шотландіи, онъ получилъ изъ Лондона копію съ этого письма. Оно сообщено нѣлкомъ въ дневникѣ (II, 150—151) и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Узнавъ, что нашъ вѣрный и много любимый подданный Патрикъ Гордонъ служилъ нашимъ императорскимъ величествамъ много лѣтъ и служилъ еще нынѣ въ качествѣ генералъ-лейтенанта, а далѣе, что онъ нынѣ долженъ вступить въ управленіе отцовскихъ имѣній и притомъ обязанъ служить намъ, мы просимъ ваши императорскія величества отнустить Гордона съ женою, дѣтьми, прочими родными и вещами изъ нашего государства. Исполненіе этой просьбы для многихъ охотниковъ вступитъ въ вашу службу будетъ поощреніемъ“ и пр. Герцогъ Гордонъ писалъ также къ князю Голицыну письмо, на латинскомъ языкѣ, въ которомъ было мнѣество комплиментовъ, но милости къ Патрику Гордону испрашивалась только въ общихъ выраженіяхъ.

13-го сентября, въ тотъ самый день, когда Гордону не удалось

¹⁾ *Diarium itineris etc.*, p. 216.

представитися царямъ, одинъ Англичанинъ, по фамиліи Мунтеръ, вручилъ ему подлинное письмо Якова II къ царямъ. Тогда въ Россіи не было англійскаго резидента; въ такихъ случаяхъ письма Англійскихъ королей къ царямъ перѣдко пересылались чрезъ купцовъ, проживавшихъ въ Москвѣ и игравшихъ роль консуловъ. Такимъ лицомъ былъ прежде купецъ Брейанъ (Bryan), о которомъ не разъ упоминается въ дневникѣ Гордона, такимъ былъ и Мунтеръ. На другой день голландскій резидентъ Келлеръ передалъ письмо короля Якова царямъ. Голландскій резидентъ въ Лондонѣ Ситтерсъ нарочно просилъ Келлера быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ видно, вопросу объ увольненіи Гордона придана была нѣкоторая важность, и онъ сталъ предметомъ дипломатическихъ сношеній. Письмо Якова II было передано въ тотъ самый день, когда Гордонъ имѣлъ аудіенцію у царей и царевны. Но можеть быть, при дворѣ еще не знали содержанія письма. На другой день какой-то Голландецъ, плохо знавшій англійскій языкъ, перевелъ это письмо на русскій языкъ. Между тѣмъ Гордонъ подалъ челобитную объ увольненіи и занялся было составленіемъ другой записки, которую вслѣлъ перевести на „славянское нарѣчіе“. Въ дневникѣ есть небольшая пробытка отъ 15-го сентября по 24-е октября. Именно въ это время Гордонъ, безъ сомнѣнія, составилъ первую записку, о которой онъ пишетъ, что она была подана 23-го октября, по что пока (то-есть, 26-го октября) еще не было ему дано отвѣта. О какомъ-либо разладѣ съ Голицынымъ въ это время въ дневникѣ не упомянуто. Только когда 5-го ноября Гордонъ просилъ у боярина позволенія перевезти свою жену изъ Кіева въ Москву, онъ получилъ „двусмысленный отвѣтъ“; это впрочемъ не помѣшало ему отправить 9-го ноября лошадей и слугъ въ Кіевъ за женою (II, 160). Вдругъ 16-го ноября Гордонъ узналъ, чрезъ нѣкоторыхъ своихъ русскихъ пріятелей, о рѣшеніи правительства сослать его съ семействомъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, если онъ не стаплетъ просить прощенія (II, 160).

Гордонъ испугался. Онъ, кажется, не ожидалъ такого оборота дѣла. На другой день онъ отправился къ голландскому резиденту просить его ходатайства предъ русскимъ правительствомъ. Баронъ Келлеръ объявилъ ему на отръвъ, что онъ никоимъ образомъ не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло и прибавилъ, что Русскіе изъ газетъ узнали, будто Яковъ II хочетъ помочь Туркамъ (II, 161). Дѣйствительно, въ Россіи не любили Якова. Впослѣдствіи Голицынъ однажды прямо сказалъ Гордону: „Съ братомъ и отцомъ вашего пи-

нѣшняго короля мы ладили хорошо; но съ этимъ мы какъ-то не можемъ быть въ дружбѣ: онъ слишкомъ гордъ" (II, 226). Когда Яковъ лишился престола, русское правительство было чрезвычайно довольво этимъ событіемъ (II, 240). Такимъ образомъ тогдашнее раздраженіе Софіи и Голицына противъ Гордона, можетъ быть, въ значительной степени объясняется отвращеніемъ къ Якову

Гордонъ тщетно искалъ покровителей. 19-го ноября онъ былъ у разныхъ вельможъ и узналъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что правительница въ большомъ гнѣвѣ на него за его упрямство и намѣрена строго наказать его. Гордонъ все еще не унывалъ и 20-го ноября велѣлъ переписать свою вторую челобитную. Однако 21-го числа онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ друзей, что если онъ не поспѣшитъ просить прощенія, то дорого за то заплатится, подвергнется и себѣ, и свое семейство большой бѣдѣ и лишится ихъ возможности помочь ему. Гордонъ былъ въ такомъ волненіи, что не могъ спать всю ночь. „Хуже всего“, пишетъ онъ,—„было то, что я никому не смѣлъ открыть моихъ мыслей, потому что при корыстолюбіи и равнодушіи всѣхъ никто не заботился о судьбѣ другаго; не было никого, кто могъ бы дать мнѣ благоразумный совѣтъ“ (II, 161). 22-го ноября рано утромъ онъ отправился въ Измайловское, гдѣ тогда находились царь Иванъ и Софія и пошелъ сначала въ хоромы боярина Голицына. Голицынъ принялъ его и обратился къ нему съ упреками. Гордонъ оправдывался, опирался, какъ онъ говоритъ, на правоту своего дѣла, но Голицынъ сталъ горячиться еще болѣе и велѣлъ тотчасъ же изготвить приказъ о разжалованіи Гордона въ прапорники и—немедленной его ссылкѣ. Бывшіе тутъ вельможи, чтобы угодить Голицыну, какъ говоритъ Гордонъ,—присоединили свои упреки къ сильнымъ выраженіямъ боярина, приглашая его просить прощенія. Голицынъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ Гордона и требовалъ только, чтобы тотъ повинился и обѣщалъ служить далѣе. Зная могущество боярина и предвидя гибель своего семейства, Гордонъ рѣшился написать въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ челобитье, въ которомъ изъяснилъ сожалѣніе, что просьбою своею объ увольненіи оскорбилъ великихъ государей, и просилъ помилованія, изъявлялъ готовность служить далѣе. Когда это челобитье читалось „на верху“ (ab ove), то-есть, у государей, то нашли, что оно было писано недостаточно покорнымъ тономъ раскаянія и умиленія. Ему опять пригрозили ссылкой. Гордонъ объявилъ, что онъ готовъ под-
часть сксiv, отд. 2.

писать такую редакцію челобитья, какая для него будетъ сдѣлана въ приказѣ.

Все это происходило 22-го ноября. Гордопъ былъ сильно огорченъ, даже считалъ себя оскорбленнымъ, но не приходилъ въ отчаяніе, что между прочимъ видно изъ того обстоятельства, что онъ, 23-го ноября, возвратился изъ Измайловскаго въ Нѣмецкую слободу, осмотрѣлъ лежащія на пути стеклянные заводы. 25-го ноября онъ былъ въ городѣ: думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ передалъ ему черновое челобитіе въ желанномъ видѣ. Нѣкоторые выраженія показались Гордону слишкомъ унижительными. Онъ зачеркнулъ эти мѣста, пожелалъ переписать челобитную и подписать ее. Когда она читалась въ тайномъ совѣтѣ, тамъ царствовало глубокое молчаніе, и царица Софія не сказала ни слова. Всѣ знали, что Гордопъ пассивенъ и угрозами былъ принужденъ подать такую бумагу (II, 163).

Такимъ образомъ смысла Гордона не состоялась; по распоряженію о разжалованіи его было утверждено 22-го ноября, и только 11-го декабря онъ былъ прощенъ ¹⁾, между тѣмъ была сдѣлана англійскимъ правительствомъ попытка дать дѣлу Гордона новый оборотъ. Разумѣется, въ Англіи не могли еще знать о несчастіи Гордона, но можетъ быть, считали вѣроятнымъ, что Гордону не легко будетъ отдѣлаться отъ русской службы; Англія нуждалась въ дипломатѣ, и такъ какъ Гордопъ, хорошо знавшій Россію, былъ особенно годенъ представлять англійскіе интересы при русскомъ дворѣ, то Яковъ II и издумалъ назначить его англійскимъ резидентомъ въ Москву.

29-го ноября Гордопъ по почтѣ получилъ отъ графа Мидделтона и отъ статсъ-секретаря короля Великобританіи уведомленіе, что онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Московскомъ дворѣ, и

¹⁾ Въ дневникѣ при разказѣ о событіяхъ въ Измайловскомъ, показано 23-е число Кажется, это опечатка, потому что послѣ разказа событій этого вѣдочнаго для сказано: «23-го и 24-го Гордопъ оставался дома». — Устряловъ, Ист. II. В., I, 183, пользовавшійся подлинникомъ дневника, также говоритъ, что «лишеніе чина происходило 22-го ноября», но при этомъ слѣдовало бы замѣтить, что это лишеніе чина было номинальное. По разказу Корба можно бы думать, что Гордопъ оставался прапорщикомъ до 1689 года, то-есть, до катастрофы Голицына. Разказавъ о ссылкѣ Голицына, Корбъ пишетъ: «а Гордопъ, мужественно переносившій нѣкоторое время незаслуженное несчастіе и жестокою угнетеніемъ зависти, будучи, по милости царя, возстановленъ въ прежнемъ слобѣ генеральскомъ чинѣ» и пр.

что кредитивныя грамоты и инструкціи будутъ немедленно отправлены ему въ Ригу. Незнаѣстно почему графъ Миддельтонъ въ своемъ письмѣ, писанномъ 25-го октября, предполагалъ, что эти бумаги заставутъ Гордона еще въ Ригѣ и потому приглашалъ его остаться въ этомъ городѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній (II, 163). Гордонъ былъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, въ крайнемъ удивленіи. Онъ тотчасъ же отправился съ этимъ письмомъ къ голландскому резиденту и къ дьяку Виніусу, чтобы посоветоваться съ ними; но ни тотъ, ни другой не могли ничего ему сказать. На другой день Гордонъ пошелъ къ Украинцеву, показалъ ему письмо графа Миддельтона и вмѣстѣ съ Украинцевымъ отправился къ Голицыну; бояринъ велѣлъ Гордону перевести письмо на латинскій языкъ и отдать въ приказъ для перевода на русскій языкъ, такъ какъ въ то время не было англійскаго переводчика. При этомъ Гордонъ подаль повое челобитіе, которое также было переведено на русскій языкъ. Голицынъ обѣщалъ сообщить царямъ и царевнѣ объ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Гордонъ отиѣчалъ графу Миддельтону, но очевидно, уже не надѣялся на успѣхъ. 4-го декабря онъ отъ постоянного волненія и непріятностей заболѣлъ лихорадкой и нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Между тѣмъ „наверху“ послѣдовало рѣшеніе, то-есть, новый отказъ. „Цари, царевна и бояре“, сказано было, по словамъ дневника въ царской грамотѣ,—„выслушали челобитныя, поданныя генераль-лейтенантомъ Гордономъ, и положили: генераль-лейтенантъ Гордонъ не можетъ быть чрезвычайнымъ англійскимъ посломъ при дворѣ ихъ величествъ, потому что онъ долженъ служить въ большой арміи въ предстоящемъ походѣ противъ Турокъ и Татаръ. Патрикъ Гордонъ долженъ отиѣтить графу Миддельтону, что, если король желаетъ отправить посла въ Россію для поддержанія братской любви и дружбы, такого посла примутъ милостью“. На другой день послали за Гордономъ для officialнаго сообщенія ему этого рѣшенія, но онъ не могъ явиться по причинѣ болѣзни. Наконецъ, 11-го декабря онъ былъ призванъ къ Голицыну, который объявилъ ему, что цари всемилоостивѣйше прощаютъ его и оставляютъ въ прежней должности (II, 165). Гордонъ былъ сильно огорченъ: „Такъ“, замѣчаетъ онъ въ дневникѣ,—„кончилось это дѣло. На сторонѣ Гордона была справедливость и право, какъ можно было видѣть изъ всѣхъ представленій его, но на всѣ его доводы не было обращено никакого вниманія: ихъ называли баснями и сказками“.

Гордонъ просилъ, чтобъ ему дали копию съ рѣшенія для сообщенія королю Якову II. Ему было отказано въ исполненія и этой прось-

бы. Съ большимъ трудомъ получилъ онъ обратно изъ приказа письмо графа Миддлелтона. Наконецъ, его заставили показать въ приказѣ его собственное письмо къ графу Миддлелтону, прежде чѣмъ оно будетъ отправлено въ Англію. Разумѣется, кромѣ этого письма, онъ отпривилъ и другія съ подробнымъ изложениемъ дѣла.

Разжалованіе Гордона въ прапорщики и ссылка его въ Сибирь были дѣломъ невозможнымъ по той самой причинѣ, по какой не хотѣли отпустить его за границу. Въ немъ нуждались для предстоявшаго похода, нуждались не въ Гордонѣ-прапорщикѣ, а въ Гордонѣ-генералъ-лейтенантѣ. Трудно сказать, на сколько основательно предположеніе г. Посселята, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону озлобилъ послѣдняго противъ боярина и повліялъ на образъ дѣйствій Гордона въ 1689 г. во время государственнаго переворота ¹⁾. Соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ чувствами личнаго негодованія или мести едва ли было въ натурѣ Гордона. Въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ событій 1686 года до переворота 1689 года сношенія между Голицынскимъ и Гордономъ были весьма близкія. Къ тому же вскорѣ послѣ этого кризиса, 2-го января 1687 года, Гордонъ получилъ чинъ полнаго генерала.

Оправившись послѣ описанныхъ безпокойствъ, Гордонъ поселился въ Нѣмецкой слободѣ, и сюда въ самомъ концѣ 1686 года пріѣхало его семейство (II, 166); онъ покорился обстоятельствамъ, но все-таки не переставалъ мечтать о родинѣ и о возможности покинуть Россію. Въ 1690 и 1691 годахъ онъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ своимъ роднымъ въ Англію; но съ теченіемъ времени эта надежда стала въ немъ ослабѣвать, въ чемъ и самъ онъ долженъ былъ наконецъ сознаться: это видно изъ писемъ его, относящихся къ началу 1692 года (III, 299 и 308).

Крымскіе походы.

1687 годъ начался для Гордона весьма благопріятно: ему поручили командовать выборными полками второй дивизіи (II, 166). Онъ немедленно занялся приведеніемъ ихъ въ надлежащій порядокъ. Также и его личныя отношенія къ князю Голицыну снова улучшились. Онъ посѣщалъ боярина въ его имѣніи, Медвѣдевѣ, и былъ хорошо принятъ (II, 167). Въ концѣ января было приказано готовиться къ

¹⁾ II, 665.

походу, Гордонъ хлопоталъ о жалованьѣ и подъемныхъ деньгахъ. 2-го февраля былъ смотръ войскамъ, подробно описанный въ дневникѣ. Голицынъ въ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ Гордона за отменный порядокъ, въ которомъ найдены были его отрядъ. Въ концѣ февраля войска выступили изъ Москвы въ походъ на сборнымъ мѣста.

Теперь должно было рѣшиться, могли ли осуществиться высказанныя Гордономъ въ 1684 году предположенія о возможности занятія Крыма. Приготовленія къ войнѣ были сдѣланы значительныя, и Гордонъ, какъ одинъ изъ главныхъ вождей въ русскомъ войскѣ, могъ имѣть большое значеніе въ военномъ совѣтѣ. Къ сожалѣнію, въ дневникѣ его опять встрѣчается пробѣлъ съ 23-го февраля по 3-е мая. Извѣстно, что именно въ это время произошло замедленіе изъ-за „нѣтчиковъ“ и вслѣдствіе неудовольствія царедворцевъ, находившихся въ войскѣ Голицына ¹⁾. Обнаружилось то самое зло, на которое столь сильно жаловался Гордонъ по случаю Чигиринскаго похода 1678 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы застаемъ Гордона въ дорогѣ; онъ часто обѣдалъ у Голицына во время похода и принималъ у себя не только прочихъ военачальниковъ, но и самого князя Василія Васильевича. Довольно подробно описываетъ Гордонъ порядокъ шествія, и далѣе нѣсколько лѣтъ спустя весьма подробно объясняетъ Корбу, какъ были расположены войска, такъ что къ сочиненію Корба приложенъ даже рисунокъ этого строя ²⁾. На пути Гордонъ занимался полковыми счетами и вообще канцелярскими работами. Какъ извѣстно, походъ былъ крайне неудаченъ. Настроenie духа въ войскѣ было весьма неблагоприятное, и не разъ въ войскѣ безъ всякаго основанія распространилась тревога; при одномъ изъ такихъ случаевъ Гордонъ совершилъ объѣздъ лагеря. Онъ упоминаетъ также о недостаткѣ воды, о страшномъ пожарѣ, о страшной жарѣ, о падежѣ лошадей, о болѣзняхъ солдатъ, о невозможности прокормить лошадей. 17-го іюля происходилъ военный совѣтъ, и на немъ было рѣшено возвратиться. И тутъ, къ сожалѣнію, дневникъ не полонъ, представляя пробѣлъ отъ 20-го мая до 12-го іюня.

О себѣ Гордонъ, разказывая подробности того похода, почти все не говоритъ. Онъ, впрочемъ, не играетъ особенно выдающейся роли. О военныхъ совѣтахъ онъ говоритъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но ни въ одномъ мѣстѣ не упоминаетъ о мнѣніяхъ, которыя самъ высказывалъ при такихъ случаяхъ. По видимому, онъ бо-

¹⁾ См. Устрялова Ист. Петра Великаго, I, 191 и 195.

²⁾ См. *Diarium Itineris*, 242, и рисунокъ 1-й и 2-й.

лѣе занять былъ дѣлами военной администраціи, чѣмъ военными планами. Въ Чигиринѣ онъ имѣлъ совсѣмъ иное значеніе.

На возвратномъ пути въ Москву въ войскѣ получены были награды, изъ сравленія развѣроу которыхъ можно заключить, что Гордонъ не занималъ особенно важнаго мѣста въ войскѣ. Голицынъ получилъ медаль съ цѣнью цѣною въ 300 червонцевъ. Прочіе боиры получили медали цѣною въ 9 червонцевъ. Гордонъ получилъ медаль въ 5 червонцевъ; прочія лица, служащіе, дворные получили медали въ 2 червонца и ниже (II, 195). Правительство, какъ мы знаемъ, старалось замаскировать неудачу похода, имѣвшаго къ тому же слѣдствіемъ нивложеніе предавшаго Россіи гетмана Самойловича. Гордону дали при этомъ случаѣ непріятное порученіе. Онъ долженъ былъ до Сѣвска сторожить сына напавшаго гетмана, съ которымъ по ярмомъ пребыванію въ Кіевѣ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ (II, 191—198).

Гордонъ возвратился въ Москву 6-го сентябри 1687 года, послѣ семимѣсячнаго отсутствія. Въ слѣдующее затѣмъ время, полтора года, онъ прожилъ спокойно въ Нѣмецкой слободѣ, оставаясь впрочемъ на службѣ; иногда ему приходилось служить правительству полезными совѣтами; такъ при постройкѣ крѣпости на рѣкѣ Самарѣ (притокѣ Днѣпра) Гордонъ сообщилъ разныя соображенія по этому предмету (II, 210); 26-го ноября 1687 года онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ боиринимъ Голицыннимъ при опытахъ съ новыми пушками и давалъ совѣты въ техническомъ отношеніи. Довольно важно то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1688 года малороссійскіе казаки выразили желаніе, чтобы Гордонъ былъ отправленъ въ Малороссію (II, 215). Изъ этого случая видно, что во время своего пребыванія въ Малороссіи онъ умѣлъ снискать себѣ любовь и уваженіе тамошнихъ жителей.

Правительство вскорѣ послѣ перваго Крымскаго похода удостоило его повышенія: онъ получилъ чинъ полнаго генерала и право писаться съ „виачетъ“. Гордонъ, замѣчая объ этомъ въ дневникѣ (II, 202), прибавляетъ, что онъ удостоенъ былъ этой чести такъ поздно лишь потому, что не хлопоталъ объ этомъ ранѣе.

1688 годъ былъ не особенно богатъ событіями въ жизни Гордона. Онъ занимался семейными дѣлами, жилъ въ многочисленномъ кругу знакомыхъ и со вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событий. Съ Голицыннимъ и другими русскими вельможами онъ все это время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и нерѣдко бесѣдовалъ о государственныхъ дѣлахъ западной Европы. Къ этому времени отно-

сится его первым, хотя еще не личным, сношеніемъ съ Петромъ, который занимался тогда своими „поштыными“. Важнѣе всего были приготовленія къ новому походу, начавшіяся въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1688 года. И при этомъ случаѣ впрочемъ Гордонъ, какъ кажется, не игралъ важной роли: въ 1684 году Голицынъ заставилъ его написать подробную записку о восточномъ вопросѣ; теперь спрашивали о томъ же Мазепу (II, 229). Гордонъ имѣлъ даже сильныхъ враговъ при дворѣ. Однажды, когда происходили совѣщанія о предстоящемъ походѣ, патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. Вельможи, разказываясь Гордонъ,—улыбались и не обращали вниманія на слова патріарха (II, 233). О такихъ совѣщаніяхъ въ дневникъ Гордона говорится нѣсколько разъ, но мы не узнаемъ, участвовалъ ли онъ самъ въ нихъ, или нѣтъ. Впрочемъ, можно думать, что онъ имѣлъ вліяніе на военные распоряженія и часто видѣлся съ важнѣйшими лицами при дворѣ—съ Шаховытымъ и Голицынымъ.

13-го февраля Гордонъ выступилъ въ походъ. 8-го марта на пути онъ бесѣдовалъ съ главнокомандующимъ о разныхъ дѣлахъ, относящихся къ своему полку. Такъ какъ послѣ того въ дневникѣ слѣдуетъ записка подъ заглавіемъ: „Размысленіе о предстоящемъ походѣ“ (II, 249—250), то можно полагать, что Гордонъ былъ приглашенъ Голицынымъ сообщить свои соображенія по этому предмету. Въ этой запискѣ заключаются лишь техническія частности о способѣ преодоленія затрудненій при переходѣ чрезъ степи, о построѣнкахъ на пути разныхъ укрѣпленій для обезпеченія движеній войска и о разныхъ артиллерійскихъ снарядахъ. Этотъ проектъ былъ составленъ въ Сумахъ, гдѣ отдыхало войско въ первыхъ числахъ марта. Голицынъ однако не считалъ пущимъ руководствоваться указаніями Гордона. По крайней мѣрѣ форты, о необходимости которыхъ говорилъ Гордонъ, не были построены.

Подробное описаніе движенія войскъ въ дневникѣ не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ указаній о самомъ Гордонѣ. Такъ напримѣръ, не говорится о томъ, какія мѣрныя были высказаны Гордономъ на совѣщаніи всѣхъ начальниковъ 8-го мая. (II, 255). За то 12-го мая онъ передалъ князю особенную записку о томъ какъ должны дѣйствовать лѣвый флангъ въ случаѣ столкновенія съ неприятелемъ, ко-^{го} врагъ ожидали ежедневно (II, 256). Опасность росла съ каждою минутою: войско было окружено Татарами. Надежда на

успѣхъ, выраженная Гордономъ пятью годами раньше, и на этотъ разъ оказалась тщетною. Впрочемъ, въ дневникѣ своемъ онъ не высказываетъ никакого мнѣнія о походѣ вообще, о причинахъ неудачи и объ ошибкахъ, слѣдующихъ при этомъ случаѣ. Нѣтъ также ни малѣйшаго намека на образъ дѣйствій князя Голицына по случаю переговоровъ съ Татарами. Дневникъ именно въ этой части не имѣетъ повес характера мемуаровъ или записокъ, тогда какъ, напримѣръ, о походѣ 1678 года гонорится съ присоединеніемъ сужденій о событіяхъ. Есть однако основаніе думать, что Гордонъ оказалъ военному начальству существенныя услуги на обратномъ пути, при преодолѣніи разныхъ затрудненій и опасностей, съ которыми приходилось войску бороться. Между прочимъ ему пришлось нѣкоторое время вести арьергардъ (II, 261).

ПЕРЕВОРОТЪ 1689 ГОДА.

Гордонъ возвратился въ Москву около половины іюля, послѣ пятидесятидневнаго отсутствія. Въ дневникѣ тутъ пробѣлъ отъ 14-го до 22-го іюля. Гордонъ занималъ тогда вопросъ о наградахъ, которымъ достигнуты служившимъ людямъ за второй Крымскій походъ. 22-го онъ былъ въ городѣ, чтобы разузнать объ этомъ, но рѣшенія еще не посылдовало. 24-го Гордонъ и другія лица были допущены къ рукѣ цари Ивана и царевны Софіи. Послѣдняя особенно благодарила Гордона за оказанныя имъ во время похода услуги (II, 266). Что касалось до наградъ, то рѣшеніе затанулось вслѣдствіе неудовольствія Петра. Разногласіе въ отношеніи къ наградамъ было однимъ изъ поводовъ къ окончательному разрыву между Петромъ и Софіей. Такимъ образомъ приближалось событіе, имѣвшее для Гордона самое важное значеніе. Его вліяніе при Петрѣ было сильнѣе, чѣмъ до 1689 года. Ни Илья Даниловичъ Милославскій, ни Василій Васильевичъ Голицынъ умѣли цѣнить Гордона въ такой степени, какъ Петръ. Тутъ открылось ему широкое поприще плодотворной дѣятельности, за которую онъ былъ награжденъ хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ.

Не даромъ Гордонъ тотчасъ же послѣ возвращенія изъ Крымскаго похода сталъ зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ; вслѣдствіе того въ дневникѣ его сообщаются весьма любопытныя данныя о послѣдовавшемъ переворотѣ, въ которомъ и ему пришлось играть не послѣднюю роль. Разказавъ о томъ, что Петръ сначала не соглашался на награды ратнымъ людямъ, и что только 26-го іюля съ большимъ трудомъ его уговорили дозволить раздачу наградъ, Гордонъ замѣ-

часть, что онъ получилъ мѣсячное жалованье, 20 паръ соболей, серебрянный кубокъ, богатой матеріи на платье, и кромѣ того, медаль цѣною въ три червонца. Однако въ тотъ же самый день обнаружился гнѣвъ царя Петра, не хотѣвшаго допустить къ себѣ полководцевъ и офицеровъ для принесенія благодарности за полученные награды. Гордонъ сообщаетъ о разпыхъ слухахъ, распространенныхъ въ кружкахъ этихъ военныхъ: каждый понималъ, что Петръ нѣ-хоти согласился на награды, и всѣ предвидѣли при дворѣ катстрофу. Никто однако не смѣлъ говорить о томъ, хотя всѣ знали о случившемся (II, 267). Въ слѣдующіе дни распространялись разные слухи о разладѣ въ высшихъ кругахъ; было опасно говорить объ этихъ слухахъ. 7-го августа распространилось извѣстіе объ удаленіи Петра въ Троицкій монастырь. Гордонъ только наблюдалъ за всѣмъ этимъ, узнавалъ всѣ подробности событій, но продолжалъ заниматься, какъ прежде, обученіемъ войска, частію перепискою и проч. Онъ пока и не думалъ о томъ, чтобы измѣнить Софію и перейти въ Троицкій монастырь, хотя разказывалъ, что нѣсколько стрѣльцовъ по своей доброй волѣ перешли къ Петру (II, 269). Но положеніе Гордона и другихъ военачальниковъ стало весьма затруднительнымъ, послѣ того какъ 16-го августа было получено приказаніе стрѣльцамъ, солдатамъ и полковникамъ явиться въ Троицкій монастырь къ царю Петру не позже 20-го числа.

Военные люди не знали, что имъ дѣлать. Не даромъ въ чужихъ краяхъ удивлялись такому странному совладѣнію трехъ лицъ, какое учредилось тогда въ Россіи. Когда русскій посланникъ Волковъ сообщалъ въ Венеціи, что царевна Софія „соцарствуетъ“, одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дождь и ночь сонать удивляютъ, какъ слушать ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ пренысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Теперь наступила минута, когда оказалось невозможнымъ служить вмѣстѣ и Софіи, и Петру. Власть была въ рукахъ царевны, Петръ же игралъ нѣкоторымъ образомъ роль претендента. Чувство долга, привязанность къ правительству скорѣе требовали повиновенія Софіи; политическія соображенія, надежда на будущее, справедливая оцѣнка характера и способности Петра могли заставить военныхъ людей перейти къ Петру. Петръ и Иванъ пользовались равными правами. Гордонъ достаточно зналъ объ личности и не могъ сомнѣваться въ томъ, что будущность принадлежала Петру. Но въ то же время онъ имѣлъ пока дѣло лишь съ царевною Софіей и съ княземъ Голицынымъ.

Для чего они были пока самыми законными представителями власти. Онъ долженъ былъ задуматься предъ рѣшеніемъ извѣстить Софію, Голицыну, царю Ивану.

При дворѣ состоялось совѣщаніе, по окончаніи котораго правительница, пригласивъ къ себѣ военачальниковъ, извѣстила ихъ въ обязанность не отправляться къ Троицѣ и не вѣшиваться въ ея споръ съ братомъ. Мало того, когда нѣкоторые стрѣльцкіе полковники извѣщали сомнѣніе, Софія объявила имъ, что если кто-либо изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ поиманъ и казненъ смертью. Что касалось Гордона, то Василій Васильевичъ Голицынъ далъ ему приказаніе ни подъ какимъ видомъ не удалиться изъ Москвы. Послѣ того Петръ далъ знать Софіи, что онъ пригласилъ къ себѣ мойско, и внушилъ ей, чтобъ она не мѣшала никому перейти къ нему (I, 270). Князь Прозоровскій отправился въ Троицу съ цѣлью оправдать царевну въ томъ, что она не дозволяетъ войскамъ удалиться туда. На другой день старались распространить слухъ, будто приглашеніе явиться въ Троицу было прислано въ Москву безъ вѣдома Петра. Какъ видно, Гордонъ не вѣрилъ этой баснѣ; тѣмъ не менѣе, онъ все еще оставался въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ встрѣчается пробѣлъ въ дневникѣ отъ 18-го августа до 1-го сентября. Къ этому времени относится довольно важный фактъ: въ Москвѣ рѣшились послать патріарха въ Троицу для переговоровъ. Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ остался; Петръ приобрѣлъ важнаго союзника. 27-го августа пошла царская грамота отъ Троицы въ стрѣльцкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобы всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинувшись указу, двинулись изъ Москвы. Затѣмъ, Софія сама отправилась къ Троицѣ, но ей на дорогѣ объявили, чтобъ она въ монастырь не ходила, иначе съ нею „нечестно поступлено будетъ“. Она возвратилась и заставила оставшихся стрѣльцовъ присягнуть въ томъ, что они не побѣгутъ къ Троицѣ¹⁾.

Таковы были событія, происшедшія въ то время, къ которому относится пробѣлъ въ дневникѣ Гордона. Въ продолженіе этихъ дней

¹⁾ См. Ист. Росс. Соловьевъ, XVI, стр. 127.

иноземцы, по видимому, соблюдали некоторымъ образомъ нейтралитетъ между спорившими партіями, слѣдили за ходомъ дѣла и ждали рѣшительной минуты. Положеніе становилось все болѣе критическимъ.

Весьма подробно разсказываетъ Гордонъ о приѣздѣ въ Москву полковника Нечаева съ требованіемъ выдачи Шаковитого и Медвѣдева. Гордонъ утромъ 1-го сентября самъ видѣлъ около Кремля многихъ стрѣльцовъ, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные противники Петра. Требованіе выдачи Шаковитого, какъ разсказываетъ Гордонъ, произвело сильное движеніе при дворѣ; народъ былъ пораженъ: большинство, по словамъ Гордона, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Къ этому большинству принадлежалъ и самъ Гордонъ, который впрочемъ имѣлъ случай выслушать рѣчи царевны къ стрѣльцамъ, къ торговымъ и посадскимъ людямъ и къ народу. Иноземцамъ становилось чрезвычайно тяжело. Они были изъ недоумѣніи, отправиться ли къ Петру, или оставаться въ Москвѣ. Многое въ этомъ отношеніи зависѣло отъ рѣшенія самого Гордона, игравшаго важнѣйшую роль между жителями Нѣмецкой слободы. Вдругъ распространился слухъ, что онъ получилъ изъ Троицы особое посланіе. Къ нему обратились съ вопросомъ: правда ли это? Не получивъ на самомъ дѣлѣ никакого письма, онъ отвѣчалъ отрицательно, „чѣмъ“, какъ онъ пишетъ, „были довольны“. Однако Гордонъ началъ считать довольно опаснымъ свое положеніе въ отношеніи къ Петру, и потому, когда 2-го сентября нѣкоторые лица изъ Нѣмецкой слободы отправились къ Троицѣ, онъ поручилъ одному изъ этихъ лицъ, которое пользовалось его довѣріемъ, доложить царю, что иноземцы вообще не идутъ къ Троицѣ потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ, или нѣтъ. Очевидно, Гордонъ предлагалъ Петру услуги иноземцевъ и изъявлялъ готовность разорвать съ Софіей. Развязка приближалась. Гордонъ, какъ кажется, хорошо зналъ о происходившемъ въ Троицкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ онъ подробно разсказываетъ о событіяхъ 3-го сентября и о томъ, что въ этотъ день главный стрѣлцкій полкъ, находившійся уже въ Троицѣ, изъявилъ желаніе отправиться въ Москву и привести оттуда насильно всѣхъ ненавистниковъ царя. Гордонъ замѣчаетъ при этомъ: „Можно было ожидать окончательнаго разрыва; все соединилось къ ускоренію важнѣйшей перемѣны“ (I, 275).

Наконецъ и иноземцамъ нужно было рѣшиться дѣйствовать. 4-го сентября въ Нѣмецкой слободѣ явилась царская грамота, помѣщен-

нии 31-мъ августа, и въ которой Пётръ обращался ко всѣмъ генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ, не называя впрочемъ никого по имени. Послание это было запечатано. Сначала оно попало въ руки какого-то полковника Риддера, а отъ него принесено къ Гордону, очевидно, потому, что онъ считался какъ бы главою иностранческой колоніи въ слободѣ. Гордонъ и поступилъ, какъ слѣдовало вліятельнѣйшему лицу. Онъ пригласилъ къ себѣ какого-то, неизвѣстнаго намъ, „генерала“ и полковниковъ, и тогда только, въ присутствіи всѣхъ распечаталъ и прочиталъ царскую грамоту. Въ ней были разказаны событія августа мѣсяца отправленіе Нечаева для привлеченія виновныхъ заговорщиковъ къ суду, и въ заключеніе было приказано всѣмъ иностранцамъ, генераламъ и офицерамъ, тотчасъ же по полученіи этой грамоты въ полномъ вооруженіи и на коняхъ отправиться къ его величеству въ Троицу. По прочтеніи письма было рѣшено довести о немъ до свѣдѣнія князя Василія Васильевича Голицына (II, 276): иностранцы все еще медлили; вмѣсто того, чтобы прямо перебѣжать въ противоположный лагерь, они считали своимъ долгомъ сообщить о случившемся той власти, которой служили много лѣтъ, предоставляли себѣ впрочемъ право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Зналъ, что обѣ стороны дорожать ими, они не хотѣли рѣшиться въ пользу одной, не давъ знать о томъ другой.

Сообщить Голицыну о полученіи письма Петра было дѣломъ опаснымъ. Такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ при прочтеніи письма не хотѣлъ на это отважиться, Гордонъ самъ, какъ онъ разказываетъ, — взявъ съ собою нѣсколько полковниковъ, отправился къ Голицыну и показалъ ему грамоту. Тотъ былъ сильно смущенъ, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера и для того пригласилъ Гордона оставить у него своего зятя полковника Страдбурга.

Можетъ быть, Голицынъ, опасавшійся, что иностранцы дѣйствительно послушаются Петра, рассчитывалъ на то, что зять Гордона будетъ въ его рукахъ чѣмъ-то въ родѣ заложника. Мы не знаемъ, остался ли Страдбургъ у Голицына; но во всякомъ случаѣ Гордонъ составилъ свое рѣшеніе: возвратись въ Нѣмецкую слободу, онъ приготовлялъ все къ отъѣзду; полковникамъ и офицерамъ, приходившимъ къ нему на совѣтомъ, онъ объявлялъ, что съ своей стороны, незави-

симо отъ всякихъ приказаній, онъ готовъ отправиться въ тотъ же вечеръ въ Троицу. Тутъ-то и оказалось, какое значеніе имѣлъ Гордонъ въ Нѣмецкой слободѣ. Какъ скоро узнали о его рѣшеніи, всѣ „знатные и незнатные“ начали готовиться къ отъѣзду. Вечеромъ они оставили Нѣмецкую слободу; уже стемнѣло, когда они достигли Яузскаго моста. Пройдя 15 верстъ, они стали кормить лошадей; 5-го сентября они завтракали въ 15 верстахъ отъ Троицы и около 11 часовъ утра пріѣхали въ монастырь. Послѣ обѣда они были допущены къ царской рукѣ. Петръ самъ поднесъ каждому по чаркѣ водки, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ имъ быть готовыми къ службѣ (II, 276—277).

Гордонъ самъ придаетъ своему образу дѣйствій въ этомъ случаѣ большое значеніе. „Прибытіе наше въ Троицкій монастырь“, пишетъ онъ,—„было рѣшительнымъ переломомъ; послѣ того всѣ начали высказываться громко въ пользу младшаго царя“ (II, 276). Позднѣйшіе историки смотрятъ на этотъ фактъ различно. „Въ такое время натянутого ожиданія и нерѣшительности“, замѣчаетъ Соловьевъ,—„всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ“¹⁾. За то Устряловъ находитъ показаніе Гордона несправедливымъ: „Изъ подлинныхъ актовъ“, говоритъ онъ,—„очевидно, что всѣ почти стрѣлцкіе полковники и урядники давно были въ лаврѣ; рязовые стрѣльцы оставались въ Москвѣ, но явно склонились на сторону государя и усердно отыскивали его злодѣевъ; патриархъ, вельможи и царедворцы также были при немъ; а народъ вовсе не думалъ вступаться за Софію. При такомъ положеніи дѣлъ, иноземцамъ ничего болѣе не оставалось, какъ отправиться въ лавру. Велика была бы ихъ заслуга, еслибъ они явились къ Петру за три недѣли передъ тѣмъ, по первому призыву; по теперь они спасали только свои собственныя головы“²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться къ Петру, и что они этимъ спасали свои головы. Но нельзя и порицать ихъ за то, что они не покинули Софіи и Голыцына раньше. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго прибытіемъ иноземцевъ въ Троицу на современниковъ, нѣтъ основанія сомнѣваться въ справедливости показанія Гордона. Мѣсто, кото-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р., XIV, стр. 130.

²⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 74.

рое занимали Гордонъ и его сослуживцы-иностранцы въ обществѣ и въ государствахъ было видное. Представители западно-европейской культуры, военной техники и опытности не могли не имѣть значенія въ глазахъ русскаго общества. Можно было питать въ нимъ вражду какъ къ еретикамъ, но нельзя было не цѣнить ихъ знанія и образованія, ихъ чувства долга и вѣрности по службѣ. По крайней мѣрѣ тѣ же отчасти самыя причины, которыя заставляли правительство отказывать Гордону въ увольненіи, заставляли и Петра дорожить пріѣздомъ жителей Швейцарской слободы. Мы не знаемъ о числѣ иностранцевъ, отправившихся вѣстѣ съ Гордономъ въ Троицу, по нѣк-рымъ собственнымъ словамъ его можно заключить, что оно было значительное. Пріѣздъ ихъ въ Троицу былъ фактомъ, который не могъ ускользнуть отъ вниманія всѣхъ слѣдившихъ за событіями и еще колебавшихся между двумя спорившими партіями.

Предположеніе г. Посселята, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону въ 1686 году не остался безъ вліянія на поведеніе Гордона въ 1689 году, не подтверждается фактами. Но видно, чтобы Гордонъ хотѣлъ мстить Голицыну; напротивъ того, намъ кажется, что онъ поступилъ съ павшимъ вельможей и бывшимъ своимъ покровителемъ весьма благородно, какъ то видно, между прочимъ изъ слѣдующаго факта: Гордонъ прибылъ въ Троицу 5-го сентября; 7-го пріѣхалъ туда Голицынъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ государя, которому была извѣстна тѣсная связь его съ Шакловитымъ. Въ тотъ самый день, когда казнили Шакловитаго, 7-го вечеромъ, Гордонъ посетилъ въ Троицкомъ монастырѣ Голицына, ожидавшаго на другой день рѣшенія своей участи, и напелъ его въ раздуміѣ—„не безъ причины“, замѣчаетъ Гордонъ (II, 279). Имѣть сношенія съ Голицынымъ въ то время могло быть дѣломъ опаснымъ. Гордонъ, очевидно, безъ всякой особенной надобности посетилъ боярина, который хотя и былъ еще на свободѣ, но считался государственнымъ преступникомъ. Мало того: Гордонъ самъ, какъ видно изъ дневника (II, 280), былъ убѣжденъ въ томъ, что Голицынъ знаетъ объ умыслахъ противъ Петра. Онъ довольно подробно разказываетъ о катастрофѣ Голицына и его отправленіи въ ссылку.

Въ Троицѣ Гордонъ, впрочемъ, не игралъ особенно важной роли. Онъ былъ скорѣе наблюдателемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Военныхъ дѣйствій не было, полицейскія обязанности скорѣе лежали на стрѣльцахъ, находившихся въ распоряженіи Петра, чѣмъ на ипо-

странцахъ. Когда Петръ оставилъ Троицкій монастырь, Гордонъ долженъ былъ оставаться „при аптежѣ“ (II, 285). Петръ снабжалъ Гордона милостями: 17-го сентября онъ былъ удостоенъ права получать ежедневно по 6 блюдъ, по 3 воза сѣна и по 1 бочкѣ овса (II, 285); въ тотъ же день Петръ присутствовалъ на Александронской слободѣ при упражненіяхъ войска, долго бесѣдовалъ съ Гордономъ и подарилъ ему камки и атласу.

А. Врикнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О РУКОПИСЯХЪ ИСТОРИИ НИКИТЫ АКОМИНАТА ВЪ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКѢ ¹⁾.

Не безъ удовольствія прочелъ я въ *Literarisches Centralblatt* 1877 г., № 16, признаніе самихъ Нѣмцевъ, что Боннское изданіе Византійцевъ, которымъ обыкновенно пользуются всѣ ученые, интересующіеся византійскою исторіей, оставляетъ желать весьма многого, и что средневѣковые греческіе тексты изданы въ немъ съ легкомысленною небрежностью: „Jene Sammlung (то-есть, Боннское изданіе), auch wenn man nur den rein philologischen Masstab anlegt, im Ganzen und Grossen eine bleibende Schande für die deutsche Philologie ist. Es gilt diess namentlich von den unter Imm. Becker's Namen erschienen Ausgaben“. Изъ изученія изданнаго текста Никиты Акомината вынесши убѣжденіе въ недостаткахъ изданія, я имѣлъ случай поддержать первоначальный выводъ посредствомъ знакомства съ рукописями этого писателя, хранящимися въ Вѣнѣ. Въ каталогъ греческихъ рукописей національной библіотеки отмѣчено три рукописи исторіи Никиты Акомината: №№ 1778, 1722, 3041. Но есть еще четвертая рукопись, № 1707, помѣщенная въ каталогъ подъ именемъ анналь Никифора Хомината. На листѣ 97-й этой рукописи слѣдуетъ: Τοῦ μεγάλου λογοθέτου καὶ ἐκὶ τῶν χρίσων γενικοῦ καὶ ἐφόρου κοροῦ Νικήτα τοῦ Χωνιάτου χρονική διήγησις, то-есть, списокъ исторіи написанаго писателя. Такимъ образомъ мнѣ удалось ознакомиться доселѣ съ семью рукописями Никиты; значительныя измѣненія изъ флорентійской рукописи, помѣщенной г. Миллеромъ въ 1 т. *Historiens Grecs*, позволяютъ сдѣлать совершенно

¹⁾ Измѣненіе изъ отчета, который представленъ въ департаментъ народного просвѣщенія командированнымъ на границу для ученыхъ занятій доцентомъ Новороссійскаго университета Ф. И. Успенскимъ.

безспорныя заключенія о характерѣ списковъ, такъ называемыхъ *gtagso-barbara*.

Наблюденія, сдѣланныя мною по этимъ спискамъ, показываютъ, что сохранившіеся тексты исторіи Никиты Акомината распадаются на три группы: 1) пространный текстъ, не всегда послѣдовательно воспроизведенный Боннскимъ изданіемъ; 2) краткій текстъ, вѣроятно, древнѣйшій, совсѣмъ не замѣченный издателями; 3) перифразъ на народный греческій языкъ XIII или XIV вѣка, — текстъ во всякомъ случаѣ младшій обоимъ первымъ. Разсмотрѣнные мною списки относятся къ первымъ двумъ группамъ. Хотя содержащій въ себѣ исторію Никиты Хоніата кодексъ Парижской національной бібліотеки № 3041 названъ *compendium* (л. 219 *Nicetae Choniatae Annales in compendium redacti*), но это не справедливо: перная часть текста вполне подходитъ къ рукописямъ первой группы. Текстъ *gtagso-barbara* или парафразъ сохранился въ рукописяхъ, хранящихся во Флоренціи и, кажется, въ Мюнхенѣ (см. также рукопись № 3041).

Перехожу къ рукописямъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться въ Парижѣ.

I. Codex № 1778. *Nicetas Acominatus*. По полнотѣ эта рукопись всѣхъ ближе подходитъ къ тексту боннского изданія. Первый листъ попорченъ, полстраницы совсѣмъ нельзя прочесть; на второмъ листѣ слѣдуетъ новый заголовокъ, въ которомъ начинается исторія Никиты. Рукопись сохранилась весьма хорошо; по письму можетъ быть отнесена къ XIII в., листы не перенумерованы. На послѣдней страницѣ рукописи заголовокъ красными чернилами: βασιλεια ἐρρη τοῦ ἐκ τριάντας. Конецъ рукописи: οὐδὲν δὲ τι καὶ ὑπομνήσας δεινόν, ἀπαθὴς ὑπέσχετο καὶ τὴν Κωνσταντίνου κατέλαβεν, то-есть, па 853, а боннского изданія. Въ концѣ есть приписка, гдѣ можно разобрать имена Лаврентія монаха и Нила. Желая точнѣе опредѣлить, какіе списки должны быть разсматриваемы какъ оригиналы изданнаго текста, я внимательно прочелъ эту рукопись и сличилъ ее съ боннскимъ изданіемъ во многихъ мѣстахъ, казавшихся мнѣ подозрительными. Списокъ № 1778, представляющій почти дословное сходство съ изданнымъ текстомъ, долженъ быть разсматриваемъ какъ основной текстъ, легшій въ основаніе всѣхъ изданій. И въ этомъ, и въ другихъ спискахъ встрѣчаются приписки на поляхъ, една ли принадлежащія автору исторіи. Такія приписки внесены въ изданный текстъ безъ всякой оговорки. Можно притомъ замѣтить, что краткіе списки часто не содержатъ именно того, что представляетъ явную вноску или часть *σχίσυ*, отд. 2.

писку на сторонѣ въ нашей рукописи. Присутствіе или отсутствіе въ рукописи даже одной строки (465, з, Вонп.), упоминаніе или пропускъ одного имени или факта (355, 10—11) или просто замѣчанія (533, 14—15), въ связи съ другими обстоятельствами, можетъ служить руководящимъ основаніемъ въ вопросѣ о соотношеніи между рукописями.

II. Codex № 1772. Nicetas Acominatus. Рукопись въ листъ, въ переплетѣ, отличнаго письма XV вѣка. Заглавіе раскрашено, на одномъ изъ не записанныхъ листовъ передъ началомъ текста рисунокъ. Существенное отличіе этого списка—приписки на поляхъ. Бываетъ два рода приписокъ: дополненіе или разъясненіе первоначальнаго текста и мысли, возбужденныя въ читателѣ содержаніемъ текста. Приписки въ рукописи № 1772 относятся къ разряду послѣднихъ. Мы знакомы съ ними по базельскому изданію, а также встрѣчаются онѣ въ вѣнскомъ спискѣ № 114; напримѣръ, л. 3: ὅρα λόγους βασιλικούς. ἀλέξιε κράτος κορυνηνάδῃ ἀνακτορικῶς ἐμβριμᾷ τῇ ἐυλέχῃ καὶ συγγόνῃ τὸ κράτος ἐνδίκως νέμεσι; или на оборотѣ л. 7: Ἦταῖς βασιλεὺς οὖν θεῷ Σκοῦθον στίχας γῶσι, λόγῃ, πράγματι καὶ παρὶά μάχης...

До царствованія Андроника рукопись не представляетъ особенностей сравнительно съ изданнымъ текстомъ; л. 152 представляетъ пропускъ въ нѣсколько строкъ (355, з—13, Вонп.), то-есть, царствованіе Алексѣя оканчивается словами κόλπος ἐκδίδεται. Любопытно замѣтить, что различія между списками замѣчены главнѣйше во второй части исторіи, начиная съ царствованія Исаака Ангела.

Л. 202=481 Вонп., здѣсь начинается реченіе о возстаніи Болгаръ. Въ этой части наша рукопись совпадаетъ съ вѣнскимъ спискомъ № 114, то-есть, изданный текстъ пространнѣе рукописи: лл. 204=486, з, Вонп., 205=489, Вонп.

Начало царствованія Алексѣя III (л. 245=597, Вонп.) совершенно оригинально, отличается и отъ изданнаго текста, и отъ вѣнскаго списка: Καὶ τὸν δὲ μὲν τὸν τρόπον ὁ ἄγγελος Ἰσαάκιος τῆς ἀρχῆς καταστρέφεται. οὐ γῶμῃ μᾶλλον τοῦ αὐταδέλφου ἢ βία ὡς ἤδετο καὶ συνδρομὴ παντὸς τοῦ στρατεύματος κατ' αὐτοῦ σπασμένον τῶν πολλῶν τὰ σίφη καὶ διηπειληκότων ἐκείνῃ θάνατον, εἰ μὴ τὴν ἀρχὴν καταδέξεται. βασιλεύσας δ' Ἀλέξιος, οὐκ εὐθὺς τὴν μεγάλοπολιν ἔσεισιν, ἀλλ' αὐτὸς μὲν τοῖς κατὰ δύοιν προσανέχει πράγμασι, πάσχεισι κακῶς παρὰ τοῦ πέτρου καὶ τοῦ Ασάν, τῇ δ' αὐτοῦ συζύγῃ τὸ συμβάν ἐπ' αὐτῇ δῆλον θέμενος, εἶχε καὶ πρὸς ὀρμὴν μίαν τὸ τῆς πολιτείας ἀνευφημῆσαι αὐτὴν πλήρωμα. τό τε γὰρ τῆς συγκλήτου μέρος ἰλαρῶς τὰ ἡκουσιόμενα τοῖς ὡσὶν ἐδέξατο καὶ τῶν τοῦ δήμου πρὸς

οὐδ' ἂν τι ἀτάσθαλον ἔβλεψεν ἢ ἐκατάρρισεν. Ἐπεὶ δὲ πρὸς τὸ μέγιστον ἀρ-
χεῖον (д. см. 600. 20 Вонн.) Продолженіе вообще напоминаетъ вѣн-
скій списокъ, нбо здѣсь недостаетъ того же, что и тамъ.

Л. 246 на обор.=604, 24, Вонн. τῆς κεφαλῆς... καὶ διολισθόντα εἰς
ἔδαφος. πρὸς ὅπερ οἱ μὲν θεόμενοι ἐξεβόησαν. καὶ εἰς γέλων διακινήθησαν.
τότε πρώτως ἀκριβῶς φιλοκόρησεν τὸν δοῦκαν γνωρίσαντες. ὁ δὲ μείλιχος ὦν
τὸ ἦθος. οὐ δὲ ραδίως χολούμενος ἐν τοῖς ὅπως δὴ συμπίπτουσι δυσπραγί-
μασι, πράως ἔφαρε τὴν ἐπ' αὐτῷ τῶν πλείστων διάχυσιν. Ἐνδιατρίφας δὲ
τοῖς ἀρχείοις ὁ βασιλεὺς καὶ πολλοὺς δωρεαῖς πιάνας, εἰς τὴν ἔω διαπερα-
νοῦται, то-есть, въ спискѣ пропущены стр. 605—607, Вонн.

Конецъ первой книги императора Алексѣя и начало второй въ
рукописи не отдѣлены. Л. 250=629, 2, Вонн. отличается нѣкоторыми
особенностями: χρημάτων τὴν εἰρήνην ἀλλάξασθαι. ἡρίψιμον δὲ οἱ πρέσ-
βεις τὰ ὑπὲρ εἰρήνης αἰτούμενα χρήματα. εἰς πλείστα χρυσοῖοι κεντηνάρια.
πρωβεύσαντα οὖν ἐς τὸν ῥῆγα πέπομφε τὸν Φιλοκάλιον Εὐμάθιον, ἔπαρχον
ὄντα τῆς πόλεως, ἐχόντως ὑποδύντα τὸν πρέσβυν καὶ δετηθέντα μετὰ τῶν
ἐπαρχικῶν παρασῆμων τῷ τῶν Ἀλαμανῶν ἐποφθῆναι ῥηγί. Ἐπεὶ δὲ τὰ τῆς
εἰρήνης ἐνεκα δοθησόμενα χρήματα, εἰς δέκα πρὸς τοῖς ἔξ περιέστησαν
κεντηνάρια, ὁ μὲν Φιλοκάλης τὴν τούτων ἀποστολὴν κατὰ Σικελίαν προσ-
εδέχετο. ὁ δὲ θεὸς λύει τὴν δύσιν ταύτην καινοπρεπῶς, θανάτῳ γάρ ἐξ ἀν-
θρώπων ὁ ῥῆξ ἐγένετο. οὐ ῥωμαίοις δὲ μόνον η̅ π̅ι̅ο̅ч., какъ 633, 7,
Вонн.

Все, что разказывается на стр. 637—653, въ рукописи пропущено.

Л. 253 на обор.=662, 19, Вонн. τοῦ δὲ δὴ βασιλέως ἐκ καχεΐας τῶν
ἄρθρων εἰσέτι πάσχοντος, σκῦθαι μετὰ μοίρας βλάχων τοῖς θρακικοῖς ἀπή-
εσαν μέρεσι καὶ ἐξ ἐφόδου ταυτὶ ἔχειρον. ὁ δὲ τὴν βιζύην φυλάσσων Ῥωμαί-
κός στρατός (какъ 664, 21, Вонн.)

Л. 254 (665, Вонн.) Τόμος δεύτερος.

Л. 255 на обор., послѣ словъ μηδέ πῶς=673, 7, Вонн., слѣдуетъ
μετ' οὐ πολὺ δὲ καὶ ἱβαγκὸς ἀφίσταται (675, 20).

Л. 259 на обор.=687, 12, Вонн. νῦν δὲ τὸ ἅγαν ἀρχικόν καὶ τὸ βοῦλεσθαι
τῷ βασιλεῖ ἐπίσης τὴν τῶν κοινῶν μετιέναι κἀκείνην διοίκησιν. καὶ σχεδὸν
τοῖς ὅλοις ἐπιστατεῖν καὶ τὸ δοκοῦν δεόντως ἀκριβωθῆναι, ἐπεσκότει ὡς ὀχ-
λὶς ἧλιον. ἀλλὰ μικρόν τι περὶ τῶν ἐν πέρασιν τὸ λέγειν διαλαβόν, τῷ τῆς
ἐξῆς ἱστορίας αὐθις ἀπτοίτο. τῷ ἱκονεῖ κλιτζασθλάν, ὃς ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις
η̅ π̅ο̅ч. какъ 689, 5, Вонн.

Л. 260=690, 22, Вонн., послѣ γίνεται: κἀκεῖθεν μεταχωρεῖ πάλιν ἐς
βασιλέα καὶ ῥωμαίοις συνῆν. τῷ δ' ἐξῆς εἶται μετὰ κομάνων ἐξιώντες πάλιν
οἱ βλάχοι, ἀσινεῖς ἐκανάλυσαν. τάχα δ' ἂν οὐ διέλυπον καθ' ἡμῶν ἐπώντες,

εἰ μὴ τὸ χριστιανικώτατον οἱ Ῥῶς γένος καὶ οἱ τούτων ἀρχικῶς προεδρεύοντες ὑποθιμούσαναι τοῦ κατὰ πνεῦμα σφῶν ἀρχικοίμενος. ἀξιάγαστον οἶον τὸ πρόθυμον, ἐπὶ τοῖς ῥωμαίοις ἐπαδείξαντο πράγμασιν. ὅθεν διὰ ταχέων παρασκευασάμενος ὁ τῆς Γαλιτζῆς ἡγεμὼν ῥωμανὸς и проч., какъ 692, 2. Затѣмъ, это любопытное мѣсто имѣетъ еще въ спискѣ слѣдующія особенноти: нѣтъ девятой строки (692, 9, Вонн.) изданнаго текста, пропушено также все со словъ πλὴν οὐδὲ τὰ δο χρεὼν μηδὲ τοῦτο, то-есть, 692, 12—20, Вонн.

Л. 261=694, Вонн. выпущенъ разказъ о Лагѣ.

Л. 262=698, 20, Вонн. καὶ βασιλεὺς ἐκ τῶν ἀνω θεώμενος, ἐμεγαλοπρεπύετο καὶ κατηλαζονέετο τὸ κατόρθωμα, и затѣмъ прямо κατὰ δὲ τοῖς χρόνοις τούτοις, то-есть, какъ на 706, 1, Вонн.

Л. 264=710, Вонн. Τόμος τρίτος τῆς βασιλείας κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, ἐνθα ἡ διήγησις τῶν συμβάντων τῇ μεγαλόπολει ἀνιαρῶν, какъ и вѣнскій списокъ.

Л. 284—царствованіе Алексѣя Дука Мурцуфла оканчивается словами: βασιλεύσας μῆνας δύο καὶ ἡμέρας ἐξ πρὸς ταῖς δέκα (755, 21, Вонн.); затѣмъ, на оборотѣ л. 284 особый заголовокъ Βασιλείας σύγχροισι, подѣ которыми читаемъ: τοῦδε δὲ βασιλέως οὕτω μεταναστεύσαντος, то-есть, 755, 22, Вонн.

Л. 299 на оборотѣ (791, Вонн.): Βασιλεία Βαλδουίνου.

Рукопись оканчивается на л. 308 словами: ἡ δὲ λοιπὴ ἐς τὴν ἀδριανῶ παρὰ πόδας ἰοῦσα ἐκεῖσ' ἐπιβάλλει στρατήγιον (по смыслу только соответствуетъ 811. 11 Вонн.) καὶ ταυτησὶ πεῖράται κατὰ κράτος ἐλεῖν. ἀλλ' ἐπεὶ ἀπέιρηκα τὰς τῶν οἰκειῶν συμφορὰς συγγραφόμενος. ἤδη δὲ καὶ τῆς ἐς ἔω μεταβάσεως ἅπας γίνομαι, ἐνταῦθα τοῦ λέγειν σχάσας, τοῦ τῶν κακῶν ἱλίγγου πεπαύσομαι.

Въ концѣ кодекса особая статья: Ἐκλογὴ σύντομος ἐκ τῆς θεοκνεύστου γραφῆς ἥτοι ἀπόδειξις τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, περὶ τῆς ἀγίας τριάδος...

Изъясняющъ считаю говорить, что существованіе списковъ краткаго текста исторіи Никиты, подобныхъ сейчасъ разсмотрѣнному, значительно упрощаетъ задачу исторической критики.

III. Codex № 1707. Это списокъ рукописи Никиты, не отмѣченный въ каталогѣ; онъ относится къ разряду списковъ пространнаго текста.

Л. 179 на оборотѣ: Τόμος ε' τῆς βασιλείας τοῦ βασιλέως κυρίου Μανουήλ, ἐν ᾧ καὶ ὁ κατὰ τῶν οὐγγρῶν πόλεμος καὶ ἡ νίκη τῶν ῥωμαίων.

Л. 191: особое оглавленіе: περὶ τῆς κατασχέσεως τῶν Βενετῶν.

Л. 215: περί δογμάτων κινηθέντων ἐπὶ τοῦ βασιλέως κυρίου Μανουήλ.

Л. 258: περί τοῦ κομνηνοῦ Ἰσακίου ὅπως κατέσχε τὴν κύπρον.

Л. 288, гдѣ идетъ рѣчь о низверженіи Андроника, па полѣ: ἐκ τῶν ὧδε θρήνων πολλῶν ἄξια.

Л. 311: ἀποστασία τοῦ Μαγχαφᾶ.

Л. 312: διέλευσις τῶν ἀλαμανῶν ἀπερχομένων εἰς παλαιστίνην. Особымъ также краснымъ заголовкомъ отдѣленъ разказъ о смерти императора Германскаго Фридриха I.

Л. 365: περί τοῦ δόγματος τῶν θεῶν μυστηρίων.

Рукопись оканчивается на л. 423 словами: ἀκαθῆς ὑπέστρεψε καὶ τὴν Κωνσταντίνου κατέλαβεν, то-есть, 853, з, Вонн.

IV. Codex № 3041. Въ странномъ видѣ сохранившаяся, но весьма богатая содержаніемъ рукопись. Она открывается письмами и мелкими статьями различнаго содержанія. Таковы письма: τῇ ἀγίᾳ δεσποίνῃ καὶ μητρί (л. 2), τῇ πρωτοσεβαστῇ, τῇ Κυδώνῃ, τῇ Καβάσιλᾳ, τῇ ἀγίᾳ δεσποτῇ, τῇ πορφυρογεννήτῃ (л. 8), τῇ Ἀσάνῃ κυρῇ Κωνσταντίνῃ (л. 12, 15), Ἀνδρῇ τῇ Ἀσάνῃ (л. 86) и др.

Л. 137 начинается словами: ταύτας ὡς πτέρυγας εἰς κίνησιν πτήσεως ὑπεστέιλато τὸ πνεῦμα μετακαπτόμενος. ἐπεὶ δέ ποτε φορὸν παρεῖναι καὶ οὐρίον δέδοκτο διατινάζεται πτήνου δίκην... Изъ послѣдующаго можно заключить, что здѣсь начинается исторія Никиты; по смыслу приведенное соотвѣтствуетъ 161, з, и сл., Вонн.

Л. 152: ἦν καὶ ἀληθῶς ὡς οὐδέποτε τῇ Ῥωμαίων τοσαῦτα παρὰ τοῦ συνέβη κακά. ὡς καὶ ὄνομα τεθῆναι τοῦτῃ ἐκ κυνὸς τὴν ἐπικλήσιν ἔχων и потомъ идетъ рѣчь о Борисѣ Волгарскомъ, то-есть, здѣсь начинается Акрополита.

Л. 188. καὶ κλήρους πόλεων καὶ χωρῶν ἤρξαντο βάλλειν, то-есть, Никита, 787, ю, Вонн.

Л. 191 опять отрывокъ изъ Акрополиты, но на л. 194 слѣдуетъ Никита. Словомъ, тетради и листы вшиты безъ послѣдовательности, все перепутано и перемѣшано.

Л. 219 начинается заголовкомъ Nicetae Choniatae Annales im compendium redacti, ватѣмъ: πλεῖον τῆς μεθ' ἑαυτοῦ συγγενείας διαφῆκεν εἰς τὴν πρόοδον τοῦ πατρός. ἡμερῶν δὲ συχῶν διαγενομένων τῶν τε κοινῶν πραγμάτων ὑφῆπτετο καθάπερ ἤρεῖτο, то-есть, 12, зз, Вонн.

Л. 247. Хотя на предыдущемъ листѣ замѣчено quaege fol. 137, но текстъ л. 247 совсѣмъ не представляетъ продолженія того, что находится на 137 и слѣдующихъ листахъ. Л. 247 начинается такъ: αὐτὸν οὐ μόνον νέον ὄντα κατὰ τὴν ἡλικίαν, ἀλλὰ καὶ... ἄνδρα πανοῦργοι καὶ πονηροὶ

κατέπεισαν αὐτὸν—ὑπογράψαι ζητήματα ἃ ἐζήτησαν αὐτὸν ἅτινα οὐ δυνατόν ἦν ἐκπληρωθῆναι. Καὶ πάντα τὸ μειράκιον ποιῆσαι συνέθετο. ὑπεσχέθη δοῦναι αὐτοῖς καὶ βοήθειαν κατὰ Σαρακηνῶν ἀπερχομένους, κάτορτα πεντηκοντα μετ' αὐτῆς ἐξόδου αὐτῶν. Τὸ δὲ δὴ μείζον καὶ ἀτοπώτατον παρατροπήν τῆς πίστεως ὅποια τοῖς λατίνοις ἀσπάζεται καὶ καθὼς σήμερον οἱ λατίνοι λέγουσιν.... Καὶ δὴ ὁ μὲν στόλος τὰ σχοινία λύσας ἔρχεται πρὸς ἰάδαρα ἢ κουρσεύων καὶ ἀφανίζων αὐτούς. οὕτω γὰρ ἔδοξε ποιῆσαι τῷ Βενετίας, ὡς τὰς παλαιὰς ἃς εἶχον συμβηβάσεις καταλύσαντες. Выписанное мѣсто соотвѣтствуетъ 715, 11, Вонн., хотя текстъ боннскаго изданія по смыслу только, а не по редакціи, соотвѣтствуетъ тексту рукописи. Страничный образъ, въ рукописи, принадлежащую къ разряду списковъ пространнаго текста, занесенъ парафраза. Такимъ образомъ, нашъ списокъ отличается не только тѣмъ, что въ немъ снутапа исторіи Никиты съ произведениемъ Акрополиты, но еще и тѣмъ, что здѣсь смѣшаны два извода текста исторіи Никиты. Замѣтимъ кстати, что съ л. 247 начинается рукопись другой руки.

Продолженіе исторіи совершенно соотвѣтствуетъ характеру списка третьей группы (флорентійскій, извлеченіи изъ котораго даны въ I-мъ томѣ *Pistorigens Graec.*), то-есть, представляется ничѣмъ инымъ, какъ перифразомъ первоначальнаго текста. Сдѣлавъ еще выписку л. 250 на обор. и 251. (726, Вонн.): 'Ο μὲν οὖν βασιλεὺς 'Αλέξιος οὕτως ἐπορεύετο εἰς Δεβελτὸν καθὼς εἶπον ὑπ' οὐδενὸς διωκόμενος, ἔστι δὲ ἀληθὺς—καὶ γυνὴ πονηρὰ κακόν. καὶ τὸν ἄνδρα αὐτῆς πλέον βλάπτουσα ἢ ὠφελοῦσα. καθὼς καὶ τις τῶν παλαιῶν πρὸς τινα κακῶς παθόντα εἰς τὴν αὐτοῦ βασιλείαν ἀπὸ τῶν συμβουλιῶν καὶ παραινέσεων τῆς αὐτοῦ γυναικὸς, εἶπε· καὶ οὗτος δὲ ὁ βασιλεὺς τὴν αὐτοῦ προσκείμενος γυναικὴ δι' ὅλου δὲ τὰ αὐτῆς ἐκπληρῶν θελήματα καὶ βουλευματα, χειρότερος ἐκείνης καὶ δυσκολώτερος ἐφάνη· τί γὰρ κακὸν οὗτος οὐ μὴ ἐποίησε; Καὶ ὑπὸ πάντων μισηθεῖν καὶ εἰς κίνδυνον μέγαν ἐλκύσει καὶ βαλεῖ τὸν ὑποτασσόμενον αὐτῇ λαόν. Καθὰ δὲ καὶ οἱ ῥωμαῖοι οὕτως ἐπαθον δυστυχῶς τοιοῦτους βασιλεῖς ὑποτάξαντες, βαθύμους καὶ χαλαροὺς καὶ μὴ δὲ ἄλλο γυρεύοντας, ἢ τρυφὰς καὶ ἀναπαύσεις σωματῶν, καὶ τοῦ παρόντος βίου ἀπόλαυσιν... Рукопись оканчивается на л. 283 словами: μήπω δὲ τῆς συμμαχίας ἐλθούσης ἀπὸ τῆς πόλεως νόσος εἰσῆλθεν εἰς τὴν στρατιὰν ἀπὸ τῆς δυσωδίας καὶ τοῦ βρώμου τῶν νεκρῶν σωματῶν καὶ τῆς ἀσυνήλου τροφῆς ἧς ἐτρέφοντο. διὰ τοῦν τῆς νυκτὸς ἀπάραντες ἀπὸ τοῦ τοιοῦτου τόπου ἤλθοσαν ἐπὶ τῷ πάμφυλον θέλοντες ἐν τοῖς ἐκείσε χωρίοις ἀναπαυοῦσθαι ἀπὸ τῶν ἀνοφελῶν ἐκείνων καὶ πολλῶν κόπων. οὐχ οὗτο δὲ μόνον ὑπὸ... (824, 15, Вонн.).

V. Codex graecus № 1234. Рукопись весьма важная по содержа-

нію, въ листъ большого формата (394 листа), довольно ветхая, письма XIV вѣка. На листѣ второмъ: Μοιφδία τοῦ παναγιωτάτου μητροπολίτου 'Αθηνῶν κυροῦ Μιχαήλ τοῦ Χωνιάτου, три листа. Этотъ памятникъ изданъ Минъемъ въ его Patrologiae Cursus Completus, но не совсемъ исправно, чтобы не сказать больше. Г. Ампрось, приготовляющій къ изданію сочиненія Миканла Акомината, имѣлъ возможность сличить изданный текстъ Молодія по тремъ, если не ошибаюсь, спискамъ. Наша рукопись во многихъ мѣстахъ попорчена, и притомъ письма причудливаго, что значительно затрудняетъ пользованіе ею. Но въ то же время кодексъ этотъ способенъ вполне вознаградить читателя, преодолевшаго трудности почерка и освоившагося съ маперой писца: въ срединѣ кодекса есть большая тетрадь, выпитая по ошибкѣ, совершенно особаго содержанія.

Л. 4: ἐκ τῆς διόπτρας τοῦ μαχαρίου Αὐγουστίνου.

Л. 8: Thesaurus Nicetae. Συλλογὴ τῶν ὅλων σχεδὸν δοξῶν καὶ αἱρέσεων. Καὶ ἱστορία τῶν ἀποτεκόντων αὐτὰς ἀνδρῶν. Ἐκὶ δὲ καὶ ἀντιρρήσεις ἐπ' ἐνιαίαις τοῦτοι καὶ μάλιστα ταῖς καλαιοτέραϊς. Καὶ ἕτερα ἅπαντα χρήσιμα τοῖς εὐσεβεῖσι πονηθέντα παρὰ τοῦ σεβαστοῦ Νικητῆ τοῦ Χωνιάτου. τοῦ καὶ γεγονότος χριτοῦ τοῦ βῆλου ἐπὶ τῶν κρίσεων. ἐφόρου. γενικοῦ ἐπὶ τοῦ βασιλικοῦ κοιτῶνος, ἔπειτα δὲ καὶ μεγάλου λογοθέτου τῶν σεκρήτων. Полное оглавленіе содержанія Паноплии см. на л. 7 (начало) и на л. 1 (продолженіе).

Значеніе этого сочиненія Никиты для исторіи Византіи XII вѣка не подлежитъ сомнѣнію. Въ особенности въ тѣхъ частяхъ безспорна его важность, гдѣ идетъ рѣчь о церковныхъ событіяхъ, современныхъ писателю. Это сочиненіе не было еще опубликовано во всемъ своемъ объемѣ: у Манья изданы лишь отрывки изъ нѣкоторыхъ книгъ. Тому, кто захочетъ ознакомиться съ внутреннею исторіей Византіи XII вѣка, и въ особенности съ исторіей церкви, необходимо ознакомиться съ нашею рукописью. Не нужно однако преувеличивать дѣла. Тамъ, гдѣ Никита идетъ по слѣдамъ Евенімія Зигабена, онъ воспроизводитъ съ дословною точностью текстъ своего предшественника. Мы сличили 19-ю книгу Никиты, трактующую о Богомилахъ, съ соотвѣствующею по содержанію частію Паноплии Зигабена и нашли, что Никита не сдѣлалъ почти никакихъ измѣненій въ списавшомъ имъ текстѣ Зигабена. У Никиты находимъ даже тѣ мѣста изъ сочиненія Зигабена, гдѣ этотъ послѣдній говоритъ о своихъ личныхъ наблюденіяхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Богомилами:

Л. 287 на обор. Ἐρωτηθεὶς παρ' ἡμῶν ὁ τῆς αἱρέσεως αὐτῶν ἑταρχος, πῶς ἀποδοκιμάζει τοὺς ἀγίους ἱεράρχας καὶ τοὺς μαχαρίους πατέρας ὧν τὰ

λείψανα θαυματουργοῦσι, διάρας τὰ βέβηλα χεῖλη ἐθερεύετο λόγον πονηρόν. εἶπε γάρ ὅτι συγκεκλήρωνται τούτοις οἱ δαίμονες οἱ διδάξαντες αὐτοὺς ἐτι ζῶντας· οἱ καὶ τοῖς τάφοις αὐτῶν παραμένοντες τραπουργοῦσιν εἰς πρόσωπον αὐτῶν, ἵνα τοὺς ἀνοήτους ἐξαπατήσωσι καὶ πείσωσι τιμᾶν τοὺς ἀνάγνους ὡς ἁγίους. τοσαῦτα γὰρ δύνασθαι τοὺς δαίμονας ὅσα καὶ βούλονται λαβόντας ἄνωθεν ἐξουσίαν ἄχρι πέρατος τῶν ἐπτά αἰώνων. ἀλλ' πόθεν τοῦτο μεμαθηκὼς ἔχεις ὧ λῆρε καὶ παρήφορε...

Ibidem: Ἐρωτηθεὶς αὐτὸς παρ' ἡμῶν ὁ δηλωθεὶς ἑξαρχος τῆς αἰρέσεως πῶς οἱ δαιμονιῶντες προστρέχουσι τῷ σταυρῷ καὶ καθυλακτοῦσι, ἀπεκρίνατο φιλεῖσθαι μᾶλλον τὸν σταυρὸν ὑπὸ τῶν ἐνοικούντων αὐτοῖς δαιμόνων ὡς οἰκεῖον ἔργον. αὐτοὶ γάρ φησι τοῦτον κατεσχεύασαν εἰς ἀναίρεσιν τοῦ σταυρός...

Л. 289: Λέγουσι οὐκ ὄναρ μόνον, ἀλλὰ καὶ ὕπαρ (?) βλέπειν τὸν πατέρα μὲν ὡς γέροντα βαθυγένειον, τὸν δὲ υἱὸν ὡς ὑπηνήτην ἄνδρα, τὸ δὲ πνεῦμα τὸ ἅγιον ὡς λειοπρόσωπον νεανίαν. τῶν δαιμόνων εἰς τὰ εἶδη ταῦτα ῥαδίως μετασχηματιζομένων καὶ ἐξαπατώντων αὐτούς... Στολίζονται κατὰ μοναχοὺς καὶ τὸ σχῆμα τούτων ὡς δέλεαρ παραβάλλονται τῷ κωδίῳ τὸν λύκον ἀποκρύπτοντες ὡς ἂν εὐλαβῶς διὰ τὸ σχῆμα παραδεχόμενοι καὶ χῶραν ὀμιλίας λαμβάνοντες ἀνυπόπτως διὰ τῆς χρηστολογίας ἐναποπτύωσι τὸν ἱὸν ταῖς ἀχροαῖς τῶν ἀχρωμένων...

Особенного содержания тетрадь начинается съ листа 260. Она сохранила и нумерацию кодекса, часть котораго составляла прежде (62 и сл. листы).

Она начинается слѣдующимъ заголовкомъ: ἐκ τῶν ἐπιστολῶν... περὶ τῶν Λατίνων.

На слѣдующемъ листѣ: Χρὴ γινώσκειν πάντα χριστιανόν, ὅτι ζ' εἰσὶν ἅγιοι οἰκουμένικαι σύνοδοι.

(Л. 263 на обор. Τόμος ἐνυπόγραφος γεγωνὼς περὶ τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου κυροῦ Μιχαὴλ καὶ τῶν ὑπ' αὐτὸν πάντων ἀρχιερέων εἰς τὸ βασιλεῖον τότε ὁμολογεῖν τὸν Λάσκαριν κῦρ Θεόδωρον καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ κῦρ Νικολάον καὶ δέσποιναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ...?)

Особенно обратили на себя наше вниманіе слѣдующіе листы:

Л. 263. Первые строки можно разобрать лишь на половину... τοῦ ἡμῶν διὰ τοῦ παρόντος αὐτῆς ἐντάγματος ἐχωρεῖ σοι... τῷ καθηγουμένῳ τῆς μονῆς ἐπονομαζομένης... ὡς πνευματικῷ πατρὶ προσιόντων σοι... καὶ πρὸς τὰς τῶν ψυχικῶν νοσημάτων....

Τοῦ αὐτοῦ καὶ τῆς κατ' αὐτὸν μεγάλης σύνοδον πρὸς ἅπαν τὸ στρατιωτικὸν καὶ συγγενὲς καὶ οἰκεῖψ τῷ βασιλεῖ μᾶλλον δὲ ἐπὶ τοὺς ὑπάρχους τοῦ βασιλέως καὶ στρατιώτας ἅπαντας. Начало: Ἄνδρες Ρωμαῖοι. τοῦτο γάρ

ἀρκεῖ καὶ μόνον τὸ πρόρρημα... Значение и мѣсто, какое слѣдуетъ дать этому произведенію, видно изъ слѣдующихъ словъ: ζῆλον ἀνελάβεσθαι... καὶ ἐκκαυθῆναι τὰς καρδίας καὶ ὑπερζῆσαι τῷ δικαίῳ θυμῷ κατὰ τῶν ἐπερχομένων ἡμῖν ἀδίκων καὶ ἀλαζόνων ἐχθρῶν... οὗς συντρίψει Κύριος κατὰ τὴν προφητείαν πεποιθάμεν... То-есть, вѣроятно, это слово, произнесенное передъ императоромъ Θεοδωρομъ Ласкаремъ πατριάρχомъ Μιχαήλμъ Αὐτοριανомъ.

Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν βασιλέα τὸν Λάσκαριν. Κράτιστε. Θεόσταπτε. Θεοπροϋρρητε, ἄγιε δέσποτά μου καὶ βασιλεῦ. Ἡμεῖς τὸ λάχος τὸ σὸν.... σὲ μόνον ἐν τοῖς ἄρτι στενοῖς ἀναφυχήν καὶ πλατυσμὸν καρδίας εὐρίσκοντες....

Л. 263 на оборотѣ. Τόμος ἐνυπόγραφος γεγωνὸς περὶ (παρὰ) τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου χοροῦ Μιχαήλ καὶ τῶν ὑπ' αὐτὸν πάντων ἀρχιερέων εἰς τὸν βασιλέα (βασιλεῖον) ὁμολογεῖν τὸν Λάσκαριν κύριον Θεόδωρον καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ κῆρ Νικολάον καὶ δέσποιναν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ.... Πачало: Ἐν ἐν καλοῖς τοῖς εὐεργέταις ἀμείβεσθαι καὶ σπουδαιότερον ἀντεισφέρειν τὴν εὐνοίαν.... Это любопытный памятникъ присяги на вѣрность новому императору. Въ воспоминаніе, говорится дѣлѣ, ὑπὲρ ἡμῶν ἀπείρους χαμάτων καὶ μεγάλους καὶ πολλοὺς ἀγῶνας κατὰ τῶν πολεμίων τῶν νῦν εἰσέρποντε βαρέως καθ' ἡμῶν ἐπεισφρησάντων ἀλαζόνων ἐχθρῶν διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν. καὶ τοῖνον συναλθόντες ἡμεῖς — ἐν τῇ Νικαέῳ πόλει ἀρχιερεῖς — τομολογραφοῦμεν τὰ παρόντα, δι' ὧν καὶ διαβεβαιούμεθα ἐν κυρίῳ Θεῷ ἡμῶν — καὶ ταῖς οἰκείαις ὑπογραφαῖς ἑαυτοὺς ἐμπεδοῦντες ὁμολογοῦμεν, ἵνα φυλάσσωμεν εἰς σέ.... πίστιν καθαρὰν καὶ εὐνοικωτάτην διάθεσιν, καὶ (οὐ) φρονήσωμεν ἢ μελετήσωμεν ποτε κατὰ σοῦ ἢ τοῦ σώματος, ἢ τῆς βασιλείας σου. ἀλλ' οὐδὲ ἐτέρῳ τινὶ ἐχθρῷ καὶ πολεμῖ τῆς βασιλείας σου συμφρονήσωμεν, ὁποῖος ᾖ καὶ εἴη οὗτος ῥωμαῖος ἢ ἐθνικός.... ἢ καὶ αὐτοὶ οἱ ἔκγονοι τοῦ κυρίου Ἀνδρονίκου.... Конецъ: μελήσει μέντοι τοῖς συναδελφοῖς ἡμῶν τοῖς τῆς μεγαλοσύνης, καὶ τοὺς ὑπ' αὐτοὺς θεοφιλεστάτους ἐπὶ.... οὗς παρασκεῦασαι ποιῆσαι κατὰ τὴν ἡμετέραν ἐπίκρισιν.

τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου εἰς τὸν βασιλέα τὸν Λάσκαριν ἐπιστολὴ ἐκχωροῦσα ἔχειν εἰς πνευματικὸν πατέρα, ᾧ αὐτὸς τὸ ἐνδόξαμον ἐπώρεξεν ἱερομναχὸν Μάξιμον (Μάξιμ).

Письмо безъ коуца; въ немъ идетъ рѣчь едва ли не о будущемъ патриархѣ Максимѣ II (1215 г.). Сначала похвала добродѣтелимаго Максима: Получивъ ваше письмо, я позналъ честибѣднаго отца Максима: ὁ δὲ ἄρρωγίας μὲν εἶχε καὶ τοὺς πόδας ἀλγῶν, ἤλλῃ δὲ ὁμῶς παρόντων σὺν ἡμῖν καὶ τῶν πανοσίων τοῦ τε πανοικειωτάτου τῇ βασιλείᾳ σου μυστικού καὶ τοῦ προκαθημένου....

Λ. 264. Рядъ постановленій о бражѣ, изъ которыхъ первое относится къ 6533 году.

Λ. 265. περί τοῦ ἐξαχιστείας ἐκ τοῦ βαθμοῦ.

Λ. 266. πράξις συνοδική περί τοῦ τοιούτου ζητήματος.

Λ. 267. τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου κύρ Μιχαήλ τοῦ Λυτρωαίανου γνώμη δοθεῖσα ἐπὶ τῷ συναλλάγματι τοῦ πρωτοβεστιαρίου κυρίου βασιλέως τοῦ Κομνηνοῦ καὶ τῆς θυγατρὸς Βραναίνης.

Изъ писемъ Никейскаго патріарха Германа по тому же предмету. ἐξ ἐπιστολῆς τοῦ Ἀμαστρίδος κυρίου Νικολάου τοῦ Καλοήτους πρὸς τὸν Κομνηνὸν κύριον Δημήτριον τὸν Ὀρνίκιον.

Ἐπιστολὴ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικηφόρου πατριάρχου Κωνσταντίνου πόλεως τοῦ Ὁμολογήτου, — разные вопросы по церковной практикѣ, и отвѣты на нихъ, числомъ 17.

Статья патріарха Ιωσαφα τοῦ Ὁμολογήτου.

Λ. 270. Ἵσον ὑπομνήματος ἐναποτεθειμένου τῷ ἐν Κωνσταντινὸν πόλει εὐαγεῖ χαρτοφύλακι τοῦ πατριάρχου κύρ Ἀλέξίῳ περί τῶν διὰ δωρεᾶς λαμβανόντων μοναστηρίων. Καὶ περί τινων ἄλλων ἀναγκάσιων ἐκκλησιαστικῶν ὑποθέσεων ταῖς μητροπόλεσι, ταῖς ἀρχιεπισκοπείαις καὶ ταῖς ἐπισκοπείαις ἀνηκουσῶν.

Ἀλέξιος ἐλέφ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ὑψίης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. Начало: Μετὰ τῶν ἄλλων ἀπάντων παρατρέχων ὁ χρόνος καὶ τὰς πατριαρχικὰς ἐκαινοτόμησε δωρεὰς, καὶ τὰς ἐπὶ διαμονῇ καὶ εὐθηνίᾳ καὶ πλατυσμῷ τῶν ἱερῶν φροντιστηρίων πράξεις. Определение: ἄλλ' ἢ μετριότης ἡμῶν — διορίζεται μήτε μετένευιν ἀπὸ τοῦ παρόντος μοναστηρίου γίνεσθαι οἰανδήποτε, ἀπὸ τοῦ διὰ δωρεᾶς κατήχοντος τοῦτο εἰς ἕτερον πρόσωπον, ἄλλ' εἰ καὶ γένηται ποτε, ἄκυρον εἶναι ταῦτα καὶ ἀδεκτον καὶ εὐθύναις ἐνοχον ταῖς ἀρμοδιωτάταις μήτε γυναῖκα οἷας ἂν εἴη τύχης ἀνδρείῳ δεσπόζειν μοναστηρίου, ἢ τοῦναντίον ἄνδρα γυναικεῖον.... Конецъ: — τῇ ἡμῶν ἀναφέρειν μετριότητα ἢ καὶ τῷ θεοφιλεστάτῳ χαρτοφύλακι καὶ τοῖς περὶ αὐτὸν εὐλαβεστάτοις διακόνους καὶ πατριαρχικοῖς νοταρίους προτροπῇ τούτων καὶ συναισέσει ἐγγράφῳ προβαίνειν τὴν ἐκδοσιν. Между подписавшими это определение именами встрѣчаемъ Ἀγάπητος Ἀδριανουπόλεως, Μιχαήλ Ἀθηνῶν. Июля 11-го 6535 года.

Λ. 270 па оборотѣ. Τοῦ αὐτοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου ἕτερον ὑπόμνημα περί διαφορῶν ἐκκλησιαστικῶν ὑποθέσεων ἀνηκουσῶν πάσαις ταῖς μητροπόλεσι καὶ ἀρχιεπισκοπείαις καὶ ἐπισκοπείαις. Ἀλέξιος ἐλέφ θεοῦ.

Начало: Τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων ἐκάστῳ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων τὴν ἐξουσίαν ἐπιτεπόντων πραγμάτων....

Подписали между другими: Θεόδωρος Χαλκηδόνος, Μιχαήλ Ἀθηνῶν,

Ἀνδρόνικος Χερσῶνος, Ἰωάννης Βοσπόρου, Ἀρσένιος Σουγδίου. Мѣсяца ии-
наря, 11 иидиет. 6536 годѣ.

Λ. 271 на оборотѣ: Λόγος χρυσός (χρυσόβουλλος) τοῦ βασιλέως κυρίου
Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ περὶ τῶν ἱερῶν. Начало: Οἱ πυνηρῶς τοῦ σώματος
ἔχοντες καὶ θεραπείας ἱασίμου δεόμενοι. Конецъ: γεγενημένον κατὰ τὸν
αὐγουστον μῆνα τῆς ε΄ ὧς ἐν εἴτῃ τῷ 6590 ἐν φ΄ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβές
καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημνήματο κράτος.

Λ. 272. Τοῦ ἐν ἁγίοις ἀειμνήστου καὶ μακαρίτου μητροπολίτου Ἀμα-
σειᾶς κῆρ Νικήτα περὶ τῆς ἐν τῷ πατριαρχείῳ γινομένης φιλονεικίας διὰ
τὰς ψήφους. Начало: Καλοῦμαι ἐν ταῖς ψήφοις ὡς σύμφηφος. Конецъ: ἡ
θολερὰ τῆς ἐκκλησίας ἀνατροπὴ τὸ τὰς πάντων διανοίας τῇ ματαιᾷ προλήφει
ἐπισκοποῦν καὶ συσκιᾶζον τὴν ἀλήθειαν.

Λ. 272. Σημείωμα συνοδικὸν διὰ τὰ πατριαρχικά σταυροπήγια. Начало:
Μηνὶ νοεβρίῳ κζ΄ ἡμέρᾳ δζ΄ ὧς προκαθημένου τοῦ ἀγιωτάτου ἡμῶν δεσ-
πότου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κῆρ Γεωργίου ἐν τοῖς θεῖσις ἀλεξίπλοκ
κατηχουμενεῖς, συνεδριάζοντων. Конецъ: ταῦτα παρεκβλήθεντα ἀπὸ τῶν
ἡμερησίων συνοδικῶν παρασημειώσεων καὶ τῇ ὑπογραφῇ καὶ σφραγίδι τοῦ
τιμιωτάτου χαρτοφύλακος τῆς ἀγιωτάτης τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας Εὐστα-
θίου τοῦ χανδρηνοῦ βεβαιωθέντα—ἔτους 6700.

Λ. 273. Μηνὶ Ἰουλῇ ια΄ ἡμέρᾳ δ΄ ὧς προκαθημένου τοῦ ἀγιωτάτου
ἡμῶν δεσπότου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυροῦ Μιχαὴλ ἐν τῷ Θωμαίτῃ
συντακτοῦντος τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Ἀντιοχείας κυροῦ Κυρίλλου, τοῦ
Ἱεροσολύμων κυροῦ Νικήφορου — τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Ἀθηνῶν
καὶ ὑπερτίμου κυροῦ Νικολάου — τοῦ πρωτοκουροπαλάτου καὶ κοιαιστωρος
Γεωργίου, τῶν κουροπαλάτων καὶ κριτῶν τοῦ βήλου τοῦ Μοναστηριώτου Λέον-
τος, τοῦ Μεσαρίτου Κωνσταντίνου... вѣ присутствіи архіереевъ (такимъ-
то) Ὅπως μὲν τὸ συμπαιῆς... Конецъ: ἐνθρονιζόμενος.

Λ. 273 на оборотѣ. Ὑπόμνησις γενομένη παρὰ τινος ἱερέως πρὸς τὸν
ἱερώτατον μητροπολίτην Κρίτης κυροῦ (κῆρ) Ἠλίας (?) περὶ τῆς προσκομιδίας.
Начало: δέσποτά μου ἄγιε ἵνα μοι δηλωθῇ.

Тамъ же Ἱστορία μυσταγωγικὴ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας Γερμάνου ἀρχιε-
πισκόπου Κωνσταντινουπόλεως. Καὶ μετ' ὀλίγα λέγει περὶ τοῦ ἄρτου τῆς
προθέσεως.

Λ. 273. 274. Νικολάου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως περὶ τοῦ πῶς
οὔφειλει ποιεῖν ὁ ἱερεὺς τὴν προσκομιδὴν.

Эта тетрадь въ 12 листовъ, случайно попавшая въ codex № 1234,
представляетъ собою весьма важный матеріалъ для исторіи XI, XII и
частію XIII вѣковъ и вполне заслуживаетъ изданія. На днѣхъ я спро-
силъ въ Национальной библіотекѣ codex № 1234, чтобы сдѣлать фѣ-

сколько сирасокъ и дополненій въ моихъ коніяхъ съ этой рукописи. Но кодексъ находится теперь въ рукахъ г. Е. Миллера, отъ котораго я узналъ, что онъ предполагаетъ списать и опубликовать статьи, указанные мною выше.

VI. Codex № 37. Supplementum (по рукописному каталогу) Théodore Dusa Lascaris. Нѣкоторыя сочиненія Ласкаря имѣютъ несомнѣнный интересъ для исторіи Византіи XIII в., а нѣкоторыя любопытны въ историко-литературномъ отношеніи.

л. 1. Θεωδωρου δούκα τοῦ Λάσκαρι τοῦ υἱοῦ τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως, κυρίου Ἰωάννου τοῦ δούκα, ἐγκώμιον εἰς τὸν πατέρα αὐτοῦ, τὸν αὐτὸν ὑψηλοτάτον βασιλέα κύριον Ἰωάννην τὸν δούκαν.

Обладая нѣкими недостатками, свойственными произведеніямъ подобнаго рода, похвальное слово Θ. Д. Ласкаря тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія: оно построено на почвѣ историческихъ событіи второй четверти XIII в. и бросаетъ оригинальнѣйшій взглядъ на царствованіе І. Д. Ватаца. Листъ 3: ἀλλὰ στρέφεις κημὸν καὶ χαλινοῖς σταγὼνα τὴν ἀναιδῆ τα καὶ βουλγαρικὴν, καὶ τρώγλαις τούτους ἐγκρίπτεις καὶ φορολογεῖς αὐτοὺς ἐναργῶς, καὶ τὴν ὑποῦλων τούτων ἐλέγχεις διωμένειαν, καὶ κατακρύπτεις περὶ κρημνούς, καὶ λαφυραγωγεῖς συχνάκις τὰ τῆς αὐτῶν γῆς ὄρη ἄββατα, βάσιμα τιλεῖς τῷ σφῷ στρατεύματι—καὶ ἐλέγχεις τὰς παμφευθεῖς καὶ βεβήλους αὐτῶν ὑπουλότητας — τί δὲ τούτους οὐκ ἐνθυμίζεις ἀναμνηστικῶν τὴν ἀρχαίαν δουλότητα, τῆς ῥωμαικῆς εὐνοίας τὴν ἀποκλήρωσιν ἐξ αὐτῶν, τὴν δουλόσηνον ὑπακοήν καὶ ταπεινώσιν, ἣ αὐτονόμους καὶ αὐτοκεφάλους τοὺς ἀκεφάλους παραλείπας.... Л. 4. τῆς βουλγαρικῆς παροιονίας τοσοῦτον κατεπεκράτησας, ὡς μηδὲ πρεσβεῖαν δύνασθαι ποιεῖν αὐτούς — τρέμει σε ἀπειλοῦντα, νοουετοῦντα δὲ δίττεται, καὶ τοὺς πρῶην μῶλοπας ἐνορῶν σωφρονίζεται ὁ ἐπίορκος... πάλιν ἐν серβикаῖς δίνησιν ὁ σὸς φόβος εἰςδύς, ἐκ τρώγλης νῦν τὸν αὐτῶν ἐθνάρχην ἐξήγαγε, καὶ ἰχνη τῶν σῶν ποδῶν ἀσπάζεσθαι ἔπεισε.... συνάγεις γὰρ τὰ μέλη, ὧ μέγα κára, πρὸς σὲ φιλεσπλάγχχνως, καὶ νουθετεῖς.... Листъ 12. ὑπὸ τῆς λατινικῆς, καὶ персикῆς, καὶ βουλγαρικῆς καὶ схиτικῆς, καὶ ἐτέρας πολοархίας ἐθνικῆς καὶ турманникῆς, τὴν αὐσονιτιда γῆν μερσашеῖσαν митархῶς, εἰς ἐν ταύτην συνήγαγε, καὶ τοὺς ἀρπαγας ἐμαστιγῶσε, καὶ τὸ λάχος τούτου ἐφύλαξε, καί.... τὸν ἀρχαῖον ὄρον ἡμῶν ἀνήγειρε καὶ ἀνῶρῳσε καὶ τρόπαιον ἀρετῶν ἀνεστήριστο, καὶ εἰς ἐν τὸν ἀρχαῖον ὄρον τετμημένον πρῶην καὶ διασπασμένον συναγαγὼν, καὶ κύκλωσε στῆλας ἀνδραγαθημάτων προθέμενος, ἄβατον τοῖς ὑπεναντίοις τὸ ἡμέτερον λάχος πεποίηκε....

Листъ 17. Τοῦ αὐτοῦ Θεωδωρου δούκα τοῦ Λάσκαρι ἐγκώμιον εἰς τὴν μεγαλόπολιν Νίκαιαν. Ἐστὶν вельма хорошія мѣста, въ особенноти от-

носитељно роли, какоу играа Никеа въ судьбахъ имперіи. Л. 17 на оборотѣ: κόσμος καὶ γὰρ πόλεως οὐδέν ἐστι ἕτερον, ἢ ἄνδρες σεμνοπρεπεῖς, λόγῳ καλλοπιζόμενοι, καὶ ἐπιστήμῃ φιλοσοφίας, καὶ ἑαυτοὺς καὶ τὴν πόλιν καλλοπίζοντας καὶ δοξάζοντες... Листъ 20. πολλαὶ νῦν πόλεις ἐποίησαν δύναμιν, πολλαὶ εἰργάσαντο δόξαν, πολλαὶ τὴν τοῦ οἰκείου γένους ἀρχὴν ἐστερέωσαν, οὐ δ' ὑπέρχεσαι καὶ ὑπερήρας πασῶν, ἐπειδὴ πολλαχῶς ἡ ῥωμαίων ἀρχὴ μερισθεῖσα παρὰ τῶν ἐθνικῶν στρατευμάτων καὶ ἡττηθεῖσα... ἐν σοὶ μόνη ἡδράσθη τε καὶ ἐστηρίγη τε καὶ ἐκαθίσθη... Листъ 21. Κοιμῶν Κωνσταντιнопόλις ποδεκλονιγὲς σиюу вѣмъ чужеземномуу ярму и не моиги оберегать другіе города... οὐ μόνη μέσον ὥσπερ ὄπλον ἀγχείμαχον εἰσέπηδσας, τῆς ἰταλικῆς ἰσχύος τὴν σηπεδόνα ἀποχρουμενὴ καὶ ἀλοκότητι στρατηγίας δηλονότι καὶ εὐσεβείας, τὴν αὐτῶν σεσθλωμένην ὄφρην ταπεινῶσα καὶ ἀτιμάζουσα, ταῖς δὲ περσικαῖς ἐκδουμαῖς ἀντιταττομένη καὶ τὴν ἦσαν αὐταῖς ἀεὶ συναρμόττουσα, στρατηγούντος ἐκ σοῦ οἰονεῖ τοῦ πρωτοκρητοῦ τῆς ἀνασθεῖσης ῥωμαίων ἀρχῆς, μεγαλοθύμου, ἀετοδρόμου μεγάλου βασιλέως Θεοδώρου τοῦ Λάσκαρι...

Л. 22. Τοῦ αὐτοῦ Θεοδώρου δοῦκα τοῦ Λάσκαρι... ἐπιτάφιος εἰς τὸν βασιλέα τῶν Ἀλαμανῶν κύριον Φρεδερίκον.

Л. 26. Τοῦ αὐτοῦ... τοῦ Λάσκαρι... ἐγκώμιον εἰς τὸν μέγαν φιλόσοφον κύριον Γεώργιον τὸν Ἀχροπολίτην. Памятникъ весьма теплой признательности Ласкаря къ своему учителю; есть бытовныя черты и историческія указанія.

Л. 30 на обор. Τοῦ αὐτοῦ... ἀπολογητικὸν πρὸς τινὰς τῶν φίλων αὐτοῦ, ὠλοῦντας (?) αὐτὸν νόμφην ἑαυτῷ ἀγαθέσθαι.

Л. 33. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς Μουζάλωνα κύριαν Γεώργιον, ἐρωτῶσαντα ὁμοίως ὥστ' εἶναι τοὺς δούλους εἰς τοὺς κυρίους, καὶ τοὺς κυρίους εἰς τοὺς δούλους.

Л. 40. Τοῦ αὐτοῦ... ἐγκώμιον εἰς τὸ ἔαρ καὶ τὸν χαρίεντα.

Л. 44. Τοῦ αὐτοῦ κωμωδία εἰς τὸν βασιῶλον αὐτοῦ χάκιστον καὶ χαίριτον ὄντα.

Злаи, мѣстами до неприличія рѣзка, каррикатура. Такъ какъ сюжетъ комедіи—собственный педагогъ Θ. Ласкаря, то въ ней можно найдти нѣкоторые указанія и черты, любопытныя по отношенію къ лицу самого автора.

Л. 60 начинается рукопись другої рѣки: Theodosii Grammatici: περί τῶν χρόνων.

VII. Codex № 467 Supplem. Βιβλίον хроноγραφικὸν κυροῦ Γεωργίου τοῦ Συγγέλλου, καὶ Ἰουστίνου καὶ Εἰρηναίου τῶν παλαιῶν хроνογράφων, περιέχον περί τοῦ ποτε ἐκτίσθη ἡ Ῥώμη καὶ περί τῶν βασιλέων αὐτῆς καὶ περί τῆς Κωνσταντινουπόλεως βασιλέων καὶ περί τῆς ἀλώσεως αὐτῆς ὑπὸ τῶν

Ἀγαρινῶν. Вєсьма краткій перечень событій, не рѣдко любопытный по системѣ. Листы въ рукописи не перенумерованы. Βασιλεία Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ. Ἀλέξιος ὁ Κομνηνὸς μετὰ τοῦτον ἐβασίλευσε χρόνους λζ καὶ μῆνας δ. καὶ εἰς τὸν καιρὸν τούτου ἐγίνε στάσις περὶ τῶν τριῶν μεγάλων ἀρχιερέων (Βασιλίῳ Великіῳ, Григорίῳ Богословѣ и Ἰωαννῇ Златοустѣ), τότε καὶ τὸ μοναστήριον τῆς Πάτμου ἐκτίσθη ὑπὸ τοῦ ἁγίου χριστοδοῦλου. οὗτος ὁ βασιλεὺς ἐτίμησε τὴν Λακεδαιμονίαν εἰς μητρόπολιν ἣτις ἦτον ἐπίσκοп—τοῦ παλαιοῦ Πατρῶν, καὶ ἐδόθη τῇ παλαιῇ Πατρῶν τὸ Ἀμύκλιον ἀντὶ τῆς Λακεδαιμονίας. ἐδόθη δὲ καὶ τῇ Λακεδαιμονίῃ ἓνα φορὴ σάκκων...

Послѣ двухъ строкъ, посвященныхъ императору Ἰωαννῇ Κομνηνῷ: ἕως ὧδε τελειώνει ὁ Ἰωάννου ὁ Σχυλίτζης ὁ хроνογράφος.

Βασιλεία Ἀνδρονίκου τοῦ τυράννου. Μετὰ τὴν σφαγὴν τούτου (Алєксѣй II) ἔλαβεν τὴν βασιλείαν τυραννικῶς αὐτὸς ὁ θεῖος αὐτοῦ Ἀνδρόνικος καὶ ἐβασίλευσε χρόνους β ἡμῖς. τοῦτον πάλιν ἐφόνευσε ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ Ἰσαάκιος ὁ Ἀγγελος. καὶ ἀπέλαβεν θάνατον ἀδικον καθὼς ἔκαμε καὶ αὐτὸς τὸν ἀνεψιὸν τοῦ.

За исторіей слѣдуетъ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων χρησμοὶ περὶ τῶν μελλόντων.

Потомъ отрывки изъ твореній Ἰωανна Златοуста, также толкованіе на вѣккоторыя мѣста евангелія.

Κυροῦ Γεωργίου τοῦ Ζηγαβινου περὶ τῶν ἐπτά. τινὲς δὲ λέγουσιν ὅτι τοῦ πτωχοπροδρόμου κυροῦ Θεοδώρου ὑπάρχουσιν. οἱ καὶ μάλιστα ὡς οἶμαι ἀληθεύουσιν.

Κανὼν περὶ ἀντιστοίχων Θεοδώρου τοῦ πτωχοῦ προδρόμου.

Ἐκλογή τῶν θεοποιήτων γραφῶν πάνυ σύντομος καὶ ὠφέλιμος.

Ὀμήρου βατραχομομαχία.

Ἰσοκράτους πρὸς Δημόνικον λόγος παραινετικός.

VIII. На точность данныхъ, сообщаемыхъ каталогомъ рукописей, не всегда можно полагаться. Разъ уже было указано, что рукопись Никиты Акмината найдена нами тамъ, гдѣ въ каталогѣ отмѣчено имя Никифора Хониата. Codex № 87 Supplem. по каталогу заключаетъ въ себѣ Dosithei Historia Patriarcharum. Но въ рукописи находимъ совсѣмъ другое: Alexandri Maurocordati Vita. Кодексу присвоено имя Досифея, вѣроятно, на томъ основаніи, что въ немъ есть небольшой написка изъ Досифея (12 кп. § 1. p. 1189), гдѣ этотъ послѣдній касается Маврокордата. Упомяну еще о слѣдующихъ пересмотрѣнныхъ мною кодексахъ: Cod. № 28. Suppl. (поученія и слова отцовъ церкви), № 1712 Исторія Льва Діакона, Пселла и др., № 1231 (Панонія Зигабена), № 43 Suppl. № 515. (Nicephori Historia ecclesiastica).

Съ нѣкоторою справедливостію могъ бы я указать еще на одно важное приобрѣтеніе, сдѣланное мною въ Парижѣ, благодаря любезности господина академика Миллера, извѣстнаго палеографа. Г. Миллеръ, у котораго я слушалъ курсъ практической палеографіи и новогреческаго языка въ *Ecole des langues orientales vivantes*, радушно предложилъ мнѣ познакомиться съ тѣмъ, что у него списано изъ греческихъ рукописей и что частію уже помѣщается во II-мъ томѣ его *Historiens Grecs*, частію готовится имъ къ отдѣльному изданію. Между его копіями находится, между прочимъ, и не изданныя слова и рѣчи Никиты Акомината изъ Хонъ, опубликованіе которыхъ обѣщано было г. Саэой. Г. Миллеръ позволилъ мнѣ не только прочесть его копіи, но и сдѣлать небольшія изъ нихъ извлеченія. Къ несчастію, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я началъ читать слова и рѣчи Никиты, г. Миллеръ обратился ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ: „Вѣдь я поступилъ опрометчиво, сообщивъ вамъ мои копіи“.

„Какъ такъ?“

„Вы извлечете главное содержаніе изъ моихъ рукописей, укажете своимъ соотечественникамъ важность кодекса: Русскіе пожалуй отпраздуютъ, да и списуютъ рукопись“. Это было, нужно сказать, послѣдствіе за появленіемъ въ *Revue Historique* статьи г. Рамбо о Пселлѣ, гдѣ говорится о византійскихъ занятіяхъ въ Россіи.

„Что же мнѣ дѣлать теперь?“

„Дайте слово, что вы не опубликуете ничего въ оригиналѣ до тѣхъ поръ, пока я не издамъ его. Вы можете, когда хотите, привести нѣкоторыя мысли въ русскомъ переводѣ, умалчивая, откуда взятъ текстъ, а сказавъ только, что вамъ сообщено это такимъ-то“.

„Но кто же изъ ученыхъ не знаетъ, или не догадается, что не изданныя слова и рѣчи Никиты находятся въ извѣстномъ кодексѣ, который описанъ въ хорошо знакомой византинистамъ статьѣ Миллера: *Byzantinische Analekten*?“

Тѣмъ не менѣе, желая прочесть до конца копіи г. Миллера, я далъ ему слово не приводить текста въ оригиналѣ и не указывать кодекса. Результатомъ знакомства съ не изданными сочиненіями Никиты было то, что я снова обратился къ предмету, который и ранѣе останавливалъ на себѣ мое вниманіе, къ борьбѣ Византіи съ Волгарами.

В. Успенскій.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Важнѣйшія явленія польской исторической литературы въ Познани и Галиціи въ 1876 году.

І. Грамоты, акты и записки.

Acta Tomickiana (Документы, собранные Томицкимъ). IX-ый томъ. Изданіе второе.

Черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ выхода VIII-го тома настоящимъ IX-ымъ томомъ возобновляется изданіе чрезвычайпо важнаго сборника матеріаловъ для исторіи царствованія Сигизмунда I. Томъ этотъ былъ напечатанъ еще въ 1860 году, но равныя обстоятельства помѣшали выходу его въ свѣтъ. Въ 1869 г. графъ І. Дзялыньскій, желая продолжать изданіе, поручилъ это дѣло тогдашнему своему бібліотекарю г. В. Кентржинскому; послѣдній, взявшись за дѣло, увидѣлъ, что напечатанный томъ не удовлетворяетъ требованіямъ критики и что его необходимо переработать. Г. Кентржинскій не довелъ этого труда до конца, такъ какъ вскорѣ оставилъ мѣсто Курницкаго бібліотекаря, и окончательная обработка изданія выпала на долю его преемника г. С. Цѣлиховскаго. Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ документы съ 14-го ноября 1526 г., то-есть, со дня объявленія универсаловъ на Краковскій сеймъ, по 24-ноября 1527 г., то-есть, по время созванія слѣдующаго Петроковскаго сейма; издатель не ограничивался ровно предѣлами года, но послѣдовалъ Гурскому (собирателю этихъ документовъ, секретарю канцлера Петра Томицкаго съ 1515 по 1535 г.), который собиралъ въ одинъ томъ документы, относящіеся къ исторіи промежутка времени отъ одного сейма до другого. Въ числѣ 337-ми документовъ, составляющихъ томъ, болѣе всего писемъ короля Сигизмунда I къ сенаторамъ, посламъ, на сеймики и къ иностраннымъ князьямъ и госу-

дарамъ по текущимъ дѣламъ внутренней и вѣншней политики; затѣмъ слѣдуютъ письма вице-канцлера Петра Томицкаго, канцлера Христофора Шидловецкаго, посланника къ императору Карлу V Іоанна Давтиска; переписка этихъ сановниковъ съ королевемъ и другими лицами значительна; нѣсколько писемъ принадлежатъ Карлу V, Венгерскому и Чешскому королю Фердинанду, Венгерскому королю Іоанну Запольи, Прусскому князю Альберту, венгерскому канцлеру Стефану Бродериху, королевѣ Бонѣ, епископамъ: Плоцкому—Андрею Кржицкому, Куявскому—Матвѣю Држевицкому, Вармійскому,—Маврикію Ферберу, Сѣрадаскому воеводѣ Іерониму Ласкому и проч. Изъ другихъ матеріаловъ замѣчательны инструкція на сеймы и сеймики, инструкція Шидловецкому, посланному къ Чешскому королю Фердинанду, рѣшенія Краковскаго сейма, грамота о присоединеніи Мазовецкаго княжества къ Польшѣ, условія мира между Фердинандомъ и Іоанномъ Запольи, договоръ съ Валахіей, инструкція посламъ, отправляющимся на слѣздъ въ Оломуць; всѣмъ документамъ предпосланы краткія *Anni Domini MDXXVII Memorabilia*. Г. Цѣлиховскій ввелъ въ изданіе нѣкоторыя улучшенія: онъ не придерживался, подобно издателямъ прежнихъ томовъ, исключительно портфелей Гурскаго и не довѣрялъ имъ вполнѣ: онъ отыскалъ много документовъ въ подлинникахъ и по нимъ издалъ ихъ, а что касается до тѣхъ, которыхъ подлинниковъ нѣтъ, то онъ сравнивалъ различными копіи и кодексы, чтобъ установить вѣрнѣйшее чтеніе; сверхъ того онъ пополнилъ собраніе новыми, неизвѣстными Гурскому, документами, найденными имъ въ бібліотекахъ Чарторыйскихъ, Замоискихъ, Красинскихъ, въ главномъ архивѣ царства Польскаго (коронныя метрики), въ бібліотекахъ Ягеллонской, Оссолинскихъ, въ портфеляхъ Нарушевича, въ архивахъ Перлина, Парижа и Лондона; разумѣется, при составленіи этого тома онъ придавалъ большое значеніе подлинникамъ, и только въ случаѣ ненахожденія ихъ пользовался копіями. Въ замѣчаніяхъ, которыми снабжены документы, онъ сообщалъ: 1) извѣстія о происхожденіи каждаго документа, 2) варианты различныхъ копій, 3) замѣчанія, объясняющія текстъ, 4) имена и фамиліи сенаторовъ и другихъ лицъ, называемыхъ въ документѣ только по должности, 5) отмѣчалъ поправки, собственноручно сдѣланныя въ документахъ королевемъ, канцлеромъ или Гурскимъ, и 6) средневѣковое счисленіе замѣнилъ новымъ. Всѣ эти нововведенія г. Цѣлиховскаго очень полезны; но есть одно нововведеніе невыгодное: въ началѣ документовъ, за исключеніемъ немногихъ, каковы №№ 25, 30 и 33, не указано ихъ содержанія, а по-
часть схсiv, отд. 2.

тому очень трудно отыскать требуемое извѣстіе и вообще приходится пересматривать весь томъ; этотъ недостатокъ изданія не искупается ни спискомъ документовъ, ни спискомъ лицъ, которые помѣщены въ концѣ тома. Издатель извиняется тѣмъ, что документы говорятъ иногда о многихъ предметахъ, такъ что, излагая ихъ содержаніе, пришлось бы повторить половину документа или значительную его часть, но это оправданіе неосновательно: можно было бѣ обойтись безъ индекса предметовъ, еслибъ *Acta Tomiciana* ограничивались однимъ томомъ, но вѣдь ихъ будетъ около 30 томовъ! Кажется, что мысль о необходимости предметнаго указателя пришла въ голову и издателю, ибо онъ обѣщаетъ издать такой указатель послѣ выхода послѣдняго тома; но при медленности изданія самыхъ *Acta* было бы лучше придерживаться пріема издателя первыхъ восьми томовъ и въ спискѣ документовъ сообщать также содержаніе каждаго изъ нихъ; изданіе же общаго указателя послѣ выхода всѣхъ томовъ во всякомъ случаѣ будетъ необходимо. Слѣдуетъ, наконецъ, сказать, что издатель соблюдалъ вездѣ одно новое правописаніе: это было необходимо въ виду многихъ рукописей, съ которыхъ онъ списывалъ документы; современное правописаніе удержано только въ собственныхъ именахъ и въ документахъ на русскомъ (одинъ № 147), польскомъ (одинъ № 164) и нѣмецкомъ языкахъ.

Kodeks Małopolski dyplomatyczny. 1178—1386. (Собраніе Малопольскихъ грамотъ, 1178—1386). Издавъ Франциска Лехосинскій. Краковъ.

Этотъ сборникъ можно считать продолженіемъ III-го тома Польскаго дипломатическаго сборника (*Codex diplomaticus Poloniae*), изданнаго Юліаномъ Бартошевичемъ, потому что содержаніе ихъ одно и то же: въ обоихъ изданіяхъ только малопольскія грамоты. Тотъ, о которомъ я говорю нынѣ, содержитъ дарственные грамоты или привилегіи, данныя малопольскимъ монастырямъ, въ особенности же монастырю францисканскихъ монахинь въ Краковѣ и цистерціанскихъ монаховъ въ Андросеѣ и Щиржицахъ, также городамъ или разнымъ лицамъ на поземельныя владѣнія. По отношенію къ источникамъ, изъ которыхъ изъиты изданіи грамоты, ихъ можно раздѣлить на три категоріи: первая, важнѣйшая содержитъ въ себѣ подлинныя грамоты которыя доставили издателю монастырскіе архивы францисканскихъ монахинь въ Краковѣ, цистерціанъ въ Щиржицахъ, доминиканцевъ, августинцевъ, паулиновъ, латеранскихъ канониковъ, эмеритовъ въ Краковѣ, также городскіе архивы въ Новомъ Сончѣ и Краковѣ, публичныя архивы Ягеллонской бібліо-

теки и археологическаго кабинета въ Краковѣ, государственный архивъ въ Бреславлѣ и частныя библіотеки гр. І. Дзялинскаго въ Курникѣ, гр. Браницкаго въ Сухой, гр. Потоцкой въ Вилановѣ, гр. Свидзинскаго въ Варшавѣ; ко второй категоріи относятся грамоты, изданныя по копіямъ, сохранившимся въ тѣхъ же монастыряхъ, въ городскихъ краковскихъ книгахъ и портфеляхъ Нарушевича; къ третьей категоріи, наконецъ, принадлежатъ тѣ, которыя только повторены или вновь перепечатаны по причинѣ неудовлетворительности предыдущаго изданія. Число всѣхъ грамотъ, изданныхъ въ этомъ сборникѣ, превышаетъ 380. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ данныя объ источникахъ, которыми онъ пользовался, и разсматриваетъ всѣ сдѣланныя до сего времени изданія и сборники грамотъ съ цѣлью опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится его изданіе къ предыдущимъ; затѣмъ слѣдуетъ хронологическій списокъ грамотамъ съ показаніемъ содержанія каждой изъ нихъ; въ концѣ же книги находится четыре указателя: 1) лицъ, 2) мѣстностей, 3) князей, сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ областей малопольскихъ земель Краковской и Сандомирской, 4) предметовъ и словарь польскихъ словъ и юридическихъ терминовъ. Всѣ грамоты, особенно тѣ, которыхъ подлинники были извѣстны издателю, напечатаны съ большою точностью: издатель соблюдаетъ не только всѣ подробности стариннаго правописанія, но даже прописныя буквы тамъ, гдѣ онѣ находятся въ подлинникахъ, и даже знаки препинанія; точность въ этомъ послѣднемъ случаѣ кажется намъ излишнею, такъ какъ старинные писцы не руководились опредѣленными правилами въ разставленіи знаковъ препинанія и употребляли даже другіе, чѣмъ мы, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Подъ каждою грамотою находится замѣчаніе; въ нихъ авторъ сообщаетъ, гдѣ находится подлинникъ или копія грамоты, описываетъ печати и внѣшнія особенности подлинниковъ, объясняетъ положеніе мѣстностей и рѣкъ, упомянутыхъ въ грамотѣ, и наконецъ, разъясняетъ всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя грамотами, и подвергаетъ критикѣ подлинность документовъ, пользуясь притомъ всѣми извѣстными источниками и изслѣдованіями польской и иностранной литературы этого предмета; объясненія эти свидѣтельствуютъ о большой эрудиціи автора и знаніи критическихъ приемовъ и методовъ. Мелкихъ ошибокъ мало; напримѣръ, не указано, гдѣ находятся подлинники грамотъ №№ 41, 154, 230, 314 и др.; на стр. 58—61 средневѣковое число въ буллахъ папы Целестина III не замѣнено новымъ; на стр. 22, 24, 420 не указано положеніе нѣкоторыхъ деревень и рѣкъ; на стр. 11, въ пр. 3 авторъ говоритъ, что

Сулесвскій монастырь находится на правомъ берегу Пилицы въ воеводствѣ Сендомирскомъ, въ Опочинскомъ уѣздѣ, а на стр. 15, прим. 3, помѣчаетъ его въ Калинскомъ воеводствѣ, Петроковскомъ округѣ и уѣздѣ; грамоты М. № 7 и 51 неумѣстны въ малопольскомъ сборникѣ, потому что первая изъ нихъ относится къ Великой Польшѣ, а вторая — къ Мазовіи; въ указателѣ мѣстностей при словѣ „Owiec“ нѣтъ ссылки на стр. 94 и 95, при словѣ „Sącz powu“ ссылка на стр. 160 невѣрна. Здѣсь указаны нѣсколько ошибокъ только для примѣра; но и вообще ихъ мало, и онѣ незначительны; всякій знаетъ, что, не смотря на все прилежаніе и вниманіе, избѣгнуть ихъ трудно. Укажу еще на нѣкоторые неточныя мнѣнія автора. На стр. XVIII г. Пекосинскій говоритъ, что Самуилъ Накельскій въ сочиненіи „*Miechovia sive promptuarii antiquitatum monasterii Miechoivensis*“ (Краковъ, 1634) издалъ „весь запасъ“ привилегій и буллъ, относящихся къ Мѣховскому монастырю или ко всему ордену Сторожей Гроба Господня (Bożogrobców); это мнѣніе ни на чемъ не основано, потому что Накельскаго пополнялъ уже Вартошевичъ, издавъ въ III томѣ сборника польскихъ грамотъ нѣсколько такихъ документовъ; я самъ въ архивѣ князей Чарторыйскихъ нашелъ еще 5, а въ Мѣховѣ 2 относящихся къ Мѣховскому монастырю грамоты, которыя Накельскому неизвѣстны. На той же стр. XVIII издатель сборника говоритъ, что Накельскій издалъ грамоты „въ исправномъ текстѣ“; и это мнѣніе г. Пекосинскаго не вѣрно; я могу привести на это два доказательства: 1) въ Мѣховѣ я нашелъ большую утвердительную грамоту Іерусалимскаго патриарха Вильгельма, данную Мѣховскому монастырю въ 1374 г.; сравнивъ ее текстомъ Накельскаго (стр. 305—309), я увидѣлъ, что Накельскій пропустилъ изъ нея не только многія слова, но даже и нѣкоторые предложенія, а многія прочелъ невѣрно; 2) въ архивѣ князей Чарторыйскихъ я нашелъ подлинникъ грамоты, напечатанной у Накельскаго на стр. 159; онъ передалъ текстъ вѣрно, но пропустилъ совсѣмъ число „VIII Idus Junij“. Данныя издателемъ сборника объясненія положенія мѣстностей, нынѣ находящихся въ царствѣ Польскомъ, не удовлетворительны. Съ цѣлью опредѣлить, гдѣ находится та или другая данная мѣстность, авторъ пользовался сочиненіемъ: *Tabella miast, wsi, osad Królestwa Polskiego* (Таблица городовъ, деревень и поселеній въ царствѣ Польскомъ), изданнымъ въ 1827 г., въ которомъ, согласно тогдашнему административному дѣленію царства, указано, въ какомъ воеводствѣ, округѣ, уѣздѣ и приходѣ существуетъ та или другая мѣстность; но въ настоящее время царство

раздѣляется въ административномъ отношеніи уже не на воеводства и округа, а только на уѣзды, которыхъ однако теперь больше, и хотя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ прежнія, но предѣлы ихъ иные, чѣмъ въ 1820-ныхъ годахъ: это послѣднее обстоятельство всего больше затемняетъ дѣло.

Acta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie (Городскіе и земскіе акты со времени Рѣчи посполитой Польской изъ такъ-называемаго бернардинскаго архива во Львовѣ). Издалъ д-ръ *Ксаверій Лиске*. Львовъ.

Бернардинскимъ архивомъ называется тотъ, въ который свезены были всѣ городскія и земскія книги, а также и другіе документы изъ городскихъ архивовъ той части Польши, которая присоединена была къ Австріи. Конечно, для исторіи древней Польши они очень важны; въ виду этого гр. К. Стадницкій завѣщалъ извѣстный фондъ на изданіе древнѣйшихъ и болѣе важныхъ документовъ. Въ 1876 году вышелъ въ свѣтъ уже VI-й томъ этого сборника, содержащій въ себѣ 146 грамотъ съ 1386 по 1496 годъ; изъ нихъ болѣе интересны относящіяся къ исторіи Львова въ половинѣ XV в. (1458—1480 гг.) и Руси, къ ихъ церковнымъ, земскимъ и торговымъ отношеніямъ, къ городу Перемишлю, къ цехамъ и общинамъ ремесленниковъ изъ русскихъ городахъ; любопытны также документы, касающіеся рода Мельштинскихъ и ихъ имѣній въ Самборскомъ округѣ. 106 грамотъ издано по подлинникамъ, а 36 по копіямъ, находящимся въ книгахъ, называемыхъ *Acta advocatialis* или *Acta judicialia*. Издатель сохранилъ правописаніе подлинниковъ, а въ тѣхъ грамотахъ, которыя издалъ по копіямъ, онъ старался возстановить старинное правописаніе; этотъ приемъ не вѣренъ, и гораздо было бы лучше, употреблять въ такихъ случаяхъ новое правописаніе. Къ сборнику добавленъ указатель мѣстностей и лицъ; въ приложеніи напечатанъ критическій выводъ г. Маурера о грамотѣ Владислава Ягеллы 1413—1417 годовъ, изданной прежде (IV, 22) съ ошибочною помѣтой 1409 года.

Cudzoziemcy w Polsce (Иностранцы въ Польшѣ). Издалъ *Ксаверій Лиске*. Львовъ.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Лиске издалъ разказы о Польшѣ слѣдующихъ пяти пѣмекскихъ путешественниковъ: 1) Либорій Накеръ, секретарь великаго магистра Тевтонскаго ордена Іоанна Тифена и товарищъ въ его походѣ въ Польшу въ 1497 г. въ помощь Іоанну-Альберту про-

тивъ Турокъ, сообщаетъ болѣе подробныя, чѣмъ Мѣховита и Ваповскій, свѣдѣнія объ этомъ походѣ; разказъ его въ нѣмецкомъ подлинникѣ изданъ уже Тѣппеномъ въ V томѣ *Scriptores rerum Prussicarum*; г. Лиске издалъ его въ сокращеніи съ дословнымъ переводомъ важнѣйшихъ мѣстъ и съ болѣе исправными объясненіями, нежели тѣ, которыя даны нѣмецкимъ издателемъ. 2) Ульрихъ Вердумъ, Фрисландецъ, отправившись въ свѣтъ искать приключеній, попалъ въ секретари Іоанна де-Куртопа, аббата де Помье и Аршагра (*Jean de Courthonne, abbé de Paulmiers et Harchagrats*), французскаго агента, отправленнаго въ Польшу образовать партію, которая низвергла бы съ престола Михаила Вишневецкаго и посадила на немъ герцога де-Лонгвиля. Авторъ со своимъ господиномъ проѣхалъ нѣсколько разъ всю Польшу и имѣлъ случай ознакомиться со страдой, ея жителями, ихъ одеждою, способомъ жизни, обычаями, которые описываетъ кратко, но выразительными и вѣрными чертами. Хотя онъ не знаетъ тайнъ своего господина и предмета его переговоровъ съ Пражмскимъ, Собѣскимъ и другими, однако изъ дневника его (съ 27-го мая 1670 г. по 23-е іюля 1672 г.) точно узнаемъ, гдѣ въ данное время находился Помье, съ кѣмъ велъ переговоры и какія употреблялъ средства, чтобы не быть узнаваемъ слѣдившими за нимъ королевскими сторонниками; дневникъ его составляетъ очень важное пополненіе и объясненіе къ тайнымъ шифрованнымъ письмамъ Іоанна Собѣскаго къ женѣ, изданнымъ Гельделемъ. Записки Вердума важнѣе прочихъ, напечатанныхъ въ этомъ томѣ. Онѣ изданы были въ рѣдкомъ сборникѣ: „*Archiv zur neueren Geschichte, Geographie, Natur-und Menschenkenntniss*“, выходившемъ въ Лейпцигѣ въ прошедшемъ столѣтіи: г. Лиске издалъ ихъ почти цѣликомъ въ дословномъ переводѣ и снабдилъ объяснительными замѣчаніями. 3) Іоаннъ Бернулли, математикъ и астрономъ конца минувшаго столѣтія, издалъ свои *Reisen durch Braudeuburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Polen in den Jahren 1777—1778*. Онъ какъ ученый интересуются главнымъ образомъ научными заведеніями и обществами, музеями, иностранными учеными и пр.; такого рода свѣдѣнія онъ собиравъ и о Польшѣ или скорѣе о Варшавѣ, въ которой онъ провелъ двѣ недѣли во время своего путешествія. Польскій издатель значительно сократилъ это описаніе, пропустилъ, напримѣръ, разказъ путешественника о королевской резиденціи—Лавенкахъ, описаніе медалей, изготовляемыхъ въ Варшавскомъ монетномъ дворѣ, и проч. Четвертый разказъ о Польшѣ изданъ въ 1791—1793 годахъ въ *Berlinische Mo-*

natsschrift подъ заглавіемъ „Einige Briefe über Polen, geschrieben im Sommer 1791“, безъименно; г. Лиске доказываетъ, что авторомъ ихъ былъ Іоаннъ-Эрикъ Вистеръ (1749—1816 гг.), директоръ королевской библиотеки въ Берлинѣ, путешествовавшій въ Польшѣ въ 1791 г., въ май и іюні. Главною цѣлью его путешествія была Варшава, о прочихъ мѣстностяхъ у него очень мало свѣдѣній. Содержаніе писемъ составляютъ: характеръ жителей, пребываніе въ Варшавѣ, ея особенності, личность Станислава-Августа, замѣчанія о сеймовыхъ засѣданіяхъ и постановленіяхъ. Очень характеристично, что въ авторѣ нѣтъ свойственнаго другимъ Нѣмцамъ предубѣжденія, но напротивъ того, онъ высказываетъ большую симпатію къ польскому обществу и страсти. Изъ этихъ писемъ важнѣйшія извлеченія переведены г. Лиске дословно, а прочее въ сокращеніи. 5) Іоаннъ-Іосифъ Каушъ (1751—1825 гг.) дѣлалъ въ Милнѣ въ Силезіи, путешествовалъ въ Краковъ въ 1793 г. и издалъ чрезъ два года послѣ того „Nachrichten über Polen“, въ которыхъ онъ описываетъ жилища и одежду малопольскихъ крестьянъ, городъ Краковъ, обстановку и характеръ краковскихъ мѣщанъ; въ его разказахъ нѣтъ ничего, чѣмъ не было бы извѣстно изъ другихъ источниковъ; онъ изданъ г. Лиске въ сокращеніи болѣе для полноты, чѣмъ по его важности. Издатель прибавилъ въ концѣ списокъ всѣхъ мѣстностей, лицъ и важнѣйшихъ предметовъ, обзвѣчающихъ пользоваваніе книгою. Переводъ вообще хорошъ, иногда только попадаются не точныя выраженія и не польскіе обороты рѣчи. Въ слѣдующихъ томахъ издатель намѣренъ сообщить разказы о Польшѣ другихъ иностранцевъ, мало или вовсе до сихъ поръ неизвѣстныя.

Listy Juliusza Słowackiego do matki (Письма Юлія Словацкаго къ матери). Львовъ.

Первый томъ этого сборника вышелъ въ 1875 году, а II-й въ прошломъ; оба содержатъ въ себѣ письма поэта къ матери, писанныя изъ за-границы въ 1830—1848 годахъ. Первое, чѣмъ бросается въ глаза въ этихъ письмахъ, это — горячая любовь поэта къ матери; въ каждомъ письмѣ высказываетъ онъ ей свою преданность и сознается, что обязанъ ей своимъ воспитаніемъ, дарованіями и всею славой. Одинъ или два раза въ мѣсяцъ онъ увѣдомляетъ ее о своихъ занятіяхъ, знакомствахъ, сношеніяхъ, сообщаетъ ей свои мнѣнія о другихъ писателяхъ — Мицкевичѣ, Одзинцѣ, разказываетъ свои путешествія и впечатлѣнія, вѣряетъ ей свои мысли и заботы, говоритъ о литературныхъ предпріятіяхъ и сочиняемыхъ произведеніяхъ,

на ея оцѣнку отдастъ свои сочиненія, однимъ словомъ, въ письмахъ этихъ заключается, какъ хорошо замѣтили надатели, — нестерпимый источникъ „къ познанію характера поэта, исторіи его духа и путей его творчества“. Слогъ писемъ легкій, изложеніе живое, языкъ превосходный. Матеріалъ, доставляемый этими письмами, обследованъ еще до наданія ихъ г. А. Малецкимъ въ сочиненіи „Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła w stosunku do współczesnej epoki“ (Юлія Словацкій, его жизнь и сочиненія по отношенію къ современной эпохѣ).

Ramieściunki Juliusza Ursyna Niemcewicza (Записки Юліана-Урсина Нѣмцевича). Познань.

Записки эти, которыхъ вышелъ первый томъ, будутъ состоять изъ пяти томовъ и заключать въ себѣ дневникъ пребыванія автора за границею съ 1831 по 1841 годъ; въ этомъ томѣ содержатся записки двухъ годовъ, 1831 и 1832. Авторъ былъ отправленъ тогда въ Англію съ порученіемъ отъ революціоннаго правительства и подробно излагаетъ результаты и ходъ своихъ переговоровъ, описываетъ сношенія свои съ Пальмерстономъ, Грейемъ, Фергусономъ и другими министрами и членами парламента и очерчиваетъ взгляды англійскаго общества на современныя событія въ Польшѣ; довольно значительную часть книги занимаетъ описаніе частной и общественной жизни Англичанъ, ихъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей и ученыхъ обществъ. Записки ведены по днямъ съ большою подробностью. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ — человѣкъ съ аристократическими сочувствіями, и съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ на польскую демократическую партію, осуждастъ дѣйствія эмигрантовъ этой партіи въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ и не щадитъ ся вожаковъ — Лелевеля, Мохнацкаго, Гуровскаго и др. Въ литературномъ отношеніи записки ниже другихъ сочиненій Нѣмцевича; умъ его, удрученный лѣтами (ему было тогда 75 лѣтъ) и несчастіями, потерялъ прежнюю силу: многія подробности повторяетъ онъ нѣсколько разъ; и въ мысляхъ, и въ слогѣ видно утомленіе, хотя иногда попадаются мѣста, въ которыхъ авторъ ведетъ разказъ живо и съ юношескимъ воодушевленіемъ.

II. Историческія изслѣдованія и монографіи.

Dzieje Księstwa Warszawskiego (Исторія герцогства Варшавскаго). Сочиненіе г. *Фридриха Скарбека*. Познань.

Такъ какъ герцогство Варшавское было образовано изъ той части Польши, которая находилась подъ прусскимъ владычествомъ, то ав-

торъ начинается свое сочиненіе обзоромъ состоянія страны и положенія жителей во время прусскаго управленія, а затѣмъ разказываетъ весь ходъ прусской войны 1806 г., результатомъ которой былъ Тильзитскій миръ и образованіе Варшавскаго герцогства, и исторію его до открытія перваго сейма въ 1809 г. Содержаніе 2-го тома составляютъ: участіе польскаго войска въ походахъ Наполеона I, война съ Австріей, завоеваніе Галиціи кн. О. Попятовскимъ, присоединеніе ея къ княжеству, война 1812 г., участіе въ ней Поляковъ, пораженіе Наполеона, занятіе Варшавы русскими войсками, намѣреніе Александра I образовать царство Польское. Сочиненіе г. Скарбека—одна изъ немногихъ монографій объ этомъ періодѣ польской исторіи, извѣстномъ намъ только изъ записокъ Выбицкаго, Козьмана, Нѣмцевича, Дмоховскаго, Карвинскаго, Потоцкаго и др.; не смотря на свою относительную важность, оно страдаетъ большимъ недостаткомъ, вслѣдствіе котораго не можетъ быть причислено къ вполне серьезнымъ историческимъ трудамъ: авторъ нигдѣ не указываетъ источниковъ, которыми пользуется; свои извлеченія онъ обозначаетъ только иногда кавычками безъ всякихъ указаній, у кого они заимствованы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, I, 216, II, 63, 109), правда, авторъ сообщаетъ въ дословномъ содержаніи документы, но не упоминаетъ, откуда онъ взялъ ихъ; этотъ недостатокъ значительно уменьшаетъ достоинство сочиненія; многія извѣстія и выводы автора ускользаютъ отъ критики. Впрочемъ, авторъ передаетъ факты и излагаетъ ходъ событій объективно. Къ болѣе интереснымъ и лучшимъ мѣстамъ принадлежатъ изложеніе прусской политики относительно польскаго населенія въ части Польши, присоединенной къ Пруссіи послѣ третьяго раздѣла Рѣчи Посполитой и изложеніе отношеній и плановъ Наполеона относительно Поляковъ и Польши.

Notatki do dziejów i historyja ostatnich 98 lat Rzeczypospolitej Polskiej (За-
мѣтки по исторіи Рѣчи Посполитой Польской и исторіи послѣднихъ 98
лѣтъ ея). Соч. Осина Взмаскаго. Торунь.

Объясненіе довольно неясному заглавію книги находимъ въ предисловіи. Авторъ говоритъ, что сочиненіе его образовалось изъ замѣтокъ, которыми онъ составлялъ, преподавая своимъ ученикамъ исторію, и потому въ первой части оно изложено коротко и сжато; когда жъ онъ дошелъ до XVI в., то замѣтки его стали обширнѣе, не потому что источниковъ тутъ имѣется больше, а потому что ученики были болѣе зрѣлы; слѣдуя этому методу, авторъ чѣмъ дальше, тѣмъ

пространствѣ излагать исторію, такъ что наконецъ царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго занимаетъ у него половину книги (стр. 281 — 524). Такой методъ изложенія неправиленъ, потому что 1) ученики будутъ имѣть объ одномъ періодѣ исторіи лучшее понятіе, чѣмъ о другомъ; 2) они не будутъ имѣть надлежащаго понятія о первоначальномъ развитіи народа, причинахъ, обусловившихъ опослѣдствія, и ходъ этого развитія (ибо въ то время, когда авторъ излагалъ нѣкую древнюю исторію, они были слишкомъ молоды и неразвиты, чтобы понимать эти вещи), а потому не хорошо или трудно будутъ понимать это развитіе и исторію послѣдующихъ столѣтій. Всю исторію Польши авторъ раздѣляетъ на восемь слѣдующихъ періодовъ: 1) съ Земонысла до смерти Болеслава Кривоустаго, 912 — 1139 гг.; 2) до послѣдняго выступленія Владислава Локетка 1306 г.; 3) до вступленія на престолъ Владислава Ягеллы, то-есть, до 1386 г.; 4) времена первыхъ трехъ Ягеллоновъ, 1386—1492 гг.; 5) времена четырехъ послѣднихъ Ягеллоновъ и первыхъ трехъ избирательныхъ королей, 1492—1632 гг.; 6) время двухъ королей изъ династіи Вазовъ (Владислава IV и Іоанна-Казимира) и двухъ королей польскаго происхожденія (Винцеслава и Собѣскаго), 1632—1696 гг.; 7) послѣдніе короли съ 1696 по 1795 г.; 8) исторія Польши послѣ раздѣловъ до настоящаго времени. Такое раздѣленіе не выдерживаетъ критики, ибо авторъ не вездѣ ставитъ его принципомъ событія, имѣющія для жизни народа важное значеніе. Какое, напримѣръ, значеніе имѣетъ для исторіи Польши первое сказаніе, или скорѣе, извѣстіе пѣмцекой хроники о Земоныслѣ? На этомъ основаніи можно бы начать первый періодъ извѣстіемъ Птолемея или какого-нибудь другаго писателя о Полянахъ. Третій періодъ, въ которомъ Польша объединяется, слѣдуетъ начинать 1295 годомъ, вѣнчаніемъ Премыслава или вступленіемъ его на моравскій престолъ, ибо онъ былъ въ дѣлѣ объединенія предшественникомъ Владислава Локетка, такъ какъ своимъ вѣнчаніемъ выказалъ свои стремленія, которыя могъ бы привести въ исполненіе, еслибы не былъ измѣнически убитъ. Неосновательно оканчивать четвертый и начинать пятый періодъ 1492 годомъ, а седьмой 1696 г.; принимая такое раздѣленіе, авторъ доказываетъ, что онъ смотритъ главнымъ образомъ съ одной только точки зрѣнія на исторію Польши—на ея отношенія къ Нѣмцамъ: со смертію Казимира Ягеллоуича Польша „забываетъ свое назначеніе бороться съ Нѣмцами“, а въ 1696 г. она, говоритъ авторъ, — „дошла до того, что вознесла ихъ на престолъ“. Вообще повороты въ политикѣ Польши от-

послѣдствіемъ Нѣмцевъ авторъ считаетъ примѣтами для раздѣленія исторіи на періоды. Шестой періодъ 1632 — 1696 гг. авторъ характеризуетъ такъ: „разладъ въ Рѣчѣ посполитой и образованіе эгоистической олигархіи“; по моему, и то, и другое невѣрно: никакъ нельзя сказать, чтобы въ царствованіе Владислава IV (1632—1648 гг.) царствовалъ разладъ; онъ начинается нѣсколько лѣтъ позже, во время войнъ со Шведами и казаками, во время бунта Любомирскаго; что же касается до образованія эгоистической аристократіи, то начала ея слѣдуетъ искать раньше — въ XVI столѣтіи, во времена избранія Генриха Валуа и Стефана Баторія, а даже во время царствованія Сигизмунда I. Изложенію исторіи авторъ предпосылаетъ слишкомъ краткую (2 листа) картину цивилизаціи древнихъ Славянъ, основанную на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ русскихъ писателей (авторъ нигдѣ не называетъ источниковъ, но употребленіе имъ словъ *Czechia*, *Germania*, *gąbstwo* позволяетъ заключать, что онъ пользовался русскими сочиненіями), но спеціально о Польскихъ Славянахъ онъ ничего не говоритъ и упоминаетъ даже о польскихъ историческихъ преданіяхъ. Историческою цѣлью существованія Польши, ея путеводными идеями авторъ считаетъ слѣдующія: 1) объединеніе сосѣднихъ Славянскихъ племенъ, 2) удержаніе напора Нѣмцевъ на востокъ, 3) распространеніе западной цивилизаціи и христіанства у сосѣднихъ язычниковъ, 4) развитіе свободы, 5) борьбу съ магометанствомъ. Эти принципы — критеріи автора; ими онъ оцѣниваетъ царствованіе каждого короля и на ихъ основаніи произноситъ приговоръ надъ всѣми событіями внутренней и внѣшней исторіи Польши. Къ сожалѣнію, авторъ принималъ вѣкоторыя принципы къ такимъ случаямъ, къ которымъ нѣтъ, кажется, основаній примѣнять ихъ; такъ напримѣръ, представителемъ идеи объединенія Славянъ слѣдуетъ считать только Болеслава Храбраго; съ его смертію идея эта пала, и наслѣдники его, какъ напримѣръ, Владиславъ Ягелло, Казимиръ Ягеллончикъ хотя отчасти (по отношенію къ Чехіи) и могли приводить ее, въ исполненіе, но не привели; Сигизмундъ I даже вполне отказывается отъ своихъ правъ на Чехію въ пользу Австрійскаго дома; неосновательно также смотрѣть съ этой точки зрѣнія на отношенія къ Россіи Стефана Баторія и Сигизмунда III, какъ смотритъ авторъ. Не входя въ подробный критическій разборъ всего сочиненія, укажу только на нѣкоторые недостатки и ошибки, а также и на достоинства его. На стр. 10 авторъ говоритъ, что Польша во время Мстислава I заимствовала „у чужихъ нѣкоторыя учрежденія“;

слова эти очень гибки и неясны: о какихъ учрежденіяхъ говорить авторъ—не извѣстно. Во время Болеслава I „не было законной разницы между сословіями“, то-есть, всѣ сословія пользовались одинаковыми правами (ибо иначе нельзя понимать этихъ словъ автора); между тѣмъ нѣсколько строкъ ниже авторъ говоритъ: „перевѣсъ рыцарскаго сословія надъ крестьянскимъ былъ очевиденъ: они (крестьяне) потеряли часть своихъ народовластныхъ (gminnowładnych) и личныхъ правъ, тосковали о прежнемъ своемъ положеніи“. Походъ Болеслава на Русь и взятіе Кіева авторъ ошибочно относитъ къ 1015 году вмѣсто 1012 г. Объединенія страны Болеславомъ I авторъ не объясняетъ политическими стремленіями его, но тѣмъ, что „раздѣленіе противно было славянскому духу“: это не оправдывается фактами, ибо именно въ X и XI столѣтіяхъ раздѣлы государства послѣдовали на Руси, въ Чехіи и Польшѣ. На стр. 47 Чешскаго князя Вячеслава III авторъ причисляетъ къ Польскимъ королямъ—вѣроятно, на томъ основаніи, что онъ принялъ упомянутый титулъ; на слѣдующей же страницѣ онъ говоритъ, что послѣ смерти Вячеслава II Владиславъ Локотекъ избранъ въ короли: гдѣ же въ такомъ случаѣ называть Вячеславу III вмѣсто въ ряду Польскихъ королей? Авторъ записокъ о Туркахъ (называемого неосновательно янычаромъ-Полякомъ) г. Безмаскій считаетъ дѣйствительно Полякомъ (стр. 76), хотя болѣе вѣроятно, что онъ былъ Сербъ. Подъ словомъ „народъ“ авторъ очень часто понимаетъ только шляхту, которой сочувствуетъ противъ магнатовъ и осуждаетъ Сигизмунда I и особенно Сигизмунда III за то, что они не полагались на шляхетское сословіе, но стремились къ монархизму неограниченному и содѣйствовали развитію аристократіи; впрочемъ, авторъ не идетъ слишкомъ далеко и не защищаетъ своеволія и неограниченныхъ вольностей шляхты. Авторъ не вполне понимаетъ борьбу шляхты съ духовенствомъ въ половинѣ XVI в., считая причиной ея только религіозныя разницы, между тѣмъ какъ очень важнымъ поводомъ къ ней было то обстоятельство, что духовенство пользовалось всѣми правами шляхты, но уклонялось отъ налоговъ и податей. Хотя авторъ осуждаетъ іезуитовъ и предоставленіе имъ заботъ о просвѣщеніи, но перисматрируетъ вовсе и не указываетъ предности ихъ мнѣнія и важныхъ послѣдствій его. Сочиненіе автора страдаетъ односторонностью еще въ томъ отношеніи, что онъ излагаетъ только политическую исторію; внутреннее развитіе и управленіе, сословія, города, торговля, финансы, науки, просвѣщеніе и проч., вовсе не приняты имъ во вниманіе, и нѣкоторыя, крайне недостаточныя свѣдѣнія о нихъ со-

общены только въ послѣдней части сочиненія, въ исторіи царствованія Станислава-Августа. Не смотря однако на всѣ эти недостатки, сочиненіе это—одно изъ лучшихъ руководствъ по польской исторіи; въ пользу автора слѣдуетъ сказать, что хотя онъ пользуется источниками только второй руки — изслѣдованіями, но не престо компилируетъ ихъ, а на основаніи чужихъ мѣтій выработываетъ свое собственное и излагаетъ его по своему методу, соблюденному во всемъ сочиненіи съ послѣдовательностью; оттого сочиненіе его отличается стройностью и ясностью.

Rozprawy i opowiadania historyczne (Разборы и историческіе рассказы) Соч. *О. Шуйскаго*. Краковъ.

Въ этомъ изданіи собраны въ одинъ томъ разсужденія и мекіи статьи, написанныя и напечатанныя авторомъ въ 1866 — 1870 годахъ; всѣхъ ихъ 12. По важности и характеру можно раздѣлить ихъ на 4 отдѣленія: 1) разсужденія: „Марина Мнишекъ и два самозванца“, „Дипломатическія сношенія Сигизмунда-Августа съ австрійскимъ дворомъ“ и „Юрій Ожаровскій и кардиналъ Флери“, основанныя на новыхъ источникахъ и вносяція въ исторію новыя данныя; 2) „Историческое путешествіе по Кракову“, „Характеристика Сигизмунда-Августа“, „Путешествіе Оттона III въ Гявзно“ — публичныя лекціи, болѣе популярнаго, чѣмъ научнаго значенія; 3) „Станиславъ Сташицъ“ и „Древняя республика и ея послѣдши“, два разсужденія историко-политическаго содержанія; 4) разборы сочиненій: В. Казинки „*Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*“ (Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа), Соловьева „Исторія паденія Польши“, Гюппе „*Verfassung der Republik Polen*“. Важнѣе всего первое отдѣленіе. Въ первомъ разсужденіи „Марина Мнишекъ и два самозванца“ авторъ разсказываетъ появленіе въ Польшѣ Лжедмитрія I, котораго считаетъ не Гришкой Отрепьевымъ, а козакомъ, его сношенія въ Польшѣ и дальнѣйшую затѣмъ исторію его до убіенія въ Москвѣ и появленіе Лжедмитрія II; особенно любопытны извѣстія объ отношеніяхъ Лжедмитрія I къ католицизму, іезуитамъ и папѣ, добытыя авторомъ изъ сочиненія іезуита Іоанна Велевицкаго (1566—1639 гг.): „*Historia domus professae ad S. Barbaram*“, до нынѣ находящагося въ рукописи; новыя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ объ отношеніяхъ Юрія Мнишка къ второму Лжедмитрію и объ изгнаніи Мнишка въ Ярославль на основаніи продолженія того дневника, который не весь напечатанъ въ *Historica Russiae monumenta* Тургенева.—Въ сношеніяхъ

Сигизмунда-Августа съ Австріей болѣе всего взяты во вниманіе отношенія послѣднихъ годовъ: по поводу Екатерины, третьей жены Сигизмунда-Августа, и старавій Максимилиана II о польскомъ престолѣ послѣ смерти короля; разсужденіе это основывается на документахъ Вѣнскаго императорскаго архива. На новыхъ также источникахъ основывается очеркъ переговоровъ Ожаровскаго съ Флери, веденныхъ въ пользу Ставислава Лещинскаго въ 1734 и 1735 годахъ.

Przewodnik heraldyczny (Геральдическій указатель). Краковъ.

Изданіе это, которое г. Косинскій намѣренъ печатать ежегодно, походить на Геттингенскій календарь. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ алфавитный списокъ польскимъ сенаторскимъ семействамъ, списокъ семействъ, имѣющихъ почетные титулы, и монографіи нѣкоторыхъ изъ этихъ семействъ. Цѣль этого изданія—на основаніи изслѣдованій пополнить генеалогическія свѣдѣнія о древне-польскихъ семействахъ, исправлять ошибки польскихъ геральдиковъ, сообщать свѣдѣнія о живущихъ нынѣ аристократическихъ родахъ, и вообще разрабатывать генеалогію. На сколько издатель успѣетъ въ томъ въ будущемъ—трудно сказать, такъ какъ настоящій томъ не позволяетъ надѣяться на большой успѣхъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о современныхъ аристократическихъ семействахъ, нѣтъ въ указателѣ ничего, что не было бы извѣстно изъ сочиненій Нйсецкаго, Окольскаго, Папроцкаго и др.; вмѣсто того, чтобы пополнить ихъ указанія, издатель заимствовалъ у нихъ даже и ошибочныя данныя. Такъ паприжѣръ, въ первой части въ списокѣ сенаторскихъ семействъ сказано, сколько сенаторовъ было изъ того или другаго семейства, и указаны предѣлы преміи, въ которое ихъ члены были сенаторами, но нѣтъ ни имени ихъ, ни поименованія ихъ достоинствъ,—такіе же списки есть и въ I томѣ Нйсецкаго, но тамъ они подробнѣе; нѣтъ новыхъ свѣдѣній и въ третьей части—въ монографіяхъ, составленныхъ также на основаніи гербовниковъ. Трудъ этотъ поверхностный; чтобы онъ приносилъ пользу, онъ долженъ быть основанъ на усердныхъ изслѣдованіяхъ въ архивахъ, по преимуществу частныхъ, а не на геральдическихъ сочиненіяхъ, полныхъ ошибокъ.

Monografia kolegium i szkoły pijarskiej w Miedzyrzeczju-Końceckim (Монографія коллегіи и училища Піаристовъ въ Мидзыржежѣ-Коредкомъ). Соч. А. Мошинскаго. Краковъ.

Книгу эту можно раздѣлить на двѣ части. Первая (стр. 9 — 59) содержитъ въ себѣ хроникъ событій, касающихся упомянутого учи-

лица—это не собственный трудъ автора; онъ нашелъ ее въ Мендзыжечѣ Корецкомъ (въ Ронепскомъ уѣздѣ Волынской губерніи) въ тамошнемъ архивѣ; заглавіе ея—*„Historia domus Interamnensis“*, авторъ неизвѣстенъ. Въ хроникѣ этой, веденной съ 1702 по 1803 годъ, кромѣ событій, касающихся самой школы, описываются современныя политическія событія, мѣстныя приключенія, явленія природы и проч. Издатель дословно передалъ всѣ извѣстія о коллегіи и училищѣ, другія же свѣдѣнія—или дословно, или въ сокращеніи безъ всякаго однако научнаго приѣма, напримѣръ, разказъ о событіяхъ 1767 г. — въ сокращеніи (стр. 47); болѣе важныя подробности, какъ-то: о спорѣ виленскихъ іезуитовъ съ корецкими піарами издатель даже пропускаетъ (стр. 32), но дословно приводитъ повѣствованіе рукописи, напримѣръ, о похищеніи и умерщвленіи еврейми христіанскаго дитяти съ цѣлю добыть его крови (стр. 32 и 33). Во второй части (стр. 60—98) авторъ сообщаетъ извѣстія, основанныя на собственныхъ воспоминаніяхъ и другихъ источникахъ (безъ указаній ихъ) о мѣстномъ костелѣ, его доходахъ, о доходахъ существовавшей нѣкогда коллегіи піаровъ, ея ректорахъ, о гимназій, образованной изъ этой коллегіи, о состояніи въ ней наукъ и ея учителяхъ. Книжка эта важна какъ матеріалъ для исторіи просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что корецкое училище, а потомъ гимназія была лучшимъ научнымъ заведеніемъ въ тѣхъ странахъ; въ ней получили образованіе нѣкоторые видныя въ польской литературѣ личности, какъ напримѣръ, И. Головинскій, А. Красинскій, М. Грабовскій, К. Козьянъ, С. Гоцинскій, С. Конопакій и др.

Kronika kolegium Lubieszowskiego XX. Pijarów (Хроника Любшинской коллегіи піаровъ) Соч. *Антоня Моминскаго*. Краковъ.

Составъ этого сочиненія такой же, какъ и предыдущаго. Въ первой части (стр. 7—122) находится хроника съ 1684 по 1787 годъ озаглавленная *„Historia domus Neadolscensis a fundatione conscripta“*; авторъ ея, безъ сомнѣнія, монахъ ордена піаровъ, разказываетъ въ ней всѣ событія, касающіяся Любшинскаго (Любшиновъ или Повный Дольскъ въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи) монастыря и его коллегіи или училища. Издатель сообщаетъ въ переводѣ ее почти всю; онъ пропустилъ только мелкія и неинтересныя подробности. Хроника эта богаче предыдущей мѣстными извѣстіями, по общимъ историческимъ замѣткамъ, касающихся всей Литвы или Польши, въ ней нѣтъ. Во вто-

рой части (стр. 123—174) описаны авторомъ мѣстный костель, его доходы, состояніе училища въ научномъ отношеніи,—этимъ условливается достоинство и важность книги; историкъ отыщетъ въ ней еще нѣкоторыя данныя о жизни благодѣтелей монастыря и коллегіи—Вишневецкихъ, Четвертинскихъ, Чарнецкихъ и другихъ владѣтелей Любшова.

Kniaź i Książę—ислѣдованіе Юліана Бартошевича. Краковъ.

Авторъ доказываетъ, главнымъ образомъ на основаніи документовъ, изданныхъ въ „Актахъ юго-западной Руси“, что слѣдуетъ различать понятія и слова *kniaź* и *książę*; второе придавалось только царствующему лицу, первое же было общимъ именемъ высшаго сословія въ Литовской Руси также, какъ въ Польшѣ слово шляхтячъ, и что только въ послѣдствіи, когда роды Гедиминовичей и Рюриковичей пересѣлись, богатые литовско-русскіе роды, стремясь къ высшему значенію, на основаніи поддѣльных грамотъ стали доказывать свое происхожденіе отъ Рюриковичей и Гедиминовичей и присвоили себѣ титулъ *książę*. Такъ, по мнѣнію автора, поступали Чарторыйскіе, Сапѣги, Сапгунки и др. Недоказанность въ изложеніи, неясность, недостаточность доказательствъ и вообще отсутствіе окончательной отдѣлки позволяютъ заключать, что это только набросокъ полнаго труда, котораго авторъ не успѣлъ окончить. Разсужденіе это издано впервые сыномъ Ю. Бартошевича Карломъ.

Węry. Wzrost z dziejów XII wieku (Ворисъ. Эпизодъ изъ исторіи XII столѣтія). Написалъ Казиміръ Гурскій. Львовъ.

Венгерскій король Коломанъ женился въ 1112 г. на Евиміи, дочери Владиміра Мономаха, но убѣдившись, что она измѣнила ему, отослалъ ее беременную къ отцу въ Кіевъ, и здѣсь она родила сына, названнаго Ворисомъ. Его лишили правъ на венгерскій престолъ, какъ не Коломанова сына, но онъ отъ этихъ правъ не отказался и пытался нѣсколько разъ съ помощью Польши или Болеслава Кривоустаго, Копрада III, Людовика VII и императора Іоанна Комнина привести свои стремленія въ исполненіе; это однако не удалось ему, потому что въ Венгріи у него не было сильной партіи, а сосѣди не думали серьезно о возведеніи его на венгерскій престолъ, но пользовались имъ только какъ орудіемъ для своихъ цѣлей; наконецъ въ одномъ сраженіи онъ былъ убитъ. Таково содержаніе названной книги. Ошибочныя извѣстія объ этой личности побудили автора

разяснить его исторію; съ этою цѣлью онъ собралъ всѣ извѣстія о Борисѣ, главнымъ образомъ изъ сочиненій Туроча, Іоанна Кинпама, Никиты Хоніата и Одона де-Дьонгилѣ, произведеніемъ котораго (*de perfectione Ludovici VII in Orientem*) по отношенію къ Борису никто еще до сихъ поръ не пользовался. Заслуга автора заключается между прочимъ въ томъ, что онъ опровергъ ложныя или неосновательныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, находящимъ въ сочиненіяхъ Гизебрехта, Реппеля, Вѣльскаго и Шараневича; впрочемъ иногда и авторъ, отвергая чужое мнѣніе, не доказываетъ своего достаточными доводами; напримѣръ, Шараневичъ утверждаетъ, что Коломанъ вторично женился въ 1104 г. на Предславѣ, дочери Святополка Кіевскаго. Авторъ безъ разсмотрѣнія доказательствъ Шараневича отвергаетъ это мнѣніе и высказываетъ, что *второю* женою Коломана была Евонія; онъ приводитъ три доказательства: 1) Несторъ подъ 1104 г. говоритъ, что Предслава была ведена въ Угрію за королевича („Томъ же лѣтъ *ведена* Передъслава, дщи Святополча в Угры за *королевичъ*, августа въ дводесяте прѣвыи днь“); „это неясно“, говорятъ авторъ, — и объяснить надо такимъ образомъ, что Святополкъ уговаривался объ обрученіи этой Предславы съ однимъ изъ сыновей Коломана“. 2) Турочъ и Кіевская лѣтопись говорятъ подъ 1112 г., что Коломанъ женился на русской кнѣзѣ Евоніи. 3) Не, дѣйствительно, находимъ потомъ на Руси, ибо Кіевская лѣтопись говоритъ, что она умерла на Руси въ 1139 году. Всѣ эти доказательства не выдерживаютъ критики. Подъ словомъ Нестора „королевичъ“ слѣдуетъ понимать Коломана, которому *вели* ее въ жены; еслибы Святополкъ хотѣлъ обручать ее только съ сыномъ Коломана, то не посылалъ бы ее самое въ Угрію; слова Нестора *ведена въ Угры* означаютъ, что она была *ведена замужъ*, а не на обрученіе; выходить же замужъ за одного изъ сыновей Коломана въ 1104 году она не могла, ибо оба сына были тогда еще дѣтьми. Второе доказательство свидѣтельствуетъ, что Евонія была женою Коломана въ 1112 г., но почему же *второю*? Коломанъ, вѣрно, женился въ 1104 г. на Предславѣ, какъ говоритъ Несторъ, *второй* разъ, а въ 1112 г. на Евоніи, какъ говорятъ Турочъ и Кіевская лѣтопись, *третій* разъ. Третье доказательство автора вовсе къ дѣлу не относится.

Wagosz o Elzbiecie Trzecelej żonie Jagelly (Другошъ о Елисаветѣ, третьей женѣ Ягеллы). Сочиненіе *Антоня Прохаски*. Львовъ.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать неосновательность мнѣнія г. Каро, высказаннаго имъ въ томъ III его *Geschichte Polens*, часть xciv, отд. 2.

о томъ, что Длугошъ тенденціозно и невѣрно очертилъ личность Елисаветы, которую не любилъ выѣсть съ канцлеромъ и другими лицами, ибо она принадлежала къ нѣмецкой партіи въ Польшѣ. Г. Прохаска на основаніи другихъ современныхъ источниковъ доказываетъ вѣрность разказа Длугоша: минимая тенденціозность Длугоша есть ни что иное, какъ отраженіе общаго тогда въ Польшѣ мнѣнія, враждебнаго свадьбѣ короля съ Елисаветой и ея коронаціи. Авторъ успѣлъ въ своей задачѣ, но не исполнилъ: гипотезы г. Каро о Вислѣ, первымъ мужѣ Елисаветы, онъ не опровергнулъ и еще болѣе запуталъ дѣло, доказательства же автора противъ этой гипотезы недостаточны (стр. 14, 15); авторъ неосновательно приписываетъ г. Каро мнѣніе, будто Елисавета „была красива и молода“ (стр. 8), между тѣмъ какъ г. Каро (стр. 477, 480) говоритъ совсѣмъ противное, согласно Длугошу; авторъ говоритъ, что бракъ Ягеллы съ Елисаветою совершился 1-го мая 1417 г. и въ доказательство тому (стр. 39) ссылается на Краковскій календарь (Mon. Pol. hist., II, 937), но здѣсь объ этомъ не упоминается; на стр. 29 авторъ говоритъ, что Владиславу-Ягеллѣ было въ то время „почти шестьдесятъ лѣтъ“ — это ложно: Ягеллѣ было тогда 66 лѣтъ. Методъ автора неправиленъ: онъ сначала высказываетъ, что разказъ Длугоша вѣренъ и лишенъ односторонности, а мнѣніе г. Каро ложно; лучше было бы обратнымъ индуктивнымъ методомъ прійти къ этому результату. Неумѣстенъ также въ научномъ сочиненіи легкій ироническій тонъ и не совсѣмъ приличны выходки (напримѣръ, на стр. 55) противъ г. Каро.

Władysław II Czeski królem polskim (Вратиславъ II Чешскій какъ Польскій король). Соч. А. Левицкаго. Пржемысль.

Авторъ защищаетъ сказаніе Козьмы Пражскаго о пожалованіи Вратиславу II Генрихомъ IV въ 1086 г. титула Польскаго короля, сопоставляетъ это сказаніе съ двумя письмами Погунтскаго архіепископа Везилона къ Вратиславу и съ подложною фундаціонною грамотою Пражскаго епископства съ цѣлью объяснить притязанія и основаніе наміреній Вратислава относительно Польши. Вслѣдствіе временнаго несогласія Владислава-Германа въ 1086 г. съ императоромъ, тотъ, желая снискать помощь у Вратислава, отдалъ ему въ ленное владѣніе Польшу и скрѣпилъ грамоту Пражскаго епископства, опредѣляющую зависимость всей южной Польши отъ Пражскаго епископа. На этомъ основаніи Вратиславъ хотѣлъ подчинить себѣ Польшу, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ Польскій король Владиславъ-Германъ раз-

рушилъ его планы, женившись на сестрѣ императора Софіи-Юдифи. Ничего новаго авторъ не высказываетъ въ этой книгѣ; болѣе удачно только, чѣмъ Вѣлевскій, Реппель, Гизебрехтъ, объясняетъ онъ противорѣчія мнѣній ученыхъ и самое событіе, очень неясное по недостатку историческихъ о немъ свѣдѣній.

Dr. Antoni J. Opowiadania historyczne. (Д-ръ Антошъ. Историческіе разказы). Львовъ.

Авторъ составилъ уже довольно извѣстное имя историческими разказами, содержаніе которыхъ взято изъ исторіи Подоліи XVII и XVIII столѣтій. Теперь онъ издалъ семь новыхъ разказовъ: 1) „Подъ полумѣсяцемъ“—или взятіе Каменца Турками въ 1673 году; 2) „На окрайнихъ“—пограничная борьба Польши съ Татарями въ XVIII вѣкѣ; 3) „Пребываніе короля“ Станислава Августа въ Каменцѣ; 4) „Сармацкій князь“—Юрій Хмѣльницкій; 5) „Тульчинскій дворъ“ Щенснаго Потоцкаго; 6) „Судьбы красивой женщины“—Софія, жены полковника Витта, потомъ Щенснаго Потоцкаго; 7) „Тинна въ концѣ XVIII вѣка“. Хотя авторъ увѣряетъ читателя, что онъ пишетъ историческіе разказы, а не повѣсти, и что пользуется для нихъ „поврежденными временемъ рукописями“, но вѣрить ему трудно, такъ какъ рукописей этихъ онъ не называетъ и не упоминаетъ что именно взято имъ изъ нихъ; тѣмъ болѣе трудно вѣрить его утвержденіямъ, что иногда онъ очевидно даетъ волю своему воображенію, вводя въ разказъ такіе романтическіе эпизоды, какъ напримѣръ, любовь Татарина и монахини въ первомъ изъ упомянутыхъ разказовъ. Впрочемъ въ разказахъ этихъ много любопытныхъ и неизвѣстныхъ подробностей, изложенныхъ съ большимъ талантомъ. Желательно было бы, чтобъ авторъ указывалъ источники и не повторялъ нѣкоторыхъ подробностей два раза, какъ это случается въ разказахъ пятомъ и шестомъ, похожихъ одинъ на другой содержаніемъ.

III. *Біографіи и біографическіе эскизы.*

Spiełmir herbu Leliwa, kasztelan Krakowski, założyciel Tarnowa i Mielzyna. (Спицимиръ герба Лелпна, Краковскій кастелянтъ, основатель Тарнова и Мельзитина). Историческая монографія М. А. Туркавскаго. Львовъ.

Многаго недостаетъ этому труду, чтобъ его можно было назвать монографіей въ надлежащемъ смыслѣ этого слова; онъ имѣетъ отрывочный характеръ, походить на мозаику, которой недостаетъ многихъ

хамшиковъ, а потому о цѣломъ нельзя составить себѣ понятія. Причина тому заключается въ свойствахъ матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, въ ихъ скудости; изъ грамотъ очень немногія данныя можно извлечь для біографіи лица столь отдаленной эпохи, какъ XIV столѣтіе (Спицимиръ умеръ въ 1352 г.). Кромѣ грамотъ, авторъ пользовался Длугошемъ и трудами новѣйшихъ ученыхъ—Валинскаго, Моравскаго, Шайнохи, Семковича и проч. Онъ тщательно собралъ всѣ извѣстія по этому предмету, связалъ ихъ, на сколько то было возможно, въ хронологическомъ порядкѣ и исправилъ ошибочныя извѣстія, напримѣръ, о времени смерти Спицимира. Въ трехъ приложеніяхъ обращено вниманіе на несостоятельность разказовъ геральдиковъ о гербѣ Лелива, перечислены всѣ грамоты, въ которыхъ упоминается Спицимиръ, и сообщено извѣстіе о рукописи институту Оссолинскихъ, въ которой авторъ нашелъ нѣсколько новыхъ извѣстій и грамотъ.

Spytko z Melsztyna, wojewoda Krakowski, założyciel Sambora. (Спытко изъ Мельштина, Краковскій воевода, основатель Самбора). Соч. М. Тур-ковскаго. Львовъ.

Этотъ трудъ лучше предыдущаго, ибо авторъ имѣлъ въ рукахъ больше источниковъ и успѣлъ довольно полно обработать по крайней мѣрѣ нѣкоторыя стороны политической дѣятельности Спытка, и въ особенности его заботы по устройству своихъ обширныхъ вѣнцій. Спытко изъ Мельштина въ концѣ XIV столѣтія игралъ видную и важную роль: онъ имѣлъ вліяніе на избраніе Ядвиги, пріѣздъ ея въ Польшу и соединеніе Литвы съ Польшею; онъ велъ переговоры и войну съ княземъ Опольскимъ Владиславомъ, а потому нѣкоторыя извѣстія о немъ находятся не только въ польскихъ хроникахъ, но и въ венгерскихъ и русскихъ; конечно, Длугошъ занимаетъ первое мѣсто между ними. Пробѣлы авторъ пополнялъ извѣстіями, почерпнутыми изъ грамотъ, и гипотезами, напримѣръ, на стр. 52, 54; на основаніи грамотъ онъ также объясняетъ или критикуетъ показанія Длугоша (стр. 59). Трудодобиво собраны въ этой монографіи всѣ данныя къ жизни Спытка изъ Мельштина; число ихъ можно бы пополнить еще нѣкоторыми новыми, находящимися въ грамотахъ вновь изданнаго VI тома „Городскихъ и земскихъ актовъ“.

Andrzej z Plasków Bobola, podkomorzy koronny Zygmunta III. (Андрей изъ Писковъ Боболя, коронный подкоморій Сигизмунда III). Написанъ Людовикъ Заревичъ. Львовъ.

Павелъ Писецкій въ хроникѣ своей говоритъ, что Боболя былъ

орудіемъ вліянія іезуитовъ на Сигизмунда III и по ихъ вліянію получилъ эту должность. Г. Заревничъ поставилъ себѣ задачей опровергнуть сказаніе Пясецкаго; съ этою цѣлью въ первой части онъ разсказываетъ жизнь Боболи (стр. 5—51), а во второй характеризуетъ Пясецкаго и его сочиненіе и старается доказать ложность его мнѣнія о Боболи (стр. 52—91); въ приложеніи (стр. 93 — 101) напечатано 10 писемъ Боболи къ Вармійскому епископу Шимону Рудницкому, впрочемъ не важныхъ для характеристики Боболи. Въ первой части авторъ пользуется какъ источниками Скаргою, Бембусомъ, Шавинскимъ и Волловичемъ, то-есть, іезуитами или людьми благосклонными и хорошо расположенными къ іезуитамъ; показанія всѣхъ ихъ дѣйствительно представляютъ Боболю какъ ревниваго сторонника этого ордена, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ, а потому не могутъ служить доказательствомъ ложности мнѣнія Пясецкаго и не опровергиваютъ ея. Односторонность автора видна еще болѣе изъ второй части: онъ тщательно собралъ все, что сказали противъ Пясецкаго польскіе историки, особенно же Бартошевичъ, за котораго авторъ постоянно прячется, хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что Бартошевичъ былъ горячимъ защитникомъ іезуитовъ и потому не могъ безпристрастно оцѣнить Пясецкаго, который сознавалъ дурное вліяніе ордена. Вообще авторъ съ предвзятою идеей взялся за дѣло и односторонне посмотрѣлъ на Боболю и на Пясецкаго.

Jerzego Ossolińskiego kancelerza wielkiego koronnego Autobiografia. (Юрія Оссолинскаго, великаго короннаго канцлера, автобіографія). Издава инстп-тумъ имени Оссолинскихъ. Львовъ.

Автобіографія Юрія Оссолинскаго издава по собственноручной рукописи автора и тремъ копіямъ, находящимся между рукописами инсттута Оссолинскихъ. Она обнимаетъ первые 26 лѣтъ его жизни съ 1595 по 1621 годъ; авторъ разсказываетъ въ ней свою молодость, научныя путешествія по чужимъ странамъ, участіе свое въ походѣ королевича Владислава въ 1617 г. въ Россію, свою женитьбу и посольство въ Англію съ цѣлью склонить Якова I оказать Польшѣ помощь въ войнѣ съ Турками и позволить въ своемъ государствѣ набирать на эту войну наемныхъ солдатъ. Сочиненіе это, по собственнымъ словамъ автора, онъ пишетъ не съ цѣлью похвалы, а въ поученіе своему сыну, которому отецъ и совѣтуетъ, чтобы онъ подражалъ хорошимъ дѣяніямъ своихъ предковъ и избѣгалъ бы ихъ

заблужденій и ошибокъ. Вслѣдствіе того личность автора вездѣ на первомъ планѣ; онъ говоритъ только о себѣ, а о политическихъ событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ, но не безучастнымъ, упоминаетъ только иногда, добавляя въ скобкахъ: „исторія объ этомъ разкажетъ“ Возвратившись на родину изъ-за границы, онъ былъ назначенъ камергеромъ королевича Владислава и во время упомянутого похода находился при немъ постоянно; и тутъ Оссолинскій занимается только домашними дѣлами: разказываетъ свои отношенія и споры съ другими окружавшими Владислава лицами, отношенія королевича къ гетману Ходкевичу и проч. Другой и болѣе любопытный для исторіи эпизодъ жизни Оссолинскаго составляетъ посольство его въ Англію въ 1621 г.; онъ подробно описываетъ свое путешествіе и торжественный приемъ при королевскомъ дворѣ, приводитъ дословно всѣ касающіеся посольства документы, набрасываетъ картину политическаго состоянія Англіи и отношеній ея къ другимъ государствамъ, сообщаетъ извѣстія о современныхъ событіяхъ въ Европѣ и взглядъ на нихъ англійскаго кабинета. Издатели не сообщили ничего на счетъ времени, когда написана эта автобіографія: вѣроятно — незадолго передъ смертью, потому что разказъ внезапно прерывается въ іюнѣ 1621 г., такъ-что авторъ не досказалъ ни окончательнаго результата своего посольства, ни возвращенія въ Польшу. Языкъ автобіографіи не очень хорошъ, авторъ часто примѣшиваетъ къ польской рѣчи латинскія и италіанскія слова и фразы.

Żywot Tadeusza Kościuszki (Жизнь Тадеуза Косцюшки). Познань.

Хотя авторъ (г. Федоръ Жихлинскій) говоритъ, что онъ пишетъ на основаніи „существующихъ источниковъ“, однако нельзя не сомнѣваться въ истинности этого, прочитавъ произведеніе г. Жихлинскаго. Всѣхъ сочиненій, касающихся Косцюшки, въ польской и иностранныхъ литературахъ считается довольно много: одинъ списокъ ихъ составилъ бы половину разбираемой книги. Авторъ, не имѣющій обыкновенія указывать источники, ограничился только, кажется, сочиненіями Сѣминскаго, Пашковскаго, Войцискаго, Фалькенштейна, Цѣликовскаго и нѣсколькими письмами Косцюшки (къ Князевичу, Кимиту, Сегюру и Сосновскимъ). Вообще, трудъ автора дилетантскій и въ виду другихъ не имѣетъ значенія, но отличается изящнымъ изложеніемъ.

Bogdan Janski, szkic biograficzny (Богданъ Янскій, біографическій очеркъ). Сочиненіе *Эдмунда Галлге*. Познань.

Сочиненіе это раздѣляется на три части: біографія Янскаго, извѣстные источники для нея и источники неизвѣстные. Богданъ Янскій былъ первымъ изъ польскихъ эмигрантовъ 1830 г., игралъ въ эмиграціи видную роль и извѣстенъ какъ основатель „ордена повстанцевъ 3-го марта“. Не смотря на вышеприведенныя обстоятельства, равно какъ и на довольно значительную эмиграціонную литературу, нельзя на основаніи извѣстныхъ доселѣ источниковъ составить полный очеркъ его жизни и вполнѣ разъяснить его образъ мыслей и дѣятельность. Это видно и изъ упомянутого сочиненія. Оно похоже на мозаику; въ немъ сопоставлены трудолюбиво собранныя извѣстія, но не связаны единствомъ взгляда; оно можетъ только служить къ облегченію труда тому, кто захотѣлъ бы, отыскавъ новые источники, заняться тѣмъ же предметомъ. Вторая часть содержитъ въ себѣ разныя, даже мельчайшія извѣстія о Янскомъ, разбросанныя по разнымъ брошюрамъ и журналамъ. Въ третьей части изданы письма къ Янскому И. Домейки, В. Залѣскаго, А. Еловицкаго, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, и письма И. Н. Яновскаго, Л. Круликовскаго, В. Огинскаго, писанныя къ автору по поводу Янскаго, а также краткое извлеченіе изъ записокъ В. Косинскаго, относящееся къ этой личности.

Kuz życia i działalności Karola Libelta (Очеркъ жизни и дѣятельности Карла Либельта). Соч. *Герриха Щумана*. Познань.

Научнаго значенія книжка эта не имѣетъ; она написана ко дню годовщины смерти Либельта, для собора на стипендію его имени; она поверхностно и недостаточно знакомитъ читателей съ личностью, характеромъ, важнѣйшими событіями жизни, общественною и публицистическою дѣятельностью Либельта и вліяніемъ его на современное польское общество. Хотя заглавіе и не обязывало автора заниматься литературными произведеніями Либельта, тѣмъ не менѣе слѣдовало бы сдѣлать характеристику его и какъ писателя.

IV. Новые изданія старинныхъ книгъ.

Status Wislicki w polskim przekładzie 1460 r. (Вислицкій статутъ въ польскомъ переводѣ 1460 г.). Познань.

Вислицкій статутъ Казимира Великаго впервые былъ переведенъ на польскій языкъ въ 1449 г. Свентославомъ изъ Войцѣшина, кусто-

шемъ костела св. Іоанна въ Варшавѣ (по крайней мѣрѣ, болѣе древній переводъ до сихъ поръ неизвѣстенъ), второй же разъ—неизвѣстнымъ авторомъ въ 1460 г.—по мнѣнію Лелевеля и Цѣлиховскаго и въ 1455 г.—по мнѣнію Гельцеля; первый изъ этихъ переводовъ будетъ вскорѣ изданъ Курницкою библіотекою въ гомографическихъ снимкахъ, а второй вышелъ уже подъ приведеннымъ выше заглавіемъ тоже въ отличныхъ снимкахъ (чистомъ 69). Въ короткомъ предисловіи г. Цѣлиховскій, соображая нѣкоторыя палеографическія данныя, принимаетъ на счетъ 1460 года мнѣіе Лелевеля и опровергаетъ Гельцеля, который въ „Starodawne prawa polskiego rypniki“ (Древніе памятники польскаго права) описалъ подробно вѣстоующій кодексъ. Изданные снимки важны для палеографовъ и лингвистовъ, какъ памятники письма и языка, занимающій въ ряду древнѣйшихъ, по мнѣнію г. А. Малѣцкаго, пятое мѣсто.

Ortyle Magdeburgskie (Магдебургскіе приговоры). Познань.

Брошюра эта заключаетъ въ себѣ 12 листовъ гомографическихъ снимковъ съ кодекса Курницкой библіотеки и 5 листовъ объяснительнаго текста, составленнаго г. М. Бобржинскимъ. Ортіями (*ortyl, urtel, urtheil*) называются приговоры или судебныя толкованія, за которыми въ спорныхъ дѣлахъ или въ случаѣ непониманія права города, основанные на Магдебургскомъ правѣ, обращались въ высшій судъ по этому праву въ Магдебургѣ. Польскіе города, пользовавшіеся тѣмъ же правомъ до 1365 года, когда основанъ былъ въ Краковѣ Казимиромъ Великимъ высшій судъ по Магдебургскому праву, имѣли также по этому поводу сношенія съ Магдебургомъ и получали оттуда ортіи, дополняющіе въ извѣстной степени и объясняющіе нѣмецкое право; тѣ, которые паходится въ польскихъ городскихъ архивахъ и библіотекахъ, имѣютъ историческую важность еще въ томъ отношеніи, что указываетъ какъ часто происходили сношенія польскихъ городовъ съ Магдебургомъ. Всѣ извѣстные сборники ортіей г. Бобржинскій раздѣляетъ въ упомянутомъ предисловіи на пять редакцій, характеризуетъ каждую изъ нихъ и говоритъ, какой редакціи—каждый сборникъ. Ортіи сборника Курницкой библіотеки онъ раздѣляетъ на три части: первая часть (8 первыхъ листовъ снимковъ) переведена на латынскій языкъ съ первой подлинной нѣмецкой редакціи, что доказывается сопоставленіемъ и сравненіемъ ея съ ортіями Ягелонской библіотеки, изданными Вишневскимъ въ V-мъ томѣ Исторіи польской литературы; вторая часть (9-ый и 10-ый листъ снимковъ) принадлежитъ

пятой позднѣйшей редакціи, начала XV в., состоящей изъ ортилей первой редакціи, смѣшанныхъ съ ортилями, изданными Краковскимъ высшимъ судомъ—это видно изъ сравненія ея со сборникомъ библиотеки Оссолинскихъ; третья, наконецъ, часть (послѣдніе 2 листа снимковъ) заключаетъ въ себѣ 10 постановленій, сокращенныхъ только изъ ортилей и не имѣющихъ значенія въ виду другихъ. Важнѣе первая часть, потому что она переведена съ подлинной, не дошедшей до насъ въ полномъ первоначальномъ составѣ, нѣмецкой редакціи, и что въ ней находятся указанія, которыхъ въ другихъ сборникахъ нѣтъ, какъ напримѣръ: „Qidam concinis ciuitatis Cracoviensis“, „Nos scabini iurati ciuitatis Cracoviensis“, „coram dignitariis Regni Poloniae“ и проч., и которыя доказываютъ, что эти ортили даны Магдебургскимъ судомъ на вопросы, предложенные Краковскими мѣщанами. Снимки хорошо отдѣланы, и изданіе красиво, какъ всѣ изданія Курницкой библиотеки.

Marcholt Jana bakalarza z koszycezek (Мархолтъ Іоанна бакалавра изъ Кошичекъ). Полонь.

Большая часть историковъ польской литературы утверждаютъ, что Упомянутое произведеніе есть первое польское печатное сочиненіе; это мнѣніе основываютъ на словахъ типографа Ветора, который въ посвященіи сочиненія Войницкой кастеляншѣ, Аннѣ изъ Ярославля, говоритъ о немъ въ такомъ смыслѣ; нѣкоторые ученые, а именно—Подчашинскій и Вислочкий, думаютъ однако, что Веторъ разумѣлъ Мархолта первымъ печатнымъ произведеніемъ только своей типографіи, и что на основаніи его словъ нельзя еще заключать, чтобы до 1521 г. польскія сочиненія не были издаваемы другими типографіями. Трудно рѣшить этотъ споръ; кажется однако, что мнѣніе первыхъ, къ которому присоединяется и издатель, г. Цѣлиховскій, справедливѣе, ибо до сихъ поръ не извѣстно ни одного польскаго печатнаго сочиненія, которое было бы старше настоящаго; въ настоящее время нѣтъ даже ни одного полнаго экземпляра Мархолта; полнѣйшій изъ извѣстныхъ имѣетъ только четыре листа и находится въ библиотекѣ г. Пржиборскаго въ Варшавѣ; гомографическіе снимки этихъ четырехъ листовъ изданы Курницкою бібліотекою съ предисловіемъ г. Цѣлиховскаго, который исчислилъ въ немъ всѣ извѣстныя до нынѣ изданія, повторилъ изданіе 1840 года и добавилъ по изданіямъ 1607 и 1615 гг. „Wokabularz rozmaitych i potrzebnych sentencyi“ (Словарь различныхъ и необходимыхъ изреченій) и составленный имъ самимъ списокъ употребленныхъ словъ.

Apocalypsis. To jest dziwna sprawa skrytych tajemnic Pańskich, które Janowi świętemu, gdy był wygnany przez wyznanie wiary świętej na wyspę kłothory zwano Patmos, przez widzenia u przez Anioły rozlicznie zwiastowane były.

Подъ этимъ заглавіемъ Николай Рэй изъ Пагловницъ издалъ въ Краковѣ въ 1565 г. переводъ и объясненія Апокалипсиса Іоанна Богослова; до нашего времени дошли только четыре экземпляра этой книги. Курницкая бібліотека вновь издала всю книгу, состоящую изъ 212 листовъ, въ гомографическихъ снимкахъ, воспроизведшихъ всѣ подробности подлинной книги (первая только буква заглавія, въ подлинникѣ красная, сдѣлана здѣсь черною, какъ и прочія, краскою). О переводчикѣ печего говорить: заслуги его въ дѣлѣ развитія, образованія и усовершенствованія польскаго языка общезвѣстны; извѣстно также, что онъ былъ приверженцемъ реформациі; эти двѣ стороны его дѣятельности и убѣжденій ярко тутъ обнажуриваются.

Barłłomieja Zimorowicza Nymny na wroczyście święta Bogarodzicy (Вареолея Зиморовича Гимны на торжественные праздники Божьей Матери). Издалъ Владиславъ Вислоцкій. Краковъ.

Польскіе историки литературы знали эти гимны только по намекамъ своихъ предшественниковъ; единственный экземпляръ изъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ купленъ для Ягеллонской бібліотеки г. Эстрейхеромъ. По этому экземпляру 1640 года издалъ ихъ нинѣ вторично г. Вислоцкій. Всѣ они сочинены въ честь Божьей Матери (одня по случаю побѣды надъ Турками при Лепанто въ 1571 г.); стихъ въ нихъ ровный и гладкій въ слогѣ много поэтическихъ сравненій, но много и высокопарности. Г. Вислоцкій доказалъ въ своемъ изслѣдованіи, что авторъ гимновъ — Вареолея, а не Матвѣй Зиморовичъ, какъ утверждалъ еще Василій Рудомичъ, профессоръ, академикъ въ Замосцѣ, въ сочиненіи *Leo-Leopoliensis*, изданномъ въ 1651 г., и что поэтъ Матвѣя Зиморовича никогда не существовало ¹⁾.

¹⁾ Это сочиненіе вошло, какъ первый выпускъ, въ сборникъ «*Biblioteka przedruków*». Въ 1876 г. вышелъ второй выпускъ бібліотеки, заключающій въ себѣ очень рѣдкое сочиненіе Гличнера: *Erazma Glicznara Ksiądzki o wychowaniu*. Изданіе приготовилъ тотъ же г. Вислоцкій по единственному, дошедшему до насъ, экземпляру 1558 г.

Matthiae Casimiri Sarbevi Carmina postuma, e codice auctoris manuscripto nunc primum in licem edidit Joannes Krystyniacki. Львовъ.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ 23-хъ небольшихъ стихотворныхъ произведеній или одъ духовнаго содержанія; первыя семь суть піитическая передѣлка и „расширеніе“ словъ, сказанныхъ св. Андреемъ во время мученія; въ 8-мъ поэтъ славить мученика, а въ остальныхъ воспѣваетъ крестъ, на которомъ святой былъ распятъ, какъ символъ спасенія, мира, свѣта, любви, защиты и какъ знамя каждого христіанина. Предметъ свой авторъ расширилъ намеками на античный міръ, на разные отношенія жизни и повтореніемъ одиѣхъ и тѣхъ же мыслей различными словами. Сарбѣвскій и въ этихъ произведеніяхъ подражаетъ Горацию слономъ, способомъ изрѣченій и формою; всѣ почти эти произведенія написаны сафическимъ меншиимъ и алкаическимъ размѣрами. Въ предисловіи сообщены издателемъ свѣдѣнія и описаніе рукописи; тутъ же, на основаніи писемъ Сарбѣвскаго къ Плоцкому епископу Матвѣю Лубенскому, издатель заключаетъ, что это—послѣднія произведенія Сарбѣвскаго, сочиненныя имъ незадолго до смерти въ Кротахъ.

Еще объ изданіи Табари.

Мы ужъ имѣли случай ¹⁾ обратить вниманіе читателей *Журн. Мин. Нар. Просв.* на предпринятое профессоромъ де-Гуе въ Лейденѣ изданіе большой арабской лѣтописи Табари, столь давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемой всѣми интересующимися исторіей. Недавно мы получили отъ г. де-Гуе второй отчетъ о положеніи этого капитальнаго научнаго предпріятія ²⁾ и считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ.

Русскій читатель, знакомый съ значеніемъ Табари какъ источника для исторіи русской и для исторіи странъ, сосѣднихъ съ Россіей или ею покоренныхъ, увидитъ съ радостью, что дѣло изданія Табари наконецъ стало на твердую почву и представляетъ всѣ шансы на успѣхъ, но выстѣ съ тѣмъ не безъ удивленія замѣтитъ, что въ этомъ истинно международномъ дѣлѣ участія русскихъ ученыхъ учрежденій, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не видно. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, готовившееся тогда,

¹⁾ См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 года.

²⁾ The projected edition of Tabari. Second notice.

но вскорѣ остановившееся изданіе Табари встрѣчало горячее сочувствіе и сильную поддержку именно въ Россіи, какъ мы, между прочимъ, показали въ первой нашей зашѣткѣ объ этомъ предпріятіи.

Вотъ переводъ отчета г. де-Гуе:

„Около года тому назадъ я впервые объявилъ о проектѣ изданія большой арабской лѣтописи Табари и просилъ посильнаго содѣйствія всѣхъ, считающихъ это предпріятіе достойнымъ поддержки. Нынѣ приготовленіе текста на столько подвинулось впередъ, что фирма Брилли (Brill) принуждена разсылать подписные листы, чтобы узнать количество должествующихъ быть напечатанными экземпляровъ. Пользуюсь этимъ случаемъ для сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ нашего комитета.

„Когда мы разсылали проспектъ, у насъ еще была надежда, хотя и слабая, что полный экземпляръ сочиненія Табари найдется въ одной изъ библиотекъ Медины. Слухи о существованіи такого экземпляра ничѣмъ окончательно оказались ложными. Въ маѣ 1876 г. Юсуфъ Діахеддинъ ал-Халиди сообщилъ г. А. фонъ-Кремсеру, что при помощи разныхъ пріятелей онъ вслѣлъ тщательно обслѣдовать библіотеки Мекки и Медины, и результатомъ этихъ обслѣдованій было, что тамъ не находится ни единого отрывка арабскаго текста Табари. Нашлось лишь нѣсколько экземпляровъ турецкаго перевода персидскаго сокращенія, перевода, давно уже изданнаго въ Константинополѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, эти свѣдѣнія были подтверждены письмомъ (отъ 25-го октября 1876 г.) меккскскаго перифа Абдуллаха-паши къ Субхи-пашѣ, который вступилъ въ переписку объ этомъ по просьбѣ д-ра Мордтманна. Муфти шахитскаго толка, Сиди Джафаръ, по приказанію шерифа, обслѣдовалъ всѣ библіотеки Медины и также не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ упомянутаго выше перевода, лишеннаго всякаго значенія для насъ.

„Къ счастью, эти неутѣшительныя свѣдѣнія нашли себѣ противовѣсъ въ открытіи рукописей, о существованіи которыхъ мы ничего не знали до того времени. Библіотека Бенгальскаго азіатскаго общества въ Калькуттѣ владѣетъ драгоценнымъ отрывкомъ первой части. Эта рукопись была отдана въ наше распоряженіе съ величайшею готовностью. Въѣствъ съ нею мы получили копію съ нея, сдѣланную по почину профессора Влохманна, предугадавшаго нашу просьбу. Сэръ Вильямъ Мюръ (Muir) любезно разрѣшилъ намъ пользоваться прекрасною принадлежащею ему рукописью той части Табари, которая содержи́тъ въ себѣ жизнь пророка. Профессоръ Вейдштейнъ об-

ратилъ мое вниманіе на двѣ рукописи, которыя онъ вывезъ съ востока, и которыя, по его предположенію, содержатъ въ себѣ части Табари. Одна изъ нихъ находится теперь въ Берлинѣ, а другая въ Тюбингенѣ. При ближайшемъ изслѣдованіи мнѣніе профессора Вещштейна подтвердилось вполне. Берлинская рукопись обнимаетъ царствованіе Абу Бекра, а Тюбингенская — часть исторіи патриарховъ и Сассанидскій періодъ. Обѣ имѣютъ большое значеніе для возстановленія текста. Наша надежда найти отрывокъ Табари въ одной рукописи бібліотеки сэра Т. Филлипса (Phillipps) въ Челтенхэмѣ не оправдалась. Г. Нейбауеръ въ Оксфордѣ, любезно взявши на себя трудъ изслѣдованія этой рукописи, нашелъ, что она содержитъ въ себѣ часть персидскаго сокращенія. Г. фонъ-Кремеръ приобрѣлъ недавно нѣсколько древнюю рукопись, содержащую въ себѣ или другое историческое сочиненіе самого Табари, или же прибавленіе къ его лѣтописи. Некрологіи замѣчательныхъ людей занимаетъ въ немъ первенствующее мѣсто. Г. Кремеръ, живо интересующійся изданіемъ Табари, обѣщалъ прислать мнѣ эту рукопись для болѣе подробнаго изслѣдованія, на сколько она могла бы пригодиться для возстановленія текста лѣтописи. Г. Александръ (Искендеръ Ага) Абкаріусъ въ Бейрутѣ, извѣстный своими изданіями арабскихъ текстовъ, сообщилъ мнѣ, что эмиръ Аббасъ Канидъ въ Ливанскихъ горахъ владѣетъ вторымъ томомъ Табари, обнимающимъ періодъ приблизительно съ 70-го года гижры до 340-го. Такъ какъ онъ, Абкаріусъ, бралъ его на прокатъ, много лѣтъ тому назадъ, для преподобнаго Илей Смита (Eli Smith), то и надѣялся получить его еще разъ и въ такомъ случаѣ предложилъ списать его для меня, буде я того пожелаю. Я, конечно, принявъ его предложеніе съ большою радостью на тотъ случай, если бы рукопись дѣйствительно содержала часть подлиннаго Табари, въ чемъ я нѣсколько сомнѣвался. Г. Абкаріусъ однакоже былъ обманутъ въ надеждѣ получить рукопись, и я поэтому обратился къ д-ру М. Гартманну, состоящему при императорскомъ германскомъ консульствѣ въ Бейрутѣ. Д-ру Гартманну удалось изслѣдовать рукопись. Оказалось, что она содержитъ 3-ю часть арабскаго перевода персидскаго сокращенія, перевода, сдѣланнаго Хидромъ, сыномъ Хидра, въ 1533 г. по Р. Х. Вторая часть этого же перевода, и можетъ быть, того же самаго экземпляра находится въ университетской бібліотекѣ въ Лейденѣ (Каталогъ, II, 149).

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи состоянія текста выяснилось, что нѣкоторые отдѣлы по своей обширности превышаютъ силы тѣхъ лицъ, которымъ была поручена ихъ обработка. На сѣздѣ всѣхъ сотру-

никовъ въ Тюбингенѣ мы поэтому рѣшили пригласить въ составъ нашего комитета еще трехъ ориенталистовъ. Профессоръ Примъ, гг. Игнатій Гвиди и Станиславъ Гюаръ (Guyard) съ готовностью приняли наше приглашеніе. Такимъ образомъ обработка текста теперь распредѣлена между слѣдующими лицами:

„*Первая серія*: Введеніе, исторія патріарховъ, пророковъ и древнѣйшихъ царей—д-ръ И. Бартъ въ Берлинѣ; Сассанидскій періодъ—профессоръ Т. Нѣльдеке въ Страсбургѣ; жизнь Мохаммеда—проф. О. Лотъ въ Лейпцигѣ; исторія четырехъ „праведныхъ“ халифовъ—проф. Е. Примъ въ Боннѣ.

„*Вторая серія*: Исторія Омеядовъ, съ 40 года по 65 —проф. г. Торбеке въ Гейдельбергѣ; то же съ 65 г. по 99—Г. И. Гвиди въ Римѣ; то же съ 100 г. по 130 —д-ръ Д. Г. Мюллеръ въ Вѣнѣ.

„*Третья серія*: Исторія Аббасидовъ съ 131 г. по 159—д-ръ Максъ Грюнертъ въ Прагѣ; то же съ 159 г. по 218—г. Станиславъ Гюаръ въ Парижѣ; то же съ 218 г. по 302 — проф. М. И. де-Гуе въ Лейденѣ.

„На томъ же сѣздѣ мы окончательно согласились на счетъ метода обработки текста и наданія его въ свѣтъ. Такъ какъ лѣтописи Табари, вѣроятно, будутъ требоваться и въ мусульманскихъ странахъ, то мы рѣшились избрать шрифтъ, правящійся какъ Европейцамъ, такъ и Азіятцамъ, и поэтому остановились на бейрутскомъ шрифтѣ. Далѣе мы рѣшили, согласно вѣрному замѣчанію проф. Гильдемейстера, прибавить къ каждому тому подробный обзоръ его содержанія на одномъ изъ сирийскихъ языковъ и весь трудъ заключить точными указателями, глоссаріемъ замѣчательныхъ словъ и выраженій и введеніемъ, которое содержало бы въ себѣ біографію автора и описаніе употребленныхъ въ дѣло рукописей.

„Изготовленіе текста первой части каждой серіи нынѣ сдѣлало такіе успѣхи, что мы надѣемся быть въ состояніи приступить къ печатанію въ началѣ 1878 года. Д-ру Д. Г. Мюллеру было поручено трудное дѣло сличенія константинопольскихъ рукописей первыхъ, назначенныхъ къ печатанію, частей каждой серіи. Онъ недавно окончилъ это дѣло.

„Паша просьба о матеріальной поддержкѣ не была бесполезною. Не много времени спустя по разсылкѣ проспекта, проф. Амари прислалъ мнѣ 1675 франковъ, пожертвованныхъ итальянскимъ правительствомъ, академіей Линчеи (dei Lincei), Географическимъ обществомъ въ Римѣ, нѣкоторыми членами Ломбардскаго института въ

Миланѣ и другими учеными. Въ Англіи наше предпріятіе было горячо поддержано Королевскимъ Азіатскимъ обществомъ, рекомендаціи котораго мы преимущественно обязаны назначеніемъ въ нашу пользу 100 фунтовъ (= 2,500 франк.) министерствомъ индѣйскихъ дѣлъ „на покрытіе части предварительныхъ расходовъ“. Нѣсколько позже г. А. Гроге (Grote) сообщилъ мнѣ, что сэръ Салауъ Джентъ въ Хайдерабадѣ передалъ ему 100 фунтовъ (= 2,500 франк.) какъ его пожертвованіе на дѣло изданія лѣтописи Табари. Нѣкоторые ученые и покровители науки въ Англіи внесли еще сотню фунтовъ (= 2,500 фр.). Парижское Азіатское общество рѣшило подписаться на столько экземпляровъ изданія, сколько можно будетъ получить на 2,000 франковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ эту сумму нѣтъ же предоставить въ наше распоряженіе. Германское Азіатское общество назначило 1,500 марокъ (= 1875 фр.), Королевское академія въ Берлинѣ — 3,000 марокъ (= 3,750 фр.) и министръ народнаго просвѣщенія Фалькъ въ Берлинѣ обѣщалъ субсидію въ 2,000 марокъ (= 2,500 фр.). Тейлоровскій институтъ въ Гаарлемѣ назначилъ ежегодную субсидію въ 200 голландскихъ гульденовъ (= около 400 фр.), Королевскій Индѣйскій институтъ въ Гагѣ далъ 100 гульденовъ (около 200 фр.) и попечители Лейденскаго университета—1,000 гульденовъ (= 2000 фр.). Прошлагодній конгрессъ оріенталистовъ единогласно принялъ резолюцію ходатайствовать у Императорскаго русскаго правительства о поддержкѣ нашего предпріятія. Къ несчастію, обстоятельства помѣшали комитету дать ходъ этой резолюціи ¹⁾, но мы надѣемся, что она не будетъ забыта, такъ какъ мы еще далеко не имѣемъ достаточно средствъ для покрытія расходовъ на все изданіе, хотя и въ состояніи приступить нынѣ къ печатанію. По весьма умѣренному разчету, все изданіе обойдется въ 2,000 фунтовъ стерл. (= 50,000 фр.). До сихъ же поръ мы собрали лишь около половины этой суммы.

Такъ какъ цѣна каждаго полутома въ 320 страницъ не должна будетъ превышать 8 шиллинговъ (= 10 франковъ), то для покрытія расходовъ на печатаніе должно быть продано весьма значительное число экземпляровъ. Издатели будутъ даже лишены удовольствія разо-

¹⁾ Тутъ почтенный профессоръ нѣсколько ошибается. Сколько намъ известно, ходатайство комитета объ отчисленіи нѣкоторой части изъ остатковъ отъ суммъ, назначенной на съездъ и изданіе его трудовъ въ пользу изданія Табари уважено въ принципѣ, хотя самый размѣръ этой части еще не могъ быть опредѣленъ.

слать даровые экземпляры своимъ пріятелямъ. Поэтому мы еще разъ обращаемся ко всѣмъ считающимъ наше дѣло достойнымъ поддержки съ просьбою содѣйствовать ему или пожертвованіями въ пользу „фонда для изданія Табари“, или же подпискою на одинъ или нѣсколько экземпляровъ самаго изданія.

„Въ заключеніе же я долженъ выразить горячую благодарность отъ своего имени и отъ имени всѣхъ сотрудниковъ всѣмъ тѣмъ, кто намъ до сихъ поръ помогалъ своими драгоценными совѣтами и матеріальными вкладами. Лейденъ. 1877. М. И. де Гукъ, профессоръ арабскаго языка въ Лейденскомъ университетѣ.

Списокъ лицамъ и учрежденіямъ, принявшимъ участіе въ образованіи „фонда для изанія Табари“.

„Австрія: гофратъ Альфредъ фонъ-Кремеръ, въ Капръ — 160 франковъ.

„Англія: Г. министръ индійскихъ дѣлъ — 100 ф. ст. (2,500 фр.); сэръ Саларъ Джэпгъ — 100 ф. ст. (2,500 фр.); Давидъ Мэррей, въ Аделаидѣ, Австраліи — 20 ф. ст. (500 фр.); Е. В. Кауэль, профессоръ санскрита въ Кембриджѣ — 1 ф. 1 ш. (26 фр.); Вильямъ Райтъ, профессоръ арабскаго языка въ Кембриджѣ — 10 ф. (250 фр.); Э. Гвэстъ, глава Гонвилъ и Геджесъ-колледжа въ Кембриджѣ — 10 ф. (250 фр.); I. W. Восанкетъ, F. R. A. S., въ Клевсморѣ, въ Энфильдѣ, близъ Лондола — 10 ф. (250 фр.); графъ Крауфодъ и Валькэръ — 25 ф. (625 фр.); Р. Пэнъ-Смитъ, деканъ Кэнтерберійскій — 5 ф. (125 р.); Д-ръ I. Мюръ, въ Эдинбургѣ — 2 ф. (50 фр.).

„Франція: Азіатское общество въ Парижѣ — 2,000 фр.

„Гермнія: министръ народнаго просвѣщенія, въ Берлинѣ — 2,000 марокъ (2,500 фр.); Германское Азіатское общество — 1,500 мар. (1,875 фр.); Королевская академія наукъ, въ Берлинѣ — 3,000 мар. (3,750 фр.); профессоръ Гильдemeйстеръ, въ Вонпѣ — 80 гульден. (160 фр.).

„Италія: министръ народнаго просвѣщенія — 1,000 фр.; Академія dei Lincei, въ Римѣ — 200 фр.; Итальянское географическое общество въ Римѣ — 100 фр.; профессоръ сенаторъ М. Анари, въ Римѣ — 20 фр.; профессоръ Челестино Скиапарелли, въ Римѣ — 20 фр.; профессоръ Фаусто Лавиніо, во Флоренціи — 20 фр.; профессоръ де Губернатисъ — 20 фр.; нѣкоторые члены Ломбардскаго института въ Миланѣ — 160 фр.; профессоръ Сальваторе Куза, Палермо — 20 фр.; маркизъ Торреарса — 20 фр.; князь Скалеа, — 20 фр.; баронъ

Старрабба—20 фр.; Изидоро Карини—20 фр.; М. Криспо, въ національной библіотекѣ въ Палермо — 20 фр.; профессоръ Г. І. Асколи, въ Миланѣ — 15 фр.

Нидерланды: профессоръ Р. Дози, въ Лейдепѣ—10 гульд. (200 фр.); Тейлеровъ институтъ въ Гаарлемѣ — 1,000 гульд. — 2,000 фр.); Королевскій Индійскій институтъ въ Гагѣ — 100 гульд. (200 фр.); попечители Лейденскаго университета — 1,000 ф. (2,000 фр.)⁴.

Немного намъ остается прибавить къ свидѣніямъ, сообщаемымъ г. де-Гуэ. Позволяемъ себѣ еще разъ обратить вниманіе нашихъ ученыхъ учреждений на всю важность готовящагося изданія Табари и горячо рекомендовать его ихъ поддержкѣ. Благодаря принятому комитетомъ весьма дѣльному рѣшенію прибавить къ каждому тому подробнѣйшій обзоръ его содержанія на одномъ изъ общезнакомыхъ европейскихъ языковъ, пользованіе изданіемъ будетъ въ извѣстной степени доступно даже незнакомымъ съ арабскимъ языкомъ. Слѣдуетъ поэтому надѣяться, что между русскими учеными также найдется не мало лицъ которыя пожелали бы подпискою на одинъ или нѣсколько экземпляровъ содѣйствовать успѣшному ходу этого капитальнаго научнаго предпріятія. Подписка принимается фирмой Е. І. Брилла (E. I. Brill, Leide, Hollande). Нижеподписавшіяся съ удовольствіемъ предлагаютъ свои услуги для передачи названной фирмѣ заявленій о подпискѣ, равно какъ и денегъ по мѣрѣ выпуска въ свѣтъ самаго изданія. Все изданіе составитъ около 20 томовъ, по 10 франковъ каждый. Ежегодно будетъ выходить отъ 3 — 5 томовъ. Плата вносится по полученіи каждаго тома. Послѣ окончанія изданія цѣна его, конечно, будетъ значительно повышена.

Баронъ В. Розень ⁴⁾.

⁴⁾ Адресъ барона Владиміра Романовича Розена: Фурштатская, д. № 25.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА И ОБРАЗОВАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ВЪ РОССИИ ¹⁾.

I.

Екатерина II (1762—1769) и ея уставъ 5 августа 1786 года.
Эпоха Петра Великаго. — Екатерина II: предварительныя распоряженія;
уставъ 5 августа 1786 г. (высшія народныя училища и низшія); учительская
семинарія въ С.-Петербургѣ.

Исторія народныхъ училищъ въ Россіи начинается не ранѣе царствованія Екатерины II. Хотя еще Петръ Великій учредилъ, съ 1714 г., въ различныхъ городахъ народныя училища для дѣтей всѣхъ сословій (такъ называемыя школы цифирныя), съ цѣлью готовить для государственной службы людей, хорошо знакомыхъ съ чтеніемъ и письмомъ, но эти учрежденія не были ни многочисленны, ни охотно посѣщаемы. Не далѣе какъ въ 1720 году, по ходатайству жителей различныхъ городовъ, посадскихъ людей, ихъ дѣти были освобождены

¹⁾ Статья эта напечатана, на нѣмецкомъ языкѣ, въ «Encyclopädie des gesamten Erziehungs und Unterrichtswesen, herausgegeben von Dr. K. A. Schmid (Gotha 1877, Band XI). Источники авторомъ указаны слѣдующіе: 1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ж. М. Н. Пр.); 2) Сборникъ распоряженій по Мин. Народ. Просвѣщ., 4 тома, Спб. 1866—1874 гг. (Сб. Расп.); 3) Сборникъ постановленій по Мин. Народ. Просвѣщ., томы 1—3, 2-е изд. 1875 г. и томъ 4-й изд. 1871 г. (Сб. Пост.); 4) Сборникъ постановленій и распоряженій по учительскимъ институтамъ, учительскимъ семинаріямъ, городскимъ училищамъ и начальнымъ народнымъ училищамъ вѣдомства Мин. Народ. Просвѣщ. (для губерній, входящихъ въ составъ Московскаго учебнаго округа), Москва 1875 г. (Моск. Сборы.); 5) Н. X. Весселя «Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ и проч.» Спб. 1873, томъ 1; 6) Beiträge zur Geschichte und Statistik der Gelehrten und Schulanstalten des kaiserlich-russischen Ministeriums der Volksaufklärung, nach officiellen Quellen bearbeitet. St.-Petersburg 1866, 3 Bänd (Beiträge). Для перевода на русскій языкъ I. М. Стракъ снабдилъ ее дополненіями и исправленіями.

отъ обязанности посѣщать училища. Съ 1721 года, на основаніи Духовнаго Регламента, учреждены особыя училища для дѣтей духовнаго состоянія. Еще болѣе опустѣли цифирныя школы по учрежденіи въ 1732 г. школъ гарнизонныхъ, въ которыхъ обучались дѣти рядовыхъ солдатъ и выслужившихся офицеровъ низшаго разряда, благороднаго происхожденія. Кромѣ этихъ учебныхъ заведеній, существовали почти исключительно только спеціальныя училища военнаго и горнаго вѣдомствъ. Поэтому высшія сословія давали своимъ дѣтямъ образованіе, насколько оно требовалось и было имъ доступно, или посылая ихъ въ путешествіе за границу—мѣра, которую Петръ очень одобрялъ—или же посредствомъ обученія дома. Но какъ поверхностно производилось въ то время домашнее образованіе, можетъ указать слѣдующая характеристика этого способа воспитанія, сдѣланная однимъ изъ русскихъ изслѣдователей стариннаго училищнаго быта ¹⁾: „Русскій баричъ Петровскаго времени 17 и 18 лѣтъ считался еще неразумнымъ младенцемъ и жилъ въ своемъ помѣстьи, въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Воспитаніе его по болышей части ограничивалось чтеніемъ буквара и псалтыря, подъ указкою приходскаго дьячка, котораго ученикъ почиталъ болѣе своею забавой, нежели наставникомъ“.

Екатерина II, сильно озабоченная, въ первыя десятилѣтія своего царствованія, войною съ Турціею и смутами въ Польшѣ, тѣмъ не менѣе обратила вниманіе на школы и, сознавая ихъ численный недостатокъ, повелѣла въ 1775 г. приказамъ общественнаго приврѣпія (учрежденнымъ въ каждой губерніи и въ которые возложены были заботы объ образованіи и благотворительности вообще) употребить надлежащія старанія къ учрежденію училищъ, первоначально во всѣхъ городахъ, а потомъ въ многочисленныхъ селеніяхъ и мѣстечкахъ. При недостаткѣ, однако же, опытности учителей и даже учебниковъ, это повелѣніе не могло быть, по существу, приведено въ исполненіе. Не ранѣе 1781 года нашла императрица возможнымъ сосредоточить свое вниманіе на дѣлѣ народнаго образованія, которое принимала горячо къ сердцу. Въ этомъ году открыто было, въ семи городскихъ частяхъ столичнаго города Петербурга, столько же одноклассныхъ народныхъ училищъ, въ которыхъ преподаваніе главныхъ предметовъ поручено было священникамъ ближайшихъ приходовъ. Въ первый же

¹⁾ Н. А. Лебедевъ, Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ и проч., изд. 2-е. Сиб. 1875, стр. 125.

годъ по учрежденіи, эти заведенія насчитывали до 486 учениковъ. По удовлетвореніи такимъ образомъ крайней потребности столицы, надлежало обратить попеченіе и на другія, болѣе отдаленныя части обширнаго царства. Съ этою цѣлью императрица созвала, 7 сентября 1782 года, комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ. Президентомъ ея былъ назначенъ графъ П. В. Занаводскій, членами: Ф. И. Уиниусъ, П. И. Пастуховъ и вызванный изъ Австріи Янковичъ де-Миріено. На комиссію были возложены слѣдующія обязанности: приготовить учебники, составить уставъ народныхъ училищъ, учредить школы во всей имперіи и подготовить благонадежныхъ учителей. Главная часть работы досталась на долю Янковича: имъ собственно выработанъ учебный планъ, Высочайше одобренный 1 октября 1782 года; онъ приготовилъ къ учебному поприщу 20 воспитанниковъ Александровской семинаріи и составилъ большинство изданныхъ комиссіею учебниковъ; нѣкоторые изъ нихъ удостоились одобренія самой императрицы и были разрѣшены ею къ изданію и введенію въ употребленіе. Вслѣдствіе такой усиленной дѣятельности, оказалось возможнымъ преобразовать, съ начала же 1783 года, столичныя училища въ двухклассныя, значительно лучше устроенныя противъ прежнихъ. Для удовлетворенія, на первое время, потребности въ учителяхъ, при училищахъ, учреждаемыхъ въ различныхъ городахъ С.-Петербургской губерніи, комиссія подготовила къ учебнымъ запитіямъ до 70 молодыхъ людей, преимущественно изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ томъ же году (13 декабря 1783) было открыто въ С.-Петербургѣ четырехклассное Главное народное училище; кромѣ элементарныхъ свѣдѣній, тамъ преподавались: математика, естественная исторія, физика, географія, исторія, рисованіе и черченіе, русскій, латинскій и нѣмецкій языки; до 100 молодыхъ людей въ этомъ заведеніи содержались на казенный счетъ и знакомились съ требованіями и условіями учительскаго званія.

Въ 1786 г. комиссія признала подготовленіе учителей на столько подвинутымъ впередъ, что сочла возможнымъ приступить къ учрежденію училищъ и во внутреннихъ губерніяхъ. Высочайше утвержденный 5-го августа 1786 года общій уставъ народныхъ училищъ повелѣвалъ открытіе четырехклассныхъ главныхъ народныхъ училищъ въ 26 губернскихъ городахъ ¹⁾ и двухклассныхъ *малыхъ на-*

¹⁾ Эти 26 губерній были слѣдующія: С.-Петербургская, Московская, Ярославская, Вологодская, Владимірская, Костромская, Олонецкая, Архангельская,

родныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ. Училища каждой губерніи находились въ вѣдѣніи мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, председателю котораго (губернатору) было присвоено званіе попечителя народныхъ училищъ, по его распоряженію по этой части приподнялись въ исполненіе съ вѣдома мѣстнаго генералъ-губернатора. Непосредственное управленіе училищами, въ особенности главнаго народнаго училища, возложено было на директора народныхъ училищъ, а низшими народными училищами заведывалъ, въ видѣ его помощника, особый смотритель училищъ. Коммисія объ учрежденіи училищъ, собиравшаяся въ С.-Петербургѣ, составляла высшую инстанцію и была обязана изготолить ежегодный отчетъ на Высочайшее усмотрѣніе. Въ двухклассныхъ училищахъ преподавались: чтеніе, письмо, счетъ, сокращенный катехизисъ, священная исторія, первоначальныя правила русской грамматики (въ I классѣ); пространный катехизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, книга о должностяхъ человека и гражданина, первая часть ариметики, повтореніе свѣдѣній исторіи и русской элементарной грамматики, чистописаніе и рисованіе (во II классѣ). Въ низшихъ двухъ классахъ главной народной школы преподавались тѣ же предметы и кромѣ того еще латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ. Учебный планъ высшихъ двухъ классовъ обнималъ, кромѣ двухъ иностранныхъ языковъ, слѣдующіе предметы: пространный катехизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, чтеніе и объясненіе Евангелій, ариметику, русскую грамматику, всеобщую географію и русскій, всемірную исторію, чистописаніе (въ III классѣ); основанія геометріи, физики, механики, естественной исторіи, русскую грамматику съ письменными упражненіями въ составленіи писемъ, счетовъ, росписокъ и тому подобнаго, всеобщую и русскійскую географію, математическую географію, всемірную и русскую исторію, черченіе и рисованіе (въ IV классѣ).

При четырехклассной народной школѣ состояло шесть учителей, при двухклассной только по два въ каждой. Курсъ продолжался въ низшихъ трехъ классахъ по одному году, въ четвертомъ два года. Для преподаванія закона Божія не было особыхъ учителей.

Въ одно время со введеніемъ устава (22-го сентября 1786 года)

Казанская, Вятская, Нижегородская, Новозенская, Пермская, Саратовская, Сибирская, Рязанская, Тамбовская, Орловская, Курская, Воронежская, Тульская, Калужская, Тверская, Полтавская, Псковская, Смоленская.

отъ С.-Петербургскаго главнаго народнаго училища отдѣлена была учительская семинарія. Въ послѣдней преподавались тѣ же предметы, только подробнѣе, и вновь присоединено къ нимъ преподаваніе греческаго языка. Преподаваніе было возложено на учителей главнаго народнаго училища. Въ 1789 году послѣдовалъ первый выпускъ учениковъ изъ семинаріи (числомъ 64); въ теченіе своего 15-лѣтняго существованія до конца 1801 года, это заведеніе успѣло приготовить къ учебному поприщу 275 молодыхъ людей. До 1786 г. подготовлено было 150 учителей, общее ихъ число простиралось до 425. Семинарія готовала учителей только для главныхъ народныхъ училищъ, а въ этихъ готовались учителя для малыхъ народныхъ училищъ, преимущественно изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Хотя по уставу учителя считались на дѣйствительной государственной службѣ и имъ былъ присвоенъ чинъ, соответственный ихъ должности, однако ихъ общественное положеніе было крайне неудовлетворительно. Скучное содержаніе не выплачивалось исправно; привазы общественнаго призрѣнія задерживали его выдачу, озабочиваясь покрытіемъ другихъ расходовъ. Только учителя рисованія имѣли возможность заработать себѣ незначительную прибавку на сторонѣ, въ свободное для нихъ послѣобѣденное время по средамъ и субботамъ. Преподаватели, неспособные къ продолженію службы, пенсіи не получали, ихъ вдовамъ и несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ не оказывалось никакой поддержки. Отставка дозволялась учителямъ высшихъ классовъ не ранѣе 22-го года службы, преподавателямъ низшихъ классовъ не ранѣе 36 лѣтъ. Поэтому учительское званіе немногіе избирали добровольно; несравненно болѣе молодыхъ людей назначались на эту должность изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, просто по приказанію своего епархіальнаго начальства. Такимъ образомъ, образованіе русскаго юношества нерѣдко вѣтрялось людямъ неспособнымъ, не имѣвшимъ никакой привязанности къ своему дѣлу и охоты, къ тому же, иногда людямъ дурной нравственности. Вслѣдствіе такой обстановки, училищная коммиссія бывала часто вынуждена присуждать учителей къ аресту и къ содержанію на хлѣбѣ и водѣ, даже сдавать за наказаніе въ солдаты. Метода преподаванія, введенная Лиховичемъ, очень скоро была заброшена, и часы уроковъ были заняты простымъ переспросомъ отъ учениковъ механически выученаго ими паязусть. Нѣсколько лучше удавались главные народныя училища, потому что были снабжены болѣе способными преподавателями и, состоя подъ ближайшимъ надзоромъ приказовъ обществен-

наго призрѣнія, въ матеріальномъ отношеніи были лучше отъ нихъ надѣляемы. Желаніе комиссіи училищъ, чтобы и для низшихъ народныхъ училищъ были учреждены особыя учительскія семинаріи, не достигло осуществленія; напротивъ, даже Петербургская семинарія для образованія преподавателей въ главныя народныя училища была въ 1801 году упразднена и закрыта.

II.

Александръ I (1801—1825) и его уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ, 5 ноября 1804 года.

Главныя основанія устава: приходскія училища, уѣздныя училища; приготовленіе учителей; училищный надзоръ (почетные смотрители); дѣятельность духовенства; важнѣйшіе недостатки уѣздныхъ училищъ. — Западныя губерніи.

Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (8 сентября 1802 года) и преобразованіемъ прежней комиссіи училищъ въ Главное управленіе училищъ, введено было гораздо болѣе единства въ дѣло управленія училищами, которыя до того времени зависѣли отъ различныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія; 24 января 1803 года послѣдовало учрежденіе 6 учебныхъ округовъ: Московскаго, Виленскаго, Дерптскаго, Харьковскаго, Казанскаго и С.-Петербургскаго ¹⁾ и въ то же время обнародованы „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“ (Сб. Пост. I, 13 и 21); 5 ноября 1804 г. Высочайше утверждены (почти одинаковаго содержанія) три устава университетовъ — Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго — и подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній (Сб. Пост. I, 331). Такъ какъ

¹⁾ Въ *Московскому* округу причислены губерніи: Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская; къ *Харьковскому* — Харьковская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская, земли войска Донскаго и Черноморскаго; къ *Казанскому* — Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Калкасская область, Оренбургская губернія, Сибирская, Тобольская, Иркутская; къ *С.-Петербургскому* — С.-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонская, Архангельская; къ *Виленскому* — Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Кіевская, Подольская; къ *Дерптскому* — Лифляндская, Эстляндская, Курляндская и Финляндіи (Финскія школы въ май 1812 года подчинены духовной консисторіи города Бюрга. Сб. Респ. I, 216).

указаніемъ 5 ноября ¹⁾ не замѣняли дѣйствующія до того времени правила чѣтъ-либо новыми, но только ихъ видоизмѣняли и развивали, то, мы полагаемъ, достаточно сдѣлать изъ нихъ короткое извлеченіе.

Учебныя заведенія раздѣлены были на четыре разряда; училища каждаго разряда (и это составляетъ основу новыхъ уставовъ и ихъ отличительную особенность) приготовляли къ переходу въ слѣдующій имъ высшій разрядъ: приходскія училища предполагалось учредить гдѣ только представится возможность, но крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ приходѣ; уѣздныя училища намѣревались открыть по одному въ каждомъ уѣздѣ; гимназін (преобразованныя изъ главныхъ народныхъ училищъ) въ каждомъ губернскомъ городѣ и, наконецъ, университеты въ каждомъ учебномъ округѣ. Общій надзоръ за всѣми учебными заведеніями въ государствѣ и завідованіе ими были возложены на Главное Управленіе училищъ, котораго члены, въ званіи попечителей (кураторовъ), управляли непосредственно каждый особымъ учебнымъ округомъ; каждый университетъ завідовалъ всею учебною частью соотвѣтствующаго ему округа; въ каждой губерніи эта обязанность возлагалась на директора мѣстной гимназін и въ каждомъ уѣздѣ на смотрителя уѣзднаго училища.

Приходскія училища (§§ 118—140 уст. учебн. завед.). Приходскія училища въ казенныхъ селахъ вѣрялись попеченію приходскаго священника и одного изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селахъ — попеченію самого владѣльца (§ 118). Забота о благоустройствѣ этихъ учебныхъ заведеній возлагалась на смотрителя уѣзднаго училища, который по дѣламъ училищнымъ входилъ въ сношеніе съ директоромъ гимназін, а въ случаѣ надобности обращался непосредственно къ помѣщикамъ или просилъ содѣйствія уѣзднаго предюдителя дворянства (§ 107). Приходскія училища содержались въ городахъ на сборы городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ на издѣваніи прихожанъ, и въ селеніяхъ помѣщичьихъ зависѣли отъ

¹⁾ Тѣ же правила были первоначально обязательны для учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго и Дерптскаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить относительно Дерптскаго округа изъ того обстоятельства, что указомъ 16 августа 1806 г. (Сб. Распор. I, 95) сдѣланы нѣкоторыя измѣненія для этого округа изъ общихъ правилъ, напримѣръ: при существованіи двухклассныхъ училищъ дозволено открытіе и трехклассныхъ, въ которыхъ преподавался латвискій языкъ, начиная со втораго класса. Для Дерптскаго университета и его округа новый уставъ утвержденъ 4 іюня 1820 года; Виленскій округъ получилъ особый уставъ еще ранѣе, 18 мая 1804 года.

распоряженій помѣщикомъ (§ 162). Въ нихъ обучались: чтенію, письму, основаніямъ счетоводства, главнымъ началамъ вѣроученія и нравственности. Изъ реальныхъ знаній преподавалось „краткое изъясненіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья“. По крайней мѣрѣ, такое руководство требовалось имѣть при училищѣ, въ числѣ учебныхъ пособій, его читать и объяснять (§ 132). Ученіе, начиная отъ окончанія полевыхъ работъ, продолжалось до начала ихъ въ слѣдующемъ году (§ 126), но въ мѣстахъ, гдѣ живутъ ремесленники и купцы—круглый годъ (§ 131). Въ училищѣ полагался одинъ классъ, но если много учениковъ, требовалось раздѣлить его на два отдѣленія, высшее и низшее, съ отдѣльными преподаваніемъ въ каждомъ, въ особые назначенные часы (§ 127).

Уѣздныя училища (§§ 83—117). Учебный планъ. I классъ: законъ Божій (4 часа), должности человѣка и гражданина (4), грамматика русскаго языка и мѣстнаго нарѣчія (6), чистописаніе (5), правописаніе (3 часа; а для учениковъ, готовящихся къ поступленію въ гимназію, чтеніе и письмо на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ), арифметика (6), рисованіе (4). II классъ: законъ Божій (3), правила слова (3), арифметика (4), географія всеобщая и Россійскаго государства (4), исторія всеобщая и Россіи (5), начала геометріи (3), технологія (3), физики и естественной исторіи (3), рисованіе (4 для обоихъ классовъ вмѣстѣ). Слѣдовательно, ученіе продолжалось въ каждомъ классѣ по 32 часа въ недѣлю. Курсъ каждаго класса былъ годичный, и преподаваніе распредѣлялось между двумя учителями (кроме третьяго для рисованія). Уѣздныя училища содержались отъ казны, съ дополненіемъ, однако, отъ городскихъ суммъ, до того времени отнускавшихся (§ 161).

Приготовленіе учителей. Отдѣльныхъ учительскихъ семинарій для снабженія преподавателями училищъ нашего разряда, въ этотъ періодъ времени, вовсе не существовало въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ ¹⁾. Хотя, 25 октября 1817 года, Высочайше одобрено было учрежденіе при Главномъ педагогическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ втораго отдѣленія или *разряда* для образованія учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ (Сб. Пост. I. 1,097); но его от-

¹⁾ Въ городѣ Ловичѣ (въ Царствѣ Польскомъ) существовалъ съ 1805 г. институтъ для образованія учителей элементарныхъ школъ, учрежденный прусскими правительствомъ (Сб. Пост. II в. 388).

крытие послѣдовало не ранѣе 19 сентября 1819 г. и не протекало трехъ лѣтъ, какъ этотъ „Учительскій институтъ“ ¹⁾ былъ снова закрытъ (докладъ 25 іюня 1822 г. Сб. Пост. I, 1658). Въ 1815 г. комитетъ министровъ разрѣшилъ, постановленіемъ 13 февраля (Сб. Пост. I, 842), отпускать изъ остатковъ отъ капиталовъ и суммъ гимназій по 75 и 100 рублей ежегодно въ стипендію тѣмъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, наиболѣе прилежнымъ, которые согласятся посвятить себя должности уѣзднаго или приходскаго учителя ²⁾. Высочайшее повелѣніе 1819 года (Сб. Расп. I, 464 и слѣд.), подтверждая это распоряженіе, въ то же время возвысило размѣръ стипендій до 100 и 200 руб. Рѣшеніемъ Главнаго правленія училищъ отъ 25 января 1822 г. (Сб. Расп. I, 464) дозволялось обращать остатки суммъ, въ тѣхъ уѣздныхъ училищахъ, которыя нуждаются въ учителяхъ, на подобныя же стипендіи, если ходатайствующій о стипендіи namѣревался впоследствии поступить учителемъ въ училище, которое его содержало. Только при Виленскомъ университетѣ учреждена была, законодательнымъ актомъ 9 іюля 1819 г., особая семинарія для образованія приходскихъ учителей и органистовъ, которая существовала до 1831 г. (Сб. Пост. I, 1289 и Сб. Расп. II, 420, примѣч.). Въ 1824 г., 11 апрѣля, Высочайше разрѣшено учрежденіе частныхъ училищъ въ Остзейскихъ губерніяхъ для образованія способныхъ учителей крестьянскихъ школъ (Сб. Пост. I, 1759). Въ 1827 году, при Симферопольской гимназій учреждено было отдѣленіе для образованія татарскихъ учителей (уставъ 15 мая 1838 г. Сб. Пост. II, 47, 1838 и Сб. Расп. II, 292) Учрежденная въ Дерптѣ семинарія для образованія учителей начальныхъ училищъ, для которой купленъ былъ домъ въ 1825 г. (25 августа, Сб. Пост. I, 1862), открыла свою дѣятельность не ранѣе 1828 года. Въ учителя уѣздныхъ училищъ поступали преимущественно воспитанники духовныхъ семинарій; лучшіе преподаватели въ элементарныхъ школахъ еще принадлежали, по большей части, въ званіи дьяконовъ, дьячковъ, пономарей и т. п., къ духовному сословію.

Училищный надзоръ. Существовавшій обычай выбирать смотрителей уѣздныхъ училищъ изъ числа учителей имѣлъ двойную выгоду:

¹⁾ Дѣятельность его уже была съ 1820 года ограничена одними приходскими училищами, когда введены предварительныя правила для института, проектированныя въ министерствѣ (Сб. Расп. I, 419).

²⁾ Наиболѣе способныхъ дозволено переводить въ университеты, на счетъ гимназій, въ которыхъ обучались, чтобы готовиться къ замѣщенію впоследствии должности учителей гимназій.

воперныхъ, такое обыкновеніе общаемо наиболѣе усерднымъ движеніе по службѣ, воторыхъ, вѣрнѣе надзоръ надъ училищами людьми опытнымъ. Но, такъ какъ въ небольшихъ городкахъ господствовали сильныя предубѣжденія противъ учителей, съ присоснѣнными имъ низшими чинами по службѣ, то пришлось изыскивать особенныя средства для усиленія въ обществѣ сочувствія и довѣрія къ учебнымъ заведеніямъ (Циркуляръ 4 сентября 1811 г. Сб. Расп. I, 196). Съ этою цѣлью Высочайшимъ повелѣніемъ 26 августа 1811 г., учреждены были почетные смотрители уѣздныхъ училищъ, избираемые изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и имѣющихъ „личныя достоинства, къ сему званію потребныя“ (Сб. Пост. I, 740). Иштатный смотритель уѣздныхъ училищъ былъ подчиненъ почетному смотрителю училищъ и посылалъ ему доносенія. Этотъ послѣдній считался покровителемъ училищъ и заботился объ ихъ выгодахъ, для чего входилъ въ сношеніе съ директоромъ губернскихъ училищъ, не нарушая ни въ чемъ порядка, заведеннаго училищными постановленіями. Не получая никакого содержанія, онъ пользовался однако всѣми правами государственной службы. „Мы удостовѣрены“, сказано въ указѣ, „что поволе сие поприще, открываемое для службы дворянства, возбудитъ въ немъ ршеніе отличиться на ономъ содѣйствіемъ своимъ образованію народному“. Только 8 марта 1819 г. (Сб. Пост. I, 1278) было дозволено опредѣлять чиновниковъ не изъ дворянъ въ почетные смотрители въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ дворянъ не находится.

Въ то время какъ помѣщики очень мало заботились объ умноженіи и улучшеніи народныхъ школъ, духовенство, возбужденное усердіемъ къ этому дѣлу, обнаруживало болышую дѣятельность, особенно въ первое время. Синодъ уведомилъ 12 сентября 1804 года сенатъ, по поводу обнародованныхъ „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“, что церковнослужители въ деревняхъ болышею частью обременены не только исполненіемъ обязанностей, лежащихъ на нихъ по собственной ихъ службѣ, но и замѣщеніемъ заблѣвающихъ своихъ сослуживцовъ, часто живущихъ на дальномъ отъ нихъ разстояніи, обременены также заботами о слосмъ домоводствѣ, круглый годъ занимаясь, то полевыми работами, то молотбѣю и сбытомъ убраннаго хлѣба, и поэтому не въ состояніи удѣлять своего времени преподаванію; тѣмъ не менѣе возможно, доколѣ будетъ ощущаемъ недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ, возложить на первый случай преподаваніе на діаконѣвъ и причетниковъ, учивъ

шихся въ семинаріяхъ и испытанныхъ въ честномъ поведеніи и прилежномъ прохожденіи своего званія, подъ надзоромъ приходскаго священника и благочиннаго; относительно же недѣлностнаго ученія и должнаго повиновенія учащихся — подъ надзоромъ одного изъ почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей. Поэтому предполагалось открыть училища первоначально въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ имѣлись церковнослужители, способные къ преподаванію. И въ другія селенія мѣстные архіереи должны были назначать, по возможности скорѣе, духовныхъ лицъ для той же цѣли. Въ приходахъ, гдѣ имѣлись по два и по три комплекта священно и церковнослужителей, эти лица должны были чередоваться въ преподаваніи въ теченіе года. Церковнослужители, обучившіеся въ семинаріи, должны были подготавливать другихъ причетниковъ въ своемъ приходѣ, по обучавшихся, постепенно къ той же дѣятельности и собѣ въ помощники; новсе неспособныхъ къ преподаванію поремѣщать, даже не принимавъ ихъ согласія, въ селенія, гдѣ преподаваніе и безъ нихъ обезпечено; оказавшихъ успѣхи въ преподаваніи переводить, по мѣрѣ возможности, на лучшія мѣста, преимущественно въ такія села, гдѣ не открыто еще училищъ. Еслибы учительская дѣятельность кому либо изъ нихъ помѣшала участвовать во всѣхъ требяхъ, то не лишать его доли въ церковныхъ сборахъ. Вслѣдствіе такого сообщенія, сенатъ предписалъ 31 января 1805 года всѣмъ начальникамъ губерній и губерпскимъ правасніимъ, чтобы они, къ благоуспѣшному приведенію въ дѣйствіе такихъ распоряженій Синода всегда содѣйствовали, по требованіямъ духовныхъ начальствъ, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами (Сб. Пост. I 386, 390).

Духовенство дѣйствительно, во многихъ мѣстностяхъ, отнеслось съ усердіемъ къ этой трудной для него, но прекрасной задачѣ, и стало удѣлять для ея выполненія, не только личные труды, но и денежные пожертвованія; примѣромъ тому можетъ служить слѣдующее: въ одной лишь Новгородской губерніи открыто было духовенствомъ, въ 1806 году, не менѣе 110 сельскихъ школъ, число въ то время весьма значительное. Мѣстные священно-и церковно-служители приняла на себя обязанности преподавателей бесплатно и даже отвели въ собственныхъ домахъ помѣщенія для училищъ. Это прекрасное начало, въ сожалѣнію, не имѣло благоприятныхъ послѣдствій: въ слѣдующіе два года училища снова закрылись, по недостатку малѣйшей поддержки со стороны общества (помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и крестьянскихъ общинъ). То же явленіе повторилось во многихъ мѣстахъ; такимъ образомъ, изъ значительнаго числа открытыхъ, въ то

время, сельскихъ училищъ, большинство ихъ просуществовало короткое время и было закрыто.

Уѣздныя училища также не процвѣтали, вслѣдствіе постоянного недостатка суммъ на ихъ содержаніе. Существенная причина такого недостатка заключалась въ томъ, что министръ финансовъ, на которомъ лежалъ контроль городскихъ смѣтъ, основываясь на § 161 устава 5 ноября 1804 г. ¹⁾, разрѣшалъ городамъ отпускать денежныя пособія только тѣмъ училищамъ, которыя существовали до 1804 г. и въ прежде существовавшемъ размѣрѣ (Сб. Пост. I, 1259). Установленные въ 1804 г. штаты оказывались все болѣе и болѣе недостаточными ²⁾. Училища С.-Петербургской губерніи, и столицы получили 24 іюня 1805 г. новыя, нѣсколько возвышенныя штаты (Сб. Пост. I, 418). Относительно первопрестольной столицы, было Высочайше разрѣшено, 9 декабря 1810 (Сб. Пост. I, 673), имѣть въ 6 уѣздныхъ городахъ, вмѣсто уѣздныхъ, только приходскія училища, съ тѣмъ, чтобы образуящуюся черезъ это экономію въ расходахъ обратить на умноженіе училищъ въ самой Москвѣ. Новый шагъ къ улучшенію такого неудовлетворительнаго состоянія училищъ сдѣланъ былъ введеніемъ съ 1 января 1818 г. (Сб. Пост. I, 1044) сбора за ученіе въ С.-Петербургѣ (15 руб. въ гимназіяхъ, 10 руб. въ уѣздныхъ училищахъ и 5 руб. въ приходскихъ); 1 февраля 1819 г. разрѣшено даже увеличеніе сбора за ученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, для благосостоянія которыхъ это окажется необходимымъ (Сб. Пост. I, 1258).

Учебный планъ уѣздныхъ училищъ, если принять въ соображеніе, что въ нихъ существовали только два класса, каждый съ годичнымъ курсомъ, очевидно заключалъ слишкомъ много предметовъ: поэтому Главное правленіе училищъ 27 марта 1819 г. исключило изъ него

¹⁾ § 161: «Уѣздныя училища содержатся отъ казны на штатномъ положеніи съ пополненіемъ суммъ, отъ городскихъ обществъ *поименно* отпускаемыхъ».

²⁾ Для уѣздныхъ училищъ:	1-го разр.	2-го разр.	3-го разр.
Смотрителю	400	350	300
2 учителямъ по	300	275	250
За поставленію въ законѣ Божіемъ	100	80	75
За рисованіе.	100	80	75
На содержаніе училищнаго дома и пр.	400	350	300
	1,600 р.	1,410 р.	1,250 р. асс.

Ассигнаціонный рубль въ 1804 г. стоить 79 1/2 коп. сер.

преподаваніе естественной исторіи и технологіи (цирк. 5 іюня. Сб. Расп. I, 385).

Все вышесказанное относится преимущественно къ учебнымъ округамъ Московскому, Харьковскому, Казанскому и С.-Петербургскому. Относительно другихъ округовъ слѣдуетъ прибавить нѣскольکو оговорокъ и замѣчаній. Организация *Виленскаго округа* опредѣлилась въ главныхъ основаніяхъ уже „уставомъ или общими постановленіями Императорскаго Виленскаго университета и училищъ его округа“ (18 мая 1804 г., Сб. Пост. I, 46). § 39 гласитъ такъ: „Въ уѣздномъ училищѣ имѣеть быть по крайней мѣрѣ: I) три класса паукъ, и для преподаванія оныхъ три старшихъ учителя, то-есть: 1) учитель физики и геометріи, 2) учитель правоученія, словесности и латинскаго языка, 3) учитель 1-го и 2-го классовъ латинской и польской грамматики, начальныхъ принциповъ ариметики, географіи и правоученія; II) три младшихъ учителя, то-есть: 1) учитель рисованія, 2) учитель русскаго, 3) учитель французскаго или нѣмецкаго языковъ. III) При томъ же полагается смотритель уѣзднаго училища и духовникъ, который исправляетъ и званіе проповѣдника“. § 40: „Въ приходскихъ училищахъ должно обучать: 1) чтенію и письму, 2) закону Божію или катехизису, 3) начальнымъ правиламъ правоученія, 4) основаніямъ ариметики, и 5) преподавать простое и точное познаніе существенныхъ предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ“. Въ „Предназначеніи устройства училищъ въ округѣ Императорскаго Виленскаго университета“ (20-го августа 1804 г., Сб. Пост. I, 269, штаты и прилож. стр. 8) полагается въ уѣздномъ училищѣ 4 класса, 4 старшихъ учителя и три младшихъ.

Историческое прошлое, особенности языка, нѣруисполненіи и значительныя пожертвованія со стороны римско-католическихъ духовныхъ конгрегацій обусловили нѣкоторые видоизмѣненія общихъ правилъ для училищъ низшаго разряда въ губерніяхъ *Волынской, Киевской и Подольской*. Уставъ, изданный 31 августа 1807 г. для приходскихъ училищъ означенныхъ трехъ губерній (Сб. Пост. I, 500), весьма пространный (140 §§ въ 16 главахъ), во многихъ отношеніяхъ очень любопытенъ: поэтому здѣсь помѣщены главные его основанія и особенности. Прежде всего замѣчательно то обстоятельство, что ученіе, хотя и не считается обязательнымъ, однако признается общею потребностью для каждаго, и къ его распространенію, въ различныхъ слояхъ общества, приняты нѣкоторые понудительныя мѣры: дворяннпъ, владѣющій землею и живущій тамъ,

гдѣ есть училище, еслибы не отдалъ въ оное своего сына, достигаго посемилѣтняго возраста, долженъ ежегодно вносить въ приходское училище корецъ ($4\frac{1}{8}$ четв.) ржи; ремесленникъ при тѣхъ же условіяхъ выплачиваетъ половину (II, 10 и IV, 3). Приходскія училища, по уставу въ деревняхъ одноклассныя, въ городахъ двухклассныя, назначались для дѣтей бѣдныхъ дворянъ, ремесленниковъ и крестьянъ. Судя по учебному плану, ихъ слѣдуетъ скорѣе причислить къ элементарнымъ земледѣльческимъ школамъ, такъ какъ особенное вниманіе обращено на обученіе въ нихъ пересадкѣ и прививкѣ деревъ, употребленію и улучшенію сельскохозяйственныхъ инструментовъ, гашенію пожаровъ и т. п. Въ двухклассныхъ училищахъ программу низшаго отдѣленія составляли: чтеніе, письмо, счетъ, катехизисъ и правила нравственности; въ высшемъ къ тому добавлялись практическая механика, мѣстное землеописаніе, естественная исторія домашнихъ животныхъ и кромѣ того садоводство, земледѣліе и духовное пѣніе. Въ особыхъ школахъ, учрежденныхъ для дѣвицъ, онѣ обучались также, въ отдѣленіи соотвѣтствующемъ низшему мужскому: пристѣ, мыть, шить, уходу за огородомъ, приготовленію кушаній и духовному пѣнію. Преподаватель, назначенный основателемъ училища или его преемникомъ (строителемъ), находился подъ надзоромъ не только начальника уѣднаго училища, но также мѣстнаго священника. Этотъ послѣдній объяснялъ каждую субботу дѣтямъ Евангеліе слѣдующаго дня и производилъ испытаніе пройденнаго въ теченіе недѣли. Преподаватели, получившіе воспитаніе на общественный счетъ, обязаны были выслужить 10 лѣтъ въ предоставленной имъ должности; послѣ 25-лѣтней службы могли получать пенсію (не менѣе половины содержанія), если изъ пожертвованій и доходовъ училищъ оказывалось возможнымъ образовать пенсіонный капиталъ. Учитель отрѣшается отъ должности: 1) если самъ заводитъ ссоры или другихъ къ тому побуждаетъ; 2) если вмѣшивается въ постороннія дѣла, до него не касающіеся, 3) если торгуетъ напитками (IX, 11. XVI, 17), а также по неспособности и за дурное поведеніе. Учитель не только занимается преподаваніемъ, онъ долженъ самъ подавать примѣръ въ хозяйствѣ и садоводствѣ, побуждаетъ сельскихъ жителей къ насажденію деревъ и даетъ къ нему обращающимся совѣты, относительно леченія больной скотины. На уѣднаго предводителя дворянства (II, 4. IX, 4, 8. XV) возлагаются преимущественно заботы о матеріальномъ благосостояніи приходскихъ училищъ; кромѣ того, имѣетъ онъ право рѣшать эти учебныя заведенія, лично самъ, но крайней мѣрѣ разъ

въ годъ, или посылать уполномоченныхъ для обзора, и можетъ принимать необходимыя мѣры къ улучшенію школъ; о распоряженіяхъ своихъ онъ сообщаетъ уѣздному училищу; онъ самъ назначаетъ приходскаго учителя, еслибы мѣстный владѣлецъ допустилъ два раза неспособнаго къ исполненію этой должности. Директора губернской гимназій и начальники уѣздныхъ училищъ должны быть въ совершенномъ согласіи съ предводителями дворянства ¹⁾.

III.

Императоръ Николай (1825—1855 гг.). Уставъ 8 декабря 1828 года.

Централизція, сословныя училища, религіозныя искрѣпленія; приходскія, уѣздныя училища, матеріальныя ихъ средства; законъ о пенсіяхъ для приходскихъ учителей; учительскія семинаріи; управленіе и надзоръ за училищами (почетные смотрители); учрежденіе новыхъ школъ.—Царство Польское; Кавказъ.—Статистика; недостаточное число уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.

Возрѣнія молодого Императора и его министра Шинкова (съ 15 мая 1824 г.) остались, конечно, не безъ вліянія, весьма чувствительнаго, на составъ и организацію уѣздныхъ и приходскихъ училищъ: централизція, усиленіе національно-религіозныхъ и національно-политическихъ стремленій, составляють особенности изданнаго 8 декабря 1828 г., „Устава гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго“ (Сб. Пост. II, 200—257). Независимо отъ этого, низшія учебныя заведенія освобождены были отъ обязанности приготовить учащихся къ переходу въ слѣдующія за ними высшія училища. Такая задача, хотя и была принята въ основаніе уставомъ 1804 г., и имъ опредѣлена восходящая постепенность училищъ, но въ дѣйствительности, изъ 100 учениковъ уѣздныхъ училищъ, едва ли одинъ доходилъ до университета ²⁾. Поэтому въ новомъ уставѣ

¹⁾ Такъ какъ римско-католическое духовенство, въ рукахъ котораго находились всѣ приходскія училища Волынской и Подольской губерній, оказывало вредное на нихъ вліяніе усиленіемъ польскаго элемента, то Высочайше повелѣно было 25 июля 1832 г. (Сб. Пост. II, 487) закрыть эти учебныя заведенія и учредить со временемъ публичныя ихъ училища при церквяхъ греко-россійскаго исповѣданія.

²⁾ «Нѣтъ сомнѣнія, что изъ уѣзднаго училища развѣ естѣй чеховѣкъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ дошнство дѣлать окончить ученіе

училища разныхъ разрядовъ опредѣлены по существу, какъ училища, назначаемыя для различныхъ сословій государства. Въ первомъ же параграфѣ устава 1827 г. сказано: „Общая цѣль учебныхъ заведеній, состоящихъ въ ведомствѣ университетовъ, заключается въ томъ, чтобы, при нравственномъ образованіи, доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію нужнѣйшихъ по состоянію каждаго познаній“. Приходскія училища должны были распространять первоначальныя, болѣе или менѣе всякому необходимыя свѣдѣнія даже между людьми самыхъ низшихъ сословій (§ 4). Уѣздныя училища въ особенности были предназначены, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образу ихъ жизни, пуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны (§ 46). Главною цѣлью гимназій было (§ 137): доставленіе средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Стремленіе придать какъ можно болѣе значенія высказанному въ уставѣ началу сословности училищныхъ разрядовъ обнаруживается весьма ясно во многихъ его отдѣльныхъ предписаніяхъ. Самъ Государь считалъ необходимымъ, чтобы „повсюду предметы ученія и самыя способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здоровыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него пужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и не быть ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ жѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться“. Поэтому, уже 19 августа 1827 г. (Сб. Пост. Па-71) было воспрещено принимать въ университеты и гимназіи помѣщичьихъ поселянъ и дворовыхъ людей, не уволенныхъ изъ крѣпостнаго состоянія. Повтореніе этого запрещенія послѣдовало 9 мая 1837 г. (Сб. Пост. Па , 1258 и 1283). Сборъ за ученіе былъ повышенъ, въ университетахъ и гимназіяхъ, 9 іюня 1845 г. и 31 декабря 1848 г.

слово въ уѣздныхъ училищахъ и, частію, въ гимназіяхъ. Слѣдовательно, при изначаленіи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое—высшее, по потребности людей тѣхъ состояній, которые должны получать въ нихъ окончательное образованіе». Слова А. С. Шипкова въ предложеніи, 2-го іюня 1826 г., членамъ комитета по устройству учебныхъ заведеній (*Вестель, Руководство I, 301*).

(Сб. Пост. II^а 629, 1022), съ тою цѣлю, чтобы этимъ затруднить доступъ въ высшія учебныя заведенія молодымъ людямъ изъ низшихъ сословій. Съ 14 іюня 1845 г., дѣти купцовъ всѣхъ гильдій, кромѣ первой, и мѣщанъ, для поступленія въ гимназіи, должны были представлять увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ, къ которымъ были причислены (Сб. Пост. II^а 634). Это правило распространено на Виленскій учебный округъ 28 января 1852 г. (Сб. Пост. II^а, 1350). Дѣти придворныхъ служителей, не выслужившихъ чиновъ, не допускались въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія (13 января 1845 г. Сб. Пост. II^а 606); позднѣе имъ дозволили доступъ въ уѣздныя и приходскія училища (29 декабря 1846 г. Сб. Пост. II^а 834). Солдатскія дѣти были также исключены изъ числа поступающихъ въ гимназіи и уѣздныя училища (3 февраля 1828 г. и 9 октября 1833. Сб. Пост. II^а, 123 и 638), и даже въ приходскія училища Высочайшимъ повелѣніемъ ¹⁾ 28 февраля 1834 года (Сб. Пост. II^а 753). Последнее распоряженіе было отмѣнено по истеченіи 13 лѣтъ (18 апрѣля 1847 г. Сб. Пост. II^а, 847).

Такъ какъ уставъ 1828 во многомъ согласуется съ таковымъ же 1804 г., то здѣсь укажемъ только послѣдовавшія измѣненія. Наибольше важное нововведеніе относительно уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составляло возложеніе преподаванія закона Божія на особыхъ преподавателей и притомъ духовнаго званія (§§ 6, 30, 42, 75, 106).

Приходскія училища (§§ 4—45). Согласіе на учрежденіе приходскихъ училищъ штатный смотритель долженъ испрашивать отъ губернскаго директора училищъ, при чемъ онъ прилагаетъ письменный отзывъ священника, назначаемаго въ законоучители (§ 6). Ближайшій надзоръ въ казенныхъ селеніяхъ, или вольныхъ хлѣбопашцевъ, возлагался на мѣстнаго благочиннаго, который, однако, самъ собою не дѣлалъ никакихъ распоряженій (§§ 9, 10). Учителя, по испытаніи ихъ въ уѣздомъ училищѣ ²⁾, опредѣлялись въ должность штатнымъ смотрителемъ училищъ (§ 11). Учредители училищъ имѣютъ только право предлагать своихъ кандидатовъ (§ 12). Въ посадахъ и селеніяхъ, гдѣ много ремесленниковъ и промышленниковъ, можетъ

¹⁾ Эта мѣра была распространена 6 іюля 1834 г. (Сб. Пост. II^а, 803) и на дѣтей, рожденных по увольненіи изъ службы. Для солдатскихъ дѣтей устройствомъ особымъ училища въ вѣдѣніи военнаго министерства.

²⁾ Правила испытаній въ учителя уѣздныхъ, приходскихъ и частныхъ училищъ школы изданы были 1 марта 1846 г. (Сб. Пост. II^а 762).

быть учреждаемъ второй классъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, соотвѣствующихъ низшему классу уѣзднаго училища (§ 16). Въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ болѣе 1000 душъ, слѣдуетъ стараться вводить способъ взаимнаго обученія Ланкастера (§ 18). Преподаваніе продолжается ежедневно 4 часа (§ 22). При началѣ и по окончаніи ученія одинъ изъ учениковъ читаетъ громко молитву (§ 24). Книги и другія учебныя пособія должны быть въ употребленіи, одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія (§ 28). Правственнаго улучшенія учениковъ преподаватели должны домогаться кроткимъ и справедливымъ съ ними обращеніемъ, старательнымъ за ними надзоромъ (даже внѣ училища) и, прежде всего, собственнымъ поучительнымъ примѣромъ (§§ 30—33).

Уѣздная училища (§§ 46—133). Для учрежденія уѣзднаго училища необходимо разрѣшеніе министра (§ 48). Преподаватели должны имѣть свидѣтельства объ испытаніи ихъ познаній въ одной изъ гимназій (§ 50 и 128). Штатный смотритель живетъ въ домѣ училища (§ 53). Въ уѣздномъ училищѣ 3 класса, съ годичнымъ курсомъ ученія въ каждомъ (§ 55); предметы преподаванія ¹⁾ слѣдующіе (§ 57): 1) законъ Божій, священная и церковная исторія (I кл. 3 часа, II 3, III: 3); 2) русскій языкъ (6, 6, 6); 3) арифметика (6, 6, 1¹/₂); 4) геометрія до стереометріи включительно, но безъ доказательствъ (III, 7¹/₂); 5) географія (3, 3, 3); 6) исторія государства Россійскаго и всеобщая (3, 3, 3); 7) чистописаніе (6, 6, 1¹/₂); 8) черченіе и рисованіе (3, 3, 4¹/₂ часа). Гдѣ ²⁾ по мѣстнымъ обстоятельствамъ оказывалось полезнымъ и средства доводили, могли быть открываемы дополнителныя курсы предметовъ, касающихся торговли и промышленности, но ученики допускались къ нимъ только по окончаніи общаго курса уѣзднаго училища, и преподавались эти курсы „всегда ввечеру“ ²⁾; въ числѣ предметовъ этихъ необязательныхъ курсовъ упоминаются: основанія законовѣдѣнія, коммерческихъ наукъ и бухгалтеріи, механики и технологий, рисованіе, приспособленное къ искусствамъ и ремесламъ, и сельское хозяйство (§§ 58—66). Въ уѣздномъ училищѣ полагалось 5 учителей: 1) закона Божія, 2) русскаго языка, 3) математики,

¹⁾ Церковное пѣніе введено съ 1853 г. во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и во многихъ уѣздныхъ училищахъ другихъ округовъ, напр. Одесскаго. Преподаваніе поручено было священникамъ, дяко⁴ намъ, церковно-служителямъ, рѣдко людямъ знающимъ музыку (Beiträge II-179. 202).

²⁾ Они были по числу предметовъ и ихъ значенію необязательны.

4) исторіи и географіи, 5) чистописавіи и рисованіи (§ 67). Для приѣма въ уѣздное училище, отъ желающаго поступить требовалось умѣть читать, писать и вѣать четыре правила ариметики. За ученіе не взималось никакой платы (§ 69). Переводные экзамены въ концѣ года производились штатнымъ и почетнымъ смотрителями (§ 74). Штатный смотритель былъ обязанъ каждую недѣлю обзрѣвать учебныя заведенія, находящіяся въ томъ городѣ, гдѣ онъ проживалъ, а прочія по крайней мѣрѣ два раза въ годъ (§ 109). По дѣламъ подвѣдомственныхъ ему училищъ, онъ имѣлъ право относиться къ городской и земской полиціи, къ уѣздному предводителю и вообще къ мѣстнымъ начальствамъ, а равно къ помѣщикамъ, у коихъ въ имѣніяхъ были приходскія или иныя училища, требуя, въ нужныхъ случаяхъ, ихъ пособія и содѣйствія (§ 118). Почетные смотрители, вмѣстѣ со штатными смотрителями, имѣли надзоръ за всѣми училищами уѣзда; въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ учителей занимали они первыя мѣста, хотя и не назывались предсѣдателями; должны были обзрѣвать всѣ вѣренныя имъ училища по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ; о результатахъ осмотра могли, въ важнѣйшихъ случаяхъ, сообщать съ своей стороны непосредственно директору училищъ; обязаны были присутствовать при испытаніяхъ въ уѣздномъ училищѣ; служба почетныхъ смотрителей считалась государственною, и за дѣятельное усердіе къ пользѣ училищъ, они могли быть производимы въ слѣдующіе чины по общему порядку (§ 120—129). Штатный смотритель считался, по чину, въ 9-мъ классѣ, учителя наукъ въ 12-мъ, учителя рисованія въ 14-мъ, и производились въ слѣдующіе чины на основаніи узаконеній (§ 131). Штатный смотритель и учителя уѣздныхъ училищъ, по выслугѣ 20-ти лѣтняго срока, получали при отставкѣ половинную, по выслугѣ 25 лѣтъ полную пенсію. За выслугу свыше 25 лѣтъ опредѣлялась еще соразмѣрная прибавка къ пенсіи (§§ 132, 295, 296). Молодые люди, окончившіе курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, опредѣлялись въ гражданскую службу, предпочтительно предъ тѣми, которые не обучались въ уѣздныхъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (§ 133). Директоръ гимназій, по дѣламъ всѣхъ вѣренныхъ ему училищъ губерніи, имѣлъ право просить пособія и содѣйствія предводителей дворянства (§ 182). На чрезвычайномъ собраніи совѣта гимназій, происходившія два раза въ годъ, для слушанія отчетовъ объ управленіи гимназій и другихъ училищъ дирекціи, приглашался губернский предводитель дворянства. Онъ имѣлъ право, какъ представитель почетнѣйшихъ жителей, облеченный ихъ довѣріемъ, на этихъ

собраніяхъ, такъ равно и во всякое другое время, предлагать свои замѣчанія почетному попечителю (гимназій) и директору. Если онъ находилъ, что его совѣты не приняты въ надлежащее соображеніе, то имѣлъ право отнестись о томъ къ попечителю учебнаго округа, а въ случаяхъ особенной важности—прямо къ министру народнаго просвѣщенія (§ 219).

Денежныя средства уѣздныхъ училищъ были въ то же время значительно усилены—улучшеніе весьма важное, введенное новымъ уставомъ, важное потому, что ассигнаціонный рубль уже въ 1811 году представлялъ стоимость на двѣ трети меньше противъ его цѣнности 1804 года. По штатамъ 1804 года содержаніе смотрителя уѣзднаго училища въ губерніяхъ перваго разряда было опредѣлено въ 400 руб., втораго разряда—350 руб., третьяго—300 руб.; штаты 1828 г. замѣнили этотъ размѣръ суммами: 1000 р., 875 р. и 750 руб. Учителя наукъ получали прежде 300, 275, 250 руб., имъ опредѣлено теперь—750, 700, 625 р. ¹⁾ Общая сумма, отпускаемая на содержаніе уѣзднаго училища, возвышена съ 1600, 1410, 1250 руб. до—5400, 4950, 4475 руб. Понеченіе о содержаніи приходскихъ училищъ оставалось по прежнему на отвѣтственности городскихъ и сельскихъ обществъ и помѣщиковъ. Только изрѣдка упоминаетъ Собраніе узаконеній о пособіи, на содержаніе одного или немногихъ приходскихъ училищъ, изъ государственныхъ источниковъ (Сб. Пост. II а, 1111, 1264, 1317, 1386, 1435, 1514, 1470; II в, 355, 377, 627; лѣсъ на исправленіе и строеніе училищъ отпускался безплатно въ казенныхъ селеніяхъ съ 28 окт. 1846 г. Сб. Пост. II в., 821). Права на пенсію приходскіе учителя не имѣли ²⁾; назначеніе таковой зависѣло отъ произвола общества, помѣщиковъ и т. д., поэтому случалось, вѣроятно, не часто. Нѣкоторые города производили, съ зависимыхъ отъ нихъ приходскихъ учителей, вычеты въ пользу общаго пенсіоннаго капитала,

¹⁾ Въ 1804 г. ассигнаціонный рубль стоилъ 79½ коп. сер., 400 руб. асс.—317½ руб. сер. Въ 1828 г. курсъ упалъ до 26½ коп. сер.; та же сумма составляла—107½ руб. сер. Указомъ 1 іюля 1839 г. курсъ опредѣленъ въ 350: 100, такимъ образомъ 1000 руб. асс. составляли 285 р. 71 к. сер. Оклады содержанія въ дѣйствительности увеличены не ранѣе 1859 года; по штатамъ 17 апрѣля этого года назначено смотрителямъ 500, 450, 400 и 350 руб. сер., преподавателямъ наукъ—400, 350, 330 и 300 руб. сер. (Сб. Пост. III, штаты и приложенія стр. 33, 34, 128).

²⁾ Только преподаватели начальныхъ училищъ въ землѣ войска Донскаго и Черноморскаго получали уже съ 1842 г. опредѣленную пенсію (Сб. Пост. II в. 592).

наравнѣ съ другими чиновниками. Постановленіемъ 25 апрѣля 1833 г. комитетъ министровъ распространилъ эту мѣру и предписалъ повсемѣстно производить вычеты, высылая удержанную сумму въ министерство народнаго просвѣщенія, на составленіе особаго пенсіоннаго капитала для приходскихъ учителей (Сб. Пост. IIа, 551 и 946, 31-го мая 1835 г.). Пѣз сбора платы за ученіе (14 іюня 1817 и 1 февраля 1819 г.) опредѣлено также часть ея обращать на образованіе пенсіоннаго капитала для учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. А какъ уставомъ 1828 г. преподаваніе въ этихъ училищахъ объявлено бесплатнымъ, гимназіи же, съ другой стороны, почти ничего не удѣляли изъ собираемой ими платы на такое назначеніе, употребляя эти суммы на другіе предметы расхода, то министерство народнаго просвѣщенія предписало 13 іюля 1833 г. (Сб. распор. I, 871 и II, 374) четвертую часть платы, вносимой въ гимназіяхъ, причислять ко внонъ учрежденному пенсіонному капиталу для приходскихъ учителей. При многочисленности учителей элементарныхъ школъ, пенсіонный капиталъ изъ такихъ источниковъ могъ возрасти до надлежащихъ размѣровъ только послѣ весьма продолжительнаго времени и начала правильныхъ пенсіонныхъ платежей можно было ожидать только въ весьма отдаленномъ будущемъ; а потому Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 5 февраля 1835 г. (Сб. Пост. IIа, 872) разрѣшено было министру, въ особенно важныхъ случаяхъ, изъ помянутаго капитала выдавать единовременныя пособія отличнымъ учителямъ приходскихъ училищъ и остающимся по смерти ихъ семействамъ. Сдѣланное, въ то же время, министромъ народнаго просвѣщенія представленіе о выдачѣ пенсій приходскимъ учителямъ изъ суммъ государственнаго казначейства государственный совѣтъ отклонилъ (Сб. Пост. IIв., 584) на томъ основаніи, что отъ приходскихъ учителей не требуется ни особыхъ познаній, ни усиленныхъ трудовъ, что должности эти занимаютъ, кромѣ лицъ духовнаго званія, преимущественно люди податныхъ сословій, вольноотпущенные и даже крѣпостные; что лица свободнаго состоянія, имѣющія званіе учителей, получаютъ и безъ того значительныя права своею службою, считаясь въ XIV классѣ по должности; что по выслугѣ 12 лѣтъ они утверждаются въ этомъ чинѣ и тѣмъ самымъ увольняются изъ податнаго оклада и получаютъ право на производство въ другіе чины, если займутъ соотвѣтственную должность; что предлагаемою мѣрой государство было бы крайне обременено въ финансовомъ отношеніи. Не ранѣе, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, исходатайствовалъ министръ узаконеніе о пенсіи для учителей началь-

ныхъ школъ, въ то время, когда пенсіонный капиталъ, составлявшій къ концу 1834 г. всего только 4600 руб., возросъ до 87,000 руб., а сборъ до 4080 руб. ежегоднаго поступленія (3480 руб. процентовъ и 600 руб. вычетовъ изъ жалованья); новый законъ не имѣлъ однако обратной силы (9 января 1845 г. Сб. Пост. II, 581). Право на пенсію или единовременное пособіе давала только безпорочная служба, засвидѣтельствованная начальствомъ. Размѣръ пенсіи колебался для законоучителей отъ 15 до 60 руб. (они, кромѣ того, получали особую пенсію за свою службу по духовному званію); прочіе преподаватели получали отъ 28 р. 59 коп. до 90 руб. За 25-ти лѣтнюю выслугу ¹⁾ назначалась полная пенсія, за 20-ти лѣтнюю ²⁾ $\frac{2}{3}$, за 15-ти лѣтнюю $\frac{1}{3}$. Эти сроки сокращались на 10 лѣтъ для заболѣвающихъ тяжкими, неизлечимыми болѣзнями (напр. потеря руки, умопомѣшательство) и на 5 лѣтъ для выходящихъ въ отставку по разстроенному здоровью вообще. Вдовы и дѣти учителей, умершихъ на дѣйствительной службѣ, получали пенсію, какая по тѣмъ же правиламъ причиталась бы покойному. Если же умиралъ преподаватель послѣ кратковременной службы, то оставшееся семейство получало въ пособіе годовой окладъ содержанія; послѣ 5-ти лѣтней его службы—содержаніе за 1 $\frac{1}{2}$ года, послѣ 10-ти лѣтней—двухъ-годовой окладъ. Вдовы и дѣти удостоеннаго пенсіи продолжали ее получать, первая до своей смерти (если не вступала въ новый бракъ), послѣднія до совершеннолѣтія, то-есть, 21 года. Распоряженіе 13 іюня 1833 года было отмѣнено 16 іюля 1842 г. (Сб. Расп. II, 591). Вслѣдствіе этого, доходъ пенсіонной кассы уменьшился, и съ 1845 года платежи, увеличиваясь годъ отъ году болѣе, разумѣется, подъ конецъ стали наносить ущербъ основному капиталу: тогда Главное правленіе училищъ вынуждено было снова предписать, чтобы гимназій, до начала 185 $\frac{7}{8}$ учебнаго года, высылали въ министерство народнаго просвѣщенія 10% поступавшей платы за ученіе, на усиленіе пенсіоннаго капитала для приходскихъ учителей (12 декабря 1857 г. Сб. Расп. III, 284). Этотъ сборъ повдѣе пониженъ до 7% (16 мая 1873 г.).

Подготовка учителей. Для удовлетворенія потребности въ преподавателяхъ уѣздныхъ училищъ учреждено было, при Главномъ педаго-

¹⁾ За болѣе продолжительную службу пенсія не увеличивалась; доходъ приходскій учитель считался при должности, онъ не получалъ ни опредѣленнаго содержанія, ни пенсіи. Прочіе служащіе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія пользовались тою и другою выгодною или правомъ.

гическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, второе отдѣленіе (12-го декабря 1838 г., Сб. Пост. II а, 1431 и 29-го декабря 1842 г., Сб. Пост. II в, 382), которое однако же черезъ 8 лѣтъ закрыто, какъ „болѣе не нужное“ (26-го іюля 1847 г. Сб. Пост. II в, 872). Кромѣ того, бывали въ гимназіяхъ перѣдко принимаемы на казенное содержаніе воспитанники для образованія изъ нихъ учителей уѣздныхъ училищъ (такъ, наприм., для Сибири, распор. 9-го декабря 1835 г. Сб. Пост. II а, 1031). Нѣмецкіе колонисты Бессарабіи содержали въ колоніи Саратѣ особое училище для подготовки учителей сельскихъ школъ, основанное на весьма значительный капиталъ, завѣщанный колонистомъ Верверомъ (23-го октября 1824 г. Сб. Пост. II в, 367). Въмѣсто упраздненной въ 1831 г. Виленской семинаріи для образованія учителей начальныхъ школъ учреждена была семинарія въ городѣ Витебскѣ, съ 1834 года, для губерній Виленской, Гродненской и Минской (Сб. Расп. I, 876), которая однако въ 1838 г. была закрыта (9-го сентября, Сб. Расп. II, 416).

Училищный надзоръ и управленіе. Уставъ 1828 г. былъ введенъ 7-го іюля 1834 г. (Сб. Пост. II а, 799) въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Киевской, Виленской, Гродненской, Минской и въ области Вѣлостокской, бывшаго Виленскаго учебнаго округа (упраздненнаго въ 1832 г. и раздѣленнаго на округа Киевскій и Вѣлорусскій). Положеніе объ учебныхъ округахъ 16-го и 25-го іюня 1835 г. (Сб. Пост. II а, 955) освободило университеты отъ надзора за училищами и передало эту обязанность попечителямъ округовъ. Дѣйствіе этого законодательнаго акта распространено 6-го іюля 1836 г. на Вѣлорусскій учебный округъ (Сб. Пост. II а, 1154), а 20-го января 1837 г. на Дерптскій (тамъ же, 1213). Такъ какъ въ губерніяхъ Петербургской и Московской училищный надзоръ сопряженъ былъ съ особыми затрудненіями, по причинѣ значительнаго числа учебныхъ заведеній, то положеніемъ 17-го августа 1837 г. (Сб. Пост. II а, 1296) управленіе учебными заведеніями Московской губерніи было распредѣлено между директорами двухъ гимназій древней столицы; позднѣе, въ августѣ 1863 г., директора означенныхъ гимназій освобождены отъ этой обязанности и управленіе учебными заведеніями Московской губерніи сосредоточено въ лицѣ одного директора училищъ (Сб. Пост. III, 1171); эта мѣра введена однако, первоначально, въ видѣ опыта (тамъ же, стр. 1173). Въ С.-Петербургской губерніи завѣдываніе училищами 5-го декабря 1836 г. (Сб. Пост. II а, 1204 и Сб. Расп. II, 156) отдѣлено отъ управленія 2-й гимназіи и передано особому долж-

ностному лицу; 5-я С.-Петербургская гимназія, 8-го іюля 1845 г., учрежденная первоначально въ составѣ четырехъ классовъ, подчинена надзору того же директора училищъ С.-Петербургской губерніи (Сб. Пост. II в, 639 и 1539), но позднѣе, 18-го февраля 1863 г., дирекція училищъ опять была отдѣлена отъ 5-й гимназіи и назначенъ особый, самостоятельный директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи (Сб. Пост. III, 962). Съ цѣлью установить необходимое единство и согласіе въ преподаваніи закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ и ближайшихъ окрестностей, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 12-го марта 1844 г. возложено было на митрополитовъ С.-Петербургскаго и Московскаго назначить въ каждой столицѣ по одному оицтному и благонадежному духовному лицу, съ порученіемъ ему надзора за преподаваніемъ закона Божія въ сѣваннхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Для попеченія о городскихъ начальныхъ училищахъ, въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніяхъ“, опредѣлены, сначала въ Москвѣ (1-го поября 1839 г. Сб. Пост. II а, 1542), преимущественно изъ купческаго сословія, пользующіеся общимъ довѣріемъ *почетные блюстители*“. Хотя и не дѣлали они отъ себя никакихъ распоряженій по училищамъ, но имѣли право, замѣтивъ упущенія или безпорядки, обращать на нихъ вниманіе учителей, увѣдомлять почетнаго смотрителя начальныхъ училищъ, а въ важныхъ случаяхъ — представлять директору училищъ и самому попечителю округа (§ 33). Они выбирались на 3 года; могли однако оставаться и послѣ срока въ той же должности, если изъявляли на то согласіе, и, если училищное начальство признавало ихъ службу полезною (§ 34). Ихъ служеніе зачитывалось имъ въ очередную городскую службу (§ 35). За отлично усердную службу почетныхъ блюстителей, училищное начальство имѣло право ходатайствовать о приличномъ ихъ награжденіи (§ 36); 28-го октября 1841 г. дозволено имъ носить мундиръ VIII класса (Сб. Пост. II в, 282). Въ С.-Петербургѣ введена эта должность 23-го апрѣля 1840 г. (Сб. Пост. II в, 28); позднѣе въ Тулѣ, Ростовѣ, Астрахани и т. д., повсемѣстно при начальныхъ училищахъ, непосредственно зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія (14-го сентября 1843 г., 19-го февраля 1846 г., 28-го января и 7-го октября 1847 г., 26-го октября 1848 г., 5-го декабря 1850 г., 17-го іюля 1851 г., 15-го января 1852 г. и т. д.). До 2-го ноября 1859 г. (Сб. Пост. III, 461), для каждаго такого назначенія требовался докладъ на Высочайшее усмотрѣніе; съ этого времени

утвержденіе въ должности предоставлено министру народнаго просвѣщенія, до 17-го декабря 1860 г. (Сб. Пост. III, 638) по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, позднѣе даже безъ его согласія (Сб. Расп. III, 425, 427, 437 — 440 и пр.). Для ближайшаго попеченія о приходскихъ училищахъ войска Донскаго въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніи, званіе почетныхъ блюстителей учреждено было 31-го августа 1861 г. (Сб. Пост. III, 756); а 28-го апрѣля 1862 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить генералъ-губернаторамъ Западной и Восточной Сибири учреждать также званіе почетныхъ блюстителей, въ подвѣдомственныхъ имъ областяхъ, при приходскихъ и начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ соблюденіемъ условій, утвержденныхъ 17-го декабря 1860 г. (Сб. Пост. III, 853). Каждое училище имѣло одного только почетнаго блюстителя: назначеніе двухъ блюстителей въ одно училище случилось два раза (Сб. Пост. 28-го января 1847 и 26-го марта 1850 г.) и позднѣе воспрещено (минист. распоряженія 4-го января и 4-го іюня 1875 г., Моск. Сборн. стр. 358, 384). Въ Житомирскомъ еврейскомъ ремесленномъ училищѣ учреждена была должность товарища почетнаго блюстителя 26-го апр. 1862 г. (Сб. Пост. III, 853). Относительно частныхъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ замѣтить, что 26-го декабря 1833 г. (Сб. Пост. II а, 685) для наблюденія за навсѣнами въ столицахъ были учреждены въ С.-Петербургѣ 4, въ Москвѣ 2 инспектора, назначаемые министромъ народ. просв. изъ находящихся въ вѣдомствѣ министерства академиковъ, адъюнктовъ и чиновниковъ, на одинъ годъ; 5-го мая 1857 г. (Сб. Пост. III, 159) Высочайше повелѣно, для болѣе бдительнаго надзора за частными учебными заведеніями и для необходимаго единства указаній, въ С.-Петербургѣ имѣть одного инспектора частныхъ учебныхъ заведеній, не обязаннаго никакою другою должностію; 18-го ноября 1861 г. (Сб. Пост. III, 785) назначенъ второй инспекторъ. Эти два чиновника и инспекторъ казенныхъ училищъ округа ¹⁾ въ то же время получили званіе окружныхъ инспекторовъ, и между ними распределенъ общій надзоръ, какъ за казенными, такъ и за частными учебными заведеніями округа; 24-го декабря 1863 г. (Сб. Пост. III, 1240) инспекторы казенныхъ училищъ

¹⁾ Въ положеніи объ учебныхъ округахъ 1835 г. (Сб. Пост. II а, 955 § 8) сказано: «Попечитель имѣетъ при себѣ чиновника изъ званія инспектора казенныхъ училищъ».

перенемопавы и въ другихъ учебныхъ округахъ въ окружные инспекторы и кромѣ того, при округахъ Московскомъ, Казанскомъ, Одескомъ и Виленскомъ прибавлено еще по одному окружному инспектору.

Учрежденіе новыхъ училищъ. Предписаніе устава 1804 г., по которому содержаніе сельскихъ училищъ возлагалось на мѣстныя общества, оставалось въ сущности мертвою буквою вплоть до воцаренія императора Николая: въ описываемый нами періодъ времени, успѣхами министерствъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, сельскія школы достигли развитія, заслуживающаго вниманія. На основаніи положенія 24 декабря 1830 г. (Сб. Пост. II^а, 396) учреждены съ казенныхъ селенійхъ, сначала въ губерніяхъ С.-Петербургской и Псковской, волостныя училища, съ цѣлью распространенія необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній и для образованія дѣльныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей. Эти учебныя заведенія находились въ вѣдѣніи штатнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ, относительно же хода преподаванія, нравственнаго воспитанія прочихъ условій — въ вѣдѣніи волостнаго головы и окружнаго комиссара, состоявшихъ въ непосредственномъ распоряженіи вице-губернатора. Послѣдній назначалъ и преподавателей. Средства на содержаніе училищъ отчислялись изъ крестьянскихъ сборовъ. Число училищъ министерства государственныхъ имуществъ въ особенности значительно увеличилось послѣ воспослѣдовавшаго 13 іюля 1842 г. (Сб. Пост., II^а, 353) Высочайшаго повелѣнія: 1) сельскія приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ учреждать на основаніи устава 1828 г., подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго управленія (вѣдомства государственныхъ имуществъ), сохраняя при томъ вліяніе училищнаго начальства въ мѣрѣ, определенной училищнымъ уставомъ; 2) преподаваніе возложить, по избранію епархіальныхъ архіереевъ, на мѣстныхъ священниковъ, диаконовъ и причетниковъ и на учениковъ семинарій, не получившихъ еще мѣста при церквахъ ¹⁾, и 3) всѣ расходы на первоначальное обзаведеніе и содержаніе училищъ отнести на счетъ общественнаго сбора. Въ іюлѣ 1845 г. издалъ министръ государственныхъ имуществъ подробное „Наставленіе для уп-

¹⁾ Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что образованіе низшаго духовенства было въ то время крайне недостаточное, и только успѣхами графа Д. А. Толстаго, назначеннаго оберъ-прокуроромъ св. синода въ 1865 г., а въ 1866 г. также министромъ народнаго просвѣщенія, духовныя семинаріи начали постепенно приближаться къ уровню гимназій.

равленія сельскими приходскими училищами въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ¹⁾. Въ 1832 г., октября 29, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи сельскихъ училищъ и въ удѣльныхъ имѣніяхъ. И въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаватели принадлежали преимущественно къ духовному сословію: учрежденныя, для образованія особыхъ учителей, два главныхъ училища, въ Красноу-Селѣ (въ окрестностяхъ С.-Петербурга) и въ Москвѣ, просуществовали только всего 4 года (до 1836). Министерство народного просвѣщенія на удѣльные училища не имѣло никакого вліянія.

Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, къ 1 января 1844 г., состояло 1884 училища съ 89,163 учениками; годомъ позже 2300 учил. съ 111,860 учен.; въ 1850 г. 2642 учил. съ 139,320 учен.; въ удѣльныхъ имѣніяхъ въ 1835 г. было всего 44 учил. съ 750 учен.; въ 1853 г. это число возросло до 204 училища съ 7477 учащихся.

Въ *Варшавскомъ* учебномъ округѣ, учрежденномъ декретомъ 20 ноября 1839 года (Сб. Пост. II^a, 1561, 1571 и положеніе 19 іюня 1840 г. Сб. Пост. II^a, 57) были введены, 31 августа 1840 г. (Сб. Пост. II^a, 99), нѣкоторыя переимѣны въ устройствѣ училищъ первоначальныхъ, уѣздныхъ или обводныхъ¹⁾ и гимназій; 8 марта 1851 года изданъ уставъ, который въ главныхъ основаніяхъ согласенъ съ законоположеніемъ 8 декабря 1828 г. (Сб. Пост. II^a, 1276). Въ 1849 г. надзоръ за элементарными школами округа препорученъ тремъ инспекторамъ казенныхъ и частныхъ училищъ (Сб. Пост. II^a, штаты и прил. къ ст. 490): 27 августа 1857 г. (Сб. Пост. III, 215) эти должности упразднены и надзоръ за первоначальными училищами попрежнему возложенъ на директоровъ гимназій, инспекторовъ высшихъ реальныхъ училищъ и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Особое отдѣленіе при департаментѣ народного просвѣщенія по дѣламъ Варшавскаго учебнаго округа (Сб. Пост. II^a, 1564, § 11 и штаты 19-го декабря 1839 г., тамъ-же штаты, стр. 69) упразднено 27-го декабря 1861 г. (Сб. Пост. III, 805) и вся учебная часть по

¹⁾ Въ нихъ полагалось 4 класса съ 36 часами ученія въ недѣлю: законъ Божій 12 час., польскій языкъ 13, русскій 18, латинскій 18, немецкій 13, математика 23, всеобщая географія и русская 9, всемірная исторія и русскія 12, чистописаніе 13, рисованіе 13. Въ 1852 г. 16 августа, повелѣно учредить 6 пятиклассныхъ уѣздныхъ училищъ, преимущественно для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. (Сб. Пост. II^a, 1383).

Царству Польскому подчинена вѣдѣнію вновь образованной правительственной коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Царства, съ изыатіемъ дѣлъ по сей части вовсе изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія Имперіи. Мая 15-го 1867 года (Сб. Пост. II, 463) послѣдовалъ Высочайшій указъ правительствующему сенату объ образованіи Варшавскаго учебнаго округа, въ которомъ повелѣвалось всѣ учебныя заведенія и ученыя учрежденія въ губерніяхъ Царства снова подчинить вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія (Положеніе о Варш. уч. окр., тамъ же, 464).

Кавказскій учебный округъ состоитъ подъ главнымъ начальствомъ намѣстника Кавказскаго (см. положеніе 18-го декабря 1848 г., допущенія 23-го ноября 1850 г. и новое положеніе 29-го октября 1853 г.; Сб. Пост. II^в 975. 1230. 1500). Проекты устава и штата горскихъ школъ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить 20-го октября 1859 г. (Сб. Пост. III, 443).

Статистика училищъ. Въ 1863 году (*Жур. Мин Нар. Просв.* сентябрь 1864 г., IV отд., 36) считалось въ 36 губерніяхъ, для которыхъ вскорѣ послѣ того изданъ былъ уставъ 14-го іюля 1864 года (ниже излагаемый ¹⁾): 30.179 народныхъ училищъ различнаго вѣдомства и названія и въ нихъ 632,471 учащихся (554,071 мальчиковъ и 78,454 дѣвочки). Въ томъ числѣ:

	Школъ.	учениковъ.
а) Приходскихъ училищъ вѣдомства мнн. нар. просв. въ городахъ и селеніяхъ	692	36,301.
б) Сельскихъ школъ вѣдом. мнн. государственныхъ имуществъ.	5,492	177,394.
в) Сельскихъ училищъ удѣльнаго вѣдомства.	2,127	36,546.
г) Училищъ въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, въ распоряженіи министерства внутр. дѣлъ	4,961	89,571.

¹⁾ Учеб. окр. С.-Петербургскій 6 (С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонекская, Вологодская, Архангельская), Московскій 9 (Московская, Тверская, Рязанская, Владимирская, Тульская, Калужская, Смоленская, Костромская, Ярославская), Казанскій 10 (Казанская, Нижегородская, Пензенская, Астраханская, Саратовская, Сибирская, Самарская, Оренбургская, Пермская, Вятская), Харьковскій 5 (Харьковская, Курская, Орловская, Воронежская, Тамбовская), Одесскій 4 (Бессарабская обл., Херсонская, Екатеринославская, Таврическая), провъ того 2 губерніи учебнаго округа Кіевскаго (Черниговская и Полтавская). Незавѣстно, были ли сюда причислены училища въ землѣ Донскаго войска (главн. городъ Новочеркасскъ, нинѣ принадлежащій къ Харьковскому округу)

д) Сельских училищъ, учрежденныхъ священно- и церковнослужителями при православныхъ церквахъ

Школъ. Учениковъ.

16,907 292,659.

„Какъ ни значительны“, сказано въ официальной объяснительной запискѣ (*Жур. Мин. Нар. Просв.* сентябрь 1864 г.), „на первый взглядъ эти цифры, но если сравнить ихъ съ количествомъ народонаселенія, то онѣ покажутся ничтожными. Населенность этихъ 36-и губерній простирается до 45 миллионъ, слѣдовательно, одна школа приходится въ нихъ на 1,500 жителей и 1 учащійся на 70 жителей (муж. пола 1 учащійся на 40 жителей, — а женскаго 1 учащійся на 300). Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что болѣе половины училищъ принадлежать къ категоріи школъ, содержимыхъ при церквахъ православнымъ духовенствомъ, а извѣстно, что многія изъ такихъ школъ существуютъ только по имени, что онѣ не обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, не имѣютъ ни собственныхъ помѣщеній, ни учебныхъ пособій, и самое существованіе ихъ зависитъ болѣею частью отъ личной ревности и самопожертвованія содержателей ихъ—священно и церковно-служителей. Какъ слабо у насъ еще распространена грамотность даже въ главныхъ центрахъ просвѣщенія видно между прочимъ изъ того, что во время производившейся въ С.-Петербургѣ, 15 декабря 1862 г., общей переписи, насчитана была поражающая своею громадностью цифра—274,521 безграмотныхъ“. Въ 1863 г. существовало въ С.-Петербургѣ только 18 приходскихъ училищъ съ 1281 учащимся.

Частныхъ элементарныхъ школъ числилось къ 1 января 1864 года (по всей вѣроятности, за исключеніемъ царства Польскаго, Финляндіи и Кавказа) 846 съ 13,821 учащимся; кромѣ того при церквахъ иностранныхъ исповѣданій и еврейскихъ синагогахъ 102 учебныя заведенія того же разряда съ 22,163 учениками (въ томъ числѣ 57 школъ съ 19,883 учениками при нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской губерніи).

Причины такой неуспѣшности правительственныхъ мѣръ въ отношеніи къ народному образованію министерство народнаго просвѣщенія преимущественно объясняло тѣмъ, „что правительство, до того времени, желало дѣйствовать на образованіе всѣхъ классовъ народа почти исключительно посредствомъ системы казенныхъ училищъ; частная же дѣятельность (отдѣльныхъ лицъ, городскихъ и сельскихъ обществъ) въ этомъ отношеніи не только не поощрялась,

но даже подвергалась значительнымъ стѣсненіямъ. Притомъ учрежденіе правительственныхъ школъ не исходило отъ одного вѣдомства, а предоставлено было различнымъ управленіямъ, изъ которыхъ каждое дѣйствовало, руководствуясь своими особыми взглядами и соображеніями, отъ чего происходило, что въ одной и той же мѣстности существовали школы различныхъ вѣдомствъ, устроенныя на совершенно различныхъ основаніяхъ, и въ вопросахъ по училищнымъ дѣламъ возникало вредное для успѣха дѣла противодѣйствіе между разными вѣдомствами. Всѣ эти школы страдали, кромѣ того, отъ чрезвычайной централизаціи и бюрократическаго управленія, причемъ, естественно, обращалось болѣе вниманія на ихъ внѣшнее развитіе, чѣмъ на внутреннее усовершенствованіе" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* сентябрь 1864 г., IV отд., стр. 37). Другое обстоятельство, существенно препятствовавшее развитію народнаго образованія, заключалось въ постоянномъ недостаткѣ дѣльных преподавателей. Какое грустное зрѣлище, въ этомъ отношеніи, представляли различныя губерніи, даже въ началѣ текущаго десятилѣтія, увидимъ далѣе изъ извѣстій, обнародованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Къ тому же присоединились: недостатокъ учебныхъ пособій (прописей, составныхъ азбукъ, стѣнныхъ картинъ для нагляднаго преподаванія, географическихъ картъ и т. д.; многія дѣти приходили въ училище даже безъ книжекъ); нерегулярное посѣщеніе школы, вслѣдствіе многочисленныхъ, преимущественно мѣстныхъ, сельскихъ праздниковъ и вслѣдствіе неяснаго сознанія, со стороны родителей, значенія и пользы образованія; переполненіе училищъ въ большихъ городахъ, и недостатокъ надзора, происходившій отъ того, что директоръ училищъ въ губерніи и штатные смотрители не имѣли ни времени, ни денежныхъ суммъ на путевыя издержки, чтобы въ надлежащей мѣрѣ исполнять лежащія на нихъ обязанности по ревизіи училищъ. Народное образованіе невозможно безъ условія личной свободы: крѣпостное право отмѣнено было только 19-го февраля 1861 года. Актъ освобожденія не могъ сразу устранить всѣ послѣдствія продолжительнаго рабскаго состоянія; это наслѣдіе прежняго времени, заключающееся въ отсутствіи духовныхъ стремленій и въ тупомъ равнодушіи, даже въ настоящее время еще замѣтно, и не ранѣе исчезнетъ, какъ въ то время, когда вырастетъ поколѣніе, рожденное отъ свободныхъ родителей. Къ этому слѣдуетъ добавить, что большинство, особенно въ городахъ, не умѣетъ пользоваться дарованной ему свободой; вмѣсто прежней подчиненности, появились управство

и самоувѣренность; при такихъ качествахъ стремленіе къ ученію едва-ли возможно. Недоставало, наконецъ, для распространенія народнаго образованія, въ продолженіе всего времени, въ которое оставался обязательнымъ уставъ 1828 года, и даже позднѣе, вплоть до 1-го января 1874 г. — весьма важнаго фактора: всеобщей воинской повинности.

Уѣздныхъ училищъ къ 15-му сентября 1864 г. считалось въ 7 учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ—43, Московскомъ—86, Казанскомъ—81, Харьковскомъ—67, Одесскомъ—33, Кіевскомъ—42, Виленскомъ—20, всего 372 и въ нихъ 22.883 ученика; въ Восточной и Западной Сибири 21 училище съ 1.375 учениками; въ Дерптскомъ учебномъ округѣ 20 училищъ съ 1.400 учениками. Что состояніе и направленіе этихъ учебныхъ заведеній ни въ какомъ случаѣ нельзя было считать удовлетворительными, на то указываютъ отчеты, обнародованные правительствомъ за 1862—1864 года, изъ которыхъ извлечены нижеслѣдующіи свѣдѣнія. Убѣжденіе, что уѣздныя училища не достигали соотвѣтствующей имъ цѣли, сдѣлалось всеобщимъ. Главные недостатки заключались въ крайне сокращенной программѣ курса и въ механическомъ способѣ преподаванія. Отсюда равнодушіе общества къ уѣзднымъ училищамъ, и вслѣдствіе того ничтожное число учениковъ. Среднимъ числомъ приходилось на каждое уѣздное училище по 57 учащихся, въ томъ числѣ 9 училищъ имѣли не болѣе 20 учениковъ. Наименѣе охотно посѣщался третій или старшій классъ, заключавшій не болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа учащихся, тогда какъ въ низшемъ I-мъ классѣ помѣщалась половина всѣхъ учениковъ. Преподаваніе сообщало ученикамъ, вмѣсто основательныхъ познаній, пустыя опредѣленія, слова, имена и числа, и преподаватели, поступавшіе въ училища сами съ весьма ограниченными научными свѣдѣніями и безъ всякой педагогической подготовки, только механически исполняли свои обязанности, подвигая классы впередъ, въ опредѣленныхъ предѣлахъ программы, по плохимъ указаннымъ имъ учебникамъ. Столь жалкое положеніе стало еще хуже, вслѣдствіе того 1) что большее число учительскихъ должностей постоянно оставалось не замѣщеннымъ ¹⁾, далѣе 2) что помѣщики, разстроивъ свои дѣла, неохотно принимали на

¹⁾ Къ 1-му января 1865 г., въ 372 уѣздныхъ училищахъ, считалось 135 учительскихъ вакансій, въ томъ числѣ 53 учителей исторіи и географіи.

себя обязанности и званіе ¹⁾ почетныхъ смотрителей училищъ, 3) что библіотеки училищъ находились въ неудовлетворительномъ состояніи, поэтому учителямъ не представлялось возможности усовершенствовать свои познанія и предлагать ученикамъ полезное чтеніе, и 4) что число и выборъ учебныхъ пособій (географическихъ картъ и т. п.) были крайне недостаточны. Хотя 4-го декабря 1857 г. (Сб. Пост. III, 244) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, въ отнѣсу § 69 устава 1828 г., взимать въ уѣздныхъ училищахъ плату за ученіе, но доказательствомъ, что эта мѣра не могла устранить описанные выше недостатки, служить уже то обстоятельство, что 17-го апрѣля 1859 г. потребовалось издать новые штаты, не только для гимназій, но и для уѣздныхъ училищъ (Сб. Пост. III, 405, 415, штаты 33, 89, 128). По всѣмъ извѣстіямъ, въ началѣ прошлаго десятилѣтія, замѣтно стало постепенное улучшеніе, или по крайней мѣрѣ пробужденіе педагогическихъ стремленій между учителями; тѣмъ не менѣе всѣ спеціалисты единогласно признавали, что необходима основная реформа.

¹⁾ Въ сентябрѣ 1864 г. эта должность не была замѣщена при 117 училищахъ.

Г. Стражъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЕРЕПИСЬ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1876 ГОДУ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ГЕРМАНСКОЮ ПЕРЕПИСЬЮ 1875 ГОДА ¹⁾.

Если, какъ высказалъ еще Кетле, народонаселеніе составляетъ настоящую область статистики, а по мнѣнію нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, въ особенности же д-ра Бертильона, — даже исключительный предметъ этой науки ²⁾, то очевидно, какое важное значеніе должна имѣть въ ней народная перепись. Эта операція, по обилію доставляемыхъ ею матеріаловъ для научныхъ статистическихъ изслѣдованій, можетъ быть поставлена на ряду развѣ еще съ тою операціей, которая доставляетъ свѣдѣнія о движеніи народонаселенія; она касается столь важныхъ сторонъ общественной жизни, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, что является совершенно понятнымъ, почему производство ея всегда интересуетъ въ высшей степени всякаго занимающагося статистикой. Прибавлю еще и то, что перепись народонаселенія въ то же время представляетъ собою одну изъ самыхъ трудныхъ статистическихъ операцій, и что хотя наукой уже давно выработаны тѣ требованія, отъ исполненія которыхъ зависитъ въ значительной степени самый

¹⁾ Извлечено изъ отчета, представленнаго въ министерство народнаго просвѣщенія командированнымъ для приготовленія къ профессорской кафедрѣ С. П. Маташевскимъ.

²⁾ Известно, что д-ръ Бертильонъ считаетъ статистику, или какъ онъ ее называетъ, *демографію* за науку о человеческихъ совокупностяхъ (*science des collectivités humaines*).

усилъхъ ея, уже давно указанъ путь и приемы, могущіе наиболѣе гарантировать удовлетворительность ея результатовъ, — самое осуществленіе этихъ требованій, приложеніе этихъ приѣмовъ къ практикѣ представляетъ столько трудностей, коренящихся частію въ существѣ дѣла, частію въ побочныхъ ему обстоятельствахъ, что въ дѣйствительности возможно пока въ этомъ отношеніи никакъ не полное осуществленіе научнаго идеала, а лишь большее или меньшее приближеніе къ нему. Въ подтвержденіе вышесказаннаго укажу хотя на то требованіе науки, которое ставитъ непремѣннымъ условіемъ всякой хорошо выполненной переписи населенія совершеніе ея въ возможно короткій періодъ времени, напримѣръ, въ одинъ день. Это требованіе въ основаніи своемъ имѣетъ тотъ доводъ, что лишь только при выполненіи упомянутаго условія есть вѣроятность сколько-нибудь приблизиться къ истинѣ, и что чѣмъ короче будетъ періодъ, въ который окончится перепись, тѣмъ легче будетъ избѣгать пропусковъ или двойныхъ записей, а стало быть—тѣмъ точнѣе будутъ и добытыя свѣдѣнія. Но съ практической стороны, строгое выполненіе вышеприведеннаго условія, понятно, представляетъ всегда очень большія неудобства уже потому, что непременно вызываетъ за собою значительное увеличеніе издержекъ на производство работъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ короче будетъ тотъ періодъ, въ который должна быть произведена перепись, тѣмъ, очевидно, потребуется и большее число лицъ для исчисленія населенія. Я не стану приводить здѣсь общезвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ переписямъ англійской и бельгійской; скажу лишь, что такъ какъ одинъ счетчикъ въ состояніи переписать въ теченіе дня едва ли болѣе 500 человекъ (и эта цифра представляетъ собою maximum: инструкція германской переписи 1875 года требуетъ, напримѣръ, чтобы на каждаго счетчика приходилось не болѣе 40 хозяйствъ, *Haushaltungen*; слѣдовательно, считая въ хозяйствахъ среднимъ числомъ даже 8 лицъ—6 человекъ семьи и 2 прислуги—получимъ не болѣе 320 человекъ на одного счетчика),—то значить, на 36-милліонное населеніе Франціи потребовалось бы 72,000 счетчиковъ, а на 41-милліонное населеніе Германской имперіи даже 82,000. Но вѣдь кромѣ издержекъ, которыми вызвало бы такое количество счетчиковъ, необходимо еще не упускать изъ виду и трудности найти столь громадное число способныхъ къ дѣлу лицъ. Устраненіе этихъ и подобныхъ имъ затрудненій, которыхъ во всей операціи переписи найдется не мало, представляется на практикѣ дѣломъ, конечно, далеко не легкимъ; а между тѣмъ отъ болѣе или менѣе

удачнаго преодоленія ихъ зависитъ весь успѣхъ перениси, все научное и практическое значеніе результатовъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться, что послѣдняя французская перепись 1876 года много уступаетъ послѣдней германской 1875 года, и подтвержденіемъ сказаннаго представляется весь процессъ производства какъ той, такъ и другой операціи.

Въ самомъ дѣлѣ, оставивъ въ сторонѣ—какъ это даже является и необходимымъ для возможности сравненій—то обстоятельство, что германская перепись была не только народною, подобно французской, но также и промысловою,—остановимся прежде всего на организаціи работъ по выполненію этой операціи какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствѣ. Никто не станетъ спорить, что отъ того, какимъ образомъ организовано записываніе свѣдѣній о населеніи, зависитъ въ значительной степени и самый успѣхъ переписи, и что потому на эту часть дѣла необходимо обратить по возможности больше вниманія. Между тѣмъ во Франціи, при производствѣ въ ней послѣдней переписи, вышеозначеннымъ вопросомъ занимались слишкомъ мало, и въ инструкціи, разосланной министромъ внутреннихъ дѣлъ префектамъ при циркулярѣ отъ 15-го октября 1876 года, едва можно найти нѣсколько словъ, касающихся его. Инструкціи, упомянувъ прежде всего о томъ, что перепись населенія есть операція существенно муниципальная (*essentiellement municipale*) и должна быть произведена посредствомъ агентовъ муниципалитета (*par les agents de la municipalité*), рекомендуетъ затѣмъ мэрамъ выполнить эту операцію съ величайшею тщательностью и точностью; но какъ достигнуть той и другой, объ этомъ она не говоритъ рѣшительно ничего. Напротивъ того, въ ней даже встрѣчаются далѣе такіе, но меньшей мѣрѣ странныя выраженія, которые невольно заставляютъ сомнѣваться въ томъ, доставила ли послѣдняя французская перепись очень точныя свѣдѣнія о населеніи Франціи. Именно, инструкція продолжаетъ: „*Хорошо бы, чтобъ операція, разъ начатая, производилась безъ перерыва, для избѣжанія съ одной стороны двойныхъ вписываній, а съ другой—пропусковъ, которые могли бы быть причинены пережителями мѣстожительства*“; и далѣе: „въ коммунахъ съ большимъ населеніемъ гг. мэры *могутъ* раздѣлить перепись на отдѣлы и кварталы (*par sections et quartiers*) и поручить производство этой операціи въ нихъ комиссарамъ, которыхъ они должны въ такомъ случаѣ снабдить письменнымъ приказомъ, для сообщенія имъ officialнаго характера.... Воляное раздѣленіе этой работы“, продолжаетъ далѣе

инструкція, можетъ облегчить *быстрое* выполненіе ея, *особенно если* комиссары займутся ею на всѣхъ пунктахъ *одновременно*". И такъ, изъ вышеприведенныхъ выписокъ изъ французской инструкціи оказывается въпервыхъ, что производство операціи переписи поручено было главнымъ образомъ мэрамъ, на которыхъ и возложены обязанности счетчиковъ, и лишь тогда только, когда эти мэры нашли бы нужнымъ, имъ предоставлено было раздѣлять коммуны на участки и переписи въ послѣднихъ поручать тогда особымъ комиссарамъ; впрочемъ такое раздѣленіе было повсе необязательно для мэровъ, еслибы они нашли возможнымъ обойтись безъ него; а повторныхъ (и это всего важнѣе), изъ инструкціи видно, что послѣдняя перепись во Франціи была не только не однодневною, но даже и не одновременною, такъ какъ министерская инструкція не обязывала производить ее одновременно и безъ перерыва, а лишь высказывала, что *хорошо бы* поступать такимъ образомъ, при чемъ мотивировала такое свое желаніе (потому что вышеприведенныхъ словъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать за прямое распоряженіе или постановленіе), тѣмъ, что тогда удобнѣе было бы избѣжать какъ повтореній и дублированныхъ записей, такъ и пропусковъ. Но вѣдь, говори серьезно, не такимъ путемъ и возможно устраненіе этихъ недостатковъ, какъ указываютъ постановленія международнаго статистическаго конгресса и подтверждаетъ опытъ. Для этого необходимо прежде всего точно опредѣлять самый день производства переписи, необходимо назначать даже и часъ, къ которому должны отнестись собираемые свѣдѣнія, какъ то и встрѣчаемъ мы при послѣдней германской переписи. Тамъ эта операція дѣйствительно была не только въ полномъ смыслѣ слова однодневною, — именно днемъ ея было назначено 1-е декабря 1875 года, къ этому числу и должны были относиться всѣ свѣдѣнія, вписываемыя въ переписные листы, — но даже исполнѣ опредѣленно установлено было, какъ пужно понимать съ точностью этотъ срокъ, что имѣетъ особенную важность съ одной стороны по отношенію къ умирающимъ и рождающимся, а съ другой — по отношенію къ той части народонаселенія, которую день переписи являлъ бы въ кратковременной отлучкѣ, вѣкъ дома, въ пути и т. д. Германская инструкція требуетъ, чтобы моментомъ переписи для умирающихъ и рождающихся было принято 12 часовъ ночи съ 30-го ноября на 1-е декабря, то есть, чтобы съ одной стороны всѣ, кто былъ еще живъ въ этотъ моментъ, былъ бы внесенъ въ переписные листы, и хотя бы потомъ и умеръ въ теченіе дня переписи, но уже не исключался бы изъ общаго счета жителей, а съ другой сто-

ромы—изъ родившихся включены были бы въ переписные списки лишь тѣ дѣти, которыя родились до вышеозначеннаго часа, но не тѣ, которыя увидѣли свѣтъ послѣ него. Нельзя не признать подобную мѣру присосходною и не пожалѣть, что во Франціи она совершенно была упущена изъ виду, между тѣмъ какъ безъ нея является во всякомъ случаѣ невозможною та степень точности переписныхъ данныхъ, которая составляетъ непремѣнное требованіе современной науки и практики.

Что касается къ населенію, застигнутому переписью внѣ дома, то во французской инструкціи есть только указаніе на то, что передвижное, бродячее населеніе (*population flottante*), подѣ которымъ, согласно той же инструкціи, должно разумѣть слѣдующія категоріи лицъ: работниковъ, совершающихъ свое путешествіе по Франціи (*faisant leur tour de France*), артистовъ, входящихъ въ составъ бродячихъ театральныхъ труппъ (*des troupes ambulantes*), лицъ, занимающихся промыслами, требующими постоянного перехода съ мѣста на мѣсто, лодочниковъ, не имѣющихъ другихъ жилищъ, кромѣ своихъ лодокъ, и наконецъ, бродягъ въ собственномъ смыслѣ,—то это бродячее населеніе должно быть переписано въ извѣстный опредѣленный день, именно 15-го декабря 1876 года (а это еще разъ подтверждаетъ прежде высказанное мною мнѣніе, что французская перепись вовсе не была одноподневною и не имѣетъ ни малѣйшаго права на такое названіе) Германіи болѣе серьезно отнеслась къ населенію, которое перепись могла бы застать внѣ дома. Разумѣя подѣ нимъ не только лишь вышеперечисленныя категоріи лицъ, характеризовавшия во Франціи наименованіемъ бродячаго населенія, но также и всякаго, кто въ моментъ производства переписной оцѣнки находился въ дорогѣ, въ кратковременной отлучкѣ, внѣ дома и т. д., германская инструкция требовала, чтобы всѣ подобныя лица были записаны тамъ, гдѣ они провели ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря, или если они нигдѣ не почивали, то тамъ, гдѣ они находились по утру 1-го декабря. Конечно, для Франціи отчасти и не было надобности въ подобномъ постановленіи, такъ какъ ся перепись, повторяю, вовсе не была одноподневною, да и кромѣ того, относилась не къ наличному, а скорѣе къ постоянному населенію. На послѣднемъ пунктѣ я останавлиюсь подробнѣе далѣе, а теперь замѣчу только, что все это вовсе не представляетъ ручательства за точность французской переписи и вовсе не говоритъ въ пользу ея совершенства.

Устаповивъ столь точно самый моментъ, къ которому должны были относиться собираемые въ переписи данныя, Германіи позабо-

тилась поболѣе Франціи и о томъ, чтобъ эти данныя были дѣйстви-
тельно по возможности тщательно собраны. Она не ограничилась,
подобно Франціи, лишь тѣмъ, что рекомендовала мѣстнымъ властямъ
соблюденія величайшей точности и не оставила уже затѣмъ совершенно
на ихъ произволъ какъ организацію, такъ и производство самихъ ра-
ботъ по переписи. Хотя и Германія признала также, что перепись есть
дѣло мѣстныхъ или коммунальныхъ властей (*die Sache der Orts-(Com-
munal) Behörden*), но тѣмъ не менѣе постаралась строго опредѣлить
какъ права, такъ и обязанности каждаго изъ органовъ и лицъ, прико-
сновенныхъ какимъ-либо образомъ къ дѣлу переписи, какъ-то: провин-
ціальныхъ, окружныхъ и мѣстныхъ (коммунальныхъ) властей, ком-
миссій по переписи, счетчиковъ, и наконецъ—самого населенія. Посмо-
тримъ же теперь, какое развитіе получила въ Германіи вся эта сто-
рона дѣла.

Въ Германіи также, какъ и во Франціи, во главѣ мѣстной пере-
писи были поставлены мѣстныя власти, но на нихъ лишь возложена
была обязанность оказывать содѣйствіе операціи, а никакъ не не-
посредственное выполненіе ея, даже не заведываніе и не руководство
ея работами. Послѣднее было, на основаніи инструкціи, поручено
вездѣ, гдѣ только это оказалось возможнымъ, и гдѣ обстоятельства
не представили преодолимыхъ препятствій, на особы такъ-называемыя
коммиссіи по переписи (*Zählungscommissionen*), къ участію въ кото-
рыхъ приглашены были лица, обладавшія довѣріемъ мѣстныхъ жи-
телей, знаніемъ мѣстныхъ условій и отношеній и сознававшія всю
важность предпринимаемой операціи. Лишь тамъ только, гдѣ абсо-
лютно невозможно было учредить такія коммиссіи, ихъ замѣнили
мѣстныя власти. Обязанности коммиссій состояли главнымъ обра-
зомъ въ слѣдующемъ: а) въ раздѣленіи общинъ (*Gemeinde*) на пере-
писные участки; б) въ приглашеніи счетчиковъ, въ ознакомленіи ихъ
съ ихъ обязанностями и въ разъясненіи имъ формулровокъ и инструк-
цій касательно ихъ дѣятельности по переписи; в) наконецъ, въ про-
вѣркѣ, по окончаніи переписи, собранныхъ свѣдѣній, въ составленіи
общаго ихъ обзора и пересылкѣ переписныхъ листовъ и списковъ къ
окружнымъ властямъ.

Въ самой переписи жителей члены коммиссій или замѣнявшіе ихъ
въ вышеуказанномъ случаѣ мѣстныя власти могли принимать участіе,
какъ сказано въ инструкціи, лишь вслѣдствіе необходимости. Вообще
роль властей относительно переписи ограничивалась въ Германіи раз-
сылкой формулровокъ, разъясненіемъ того, какъ производить по этимъ

формулярѣхъ перениси, разъясненіемъ инструкцій, въ случаѣ, еслибы послѣдніи оказались въ чемъ либо непонятными для кого-нибудь изъ ихъ подчиненныхъ, приспособенныхъ къ перениси, и наконецъ, общимъ наблюденіемъ и контролемъ надъ производствомъ работъ, а также устраненіемъ такихъ явленій, которыя могли бы повліять такъ или иначе на правильный ходъ операций, какъ-то ярмарокъ, общественныхъ праздниковъ и собраній, пришедшихся на день перениси, и т. п. Къ этому, въ сущности, можно свести всѣ права и обязанности провинціальныхъ, окружныхъ и мѣстныхъ властей по отношенію къ переписи. Самое же исполненіе работъ по производству ея составляло въ Германіи область дѣйствія особыхъ счетчиковъ. Но прежде чѣмъ переходить къ послѣднему предмету, я позволю себѣ остановиться немного подробнѣе на тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя составляли кругъ вѣдомства комиссій по переписи, и о которыхъ я уже упоминалъ выше; при этомъ и прежде всего скажу нѣсколько словъ о раздѣленіи общины на перенисные участки (Zählbezirke).

Мы выше видѣли, что французскія инструкціи, касаясь этого вопроса, предоставляетъ совершенно произволу мѣровъ дѣлать или не дѣлать ихъ общины на участки, смотря по тому, найдутъ ли они это нужнымъ въ слѣдствіе многочисленности населенія, имѣ подвѣдомственнаго, или нѣтъ. Германскія инструкціи, напротивъ того, прямо обязываютъ къ такому дѣленію комиссію по переписи и при этомъ постановляетъ, чтобы на каждого счетчика приходилось при упоминутомъ дѣленіи никакъ не болѣе 40 хозяйствъ (Haushaltungen), расположенныхъ по возможности совокупно. Она требуетъ далѣе, чтобы при переписи не былъ оставленъ безъ вниманія ни одинъ жилой или нежилой домъ, ни одно жилое или фабричное строеніе. Согласно инструкціи, на каждый переписный участокъ назначается особый счетчикъ, и кромѣ того, комиссія на сколько возможно прилагаетъ старанія о томъ, чтобы сверхъ нормальнаго, соответственнаго числу участковъ числа счетчиковъ, было еще нѣкоторое излишнее количество послѣднихъ, въ виду всегда могущихъ произойти случайностей. Выборъ счетчиковъ и ознакомленіе ихъ съ ихъ обязанностями также было возложено на комиссію по переписи, и при этомъ выборъ инструкція рекомендовала обращать особенно вниманіе на то, чтобы всѣ счетчики были люди способные къ точному и тщательному выполненію принимаемыхъ ими на себя обязанностей и серьезно смотрѣли бы на дѣло переписи. Наконецъ, въ принципѣ было положено, что они долж-

ны исполнять свои обязанности бесплатно; противное допускалось лишь какъ рѣдкое исключеніе.

На счетчикахъ, какъ я уже сказалъ выше, не лежало непосредственное выполненіе переписи. Обязанности ихъ въ этомъ отношеніи состояли въ слѣдующемъ: каждый счетчикъ тотчасъ же по полученіи необходимыхъ ему инструкцій и формуляровъ и по ознакомленіи съ ними, что дѣлалось имъ иногда подъ руководствомъ мѣстной коммисіи по переписи, приступалъ къ составленію на основаніи частию уже существовавшихъ ранѣе домовыхъ списковъ, частию же на основаніи личнаго ознакомленія съ назначеннымъ ему участкомъ, списка всѣхъ жилыхъ зданій, находившихся въ упомянутомъ его участкѣ, не обращая вниманія на то, обитаемы ли они въ тотъ моментъ, или нѣтъ,—а равно и всѣхъ хозяйствъ, учреждений, предназначенныхъ для совместнаго жительства, какъ-то: училищъ, больницъ, тюремъ, казармъ, гостиницъ и т. д.; въ этомъ списокѣ онъ обозначалъ также фамилію каждаго хозяина и число потребныхъ для каждаго хозяйства переписныхъ карточекъ и прочихъ формуляровъ. Затѣмъ онъ принимался за подготовленіе самихъ формуляровъ къ раздачѣ. Обѣ эти работы должны были быть имъ окончены къ 25-му ноябрю, а съ того дня и по 30-е число, значить, въ теченіе 5-ти сутокъ, онъ занимался распредѣленіемъ формуляровъ хозяевамъ, такъ чтобы къ полудню послѣдняго дня, какъ требуетъ инструкція, въ рукахъ каждаго изъ послѣднихъ были всѣ необходимыя ему переписныя карточки и прочіе формуляры въ совершенно достаточномъ для совершенія переписи количествѣ. Вписываніе отпѣтовъ на поставленные въ этихъ формулярахъ вопросы возлагалось, по инструкціи, уже на самихъ хозяевъ; счетчикъ же лишь объяснилъ имъ, какъ нужно это дѣлать, а на себя принималъ ихъ обязанность лишь въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ хозяевъ наотрѣвъ отказывался исполнить требованіе инструкціи, или когда въ семействѣ не находилось ни одного члена достаточно грамотнаго и способнаго на такое дѣло, или наконецъ, когда все семейство поголовно находилось въ отлучкѣ; въ послѣднемъ случаѣ свѣдѣнія о лицахъ, составляющихъ его, отбирались у сосѣдей.

При разносѣ формуляровъ счетчикъ въ то же время отмѣчалъ въ своемъ списокѣ домовъ, которые изъ квартиръ оказывались въ день переписи не занятыми. Наконецъ, въ 12 часовъ 1-го декабря онъ приступалъ къ обратному сбору карточекъ и таблицъ, въ которыхъ въ тому времени уже должны были быть вписаны хозяевами всѣ требующія свѣдѣнія. При сборѣ онъ ихъ просматривалъ и въ случаѣ про-

пусковъ, неясностей и неточностей исправлять тутъ же на мѣстѣ согласно устнымъ указаніямъ присутствовавшихъ. Германская инструкция требовала, чтобы свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ лицѣ были внесены въ особую карточку, и чтобы затѣмъ всѣ лица, входившія въ составъ хозяйства, были еще вписаны въ особый списокъ, (*Haushaltsverzeichnis*), въ которомъ находили себѣ мѣсто даже всѣ отсутствующіе члены хозяйства, хотя особыхъ карточекъ для послѣднихъ и не составлялось. Идѣль этого я укажу ниже, а теперь упомяну лишь, что идея производства переписи посредствомъ отдѣльныхъ карточекъ для каждого лица принадлежитъ д-ру Энгелю, директору Прусскаго королевскаго статистическаго бюро и одобрена была на VIII-й сессіи статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ. Не могу также пройти здѣсь молчаніемъ и еще одной стороны этой системы въ приложеніи ея къ Германіи, именно того, что тамъ, какъ я указывалъ выше, переписнымъ карточки составлялись вообще не счетчиками, а самими жителями; первые же главнымъ образомъ лишь провѣрили и контролировали послѣднихъ. Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, можно было лучше и удачнѣе разрѣшить трудный вопросъ о производствѣ переписи населенія въ возможно-краткій періодъ времени и вмѣстѣ съ тѣмъ при посредствѣ наименьшаго числа счетчиковъ. Нѣсколько лѣтъ пришлось д-ру Энгелю отстаивать и проводить въ практику эту свою мысль, пока наконецъ ему удалось увидѣть ея осуществленіе сначала въ переписи 1871 года, а затѣмъ и въ послѣдней переписи 1875 года. Опытъ показалъ, на сколько онъ былъ правъ, ратуя такъ горячо за активное, а не одно лишь пассивное участіе населенія въ столь важной статистической операціи.

Сборъ переписныхъ листовъ и списковъ долженъ былъ, по инструкции, быть оконченъ счетчикомъ никакъ не позднѣе 2-го декабря. Этимъ собственно и заключалась въ Германіи первая часть операціи переписи, именно самое собраніе свѣдѣній о населеніи. Я указывалъ уже выше, какъ это собраніе производилось въ послѣднюю перепись во Франціи, гдѣ даже собственно не было и счетчиковъ, а все дѣло лежало на мэрахъ и на выбранныхъ ими, въ случаѣ нужды комиссарахъ. Хотя и тамъ свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ лицѣ вписывались въ отдѣльную карточку, составленіе которой даже могло быть поручено главѣ семейства (впрочемъ послѣднее, очевидно, лишь въ видѣ исключенія, такъ какъ во французской инструкціи прямо сказано, что агенты переписи *doivent à moins d'une impossibilité absolue* (курсивъ въ подлинникѣ) *voir chaque habitant et recueillir de sa propre*

bouche les renseignements nécessaires"), но все-таки нельзя не видѣть, насколько французская система собиранія свѣдѣній во время послѣдней переписи во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже германской. Напомнимъ въ подтвержденіе хотя тѣ слова изъ программы первой (Брюссельской) сессіи международнаго статистическаго конгресса, въ которыхъ говорится, что выгоды, представляемыя въ переписи системой специальныхъ агентовъ, уже въ то время, то-есть, въ 1853 году, считались на столько общезвѣстными въ наукѣ и практикѣ, что тогда не было никакой необходимости входить по этому поводу въ какія-либо разсужденія; а мы видѣли, что подобныхъ специальныхъ агентовъ вовсе не было и при послѣдней французской переписи.

Но все это — еще не единственное основаніе, заставившее меня уже въ самомъ началѣ высказаться за германскую перепись противъ французской и предпочесть первую послѣдней. Разсмотрѣніе того, какое населеніе (въ статистическомъ смыслѣ) подвергалось переписи въ той и другой странѣ, представитъ намъ еще новыя подтвержденія высказаннаго мною выше мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что еще на первой сессіи статистическаго конгресса было постановлено, чтобы перепись всегда относилась къ наличному населенію; свѣдѣнія же о приписномъ населеніи (*population de droit*), какъ дающія слишкомъ несовершенное понятіе о населенности мѣстъ, допускались лишь въ качествѣ побочныхъ, въ томъ случаѣ, еслибы они оказались зачѣмъ-либо необходимыми для административныхъ цѣлей. Затѣмъ во время Петербургской (восьмой) сессіи конгресса было сверхъ того принято, чтобы при переписяхъ собирались, кромѣ данныхъ о наличномъ населеніи, также свѣдѣнія и о постоянномъ населеніи. Въ Германіи во время послѣдней переписи такъ и было поступлено: если карточки, составлявшіяся тамъ о каждомъ отдѣльномъ присутствовавшемъ на мѣстѣ переписи лицѣ, показывали такимъ образомъ количество наличнаго населенія, то такъ называемые списки хозяйствъ (*Haushaltungsverzeichnisse*), въ которые включались также и отсутствовавшіе члены семействъ, съ указаніемъ причинъ ихъ отсутствія, давали возможность опредѣлить для каждаго мѣста, еслибы то понадобилось, цифру постоянного населенія его. Это и было одною изъ цѣлей употребленія вышеупомянутыхъ списковъ наряду съ карточками, хотя они и кромѣ того служили чрезвычайно удобнымъ средствомъ для провѣрки, всѣ ли карточки состоятъ на лицѣ. Во Франціи, при послѣдней переписи, не только не было ничего подобнаго для контроля числа карточекъ, но даже тамъ и наличное-то населеніе совершенно игнорировалось, а всѣ

свѣдѣнія, на основаніи инструкцій, должны были относиться только къ постоянному населенію. Французская инструкція довольно подробно останавливается на разъясненіи того, что должно понимать подъ этимъ постояннымъ населеніемъ, и такое разъясненіе является тамъ совершенно необходимымъ для предупрежденія разныхъ ошибокъ, могущихъ вскрыться вслѣдствіе самой неясности понятія, особенно въ приложеніи его къ дѣйствительности, — хотя и нельзя сказать, чтобы инструкція совершенно удачно разрѣшала всѣ возможные недоразумѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сама не представляла бы поводовъ къ смѣшенію, вводя иногда уже слишкомъ тонкія для практики различія, напримѣръ, между рабочими, занятыми работой внѣ мѣста своего постоянного жительства и возвращающимися домой лишь на короткое время, и рабочими, возвращающимися домой на болѣе продолжительное время, между лицами, подвергшимися престу, какъ наказанію, и лицами подвергнутыми предварительному аресту, между такими учениками интернами учебныхъ заведеній, родители которыхъ живутъ въ той же коммунѣ, и такими, родители которыхъ имѣютъ другое мѣстопробываніе. По инструкціи, одни изъ перечисленныхъ лицъ причисляются къ постоянному населенію, другіе же — нѣтъ; а едва ли всѣ подобныя различія не въ состояніи подать поводъ къ ошибкамъ и двойнымъ записямъ. Наконецъ, нѣкоторые разряды населенія, какъ-то: войска, лица, содержащіеся въ тюрьмахъ и подъ арестомъ, больные, помѣщаемые въ сумасшедшихъ домахъ и больницы, учащіеся въ школахъ, лицехъ, семинаріяхъ и пансіонахъ, члены религіозныхъ конгрегацій, моряки, находящіеся въ долговременномъ плаваніи, переписывались во Франціи не поименно, какъ остальное населеніе и какъ то имѣло мѣсто въ Германіи, а en bloc, и причина, мотивирующая во французской инструкціи такое изъятіе ихъ изъ общей поименной переписи, замѣчательна для насъ особенно въ томъ отношеніи, что она указываетъ и на побужденіе, которое заставило во Франціи обойти при переписи наличное населеніе, въ противность всѣмъ постановленіямъ международнаго статистическаго конгресса и требованіямъ науки. Причина эта заключается въ томъ, что вышеприведенные разряды населенія не приписываются во Франціи въ расчетъ при разложеніи налоговъ или при приложеніи дѣйствій муниципальныхъ законовъ, между тѣмъ какъ всѣ жители, подлежащіе тамъ поименной переписи, составляли изъ себя то *normal*, по выраженію французской инструкціи, населеніе, на которое разлагались налоги. Не ясно ли изъ этого, что французская перепись имѣла въ виду главнымъ, если не исключи-

тельнымъ, образомъ фискальные и административные интересы и довольно мало заботилась о соблюденіи научныхъ? А это едва ли можно поставить ей въ большое достоинство.

Переходя теперь къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя собирались о населеніи во Франціи и въ Германіи, мы и тутъ замѣтимъ нѣкоторую, хотя вообще незначительную разницу между обѣими странами. Такъ обозначеніе возраста по дню рожденія, какъ требовалось въ нѣмецкой переписи, очевидно предпочтительнѣе въ отношеніи точности доставляемыхъ результатовъ передъ обозначеніемъ возраста по годамъ, какъ то было въ большей части случаевъ принято во французской переписи (хотя, замѣтимъ, и тамъ также въ инструкціи упоминалось, что хорошо было бы, еслибы, вмѣсто возраста, спрашивался вездѣ, гдѣ только это возможно, годъ рожденія). Кромѣ того, во Франціи былъ выкинутъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, наоборотъ въ Германіи исключены были вопросы о происхожденіи и тѣлесныхъ и душевныхъ недостаткахъ (слѣпотѣ, глухотѣ, сумасшествіи, идиотизмѣ и т. п. ¹⁾). Далѣе, вопросъ о степени образованности былъ вовсе опущенъ какъ въ той, такъ и въ другой странѣ. Наконецъ, свѣдѣнія о занятіяхъ собирались въ первой безъ особенныхъ подробностей, между тѣмъ какъ въ послѣдней, вслѣдствіе того, что тамъ съ перенесью народонаселенія была соединена въ 1875 году и промышленная, этому вопросу дано было особое развитіе.

Мы оставимъ теперь разсмотрѣть еще разработку въ обѣихъ странахъ собранныхъ во время переписи данныхъ. Во Франціи эта разработка, какъ и во остальное, лежала вообще на обязанности мѣстныхъ властей и производилась слѣдующимъ образомъ: Тотчасъ же по окончаніи сбора карточекъ, маромъ или его агентами составлялся на основаніи полученныхъ свѣдѣній поименный списокъ всѣхъ жителей коммуны, при чемъ эти послѣдніе располагались въ спискѣ по кварталамъ, внутри кварталовъ по улицамъ, въ улицахъ по домамъ, наконецъ въ домахъ по хозяйствамъ (*ménages*). Списокъ заключалъ въ себѣ также еще слѣдующія свѣдѣнія противъ имени каждаго жителя: о занятіяхъ его, семейномъ состояніи, возрастѣ, мѣсторожденіи (*lieu de naissance*), національности, и въ заключеніе—еще одну графу для особыхъ замѣчаній, напримѣръ, объ отсутствіи, о томъ, не принадлежитъ ли

¹⁾ Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи (преимущественно въ городахъ, напримѣръ, Берлинѣ) свѣдѣнія о тѣлесныхъ и душевныхъ недостаткахъ собирались.

данное лицо къ нищимъ, не найденнымъ ли оно, не имѣетъ ли какихъ-либо тѣлесныхъ или душевныхъ недостатковъ и т. п. Заключался этотъ списокъ краткимъ сводомъ свѣдѣній объ общемъ числѣ жителей коммуны, какъ переписанныхъ поименно, такъ и сосчитанныхъ огуломъ, en bloc (каждая категорія отдѣльно), по ихъ семейному состоянію и національности, а также и о числѣ населенія, живущаго скученно, то-есть, составляющаго извѣстное поселенное мѣсто, и живущаго разбросанно, въ домахъ, стоящихъ отдѣльно и не входящихъ по своему изолированному положенію въ составъ какой-либо коммуны. Такимъ образомъ списокъ этотъ представлялъ собою повтореніе въ извѣстномъ порядкѣ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ о населеніи во время переписи; онъ предназначался преимущественно быть источникомъ для послѣдующихъ административныхъ справокъ всякаго рода. Нельзя не сознаться, что съ статистической точки зрѣнія весьма трудно понять цѣль и пользу подобныхъ списковъ. Замѣчательно, что они составляются нинѣ едва ли не въ одной только Франціи, да и вообще мало въ состояніи заслужить какое-либо одобреніе съ теоретической стороны, особенно въ виду ихъ сляшкомъ явнаго фискальнаго и полицейскаго характера; наука статистики, какъ извѣстно строго требуетъ, чтобы въ статистическія операціи не вносились никакимъ образомъ административныя, а тѣмъ болѣе полицейскіе интересы, если желается, чтобы собранныя свѣдѣнія отличались сколько-нибудь достовѣрностью.

По окончаніи упомянутаго поименнаго списка, одинъ экземпляръ котораго отсылался немедленно въ префектуру, а другой оставался въ архивахъ мѣстной мэріи, тотъ же мэръ и его агенты приступали къ составленію дальнѣйшихъ таблицъ, указанныхъ въ министерской инструкціи, а именно таблицъ, представлявшихъ распредѣленіе жителей по ихъ специальностямъ (подробно), возрастамъ (погодно до 25 лѣтъ и по пятилѣтіямъ далѣе), семейному состоянію и занятіямъ; при этомъ послѣднія раздѣлялись на слѣдующія семь группъ: 1) земледѣліе, 2) промышленность, 3) торговля, 4) свободныя профессіи (*professions libérales*), 5) лица, живущія исключительно доходами съ своихъ капиталовъ и пенсіонеры казны, 6) нищіе, бродяги и публичныя женщины, и наконецъ, 7) лица, занятія которыхъ не извѣстны или не опредѣлены. Группировку эту можно упрекнуть во многихъ недостаткахъ, главнымъ изъ которыхъ является слишкомъ крупныя подраздѣленія въ ней; такъ, во второй группѣ промышленность подраздѣляла была лишь на крупную, заключающую

въ себѣ горную, фабричную и мануфактурную промышленность, — и мелкую, обнимающую собою, выражаясь словами инструкціи, ремесла и искусства (*arts et metiers*); въ группѣ „торговля“ находилось всего два подраздѣленія (оптовая торговля и мелочная) и т. д. Если къ вышеназваннымъ таблицамъ прибавить еще одну — о тѣлесныхъ и душевныхъ недостаткахъ жителей, то для Франціи перечень и будетъ совершенно полнымъ. Всѣ эти таблицы, по окончаніи ихъ составленія, отсылались мэрами въ префектуру, гдѣ ужь и выработывались изъ нихъ общія таблицы по цѣлому департаменту. Изъ послѣднихъ прежде всего составлялась таблица, показывающая распределение населенныхъ мѣстъ департамента по числу жителей (ниже 100 человекъ, отъ 100 до 200 человекъ, отъ 200 до 300 и т. д.), затѣмъ таблица населенія департамента по округамъ, кантонамъ и коммунамъ, сравнительно съ ихъ населеніемъ по предшествовавшей переписи; наконецъ, и изъ остальныхъ доставленныхъ мэрами таблицъ въ префектурѣ составлялись общія таблицы по департаменту совершенно по той же формѣ и касательно тѣхъ же самыхъ предметовъ, какъ и соотвѣтствующія имъ коммунальныя. Дубликаты всѣхъ составленныхъ въ префектурѣ таблицъ препровождались немедленно въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда они поступали наконецъ въ статистическое отдѣленіе министерства земледѣлія и торговли, а тамъ уже производился общій сводъ ихъ для всей Франціи. Таковъ былъ процессъ обработки послѣдней французской переписи.

Въ Германіи процессъ этотъ совершался нѣсколько иначе. Именно тамъ тотчасъ же по окончаніи переписи каждый счетчикъ, внесши только въ свой списокъ домовъ число лицъ, оказавшихся въ каждой квартирѣ, препровождалъ всѣ собранныя имъ матеріалы (карточки, списки и т. п.) въ переписную комиссію, гдѣ они подвергались вновь провѣркѣ, и гдѣ затѣмъ составлялся на основаніи домовыхъ списковъ счетчиковъ общій краткій обзоръ результатовъ переписи для той мѣстности, которая было райономъ дѣйствія комиссіи. Въ обзорѣ этомъ помѣщались наименованія населенныхъ мѣстъ, число оказавшихся въ нихъ домовъ (обитаемыхъ и не обитаемыхъ особо), а также хозяйствъ и учреждений, и наконецъ — количество жителей, съ раздѣленіемъ послѣднихъ на мужчинъ и женщинъ и на наличныхъ и отсутствующихъ. Послѣ того комиссія пересылала всѣ матеріалы и таблицы къ окружному начальству. Тамъ ихъ еще разъ провѣряли, составляли общій обзоръ результатовъ переписи для всего округа по той же самой формѣ, какъ и предшествовавшей, и за-

тѣмъ препровождали все прямо въ статистическія бюро, гдѣ матеріалы, карточки и т. п., послѣ новаго окончательнаго пересмотра, подвергались уже обработкѣ въ собственномъ смыслѣ слова, тогда какъ до того времени они въ сущности лишь провѣрялись и контролировались въ разныхъ инстанціяхъ. Въ статистическихъ бюро изъ нихъ прежде всего составлялась таблица, показывавшая для каждаго населеннаго мѣста число существующихъ въ немъ хозяйствъ одиночныхъ, состоящихъ только изъ одного лица (*Einzelhaushaltungen*) и многочисленныхъ, состоящихъ изъ болѣе, чѣмъ одного лица, число находящихся въ немъ учреждений (*Anstalten*), и наконецъ, количество его населенія, при чемъ послѣднее подраздѣлялось въ таблицѣ на военное и гражданское, и какъ то, такъ и другое показывалось съ разлеченіемъ по національностямъ, хотя послѣднее и очень кратко (такъ, въ прусскомъ статистическомъ бюро различались: Пруссакъ, остальные Нѣмцы и иностранцы). Слѣдующія составлявшіеся таблицы представляла собою распредѣленіе населенія по возрастамъ въ связи съ національностью, опять для военнаго и гражданского населенія особо; возрастъ при этомъ показывался отъ 0 до 10 лѣтъ погодно, отъ 10 до 20 лѣтъ по пятилѣтіямъ, наконецъ выше 20 лѣтъ по десятилѣтіямъ. Что касается до послѣдней таблицы, имѣвшей своимъ предметомъ занятія жителей, то она отличалась очень обширнымъ объемомъ и очень подробною классификаціей промысловъ¹⁾; но конечно, сравнивать ее съ соотвѣтственною ей французскою таблицей было бы большою ошибкой, такъ какъ въ Германіи данныя о занятіяхъ жителей собирались въ послѣднюю перепись народонаселенія особенно полно, вслѣдствіе особыхъ, упомянутыхъ выше, причинъ.

Внося теперь общій взглядъ на разработку переписныхъ данныхъ въ Германіи и во Франціи, мы можемъ сказать, что въ первой изъ нихъ въ основу этого послѣдняго акта народоисчисленія положено было то, что можно назвать принципомъ *централизаціи* работъ, если касательно не всей Германской имперіи—дѣло, очевидно, пока невозможное, — то по крайней мѣрѣ касательно каждаго изъ отдѣльныхъ входящихъ въ составъ ея государствъ (Пруссіи, Баваріи, Саксоніи и т. д.). Выгоды такой системы слишкомъ очевидны, потому что, не говоря ужъ о томъ, что посредствомъ ея получается

¹⁾ Именно, всѣ промыслы были раздѣлены тамъ на 19 группъ и болѣе 225 отдѣловъ.

очень значительное сокращеніе труда и времени, необходимыхъ на обработку матеріаловъ, она, кромѣ того, даетъ еще возможность достигнуть такой точности въ результатахъ и такого единообразія въ разработкѣ этихъ матеріаловъ, какія положительно невозможны при другихъ условіяхъ ¹⁾. Именно скорость и точность достигаются тѣмъ, что таблицы составляются непосредственно изъ переписанныхъ карточекъ, а единообразіе тѣмъ, что всю разработку руководитъ одно лицо. Последнее обстоятельство гораздо болѣе важно, чѣмъ обыкновенно кажется съ перваго взгляда, такъ какъ на практикѣ, какъ ни были бы точно выработаны теоретическія рубрики, какъ ни были бы ясны и тверды опредѣленія и разграниченія, все-таки постоянно встрѣчается много случаевъ, не подходящихъ прямо подъ нихъ, много недоразумѣлій, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, почему необходимо могутъ появиться весьма значительныя разности при ихъ расширеніи, если всей разработкой не будетъ завѣдывать одно и то же опытное лицо. Это явленіе хорошо извѣстно всякому, занимавшемуся практической разработкой вообще всякихъ статистическихъ данныхъ, а особенно переписныхъ ²⁾. Между тѣмъ во Франціи не только не

¹⁾ Извѣстно, что вопросъ о централизаціи или децентрализаціи обработки статистическихъ матеріаловъ былъ очень хорошо и подробно разработанъ докторъ Георгъ Майромъ, директоромъ Баварскаго королевскаго статистическаго бюро, изъ которыхъ, представленной имъ постоянной комиссіи международнаго статистическаго конгресса и напечатанной въ мемуарахъ послѣдней.

²⁾ Причѣмъ здѣсь въ доказательство хотя слѣдующее изъ моей собственной практики. Когда я, разработывая данныя послѣдней переписи въ прусскомъ статистическомъ бюро, приступилъ тамъ къ составленію, по порученію имъ оуругу, промысловыхъ таблицъ, то несмотря на чрезвычайно подробный классификаціонный списокъ промысловъ, составленный для Германіи на основаніи всевозможныхъ каталоговъ выставокъ, технологій, перечней и т. д. особою комиссіей для усовершенствованія нѣмецкой промышленной статистики и данный мнѣ въ руководство, мнѣ не только попадались, — какъ впрочемъ и другимъ моимъ товарищамъ по работѣ, — занятія и промыслы, которыхъ въ этомъ спискѣ не было, но даже часто возникали недоразумѣнія въ родѣ того, къ какой изъ двухъ родственныхъ группъ отнести извѣстный промыселъ, получившій послѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ такой особенный мѣстный характеръ, который ставилъ его въ связь и съ тою и съ другою группой. А двойныя занятія, особенно когда они не могутъ быть подведены подъ понятія главнаго и побочнаго занятія (Haupt- und Nebenbeschäftigung), каковы, напримеръ, портные ямной — нитятуры лѣтомъ, изъ Пронинскаго уѣзда Московской губерніи? Сколько такіе случаи способны мѣшать недоразумѣній, такъ какъ въ дѣйствительности едва ли есть никакъ-либо возможность знать или предвидѣть всѣ подобные случаи!

было хотя какой-нибудь централизаціи работъ, но даже почти совершенно не встрѣчаемъ мы и приложенія столь упрощающаго трудъ и сберегающаго время метода разработки при помощи карточекъ. И въ этомъ отношеніи французская система, значить, оказывается ниже германской.

Въ одномъ изъ засѣданій Парижскаго общества политической экономіи, происходившемъ, если не ошибаюсь, въ маѣ или іюнѣ 1876 года, двумя изъ членовъ этого общества, и въ томъ числѣ извѣстнымъ г. Гарнье, было высказано мнѣніе, что французская статистика въ теченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ положительно нисколько не пошла впередъ, а скорѣе подалась назадъ, и что въ настоящее время она во всякомъ случаѣ находится далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, въ какомъ была въ 1830-хъ годахъ, когда во главѣ ея стоялъ Моро де-Жонпестъ. Послѣднія французская перепись не только не опровергаетъ этого мнѣнія, но напротивъ того, даетъ еще новыя доказательства: нельзя не сознаться, что образъ производства этой важной статистической операціи въ 1875 году въ Германіи стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ выше того, который годъ спустя былъ примѣненъ во Франціи.

С. Матвѣевъ.

О РАБОТАХЪ ПРОФЕССОРА Н. ГРЕВИНГКА ПО ИЗСЛѢДОВАНИЮ ПЕРВОБЫТНЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ.

На четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани, въ августѣ текущаго года, профессоръ Дерптскаго университета, А. Г. Брикнеръ изложилъ результаты работъ профессора К. Гревингка по изслѣдованію первобытныхъ древностей Прибалтійскаго края. Сообщение это, основанное на статьѣ самого г. Гревингка (помѣщенной въ журналѣ *Archiv für Anthropologie*, 1874 г., т. VII), состояло въ слѣдующемъ: На восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря не нашлось данныхъ для доказательства существованія тамъ человѣка въ древнѣйшій четвертной или дилувіальный періодъ. За то можно считать доказаннымъ существованіе человѣка, вмѣстѣ съ разными вымершими животными, въ періодъ позднѣйшій четвертной или аллувіальный. Эти животныя суть слѣдующія: урь (*Ros primigenius* Boj.), зубръ (*Wisent*, *Bos pris-*
cus), кабанъ и тюлень Вуртнекскаго озера. Но и это еще не доказываетъ, что человѣкъ жилъ здѣсь еще въ древнѣйшій періодъ аллувіальнаго времени, такъ какъ названныя животныя вымерли не ранѣе, какъ въ историческое время.

Древнѣйшіе, опредѣляемые по годамъ, слѣды появленія человѣка въ Восточной Балтикѣ относятся къ послѣдней половинѣ тысячелѣтія до Р. Х. Монеты, найденныя въ Восточной Пруссіи (Бромбергѣ и Шубинѣ), а также нѣкоторые бронзовые предметы, найденные въ Силезіи и Лифляндіи, свидѣтельствуютъ о древне-италійскомъ и древне-греческомъ вліяніи на Восточную Балтику въ V и IV вѣкахъ до Р. Хр., а также о томъ, что на Балтійскомъ побережьи существовало уже въ то время нѣкоторое сообщеніе.

Раскопки кургановъ доказываютъ, что въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря существовало населеніе, занимавшееся рыбною ловлей и охотой и пользовавшееся орудіями и ору-

жіемъ, сдѣланными изъ кости и камня. Лишь изрѣдка люди эти употребляли при томъ кремень; главнымъ матеріаломъ для изготовления орудій имъ служилъ діоритъ, діабазъ и кремнистый шиферъ. то-есть, горныя породы, которыя встрѣчаются во всей Восточной Балтикѣ въ видѣ валуновъ, а залегаютъ въ Финляндіи. Обработка и приготовленіе многихъ каменныхъ орудій въ Восточной Балтикѣ обнаруживаютъ не только довольно развитую технику, между прочимъ въ шлифовкѣ и сверленіи, но и вкусъ и вообще довольно высокую культуру. Скелеты и прочіе слѣды этого населенія были найдены какъ на восточно-балтійскихъ островахъ и берегахъ, такъ и вблизи большихъ озеръ и рѣкъ. Въ сѣверной части Восточной Балтики, то-есть, въ Финляндіи, Эстляндіи и въ сѣверной Лифляндіи, а также на юго-восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря этотъ народъ каменнаго вѣка, вѣроятно, принадлежалъ къ Финскому племени въ широкомъ смыслѣ, пришедшему съ востока, и соотвѣтствовалъ своею культурою Феннамъ, описаннымъ Тацитомъ въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. Къ югу отъ занятаго Финнами юго-восточнаго побережья Балтійскаго моря и въ большомъ разстояніи отъ моря, кажется, простиралась въ это время область, занятая Литовско-Славянскимъ населеніемъ, также употреблявшимъ каменные орудія.

Представители каменнаго и бронзоваго вѣка въ Западной Балтикѣ имѣли отношенія къ этимъ, по всей вѣроятности, финскимъ и литовско-славянскимъ представителямъ каменнаго вѣка, которые не сожигали покойниковъ, но зарывали ихъ въ землю, которые не употребляли металлическихъ орудій и имѣли лишь малое количество орудій кремневыхъ. Сношенія между жителями Западной и Восточной Балтики не были особенно оживленныя. Нѣкоторые изъ немногихъ найденныхъ въ Восточной Балтикѣ кремневыхъ орудій, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ считаться происходящими изъ Западной Балтики. Формы оружія изъ оловянной бронзы, находимыхъ въ Восточной Балтикѣ вообще рѣдко, въ Восточной Пруссіи и въ Финляндіи однако чаще, чѣмъ въ странѣ, находящейся между этими мѣстами, указываютъ преимущественно на тотъ позднѣйшій періодъ бронзоваго вѣка въ Западной Балтикѣ, который продолжается до перваго столѣтія послѣ Р. Х., и во время котораго покойники сожигались, какъ видно изъ погребальныхъ мѣстъ, найденныхъ въ Швеціи и Финляндіи. Тамъ пепель труповъ былъ находимъ вмѣстѣ съ оружіемъ и съ разными украшеніями перѣдко въ сосудахъ и каменныхъ ящикахъ среди

искусственно составленныхъ грудъ валуновъ. Древніе уральско-алтайскіе бронзовые предметы или ихъ владѣльцы не достигали береговъ Балтійскаго моря.

За камннымъ вѣкомъ Восточной Балтики, совпадающимъ съ младшимъ бронзовымъ вѣкомъ Западной Балтики и не обнаруживающимъ особенной зависимости ни отъ этого бронзоваго вѣка, ни отъ древне-италійской или древне-греческой культуры, слѣдовалъ отъ I до XIII столѣтія послѣ Р. Х. азычскій желѣзный вѣкъ Восточной Балтики, распадающійся на два отдѣла.

Первый отдѣлъ продолжается отъ I до VIII столѣтія. Тутъ, въ первые четыре столѣтія нашего лѣтоисчисленія, распространяются въ Восточной Балтикѣ древне-Германскія или Готскія племена, явившіяся съ запада. Затѣмъ они опять оставляютъ Восточную Балтику. Эти люди были опытными моряками, какъ кажется, добывали желѣзо и владѣли разными предметами роскоши изъ бронзы и серебра, которые были, вѣроятно, произведеніями римской промышленности и торговли, хотя и нѣтъ издобности считать ихъ произведеніями вообще или исключительно Рима. Эти восточно-балтійскіе Готы сожигали своихъ покойниковъ, при чемъ употребляли разные побочные погребальныя обычай, указывающіе на два различныя племена. Сѣверные Готы Восточной Балтики жили въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, но пребываніе ихъ въ предѣлахъ Петербургской губерніи и дальше на востокъ до сихъ поръ не доказано ни курганами, ни культурными предметами. Они сохраняли пепель умершихъ соответственно предшествовавшимъ имъ представителямъ младшаго западно-балтійскаго бронзоваго вѣка внутри искусственныхъ грудъ камней. Для этой цѣли особенно употреблялись каменныя сооруженія кораблеобразныя или имѣющія другой болѣе или менѣе правильный видъ. Эти сооруженія служили не только семейными могилами, въ которыхъ сохранялся прахъ умершихъ и нѣкоторые, принадлежавшіе имъ, предметы безъ сосудовъ, но были и мѣстами, гдѣ хранились въ память умершихъ, а можетъ быть, и для укрѣпленія обѣтовъ, разные предметы, кромѣ оружія. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что эти Готы вѣровали въ мирную загробную жизнь. Можетъ быть, что тѣ же самые Готы, сохраняя оружіе подъ землею (напримѣръ, въ Добесбергъ въ Курляндіи), старались снабдить своихъ покойниковъ средствами для борьбы, тогда какъ другіе Готы, могилы которыхъ встрѣчаются въ Курляндіи, въ Ковенской губерніи и въ Восточной Пруссіи, отличались отъ сѣверныхъ Готовъ тѣмъ, что были

всадниками и употребляли сосуды для пепла. Какъ кажется, южные Готы, которые жили вѣстѣ съ Эстіями или древними Пруссамъ, занимались торговлею янтаремъ и посредствомъ торговыхъ сношеній имѣли возможность получать предметы римской промышленности.

Пребываніе Готовъ въ Восточной Балтикѣ не могло не повліять и на туземныхъ жителей этой страны. Хотя у нихъ еще въ теченіе долгаго времени встрѣчается каменный топоръ, употребляемый для борьбы и при жертвоприношеніяхъ, или какъ знакъ отличія вождѣ желѣзнаго, финскія нарѣчія, а также и нѣкоторыя сохранившіеся до позднѣйшаго желѣзнаго вѣка обычай и обряды у Финновъ въ Балтикѣ, указываютъ на сильное вліяніе, которое сѣверные прибалтійскіе Готы имѣли на Финновъ. Подобное же вліяніе южныхъ Готовъ Балтики на Литовскія племена обнаруживается въ могилахъ этого края, хотя до сихъ поръ лингвистика, съ своей стороны, не была въ состояніи указать на такое же вліяніе вслѣдствіе скудости памятниковъ древне-прусскаго языка.

Послѣ постепеннаго исчезновенія Готовъ изъ Восточной Балтики, со времени переселенія народовъ и вообще отъ V до VIII столѣтія замѣчается почти полнѣйшее пресѣченіе прежняго сообщенія, бывшаго въ рукахъ этихъ пришельцевъ. Развѣ только въ V и отчасти еще въ VI столѣтіяхъ замѣтны въ пнѣйшей Восточной Пруссіи и въ Финляндіи нѣкоторые слѣды торговыхъ сношеній съ Византіей и культурнаго вліянія Византіи, какъ то замѣчается по находкамъ монетъ. Такое пресѣченіе торговыхъ сношеній, или по крайней мѣрѣ, то явленіе, что эти сношенія существуютъ лишь на морѣ, легко объясняетъ, почему нѣкоторые встрѣчающіеся въ Западной Балтикѣ культурные предметы, подавшіе поводъ къ опредѣленію особаго желѣзнаго вѣка, не встрѣчаются въ Восточной Балтикѣ, и почему не должно дѣлить древнѣйшій восточно-балтійскій желѣзный вѣкъ на два періода, отличающіеся разностью произведеній промышленности. Если вообще можно говорить о какомъ-либо особомъ признакѣ культурнаго быта Восточной Балтики отъ V до VIII вѣка, то этотъ признакъ заключается главнымъ образомъ въ недостатокѣ или въ слабости вліянія пришельцевъ, стоявшихъ нѣсколько выше, на туземцевъ въ продолженіе этого времени.

Туземцы, которые развивались отъ V до VIII столѣтія спокойно подъ вліяніемъ готской культуры, оказываются сравнительно опытными въ земледѣліи, скотоводствѣ, мореплаваніи, торговлѣ и ратномъ дѣлѣ. Они умѣли ковать желѣзо и добывать оное, если нужно, изъ

рудъ, находимыхъ въ ихъ странѣ; однако они пользовались по преимуществу привозными извнѣ желѣзнымъ оружіемъ и металлическими предметами роскоши и приобретали куфическія монеты. Въ періодъ Викинговъ (отъ 700 до 1050 года) Эсты были въ состояніи сражаться съ Шведами на морѣ; прибывавшихъ изъ Скандинавіи мореплавателей и воиновъ Куры убивали, и они удостоивались корабельной могилы (Wella Laiwe—въ Курляндіи) въ чужой Восточно-Балтійской землѣ. Въ первое время этого младшаго желѣзнаго вѣка, продолжавшагося отъ VIII до XIII столѣтія, у Эстовъ употреблялись большія каменные сооруженія, напоминающія обрядъ Готовъ и посвященныя погребальному культу; въ нихъ однако не встрѣчается сосудовъ для пепла, тогда какъ древніе Прусы оставались вѣрными обычаю ихъ прежнихъ гостей Готовъ. Финны въ Финляндіи, а также Ливы, Латыши и отчасти Литовцы, начиная съ VIII столѣтія, стали хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Только при усиленіи внутреннихъ или внѣшнихъ войнъ, напримѣръ, у Ливовъ, встрѣчается иногда и даже довольно часто сожженіе труповъ, особенно потому, что въ такомъ видѣ прахъ павшаго въ отдаленіи отъ родины воина всего легче было привести домой. Что же касается до каменныхъ сооруженій, вѣроятно, относящихся по своему происхожденію къ готскому времени, то этотъ обычай у Эстовъ продолжался вплоть до христіанской эпохи и даже до новѣйшаго времени.

Къ младшему періоду желѣзнаго вѣка Восточной Балтики относится много самостоятельнаго развитія Балтійскихъ Финнъ и Литовцевъ, хотя при этомъ замѣтно культурное вліяніе скандинавское и германское — съ одной стороны, восточное и славянское — съ другой. Эти вопросы не были однако затронуты въ статьяхъ г. Гревингга, о коихъ было сдѣлано сообщеніе на Казанскомъ сѣздѣ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Харьковскаго университета въ 1876 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каведры; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ и контролѣ надъ ними; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей и читанныя ими публичныя лекціи; удостоеніе учеными степенями и званіями; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; состоянія при университетѣ общества: испытателей природы и опытныхъ наукъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ состояло въ 1876 году, сверхъ ординарнаго профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарный—1, доцентовъ—2, лекторовъ—3; въ физико-математическомъ: ординарныхъ—11, экстраординарныхъ—3, доцентъ—1, лаборантовъ—4; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—5, доцентъ—1; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ—10, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—6, прозекторовъ—2, помощниковъ прозекторовъ—3, лаборантъ—1. Вообще при университетѣ находилось штатныхъ преподавателей, сверхъ профессора православнаго исповѣданія: ординарныхъ профессоровъ—33, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—10, лекторовъ—3, лаборантовъ—5, прозекторовъ—2, помощниковъ прозекторовъ—3, и того—64 преподавателя. Сверхъ штата состоялъ одинъ ординарный профессоръ при физико-математическомъ факультетѣ. Приватъ-доцентовъ было—4, которые преподавали: 1—по каведрѣ физики, 1—по каведрѣ римскаго права и 2—по предмету акушерства и дѣтскихъ болѣзней. Изъ положенныхъ по уставу каведръ оставались пе-

замѣщенными: русской исторіи—съ 1875 года, агрономіи—съ сентября 1872 года, энциклопедіи права—съ сентября 1868 года, римскаго права—съ іюня 1858 года, гражданскаго права—съ іюля 1873 года, международнаго права—съ декабря 1872 года, и итальянскаго языка; не открыты учрежденныя по дѣйствующему уставу кафедры: теоріи и исторіи искусствъ, исторіи русскаго права, исторіи славянскихъ законодательствъ, государственнаго права, церковнаго законовѣдѣнія, госпитальной терапевтической клиники и госпитальной хирургической клиники. Преподаваніе по незамѣщеннымъ кафедрамъ поручено было: русской исторіи—профессору Петрову, энциклопедіи права—профессору Владимірову, римскаго права—приватъ-доценту Загурскому, международнаго права—профессору Стоянову, гражданскаго права—бывшему заслуженному профессору Михайлову; затѣмъ итальянскій языкъ и агрономія не преподавались за неимѣніемъ преподавателей.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—24, физико-математическій—34, юридическій—31 и медицинскій—22. Для замѣщенія вакантныхъ кафедръ и вообще для приготовленія къ профессорскому званію состояли при университетѣ стипендіатами: магистрантъ Куплеваскій — по государственному праву; кандидаты: Евецкій—по гражданскому праву, Ярошъ—по энциклопедіи права, Черняевъ—по исторіи русскаго права, Василенко—по уголовному праву, Пассекъ—по международному праву, Шульцъ—по греческому языку, Сумцовъ—по исторіи русской литературы, Делленъ—по сравнительному языкованію, Осдотогъ—по философіи, Ильинскій—по русской исторіи, Новиковъ — по прикладной математикѣ, Рейнгардтъ—по зоологіи, Эльтековъ—по химіи; лекаря: Данилевскій—по физиологіи и Ковалевскій — по психіатріи. Для замѣщенія кафедры агрономіи имѣется въ виду магистрантъ Зайкевичъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями служили: постоянное въ теченіе года наблюденіе преподавателей за практическими занятіями студентовъ, годовыя теоретическія испытанія и годовыя практическія испытанія. Практическія занятія студентовъ состояли въ слѣдующемъ: по кафедрѣ греческой словесности студенты первыхъ двухъ общихъ курсовъ и студенты классическаго отдѣленія занимались переводомъ и объясненіемъ съ греческаго на русскій и съ русскаго языка на греческій. Студенты: 1-го курса — Каменскій и 2-го курса — Марковъ представляли: первый—переводъ съ русскаго языка на греческій „Критона“

съ замѣчаніями, и второй — переводъ первой книги „Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ“. По латинской словесности студенты всѣхъ курсовъ упражнялись, подъ руководствомъ преподавателя, въ письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ практическія упражненія состояли изъ переводовъ, внѣ лекцій, съ русскаго на санскритскій и наоборотъ, и изъ сравнительнаго обзорѣнія корней родственныхъ языковъ въ звуковомъ и лексическомъ отношеніяхъ. По исторіи русской литературы и русскаго языка студенты 3-го курса славяно-русскаго отдѣленія Скиндеръ и Красовскій прочитывали на дому, отмѣчали трудныя мѣста и излагали письменно содержаніе тѣхъ памятниковъ древне-русской письменности, о которыхъ говорилось имъ на лекціяхъ. Такимъ образомъ рассмотрѣны были ими слѣдующіе памятники: „Договоры съ Греками X в.“ (руководясь при этомъ изслѣдованіемъ академика Срезневскаго), „Слово о законѣ Иллариона“ (въ извлеченіи), нѣсколько словъ Θεοδοσία Печерскаго, два сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, поученіе и посланіе Владиміра Мономаха, многія мѣста изъ Несторовой лѣтописи, наиболѣе важныя для вопроса о составѣ ея, „Посланіе митрополита Никифора о молитвѣ и постѣ“, „Хожденіе игумена Даниїла“ (въ извлеченіи). Студентамъ первыхъ двухъ курсовъ предложены были преподавателемъ темы, на которыхъ представлены слѣдующія сочиненія: „О народной поэзіи“ — Разумовымъ, о Борисѣ Годуновѣ — Пушкинымъ-Θоминымъ, о Евгеніи Онѣгинѣ — Дикаревымъ, о преподаваніи отечественнаго языка — Буцинскимъ. По всеобщей исторіи студентамъ для домашнихъ работъ предложено было семь задачъ, на которыя представлены были слѣдующія работы: Андреевымъ — „Исторія Пантекапен“, Бѣляевымъ — „Миѳъ о Рогулѣ и основаніи Рима“, Добровольскимъ и Пустовойтовымъ — „Катилина и значеніе его заговора“, Лебедевымъ и Будяскуломъ — „Очеркъ религіознаго и общественнаго ученія браминовъ“, Шимановскимъ — „Преимущества географическаго положенія древней Греціи“. Независимо отъ сего, студенты Кузнецовъ и Тарановскій, по собственному выбору, представили свои сочиненія: первый — „Римское государство въ вѣкѣ Флавіевъ“, въ которомъ, на основаніи источниковъ и доступныхъ пособій, изобразилъ состояніе и судьбу Имперіи въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., а второй — о происхожденіи магометанской религіи. По философіи предложены были три темы. Студентъ Марковъ представилъ сочиненіе на избранную имъ самимъ тему: „Критика основаній психологическаго матеріализма“. По математикѣ профессоръ Де-

лاری занимался съ студентами 2-го курса математическаго и физико-химическаго отдѣленій рѣшеніемъ задачъ, относящихся къ исчисленію бесконечно-малыхъ, профессоръ Ковальскій—съ студентами 3-го курса рѣшеніемъ задачъ по интегральному исчисленію, и доцентъ Андреевъ—рѣшеніемъ задачъ по аналитической геометріи. По механикѣ студенты, подъ руководствомъ профессора Имшенецкаго, занимались разрѣшеніемъ задачъ: 3-го курса обоихъ отдѣленій—изъ динамики и 2-го курса — изъ статики. По астрономіи, подъ руководствомъ профессора Ѳедоренко, студенты заняты были рѣшеніемъ задачъ, а студенты 3-го и 4-го курсовъ, сверхъ того, упражнялись въ наблюденіяхъ какъ по измѣренію горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, такъ и опредѣленіемъ времени и географической широты. По физикѣ практическія занятія студентовъ состояли въ калиброваніи термометровъ, въ опредѣленіи горизонтальной составляющей земнаго магнетизма, въ опредѣленіи показателя преломленія и проч. По химіи профессоръ Векетовъ упражнялъ студентовъ 2-го курса въ качественномъ анализѣ, и студентовъ 3-го и 4-го курса—въ анализѣ газовъ; профессоръ Лагерморкъ занималъ студентовъ органическимъ анализомъ, а профессоръ Яцуковичъ руководилъ студентами 3-го и 4-го курсовъ въ производствѣ анализа количественнаго и титрованнаго. По технической химіи студенты занимались, подъ руководствомъ профессора Яцуковича, химическими и микроскопическими изслѣдованіями техническихъ продуктовъ. По метеорологіи и физической географіи практическія занятія состояли въ обращеніи съ метеорологическими инструментами для наблюденій и въ обработкѣ наблюденій. По ботаникѣ студенты 3-го и 4-го курсовъ занимались опредѣленіемъ явнотрачныхъ растений подъ руководствомъ профессора Пятра и приготовленіемъ микроскопическихъ препаратовъ по морфологіи явнотрачныхъ и высшихъ споровыхъ—подъ руководствомъ профессора Ценковскаго. По зоологіи профессоръ Степановъ руководилъ студентовъ 2-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ въ гистологическихъ работахъ и студентовъ 3-го и 4-го курсовъ—въ опредѣленіи животныхъ, а подъ руководствомъ профессора Масловскаго студенты 3-го курса занимались секціями животныхъ. По минералогіи профессоръ Врю занималъ студентовъ 3-го курса отдѣленій естественнаго и физико-химическихъ наукъ опредѣленіемъ минераловъ и ихъ свойствъ. По геологіи и палеонтологіи студенты 3-го и 4-го курсовъ отдѣленія естественныхъ наукъ занимались опредѣленіемъ горныхъ породъ и окаменѣлостей. Въ юридическомъ фа-

культетъ заслуженный профессоръ Михайловъ упражнялъ студентовъ въ ознакомленіи со Сводомъ Законовъ и кассационными рѣшеніями. Профессоръ Владиміровъ посвящалъ во второмъ полугодіи 3 часа въ недѣлю практическимъ занятіямъ со студентами 4-го курса по предмету уголовного судопроизводства. Занятія заключались въ представленіи студентами рефератовъ по важнѣйшимъ вопросамъ теоріи русскаго уголовного судопроизводства и въ обсужденіи ихъ въ формѣ диспута между референтомъ и назначенными оппонентами. По окончаніи диспута, профессоръ разсматривалъ доводы диспутантовъ, исправлялъ ихъ ошибки и излагалъ преобладающее въ наукѣ или же свое собственное воззрѣніе на вопросъ. Практическія занятія по физиологической анатоміи ведены были главнымъ образомъ съ студентами 1-го и 2-го курсовъ, студенты же 5-го курса и лекари приготовляли препараты только къ практическому экзамену по анатоміи. Предметомъ занятій студентовъ 1-го курса были связки, мышцы и внутренности, студенты 2-го курса готовили сосуды и нервы, а студенты 5-го курса готовили препараты по областямъ мышцъ, нервовъ и сосудовъ. Занятія ведены были подъ руководствомъ профессора Вагнера и прозектора Попова и продолжались ежедневно отъ 3 до 7 или 8 часовъ вечера, а также отъ 8 до 2 часовъ утра, въ свободные отъ лекцій часы. Работающіе студенты, для удобства занятій, были разбиты на группы, по 10 человѣкъ каждая, при чемъ одновременно работали не свыше 4-хъ группъ. Занятія ведены были систематически, то-есть, сначала готовились связки, затѣмъ мышцы и т. д. Приготовленный студентомъ препаратъ демонстрировался имъ, въ присутствіи товарищей, прозектору анатоміи, при чемъ обыкновенно производился практическій экзаменъ. Матеріаломъ для практическихъ занятій служили 113 человѣческихъ труповъ, изъ нихъ: представленныхъ изъ тюремнаго замка — 32, изъ мѣстной земской больницы — 51, судебно-медицинскихъ труповъ, не взятыхъ для погребенія родственниками — 19, патолого-анатомическихъ — 1 и дѣтскихъ труповъ изъ родильнаго дома и подкидышей — 10. Въ теченіе года сдѣлано препаратовъ — 1,221, изъ нихъ: докторскій — 1, лекарскихъ — 34 и студентскихъ — 1,154. Работавшихъ было — 288, изъ нихъ: докторантъ — 1, державшихъ на степень лекаря — 66 и студентовъ — 222. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи занимались студенты всѣхъ курсовъ медицинскаго факультета, кромѣ 1-го. 2-й курсъ занимался въ часы, назначенные въ распредѣленіи преподаванія, а также въ свободное время, отъ 9-ти до 2-хъ; студенты 3-го курса —

въ часы, свободные отъ лекцій, а 4-й и 5-й курсы—только въ первое полугодіе. Предметами занятій были: экспериментальное повтореніе слышаннаго на лекціи, приготовленіе препаратовъ, относящихся къ курсу физиологической и патологической химіи, изученіе методовъ изслѣдованія животнхъ тканей и жидкостей, какъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Студенты 5-го курса, по мѣрѣ потребностей, занимались изслѣдованіемъ веществъ, относящихся къ ихъ клинической практикѣ. Профессоръ Тихоновичъ продолжалъ заниматься дальнѣйшимъ анализомъ продуктовъ, полученныхъ имъ при дѣйствіи чистаго сухаго кислорода, при обыкновенной температурѣ: а) на гемоглобинъ, бѣлокъ и жиръ и б) на гемоглобинъ и виноградный сахаръ. Предварительное сообщеніе о результатахъ этой работы, въ сжатомъ извлеченіи, напечатано въ Протоколахъ засѣданій медицинской секціи общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ. Профессоръ Тихоновичъ съ лекаремъ М. Борисовымъ занимался изученіемъ отношенія сурьмы къ центрамъ нервной системы; результаты этихъ занятій сообщены въ названномъ обществѣ, въ которомъ профессоромъ Тихоновичемъ сдѣланы еще два сообщенія: а) о добываніи растворимаго ртутнаго альбумината и примѣненіи его къ подкожнымъ инъекціямъ, и б) разборъ способовъ, употребляемыхъ для доказательства присутствія желчныхъ кислотъ въ мочѣ. Лекарь Борисовъ занимался въ той же лабораторіи проверкою метода количественнаго опредѣленія гликогема, предложеннаго профессоромъ Брюкс. По предмету общей патологіи практическія занятія студентовъ 3-го курса раздѣлялись на теоретическій курсъ, въ которомъ излагалось систематическое ученіе о болѣзняхъ, и курсъ практической, гдѣ демонстрировались различнаго рода опыты надъ животными, производились виссекціи или самимъ профессоромъ, или студентами подъ руководствомъ профессора. Кромѣ того студенты постоянно упражнялись въ изученіи свойствъ и характера разныхъ болѣзненныхъ процессовъ, какъ со стороны микроскопической, такъ и главнымъ образомъ со стороны микроскопическихъ измѣненій, причемъ вниманіе ихъ обращалось на методы изслѣдованій и дифференціальное распознаваніе. Въ кабинетѣ студенты занимались повтореніемъ опытовъ надъ животными, самостоятельнымъ изслѣдованіемъ различныхъ патологическихъ объектовъ; изъ нихъ студентъ 3-го курса Данилевскій занимался также самостоятельнымъ изслѣдованіемъ вліянія симпатическаго нерва на теченіе воспаленія. Помимо студентовъ, въ кабинетѣ работали два докторанта, Шимповъ и Нахомовъ, изъ коихъ первый произвелъ экс-

периментальное дослідження о разности температуры при эксудативномъ тавратѣ и дослідження надъ иннервациею гортани, представляющее значительный научный интересъ, а Пахомовъ — работалъ надъ переливаніемъ крови. Практическія занятія по патологической анатоміи велись профессоромъ Крыловымъ по плану предыдущихъ лѣтъ и въ прежнемъ размѣрѣ. Материаломъ для нихъ служили вскрытія клиническихъ труновъ, а также опухоли, части тѣла и патологическіе секреты изъ университетскихъ клиникъ, далѣе — нѣкоторые патологическіе объекты, присылаемые по временамъ изъ больницъ и отъ вольнопрактикующихъ врачей г. Харькова, равно какъ отъ врачей другихъ городовъ и даже отъ частныхъ лицъ. Помимо курсовыхъ занятій, въ кабинетѣ производились частіи занятія студентовъ старшихъ курсовъ или для пополненія клиническихъ исторій болѣзней, или для разработки научныхъ вопросовъ. Студенты Небыковъ и Высоковичъ напечатали статьи: первый — „Первичный цилиндро-эпителиальный капсироидъ печени“, второй — „Узлы исороспермій, какъ причина нѣкоторыхъ новообразованій печени“. Сверхъ того, Небыковымъ окончены дослідження о гистогенезѣ сердечныхъ костей у рогатаго скота, а Высоковичемъ производились экспериментальныя дослідження о ростѣ трубчатыхъ костей и собранъ богатый матеріалъ (болѣе ста механическихъ опытовъ) для гистологическихъ дослідженій. Занятія въ терапевтической клиникѣ состояли въ чтеніи профессоромъ Лашевичемъ клиническихъ лекцій студентамъ, въ совѣстномъ съ ними разборѣ стационарныхъ больныхъ и въ пріемѣ амбулаторныхъ. Клиническія лекціи читались у кровати больныхъ, и состояли въ обстоятельномъ изложеніи слизи симптомовъ болѣзни между собою. Такого рода объясненія производились на основаніи данныхъ патологической анатоміи, фізіології и общей патології. Объяснивъ появленіе того или другаго симптома, профессоръ обращалъ вниманіе студентовъ главнымъ образомъ на то, чтобы путемъ дифференціальной діагностики все найденное у больного привести къ одному патологическому знаменателю, и тогда только поставить точный клиническій діагнозъ. Рядомъ съ такимъ критическимъ разборомъ клинической лекціи упоминалось о фізіологическомъ дѣйствиі фармакологическихъ средствъ и о терапевтическомъ ихъ примѣненіи согласно съ послѣднимъ взглядомъ современныхъ клиницистовъ. Такимъ образомъ, послѣ каждаго разбора болѣзни, практиканту оставалось только тщательно вести ежедневныя наблюденія подъ руководствомъ ординаторовъ клиники и самого директора. Далѣе,

по выходѣ больного изъ клиники, профессоромъ подробно резюмировалось все вышесказанное у кровати больного, къ чему присоединялся еще результатъ клинической терапіи. Наконецъ, въ нѣсколькихъ лекціяхъ, назначаемыхъ главнымъ образомъ для студентовъ 4-го курса, были демонстрированы главные современные способы для открытія въ отдѣленіяхъ больныхъ патологическихъ составныхъ частей, причемъ было указано, какіе химическіе агенты слѣдуетъ употреблять въ томъ или другомъ случаѣ, а равно какъ воспользоваться гѣмъ или другимъ физическимъ приборомъ для желаемой цѣли. Занятія студентовъ на стационарныхъ больныхъ состояли въ разборѣ болѣзней, причемъ совѣтовалось студентамъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на данныя, полученныя при объективномъ изслѣдованіи (перкуссія, пальпація, аускультация и анализъ выдѣленій съ примѣненіемъ микроскопа, спектроскопа, поляризаціоннаго и электрическаго тока). Для упражненія въ такомъ изслѣдованіи, наиболѣе трудномъ для начинающаго, было предложено студентамъ 4-го курса посѣщать клинику во время вечернихъ визитацій ординаторовъ, чтобы упражняться въ это время въ постукиваніи, выслушиваніи и проч.; во время же вечернихъ визитацій ординаторовъ, студенты имѣли возможность видѣть примѣненіе ларингоскопа къ изслѣдованію и леченію болѣзней гортани, и упражняться въ такомъ изслѣдованіи непосредственно подъ руководствомъ ординатора клиники. При разборѣ больныхъ студенты пріучались: а) отличать главные признаки болѣзней отъ второстепенныхъ признаковъ, которые больше всего сбиваютъ неопытнаго; б) находить зависимость одного признака отъ другаго, и в) вообще оцѣнивать надлежащимъ образомъ добытые ими факты у кровати больного. Вообще, вниманіе студентовъ 4-го курса главнымъ образомъ было направляемо на діагностику болѣзней, тогда какъ вниманіе студентовъ 5-го курса по преимуществу обращалось на современную клиническую терапію. Въ амбулаторной клиникѣ, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, студенты 5-го курса разбирали больныхъ и представляли для контроля директору клиники, послѣ чего назначалась студентами же терапія и ими же вписывалось все это въ предназначенную для сей цѣли книгу. Специальныхъ работъ, производившихся подъ руководствомъ директора клиники, было двѣ: студента 5-го курса М. Шушлябина— „Изслѣдованіе мѣстнаго анестетическаго дѣйствія бромистыхъ аппаратовъ“ и ординатора М. Ломиковскаго— „Причина измѣненія внутреннихъ органовъ при задержкѣ кожной перспираціи“. Въ хирургиче-

ской клиникѣ, студенты 4-го и 5-го курсовъ, по прежде заведенному порядку, упражнялись на стационарныхъ, амбулаторныхъ и поликлиническихъ больныхъ. При изслѣдованіи больныхъ примѣнялись современные способы; при разборѣ терапіи воспользовались пространными изложеніями всѣхъ оперативныхъ дѣйствій, и въ терапіи приложены были всѣ современные способы повязокъ (Вурова, Листера) съ новѣйшими видоизмѣненіями посредствомъ борной кислоты и т. п. Студенты, кромѣ собственноручнаго наложенія этихъ повязокъ, допускались еще къ производству кровавыхъ операцій. Всего произведено ими 30 большихъ операцій и до 150 малыхъ, причемъ строжайше наблюдалось, чтобы каждому студенту 5-го курса пришлось сдѣлать какую-либо болѣе важную кровавую операцію на живомъ. Въ 1876 году профессоръ Груберъ, въ видахъ болѣе развитаго студентова, устроилъ между ними диспуты касательно отдѣльныхъ исторій больныхъ, писанныхъ практикантами и ими же защищаемыхъ, и этотъ способъ практическаго занятія съ студентами оказался болѣе способнымъ развивать практикантовъ, нежели обычное чтеніе исторій больныхъ и пространное объясненіе, дѣлаемое профессоромъ, такъ какъ каждый, защищающій свою исторію, долженъ достаточно подготовиться, чтобы выдержать всевозможныя возраженія, дѣлаемыя его товарищемъ. Эти диспуты постоянно имѣли весьма оживленный характеръ, велись съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ и осязательно доказали пользу подобныхъ бесѣдъ по практической медицинѣ. Въ нихъ принимали участіе студенты 5-го и 4-го курсовъ, и нерѣдко случалось, что студенты низшаго курса ставили своими возраженіями въ затруднительное положеніе защитника, студента 5-го курса. Сверхъ того, нѣкоторые изъ студентовъ 5-го курса специально занимались въ клинической лабораторіи экспериментальною хирургіей; но работы эти не могли быть доведены до конца, по случаю ускореннаго выпуска послѣдняго курса. Для студентова, предпачеченныхъ къ выпуску, прочитанъ былъ, во второмъ полугодіи, курсъ полевой хирургіи, съ демонстраціею перевязочныхъ средствъ, употребляемыхъ въ русской арміи, и средствъ и снарядовъ, служащихъ для транспортированія раненыхъ съ мѣста сраженія на перевязочный пунктъ и отсюда въ лазареты. Къ этому курсу были присоединены дополнителныя занятія по оперативной хирургіи на трупахъ. Эти вечернія лекціи съ особеннымъ усердіемъ посѣщали не только назначенные къ ускоренному выпуску студенты, но и давно уже окончившіе курсъ медицины. Практическія занятія по офтальмологіи со-

стояли въ содержаніи больныхъ въ офтальмологической клиникѣ, въ упражненіяхъ въ офтальмоскопированіи, въ опредѣленіи рефракціи, въ производствѣ операций какъ мелкихъ, такъ и болѣе важныхъ подъ наблюденіемъ заведующаго клиникою, въ поликлиническомъ посѣщеніи болѣе серьезныхъ больныхъ на дому. Студентъ Пѣуновъ представилъ рисунокъ офтальмоскопическаго образца очень рѣдкаго случая сохраненія эмбриональных сосудов сумочки хрусталика. Въ видахъ доставленія возможности наибольшей практической подготовки студентовъ 5-го курса, окончивавшихъ курсъ въ ускоренный срокъ, профессоръ теоретической хирургіи Зарубинъ посѣщалъ съ ними городскую больницу и руководилъ ихъ въ клиническомъ экзаменѣ находившихся тамъ хирургическихъ больныхъ, причемъ имъ предоставлялось самимъ производить подробное изслѣдованіе больного, указывать и оцѣнивать главнѣйшіе симптомы больного, отдѣляя отъ нихъ второстепенные и маловажные, и затѣмъ, путемъ постепеннаго исключенія сходныхъ болѣзней, приходитъ къ истинному діагнозу, послѣ чего отъ нихъ требовалось опредѣленіе плана леченія для даннаго случая, въ примѣненіи къ военному времени, съ его неудобствами и лишеніями, при которыхъ полевой хирургъ или военный врачъ не можетъ располагать такимъ обиліемъ и разнообразіемъ лечебныхъ средствъ, какъ въ мирное время.

Для соисканія наградъ медалями въ 1876 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„De M. Terentio Reatino“, „Болгарскія пѣсни со стороны содержанія (сборникъ Миладиновыхъ)“ и „Научный и философскій методъ французскихъ мыслителей XVIII вѣка“; въ физико-математическомъ—„Изложить теорію опредѣленія географической долготы мѣста изъ наблюденій покрытія звѣздъ луною, и приложить ее къ собственнымъ наблюденіямъ помощію имѣющихся въ астрономическомъ кабинетѣ трубъ средняго увеличенія“, „Представить описаніе безпозвоночныхъ животныхъ, чаще встрѣчающихся въ рѣкахъ г. Харькова и его окрестностей. При этомъ osobенное вниманіе должно быть обращено на скопленіе въ большемъ числѣ нѣкоторыхъ формъ въ различные времена года и изслѣдовать причины такого явленія (явленіе свѣта, температуры, растительности и проч.)“ и „Анализъ воды при промывкѣ шерсти, указаніе способовъ ея очищенія и утилизаціи“; въ юридическомъ — „Генеральные штаты (Etats généraux) Франціи и земскіе соборы въ Россіи“ и „О значеніи кодификаціи вообще и о кодификаціонныхъ работахъ графа Сперанскаго по рус-

скому праву"; въ медицинскомъ — „О процессахъ экспертизы въ дѣлахъ отравленія“, „О міотическомъ дѣйствіи джаборанди и его алколоида“ и „О строеніи поджелудочной желѣзы“. За сочиненія, представленные на темы, предложенныя на 1876 годъ, награждены медалями: золотыми: студенты историко-филологическаго факультета — Любарскій, Крестышевъ и Цвѣтковъ, юридическаго — Коссовскій и Соколовскій; серебряными: историко-филологическаго факультета — Каноровъ, физико-математическаго — Пономаревъ и юридическаго — Рубушъ.

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства Харьковскаго университета издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: В. И. Добротворскій — напечаталъ въ Православномъ Обзорѣиіи статью „Виблейскія хронологія въ связи съ хронологіями древнихъ восточныхъ народовъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“ и отдѣльно — три проповѣди, произнесенныя имъ въ церкви; А. К. Делленъ — „Doctrinae metricae summa“, изданное С.-Петербургскимъ филологическимъ обществомъ; Н. Н. Бекетовъ — помѣстилъ въ Протоколахъ общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ статью „О дѣйствіи окиси серебра на іодистый калий въ отсутствіи воды“; Ю. Н. Морозовъ — напечаталъ въ Трудахъ общества испытателей природы статью „Къ вопросу объ изслѣдованіи источниковъ и рѣкъ въ виду замѣчаемаго въ нихъ уменьшенія количества воды“; В. Г. Имшенецкій, — помѣстилъ: въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques — „Applications des expressions complexes imaginaires à la formation des certains systèmes complètement intégrables d' équations canoniques et d' équations aux dérivées partielles“ и въ Математическомъ Сборникѣ Московскаго общества — „Интегрированіе одной системы уравненій“; Л. Е. Владиміровъ — издалъ отдѣльно „Психическія особенности преступниковъ и изслѣдованіе душевныхъ болѣзней въ уголовномъ судѣ“; В. О. Грубе — напечаталъ: въ Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества — „Нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ изъ хирургическо-оперативной практики“ и „Случай контузіи живота“ и въ Centralblatt für Chirurgie — до 60-ти рефератовъ по русской хирургіи; А. С. Лебедевъ — помѣстилъ: въ Вѣстникѣ Европы — „Антонъ Антоновичъ Дегуровъ (изъ исторіи Харьковскаго и С.-Петербургскаго университетовъ)“ и въ журналѣ Древняя и Новая Россія — „Евгеній Булгарисъ“; И. П. Лазаревичъ — напечаталъ въ Протоколахъ международнаго медицинскаго конгресса статью „On the three most important obstetrical In-
часть сxciv, отд. 4.

struments"; А. С. Ценковский—помѣстилъ въ *Botanische Zeitung*—„Ueber Palmellenzustand bei Stigeoclonium“, въ *Бюллетенѣ С.-Петербургской Академіи наукъ*—„Zur Morphologie der Ulothricheen“ и въ *Протоколахъ съѣзда естествоиспытателей*—„О пальмелловомъ состояніи водорослей“; Я. С. Кремянскій—сдѣлалъ въ обществѣ опытныхъ наукъ сообщеніе „Метиланилинъ, какъ реагентъ для открытія въ мочѣ желчнаго пигмента“; И. П. Оболенскій—сдѣлалъ въ томъ же обществѣ сообщеніе: „О дѣйствіи солей желчныхъ кислотъ на органы животныхъ“ и „О прививаемости раковыхъ опухолей“; Г. И. Лагермаркъ—напечаталъ, совмѣстно съ стипендіатомъ Эльтековымъ, „О дѣйствіи сѣрной кислоты на нѣкоторые углеводороды рада Splizn—2“; В. П. Крыловъ—напечаталъ: въ *Московской Медицинской газетѣ*—„Къ исторіи трихиноза въ Россіи“ и въ *Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie* — „Ueber die Trichinose in Russland“; Л. Л. Гиршманъ—помѣстилъ въ *Jahresbericht über die Leistungen in Gebiete der Ophthalmologie*, составленную имъ совмѣстно съ ординаторомъ Ларіоновымъ статью „Статистика клиническихъ и частныхъ больныхъ и операцій, произведенныхъ надъ ними, въ 1873 и 1874 годы“; М. С. Дряновъ — напечаталъ: въ *Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ*—„Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ“, въ *Sazpis Ceskeho Museum*—рецензію сочиненія: „Jigsek: Dësinu pagoda Bulgarskego“ и въ *Периодическомъ описаніи Браньскаго друштва*—„Образчики нѣкоторыхъ фракійскихъ и македонскихъ говоровъ“, В. К. Надлеръ — написалъ сочиненіе „Юстиніанъ и партія Цирка въ Византіи“; А. П. Стояновъ написалъ сочиненіе „Права общества и суды во Франціи отъ конца XVII столѣтія до 1789 года“; доценты: А. Киричниковъ—написалъ сочиненіе „Греческіе романсы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іосафѣ“. (Последнія три сочиненія напечатаны на счетъ университета); А. И. Дудукаловъ—помѣстилъ въ *Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества* статью „Вліяніе операцій rhimosis на мужское безсиліе“; А. Х. Кузнецовъ—напечаталъ въ *Протоколахъ Харьковскаго медицинскаго общества*: „О подкожномъ вырскипаніи карболовой кислоты, и „Къ вопросу о самостоятельности roseolae“; 3) И. Стрѣльцовъ—помѣстилъ въ *Archiv für mikroskopische Anatomie* статью „Ungleichmässige Wachsthum als formbildendes Princip der Knochen“; приватъ-доценты: П. А. Ясинскій—напечаталъ монографію „О вліяніи механизма родовъ на форму головки плода“ и сдѣлалъ сообщенія: въ *медицинской секціи об-*

щества опытныхъ наукъ — „Объ отличительныхъ признакахъ экстравазатныхъ околomatочныхъ опухолей“ и въ Харьковскомъ медицинскомъ обществѣ — „Нѣсколько случаевъ меланхолиі, находящейся въ зависимости отъ перегиба матки, и лечение этого послѣдняго металлическими бужами“; Погорѣлко — написалъ статью „Исслѣдованіе движенія жидкостей въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ“, предназначенную къ напечатанію въ университетскихъ Запискахъ; лаборанты: П. М. Флавицкій — помѣстилъ въ Протоколѣ V съѣзда естествоиспытателей въ Варшавѣ статью „Объ абсолютныхъ температурахъ кипѣнія гомологовъ“; В. А. Ярошевскій — напечаталъ въ Трудахъ общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ „Списокъ двухкрылыхъ насѣкомыхъ окрестностей Харькова“; ординаторъ М. М. Ломиковскій — помѣстилъ въ Протоколахъ Харьковского медицинскаго общества: „Сифилитическое пораженіе позвоночнаго столба“, „Ларингоскопъ, какъ помощь для распознаванія разширенія дуги аорты“, „Случай брюшнаго тифа, осложненнаго перемежающеюся лихорадкой и возвратною горячкой“; помощникъ бібліотекаря Г. С. Чириковъ — напечаталъ въ Русской Старинѣ статью „Тимовой Осиповичъ Осиповскій, ректоръ Харьковского университета 1820 г.“; консерваторъ ботаническаго кабинета Л. В. Рейнгардъ — помѣстилъ въ Трудахъ общества испытателей природы — „О конуляціи зооспоръ *Chlamydomonas pulvisculus* u *strigeoclonium* Sp.“ и въ Протоколахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Варшавѣ — „Исторія развитія *Chlamydomonas*“; стипендіатъ Ковалевскій — напечаталъ диссертацию на степень доктора медицины „Объ измѣненіи чувствительности кожи у меланхоликовъ“ и помѣстилъ: въ Московской Медицинской газетѣ — „Къ ученію объ эпилепсіи“, „Объ изслѣдованіи кожныхъ чувствъ“, „Упрощенный барометриометръ“, „Состояніе чувства мѣста у меланхоликовъ“ и „Очеркъ психическаго отдѣленія для мужчинъ при Харьковской губернской земской больницѣ“ и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „Топоэстетриометръ“ и „Чувство давленія у меланхоликовъ“. стипендіатъ А. Евецкій — напечаталъ статью „О юридическихъ лицахъ“. — Публичныя лекціи читали профессеры: Бекетовъ — по технической химіи, Ковальскій — по практической механикѣ, Ицуконичъ — по технологіи, Крыловъ — о трихинахъ, и въ пользу Славянъ Балканскаго полуострова — профессеры: Надлеръ, Потѣбня, Цѣхановскій, Лебедевъ и Дриновъ.

Совѣтъ Харьковскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 16 засѣданій. Утверждаетъ въ степени доктора медицины — лекаръ

Бергъ, въ степени магистра: Кавскій—греческой словесности, Нагуевскій—римской словесности, Павловичъ—сельскаго хозяйства и Черной—химіи. Затѣмъ удостоены: степени кандидата—22, изъ нихъ 6—по физико-математическому факультету и 16—по юридическому; въ званіи дѣйствительнаго студента—20, въ томъ числѣ: по историко-филологическому факультету—1, по физико-математическому—1 и по юридическому—18. Медицинскимъ факультетомъ удостоено: степени лекаря—62, званія уѣзднаго врача—64, провизора—24, аптекарскаго помощника—28, зубнаго врача—2, повивальной бабки—36. Для приготовленія къ профессорскому званію состояли стипендіатами при университетѣ кандидаты: Шульцъ—по греческому языку, Сумцовъ—по исторіи русской литературы, Делленъ—по сравнительному языкованію, Оедотовъ—по философіи, Новиковъ—по прикладной математикѣ, Эльтековъ—по химіи, Рейнгардъ—по зоологіи, Куплеванскій—по русскому государственному праву, Евсѣй—по гражданскому праву, Черняевъ—по исторіи русскаго права, Василенко—по уголовному судопроизводству, Пассекъ—по международному праву, Яромъ—по энциклопедіи права, лекари: Ковалевскій по психіатріи и Данилевскій—по физиологіи. Командированы были съ ученою цѣлю: за границу—профессоръ Якобій, доценты: Андреевъ и Кузнецовъ, приватъ-доцентъ Загурскій и профессорскіе стипендіаты: Василчико, Пассекъ и Сумцовъ, и внутри Россіи—профессоры: Дриновъ и Цепковскій и профессорскій стипендіатъ Новиковъ.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1876 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава — 186,226 руб. 52 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—127,017 руб. 78 коп., на общество испытателей природы—2,500 руб., всего—315,744 руб. 30 коп. Специальныя средства университета представляютъ слѣдующія цифры: сбора со студентовъ за слушаніе лекцій—7,900 руб., процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ и остатковъ сихъ процентовъ за прежніе годы—7,068 руб. 92 коп., валоваго дохода отъ университетской типографіи—4,910 руб., всего—19,878 руб. 92 коп., которые израсходованы полностью на надобности университета. Дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію университетскаго суда, въ 1876 году не было.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года состояло на лицо—481, въ теченіе 1876 года вновь поступило—137, въ томъ числѣ: изъ гимназій—61, изъ духовныхъ семинарій—59, изъ другихъ университетовъ и медико-хирургической академіи—17, изъ бывшихъ студен-

товъ Харьковскаго университета — 7; вышло въ теченіе года: до окончанія курса—32, по окончаніи курса—109, всего—141; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на лицѣ—442, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—40, на юридическомъ — 109, на физико-математическомъ—58 (въ отдѣленіи математическихъ наукъ—27, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ—15, въ отдѣленіи физико-химическихъ наукъ—16), на медицинскомъ —235. Стороннихъ слушателей было; къ 1878 году — 45, къ 1-му января 1877 года — 39, въ томъ числѣ: изъ гимназій — 2, лицъ съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ — 24, аптекарскихъ помощниковъ — 13. Изъ общаго числа всѣхъ студентовъ освобождено было отъ платы: въ первой половинѣ года изъ числа 481 студента — 201, что составляетъ 41,6% общаго числа, во второй половинѣ изъ 442 — 248, то-есть, 56,1% общаго числа. Стипендіями пользовались 158 студентовъ, всего на сумму 84,508 руб.; размѣръ стипендій — отъ 180 руб. до 340 руб. включительно; пособій недостаточнымъ студентамъ выдано было на 1,390 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ русскихъ и иностранныхъ—43,364 сочиненій 83,719 томовъ на сумму 219,416 руб., періодическихъ изданій 568 названій 7,988 томовъ и тетрадей на 48,649 руб., рукописей — 192 тома на 420 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей—2,962 нумера 3,015 листовъ на 5,873 руб. Въ студенческомъ отдѣленіи библіотеки: книгъ — 1,547 сочиненій 3,094 тома на 3,650 руб., періодическихъ изданій — 35 названій 315 томовъ на 450 руб., рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ — 46 листовъ на 250 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ: инструментовъ и снарядовъ — 158 нумеровъ 219 экземпляровъ на 21,394 руб., книгъ, картъ и моделей — 79 нумеровъ 129 экземпляровъ на 1,087 руб. Въ кабинетѣ практической механики: машинъ, моделей и другихъ предметовъ 85 нумеровъ 115 экземпляровъ на 4,222 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: физическихъ инструментовъ, принадлежностей къ нимъ, посуды, мебели, рабочихъ инструментовъ и книгъ—593 нумера 1,297 экземпляровъ на 21,403 руб. Въ кабинетѣ физической географіи: инструментовъ, книгъ, атласовъ, картъ и проч.—126 нумеровъ на 3,263 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ и рисунковъ — 12 названій 25 экземпляровъ на

373 руб., аппаратовъ, снарядовъ, посуды, препаратовъ, реактивовъ и мебели — 2,205 номеровъ 12,694 экземпляра на 20,248 руб. Въ медицинскомъ отдѣленіи химической лабораторіи приборовъ, инструментовъ и другихъ предметовъ — 227 номеровъ 927 экземпляровъ на 2,792 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ — 565 сочиненій на 404 руб., минераловъ, моделей мебели, инструментовъ, лабораторныхъ и кабинетныхъ принадлежностей — 12,004 номера 16,574 экземпляра на 18,284 руб. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ — 62 сочиненія 136 томовъ на 1,393 руб., окаменѣлостей, горныхъ породъ, моделей, инструментовъ и прочаго имущества — 5,175 номеровъ 13,436 экземпляровъ на 5.904 руб. 55 коп. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ, кустарниковъ, травъ и разнаго имущества — 3,968 номеровъ 25,147 экземпляровъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ: книгъ — 651 сочиненіе 618 томовъ на 4,615 руб., сухихъ растеній, моделей, препаратовъ, инструментовъ, приборовъ, мебели, посуды и матеріаловъ — 196 номеровъ 62,660 экземпляровъ на 3,948 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ, журналовъ и атласовъ — 113 названій 224 экземпляра на 924 руб., разныхъ предметовъ въ видѣ чучелъ, моделей, спиртовыхъ и микроскопическихъ препаратовъ — 3,761 номеръ 36,763 экземпляра на сумму 16,507 руб., мебели и другихъ предметовъ — 52 номера 963 экземпляра на 2,427 руб., приборовъ и инструментовъ — 124 номера 640 экземпляровъ на 958 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ, журналовъ и атласовъ — 110 названій 118 экземпляровъ на 1,281 руб., препаратовъ, моделей, приборовъ, инструментовъ, посуды, мебели и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей — 1,725 номеровъ 2,734 экземпляра на сумму 6,384 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: приборовъ, инструментовъ и другихъ вещей — 344 номера на 7,692 р. Въ кабинетѣ общей патологіи: разныхъ предметовъ, относящихся до преподаванія этого предмета — 53 номера 910 экземпляровъ на 1,184 руб. Въ технологическомъ кабинетѣ съ лабораторією: книгъ, журналовъ и картъ — 90 названій 319 экземпляровъ на 904 руб., химическихъ и техническихъ препаратовъ, приборовъ, инструментовъ, моделей и другихъ принадлежностей — 1,088 номеровъ 4,537 экземпляровъ на сумму 10,156 руб. Въ музеѣ физиологической анатоміи: книгъ, атласовъ и рисунковъ анатомическаго содержанія — 81 названіе 242 экземпляра на 1,086 руб., анатомическихъ препаратовъ, инструментовъ, микроскоповъ и другихъ принадлежностей — 890 ну-

меровъ 3,295 экземпляровъ на сумму 8,808 руб. Въ музеѣ патологической анатоміи: книгъ, брошюръ, атласовъ и рисунковъ 247 названій 410 экземпляровъ на 1,350 руб., анатомическихъ препаратовъ, патологическихъ конкрементовъ, слѣпковъ, инструментовъ, микроскоповъ и разныхъ принадлежностей — 1,019 номеровъ 3,111 экземпляровъ на 9,075 руб. Въ гистологическомъ кабинетѣ: препаратовъ, моделей, приборовъ, инструментовъ и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей—179 номеровъ 548 экземпляровъ на 2,978 руб. Въ фармацевтической лабораторіи: книгъ — 18 названій 24 экземпляра на 88 руб., коллекціи фармакогнозическая, органическая и минералогическая, препаратовъ, приборовъ, инструментовъ, посуды, мебели и прочихъ принадлежностей — 169 номеровъ 2,225 экземпляровъ на 3,174 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ: инструментовъ машинъ, моделей и другихъ предметовъ — 1,389 номеровъ 2,135 экземпляровъ на сумму 14,658 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ, инструментовъ, книгъ и атласовъ — 262 номера на 2,831 руб. Въ акушерскомъ кабинетѣ: книгъ и атласовъ—136 названій на 1,538 р., аппаратовъ, инструментовъ и препаратовъ—945 номеровъ на сумму 5,430 руб. Въ кабинетѣ терапевтической клиники: книгъ и атласовъ—57 номеровъ 3 экземпляра на 700 руб., аппаратовъ и инструментовъ—210 номеровъ на 3,221 руб. Въ кабинетѣ электро-терапии: книгъ—160 сочиненій 193 тома на 408 руб., снарядовъ и мебели—269 номеровъ 275 экземпляра на сумму 3,592 руб. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: книгъ—2 сочиненія 115 томовъ на 171 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и разной посуды—108 номеровъ 365 экземпляровъ на 907 руб. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей: картинъ, слѣпковъ, акварелей, гравюръ и художественныхъ изданій — 1,692 номера 9,684 экземпляра на сумму 27,981 руб. Въ собраніи монетъ и медалей — 22,256 экземпляровъ. Въ типографіи: машинъ, станковъ, словолитныхъ формъ, матрицъ, полиграфовъ, вышекъ и другихъ принадлежностей — 627 экземпляровъ на сумму 12,893 руб., шрифтовъ—522 л. 7 ф. на сумму 6,266 руб. Движеніе больныхъ въ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ терапевтической клиникѣ, имѣющей 25 кроватей, оставалось отъ 1875 года — 14, въ теченіе 1876 года вновь поступило — 146, изъ нихъ выздоровѣло—137, умерло — 14, затѣмъ, къ 1877 году оставалось на излеченіе—9; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было—972. Въ хирургической клиникѣ, при 25 кроватяхъ, больныхъ отъ 1875 г. было -- 14, въ теченіе года поступило — 162, изъ коихъ выздоровѣ-

вѣло—147, умерло—19, осталось на 1877 годъ — 10; приходившихъ больныхъ — 3,170. Въ офтальмологической клиникѣ, располагающей 10-ю кроватями, больныхъ отъ 1875 года оставалось—8, въ 1876 г. поступило—115, изъ нихъ выздоровѣло — 114, осталось къ 1877 г.—9; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было — 3,085. Въ акушерской клиникѣ, имѣющей 25 кроватей, отъ 1875 года оставалось больныхъ—7, въ теченіе года прибыло—645, изъ нихъ выздоровѣло—629, умерло — 10, къ 1877 году оставалось на излеченіи — 13; приходившихъ больныхъ было—398.

При Харьковскомъ университетѣ состоятъ для общества: испытателей природы и опытныхъ наукъ. Общество испытателей природы къ 1-му января 1876 года состояло изъ 11 почетныхъ членовъ, 44 дѣйствительныхъ и 51 сотрудника; въ теченіе 1876 года выбыли 1 почетный членъ и 2 сотрудника, вновь избраны 5 дѣйствительныхъ членовъ, затѣмъ къ 1-му января 1877 года въ обществѣ состояло: почетныхъ членовъ — 19, дѣйствительныхъ — 49 и сотрудниковъ — 49. Въ теченіе 1876 года общество имѣло 5 засѣданій. Членами общества были представлены и прочитаны въ засѣданіяхъ слѣдующія статьи: Н. Ф. Вѣлоцкимъ — „Механизмъ дыханія птицъ“, А. Е. Заяковичемъ — „О дыханіи жорней“, П. В. Ивановымъ — „Матеріалы для энтомологіи Харьковской губерніи“. „Описаніе стрекозъ окрестностей г. Купанска“. Для продолженія предпринятаго г. Ивановымъ собранія матеріаловъ, общество назначило ему 150 руб.; В. В. Рейнгардомъ — „Матеріалы для фауны наукообразныхъ порядковъ Агапесъ“, Л. В. Рейнгардомъ — „О конуляціи заоспоръ у *Chlamydomonas*, *Pulvisculus* Ehrb. и *Stigaoctonum* sp.“; Л. С. Ценковскимъ — „Къ морфологіи семейства *Ulothricheae*“; В. А. Прошевскимъ — „Списокъ двухкрылыхъ наѣвкомыхъ (Diptera), собранныхъ преимущественно въ Харьковѣ и его окрестностяхъ“. Для продолженія энтомологическихъ изслѣдованій относительно двухкрылыхъ наѣвкомыхъ и для доставленія г. Прошевскому возможности расширить районъ своихъ наблюденій и приобрести необходимыя учено-литературныя пособія, общество назначило ему, въ вознагражденіе за предоставленную имъ обществу коллекцію, пособие въ 400 руб.; К. С. Горницкій представилъ продолженіе „Украинской флоры“, именно описаніе семействъ отъ *Compositae* до *Salsolaceae* включительно, описавъ всего 1,319 видовъ. Находившійся въ Яловѣ членъ-сотрудникъ общества, д-ръ Савченко, — принесшій въ даръ обществу коллекцію различныхъ животныхъ изъ Яловы, изъ которыхъ особенно интересны рыбы и ракообразныя, —

заявивъ желаніе нѣмецкому азіатскому обществу натуралистамъ въ Токогома войти въ сношеніи съ обществомъ испытателей природы при Харьковскомъ унверситетѣ, на что получилъ весьма любезное согласіе отъ членовъ азіатскаго общества, которые предложили взаимный обмѣнъ трудами общества. Въ 1876 году общество высылало своимъ изданіи 76-ти ученымъ обществамъ и различнымъ другимъ учрежденіямъ и посредствомъ обмѣна и въ даръ приобрѣло 87 изданій отъ частныхъ лицъ и разныхъ учреждений. Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ положеніи: состояло штатной суммы, выѣстъ съ остаткомъ отъ такой же суммы 1875 года—2,731 р. 32 коп., изъ нея израсходовано — 2,347 руб. 97¹/₄ коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось — 383 руб. 34³/₄ коп. Въ обществѣ опытныхъ наукъ, раздѣленномъ на двѣ секціи: физико-химическую и медицинскую, рассмотрѣно было: въ первой секціи — 8 сообщеній и 14 рефератовъ, во второй — 18 сообщеній.

НИЗІШІЯ УЧИЛИЩА.

Помѣщаемъ свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ, осмотрѣнныхъ въ недавнее время г. инспекторомъ училищъ Вятской губерніи въ уѣздахъ Вятскомъ, Нолинскомъ, Яранскомъ, Ордовскомъ и Котельничскомъ. Большая часть осмотрѣнныхъ школъ приходится на два первые изъ поименованныхъ уѣздовъ: г. инспекторъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе потому, что Вятскій и Нолинскій училищные совѣты постановили устроить кратковременные педагогическіе курсы, на что мѣстнымъ земствомъ отпущена была необходимая сумма; необходимо было слѣдовательно ознакомиться ближе съ учителями, для которыхъ предназначались эти курсы, и съ недостатками ихъ преподаванія.

Въ городскихъ училищахъ Вятки обученіе ведется вообще гораздо правильнѣе чѣмъ въ сельскихъ и вся обстановка ихъ находится въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Преподаватели и преподавательницы, за исключеніемъ немногихъ учительскихъ помощниковъ, остаются на своихъ мѣстахъ по нѣскольку лѣтъ, вслѣдствіе чего приобрѣли опытность и навыкъ въ своемъ дѣлѣ. Сравнительно менѣе усгѣшно идутъ у нихъ занятія ариметикой и объяснительнымъ чтеніемъ: въ старшихъ отдѣленіяхъ чтеніе ведется обыкновенно по книгѣ Водовозова, которая принята въ школахъ Вятскаго уѣзда только съ кон-

ца 1875 года и еще не усюсна надлежащимъ образомъ самими учителями какъ со стороны методическаго расположенія заключающагося въ пей матеріала, такъ и относительно приѣмовъ передачи дѣтскимъ требуемыхъ свѣдѣній. Что касается ариметики, учителя придерживаются метода Грубе по руководствамъ Паульсона и Ештуевскаго, но еще не вполне овладѣли имъ, ибо ученики не обнаруживаютъ достаточно сознаниіи и навыка при рѣшеніи задачъ.

Указанные недостатки происходятъ отчасти и отъ того, что городскіи школы еще не снабжены всѣми необходимыми пособиями и учебными принадлежностями: въ этомъ отношеніи сравнительно лучше поставлены два приходскія мужскія училища въ Вяткѣ; особенно первое изъ нихъ имѣетъ достаточное количество ариметическихкихъ картъ, глобусовъ и т. п.; въ другихъ же городскихъ училищахъ не оказывается иногда самаго необходимаго. Земство, отпускающее имъ содержаніе, снабжаетъ ихъ почти исключительно лишь учебниками и классными принадлежностями.

Помѣщенія городскихъ училищъ болышею частію удовлетворительны, но не отличаются обстановкою, свойственною благоустроеннымъ учебнымъ заведеніямъ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ училищъ г. Вятки достаточно обширны, напримѣръ первое и второе женскія приходскія, гдѣ число учащихся очень значительно. По условіямъ городского населенія настоятельно необходимо открыть третье женское училище, такъ какъ оба существующія въ настоящее время положительно переполнены, что стѣсняютъ земство въ присканіи удобныхъ для нихъ квартиръ и, съ другой стороны, препятствуютъ правильному и успѣшному ходу обученія. Но земство отказывается отъ учрежденія въ городѣ новыхъ школъ, справедливо считая удовлетвореніе этой потребности обязанностію городского общества, которое съ своей стороны ничего не удѣляетъ на городскія начальныя училища.

Первое и второе приходскія мужскія училища занимаютъ первое мѣсто по удобству своихъ помѣщеній, по внѣшней обстановкѣ и разнообразію имѣющихся въ нихъ библіотекахъ учебныхъ пособій и принадлежностей. Преподаваніе ведется здѣсь болѣе или менѣе удовлетворительно. Учитель перваго изъ нихъ состоитъ въ должности около 26 лѣтъ и владѣетъ достаточною опытностію, впрочемъ пріобрѣтенною болѣе практикою и указаніями обозрѣвавшихъ училище лицъ, чѣмъ самостоятельнымъ и систематическимъ изученіемъ предмета. Улучшенные способы преподаванія недостаточно усюены имъ,

а вслѣдствіе того, не смотря на обиліе имѣющихся въ училищѣ пособій и рукооидствъ, познанія учащихся не отличаются полнотою и обстоятельностью по всѣмъ предметамъ, что особенно проявляется на годичныхъ испитаніяхъ оканчивающихъ курсъ мальчиковъ. Съ младшими учениками занимается помощникъ учителя, окончившій гимназическій курсъ, который вступилъ въ должность осенью 1875 года и вѣроятно скоро покинетъ ее, такъ какъ занялъ мѣсто только вслѣдствіе стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ. Число учениковъ простирается до 85, которые посѣщаютъ уроки довольно аккуратно, что нужно замѣтить вообще о всѣхъ городскихъ училищахъ.

Обѣ женскія городскія школы поставлены, относительно преподаванія, хорошо, благодаря трудолюбію и добросовѣстному отношенію къ дѣлу своихъ учительницъ, конхъ состоитъ въ первомъ изъ этихъ училищъ три, а во второмъ двѣ. Онѣ давно уже занимаются обученіемъ, поэтому достаточно опыты и сами получили приличное образованіе, окончивъ курсъ или въ мѣстной гимназій, или въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Познанія учащихся болѣе удовлетворительны здѣсь, чѣмъ въ школахъ мужскихъ, а между тѣмъ преподавательницы получаютъ гораздо меньшее вознагражденіе за свои труды сравнительно съ учителями мужскихъ училищъ. Точно также и со стороны учебныхъ пособій и педагогическихъ руководствъ женскія училища обставлены значительно бѣднѣе мужскихъ. Въ этомъ отношеніи они не имѣютъ никакого преимущества предъ сельскими школами, бібліотеки конхъ очень бѣдны. Число ученицъ въ каждомъ изъ женскихъ училищъ простирается до 100, поэтому необходимо назначить третью преподавательницу и для втораго женскаго училища, что будетъ сдѣлано по назначеніи земствомъ на содержаніе оной требуемой суммы.

Въ городскомъ Хлыновскомъ для обоого пола училищѣ обучается болѣе 40 мальчиковъ и болѣе 30 дѣвочекъ. Такъ какъ училище это находится на концѣ города, то большинство посѣщающихъ его дѣтей принадлежитъ къ сельскому сословію и собирается изъ подгородныхъ деревень и починковъ. Вслѣдствіе такого состава учащихся, обученіе въ школѣ ведется не такъ правильно, какъ въ остальныхъ городскихъ училищахъ, въ которыхъ преимущественно учатся дѣти горожанъ. Впрочемъ и въ Хлыновскомъ училищѣ порядокъ установленъ по образцу городскихъ школъ и учебный годъ продолжается съ начала сентября до конца іюля, то-есть, около 10 мѣсяцевъ. Но въ рабочее время, преимущественно въ маѣ, ученики далеко не аккуратно

посѣщаютъ классы. Обученіе ведется двумя преподавательницами довольно удовлетворительно; особенно хорошо занимается съ младшею группою г-жа Ончинникова, воспитывавшаяся въ женской гимназіи и состоящая въ должности около пяти лѣтъ.

Въ городѣ Вяткѣ имѣются еще три школы: церковно-приходская при кафедральномъ соборѣ для обоюго пола, женская при монастырѣ и образцовая при „земскомъ училищѣ для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній и приготовленія учителей“. Въ отчетѣ своемъ г. инспекторъ упоминаетъ и объ этой послѣдней школѣ, которую имѣлъ возможность осмотрѣть довольно подробно. „Такъ какъ образцовая школа, говоритъ онъ, не состоитъ въ вѣдѣніи мѣстнаго училищнаго общества, а меня давно интересовало ея состояніе и ходъ въ ней учебнаго дѣла, то и съ удовольствіемъ посещалъ ее приглашеніемъ г. начальника училища присутствовать на происходившемъ въ ней экзаменѣ. Помѣщеніе школы, состоящее изъ двухъ просторныхъ комнатъ, довольно удовлетворительно, а вся обстановка отличается, можно сказать, роскошью и производитъ очень благоприятное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ различнымъ недостаткамъ нашихъ сельскихъ школъ. Ученическіе столы чистой работы и новой конструкціи, классныя принадлежности, учебныя пособия, библейскія и естественно-историческія картины, стѣнные карты, модели сельскохозяйственныхъ орудій и животныхъ—все это показываетъ, что ямство не жалится денегъ для школы. Учащіеся раздѣляются на четыре отдѣленія, изъ коихъ старшее собственно приготовительное; въ остальныхъ же трехъ установлеиъ приблизительно курсъ одноклассныхъ училищъ, съ нѣкоторыми впрочемъ особенностями, условливаемыми будущимъ назначеніемъ учащихся. Ученики третьяго отдѣленія (около 13 человѣкъ) оказали весьма удовлетворительные успѣхи по чтенію, письму, элементарному грамматическому разбору, географіи и ариметикѣ; особенно хорошо шелъ грамматическій разборъ: мальчики обстоятельно разбирали составъ предложений по вопросамъ учителя и обнаруживали твердыя свѣдѣнія изъ частныхъ рѣчи и знакахъ препинанія. Точно также и по географіи отличали они бойко о топографіи европейской Россіи, климатѣ, населеніи, образѣ его жизни и занятіяхъ. Только по русской исторіи оказались они слабы. Такъ какъ въ лучшихъ изъ существующихъ теперь начальныхъ училищъ преподаватели усвѣиваютъ обыкновенно сообщать дѣтямъ по этимъ двумъ предметамъ лишь отрывочныя свѣдѣнія въ предѣлахъ книги для чтенія, то отвѣты учениковъ образ-

цовой школи естественно произвели на меня отрицательное впечатление. Приписывая хорошие познания детей образцовой школы разумному и толковому преподаванию учителя, действительно понимающего свое дело, и вообще выгодным условиям, в каких она находится, я считаю однако необходимым указать на следующее обстоятельство: состав учеников в высшей степени разнообразен; здесь и дети крестьян, уже обучавшиеся прежде в сельских школах, и дети горожан из приходского училища и даже не окончившие курса воспитанники уездного училища, наконец, дети духовенства, уволенные из духовных училищ. Вследствие того и возраст учеников вообще гораздо выше возраста детей, посещающих обыкновенно начальную народную школу, именно от 13 до 15 лет. Неудивительно поэтому, что общий уровень познаний учеников образцовой школы выше и самым познанием основательнее, тверже, чем в начальных училищах. Но с другой стороны нельзя не отдать справедливости трудолюбию, педагогическому такту и опытности учителя школы г. Люстрицкого, умевшего такой разнообразный состав учеников привести в надлежащий строй. Вообще порядки школы, поддерживаемые надзором г. начальника училища, и преподавание, которое частью ведется некоторыми из преподавателей самого земского училища, вполне удовлетворительны и достойны подражания. Отсутствие преподавания русской истории объясняется назначением школы, как подготовительного класса при земском училище, в котором ученики изучают этот предмет в пределах существующей для этого программы, так как элементарные сведения по истории требуются от поступающих в училище.

Из 37 сельских школ, находившихся в Витеком уезде, осмотрены были 23, в числе коих 20 содержатся исключительно на счет местного земства, 2 церковно-приходские и 1 частная, получающая пособие от управления писчебумажной фабрики. В лучшем, сравнительно с другими, состоянии находятся земские школы, но и их нельзя назвать вполне удовлетворительными. Недостатки этих школ зависят преимущественно 1) от личного состава преподавателей, 2) от скудости материальных средств и 3) от неаккуратного посещения классов учащимися.

1) В 20 осматриваемых школах, получающих содержание от земства, преподавателей и преподавательниц состояло, за исключением законоучителей 29; из них 9 учителей, 11 учительниц, 8 помощников и 1 помощница. Поскольку эти лица, в общем

своимъ составѣ, исполняютъ удовлетворительно возложенныя на нихъ обязанности, можно вывести изъ свѣдѣній о томъ, какое получили они образованіе и долго ли остаются на занимаемыхъ ими должностяхъ, такъ какъ образованіе и опытность, приобретаемая обыкновенно временемъ и практикою, одни только даютъ надлежащія качества учителю. Изъ числа 29 упомянутыхъ лицъ 12 обучались въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и окончили въ нихъ курсъ (а именно въ духовной семинаріи, женской гимназіи и синариальномъ женскомъ училищѣ), 12 не окончили курса или обучались въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и 5 получили лишь домашнее образованіе. Такимъ образомъ преподавателей и преподавательницъ, получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, менѣе половины, или 41,38%. Немного большій процентъ, именно около 50%, такихъ преподавателей состоятъ во всѣхъ 36 городскихъ и сельскихъ училищахъ уѣзда, содержащихся на счетъ земства, но даже и они въ большинствѣ случаевъ ведутъ дѣло не совсѣмъ удовлетворительно въ первое время по вступленіи своемъ въ должность. Это совершенно понятно. Педагогическая дѣятельность требуетъ, кромѣ общаго образованія, спеціальной подготовки; поэтому такія лица становятся хорошими преподавателями только послѣ двухлѣтней и трехлѣтней практики и то при исполненіи ревностномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, при стремленіи доподнить пробѣлы и недостатки своихъ педагогическихъ свѣдѣній чтеніемъ руководствъ и книгъ педагогическаго содержанія. Между тѣмъ многія изъ упомянутыхъ лицъ смотрятъ на учительство какъ на промежуточное и переходное занятіе и остаются на своихъ мѣстахъ до перваго случая, дающаго имъ возможность поступить на другую должность. Въ 20 осмотрѣнныхъ г. инспекторомъ земскихъ школахъ Вятскаго уѣзда 9 учителей и учительницъ, за исключеніемъ ихъ помощниковъ и помощницъ, состояли лишь одинъ годъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ 1875—1876 учебнаго года учительскій составъ въ земскихъ школахъ уѣзда былъ измѣненъ вслѣдствіе несоотвѣстствія прежнихъ учителей своему назначенію и по требованію правилъ (п. 1 § 2) для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ. Не смотря на это и вполнѣдствіе снова довелось прискивать значительное число кандидатовъ на учительскія должности, оставшіяся вакантными за выходомъ преподавателей. Вообще преподаватели сельскихъ школъ мало дорожатъ своими мѣстами, а это отзывается на ходѣ народнаго образованія различными неблагоприятными послѣдствіями, между прочимъ

въ слѣдующемъ отношеніи: Со стороны учителя начальной школы, кромѣ знанія методовъ преподаванія, требуется еще пониманіе своихъ отношеній къ мѣстному населенію, съ которымъ онъ долженъ сблизиться, чтобы пріобрѣсти его довѣріе и имѣть на него вліяніе для успѣховъ школы. Въ противномъ случаѣ и умѣнье хорошо преподавать не принесетъ всей желаемой пользы. Между тѣмъ непрерывно смѣняющіеся преподаватели не имѣютъ возможности сойтись съ населеніемъ, особенно вслѣдствіе его разбросанности по деревнямъ и почишкамъ; часто они незнакомы даже съ вліятельными лицами въ средѣ этого населенія и съ мѣстными общественными властями, чрезъ которыхъ могли бы принять соотвѣтственные мѣры къ благоустройству своей школы.

2) Относительно матеріальныхъ средствъ положенію осмотрынныхъ земскихъ школъ нельзя считать удовлетворительнымъ. Помѣщеніе училищъ и ихъ внѣшняя обстановка, учебныя пособія и принадлежности, вознагражденіе преподавателей — все это необходимо было бы значительно улучшить. Земство поддерживаетъ школу на столько, чтобы устранить по крайней мѣрѣ главнѣйшія неудобства, состоящія, напримѣръ, въ пріостановкѣ обученія, недостаткѣ помѣщенія для всѣхъ, желающихъ учиться, неимѣніи достаточнаго количества учебниковъ или книгъ для класснаго чтенія, необходимой мебели и т. п., но общее состояніе школы не улучшается чрезъ это, остаются постоянно на одинаковомъ уровнѣ. Чтобы дѣйствительно улучшить школу, требовалось бы увеличеніе смѣты по народному образованію, на что земство не имѣетъ средствъ. Изъ теперешняго бюджета наибольшій значительный расходъ падаетъ на содержаніе преподавателей и затѣмъ на плату за помѣщеніе училища съ его отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой. Вознагражденіе преподавателей полагается въ такомъ размѣрѣ: заupoчителю 60 руб., учителю или учительницѣ 200 руб. въ мужскихъ и смѣшанныхъ школахъ и 150 руб. въ женскихъ школахъ, помощнику или помощницѣ учителя 120 р. въ годъ. Такой незначительный размѣръ содержанія учителей и учительницъ существуетъ едва ли не въ одномъ только уѣздѣ Вятской губерніи и въ высшей степени неблагоприятно отзывается на состояніи школъ, заставляя лучшихъ изъ кандидатовъ на учительскія должности обходить Вятскій уѣздъ, а лучшихъ изъ поступившихъ на мѣста переходить въ школы другихъ уѣздовъ.

3) Неаккуратное пощеніе учащими классовъ и несвоевременное поступленіе ихъ въ школу составляетъ также одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій къ пріуснѣванію учебнаго дѣла. Этого недо-

статокъ служить тормазомъ не только для правильнаго и уснѣшнаго обученія дѣтей, но и удерживаетъ земство отъ прибавки суммъ на содержаніе школъ и, кромѣ того, въ высшей степени усложняетъ и запутываетъ составленіе статистическихъ свѣдѣній о количествѣ учащихся. Преподаватели справедливо указываютъ на затруднительность своего положенія при разнообразіи состава учащихся, вслѣдствіе чего необходимо раздѣлять ихъ на нѣсколько группъ, вслѣдствіе неодинаковыхъ познаній отъ пропуска уроковъ или несвоевременнаго поступленія въ школу. Земство не соглашается ассигновать необходимыя суммы на содержаніе помощниковъ для учителей въ нѣкоторыхъ школахъ, въ виду того, что большинство учениковъ посѣщаетъ школы не во весь періодъ учебнаго времени. Наконецъ, училищные совѣты затрудняются въ своихъ годовыхъ отчетахъ о состояніи начальныхъ училищъ въ опредѣленіи числа учащихся, которое можетъ быть представлено различно, смотря по основанію, поэтому для статистическихъ выводовъ. При существующихъ же условіяхъ трудно изыскать средства для совершеннаго устраненія упомянутаго недостатка, ибо причины, по которымъ дѣти уклоняются отъ классовъ, весьма сложны и разнообразны. По распоряженію мѣстнаго губернскаго училищнаго совѣта, учебный годъ въ сельскихъ школахъ долженъ состоять изъ 8 мѣсяцевъ, съ половины сентября до половины мая, но это распоряженіе далеко не всегда выполняется на практикѣ. Въ первые два мѣсяца учебнаго года школы остаются если не совсѣмъ пусты, то обыкновенно съ самымъ незначительнымъ количествомъ учащихся, которые, постоянно прибывая, собираются въ полный составъ только къ половинѣ ноября мѣсяца; около 20 декабря школа опять начинается пустѣть и правильныя занятія возобновляются въ ней лишь съ 15 или 20 января, когда принято закрывать второй пріемъ вновь поступающихъ. Затѣмъ ученіе продолжается болѣе или менѣе непрерывно до Пасхи, послѣ чего идетъ впадо и съ крайне незначительнымъ числомъ учениковъ. Въ это время продолжаютъ посѣщать школу главнымъ образомъ ученики старшаго отдѣленія, готовящіеся къ экзамену на полученіе установленнаго свидѣтельства. Въ май и сентябрь занятій въ сельскихъ школахъ вовсе не бываетъ, за рѣдкими исключеніями, обуславливающимися какими-нибудь мѣстными обстоятельствами. Какъ замѣчено выше, причины упомянутаго явленія очень разнообразны. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются въ томъ, что дѣти нужны для домашнихъ работъ: когда идетъ бороньба засѣянаго поля, вывозъ удобренія или привозъ срубленнаго лѣса для топки,

дѣти неоспоримо доставляютъ пользу своею подмогою. и при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ семейныхъ обстоятельствахъ эта подмога положительно необходима. Въ Вятскомъ уѣздѣ есть волости, гдѣ взрослое мужское населеніе уходитъ, преимущественно осенью и зимой, на заработки въ весьма значительномъ количествѣ на заводы Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Въ такихъ мѣстахъ, особенно при неимѣніи въ семьѣ подростковъ, нужда въ дѣтихъ особенно чувствительна: они даютъ кормъ домашнему скоту, помогаютъ женщинамъ по хозяйству и т. д. Иногда удерживаютъ дѣтей дома по неимѣнію одежды: одежда и обувь у крестьянъ, даже не бѣдныхъ, обыкновенно заготавливается только съ наступленіемъ зимы, осенью же дѣти кое-какъ перебиваются въ томъ, въ чемъ ходили лѣтомъ; лишь за нѣсколько времени до наступленія Филипповскаго поста изготовляется теплая одежда, чему способствуютъ убой скота къ осеннимъ праздникамъ и къ концу мѣсяца. Поэтому неосвѣщеніе школы въ октябрѣ и вообще осенью обыкновенно объясняется неимѣніемъ „оболочки“, какъ говорятъ въ Вятскомъ уѣздѣ. Прокормленіе посѣщающихъ школу дѣтей тоже составляетъ расчетъ, ибо нерѣдко приходится имъ жить при самой школѣ за дальностію разстоянія ея отъ дома родителей. Школы обыкновенно устраиваются въ селахъ при церквяхъ, гдѣ крестьянскихъ домовъ мало или вовсе нѣтъ, такъ какъ населеніе въ Вятскомъ уѣздѣ разбросано большею частию въ мелкихъ деревняхъ и починкахъ, находящихся иногда въ довольно значительномъ разстояніи отъ церкви. Но всѣмъ этимъ еще не объясняется вполне печальное явленіе, о которомъ идетъ рѣчь. Сознаніе пользы грамотности весьма слабо развито въ сельскомъ людѣ; трудно встрѣтить крестьянина, который искренно сожалѣлъ бы о невозможности дать образованіе дѣтямъ; особенно слѣдуетъ это сказать о крестьянахъ бѣдныхъ: они вовсе не посылаютъ дѣтей въ школу, а если и посылаютъ, то безпрерывно отвлекаютъ ихъ отъ занятій по самымъ ничтожнымъ причинамъ или даже вовсе безъ всякихъ причинъ. Убой, напримѣръ, скота и птицы, изобиліе хлѣба и овощей даютъ возможность крестьянамъ питаться осенью сравнительно лучше, чѣмъ въ другое время года. Отправить дѣтей въ школу значитъ лишитъ ихъ этихъ преимуществъ и удовольствій неприхотливой семейной жизни. То же слѣдуетъ сказать и о времени между святками и великимъ постомъ: тутъ у крестьянъ преимущественно совершаются свадьбы, — опять предлогъ для удержанія дѣтей дома. Съ наступленіемъ постовъ Филипповскаго и великаго школы обыкновенно бываютъ

часть оксіу, отд 4.

переполнены учащимися, но встрѣчаются и въ это время пропуски уроковъ, преимущественно по понедѣльникамъ. Ко всему сказанному выше слѣдуетъ еще прибавить, что полевныя работы въ Вятскомъ уѣздѣ не продолжительны, при незначительныхъ размѣрахъ сельскаго хозяйства у крестьянъ; по климатическимъ условіямъ онѣ начинаются никакъ не ранѣе мая, между тѣмъ постоянно можно видѣть дѣтей школьнаго возраста играющими на улицахъ, а школы остаются пустыми.

Между тѣмъ было бы несправедливо обвинять сельское населеніе въ совершенномъ отчужденіи отъ школы. Напротивъ, крестьяне не прочь учить дѣтей, особенно мальчиковъ, но они смотрятъ на обученіе какъ на роскошь, безъ которой можно и обойтись и для которой нечего стѣснять себя. Противодѣйствіе этому должна оказывать сама школа всѣмъ своимъ строемъ и достигаемыми ею результатами. Между тѣмъ она организована еще недостаточно прочно, еще не приобрѣла подобающаго ей значенія. Въ послѣднее время правила для выдачи свидѣтельствъ, предоставляющихъ льготу по воинской повинности, повзвысили школу въ глазахъ сельскаго населенія; выравнилось это въ увеличеніи числа учащихся, по упомянутой выгода все еще недостаточно усвоена крестьянами; вліяніе ея на нихъ обнаружится вполнѣ лишь со временемъ. Съ своей стороны, преподаватели, при частой смѣнѣ и при отсутствіи близкихъ сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ, не имѣютъ возможности оказывать на него надлежащее вліяніе, которое, впрочемъ, вообще представляется дѣломъ въ нихъ положенія весьма труднымъ. Что можетъ сдѣлать преподаватель и особенно преподавательница безъ матеріальныхъ средствъ, безъ опытности, находясь въ зависимости отъ сельскаго общества? Теперь учителю не остается иногда ничего болѣе какъ упрашивать родителей, чтобы произвольнымъ удерживаніемъ дѣтей дома они не препятствовали успѣшному ходу занятій. Въ случаѣ невыполненія такой просьбы, опъ не рѣшается даже исключить ученика, чтобы не вызвать общаго неудовольствія.

Наиболѣе многолюдными изъ числа осматрѣнныхъ училищъ оказались Филейское и Пасѣговское. Въ обоихъ число учащихся, въ благоприятное время, простирается болѣе чѣмъ до 100 человѣкъ. Ученье идетъ тутъ вполнѣ удовлетворительно. Преподавателемъ Пасѣговскаго училища состоитъ приходскій священникъ о. Семакинъ, опытный и весьма ревностный въ исполненіи своихъ обязанностей, а учителемъ Филейскаго — не окончившій курса гимназіи Куртѣвъ, изъ мѣстныхъ

крестьянъ, котораго односельчане его уважають за примѣрное поведение и благочестіе. Вслѣдствіе скопленія большаго числа учащихся въ Филейской школѣ, помѣщеніе ея оказывается недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ учениковъ вынуждены и жить въ ней. Макарьевское мужское училище тоже очень многолюдно; оно имѣетъ отъ 75 до 80 учениковъ. Учитель, окончившій курсъ духовной семинаріи, занимается лишь первый годъ и доволно успѣшно, чему способствуетъ впрочемъ болѣе аккуратное посѣщеніе учениками классовъ, сравнительно съ другими сельскими школами. Село Макарьевское находится не болѣе какъ въ пяти верстахъ отъ Вятки; занятія продолжались здѣсь даже въ маѣ и юнѣ, по особой просьбѣ нѣкоторыхъ родителей. Въ Возгальскомъ и Куменскомъ мужскихъ школахъ учениковъ бываетъ, въ декабрѣ и мартѣ, болѣе 80, но въ другое время число это не достигаетъ и 50; въ обоихъ этихъ селахъ училища существуютъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Обученіе ведется довольно удовлетворительно въ первомъ изъ нихъ и лишь посредственно въ Куменскомъ, учительница коего, окончившая курсъ епархіальнаго женскаго училища, состоитъ въ должности не болѣе года. Вслѣдствіе недостатка опытности преподавателей и преподавательницъ, по недавнему поступленію ихъ на должности, обнаружались не совсѣмъ удовлетворительныя успѣхи въ школахъ Раменской, Загорской, Бобинской мужской, Везизипской и Бахтинской. Въ лучшемъ положеніи находятся училища: Кстининское мужское, Рябинновское, Медянское и Кырмижское, особенно первое изъ нихъ.

Женскія сельскія училища—Пасѣговское, Куменское, Возгальское, Кстининское, Макарьевское и Бобинское—значительно и во всѣхъ отношеніяхъ отстали отъ мужскихъ и смѣшанныхъ; за исключеніемъ Возгальскаго, въ которомъ обучается до 35 дѣвочекъ, остальные имѣють не болѣе какъ по 15 или 20 ученицъ. Земство расходуетъ на означенныя училища весьма небольшія суммы, а вслѣдствіе того они и не могутъ достигнуть серьезнаго улучшенія. Въ четырехъ изъ нихъ преподавательницами состоятъ лица домашняго образованія и не имѣющія свидѣтельствъ на званіе учительницъ; Возгальское училище въ послѣдніе два года перемѣнило уже трехъ преподавательницъ.

На Медянской писчебумажной фабрикѣ, для дѣтей служащихъ при ней и рабочихъ, въ концѣ 1875 года открыта была школа, поддерживаемая управленіемъ фабрики. Учащихся обоего пола ока-

залось въ ней при осмотрѣ 14; нѣкоторые изъ нихъ уже довольно порядочно читають и пишутъ.

Въ Нолинскомъ уѣздѣ, въ означенное выше время, осмотрѣно было 19 начальныхъ училищъ, изъ нихъ 2 городскихъ и 16 сельскихъ, (въ числѣ послѣднихъ одно двухклассное). Одно изъ городскихъ училищъ, содержащееся на средства уѣзднаго земства, поставлено удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ и очень многолюдно. Преподавателей въ немъ трое, изъ коихъ два окончили курсъ въ духовной семинаріи и уже нѣсколько лѣтъ сряду занимають свои должности. Обучение ведется правильно и успѣшно по всѣмъ предметамъ; учебныхъ пособій достаточно,—есть, между прочимъ, хорошая коллекція животныхъ изъ папье-маше и небольшой кабинетъ естественно-историческій и физическій. Другое училище содержится на средства городского общества и представляетъ рѣзкую противоположность съ упомянутымъ сейчасъ. Помѣщеніе, учебныя пособія, вознагражденіе учителя и самое число учащихся (отъ 18 до 25)—все это бѣдно и неудовлетворительно. Не отличается оно и успѣхами учениковъ, а между тѣмъ, въ виду скопленія учащихся въ земскомъ училищѣ, и оно могло бы приносить значительную пользу городу, еслибы городское общество озаботилось сколько нибудь улучшить его матеріальное положеніе.

Двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Лудино-Ясашномъ открыто (въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 года) въ мѣстности, въ которой на недалекомъ разстояніи отъ него находятся нѣсколько земскихъ школъ. Вначалѣ учителемъ состоялъ окончившій курсъ духовной семинаріи, человѣкъ очень опытный и снѣдующій, но скоро онъ отказался отъ должности за переходомъ въ другое вѣдомство; преемникъ его, тоже окончившій курсъ духовной семинаріи и бывшій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ надзирателемъ Вятскаго духовнаго училища, не занимался прежде преподаваніемъ въ школѣ, а потому не имѣетъ опытности и надлежащихъ педагогическихъ свѣдѣній, но при его добросовѣстномъ и старательномъ отношеніи къ дѣлу можно разчитывать, что онъ приобрѣтетъ и то и другое. Законоучитель, приходскій священникъ, вполне добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и вообще принимаетъ самое дѣятельное участіе въ благоустройствѣ школы. Успѣхи учащихся удовлетворительны. Школа, помѣщавшаяся вначалѣ въ наемной квартирѣ, переведена теперь въ собственный домъ, какъ нельзя лучше приспособленный для нея.

Къ числу лучшихъ изъ осматрѣнныхъ училищъ въ Нолинскомъ уѣздѣ принадлежатъ также Сунское и Кырчанское мужскіи. Познанія дѣтей оказались здѣсь очень хорошими по всѣмъ предметамъ. Въ селахъ Сунскомъ и Кырчанскомъ находятся и женскія школы, заслуживающія полнаго одобренія. Въ селѣ Ошланскомъ изъ двухъ школъ—мужской и женской—мужская отличается успѣхами преимущественно двухъ старшихъ своихъ отдѣленій, благодаря заботливости наставника, который ведетъ занятія съ большимъ пониманіемъ дѣла. Въ селѣ Верхосунскомъ тоже два училища: мужское помѣщается въ двухъ зданіяхъ, за неимѣніемъ удобной въ селѣ квартиры, что невыгодно отзывается на состояніи учебной части; женское училище постоянно посѣщаютъ около 18 дѣвочекъ, познанія которыхъ удовлетворительны. Рождественскіи мужское и женское училища найдены были въ хорошемъ состояніи; въ этомъ селѣ живутъ членъ училищнаго совѣта отъ земства, протоіерей Осокинъ, который непосредственно руководитъ занятіями преподавательницъ и самъ занимается преподаваніемъ закона Божія. Смыковское училище находится въ 8 верстахъ отъ села, что неблагоприятно отзывается на преподаваніи въ немъ закона Божія, ибо священникъ, по дальности разстоянія, не имѣетъ возможности часто давать уроки; учитель, окончившій курсъ духовной семинаріи, занимается усердно и толково; учащихся здѣсь около 40. Самая неудовлетворительная сторона училища заключается въ помѣщеніи, которое и тѣсно и грязно; впрочемъ, мѣстная земская управа обѣщалась исправить этотъ недостатокъ. Среднерамеицкое училище тоже находится въ деревнѣ и въ довольно значительномъ разстояніи отъ села, но занятія въ немъ идутъ очень успѣшно, благодаря внимательному отношенію къ своимъ обязанностямъ какъ преподавательницы, такъ и законоучителя, священника Орловскаго, аккуратно посѣщающаго училище три раза въ недѣлю. Познанія дѣтей, число которыхъ доходитъ до 47, оказались удовлетворительными по всѣмъ предметамъ. Оба послѣднія училища очень бѣдны книгами и учебными пособиями, что отчасти объясняется сравнительно недавнимъ ихъ открытіемъ.

Въ Яранскомъ уѣздѣ осматрѣно было 10 училищъ. Городское приходское, съ значительнымъ количествомъ учащихся, поставлено довольно удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣти отвѣчаютъ бойко и толково по всѣмъ предметамъ. Въ Большепольскомъ училищѣ, находящемся около города, г. инспекторъ присутствовалъ на годичномъ экзаменѣ учениковъ. Въ засѣданіи училищнаго совѣта былъ возбуж-

день вопросъ о томъ, какихъ познаній слѣдуетъ требовать отъ учениковъ, желающихъ получить свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ. Члены училищнаго совѣта, предсѣдательствовавшіе въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, не одинаково отнеслись къ этому предмету и одни изъ нихъ требовали очень многого отъ учениковъ, а другіе, напротивъ, довольствовались малымъ. Вслѣдствіе сего постановлено было произвести экзаменъ въ Большенольскомъ училищѣ въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта. Это и было сдѣлано. Всѣхъ мальчиковъ экзаменовалось 8, изъ нихъ 6 удовлетворительно отвѣчали по всѣмъ предметамъ и удостоены свидѣтельствъ. Точно также присутствовалъ г. инспекторъ на годичныхъ испытаніяхъ въ Кукарскомъ мужскомъ, Жерновогорскомъ и въ Кукарскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ. Въ послѣднемъ изъ нихъ свѣдѣнія ученицъ оказались очень удовлетворительными и свидѣтельствовали о заботливости законоучителя, который состоитъ и отвѣтственнымъ лицомъ по училищу; всѣхъ дѣвочекъ обучается здѣсь болѣе 100. Въ Кукарскомъ мужскомъ училищѣ находится до 200 учащихся, а преподавателей 6: изъ 36 учениковъ старшаго отдѣленія, державшихъ выпускной экзаменъ, 27 получили свидѣтельства. Познанія дѣтей оказались болѣею частью хорошими по всѣмъ предметамъ. Въ Жерновогорскомъ училищѣ, напротивъ, результаты экзамена были плохи: изъ 12 экзаменованныхъ только 4 признаны были комиссіею достойными свидѣтельствъ, остальные же по неудовлетворительности отвѣтовъ оставлены еще на годъ для усовершенствованія въ знаніи элементарнаго курса. Объяснить это слѣдуетъ небрежностію учителя, который уже три года состоитъ въ должности и въ самомъ началѣ отличался добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ. Въ слободѣ Кукарѣ находится еще частная школа Чемоданова съ 15 учащимися обоего пола; занятія идутъ успѣшно и довольно правильно.

Въ г. Котельничѣ осмотрѣны были три училища: приходское мужское, тюремное и частное крестьянина Сѣнникова; въ приходскомъ обучается до 90 дѣтей, которые аккуратно посѣщаютъ классы, но познанія ихъ не совсѣмъ удовлетворительны; особенно ученики старшаго отдѣленія отличаются плохую подготовкой. Частная школа Сѣнникова открыта въ 1875 году и имѣетъ 14 учениковъ; пользуясь довѣріемъ мѣстнаго общества, Сѣнниковъ могъ бы привлечь и большее ихъ число, но не имѣетъ средствъ для найма достаточно обширной квартиры; занятія идутъ у него успѣшно.

Въ г. Орловѣ осмотрѣны были два приходскихъ училища, изъ

коихъ одно содержится на средства городского общества, а другое на средства уѣзднаго земства. Въ приходскомъ общественномъ училищѣ дѣти обнаруживаютъ значительные успѣхи, но помѣщеніе его грязно, тѣсно и вообще неудобно; особенно плоха квартира учителя. Земское училище помѣщено, напротивъ, очень хорошо и учебная часть въ немъ значительно улучшилась сравнительно съ прежнимъ. Число учащихся въ обоихъ школахъ довольно значительно, а именно отъ 70 до 90 человѣкъ. Такъ какъ въ земскомъ училищѣ обучается много мальчиковъ изъ ближайшихъ селъ и деревень, то занятія въ немъ идутъ не такъ правильно какъ въ общественномъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Политическія тревоженія, которымъ подвергается Франція въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, не остаются безъ слѣда и въ области народнаго просвѣщенія. Четыре мѣсяца тому назадъ г. Ваддингтона замѣнялъ сенаторъ г. Брюне, но до сихъ поръ онъ ровно ничѣмъ не ознаменовалъ свою дѣятельность. Рѣчь, которую произнесъ онъ въ минувшемъ августѣ на конкурсныхъ испытаніяхъ воспитанниковъ Парижскихъ лицеевъ, свидѣтельствуетъ о добромъ расположеніи его къ учебному сословію, но никто не сомнѣвается, что главная задача его состоитъ въ томъ, чтобы предоставить еще болѣе свободы высшимъ учебнымъ заведеніямъ, учрежденіе коихъ принадлежитъ католическому духовенству. О проектѣ г. Ваддингтона учредить во Франціи семь или восемь обширныхъ университетовъ иѣтъ теперь и рѣчи: новая администрація ограничилась тѣмъ, что старается пополнить кадры нѣкоторыхъ казенныхъ университетовъ увеличеніемъ числа такъ называемыхъ „*maitres de conférence*“, т. е. экстраординарныхъ профессоровъ или доцентовъ: такъ, напримѣръ, въ Сорбоннѣ учреждены были доцентуры санскритскаго языка, греческаго языка и старой французской литературы. Вотъ и всѣ реформы. Можно, пожалуй, упомянуть еще о недавнемъ циркулярѣ г. Брюне относительно всемірной выставки: циркуляръ гласитъ, что въ зданіи выставки будетъ устроена обширная бібліотека, составленная исключительно изъ трудовъ нашего учебнаго сословія за періодъ времени отъ 1867 до 1878 года; еще г. Дюрюи имѣлъ мысль издать цѣлый рядъ подробныхъ отчетовъ объ успѣхахъ во Франціи различныхъ отраслей науки и торговли, а г. Брюне только приводитъ се въ исполненіе, хотя и въ другой формѣ, а именно хочетъ собрать и представить на судъ пуб-

лики все, что было издано нашими педагогами, начиная съ элементарной арифметики или грамматики до трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера академиковъ. Со всѣмъ этимъ публика будетъ въ состояніи ознакомиться изъ систематическаго указателя, составленіемъ коего занимаются нынѣ очень тщательно. Г. Брюне рассчитываетъ на значительный успѣхъ этого предпріятія. Съ другимъ циркуляромъ обратился онъ къ председателямъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ: обративъ ихъ вниманіе на то, что результаты дѣятельности этихъ обществъ пользуются извѣстностью лишь въ весьма немногочисленномъ кругу специалистовъ, онъ требуетъ, чтобы были представлены ему подробные списки изданныхъ ими трудовъ съ необходимыми библиографическими указаніями; списки эти должны быть составлены по одинаковой формѣ и затѣмъ министръ поручить обнародованіе ихъ состоящему при министерствѣ пароднаго просвѣщенія комитету историческихъ наукъ.

Въ началѣ истекшаго августа происходило годичное торжественное засѣданіе Французской академіи. Между сочиненіями, которыя были удостоены ею премій, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: премія Гобера была присуждена г. Альфонсу Вето (Vétau) за его великолѣпно изданную (типографіею Мама въ Турѣ) исторію Карла Великаго; премія Бордена — г. Шаптелю за книгу подъ заглавіемъ: „Марія Стюартъ, ея процессъ и казнь“, для которой авторъ пользовался многими еще неизданными до послѣдняго времени документами; премія покойнаго Тьера — г. Саясу (Sayous) за „Исторію Венгріи“; премію, назначаемую обыкновенно за лучшіе переводы, получилъ г. Эмиль Монтегю за свой переводъ полнаго собранія сочиненій Шекспира. Упомянемъ еще о слѣдующихъ трудахъ: „Essai sur le ministère de Turgot“ г. Фонсена, „Etude sur l'une des origines de la monarchie prussienne“ г. Лависса, наконецъ, о неизданныхъ письмахъ г-жи Севинье, обнародованныхъ г. Капмасомъ и появленіе коихъ было настоящимъ событіемъ въ нашемъ литературномъ мірѣ. Въ нынѣшнемъ году Академіи пришлось впервые присудить премію въ 4.000 фр., предназначенную исключительно за труды по французской филологіи; получилъ ее членъ Академіи надписей и изящной словесности г. Леопъ Ренье, который издаетъ нынѣ собраніе навѣхъ отечественныхъ классиковъ. Секретарь упомянутой академіи г. Валлонъ сообщилъ между прочимъ, въ какомъ положеніи находятся нынѣ другія предпріятыя ею изданія: недавно появился XXVII томъ „Histoire littéraire de la France“, посвященный XIV вѣку; томъ IV

западно-европейскихъ историковъ крестовыхъ походовъ уже оканчивается печатаніемъ, точно также какъ XXIII томъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Франціи; первый выпускъ *Congrus inscriptionum semiticarum* — превосходное изданіе, надъ которымъ трудятся гг. де-Соси, Лонперис, Ренанъ, Ваддингтонъ и Вогюе, выйдетъ въ свѣтъ лишь только палата депутатовъ ассигнуетъ дополнительный для него кредитъ.

Между замѣчательными писателями, которыхъ потеряла Франція въ послѣднее время, прежде всего слѣдуетъ упомянуть о г. Тьерѣ. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1822 году и съ тѣхъ поръ не покидалъ его, не смотря на многосложную политическую дѣятельность. Не говоримъ уже о капитальныхъ его произведеніяхъ — „Исторіи французской революціи“ и „Исторіи консульства и имперіи“, — но онъ издалъ также замѣчательный трудъ о „Лау и его системѣ“; подъ конецъ своихъ дней онъ много занимался сочиненіемъ по предмету спиритуалистической философіи, которое вѣроятно будетъ издано его наслѣдниками. Какъ писатель, г. Тьеръ обезпечилъ за собою видное мѣсто въ исторіи французской литературы; никто со временъ Вольтера не владелъ у насъ языкомъ съ такою ясностью и съ такимъ искусствомъ. Онъ самъ сравнивалъ когда-то историческій стиль съ чистымъ стекломъ, отражающимъ всѣ предметы, не измѣняя ихъ очертаній и не окрашивая ихъ своимъ отливомъ, и считалъ умъ главнымъ качествомъ въ историкѣ. Чрезвычайно любопытно предисловіе къ XII тому „Исторіи консульства“, въ которомъ онъ изложилъ основныя свои воззрѣнія на литературу: тутъ онъ выразился вполне. Когда изданъ будетъ сборникъ его рѣчей, то никто не усомнится, конечно, что онъ можетъ выдержать соперничество съ лучшими образцами парламентскаго краснорѣчія въ Англіи.

Скончались также въ послѣднее время: лингвистъ Шаве, авторъ многихъ весьма уважаемыхъ трудовъ объ индоевропейской лексикологіи; Вильоме, написавшій исторію французской революціи, біографію Юлиана д'Арея и нѣсколько сочиненій политико-экономическаго содержания; Маттеучи, составившій нѣмалый томъ съ г. Деможо замѣчательный очеркъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Англіи; г. Дювержье де-Гораннъ, сынъ извѣстнаго историка, обратившій на себя вниманіе своею книгою объ Америкѣ, и Анатолий Фѣжеръ, которому принадлежатъ увѣнчанная академію монографія о Бурдалу; этотъ молодой ученый читалъ въ теченіе двухъ лѣтъ замѣчательныя лекціи въ *Collège de France* и не задолго до своей смерти былъ назначенъ про-

фессоромъ Сорбонны. Кромѣ упомянутого сочиненія о Вурдалу, онъ извѣстенъ также своею диссертациею: „De Maecenatis vita“.

II.

Литература наша въ послѣднее время не оставалась въ бездѣйствіи не смотря на то, что обстоятельства, вслѣдствіе внутренняго кризиса и восточной войны, не были для нея особенно благоприятны. Все, что касается Россіи, не перестаетъ въ высшей степени интересоваться нашу публику. Носится слухъ, что будутъ устроены утреннія театральныя представленія, посвященныя исключительно иностраннымъ образцовымъ произведеніемъ, при чемъ и русскому театру отведено будетъ значительное мѣсто; книга г. Маккензи Уоллеса появилась у насъ въ двухъ переводахъ, изъ коихъ одинъ съ иллюстраціями, и имѣла большой успѣхъ; романы съ сюжетами, заимствованными изъ русской жизни, сильно расходятся въ публикѣ, — доказательствомъ служатъ между прочимъ романы г-жи Дюранъ, пишущей подъ псевдонимомъ Генри Гревилла; переводъ „Обломова“ г. Гончарова встрѣченъ былъ съ видимымъ сочувствіемъ; слѣдуетъ также упомянуть, что русская грамматика Рейфа уже выдержала въ короткое время три изданія и теперь готовится новое, значительно исправленное и дополненное.

Новый трудъ г. Камила Руссе — его „Исторія Крымской кампаніи“ (*Histoire de la guerre de Crimée, par Camille Rousset*) — не могъ, слѣдовательно, появиться въ болѣе благоприятную минуту. Авторъ — очень талантливый человѣкъ. Онъ уже составилъ себѣ извѣстность „Исторіею Луваа, его политической и военной администраціи“, книгою, написанною большею частью на основаніи неизданныхъ источниковъ и проливающимъ яркій свѣтъ на царствованіе Лудовика XIV. Въ 1864 году Руссе былъ назначенъ исторіографомъ военнаго министерства, издалъ корреспонденцію Лудовика XV съ маршаломъ Ноалемъ, а нѣсколько позднѣе весьма интересный этюдъ о волонтерахъ 1792 года. Теперь занимаетъ опъ должность профессора военной исторіи въ высшей военной школѣ, учрежденной въ текущемъ году нашимъ правительствомъ. Авторъ писалъ „Исторію Крымской войны“ при наиболѣе выгодныхъ для него условіяхъ: съ одной стороны, былъ открытъ ему безпрепятственный доступъ къ архивамъ военнаго министерства, а съ другой — въ настоящее время, послѣ паденія имперіи, онъ могъ высказать правду о многомъ, что у предшествующихъ ему писателей пройдено молчаніемъ. Съ критической точки зрѣнія нельзя, впро-

чемъ, не пожалѣть, что г. Руссе не счелъ пужнымъ указывать подробно на источники, которыми онъ пользовался; трудно, напримѣръ, догадаться ознакомился ли онъ съ русскими документами въ переводѣ или чрезъ посредство челоѣка, который дѣлалъ изъ нихъ выборъ для него. Одно изъ главныхъ его достоинствъ состоитъ въ томъ, что онъ совершенно безпристрастенъ и отдаетъ полную справедливость геройскимъ защитникамъ Севастополя. „Исторія Крымской войны“ начинается у него съ дипломатическихъ переговоровъ по вопросу о св. мѣстахъ и доведена до Парижскаго мира, — жаль, что г. Руссе не присоединилъ главы о послѣдствіяхъ этой достопамятной войны. При книгѣ изданъ атласъ, въ которомъ помѣщены карты и планы всѣхъ сраженій и осадныхъ работъ, — атласъ, исполненный какъ пельза болѣе изыщно.

Можно указать и на нѣсколько другихъ интересныхъ произведеній, относящихся къ Востоку. Баронъ Аврилъ (baron d'Avril), бывшій нашъ посланникъ въ Бухарестъ, а теперь занимающій должность посланника въ Чили, издалъ недавно изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „S. Cyrille, mémoire sur la langue, l'alphabet et le rite attribués aux apôtres slaves“. Авторъ — ревностный католикъ, а потому не удивительно, что онъ придерживается мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ кириллицу св. Клименту; доводы во многихъ частяхъ его изслѣдованія очень слабы, а между тѣмъ изслѣдованіе это все-таки не лишено интереса. Г. Эмиль Легранъ, давно уже извѣстный своими трудами о новогреческой литературѣ и состоящій адъютантомъ г. Миллера въ Школѣ восточныхъ языковъ, напечаталъ сборникъ историческихъ поэмъ на простонародномъ греческомъ языкѣ, относящихся къ Турціи и Дунайскимъ княжествамъ; къ поэмамъ приложенъ переводъ ихъ и историческій комментарий. Вотъ что служитъ ихъ содержаніемъ: смерть Михаила Кантакузена, подвиги Михаила Храбраго, исторія жидовки Маркады, исторія Георгія Ставракоглу, возстаніе сфактіотовъ въ 1770 году, страданія ребенка, распятаго жидами. Книга снабжена также и обширнымъ глоссаріемъ, весьма интереснымъ для изученія чужеземныхъ элементовъ — славянскаго, турецкаго и руминскаго — проникшихъ въ новогреческій языкъ. Большая часть обнародованныхъ г. Леграномъ поэмъ уже была издана въ Венеціи, но эти старинныя изданія чрезвычайно рѣдки и кромѣ того испещрены ошибками, такъ что нужно относиться къ нимъ съ крайнею осторожностью. Въ предисловіи своемъ г. Легранъ говоритъ между прочимъ: „Безвыходныя трудности, которыя встрѣчаютъ уче-

ные при истолкованіи текстовъ классической эпохи, условливаются — въ девяти случаяхъ изъ десяти — совершеннымъ незнакомствомъ ихъ съ простонародною греческою рѣчью; особенно ученые, занимающіеся эпиграфикой, нашли бы для себя въ этой области драгоценныя указанія, которыми они пренебрегаютъ или даже не подозреваютъ ихъ существованія.... Поклонники древней Греціи сочли бы преступленіемъ дать погибнуть малѣйшей частицѣ завѣщанныхъ намъ ею образцовыхъ произведеній; они по справедливости восторгаются каждымъ обломкомъ мрамора, посвящаютъ обширныя изслѣдованія надписямъ, изъ которыхъ уцѣлѣли два или три слова, и систематически не хотятъ знать о томъ, что осталось наиболѣе драгоценнаго, наиболѣе долговѣчнаго отъ этой древности — объ ея языкѣ. Лишь тогда облегчится ихъ задача, когда станутъ они изучать разговорную (а не письменную) рѣчь, которою говорятъ потомки людей, слышавшихъ Демосоена и присутствовавшихъ при постройкѣ Пароснона. Смѣемъ думать, что есть такіе древніе писатели, которыхъ никогда не удастся издать вполне отчетливо безъ основательнаго изученія простонароднаго греческаго языка: напримѣръ, Θεοκρίτης. Пройдетъ однако не мало времени — скажемъ отъ себя — прежде чѣмъ успѣетъ г. Легранъ склонить нашихъ ученыхъ къ своему мнѣнію.

Директоръ Школы восточныхъ языковъ, г. Шефферъ, принимавшій недавно участіе въ археологическомъ конгрессѣ въ Казани, издалъ недавно весьма интересную книгу подъ заглавіемъ: „Memoires sur l'ambassade de France en Turquie et sur le commerce des Français dans le Levant, par le comte de Saint-Priest“. При старинной монархіи существовалъ такой порядокъ, что дипломатическіе агенты Франціи при Оттоманской Портѣ представляли королю, по окончаніи своей миссіи, подробныя записки о переговорахъ, въ которыхъ они участвовали, а также о торговыхъ и мореходныхъ интересахъ французскихъ подданныхъ на Востоцѣ. Г. С.-При, занимавшій должность посланника въ Константинополѣ въ царствованіе Людовика XV и Людовика XVI (отецъ того, который состоялъ генераломъ въ русской службѣ), былъ послѣднимъ изъ дипломатовъ, сообразовавшихся съ этимъ обычаемъ. Мемуаръ его, доселѣ остававшійся неизданнымъ, представляетъ значительный интересъ для исторіи отношеній Франціи къ Турціи. Г. Шефферъ, рѣшившись его обнародовать, присоединилъ къ нему довольно подробный указатель всѣхъ другихъ дипломатическихъ документовъ, относящихся къ на-

шей политикѣ на Востокѣ, а также главнѣйшихъ сочиненій о Турціи, изданныхъ по французски въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Кромѣ того, читатели найдутъ тутъ переводъ капитуляцій, начиная съ царствованія Франциска I до Людовика Филиппа.

Въ послѣднихъ книжкахъ *Revue géographique*, издаваемого г. Драпейрономъ, появилось также не мало любопытныхъ документовъ о Турціи. Г. Драпейронъ нашелъ въ Национальной библіотекѣ рукопись временъ Людовика XIV, подъ заглавіемъ „Description du Levant“, рукопись, въ которой особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „Размышленія о бѣдственномъ состояніи Оттоманской имперіи и о средствахъ, воспользовавшись этимъ, возстановить Восточную Имперію въ пользу одного изъ французскихъ принцевъ“. Въ томъ же журналѣ появился любопытный и неизданный доселѣ отчетъ о путешествіи изъ Константинополя въ Яссы въ 1785 году; путешествіе это было совершено графомъ Отривомъ, занимавшимъ должность секретаря французскаго посольства при Молдавскомъ князѣ Александрѣ Маврокордато. А вотъ еще любопытная книга, имѣющая отношеніе къ Востоку, хотя въ пей нѣтъ ни слова ни о политикѣ, ни объ исторіи. Одинъ изъ нашихъ музыкантовъ, г. Бурго-Дюкурре, вознамѣрился познакомить насъ въ пей со старинною и повѣйшею греческою музыкою. Онъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о церковномъ византійскомъ пѣснѣ, о свѣтскихъ пѣсняхъ, прототипомъ которыхъ послужили пѣсни съ религіознымъ содержаніемъ и т. д. Къ книгѣ приложено нѣсколько музыкальных отрывковъ, изъ которыхъ одни съ сионскою, а другіе съ византійскою нотацией. Тотъ же авторъ издалъ недавно „Воспоминанія о поѣздкѣ съ музыкальною цѣлью въ Грецію и на Востокъ“, и кромѣ того сборникъ народныхъ греческихъ мелодій.

Изъ другихъ литературныхъ новостей слѣдуетъ упомянуть о послѣднемъ (двадцатомъ) томѣ полнаго собранія сочиненій Дидеро: въ немъ доведена до конца его корреспонденція, большею частью неизданные и нѣкоторые отрывки коей заимствованы изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; въ приложеніи читатели найдутъ любопытныя замѣтки объ апокрифныхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Дидеро, а также о его портретахъ. Все это заканчивается обширнымъ указателемъ, занимающимъ болѣе 300 страницъ. Къ сожалѣнію, покойный Ассеза, намѣревавшійся написать изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Дидеро, не успѣлъ этого сдѣлать. Книгопродавецъ Гариве приступилъ теперь къ очень изысному изданію Поль-

тера, подъ редакціей г. Луи Молана, которому мы уже обязаны очень хорошимъ изданіемъ Мольера и замѣчательными этюдами объ италіанской комедіи. Но во многихъ отношеніяхъ едва-ли еще не интереснѣе „Философская и литературная корреспонденція Гримма“: корреспонденція эта, адресованная къ принцессѣ Саксенъ-Готской, къ императрицѣ Екатеринѣ, Шведскому королю и королю Польскому, положительно необходима всякому, кто хочетъ составить себѣ понятіе объ умственномъ движеніи Франціи въ XVIII вѣкѣ; съ необычайною мѣткостью воспроизводитъ она характеристическія черты этого движенія за періодъ времени отъ 1750—1790 года. Не слѣдуетъ, конечно вполнѣ довѣрять Гриму, который очень нерѣдко старается, предъ августѣйшими своими корреспондентами, блистать умомъ на счетъ писателей, о которыхъ приходится ему говорить, но каждая страница корреспонденціи свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ чрезвычайно образованнымъ и отличающимся широтою своихъ позрѣній. Байронъ, который любилъ читать его, выразился о немъ очень вѣрно: „не смотря на различные недостатки, это великій человѣкъ въ своемъ родѣ“. Новѣйшее изданіе Гримма должно состоять изъ десяти томовъ: въ него войдетъ все, что доселѣ еще не появлялось въ свѣтъ и хранилось въ библіотекѣ Арсенала и въ библіотекѣ Готской, а также и то, что было запрещено цензурой при Наполеонѣ I. Первые два тома уже появились.

Недавно г. Бугѳ (Bougot) защищалъ въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ диссертацию на докторскую степень, подъ заглавіемъ: „Опытъ о художественной критикѣ“. Художественная критика возникла у насъ въ XVII вѣкѣ, но собственно въ XVIII получила она надлежащее развитіе, когда представителями ея явились Дидеро; желаніе познакомиться съ его воззрѣніями на искусство найдутъ много указаній въ книгѣ г. Бугѳ.

Литература наша по классической филологіи обогатилась сочиненіемъ г. Шенье (Chaignet) о греческой трагедіи. Авторъ его занимается кафедрой древнихъ литературъ въ словесномъ факультетѣ въ Пуатье и уже извѣстенъ своими изслѣдованіями о Платонѣ, Сократѣ и Пифагорѣ, доставившими ему званіе члена-корреспондента Академіи надписей и изящной словесности. Въ своемъ новомъ трудѣ г. Шенье не задавался слишкомъ широкими задачами: онъ начинаетъ съ того, что анализируетъ теоріи Аристотеля о трагедіи, объясняетъ происхожденіе ея и слѣдуетъ за ея развитіемъ до эпохи Александра Македонскаго; затѣмъ старается опъ выставить на видъ перипетож-

ность тѣхъ началъ, на которыя опиралась греческая трагедія, подвергая подробному разбору три образцовыхъ ея произведенія—Агамемнона, Антигону и Ипполита. Упомяну еще о предназначенномъ для юношества изданіи Эврипидовой Электры г. Вейля и объ изданіи Тацитовыхъ *Анналъ*, принадлежащемъ г. Жакобу.

Что касается до французскихъ классиковъ, то въ послѣднее время гг. Гацфельдъ и Дариштеръ, дѣятельно занимающіеся словаремъ, который долженъ соперничать съ словаремъ Литтре, издали „Избранные отрывки изъ средневѣковыхъ писателей“, а г. Дюпре подобныя же отрывки изъ Бюффона: послѣднее изъ этихъ изданій снабжено весьма изящными рисунками.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о педагогической литературѣ: особенное вниманіе обратилъ на себя „Сборникъ письменныхъ упражненій воспитанниковъ американскихъ учебныхъ заведеній“ (*Recueil des devoirs d'élèves américains*), изданный г. Бриссономъ, представителемъ нашей учебной комиссіи на Филадельфійской выставкѣ. По распоряженію правительства Соединенныхъ Штатовъ, на выставку эту было доставлено огромное количество письменныхъ упражненій воспитанниковъ различныхъ школъ; г. Бриссонъ выбралъ изъ нихъ наиболѣе замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніи, очень тщательно перевелъ ихъ, а нѣкоторыя помѣстилъ въ своей книгѣ даже въ подлинникѣ; сборникъ заслуживаетъ того, чтобы ознакомиться съ нимъ, ибо онъ проливаетъ не мало свѣта на учебную систему, господствующую въ Америкѣ. Докторъ Ріанъ напечаталъ весьма полезную книжку о гимназіи въ миторпатахъ, — полезную для всѣхъ и между прочимъ для насъ, ибо теперь, во второй половинѣ XIX вѣка, наши учебныя заведенія все еще находятся въ условіяхъ, далеко не благоприятныхъ для здоровья дѣтей.

Л. Л—р

ОБЪ УДВОЕНИИ СИГМЫ АОРИСТА И БУДУЩАГО ВЪ ГОМЕ- РОВСКОМЪ НАРЪЧИИ¹⁾.

II. *Второй разрядъ* глаголовъ, имѣющихъ въ темахъ аориста и
будущаго или *σσ* или *σ* съ короткимъ, предыдущимъ гласнымъ зву-
комъ:

1) Темы съ <i>σσ</i> :	
1) ἀγάσσαι	удивляюсь,
2) αἰδέσσαι	стыжусь, боюсь,
3) ἀκέσσαι	исцѣляю,
4) ἀλέω	разбиваю, молочу,
5) ἀνύω	привожу къ концу,
6) ἀρέσσω	дѣлаю(сь) пріятнымъ,
7) ἀρύσσω	черпаю,
8) γαμέω	женюсь,
9) γανύω	радуюсь,
10) γελάω	смѣюсь,
11) θάμνημι	укрощаю,
12) θαίρω	дѣлю,
13) θαύσσω	показалось,
14) ἐλαύνω	гоню,
15) ἐμέω	извергаю,
16) ἐράω	люблю,
17) ἐρέσσω	гребу,
18) ἐρύω	тащу,
19) ἐννομι	одѣваю,
20) ἔζω	скажу,

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую кн. *Журн. М. Н. Просв.* за текущій годъ.

21) ζέω	кнпачу,
22) θλάω	давлю,
23) ἰάσχομαι	ужилостивляю,
24) ἱμάσσω	бью бичемъ,
25) καλέω	зову,
26) καπύω	дышу,
27) κεδάννυμι	разсѣиваю,
28) κεράννυμι	мѣшаю,
29) κλάω	ломаю,
30) κορέννυμι	насыщаю,
31) κορούσσω	вооружаю,
32) κοτέομαι	ненавижу, сержусь,
33) κυνέω	цѣлю,
34) λούω	мою,
35) μαίομαι	стремлюсь,
36) ναίω	обитаю,
37) νεικέω	завожу ссору,
38) ξέω	скоблю,
39) ὀδυσσάμεην	разсердился,
40) ὀλλυμι	гублю,
41) ὀμνυμι	клянусь,
42) ὄνομαι	пренебрегаю, браню,
43) πάσασθαι	ѣсть, вкушаю,
44) περάω	перевожу, продаю,
45) πετάννυμι	расширяю,
46) ραίνω	брызгаю,
47) σβέννυμι	ганю,
48) σπάω	тяну,
49) ταλάσσαι	терпѣть,
50) τελέω	кончаю,
51) τανύω	тяну,
52) τρέω	дрожу.

2) Темы съ σ:

53) άάω	гублю,
54) άωσα	отдыхалъ,
55) άχηδέω	не забочусь,
56) άρχέω	защищаю,
57) άρώω	пашу,
58) χρεμάννυμι	вѣшаю,

59) λίσσομαι	умоляю,
60) μάχομαι	сражаюсь,
61) μύω	закрываю ротъ, закрываю глаза,
62) ποθίω	желаю,
63) πτόω	плюю,
64) σκεδάννυμι	разсѣиваю,
65) στερέω	лишаю,
66) σπορέννυμι	разстилаю.

Въ слѣдующихъ 8-ми глаголахъ глагольная основа оканчивается на зубной звукъ; а именно:

1) ἔζομαι; отъ корня $\acute{\epsilon}\delta = \omega\delta$ изъ $\sigma\alpha\eta$, неоконч. вида $*\acute{\epsilon}\delta\jmath o = \acute{\epsilon}\zeta o -$, тема однокр. вида $*\acute{\epsilon}\delta o\alpha = \acute{\epsilon}\zeta o\alpha = \acute{\epsilon}\sigma o\alpha$.

2) ἐρέσσω; отъ основы $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau -$, заключающейся въ $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau + \mu\acute{o}\nu$ — весло, $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\tau + \eta\varsigma$ — гребецъ. Тема неок. вида $*\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\jmath o = \acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\sigma o -$, однокр. вида $*\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\sigma\alpha = \acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\sigma\alpha = \acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\alpha$.

3) ἱμάσσω; отъ основы $\acute{\iota}\mu\alpha\tau -$, происшедшей изъ $\acute{\iota}\mu\alpha\nu\tau(i) -$ въ $\acute{\iota}\mu\acute{\alpha}\varsigma - \acute{\alpha}\nu\tau + \omicron\varsigma$ — ремень. Тема однократного вида $*\acute{\iota}\mu\alpha\tau\jmath o = \acute{\iota}\mu\alpha\sigma\sigma o -$, тема однократного вида $*\acute{\iota}\mu\alpha\tau\sigma\alpha = \acute{\iota}\mu\alpha\sigma\sigma\alpha = \acute{\iota}\mu\alpha\sigma\alpha$.

4) χορεύω; отъ основы $\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\theta -$, находящейся въ сущ. ἡ $\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\varsigma - \chi\omicron\rho\omicron\upsilon\theta + \omicron\varsigma$ — племя и въ $\rho\alpha\eta\tau. \rho\epsilon\gamma\acute{\iota}. \rho\alpha\chi\varsigma. \chi\epsilon\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\theta + \mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. Тема неок. вида $*\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\theta\jmath o = \chi\omicron\rho\omicron\upsilon\sigma\sigma o -$, тема однокр. вида $*\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\theta\sigma\alpha = \chi\omicron\rho\omicron\upsilon\sigma\sigma\alpha$.

5) λίσσομαι; отъ корня $\lambda\iota\tau$ въ аор. $\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau + \acute{o}\mu\eta\tau\upsilon$; тема неоконч. вида $*\lambda\iota\tau\jmath o = \lambda\iota\sigma\sigma o -$, тема однокр. вида $*\lambda\iota\tau\sigma\alpha = *\lambda\iota\sigma\sigma\alpha = \lambda\iota\sigma\alpha$.

6) δνομαι; отъ корня $\nu\alpha\eta$;
въ санскр. $\nu\acute{\iota}d$ въ $\nu\acute{\iota} - \nu - d + \acute{a}ti$ — презирать;
въ греч. $\nu\epsilon\delta$ съ протестическимъ $\omicron = \acute{o}\nu\epsilon\delta$, съ подѣломъ $\acute{o}\nu\epsilon\delta$ въ $\acute{o}\nu\epsilon\delta\acute{\iota}\zeta\omega$. Темой неок. вида служить нераспространенный корень $\acute{o} - \nu\omicron$ — въ $\delta\nu\omicron + \mu\alpha\iota$, тема же однокр. вида образовалась отъ распространеннаго корня $\acute{o} - \nu\omicron\delta$ изъ $\acute{o} - \nu\epsilon\delta$: $*\acute{o}\nu\omicron\delta\sigma\alpha = \acute{o}\nu\omicron\sigma\sigma\alpha = \acute{o}\nu\omicron\sigma\alpha$.

7) πάσασθαι; отъ корня $\rho\alpha\tau$;
въ слав. пит въ $\text{пит} + \text{ати}$;
въ гот. fod въ $\text{fod} + \text{jan}$, нѣм. $\text{f\ddot{u}ttern}$.
въ греч. $\kappa\alpha\tau$ въ видѣ $\kappa\alpha\sigma$ является въ формахъ $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\alpha\sigma + \mu\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\kappa\alpha\sigma + \omicron\varsigma$ — неуксивный. Тема неок. вида $*\kappa\alpha\tau\jmath o = *\kappa\alpha\tau\iota\omicron = \kappa\alpha\tau\epsilon\omicron -$ ($\kappa\alpha\tau\epsilon\omicron\mu\alpha\iota$ у Геродота), тема однокр. вида $*\kappa\alpha\tau\sigma\alpha = \kappa\alpha\sigma\sigma\alpha = \kappa\alpha\sigma\alpha$.

8) ῥαίνω; отъ корня $\rho\alpha\eta$ или $\rho\alpha\eta$; $\rho\alpha\eta$: $\rho\alpha\eta = \rho\alpha\rho$ ($\rho\alpha\rho\iota\omicron$): $\rho\alpha\rho$ ($\acute{\alpha}\rho\acute{\rho}\acute{\alpha}\zeta\omega$);

въ санскр. ard въ $\text{ard} + \text{ras}$ влажный, $\text{ard} + \text{ra}\acute{j}ami$ — мочить;

въ греч. чистый корень $\rho\acute{\alpha}\delta$ встрѣчается въ $\rho\lambda\upsilon\alpha\sigma\pi\epsilon\tau\epsilon\iota$. $\epsilon\rho\rho\acute{\alpha}\delta$ —это и видоизмѣненіе его $\acute{\alpha}\rho\delta$ въ $\acute{\alpha}\rho\delta$ — ω , $\acute{\alpha}\rho\delta$ — $\epsilon\upsilon\omega$ —мочить, $\acute{\alpha}\rho\delta$ — $\mu\acute{o}\varsigma$ —напитокъ. Тема неок. вида отъ нераспространеннаго корня $\rho\alpha$ $*\rho\alpha$ — $\nu\iota\omicron$ — $\rho\alpha\nu\iota\omicron$ —, тема однокр. вида отъ распространеннаго $\rho\acute{\alpha}\delta$ $*\rho\acute{\alpha}\delta\omicron\alpha$ — $\rho\acute{\alpha}\omicron\omicron\alpha$ —.

Кромѣ этихъ основъ на зубной звукъ есть еще много другихъ гласныхъ основъ этого разряда, распространенныхъ подобно глаголамъ перваго разряда звукомъ δ , происшедшимъ изъ j благодаря дентализаціи этой послѣдней. У нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились параллельныя формы на: $\alpha\omega$, $\epsilon\omega$, $\omicron\omega$,— $\alpha\zeta\omega$, $\zeta\omega$, которыя доказываютъ, что первоначальный придыхательный звукъ j долженъ былъ или исчезнуть или пережиться то въ ι , то въ δj — ζ .

У тѣхъ же основъ, въ которыхъ не сохранились подобныя параллельныя формы, можно предполагать, что первоначальныя формы на $\alpha j\omega$, $\epsilon j\omega$,— $\omicron j\omega$, $\iota j\omega$, $\upsilon j\omega$, измѣнившись черезъ дентализацію j въ $\alpha\delta j\omega$, $\epsilon\delta j\omega$, $\omicron\delta j\omega$, $\iota\delta j\omega$, $\upsilon\delta j\omega$, вышли изъ употребленія прежде, чѣмъ группа δj успѣла пережиться въ ζ и остались въ употребленіи только формы безъ j : $\alpha\omega$, $\epsilon\omega$, $\omicron\omega$, $\iota\omega$, $\upsilon\omega$. Въ первомъ и во второмъ случаѣ языкъ производитъ теми видами однократнаго и оконченаго уже не отъ гласныхъ основъ, а отъ основъ распространенныхъ происшедшимъ изъ j звукомъ δ .

9) $\acute{\alpha}\alpha\omega$: отъ корня $\nu\alpha$;

въ санскр. $\nu\alpha$ въ $\nu\alpha$ — $j\acute{\alpha}m\iota$ —ткать, сплетать;

въ лат. $\nu\acute{i}$ въ $\nu\acute{i}$ — $\epsilon\gamma\epsilon$ —плестъ, $\nu\acute{i}$ — $\mu\epsilon\pi$ —прутъ, $\nu\acute{i}$ — $\tau\acute{i}a$ новязка, $\nu\acute{i}$ — $\tau\acute{i}m$ —занутапность, порокъ;

въ слав. $\nu\acute{i}$ въ $\nu\acute{i}$ — $\tau\acute{i}$; $\nu\acute{i}$ въ $\nu\acute{i}$ — $\tau\acute{i}\eta\eta$;

въ греч. $\nu\alpha$ ($\nu\acute{o}$)— $\tau\eta$ —занутапность, обольщеніе, погибель.

Тема неок. вида $*\nu\alpha\nu\alpha j\omicron$ — $\acute{\alpha}\alpha\omicron$ — или $*\acute{\alpha}\alpha\delta j\omicron$ —, тема однократнаго вида $*\acute{\alpha}\alpha\delta\omicron\alpha$ — $*\acute{\alpha}\alpha\omicron\omicron\alpha$ — $\acute{\alpha}\alpha\omicron\alpha$ —.

10) $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$; съ паралл. формами $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ (позд.) $\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\iota$; отъ основы $\acute{\alpha}\gamma\alpha$ —, находящейся въ сущ. $\acute{\alpha}\gamma\eta$ —удивленіе.

Тема неок. вида $*\acute{\alpha}\gamma\alpha j\omicron$ —или $\acute{\alpha}\gamma\alpha\omicron$ — или $\acute{\alpha}\gamma\alpha\omicron$ — или ($*\acute{\alpha}\gamma\alpha\delta j\omicron$ —) $\acute{\alpha}\gamma\alpha\zeta\omicron$ —; тема однократнаго вида $*\acute{\alpha}\gamma\alpha\delta\omicron\alpha$ — $\acute{\alpha}\gamma\alpha\delta\omicron\alpha$ — $\acute{\alpha}\gamma\alpha\omicron\alpha$ —; δ въ видѣ σ япляется въ $\eta\gamma\acute{\alpha}\sigma$ — $\theta\eta\nu$.

11) $\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\omega$, отъ корня $\nu\alpha\gamma$ — $\nu\alpha\iota$,

въ санскр. $\nu\alpha\gamma$ — $\nu\alpha\iota$ въ $\nu\alpha\gamma$ — $\nu\alpha\varsigma$ —округъ, $\nu\alpha\iota$ — $\nu\alpha\varsigma$ —округъ;

въ лат. $\nu\acute{o}l$ въ $\nu\acute{o}l$ — $\nu\acute{o}$; $\nu\acute{o}l$ — $\nu\acute{u}m\epsilon\pi$;

въ слав. $\nu\alpha\lambda$ въ $\nu\alpha\lambda$ — $\nu\tau\acute{i}$, $\nu\lambda\acute{z}$ — $\nu\alpha$ (изъ $\nu\lambda\alpha$ — $\nu\alpha$, $\nu\alpha\lambda$ — $\nu\alpha$);

въ гот. $\nu\alpha l$ въ $\nu\alpha l$ — $\nu j\alpha n$, нѣм. $w\ddot{a}l$ — $z\epsilon n$.

въ греч. $\nu\alpha\lambda$ въ $\nu\acute{o}\gamma$ $\acute{\epsilon}\nu\acute{\alpha}\lambda$ — $\eta\nu$ отъ глагола $\acute{\epsilon}\lambda\omega$ ит. $\nu\alpha\lambda$ — $\acute{\iota}\omega$.

Отъ основы $\text{F}\alpha\lambda\alpha = \alpha\lambda\epsilon$ -, образовавшейся отъ корня $\text{F}\alpha\lambda$ черезъ суф. $\alpha = \epsilon$, будетъ тема неоконч. вида $*\alpha\lambda\epsilon\text{jo-} = \alpha\lambda\epsilon\text{o-}$ или $*\alpha\lambda\epsilon\delta\text{jo-}$, тема однокр. вида $*\alpha\lambda\epsilon\delta\alpha\alpha = \alpha\lambda\epsilon\sigma\alpha\alpha = \alpha\lambda\epsilon\sigma\alpha$; δ въ видѣ σ встрѣч. въ $\alpha\lambda\eta\lambda\epsilon\sigma + \mu\alpha\iota$.

12) $\alpha\nu\acute{o}\omega$; съ парал. формой $\alpha\nu\acute{o}\tau\omega$; отъ корня $\alpha\eta$, употребляемаго какъ указательное мѣстоименіе, какъ предлогъ $\kappa\alpha\iota$ и какъ отрицательная частица. Въ значеніи мѣстоименія $\alpha\eta$ встрѣчается въ распространенномъ видѣ $\alpha\eta\alpha$, въ слав. въ онѣ, въ литовскомъ $\alpha\eta\alpha\alpha$ онѣ, какъ предлогъ въ греч. $\alpha\nu\acute{\alpha}$ вверхъ, $\alpha\nu\omega$ на верху, въ слав. -на, въ лат. in и какъ отрицательная частица въ греч. $\alpha\nu\acute{\alpha}$ въ $\alpha\nu\acute{\alpha} = \epsilon\delta\nu\acute{o}\varsigma$ не получившая подарка, въ лат. in ; $\alpha\eta\alpha$ можно считать номинальной основой, образовавшейся черезъ суф. α отъ корня $\alpha\eta$ и формы $\alpha\eta\alpha\alpha$, $\alpha\nu\acute{\alpha}$, $\alpha\nu\omega$, онѣ производящимися отъ нея падежами.

Отъ корня $\alpha\eta$ можно произвести еще другую основу $\alpha\eta\eta$ черезъ суф. η , которая встрѣчается въ сапскр. предлогѣ $\alpha\eta + \iota\omega$ —послѣ, а первоначально имѣвъ, къ концу.

Тема неоконч. вида $*\alpha\nu\acute{o}\text{jo-}$ —или $\alpha\nu\omega\text{o-}$ или $\alpha\nu\omega\delta\text{jo-}$, тема однокр. $*\alpha\nu\omega\delta\alpha = \alpha\nu\omega\sigma\alpha\alpha = \alpha\nu\omega\sigma\alpha$. Парал. форма $\alpha\nu\acute{o}\tau\omega$ произведена отъ основы $\alpha\nu\omega$ - и суф. $\tau\omega$.

13) $\alpha\rho\acute{o}\omega$; отъ корня $\alpha\gamma$, соответствующаго латинскому $\alpha\gamma$ въ $\alpha\gamma\alpha + \tau\epsilon$, слав. ора въ $\text{ора} + \text{ти}$. Тема неоконченнаго вида $*\alpha\rho\acute{o}\text{jo-} = \alpha\rho\omega\text{o-}$ или $*\alpha\rho\omega\delta\text{jo-}$, тема однократнаго вида $*\alpha\rho\omega\delta\alpha = \alpha\rho\omega\sigma\alpha\alpha = \alpha\rho\omega\sigma\alpha$.

14) $\gamma\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$; отъ корня $\gamma\alpha\nu$;

въ лат. gau въ $\text{gau} + \text{dico}$, $\text{gau} + \text{dium}$;

въ греч. $\gamma\alpha\text{F} = \gamma\alpha\omega$ въ $\gamma\alpha\omega + \rho\acute{o}\varsigma$ —гордый, $\gamma\alpha + \iota\omega$ изъ $\gamma\alpha\eta + \iota\omega$ —радуясь.

Отъ этого корня черезъ суф. ω образуется основа $\gamma\alpha(k')\nu\omega$ -, отъ которой происходитъ глаголѣ втораго спряженія $\gamma\acute{\alpha}\nu\omega + \mu\alpha\iota$. Основа же $\gamma\alpha\nu\omega\delta$, встрѣчающаяся въ темѣ однократнаго вида $\gamma\alpha\nu\omega\sigma\alpha\alpha = \gamma\alpha\nu\omega\sigma\alpha$ въ видѣ $\gamma\alpha\nu\omega\sigma$ -, обуславливается вышедшей изъ употребленія темой неоконченнаго вида $*\gamma\alpha\nu\omega\text{jo-} = \gamma\alpha\nu\omega\delta\text{jo-}$.

15) $\gamma\alpha\mu\acute{\epsilon}\omega$; отъ основы $\gamma\alpha\mu\epsilon$ - изъ $\gamma\alpha\mu\omega$ -, находящейся въ существ. $\acute{o} \gamma\alpha\mu\acute{o}\varsigma$. Тема неоконченнаго вида $*\gamma\alpha\mu\epsilon\text{jo-} = \gamma\alpha\mu\epsilon\text{o-}$ или $*\gamma\alpha\mu\epsilon\delta\text{jo-}$, тема однократнаго вида $*\gamma\alpha\mu\epsilon\delta\alpha = \gamma\alpha\mu\epsilon\sigma\alpha\alpha = \gamma\alpha\mu\epsilon\sigma\alpha$.

16) $\gamma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$; съ параллельной формой $\gamma\epsilon\lambda\acute{o}\omega$ и встрѣчающейся только у грамматиковъ $\gamma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$; отъ основы $\gamma\epsilon\lambda\omega$ - изъ $\gamma\epsilon\lambda\alpha$ - въ $\acute{o} \gamma\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$ смѣхъ. Тема неоконченнаго вида $*\gamma\epsilon\lambda\alpha\text{jo-}$ —или $\gamma\epsilon\lambda\alpha\text{o-}$ —или ($\gamma\epsilon\lambda\alpha\iota\text{o-}$) = $\gamma\epsilon\lambda\omega\iota\text{o-}$ или ($*\gamma\epsilon\lambda\alpha\delta\text{jo-}$) = $\gamma\epsilon\lambda\alpha\zeta\omega$ -, тема однократнаго вида $*\gamma\epsilon\lambda\alpha\delta\alpha =$

γελασα—γελασα-; δ въ видѣ о встрѣчается въ ἐγέλᾱσ+θην, γελασ+τός, τὸ γέλᾱσ+μα—смѣхъ.

17) δαίωμα; отъ корня да; съ параллельной формой даτέω;

въ санскр. dā въ dadā+mi;

въ лат. da въ da+re;

въ слав. да въ да+ти

въ греч. да=до въ δίδω+μι.

Тема неоконченнаго вида *δαјо=—δαю- или *δαδјо-, тема однократнаго вида *δαδσα=—δασσα=—δασα-; δ въ видѣ о въ δέδᾱσ+μαι, ἐδάσ+θην. Въ глаголѣ даτέομαι изъ *δατјоμαι=—*δατιομαι корень да расширился черезъ τ въ дат, отъ чего тоже можетъ происходить даσσα=—даσα-.

18) δάμνημι; съ параллельными формами δαμνάω, δαμάζω и δαμάω, которая имѣетъ значеніе будущаго отъ корня дам;

въ санскр. dam въ dam+ajāmi, dam+jāmi—укрощаю;

въ лат. dom въ dom+are—укрощать;

въ греч. дам, отъ котораго образуется основа дама- черезъ суф. α, основа дамна- черезъ суф. να. Тема неоконченнаго вида отъ основы дама- будетъ *дамајо=—дамаю- или (*дамаδјо=) даμαζο-, тема однократнаго вида *дамаδσα=—дамаσσα=—дамаσα-.

19) δοῦσατο; отъ ном. основы доа- изъ διῆα=лат. die-въ die+is, сохранившійся въ доа+ν у Алкиана (Курц. Gr.⁴ 558), употребляемомъ какъ нарѣчіе: по крайней мѣрѣ, слѣдовательно. Предполагаемая тема неоконченнаго вида *доајо=—*доаδјо-, тема однократнаго вида *доаδσα=—доаσσα-.

20) ἐλαύνω; съ параллельной формой ἐλάω; отъ корня ел;

въ слав. ела въ ела+єнѣ;

въ греч. ἐλ въ ἐλ+λός изъ ἐλ+νός и ἐλ+αφος—оленъ; отъ этого корня черезъ суф. α происходитъ основа ἐла-, отъ которой тема неоконченнаго вида *ἐлајо=—ἐлаю- или *ἐлаδјо-; ἐλαδ- находится въ формѣ ἐλ-ηλέδ+ατ' въ видѣ ἐλεδ-; тема однократнаго вида *ἐλτδσα=—ἐλασσα=—ἐλασα-. Параллельная форма ἐλαύνω происходитъ отъ основы ἐла- и суф. νυο *ἐλα+νυο=—ἐλαυно-.

21) ἔραμαι; параллельная форма ἐράω, отъ основы ἐра=—ἐро- въ ὁ ἔρος—желаніе, любовь.

Тема неоконченнаго вида *ἐрајо=—или ἐраю- или *ἐраδјо-, тема однократнаго вида *ἐраδσα=—ἐраσσα=—ἐраσα-, δ въ видѣ о илется въ

ἐράσ+θην, ἐρασ+τός, въ видѣ ν въ ἐρανός нвъ ἐрад+νος=ἐρασνος—приятный ¹⁾).

22) ἐρώω; съ параллельной формой ἐρόω, отъ корня var защита;

въ санскр. var въ var+utag защитникъ;

въ греч. Ἐρ=ἐρ=ἐр въ ἐρ+μα защита, ἐр+ωма защита. Корень ἐр распространяется черезъ суф. ο въ ἐру- въ параллельной формѣ ἐρο+μ, ἐρό+σται, у Гесіода ἐρό+μηναι. Отъ основы ἐру будетъ тема неоконченнаго вида *ἐροjo=или ἐροο- или *ἐродjo-, тема однократнаго вида *ἐροδοα=ἐροοαα=ἐροαα-; δ въ видѣ ο встрѣчается въ ἐροο+τός обнаженный.

23) ἐμέω; отъ корня vem;

въ санскр. vaim въ vam+amī—извергаю;

въ лат. въ vom въ vom+o—извергаю;

въ греч. Ἔμ въ ἐμ+ετος, ἐμ+εος—рвота, черксы присоед. суф. α образуется основа ἐμα=ἐμε-, отъ которой тема неоконченнаго вида *ἐмеjo=ἐμεο- или *ἐмедjo-, тема однократнаго вида *ἐμεδοα=ἐμεοαα=ἐμεαα-.

24) θλάω; отъ корня tag=tal;

въ санскр. tag=tal въ tag+unag, tal+unag — юношескій;

въ лат. ter=tro=tri въ ter+ere—тереть, ter+es—пѣжный, tri+ticum—пшеница;

въ слав. тер=тре въ трѣ+ти;

въ греч. θαλ=θα=θλι въ θλίβω—давить, тар=тра=три въ τρί+βω, тар въ τέρ+ην пѣжный, тро въ τι-τρό+οκω—раню.

Отъ корня θα тема неоконченнаго вида *θлаjo=θлаο- или *θладjo-, тема однократнаго вида *θладоα=θлаοαα=θлаαα-; δ въ видѣ ο въ τέθλαο+μαι, ἐθλάο+θην.

25) ἰλάσχομαι, съ параллельными формами ἰλῆμι, ἰλήχω; отъ корня hil;

въ лат. hil въ hil+aris—ясный, веселый,

въ греч. ἰλ въ ἰλα+ρός—ясный, веселый.

Черезъ суф. α образуется основа ἰла-, отъ которой происходитъ тема неоконченнаго вида *ἰлаjo=или ἰлаο=*ἰладjo-, тема однократнаго вида *ἰладоα=ἰлаοαα=ἰлаαα-, δ въ видѣ ο въ ἰλάο+θην.

¹⁾ Хотя Fick Vergl. Wörth. 941 и съ нимъ Курциусъ Verbum II, 368, 5 тому ἐρασ- производятъ отъ корня га съ протет. ē—ἐρα, распространяемаго черезъ ο—ἐρεο-, санскр. las изъ *гал.

26) καλέω; съ параллельной формой—καλίζω, отъ корня kal=kuł; въ лат. cal=clu въ cal+are—звать, именн+clat+or—рабъ сообщающій своему господину имена встрѣчающихся съ нимъ; cal+endae;

въ греч. καλ=κλα въ κλή+της—nomenclator;

въ слав. кол въ кол+околъ, кол+ѡда, клн въ клн+ѡати, клн+ѡхъ, крн;

въ русск. крн+тъ.

Черезъ суф. α получается основа καλα=καλε=καλι-, отъ которой тема неоконченнаго вида *καλεjo=καλεο- или (*καλεδjo=*καλεζο-)=καλιζο-, тема однократнаго вида *καλεδσα=καλεσσα=καλεσα-.

27) καπύω; отъ корня kvar;

въ санскр. kar въ kar+is—ладонь;

въ лат. var въ var+or изъ svar+or—дымъ;

въ слав. кон въ кон+ръ;

въ русск. кон+титъ;

въ чешск. kort—сажа;

въ греч. kap въ kap=νός—дымъ.

Отъ этого корня образуется черезъ суф. ο основа kapυ-, находящаяся въ выдуманномъ грамматиками словѣ kapυ+ς—духъ, отъ которой тема неоконченнаго вида *kapυjo=или kapυο- или *kapυδjo-; тема однократнаго вида *kapυδσα=kapυσσα-.

28) κλάω; отъ корня kal;

въ слав. клл въ клл+ти—колотъ;

въ греч. отъ κλα, тема неоконченнаго вида *κλαjo=или κλαο- или *κλαδjo-, тема однократнаго вида *κλαδσα=κλασσα=κλασα-; δ въ видѣ σ находится въ ἐκλασ+θην, κέκλασ+μαι.

29) λούω съ параллельной формой λοίεω, отъ корня lu;

въ лат. lu въ li—lu+o—разливать, poi+lu+o—заплатить, lu+tor—рабъ, который омывалъ;

въ греч. lu въ τὸ λῦ+μα—питно, съ подъемомъ—λοῦ въ τὸ λου+τρόν или λου+τρόν изъ *λοῦ+ετρον—купанье. Отъ усиленнаго корня λοῦ образуется черезъ суф. α=ε основа λοῦ'ε- изъ *λοῦ'α-, встрѣчающаяся въ упомянутомъ λο(ῦ')ε+τρόν, отъ которой тема неоконченнаго вида будетъ *λο(ῦ')εjo=или λο(ῦ')εο- или *λο(ῦ')εδjo-, тема однократнаго вида *λο(ῦ')εδσα=λοεσσα=ловеσα-.

30) μαίωμα; отъ корня ma,

въ санскр. ma въ ma+tin—благословѣіе, мысль, цѣль,

въ греч. μα въ ἡ μῆ-|τις—разумъ, πολὺ-μη-|τις—умный; тема неоконченного вида *μαjo—или маю- или *μαδjo-, тема однократного вида *μαδσα—=μασα—=μασα-; δ въ видѣ σ является въ μασ-|τέω—нищу, стремлюсь, μασ-|τεύς, μασ-|τήρ—исследователь.

31) μάχομαι, съ параллельными формами μαχείομαι и μαχέομαι, отъ основы μαχε—=μαχα- въ ἡ μάχη. Тема неоконченного вида *μαχεjo—=*μαχειо- или μαχεо- или *μαχεδjo-, тема однократного вида *μαχεδσα—=*μαχεσσα—=μαχεσα-.

32) μόω, съ параллельною формою μόζω, отъ корня пи, выражающаго звукъ, исходящій изъ сжатыхъ губъ;

въ санскр. пи въ mu-|kas—пѣмой;

въ лат. пи въ mu-|tus—пѣмой;

въ греч. отъ корня μω тема неоконченного вида *μωjo—или μωо- или (*μωδjo—) μωζо-, тема однократного вида *μωδσα—=*μωσσα—=μωσα-.

Отъ темы μωζо- происходитъ глаголъ μόζω—издавать звукъ, стонать, отъ темы же μωо- глаголъ μόω—сжимаю ротъ (чѣмъ обуславливается значеніе глагола μόζω) и потомъ тоже—закрываю глаза. У Гомера безлично въ непереходящемъ значеніи сжимается, закрывается.

33) ξέω; съ параллельной формой ξύω, отъ корня kxi ¹⁾;

въ санскр. kxi въ kxi-|ta—наточенный, острый,

въ греч. ξο въ ξό-|ω, усил. ξω=ξεξ'. Отъ усиленного корня образуется тема неоконченного вида *ξε(ξ')jo—или ξео- или *ξεδjo-, тема однократного вида *ξεδσα—=ξεσσα-.

34) περάω; отъ основы пера-, находящейся въ сущ. ἡ πέρα—копеецъ, въ нарѣчіяхъ πέρα, πέραν—на той сторонѣ.

Тема неоконченного вида *пераjo—или перао- или *пераδjo-, тема однократного вида *пераδσα—=пераσσα—=пераσα-.

35) πτώω; отъ корня sprju;

въ санскр. śtīv въ śtīv-|amī;

въ лат. spri въ spri-|o;

въ слав. п-л-ю въ п-л-ю+ю;

въ греч. πτω вместо πju, отъ котораго образуется тема неоконченного вида *птоjo—или πτωо- или *птоδjo-; тема однократного вида *птоδσα—=πτωσσα—=πτωσα-.

36) σπάω; отъ корня spa, распространяющагося въ span;

¹⁾ Fick, Vergl. Wörth. d. indg. Spr. 54.

въ гот. *srap* въ *srip+nan*, нѣм. *srip+nen*,

въ лат. *rep* въ *rep+uria*—голодь,

въ слав. *пѣ* въ *пѣ+ти*;

въ греч. *кан* въ *κάν+ης* — бѣдный, *κόν+ος* — трудъ и *ока* въ *ῥοκάν+ις*—недостатокъ. Отъ простаго корня *ока* тема неоконченнаго вида **окајо*—или *окао*- или **окађо*-, тема однократнаго вида **окађо-са*—*окаосоа*-; *окаоса*-, ъ въ видѣ *о* встрѣчается въ *ἐοκάσ+θην*, *ἐοкаσ+μαι*, *τὸ οκάσ+μα*—судорбѣа.

37) *танѡм*; съ парал. формой *тѣном*, отъ корня *та*, распространяющагося въ *тан*;

въ санскр. *tan* въ *tan + ōmi* — растягивать, *tan + us* — тонкій, нѣжнѣй;

въ лат. *ten* въ *ten+do*—тянуть, *ten+eo*—держу, то-есть влеку, за собою;

въ слав. *тѣ* въ *тѣ+тнѣа* и *тъи* въ *тъи+ѣкѣ*; въ греч. *тен* въ *τείνω* изъ *тен + ω* и простой корень *та* въ *τά + σς* — растяженіе, *τό+νος*—напряженіе. Отъ корня *та* черезъ суф. *vo* образуется основа *танv-*, отъ которой производится глаголѣ 2-го спряженія *тѣном* и посредствомъ суф. *ја* тема неоконч. вида **танvојо*—или *танvоо*- или **танvођо*-;

тема однократнаго вида **танvођоа*—*танvосоа*- = *танvоа*-. ъ въ видѣ *о* встрѣчается въ *ἐτανvόσ+θην*, *τετάνvος+μαι*.

Во всѣхъ остальныхъ глаголахъ втораго разряда встрѣчаются корни и основы съ характернымъ *о*, который съ *о* примѣтъ *оа* и *оо* составляетъ группу *оа*. Сюда принадлежатъ слѣдующіе аористы:

38) *ἀίśσαι*; отъ корня *vas* обывать; въ санскр. *vas* въ *vas+amī* обывать, жить, *vas+tu* мѣсто, домъ;

въ греч. *҃҃ас* въ (*҃҃ас + то*) городъ. Въ данномъ случаѣ корень распространяется черезъ прот. *а* ¹⁾. Тема однократн. вида **аі҃со+оа*—**аі҃осоа*—*аі҃соа*-.

39) *ὀδvоσσvθαι*, отъ корня *dvīs*;

въ санскр. *dvīś* въ *dvēś + mi* — ненавижу,

въ греч. *ὀ-δος* изъ *dvīs* съ протетическимъ *о* и измѣненіемъ *vī* въ греч. *υ*, какъ изъ **каі҃҃ς*—*каѡс* (на вазахъ), изъ **҃҃раі҃҃ς*—*҃҃рѣс*==*҃҃раѡс*; тема однократнаго вида *ѡдоо*—*оа*—*ѡдооа*—*ѡдооа*-.

40) *ταλάσσαι*, отъ основы *талао*-, судя по лат. *toler+are* изъ *toler+are*; тема однокр. вида **талао+оа*—*талаосоа*-.

¹⁾ Курциусъ. Verbum II, 367. А, а, 1.

И кромѣ глагола:

41) ἀρεσκω; основа ἀρεσ-, сохранившихся въ сущ. τό ἄρος — выгода, въ прилагат. ἐρι-+ηρής — преданный, очень пріятный; въ зват. падежѣ "Арес собственнаго имени" Ἀρης, собственно прилагательнаго хорошій, храбрый, отъ котораго сравнит. стел. ἀρείων изъ *ἀρεσ-+jων. Тема неоконч. вида образуется отъ основы ἀρε-, встрѣчающейся въ сущ. ἡ ἀρε-τή, черезъ суф. σκω-—ἀρεσχω-, тема же однокр. вида отъ основы ἀρεσ-—ἀρεσσα-—ἀρεσα-. σ является еще въ ἡρεσ-+μαι, ἡρεσ-+θην,

еще основы слѣдующихъ 12 глаголовъ, оканчивающихся на σ, которая какъ у такихъ же глаголовъ перваго разряда въ темѣ неоконченнаго вида передъ суффиксомъ ja выпадаетъ. Различіе между этими глаголами состоитъ только въ томъ, что въ глаголахъ перваго разряда j черезъ дентализацію измѣняется въ dj=ζ, у этихъ же глаголовъ j или переходитъ въ i или совсѣмъ выпадаетъ. Въ темѣ одновратнаго вида является опять основная σ.:

42) αἰδέομαι, отъ основы αἰδес- изъ αἰδοσ- въ сущ. ἡ αἰδώς стыдъ; тема неоконч. вида *αἰδεσjo- = *αἰδεjo- = *αἰδειο- = αἰδес-; тема однокр. вида *αἰδес-+σ- = αἰδεσσα- = αἰδеса-; σ является еще въ ῥιδес-+μαι, ῥιδес-+θην.

43) ἀχέομαι съ нарал. форм. ἀχείομαι отъ основы ἀχεσ- въ сущ. τό ἄχος — скорбь; тема неоконч. вида *ἀχεсjo- = *ἀχсjo- = ἀχειο- = ἀχεо-, тема однокр. вида *ἀχεс-+σ- = ἀхесса- = ἀхеса-.

44) ἀχθέω, отъ основы ἀχθдес-, въ прилагат. ἀχθής — беззаботный, происходящемъ отъ τό χθдес — печаль, забота; тема неоконч. вида *ἀχθдесjo- = *ἀχθдесjo- = *ἀχθдеио, ἀχθдес-, тема однокр. вида *ἀχθдес-+σ- = ἀχθдесса- = ἀχθдеса-.

45) ἀρχέω, отъ основы ἀρχес-, сохранившейся въ τό ἄρκος — у Лкэ и Гесихіа — защита, въ прилагательныхъ: αὐτ-+αρχής самодовольный, под-+αρχής — быстроногий. Тема неоконч. вида ἀρχесjo- = ἀρχеjo- = *ἀρχеио- = ἀρχес-, тема однокр. вида *ἀρχес-+σ- = ἀρχесса- = ἀρχеса-.

46) хотέομαι, отъ основы хотес-, которая нигдѣ не встрѣчается, но предполагается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ гомеровскомъ прилагательномъ хотής 2) part. perf. κακότης и 3) прилагат. κτεινός¹⁾.

1) Прилагательный на ης производится отъ основъ на α (α, ο, ε) или as (es) при помощи суф. Fενт (санскр. vant.); такъ τελής изъ *τελεσ-+Fενт-ς отъ основы телес- въ τό τέλος; φοινής изъ *φοινο-+Fενт-

¹⁾ Descent, Studien, II, 2 98, 6.

отъ основы *ραινο-* въ *φαινός*— окровавленный; *πετρήεις* изъ *πετρα* + *Γεντ-ς* отъ основы *πετρα-* въ *ἡ πέτρα*—скала.

Изъ этого видно, что *κοτῆεις* можно отнести или къ основѣ *хотес-* или хота (*ε, ο*). Въ существ. *ὁ κότος*—гнѣвъ, встрѣчается основа *хото-*.

2) Part. perf. на *ηός* образуются, или отъ корней на *α*, какъ отъ корня: *κμα, κτα, θνα* — *κακμητός, πεκκτητός, ταθνητός*,—или отъ глаголовъ производныхъ отъ основъ на *αз* (*εα*) при помощи суф. *ja*, напримѣръ: *βαβαρητός* отъ основы *βαρεα-* въ *τὸ βάρος* — тяжесть (срав. *οἰνοβαρεῖα* изъ **οἰνοβαρεα* + *ja*), *καχορητός* отъ основы *хорес-* въ *χορέννυμι* изъ **хорес* + *νυμι*. По этому второму пункту *καχοτηός* можно отнести только къ основѣ *хотес-*, а не къ хота-, ибо отъ этой послѣдней было бы причастіе перфект. *καχοτηός*, какъ отъ *ποιέω* — *πεποιτηός*, такъ какъ она образовалась отъ корня *хот* черезъ суф. *α*.

3) Прилагательныя на *-εῖος* образуются отъ основъ на *αз* (*εα*) черезъ суф. *vo*, такъ напримѣръ *ὄρειος* происходитъ изъ **ὄρεανος* = *ὄρευνός* (дорич.) отъ основы *ореа-* въ *τὸ ὄρος*, *φαινός* отъ **φαιανός* = *φαιννός* отъ основы *фая-* въ *τὸ φάος*, *οκτεινός* изъ **οκτεανός* = *οκτευνός* отъ основы *октес-* въ *τὸ οκτός*.

Имѣя въ виду и прилагат. *κοτῆεις*, которое допускаетъ основу *хотес-*, и кромѣ того прич. перфект. *καχοτηός* и прилагат. *хотеῖνος*, въ которыхъ предполагается та же самая основа *хотес-*, мы можемъ утвердительно сказать, что рядомъ съ существ. *ὁ κότος*, производящимся отъ основы *хото-*, существовало и существительное того же значенія *τὸ κότος* — пеня, гнѣвъ съ основной *хотес-*, тѣмъ болѣе, что встрѣчается аналогія въ словахъ *ὁ οκτός* и *τὸ οκτός* — тѣмнота. Отъ основы *хотес-*—тема неоконч. будетъ **хотесja*—**хотеja*—**хотею*—*хотес-*, а тема однократнаго вида **хотес+α*—*хотесаα*.

47) *куśа*; кор. *kus*,

въ санскр. *kus* (*kuś*) въ неоподтвержденномъ *kus+jaṃi*—обнимать;

въ др.-нѣм. *kus* въ *kus+ja—ju*, нѣм. *küssen* цѣлю;

въ греч. *куς*; отъ него тема несовершеннаго вида **ку(σ)+веο*—*кувеο*; тема однокр. вида **куς+α*—*куссаα*—*кусса*.

48) *ваіω*; кор. *nas*,

въ санскр. *nas* въ *nas+ō*—быть съ кѣмъ-нибудь, *nas*—*nas+ō*—прихожу къ кому-нибудь,

въ греч. *να*—въ *νασσομαι* изъ **να+jomai* идти,

vos въ *vos+tos*—возвращеніе и *vas*, отъ котораго тема неоконч. вида **ва(σ)jo*—**ваjo*—*ваю*, а тема однокр. вида **vas+α*—*вассаα*—является еще въ *ἐνάς+θην*, *μετα*—*vas+της*—переселенецъ.

49) *veixéō*, съ паралл. формой *veixaiō* отъ основы *veixeo-* въ тѣ *veixos*—ссора; тема неоконч. вида **veixasjo*—**veixajo*—*veixaiō*—*veixeo-*, тема однокр. вида **veixes + sa*—*veixessa*—*veixesa-*.

50) *ζέω*; отъ корня *jas*,

въ санскр. *jas* въ *rga*—*jas + tas* *ὑπερζέων* въ греч. *ζεο* отъ него тема неоконч. вида **ζε(ο)jo*—**ζεjo*—*ζεο-*; тема однокр. вида **ζεα + sa*—*ζεσα-*; *σ* является въ *ἔζεο + μα*,

ζεα + τός, тѣ *ζεα + μα*.

51) *ποθεώ*, отъ основы *ποθεο-*, встрѣчающейся въ прилагат. *ποθεινός*, какъ выше было доказано; тема неоконч. вида **ποθεajo*—**ποθεjo*—**ποθειο*—*ποθεο-*, тема однокр. вида **ποθεα + sa*—*ποθεσα-*—*ποθεα-*.

52) *στερέω*, отъ основы *στεreo-*, сохранившейся въ *ἀργυρο-|στερίκ*—тотъ, который крадетъ золото, тема неоконч. вида **στεреajo*—**στεреjo*—**στερειο*—*στεreo-*, тема однокр. вида **στερεα + sa*—**στερεσα-*—*στερεα-*.

53) *τέλειω*, съ паралл. *τελεάω*, отъ основы *τελεο-* въ тѣ *τέλος*—конецъ; тема неоконч. вида **τελεajo*—**τελεjo*—*τελεο-*; тема однокр. вида **τελεα + sa*—*τελεσα-*—*τελεα-*. *σ* встрѣчается еще въ *ἐτελέσ + θην*, *τετέλεσ + μα*.

54) *τρέω*, отъ корня *tras*;

въ санскр. *tras* въ *tras + ami*, *tras + jami*—дрожу, трясусь,

въ слав. *трас* въ *с-трах + ѣ* нят. **с-трас + ѣ*, *трас + ѣ*,

въ лат. *ters* (изъ *tres*)—*terg* въ *terg + eo* изъ **ters + eo*;

въ греч. *τροε*; отъ него тема неоконч. вида **τροεajo*—**τροεjo*—**τροειο*—*τροεο-*, тема однокр. вида **τροεα + sa*—*τροεσα-*—*τροεα-*.

Къ нимъ принадлежатъ еще глаголы:

55) *ἀφύσσω* отъ корня *phus*;

въ лат. *hūs* усил. *haus* въ *haus + iō* изъ *haus + iō*—черпать¹⁾;

въ греч. *φω* съ протетическимъ *α*. Послѣ выпаденія *σ* передъ *суф. ja*, звукъ *j* подвергается тѣмъ измѣненіямъ, о которыхъ было упомянуто при глаголѣ *ἀρπάζω*. Поэтому мы имѣемъ двѣ глагольные основы: *ἀφυ-* и *ἀφυδ-*, изъ которыхъ отъ первой происходитъ тема неоконч. вида: **ἀφυjo*—*ἀφυο-* и одна тема однократнаго вида *ἀφυσα*—*ἀφυα-*; другой же **ἀφυδса*—*ἀφυδса-*—*ἀφυα-* отъ основы *ἀφυδ-*.

Остается разсмотрѣть еще 11 глаголовъ втораго спряженія на *μ*; изъ нихъ у двухъ корень оканчивается на *σ*.

¹⁾ Leo Meyer, Vergl. Gram. I. 2, 59,

59) ἔννυμι, отъ корня vas;

въ санскр. vas въ vas+tram—одежда;

въ греч. ἐς въ ἐσ+θης—одежда; тема неок. вида *ἐσ+ву=έννο-, тема однокр. вида *ἐσ+σα=ἐσσα-, ἐσα-.

57) σβέννυμι; отъ корня svas¹⁾;

въ лат. vcs въ vcs+tis—одежда;

въ санскр. śvas въ śvas+ipi—дышать;

въ греч. σβεσ изъ σβες въ σβεσ+τήριος—потушающій; тема неоконч. вида *σβεσ+ву=σβενну-; тема однокр. вида *σβεσ+σα=σβεσσα=σβεσα-. У трехъ другихъ образовалась глагольная основа отъ корня черезъ суф. as (es).

58) хорέννυμι (praesens и imperfect. у Гомера не встрѣчаются), отъ осн. хорес-, встрѣчающейся въ прилагат. διαχορής—совершенно снѣтый. Тема неоконч. вида *хорес+ву=хоренну-, тема однокр. вида *хорес+са=хоресса=хореса-.

59) ὀλλομι; отъ основы ὀλεσ-, сохранившейся въ прилагат. ἐξ-ώλης, παν-ώλης—всенстребляющій, образовалась тема однокр. вида ὀλεσ+σα=ὀлесса=ὀлеса-. Тема неоконч. вида происходитъ отъ корня ὀλ черезъ суф. ву, *ὀλ+ву=ὀλλо-.

У прочихъ 7-ми глаголовъ:

60) κεδάννυμι,

61) κεράννυμι,

62) κρεμάννυμι,

63) θυнуμι,

64) πετάννυμι,

65) σκεδάννυμι,

66) στορένнυμι,

— по мнѣнію Дескиена (Studien, II, 110 стр.) глагольные основы образовались по аналогіи первыхъ 4-хъ глаголовъ отъ основъ на суф. as²⁾. Слѣдовательно отъ основъ кедса-, кераса-, кремаса-, ѳмос-, петаса-, скедаса-, стореа- (=отраса- строеса-) образуются темы однократн. вида; кедасса- = кедаса-, керасса- = кераса-, *кремасса- = кремаса-, ѳмossa- = ѳмoса-, петасса- = петаса-, *скедасса- = скедаса-, *стореаса- =

¹⁾ Курциусъ «Grundz» 560.

²⁾ Дескиенъ, Studien, II, 2, 68—124 и въ глаголахъ, отмѣченныхъ въ нашей статьѣ № 9, 10, 11, 12, 13, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, второго разряда, въ глагольныхъ основахъ которыхъ мы находимъ характеръ ѳ, предполагаемъ s. Наше мнѣніе подтверждаетъ Курциусъ въ вышедшей уже послѣ окончанія нашей статьи книгѣ Verbum, II, 371.

отореса-, и темъ неоконч. вида: *хедао + во-, *херао + во-, *хремао + во-, *катао + во-, *ахедао + во-, *оторса + во- (= *отрса + во-) и черезъ ассимиляцию сигмы въ ѵ хедаѵѵо-, хераѵѵо-, хремаѵѵо-, катаѵѵо-, ахедаѵѵо-, оторсаѵѵо- (= отрсаѵѵо-).

Замѣчательно только то, что у Гомера не встрѣчаются еще формы отъ этихъ темъ неоконч. вида, равно какъ и отъ хореѵѵо- и ореѵѵо-, а только формы втораго спряженія отъ другихъ темъ неоконч. вида: охиѵа-, хриѵа-, пиѵа-, оторуѵ- или отрѵѵѵо-, (охиѵημι, хриѵημι, пиѵημι, оторуѵμι или отрѵѵѵμι).

Кромѣ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаются у Гомера еще параллельныя хераіѵ или хераіѵ, хореіѵ и хремоіѵ (оба послѣднія какъ futuḡa), которыя наводятъ насъ на другую мысль, именно, что темъ неоконч. вида глаголовъ, какъ хераіѵ или хераіѵ, хореіѵ и хремоіѵ образовались отъ гласныхъ основъ хера- хоре-, (изъ хера-), хремо- (изъ хрема-), сохранившихся и въ другихъ формахъ, какъ хѣра-|μαι, хѣ-х(ε)ρα-|μαι, хѣра-|θη, а-хорη-|τος, хе-хорη-|μαι, хрема-|μαι, посредствомъ суф. jл — *херајо-, *хорејо-, *хремајо-, изъ чего извѣстнымъ намъ уже образомъ будетъ хераіо- и херао- или *херадјо-, хорео- или *хоредјо-, *хремао- = хремоо- или *хремадјо-. Отъ происшедшихъ такимъ образомъ глагольных основъ херад-, хоред-, хремад- образуются темъ однокр. вида хараѵѵа- = хераѵѵа-, хореѵѵа- = хореѵѵа-, *хремаѵѵа- = хремаѵѵа-. Впослѣдствіи въ эпоху аттическаго нарѣчія образовались отъ этихъ глагольных основъ херад- хоред-, хремад-, превратившихся въ херао-, хорео-, хремао- новыя темъ неоконченнаго вида посредствомъ суф. ѵо: *херао + ѵо, *хорео + ѵо, *хремао + ѵо = хараѵѵо, хореѵѵо, хремаѵѵо-. Это объясненіе, полагаемъ, можно отнести и къ прочимъ глаголамъ, которые Лескіенъ объясняетъ по аналогіи первыхъ 4-хъ отъ основъ на аз. Для катаѵѵоμι по крайней мѣрѣ мы находимъ опору въ латинской формѣ rate + о, происшедшей изъ rate + јо, въ которой является основа rate- изъ rata-, соотвѣтствующая греческой ката; отсюда тема неок. вида *катајо- = *катадјо- и тема однокр. катаѵѵа- = катаѵѵа- изъ катаѵѵа-, которая встрѣчается уже у Гомера, между тѣмъ, какъ тема неок. вида катаѵѵо- изъ катаѵѵо, вошла въ употребленіе со времени Аристофана. И для ахедаѵѵоμι или хедаѵѵоμι находимъ мы тему (а)хеда-, отъ которой можетъ производиться тема неоконч. вида *ахедајо- = ахедадјо-, въ формѣ хедѣται (то-есть хедѣται отъ хедѣομαι изъ *хедајομαι) у Гесиχія, которую онъ объясняетъ словомъ ахедаѵѵοται. Тема однокр. вида *ахедаѵѵа- = ахедаѵѵа- изъ *ахедаѵѵа- или хедаѵѵа- изъ *хедаѵѵа- отъ глагольной основы (а)хедад-, употребляется уже у

Гомера, между тѣмъ, какъ тема несокнч. вида (σ)κεδανυ- является въ первый разъ только у Ксенофонта и могла слѣдовательно образоваться отъ готовой уже глагольной основы (σ)κεδαο- (σ)κεδαδ-, употребляемой у Гомера. Подобное явленіе замѣчается и у нѣкоторыхъ другихъ глаголовъ, не входящихъ въ составъ нашего втораго разряда, но подтверждающихъ наше предположеніе. Такъ позднія формы ῥωνυμι и χωνυμι могли произойти отъ предполагаемыхъ глагольных основъ ῥωδ- χωед-, заключающихся въ формахъ ῥωεσθαι (у Гомера), χῶω (у Геродота и Фукидида), теми несокнченнаго вида которыхъ производятся отъ корней ῥω и χω, усиливающихся въ ῥεω=ρεF=ροF=ῥω(F) и χεω=χεF=χο(F) черезъ суф. ja: *ῥωjo=*ῥωδjo и *χοjo=*χοδjo.

Въ иныхъ опять глаголахъ, какъ напр. δαίωμα, ψάω (обык. ψάω) изъ этихъ болѣе древнихъ формъ перешла въ болѣе позднія какъ δαίνωμα (тоже у Гомера), ψαίνωμα (у Гесихіа), не усиливающія ioty δ, по сама j.

Въ такомъ же отношеніи находятся гомеровск. форма ξέω (кор. ξεο) къ болѣе поздней ξένυμι (изъ *ξεο+νυμι).

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы предполагаемъ, что теми (σ)κεδανυ-, πετανυ-, κερανυ-, κρεμνυ-, κορυνυ-, στορευνυ- образовались отъ глагольных основъ: (σ)κεδαο-, πεταο-, κεραο-, κρεμαο-, κορεο, στορεο, заключающихся въ видѣ (σ)κεδαδ-, πεταδ-, κεραδ-, κρεμαδ-, κορεδ-, στορεδ- въ болѣе древнихъ, отчасти сохранившихся, отчасти предполагаемыхъ формахъ *(σ)κεδαjo= (σ)κεδαο= *(σ)κεδαδjo-, *πεταjo=, *πεταδjo=, = κεραio= κεραο= κεραδjo-, *κρεμαjo= *κρεμαο= κρεμαο= *κρεμαδjo-, *κορεjo= κορεο= κορεδjo-, *στορεjo= στορεδjo- и что глагольные основы ὀλεο- и ὀμοο-, встрѣчающіяся въ темахъ ὀλεσσα= ὀλεσα- и ὀμοσσα= ὀμοσα-, видоизмѣненія формъ ὀλεδ- и ὀμοδ-, заключающихся въ предполагаемыхъ темахъ неок. вида *ὀλεjo-, ὀμοjo= *ὀλεδjo-, ὀμοδjo-.

Вѣроятно и конечная σ выше приведенныхъ глаголовъ ἀέσσι, τάλασσαι, ἀρέσσω, αἰδέομαι, ἀχέομαι, ἀχθέω, ἀρχέω, κότεομαι, νεκέω, ποθέω, στερέω, τελέω, производимыхъ отъ номинальных основъ на αα, которыя сохранились въ существительныхъ и прилагательныхъ, не встрѣчающихся отчасти еще у Гомера, составляетъ только видоизмѣненіе δ, которая, какъ усиливающий элементъ, слышалась передъ j-й суф. ja, сохранившейся у нѣкоторыхъ изъ этихъ глаголовъ въ видѣ ε, какъ въ ἀχέομαι, νεκέω, τελέω.

При перечисленіи глаголовъ обихъ разрядовъ и при изслѣдованіи того звука, который передъ примѣтами аориста и будущаго яв-

дается въ видѣ *с*, мы замѣтили, что у нѣкоторыхъ глаголовъ существуетъ нѣсколько темъ неоконченнаго вида при единственной темѣ вида однократнаго. Разумѣется, что эти темы неок. вида не могли образоваться всѣ въ одно время, а постепенно одна за другой. Такъ встрѣчаются въ качествѣ темъ неоконч. вида чистыя основы безъ суф. рядомъ съ основами распространенными какимъ-нибудь суф., обыкновенно *ја*, *па*, *пи*, *ско*, *ко*: такъ напр. отъ основы *ἀγα-* употребляются формы безъ суф., какъ *ἀγαμαι* и различными видоизмѣненіемъ формъ съ суф. *ја*, какъ *ἀγαίωμα*, *ἀγάσσομαι* и *ἀγάομαι*; отъ основы *ἰλα-* встрѣчаются формы безъ суф. какъ *ἰλῆμι*, рядомъ съ видоизмѣненіемъ формъ съ суф. *ја*, какъ *ἰλάομαι*, формами съ суф. *ско* какъ *ἰλάσσομαι* и съ суф. *хо* какъ *ἰλήχω*; отъ основы *хера-* употребляются формы безъ суф., какъ *хέραμαι* рядомъ съ видоизмѣненіями формъ съ суф. *ја*, какъ *хераίω* и *хераίω* и въ послѣд-гомеровскую эпоху съ суф. *во*, какъ *херάννιμι* и кромѣ того еще съ формами, производящимися отъ корня *хер* = *хир* черезъ суф. *ва* какъ *хίρνυμι*. Нѣтъ сомнѣнія, что формы безъ суф. — самыя древнія, формы же съ суф. — болѣе позднія; изъ суффиксовъ же самый древній — *ја*, потому слѣдуетъ *ва* и *во*, потомъ *ско* и наконецъ *хо*. Къ этимъ различнымъ темамъ неоконч. вида принадлежитъ одна только тема однокр. вида, въ первомъ примѣрѣ *ἀγασσα-* = *ἀγασα-*, въ другомъ *ἰλασσα-* = *ἰλασα-*, въ третьемъ *херасса-*, = *хераса-*, которыя собственно обуславливаются только темами съ суф. *ја*, въ *ј*-тѣ котораго заключается *δ*, заканчивающая глагольную основу и производящая съ *с* примѣтъ *са* и *со* группу *со*.

Въ заключеніе нашего разсужденія считаемъ не лишнимъ замѣтить, что пора уже и въ учебникахъ отказаться отъ устарѣлаго и невѣрнаго объясненія группы *со* въ темахъ *аориста* и будущаго посредствомъ просодической необходимости и примѣнить къ грамматикѣ выводы, хотя отчасти и основанные на гипотезѣ о дентализаціи *іоты*, но тѣмъ не менѣе совершенно вѣрные.

В. Петръ.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССКИМЪ ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ КЛАССИКОВЪ, АЗБУКЪ, РАЗГОВОРОВЪ, ГРАМАТИКЪ И СЛОВАРЕЙ ПО 1871 Г. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

Въ напечатанномъ (въ 1872 г.) за подписью члена (нынѣ председателя) Ученаго Комитета А. И. Георгіевскаго приглашеніи къ участию въ „Отдѣлѣ классической филологіи“ при *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* между прочимъ перечисляются роды и виды статей, могущихъ служить для этого отдѣла. Здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе пунктъ 8-й, въ которомъ сказано: „Желательны статьи, относящіяся къ исторіи изученія древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности и знаменитѣйшихъ ученыхъ по этой части. *При этомъ особенно желательно сообщеніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи изученія древнихъ языковъ, ихъ литературы и вообще классической древности у славянскихъ племенъ вообще и въ Россіи въ особенности.* Хотя исторія этой отрасли знаній въ Россіи и небогата фактами, но тѣмъ болѣе желательно, чтобы эти факты были собраны, разъяснены и оцѣнены. Такъ, между прочимъ, еще въ XVIII столѣтіи появлялось въ Россіи не мало самостоятельныхъ переводовъ древнихъ авторовъ, изъ коихъ нѣкоторые отличаются высокимъ достоинствомъ и всѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны современныхъ русскихъ филологовъ и должны быть спасены отъ забвенія. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые изъ первоклассныхъ русскихъ писателей воспроизводили нѣкоторые изъ поэтическихъ произведеній древности въ художественныхъ переводахъ или въ близкомъ подражаніи подлинникамъ. На тѣхъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, коимъ преимущественно занимаются тѣмъ или другимъ древнимъ языкомъ, лежала бы, кажется, прямая обязанность собрать что было

сдѣлано по каждому изъ нихъ въ прежнее время въ Россіи и прежде всего разъяснить, не имѣется ли для нѣкоторыхъ изъ нихъ древнихъ рукописей въ нашихъ библіотекахъ, особенно же въ Московской Синодальной, и буде имѣются, въ точности ознакомить съ ними своихъ собратьевъ, и если нужно, то и издать ихъ; далѣе указать, какія были прежде изданія, какія сочиненія были издаваемы и разъясненіе древнихъ авторовъ, какіе изъ нихъ и какъ были переведены, при чемъ переводы и подражанія слѣдовало бы сличать съ подлинниками и т. д. Такимъ образомъ мало по малу были бы собраны матеріалы для исторіи изученія въ Россіи древнихъ языковъ и ихъ литературы,—исторіи небогатой, какъ выше сказано, фактами, но тѣмъ болѣе дорогой для всякаго Русскаго, который твердо вѣритъ въ болѣе блестящую будущность этой отрасли знаній въ Россіи".

Къ этому съ своей стороны мы могли бы прибавить еще нѣкоторые доводы:

1) Изученіе всякой науки тогда только цѣлесообразно и вполне научно и основательно, когда это изученіе идетъ путемъ постепеннымъ. Безъ знакомства съ прошлымъ, безъ изученія всего сдѣланнаго по отношенію къ извѣстной наукѣ, тому или другому изъ ея отдѣловъ, невозможно правильное и основательное рѣшеніе научныхъ вопросовъ. И въ этомъ отношеніи совершенно справедливо латинское выраженіе, имѣющее прямое отношеніе собственно къ исторіи: *Nescire, quod fuerit antea, quam natus sis, id est semper puerum esse*. Недостаткомъ этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить, что большинство нашихъ учебниковъ есть переводъ съ нѣмецкаго *новѣйшаго* учебника, сдѣланный безъ всякаго соотношенія ко всему прошлому. А извѣстно, что учебникъ, особенно новый, много связываетъ самого преподавателя въ методѣ и пріемахъ; желательнo, чтобы преподаватель имѣлъ въ виду и прежнія руководства.

2) Если слѣдуетъ примириться съ необходимостью имѣть преподавателей иностранцевъ, впрочемъ изъ соотечественныхъ Славянъ, то первую обязанностію было бы дать имъ въ руки указатель того, что сдѣлано у насъ по извѣстному предмету, предоставляя имъ сдѣлать изъ этого то или другое примѣненіе.

3) Даже для Русскаго, желающаго заняться исторіей предмета, такой указатель весьма необходимъ. Заграницей уже обращено вниманіе на важность подобныхъ указателей даже для извѣстныхъ отдѣловъ. (Укажемъ для примѣра на *Grundriss zu Vorlesungen über die lateinische Grammatik E. Hübner's*, Berlin 1876).

4) Особенно важенъ и необходимъ указатель для желающихъ заняться описаніемъ старыхъ изданій и книгъ. Безъ указателя они не будутъ знать, чего искать, и описанія будутъ случайны, что отчасти и видно въ рефератахъ Московскаго общества классической филологіи и педагогики (напр. рефератъ А. Г. Семеновича о латинскомъ словарѣ Синьковскаго). Позволимъ себѣ кстати замѣтить, что этихъ древнихъ изданій и книгъ нужно искать особенно въ старыхъ семинаріяхъ (откуда вышла наша филологическая учепость) и гимназіяхъ, учрежденныхъ съ 1803 г., какова, напримѣръ, Рязанская ¹⁾.

Въ виду всего этого, желая „собрать, что было сдѣлано“, мы рѣшились издать нашъ указатель. Мы не задавались несбыточными планами и надеждами, — наше желаніе было гораздо ограниченнѣе: по лучшимъ каталогамъ составить указатель всего вышедшаго въ Россіи по классическимъ языкамъ. Указатель нашъ состоитъ изъ двухъ частей: 1-я заключаетъ свѣдѣнія объ учебникахъ и изданіяхъ, 2-я о критическихъ статьяхъ и переводахъ съ классическихъ языковъ, появившихся въ повременныхъ изданіяхъ. Указатель охватываетъ время отъ введенія у насъ книгопечатанія до 1872 г.

Чтобы хотя нѣсколько удовлетворить высказанному въ вышеозначенномъ обращеніи желанію, чтобы были описаны рукописи, содержащія въ себѣ произведенія классическихъ авторовъ, а особенно рукописи Московской Синодальной типографіи, воспользуемся Указателемъ для обозрѣнія Московской патриаршей (нынѣ Синодальной) бібліотеки, составленнымъ архимандритомъ Саввою.

Прежде всего замѣтимъ, что этими рукописями еще въ 1840 г. пользовался профессоръ Московскаго университета Гофманъ, который по кодексамъ Синодальной бібліотеки издалъ Фукидида, а въ 1843 г. Есхиновъ разговоръ *κατὰ Κτησιφάντος* (см. Біогр. Слов. проф. Моск. унив. ч. I, 263 М. 1855 г. и Памятн. Моск. Древн. И. М. Снегирева, стр. 183).

Первое описаніе рукописей было сдѣлано въ 1722 году по повелѣнію св. сѣнода профессоромъ эллино-греческой школы Аванасіемъ Скиадою. Оно было издано въ Москвѣ въ 1723 году на латинскомъ

¹⁾ Въ 1872 году нами былъ составленъ обширный и подробный очеркъ исторіи Рязанской гимназіи, по архивнымъ дѣламъ съ 1805 года. Доселѣ онъ еще не изпечатанъ.

и русскомъ языкахъ подъ такимъ заглавіемъ: „Два каталога рукописныхъ книгъ греческихъ, въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ обрѣтающихся, которыя въ лѣто 1722 въ мѣсяцѣ мартѣ Аѳанасіемъ Скіадою, прежде бывшимъ отъ кавалеріи оберъ-аудиторомъ, нынѣ же олімпіо-греческія школы профессоромъ, рассмотрѣны и разобраны: отъ нихъ же первый содержитъ 50 кодексовъ или книгъ, въ которыхъ и время, въ которомъ оныя были списованы, явилось означено. Другой объемлетъ въ себѣ 304 книги, и тѣмъ языкъ, въ которомъ списованы, по мнѣнію помнутаго Скіады, есть назnamenovanъ. При семъ прилагается вмѣсто приложения третій каталогъ 93 книгъ рукописанныхъ въ библіотекѣ типографіи Московской содержащихся“. Этотъ каталогъ имѣлъ два изданія и обозначенъ у Сопикова (Опытъ Россійской библіографіи до 1813 г. ч. I) подъ такимъ заглавіемъ: 1) Аѳанасія Скіады каталогъ книгъ греческимъ рукописнымъ, обрѣтающимся въ Московской синодальной библіотекѣ; на руссійскомъ и латинскомъ языкахъ; Москва 1723 г. въ 4-ю.

Таинства синодальной Московской библіотеки; на одномъ латинскомъ языкѣ. Лейпцигъ, 1724 г. въ 8-ю.

Въ 1772 году былъ составленъ новый каталогъ синодальной библіотеки.

Въ 1773 году, по высочайшему повелѣнію императрицы Екатерины II, поручено было составить болѣе обстоятельное описаніе греческихъ рукописей синодальной библіотеки Крутицкому епископу Самуилу Миславскому. Но исполненіе сего порученія, по просьбѣ Самуила, принялъ на себя профессоръ греческой и латинской словесности въ Московскомъ университетѣ Фр. Маттеи. Маттеи въ 1776 г. напечаталъ въ Москвѣ на латинскомъ языкѣ:

Опытъ каталога, гдѣ на первый разъ было помѣщено описаніе только 50 рукописей.

Въ 1780 году напечатанъ имъ въ С.-Петербургѣ, въ 4-ю долю, краткій указатель всѣхъ рукописей не только синодальной, но и типографской библіотеки подъ заглавіемъ:

Index codicum manuseriptorum graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-russicae.

Наконецъ въ 1805 г. Маттеи издалъ въ Лейпцигѣ полный каталогъ въ 2 томахъ:

„Accurata codicum graecorum manuseriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio Lipsiae 1805 an. in 8^{oa}“.
Въ 1-мъ томѣ описаны имъ греческія рукописи числомъ 401 собственно

синадальной библиотеки, а во 2-мъ—101 рукопись Московской синадальной типографіи.

Отъ 1772 по 1789 г. Фр. Маттеемъ не мало было издано разнаго содержанія статей изъ греческихъ рукописей синадальной библиотекы частію въ подлинникахъ, частію въ латинскомъ переводѣ (полный списокъ этихъ статей находится въ книгѣ Маттея Ποικίλα Ἑλληνικά seu varia Graeca. М. 1811 г., изд. 284—287. Тутъ же и частію въ самомъ каталогѣ значится, для какихъ изданій отмѣчены были Маттеемъ *варианты* по греческимъ спискамъ синадальной библиотекы. Отчасти см. въ нашемъ указателѣ въ отдѣлѣ переводовъ. Последний каталогъ былъ составленъ въ 1723 г.

Представляемъ теперь перечисленіе греческихъ рукописей съ произведеніями классическихъ писателей по указателю архимандрита Саввы:

1-я цифры обозначаютъ № рукописи по каталогу 1823; въ скобкахъ № по каталогу Маттея, далѣе матеріалъ, форматъ, вѣкъ и число листовъ.

1) Анофосгми. Собраніе краткихъ изреченій и апофосгмъ разныхъ писателей № 376 (CCCLXIII) перг. 4, XIII л. 121—198.

2) Арата (греческаго стихотворца III вѣка до Р. Х.): Философскія сочиненія съ краткими по мѣстамъ примѣчаніями № 236 (CCXXIII) 4. XVI (у Маттея XIV) 373 л.

3) Аристиды (греческаго оратора II в.): Рѣчи числомъ 32 № 241 (CCXXVIII) бонб. 4. XIII—XIV л. 8—165; № 316 (CCCIII) 4. XVI л. 436—507. (Здѣсь только 12 рѣчей).

4) Аристотеля философа († 322 до Р. Хр.): а) Категоріи (κατηγορίαι) и другіе трактаты съ примѣчаніями на нихъ Порфірія и Аммонія № 233 (CCXX) бонб. 4. XV л. 10 — 142; б) Метафизика съ толкованіемъ Александра Афродизскаго и Сиріана № 6 (VI) л. 1517 г. л. 2—278; в) Нравственныя и политико-экономическія сочиненія № 8 (VIII) л. XV—XVI 210 л.; г) Физика въ VIII книгахъ съ сокращенными Георгіемъ Схολаріемъ примѣчаніями Симплиція, № 7 (VII) л. 1494 г. 164 л.; д) Тождъ съ примѣчаніями неизвѣстнаго № 239 (CCXXVI) 4. XVI л. 8—223; е) Сочиненія, относящіяся къ логикѣ и физикѣ съ примѣчаніями № 318 (CCCIV) 4. XVII 191 л.; ж) Сочиненія, относящіяся къ психологіи, математикѣ, естественной исторіи, физикѣ № 240 (CCXXVII) 4. XVII 316 л.

5) Аристофана († ок. 405 г. до Р. Хр.): а) Драма Πλοῦτος, съ примѣчаніями № 311 (CCXCVIII) 4. XVII л. 75 — 136; б) Комедія

Βάτραχος, съ краткими примѣчаніями № 238 (CCXXV) 4. XVII л. 1—54.

6) Афеонія (ритора V в.): Προϋμνάσματα (риторич. упражненія) № 296 (CCLXXVIII) 4. XVI л. 11—40; № 359 (CCCXLVI) 4. XVII л. 1 и слл.

7) Аевлея Навкратскаго (софиста нач. III в.): Λεγκосоφιστάι (пиръ мудрецовъ) № 152 (CLIII) л. XVI л. 1—188 (безъ начала и конца). Начинается III — оканчивается IX гл., а все сочиненіе должно состоятъ изъ XV главъ.

8) Воеція философа († 536): а) Περί τέχνης διαλεκτικής № 324 (CCCXI) 4. XVII л. 290—312; б) Περί παρανομίας φιλοσοφίας съ краткими примѣчаніями. Переведено съ латинскаго на греческій языкъ Максимомъ Плапудіемъ. № 260 (CCXLVII) 4. 1610 г. л. 15—38.

9) Врута (знаменитаго Римлянина I в. до Р. Хр.) перониска съ разными лицами и мѣстами, состоящая изъ 73 писемъ отъ него и къ нему № 257 (CCXIIIV) на тонкомъ пергаментѣ въ 8-ю долю 1487 г. л. 71—89. Писано въ Венеціи рукою пресвитера Іоанна Роскаго съ Крита.

10) Галена (врача II в.): Собраніе разныхъ его сочиненій, относящихся къ медицинѣ № 51 (LII) л. XV. 341 л.; № 282 (CCLXIX) 4. XV—XVI 81 л.; № 283 (CCLXX) 4. XV—XVI л. 1—95, 97—103 152—165 и 185—464.

11) Гезіода (поэта IX — VIII в. до Р. Хр.): а) Ἑρῶα καὶ Ἥμεράα. (Труды и дни, то-есть, ученіе о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ. б) Ἀσκήσις Ἡρακλέους (Ищетъ Геркулесовъ) съ краткими примѣчаніями, в) Θεογονία (Генеалогія языческихъ боговъ), съ краткими примѣчаніями № 404 (CCLXXIV) перг. 8. XV 91 л.; № 297 (CCLXXXIV) 4. XV—XVI 54 л.; № 72 (LXXIII) л. XVII л. 1—41; № 238 (CCXXV) 4. л. 57—89.

12) Георгія Леканена (Солунскаго монаха полов. XIV в.): Грамматика, № 316 (CCCIII) 4. XV л. 23—77. (Отрывки изъ этой грамматики изд. проф. Маттеемъ in *Lectonibus Mosquensibus* vol. I 55—79).

13) Гермеса (Ермоѣ) Трисмегистія (Египтянинъ, изобрѣтатель нисмепъ, жившій будто бы въ XIV в. до Р. Хр.) 5-ть посланій къ Эскулапу, ученику его № 415 (CCCXCVII) 4. XVI л. 63—72.

14) Гермогена (ритора II в.): Риторика съ краткимъ толкованіемъ № 296 (CCLXXXIII) 4. XVI л. 38—111; № 359 (CCCXLVI) 4. XVII 177 л.

15) Гомера (X в. до Р. Хр.): а) Илиада съ толкованіемъ Евста

оія, арх. Солунскаго XII в. до буквы ι (iota) № 73 (LXXIV) л. бом-
бид. XIII—XIV 267 л.; № 74 (LXXV) л. XV 94 (неполный список);
б) Одиссея съ краткими примѣчаніями.

16) Грамматика неизвѣстнаго сочинителя № 322 (CCCIX) 4. XVI—
XVII л. 15 и сл.

17) Демократа (пифагорейскаго философа V в. до Р. Хр.): Нрав-
ственныя изреченія (γνώμαι) № 260 (CCLXVII) 4. XVI л. 39—42.

18) Демосфена († 322 г. до Р. Хр.) и Эскина (IV в. до Р. Хр.):
Рѣчи числомъ 6, № 267 (CCLIV) л. XV 110 л.

19) Діогена Лаерція (эпикурейскаго философа † 222 г. до Р. Хр.):
Краткія біографіи греческихъ философовъ № 152 (CLIII) л. XVI л.
196—254 безъ начала и конца.

20) Еврипида (поэта † 406 г. до Р. Хр.): а) Драма — Гекуба
(Ἡκάβη) съ краткими примѣчаніями и краткою ппреди біографіею
автора, № 311 (CCXCVIII) 4. 1610 г. л. 8—72; б) Гекуба и Орестъ
№ 272 (CCLIX) 4. XVII л. 114—242.

21) Эпиктета (стоическаго философа I в.) 72 главы, извѣстныя
подъ названіемъ: „Ἐρμῆριδιον“ № 325 (CCCXII) 4. XV—XVI л. 214—
216. (Безъ конца; оконч. 61 гл.).

22) Епифанія Славеницкаго (іеромонаха Кіево-Печерскаго мона-
стыря † 1675 г.). Греко-славено-латинскій лексиконъ № 383 4. XVII,
755 л. Автографъ (См. стат. г. Ундольскаго: Ученые труды Епифанія
Славеницкаго въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 4 стр. 69
прим. 2).

23) Катона римскаго писателя (ок. 195 г. до Р. Хр.): Позида-
тельныя мысли, писанныя двустийшими; перев. на греч. Максимъ Пла-
нудій № 260 (CCXLVII) 4. 1610 г. л. 7—15; № 264. (CCXLVIII) 4.
XVII л. 4—17.

24) Ливанія софиста († 390 г.): а) 49 рѣчей съ краткою біогра-
фіею его № 317 (CCCIV) 4. XV 259 л.; б) Писма числомъ 250 и
еще 117 № 316 (CCCIII) 4. XVI л. 283—417.

25) Мануила Мосхонула (XIV в.): а) Грамматика подъ заглавіемъ:
„ἀρχὴ συνθεῖς ἀγία τοῦ πρώτου σκεδούς, διορθωθέντος παρὰ хороῦ Μανου-
ῆλ τοῦ Μοσχονόλου“ № 323 (CCCX) 4. XV 176 л.; б) О просодіи
№ 322 (CCCIX) 4. XVI—XV л. 1—14; в) Введеніе въ грамматику,
приписываемое нѣкоторыми Василию В.

26) Медицинскихъ рецептовъ противъ разныхъ болѣзней собраніе
перг. 4. XI—XII 82 л. (Неиздано въ цѣльномъ видѣ; но небольшое

изъ этого собранія напеч. проф. Маттеемъ въ его *Lectionibus Mosquensibus* vol. I 49—54 Lips. 1779 г. 8°).

27) Орибазія (врача IV в.): а) 9-ть книгъ медицинскаго содержанія № 187 (CLXXXVIII) л. XVI 110 л.; б) 4 книги такого же содержанія писаны для Евнанія (Сардійскаго историка и панегириста Орибазіева) № 188 (CLXXXIX) л. XVI 136 л.

28) Павзанія (географа II в.): Описаніе Греціи № 193 (CXCIIV) л. XVI 281 л.

29) Палладія Мееонскаго (софиста IV в.): Отрыводъ изъ исторіи о брахманахъ № 405 (CCCLXXVIII) перг. 8. 1289 г. л. 313.

30) Парменіона Македонянина (поэта ок. 60 г. до Р. Хр.): Стихотворенія № 415 (CCCXCVII) 4. XVI л. 73—75.

31) Пивагора Самосскаго (философа VI в. до Р. Хр.): а) Посланио къ своему сыну Таллгу № 415 (CCCXCVII) 8. XVI л. 78; б) Πλινθία. Тамъ же л. 79; в) Золотыя стихи (χρυσά ἑκτ) съ примѣч. № 426 (CCCXCIX) 8. XVI л. 69—71.

32) Плутарха († ок. 140 г.): а) 22 трактата о предметахъ нравственной философіи № 352 (CCCXXXIX) перг. 4. XI—XII 256 л. № 425 (CCCLXXXVII) перг. 4. XII—XIII 203 л.; б) Біографіи знаменитыхъ мужей Греціи и Рима книга 1-я № 351 (CCCXXXVIII) 4. XV 418 л.

33) Порфирія Финикіянина, ученика Плотина (неоплатоника III—IV в.): Введеніе (εἰσαγωγή) къ категоріямъ Аристотеля съ кратк. примѣч. № 233 (CCXX) бонб. 4. л. 10—40; № 296 (CCLXXXIII) 4. XVI л. 181—202.

34) Прокла Діадоха (то-есть, преемника Сиріана, философа Аоинскаго) неоплатоника († 485 г.) στοιχειώσις φυσικῇ № 324 (CCCXI) 4. XVII л. 181—190.

35) Севера софиста Александрійскаго (ок. 470 г.): Краткія повѣсти (διηγήματα) № 239 (CCXXVI) 4. XVI л. 226.

36) Симплиція (философа VI в.): Толкованіе на VIII кн. Аристотелевой физики, сокращенное Георгіемъ Схоларіемъ № 1 VII л. 1491 г. 164 л.

37) Синтипы, персидскаго философа (VI в. до Р. Хр.), современника Кира 560—529 г. до Р. Хр. (Его сочиненія, извѣстныя подъ названіемъ παραδείγματα καὶ λόγος, перев. съ сирскаго на греч. Михаиломъ Андреопулумъ): Басни и притчи № 298 (CCLXXXV) 4. XV л. 232—245, 252—303 и 531—550. Показанныя здѣсь на л. 252—303 басни Синтипы изд. проф. Маттеемъ, Lipsiae 1781 г. 8°.

38) Сиріана неоплатоническаго философа († 450 г.): Толкованіе на нѣкоторыя части Аристотелевой метафизики № 6 (VI) л. XVI л. 227—276.

39) Словотолкователь въ азбучномъ порядкѣ (ὀνομαστικόν) № 316 (СССП) 4. XV л. 11—22, 79—157, 162—247.

40) Софокла (поэта † 406 до Р. Хр.): Аяксъ, Электра и Эдипъ № 370 (СССЛVII) бомб. 4. XIV 134 листа № 419 (СССХСП) 4. XVI л. 1—123.

41) Страбона (I в.): Географія въ XVII книгахъ № 204 (CCV) л. XV 427 л.

42) Тимея Локрсаго (учителя Платона за 380 л. до Р. Хр.). Отрывокъ изъ его сочиненій (σβρογотно περί φύξεῖς κόσμου καὶ φύσεως нач. Τίμαιος ὁ Λοκρός τάδε ἔφα № 283 (CCLXX) 4. XVI л. 114—119.

43) Трифона (александрійскаго грамматика I в. до Р. Хр.): Отрывокъ изъ его грамматикіи περί καθῶν τῶν λέξεων № 258 (CCXLV) 4. XIV л.

44) Филострата (софиста II в.): а) Посланіе къ Аспазію, учителю греческой риторики въ Римѣ при имп. Александрѣ Северѣ; б) Біографіи софистовъ, писанныя для Антонія консула № 239 (ССХХVI) 4. XVI л. 1—8.

45) Фокиланда милетскаго или хіосскаго, поэта и философа (VI в. до Р. Хр.): Стихотворенія № 260 (CCXLVII) 4. 1610 г. л. 43—48; № 426 (СССХСIX) 8. XVI л. 72—75.

46) Осокрита (букол. поэта изъ Сиракузъ III в. до Р. Хр.): Идилліи съ краткими примѣчаніями № 415 (СССХСVII) 4. XVI л. 1—62, № 72 (LXXIII) л. XVII л. 42—85.

47) Теофилакта Симокатты (схоластика VII в.): Писъма подъ разными названіями, какъ-то: ἐπιστολαὶ ἠθικαὶ (нравственныя) ἀγροικικαὶ (сельскія) и ἐταφικαὶ (дружескія) № 414 (CCCLXXXVIII) 8. XV л. 380—381, № 458 (tom, II № XIII q.) XV—XVI л. 155—172, № 426 (СССХСIX) 8. XVI л. 84—97.

48) Фукидида: (V в. до Р. Хр.): Исторія съ приложениемъ въ концѣ его біографіи № 216 (CCXVII) л. XV 256 л. (Тутъ же Діонисія Галикарнасскаго объ особенностяхъ слога Фукидидова).

49) Эзоповы басни съ его жизнеописаніемъ. № 298 (CCLXXXV) 4. XV л. 249 об. 440—491, 494—531; № 426 (СССХСIX) 8. XVI л. 114—129.

50) Эсхила († 436 г. до Р. Хр.): Трагедіи: Прометей, Семь про-

тивъ Оливъ и Перси съ краткою впереди біографією его № 419 (СССХСII) 4. XVI л. 127—210; № 272 (CCLIX) 4. XVII л. 1—113.

51) Эскина (военскаго оратора IV в. до Р. Хр.): Рѣчи а) противъ Демосфеновой рѣчи περί παραρρησίας; б) κατά Κτησιφώντος № 267 (CCLIV) 4. XV л. 30—70.

Указатель изданій съ комментаріями и безъ комментарій, разговоровъ, темъ и хрестоматій, переводовъ писателей и отдѣльныхъ произведеній, азбукъ, грамматикъ: этимологій, синтаксисовъ, стилистикъ и прозаикъ, словарей по 1871 г. включительно.

I. Латинскихъ.

A. Изданія съ комментаріями и безъ комментарій.

1) Федра басни, перев. стихами *Ив. Миркова*, съ латинскимъ подлинникомъ, 1763 г. С.-Пб. Изд. 2-е 1787 г.

2) — басни, латинскій подлинникъ съ русск. примѣчаніями, изд. *Романъ Тимковский* 1806 г.

3) — басни на латинскомъ и російскомъ языкѣ. *Н. Кошанская*. М. 1814 г.

4) Теренція П. Комедіи. 3 ч., перев. съ латинскимъ подлинникомъ 1774 г.

5) Цицерона 11 писемъ разнаго содержанія, а особливо утѣшительныхъ, изъ дружественныхъ его писемъ выбранныхъ. М. 1784 г.

6) — О должностяхъ. Латинскій подлинникъ съ русскими объясненіями словъ, реченій и мѣстъ, могущихъ затруднить ученика, особливо среднихъ классовъ, въ выразумѣніи сочинителя. М. 1814 г.

7) — Oratio in L. Catilinam. *Р. Гюлтиль*, съ біографією, русск. грам. и историч. замѣчаніями и объясненіями. М. 1864 г.

8) — Рѣчи за поэта Аркія и за Кв. Лигарія. Библіотека греч. и лат. писателей съ примѣч. и словарями для средн. учебн. завед. Изд. *П. Леонтьевъ*. М. 1867 г. Изд. П. Ю. Фелькеля 1871 г.

9) — Orationes in Catilinam. *Отто*. 2 вып. М. 1868 г. 3 вып. М. 1870 г.

10) — Рѣчи противъ Катилины съ примѣч. и слов., сост. *И. Сосницкій*. М. 1869 г.

11) — Рѣчь о назначеніи Кв. Помпея полководцемъ. Съ объясн. грам., историч. и касающимися древностей. *А. Гобманъ*. 1869 г.

12) — Рѣчь за Т. Аннія Милона. *Ю. Фельксель*. М. 1869 г.

13) — Рѣчи противъ Катилины. М. 1871 г. Объяснилъ Ю. Фелькель.

14) — За Россію Америкскаго. Ю. Фелькель, 1871 г.

15) Светоніи: Жизни и дѣянія 12-ти первыхъ цесарей римскихъ съ изображеніями ихъ. 2 ч. М. 1794 г. Тоже. Изд. II 1794 г.

16) Овидіи Псалтъ; на латинскомъ и русскомъ языкахъ И. Срезневскаго. 1795 г.

То же. Стихами съ латинскимъ подлинникомъ. М. 1797 г.

17) Овидія. Превращенія. Ч. I (3 книги) а) прозою и б) стихами съ латинскимъ подлинникомъ. Петра Соколова. 1808 г.

18) — Избранныя басни. Съ слов. и примѣч. изд. Як. Смирновъ и Вас. Палловъ. М. 1869 г. Изд. 2-е 1872 г.

19) — Метаморфозы. Съ объясн. В. Классовскаго. 1871 г.

20) Непотъ Корнелій. Латинскій подлинникъ съ примѣчаніями Семена Ивашковскаго. М. 1808 г.

21) — О жизни славнѣйшихъ полководцевъ съ замѣчаніями, хронологическою таблицею и двумя словарями: а) географическимъ, б) для словъ; на латинскомъ и русскомъ языгъ. Изд. Н. Кошанскій. 1816 г. С.-Пб.

22) — Непотовы біографіи славнѣйшихъ полководцевъ. Сем. Ивашковскій. 1828 г.

23) — Жизнеописанія славнѣйшихъ полководцевъ. Кубарева. Съ крит. и грам. примѣч. М. 1867 г.

24) — Liber de excellentibus ducibus externarum gentium. Съ примѣч. и слов. П. Посова, 1866 г. Изд. II. 1872 г.

25) — Комментарій къ жизнеописаніямъ Гамилкара, Ганнибала и М. П. Катона. Сост. См. Гор. Калуга и С.-Пб. 1872 г.

26) Тацитъ. Лѣтопись, латинскій подлинникъ съ русскимъ переводомъ 1806—1809 г. Проф. астрономіи Сергія Румовскаго. С.-Пб.

27) — Germania. Съ введ. и подробн. коммент. проф. Деллени. Кіевъ 1868 г.

28) — Агрикола, Германія и 1-я книга Аппиалъ. Съ объясненіями В. Классовскаго. С.-Пб. 1869 г.

29) Ентронія: Сокращенная римская исторія съ русскими примѣч. и резедромъ географич. и нѣскольکو латинскихъ словъ, кои въ первыхъ 2-хъ вв. Римлянами не употреблялись. Ярославль 1809 г.

30) Horatii Flacci carmina expurgata. Josephi Juventii. 1814 г.

31) — Избранныя оды съ коммент. изд. О. Булгаринъ. 1821 г. С.-Пб. ч. I.

- 32) — Оды на лат. и русск. языкахъ. Изд. В. Орловъ, 1830 г. С.-Пб.
- 33) — Нѣкоторые стихотворенія. Съ біогр. и примѣч. Оленинскаго. М. 1870 г.
- 34) Виргилія Энеида, пѣснь I. Лат. подлинникъ съ русск. перев. Иродіанъ Вѣтринскій. С.-Пб. 1820 г.
- 35) — Энеида, пѣснь I. Текстъ подлинный и упрощенный. Съ примѣч. и слов. И. Соснецкій. М. 1870 г.
- 36) Салустія Каія Криспа: Исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югуронъ. Академикъ Ник. Озерецковскій издалъ на лат. и русск. языкахъ. С.-Пб. 1809 г.
- 36) — Примѣчанія на двѣ книги: De conjuratione Catilinae и de bello Jugurthino. И. Смирнова. М. 1863 г.
- 37) — Libri duo de conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino съ лат.-русск. словаремъ. И. Смирновъ. Изд. 3. М. 1872 г.
- 38) — Заговоръ Катилины и Югуртинская война (Римскіе классики, т. VII). Съ объясн. В. Классовскаго. С.-Пб. 1873 г.
- 39) De viris illustribus. Издалъ Эйерлингъ. М. 1837 г.
- 40) — — urbis Romae. Съ русск. слов. М. изд. 4-е. 1866 г.
- 41) C. Julii Caesaris commentariorum de bello Gallico libri septem cum vocabulario latino-rossico. 1841 г.
- 42) — Commentarii de bello Gallico et bello civili. Съ географич. указателемъ и примѣч. Принаровлено для употребленія въ гимназіяхъ. С.-Пб. 1867 г.
- 43) — Commentarii de bello Gallico. Съ примѣч. и слов. Составилъ Ив. Соснецкій. М. 1867 г. Изд. II. 1870 г.
- 44) — О Галльской и междоусобной войнѣ. Съ объясн. В. Классовскаго. С.-Пб. 1872 г.
- 45) — De bello gallico. Пособіе въ изученію древн. классиковъ. Ф. Отто. Вып. I. 1867 г.
- 46) — Записки о войнѣ въ Галліи. Кн. I—V. Ю. Фелькель. М. 1872 г.
- 47) Titi Livii Patavani. Книга XXI. Объясн. и словаремъ снабдилъ Ю. Фелькель. М. 1868 г. Изд. II. 1871 г.
- 48) — Книга XXI. Со словаремъ. Сост. Студениковъ. 1868 г.
- 49) — Ab urbe condita Liber XXI. Отто. 4 вып. М. 1872 г.

50) Священная исторія. Сокращенная съ замѣчаніями, показаніемъ правилъ и словаремъ. Изданіе учебное *Ник. Кошанскаго*. С.-Пб. 1818 г.

51) — въ пользу начинающихъ обучаться латинскому языку. *Домонда*, съ замѣчаніями и словаремъ всѣхъ словъ, въ сей книгѣ содержащихся. Изд. 2-е вновь исправленное *Андреємъ Кантемировичемъ*. М. 1827 г.

52) — — Изданіе Эйнерлинга. М. 1832 г.

53) — — краткая изъ вопросовъ и отвѣтовъ, сочиненная для дѣтей на русіискомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. С.-Пб. 1778 г.

В) Вокабулы, разговоры, фразеологіи, томы, переводы съ русскаго на латинскій, хрестоматіи, самоучители.

Латинскіе.

1) Вокабулы латинскіе, русскіе и нѣмецкіе, издалъ *Илья Копіевскій* вторымъ тысячениемъ. С.-Пб. 1732 г.

2) Разговоры (школьныя) на русіискомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. С.-Пб. 1738 г. Изд. 3-е 1789 г.

3) — на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. С.-Пб. 1749 г. изд. 5—1804 г.

4) — (школьныя) на греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русіискомъ языкахъ. С.-Пб. 1776 г. Изд. 2-е 1783 г.

5) — (школьныя) на латинскомъ, русіискомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. М. Тип. Рѣшетникова. Изд. 3—1800 г. Изд. 4—1804 г.

6) — (домашніе) французскіе, нѣмецкіе, русскіе и латинскіе. С.-Пб. 1801 г.

То же, новое изданіе М. 1804 г.

7) — латинскіе въ пользу юношества, обучающагося латинскому языку. С.-Пб. 1806 г.

8) — (школьныя) для семинарій на греческомъ, французскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и русіискомъ языкахъ. М. 1810 г.

9) — (новые) латинскіе съ русіискими въ пользу юношества. Издалъ свящ. *Ив. Печаяевъ*. М. 1819 г.

10) — латинскіе съ русіискими. М. Тип. Селивановскаго. 1821 г. Изд. 2-е.

11) — російско-латинскіе самы употребительнѣйшіе въ обществѣ, раздѣленные на уроки съ словаремъ. Изд. Э. П. С. М. 1826 г. Изд. 2-е. С. П. 1831 г. М.

12) Видимый свѣтъ (orbis visibilis, соч. Іоанна Амоса *Коменія*) на латинскомъ, российскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и французскомъ языкахъ представленъ, или краткое введеніе, которымъ изъясняется, что обучающемуся юношеству легкимъ способомъ не только языки разумнымъ упражненіемъ, но также и вещи, достойныя знанія, самонужнѣйшія должны быть впяены. М. 1768 г.

2-е изд. подъ названіемъ: Видимый міръ—1788 г.

13) Зрѣлище вселенныя на латинскомъ, российскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изданное для пародныхъ училищъ Россійской Имперіи. Изд. 2-е 1793 г. Новое изданіе 1808 г.

14) Цвѣтъ (чистый) латинскаго языка изъ лучшихъ латинскихъ писателей, выбранный для пользы и употребленія юношества іеромонахомъ Серафимомъ. М. 1789 г.

15) Цвѣты Цицероновы, выбранные какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ славнѣйшихъ латинскихъ писателей на российскомъ и латинскомъ языкахъ. М. 1793 г. Изд. 2-е 1794 г.

16) Собраніе остроумныхъ изреченій и наставительныхъ на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. М. 1804 г., въ пользу воспитанниковъ университетскаго пансіона.

17) Правила, отборныя мысли и примѣры латинскаго языка съ краткимъ словаремъ. М. 1807 г. Въ пользу благороднаго университет. пансіона.

18) Изреченія, избранныя изъ латинскихъ авторовъ. Эйзенштадта. СПб. 1834 г.

19) Фразеологія (краткая) латинская, соч. А. Лебедева М. 1816 г.

20) — (краткая) латинская. 1846 г. М. изд. II 1860 г.

21) Собраніе темъ или краткихъ задачъ на правила Цумптовой грамматики А. *Кубарева* по темамъ, изданнымъ *Дронке* изд. 3-е 1848 г.

22) Темы д-ра Тишера вып. 1-й Упражненіе въ синт. прост. предложенія. Перв. съ пѣм. В. *Васова*. Изд. I 1870 г.

23) Опытъ практическаго руководства въ переводахъ съ российскаго языка на латинскій съ предложеніемъ правилъ словосочиненія латинскаго языка, изложеннаго по Вредеру и Дериппу, Никитой Вѣлюстинимъ. С.-Пб. 1817 г.

24) Первоначальный курсъ латинскаго языка или Собраніе лучшихъ піеъ латинскихъ съ присоюкупленіемъ словаря. А. В. М. 1819 г.

25) Руководство къ переводамъ, составленное по Бредеру: Изд. Лейбхрехтъ. М. 1834 г.

26) Собраніе примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для переводовъ съ русскаго языка на латинскій. А. Робера. М. 1846 г.

27) Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій *И. Смирнова*. М. изд. 3-е 1868 г. Изд. 6-е 1871 г.

28) Книга упражненій къ латинской грамматикѣ Шульца *П. Виноградовъ* и *Ю. Ходобой*. М. 1872 г. 1-е изд. 1871 г.

29) Руководство къ переводамъ съ латинскаго на русскій и обратно. *Ф. Шницъ*. Перев. (съ 21 изд.) *Н. Кумиковъ*. М. 1870 г.

30) Руководство къ переводамъ съ русскаго на латинскій, французскій и нѣмецкій языки, или примѣры для этимологіи сихъ языковъ съ словаремъ. Издалъ *П. Колосовъ*. М. 1828 г.

31) Книга на четырехъ языкахъ: русскаго, нѣмецкаго, французскаго и латинскаго. СПб. 1796 г. Тип. И. Мейера.

32) Учебная книжка на латинскомъ и французскомъ языкахъ, изданная въ пользу воспитанниковъ университетскаго пансіона. М. 1809 г.

33) Хрестоматія латинская для употребленія въ семинаріяхъ *Андрея Прокотича*. Харьковъ. 1811 г.

34) — (новая) латинская для употребленія университетскихъ студентовъ. Изд. *И. Снегиревъ*. М. 1818 г.

35) Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ классическихкихъ писателей, изданныхъ по руководству Гедике. Харьковъ. Изд. 2-е, 1819 г.

36) — латинская, составленная изъ классическихкихъ древнихъ писателей съ русскими примѣчаніями и словаремъ. Издалъ проф. Моск. унив. *Ив. Давыдовъ* М. 1822 г.

37) — латинская съ русскими примѣчаніями и словаремъ. М. 1829 г.

38) — латинская для духовныхъ училищъ. М. 1835 г.

39) Учебная книга латинскаго языка, отд. I по руководству Зейдештюдкера, изд. *А. Зинovieвъ*. М. 1829 г.

40) Хрестоматія латинская для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій, составилъ *П. Блюстинъ*. М. 1839 г.

41) Учебная латинская книга по Биллербеку, составилъ *Шадъ*. М. 1843 г.

42) — — съ приложеніемъ 2 части. Составилъ проф. Моск. унив. *Каченовскій*. Изд. П. М. 1847 г.

43) Латинскій самоучитель. Руководство къ скорому и легкому изученію латинскаго языка. Изд. Н. Гречъ. 2 тома. СПб. 1848 г.

44) Латинская хрестоматія П. Отто. СПб. 1857 г.

45) Полный самоучитель латинскаго языка, составленный по лучшимъ новѣйшимъ методамъ, преимущественно по Кюперу. Въ 2 ч. СПб. 1858 г.

46) *Chrestomatia latina per Joannem Anitzcoff—Platonoff et professorem Alexandrum Kyriacoff. Pars prima et secunda.* М. 1858 г. Изд. II 1861 г.

47) Отрывки изъ лучшихъ латинскихъ писателей или латинская хрестоматія съ объяснит. словаремъ. Отд. I. Проза. СПб. 1864 г.

48) Хрестоматія латинская Якобса. Перев. В. Васова М. 1868 г. Изд. II, 1870 г.

49) — латинская, ч. I съ примѣч. и словаремъ. Сост. П. Носовъ. СПб. 1870 г. ч. II, 1871 г. Изд. II, 1872 г.

50) — латинская *Боржума* въ 2-хъ отдѣлахъ: проза и стихотворенія, съ полнымъ объяснит. словаремъ, полезная преимущественно при самоученіи.

В) Словари ботаническіе, минералогическіе и филологическіе, служащіе для перевода.

Латинскіе.

1) Лексиконъ Славено-росскій или именъ толкованіе съ приложеніемъ именъ отъ еврейскаго, греческаго, латинскаго и отъ иныхъ языковъ; приданы же суть имена преложенія на постриженіе калугерства (монашества), знаки калугерамъ, або инокамъ; згромаженъ всечестнымъ отцомъ Памвою *Бериндою*. Кіевъ. 1627 г. То же изд. 2-е въ Кутенійскомъ монастырѣ 1683 г.

2) Сокровище Словенскаго языка или словарь языковъ: словенскаго, латинскаго и російскаго. Сочиненіе іезуита Якова Микалія. Лоретта. 1649 г.

3) Словарь Словенскій съ латинскимъ переводомъ. Сочиненіе Георгія Габделина. Градишскъ. 1670 г.

4) Лексиконъ, то-есть, рѣченій словенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище, изъ разныхъ древнихъ и новыхъ книгъ собранное Московской Синодальной Типографіи справщикомъ Θεодоромъ *Помикарповымъ*. М. 1704 г. (другое заглавіе) и по славянскому алфавиту въ чинъ расположенное. М. 1704 г. въ царской типографіи.

5) Словарь латино-илирический. Сочинение г. *Бломизенеца*. За-
грабля. 1740 г.

6) Лексиконъ латино-илирический. Сочинение *Лмбросиха*. 1742 г.

7) Словарь на нѣмецкомъ, латинскомъ, словенскомъ и итальян-
скомъ языкахъ, сочинение Иеронима Мегизера. Клагенфуртъ. 1744 г.

8) Словарь на 6-ти языкахъ: руссiйскомъ, греческомъ, латинскомъ,
французскомъ и англiйскомъ. Изданъ Григорiемъ *Польтикою*. СПб.
1763 г.

9) Россiйскiй лексиконъ по алфавиту съ латинскимъ и нѣмец-
кимъ переводомъ, Франца Гельтергофа. М. 1778 г. (2 части).

10) — сокращенный съ предисловіемъ о краткомъ, лег-
комъ и прiятномъ способѣ ученiя. На 4-хъ языкахъ: нѣмецкомъ, ла-
тинскомъ, французскомъ и русскомъ. Соч. Гельтергофа. М. 1776 г.

11) Лексиконъ латинскiй съ *Геснера* этимологическаго лекси-
кона на руссiйскiй переведенный при Имп. Моск. унив. Изд. II
1780 г.

12) Словарь медико-хирургическiй на руссiйскомъ и латинскомъ
языкѣ собранный Н. М. *Амбодикомъ*. СПб. 1780 г.

13) — ботаническiй (подробный) или травникъ, содержа-
щiй въ себѣ по алфавиту описанiе какъ иностранныхъ, такъ и здѣш-
ныхъ деревъ, кустовъ, травъ, цвѣтовъ, корней, мховъ, грибовъ и
сѣмянъ и ихъ на руссiйскомъ, латинскомъ, французскомъ, итальян-
скомъ, англiнскомъ и греческомъ языкахъ названiя. Соч. А. Мейе-
ромъ Л. Б. С. Москва. 1781—1783 г.

14) Словарь анатомическiй, физиологическiй, въ коемъ всѣ наиме-
нованiя частей человѣческаго тѣла до анатомiи и физиологiи прина-
лежащихъ, изъ разныхъ врачебныхъ сочиненiй собранны на руссiй-
скомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, ясно и кратко предла-
гаются, Н. М. *Амбодика*. СПб. 1783 г.

15) Лексиконъ французскiй съ нѣмецкимъ, латинскимъ и руссiй-
скимъ языкомъ, содержащiй въ себѣ всѣ слова французскаго языка.
С. *Волкова*. СПб. 1785—1787 г.

16) Словарь ботаническiй, изданный экономическимъ обществомъ
на нѣмецкомъ, латинскомъ и руссiйскомъ языкахъ. СПб. 1789 г.

17) — минералогическiй на руссiйскомъ, латинскомъ и
нѣмецкомъ языкахъ. СПб. 1790 г.

18) — исторiя естественнаго царства животныхъ, расте-
нiй и ископаемыхъ на латинскомъ и руссiйскомъ языкахъ, собран-
ныхъ изъ руссiйскихъ сочиненiй и переводовъ, особенно изъбѣжающихъ

предметомъ естественную исторію, медицину и экономію съ показаніемъ при всякомъ названіи сочинителя книги и пр., *Борисомъ Соколовымъ* составленный. М. 1801 г.

19 — (новый) ботаническій на латинскомъ, нѣмецкомъ и російскомъ языкахъ. Сочиненъ по препорученію экономическаго общества *Н. М. Амбодикомъ*. СПб. 1804 г.

Словари латинскіе.

20) Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и народовъ, собранныхъ высочайшею десницею императрицы Екатерины II. Изданъ г. Палласомъ. 2 части. СПб. 1787—1789 гг.

21) — — всѣхъ языковъ и народовъ, по азбучному порядку расположенный. Издастъ г. Ликовичемъ-де-Маріево. 4 части. СПб. 1790—1791 гг.

22) Первоначальныя латинскія слова съ російскимъ переводомъ. СПб. 1795 г., въ тип. корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ.

23) Лексиконъ (новый) на нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ, итальянскомъ и російскомъ языкахъ. Издастъ *М. Гвериловымъ*, М. 1784 г. Изд. II—1789 г.

24) — латинскій *Геснеровъ* съ приложеніемъ реэстра по азбучному порядку російскихъ словъ. *Дж. Синьковский*. Изд. I 1768 года, изд. II 1780 г. Изд. III съ прибавленіемъ къ нему греческихъ словъ и російскаго реэстра. Исправилъ и умножилъ *проф. Д. Синьковский*. 3 части. М. 1796—1798 гг.

25) Словарь французскихъ реченій первообразныхъ и такихъ, коихъ начала во французскомъ языкѣ нѣтъ или конъ отъ своего первообразнаго весьма отдѣлены, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и російскимъ переводами и съ показаніемъ грамматическихъ принадлежностей, *Или Яковчина*. СПб. 1796 г.

26) Лексиконъ (новый) или словарь французско-російскій, содержащій въ себѣ собраніе всѣхъ употребительныхъ французскихъ словъ съ точнѣйшимъ оныхъ на итальянскій, нѣмецкій и латинскій языки переводомъ. М. 1801 г., составилъ *Иванъ Соца*. То же: Лексиконъ 5-ти язычный *Соца*. М. 1784—1786 гг.

27) — (краткій) латинскій съ російскимъ и нѣмецкимъ переводомъ, сочиненіе *Христофора Целларія*. М. Изд. I—1746 г., изд. II—1768 г., изд. III—1781 г., изд. IV—1794 г., изд. V—1810 г.

28) — (полный) греко-латинскій. Москва. 1810 г.

29) Словарь латинскій и русскій. Издаѣ *Иванъ Каменскій*. 2 части. Харьковъ 1816—1817 г.

30) Латинскій лексиконъ съ русскими переводами и полнымъ объясненіемъ всѣхъ грамматическихъ переѣнъ и свойствъ каждаго латинскаго слова, а также начало происхожденіа и разныхъ оного знаменованій. *Юмъ Розанова*. Изд. I—1797 г., изд. II—1805 г., изд. III испр. и дополн. 1808 г., изд. V—1819 г. Сей лексиконъ есть точный переводъ латино-французскаго лексикона *Будотова*.

31) Лексиконъ латино-русскій съ полнымъ объясненіемъ всѣхъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова и съ показаніемъ собственныхъ именъ, до древней географіи и мнѣологіи относящихся. *Ив. Кроненберга*. М. 1819—1820 г. 2 части, изд. 2 1824 г., изд. VI—1860 г.

32) Лексиконъ греко-латинскій. *Корнелія Шревелия*. М. 1820 г.

33) Ручная книга первообразныхъ латинскихъ словъ *Якова Толмачева*. СПб. 1822.

34) Словарь (краткій), содержащій въ себѣ всѣ первообразныя и нѣкоторыя производныя слова латинскаго языка съ русскими переводами, собранныя *П. З.* Харьковъ. 1825 года.

35) Словарь русско-латинскій съ присоединеніемъ синонимовъ и фразъ, составилъ *Андрей Лебедевъ*. 4 части. Москва. 1825 — 1826 года.

36) — латинскій, съ помощію котораго удобно перевести священную исторію, изданную г. *Ломондомъ*. М. 1827 г.

37) Ручная книга первообразныхъ латинскихъ словъ, къ которымъ присоединены: 1) правила, объясняющія свойство и значеніе производныхъ и сложныхъ латинскихъ словъ, 2) объясненіе просодіи, 3) показаніе родовъ. М. 1830 г.

38) Словарь ручной латино-русскій. *Эймерлина*. СПб. 1838 г.

39) — карманный латино-русскій, составленъ *А. Болдыревымъ*, изд. II. М. 1841 г.

40) — краткій латино-русскій этимологическій съ *Шелерова* 6-го изданія. М. 1841 г.

41) Словарь латинскихъ корней составилъ *Язвинскій*. СПб. 1845 года.

42) — русско-латинскій фразеологическій. Составленъ по Ноаю и *Фаччиолати А. Вильковскимъ*. 3 части. М. 1846 г.

43) — ручной латино-русскій, составленный по *Шелеру, Фреунду, Гедериху, Керзнеру и Люнеману*. 1847 г.

44) Сводъ російско-латинскихъ и французскихъ словъ. *И. Федорова*. Казань. 1846—1847 г.

45) Словарь латино-русскій и русско-латинскій. 2 части. 1849 года.

46) — ручной латино-русскій составленъ по лексикону *Кронеберга* и другимъ словарямъ. М. 1849 г.

47) — греческо-латинскій *И. Синайскаго*. 2 части. М. 1862 года.

48) — латино-русскій, приспособленный къ гимназическому курсу. *Шулца*, изд. 2-ое. 1868 г.

49) — на 2 книги *Саллюстія. Я. Смирнова*. М. 1860 года.

50) — на 2 книги *Саллюстія*, составилъ *Лебединскій*. СПб. 1867 г.

51) — (полный) латинскій, составленный по современнымъ словарямъ *Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ*. Изд. *П. Леонтьева*. М. 1862 г.

52) Словарь (полный) русско-латинскій, составл. *И. Иваишковскимъ*, изд. *И. Эйнерлингъ*. 4 тома. СПб. 1849—1853 г.

53) — ручной латино-русскій, сост. для употребленія въ гимназіяхъ *П. Посовымъ*. СПб. 1867 г., изд. 3-е.

54) — сокращенный латинскій *Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго*, изданіе *П. Леонтьева*. М. 1862 г.

55) Корнесловъ латинскаго языка. *П. Лукашевича*. Кіевъ. 1872 года.

56) Обзоръ латинскихъ словарей и планъ новаго латино-русскаго словаря *А. Ананьева*, М. 1849 г.

Азбуки и буквары латинскіе, первоначальныя пособія и способы къ изученію латинскаго языка.

1) Букварь словено-россійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ, соч. іеромонаха *Каріона Истомина*. М. 1692 года, цѣна 40 руб.

Тоже... изобразился на дщицахъ ваяніемъ ищущимъ учиться отрокомъ и отроковицамъ мужемъ и женамъ писати: подъ всякимъ же письменемъ ради любезнаго отрочатомъ учащимся предложени виды во удобное знаніе въ складѣ, да что видѣ, сіе и назоветъ слогомъ письмене. Сочинилъ *Каріонъ Истоминъ* (онъ былъ секретаремъ Стефана Яворскаго); ознаменилъ и рѣзалъ *Леонтій Бунинъ* 1694 года, цѣна 40 руб. Изданіе 2 означено тѣмъ же годомъ.

То же въ тип. Греча. 1822 года, цѣна 3 руб.

2) Букварь словенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящимъ и любомудріе въ пользу душеспасительную обрѣсти тщащымся. М. 1701 г.

Букварь на словенскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ съ приложеніемъ многихъ полезныхъ статей, сочиненный Московской типографіи справщикомъ *Теодоромъ Поликарповымъ*, напечатанъ повелѣніемъ имп. Петра Великаго съ лицевыми фигурами. М. 1701 г.

3) Начало письменъ дѣтиямъ къ наставленію въ латинскомъ языкѣ. 1739 года.

4) Новая латинская азбука съ російскимъ переводомъ, съ вокабулами и разговорами, содержащая притомъ 24 исторіи. М. 1761 г.

5) Азбука латинскія съ російскимъ переводомъ, съ вокабулами, разговорами, молитвами, баснями, правоучит. правилами и употребительнѣйшими словами. М. 1762 г.

6) Азбука, показывающая красоту латинскаго письма. Москва. 1779 года.

7) Новая латинская азбука съ краткимъ и удобнѣйшимъ словаремъ. М. 1780 г.

8) — съ приложеніемъ къ оной словъ по алфавиту въ пользу учащагося юношества. М. 1782 г.

9) Букварь латинскій въ пользу обучающагося въ російскихъ училищахъ юношества, составилъ Н. Бантишъ-Каменскій. Москва. 1784 года.

10) Азбука латинская съ російскимъ переводомъ. М. 1787 года.

11) Новѣйшая латинская азбука, содержащая обстоятельное показаніе древняго и новаго произношенія и правописанія, также словарь, разговоры, острыя выраженія и подробный римскій календарь. М. 1788 г.

12) — или легчайшій методъ читать по латини и въ то же время учиться началамъ латинскаго языка. Изд. 4. М. 1806 г. Изд. 3 М. 1804 г. М. 1788 г., изд. 2-е 1799 г.

13) Азбука латинская съ правилами правописанія. *Евсимія* епископа Калужскаго и Боровскаго. 1788 г.

14) Новѣйшая латинская азбука съ приобщеніемъ краткой этимологіи, свойственныхъ языку выраженій и разговоровъ. М. 1792 года.

15) Азбука любопытная на латинскомъ, нѣмецкомъ, російскомъ и французскомъ языкахъ. М. 1793 г.

16) Новѣйшая латинская азбука съ російскимъ переводомъ съ приобщеніемъ пунѣйшихъ словъ, употребительнѣйшихъ разговоровъ

и правоученій. Издана *Платономъ Ресаномъ*. С.-Пб. 1804 г., изд. 2-е 1807 года.

То же. Съ присовокупленіемъ начертанія этимологіи и простѣйшихъ разговоровъ. С.-Пб. 1820 г.

17) Книга латинская для начинающихъ учиться съ начальными основаніями грамматики и краткимъ словаремъ. Изд. Главн. Правл. училищъ 1806 г., изд. 3 М. 1825 г.

18) Азбука или первоначаліе латинскаго языка. Изданіе второе-надесять, М. 1810 г., изданіе 14-е М. 1813 г.

19) Новѣйшая латинская азбука съ присовокупленіемъ начальныхъ правилъ грамматики, таблицъ спряженій глаголовъ и краткаго словаря. 1817 г.

20) Букварь латинскій съ таблицами склоненій и спряженій правильныхъ и неправильныхъ, изд. 2. М. 1817 г.

21) Новая латинская азбука съ приобщеніемъ краткаго начертанія этимологіи и собранія употребительнѣйшихъ словъ и разговоровъ, соч. С. Ушакова. 1826 года. М.

22) Латинскій букварь съ присовокупленіемъ первообразныхъ латинскихъ словъ. СПб. 1826 г.

23) Новая латинская азбука, содержащая въ себѣ букварь и краткое начертаніе грамматики. Издаѣтъ въ пользу юношества *А. Саймоисомъ*. М. 1831 г.

24) Новѣйшая латинская азбука. М. 1830 г., цѣна 30 к.

25) Азбука новая латинская съ присовокупленіемъ словаря употребительныхъ вещей. СПб. 1835 г.

26) Азбука латинская съ російскимъ переводомъ. СПб. 1845 года.

27) Латинская азбука съ приобщеніемъ краткаго словаря употребительнѣйшихъ вещей, начертанія этимологіи и простѣйшихъ разговоровъ. СПб. 1859 года, цѣна 20 к.

Граматики (этимологіи и синтаксисъ, стилистика и просодія).

1) Грамматика латинская на употребленіе школъ преславнаго словено-россійскаго народа, сочинена и издана *Илією Копіевскимъ*, Амстердамъ 1700 г.

2) — для употребленія въ гимназіяхъ при Санктпетербургской Академіи наукъ, изд. I, 1746 г.

3) То же, изданіе 2, вновь исправленное *Василіемъ Лебедевымъ*. СПб. 1762 г. Изданіе 3-е 1774 г. Потомъ много разъ была перепечатана.

4) То же. Краткая грамматика въ пользу учащагося на рускомъ языкѣ российскаго юношества, перев. *Вас. Лебедевъ*. С.-Пб. въ т. Ак. наукъ. 1779 г. Изданіе 9-е 1808 г.; изданіе 10-е 1815 г. С.-Пб.

5) То же. Въ вопросахъ и отвѣтахъ, вновь исправленная *Мих. Меморскимъ*. С.-Пб. 1810 г.

6) Краткая латинская грамматика, сочиненная *Целлариумъ*, исправленная и умноженная *Геснерумъ*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Антонъ Барсовъ* (профессоръ Московскаго университета). М. 1762 г. Изд. 2. 1771 г., изд. 3. испр. и дополн. 1789 г., цѣна 3 р. 50 к.

7) Грамматика, или первыя основанія латинскаго языка для употребленія въ гимназіяхъ при С.-Пбургской Академіи наукъ, съ российскимъ переводомъ. СПб. 1765 г. Въ росписи книгопродавца И. Слѣпнича, эта грамматика (конечно, по ошибкѣ) приписана *Ломоносову*.

8) Грамматика латинская для употребленія российскаго юношества, обучающагося въ Кіевской академіи. Кіевъ, 1765 г.

9) — изданная при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. С.-Пб. 1765 г.

10) Синтаксисъ латинскій, изданный по правиламъ большой Мархической грамматики *Христіаномъ Маттеемъ*. М. 1780 года, цѣна 4 руб.

То же. Изд. 1790 года, цѣна 11 руб.

11) Грамматика латинская для употребленія российскаго юношества съ российскимъ переводомъ, издана проф. *Маттеемъ*. Москва 1782 г.

12) Грамматика латинская для употребленія российскаго юношества съ приобщеніемъ христоматіи для нижнихъ классовъ. Москва 1782 года.

13) Сокращенное латинское языкоученіе или новѣйшая латинская грамматика, сочиненная г. *Шеллеромъ*, съ нѣмецкаго перевелъ проф. *Андрей Брянецъ*. М. 1787 г.

14) Просодія или руководство къ латинскому стихосложенію, въ разныхъ авторовъ собраніе *Соловьевымъ*. Москва 1787 г.

15) Правила пѣтическія въ пользу юношества, обучающагося въ Московской славяно-греко-латинской академіи, издалъ *Андрей Байбаковъ* (архим. Аполлосъ). 1774 г. Изд. 2-е 1780 г.

16) То же. Правила пѣтическія о стихотворствѣ российскомъ и латинскомъ со многими противъ прежняго прибавленіями, съ приобщеніемъ пѣтико-историческаго словаря, въ которомъ содержатся баснословныхъ боговъ, мѣстъ, временъ, цѣтотъ, деревень и пр. имена

съ ихъ краткою исторіею и правоученіемъ; также Овидіянскія (sic) Превращенія и при концѣ отборныя (sic) Публия Виргилія Марона стихи. Изданіе 4-е 1790 г., изданіе 7-е 1807 г., изданіе 8-е 1812 г., изданіе 10-е 1826 г.

17) Начальныя правила сочиненія латинскаго для начинающихъ обучаться латинскому языку въ Кіевской академіи, соч. Максима Семичиновскаго. М., 1791 г. Изд. 4-е 1798 г.

18) Краткое начертаніе латинскаго слога. Сочиненіе Георга Филлеборна. Перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Сохацкій. М., 1795 г.

19) Грамматика латинская съ російскимъ переводомъ въ пользу російскаго юношества. Издалъ Н. Бантышъ-Каменскій 1799 г. Изданіе 12-е исправленное и дополненное 1813 г. (очень часто встрѣчается).

20) Грамматика латинская въ пользу російскаго юношества переведена Лебедевымъ. 8-е изд. СПб., 1801 г., 9-е 1803 г.

21) Латинская грамматика. М. 1802 г.

22) Грамматики латинской начальныя основанія въ пользу юношества, обучающагося въ школахъ іезуитскаго ордена, составленныя. 2 ч. СПб. Изд. 1-е 1803 г., изданіе 2-е 1814 года.

23) Краткая теорія латинскаго штиля, сочиненіе Георга Филлеборна перевелъ съ нѣмецкаго священникъ Савва Тимофеевъ. М. 1803 г.

24) Первоначальныя основанія латинскаго языка. Воронежъ. 1804 г.

25) О чистотѣ латинскаго слога. М. 1804 г.

26) Грамматика латинская для юношества, обучающагося въ духовныхъ семинаріяхъ. М. 1806 г. Изд. 5-е 1818 г., изд. 6-е 1822 г.

27) Краткія правила о чистотѣ латинскаго слога, изъ лучшихъ древнихъ писателей составленныя съ присовокупленіемъ разныхъ въ письмахъ употребительныхъ и другихъ выраженій въ краткихъ вопросахъ и отвѣтахъ предложенныя. Издалъ Тома Розановъ. М. Изд. 1-е 1804 г., изд. 2-е 1816 г.

28) Просодія или руководство къ латинскому стихосложенію. М. 1807 года.

29) Синтаксисъ латинскій, выбранный изъ грамматикъ, изданной въ Портъ-Роялѣ и дополненный нѣкоторыми примѣчаніями изъ Шеллера. Издалъ Семенъ Иваишковский. М. 1806 г.

30) Табелі, изображающія склоненія и спряженія латинскія на открытомъ листѣ.

31) Таблица латинской грамматикъ съ пригѣрами. М. 1809 г.

32) Главныя правила латинскаго словосочиненія. У. А. В. Харь-
ковъ. 1810 г.

33) Грамматика латинская въ пользу обучающихся латинскому
языку. Соч. А. Шлоссера, перев. съ нѣм. Вас. *Чачкошъ*. С.-Пб. 1810 г.

34) Первоначаліе латинскаго языка. Изд. 12-е. 1810 г.

35) Латинская грамматика съ примѣрами для чтенія и словаремъ,
изданная по Бредеру. Переведъ съ нѣмецкаго Ник. *Кошанскій*. С.-Пб.
1811 г. Изданіе 2-е 1815 г., изданіе 3-е 1823 г.

36) Латинская грамматика Семена *Ивашковского*. 1811 г.

37) Новый и легкій способъ приготовить себя къ выдержанію
испытанія въ наукахъ въ Высочайшемъ указѣ 6-го августа 1809 года
или полный курсъ словесности. Ч. 1-я грамматикъ: 1) общая; 2) россій-
ская; 3) латинскаго языка; 4) французскаго языка и логики. Издалъ
Иванъ *Гарезовскій*. М. 1812 г. Онъ былъ учителемъ въ Рязанской гим-
назій, потомъ инспекторомъ въ Вильнѣ. А. Ѳ. Воейковъ адресовалъ ему
особое посланіе (См. Исторію Рязанской гимназій, отдѣлъ: о препода-
вателяхъ).

38) Правила латинскаго стихосложенія съ присовокупленіемъ нѣ-
которыхъ твореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ
латинскихъ. Издалъ Андрей Вербицкій. Харьковъ. 1813 года.

39) Информаторія или начальныя основанія латинскаго языка.
Издалъ священникъ Никита *Орловскій*. СПб. 1816 года.

40) Таблицы латинской грамматики. Издалъ Н. Кошанскій. СПб.
1817 г.

41) Начальныя основанія латинскаго языка, изданныя Харьков-
скимъ университетомъ для училищъ его округа. Изданіе 4-е 1819 г.
изданіе 5-е 1824 года.

42) Преддверіе къ изученію латинскаго языка. СПб. 1820 г.

43) Грамматика латинская съ присовокупленіемъ правилъ латин-
скаго стихосложенія. Издана отъ Императорскаго Харьковского уни-
верситета. Изданіе 3-е 1820 г. Изд. 4-е 1824 года.

44) Легчайшій способъ учиться началамъ латинскаго языка. Со-
чиненіе Дмитрія *Тростина*. Изд. 5-е съ присовокупленіемъ краткаго
синтаксиса. М. 1823 года.

45) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ началь-
ныхъ познаніяхъ латинскаго языка. Изданіе Харьковского универ-
ситета. Харьковъ. 1823 года (скорѣе относятся къ хрестоматіямъ).

46) Руководство къ познанію латинскаго языка, содержащее: эти-
мологическую часть латинской грамматики со многими избранный-

шими къ тому примѣрами для переводовъ съ латинскаго на русскій, первый курсъ съ словаремъ, содержащимъ всѣ латинскія рѣченія сей части. Сочиненіе Рейсса, перевелъ К. *Зедергольмъ* (пасторъ). М. 1823 г.

47) Латинская грамматика. Сочиненіе Ивана *Кронеберга*. Изд. Харьковскаго университета. Изд. 2-е 1825 года.

48) Грамматика латинская, составленная по руководству Бредера и другимъ съ приложеніемъ къ русской грамматикѣ. Ивана *Сини-рева*. Изд. 2-е 1826 г. М. Изданіе 3-е 1836 года.

49) Порядокъ латинскихъ словъ, выведенный изъ сочиненій Цицерона для всего латинскаго синтаксиса. М. 1825 года.

50) Сводъ латинской грамматики съ греческой или грамматика латино-греческая. Соч. А. *Иннокентія*. М. 1826 года.

51) Краткая латинская грамматика Е. *Лефранка*, съ присовокупленіемъ грамматическаго разбора И. Эйперлинга. М. 1832 года.

52) Начальныя правила латинской этимологій А. *Иванова*. М. 1832 года.

53) Грамматика латинская, изданная *Лейбрехтомъ*. М. 1834 года.

54) Латинская грамматика, составленная по Цумпту Д. *Попомъ*. СПб. 1838 года.

55) Краткая латинская грамматика Цумпта. Переводъ *Кубарева* 4-е изд. 1844 г.

56) Гимназическій курсъ латинскаго языка 3-го класса. Одесса 1845 года.

57) Краткая латинская синонимика по Дедерлейну. Я. *Ильенко* въ Удостоена Демидовской преміи. М. 1845 года.

58) Краткая латинская грамматика Цумпта. Изданіе 5-е. М. 1847 года.

59) Латинская грамматика Кошанскаго. Спб. 1844 года.

60) Грамматика латинская. Изданіе Московской академіи. М. 1847 года.

61) — въ пользу юношества, въ духовныхъ училищахъ обучающагося. М. 1844 года.

62) — съ уроками для переводовъ съ латинскаго на русскій по Вредеру съ 27-го нѣмецкаго изданія О. И. М. 1848 года.

63) Практическая латинская грамматика. М. 1848 года.

64) Латинская грамматика для обученія латинскому языку. Я. *Ламена*. Изданіе 2-е 1848 года.

65) Руководство къ скорому и легкому изученію латинскаго языка. 2 части. Н. И. *Греча*. СПб. 1848 года.

66) Латинская грамматика, составленная для духовныхъ училищъ. Изданіе 26-е. СПб. 1865 года.

67) Краткое руководство къ изученію латинскаго языка. Для трехъ низшихъ классовъ гимназій. Составилъ Я. Смирновъ. Изданіе 3-е. М. 1868 года, изд. 5-е 1870 года, изд. 2-е. М. 1867 года.

68) Латинская грамматика А. Аманова. М. 1865 годъ.

69) Латинская грамматика д-ра Мадина, сокращенная для гимназій д-мъ Тинчеромъ. Перев. съ нѣм. и издалъ В. Басовъ. Изв. 2-е. Москва. 1867 года.

70) Латинская грамматика. Составилъ по Кюннеру и дополнилъ Я. И. Кремеръ. Перевелъ Ѳ. Ѳ. Кейзеръ. Изд. 2-е. М. 1868 года.

71) Латинская просодія. Сост. В. Классовскій. СПб. 1867 года.

72) Латинская этимологія, составленная Г. Э. Вульфомъ. Изд. 3-е. М. 1863 года.

73) Начальныя правила латинской грамматики для высшихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Г. Вульфомъ. СПб. 1838 года.

74) Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюннеру. Принято въ учебн. заведеніяхъ мин. нар. просв., въ учил. правобѣд. и въ Алекс. лицѣ. Изданіе 8-е, вновь исправленное и дополненное. СПб. 1868 года.

75) Руководство къ изученію латинскаго языка. Я. Смирнова. Вып. 1-й Этимологія. Вып. 2-й Синтаксисъ. Изд. 2-е. М. 1864—1866, изд. 3-е 1869 года.

76) Элементарная грамматика латинскаго языка д-ра Кюннера, дополненная сообразно съ новымъ уставомъ мин. нар. просв. для гимназій и прогимназій. Составилъ Им. Коссовичъ. Изд. 3-е. СПб. 1867 г., изд. 4-е 1870 г.

77) Учебникъ латинскаго языка и темы для переводовъ. Н. Куликова. Вып. 1-й, курсъ 1-го класса. Тверь. 1869 года. Вып. 2-й, курсъ 2-го класса. М. 1870 года.

78) Элементарный курсъ латинскаго языка, составленный по учебнику Шеле. П. Фрезе. Часть синтаксическая. Рига 1867 года.

79) Краткое изложеніе правилъ латинской грамматики въ объемѣ гимназическаго курса. К. Я. Бѣлицкаю. Одесса. Изд. 2-е. 1870 года.

80) Латинская грамматика съ примѣрами и упражненіями, латинскою хрестоматіею и словарями латинско-русскимъ и русско-латинскимъ Я. Кремера. Составлено по Р. Кюннеру и дополнено. Ч. 1-я и 2-я. Изд. 3-е и 4-е 1870 года.

81) Латинская этимологія въ соединеніи съ русскою для учени-

ковъ трехъ низшихъ классовъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. М. 1870 года.

82) Главныя правила просодіи и метрики латинскаго языка и замѣчанія о гекзаметрѣ и пентаметрѣ. Составилъ А. С. Черниговъ. 1872 года.

83) Латинская грамматика *Ф. В. Отто*. Ч. 1-я Этимологія. М. 1872 года.

84) Латинская грамматика *Фердинанда Шульца*. Обработана для русскихъ гимназій *Юріемъ Ходобаемъ*. Москва 1872 года.

85) *Repertorium* латинскаго синтаксиса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. 1871 года.

86) Учебникъ латинскаго языка для перваго класса гимназій. Составилъ *А. Вашинскій*. 1872 г. СПб.

В. Лебедевъ.

Окончаніе будетъ).

ЗАМѢТКА КЪ ГОРАЦІЮ САНН. II, 12.

„Горацій отказывается исполнить желаніе Мецената—воспѣть въ эпосѣ подвиги Октавіана, и предлагаетъ Меценату, чтобы онъ самъ прозою (*pedestribus historiis*) описалъ эти подвиги; самъ онъ, Горацій, не способенъ—де къ эпической поэзіи, муза его велитъ ему пѣть только про Лицинію. Вотъ краткій смыслъ 12-й оды второй книги Горація, но обыкновенному объясненію, причемъ объяснители подъ Лициніей подразумѣваютъ Теренцію, любовницу, а впоследствии супругу Мецената.

При этомъ общепринятомъ объясненіи, однако, нѣкоторые обстоятельства остаются не совсѣмъ понятными. Горацій до того увлекается Лициніей—Теренціей, что желаетъ пѣть только про нее, и только къ этому считаетъ себя способнымъ; напротивъ того, Меценатъ, который естественно, какъ любовникъ и женихъ, тѣмъ болѣе долженъ увлекаться своею возлюбленною и который самъ былъ по-этомъ, и притомъ поэтомъ лирическимъ ¹⁾, долженъ въ прозѣ повѣствовать о подвигахъ Октавіана, а воспѣваніе прелестей своей возлюбленной предоставить постороннему лицу! Логика весьма странная! Тутъ, очевидно, противорѣчіе, которое надо устранить, но какъ его устранить?

Ключъ къ этому даетъ намъ объясненіе личности Лицивіи. По общепринятому мнѣнію, подъ Лицивіей надо подразумѣвать Теренцію; но откуда, однако, произошло это мнѣніе? Поводъ къ нему подало замѣчаніе схоластика Акропа къ *Horat. Sat. I, 2, 64*, гдѣ имя *Villius* объясняется слѣдующимъ образомъ: „*Semper incerta nomina pro certis, ut alibi. Me dulcis dominae musa Licymniae pro Terentiae,*

¹⁾ Это видно изъ фрагментовъ его стихотвореній у *Sen. Epist. 101, 11*; *Suet. vita Hor.*; *Diomed. III*; pag. 514. Ср. *Teuffel, Gesch. der röm. Lit. § 207, 6.*

et *Malibitunicis demissis ambulat pro Maecenas*: et hic *Villius in Fausta* id est: *Annius in Fausta*: eodem numero syllabarum commutationem nominum fecit". Но это мнѣніе Акрона, будто *Villius*=*Annius*, безъ сомнѣнія ошибочно, такъ какъ Гораций здѣсь очевидно говорить о *премудрости*, а Анній былъ супругъ Фавсты; кромѣ того, эта послѣдняя названа своимъ настоящимъ именемъ и поэтому нѣтъ повода видѣть въ *Villius* псевдонимъ. По объясненію Бенгли, котораго придерживается и Крюгеръ (въ 6 изд.), *Villius*—имя Анніева друга и любовника его супруги Фавсты. Точно также кажется сомнительнымъ, что въ *Hor. Sat. I, 2, 25 Malibinus*=*Maecenas*; ср. Мадвига *Opuscula I*, стр. 63, и примѣч. Крюгера къ этому мѣсту. Если, такимъ образомъ, Акронъ ошибся въ двухъ именахъ, то не могъ ли онъ ошибиться и въ третьемъ? Преніе объяснители Горация (напримѣръ, P. Fr. A. Nitzsch, *Vorlesungen über die klassischen Dichter der Römer*, I. Band. Leipzig. 1792, стр. 347), считали Лицинію вольноотпущенною и любовницею Горация. Это объясненіе кажется болѣе соответствующимъ чѣмъ общепринятое, будто Лицинія=Теренція. Его можно подтвердить тѣмъ, что красавицы, воспѣваемые Горациемъ въ его стихотвореніяхъ, принадлежать къ вольноотпущеннымъ ¹⁾; въ нашей же одѣ указываетъ на это обстоятельство, главнымъ образомъ, пятая строфа, въ которой говорится о танцѣ Лициніи въ праздникъ Діаны, бывшемъ по преимуществу праздникомъ рабовъ и рабынь ²⁾.

Съ мнѣніемъ этимъ, что Лицинія—любовница Горация, не согласна Шютцъ (*Schütz*); по его словамъ, этому объясненію мѣшаютъ стихи 21 слѣд., такъ какъ потомъ, будто бы, мы должны „*unsinniger Weise annehmen, dass Horaz und Maecenas eine gemeinsame Geliebte gehabt haben*“ (Ф. Майкснеръ ³⁾), соглашаясь съ Шютцомъ, старается устранить это затрудненіе поправкою текста и предлагать слѣдующую редакцію стиховъ 21 слѣд.

*Non tu quae obtinuit dives Achaemenes
aut pinguis Phrygiae Mygdonias opes
permutarae velim crine Licymniae etc.*

¹⁾ Ср. *Walckenaer*, *Histoire de la vie et des poésies d'Horace*, tom. I, стр. 97—105, и *Karsten* Q. *Horatius Flaccus etc.*, стр. 37.

²⁾ Ср. *Preller*, *göm. Mythologie*, стр. 283, и примѣчаніе Шютца къ разбираемому мѣсту.

³⁾ Въ журналѣ Общества чешскихъ филологовъ въ Прагѣ (*Ilisty fil. a ped.*), годъ IV, въ статьѣ «*Horatiana*», стр. 45.

Хотя поправка эта довольно остроумна, но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что особенной надобности въ ней не имѣется, и что можно добиться удовлетворительнаго смысла и при сохраненіи текста рукописей, не полагая при этомъ, какъ Шютцъ, что у Горация съ Меценатомъ была одна общія любовница. По моему мнѣнію, стихи 21—28 надо понимать какъ риторическій вопросъ, равняющійся, по смыслу своему, отрицательному предложенію: „Пожелалъ ли бы ты (будучи поставленъ на мое мѣсто), промѣнять... = навѣрно и ты не пожелалъ бы (а потому не удивляйся, что и я не желаю) промѣнять“ и т. д.

Въ третьей строфѣ той же оды Лерсъ (Lehrs) предлагаетъ слѣдующее чтеніе (ст. 9—11):

— — *neve pedestribus*
dici carminibus proelia Caesaris,
Maecenas, jubeas...

такъ какъ, по его мнѣнію, ода эта имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, когда мысль, заключающуюся въ третьей строфѣ, относимъ не къ Меценату, а къ Горацию. Нельзя не согласиться, что при чтеніи Лерса дѣйствительно смыслъ выходитъ болѣе удовлетворительнымъ; но конъектура его нѣсколько смѣла, особенно измѣненіе *historiis* въ *carminibus* едва ли можно оправдать. При сохраненіи же рукописнаго чтенія получается смыслъ нѣсколько странный. Поэтому я соглашаюсь съ Ф. Майксеромъ (l. c. стр. 43), который принимаетъ поправки Лерса, за исключеніемъ *carminibus*, вмѣсто котораго оставляетъ рукописное *historiis*. *Pedester* тогда значить = *humilis* (Hor. Sat. II, 6, 17; de arte poet. 95; Ep. II, 1, 250), то-есть, простой, не возвышенный, а *historiae* = поэма, эпосъ; слѣдов. *historiae pedestres* = эпосъ не возвышенный, безъ поэтическаго паэоса. Смыслъ третьей строфы тогда будетъ слѣдующій: „Не требуй отъ меня, чтобъ я воспѣлъ подвиги Октавіана въ эпосѣ, который по необходимости вышелъ безъ всякаго поэтическаго паэоса, не возвышеннымъ, такъ какъ я неспособенъ къ подобнаго рода поэзіи“.

И. Мейеръ.

П О П Р А В К А.

Въ октябрьской книжкѣ журнала за текущій годъ, въ отдѣлѣ классич. эвл., стр. 98, строка 4 снизу, выралась опечатка. Вмѣсто: «сомнительность его толкованія явствуетъ уже изъ того, что врядъ ли можно сказать по латини *ut scribis, putas, senses*» — слѣдуетъ читать: «врядъ ли можно сказать по латини *ut scribis ita*, потому что вездѣ встрѣчается *ut scribis, putas, senses* безъ *ita*».

не можетъ обнаружить полезное 'вліяніе на учителей. Было постановлено представить объ этомъ Государю. Черезъ нѣсколько времени статсъ-секретарь Муравьевъ увѣдомилъ князя Ливена, что „Государь въ глубинѣ души своей изволилъ раздѣлять мысли, изложенныя въ введеніи, и убѣжденъ въ ихъ необходимости, признавая ихъ основаніемъ нравственнаго ученія; но, имѣя съ тѣмъ, изволить находить слогъ оныхъ и вообще все изложеніе столь отвлеченнымъ и непразумительнымъ для большей части наставниковъ, что не можетъ не согласиться и съ гр. Строгановымъ, что многіе могутъ дать оному введенію иной толкъ, съ намѣреніемъ правительства несходный. Государь Императоръ соизволяетъ думать, не будетъ ли удобнѣе изложить мысль введенія, не смѣшивая его съ изреченіями св. писанія на славяно-русскомъ языкѣ, но связавъ смыслъ сихъ изреченій съ содержаніемъ введенія обыкновеннымъ русскимъ нарѣчіемъ, всѣмъ одинаково понимаемымъ“. За симъ кн. Ливенъ составилъ второй проектъ введенія и представилъ его на Высочайшее усмотрѣніе. Государь постановилъ: „если Комитетъ не найдетъ никакихъ замѣчаній, то можно утвердить“. Комитетъ нашелъ введеніе вообще удовлетворительнымъ, однако считъ болѣе удобнымъ слить содержаніе введенія и руководства въ одно цѣлое, составивъ изъ нихъ общее введеніе къ частнымъ руководствамъ по каждому учебному предмету. Этотъ трудъ принялъ на себя статсъ-секретарь Д. Н. Блудовъ, отъ котораго кн. Ливенъ получилъ „одинъ только, и притомъ совершенно новый, проектъ введенія; между тѣмъ инспекторъ классовъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома Ободовскій издалъ Руководство къ дидактикѣ или наукъ преподаваніи (въ 1835 г., IV и 166 стр.) по книгѣ извѣстнаго педагога Нимейера“. Поэтому Комитетъ опредѣлилъ снабдить учебныя заведенія экземплярами означенной книги для руководства учителей, въ видѣ опыта, впродъ до появленія другаго совершеннѣйшаго въ семъ родѣ сочиненія (СХХХVII засѣд., 29 апрѣля 1837 г.).

Отъ гимназій и въ описываемое время, кромѣ непосредственно возложенной на нихъ задачи, требовалось еще выполненіе и другихъ. При кн. Ливенѣ въ комитетъ министровъ была внесена министромъ внутрѣнныхъ дѣлъ записка касательно образованія воспитанниковъ по ветеринарной части и объ учрежденіи для сего ветеринарнаго училища въ Иркутскѣ. Хотя комитетъ нашелъ, что подобное училище оказывается ненужнымъ съ учрежденіемъ предполагаемаго ветеринарнаго института, тѣмъ же менѣе государь повелѣлъ (25 мая, 1829) „при губернскихъ гимназіяхъ по всѣмъ Сибирскимъ губерніямъ учредить классъ ветеринарный.“ Государственный совѣтъ, рассмотрѣвъ переданное изъ комитета министровъ представленіе по сему предмету министра народнаго просвѣщенія, находилъ, что въ Сибири сущест-

вуютъ только двѣ гимназіи—въ Tobольскѣ и Иркутскѣ; что, по отзыву мѣстнаго начальства, охотниковъ къ изученію ветеринарныхъ наукъ не оказалось, что самое устройство въ тамошнихъ гимназіяхъ хозяйства для казенныхъ воспитанниковъ неудобно по недостатку средствъ и невозможно по неимѣнію помѣщеній (таковъ былъ отзывъ генералъ-губернатора восточной Сибири), а прислание свѣдущихъ преподавателей ветеринарныхъ предметовъ сопряжено съ большими затрудненіями, что приготовленіе для Сибири ветеринарныхъ врачей изъ свободныхъ состояній, если бы и нашлись желающіе, при существующей обязанности прослужить тамъ только четыре года, не достигло бы цѣли и стоило бы казнѣ большихъ издержекъ—сначала на ихъ воспитаніе, потомъ на производство имъ приличнаго жалованья; съ теченіемъ времени эти люди только умножили бы собою число чиновниковъ; къ этому присоединилось и то соображеніе, что количество казенныхъ воспитанниковъ при университетахъ недостаточно даже для замѣщенія мѣстъ собственно по учебной части. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, государственный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что учреждать ветеринарный классъ при Сибирскихъ гимназіяхъ не слѣдуетъ, но для достиженія благой цѣли поддержать обширное въ Сибири скотоводство, часто истребляемое возникающею тамъ заразительною болѣзнію, и чтобы исполнить высочайшую волю по сему предмету, государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ принять слѣдующую мѣру: избирать потребное число дѣтей городскихъ Сибирскихъ казаковъ и заводскихъ крестьянъ и обучать ихъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ; тѣхъ изъ нихъ, которые окажутъ надлежащіе успѣхи, отправлять собственно для обученія ветеринарнымъ наукамъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и въ Московское при опой отдѣленіе. Мнѣніе это было высочайше утверждено 21 сентября 1830 г. Вислѣдствіи еще случилось, что по распоряженію военнаго министра отправлено было 10 казачьихъ дѣтей въ Казанскую гимназію для предварительнаго въ ней обученія и слушанія затѣмъ въ мѣстномъ университетѣ курса ветеринарныхъ наукъ (18 апрѣля 1845).

Какъ ни достоинъ былъ высокаго уваженія князь Ливень по своему характеру, управленіе его министерствомъ не имѣетъ большого значенія въ исторіи учебныхъ заведеній. Причина тому заключалась отчасти въ самомъ существѣ дѣла: задача министра состояла лишь въ исполненіи уже готоваго устава; университетскій же уставъ, на разработку коего князь Ливень оказалъ большое вліяніе, былъ оконченъ при его преемникѣ. Другою причиною была кратковременность его министерской дѣятельности. Уже въ письмахъ 1828 и 1829 гг. кн. Ливень жалуется, что тяжелая ноша ему не по плечу, но не прежде, какъ 18 марта 1833 г. Государь, снисходя къ его просьбамъ, уволилъ его, „по разстроенному здоровью,“ отъ должности министра.

Управленіе министерствомъ было вѣрено прежнему товарищу министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *С. С. Уварову*. Болѣе другихъ способный занять этотъ важный постъ по своему отличному образованію, во всѣхъ отношеніяхъ исполнѣтъ ему приготовленный (онъ съ пользою употребилъ досугъ, къ которому нѣкогда стремился, говоря словами Горация: *hoc erat in votis*), Уваровъ, привѣтствованный одою Греффе, воспрѣвавшю наступленіе новаго вѣка для русской науки, принялся за выполненіе своей задачи.

Принципы, на основаніи коихъ намѣревался дѣйствовать новый министръ, были изложены имъ во всеподаннѣйшей запискѣ, долженствовавшей „представить въ нѣкоторомъ объемѣ затруднительную борьбу съ непріязненными явленіями новѣйшаго духа и рядъ вопросовъ, отъ рѣшенія коихъ записатьъ благодепствіе русскаго юношества“. Начала эти удостоились высочайшаго одобренія. При самомъ вступленіи въ должность, Уваровъ, циркулируетъ отъ 21 марта, разъяснялъ попечителямъ учебныхъ округовъ, что народное образованіе, согласно съ высокими намѣреніями государя, должно совершаться „въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности“. Этотъ девизъ и впослѣдствіи подтверждался съ его стороны подробному истолкованію въ разныхъ документахъ.¹⁾ Такъ напри-
мѣръ *Журналъ Министерства* (XXI, 7) доказывалъ, что выраженный въ немъ начала оправдываются опытомъ вѣковъ и особенно бытописаніемъ нашего отечества. „Духъ русскій, здравый, высокій въ простотѣ своей, смиренный въ доблести, непоколебимый въ покорности закону, обожатель царей, готовый все положить за любезное отечество, искони возмизналъ нравственные силы его; самодержавіе соединило расторгенные члены государства, уврачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его цѣлостъ въ такой огромной массѣ, которой не было въ исторіи міра ничего подобнаго; наконецъ вѣра, торжествующая надъ всѣми земными бѣдствіями, помогла ему устоять среди всѣхъ бурь и волненій; сохранила бытіе Россіи при напорѣ и полудикихъ ордъ языческаго Востока и полупросвѣщенныхъ плчищъ матажнаго Запада; и она же, основанная въ нашемъ отечествѣ на везыблемомъ камени православія, служить ему вѣрнѣйшею защитою отъ того развращенія умовъ, которое гибельнѣе всѣхъ золъ и иноплеменныхъ нашествій. На сихъ-то спасительныхъ нача-

¹⁾ Важнѣйшими источниками для этого періода могутъ служить сегоднше всеподаннѣйшіе отчеты по министерству, которые Уваровъ первый сталъ причинливо обнародовывать и изъ коихъ отдѣльные—за 1838, 1839, 1841 гг. равно какъ и общій съ 1834—48 переведены были на нѣмецкій языкъ; кроме того см. общее обозрѣніе за пятилѣтіе управленія министерствомъ въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.* XXI, 1—36. Весьма справедливо въ этомъ обозраніи (стр. 7) выставляется выгода публичности.

лахъ почиваетъ и настоящее благоденствіе наше и крѣпкая надежда будущаго."

"Россия", сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра 19 ноября 1833 г., „къ счастію сохранила теплую мѣру къ религіознымъ, моральнымъ и политическимъ понятіямъ, ей исключительно принадлежащимъ. Но сіи начала, разсѣянные преждевременнымъ и поверхностнымъ просвѣщеніемъ, мечтательными и неудачными опытами, сіи начала безъ единокудія, безъ общаго средоточія, и коимъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ предстояла непрерывно борьба продолжительная и упорная, какъ согласить ихъ съ настоящимъ положеніемъ умовъ? Успѣемъ ли мы включить ихъ въ систему общаго образованія, которое соединяло бы выгоды нашего времени съ преданіями прошедшаго и съ надеждами будущаго? Какъ учредить народное воспитаніе, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейскаго духа? Чья рука, и сильная и опытная, можетъ удержать стремленіе въ границахъ порядка и тишины и оттолкнуть все, что могло бы нарушить общее устройство?" (Отч. за 1837, стр. 147).

Направленіе же, съ самаго начала высочайше предначертанное дѣятельности Уварова, изображаетъ онъ, въ слѣдующихъ словахъ: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охрапить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе безъ совершенствованія нравственнаго—мечта и мечта пагубная; изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и къ иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только припаровленіе общаго всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрными взглагомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностію всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ Имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи православія, самодержавія и народности" (тамъ же стр. 146).

„Если выходъ изъ грубой тьмы невѣжества", сказано въ *Журн. М. II. IIр.* (ч. I, IV) „и непрерывное, дальнѣйшее движеніе къ свѣту необходимы для человѣка, то попечительное въ семъ дѣлѣ участіе правительствъ необходимо для народовъ. Только правительствованіе имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образова-

нія и настоящія нужды отечества. Съ одной стороны облегчая каждому способы къ основательному приобритенію и совершенствованію полезныхъ свѣдѣній, съ другой соображая ходъ новыхъ идей съ вѣрою, учрежденіями, обычаями и иными особенностями государства, и наконецъ съ общими успѣхами его жителей на попрингѣ гражданственности, оно содѣйствуетъ, сколько можно *дольше* для страны своей, и тѣмъ надежнѣйшему, мирному и прочному въ ней развитію просвѣщенія; блюдетъ истинныя выгоды народа и предохраняетъ его отъ тѣхъ нравственно-политическихъ язвъ, которыя, подобно физическимъ, только въ общемъ планѣ Провидѣнія могутъ быть не безполезны, но коихъ и любви къ родинѣ и даже здравый смыслъ велитъ намъ избѣгать, какъ незавидной печальной доли—страдать въ поученіе другимъ. Отживъ періодъ безусловнаго подражанія, Россія лучше своихъ иноземныхъ наставниковъ умѣетъ примѣнить плоды образованія къ своимъ собственнымъ потребностямъ; ясно различаетъ въ остальной Европѣ добро отъ зла; пользуется первымъ и не спрашивается послѣдняго, ибо носитъ въ сердцѣ сіи два священные залоговъ своего благоденствія (вѣру и народность), съ коими неразрывно соединенъ третій—самодержавіе. Ея эмблема—юноша силы и доблести, зрѣлый умомъ и жаждущій познаній, но при томъ сохранившій драгоцѣнное наслѣдіе первыхъ лѣтъ—простоту нравовъ и святую довѣренность къ Небу“.

Въ циркулярѣ отъ 21 марта, министръ поручалъ попечителямъ округовъ объявить университетамъ объ искренности его желаніи видѣть эти высшія учебныя заведенія на той высотѣ, которая должна принадлежать имъ въ ряду отечественныхъ учреждений. „Я увѣренъ, что каждый изъ профессоровъ и наставниковъ употребитъ всѣ силы, дабы сдѣлаться достойнымъ орудіемъ правительства и заслужить полную довѣренность оного; увѣренъ также, что каждый потянется по-двинуть преподаваніе своей науки до желаемого совершенства, посвящая и постоянныя труды и неусыпное прилежаніе на образованіе юношества. Пусть будетъ поставлено на видъ и студентамъ, что я не премину обращать особенное вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, кои по успѣхамъ, благоправію, скромности и покорности окажутся достойными“.

Сознавая, что кромя училищъ Закавказскихъ и Сибирскихъ, всѣ остальные не имѣютъ ничего общаго съ управленіемъ генералъ-губернаторовъ, министръ отнесся къ симъ послѣднимъ съ просьбою оказывать учебнымъ заведеніямъ всевозможное содѣйствіе къ ихъ благу и во всемъ, до нихъ касающемся, состоятъ съ нимъ не только въ оффиціальныхъ, но и въ частныхъ сношеніяхъ (отч. за 1833, стр. 162).

Шишковъ еще во второмъ засѣданіи Комитета предлагалъ измѣнить порядокъ управленія учебными заведеніями со стороны университетовъ. Онъ доказывалъ, что обязанности попечителей округовъ

весьма неопредѣленны, а права, предоставленны имъ, слишкомъ ограничены, такъ что лицо, назначенное отъ правительства слѣдить за воспитаніемъ юношества въ десяти или даже болѣе губерніяхъ, не обладаетъ въ сущности никакою распорядительною властью. Попечители, по словамъ его, должныствовали быть ближайшими помощниками министра, должныствовали имѣть непосредственное участіе въ назначеніи университетскихъ профессоровъ и директоровъ гимназій или по крайней мѣрѣ пользоваться правомъ представлять своихъ кандидатовъ; опредѣленіе же смотрителей и учителей въ уѣздныя училища и въ гимназіи надлежало предоставить ихъ утвержденію. Ректора университета слѣдовало назначать отъ правительства. „Чиновникъ сей, говорилъ Шишковъ, зависящій отъ выбора своихъ товарищей и зависящій со временемъ вступить снова въ сословіе ихъ, при всемъ предпринимаемомъ въ немъ усердіи не въ состояніи исполнять возложенную на него обязанность съ тою твердостью, какая требуется отъ его званія какъ для благоусиѣннаго хода народнаго просвѣщенія, такъ въ особенности для обезпеченія правительства на счетъ направленія преподаванія и цѣли общественнаго воспитанія. Училищный комитетъ нужно уничтожить, такъ какъ комитетъ сей самъ собою не сносится ни съ какимъ мѣстомъ, и ни на какое дѣло не можетъ положить рѣшительнаго опредѣленія безъ отношенія по учебной части къ совѣту, а по хозяйственной къ правленію, отъ чего происходитъ только надлишняя переписка и въ теченіи дѣлъ медленность; нужно постановить, чтобы директоры училищъ относились прямо по учебнымъ дѣламъ въ совѣтъ, а по хозяйственнымъ въ правленіе, откуда будутъ поступать оныя на разрѣшеніе попечителя“. Противъ этого мнѣнія кн. Лисинъ (11 септября 1826 г.) возражалъ, что „конечно нужно, чтобы попечитель получалъ нѣкоторое вліяніе на выборъ профессоровъ и губернскихъ директоровъ училищъ, но что оныя во всѣхъ прочихъ случаяхъ, по десятилѣтнему опыту, въ которое продолжительное время никакого не имѣлъ повода жаловаться на недостатокъ власти, безошибочно можетъ сказать, что для хода дѣлъ полезнѣе, дабы попечители остались въ настоящемъ ихъ отношеніи и чтобы не предоставлялось имъ болѣе власти. Злоупотребленіе весьма тѣсно связано съ чолонѣкомъ; чѣмъ болѣе предоставлена ему власть, тѣмъ злоупотребленіе опаснѣе и нигдѣ не имѣетъ предвѣдѣнныхъ дѣйствій, какъ въ воспитаніи юношества“. Изъ вопросовъ объ окончательномъ отстраненіи университетовъ отъ завѣдыванія учебною частью особенно важное значеніе имѣли два обстоятельства: 1) С. С. Уваровъ, въ бытность свою попечителемъ С.-Петербургскаго округа, испыталъ всѣ выгоды непосредственнаго завѣдыванія средними учебными заведеніями и 2) 17 января 1829 г. учрежденъ былъ особый Вѣлорусскій округъ (въ составъ его сперва вошли Витебская и Мо-

гилевская губерніи, а впоследствии, по закрытіи Виленскаго университета (1 мая 1832 г.), и губерніи: Виленская, Минская, Гродненская и Бѣлостокская), не имѣвшій университета.

Упомянутое положеніе освободило такимъ образомъ университеты отъ заведѣванія гимназіями и другими училищами, „столь несовершеннаго съ умноженіемъ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній“ Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1835 годъ, министръ между прочимъ говорилъ: „тридцатилѣтній опытъ доказалъ немыгоду существовавшей прежде системы и невозможность употреблять профессоръ съ пользою наипаче по хозяйственной и административной части гимназій и училищъ. Неудобства такого порядка вещей съ давняго времени были ощутительны, но въ особенности сдѣлались замѣтны съ умноженіемъ числа учебныхъ заведеній. Медленность, вялость въ распоряженіяхъ, а перѣдко и неудовлетворительность принятыхъ мѣръ, прикрываемыя формами совѣщательныхъ собраній, представляли важныя затрудненія въ самыхъ необходимыхъ усовершенствованіяхъ и не соотвѣтствовали вообще нынѣшнему быстрому ходу дѣлъ“. Въ положеніи объ учебныхъ округахъ мы находимъ слѣдующія постановленія: лицей, гимназіи и училища опредѣленнаго числа губерній составляютъ учебный округъ, управляемый попечителемъ (§ 1). Попечитель можетъ ввѣрить помощнику своему часть управленія (§ 7). Онъ имѣетъ при себѣ чиновника въ званіи инспектора казенныхъ училищъ (§ 8). Онъ имѣетъ право, для обрѣзизованія училищъ ввѣреннаго ему округа, назначать профессора (§ 10). Во всѣхъ училищныхъ дѣлахъ, требующихъ ученыхъ соображеній, какъ-то: объ усовершенствованіи преподаванія наукъ, объ учрежденіи дополнительныхъ курсовъ, о принятіи въ руководство книгъ и т. п., попечитель требуетъ мнѣніе университетскаго совѣта (§ 12). Онъ избираетъ директоровъ и инспекторовъ гимназій; о первыхъ представляетъ министру, а послѣднихъ утверждаетъ въ должностяхъ собственною своею властію; штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ и учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ назначаетъ по представленіямъ директоровъ, и увольняетъ отъ службъ тѣхъ лицъ, которыхъ самъ опредѣляетъ (§§ 13 — 16). При попечителѣ паходится совѣтъ, состоящій изъ помощника попечителя, ректора университета, инспектора казенныхъ училищъ, директора губернской и одного изъ директоровъ прочихъ гимназій; въ совѣтъ могутъ также быть приглашаемы почетные попечители и директора гимназій учебнаго округа, въ бытность ихъ въ томъ же городѣ (§§ 19, 22). Совѣтъ попечителя не имѣетъ исполнительной власти и представляетъ только совѣщательное собраніе. Разсужденію совѣта могутъ подлежать дѣла о необходимости измѣнить какое либо постановленіе по училищной части, объ учрежденіи гимназій и открытіи уѣздныхъ училищъ, годовые отчеты и по-

слѣдствія обозрѣнія учебныхъ заведеній округа, учрежденіе и закрытіе частныхъ училищъ и пансіоновъ, слѣдствія о неисправности и злоупотребленіяхъ училищныхъ чиновниковъ и учителей и т. п., и притомъ только важнѣйшія, по усмотрѣнію попечителя, дѣла. Канцелярія попечителя состоитъ изъ 9 чиновниковъ.

Въ описываемое время существовали слѣдующіе учебныя округа: С.-Петербургскій, Московскій (со штатомъ 23,250 р.), Казанскій, Харьковскій (21,000 р.), Кіевскій и Одесскій (съ 30 іюля 1836 г., со штатомъ 16,900 р.); кромѣ того, 6 іюля 1836 г. на Бѣлорусскій округъ распространено было положеніе объ учебныхъ округахъ; мѣстопробываніемъ тамошняго попечителя назначенъ г. Вильна. Училища Закавказскаго края оставались, по положеніямъ 2 августа 1829 г. и 12 мая 1835 г., въ завѣдываніи директора гимназій, который, находясь въ зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія, состоялъ однако въ непосредственномъ подчиненіи мѣстному начальству, то-есть, главноуправляющему Грузіей и Закавказскими областями; въ 1842 г. училища эти перешли въ завѣдываніе одного изъ членовъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ. Училища Сибирскія съ 1836 и 1841 г. подчинены были генералъ-губернатору. Декретомъ 20 ноября 1839 г. объ образованіи Варшавскаго округа учебная часть въ Царствѣ Польскомъ была подчинена министру народнаго просвѣщенія.

Послѣдствія всѣхъ этихъ преобразованій, по словамъ министра, обозрѣвавшего въ 1837 г. учебныя заведенія, были чрезвычайно важны: „университеты возродились, начинаютъ жить новою жизнію; гимназій и училищъ удивили меня быстрымъ своимъ развитіемъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ“ (отч. за 1837 годъ).

Во время управленія министерствомъ кн. Ливена послѣдовалъ указъ правительствующему сенату отъ 18 февр. 1831 г. о воспрещеніи воспитывать внѣ предѣловъ Россіи молодыхъ людей отъ 10 до 18 лѣтняго возраста. Этотъ законъ былъ основанъ на достаточномъ количествѣ существовавшихъ уже въ Россіи учебныхъ заведеній, число которыхъ предполагалось еще увеличить, а также на примѣрахъ вредныхъ послѣдствій отъ чужеземнаго воспитанія: „молодые люди возвращаются иногда въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями; не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, порядка, а перѣдко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго“. Изъятія изъ закона допускаемы были только съ высочайшаго разрѣшенія. Тѣ молодые люди, относительно коихъ не было бы соблюденно это правило, лишались права поступать въ государственную службу.

Министерство сочло долгомъ распространять усвоенныя имъ начала и на частныя учебныя заведенія, причинившія вообще не мало

хлопотъ. Шишковъ предлагалъ, между прочимъ, комитету закрыть всѣ частныя школы для мальчиковъ спустя три года по обнародованіи устава; Шторхъ нашелъ эту мѣру черезъ чуръ крутою, на томъ, между прочимъ, основаніи, что школы эти приносили и пользу; низшія училища, говорилъ онъ, равно какъ и низшіе классы гимназій часто бываютъ переполнены и кромѣ того посвящаются дѣтми простолудивовъ, вносящими въ нихъ привычки и грубыя выраженія своихъ родителей; вслѣдствіе того высшіе и болѣе достаточные классы людей по справедливости колеблются отдавать своихъ дѣтей въ эти заведенія. Князь Ливенъ соглашался съ тѣмъ, что болшая часть частныхъ школъ содержится безсовѣстными промышленниками и родителями дорогою цѣною платятъ за порчу въ нихъ своихъ дѣтей и за превратное ихъ воспитаніе, но вѣдь существуютъ, говорилъ онъ, и достойныя уваженія школы, а потому не слѣдуетъ закрывать всѣ безразлично. Россія еще не можетъ похвалиться такимъ изобиліемъ учебныхъ заведеній, чтобы можно было обойтись безъ хорошихъ частныхъ школъ. По предложенію кн. Ливена, иностранецъ, желающій открыть школу, долженъ былъ или представить свидѣтельство отъ лицъ, извѣстныхъ правительству, или же его пребываніе въ Россіи должно быть на столько долговременнымъ, чтобы правительство имѣло полную возможность судить о степени его религіозности. Наконецъ, слѣдуетъ съ иностранца брать обязательство въ томъ, что онъ будетъ обучать и воспитывать молодыхъ людей согласно съ предписанными законами. Впрочемъ, это послѣднее условіе не было включено въ уставъ гимназій. Напротивъ, уставъ, находя, что „польза отъ хорошо устроенныхъ частныхъ учебныхъ заведеній столь важна и очевидна“ (§ 311), обязывалъ мѣстныя начальства способствовать поддержанію и улучшенію ихъ, но такъ какъ нерѣдко случалось, что училища „учреждаемы были или содержались людьми, не имѣвшими ни познаній, ни нравственныхъ качествъ, для сего необходимыхъ, то, съ другой стороны, сіи самыя училищныя начальства также обязаны имѣть тщательный, непрестанный за ними надзоръ“. Въ случаѣ неисполненія предписаній устава о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, училищныя начальства должны были доносить о нихъ университету. Кн. Ливенъ, находя, что заключавшіяся въ уставѣ правила по сему предмету недостаточны, счелъ нужнымъ издать дополнителныя постановленія (12 іюня 1831), касавшіяся преимущественно иностранцевъ. Ими предписывалось, чтобы директоры губернскихъ гимназій, при осмотрѣ учебныхъ заведеній, старались узнавать образъ мыслей и нравственныя качества содержателей пансіоновъ; обращали бы особенное вниманіе на характеръ преподаванія въ оныхъ, на способности и поведеніе учителей, удаляли бы немедленно недостойныхъ, входили бы въ рассмотрѣніе руководствъ и осматривали

бы бібліотеки, запрещаю всѣ тѣ книги, кои окажутся вредными. При обнаруженіи какихъ либо важныхъ безпорядковъ по нравственной части, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ университета, директоръ могъ немедленно закрыть пансіонъ, если имѣлось на то согласіе гражданскаго губернатора, а университетъ обязанъ былъ произвести по сему надлежащее изслѣдованіе. Иностранцамъ же, имѣющимъ вновь прибывать въ Россію для посвященія себя воспитанію юношества, слѣдовало вступать чрезъ російскія миссіи, чтобы при отправленіи въ наше отечество они запасались документами о своемъ состояніи, образованіи, вѣроисповѣданіи и поведеніи; миссіи должны были собирать свѣдѣнія объ этнхъ людяхъ и неблагонадежнымъ или подозрительнымъ вовсе не выдавать паспортовъ. Сверхъ того, всѣмъ намѣревающимся учредить пансіоны или желавшимъ поступить въ нихъ вставниками, имѣнялось въ обязанность, чтобы они имѣли удостовѣреніе о добромъ ихъ поведеніи или отъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, или отъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали. Не дозволялось никому изъ иностранцевъ открывать частныя учебныя заведенія прежде, по крайней мѣрѣ, пятилѣтняго срока со времени прибытія ихъ въ Россію. Кромѣ того учредители пансіоновъ обязывались подпискою обучать сообразно съ правилами устава училищъ, по книгамъ, правительствомъ одобреннымъ ¹⁾).

Но такъ какъ число частныхъ школъ все болѣе увеличивалось (съ 1832 по 1833 гг. возрасло оно во всей Имперіи съ 369 до 404, въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ съ 81 до 97), то и оказывалось затруднительнымъ „сливать или, лучше сказать, слить воедино воспитаніе юношества въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ съ воспитаніемъ въ заведеніяхъ, учрежденныхъ отъ правительства“ (отч. 1834 г., стр. 17). Въ виду сего были постановлены слѣдующія правила: 1) впрелѣ до особой надобности пріостановиться вообще открытіемъ вновь частныхъ пансіоновъ обоого пола въ Петербургѣ и Москвѣ; 2) что касается другихъ городовъ, то разрѣшать учрежденіе частныхъ пансіоновъ не иначе, какъ по уваженію крайней въ томъ надобности, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не представляется другой возможности къ образованію юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) требовать отъ содержателей вполнѣ учреждаемыхъ пансіоновъ, чтобы они были русскіе подданные, но не распространяя сего правила на пользующихся уже правомъ на подобныя заведенія. Наконецъ 4) заняться соображеніемъ мѣръ надзора за частными пансіонами и учрежденіемъ постоянного наблюденія, могущаго обезпечить, сколько можно, внутреннее благоустройство оныхъ. Сообразно съ этимъ, для наблюденія со стороны правительства надъ частными въ

¹⁾ Сборн. Пост., изд. 1875 г., стр. 438 слѣд.

столицахъ учебными заведеніями, опредѣлено въ Петербургѣ четыре и въ Москвѣ два инспектора. — Когда въ официальномъ журналѣ французскаго министерства народнаго просвѣщенія была высказана по сему поводу слѣдующая укоризна: „русское правительство желаетъ совершенно овладѣть воспитаніемъ юношества и сообщить оному, какъ и всему прочему, направленіе самовластное“, то *Журналъ Министертва* (II, 138) возразилъ: Мы увѣрены, что всякій Русскій признаетъ сѣи укоризны за одну изъ тѣхъ клеветъ, которыми нѣкоторые иностранцы привыкли чернить всѣ распоряженія нашего правительства, когда оно дѣйствуетъ, вопреки ихъ мыслямъ, къ умноженію нравственныхъ силъ нашего отечества. Мы хотимъ откровенно показать пребывающимъ въ Россіи иностранцамъ, что необходимость сей новой мѣры оправдывается важными побудительными причинами. Еще за полвѣка передъ симъ Екатерина II, —сей доброй геній Россіи, — постигла тайну вреда, могущаго произойти отъ ученія, предложеннаго произволу людей или не знающихъ своего дѣла, или не согласующихся съ общими государственными видами, а потому повелѣла 5 сентября 1784 г. всѣмъ содержателямъ пансіоновъ произвѣсти экзамень. Если бы всѣ въѣзжающіе въ Россію иностранцы для занятія мѣстъ по части воспитанія были отличной нравственности, то и тогда не прилично было бы имъ однимъ, какъ вовсе не знакомымъ съ нашимъ отечествомъ, вѣрять русскіхъ юношей, которые должны быть гражданами не Франціи и не другой какой либо земли, а Россіи. Но когда самый опытъ показалъ, что многіе изъ сихъ иностранцевъ стремились сюда единственно изъ видовъ своекорыстія и что ихъ дѣйствія клонились даже къ подавленію въ нашемъ дворянствѣ народнаго духа, то правительство вынуждено было стараться новымъ средствомъ оградить отечество отъ вліянія, колеблющаго силу его въ самомъ основаніи. Вотъ почему и была введена графомъ Разумовскимъ высочайше утвержденная 25 мая 1811 г. мѣра. Вскорѣ послѣ изданія устава 1828 г. политическія событія Европы заставили правительство усугубить мѣры осторожности относительно прибывающихъ изъ-за границы учителей. Оно дѣйствовало въ семъ случаѣ для охраненія спокойствія имперіи, тогда какъ сѣи люди искали и находили, весьма естественно, пользу свою, а не нашего отечества. И какую пользу могли бы ему принести тѣ, которые сами имѣли о немъ понятіе невѣрное, не рѣдко даже искаженное неблагонамѣренными описаніями враговъ его? Однако, безъ сомнѣнія, многіе родители, видя, что правительство не препятствуетъ и иностранцамъ заводить пансіоны, и увлекаясь ихъ пышными, многорѣчивыми программами, охотно помѣщали бы въ оныя дѣтей своихъ, въ надеждѣ доставить имъ такъ называемое свѣтское воспитаніе: ихъ поступокъ былъ бы извинителенъ; но правительство, смотря на совокупность вѣдѣнныхъ и вну-

тренныхъ явленій государства и соображая ничтожность сего мнимоблестящаго воспитанія съ неисчислимымъ вредомъ отъ напоенія неопытныхъ умовъ губительными правилами, могло ли столь же легко всѣмъ безъ различія иностранцамъ довѣрять, вмѣстѣ съ обученіемъ юности, драгоценнаго достоянія нашего времени, и судьбу будущихъ поколѣній? Посему-то и послѣдовалъ указъ 1831 г. На опытѣ и это оказалось недостаточнымъ. Нынѣ въ одномъ Петербургѣ воспитывается и обучается до 3400, большею частію, дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Ожидать отъ иностранцевъ, чтобы они, оставивъ свои понятія, постигали духъ нашего правительства и дѣйствовали въ его направленіи, есть ожидать почти невозможнаго, особливо при нынѣшнемъ расположеніи умовъ въ Европѣ. Но мѣстныя начальства, при выдачѣ таковыхъ свидѣтельствъ просителямъ, должны по необходимости довольствоваться одною только справкою, что на нихъ не было никакихъ жалобъ и не производится въ судебныхъ мѣстахъ никакихъ дѣлъ, къ коимъ они были бы прикосновенны; а родители, какъ извѣстно, по добродушію, никогда почти не отказываютъ въ свидѣтельствѣ. Съ другой стороны пансіоны, содержимыя природными Русскими, по большей части не имѣютъ преимуществъ предъ пансіонами иностранцевъ,—вѣроятно отъ того, что способные изъ Русскихъ посвящаютъ свои труды на занятія по службѣ. Такимъ образомъ и послѣдніе не представляютъ въ глазахъ правительства достаточныхъ за себя ручательствъ. Неусыпными попенченіями Государя Императора учреждаются по военному вѣдомству новыя корпусы, а по гражданскому благородные пансіоны при гимназіяхъ. Вотъ лучшее средство замѣнить частное полуобразование основательнымъ, истинно-русскимъ просвѣщеніемъ. Правительство, благопріятствуя всякому новому дѣлу умственной дѣятельности въ предѣлахъ его и въ оныхъ, пользуясь каждымъ новымъ опытомъ ея, слѣдуя тщательно за каждымъ шагомъ, за каждымъ измѣненіемъ европейской образованности, твердо знаетъ и ясно указываетъ, что всѣ сія движенія, всѣ сія средства, всѣ сія опыты только тогда могутъ быть для насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезными, когда принаровлены къ ходу *нашему* гражданскаго развитія, къ потребностямъ *нашихъ* государственныхъ учреждений и не противны *нашему* народному чувству. Не удивляемся, если и самыя сія мѣры кажутся непонятными тамъ, гдѣ допускается свободное проповѣданіе всѣхъ разрушительныхъ началъ, гдѣ отъ разнородныхъ и между собою враждебныхъ стихій возникаетъ духъ партій, раздирающихъ отечество, гдѣ ослѣпленный народъ, легкомысленно гоняясь за всякими новыми теоріями, за несбыточными мечтами, не видитъ бездны, въ которую стремится... Но намъ ли слѣдуетъ donating сему губительному примѣру? Мы умѣли доселѣ съ осторожностію изыскать для себя пользу изъ чужихъ опытовъ; насъ хранили

доселъ Промыслъ! Будемъ увѣрены, что Онъ насъ и никогда не оставитъ".

25-го марта 1834 г. послѣдовалъ указъ сенату, коимъ строго воспрещалось принимать въ дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ иностранцевъ, не получившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ на учительскія, наставническія или гувернерскія званія.

1-го іюля 1834 г. утверждено было *положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ*, значительно впрочемъ дополненное и въ томъ же въ послѣдующихъ годахъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1834 годъ министръ говорилъ по сему поводу: „всѣ благосмыслящіе и просвѣщенные сыны отечества съ умиленіемъ приняли изъ державныхъ рукъ Вашего Величества законъ, обезпечивающій нравственное благо дѣтей нхъ,—учрежденіе, заимствованное изъ чуждыхъ намъ законодательствъ, но созданное, такъ сказать, въ духѣ русскомъ. Смѣю думать, что изданіемъ положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ разрѣшена, по крайней мѣрѣ въ теоріи, задача, не престававшая со временъ императрицы Елисаветы Петровны озабочивать попечительную предумошительность русскихъ государей". На основаніи Положенія званіе домашняго наставника присвоивалось исключительно лицамъ, имѣвшимъ аттестатъ или дипломъ отъ одного изъ русскихъ университетовъ; званіе домашняго учителя предоставлялось выдержавшимъ испытаніе въ университетѣ, лицей или гимназій по тѣмъ предметамъ, которые они намѣревались преподавать. И тѣ и другіе, если они не иностранцы, считались состоящими въ дѣйствительной службѣ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, имѣли право на полученіе чиновъ, знаковъ отличія, медалей и пенсій. Лица, опредѣлившіяся въ частные дома для воспитанія дѣтей безъ надлежащихъ на то свидѣтельствъ, подвергались денежному штрафу, за нарушеніе же во второй разъ сего постановленія предаваемы были суду, а если они иностранцы, то высылались за границу. Таковому же штрафу подвергалось и лице, въ домѣ коего находился воспитатель, не обладавшій установленнымъ свидѣтельствомъ. Домашніе наставники и учителя обязаны были, по окончаніи каждаго года, представлять директору училищъ отчеты о своихъ трудахъ и занятіяхъ и въ то же время доставлять одобрительныя о себѣ свидѣтельства отъ уѣздныхъ предводителей дворянства и отъ лицъ, у коихъ они исполнили обязанности своего званія. Директоръ училищъ, рассмотрѣвъ всѣ таковыя отчеты, составлялъ изъ нихъ краткое извлеченіе, которое въ извѣстное время отсылалось, вмѣстѣ съ послужными списками прочихъ чиновниковъ, въ министерство. Положеніе о домашнихъ учителяхъ и дополнительныя къ нему правила были, тотчасъ по обнародованіи, переведены на фран-

цузскій и нѣмецкій языки и разосланы русскимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ.

Уже въ слѣдующемъ году министръ доносилъ (отч. за 1836, стр. 20), что повсюду замѣтно улучшение способа преподаванія и усиленіе надзора за нравственностію, а въ отчетѣ за 1837 г. (стр. 144) говорилось: „соединенныя съ этими званіями преимущества заставляютъ многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ избирать и проходить это поприще съ очевидною пользою, отъ чего вообще со времени утвержденія положенія 1-го іюля 1834 г. приливъ къ намъ иностранцевъ замѣтно уменьшился“. Въ 1837 г. иностранцевъ, прибывшихъ въ Россію для воспитанія юношества, было всего 39, изъ нихъ на Дерптскій округъ пришлось 11. Независимо отъ званія домашнихъ наставниковъ и учителей, 472 лицамъ дозволено было заниматься начальнымъ обученіемъ; въ томъ числѣ 243 ч. принадлежали къ Дерптскому учебному округу. „Облагороженныя стѣхи этого воспитанія примѣтно съ каждымъ годомъ развиваются и тысячи новыхъ, преимущественно русскихъ, дѣтелей, которыхъ способность и неукоризненность въ нравственномъ отношеніи обезпечиваются правительствомъ, истунили кресло на углаженное поприще домашнего воспитанія“.

Съ 1835 по 1853 г. подвергались испытанію при Петербургскомъ университетѣ 768, при гимназіяхъ 105 чел. обоего пола. Помимо такого испытанія, на основаніи аттестатовъ отъ учебныхъ заведеній, право на званіе домашнихъ учителей выдано было 827 лицамъ, что составляло среднимъ числомъ 94,4% въ годъ ¹⁾.

Если такимъ образомъ воспитаніе домашнее и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ поставлено было въ извѣстныя границы, то съ другой стороны министръ особенно заботился о привлеченіи воспитанниковъ въ благородные пансіоны при гимназіяхъ, пользовавшіеся покровительствомъ правительства. Цѣль и назначеніе этихъ пансіоновъ обозначены были имъ въ циркулярѣ отъ 16-го мая 1833 г. для „разясненія недоумѣній какъ со стороны начальствъ (?), такъ и со стороны дворянства и самихъ родителей“.... „Опытъ многихъ лѣтъ“, сказано между прочимъ въ этомъ циркулярѣ, „доказалъ вполне, что система нашихъ приготовительныхъ училищъ, именно гимназій, вмѣщаетъ тотъ недостатокъ, что всѣ сія заведенія основаны на общихъ теоретическихъ видахъ, а не на практическомъ, спеціальному началѣ. Открывая сіи училища для людей всякаго состоянія, мы принуждены были доселѣ соединять въ нихъ и дѣтей дворянъ съ дѣтьми разночинцевъ и другихъ среднихъ и низшихъ состояній. Отъ сего разнообразія, протекающаго впрочемъ отъ благотѣльнаго попеченія

¹⁾ *Вороновъ*. II, 250.

высшаго правительства о всѣхъ подданныхъ ему классахъ, происходило то послѣдствіе, что весьма рѣдко гимназій наши снискивали довѣренность дворянскаго сословія, по духу коренныхъ учрежденій столь рѣзко еще отлученнаго отъ прочихъ; такимъ образомъ дворяне приготовляли своихъ дѣтей къ высшему образованію посредствомъ или домашняго воспитанія, или частныхъ пансіоновъ; но и тотъ и другой способы оказались недостаточными и неудобными; между тѣмъ гимназій оставались частію праздыми, а университеты наполнялись недозрѣлыми къ слушанію университетскихъ лекцій питомцами, которые не проходили однообразно чрезъ пріуготовительное воспитаніе. И тѣ и другіе не достигали своей цѣли, а требованія времени и обстоятельствъ умножались ежечасно. Въ семъ положеніи вещей министерство народнаго просвѣщенія, надѣясь на содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ дворянъ, нашло полезнымъ открыть имъ возможность заводить подъ ихъ глазами и подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ пансіоны. Основаніе таковыхъ заведеній будетъ составлять немаловажное звѣно въ системѣ народнаго воспитанія въ Россіи. Но министерство не можетъ выводить ихъ изъ постепенной связи учебныхъ учреждений нашихъ; оно не можетъ согласиться, чтобы курсы преподаванія были своевольно измѣняемы людьми, безъ сомнѣнія благонамѣренными, но большею частію опытности лишенными; еще мѣвѣ можетъ оно согласиться, чтобы благородные пансіоны образовались въ видѣ *отдѣльныхъ, окончательныхъ* мѣстъ для воспитанія; чтобы, возвращаясь къ прежнему беспорядку, питомцы оныхъ, получая за поверхностное, энциклопедическое образованіе значительные чины, выходили оттолѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты. Недостатокъ специальности въ нашей учебной системѣ особенно ошутителенъ во второстепенныхъ училищахъ и сей именно недостатокъ желательно пополнить основаніемъ благородныхъ пансіоновъ. Если дѣти дворянъ преимущественно будутъ поступать въ оныя, то гимназій съ уѣздными училищами останутся въ пользу прочихъ классовъ; но благородные пансіоны не могутъ быть вообще ничѣмъ инымъ, какъ пріуготовительными училищами къ слушанію лекцій въ университетахъ; въ противномъ случаѣ, не только вредъ, симъ послѣднимъ наносимый, былъ бы очевидный, но и самая цѣль, связующая степени образованія, была бы прорываема къ ущербу истиннаго просвѣщенія; юноши, довольствуясь поверхностнымъ, пансіоннымъ ученіемъ, постигали бы съ выгодами, легко пріобрѣтенными, поступать на поприще службы и, не дозрѣвши, при обманчивомъ полуобразованіи, стремились бы къ исполненію обязанностей, далеко превышающихъ ихъ неразвитыя силы. Поэтому министерство вмѣняло себѣ за правило 1) допускать ль курсамъ гимназическаго ученія, при введеніи оныхъ въ благородныхъ пансіонахъ, только тѣ

измѣненія, которыя, по примѣру Московскаго дворянскаго института, имѣли цѣлю или сокращеніе времени, или распространеніе *нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ ближе принадлежащихъ къ образованію высшаго сословія*. 2) Дворянскіе пансіоны при гимназіяхъ занимаютъ мѣсто домашняго пріуготовительнаго воспитанія, или воспитанія въ частныхъ пансіонахъ; всякое же высшее ученіе заключается въ университетѣ. Воспитаніе, которое можетъ быть специальное до вступленія въ университетъ, пріемлетъ тамъ видъ общій, гдѣ преимущество въ нравственныхъ и умственныхъ способностяхъ, въ познаніяхъ, прилежаніи, будучи признано первымъ залогомъ истинныхъ усилій въ жизни, становится и главнымъ условіемъ получаемыхъ отличій и вознагражденій. 3) Съ сей точки зрѣнія преимущества, предоставляемыя воспитанникамъ гимназій, совершенно достаточны и для тѣхъ воспитанниковъ дворянскихъ институтовъ, кои могутъ быть принуждены прерывать дальнѣйшее свое образованіе до вступленія въ университетъ. Въ сихъ специальныхъ для дворянства училищахъ не должно быть однако ничего отдѣльнаго, односторонняго. Дѣлать изъ нихъ университеты въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивать отрывкамъ изъ нихъ то, что принадлежитъ въ цѣлости симъ послѣднимъ, не только не имѣло бы никакой пользы, но затрудняло бы болѣе и болѣе постепенное развитіе народнаго воспитанія. Въ особенности слѣдуетъ внушить родителямъ, что ничто не можетъ замѣнить когда-либо выгоды университетскаго ученія¹⁾.

Изъ циркуляра ясно, какого рода недоразумѣнія были порождены учрежденіемъ въ разныхъ городахъ благородныхъ пансіоновъ: главнымъ образомъ дѣло шло тутъ, кажется, о Московскомъ пансіонѣ, о которомъ будетъ сказано ниже.

Уваровъ съ энергіею взялся за это дѣло, встрѣченное съ радостію педагогами, которые до того времени жаловались на недостатокъ домашняго надзора за воспитанниками; устройство пансіоновъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ предшествовавшій періодъ опытовъ, должно было пользоваться популярностію въ средѣ дворянства¹⁾, такъ какъ благодаря имъ дѣти дворянъ избѣгали сообщества съ дѣтьми низшихъ сословій и сверхъ того получали возможность усиленно заниматься иностранными языками и искусствами²⁾.

Число благородныхъ пансіоновъ въ послѣдній годъ министерства Уварова (1849) простиралось до 47 (при 75 гимназіяхъ). Съ того

¹⁾ Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воспитанники не поощряемы были въ одномъ заведеніи, а распределялись директоромъ гимназій между мѣстными жителями по контрактамъ, заключеннымъ въ началѣ каждаго учебнаго года. *Андріановъ*, Кіевская гимн., стр. 46.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

времени по 1863 годъ вновь открыто было всего лишь четыре пансіона (Журн. Деп. СХХІ, 2, 544). Устройство ихъ было въ томъ отношеніи затруднительнымъ, что оно должно было обсуждаться въ губернскомъ дворянскомъ собраніи и восходить на Высочайшее утвержденіе чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Обыкновенно при общей раскладкѣ суммы, жертвующей дворянствомъ на учрежденіе и содержаніе какого-либо пансіона, мѣрою износа, слѣдовавшаго съ каждого дворянина, служило число принадлежавшихъ ему душъ; однако изъ этого не нужно выводить заключенія, что помѣщики увеличили для означенной цѣли подати съ своихъ крѣпостныхъ. Противное тому прямо высказывается въ нѣкоторыхъ документахъ.

Примѣромъ подробныхъ правилъ, установленныхъ для пансіоновъ — правилъ, подходящихъ впрочемъ въ общихъ началахъ подѣ гимназическій уставъ (§§ 239—287), могутъ служить правила для благороднаго пансіона при Костромской губернской гимназіи, утвержденныя 9-го сентября 1838 г. Вотъ въ чемъ состояли они: 1) устройство пансіона представляетъ дворянамъ и чиновникамъ (начиная съ VIII класса) весьма удобное средство, безъ значительныхъ издержекъ, дать образованіе своимъ дѣтямъ, основанное на началахъ чистой нравственности, сообразное съ потребностями времени и благими видами правительства, и притомъ полнѣе и совершеннѣе всякаго домашняго воспитанія. Кромѣ пансіонеровъ существуетъ еще два разряда полупансіонеровъ: тѣ, которые платятъ только половину, и тѣ, кои, не пользуясь ничѣмъ отъ пансіона, имѣютъ въ ономъ лишь обѣденный столъ и по окончаніи вечернихъ классовъ возвращаются домой. Содержаніе воспитанниковъ, равно какъ жалованье служащимъ, производится изъ пансіонской суммы. На содержаніе каждого пансіонера назначается 500 р. асс. въ годъ, полупансіонеровъ—250 и 150 р.; кромѣ того, при вступленіи единовременно вносится 50, 25 и 15 р.¹⁾

Главный надзоръ за пансіономъ поручается почетному попечителю гимназіи; директоръ гимназіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и директоръ пансіона, а должность его помощника исправляетъ инспекторъ гимназіи. Наблюденіе за поведеніемъ и занятіями воспитанниковъ ввѣрено комитетнымъ надзирателямъ. Экономъ исполняетъ порученія по хозяйственной части. Въ случаѣ поступленія въ пансіонъ, на содержаніе дворянства, воспитанниковъ, не обладающихъ требуемыми

¹⁾ Дворянство Костромской губерніи постановило: а) внести единовременно по 20 коп. съ каждой ревизской души, что, принимая въ разчетъ почти 300,000 помѣщичьихъ крестьянъ, составило около 60,000 р., изъ этой суммы 55,000 р. отдѣлены были на передѣлку (подареннаго казною) пансіонскаго дома; б) вносить ежегодно, въ теченіе 10-ти лѣтъ, по 6 коп. на содержаніе 30-ти дворянскихъ воспитанниковъ и по 10 к. на образованіе резервнаго капитала.

свидѣніями, они обучаются у особаго учителя первоначальнымъ предметамъ; впрочемъ, обязанность сію могутъ выполнять и комнатные надзиратели; 2) при приѣмѣ требуются свидѣтельства: о рожденіи и крещеніи; медицинское о здоровьи и привитіи оспы и о дворянскомъ происхожденіи; для дѣтей личныхъ дворянъ необходимы аттестаты ихъ родителей о службѣ или послужные ихъ списки. Сверхъ того, если желающій помѣститъ воспитанника въ благородный пансіонъ не имѣетъ постоянного пребыванія въ Костромѣ, то представляетъ письменное поручительство извѣстной живущей въ городѣ особы, что, въ случаѣ исключенія воспитанника изъ пансіона, приметъ его къ себѣ. Воспитанники раздѣляются на получающихъ содержаніе изъ дворянскихъ пожертвованій и казенпокоштныхъ. Первые избираются собраніемъ предподателей; казенные же принимаются по предварительномъ испытаніи въ совѣтѣ гимназій и притомъ должны представить надлежащее свидѣтельство о ихъ бѣдности. Сумма за воспитанниковъ вносится въ два срока впередъ и притомъ считая съ 1-го числа того мѣсяца, когда воспитанникъ поступить въ пансіонъ. Сумма эта остается достояніемъ пансіона, хотя бы воспитанникъ выбылъ изъ оного до истеченія срока, за который она внесена. Воспитанники, за содержаніе коихъ не будетъ внесено установленной платы въ теченіе января или іюля мѣсяцевъ (учебный годъ начинался съ 1-го августа), немедленно исключаются, а слѣдующая за ихъ содержаніе сумма требуется по разчету за то время, въ продолженіе коего они оставались въ пансіонѣ. Столомъ, одеждою, бѣльемъ, учебными пособиями и вообще всѣмъ необходимымъ воспитанники пользуются отъ пансіона. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ блюдъ „вкусныхъ и здоровыхъ“, ужинъ—изъ двухъ; для завтрака и полдника чай съ молокомъ и булкою; по воскресеньямъ и праздникамъ за обѣдомъ прибавляется еще одно блюдо. При пансіонѣ имѣется баня, больница и врачъ при больницѣ. Для каждаго 8-ми воспитанниковъ полагается по одному комнатному служителю. 3) Распределеніе времени: воспитанники встаютъ въ 5½ часовъ; въ 6 ч. молитва; отъ 6-ти до 9-ти ч. завтракъ и приготовленіе уроковъ; отъ 9-ти до 12-ти классное ученіе; отъ 12-ти до 3-хъ—обѣдъ, отдыхъ, танцы, музыка и приготовленіе къ классамъ; отъ 3-хъ до 6—ученіе въ классахъ; отъ 6—6½ полдникъ и отдыхъ; отъ 6½ до 8-ми—повтореніе уроковъ; отъ 8-ми до 9½—ужинъ и отдыхъ, послѣ котораго воспитанники собираются на вечернюю молитву и ложатся спать. Въ зимнее время ученіе продолжается съ 8-ми до 11-ти часовъ утра, а послѣ обѣда отъ 1-го до 4-хъ часовъ, для удобства ученикамъ возвращаться домой прежде наступленія ночи. Инспекторъ наблюдаетъ, чтобы молитвы утреннія и вечернія слушались со вниманіемъ. Въ воскресные и праздничные дни воспитанники собираются въ церковь къ божественной

литургии. Въ свободныя отъ ученія дни благонравныя и прилежныя воспитанники могутъ ходить къ роднымъ, въ сопровожденіи посылаемыхъ за ними надежныхъ людей. 4) Изъ предметовъ ученія греческій языкъ предоставляется на волю желающихъ; французскій и нѣмецкій языки пачинаются съ самыхъ низшихъ классовъ; сверхъ того „училищнымъ начальствомъ приняты будутъ возможныя мѣры къ упражненію воспитанниковъ въ оныхъ языкахъ, необходимыхъ въ общежитіи, посредствомъ опредѣленія свѣдущихъ надзирателей, а со временемъ введеніемъ параллельныхъ классовъ“. 5) Непосредственное хозяйство въ пансіонѣ ввѣряется инспектору, на обязанности коего, исключая обученія, лежитъ надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ, заведываніе учебными пособиями; ему вообще вверяется порядокъ въ пансіонѣ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ находится съ воспитанниками во время стола, выбираетъ книги для чтенія, ведетъ отчетность и т. п. Помощниками его служатъ комнатные надзиратели (на каждые 15 посп. по одному). Въ надзиратели избираются люди благоноситательныя, имѣющіе законное дозволеніе на исправленіе сей должности сверхъ свидѣтельства о благонадежности и хорошемъ поведеніи. Они должны свободно объясняться по-французски или по-нѣмецки. Учителя новѣйшихъ языковъ могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и надзирателями. Надзиратели обязаны: имѣть бдительный, непрерывный надзоръ за воспитанниками (для этой цѣли въ свободное отъ классовъ время, должны находиться при нихъ безотлучно и почевать поочередн въ однихъ съ ними комнатахъ); наблюдать за приготовленіемъ заданныхъ уроковъ; въ свободное время занимать ихъ чтеніемъ или переводами и извлеченіями; наблюдать за бесѣдою ихъ, замѣчая и поправляя дѣлаемыя ими ошибки противъ языка, приличій или вкуса; наблюдать, чтобы воспитанники не читали неодобренныхъ книгъ и вообще не дозволяли себѣ ничего неприличнаго благороднымъ и благовоспитаннымъ юношамъ. Надзиратели обязаны всякое утро доносить словесно инспектору о состояніи пансіона и вести журналъ, означая въ ономъ поступки воспитанниковъ, черты ихъ характера и доказательства прилежанія, а равно къ чему они наиболѣе имѣютъ склонности, въ какіе поступки чаще впадаютъ, въ какихъ пособияхъ имѣютъ особенную надобность и пр. Журналы эти въ концѣ мѣсяца представляются инспектору, а имъ—директору и почетному попечителю. Надзиратели обязаны своими поступками вкоренять въ сердца воспитанниковъ любовь къ наукамъ и уваженіе къ правиламъ нравственности и святой религіи, быть снисходительны къ проступкамъ легкимъ, свойственнымъ дѣтскому или юношескому возрасту, по тверды въ важныхъ случаяхъ; впрочемъ строгія мѣры надлежитъ употреблять весьма рѣдко и только по необходимости. Жалованье комнатнымъ надзирателямъ опредѣлено было въ 350 руб.

Комнатные надзиратели состояли въ XII классѣ. Если число ихъ доходило до трехъ, то одинъ назначался „для усиленія нравственнаго присмотра за юношествомъ, и по важности вліянія, которое могутъ имѣть въ этомъ отношеніи надзиратели“, (отъ 1834, 5) старшимъ комнатнымъ надзирателемъ (должность въ IX классѣ). Кромѣ того, если въ некоторомъ изъ комнатныхъ надзирателей предоставляемы были особыя передъ другими преимущества, то при этомъ имѣлось въ виду удерживать людей способныхъ ¹⁾. Имъ поручаемъ былъ надзоръ за воспитанниками старшихъ отдѣленій. „Званіе старшаго надзирателя, читаемъ мы далѣе, должно быть не столько наградою, сколько поощреніемъ истинныхъ заслугъ и отличныхъ достоинствъ; въ эту должность должны быть преимущественно избираемы лица съ высшимъ образованіемъ, а также и съ лучшими нравственными качествами. Таковыя лица могли бы съ особенною пользою быть употребляемы какъ репетиторы при воспитанникахъ высшихъ классовъ. Весьма желательно, чтобы они могли свободно объясняться на одномъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, хотя и нельзя сего поставить непремѣннымъ условіемъ. Званіе старшаго комнатнаго надзирателя не можетъ быть полагаяемо на старшихъ учителей. Въ случаѣ возможности увеличить оклады старшихъ надзирателей, слѣдуетъ испрашивать на то разрѣшеніе министерства“.

Впослѣдствіи дозволено было соединять должность комнатнаго надзирателя съ званіемъ не только учителя новѣйшихъ языковъ, но и другихъ предметовъ (сперва, въ видѣ опыта, 15 іюня 1843 г., окончательно же 12 мая 1849 г.): впрочемъ было весьма затруднительно присваивать на эти мѣста за небольшое жалованье дѣльныхъ людей. Уже 30 января 1835 г. разрѣшено было опредѣлять въ эти должности лицъ всѣхъ свободныхъ состояній, равно какъ изъ податныхъ сословій и даже иностранцевъ.

Весьма вѣрную картину обязанностей, требуемыхъ на практикѣ отъ комнатныхъ надзирателей, находимъ мы у Андріашева ²⁾. Распоряженія по этому предмету почти единогласно предписывали: 1) чтобы въ каждомъ отдѣленіи были избраны комнатные старшіе и ихъ помощники изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ; 2) чтобы надзиратели, старшіе и помощники ихъ наблюдали, дабы ученики умывались своевременно, стригли ногти и вообще содержали себя въ чистотѣ; 3) чтобы, идя въ столовую, строились попарно, наблюдая постепенность по росту; 4) чтобы воспитанники, идя въ городъ, были всегда въ мундирахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы, и 5) чтобы, встрѣчаясь

¹⁾ Предложеніе попечителю Московскаго учебнаго округа отъ 11 ноября 1840 г. (въ Сборн. расп.).

²⁾ Кіевскія гимназіи, стр. 50. б 2.

съ начальникомъ, снимали шапку и кланялись, обратясь къ нему лицомъ. Для упражненія въ разговорахъ на иностранныхъ языкахъ предписывалось, чтобы воспитанники три дня въ недѣлю говорили по французски и три дня по нѣмцекъ; только по воскресеньямъ позволялось говорить на отечественномъ языкѣ. Для наблюденія за этимъ старшіе вели журналы, распредѣленные на четыре категоріи: для тѣхъ, которые въ будни въ разговорѣ на отечественномъ языкѣ замѣчены не были; для замѣченныхъ въ этомъ не болѣе пяти разъ въ недѣлю; для замѣченныхъ не болѣе трехъ разъ въ теченіе дня, и для тѣхъ, которые говорили на отечественномъ языкѣ болѣе трехъ разъ ежедневно. Первымъ объявлялась благодарность начальства; послѣдніе не получали отпуска въ теченіе цѣлаго мѣсяца и кромѣ того были собираемы въ особую комнату для упражненія во французскомъ языкѣ. Если кто изъ принадлежавшихъ къ тремъ низшимъ категоріямъ въ слѣдующую недѣлю переходилъ въ первую категорію, то освобожденіе отъ наказанія имѣлось ему въ награду. Во время игры заговорившій на отечественномъ языкѣ исключался изъ числа играющихъ, а заговорившіе во время завтрака, обѣда или ужина — лишались оныхъ.

Такъ какъ въ каждомъ благородномъ пансіонѣ содержалось известное число воспитанниковъ на счетъ дворянства (до 30 чел.) или казны (до 7), то заведенія эти преслѣдовали весьма похвальную филантропическую цѣль. Воспитанники пансіоновъ, содержавшіеся на счетъ казны или дворянскихъ суммъ, также перешедшіе на счетъ дворянскихъ же суммъ въ университетъ, обязаны были прослужить шесть лѣтъ первые по гражданской части, послѣдніе по учебному вѣдомству. И тѣ и другіе не имѣли права оставить заведеніе прежде окончанія полного курса ученія (25 апрѣля 1839). Возрастъ при приѣмѣ въ пансіонъ былъ опредѣленъ: для 1 и 2 классовъ не выше 13-ти, а для 3 и 4 классовъ не старѣе 15 лѣтъ, по причинѣ неудобства допущенія въ благородные пансіоны при гимназіяхъ дѣтей, значительно превосходившихъ возрастомъ своихъ товарищей по классамъ (9 октября 1841 г.); уставомъ гимназій опредѣленъ былъ для тѣхъ же классовъ возрастъ не моложе 10 и 12 лѣтъ (§ 150).

По § 243 въ пансіонахъ преподавались гимнастика (въ Одессѣ и Киевѣ), музыка (въ Екатеринославѣ), пѣніе (въ Ярославлѣ), фехтованіе (въ Полтавѣ и Москвѣ) и танцованіе (въ Москвѣ), но, какъ кажется, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доставало для этого денежныхъ средствъ. Сверхъ того въ пансіонѣ при Нижегородской гимназій открыты были параллельные классы французскаго языка (8 декабря 1837 г.), въ Виленскомъ благородномъ пансіонѣ введено преподаваніе ситуационнаго черченія для тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые

предназначали себя къ поступленію въ военную службу (16 марта 1838 г.). Въ Тулѣ разрѣшено было имѣть особаго репетитора для практическихъ упражненій во французскомъ языкѣ (19 мая 1844 г.), а въ Черниговѣ—репетитора математики (31 января 1845 г.) изъ паличлихъ учителей.

Наилувъ въ пансіоны былъ такъ великъ, что въ иныхъ мѣстахъ пришлось ихъ расширить. Такъ, напримѣръ, благородный пансіонъ въ Кіевѣ, учрежденный въ 1834 г. на 60 воспитанниковъ, уже въ 1835 г. долженъ былъ расшириться на 120, въ 1837 г. при Кіевской гимназіи открыть второй, а въ 1838 г. даже третій пансіонъ. Всѣхъ учениковъ въ этихъ пансіонахъ считалось 250. Въ другихъ пансіонахъ, предназначенныхъ сперва на 20 воспитанниковъ, число это возросло до 90. Въ западномъ краѣ правительство видѣло въ учрежденіи пансіоновъ „лучшее средство охранить молодое поколѣніе отъ вреднаго вліянія, какое на него могла оказывать общественная и семейная среда“ ¹⁾, а потому особенно поощряло ихъ открытіе. Въ этомъ краѣ мы встрѣчаемъ и такъ называемыя общія учебныя квартиры. По сему предмету высочайше утвержденнымъ 23 апрѣля 1840 г. положеніемъ комитета министровъ, въ которомъ присутствовалъ и Кіевскій военный губернаторъ, было повелѣно: стараться вездѣ, гдѣ окажется удобнымъ, напимать общія квартиры для учащихся, по соглашенію съ родителями относительно платы за содержаніе ихъ дѣтей, и на такихъ квартирахъ помѣщать учениковъ подъ присмотромъ особыхъ надзирателей. По словамъ министра, мѣра эта увѣнчалась успѣхомъ свыше всякаго чаянія. При каждой гимназіи общія квартиры раздѣлены были на нѣсколько разрядовъ, смотря по количеству взимаемой съ учениковъ платы, которая не простиралась свыше 200 руб. сер., а въ иныхъ случаяхъ ограничивалась 45 руб. Въ каждой квартирѣ помѣщалось нѣсколько бѣдныхъ учениковъ бесплатно. Главный надворъ за ними поручался директорамъ гимназій съ участіемъ почетныхъ попечителей. Въ случаѣ невозможности, по недостатку квартиръ, соединить въ нихъ заведенія всѣхъ учениковъ, дозволено было помѣщать ихъ у нѣкоторыхъ учителей въ видѣ отдѣленій одного изъ разрядовъ общихъ квартиръ. Отъ обязанности жить совокупно освобождены были только тѣ ученики, родители коихъ, или самые близкіе родственники, имѣли постоянное пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились гимназій. Изъ 1748 учениковъ Кіевской, Житомирской, Ковенской, Винницкой и Немировской гимназій 981 помѣщены были въ общихъ квартирахъ, а у родителей и родственниковъ оставались 767. „Существо сего дѣла“, говоритъ Уваровъ, „принадлежитъ, быть можетъ,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. СХХІ, 163, 548.

къ важнѣйшимъ предпріятіямъ министерства въ истекшемъ году* (отч. 1837 г., 46, 118).

Въ 1841 г. высочайше повелѣно было приступить къ учрежденію ученическихъ квартиръ и при учебныхъ заведеніяхъ Вѣлорусскаго округа (отч. 1841 г., 55); объ этомъ просило также и дворянство Черниговской губерніи (отч. 1847 г., 52). Въ Киевскомъ же округѣ онѣ должны были быть только временными, впредь до обращенія учебныхъ заведеній сего округа въ закрытія (отч. 1845 г. 48), — распоряженіе, которое не могло осуществиться скоро вслѣдствіе необходимыхъ для этого перестроекъ (въ 1848 г. дѣло еще не было окончено, см. отч. 1851 г.).

Съ 1837 г. пришло къ окончанію повсемѣстное въ Имперіи преобразование гимназій. Не легко было пріискать вездѣ соответственные учебному плану учебныя силы. Явилась однако возможность пособить этому неудобству. Такъ, напримѣръ, по Казанскому учебному округу попечитель циркуляромъ отъ 17 мая 1835 г. предписалъ къ исполненію упомянутое выше предложеніе князя Ливена 11 февраля 1831 г., требовавшее, со введеніемъ новыхъ штатовъ въ С.-Петербургскомъ округѣ, сдѣлать строгій разборъ учителямъ и тѣхъ изъ нихъ, кои имѣли слабыя познанія, равно какъ нестарательныхъ или сомнительнаго поведенія оставить на прежнемъ жалованьи. „Вслѣдствіе этого распоряженія попечителя“, говоритъ Владиміровъ (II, 252), „одни изъ учителей остались преподавателями въ 1-й Казанской гимназіи, а другіе перешли во 2-ю (вновь учрежденную) гимназію“. Еще болѣе неудобствъ встрѣтило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ размѣщеніе учениковъ стараго образованія или старой гимназіи (какъ выражались въ то время) по классамъ новой гимназіи, напримѣръ, въ Киевѣ, гдѣ попечитель округа предписалъ всѣхъ учениковъ перевести въ IV классъ новой гимназіи, не подвергая ихъ при этомъ переводѣ испытанію¹⁾.

Измѣненія въ курсахъ гимназическаго ученія, о коихъ было упомянуто въ циркулярномъ предложеніи Уварова отъ 16 мая 1833 г. (объ учрежденіи благородныхъ пансіоновъ), вызваны были фактомъ, на который нельзя было не обратить вниманія. А именно: не взирая на то, что комитетъ устройства учебныхъ заведеній строго слѣдилъ за примѣненіемъ устава 1828 г. ко всѣмъ безъ изъятія среднимъ учебнымъ заведеніямъ, Московскому дворянству удалось исходатайствовать преобразование 1-й Московской гимназіи въ *Дворинскій институтъ* (22-го февраля 1833 г.). Такъ какъ институтъ долженствовалъ имѣть только пять классовъ, то при вступленіи въ него воспитанники обязаны были выдержать испытаніе въ предметахъ двухъ

¹⁾ Андріашевъ, 41.

низшихъ гимназическихъ классовъ. Греческій языкъ въ Дворянскомъ институтѣ не входилъ въ общій курсъ и преподавался только тѣмъ воспитанникамъ, которые, при особенныхъ способностяхъ, изъявляли на то желаніе; взамѣлъ того запятія иностранными языками получили въ институтѣ особое развитіе, вслѣдствіе чего и разрѣшено было опредѣлить для этихъ предметовъ еще двухъ учителей (отч. 1835 г., 42). Число воспитанниковъ на первый разъ опредѣлялось 200. Это предварительное образованіе института было замѣнено постояннымъ положеніемъ, отъ 6-го мая 1836 г. На основаніи его въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ должны были воспитываться дѣти дворянъ, преимущественно Московской губерніи, и ученіе въ немъ раздѣлялось на 6 классовъ. Для вступленія въ 1-й классъ требовалось то же, что и для 1-го класса гимназій. Дѣти принимаемы были только до 3-го класса включительно. Ежегодная плата назначена 860 р. асс. По учебному плану преподаваніе географіи и статистики было соединено; новымъ предметомъ была естественная исторія. Греческій и англійскій языки преподавались лишь желающимъ; послѣдній изъ нихъ въ томъ лишь случаѣ, когда за каждаго обучающагося ему будетъ внесена особая плата (75 р. асс.). Изъ искусствъ, танцованію обучались всѣ воспитанники; музыкѣ же, фехтованію и верховой ѣздѣ — только желавшіе и притомъ если таковыхъ оказывалось не менѣе 12. Если классъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 25-ти учениковъ, то онъ раздѣлялся на два отдѣленія. Такъ какъ экзамены воспитанниковъ, окончивавшихъ годичный курсъ, производились каждый разъ при попечителѣ или помощникѣ его профессорами университета, то желающіе поступить въ студенты, по полученіи аттестатовъ отъ института, не подвергались вторичному на сіе знаніе испытанію. Изъ числа важныхъ преимуществъ, дарованныхъ институту, слѣдуетъ отнести и то, что отличнѣйшіе ученики награждались при выпускѣ медалями и безъ знанія греческаго языка. Однако XIV классъ представлялся только тѣмъ, которые изучали этотъ языкъ. Позднѣйшее положеніе, отъ 18-го декабря 1845 г., „болѣе соответствующее потребностямъ“ (отч. 1845 г., 24), отличается отъ прежняго развѣ только утроеннымъ штатомъ (возвышеннымъ съ 58,950 р. асс. на 53,330 р. сер.).

Что бы ни говорили въ пользу Дворянскаго института, но установленіе шестикласснаго гимназическаго курса съ упомянутыми преимуществами было сильнымъ ударомъ еще не повсемѣстно введенному гимназическому уставу, и съ этой точки зрѣнія „раціональное и теоретическое“ оправданіе этого нововведенія, которому академикъ Н. И. Давыдовъ посвятилъ свое бойкое перо, не имѣло внутренняго, глубокаго основанія. Какъ и слѣдовало ожидать, примѣръ не замедлил встрѣтить подражаніе и прежде всего въ 1-й С.-Петербургской

гимназіи. Уже въ 1834 г., „по случаю изъявленнаго нѣкоторыми родителями желанія, чтобы воспитывающіеся въ этой гимназіи дѣти ихъ, предназначаемыя къ поступленію въ военно-учебныя заведенія или въ военную службу, освобождены были отъ изученія латинскаго языка“, министръ далъ на это разрѣшеніе, съ тѣмъ, чтобы остающееся отъ сего предмета свободное время употреблено было на усиленіе преподаванія новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, и чтобы воспитанники, не обучающіеся латинскому языку, не пользовались преимуществами, изображенными въ уставѣ 1828 года (отч. 1834 г., 31). Но такъ какъ въ гимназію принимались только дѣти родовыхъ дворянъ (6-го февраля 1826 г.) и не допускались вольноприходящіе ученики, такъ какъ „при непрестанномъ наблюденіи за занятіями воспитанниковъ даже и впѣ классовъ, ходъ ученія менѣе замедляется отъ разности въ успѣхахъ учениковъ и бываеъ однообразіе“ (отч. 1837 г., 14), то и означенной гимназіи дарованъ былъ шестиклассный курсъ, съ распространеніемъ его и на *другія гимназіи*, въ коихъ воспитываются дѣти благороднаго сословія и признано будетъ нужнымъ прекратить пріемъ вольноприходящихъ учениковъ (30-го декабря 1837 г.). Гимназія была устроена на 150 воспитанниковъ и плата за пансіонеровъ 9-го марта 1836 г. возвышена до 1000 р. асс.

Во 2-й Виленской гимназіи 30-го іюля 1838 года курсъ ученія былъ сокращенъ однимъ годомъ, а 7-го октября того же года гимназія эта была переименована въ *Виленскій Дворянскій Институтъ*, и вольноприходящіе ученики переведены въ губернскую гимназію. Преобразование гимназіи и упраздненіе VII класса должно было послѣдовать съ окончаніемъ 1841—1842 учебнаго года. Распределение предметовъ по шестиклассному курсу было слѣдующее: законъ Божій: въ I классѣ — священная исторія ветхаго завѣта; II кл. исторія новаго завѣта, III кл. перламъ половинъ пространнаго катехизиса; IV кл. окончаніе пространнаго катехизиса и исторія церкви христіанской; V кл. исторія церкви христіанской и изъяснительное чтеніе священной исторіи; VI кл. изъясненіе христіанскихъ обязанностей. Русскій языкъ: классы: I, начальныя основанія этимологии; II, полное объясненіе этимологии и краткое объясненіе синтаксиса; III, объясненіе правилъ правописанія и синтаксиса; IV, слоно-сложеніе и объясненіе періодовъ, начала риторики, краткое понятіе о славянской грамматикѣ; V, начала логики, общія и частная риторика; VI, окончаніе логики частной, прикладная логика, логика съ критическимъ разборомъ образцовъ, краткая исторія русской словесности. Математика: I, II, арифметика; III, алгебра до уравненій 2-й степени включительно; IV, окончаніе алгебры и геометріи; V, тригонометрія и 1-я часть приложенія алгебры къ геометріи; VI, коническихъ свѣченія и начертательная геометрія. Физика: V, общая физи-

ка; VI, частная физика. Язык латинский: I, чтение, письмо, существенныя формы грамматики по Кошанскому; II, синтаксис грамматики Кошанского, III, дополнительное повторение грамматики с примѣрами и упражненіями; IV, продолжение чтения латинской прозы — Cornelius Nepos, изъ поэзии Phaedrus; приложение главныхъ правилъ просодіи и метрики; переводы по книгѣ Вѣлюстина; V, продолжение чтения латинскихъ авторовъ — Salustius, Virgilius Aeneis; VI, продолжение чтения авторовъ (Livius, Virgilius, Horatius), практическія упражненія. Географія: I, физическое обозрѣніе глобуса; II, обозрѣніе всѣхъ частей свѣта; III, подробное описаніе государствъ; IV, русская географія; V, математическая географія (космографія); VI, статистика всеобщая и русская. Исторія: II, хронологія по Явлинскому; III, краткое обозрѣніе русской исторіи и всеобщей; IV, древняя исторія; V, исторія среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ подробною русскою исторіею до Іоанна III (1463 г.); VI, новая исторія съ подробною русскою исторіею до нынѣшнихъ временъ. Для французскаго и нѣмецкаго языковъ сохранены были параллельные классы въ прежнемъ порядкѣ. Для воспитанниковъ, предназначавшихъ себя къ поступленію въ военную службу, введено было ситуационное черченіе (отч. 1838 г., 69). Институту дарованы были 13-го января 1839 г. нѣкоторые права, а именно: высшему классу дозволено носить шлягу; окончившимъ курсъ воспитанникамъ предоставлены, при вступленіи въ военную службу, преимущества студентовъ университетскихъ, которые, прослуживъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи шесть мѣсяцевъ, производятся въ офицеры, лишь бы только знаніемъ фронта были того достойны. „Эта послѣдняя мѣра“, сказано въ докладѣ министра, „въ своемъ существѣ сблизитъ посредствомъ военной службы будущность этихъ благовоспитанныхъ юношей съ видами правительства и сильно будетъ содѣйствовать къ успокоенію умовъ какъ ихъ, такъ и родителей“. При поступленіи воспитанниковъ въ гражданскую службу, отличившіе изъ нихъ представляемы были министромъ къ опредѣленію въ департаменты министерствъ, по согласенію съ министрами, и въ подобныхъ случаяхъ „усугублена будетъ со стороны министра разборчивость и никакое лиценціаніе не будетъ имѣть мѣста и со стороны учебныхъ заведеній“. Плата за каждого пансіонера опредѣлена была въ 250 р. с. Вслѣдствіи при Виленскомъ институтѣ опредѣленъ былъ сверхштатный учитель англійскаго языка (4-го апрѣля 1844 г.).

Особый видъ дворянскихъ институтовъ представляетъ 1-я Кіевская гимназія, воспитанниковъ коей 23-го марта 1838 г. разрѣшено было принимать въ университетъ безъ вторичнаго испытанія; 21-го сентября того же года она была преобразована въ шестиклассный составъ. Въ томъ же году прекратился пріемъ въ означенную гим-

назю вольноприходящихъ учениковъ и учрежденъ при ней полупансионъ, на томъ основаніи, чтобы ученики, подвергаясь ближайшему надзору гимназическаго начальства на избранныхъ ими квартирахъ, находились въ пансіонѣ все время между утренними и послѣобѣденными уроками и еще нѣкоторое время поутру или ввечеру, занимаясь тамъ репетиціею уроковъ подъ руководствомъ особо опредѣленныхъ комнатныхъ надзирателей. Съ каждаго полупансионера взималось ежегодно по 350 руб. и по 60 р. асс. за ученіе. Штатъ полупансіона простирался до 16,300 руб. асс.

Примѣру Москвы послѣдовало дворянство Пензенской губерніи (Казанск. уч. окр.), постановившее на общемъ губернскомъ собраніи, болѣе чѣмъ двумя третями голосовъ, преобразовать пансіонъ при гимназіи въ Дворянскій институтъ, съ дополнительнымъ для сего денежнымъ сборомъ съ помѣщичьихъ доходовъ, начиная съ 1841 года (утверждено 20-го августа 1840 г.). Нѣсколько позднѣе, 30-го іюня 1843 г., удостоился высочайшаго утвержденія уставъ этого института. На основаніи его въ институтѣ должны были воспитываться дѣти дворянъ „и чиновниковъ“, преимущественно Пензенской губерніи, для приготовленія однихъ изъ нихъ къ дальнѣйшему образованію въ университетѣ и для „доставленія другимъ достаточныхъ свѣдѣній въ общественномъ и домашнемъ быту“. Курсъ ученія однако раздѣлялся на семь классовъ. Къ преподаванію математики присоединено практическое землемѣріе. Какъ совершенно новый предметъ преподаванія введено въ учебную часть руссійское законовѣдѣніе и судопроизводство и притомъ съ 24 часами въ недѣлю и 2 учителями (общее число учителей 15). Для русской словесности и логики положено было 24 часа, для латинскаго языка 31¹/₂, французскаго и нѣмецкаго языковъ по 24, математики 36, исторіи 16¹/₂, географіи и статистики 18, чистописанія 10¹/₂, черченія и рисованія 13¹/₂, такъ что только число часовъ, опредѣленное для закона Божія и физики согласовалось съ положеніями для сихъ предметовъ устава 1828 года. На подобіе Московскаго института и въ Пензенскомъ имѣли ученики, получившаго золотую медаль, выставлялось навсегда въ залѣ института. Состоявшіе на полномъ иждивеніи дворянства 20 воспитанниковъ, равно какъ 7, содержавшихся на средства государственнаго казначейства, обязаны были прослужить, подобно воспитанникамъ благородныхъ пансіоновъ, шесть лѣтъ по гражданской части. Кончившіе полный курсъ съ одобрительнымъ аттестатомъ прямо вступали въ службу съ чиномъ 14-го класса, безъ оговорки, сдѣланной для воспитанниковъ Московскаго института. Всѣхъ воспитанниковъ, кромѣ упомянутыхъ дворянскихъ и казенныхъ, полагалось 150; штатъ былъ изчисленъ въ 11,630 р. сер. Губернскій предводитель дворянства имѣлъ надзоръ за ходомъ управленія и состояніемъ института, на-

блюдалъ за правильнымъ расходованіемъ суммъ и назначалъ недостаточныхъ дѣтей для принятія въ число дворянскихъ воспитанниковъ. Онъ могъ требовать отъ директора всѣхъ свѣдѣній по институту, какія признавалъ нужными; замѣтивъ какія-либо отступленія отъ устава, могъ сообщать о томъ директору, а если считалъ нужнымъ, то и попечителю округа; о мѣрахъ, способствовавшихъ по его мнѣнію къ усовершенствованію благосостоянія института въ учебномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, онъ также предлагалъ директору; разсматривалъ ежегодную смѣту на содержаніе воспитанниковъ и получалъ отъ совѣта института ежегодный отчетъ о наличныхъ суммахъ.

1-го марта 1844 г. въ Казанскомъ учебномъ округѣ открыто было другое такого же рода заведеніе, а именно Нижегородскій Александровскій дворянскій институтъ (мысль о немъ возникла еще въ 1838 г., см. отч. за этотъ годъ, стр. 47). Учебный планъ его согласовался съ планомъ Пепелянскаго института только относительно исторіи и законовѣдѣнія, равно какъ черченія и рисованія, число же часовъ латинскаго языка было еще болѣе ограничено (30); напротивъ, для естественной исторіи полагалось 12 и для сельскаго хозяйства 3 часа; для французскаго и нѣмецкаго языковъ назначено было по 21 часу. Всѣхъ учителей состояло 16. Штатъ Александровскаго института простирался до 13,588 р. Дворянскихъ воспитанниковъ было 22 и казенныхъ 7; своекоштныхъ воспитанниковъ полагалось до 100 и даже болѣе, соразмѣрно съ помѣщеніемъ.

Предположеніе учредить институтъ въ Ярославлѣ не было одобрено министерствомъ, въ виду того, что при Ярославской гимназій еще не существовало благороднаго пансіона (отч. 1833 г., 181; 1834 г., 53).

О поименованныхъ заведеніяхъ министръ выражался такъ: „Облегчалъ съ одной стороны издержки правительства, а съ другой включая въ себѣ всѣ условія, необходимыя для успѣшнаго достиженія столь полезной цѣли, заведенія сего рода, какъ закрытыя, представляютъ еще и ту выгоду, что дворянское юношество не имѣетъ въ нихъ никакого столкновенія съ прочими состояніями, и что по этой причинѣ открылась возможность расширить курсъ преподаванія примѣнительно къ его ближайшимъ потребностямъ и сообразно съ тѣмъ возвысить преимущества кончившихъ полный курсъ воспитанниковъ“ (отч. 1844 г., 95).

Если два послѣдніе института сохранили семилѣтній курсъ ученія, то въ учебный планъ ихъ было включено русское законовѣдѣніе, чѣмъ суждено было болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ классическому образованію министру нанести, подъ конецъ своего управленія, тяжелый ударъ системѣ классическаго образованія. Кромѣ того духъ устава 1828 г. не согласовался и съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ

изъ названныхъ институтовъ было принято во вниманіе будущее военное поприще ихъ воспитанниковъ.

Закрытымъ учебнымъ заведеніемъ по ея устройству можно также назвать первую Казанскую гимназію ¹⁾.

Что касается сословнаго характера пансіоновъ, то въ этомъ отношеніи было допущено лишь немного исключеній. Такъ напр. при первой Московской гимназій, на ряду съ дворянскимъ пансіономъ, былъ учрежденъ еще пансіонъ для оберъ-офицерскихъ дѣтей (отч. 1839 г., 19). Подобно тому, существовавшее въ Петровзводскѣ для 30 воспитанниковъ училище дѣтей канцелярскихъ служителей было соединено съ Олонекскою губернской гимназіею, въ видѣ особаго при ней пансіона, съ цѣлю, съ одной стороны, доставить бѣднымъ заслуженнымъ чиновникамъ возможность прилично воспитывать своихъ дѣтей, а съ другой — устранить недостатокъ чиновниковъ для гражданской службы въ Олонекской губерніи (6-го сентйбря 1840 г.). Ту же цѣль имѣлъ пансіонъ, учрежденный при одномъ изъ С.-Петербургскихъ уѣздныхъ училищъ (отч. 1834 г., 32). Обыкновенно же правительство старалось достигнуть этой цѣли содержаніемъ при гимназіяхъ казенныхъ воспитанниковъ (20 въ Уфѣ, столько же въ Астрахани и въ Перми).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разрѣшалось принимать въ пансіоны дѣтей купцовъ первой и второй гильдіи и потомственныхъ почетныхъ гражданъ. Это видимъ, мы наиримѣръ, въ Кшишинеѣ (30 іюля 1846 г., отч. за 1846 г., стр. 71, такъ какъ торговые люди Бессарабіи, не имѣя постоянной осѣлости на одномъ мѣстѣ, не могутъ воспитывать своихъ дѣтей въ гимназій) и въ Астрахани (29 октября 1846 г.). Въ пансіонѣ при Симферопольской гимназій министръ предложилъ принимать даже дѣтей купцовъ третьей гильдіи и иностранцевъ, но комитетъ министровъ нашелъ (17 февраля 1849), что хотя разрѣшенъ приемъ купеческихъ дѣтей въ благородные пансіоны при гимназіяхъ нѣкоторыхъ южныхъ губерній, по уваженію малочисленности въ этихъ губерніяхъ дворянства, однако разрѣшеніе это относилось единственно къ дѣтямъ купцовъ первой и второй гильдій. За сямъ, признавая неудобнымъ допускать поступленіе въ пансіонъ при Симферопольской гимназій дѣтей купцовъ третьей гильдіи и иностранцевъ, и имѣя въ виду, что ограниченіе такого рода можетъ побудить купцовъ низшей гильдіи записываться въ высшія, комитетъ полагалъ: по бывшимъ примѣрамъ, дозволить принимать въ число воспитанниковъ помянутаго пансіона, сверхъ дворянскихъ дѣтей, только дѣтей купцовъ первой и второй гильдій и почетныхъ гражданъ.

¹⁾ *Владиміровъ*, II, 250.

Что касается методов преподавания, то предложенное Грефе „наставленіе къ обученію древнимъ языкамъ“ слѣдовало считать вполне достаточнымъ. Объ этомъ предметѣ не послѣдовало особыхъ распоряженій. Вообще о греческомъ языкѣ не было и рѣчи. Однако сокращеніе курса латинскаго языка вызвало совершенно новый способъ преподаванія этого предмета, и такъ какъ вышеупомянутая статья академика Н. И. Давыдова (сперва появившаяся въ *Московитянинѣ* 1842 г., № 12) была перепечатана „какъ рациональная и глубоко обдуманная теорія“, въ *Журналѣ Министерства* (XXXVIII, 6, 73), то кажется можно полагать, что она была написана, если не по внушенію министерства, то по крайней мѣрѣ съ одобренія его. Авторъ разсматриваетъ въ этой статьѣ предметъ, цѣль, время, способъ языкоученія и пособия въ отношеніи къ латинскому языку. Языкоученію, говоритъ онъ, должно ограничиться разумнѣеиъ писателей и знаніемъ законовъ ихъ языка. Цѣль изученія латинскаго языка: въ отношеніи подлежательнаго состоитъ въ приобрѣтеніи всей массы языка и въ строеніи словъ и формъ; въ отношеніи подлежательнаго въ возбужденіи мыслящей способности, въ приготовленіи ума ко всякому другому ученію. Если бы въ теченіе жизни особы занятія отвлекли насъ отъ возобновленія занятій древними языками, то мы отчасти понесли бы утрату подлежательную: подлежательная же польза останется при насъ неотъемлемою собственностію. Тому, кто не рѣшился бы на полное и систематическое ученіе древнему языку, Давыдовъ совѣтуетъ не тратить безплодно времени. Древняя словесность на извѣстной только высотѣ питаетъ духъ и открываетъ мысленному взору нашему необъятный горизонтъ. Мальчику, знающему главныя основанія роднаго языка, Давыдовъ дастъ на изученіе латинскаго шесть лѣтъ: въ первые четыре года — въ недѣлю по шести часовъ, то есть, по часу на день и по два на приготовленіе; а въ остальные два эти шесть часовъ онъ дѣлитъ на три урока. Неудѣство, говоритъ онъ, занимать учениковъ низшихъ классовъ переводами изъ Корнелія Непота, Федра и Цезаря, ибо эти второстепенные авторы не легче для понятія сравнительно съ Цицерономъ и Виргиліемъ, писателями — художниками и по языку и по смыслу. Какой же способъ изученія латинскаго языка легчайшій? логическій. Въ отечественномъ языкѣ мы сперва научаемся говорить, а потомъ учимся грамматикѣ. Въ изученіи иностранныхъ языковъ, особенно древнихъ, весьма рѣдко и весьма немногіе слѣдуютъ этому естественному пути: обыкновенно обременяютъ память учащихся отвлеченными формами языка, когда дѣти еще не приобрѣли запаса словъ. Оттого съ перваго шага ученикъ получаетъ отвращеніе къ предмету. Притомъ формы безъ разговора или чтенія изучаются съ неимовернымъ трудомъ и легко забываются. Первая забота слѣдова-

тельно должна состоять въ томъ, чтобы непосредственно вслѣдъ за умѣньемъ читать обогатить память ученика запасомъ словъ. Латинскаго языка мы не слышимъ; пусть же слова приобрѣтаются сознательно, то есть, пусть они изучаются вмѣстѣ съ изученіемъ формъ языка. Поэтому курсъ латинскаго языка, на основаніяхъ логическихъ, долженъ быть распределенъ не по писателямъ, а по способу возрѣпія на избраннѣйшихъ изъ нихъ. Этихъ способовъ можетъ быть только два: изслѣдованіе законовъ языка и законовъ изящной рѣчи, слѣдовательно способъ грамматическій и риторическій. Для ученія грамматическаго Давыдовъ рекомендуетъ старинный Коменіевъ *orbis visibilis*. Въ годъ, говорить онъ, можно изучить эту книгу и одновременно съ тѣмъ этимологию. Все, что умѣетъ ученикъ сказать, долженъ умѣть и написать: поэтому онъ тутъ же приучается пройденное переводить на родной языкъ и обратно. Между тѣмъ, въ продолженіе года, сколько умственной гимнастики при разговорѣ объ изучаемыхъ предметахъ! Во второмъ году авторъ предлагаетъ давать ученику *De viris illustribus* или хрестоматію Гедике, именно ту часть ея, гдѣ идетъ рѣчь объ естественной исторіи; нужно заставить его переводить отрывки по русски и наоборотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ распространять и укрѣплять этимологическія знанія, объяснять главныя правила синтаксиса и изъ пройденнаго и выученнаго вести съ ученикомъ латинскій разговоръ, а потомъ заставить содержаніе этого разговора излагать на бумагѣ. Въ третій годъ ученикъ долженъ читать подъ руководствомъ учителя прямо лучшихъ писателей—Саллюстія и Цезаря. Цѣль этого чтенія остается та же—овладѣть языкомъ и дополнить знаніе формъ. Въ остальные два (три?) года надлежитъ открыть ученику изящество рѣчи Цицерона и стиха Виргілія; затѣмъ, когда онъ преодолѣетъ трудности грамматическія и обогатится словами, наступаетъ чтеніе двоякаго рода: медленное (*lectio stataria*) и бѣглое (*lectio cursive*); первое съ объясненіемъ латинскихъ идиотизмовъ и трудностей языка, съ метрикою, древностями, мнѣологіею, исторіею; второе необходимо для поддержанія знанія лексикологическаго и грамматическаго, ровно какъ и для того, чтобы ознакомиться съ большимъ числомъ писателей. Послѣ Цицерона и Виргілія ученикъ долженъ читать Курція и Федра уже критически.

Относительно новѣйшихъ языковъ запрещено было только преподавать ихъ изъ учебныхъ заведеній Воронежа по методу Жакото (16 сентября 1838 г.), ибо попечитель Харьковскаго округа настаивалъ на невозможности придерживаться ея съ пользою. Устройство параллельныхъ классовъ принесло много пользы преподаванію новѣйшихъ языковъ. Такіе классы были введены, напримѣръ, въ округахъ Вѣлорусскомъ и С.-Петербургскомъ, начиная съ 1835 г. (12 октября 1835, 10 ноября 1836), такъ что наряду съ 7 нормальными

классами существовало 3 или 4 параллельных для нѣмецкаго и французскаго языковъ; цѣлю ихъ было дать возможность тѣмъ изъ учениковъ, которые превосходили товарищей своими свѣдѣніями, усовершенствоваться въ упомянутыхъ языкахъ. Не рѣдко однако ученики предавались бездѣйствію, ибо слабыя познанія въ новыхъ языкахъ не препятствовали переводу ихъ изъ класса въ классъ; кромѣ того случалось, что иногда ученикъ, сильный во французскомъ языкѣ и слабый въ нѣмецкомъ, все таки по одному изъ этихъ предметовъ не былъ помѣщаемъ въ надлежащій классъ. Слѣдствіемъ всего этого было уничтоженіе въ 1843 г. сперва въ одной, а въ 1845 г. и во всѣхъ гимназіяхъ параллельныхъ классовъ по новѣйшимъ языкамъ ¹⁾. Какую важность придавали преподаванію иностранныхъ языковъ, видно изъ того, что учителямъ этихъ предметовъ возвышено было содержаніе на цѣлую треть. Въ запискѣ министра по сему поводу между прочимъ сказано: „по штату учебныхъ заведеній назначено учителямъ французскаго и нѣмецкаго языковъ въ гимназіяхъ по 1200 руб. въ годъ жалованья. На это жалованье весьма трудно найти учителей изъ иностранцевъ, знающихъ хорошо какъ природный, такъ и русскій языкъ, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, почему мѣста эти остаются или вакантными, или учебныя начальства принуждены довольствоваться учителями, не исполнѣ удовлетворяющими ихъ требованіямъ“ (17 января 1839). Увеличенный окладъ жалованья долженъ былъ производиться изъ экономическихъ суммъ гимназій и состоящихъ при нихъ благородныхъ пансіоновъ.

Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о предписанномъ (въ 1840—1842 годахъ) для С.-Петербургскаго учебнаго округа правилѣ, чтобы по 4 ученика IV—VII классовъ всѣхъ столичныхъ гимназій по время годовичныхъ экзаменовъ составляли въ университетской залѣ сочиненія на заданныя имъ по разнымъ предметамъ темы подъ наблюденіемъ окружнаго инспектора. Эти конкурсныя работы поступали затѣмъ къ профессорамъ на просмотръ и наиболѣе отличившіеся награждались книгами и похвальными листами. Означенная мѣра имѣла цѣлю возбудить соревнованіе не только между учащимися, но и между учителями и директорами, а также ознакомить родителей и публику съ усиліями молодыхъ людей (отч. 1840 г., 12). Темы предлагаемы были по четырѣмъ предметамъ: русской словесности, всеобщей исторіи, алгебрѣ и латинскому языку; въ 1842 г. исторіи и алгебра замѣнены были геометріею и греческимъ языкомъ. На каждый предметъ назначено было ежегодно по 4 преміи, слѣдовательно всѣхъ премій было 16. Конкурсъ заканчивался публичнымъ актомъ, на ко-

¹⁾ *Вороновъ*, II, 153.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышло новое (четвертое) изданіе книги:

„Р О Д И Н А“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ,
Составилъ *А. Радомежскій*.

Изданіе дополнено всѣми тѣми стихотвореніями, которыя указаны
последними учебными планами министерства народнаго просвѣщенія
по русскому языку.

Книга посвящена, съ Высочайшаго Соизволенія Его Император-
скаго Высочества Государи Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшему
Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Цѣна 75 коп.

Учебныя заведенія, выписывающія прямо отъ составителя не ме-
нѣе 100 экземпляровъ, платятъ 50 коп.

Адресъ составителя: С.-Петербургъ, на углу Вознесенскаго
и Екатерингофскаго проспекта, д. № 28, кв. № 12.

1-го **ПОЯВРЯ** вышла и разслана подписчикамъ **XI-я, ПОЯВРЬ-СКАЯ**, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Объ изданіи «Русской Старины» въ 1878 г. (девятый годъ изданія).—II. Отечественная война 1812 г.: перешава черезъ Березину. Историческое изслѣдов. А. Н. Попова (Окончаніе).—III. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Главы XVII—XIX: разводъ съ супругой в. к. Анной Феодоровой;—бракъ съ княгиней Ловичъ;—междоусловіе;—коронованіе Николая I и проч.—IV. Война Россіи съ Венгріей въ 1849 г., дневникъ барона А. П. Николая.—V. Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг. Статьи акад. С. М. Соловьева.—VI. Записки о Восточной войнѣ, 1854—1855 г., доктора А. Генрица.—VII. Шамилъ и семья его въ Малугѣ, въ 1863—1865 гг. (продолженіе).—VIII. Записки акад. Тьѣбе о встрѣчахъ съ русскими въ Берлинѣ, 1755—1785 гг. и проч. и проч.

Къ этой книгѣ приложенъ гравированный въ Парижѣ, Академикомъ Л. А. Стрѣловымъ—портретъ княгини Жанеты Антоновны Левичъ, рожденной гр. Грузинской (род. 1796 † 17-го поября 1831 г.), супруги цесаревича Константина Павловича.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. 1877 г., съ портретами — продолжается. Можно получить всѣ вышедшія съ 1-го января книги, цѣна за 12 книгъ **ВОСЕМЬ** рублей. Подписчики въ декабрь текущего года получаютъ хромофотографированный портретъ **Николая Васильевича Гоголя**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ „Русской Старины“ **1878 г.**, съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ **Н. И. Мамонтова**, на Цевскомъ пр., д. № 46 (противъ Гостиннаго двора). Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Н. И. Мамонтова** (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

 Гг. иногородные имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. Семевскій**.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1877 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными на деревѣ и на мѣди портретами; 8 руб. съ пересылкою *).

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

девятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1878 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя восемь лѣтъ изданія (1870—1877 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ приложеніемъ, время отъ времени, гравированныхъ лучшими отечественными гравёрами (Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ и друг.) портретовъ русскихъ замѣчательныхъ и достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

Кромѣ портретовъ, время отъ времени, будутъ помещаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ семействъ, снимки съ рѣдкихъ медалей.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ. Цѣна за двѣнадцать книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1878 г.**

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

*) Подписчикамъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года—въ декабрѣ мѣсяцѣ будетъ разосланъ, согласно объявленію о подпискѣ на сей годъ, хромо-литогравированный, отпечатанный красками, портретъ Н. В. Гоголя.

[См. на оборотѣ].

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ 2 рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича Мамонтова (Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора, № 46); въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. Изгородные обращаются исключительно въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая улица, д. № 7.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущего года, которые, при возобновленіи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть: двѣ большія гравюры, отпечатанныя въ Парижѣ и исполненныя на мѣди Академикомъ И. Н. Пожалеинымъ: «Несеніе креста», картина Карраччи, и «Пятицелокъ», картина Профессора Перона,—могутъ получить ихъ за весьма уменьшенную сумму—именно—за пять рублей, обѣ имѣсть, съ пересылкой.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 г. (два первыхъ изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первые книги для изданія) разошлись сплошью по подпискѣ до послѣдняго экземпляра, и

отпечатано и имѣется еще (въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ) третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый)—двѣнадцать книгъ, въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетами.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями, помѣщены: Записки генералъ-фельдмаршала кн. Трубецкаго;—исторіографа кн. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Румча о Пугачевѣ;—придворнаго бриллианщика Пезье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лавина о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пшаре;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки композитора М. И. Глинки (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Шокада Кирса въ 1855 г. записки И. Н. Виланова;—Морюпа Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч.;—Кольце сотни сообщеній: разсказы, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч.;—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, замѣтки П. Ф. Нерубанова, Писма, стихотворенія, басни, посланія и прочія не изданныя сочиненія: И. А. Крылова, К. Батюшкова, А. С. Пушкина, Гоголя, Рыбѣва, А. Одоевского, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вятеля, Ростовцева и друг.

Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«Русская Родословная книга», изданная редакціей «РУССКОЙ СТАРИНЫ». Спб., два тома, цѣна 5 руб. съ пересылкою.

12-ТЬ КН. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1876 года.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Всѣмъ Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ т. е. записки П. Г. Левинина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и перениска академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татыны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военного управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказы профес. Федора Григорьевича Солищева: Академія Художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святыхъ императоромъ. Николаемъ I; разсказы о шкаторныхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣлателяхъ.—Воспоминанія артиста Н. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч.—Митрополитъ Ростовскій Арсевій Мадіевичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевского.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова. Главныя пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Zubovъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самовъ ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1856 гг.—статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профес. Н. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказы очевидца.—Артеміѣ Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. П. Ганжа, архимандритъ Повгородскаго Юрьена монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и доносенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Въ отдѣлѣ листовъ изъ записной книжки въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Вѣлиискомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Къ „Русской Старинѣ“ 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Дмитрія I, гравюра Кнѣзьяна 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Погодинымъ; портреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1812 гг.; портреты Емельяна Пугачева, Кругенана и В. Г. Вѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Свѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, восемь рублей съ доставкой и пересылкою.

12 книгъ „Русской Старины“ 1877 г.

съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, а именно:

Княгиня Екатерина Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, княгиня Жаннета Ловичъ,—супруга цесаревича Константина Павловича; кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галерея императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Овсипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: Турецкая новелла—историческій очеркъ;—Иртышские крестьяне при Екатеринѣ II;—Семскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка;—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса;—записки берлинскаго профес. академика Тьebo о встрѣчахъ и знакомствахъ съ достопамятными русскими людьми въ 1765—1786 гг.;—герцогиня Ингестонъ въ Россіи;—бракоразводное дѣло Евдоимы Гаммбаль.—Екатерина II и Густавъ III;—Новѣсты цесаревича Павла Петровича;—Русское войско въ парижскомъ Паладѣ Петронича;—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-биографическій очеркъ;—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ;—Посольство Ериолова въ Персію въ 1817 году;—Записки Шуазель-Гуффе—объ императорѣ Александрѣ I и его времени;—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи,—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.;—Записки П. А. Каратыгина;—Воспоминанія Т. П. Пассона;—Двѣмѣсятъ барона А. П. Николая: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.;—Кн. Меншиковъ въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта А. А. Панаева;—Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.;—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ;—Федоръ Карловичъ Затлеръ, биографическій очеркъ и переписка;—Воспоминанія о Восточной войнѣ, 1853—1855 гг., доктора А. Геприци;—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго;—Н. В. Чевкинъ: первая глава его биографіи и проч. Вообще въ вышедшихъ, перваго числа каждого мѣсяца, книгахъ «Русской Старины» 1877 г., между другими статьями напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берга, М. И. Богдановича, проф. М. И. Горчакова, акад. Я. И. Грота, И. Е. Забѣлина, профес. В. С. Иконникова, Д. И. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, П. С. Лебедева, М. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рябинина, В. И. Семевского, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, М. И. Шамшова, Н. И. Шмѣдера, и друг.

Кромѣ упомянутыхъ Записокъ, Воспоминаній, историческихъ изслѣдованій, очерковъ и биографій, въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ изд. 1877 г. помѣщено до 100 не большихъ историческихъ разсказовъ, замѣтокъ и отдѣльных документовъ.

Подписчики „Русской Старины“ изд. 1877 г., получаютъ бесплатно хромотографированный, отпечатанный красками, портретъ Николая Васильевича ГОГОЛЯ, писанный съ натуры, въ Римѣ, знаменитымъ художникомъ А. Иванонымъ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Объ удвоеніи сѣгны въ темахъ аориста и
будущаго въ гомеровскомъ нарѣчїи
(Окончаніе.)** В. Петра.

**Указатель къ русскимъ изданіямъ гречес-
кихъ и латинскихъ классиковъ, азбукъ,
разговоровъ, грамматикъ и словарей по
1871 г. включительно** В. Лебедева.

Запѣтка къ Горацию Сатм. II, 12.. И. Мейера.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

**Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе).** Е. Шмидта.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 4-го ноябръ)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАННЕВА

Екатери. назва, между Вознес и Марининимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

О литературной и ученой дѣятельности Августа Вѣлевскаго С. Пташницкаго.

Матриксъ Гордонъ и его дневникъ (Продолженіе). А. Г. Брикнера.

Объ анализѣ и синтезѣ. А. Бовмина.

Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 года. Ал. Цагарели.

Торговья сношенія Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ. Ив. Тихомірова.

О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка (Окончаніе). Л. М.

Низшія училища и образованіе учителей въ Россіи (Продолженіе) Г. Страва.

Отчетъ о двадцатомъ присужденіи награды графа Уварова.

Экспедиція Н. М. Пржевальскаго за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ.

Еще нѣсколько словъ о татарскихъ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. В. Радлова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія; б) женскія учебныя заведенія; в) низшія училища.

Некрологъ: А. Н. Поновъ. О. В. Чижовъ.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложеніе.

(См. на 3-й стр. оборота)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХСІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. О. ВАЛАНЧЕВА

Императорскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (5-го октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе пожертвованнаго рижскимъ купцомъ Павлинѣмъ Поповымъ капитала въ 875 р. 66 к., состоящаго изъ 17 временныхъ свидѣтельствъ облигацій восточнаго займа, по 50 р. каждая, и книжки сберегательной кассы рижской конторы государственнаго банка за № 451 на 25 р. 66 к., и на учрежденіе на проценты съ названнаго капитала при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіи Саввы Аксѣеова Попова.“

5. (6-го Октября 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій.*

Рижскій купецъ Павлинъ Поповъ, доставивъ исправляющему должность директора Рижской Александровской гимназій 17 временныхъ свидѣтельствъ облигацій восточнаго займа и книжку за № 452-мъ сберегательной кассы при Рижской конторѣ государственнаго банка, всего на сумму 875 р. 66., ходатайствовалъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, при Рижской женской Ломоносовской гимназій, стипендіи имени покойной его матери Евдокіи Борисовны Поповой, урожденной Шелухиной.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра представленія о семъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

6. (20-го Октября 1877 года.) *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилоствѣйше соизволилъ на принятіе пожертвованныхъ рижскимъ купцомъ Федоромъ Ребиннымъ 7 временныхъ свидѣтельствъ на облигаціи восточнаго займа 1877 года, по 100 руб. каждое, всего 700 руб., и на учрежденіе на проценты съ этого капитала при Рижской Александровской гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Андрея Тимофеевича Ребинна.“

7. (21-го Октября 1877 года.) *Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ Университетѣ.*

Душеприкащикъ по завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Грумъ-Гржимайло, утвержденному С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія пять тысячъ руб., заключающіеся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала стипендіи при историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета съ наименованіемъ оной „Грумовскою“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Высочайше на сіе соизволилъ.

8. (21-го октября 1877 года.) *Объ учрежденіи стипендіи при Университетѣ Св. Владиміра.*

Попечитель Кіевскаго учебнаго округа донесъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что общее собраніе членовъ Кіевскаго городского общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами оного, статскому совѣтнику Эйсмону, за благотворный безвозмездный трудъ его въ этой должности, внесло въ правленіе университета Св. Владиміра капиталъ въ шесть тысячъ рублѣй на учрежденіе изъ процентовъ оного при юри-

дическомъ факультетѣ означеннаго Университета одной стипендіи имени Эйсмана.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана“.

9. (22-го октября 1877 года). *О предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ изъ крестьянъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ изъ крестьянъ и соглашаясь съ заключеніемъ сего министерства, *мнѣніемъ положило*: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить, что попечители и почетные блюстители сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, избираемые въ сіи званія изъ крестьянъ, пользуются преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія пунктами 1 и 2 статьи 124 общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (Св. Зак. т. IX, особ. прилож. по прод. 1863 г.).

Государь Императоръ, означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 22-й день октября сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

31-го октября 1877 года (№ 8). *Назначаются*: Сенаторъ, тайный совѣтникъ *Калачевъ* — директоромъ учрежденнаго въ С.-Петербургѣ, въ видѣ опыта, на четыре года археологическаго института (Высоч. пов. 28-го августа 1877 года).

Утверждается: Камышинскій 1-й гильдіи купецъ *Каширскій* — почетнымъ попечителемъ Камышинскаго реального училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: доценту Императорскаго университета Св. Владиміра, надворному совѣтнику *Базарову* — на двадцать девять дней (Высоч. пов. 3-го (15) сентября 1877 года).

Ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскому совѣтнику *Любину* — на мѣсяцъ.

Командируется за границу съ ученою цѣлю: сверхштатный помощникъ провектора Императорскаго Казанскаго университета *Любимовъ* — на девять мѣсяцевъ (Высоч. пов. 28-го августа 1877 года).

Зачитаются въ командировку за границу съ ученою цѣлю разрѣшенные заграничные отпуска: ординарному академику Императорской Академіи наукъ, директору главной физической и магнитной обсерваторіи, статскому совѣтнику *Вильду* — на два мѣсяца (Высоч. пов. 2-го октября 1877 года).

Ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Янсону* — на двадцать два дня.

Увольняется въ отпускъ: членъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Поповъ* — на двадцать восемь дней, въ разныя губерніи Россіи (Высоч. пов. 28-го августа (9-го сентября) 1877 года).

Ш. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

2. (11-го августа 1877 г.). *Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ вдовою генераль-маіора Надеждою Михайловною Коровкиною при Ливенскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

Вдова генераль-маіора Надежда Михайловна Коровкина пожертвовала капиталъ въ шесть тысячъ рублей для учрежденія на проценты съ оного при Ливенскомъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій, по 150 руб. каждая, съ наименованіемъ одной — „стипендія генераль-маіора Арсенія Ермолаевича Коровкина“, а другой — „стипендія вдовы генераль-маіора Надежды Михайловны Коровкиной; на что и послѣдовало 7 августа 1877 г. Высочайшее соизволеніе.

1. Пожертвованный капиталъ, состоящій изъ трехъ 5% билетовъ Государственнаго Банка, хранится въ Ливенскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Ливенскаго реальнаго училища.

2. Стипендіями имѣютъ право пользоваться дѣти бѣднѣйшихъ дворянъ Ливенскаго уѣзда.

3. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ вдовѣ генералъ-маіора, Боровкиной, по смерти ея переходитъ къ дочери ея Марѣ Арсеньевнѣ Охотниковой, по смерти же послѣдней, — къ Ливенскому уѣздному предводителю дворянства.

4) Выдача стипендій производится по полугодіямъ впередъ клартиро-содержателямъ бѣдныхъ воспитанниковъ, или же родителямъ и опекунамъ — смотря по мѣсту жительства стипендіатовъ и прекращается съ окончаніемъ курса наукъ, или вообще съ выbitіемъ стипендіатовъ изъ реальнаго училища, но выданныя уже деньги возврату не подлежатъ.

5) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе воспитанники лишаются стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта и по соглашенію онаго съ лицомъ, которому по п. 3 принадлежитъ право избранія стипендіатовъ.

6) Стипендіаты, оставшіеся на другой годъ въ томъ же классѣ, могутъ сохранить стипендіи только по особо-уважительнымъ причинамъ.

7) Стипендіатамъ, окончившимъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ реальномъ училищѣ и желающимъ поступить въ высшее учебное заведеніе, могутъ быть выданы, въ видѣ пособія, тѣ стипендіальныя деньги, которыя останутся отъ предыдущихъ годовъ не израсходованными по какимъ либо причинамъ.

3. (19-го августа 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени купца В. В. Свѣтогорова: при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) Постановленіемъ Тверской городской думы пожертвованъ капиталъ въ пятьсотъ рублей для учрежденія на проценты съ онаго при Тверскомъ реальномъ училищѣ стипендіи имени купца Василія Васильевича Свѣтогорова.

2) На учрежденіе этой стипендіи, съ присвоеніемъ ей имени купца В. В. Свѣтогорова, послѣдовало 16 мая 1877 г. Высочайшее соизволеніе.

3) Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата, а весь могущій произойти отъ этой уплаты остатокъ хранится въ губернскомъ казначействѣ и выдается стипендіату, по окончаніи имъ полнаго курса ученія, въ пособіе для отпущенія его въ высшее учебное заведеніе.

4) Право выбора стипендіата принадлежитъ пожизненно купцу

В. В. Свѣтоторову, а затѣмъ переходить къ Тверской городской думѣ, при чемъ стипендіатами могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

5) Стипендіатъ, оказывающій, при хорошемъ поведеніи, удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія вышеозначенною стипендіею до окончанія полнаго курса ученія въ реальномъ училищѣ, или до выхода изъ онаго по какимъ либо другимъ причинамъ. За малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или за неодобрительное поведеніе стипендіатъ, согласно опредѣленію педагогическаго совѣта реального училища, можетъ быть лишенъ права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія или выхода изъ заведенія.

6. Пользованіе настоящею стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (25-го августа 1877 года). *Положеніе о стипендіи тайнаго советника Николая Федоровича Малинина при Рязанской гимназій.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На счетъ дохода отъ *четырехъ тысячъ рублей*, внесенныхъ тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Федоровичемъ Малининымъ въ знакъ благодарности къ заведенію, давшему ему образованіе, учреждается съ Высочайшаго соизволенія при Рязанской гимназій стипендія въ *десяти рублей*, которая именуется: „стипендія тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина“.

2) Пожертвованный капиталъ четыре тысячи руб., заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, составляетъ стипендіальную сумму и хранится въ Рязанскомъ губернскомъ казначействѣ.

3) Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ билетовъ, педагогическій совѣтъ гимназій долженъ приобрести на деньги, полученные изъ государственнаго банка, новыя процентныя бумаги изъ числа опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 28-го мая 1876 года. Избраніе того или другаго рода бумагъ подлежатъ утвержденію начальства Московскаго учебнаго округа.

4) Стипендія предназначается для бѣдныхъ учениковъ православнаго исповѣданія, отличающихся удовлетворительными успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

5) Для полученія стипендій требуются за два послѣдніе срочные

періода слѣдующіе баллы: въ старшихъ классахъ по закону Божію, русскому языку и двумъ главнымъ предметамъ не менѣе 4, а въ младшихъ классахъ — по закону Божію и по одному изъ главныхъ предметовъ не менѣе 4; по остальнымъ предметамъ какъ въ старшихъ, такъ и въ младшихъ классахъ—не менѣе 3.

6) Если ученикъ, пользующійся стипендіею, въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ экзаменныхъ балловъ будетъ аттестованъ въ своихъ успѣхахъ ниже указаннаго минимума, или если въ какой-либо изъ срочныхъ вѣдомостей по какому бы то ни было предмету получить неудовлетворительный баллъ 2 или 1, то подвергается смѣщенію со стипендіи, если отсталость произошла по его собственной винѣ. Пониженіе отбѣтки по поведенію до 3 безусловно ведетъ къ лишенію стипендіи.

7) Избраніе стипендіата на первый разъ предоставляется жертвователю тайному совѣтнику Малинину, внослѣдствіи же какъ назначеніе стипендіи, такъ и смѣщеніе съ нея предоставляются педагогическому совѣту гимназій, съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

8) Если отъ стипендіальной суммы по какимъ-либо причинамъ образуется свободный остатокъ, то онъ употребляется, или на увеличеніе стипендіи чрезъ приобрѣтеніе новыхъ доходныхъ бумагъ, или же на выдачу единовременныхъ пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ гимназій.

5. (5-го октября 1877 года). *Положеніе о стипендіи Саввы Аксенова Попова, учрежденной при Рижской Александровской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Рижскимъ купцомъ Павломъ Поповымъ и состоящаго въ 17 облигаціяхъ восточнаго займа, по 50 р. каждая, на 850 р. изъ 5% въ годъ и книжки за № 451 сберегательной кассы при Рижской конторѣ государственнаго банка на 25 руб. 66 коп. изъ 3% въ годъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 2-го октября 1877 г., при Рижской Александровской гимназій стипендія „Саввы Аксенова Попова“.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 43 руб. 26 коп. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской

Александровской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно учредителю стипендіи; послѣ же смерти его, право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Саввы Аксенова Попова, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 875 руб. 66 коп., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи, хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

6. (20-го октября 1877 года). *Положеніе о стипендіи Андрея Тимофеевича Ребинина, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Рижскимъ 1-й гильдіи купцомъ Ѳеодоромъ Ребининимъ и состоящаго въ 7 облигаціяхъ восточнаго займа 1877 года, по 100 руб. каждая, на 700 р., изъ 5% въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 16-го октября 1877 года, стипендіа Андрея Тимофеевича Ребинина.

§ 2. Означенная стипендіа, въ размѣрѣ 35 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ пожизненно ему жертвователю и жентъ его; послѣ же смерти ихъ обоихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Андрея Тимофеевича Ребинина, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1-мъ капиталъ въ 700 руб., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи,

хранится вмѣстѣ съ спеціальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губерпскомъ казначействѣ.

7. (21-го октября 1877 года). *Правила о стипендіи етатскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Общее собраніе членовъ Кіевскаго городского общества взаимнаго кредита, желая выразить признательность управляющему дѣлами опого, статскому совѣтнику Эйсману, за плодотворный безвозмездный трудъ его въ этой должности, представило въ правленіе университета св. Владиміра *шесть тысячъ рублей*, на учрежденіе стипендіи статскаго совѣтника Эйсмана, на каковой капиталъ и приобрѣтено процентныхъ бумагъ восточнаго займа на сумму 6.850 руб.

§ 2. На капиталъ этотъ учреждается при университетѣ стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1877 г., именуется „стипендіею статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана“.

§ 3. Проценты съ сего капитала употребляются: на содержаніе стипендіата и на одновременное пособіе ему послѣ удовлетворительнаго окончанія университетскаго курса.

§ 4. На содержаніе стипендіата назначается по 250 руб. въ годъ. Въ одновременное пособіе выдается остальная затѣмъ сумма, имѣющая остаться свободною во время выхода стипендіата изъ университета, не болѣе однакожъ 150 руб.

§ 5. Стипендіатомъ статскаго совѣтника Эйсмана можетъ быть только студентъ юридическаго факультета и притомъ не раньше, какъ на второмъ году университетскаго курса.

§ 6. Стипендія статскаго совѣтника Эйсмана замѣщается, по представленію юридическаго факультета, совѣтомъ университета.

§ 7. Стипендіатъ статскаго совѣтника Эйсмана обязанъ подвергаться контрольнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности своей въ университетѣ, за исключеніемъ однакожъ тѣхъ полугодій, когда онъ держитъ испытанія полукурсовое и окончательное. Не выдержавшій удовлетворительно испытанія, равно какъ и неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

8. (21-го октября 1877 года). *Правила о Грумовской стипендіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Согласно духовному завѣщанію вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александры Захаровны Грумъ-Гржимайло, въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по словесному, или, какъ онъ нынѣ носитъ названіе историко-филологическому факультету учреждается стипендія изъ процентовъ съ капитала въ 5.000 руб., заключающагося въ 5⁰/₁₀ билетахъ государственнаго банка.

2) Стипендія эта на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го октября 1877 г. именуется „Грумовской“.

3) Назначаетъ на эту стипендію и смѣщаетъ съ оной, съ утвержденія совѣта Казанскаго университета, историко-филологическій факультетъ сего университета, руководствуясь въ этомъ случаѣ правилами, постановленными относительно стипендій министерства народнаго просвѣщенія.

4) Полученіе Грумовской стипендіи не влечетъ за собою обязательной какой-либо службы для получающаго ее студента по окончаніи имъ курса наукъ въ историко-филологическомъ факультетѣ, или по оставленіи имъ факультета до окончанія въ немъ полнаго курса.

5) Если въ теченіе какого-либо времени Грумовскою стипендіею никто изъ студентовъ историко-филологическаго факультета не будетъ пользоваться, то имѣющія вслѣдствіе того остаться свободными деньги присоединяются къ основному стипендіальному капиталу.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

15-го октября 1877 года (№ 14). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Феофилактовъ* — деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, по день выслуги 35-ти-лѣтняго срока по учебной части.

Исполняющій обязанности инспектора Лубенской гимназій, учитель сей гимназій, статскій совѣтникъ *Лазаренко* — директоромъ Лубенской гимназій, съ 7-го октября 1877 года.

Преподаватель реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, надворный совѣтникъ *Шеттле* — директоромъ сего училища.

Назначается: инспекторъ Иркутской гимназіи, титулярный совѣтникъ *Еленевъ* — директоромъ училищъ Енисейской губерніи, съ 14-го октября 1877 года.

Переводится на службу въ відомство министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ министерству государственныхъ имуществъ коллежскій ассесоръ *Котельниковъ*, съ назначеніемъ исправляющимъ должность директора Минской дирекціи народныхъ училищъ.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ Викторъ *Соколовъ*, съ 14-го октября 1877 года.

Остается на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Кронштадтскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александровъ*, съ 12-го сентября 1877 года.

Командируется съ ученою цѣлію: исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ* — на восемь мѣсяцевъ, въ Туркестанскій край.

Увольняются въ отпускъ за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Вильгельмъ *Гершельманъ* и помощникъ инспектора Дерптской учительской семинаріи, губернскій секретарь *Ламе* — на зимнее вакаціонное время 1877 — 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Этельардтъ* — на зимнее вакаціонное время 1877—1878 года и два мѣсяца.

Увольняются отъ службы: за выслужку срока: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ходячій*, съ 1-го сентября 1877 г.

Директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Ламъ*, съ 27-го сентября 1877 года, съ дозволеніемъ ему носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, деканъ физико-математическаго факультета сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Александровъ*, съ 1-го сентября 1877 года.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Доминесъ*, по болѣзни, съ 7-го октября 1877 года.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица *Ковалевъ*.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Ригельевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сабининъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ изготовленные въ устроенной въ г. Москвѣ дворянниномъ В. Еропкинымъ „Мастерской учебныхъ пособій“ доставленные имъ разные учебные приборы по физикѣ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. министромъ, призналъ возможнымъ рекомендовать со стороны министерства народнаго просвѣщенія городскимъ и двухкласснымъ сельскимъ училищамъ, а равно женскимъ гимназіямъ и всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ сего министерства приобретать учебныя пособія по физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ, преимущественно изъ мастерской г. Еропкина. Съ требованіями можно обращаться къ дворянину Виктору Васильевичу Еропкину по мѣсту жительства его въ г. Москвѣ по Б. Ковицкому пер. въ приходѣ Ермолая, домъ Цыкина.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *„Нидерле. Грамматика греческаго языка въ обработкѣ И. Мейера и В. Рейнера. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1877 г. Цѣна 1 р. 20 к.“*—одобрить какъ руководство для старшихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Составленные *Θ. Езерскимъ* книги подъ заглавіями:

1) *Полная наглядная практика торговаго счетоводства по новой системѣ. Части 1-я и 2-я. Дрезденъ. 1874 г.*

2) *Краткая наглядная практика торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ. Дрезденъ. 1873 г.*

3) *Теорія торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ. Дрезденъ. 1873 г.,*—рекомендовать основнымъ бібліотекамъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: *Орлеанская драма. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ про-*

логомъ *Ф. Шиллера* въ переводѣ *Жуковского* съ примѣчаніями *Н. Я. Максимова*. С.-Петербургъ. 1878 г. Цѣна 50 к." — одобрить какъ учебное пособіе для средне-учебныхъ заведеній при прохожденіи теоріи словесности.

IV выпускъ *географическаго атласа вѣтъ частей свѣта А. Ильина*, содержащій въ себѣ: а) орогидрографическую карту Европы и б) карту Австраліи на 2-хъ листахъ, составленную полковникомъ *Каульбарсомъ* — одобрить для основныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: *Шекспиръ. Гамлетуса*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Константины Тимовеевъ*. 4 тома. С.-Пб. 1878 г., — рекомендовать для приобрѣтенія въ основныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями съ разборъ устнымъ и письменномъ*. (Курсъ приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ). Сост. *А. Радонежскій*. Изд. 4-е, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія по русскому языку. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 75 к., — одобрить для класснаго чтенія и упражненій въ разборѣ устнымъ и письменномъ наложеніи въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу: *Учебникъ словесности*. 1) *Стилистика*. 2) *Теорія прозы* 3) *Теорія поэзіи*. *Андрея Филонова*. Для среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1878 г. Цѣна 1 руб., — одобрить какъ учебное пособіе при изученіи словесности въ гимназіяхъ.

— Книгу: *Философская пропедевтика или основанія логики и психологій Т. Румпеля*. Переводъ *П. М. Цейдлера*. Второе изданіе, исправленное. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 75 к. — одобрить какъ руководство для гимназій.

— Книгу: *Европа въ физическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ*. Составилъ преподаватель тверскихъ: реального училища и Маріинской женской гимназіи *В. Гулевичъ*. Тверь. 1877 г. — рекомендовать въ видѣ руководства для гимназій, мужскихъ и женскихъ, и для реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *Избранныя сатиры Горация для среднихъ учебныхъ заведеній*. Книга 1. *Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Горациѣ В. И. Модестова*, профессора римской сло-

весности въ университетѣ св. Владиміра. С.-Петербургъ. 1877 г. Цѣна 75 к."—привзять заслуживающее внесенія въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ книгъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *Вѣчный труженикъ. Жизнеописаніе шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. Соч. Самуэля Смайкса.* Переводъ С. Майковой. С.-Пб. 1877 г."—допустить какъ и переводъ той же книги, сдѣланный г-жею Смирновой, въ ученическія бібліотети гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій, преимущественно для старшаго возраста.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, на основаніи заключенія учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. управлявшимъ министерствомъ, признавъ возможнымъ составленную протоіереемъ А. Жалобовскимъ брошюру, подъ заглавіемъ. „Краткое и общепонятное объясненіе молитвы Господней. Поученіе духовнаго отца духовнымъ дѣтямъ. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 10 коп., включить въ число книгъ, рекомендованныхъ для чтенія въ народныхъ школахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Пермскаго реальнаго училища портрета графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Несвижской учительской семинаріи, Минской губерніи, портретовъ: министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго и попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Сергіевскаго.

— Вслѣдствіе представленій гг. попечителей московскаго и харьковскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами размѣръ платы за ученіе въ прогимназіяхъ: *Брянской*: въ приготовительномъ классѣ по *пятнадцати руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.*, и въ *Краснослободской*: въ приготовительномъ по *двѣнадцати руб.*, а въ прочихъ классахъ по *двадцати руб.*, въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленій гг. Попечителей С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами размѣръ платы за ученіе въ реальныхъ училищахъ: Великолукскомъ, Новочеркасскомъ и Роменскомъ по *двадцати руб.*, Урюпинскомъ—по *шестнадцати руб.*, и Саратовскомъ—по *тридцати шести рублей* въ годъ съ каждаго ученика.

Отъ Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія.

— На заглавномъ листѣ и на обложкѣ книги: *Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества*. По успѣшнѣйшему методу составилъ *М. Ф. Заменгофъ*. Изд. 2-е исправленное и дополненное, съ русско-нѣмецкимъ и нѣмецко-русскимъ словарями. Варшава 1875 г. Цѣна 65 коп.—напечатано, что она рекомендована Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ такой рекомендація второму изданію книги Заменгофъ Ученомъ Комитетомъ дано не было и даже самая книга въ этомъ изданіи не была представляема въ Ученый Комитетъ, что требуется правилами, напечатанными на стр. 2 изданнаго въ 1875 г. „Каталога Учебныхъ руководствъ и пособій, которые могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія“, о чемъ и объявляется во всеобщее свѣдѣніе.

Открытіе училищъ.

— 30-го августа сего года открыта въ г. Азовѣ мужская прогимназія въ составѣ первыхъ двухъ классовъ, при 46 учащихся, изъ коихъ принято въ приготовительный классъ 12, въ первый—28 и во второй 6-ть.

— 9-го минувшаго октября открыто въ г. Семеновѣ, Нижегородской губерніи, двухклассное городское училище и въ день открытія принято въ оное 21 ученикъ.

— 11-го минувшаго сентября открыто въ г. Нерехтѣ, Костром-часть околѣ, отд. 1.

ской губерніи городское 3-хъ классное училище и въ день открытія принято въ оное 80-ть учениковъ.

— 1-го минувшаго сѣтября послѣдовало открытіе Свенцянскаго и Могилевскаго городскихъ училищъ, преобразованныхъ изъ уѣздныхъ училищъ и въ день открытія учениковъ въ нихъ состояло: въ Свенцянскомъ 40 и въ Могилевскомъ 111-ть.

— Открыты слѣдующія начальныя училища: 14-го сѣтября въ заштатномъ городѣ Троицкѣ, Краснослободскаго уѣзда, Пензенской губ., въ составѣ пока одного класса, при 52 ученикахъ; 2-го октября двухклассное училище въ с. Дорожаевѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ. при 70 учащихся; изъ коихъ 50 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ; 28-го сѣтября въ с. Шлаховой, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ., 10-го октября Зярянское одноклассное училище, Гдовскаго уѣзда, С.-Петербургской губ., при 71 мальчикѣ и 9 дѣвочекъ; 17-го октября одноклассное училище въ с. Саконяхъ, Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губ., при 35 ученикахъ; 23-го октября двухклассное училище въ с. Богородицкомъ, Орловской губ., при 84 ученикахъ; преобразованы въ двухклассныя училища въ сс. Вильгортѣ и Юртѣ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., при 73 ученикахъ въ первомъ, и 40 во второмъ; въ с. Хотѣни, Козельскаго уѣзда, Калужской губ., при 102 ученикахъ; и фундушевое приходское училище въ с. Полонскомъ, Новоградволинскаго уѣзда, Волынской губерніи.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ И УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АВГУСТА БѢЛЕВСКАГО.

Всякому, занимающемуся русскою исторіей, извѣстно имя польскаго ученаго Августа Бѣлевскаго, но едва ли многіе у насъ знаютъ, что уже болѣе года прошло со времени его кончины. Позволимъ себѣ, хотя не много поздно, почтить память покойнаго очеркомъ его литературной, ученой и издательской дѣятельности.

Родиной Августа Бѣлевскаго была мѣстность, богато одаренная природой и судьбой: онъ родился въ 1806 г. въ имѣніи Крешовицахъ, въ Стрыйскомъ округѣ Галицкаго Покутья. Извѣстно, что Червонная Русь вообще была родиной многихъ лучшихъ польскихъ писателей: довольно вспомнить Николая Рея, писателя XVI в., и Франциска Карпинскаго, XVII в.; послѣдній невольно припоминается въ виду сходства и различія въ направленіи съ Бѣлевскимъ.

Какъ нѣкогда живописныя мѣстности, разбросанныя по обѣ стороны Днѣстра, подѣйствовали на богатую фантазію Рея, такъ и въ наши дни не остались опѣ безъ вліянія на воображеніе Бѣлевскаго. Думы, народныя пѣсни, слышанныя имъ въ молодости, запечатлѣлись въ его душѣ и имѣли вліяніе на его развитіе.

Первоначально Бѣлевскій обучался въ Станиславовѣ и Бучачѣ, въ Галиціи, затѣмъ отправился во Львовъ, гдѣ слушалъ философію и право и въ то же время занимался изученіемъ языковъ, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на славянскіе. Но время, когда ему пришлось учиться, не совсѣмъ благоприятствовало такому направленію его стремленій. „Родились мы“, говоритъ Бѣлевскій, — „когда отечество наше было давно уже похоронено; первоначальныя понятія развивали въ насъ на чужомъ языкѣ, учили насъ исторіи всего міра, а про нашу родную умалчивали; наши кровавыя жертвы не имѣли никакого вліянія на измѣненіе нашего положенія. Проявленія патріо-

тязма преслѣдовали всевозможными способами. Молодое поколѣніе стѣсняли въ полученіи образованія, старшихъ исключали изъ всѣхъ общественныхъ и даже полуобщественныхъ должностей; нами пренебрегали и едва только позволяли жить. Такое положеніе дѣла само собою вызывало постоянныя волненія, одні хуже другихъ. Еслибы кто захотѣлъ охарактеризовать хотя бы мелкія волненія, то не могъ бы найти лучшаго сравненія, какъ то, что мы были похожи на птицу, которая, почуявъ себя лишенною свободы, не обращаетъ вниманія ни на качество кѣтки, ни на свои силы, бьется крыльями о ея желѣзныя стѣнки и этимъ все сильнѣе равнитъ себя¹⁾.

Это дѣйствительно было невыносимо тяжелое время для австрійскихъ Полляковъ. Австрійское правительство принимало все болѣе строгія мѣры противъ желающихъ трудиться. Стоитъ только вспомнить извѣстную исторію съ Вацлавомъ изъ Олеска, котораго поселили въ Карпатахъ за подозрѣніе въ склонности къ литературнымъ занятіямъ. Борковского въ 1822 г. вызвали изъ царства Польскаго насильственнымъ образомъ. Но этотъ случай послужилъ къ лучшему. „Онъ привезъ въ Галицію, какъ заграничный товаръ“, говоритъ современникъ, — „знаніе польскаго языка, уваженіе къ литературѣ, свѣдѣнія о польскихъ авторахъ и сочиненіяхъ, гдѣ-то тамъ издающихся, и всеѣмъ новымъ понятіямъ, чѣмъ тѣ, что господствовали въ Галиціи, и этимъ повліялъ на начинающихъ молодыхъ ученыхъ“²⁾. Въ числѣ ихъ былъ и молодой Вѣлевскій.

Крутил мѣры правительства заставили молодыхъ людей тѣснѣе сплотиться, опредѣлить цѣль и задачу своей дѣятельности. На первыхъ порахъ они поставили своею задачею изученіе древности, народнаго быта, народной словесности и этимъ надѣялись сохранить свою народность и родной языкъ въ чистотѣ. Но науку надо было добывать контрабандой изъ польскихъ областей, находившихся въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, не подъ австрійскимъ владычествомъ. Много въ трудахъ этого кружка помогало существованіе Варшавскаго университета и Общества любителей наукъ въ Варшавѣ. Плодомъ общей дѣятельности былъ сборникъ *Галичанинъ*, появившійся въ 1830 г. во Львовѣ, благодаря старанію вышеупомянутаго Іосифа

¹⁾ *Biblioteka Ossolińskich*, Т. XI: рѣчь Вѣлевскаго 12-го октября 1868 года.

²⁾ Корреспонденція изъ Галиціи въ издававшемся въ Познани въ 1842 году: *Tygodnik Literacki*.

Дунина-Борковского ¹⁾. Въ то время во всей Галиціи существовалъ одинъ журналъ—*Временникъ имени Оссолинскихъ*, да одна — *Львовская газета*. Въ *Галичанинѣ* появились новыя силы, общавшія въ будущемъ пробудить страну отъ умственного сна; кромѣ философскихъ статей, въ сборникѣ возбужденъ былъ вопросъ славянской, вопросъ о народныхъ пѣсняхъ, а въ отношеніи новыхъ литературныхъ стремленій сборникъ сталъ бороться съ классицизмомъ во имя романтизма. Небезынтересны слѣдующія слова редактора сборника, опредѣляющія его направленіе: „Аристотель“, говоритъ онъ въ статьѣ: „Аристотель—судья романтизма“,—„еслибъ очутился среди насъ и окинулъ своимъ взглядомъ нашу литературу, то пригрозилъ бы избалованнымъ приверженцамъ ложныхъ понятій, назвалъ бы ихъ выродившимися дѣтьми своей *Питиики*. Сильно разбранилъ бы онъ ихъ за то, что они, вмѣсто изученія и изслѣдованія духа погнѣннаго движенія, вмѣсто того, чтобы помогать его распространенію въ народѣ, ставятъ ему преграды. На голову Бродзинскаго надѣлъ бы лавровый вѣнокъ; къ Мицкевичу, Заѣскому, Гоцинскому, Витвицкому и ко многимъ другимъ, которыхъ мы будемъ имѣть случай узнать въ *Галичанинѣ*, обратился бы со слѣдующими словами: „Молодые, съ богатыми надеждами любимцы Феба! Идите смѣло въ ту высокую страну поэзіи, на поляхъ которой вы такъ счастливо поставили ваши первые шаги, проникнитесь духомъ истиннаго понятія поэзіи, не раздѣляйте ея на партіи и безсодержательныя названія классицизма и романтизма. Уважайте древность и ея произведенія, какъ плоды великихъ гениевъ, но рядомъ съ ними изучайте природу и правду. Вы, дѣти другихъ временъ, изображайте человѣческую жизнь и исторію вашего народа въ живыхъ картинахъ, дѣйствующихъ на чувство и духъ вашихъ братьевъ“.

Въ этомъ-то сборникѣ, среди многихъ уже отчасти извѣстныхъ именъ, встрѣчаемъ неизвѣстное для того времени имя Августа Вѣлѣвскаго. Молодой писатель сразу завоевалъ себѣ почетное мѣсто своими переводами сербскихъ пѣсень, помѣщенными въ *Галичанинѣ*. Бродзинскій, отличный знатокъ народной поэзіи, переводившій чешскія и сербскія пѣсни, встрѣтилъ переводы Вѣлѣвскаго большими похвалами. Въ то время впервые стали понимать, что истинной поэзіи надо искать въ народѣ. Чтобы познакомиться съ манерою пере-

¹⁾ См. монографію Войцѣхъ о *Галичанинѣ* въ журналѣ *Ognisko Domowe* 1874 г., № 1 и 2.

вода, позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ пѣсни: „Марко Кралевичъ и Лутца Богданъ“, именно — бой Марка съ Богданомъ:

Przypada Bogdan; za budzgan ima,
Marko, dwunastu wojewodów trzyma,
J wręcz kolejno z każdym się potyka,
Wysadza z siodła i krępuje w łyka;
Pędzi; lecz oto! skąd się tuman ściele?
To Bogdan pędzi Miłosza i Rele,
Białe się ręce skrępował powrozem.
Postrzegł to Marko, strach go przeszył mrozem,
Złękł się jak nigdy, więc myślą pogoni:
Jako się wymknie, i gdzie się uchroni
Ale wnet na um padło mu w tej chwili:
Wszyscy trzej niegdy wraz mir uderzyli,
Kto z nich w niewolą popadłby sromotnie,
Wesprze go drugi i łyka mu potnie.
Spiał więc Szaracza i brońcem na czole
Nasadził kołpak, zmarszczył brwi sobole
Wzniósł szablę, okiem z ukosa potoczy,
A tuż ku niemu Luty-Bogdan kroczy.
Staął i w Marka wzrok przod siebie wbił
Spójrzal-zadrzały pod Bogdanem łty,
I ten i tamten stoi jak przykuty;
Wreszcie milczenie przerwał Bogdan-Luty:
Mir z nami Marku! Przystąpmy do zgody.
Puszczam twe braty, puść mi wojewody.

Этотъ отрывокъ, кажется намъ, достаточно можетъ познакомить съ характеромъ перевода. Напрасно стали бы мы искать въ немъ буквальности сравнительно съ подлинникомъ; поэтъ-переводчикъ какъ бы не связанъ подлинникомъ; онъ не гоняется за словами, для него важна мысль и образъ, и въ этомъ онъ старается быть вѣрнымъ подлиннику; за то Бѣлевскій сохранялъ въ переводѣ картинность, ясность и простоту оригинала, придавъ своимъ стихомъ соответствующую содержанію вышность.

Такимъ образомъ, уже первые опыты Бѣлевскаго на литературномъ поприщѣ были посвящены славянству. Идея славянства, общности славянскихъ народовъ сильно была тогда распространена въ польской литературѣ, благодаря Чарноцкому ¹⁾. Появившееся въ

¹⁾ Волѣ извѣстнаго подъ псевдонимомъ Зоріана Доленги Ходаковского. См. о поэмѣ *Teska Wileńska* 1857 г., №№ 2 и 6, статья Д. Ходзини и Г. Окимборгича.

1818 г. его разсужденіе: „O Sławiańszczyźnie przedchrześcijańskiej“ произвело въ то время сильное впечатлѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ было первымъ толчкомъ для изученія славянства среди Поляковъ. Поэтическія идеи Чарницкаго старался подтвердить учеными выводами Раковецкій въ своей „Русской Правдѣ“. Но идеямъ этимъ не суждено было привиться въ польской средѣ, онѣ тамъ переработались и получили особый колоритъ. Чарницкій слишкомъ увлекся пародною словесностью и не придавалъ никакого значенія письменнымъ памятникамъ; онъ проклиналъ всю польско-латинскую литературу. Вскорѣ, однако, подъ вліяніемъ Войницкаго, польскіе писатели обратились и къ этой польско-латинской литературѣ, въ лѣтописяхъ и „бумажной“ словесности стали искать развлеченія минувшей жизни. Въ этомъ направленіи продолжалась дѣятельность Вѣлѣвскаго: онъ сумѣлъ примирить „слово“ съ „бумагою“. Онъ изучалъ живой народъ и его произведенія, и въ то же время погружался въ вѣковую пыль хартий. Свое направленіе онъ самъ ясно изобразилъ во введеніи къ своимъ „Думамъ“¹⁾, гдѣ онъ высказываетъ желаніе соединить историческія преданія съ народными сказаніями, народною словесностью.

Познакомившись съ народною словесностью и съ жизнью народа, Вѣлѣвскій принялся за критическое изученіе польскихъ лѣтописей. При этомъ онъ не упускалъ изъ виду и старинныхъ памятниковъ литературы родственныхъ Славянскихъ народовъ и прежде всего остановился на Словѣ о полку Игоревѣ, которое и перевелъ на польскій языкъ. „Увлеченный красотой этой пѣсни“, говоритъ Вѣлѣвскій въ предисловіи къ переводу ея, — „я старался перевести ее на родной языкъ, полагая, что мысль пѣвца *мнѣ* земли, высказанная пѣснью столѣтій тому назадъ, найдетъ въ нашемъ языкѣ твердость и выразительность; при этомъ я вовсе не думалъ о томъ, отвѣтитъ ли смѣлость оборотовъ и метафоръ вымышленнымъ правиламъ вкуса“.

Остановимся немного на этомъ переводѣ и на приложенныхъ къ нему примѣчаніяхъ. Что касается самаго перевода, то онъ исполненъ не только безупречно, но и съ большимъ талантомъ и умѣніемъ проникнуться духомъ пѣсни. Языкъ и слогъ не заставляютъ желать ничего лучшаго. Переводчикъ заимствуетъ много выраженій изъ старо-польскаго, русскаго и чешскаго языковъ, въ убѣжденіи, что современный языкъ не совсѣмъ подходитъ къ характеру и тону пѣсни.

¹⁾ Стихотворенія Вѣлѣвскаго изданы въ С.-Петербургѣ *Волифомъ*; они вошли въ VI томъ сборника: *Skarbczyk Poezyi Polskiej* (С.-Пб. 1854).

Хотя вообще это пристрастіе къ архаизмамъ легко можетъ сдѣлаться недостаткомъ въ литературной рѣчи, что и замѣтно у современныхъ польскихъ писателей,—но про Бѣлевскаго сказать этого нельзя. Для образца его перевода приведемъ отрывокъ, передающій одно изъ такихъ мѣстъ, которые менѣе всего искажены, именно — пораженіе Игоря на рѣкѣ Кагалѣ („Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летить стрѣлы калспыя“ и пр.).

У Бѣлевскаго это мѣсто передано такъ:

Takieto niegdy ścierały się mocy!
Lecz takiej wojny nie słyszano jeszcze:
Od rannych świtów do nocy, od nocy
Do świtu, gęste strzał się leją deszcze
Słychać grzmiot szabel wśród trzasku oszczepów
W dalekiej ziemi połowieckich stepów
A czarny obszar końskimi kopyty
Zorany, kośćmi zasiany, krwią zmyty
Wydał dla Rusi plon bujny — niedolę....
Co mi tam szumi? co dźwięczy przez pole?
Igor zawraca półki, żal go bodzie
Za tobą miły bracie Wsewołodzie!
I dzieci i drugi trwa poboj zajądły,
W trzecim sztandary wojsk Jgora padły;
Tu się brat z bratem nad bystrą Kajałą
Żegna—krwawego wiina niestało.
Skończyło ucztę chrobre ruskie plemię,
Pocziwszy wrogów padło za swą ziemię!...
Żałośna trawa ziemię liść rozciela,
I drzewo tęschne przekłania konary,
Bo wstały czasy, nie czasy wesela:
Pustynia całe zaległa obszary.

Изъ этого отрывка можно видѣть всѣ качества перевода Бѣлевскаго. Если сравнить его съ русскимъ переводомъ г. Гербеля, который приведенъ О. Θ. Миллеромъ въ его хрестоматіи какъ лучшій, то окажется, что польскій переводъ несравненно точнѣе; напримѣръ, „Чръна земля подъ копыты“ и т. д., г. Гербель переводитъ:

Стень истонтана, изрита
Сталью конского копыта,
И кругомъ она
Нашей кровью полита,
А костями удобрена.

Тутъ не соблюдена послѣдовательность подлинника—земля вспахана копытами, засѣяна костями, полита кровью, произрастаетъ тую. Слово *мичитъ* г. Гербель переводитъ „вянеть“; такъ объясняетъ и О. Ѳ. Миллеръ, по не вѣрнѣ ли понялъ Вѣлѣвскій въ смыслѣ *наклоняется*. Такого пониманія, кажется, требуетъ слѣдующее затѣмъ выраженіе: древо преклонилось, и *мичитъ* не употреблено ли въ смыслѣ русскаго *никнуть*, *поникнуть*, а по польскаго *niknąć*?

Что касается отдѣльных замѣчаній Вѣлѣвскаго и пониманія имъ спорныхъ пунктовъ Слова, то въ наше время они, конечно, не имѣютъ почти никакого значенія, и толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ должно даже быть признано невѣрнымъ. Вотъ нѣкоторые примѣры въ подтвержденіе нашихъ словъ:

„Боянъ бо вѣщій, аще кому хоташе пѣснь творити, то растѣвашется *мыслию* по древу“... Вѣлѣвскій объясняетъ *мыслию* приравленіемъ „славіемъ“ — какъ соловей, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ другое мѣсто, будто бы аналогичное съ этимъ: „Скача славію по мыслену древу“ и переводитъ: „Скача по дереву какъ соловей“. Неудовлетворительность такого объясненія не требуетъ доказательствъ; очевидно, Вѣлѣвскій, когда переводилъ Слово, еще не твердъ былъ въ русскомъ языкѣ.

Пусканіе десяти соколовъ Вѣлѣвскій понимаетъ буквально, то-есть, что тотъ соколъ прежде пѣлъ, который прежде долеталъ. Слово *та* Вѣлѣвскій, вѣроятно, понималъ такъ, какъ и г. Вуслаевъ.

Слѣдующее мѣсто Вѣлѣвскій объясняетъ такъ, какъ и г. В. Миллеръ: „Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступити искусити Дону великаго“; то-есть желаніе испытать Донъ овладѣло умомъ князя и т. д.

Вообще можно сказать, что даже бѣглое разсмотрѣніе перевода Вѣлѣвскаго свидѣтельствуетъ о достоинствѣ труда Вѣлѣвскаго для своего времени — въ отношеніи пониманія текста; въ литературномъ же отношеніи переводъ этотъ и теперь стоитъ высоко, и позднѣйшій переводъ Виленскаго епископа Красинскаго едва ли лучше.

Съ девизомъ изъ Слова о Полку Игоревѣ: „Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени“, Вѣлѣвскій выпустилъ въ свѣтъ и свою оригинальную поэму подъ заглавіемъ „Пѣснь о Генрихѣ Набожномъ“. Несомнѣнно, что она написана подъ сильнымъ вліяніемъ Слова. Сюжетъ выбранъ подходящій—борьба съ Монгольской ордою, да кромѣ того, въ пѣсни много и мелкихъ мотивовъ совершенно одинаковыхъ. Содержаніе пѣсни — извѣстная первая несчастная битва Генриха съ

Татарами въ 1241 году у Лигницы. Но Вѣльскій изображаетъ ее такъ, какъ представилъ ее позднѣйшій лѣтописецъ (Вѣльскій) подъ вліяніемъ народныхъ преданій. Такимъ образомъ авторъ соединилъ исторію съ эпосомъ, и изъ этого вышла весьма поэтическая картина, тогда какъ голый лѣтописный разказъ не представляетъ ничего особеннаго.

Вотъ какъ разказываетъ объ этой битвѣ современникъ ея Богурфаль († 1253 г.): „Въ лѣто Господне 1241 Батый, царь Татарскій, вмѣстѣ со своими полчищами Татаръ, народа дикаго и безчисленнаго, проходя по Россіи, задумалъ войти въ Угрію. Но прежде чѣмъ онъ достигъ границъ Угорскихъ, часть своего войска предназначилъ противъ Полюковъ. Это войско въ первый день великаго поста (die cinegum) опустошило городъ и землю Сендомірскую, не щадя ни пола, ни возраста. Затѣмъ, опустошая, они прошли Вислицу, Краковъ. Вблизи Ополя имъ повстрѣчались Владиславъ, князь Опольскій и Болеславъ Сендомірскій и стали сражаться. Но повернувъ тылъ (terga vertentes), они бѣжали, не будучи въ силахъ противостоять силѣ и Божьей волѣ. Вслѣдствіе того названная часть татарскаго войска достигла до Силезіи, опустошая вторично Сирадію (Siradia, нин. польск. Сѣрадзь), Ленчицу и Куавію. Генрихъ, сынъ Генриха Бородатаго, князя Силезіи, Кракова и Польши, уповая на помощь Божію, храбро вышелъ имъ на встрѣчу и далъ сраженіе на полѣ у Лигницы. Но поущеніемъ Господа, который иногда позволяетъ бичевать своихъ за грѣхи, славный князь Генрихъ самъ былъ убитъ, потерявъ много тысячъ людей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ убитъ Болеславъ, прозванный „Шенѣлка“, Батый же отправился въ Угрію (Chron. Bogurphali, с. 71).

Изъ этого разказа очень трудно создать что-нибудь поэтическое. Холодный лѣтописецъ не понимаетъ всей важности этого пораженія Генриха; онъ отмѣчаетъ только гибель многихъ тысячъ христіанъ и объясняетъ это волею Всевышняго. Народъ представилъ это событіе иначе; пораженію предшествовали небесныя знаменія, съ востока появилась комета, въ Силезіи пролилъ кровавый дождь, на небѣ видѣли сражающимися войска и т. д. Являются Татары, король бѣжитъ, всѣ и все собирается вокругъ Владислава; онъ выступаетъ съ войскомъ, заходитъ въ церковь — послать свои молебны Богородицѣ, но тутъ является худое предзнаменованіе: когда, по выходѣ изъ церкви, князь объѣзжалъ войска, падаетъ изъ церкви камень, который чуть-чуть не убилъ его. Начался бой; Генрихъ убитъ; мать его, сия-

тая Ядвнга, видить въ своемъ монастырѣ, находящемся далеко отъ поля битвы, смерть его и объявляеть о томъ другой монахинѣ. Она же утѣшаетъ опечаленную жену Владислава. Татары рубятъ голову князю и проносятъ ее по рядамъ войска. Княжескаго трупа найди нельзя, и его узнаеть только его жена по шестому пальцу на ногѣ. Между тѣмъ побѣдители, чтобъ опредѣлить число убитыхъ враговъ, отрѣзываютъ каждому убитому по одному уху и наполняютъ ими дѣвать громаднхъ кожаныхъ мѣховъ.

Такъ описалъ эту битву Бѣльскій въ своей хроникѣ, но въ его разказѣ ясна примѣсь народнаго преданія. За этотъ разказъ и ухватился Вѣлевскій. Въ его произведеніи есть нѣсколько очень хорошихъ, истинно поэтическихъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, картина выступленія Генриха на войну:

Od pół lignickich jasna luna gore,
To Heuryk: wojska zyskował na czworę,
Cztery stron świata, i czterma ramiony
Rozrasta drzewo którem świat zbawiony.
Z podniosłem sercem huf hasa na czele,
Leci w otwarty bój, jak na wesele;
Dumny, bo zaszczyt spotkał go niemały:
Pierwszy za wiarę w wrogach utkwiał strzały,
Pierwszy kopije skruszy, i orężę
Wyszezerbi pierwszy, i pierwszy polęże;
Wraz na zastępy natarł w imię boże,
I wraz potarty, jak od gradu zboże.
Skinął wódl, gromem dwoje spada ramię,
W szyki polanieów uderza i łamie:
Z dwiema tam wojski dwa biją hetmany,
Z Słężaki Miecław, Gryf z Małopolany
Padł wtóry zastęp i trzeci się chwieje,
Szatańskie igry stroją czarodzieje.»

А вотъ изображеніе торжества Татаръ:

«Na błonię gęsto trupami zaslaném,
Ucztuje Peta zwycięzki z Kajdanem:
Końskich tam pieczęć dostatkiem, a rzeką
W bawolich rogach końskie płynie mleko;
Nim się dostatnią rozdzielią zdobyczą
Obesła pole i poległych liczą:
Z ostremi noży poczet idzie skory,
Po jednem uchu tnie, i składa w wory.
Uczta skończona, wniesiono ze zbiorów
Xiążęcią głowę, uszu dziewięć worów»....

То вліяніе Слова о Полку Игоревѣ, о которомъ мы выше упоминали, высказалось какъ въ общей идее пѣсни, такъ и въ отдѣльныхъ ея мѣстахъ. Какъ пѣвецъ Слова, такъ и Вѣлѣвскій изображаетъ борьбу съ дикою азіатскою ордою; картину безпокойства и печали матери и жены Генриха можно пожалуй сблизить съ плачемъ Ярославны; затѣмъ Слово напоминаетъ тѣ неблагопріятныя знаменія, которыя предшествуютъ походу; наконецъ, и нѣкоторые отдѣльныя мѣста въ пѣснѣ также наводятъ на мысль о вліяніи Слова. Такъ, напримѣръ, стихи:

W pył idą sioła, łupami przywiesca
Kraków, a trąbę zagrzmiąla Lignica

какъ бы соответствуютъ слѣдующимъ строкамъ: „Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ“. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, признаки вліянія Слова на „Пѣснь о Генрихѣ Набожномъ“ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, признаки, на которые обыкновенно любятъ указывать, имѣютъ характеръ случайный; всѣ эти сходныя будто бы мѣста могли явиться въ „Пѣснѣ“ вполне самостоятельно, а повдѣйшіе критики, зная, что „Пѣснь“ явилась пскорѣ послѣ перевода Слова, стали отыскивать его вліяніе на стиль „Пѣсни“.

Какъ бы то ни было, Вѣлѣвскій своею пѣснью сталъ въ повѣи очень высоко; до него никому еще въ польской литературѣ не удавалось такъ проникнуться стариной и оживить ее яркими красками. Въ его пѣсни ясно поняты и изображены, съ одной стороны, самопожертвованіе Подляковъ, религіозная наивность народа, его тревоги и минутная радость современника, съ другой—ужасная картина Татарской орды, оставляющей за собою черную землю и пылающіе города и съ полнымъ спокойствіемъ отрѣзывающей уши убитыхъ, лишь бы насчитать, сколько наберется мѣшковъ этой добычи.

Другая дума Вѣлѣвскаго, въ родѣ „Пѣсни о Генрихѣ Набожномъ“, посвящена Болеславу Высокому; впрочемъ, по нашему мнѣнію, она не представляетъ тѣхъ особенныхъ качествъ, какіи хотять въ ней видѣть нѣкоторые критики. Самый сюжетъ ея не достоинъ поэзіи. Болеславъ Владиславовичъ, дѣдъ Генриха Набожнаго, идетъ на помощь Фридриху I Барбароссѣ въ войнѣ противъ ломбардскихъ городовъ; онъ воспламеняется гнѣвомъ на одного Лонгобарда за его брань; начинается эпическое единоборство, въ которомъ побѣждаетъ, разумѣется, Болеславъ, а императоръ восклицаетъ: „Niech tyje, niech tyje Bolesław Wysoki“.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами поэтическихъ произведеній, Вѣлевскій написалъ еще нѣсколько думъ и колядокъ въ духѣ чисто народномъ. Не останавливаясь на нихъ, замѣтимъ только, что вообще поэтическая дѣятельность Вѣлевскаго продолжалась до 1841 года; съ этого же времени мы уже не встрѣчаемъ Вѣлевскаго, какъ поэта, но за то все чаще и чаще видимъ его ученые труды.

Позднее появленіе его ученыхъ трудовъ объясняется тогдашнимъ положеніемъ Поляковъ въ Галиціи. Только небольшой кружокъ польской молодежи не переставалъ тамъ работать надъ своимъ перевоспитаніемъ и самообразованіемъ, такъ какъ только такимъ способомъ эти люди могли выработать изъ себя полезныхъ дѣятелей для польской національности. Вѣлевскій былъ однимъ изъ видныхъ представителей въ этой средѣ.

Въ 1842 г. появилась статья его: „Початкова історія Польни“ (Początkowe dzieje polski) ¹⁾. Въ ней Вѣлевскій уже нѣсколько отступаетъ отъ идей Чарноцкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще не является сторонникомъ той строго исторической школы, къ которой въполнѣ применилъ нѣсколько лѣтъ спустя, и которой остался вѣрнымъ до конца своей жизни. Онъ вооружается противъ этимологическихъ пріемовъ Репеля и Шафарика, но въ то же время, разсматривая современное состояніе польской исторіографіи, приходитъ къ тому же печальному выводу о ней, къ какому въ наше время пришелъ Цейсбергъ. „При такомъ положеніи вещей“, говоритъ Вѣлевскій, — „намъ казалось необходимымъ открыть передъ глазами читателя истинное состояніе нашихъ свѣдѣній, удалить всякій современный авторитетъ, добыть слово свидѣтелей современныхъ самымъ событіямъ; затѣмъ, насколько удастся найдти, сопоставить ихъ свидѣтельства и составить картину, которая хотя не будетъ цѣльною, но все-таки дастъ понятіе о тѣхъ временахъ лучше, чѣмъ позднѣйшія разсужденія. Задачей нашею будетъ прежде всего уразумѣніе источниковъ, такъ какъ вся разница въ мнѣніяхъ зависитъ отъ различнаго ихъ пониманія“ ²⁾. Такимъ образомъ, Вѣлевскій отвергаетъ всѣ позднѣйшія извѣстія и признаетъ, что исторія должна основываться только на свидѣтельствахъ современниковъ или поколѣній ближайшихъ къ описываемымъ событіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, и народные преданія: „Скажемъ, наконецъ, разъ навсегда лю-

¹⁾ *Bibl. Ossol.* 1842 г., т. I, стр. 93 слѣд.

²⁾ *Ib.* 102.

бителямъ басенъ, что басня, измышленная по народному ли, или по чужому, во всякомъ случаѣ останется басней и не должна имѣть мѣста въ такой реальной наукѣ, какъ исторія". Таковы были мнѣнія Бѣлевскаго объ основномъ принципѣ исторической критики въ то время, когда онъ еще не слишкомъ углубился въ письменные источники. Съ теченіемъ времени занятія рукописями, изслѣдованія и изученіе ихъ отчасти измѣнили его историческія возрѣнія. На это могло повліять назначеніе его на должность писца (Scriptor) библиотеки Оссолинскихъ.

Библиотека Оссолинскихъ, какъ выражается Цейсбергеръ ¹⁾,—до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ польской исторіографіи. Она, можно смѣло сказать, воспитала много выдающихся польскихъ историческихъ писателей, давъ имъ возможность пользоваться своими сокровищами. Существованіемъ своимъ она обязана Юзефу-Максимилиану Оссолинскому графу Тенчинскому, родившемуся въ 1748 г. Въ свое время онъ былъ ученикомъ Нарушевича и участвовалъ въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ временъ Станислава-Августа. При вступленіи на престолъ императора Леопольда онъ, какъ галиційскій помѣщикъ, отправился депутатомъ въ Вѣну и здѣсь остался. Его пребываніе при дворѣ было полезно для Поляковъ въ тѣ тяжелыя времена; стараніямъ его Львовскій университетъ обязанъ учрежденіемъ кафедръ польскаго языка и литературы. Около 1790 г. австрійское правительство секуляризовало монастыри, изъ библиотекъ нужныя сочиненія велѣло перевести въ Вѣну, а остальное продать. Этимъ воспользовался Оссолинскій и купилъ все, что только нашелъ полезнымъ. Съ теченіемъ времени его библиотека возросла до почтенныхъ размѣровъ, и онъ рѣшилъ отдать ее на общественное употребленіе вмѣстѣ со своимъ имуществомъ. Въ 1817 г. онъ купилъ во Львовѣ зданіе одного бывшаго монастыря ²⁾, думая перевести туда библиотеку и учредить институтъ, главная цѣль котораго было давать средство молодымъ ученымъ трудиться надъ исторіей Польши. Его желанія окончательно исполнились только послѣ его смерти. Въ первое время институтъ располагалъ только 6.000 гульденовъ въ годъ, а въ наше время, благодаря частнымъ пожертвованіямъ, имѣетъ до 22.000 гульденовъ ежегоднаго дохода. Библиотека состоитъ

¹⁾ *Zeissberg D.*, Poln. Geschichtsch. d. Mittelalters.

²⁾ Зданіе это вслѣдствіе своей ветхости продавалось съ аукціона, и Оссолинскій заплатилъ за него 23,710 гульденовъ.

въ настоящее время приблизительно изъ 72.000 сочиненій, до 2.000 рукописей, массы автографовъ, актовъ, картинъ, гравюръ. При ней находится милицъ-кабинетъ, археологическій музей и естественно-историческій кабинетъ. Все это главнымъ образомъ касается исторіи Польши, ея этнографіи и археологіи. Теперь институтъ Оссолинскихъ есть нѣчто въ родѣ публичной библіотеки, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимается изданіемъ историческихъ памятниковъ. Прежде институтъ содержалъ нѣсколькихъ стипендіатовъ, для которыхъ читались лекціи по польской исторіи и литературѣ, и издавалъ временное изданіе *Biblioteka Ossolinskich*; но съ 1869 г. это изданіе прекратилось. Въ этотъ-то институтъ, благодаря стараніямъ извѣстнаго польскаго писателя Поля, удалось Вѣлѣвскому въ 1845 г. попасть писцомъ. Ему было поручено, на первыхъ порахъ, привести въ порядокъ библіотечные указатели. Въ 1851 г., за выходомъ библіотекаря Шляхтовскаго, сотрудника Церца по изданію „*Monumenta Germaniae*“, Вѣлѣвскій былъ назначенъ библіотекаремъ института, и на его мѣсто поступилъ польскій историкъ-монографистъ Шайноха. Съ 1869 г. до самой смерти Вѣлѣвскій былъ директоромъ института.

Къ 1850 году относится сочиненіе Вѣлѣвскаго „*Wstęp Krytyczny do dziejów Polski*“, которое въ свое время надѣлало много шума какъ въ польской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ,—сочиненіе, на которое потрачено было много труда, по которое принесло пользу только отчасти; дѣло въ томъ, что, какъ справедливо замѣтилъ по поводу его Цейсбергеръ, оно основано или на невѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, или на своевольно сдѣланныхъ поправкахъ, а критическій методъ, употребленный въ немъ Вѣлѣвскимъ, дѣлаетъ излишнимъ всякій историческій источникъ, такъ какъ изслѣдователь заботится только о томъ, чтобы вложить въ источникъ то, что хочетъ въ немъ прочесть ¹⁾. Главною идеею Вѣлѣвскаго въ этомъ разсужденіи было—доказать происхожденіе Славянъ отъ Даковъ.

Считаемъ излишнимъ останавливаться на этой теоріи съ нѣкоторою подробностью, тѣмъ болѣе, что она прошла безслѣдно въ славянской исторіографіи.

Первая часть сочиненія Вѣлѣвскаго, въ которой онъ дѣлаетъ критическій обзоръ историческихъ источниковъ, не утратила нѣкотораго значенія и до сихъ поръ, но на нее мы обратимъ вниманіе послѣ, при разборѣ издательской дѣятельности Вѣлѣвскаго, когда

¹⁾ *Zeissberg*, Vinc. Kudlubeck, Bischof v. Krakau. Wien. 1869, стр. 159.

будемъ говорить о его „Monumenta Polonica“. Вторая часть заключаетъ въ себѣ собственно исторію Ленхитовъ; на ней-то мы главнымъ образомъ и остановимся. Содержаніе ея слѣдующее: За нѣсколько столѣтій до Р. Х., между Адриатическимъ и Чернымъ морями жили Фракійцы, народъ, по свидѣтельству Геродота, самый многочисленный послѣ Индовъ. Они дѣлились на нѣсколько частей, которыми жили то разрозненно, то по временамъ соединялись вѣсть. Изъ нихъ Геты отличались особенно храбростью и справедливостью. Они, выйдя изъ Родопскихъ горъ, поселились у устья Дуная, вблизи Кимерійцевъ. По Геродоту, Родопскія горы были родиной Бессовъ, а по Фукидиду—Діевъ. Если теперь принять во вниманіе, что сосѣдями Родопа были Греки и Кимвры, то станетъ ясно, что названія *Bessi*, *Dii* и *Getae* относились къ одному народу. По свидѣтельству Амміана Марцелина, *Bessae* на Фракійскомъ языкѣ означало божество, Διὸς такое же значеніе имѣло у Грековъ, а по показанію Пасидонія, у Кимвровъ то же означаетъ Геты. Всѣ они отличались чрезвычайною религіозностью; у Бессовъ впервые появилось ученіе о божественнѣй души, и Греки называли ихъ *ἀθανάτοισι*. Во время похода Дарія, одни только Геты рѣшились сопротивляться, другіе или покорились завоевателю, или удалялись къ берегамъ Адриана въ глубь Илирика. Эти племена жили покойно въ Илирикѣ, пока не коснулись ихъ завоеватели Галлы, которые бросились одною частью на Римъ, другою на Дунай. Къ тому же времени относятся извѣстія о взятіи Массиліи Лигурами.

Равнины Илирика раздѣляются съ востока на западъ цѣнь горъ, о которыхъ въ древности говорили, что съ нихъ видны Адрія и Евксинъ. Вся эта возвышенность была родиной одного сильнаго Фракійскаго племени, хотя оно и раздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, носившихъ отдѣльныя названія. Со стороны Родопа, главнаго центра Бессовъ, въ части Эпира, называемой Линкось, и по берегамъ озера Лихнитъ, гдѣ находится страна Лихнитія, жили Адрии, Антары, Авторіоты. По свидѣтельству Цимнія и Страбона, это былъ самый древній и самый многочисленный народъ въ Илирин. Баснословное преданіе дѣлаетъ вождемъ ихъ сына Илирова Антара. Этотъ народъ подвигался все къ Адрии и тамъ занимался морскими разбоями, что, по свидѣтельству древнихъ, считалось почетнымъ. За 400 лѣтъ до Р. Х. былъ у нихъ предводителемъ Баргиль или Бардилъ. По преданію, Бардилъ былъ угольщикомъ. Онъ отличался храбростью и умѣніемъ управлять; справедливымъ дѣломъ добычи онъ списывалъ себѣ

расположеніе народа. Вскорѣ онъ усилилъ свою власть и отъ имени народа заключалъ договоры съ Діонисіемъ Сиракузскимъ. Въ 392 г. до Р. Х. онъ предпринялъ походъ на Македонію, низвергъ Аминту, подчинилъ Илiramъ Македонію, и только Филиппъ освободилъ ее. Иллиры не испугались и напора Галловъ. Варгилъ, этотъ Гракъ или Ираклъ иллирскій, ходилъ до границъ Панноніи и тамъ не только удержалъ Галловъ, но даже вошелъ въ Норикъ, гдѣ обитали Тавриски, союзники Войевъ, покорилъ часть страны и за то былъ назначенъ сперва ихъ княземъ, а послѣ царемъ. Пораженіе это опечалило Галловъ и ускорило ихъ отступленіе отъ Рима. Варгилъ не долго держался въ Норикѣ; онъ только показалъ свою силу Галламъ и затѣмъ помирился съ ними, основавъ царство между Эпиромъ, Дунаемъ и Альпами. Оно держалось сто лѣтъ слишкомъ и устояло передъ Филиппомъ Македонскимъ и Александромъ Великимъ. *Послѣ смерти Варгила царствовалъ Гракъ II, то-есть, Клейтосъ въ 340 г., у него была сестра Анда; затѣмъ Лестко I или Глаукіосъ, который счастливо боролся съ Александромъ (Wstęp Krytyczny, 275—292).* При посредствѣ Варгила, Автаріоты соединили большую часть Фракійскихъ и Иллирскихъ племенъ, прежде же они были обитателями части Эпира, которая называется Линхитіей. Въ насмѣшку ли, или отъ ихъ прежней родины, Греки называли ихъ Λυτοὶ вмѣсто Λυκτοὶ. Вскорѣ Автаріоты были вытѣснены Кельтскими народами, которые поселились въ верхней Панноніи. Послѣ паденія Автаріотовъ, племена, соединенныя ими, удалились за Дунай. Въ странѣ Геттовъ, по сосѣдству съ Бастарпами, поселились сами Автаріоты. Подъ этимъ именемъ они извѣстны у Цезаря какъ обитатели Дакіи; Птоломей называетъ ихъ Анартами. Конецъ третьяго вѣка и вслѣдующее столѣтіе прошло въ безполезной борьбѣ Фракійскихъ и Кельтскихъ племенъ. Въ началѣ перваго вѣка до Р. Х. усилилось царство Биребиста, которая палесскія хроники называютъ *Пржемыславомъ или Лесткомъ II (Wstęp Krytyczny, стр. 347—356).* Этотъ Биребиста былъ однимъ изъ замѣчательныхъ вождей. Онъ успѣлъ возвратитъ прежнее могущество своему народу. Увеличивъ военныя силы, онъ отправился за Дунай съ цѣлью вернуть земли, прежде принадлежавшія Автаріотамъ; овладѣлъ значительною частью Фракіи, ослабилъ власть Римлянъ въ Македоніи и Иллиріи, истребилъ Скордисковъ, Войевъ и Таврисковъ, которые нѣкогда овладѣли Автаріотскимъ царствомъ. При этомъ Биребиста дѣйствовалъ противъ Рима и подкупами. Онъ склонилъ золотомъ Кальпурнія Пизона и при посредствѣ своего сына

Коты III утвердился во Фракіи. Желая овладѣть Войнами и Панноніей, онъ женился на сестрѣ Цезаря Юліѣ (Wstę, 366). На понтийскомъ побережьи онъ овладѣлъ торговыми пунктами отъ Ольвии до Апполоніи, стараясь развить въ нихъ торговлю. Затѣмъ ему не трудно было войти въ сношенія съ Парсами, которые, по выраженію Трога Помпел, какъ бы раздѣлили съ Римлянами весь міръ пополамъ. Цезарь со страхомъ смотрѣлъ на усиленіе Виребиста. Вскорѣ узны родства разорвались, такъ какъ Виребиста прогналъ Юлію. Цезарь неоднократно пробовалъ укротить Гетовъ, но безуспѣшно. Три раза войска его терпѣли поражение въ Далмаціи, и Цезарь наиграннымъ былъ отправиться лично противъ Виребисты. Уже выступили легіоны, какъ Цезарь былъ убитъ. То же случилось и съ Виребистомъ, который погибъ отъ козней партій, желавшей присоединенія Далмаціи къ Риму.

Послѣ смерти Виребисты не нашлось человѣка, который могъ бы, подобно ему, удерживать различные народы. За этимъ всѣмъ наблюдалъ Октавіанъ. Врагамъ ихъ давали орудіе постоянные споры отдѣльных правителей. У Фракійцевъ страна раздѣлена была на нѣсколько провинцій, отчасти самостоятельныхъ, во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ особый царь. Во время Виребисты, однимъ изъ такихъ вассаловъ былъ его сынъ Кота, правитель Фракіи, который, подкупивъ Люція Калпурнія Пизона, подчинялъ своей власти сосѣдей. Послѣ смерти отца, Кота былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ владѣтелей, но частью Гетовъ управлялъ жрецъ Дикомось, союзникъ Антонія. Августъ выдалъ свою дочь за сына Коты III, потребовалъ его дочь для себя и этимъ примирилъ владѣтели Гетовъ. Самые тяжелыя времена для Рима прошли среди дружественныхъ отношеній съ Котою. Но когда свадьба не состоялась, то Августъ уже владѣлъ правымъ берегомъ Дуная и по его берегамъ устранивалъ крѣпости для защиты отъ Коты.

Около времени Рождества Христова оставалась только тѣнь владычества Гетовъ надъ Дунаемъ. Фракіей управлялъ Реметалкъ, сынъ Коты, племянникъ Цезаря, которая польскія мѣтописи называютъ *Помпеліемъ* или *Понелемъ* I, (Wstę, 373). Послѣ него правилъ Понель II, который ссорился со своимъ дядей и кончалъ тѣмъ, что ихъ обоихъ выгнали изъ Мизіи и Фракіи.

По прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда преданія о владѣніи Гетами Илиріей уже умолкали, а ихъ князья изъ Мизіи и Фракіи были сосланы въ Понтъ или Александрію, власть перешла

къ Децебалу, сыну бѣднаго хлѣбопашца. По народнымъ сказаніямъ, онъ былъ крещенъ еще въ дѣтствѣ святымъ Павломъ, когда тотъ проходилъ изъ Іерусалима по Илирику, и будучи враждебно принять княземъ, зашелъ къ бѣдному земледѣльцу. Его звали Пастомъ, а имя это принадлежало всему роду (Wstep, 403 и слѣд.). Какое бы ни былъ смыслъ легенды, но все-таки достоверно, что *апостолъ Павелъ обратилъ въ христіанство Илирскіе народы, и что въ протѣтѣ христіанства тамъ совершалась служба на языкѣ Бессовъ*. Ученіе Христово рано распространилось среди Гетовъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *ab Jerusalem per circuitum usque ad Illyricum repleveram evangelium Christi* (посл. Рим. XV, 19). Это служить яснымъ доказательствомъ, что Павелъ былъ между прочимъ апостоломъ Гетовъ. Объ этомъ сообщаютъ намъ извѣстія лѣтописей польскихихъ, русскихихъ и венгерскихихъ. Такъ, Песторъ говоритъ: „Въ Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ, училъ ту: ту бо есть Илирикъ его же ходилъ апостолъ Павелъ. Ту бо беша Словене первое. Тѣмъ же и словенську языку учитель есть Павелъ „(П. С. Р. Л., I, 12)“ (Wstep, 409).

Народное имя Децебала—Земовитъ. Онъ, выросши, сталъ отличаться своею храбростію, и правитель Даковъ сдѣлалъ его военачальникомъ. Тутъ онъ скоро отличился и сталъ любимцемъ народа и войска, и князь добровольно отдалъ ему свою корону. Между тѣмъ Римляне простерли свою власть на лѣвый берегъ Дуная и назначили отъ себя царьковъ, которые скоро успѣвали вооружать противъ себя народъ. Этимъ не преминулъ воспользоваться Децебалъ, овладѣлъ Мизіей, а консула Аннія Сабина умертвилъ. Домиціанъ послалъ свѣжіе легіоны противъ него, но также безуспѣшно. Посланъ былъ противъ Децебала другой полководецъ, которому удалось побѣдить его, но этою побѣдою Римлянамъ не пришлось воспользоваться, благодаря коварству Децебала: онъ велѣлъ рубить лѣсъ и одѣть пни въ брови; Римляне припали вооруженные пни за свѣжія войска. Децебалъ хотѣлъ помириться съ Домиціаномъ, но тотъ избилъ его пословъ и выслалъ сильное войско противъ Даковъ. Оно было снова разбито, и по словамъ Анніана, ни одинъ консулъ не хотѣлъ идти болѣе противъ нихъ. Тогда уже самъ Домиціанъ сталъ хлопотать о мирѣ, который пришлось ему заключить на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Онъ согласился на самыя тяжелыя условія, какія ему предложили Даки, но передъ народомъ хотѣлъ показаться побѣдителемъ и устроилъ даже триумфальный въѣздъ въ Римъ, а между

часть сѣснѹ, отд. 2. 2

тѣмъ Даки побѣдителю Римлянъ оказывали божескія почести, и польскій лѣтописецъ называетъ его полубогомъ.

Впослѣдствіи Траянъ сталъ обдумывать средства для уничтоженія послѣдствій позорнаго мира. Завязалась продолжительная и кровопролитная война. Траянъ боится сраженій въ открытомъ полѣ и удаляется въ глубину Дакии. Но издѣсь онъ встрѣчаетъ много препятствій въ горныхъ укрѣпленіяхъ, которыя ему пришлось постепенно брать, пока не приблизился къ Сармизегетузъ. Но столица не поддавалась, и Траянъ согласился на миръ, который былъ выгоденъ для Римлянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не уничтожалъ самостоятельности Даковъ. Даки обѣщались имѣть общихъ съ Римлянами друзей и враговъ, и потому ихъ войско было сокращено. Траянъ между тѣмъ вернулся въ Римъ триумфаторомъ, оставивъ въ Дакии гарнизоны. Вскорѣ, однако, возникли новыя недоразумѣнія, которыя не уладились мирнымъ путемъ и привели къ открытой войнѣ. Децебалъ сдѣлалъ воззваніе къ народу—защищать свою независимость и противосталъ Римлянамъ со всѣми силами, какіи могъ собрать на пространствахъ отъ Дуная до Днѣпра. Римляне, однако, побѣдили ихъ, и самъ Децебалъ лишился соби жизни. Траянъ не ограничился покореніемъ Даковъ, перешелъ черезъ Дунай съ многочисленными легіонами, опустошалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ эти страны, отбѣснялъ громадную массу населенія за Карпаты и Днѣстръ и высылалъ туда колоніи со всѣхъ концовъ міра. Это было событіе, чреватое печальными послѣдствіями и рѣшительное для дальнѣйшей эпохи. Здѣсь кроется главная причина великаго переселенія народовъ, которое началось еще въ то время и кончилось рѣшительнымъ паденіемъ Западной Римской имперіи. Со временъ еще Нерона Римляне знали, что пространство отъ Балтики до Евксина, которое прежде они представляли себѣ не населеннымъ, заключало въ своихъ предѣлахъ многочисленные народы и царства, но эти послѣдніе не находились ни въ какихъ сношеніяхъ съ Римомъ и не были явными съ его цивилизаціей. Напротивъ, Геты въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ Римомъ усвоили себѣ ихъ цивилизацію, и не мудрено, что, будучи вѣтѣсны изъ своихъ предѣловъ, они одержали верхъ надъ закавказскими жителями. Явился цѣлый рядъ замѣшательствъ, причиненныхъ наплывшею массою; объ этомъ слышали и Римляне. При этомъ малое плодородіе земли подало новую причину для борьбы, — болѣе сильныя вѣтѣсняють слабыхъ. Въ царствованіе Антонина на сѣверныхъ границахъ имперіи являются голодные массы,

требующія либо смерти, либо пріюта. Въ то же время происходитъ перемѣны на границахъ имперіи. Германскія племена, разбросанныя отъ Рейна до Вислы и до сихъ поръ враждовавшія между собою, отъ страха передъ Римомъ и сѣверными варварами соединяются въ союзы противъ Рима. На пространствахъ же между Вислою, Одеромъ и Эльбою образуется Мелншая Дакія. Когда исторія Балтійскихъ и Днѣпровскихъ Славянъ становится болѣе ясною, мы встрѣчаемъ среди нихъ Аботритовъ, которые вѣстѣ съ тѣмъ и Ленхиты. Эти имена припоминаютъ старыхъ основателей Илирскаго царства: Автаріотовъ, Линхитовъ. Въ этой же семьѣ есть и Бессы, и Мазоване, и Кривичи, одноименниковъ которыхъ знаетъ Страбонъ и Плиній на берегахъ Дуная и въ Илиріи. Подобно Маркоманамъ, соединяются Хавки (Chauci), Катты, Хаманы, Херуски, Аттуары, Амисары, Вруктеры и др., и являютъ въ III вѣкѣ по Р. Х. подъ общимъ именемъ Франковъ. Между тѣмъ дакійскіе выходцы разносятъ слухи о богатствѣ Италіи. Послѣ нападенія Готовъ, являютъ Гунны, въ рядахъ которыхъ находятся Даки, вытѣсненные съ Дуная подъ именемъ Антовъ или новымъ названіемъ Салавовъ или Славовъ. Однимъ словомъ, послѣ покоренія Траяномъ Даковъ стали собираться надъ Римомъ все болѣе и болѣе грозныя тучи.

Этимъ заканчивается вторая часть разсужденія Вѣлѣвскаго. Въ третьей части авторъ разсматриваетъ исторію Славянъ съ V вѣка по Р. Хр., то-есть, со времени, когда они сдѣлались извѣстными подъ этимъ именемъ. Онъ разсказываетъ объ основаніи и судьбѣ царства Само, о началѣ и усиленіи Великой Моравы и притомъ обращаетъ особенное вниманіе на вліяніе, которое имѣли оба эти царства на привислинскія страны (Wstęp, 467—481). Славяне, говоритъ Вѣлѣвскій,—по выходѣ своемъ изъ дунайскаго побережья къ берегамъ Вислы, принявъ по свидѣтельству Нестора имя Ленховъ. У Географа Баварскаго въ томъ же мѣстѣ указанъ *Wislane*. Раздѣленные на множество вѣтвей, они занимали громадное пространство и касались балтійскаго побережья. Въ VI вѣкѣ и въ началѣ VII, когда Аварская орда овладѣла Славянами отъ Волги до Дуная, они жили подъ властью своихъ *отцовъ* (*pod ocami*) или начальниковъ родовъ. Они умѣли охранять свою самостоятельность, о чемъ сохранились свидѣтельства Византійцевъ. Подобно древнимъ Гетамъ, они заключали договоры при звукахъ музыки; гусли въ рукахъ составляли единственное оружіе ихъ посла. Такое посольство они отправляли въ 590 г. къ Аварскому кагану, который, одаривъ ихъ старѣй-

шинъ, просилъ ихъ помощи противъ императора. Послы на возвратномъ пути были схвачены по приказанію Маврикія. Тамъ не могли надивиться ихъ громадному росту и красотѣ ихъ мелодій. Когда ихъ спросили: кто они и что дѣлаютъ въ Римской землѣ, то они отиѣчали, что они—Славяне, живутъ у Балтійскаго моря; земля ихъ не производитъ желѣза, и потому они ведутъ мирную и привольную жизнь, такъ какъ это имъ болѣе нравится, чѣмъ война. Императору понравилась ихъ рѣчь, и онъ, одаривъ ихъ, отпустилъ домой. Трудно что-нибудь узнать о нихъ послѣ этого, и мракъ неизвѣстности покрываетъ исторію Балтійскихъ Славянъ въ продолженіе трехъ столѣтій. Кажется, однако, что часть ихъ входила въ составъ царства Само, такъ какъ многіе намски Фредегара показываютъ, что среди Славянъ развилась сильная дѣятельность. Послѣ слишкомъ двухсотлѣтняго молчанія, доходятъ до насъ слухи о жизни ленхичскихъ народовъ въ противоположной мѣстности. Неподалеку отъ лѣваго берега Вислы, падъ рѣкой Нидою есть городокъ Вислица, одно изъ самыхъ древнихъ славянскихъ поселеній, и по всей вѣроятности, онъ былъ главнымъ мѣстомъ пребыванія Вислянъ, которыхъ Несторъ называетъ Ленхами (Ляхами). Ымьскій думаетъ, что они были извѣстны Константину Багрянородному, который упоминаетъ у привислянскихъ язычниковъ Διτλην: имя которое, вѣроятно, произошло изъ Βιολιχη (De adm., стр. XXXII, 103). Во второй половинѣ XI вѣка былъ у нихъ князь по имени Вышевитъ (у Константина Βοωσεβούτζη). Онъ сильно былъ приниженъ къ языческимъ обрядамъ и смѣшалъ падъ христіанствомъ. Къ нему посмалъ Меѳодій, уговаривая принять христіанство добровольно, и угрожая, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ къ этому принужденъ. Когда уговоры оказались безуспѣшными, противъ Вышевита пошелъ войною Святополкъ, послѣ упорной борьбы низвергъ его съ престола и расширилъ границы Моравской епархіи до источниковъ Буга и Стыра. Вышевитъ вмѣстѣ съ своею семьею искалъ убѣжища за Дунаемъ, куда еще въ этомъ же году отправился было Святополкъ. Его потомковъ знаетъ Константинъ Порфирородный. По низверженіи Вышевита, Святополкъ, кажется, посадилъ на престолѣ Моймира, старшаго сына Вышевита (Wstep“, 481—485).

Далѣе авторъ, указавъ на замѣчаемую имъ связь польской исторіи съ моравскою, доказываетъ, что древніе Моравскіе князья какъ-то: Rastyc, Kotzel и Cendobold (какъ современники, по его мнѣнію, называютъ Святополка) носили имена древнихъ царей Даковъ: Раска, Коты и Децебала, и что родъ свой они выводили отъ готскаго Па-

ста. Затѣмъ Вѣлѣвскій переходитъ къ рассмотрѣнiю польскихъ лѣтописей и старается выяснитъ, что подъ именемъ Земовита, дѣда Земислава, разумѣтся въ польскихъ лѣтописяхъ Святополкъ, а подъ именемъ Лешка IV слѣдуетъ понимать Святополковаго сына Моймира, который оставилъ сына Земислава, у этого же былъ сынъ Мечиславъ I Польскій, отецъ Болеслава Храбраго. Однимъ словомъ, Вѣлѣвскій утверждаетъ, что на польскомъ престолѣ удержался родъ Моравскихъ князей, а мѣстные привислинскіе Попелы были истреблены въ Польшѣ (Wstę, 485—540).

Вотъ въ главныхъ чертахъ выводъ, къ какому можно прийти изъ рассмотрѣнiя сочиненiя Вѣлѣвскаго, и къ какому дѣйствительно онъ самъ пришелъ. Взглядъ Вѣлѣвскаго не можетъ не показаться фантастическимъ, и опровергнуть его не мудро. Въ свое время появилось не мало возраженій противъ илirro-дакской теорiи. Всѣ они были исполнены какого-то озлобленiя и не могли ни въ чемъ разубѣдить Вѣлѣвскаго; но можно согласиться съ Цейсбергомъ, что еслибы критики были сдержаннѣе, то вѣроятно, скорѣе достигли бы своей цѣли. Первымъ оппонентомъ по времени явился старикъ Лелевель. Онъ съ восторгомъ принялъ новое сочиненiе Вѣлѣвскаго и на радости восклицаетъ: „По прошествiи сорока лѣтъ Холева дождался новаго изслѣдованiя! Вы, дорогіе моему сердцу Самуилъ и Викентій Бандте, Даниловичъ Игнатій! Вы, съ которыми вмѣстѣ мы разбирали народную исторiю, вы не можете уже раздѣлить со мною радости тому, что послѣ насъ возстали талаптливые труженики, снабженные лучшими средствами, чѣмъ мы, которые далеко оставляютъ насъ за собою. Но я дождался того утѣшенiя, когда трудъ Вѣлѣвскаго всахиваетъ заново тѣ поля, по которымъ и я проходилъ, когда поспѣваетъ ихъ хорошимъ сѣменемъ и покрываетъ богатыми плодами“. Но вмѣстѣ съ этими похвалами Лелевель указалъ и на многія мѣста въ сочиненiи Вѣлѣвскаго, съ которыми не былъ согласенъ; впрочемъ онъ не глумился надъ нимъ, подобно другимъ критикамъ. Признавъ заслугу Вѣлѣвскаго въ разборѣ и описанiи хроникъ и лѣтописей, Лелевель переходитъ къ рассмотрѣнiю другихъ частей его труда. Въ числѣ польскихъ хроникъ есть одна позднѣйшая, которая носитъ названiе хроники Викентіа Кадлубка. Она-то и смутила Вѣлѣвскаго. Еще Лелевель выдѣлилъ изъ нея часть, которую назвалъ хроникой Матвѣя, герба Холева (Голенище). Въ тѣсной связи съ хроникой Викентіа находится хроника Дзержвы (компилированная съ Викентіа). Вѣлѣвскій же доказываетъ, что Дзержва, или какъ онъ называетъ

его — Мерзва, Міоршъ, былъ источникомъ для Матѣя и Викентія, а самъ имѣлъ подъ руками хронику Лехитовъ. На этомъ-то Мерзвъ-Двержъ Бѣлевскій и опираетъ всѣ свои доводы. Лелевель не соглашается съ этимъ и настаиваетъ на прежнемъ мнѣніи, что Мерзва пользовался Викентіемъ, а не на оборотъ ¹⁾. Далѣе Лелевель разбираетъ подробно мнѣніе о томъ, что разказы польскихъ и чешскихъ хроникъ о начальныхъ судьбахъ Польскаго народа заключаютъ въ себѣ остатки лехитскихъ преданій и только занесены на Вислу. „Не знаю я“, говоритъ Лелевель, — „были ли въ Илиріи Граки, Ванда, но всякій чувствуетъ, что они очень идутъ къ сказаніямъ краковскихъ Хробатовъ. Оставимъ мы въ Гнезнѣ и у Голаа Попелень и Земовитовъ“. Не приводимъ въ подробности доказательствъ Лелевеля, такъ какъ они удалили бы насъ въ другую сторону. Послѣ Лелевеля явился съ рѣзкими нападками о разсужденіи Бѣлевскаго Юліанъ Бартошевичъ ²⁾; впрочемъ, онъ вскорѣ самъ сталъ сожалѣть о томъ, что слишкомъ погорячился, и не наведя дѣла на вѣрную дорогу, только нажилъ себѣ враговъ. Болѣе серьезными явились возраженія Цейсберга ³⁾; онъ доказываетъ несостоятельность мнѣнія Бѣлевскаго о Мерзвѣ и тѣмъ уничтожаетъ главное основаніе его гипотезы. Особенно же важны замѣчанія Гудшмидта ⁴⁾. Ему Бѣлевскій отвѣчалъ ⁵⁾, чего не дѣлалъ въ отношеніи другихъ противниковъ, и все-таки остался при своемъ мнѣніи, которое окончательно развилъ въ своемъ изданіи: *Monumenta Poloniae* (Т. II ⁶⁾).

Оканчивая на этомъ разсмотрѣніе теоріи Бѣлевскаго о происхожденіи Лехитовъ, переходимъ теперь къ его издательской дѣятельности. Чтобы понять громадную заслугу Бѣлевскаго по изданію исто-

¹⁾ *Polska Wiek. Średn.*, т. IV, стр. 486.

²⁾ *J. Bartoszewicz, O pomysłach lechickich A. Bielowskiego.*

³⁾ *H. Zeisberg, Vincentius Kadlubek.*

⁴⁾ *Kritik der Polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek (XVII-й томъ. Arch. f. K. öst. Gesch. Quell.)*

⁵⁾ *Mistrz Wincenty i jego Kronika (Bib. Ossol., 1863, т. II, 350—432).*

⁶⁾ Уже во время печатанія этихъ строкъ мы получили нолбрьскую книжку *Ateneum*, въ которой помѣщена записка о Вѣлевскомъ В. Кентринискаго, близкаго его знавшаго. Авторъ говоритъ, что Вѣлевскій наконецъ отказался отъ своей гипотезы, и когда извѣстный Ф. Духинскій сказалъ, что онъ хочетъ опять поднять вопросъ о Лехитахъ, то Вѣлевскій отвѣтилъ: „Я отказался уже отъ моей гипотезы; то, что вы написали по этому поводу, я прочелъ со вниманіемъ, но не нашелъ никакихъ доказательствъ, которые убѣдили бы меня въ истинѣ моей старой мысли“. (*Ateneum* 1877 г., № 11, стр. 321.)

рическихъ матеріаловъ, бросимъ бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи до него.

Вполнѣ справедливо заявленіе Цейссберга, что мало въ Европѣ найдется народовъ, у которыхъ была бы въ такомъ забвеніи исторія первыхъ вѣковъ своего существованія, какъ у Поляковъ. На это обращали вниманіе до него и Мелевель, и Репель, и наконецъ, самъ Вѣлѣвскій. „Паденіе Польши“, говоритъ Вѣлѣвскій, — „нанесло ударъ историческимъ разысканіямъ. Масса источниковъ была вывезена за границу или затеряна. Нужна была особенная твердость духа, какую народъ нашъ выказалъ въ своихъ несчастіяхъ, дабы среди бѣдствій не только расширить трудъ Нарушевича, но еще и набросать нѣкоторыя черты для будущей исторіи“ ¹⁾. Самому Вѣлѣвскому при его занятіяхъ, не смотря на помощь бібліотеки Оссолинскихъ, приходилось предпринимать дорого стоящаго путешествія для изученія хроникъ. До него былъ изданъ Мартинъ Галлъ, Держва, Викиентій и отчасти Длугошъ, но эти изданія мало удовлетворяли требованіямъ критики. Теперь же, благодаря труду и самопожертвованію Вѣлѣвскаго, мы можемъ, не выходя изъ кабинета, изучать весь древній періодъ польской исторіи. Еслибы только въ этомъ состояли его заслуги, то и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы громаденъ.

Нѣмцы опередили Поляковъ въ отношеніи изданія своихъ лѣтописей почти на цѣлыя сорокъ лѣтъ. У нихъ въ 1826 г. явился первый томъ „Monumenta Germaniae“; тогда какъ первый томъ „Monumenta Poloniae“ вышелъ въ 1864 г. Когда въ 1817 г. основалось подъ руководствомъ Штейна и Пертца общество для изданія хроникъ, тогда о томъ же подумывалъ Оссолинскій; но политическія событія и финансовыя обстоятельства помѣшали осуществленію его плана. Вѣлѣвскій съ 1850 г. возобновилъ эту мысль, пытался осуществить ее и съ того времени неутомимо преслѣдовалъ ее. Съ этою цѣлью онъ извѣздилъ всю Европу и пересмотрѣлъ всѣ рукописи польскихъ хроникъ и лѣтописей. Куда самъ онъ не могъ обратиться, просилъ друзей доставлять ему оттуда нужныя свѣдѣнія. Во всѣхъ этихъ хлопотахъ имъ не руководила какая-нибудь матеріальная выгода; напротивъ того, онъ даже жертвовалъ своими скудными средствами, лишь бы только достичь своей цѣли. Эта цѣль прекрасно имъ самимъ обрисована въ одной изъ его рѣчей въ слѣдующихъ словахъ: „Наука, народное образованіе должны составлять

¹⁾ Wstęp Krytyczny, стр. 7.

предметъ заботы всякаго государства и общества. Пренебреженіе этою главною потребностью народа, легкомысленное къ ней отношеніе никогда не проходило безнаказанно, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ обществамъ. Только долгая обработка наукъ, ихъ основательное и полное усвоеніе придаютъ уму истинную силу и просвѣщаютъ его. Все это дѣлаетъ человѣка справедливымъ къ себѣ и другимъ, пробуждаетъ болѣе благородныя стремленія и ставитъ цѣлыя народы высоко въ нравственномъ отношеніи. Мы должны искренне желать, чтобы тѣ пожертвованія, тѣ учрежденія, которыми теперь мы можемъ пользоваться, имѣли своими послѣдствіями то, что мы не удовольствуемся кажущимся, вѣшнымъ, половиннымъ образованіемъ, но съ жаромъ и любовью посвятимъ себя основательному и всестороннему образованію. Особенно это необходимо теперь, когда большая часть нашихъ соотечественниковъ осуждена, вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, на невѣжество, глупость и полный дилетантизмъ. Теперь всякій пусть старается все болѣе и болѣе совершенствоваться въ той области знаній, которую онъ себѣ избралъ. Но въ народномъ образованіи главное мѣсто занимаетъ изученіе отечественной исторіи. Знать ее хорошо обязанъ всякій гражданинъ. Въ настоящее время обработка польской исторіи заставляетъ желать многого. Для полнаго успѣха прежде всего необходимо собрать сохранившіеся памятники, объяснить ихъ и наконецъ издать¹⁾. За эту громадную работу и взялся самъ Бѣльскій. Отъ издателя историческихъ матеріаловъ требуетъ онъ многого: „Велики обязанности, возлагаемыя современною наукою на издателя историческихъ источниковъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—„Необходима, конечно, опытность въ чтеніи стариннаго письма, умѣніе угадывать значеніе сокращеній, при этомъ еще важнѣе основательное знаніе языковъ, со всѣми оттѣнками въ разныя времена, а въ особенности издателю необходимъ творческій умъ. Издателю очень часто приходится вникать въ суть дѣла по мелкимъ, иногда едва замѣтнымъ указаніямъ. Онъ долженъ умѣть отличить особенности, свойственныя писателю и его времени, отъ ошибокъ переписчика. Затѣмъ издатель долженъ быть хорошо знакомъ съ классическими и средневѣковыми писателями. На немъ лежитъ обязанность прослѣдить — откуда извѣстный писатель бралъ выраженія, вводилъ ли онъ и въ какой степени чужіе тексты и фразы, что могло имѣть вліяніе на образованіе въ немъ

¹⁾ *Biblioteka Ossolińskich* 1868 года, рѣчь Бѣльскаго.

тѣхъ или другихъ понятій и убѣжденій. Однимъ словомъ, онъ долженъ представить читателю издаваемого имъ писателя такъ, чтобы читатель могъ себя представить и его личныя воззрѣнія, и тѣ внѣшнія вліянія, которыя на него дѣйствовали" ¹⁾.

Въ предисловіи къ первому тому „Monumenta" онъ указываетъ именно на недостатокъ въ такихъ подготовительныхъ трудахъ, въ матеріалахъ, обработанныхъ критически, а даже и въ матеріальныхъ средствахъ: „Польскій народъ находится въ исключительномъ положеніи, какого трудно найти у какого-нибудь другаго. Нѣтъ ни одного учрежденія, ни одного ученаго общества (это было писано въ 60-хъ годахъ), которое могло бы свободно и со средствами заняться исключительно отечественною исторіей. Нѣтъ ни одной бібліотеки, которая содержала бы въ себѣ историческіе матеріалы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ достаточномъ количествѣ. Разбросаны они по всей Европѣ и во множествѣ притомъ истреблены". И такъ, то, чтѣ вездѣ дѣлаетъ правительство, Бѣлѣвскому пришлось сдѣлать одному, пригласивъ себя на помощь безвозмездныхъ сотрудниковъ. Но ему пришлось не только самому, на свои средства, собирать и критически обслѣдовать матеріалы, но даже и самому быть издателемъ. Почти единственное въ то время польское ученое учрежденіе, институтъ Оссолинскихъ, находилось въ такомъ положеніи, что не могло взять на себя изданія. Нашлись частныя лица, которыя, пожалуй, готовы были бы помочь Бѣлѣвскому матеріально, но они предлагали со своей стороны такія условія, на которыя Бѣлѣвскій не могъ согласиться. Поэтому онъ рѣшился самъ предпринять изданіе, и въ 1864 году вышелъ во Львовѣ первый томъ „Monumenta Poloniae Historica", содержащій въ себѣ источники польской исторіи до начала XII столѣтія.

Въ этотъ томъ вошли памятники, уже обнаруженные до Бѣлѣвскаго, за исключеніемъ одного. Почти всѣ они вошли и въ составъ изданія Пертца. Тутъ мы находимъ между прочимъ отрывки изъ Видукинда и Титмара; сюда же внесена вся Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ именемъ Нестора, Поученіе Владиміра Мономаха и житія Кирилла и Меѳодія. Не останавливаясь на всѣхъ этихъ памятникахъ, скажемъ нѣсколько словъ лишь о „Мученіи св. Адальберта" и о хроникѣ, известной подъ именемъ Мартина Галла—на которыя Бѣлѣвскій обратилъ особенное вниманіе.

¹⁾ *Bibl. Ossol.*, Т. VI, стр. 253: Критика изданія Кадлубка *Мушковскаго*.

Болеславъ Храбрый, продолжая политику своего отца, распространялъ христіанство, и вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился о расширеніи предѣловъ своего государства, а потому съ радостью принималъ апостоловъ новой вѣры. Въ числѣ ихъ былъ и изгнанный изъ Чехіи Адальбертъ-Войтехъ. Изъ Польши Войтехъ отправился въ Пруссію, гдѣ и принялъ мученическую смерть (997 г.). Тѣло его было перевезено въ Гнѣзень, и въ послѣдствіи императоръ Оттонъ III ходилъ на поклоненіе его мощамъ. Слава Войтеха жила долго въ Польшѣ, и до насъ сохранились два пространныя его житія, легендарнаго характера. Бѣлѣвскому удалось найти въ Мюнхенѣ третье, въ краткой редакціи, въ рукописи, которая, по его мнѣнію, относится къ XI вѣку, между тѣмъ какъ самое житіе старше. Въ то же время, когда Бѣлѣвскій сдѣлалъ это открытіе, та же рукопись стала извѣстна и Гизебрехту. Рукопись эта пергаменная, съ помѣтой, что принадлежала монастырю св. Квирина въ Тегернзее. Въ этой же рукописи находятся житія и другихъ святыхъ, и изъ нея Пертцъ извлекъ для своего изданія житіе Бруно. Кто былъ авторомъ житія — неизвѣстно. Можно однако полагать, что онъ былъ монахъ бенедиктинскаго ордена, близко знакомый съ событіями въ Польшѣ, по былъ ли онъ Славянинъ — это еще вопросъ. Цейсбергъ считаетъ его Славяниномъ, основываясь на нѣкоторыхъ словахъ, которые авторъ передаетъ въ польской формѣ; такъ, напримѣръ, авторъ житія говоритъ „*Frater autem eius Radim, mutato nomine Gaudentius dictus*“ (III, 10); Адальберта онъ называетъ Войтехомъ — *Weithahe* almus maioris triumphi gloriam sibi agnoscens (VI). Встрѣчаются еще слова: *Slavnike* и *Chnazina* вмѣсто *Gnezno*. По мнѣнію Бѣлѣвскаго, высказанному ранѣе Цейсберга, эти слова могутъ доказывать только то, что авторъ былъ близко знакомъ съ Поляками и получалъ свѣдѣнія отъ жителей окрестностей Гнѣзана, на что указываетъ переимѣна *o* въ *u*: *Pulslaus*, *Bugussa*. Въ пользу этого мнѣнія можетъ говорить еще замѣна *b* чрезъ *p*: *Adalpertus*, *Pulsavo*. Спорнымъ является также названіе мѣста, въ которомъ Войтехъ назначилъ аббатомъ своего ученика Аскрика. Можно читать его *Mestrf*. Бѣлѣвскій думаетъ, что это значитъ *montis ferri*, и доказываетъ это мѣстомъ изъ житія св. Стефана, гдѣ сказано: „*Ascricus abbas cum suis honorifice susceptus, ad radicem montis ferrei cenobium sub titulo sancti patris Benedicti construxit*“. Но этотъ монастырь находится въ Венгріи, а извѣстія о пребываніи Войтеха въ Венгріи по выходѣ изъ Польши въ Пруссію довольно поздні. Гизебрехтъ, а за нимъ и другіе нѣмецкіе ученые, читаютъ: *Mestris*

и хотѣть видѣть въ этомъ Meseritz, то-есть, Межирѣчскій монастырь (Międzyrzecz). При этомъ Гизебрехтъ даже предполагаетъ, что авторъ житія самъ былъ изъ Межирѣчскаго монастыря, и этимъ объясняетъ появленіе рукописи въ Тегернзее. Генрихъ въ 1005 году, 25-го сентября, былъ въ Межирѣчѣ; можетъ быть, ему, какъ любителю рукописей, подарили и эту, а онъ передалъ ее на храненіе въ свой любимый монастырь въ Тегернзее. Конечно, оба мнѣнія имѣютъ одинаковую долю вѣроятія; не можетъ служить опроверженіемъ мнѣнія Вѣлѣвскаго и то обстоятельство, что только изъ позднѣйшихъ источниковъ извѣстно о пребываніи Войтеха въ Венгрію на пути изъ Польши въ Пруссію.

Житіе можно раздѣлить на три части: въ первой описывается жизнь Войтеха и его путешествіе въ Пруссію, во второй — его мученическая смерть, и въ третьей — перенесеніе его мощей въ Гнѣзно. Вѣлѣвскій отмѣтилъ въ лѣтописяхъ XI столѣтія монастыри Мойенмутъ (Moienmoutier) въ Вогезахъ описаніе этого перенесенія.

Что касается хроники Мартина Галла, то эта первая польская лѣтопись относится къ XII столѣтію, хотя существующія рукописи ея принадлежатъ болѣе позднему времени. Вѣлѣвскій описалъ извѣстные кодексы хроники и высказалъ нѣсколько замѣчаній, какъ объ авторѣ ея, такъ и о самомъ памятникѣ. Имя автора не извѣстно, и Мартину Галлу хроника приписана лишь первымъ ея издателемъ Ленгнихомъ, примѣру котораго послѣдовали и другіе. Какъ не извѣстно имя автора, такъ точно ничего не знаемъ и о его происхожденіи; ученые очень разногласятъ между собою на этотъ счетъ. Ленгнихъ и Лелевелъ считали автора Французомъ, Землеръ — Нѣмцемъ, Вивентій Вандтке — Полякомъ, Кёнке — Итальянцемъ. Достоверно можно сказать только то, что онъ иностранецъ. Мартиномъ Галломъ его называли на основаніи упоминанія Длугоша, по въ хроникѣ, извѣстной намъ нынѣ подъ именемъ Мартина, нѣтъ того мѣста, на которое ссылается Длугошъ. Въ одномъ спискѣ хроники сдѣлана позднѣйшая дописка: „Gallus hanc historiam scripsit“ и еще „hucusque Gallus“. Вѣлѣвскій думаетъ, что слѣдуетъ удержатъ имя Галла, и что оно показываетъ, что авторъ былъ монахомъ монастыря св. Эгидія. Этотъ монастырь называли въ Польшѣ монастыремъ св. Галла (Гавла), а потому и авторъ, какъ монахъ этого ордена, могъ быть названъ Галломъ. Доказательство этому Вѣлѣвскій видитъ въ томъ, что авторъ хорошо знакомъ съ книгами Сен-Галленскаго монастыря и взялъ изъ нихъ расположеніе своей хроники. Хроника состоитъ изъ трехъ

книгъ: въ первой авторъ коротко разказываетъ событія до царствованія Болеслава III, а вторая и третья книги посвящены Болеславу. Бѣлевскій указываетъ, что авторъ хроники пользовался многими государственными актами, которые доставлялъ ему канцлеръ Михаилъ, его сотрудникъ; такъ, ему извѣстенъ былъ договоръ Болеслава Храбраго съ Оттономъ III, онъ знакомъ съ письмами Польскихъ королей Владислава-Германа и Болеслава Кривоустаго, а также съ письмомъ императора Генриха къ Болеславу; ему извѣстны также разныя тайныя дѣла. Затѣмъ, по мнѣнію Бѣлевскаго, у хрониста была книга военныхъ наборовъ. Цейсбергеръ дѣлаетъ предположеніе, не составлены ли всѣ письма самимъ авторомъ. Впрочемъ, пока трудно рѣшить этотъ вопросъ, и конечно, легче отрицать мнѣніе Бѣлевскаго, чѣмъ согласиться съ нимъ. Далѣе для событій минувшихъ хронистъ пользуется разказами стариковъ и даже народными преданіями, но въ такихъ случаяхъ прибавляетъ: „говорять“. Первая книга написана между 1109 и 1110 годами, а двѣ послѣднія окончены до 1113 года.

Изданіе хроники, сдѣланное Бѣлевскимъ, безукоризненно; издатель предпослалъ тексту критическую замѣтку, описалъ всѣ три списка, отмѣтилъ всѣ разпочтенія, указалъ мѣста, заимствованныя авторомъ изъ классическихъ писателей. Къ тексту присоединены необходимыя примѣчанія, облегчающія его пониманіе, подобраны мѣста изъ другихъ источниковъ и сдѣланы историческія объясненія. Все это придаетъ изданію большое достоинство и ставить его выше всѣхъ предшествующихъ изданій той же хроники.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго тома „Monumenta Polonica“ Бѣлевскій издалъ второй. Тутъ собраны матеріалы для исторіи удѣльнаго періода въ Польшѣ до вступленія на престолъ Ягеллы. Существенную часть этого тома составляютъ помѣщенные въ концѣ его такъ-называемыя лѣтописи (Annales). Лѣтописи въ Польшѣ, подобно русскимъ, образовались изъ пасхальныхъ таблицъ и появились раньше хроникъ. Это—сухія погодныя записки. На нихъ рано было обращено вниманіе и учеными; еще въ 1730 г. Зоммерсбергеръ и въ 1749 г. Лянгнихъ издали нѣкоторыя изъ нихъ, но по изданіямъ этимъ нельзя еще было составить хорошаго понятія объ этихъ памятникахъ. Бѣлевскій до 1850 г. успѣлъ рассмотреть и приготовить къ изданію многія изъ лѣтописей, но пока онъ занимался ими, онѣ появились въ изданіи Пертца въ обработкѣ Арндта и Репеля. Бѣлевскій въ своемъ „Wstęp, krótyczony“ обратилъ на нихъ вниманіе и указалъ на важное ихъ значеніе; въ „Monumenta“ лѣтописи занимаютъ 200 страницъ и

изданы съ чрезвычайною аккуратностію. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе, вопервыхъ, „*Annales Cracovienses vetusti*“, какъ ихъ называлъ Арндтъ, — Вѣлѣвскій же называетъ ихъ Свято-кржижскими, — и вовторыхъ, лѣтопись капитульная. Всего польскихъ лѣтописей у Вѣлѣвскаго 12. Кромѣ ихъ, къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести три календаря и одинъ каталогъ епископовъ. Сверхъ того Вѣлѣвскій включилъ въ свое изданіе отрывки изъ лѣтописей Гильдейсгеймскихъ и Кведлинбургскихъ.

Кромѣ этихъ лѣтописей, во второй томъ вошли, занимающія въ немъ почти третью часть, хроника Викентія Кадлубка и такъ-названный Вѣлѣвскимъ Мержва. Хроника Викентія была одною изъ самыхъ распространенныхъ въ Польшѣ въ средніе вѣка. Это доказывается и тѣмъ, что она сохранилась до насъ въ 30 спискахъ, чего не вышло на долю никакой другой. Авторъ ея — человѣкъ ученый, знакомъ съ отцами церкви не только западными, но и восточными, а также и съ классическими писателями. Слогъ его напыщенный. Первые три книги Кадлубка написаны въ формѣ діалога. Это обстоятельство подало поводъ думать, что авторомъ ихъ былъ не Викентій, а одно изъ вводимыхъ имъ лицъ, именно, Матѣй, епископъ Краковскій (умеръ около 1167 г. по Вѣлѣвскому). Это мнѣніе стало рано распространиться и признано было окончательно вѣрнымъ по появленіи, въ 1811 году, сочиненія Лелевеля: „*Joachima Lelewela we względzi dziejów narodowych postrzeżenia. Uwagi nad Mateuszem, i jego pierwotne dzieje obejmującą*“. Лелевель съ обычнымъ своимъ талантомъ доказывалъ, что Викентій для первыхъ книгъ пользовался письмами Матѣя. Къ такому мнѣнію привело Лелевеля то обстоятельство, что хроника была издана неудовлетворительно, по худому списку, въ формѣ писемъ, а не діалога. Вѣлѣвскій доказываетъ, что хроника Матѣя дѣйствительно нѣкогда существовала, но до насъ не дошла, и полагаетъ, что у Викентія находится ея пердѣлка: къ добавленіямъ и передѣлкамъ Викентія Вѣлѣвскій относитъ факты, сообщаемые Викентіемъ отъ лица Матѣя, но сохранившіеся послѣ смерти послѣдняго. Впрочемъ, въ виду разказовъ о подобныхъ событіяхъ справедлиwie кажется мнѣніе Цейсберга, что Викентій самъ былъ авторомъ первыхъ трехъ книгъ. Опъ даже самъ изобличаетъ себя, когда, говоря о чудесахъ св. Станислава, прибавляетъ, что о нихъ нельзя ни разказать, ни *перомъ написать*. При настоящемъ видѣ рукописей никакъ нельзя выдѣлить хроники Матѣя, и всѣ дошедшіе до насъ списки суть несомнѣнно копія съ хро-

ники Викентія. Бѣлевскій въ своемъ изданіи считаетъ всю хронику принадлежащею Викентію и только допускаетъ возможность существованія хроники Матвѣя.

Мнѣніе Бѣлевскаго о самомъ прозвищѣ автора, Кадлубекъ, оригинально и заслуживаетъ полнаго вниманія. До XV столѣтія Викентій извѣстенъ былъ подъ именемъ Vincentius, Vincentius Magister, minister ecclesiae cracoviensis, episcopus. Съ XV в. встрѣчаемъ Vincentius Cadlubonis, Vincentius Codlubovicz. Эти имена патронимическія; значитъ, отецъ его былъ Кадлубъ. Но по другимъ даннымъ извѣстно, что его имя *Boguslaus*, что соответствуетъ нѣмецкому *Gottlob*, или по другому выговору—Kottlob, а отсюда явилось Vincentius Katlubonis, Такимъ образомъ, по мнѣнію Бѣлевскаго, Кадлубекъ значитъ Богуславовичъ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, между тѣмъ какъ мнѣніе Гутшмидта, что это прозвище отъ формы тѣла, едва ли выдерживаетъ критику въ виду положительныхъ данныхъ о внѣшности Викентія.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о времени написанія хроники, переходимъ къ рассмотрѣнію ея содержанія. Спорнымъ вопросомъ является первая книга, заключающая въ себѣ такъ-называемыя баснословныя событія. Въ началѣ ея разсказывается о морскихъ войнахъ Поляковъ, о покореніи сильнаго враждебнаго народа, о плѣненіи ихъ царя, внука котораго пытался отомстить за дѣда. Бѣлевскій говоритъ, что „кто прочитаетъ это мѣсто со вниманіемъ и сравнитъ его съ цѣлымъ цикломъ преданій, заключающихся въ этой книгѣ, и особенно съ походомъ Александра Великаго противъ Скивовъ еще при жизни отца, дѣда—кто сравнитъ съ его же походами противъ Гетовъ и Илировъ, затѣмъ съ войнами Поляковъ съ Юліемъ Цезаремъ и съ дружественными послѣдствіями съ Римлянами отношеніями, кто все это разсмотритъ, тотъ долженъ прійти къ выводу, что въ этомъ мѣстѣ заключается завязка всѣхъ этихъ разказовъ, то-есть, славное покореніе Илирами Македоніи почти за четыреста лѣтъ до Р. Хр. и низверженіе съ престола Аминты, дѣда Александра Великаго“. Слова Викентія, въ которыхъ въ этомъ отдѣлѣ онъ разсказываетъ о многочисленномъ населеніи страны, равно какъ и о добродѣтеляхъ и превосходствѣ предковъ Поляковъ, являются какъ бы отголоскомъ того, что говоритъ Скимнъ Хиосскій объ Илирахъ. Между тѣмъ въ рукописяхъ хроники Викентія имена лицъ и названія мѣстностей такъ перековерканы, что, строго держась ихъ, надо отнести ихъ скорѣе къ Даніи

и Датчанамъ ¹⁾. Далѣе Бѣлевскій приводитъ мѣста изъ польскаго историка XVI в. Сарницкаго и нини старается доказать, что въ XVI в. текстъ Викентія не былъ такъ испорченъ, и что Сарницкій зналъ, что Викентій всѣхъ событій относилъ къ войнамъ Илировъ съ Македонянами. Но однако изъ того, что объ Илирахъ говоритъ Сарницкій, еще не видно, чтобъ онъ узналъ это отъ Викентія: „*Nostri antiquitatum indignatores*“, говоритъ Сарницкій,—„*adferunt historiam quod slavicae gentes duce Bardylo Dacos expulerunt ex Dacia... Traditum est ergo Amyntam regem Macedonum captum fuisse in proelio ab Illyriis; sed deinde Philippus ultus est iniuriam fratris (вмѣсто patris) et talionem reddidit. Nam victis Atheniensibus Poeonas aggressus est, et Bardylum regem Illyriorum interceptit*“. Изъ всего этого нельзя заключить, чтобы для приведеннаго мѣста Сарницкій пользовался Викентіемъ. То, что онъ былъ знакомъ съ Викентіемъ, еще не доказываетъ, что и подъ словами „*nostri antiquitatum indignatores*“ онъ разумѣетъ его, а не кого-нибудь другаго. Напротивъ, зная что въ иныхъ мѣстахъ Сарницкій приводитъ въ свидѣтели Викентія, кажется, смѣло можно утверждать, что тутъ-то онъ его и не имѣетъ въ виду. Да и самъ-то Сарницкій—свидѣтель такой, что врядъ ли ему можно довѣрять.

На счетъ этихъ сказаній надо согласиться съ Репелемъ, что оба они не польскія. Такъ, борьба съ морскими народами—сказаніе поморское, а борьба съ Галлами—хорватское. Затѣмъ сказанія объ отношеніяхъ съ Александромъ и Цезаремъ Цейсбергеръ считаетъ ученымъ вымысломъ автора и только сказаніе о Пястѣ признаетъ великопольскимъ.

На этой книгѣ Викентія, или лучше сказать, на такъ-названномъ Мержвѣ Бѣлевскій осповалъ, какъ мы видѣли, всю свою теорію объ илирійскомъ происхожденіи Славянъ. Но Мержва имѣетъ еще меньшее значеніе, чѣмъ Викентій. Если сопоставить оба эти хроникѣ, то на первый взглядъ онѣ покажутся одинаковыми. У Викентія нѣтъ первыхъ трехъ главъ, въ которыхъ Мержва выводитъ родословную Поляковъ отъ Іафета. У Мержвы нѣтъ пролога и первыхъ двухъ главъ Викентія. А затѣмъ извѣстія идутъ у нихъ въ перемежку. Такимъ образомъ, можно замѣтить, что между обоими авторами есть какая-то связь. Бѣлевскій доказываетъ, что хроника Мержвы древнѣе, именно—что она принадлежитъ XI вѣку, и что Викентій пользовался ею. До Бѣлевскаго она была извѣстна подъ име-

¹⁾ Monumenta, II, 244.

немъ Держвы, онъ же доказывалъ, что авторъ былъ Мержва или Міоршъ, и что въ ней слѣдуетъ видѣть двѣ части: первую назвалъ онъ хроникой Мержвы, а вторую—продолженіемъ Мержвы. Что хроника Мержвы древнѣе Викентіевой, это, по мнѣнію Бѣлевскаго, доказывается тѣмъ, что, авторъ ея строго соблюдаетъ хронологію древнѣйшихъ временъ, что, какъ кажется Бѣлевскому, относить событія туда, куда слѣдуетъ, то-есть, въ Илирію, и затѣмъ выдвигаетъ на первый планъ свою личность (*inveni, procedamus, verito, revertamur* и др.). Бѣлевскій считаетъ автора этой хроники Англо-Саксомъ. Надо, однако, сознаться, что всѣ эти доказательства очень слабы; но съ другой стороны, и противники Бѣлевскаго не выставили также ни одного положительнаго доказательства въ пользу того мнѣнія, что Держва-Мержва пользовался Викентіемъ, а не наоборотъ. Доказательства Цейсберга заставляютъ только удивляться, какъ такой строгій въ другихъ отношеніяхъ критикъ могъ ими удовольствоваться. Всмотрѣваясь въ весь этотъ споръ и сравнивая обѣ эти хроники, приходишь къ убѣжденію, что еще надо много поработать надъ ними, чтобы согласиться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ. Не смотря на то, что на обѣ эти хроники потрачено уже много времени, онѣ еще ждутъ новаго изслѣдователя, ежели только не согласится съ мнѣніемъ одного нашего извѣстнаго слависта, что игра эта не стоитъ свѣчъ. Это, конечно, относится къ Мержвѣ Бѣлевскаго и къ первымъ двумъ книгамъ Викентія, двѣ же послѣднія имѣютъ для насъ важное значеніе, какъ продолженіе Галла.

Что касается самаго изданія втораго тома „Monumenta“, то оно выполнено Бѣлевскимъ въ высшей степени добросовѣстно; особенно замѣчательно описаніе списковъ Викентія и Мержвы и сопоставленіе ихъ, чего до тѣхъ поръ еще не было сдѣлаво. Издатель пользовался нѣсколькими лучшими списками и отмѣтилъ важнѣйшіе варианты. Не лишено удобства сопоставленіе Держвы, или такъ-называемаго издателемъ продолжателя Мержвы, съ Викентіемъ. Жаль только, что не сдѣлано того же для самого Мержвы, то-есть, для первыхъ 23 главъ того же Держвы: тогда легче было бы сравнивать его съ Викентіемъ.

Во второй томъ „Monumenta“ вошла еще хроника Яна Чариковскаго. Она была издана всего разъ Зоммерсбергомъ, но изданіе это не удовлетворяло требованіямъ критики. У Бѣлевскаго она появилась въ обработкѣ Яна Шляхтовскаго. Въ обработкѣ В. А. Мацѣевскаго помѣщена во второмъ же томѣ хроника Богуфала, съ предисло-

віемъ самого Вѣлѣвскаго. Затѣмъ въ этотъ же томъ вошли и отрывки изъ иностранныхъ хроникъ. Изъ иностранныхъ источниковъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ „Monumenta“, обращаютъ на себя вниманіе два житія Оттона Вимбергскаго. Житіе, написанное Эбономъ, Вѣлѣвскій перепечатываетъ по изданію Кёнке, а житіе, сочиненное Гербордомъ, издаетъ по вновь найденной рукописи. Недостатокъ этого изданія заключается въ томъ, что Вѣлѣвскій придаетъ большое значеніе Герборду; онъ убѣжденъ, что лица, выведенныя Гербордомъ какъ разказчики, не вымышленныя. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ мнѣніе предшествующихъ ему германскихъ ученыхъ. Съ появленіемъ изслѣдованія Яффѣ въ V томѣ „Bibliotheca Germanica“ стало очевидно, что у Герборда не было новыхъ источниковъ, и что онъ нагло передѣлывалъ Эбона. Въ этомъ, конечно, нельзя убѣждать Вѣлѣвскаго, если особенно приять во вниманіе, что и послѣ Яффѣ нѣкоторые стоятъ за Герборда.

Разсматривая все изданіе „Monumenta“, нельзя не сдѣлать замѣчанія, что излишнею кажется перепечатка иностранныхъ сказаній, изданныхъ у Пертца; они занимаютъ не малое мѣсто и совершенно напрасно увеличиваютъ собою стоимость книги. То же надо сказать и о „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, о „Поученіи Владимира Мономаха“, о „Житіи Меодія и Кирилла“. Изъ нихъ можно мало почерпнуть свѣдѣній для польской исторіи, а между тѣмъ они занимаютъ едва ли не половину перваго тома. Можно было бы также желать, чтобы издатель относился болѣе объективно къ издаваемому памятнику и менѣе представлялъ гипотезъ. Но говоря вообще, если и найдутся въ его трудѣ какіе недостатки, то всѣ они столь незначительны, что достоинства изданія искупаютъ ихъ съ избыткомъ. Вѣлѣвскій сдѣлалъ для польской исторіографіи то, чего до тѣхъ поръ никому и не приходило въ голову сдѣлать. Впрочемъ, двумя томами „Monumenta“ еще не исчерпывается его издательская дѣятельность. Не задолго передъ смертію онъ сдалъ въ типографію третій томъ, но уже могъ печатать его не на свои скромныя средства: изданіе приняла на себя Краковская академія наукъ; можно надѣяться, что посмертный трудъ Вѣлѣвскаго скорѣ увидитъ свѣтъ. Вообще послѣ Вѣлѣвскаго осталось много готоваго матеріала. Говорятъ, что имъ вполне приготовленъ и четвертый томъ „Monumenta“. Остается пожелать, чтобы коммиссія, взявшая на себя обязанность издавать ученое наслѣдіе Вѣлѣвскаго, продолжила достойнымъ образомъ его дѣятельность.

Изданіе „Monumenta Poloniae“ не помѣшало Вѣлѣвскому заниматься частью СХСІV, отд. 2.

и другимъ дѣломъ. Къ послѣднему періоду его жизни относится изданіе словаря Линде (1854—1860 гг.), которое всецѣло пало на него. Въ 1859 году изданы имъ „Записки Николая Емѣловскаго“, въ 1860 г. „Записки Станислава Яблоновскаго“, а въ 1861 г. „Письма Жолкѣвскаго“. Съ 1863 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ журнала *Biblioteka Ossolińskich* и адѣсь помѣстилъ много своихъ статей.

Такова въ главныхъ чертахъ литературная, ученая и издательская дѣятельность Бѣльскаго. Умеръ онъ скоропостижно въ ночь съ 11-го на 12-е октября (новаго стиля) 1876 года, наканунѣ того дня, когда по обыкновенію читалъ отчетъ о годичной дѣятельности института Оссолінскихъ. Въ этомъ же году, за отсутствіемъ куратора Института, онъ намѣренъ былъ открыть публичное засѣданіе заправѣ приготовленной рѣчи, но случилось иначе.... Торжественное собраніе института было отмѣнено; на похороны его присланы были депутаты отъ разныхъ ученыхъ обществъ и собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народа почтить память покойнаго, и хотя послѣ смерти, воздать должное почтеніе тому, кто на пользу своихъ соотечественниковъ посвятилъ безкорыстно всю свою жизнь.

О. Пташницкій.

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ. ¹⁾

Гордонъ и Петръ Великій.

До 1689 года отношенія Гордона къ Петру были чисто официальныя. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай представляться ему и при такихъ случаяхъ сравнивалъ то благоприятное впечатлѣніе, которое производилъ Петръ, съ жалкимъ видомъ болѣзненнаго и слабаго Ивана (II, 11). Въ 1688 году Петръ началъ заниматься своими потѣшными. 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка 5 флейтчиковъ и столько же барабанщиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ того Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человекъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю (II, 227). Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но зато искалъ случаевъ доставлять удовольствіе юному царю. 9-го октября онъ, осматривая свой полкъ въ слободѣ, выбралъ 20 флейтчиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ „для обученія“ (II, 231). Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того, 10 человекъ взяты въ коюхи.

Между тѣмъ стали обнаруживаться разные признаки распри между Софіей и Петромъ. Уже въ сентябрѣ, сообщая пѣкоторія частности объ образѣ дѣйствій Петра, Гордонъ употребляетъ слово „партіи“ (II, 229-230), а 29-го іюня 1689 г. у него отмѣчено: „Хотя въ этотъ день были именины младшаго царя, никакого празднества не было“

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

(II, 263). Впрочемъ, мы не знаемъ, желалъ ли Гордонъ успѣха „партіи“ Петра, и на сколько онъ сочувствовалъ молодому царю, уже тогда столь рѣзко отличавшемуся отъ своихъ родственниковъ: у Гордона не было обычая излагать въ дневникѣ свои мысли, разсужденія, надежды и желанія. Но въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показывалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и проч. Однажды при этихъ упражненіяхъ Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себѣ чувствуетъ (II, 285 и 286). Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ приобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что Гордона посѣщалъ фаворитъ царя, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (II, 287). Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдывалъ у него иногда въ это время (II, 289). Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ; въ дневникѣ перѣдко встрѣчаются замѣтки, что Гордонъ былъ у царя на потѣшномъ дворѣ, что онъ присутствовалъ при приготовленіи царемъ фейерверка, что онъ былъ „на верху“, обѣдалъ у Петра и оставался тамъ до вечера, что онъ весьма долго бесѣдовалъ съ царемъ о разныхъ предметахъ. Гордонъ участвовалъ и въ царскихъ пирахъ и оставался во дворцѣ цѣлую ночь; иногда онъ вмѣстѣ съ Петромъ обѣдалъ или ужиналъ у Лѣва Кирилловича Парышкина, у котораго все подавалось на серебрянѣ, у Ромодановскаго или Андрея Артамоновича Шереметева (II, 289, 290, 291, 292, 293 и п.р).

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Петръ именно благодаря Гордону привыкъ посѣщать Нѣмецкую слободу, и чрезъ Гордона прежде, чѣмъ чрезъ Лефорта, познакомился съ правами западной Европы. Петръ узналъ Гордона и Лефорта лично, когда ему было не менѣе 17 лѣтъ, когда, какъ говоритъ Устряловъ, — „душа его уже горѣла жаждою знанія, а воображеніе рисовало фортеціи, корабли, битвы на морѣ и на сушѣ“ ¹⁾. Послѣ врязиса 1689 года Петръ посвятилъ большую часть своего времени военнымъ упражненіямъ: въ сентябрѣ этого года онъ цѣлую недѣлю занимался въ

¹⁾ Ист. П. В., II, 23.

Александровской слободѣ, въ 173 верстахъ отъ Москвы, коннымъ и пѣшимъ ученіемъ съ пушечною пальбою, въ присутствіи обѣихъ царицъ и всего двора, и при этомъ единственнымъ наставникомъ его былъ Гордонъ, подѣ руководствомъ котораго происходили маневры потѣшныхъ. О Лефортовѣ пока нѣтъ рѣчи. Точно также, когда царь является впервые въ Нѣмецкой слободѣ, опъ прежде всего былъ въ гостяхъ у Гордона.

Однако, осенью 1689 года, положеніе иностранцевъ было далеко небезопасное. Патриархъ Іоакимъ, какъ мы знаемъ уже, сильно не любившій иноземцевъ и искавшій случая принять самыя строгія мѣры противъ „еретиковъ“, могъ легко воспользоваться ересью Кульмана для уничтоженія лютеранскихъ и реформатскихъ церквей, находившихся въ Нѣмецкой слободѣ. Кульманъ былъ сожженъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ паденія Софіи. Въ октябрѣ 1689 года состоялся указъ, имѣвшій цѣлью затруднить пріѣздъ иностранцевъ въ Россію. Самъ Гордонъ испыталъ на себѣ непріязнь патриарха къ иноземцамъ. Приглашенный къ торжественному столу по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патриархъ обильно рѣшиительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ быть неприлично (II, 297). Можно думать, что Петру, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ видѣвшему Гордона почти ежедневно, этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, Петръ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его обѣдать гдѣ-то за городомъ. На возвратномъ пути оттуда царь постоянно съ нимъ бесѣдовалъ (II, 297).

Эта привязанность царя къ иностранцамъ сильно тревожила патриарха, въ своемъ завѣщаніи высказавшагося въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ противъ иноземцевъ и противъ вліянія западной Европы вообще. Тутъ онъ коснулся и Гордона, хотя и не назвалъ его по имени. Мы видѣли, что Іоакимъ еще до похода 1689 года не желалъ, чтобы Гордонъ въ немъ участвовалъ. Нынѣ же патриархъ писалъ: „Говорилъ я, смиренный старецъ, не обинуясь, благородной государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и молилъ ее, и училъ, и письмомъ увѣщевалъ предъ началомъ Крымскихъ походовъ, когда царскія войска ходили на Татаръ, чтобы еретикамъ-иноувѣрцамъ начальниками въ полкахъ не быть; но благородная царевна моленія моего послушать не изволила; не послушала меня и князь Василій Голи-

цыпъ; что же вышло? безчестіе и безславіе на многія земли, какъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо!"¹⁾

Извѣстно, что и народъ не любилъ иностранцевъ. Многіе обычаніи казались Русскимъ странными, смѣшными; купечество жаловалось сильно на конкуренцію иноземцевъ; простой народъ часто осыпалъ ихъ бранью и насмѣшками. Прудъ, около котораго иноземцы выстроили себѣ дома при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ назывался *По-ианми*; Нѣмецкая слобода слыла подъ презрительнымъ именемъ Кукуя. Сама мать Петра, Наталья Кирилловна, праздную день своего тезоименитства, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сапожниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣleckихъ, также гостей и купцовъ, по генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоивала этой чести и въ чертоги свои не выпускала (II, 316). Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при приѣмѣ занимали мѣсто выше ихъ. О супругѣ Петра извѣстно, что она не любила иноземцевъ, видя въ нихъ нехристей и развратниковъ²⁾. Не такъ однако думалъ самъ Петръ. „Не обращая вниманія на замѣтную досаду почтенныхъ сѣдяками и преданностью бояръ, на строгія правоченія всѣмъ чтимаго патріарха, на суетѣрный ужасъ народа, не слушая ни нѣжныхъ пелей матери, ни упрековъ жены, еще любимой, Петръ“, по словамъ Устрялова, — „съ ласковымъ привѣтомъ товарища и друга протянулъ свою руку чужеземнымъ пришельцамъ, искавшимъ въ Россіи царскаго жалованья, торговой корысти, перѣдко куска хлѣба, и потрѣбовалъ у нихъ образованія для себя и для своего народа“.

При такихъ обстоятельствахъ смерть патріарха Іоакима, скончавшагося 17-го марта 1690 года, была для Гордона важнымъ событіемъ (II, 298); онъ однако записываетъ этотъ фактъ безъ всякихъ замѣчаній о значеніи его. За то достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу, купцу Мевереллю въ Лондонѣ отъ 29-го іюля 1690 года (III, 259): „Я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе“. Изъ этого замѣчанія видно, что Гордонъ пользовался безусловнымъ расположеніемъ къ себѣ

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 116.

²⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 119.

Петра, но что Петръ въ этомъ отношеніи — и послѣ кончины патриарха — былъ еще нѣсколько стѣсненъ и не могъ дѣйствовать вполне независимо. Впрочемъ Петръ умѣлъ цѣнить заслуги Гордона. „Дорогъ, незамѣнимъ Петру былъ Гордонъ“, справедливо замѣчаетъ Устряловъ. — „Въ высшей степени точный во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣмъ болѣе въ исполненіи своихъ обязанностей, бдительный, неутомимый, храбрости испытанной, чести безукоризненной, характера примаго и благороднаго, онъ присоединялъ къ тому многолѣтнюю опытность, и если, мало знакомый съ военными науками, не могъ быть искуснымъ главнокомандующимъ, въ замѣнъ того обладалъ множествомъ практическихъ свѣдѣній объ устройствѣ войскъ регулярныхъ и былъ отличнымъ боевымъ генераломъ. А это для Петра было главное“ ¹⁾.

Намъ кажется, что Гордонъ не только своею практическою опытностью, но и нѣкоторымъ теоретическимъ знаніемъ военнаго дѣла годился въ наставники Петру. Устряловъ, очевидно, не достаточно цѣнитъ образованіе Гордона вообще. Допуская, что Гордонъ, какъ говоритъ Устряловъ, — пришелъ въ Россію „смѣлымъ рубакою, но съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, чего онъ впрочемъ не скрывалъ, сознаваясь князю Голицыну, что инженернаго искусства вовсе не понимаетъ“, — нельзя отрицать, что Гордонъ не ограничивался практическою стороною дѣла, но старался путемъ чтенія приобрѣтать кое-какія теоретическія познанія; въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на эти занятія и на начитанность Гордона. Но не одна военная специальность должна была нравиться Петру въ Гордонѣ, который вообще былъ многосторонне образованнымъ человекомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за политическими событіями; въ врѣменахъ лѣтахъ путешествуя нѣсколько разъ по Европѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ бытомъ разныхъ государствъ и народовъ. Его бесѣды могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Переписываясь со множествомъ лицъ въ разныхъ концахъ Европы, Гордонъ хорошо зналъ о томъ, что происходило на западѣ. Выписывая книги, инструменты, предметы роскоши, онъ постоянно находился въ самой тѣсной связи съ западною культурой, а именно послѣдняя казалась Петру въ высшей степени привлекательною. Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра; но Гор-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 124.

донъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейской культурой. 21-мѣсякомъ моложе Гордона и 16-ю старше Петра, Лефортъ по своему характеру и наклонностямъ оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ тридцатью семью годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью воззрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавагося ни самостоятелною волею, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ серьезнымъ мужчиною, который всегда сознаетъ свое положеніе и свой долгъ. Лефортъ едва ли любилъ труды военные: удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣсколькимъ днямъ сряду, съ танцами, съ музыкою, были для него, кажется, пріятнѣе славы ратныхъ подвиговъ¹⁾. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ переносилъ увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойно вниманія сближеніе перваго съ Петромъ. Ихъ отношенія не измѣнялись въ продолженіе всего времени до кончины Гордона. Они были менѣе интимными, чѣмъ отношенія Петра къ Лефорту, но имѣли по крайней мѣрѣ такое же значеніе въ жизни юнаго царя, принося ему большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и развивая его понятія. Сначала царя занимали фейерверки и попойки, а затѣмъ начались маневры въ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ Гордонъ былъ главнымъ руководителемъ. Наконецъ настала эпоха Азовскихъ походовъ.

Представимъ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Гордону до Азовскихъ походовъ.

11-го января 1690 года Гордонъ присутствовалъ при приготовленіи самимъ Петромъ фейерверка; 13-го онъ обѣдалъ у Петра и оставался почти до обѣда; 16-го онъ опять обѣдалъ у Петра и оставался до 1-го часа ночи; опыты съ фейерверкомъ были удачны. 17-го онъ снова былъ при дворѣ, гдѣ происходило какое-то совѣщаніе;

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 122.

19-го онъ вмѣстѣ съ Петромъ былъ на дачѣ у боярина Петра Васильевича Шереметева; оттуда они отправились послѣ обѣда въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ Петра, и здѣсь занимались фейерверкомъ, а затѣмъ снова отправились къ Шереметеву. На другой день Гордонъ хворалъ вслѣдствіе этой пирушки, продолжавшейся до ночи, и пролежалъ весь день въ постели. 21-го Гордонъ опять обѣдалъ у Петра, 22-го также; въ этотъ день его зять Стразбургъ обжогъ себѣ лицо на фейерверкѣ. 23-го онъ посѣтилъ Петра въ городѣ, а затѣмъ былъ на похоронахъ одной полковницы, вслѣдствіе чего на другой день не могъ видѣться съ Петромъ, такъ какъ по обычаю всѣ лица, присутствовавшіе при погребеніи, въ продолженіе трехъ дней не могли являться при дворѣ. 27-го Гордонъ былъ при дворѣ, 31-го также; 4-го и 5-го февраля онъ долго разговаривалъ съ Петромъ и пр. (II, 290 и слѣд.). Онъ гонорилъ съ Петромъ о расширеніи правъ католиковъ въ Россіи (II, 289), просилъ его принять мѣры для правильной выдачи жалованья (II, 293), испытывалъ съ нимъ новыя пушки (II, 296) и предпринималъ поѣздки по водѣ, продолжавшіяся иногда по два дня (II, 302). Когда родился царевичъ Алексѣй, Гордонъ (23-го февраля) командовалъ парадомъ войскъ и отъ имени всего войска въ торжественной рѣчи поздравилъ Петра (II, 206). Стрѣльба залпомъ при этомъ случаѣ до того понравилась Петру, что нужно было повторить ее нѣсколько разъ.

Начались награды. Гордонъ получилъ право на безплатный провозъ вина, чѣмъ и пользовался неоднократно (II, 292, 356); ему пожаловали бархату (II, 296, 300). 6-го марта 1691 года Петръ обрадовалъ Гордона подаркомъ въ 1,000 рублей; половину этой суммы Гордонъ получилъ въ разныхъ серебряныхъ сосудахъ, а другую соболями; и то, и другое Гордонъ продахъ. Его зять Стразбургъ получилъ 500 рублей (II, 335 и 337). Вскорѣ послѣ того Петръ подарилъ Гордону землю подлѣ его дома до рѣки Яузы (II, 341). Начиная съ 1692 года, Гордонъ сталъ получать, сверхъ оклада, 400 рублей (II, 362).

Петръ совершенно привыкъ къ этимъ близкимъ сношеніямъ съ жителями Нѣмецкой слободы. Когда, 26-го февраля 1690 года, онъ въ своемъ дворцѣ устроилъ великолѣпный фейерверкъ, то пригласилъ иностранцевъ съ ихъ семействами стоять близко, не смотря на то, что тутъ находился весь дворъ, оба царя, обѣ царицы и нѣкоторыя царевны; на этотъ разъ Гордонъ и его родственники и знакомые вернулись домой не ранѣе какъ въ два часа по полуночи (II, 297). Вскорѣ Петръ и самъ сталъ посѣщать Нѣмецкую слободу. 30-го

апрѣля 1690 года Петръ, съ боярами и важнѣйшими царедворцами, ужиналъ у Гордона и былъ чрезвычайно веселъ (II, 302), и послѣ того, такіа посѣщенія повторялись довольно часто. Иногда число гостей при такихъ случаяхъ было довольно значительное (до 40 человекъ); иногда, какъ кажется, Петръ обѣдалъ у Гордона одинъ. Петръ былъ у Гордона и на свадьбѣ его дочери, и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія его были очень продолжительны; такъ, 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать и ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человекъ гостей и около 100 человекъ прислуги; къ ночи всѣ расположились спать „по лагерному“ (II, 330); на другой день вся кампанія отправилась обѣдать къ Лефорту. 27-го января 1692 года Петръ также провелъ у Гордона цѣлый день (II, 365). Но молодой царь посѣщалъ Гордона и не ради однихъ поповекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробности о болѣзни, а затѣмъ послалъ ему лѣкарства (II, 312). Иногда Петръ посылалъ на Гордонѣмъ, а затѣмъ послѣ военныхъ упражненій отправлялся къ нему (II, 334); иногда Петръ приходилъ съ сѣбѣ печальню, утромъ, днемъ, вечеромъ (II, 349 и 350, 383 и 384, 397, 408, 409). Когда однажды Петръ возвратился съ Переяславскаго озера, онъ въ тотъ же день зашелъ къ Гордону (II, 401). Однажды Петръ, посѣтивъ Гордона, взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ (II, 421), подобно тому и Гордонъ бралъ книги у Петра (II, 477), а самъ выписывалъ для него, чрезъ кунца Мюнтера, книги изъ-за границы (II, 494). Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, напримѣръ, осматривали новые шомполы, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи (II, 477) и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали заниматься проектомъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было влипать въ непріятельскій лагерь, не смотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этого снаряда, который до того понравился царю, что онъ велѣлъ заказать три такіе снаряда (II, 469 и 484). Петръ былъ какъ бы домашнимъ другомъ въ домѣ Гордона, обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Прежде Гордона не приглашали къ царскому столу при торжественныхъ случаяхъ; теперь же, напримѣръ, въ день рожденія Петра, 30-го іюня 1690 года (патріархъ Іоакимъ умеръ въ мартѣ), Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ боярами и саповниками.

Гордонъ весьма подробно описываетъ это празднество; послѣ обѣда стрѣляли изъ пушекъ въ цѣль; Гордонъ въ крайнемъ утомленіи вернулся домой (II, 305). Однажды, 2-го іюля 1690 года, Петръ обжегъ себѣ лицо фейерверкомъ, и Гордонъ при этомъ случаѣ былъ легко раненъ (II, 305). Сынъ Гордона Джемсъ и зять его Стразбургъ также трудились вмѣстѣ съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи (II, 331 и 333). Вообще Гордонъ принадлежалъ къ тому кружку, который въ то время составлялъ постоянное общество Петра: то были Борисъ Голицынъ, часто бывавшій въ это время и у Гордона, и у его зятей (II, 310), Стрешневъ, Нарышкинъ, Шереметевъ, Лыковъ и пр.; но никто изъ этихъ товарищей не могъ руководить ученіями и импервами такъ успѣшно, какъ Гордонъ. Однажды при такомъ случаѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо и былъ довольно серьезно раненъ въ ногу (II, 318 и 319). Иногда онъ проводилъ вмѣстѣ съ царемъ цѣлый день, занимаясь опытами надъ военными снарядами (II, 341). При Семеновскихъ походахъ въ октябрѣ 1691 года Гордонъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, указывая каждому его мѣсто и самъ командовалъ правымъ крыломъ войска (II, 361). Когда Петръ отправился однажды къ персидскому посланнику, онъ взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою (II, 368).

Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Съ большою радостью Петръ показывалъ Гордону свои суда (II, 372 и 373); Гордонъ участвовалъ въ поѣздкахъ по озеру и присутствовалъ при церемоніи спуска на воду новопостроеннаго судна (II, 380, 381). Возвращаясь однажды вмѣстѣ въ Петромъ въ Москву, Гордонъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, вмѣстѣ съ царемъ отправился туда и принималъ столь ревностное участіе въ тушеніи пожара, что едва не лишился зрѣнія (II, 382).

Особенно часто устраивались при дворѣ фейерверки. Гордонъ выписывалъ изъ-за границы разные сочиненія о пиротехникѣ (II, 394), и Петръ иногда поручалъ ему приготовленіе этой забавы (II, 394). Любопытно, что однажды по желанію Петра было два фейерверка: было состязаніе между русскими и иностранцами. 21-го февраля 1692 года былъ фейерверкъ иностранцевъ: онъ произвелъ, какъ пишетъ Гордонъ, — „отличный эффектъ“; на другой же день былъ фейерверкъ Русскихъ, который также произвелъ „хорошій эф-

фектъ" (II, 399). Гордонъ получалъ также изъ-за границы разныя книги объ артиллерійскомъ искусствѣ и выѣстъ съ царемъ дѣлалъ опыты надъ новыми мортирами, ручными гранатами, бомбами и проч. (II, 378, 379, 391, 392). Эти занятія были прерваны болѣзью Петра въ концѣ 1691 года: дневникъ Гордона служить главнымъ источникомъ для исторіи этой болѣзни; оно и понятно, почему Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея ходомъ. Изъ другого источника мы знаемъ, что любимцы Петра очень боялись его кончины, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ, при неминувшемъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка; болѣе близкія къ Петру лица, какъ напримѣръ, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы ¹⁾.

Въ 1693 году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался въ Москвѣ. Это было отчасти временемъ отдыха для стараго генерала. Придворная жизнь ему не нравилась; онъ иногда въ письмахъ къ друзьямъ жаловался на утомленіе и безпокойство разгульнаго житія-бытія въ компаніи царя; здоровье его страдало отъ вѣчныхъ попойекъ, обѣдовъ и ужиновъ, продолжавшихся иногда до глубокой ночи.

Впрочемъ, во время отсутствія Петра, продолжавшагося отъ 4-го іюля до 1-го октября, Гордонъ не оставался безъ занятій: онъ занимался главнымъ образомъ военно-административными дѣлами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Архангельска, Петръ пришелъ къ Гордону обѣдать; Гордонъ показывалъ ему и объяснялъ артиллерійскій квадрантъ и особенный снарядъ для грапать, а затѣмъ происходили маневры (II, 418, 419).

Въ январѣ умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался при немъ. „Около 8 часовъ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — „получили мы извѣстіе, что царица скончалась на 42-мъ году жизни“ (II, 435). Въ февралѣ 1694 года Гордонъ получилъ для

¹⁾ Устряловъ, Ист. II. В., II, 144.

Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разныя подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжины бутылокъ лучшихъ винъ и ликёровъ. 15-го февраля царь пріѣхалъ къ Гордону для полученіи этихъ вещей (II, 437).

Уже въ декабрѣ 1693 года Гордонъ былъ назначенъ шутбенакомъ или контръ-адмираломъ ¹⁾. Петръ готовился ко второму путешествію въ Архангельскъ: онъ рѣшилъ въ будущемъ году устроить морскіе маневры на Бѣломъ морѣ и для того соорудить одинъ корабль, а другой купить въ Голландіи. Гордонъ, въ качествѣ контръ-адмирала, разумѣется, на этотъ разъ долженъ былъ также отправиться въ Архангельскъ, гдѣ жила его дочь Мэри Стевинсъ съ мужемъ. Путешествіе въ Архангельскъ, которое онъ описываетъ чрезвычайно подробно, онъ совершилъ безъ Петра. Оставивъ Москву 29-го апрѣля, Гордонъ пріѣхалъ въ Архангельскъ 18-го мая. Здѣсь, по обыкновенію, происходилъ рядъ пиршествъ; между прочимъ, былъ большой пиръ на спущенномъ на воду кораблѣ. Затѣмъ Петръ со всею своею компаніей обѣдалъ у зятя Гордонова Стевинса (II, 458). Петръ отправился къ Соловецкому монастырю, но не бралъ Гордона съ собою въ эту поѣздку; во время отсутствія Петра, въ Архангельскъ прибыли два англійскіе корабля. Шкиперы, земляки Гордона, посѣтили его и угощали его на своихъ корабляхъ. И Петръ, по возвращеніи въ Архангельскъ, пировалъ съ шкиперами, которые, какъ пишетъ Гордонъ, при этомъ не щадили ни вина, ни пороку. 1-го іюля Петръ со всею компаніей пировалъ у Гордона. Занимаясь отдѣлкою новаго корабля, царь въ свободныя часы, съ Гордономъ и англійскими шкиперами игралъ въ кегли (II, 460—466).

Впрочемъ, Гордонъ не бездѣйствовалъ и въ Архангельскѣ. Нужно было переводить съ англійскаго языка на русскій регламентъ для корабельныхъ сигналовъ; далѣе пужно было готовиться къ плаванію по Бѣлому морю; Гордону поручено было командовать аріергардомъ небольшого русскаго флота на яхтѣ *Святой Петръ*. Съ 3-го августа готовый къ отплытію флотъ цѣлыя шесть сутокъ не могъ двинуться съ мѣста за совершеннымъ безвѣтріемъ. Отъ исцего дѣлать скучавшіе мореходы бродили по окрестнымъ островамъ и убивали время въ дружныхъ попойкахъ. „Старый весельчакъ Гордонъ“, какъ называ-

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 163.

еть его Устряловъ ¹⁾),—между прочимъ предложилъ въ шутку англійскому капитану Блойсу устроить пиръ на одномъ острову, которому обѣщалъ за то дать имя радушнаго хозяина. Капитанъ согласился и угостилъ Гордона съ его товарищами какъ нельзя лучше. Цари, впрочемъ, на этомъ пиру не было.

Плаваніе по Бѣлому морю было далеко не безопасное. Гордонъ не былъ морякомъ; не разъ, во время путешествій въ Англію, онъ страдалъ морскою болѣзнію; яхта *Свѣтлой Петръ*, на которой онъ находился, отстала отъ прочаго флота, взяла направленіе, по невѣрности компаса, слишкомъ къ западу и едва не наткнулась на каменный островъ Сосновець, близъ Терскаго берега. Водруженные на немъ кресты, вѣроятно, надъ тѣлами утонувшихъ мореходовъ штурманъ принялъ за вымпелы прочихъ кораблей. Когда замѣтили съ судна землю, оно находилось въ такомъ разстояніи отъ прибрежныхъ утесовъ, что можно было перекинуть на нихъ камень. Къ счастью, вѣтеръ былъ не вѣртокъ. Яхта остановилась не далѣе одной сажени отъ скалы, о которую могла бы разбиться. Гордонъ и его спутники были въ ужасѣ; нѣсколько времени не могли придумать, что дѣлать, но наконецъ, бузсиромъ при помощи бота оттянули судно отъ берега и прошли между островомъ и твердою землею не безъ опасенія подводныхъ камней. Черезъ нѣсколько времени Гордонъ соединился съ прочими судами, поджидавшими его. Послѣ восьмидневнаго плаванія всѣ суда возвратились къ Архангельску. Тутъ, между прочимъ, Гордонъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже написалъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Вскорѣ затѣмъ генералъ отправился въ Москву, куда и пріѣхалъ 12-го сентября (II, 483).

Что касается до Кожуховскаго похода, то изъ дневника Гордона видно, что и при этомъ случаѣ, какъ и при прежнихъ маневрахъ, онъ былъ главнымъ руководителемъ. Въ продолженіе трехъ недѣль, пока происходили маневры, имѣвшіе, впрочемъ, довольно серьезный характеръ, Гордонъ постоянно былъ въ обществѣ Петра. Интимныя сношенія его съ царемъ продолжались и въ 1694 году; въ ноябрѣ этого года, Петръ, поспѣтивъ однажды Гордона, оставался у него цѣлый часъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на какую-то свадьбу. На пути туда Гордонъ началъ говорить съ царемъ о католикахъ, надѣясь выхлопотать нѣкоторыя льготы для католицизма въ Россіи (II, 494);

вскорѣ послѣ того Петръ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ католической церкви, а послѣ того обѣдалъ у Гордона (II, 495).

Таково было житіе-бытіе Гордона въ девятидесятыхъ годахъ, до Азовскихъ походовъ; такovy были въ это время отношенія его къ царю Петру. Эта эпоха, какъ извѣстно, не богата политическими событіями. Государственными дѣлами Петръ въ это время почти вовсе не занимался. До широкой и плодотворной дѣятельности слѣдующихъ годовъ, до Азовскихъ походовъ, до путешествій Петра на западъ, до столкновенія съ Швеціей нужно было въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовиться, учиться; мѣстомъ ученія была для него, по крайней мѣрѣ отчасти, Нѣмецкая слобода; однимъ изъ важнѣйшихъ наставниковъ былъ Гордонъ. Впрочемъ, онъ въ то время не сознавалъ важнаго значенія этихъ подготовительныхъ записей и не находилъ настоящаго удовлетворенія въ этой, по его мнѣнію, праздной жизни близъ молодого царя.

Азовскіе походы.

Петръ писалъ къ Апраксину, 16-го апрѣля 1695 года: „Хотя и въ ту пору какъ осенью въ продолженіе пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, па умѣ не было; однакожь эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла“ ¹⁾; а въ другомъ письмѣ: „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“ ²⁾.

Какъ думалъ самъ Гордонъ о предпріятіяхъ противъ Турокъ и Татаръ въ это время, мы не знаемъ. Въ Чигиринѣ онъ испыталъ значеніе борьбы съ Турками; тѣмъ не менѣе въ 1684 году онъ, какъ мы видѣли, не сомнѣвался въ успѣхѣ похода въ Крымъ. Однако походы Голицына показали, что надежды Гордона были тщетны. Въ слѣдующее затѣмъ время Гордонъ, какъ кажется, былъ недоволенъ бездѣйствіемъ правительства въ отношеніи къ Туркамъ и Татарамъ, а еще болѣе тѣмъ, что Россія не была достаточно приготовлена къ войнѣ. Мы уже видѣли, что онъ завидовалъ Мазени, потому что послѣдній не оставался въ бездѣйствіи. Къ герцогу Гордону генералъ писалъ въ маѣ 1691 года слѣдующее: „Здѣсь находится императорскій интернуцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ Татаръ. Онъ однако не успѣетъ въ своемъ намѣреніи,

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 219.

²⁾ Тамъ же, II, 228.

потому что мы не склонны и недостаточно сильны дѣлать болѣе, чѣмъ мы дѣлали до его прїѣзда, то-есть, мы должны довольствоваться прикрытіемъ нашихъ границъ" (III, 280). Въ томъ же духѣ Гордонъ писалъ въ іюлѣ 1691 года къ графу Мельфарту (III, 285) Въ январѣ 1692 года онъ писалъ къ герцогу Гордону: „Мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставляютъ насъ предпринять что-либо важное" (III, 309).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ появилась и развилась мысль объ Азовскомъ походѣ. Безъ сомнѣнія, такому важному рѣшенію предшествовали разные совѣщанія. Въ дневникѣ Гордона ничего не упомянуто объ этомъ предметѣ; знаемъ только, что съ самаго начала 1695 года Гордонъ былъ занятъ приготовленіями къ походу. На этотъ разъ онъ не подавалъ политическаго мемуара въ родѣ составленнаго въ 1684 году для Голицына. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто была предметомъ бесѣдъ между Петромъ и Гордономъ; въ своемъ дневникѣ однако Гордонъ вообще въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалъ содержаніе бесѣдъ. И изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ весьма мало о томъ, какъ состоялось весьма важное рѣшеніе Петра сдѣлать наконецъ шагъ впередъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Мы знаемъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и Польша, и императоръ старались склонить Россію къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ. Въ Россіи такая война всегда считалась необходимостью. Но какъ именно самъ Петръ и передовые люди въ Россіи думали объ этомъ вопросѣ въ концѣ 1694 года — мы не знаемъ. Только слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу ксѣндзу Шмидту отъ 20-го декабря 1694 года достойно вниманія: „Я думаю и надѣюсь, что мы въ это лѣто предпримемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ" (III, 355).

Какъ скоро походъ былъ рѣшенъ, для Гордона началась усиленная дѣятельность. 7-го февраля онъ осматривалъ свой Бутырскій полкъ, а затѣмъ былъ у Петра и съ нимъ составилъ списокъ всѣмъ предметамъ, которые должно было взять съ собою въ походъ. Ежедневно Гордонъ ѣздилъ въ Преображенское и имѣлъ разные совѣщанія о походѣ. Такъ напримѣръ, 16-го февраля онъ бесѣдовалъ съ Тихономъ Никитичемъ Стрѣшневымъ о маршрутѣ войскъ, составлялъ списки офицерамъ, велѣлъ приготовить знамена, совѣтовался съ Петромъ, съ Б. А. Голицынымъ и проч. (II, 507—510).

Начальство надъ войскомъ, отправляемымъ въ походъ, было по

ручено *тремъ* генераламъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою отдѣльную дивизію: Артамону Михайловичу Головицу, Францу Яковлевичу Лефорту и Гордону. Дѣла рѣшались въ консиліи трехъ генераловъ, но приговоры ихъ исполнялись не иначе, какъ съ согласія „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“. Нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ въ это время игралъ особенно важную роль. Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, и между нимъ и Гордономъ было нѣкоторое соперничество; въ дневникѣ Гордона мѣстами даже замѣтно между строками неудовольствіе на Лефорта. Еще въ 1692 году, когда Лефортъ былъ назначенъ полковникомъ перваго выборнаго полка, Гордонъ высказывалъ неудовольствіе на такое его повышеніе ¹⁾.

Когда начались приготовленія къ походу, Лефортъ постоянно находился при Петрѣ. „По приказанію Ихъ Величествъ“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Женеву, — „я пишу съ этою же почтою къ разнымъ знатымъ лицамъ о предстоящемъ походѣ“. Въ письмѣ къ брату Лефортъ пишетъ: „Я назначенъ *первымъ генераломъ* съ двумя другими“ ²⁾. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что Лефортъ въ офиціальномъ отношеніи занималъ первое мѣсто: Гордонъ стоялъ на равной съ нимъ ступени, хотя и не былъ такъ близокъ къ Петру.

20 го февраля Гордонъ имѣлъ совѣщаніе съ Петромъ о походѣ и убѣдилъ царя блокировать Азовъ. Окончательное рѣшеніе вопроса было однако отложено до военнаго совѣта, назначеннаго на другой день. Въ этомъ собраніи мысль Гордона была принята, и вслѣдствіе того онъ получилъ приказаніе по возможности скорѣе отправиться съ авангардомъ къ Азову. Предложенія Гордона обсуждались и 22-го февраля на пиру у Л. К. Нарышкина. Между тѣмъ продолжались приготовленія. Гордонъ купилъ нѣсколько лошадей, принималъ оружіе и аммуницію. 2-го марта утромъ Петръ завтракалъ у Гордона, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ стрѣлечіе поля. 7-го марта Гордонъ съ Петромъ и другими лицами завтракали у Лефорта, затѣмъ Петръ пришелъ къ Гордону и провелъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ же день Гордонъ выступилъ въ походъ (II, 510—514).

Въ дневникѣ подробно описанъ его путь. Онъ оставался въ Табобѣ до конца апрѣля. Все это время онъ былъ занятъ разными распоряженіями, покупкою лошадей, въ которыхъ ощущался сильный

¹⁾ См. соч. *Поселета* о Лефорте, II, 152.

²⁾ *Posselt*, Lefort, II, 235.

недостатокъ, и проч. Довольно важны на пути бесѣды Гордона съ казацкимъ атаманомъ, желавшимъ убѣдить его не идти дальше до прибытія прочаго войска. Такія внушенія не могли подѣйствовать на Гордона, остававшася непоколебимымъ въ исполненіи своей обязанности, не смотря на то, что требованія казаковъ становились настоячивѣе по мѣрѣ того, какъ Гордонъ приближался къ Азову. Дѣйствительно, положеніе становилось опаснымъ, потому что Гордонъ узналъ о большомъ количествѣ непріятельскихъ войскъ, находившихся у Азова; но еще болѣе опасно въ глазахъ Гордона была готовность казаковъ къ нападѣнью. Твердость Гордона, впрочемъ, дѣйствовала и на казаковъ. Не смотря на всѣ опасенія ихъ и офицеровъ въ военномъ совѣтѣ, созванномъ Гордономъ, никто не противорѣчилъ его мнѣнію, что нужно идти впередъ (II, 552—554). На Гордонѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Онъ сильно жалуется въ дневникѣ на нерадѣніе казаковъ и стрѣльцовъ. У Маныча онъ оставался, но скорѣе пошелъ далѣе. 27-го іюня наконецъ показался Азовъ. Гордонъ расположился съ своимъ войскомъ на окрестныхъ курганахъ и спланилъ укрѣпить свою позицію; два дня спустя прибылъ Петръ ¹⁾ и въ тотъ же день съ двумя другими генералами ужиная у Гордона (II, 563). То у Гордона, то у Лефорта происходили совѣщанія о распредѣленіи войскъ подъ Азовомъ. Было рѣшено что Гордонъ долженъ занять средину позицій, Лефортъ—лѣвый флангъ, а Головинъ—правый (II, 564). Окончательное приближеніе къ Азову—тутъ Гордонъ былъ впереди—представляло затрудненія, потому что войско вообще было недовольно походомъ (II, 564). Съ большимъ трудомъ Гордонъ старался убѣдить полковниковъ и другихъ лицъ, что пока нѣтъ никакой опасности. Объ этихъ движеніяхъ Гордонъ разсказываетъ чрезвычайно подробно. Ему одному было поручено руководить приготовленіями къ осадѣ. 5-го іюня Петръ опять соединился съ Гордономъ и постоянно совѣтовался съ нимъ.

Но считая нужнымъ входить въ подробности осады Азова, укажемъ на ту роль, которую при этомъ случаѣ игралъ Гордонъ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ опытнымъ изъ начальствующихъ въ русскомъ войскѣ, совѣты его не всегда были приводимы въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, уже 5-го іюля возникло разногласіе между Гордономъ и инженерами о постройкѣ укрѣпленій, и желанія Гордона не

¹⁾ См. письмо Петра къ Гордону, написанное въ дорогѣ, у Голикова, стр. 276.

были исполнены (II, 570). Его старанія ускорить работы оказались безуспѣшными. Самъ Гордонъ не всегда дѣйствовалъ удачно. Послѣ разныхъ нападений Турокъ, особенно на ту часть лагеря, гдѣ командовалъ Лефортъ, и послѣ вытѣя 14-го іюля двухъ каланчей, 15-го Турки, узнавъ кое-какія подробности о положеніи Русскихъ, напали на батарею Гордона. Сынъ его, полковникъ Джемсъ Гордонъ, отличился при этомъ случаѣ и былъ раненъ. Самъ Гордонъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ остановить отступающихъ стрѣльцовъ и солдаты едва самъ не попался въ плѣнъ. Рядомъ съ пушками остался въ рукахъ непріятеля. Самого Гордона едва ли однако можно обвинять въ этомъ случаѣ: скорѣе виною было нерадѣніе войска. Въ созванномъ 18-го іюля военномъ совѣтѣ Гордонъ изложилъ подробно свои мысли (II, 577); но соображенія его были одобрены только отчасти; вообще, какъ онъ замѣчаетъ, — „все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость“ (II, 578).

Вскорѣ, однако, явилась мысль о приступѣ. 30-го всѣ заговорили объ этомъ, хотя никто, какъ говоритъ Гордонъ, — не имѣлъ понятія объ условіяхъ такого дѣла. Разумѣется, Гордонъ высказалъ свое мнѣніе, указавъ на неопытность офицеровъ, на недостаточную дисциплину и предсказывая неудачу. Но все это не помогало, и онъ долженъ былъ „плыть по теченію: иначе же“, говоритъ онъ, — „и взялъ бы на себя всю отвѣтственность въ замедленіи и дальнѣйшемъ пребываніи у Азова“. Въ военномъ совѣтѣ, созванномъ 2-го августа, Гордонъ еще разъ объяснялъ подробно, почему нельзя пока надѣяться на успѣхъ приступа; но сторонники противнаго мнѣнія стояли на своемъ. Гордонъ былъ въ недоумѣніи; планъ казался ему слишкомъ отважнымъ. Онъ замѣчалъ, что даже охотники, добромъ волею и денежною наградою побужденные участвовать въ приступѣ, не надѣялись на успѣхъ. Ночью на 5-е августа Гордонъ еще разъ отправился къ Петру и старался убѣдить его, что на успѣхъ невозможно разчитывать. Все однако было тщетно. Когда наконецъ и Петръ, и другіе генералы пришли въ ту же ночь къ Гордону, всѣ съ жаромъ говорили о приступѣ и взятіи крѣпости, такъ что Гордонъ уже не смѣлъ прекословить и „говорилъ какъ другіе, не смотря на то, что самъ не ожидалъ успѣха“ (II, 584—586).

Все это показываетъ, что вліяніе Гордона на Петра не было въ то время сильно. Какъ кажется, Лефортъ особенно настаивалъ на приступѣ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ своимъ женевскимъ

родственникамъ онъ объяснялъ, почему приступъ легко могъ удасться ¹⁾; Гордонъ же говорить, что это предприятие состоялось по внушенію „совѣтниковъ Ровоама“ (II, 58-). На самомъ дѣлѣ приступъ имѣлъ исходъ весьма печальный. Много народа погибло совершенно повнапрасну. Гордонъ сначала не хотѣлъ безъ доведенія Петра распорядиться отступленіемъ, но затѣмъ, не дождавшись царскаго приказа и пренебрегая царскимъ гнѣвомъ, велѣлъ трубить и этимъ спасъ остатки войска (II, 588). О непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ Гордонъ разказывалъ такъ: „Около 9 часовъ Государь потребовалъ меня къ себѣ, явились и другіе генералы. Рѣшъ они были скучны и печальны. Я просилъ созвать военный совѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ обсудить дѣло“. Въ военномъ совѣтѣ было рѣшено продолжать осаду. Предусмотрительный Гордонъ, не имѣя довѣрія искусству инженеровъ и много падѣясь на успѣхъ, совѣтовалъ укрѣпить каланчи, чтобы удержать ихъ за собою въ случаѣ отступленія отъ Азова. Товарищи слушали его равнодушно и не торопились исполнять его совѣты; онъ одиноко настоялъ на своемъ, и Петръ съ генералами отправился къ каланчамъ для назначенія, гдѣ возвести болверки. Но Головинъ и Лефортъ, по прежнему не видѣвшіе большой надобности въ укрѣпленіи каланчей, вывели своимъ легкомысліемъ Гордона изъ терпѣнія: онъ досадѣ онъ говорилъ съ излишнимъ жаромъ и упрекалъ товарищей въ равнодушія къ столь важному дѣлу и въ небрежномъ устройствѣ траншей на лѣвомъ флангѣ. Эта выходка очень не понравилась. Однако приступили къ укрѣпленію каланчей сообразно съ предложеніями Гордона (II, 591).

Изъ донесенія австрійскаго дипломатическаго агента Плеера, бывшаго также въ русскомъ лагерѣ во время осады Азова, видно, что Гордонъ былъ недоволенъ Лефортомъ, который не заботился объ устройствѣ коммуникаціонныхъ линій съ лагеремъ Гордона для взаимной обороны ²⁾. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ между Гордономъ и Лефортомъ происходили на этотъ счетъ пререканія. Плееръ упоминаетъ также и о плохой дисциплинѣ войска, бывшаго подъ командою Гордона ³⁾. Между тѣмъ Турки очень боялись Гордона. У нихъ распространился слухъ, что онъ раненъ смертельно, и они старались

¹⁾ *Rossell*, *Lefort*, II, 247.

²⁾ *Устрялова*, *Ист. П. В.*, II, 572.

³⁾ Тамъ же, II, 575.

узнать: правда ли это, и пытали одного казака за то, что онъ разказывалъ, что Гордонъ живъ и здоровъ (II, 599).

Съ Петромъ Гордону часто приходилось спорить; 12-го сентября царь пришелъ къ Гордону и показалъ ему бумагу, которую хотѣли бросить въ городъ. Гордону это воззваніе не понравилось: онъ считалъ вообще такую мѣру излишнею и неприличною (II, 600). Мы не знаемъ, высказалъ ли онъ свое мнѣніе откровенно, или нѣтъ. Вообще Гордонъ былъ въ мрачномъ, угрюмомъ расположеніи духа. Онъ жаловался между прочимъ на недостатокъ въ ядрахъ и бомбахъ. О военномъ совѣтѣ 13-го сентября онъ замѣчаетъ, что, „какъ обыкновенно, въ немъ не было принято ни одного порядочнаго рѣшенія“ (II, 601). Головинъ устроилъ въ подкопѣ камеру и наполнилъ ее порохомъ. Инженеръ былъ человѣкъ молодой и неопитный. Сомнѣваясь въ истинѣ его словъ, Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ Русскихъ же. Но созданный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ ближайшими войсками. Предсказаніи Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а много Русскихъ погибло. „Эта неудача“, говоритъ Гордонъ, — „сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ того всякое довѣріе къ иностранцамъ“ (II, 603).

Опять пошла рѣчь о штурмѣ, и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Онъ парочно ѣздилъ къ каланчамъ, чтобы отсчитывать эту попытку, но такъ какъ другіе генералы нисколько не раздѣляли его мнѣнія, онъ одинъ не могъ убѣдить Петра оставить это предпріятіе и рѣшился молчать. На другой день Гордонъ, отобѣдавъ съ царемъ, заѣхалъ къ Лефорту посоветоваться, нельзя ли хотъ повременить приступомъ, но нашелъ въ его сужденіяхъ такъ мало основательности и ясности, что потерялъ всякую надежду на его содѣйствіе (II, 605). Петръ памѣревался напасть на городъ со стороны рѣки. Гордонъ не одобрялъ и этого намѣренія и подробно изложилъ свои доводы противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія, хотя опровергнуть его никто не сумѣлъ. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то ни на чемъ не основанными надеждами и даже дали понять Гордону, что его сомнѣнія и опасенія вызваны какимъ-то нежеланіемъ взять крѣпость (II, 608). Однимъ словомъ, между генералами постоянно было сильнѣйшее разногласіе. Правда, они ежедневно сходились другъ къ другу обѣдать, но отношенія ихъ не могли не

быть вѣсколько натянутыми. Ходъ событій доказывалъ однако на каждомъ шагѣ, что взгляды Гордона были основательны. Онъ былъ опытнѣйшимъ изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра; онъ никогда не ограничивался голословнымъ противорѣчіемъ и каждый разъ подробно объяснялъ причины своихъ сомнѣній; своего пессимизма, и всѣ его предсказанія сбывались съ точностью. Тѣмъ не менѣе вліяніе Лефорта на Петра было гораздо сильнѣе, и Гордонъ оставался какъ въ тѣни ¹⁾.

Штурмъ 25-го сентября былъ также совершенно неудаченъ. Не смотря на неудачу, Петръ велѣлъ два раза возобновить приступъ, и Гордонъ, хотя убѣжденный, что гибель множества людей не имѣетъ никакой цѣли, долженъ былъ повиноваться. Онъ со своимъ отрядомъ дѣлалъ все возможное, но отряды Головина и Лефорта не поддерживали его дѣйствій (II, 611). Турки, замѣчая нерѣшительность и отсутствіе единодушія, дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе. Мина, подведенная Русскими, опять взорвалась, не причинивъ Туркамъ особеннаго вреда, но за то убила и переранила много Русскихъ.

Этимъ кончилась первая осада Азова. 27-го сентября было рѣшено отступить и возвратиться въ Москву. Былъ Гордонъ во время отступленія въ аріергардѣ; ему стоило большого труда держать войско въ порядкѣ вслѣдствіе дурной дисциплины полковъ. Къ тому же аріергардъ былъ въ опасности подвергнуться нападению отъ Татаръ, окружавшихъ отступавшее войско густыми толпами. Начались морозы, выпалъ снѣгъ, поднялась жестокая и продолжительная вьюга. Войско страдало ужасно. Люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Оченидецъ Плейеръ, задержанный около мѣсяца въ Черкасскѣ болѣзнію, разказываетъ, что, отправившись по слѣдамъ отступавшей арміи, онъ не могъ видѣть безъ слезъ и содроганія множества труповъ, на пространствахъ 800 верстъ разбросанныхъ и пожираемыхъ волками ²⁾.

На возвратномъ пути Гордонъ имѣлъ вѣсколько разъ случай бѣсѣдовать съ Петромъ о разныхъ предметахъ (II, 626, 628). Иногда

¹⁾ Не смотря на то, что нѣкоторые замѣчанія въ дневникѣ Гордона объ ошибкахъ Лефорта вполне подтверждаются безпристрастнымъ наблюдателемъ, Плейеромъ, даже новѣйшій біографъ Лефорта Посселятъ горько жалуется на несправедливость обвиненій Гордона противъ его героя (*Posselt Lefort*, II 241, 242, 247, 250); но доказательства Посселятъ, что Лефортъ былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ, намъ кажутся весьма слабыми.

²⁾ *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 225 и 582; у Гордона, II, 629, также есть замѣтка о страданіяхъ войска.

происходили и попойки. Однажды и Гордонъ угощалъ государя. Простившись съ нимъ въ Валуяхахъ, Гордонъ соединился съ царемъ опять въ Туль, гдѣ они осматривали желѣзные заводы, и гдѣ Гордонъ самъ сковалъ широкую желѣзную плиту (II, 635). Приближаясь къ Москвѣ, Гордонъ отъ встрѣтившаго его сына Θεодора, недавно возвратившагося изъ Браунсберга, узналъ о кончинѣ своего младшаго сына Петра. Царь ласково привѣтствовалъ Гордонова сына, который впоследствии также служилъ въ русскомъ войскѣ.

22-го ноября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Желябужскій пишетъ: „Перво пришелъ генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ, а за нимъ государь и весь царскій синклитъ“¹⁾. Вечеромъ этого дня Гордонъ пріѣхалъ въ Нѣмецкую слободу.

Недолго, отъ конца ноября до начала марта, Гордонъ оставался дома. Вскорѣ Петръ принялся ревностно за приготовленія къ новому походу подъ Азовъ. Въ это время Гордонъ видѣлся весьма часто съ царемъ. Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Москву, Петръ позвалъ Гордона къ себѣ обѣдать, но Гордонъ по болѣзни не могъ явиться. Два дня спустя, царь зашелъ къ Гордону и любовался упражненіями его сына Θεодора съ знаменемъ и ружьемъ. 7-го декабря Петръ и Гордонъ ѣздили верхомъ и на пути бесѣдовали о разныхъ предметахъ. 14-го декабря Петръ пріѣхалъ за Гордопомъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, къ которому явились Головинъ и другіе. Тамъ происходило совѣщаніе объ избраніи генералиссимуса. На это мѣсто былъ назначенъ князь Черкасскій, а на случай его болѣзни, бояринъ Шеня. Тутъ же происходили совѣщанія о назначеніи адмирала, такъ какъ главною заботою въ это время было сооруженіе флота. Адмираломъ сдѣланъ былъ Лефортъ. Такимъ образомъ другіе, менѣе опытные люди были назначены на главныя мѣста, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался опять на заднемъ планѣ. Мы не знаемъ, считалъ ли онъ себя оскорбленнымъ этими назначеніями, но какъ бы то ни было, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ походу и затѣмъ былъ главнымъ виновникомъ покоренія Азова²⁾.

Въ декабрѣ Гордонъ былъ занятъ составленіемъ проекта для постройки моста чрезъ Донъ. Онъ сдѣлалъ списокъ всѣмъ матеріаламъ,

¹⁾ Записки, стр. 58.

²⁾ Намъ неизвѣстно, на чемъ основана замѣтка въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, XV (1838), стр. 399, что Гордонъ въ 1696 году исправлялъ должность генералъ-инженера.

необходимымъ для этой цѣли (II, 640—642). Хотя онъ нѣкогда говорилъ Василью Васильевичу Голицыну, что не знаетъ инженернаго искусства, но изъ пространныхъ мемуаровъ его о техническихъ вопросахъ видно, что онъ былъ весьма опытенъ и въ этомъ отношеніи.

Съ 1696 г. дневникъ Гордона становится короче. Разказъ его о второмъ Азовскомъ походѣ гораздо менѣе подробенъ, чѣмъ разказъ о первомъ. 8-го марта Гордонъ отправился въ походъ. Въ это время уже кипѣла работа въ Воронежѣ, гдѣ готовился флотъ. Тамъ Гордонъ опять встрѣтился съ Петромъ, съ которымъ пиروвалъ у Плещеева, Апраксина и другихъ и занимался составленіемъ списковъ разнымъ предметамъ, нужнымъ для похода (II, 15—20) и совѣщаніями съ генералиссимусомъ Шенинымъ. Въ Воронежѣ былъ пиръ у Лефорта, при чемъ пили за здоровье Англійскаго короля Вильгельма III. Но Гордонъ отказался пить за здоровье этого похитителя англійскаго престола и вмѣсто того пилъ за здоровье короля Ікова. Довольно подробно Гордонъ описываетъ плаваніе по Воронежу и Дону до Азова, куда онъ прибылъ 18-го мая (II, 32). Тутъ, при распредѣленіи войскъ, при постройкѣ укрѣпленій и при распоряженіяхъ разнаго рода, онъ игралъ весьма важную роль. Когда однажды онъ составилъ проектъ форта, и начались постройки, Петръ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами этихъ работъ (II, 36 и 37). Гордонъ старался окончить фортификаціонныя работы по возможности скорѣе. Объ этихъ работахъ находятъ въ дневникѣ много подробностей¹⁾.

Осада шла успѣшно. Турецкій флотъ оставался въ бездѣйствіи. Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большимъ успѣхомъ. Царь жилъ на морѣ и съ галеры *Principium* распоряжался осадой Азова. По городскія укрѣпленія остались петропутьми, и осаждающіе не знали чѣмъ дѣлать для достиженія желаемой цѣли. Выписанные иностранные инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали. Брать городъ приступомъ послѣ двукратной неудачи минувшаго года считали тѣмъ менѣе возможнымъ, что въ стѣнахъ его не было ни одного пролома, и непрерывный огонь съ Гордоновыхъ батарей, разрушавшій дома внутри города, не могъ попредѣть угловому бастиону, на который папавшими были всѣ выстрѣлы. Гордонъ въ это время хворалъ и даже нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Впрочемъ, въ первыхъ числахъ іюля, оправившись, онъ сталъ снова руководить осадой.

¹⁾ И Голицынъ говоритъ, что Гордонъ наглавиѣше располагать осадой, и что Шенинъ и Петръ ничего почти не дѣлали безъ его совѣта.

Уже 22-го іюля однако, когда спросили ипѣніе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть Азовомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому, и засыпавъ ровъ, сбить Турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно было это предложеніе, напомилавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, полководцы согласились на общее желаніе войска; почью на 23-е іюни приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи подъ непріятельскими выстрѣлами. Мало того: искуснѣйшій изъ Петровыхъ генераловъ, Гордонъ, съ жаромъ ухватился за неясную мысль войска, развилъ ее въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ такому валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей, такъ что съ него можно было бы чрезъ наружныя укрѣпленія стрѣлять по кименному замку (II, 44 и 49). Этотъ проектъ Гордона относится къ 3-му іюля, значить, уже десять дней послѣ начала работы. Гордонъ развилъ далѣе мысль, поданную войсками. Эти работы были сопряжены съ значительною потерей людей. Гордонъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ отъ успѣхъ этихъ работъ и замѣчаетъ, что когда онъ водилъ пріѣхавшихъ наконецъ, 11-го іюля, австрійскихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ (II, 52). Незвѣстно, какого ипѣнія они были объ этомъ валѣ, каждую ночь становившемся все выше и выше. Въ русскомъ лагерѣ особенно надѣлились на эту насыпь, изобрѣтеніе которой иногда даже приписывалось Гордону. Такъ, напримѣръ, Александръ Гордонъ, сдѣлавшійся впоследствии вѣдомъ Патрика и участвовавшій въ осадѣ Азова, въ своемъ сочиненіи о Петрѣ Великомъ говоритъ, что мысль о валѣ принадлежитъ всецѣло Гордону ¹⁾. Сооруженіе вала, отважность Запорожцевъ, сдѣлавшихъ смѣлое нападеніе на крѣпость, искусство иностранныхъ инженеровъ, особенно мѣтко стрѣлявшихъ по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и приготовленія къ общему штурму побудили Турокъ сдаться.

Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Нартонъ, разсказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ слѣдующее изреченіе Петра въ ту

¹⁾ См. тамъ же изданіе, стр. 114—115. Также и Поселятъ въ своемъ сочиненіи о Лесортѣ, II, 339, замѣчаетъ, что Гордонъ предложилъ насыпать валъ. Самый точный разсказъ у Устрялова, Ист. П. В., II, 284 и слѣд., по англійскому подлиннику дневника Гордона.

минуту, когда онъ кинуть земли въ могилу: „Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство земли съ Азовомъ“. Этотъ анекдотъ едва ли можетъ считаться историческимъ фактомъ. Дѣйствительно, большая доля успѣха при взятіи Азова принадлежала Гордону, но все же нельзя сказать, чтобъ онъ былъ завоевателемъ этой крѣпости. Еслибы даже онъ и былъ изобрѣтателемъ насыпи, — а мы знаемъ, что первая мысль принадлежала не ему, а солдатамъ, — онъ все-таки не могъ бы быть названъ героемъ Азова. Но ковенно Петръ занятіемъ Азова былъ обязанъ Гордону, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ученикомъ его въ ратномъ дѣлѣ.

По окончаніи Чигиринскаго дѣла, — Гордонъ, какъ сказано выше, замѣтилъ, что Чигиринъ не былъ завоеванъ Турками, а былъ оставленъ Русскими. То же самое можно сказать о занятіи Азова. Турки уступили Азовъ въ силу капитуляціи. Турки вышли оттуда безъ боя, и Русскіе заняли городъ.

Тамъ вскорѣ устроились пиршества. Былъ праздникъ у генералиссимуса Шенна, на которомъ, какъ замѣчаетъ Гордонъ, — не жалѣли ни пороку, ни пантукотъ; была попойка у Лефорта, и всѣ были „порядочно навеселѣ“. Гордонъ въ то же время былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій въ Азовѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Петромъ отправился отыскивать удобное мѣсто для гавани.

16-го августа войска отправились въ обратный путь. Гордонъ сообщаетъ многія подробности объ этомъ путешествіи. Въ Тулѣ онъ опять былъ встрѣченъ сыномъ Феодоромъ, который въ пышной рѣчи поздравилъ царя съ побѣдой. 30-го сентября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Главную роль при этомъ случаѣ, какъ кажется, игралъ Лефортъ, ѣхавшій въ золотыхъ государевыхъ савахъ въ шесть лошадей. Гордонъ съ своею конюшнею, штабомъ и генеральскимъ значкомъ занималъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ торжественномъ шествіи. Самъ Петръ шелъ въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана за великолѣпными савами адмирала. Струбленіе полки, стоявшіе на стойкѣ и державшіе ружья на караулъ, отдавали честь Зотону поклономъ, а Лефорту и Шенну — поклонами съ залпомъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ. При входѣ въ триумфальныя ворота, Виніусъ съ вершинны ихъ говорилъ въ трубу привѣтствіе стихами адмиралу, командору и генералиссимусу.

Каково было офиціальное отношеніе Гордона къ другимъ лицамъ, видно и изъ наградъ за службу въ Азовѣ. Шеннъ получилъ медаль

въ 13 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ, 150 р. денегъ придачи и 305 дворовъ, Лефортъ—медаль въ 7 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ и 140 дворовъ, Гордонъ и Головинъ, по медали въ 6 червонцевъ, по кубку, по кафтану и по 100 дворовъ ¹⁾).

При раздачѣ помѣстій Гордонъ сначала получилъ деревню Красное въ пинѣпной Рязанской губерніи и деревню Иваново (II, 90). Затѣмъ однако изъ-за Краснаго между Гордономъ и Лефортомъ вышелъ споръ или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе—, *différence*“, какъ говоритъ Гордонъ (II, 93), и деревня эта была отдана Лефорту; нѣсколько дней спустя Гордонъ получилъ другую деревню — Красную Слободу (II, 93). Эта переимѣна относится къ марту 1697 года, а еще въ февралѣ Гордонъ получилъ жалованную грамоту на имѣніе (III, 388—90), и въ ней подробно говорится о заслугахъ его при покореніи Азова. Была ли деревня Красное, доставившая сначала Гордону, а потомъ Лефорту, лучше Красной Слободы, мы не знаемъ. Изъ дневника Гордона не видно, былъ ли онъ недоволенъ такою переимѣною, или нѣтъ.

¹⁾ Устряловъ, Ист. П. В., II, 302—303; см. также П. С. З., III, стр. 29. № 1343; ср. дневникъ, II, 85.

А. Вриккеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ АНАЛИЗЪ И СИНТЕЗЪ.

Человѣкъ убѣжденъ въ научной истинѣ только того, что для него очевидно; вслѣдствіе того чувство очевидности является единственнымъ руководителемъ человѣка въ дѣлѣ распознаванія истины. Нельзя сказать, чтобы этотъ руководитель былъ всегда въ одинаковой степени надеженъ: всякому, вѣроятно, много разъ приходилось наблюдать и на себѣ, и на другихъ, какъ казавшееся очевиднымъ вначалѣ, оказывалось ложнымъ впоследствии. Не смотря на такое несовершенство нашего руководителя, мы не можемъ его оставить, такъ какъ не имѣемъ рѣшительно ничего для его замѣны. Было бы, напримѣръ, странно думать, что чувство очевидности можетъ быть замѣнено какимъ-нибудь логическимъ правиломъ, такъ какъ приложеніе всякаго правила можетъ имѣть мѣсто не иначе какъ съ согласія того же чувства очевидности. И такъ, одно, что мы можемъ сдѣлать для огражденія себя отъ заблужденій, это — слѣдовать указаніямъ чувства очевидности съ возможно большею осторожностью и осмотрительностью. По отношенію къ простѣйшимъ элементарнымъ истинамъ, самымъ лучшимъ средствомъ для проверки указаній чувства очевидности можетъ служить общее согласіе всѣхъ неподверженныхъ психическимъ болѣзнямъ людей въ дѣйствительной очевидности такихъ истинъ. Высочайшею степенью вѣроятности, почти достоверностью, будутъ обладать, конечно, только тѣ изъ этихъ истинъ, которыя имѣютъ за себя согласіе всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Всѣ такія истины — назовемъ ли ихъ аксіомами, придерживаясь обычной терминологіи, или просто первоначальными, — составляютъ основу всѣхъ нашихъ знаній и служатъ исходнымъ пунктомъ для познанія или приведенія въ очевидность новыхъ истинъ.

Приведеніе въ очевидность новыхъ истинъ совершается при посредствѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда умозаключеній. При этомъ,

обыкновенно, представляются на выборъ различные ряды послѣдовательныхъ умозаключеній, изъ которыхъ каждый, по видимому, ведетъ къ цѣли. Способъ составленія каждаго изъ такихъ рядовъ, или выражаясь образно, путь, по которому направляются умозаключенія, называется *методомъ* умозрѣнія. Разсматриваемые отдѣльно, различные ряды умозаключеній выказываютъ не одинаковыя отношенія къ породившей ихъ цѣли: посредствомъ однихъ эта цѣль совѣсть не достижима, посредствомъ другихъ она достигается съ большею или меньшею легкостью. Изъ этого слѣдуетъ, что изученіе методовъ есть дѣло весьма большой важности, такъ какъ только оно одно можетъ показать, какъ нужно направить наши умозаключенія, чтобы достигнуть предположенной цѣли возможно скорѣе и легче. При этомъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что какъ бы ни были хороши сами по себѣ выбранные методы, они все-таки не могутъ сообщить мыслителю достаточной увѣренности въ достиженіи предположенной цѣли при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Этимъ замѣчаніемъ, очевидно, нисколько не умаляется важность выбранныхъ методовъ, такъ какъ она, по справедливому замѣчанію Дюгамеля, „даютъ ему направленіе и научаютъ его *искусству искать*, съ которыми нужно быть очень хорошо знакомымъ, чтобы имѣть хотя какой-нибудь шансъ *найти*“¹⁾.

Особенно важное значеніе имѣютъ эти методы для наукъ умозрительныхъ или дедуктивныхъ, такъ какъ эти науки развиваются единственно и исключительно при посредствѣ умозрѣнія. Справедливость этого положенія видна изъ самаго опредѣленія умозрительной науки. Дѣйствительно, умозрительною наукою называется такая, въ которой истыны выводятся какъ слѣдствія или изъ опредѣленій объекта науки, или изъ основныхъ принциповъ ея, что, очевидно, можетъ совершиться только при посредствѣ одного умозрѣнія.

Родъ вопросовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ прилагается тотъ или другой методъ, вообще говоря, оказываетъ на послѣдній нѣкоторое вліяніе, измѣняя его, хотя — какъ мы это скоро увидимъ — и въ весьма незначительной степени. Всѣ вопросы, представляющіеся въ умозрительныхъ наукахъ, можно вообще раздѣлить на два вида, болѣе подробное разсмотрѣніе которыхъ необходимо для ясности послѣдующаго изложенія.

Къ первому виду принадлежатъ вопросы, имѣющіе цѣлью приве-

¹⁾ J. M. C. Duhamel. Des méthodes dans les sciences du raisonnement, première partie, p. 20.

деніе въ очевидность, или какъ обыкновенно выражаются, доказательство предложеній, не принадлежащихъ къ первоначальнымъ истинамъ и потому не очевидныхъ непосредственно. Такія предложенія вообще называются теоремами; они составляютъ самую важную часть, даже болѣе — все содержаніе умозрительной науки. До сихъ поръ всякій разъ, когда заходила рѣчь о первоначальныхъ истинахъ, только теоремы мы и имѣли въ виду.

При изслѣдованіяхъ, ведущихъ къ открытію новыхъ истинъ, умозрительной наукѣ часто приходится наталкиваться на новые предметы ¹⁾ и вводить ихъ въ свои изысканія. Для того, чтобы это введеніе сдѣлалось возможнымъ, необходимо опредѣлить отношенія новаго предмета къ предметамъ уже извѣстнымъ. Выраженіе этихъ отношеній составляетъ дефиницію новаго предмета. Изъ всѣхъ отношеній, могущихъ представиться при выводѣ дефиниціи, нужно выбирать только необходимыя и достаточныя для прочнаго установленія возможно полнаго понятія о новомъ предметѣ. Какъ только такія отношенія найдены, всѣ другія являющіяся въ качествѣ ихъ простыхъ слѣдствій. При этомъ необходимо замѣтить, что не всякій предметъ можетъ имѣть дефиницію; это замѣчаніе съ совершенною очевидностью вытекаетъ изъ сейчасъ сказаннаго, такъ какъ для нахожденія дефиниціи всякаго предмета требуется предварительное знаніе другихъ предметовъ, и слѣдовательно, необходимо должны существовать предметы, не имѣющіе себѣ предшествующихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что предметъ будетъ вполне опредѣленъ, какъ скоро опредѣлены предметы, отношенія которыхъ къ нему составляютъ его дефиницію. Поэтому, опредѣленіе искомаго предмета, имѣющаго данныя отношенія къ какимъ-нибудь даннымъ извѣстнымъ предметамъ, приводится къ опредѣленію тѣхъ предметовъ, отношенія которыхъ къ нему составляютъ его дефиницію. Всѣ вопросы, имѣющіе цѣлью подобныя опредѣленія какихъ бы то ни было предметовъ, называются *проблемами* и составляютъ второй видъ вопросовъ, представляющихся въ умозрительныхъ наукахъ.

При доказательствѣ теоремы, какъ мы уже замѣтили выше, а также и при рѣшеніи проблемы, могутъ представиться на выборъ

¹⁾ Подъ словомъ «предметъ» мы подразумѣваемъ все, что можетъ быть субъектомъ или объектомъ матеріальнаго или не матеріальнаго дѣйствія, то есть, то же, что Дюгамель выражаетъ словомъ «свое» (см. Des méthodes etc., 1-ère partie, p. 13). Употребленіе слова «предметъ» въ живой русской рѣчи, кажется, не противорѣчитъ такому распространенію его смысла.

различные ряды умозаключеній. Какъ ни разнообразны, по видимому, способы составленія этихъ рядовъ умозаключеній, всѣ они, однако, не болѣе какъ только частные случаи того или другаго изъ двухъ основныхъ методовъ, общихъ всѣмъ умозрительнымъ наукамъ — анализа и синтеза. Методы эти суть естественные пути нашего мышленія: философъ и полинезійскій дикарь равно пользуются ими. Равенство это, впрочемъ, не идеть далѣе самаго факта пользованія: въ то время, какъ философъ употребляетъ оба метода вполне сознательно и въ строго обдуманной формѣ, полинезійскій дикарь слѣдуетъ ихъ указаніямъ совершенно пассивно, не сознавая и даже не замѣчая ихъ. Поэтому нельзя говорить объ открытіи анализа и синтеза въ буквальномъ значеніи этого слова: подъ словомъ „открытіе“ здѣсь должно понимать введеніе въ сознаніе предмета, хотя и существовавашаго прежде, но не создаваемаго.

Подъ словомъ „анализъ“ обыкновенно понимаютъ „разборъ“ „разложеніе“. Ниже мы увидимъ, что это значеніе не имѣетъ ничего общаго съ сущностью анализа, какъ метода умозрительныхъ наукъ. Поэтому для устраненія недоразумѣній и сомнѣній, могущихъ встрѣтиться при чтеніи послѣдующаго, необходимо теперь же попросить читателя оставить привычныя значенія и встрѣтиться съ терминомъ „анализъ“ какъ съ совершенно новымъ — опредѣленіе котораго составляетъ одну изъ ближайшихъ цѣлей послѣдующаго изложенія.

Представившееся предложеніе будетъ приведено къ очевидности или доказано, если окажется, что оно вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія, такъ какъ при правильности умозрѣнія, слѣдствія, вытекающія изъ истинныхъ предложеній, будутъ, очевидно, также истинны. Это замѣчаніе прямо приводитъ насъ къ способу доказательства представившихся предложеній. Сначала нужно поискать — не вытекаетъ ли представившееся предложеніе, какъ непосредственное слѣдствіе, изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія; если эти поиски удадутся, то представившееся предложеніе доказано; если нѣтъ — то нужно найти, изъ какого еще не принятаго предложенія оно можетъ быть выведено, какъ непосредственное слѣдствіе, и тогда, очевидно, вопросъ приведетъ къ доказательству этого новаго, еще не принятаго предложенія. Чтобы доказать послѣднее, нужно, очевидно, поступать такимъ же образомъ, какъ и прежде, то-есть, искать сперва — не вытекаетъ ли новое предложеніе изъ аксіомы или изъ принятаго уже предложенія, какъ непосредственное слѣдствіе, и потомъ, въ случаѣ

неудачи, пайдти—изъ какого еще не принятаго предложенія оно можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе. Въ первомъ случаѣ, какъ новое, такъ и первоначальное предложенія являютя исполнѣ доказанными; во второмъ же вопросъ приводится къ доказательству втораго новаго предложенія. Точно такимъ же образомъ нужно поступать и при доказательствѣ втораго, третьяго и т. д. новаго предложенія до тѣхъ поръ, пока не представится аксіома или принятое уже предложеніе. Появленіе кого-нибудь изъ этихъ послѣднихъ доказываетъ справедливость всѣхъ предыдущихъ предложеній до первоначальнаго включительно и этимъ завершаетъ изслѣдованіе.

Такимъ образомъ, изложенный методъ доказательства теоремъ, извѣстный подъ именемъ *теоретическаго анализа*, состоитъ изъ образованія цѣпи такихъ предложеній, изъ которыхъ каждое вытекаетъ изъ слѣдующаго, какъ непосредственное слѣдствіе. Первымъ звеномъ этой цѣпи служить доказываемое предложеніе, а послѣднимъ — аксіома или уже принятое предложеніе. При такомъ составѣ цѣпи первое предложеніе является необходимымъ слѣдствіемъ послѣдняго и потому должно быть считаемо истиннымъ.

Не трудно видѣть, что одно и то же предложеніе можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе изъ весьма многихъ предложеній. Такимъ образомъ, для доказательства одной и той же теоремы могутъ быть составлены различныя цѣпи предложеній: изъ этихъ цѣпей однѣ весьма скоро ведутъ къ желаемой цѣли, другія—медленнѣе, третьи же, наконецъ, дѣляютъ эту цѣль совсѣмъ недостижимой — и это именно тѣ, которыя никогда не приводятъ къ признанной истинѣ, какъ бы далеко онѣ ни были продолжены. Нельзя, очевидно, составить никакихъ общихъ правилъ, которыми можно было бы руководствоваться при выборѣ наивыгоднѣйшей цѣпи предложеній; только природное остроуміе, навыкъ и обширность свѣдѣній могутъ до нѣкоторой степени помочь въ этомъ дѣлѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о невозможности въ общемъ смыслѣ заранее предвидѣть невыгодность той или другой изъ представляющихся цѣпей. Слѣдствіемъ этого послѣдняго обстоятельства является то отсутствіе увѣренности въ непремѣнномъ достиженіи путемъ анализа предположенной цѣли, о которой мы уже говорили выше.

Выбранная цѣпь предложеній можетъ, очевидно, также привести къ предложенію, заведомо ложному. Каково значеніе этого явленія по отношенію къ доказываемому предложенію? Не будетъ ли и само

это предположеніе ложнымъ? Съ общей точки зрѣнія нельзя дать ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта на послѣдній вопросъ, такъ какъ истинное можетъ быть выведено также и изъ ложнаго. Справедливость послѣдняго положенія, утвержденнаго еще Аристотелемъ, можетъ быть обнаружена при помощи слѣдующихъ силлогизмовъ:

Всякій человѣкъ есть камень.

Всякій камень есть животное.

Слѣдовательно, всякій человѣкъ есть животное. —

Всякая лошадь есть животное.

Ни одинъ человѣкъ не есть животное.

Слѣдовательно ни одинъ человѣкъ не есть лошадь.

Въ первомъ силлогизмѣ обѣ посылки ложны, во второмъ—только одна; заключенія же въ обоихъ истинны.

Два предположенія, изъ которыхъ каждое вытекаетъ изъ другаго, какъ необходимое слѣдствіе, называются обратимыми, или точнѣе, абсолютно обратимыми. Напримѣръ: если хорды, принадлежащія одному и тому же кругу, равны, то равны и разстоянія ихъ отъ центра; обратно: если въ одномъ и томъ же кругѣ разстоянія хорды отъ центра равны, то и самыя хорды равны. Не трудно замѣтить, что предположенія, изъ которыхъ одно есть слѣдствіе другаго, не всегда бываютъ обратимы. Въ такихъ случаяхъ попытка обращенія необратимаго предположенія: „если есть А, то есть В“ приводитъ обыкновенно къ предположенію: „если есть В, то есть А или не А“. Такъ, напримѣръ, обращая предположеніе: „если въ четырехугольникѣ всѣ стороны равны и углы прямые (если опъ—квадратъ), то его діагонали при пересѣченіи дѣлятся пополамъ (если есть А, то есть В)“, мы получимъ предположеніе: „если діагонали четырехугольника дѣлятся при пересѣченіи пополамъ (если есть В), то или стороны его равны и углы прямые (есть А), или всѣ стороны его равны (ромбъ), или углы равны (прямоугольникъ), или противоположныя стороны параллельны (параллелограммъ) (есть не—А)“. Необратимыми, обыкновенно, бываютъ предположенія въ томъ случаѣ, когда предположеніе В выражаетъ какое-нибудь подчиненное, уже содержащееся въ предположеніи А свойство, какъ это и имѣетъ мѣсто въ приведенномъ примѣрѣ. Предположеніе: „если есть А, то есть В“, если оно не обратимо, указываетъ на другое обратимое предположеніе: „если есть А', то есть В'“, въ которомъ необратимое содержится какъ простое логическое слѣдствіе, потому что или А' представляетъ болѣе общее свойство, чѣмъ А, или В' часть высш., отд. 2.

представляетъ болѣе частное свойство, чѣмъ В. Такъ, взятое нами не-обратимое предположеніе указываетъ на слѣдующія три обратимыя: 1) А' болѣе общее, чѣмъ А: „если въ четырехугольникѣ противоположныя стороны параллельны, то его діагонали при пересѣченіи дѣлятся пополамъ“; 2) В' болѣе частное, чѣмъ В: „если въ четырехугольникѣ всѣ стороны равны и углы прямые, то его діагонали равны и при пересѣченіи взаимно перпендикулярны и дѣлятся пополамъ“; 3) А' болѣе общее, чѣмъ А; В' болѣе частное, чѣмъ В: „если въ четырехугольникѣ всѣ углы прямые, то его діагонали равны и при пересѣченіи дѣлятся пополамъ“.

При различныхъ математическихъ изслѣдованіяхъ часто бываетъ весьма важно знать — способно ли разсматриваемое предположеніе къ обращенію, или нѣтъ. Справедливость этого замѣчанія, явная сама по себѣ, обнаружится еще яснѣе при послѣдующемъ изложеніи. Однако же отысканіе критерія, способнаго дать такое знаніе, не обращало на себя вниманіе ученыхъ до самаго начала текущаго столѣтія, когда виртембергскій ученый Гауберъ впервые открылъ этотъ критерій и обнародовалъ его въ своемъ весьма замѣчательномъ, хотя, къ сожалѣнію, и очень мало распространенномъ сочиненіи „*Scholae logico-mathematicae*“, напечатанномъ въ 1829 году въ Рейтлингенѣ. Предложеніе, выражающее этотъ критерій, Гауберъ называетъ ¹⁾ „*theoremata logicum novum nec inelegans et multiplicis in mathematica saltim doctrina usus*“ и излагаетъ его въ слѣдующей формѣ ²⁾:

„*Si genus aliquod dividatur in suas species duplici ratione, et singulis speciebus unitis divisionis respondeant singulae species alterius ut attributa: vicissim etiam singulis speciebus alterius divisionis singulae species prioris ut attributa respondebunt.*

„*Ut si genus quoddam A dividatur primum in species b, c, ac deinde in species β, γ: ut omne A sit aut b aut c, et rursus omne A sit aut β aut γ; et praeterea, quae sint ex specie b, iis attribuuntur β; quae ex specie c, iis γ: his igitur positis, vicissim, quae sunt ex specie β, iis attribuuntur b; et quae ex specie γ, iis attribuetur c.*

Представленная въ этой формѣ, теорема Гаубера не способна къ многочисленнымъ приложеніямъ, такъ какъ, предполагая одно и то же подлежащее для условія и заключенія, она можетъ быть приложена только къ самымъ простымъ изъ предположеній. Поэтому, распро-

¹⁾ *Scholae logico-mathematicae*, Praefatio, стр. IX.

²⁾ *Ibid.*, стр. 265.

страпеніе теоремы Гаубера на два подлежащія, сдѣланное Дробишемъ, весьма важно и составляетъ необходимое дополненіе къ теоремѣ Гаубера. Дробишъ выражаетъ это распространеніе слѣдующимъ образомъ ¹⁾:

„Если подлежащему S соотвѣтствуютъ какъ сказуемыя или a , или b , или c , а подлежащему Σ —тоже какъ сказуемыя—или α , или β , или γ , и если сверхъ того извѣстно, что

- 1) если $S \dots a$, то всегда и $\Sigma \dots \alpha$,
- 2) если $S \dots b$, то всегда и $\Sigma \dots \beta$,
- 3) если $S \dots c$, то всегда и $\Sigma \dots \gamma$,

то и обратно

- 4) если $\Sigma \dots \alpha$, то всегда и $S \dots a$,
- 5) если $\Sigma \dots \beta$, то всегда и $S \dots b$,
- 6) если $\Sigma \dots \gamma$, то всегда и $S \dots c$ “.

Дробишъ считалъ распространенную такимъ образомъ теорему Гаубера доказываемою отъ противнаго (аналогически); но Матка даетъ ей слѣдующее прямое доказательство ²⁾: „Изъ предположенныхъ двухъ раздѣлительныхъ и всѣхъ гипотетическихъ сужденій слѣдуетъ предложеніе: если S есть не a , и слѣдовательно, есть или b , или c , или d и т. д., то и Σ есть или β , или γ , или δ и т. д., и слѣдовательно, есть не α ,—короче, если S не есть a , то и Σ также не есть α . Но отсюда черезъ противоположеніе тотчасъ же и самымъ строгимъ образомъ вытекаетъ доказываемое предложеніе: если есть Σ , α , то есть, и S a “.

Важность теоремы Гаубера и обширность ея примѣненій доказаны многочисленными примѣрами, находящимися въ цитированныхъ сочиненіяхъ Гаубера, Матки и Дробиша и заимствованными первыми двумя авторами изъ области геометріи, преимущественно элементарной, а послѣднимъ — изъ области высшей математики. Гюнтеръ, авторъ статьи ³⁾, изъ которой мы заимствовали представленныя сей-

¹⁾ *Drobisch*. Neue Darstellung der Logik mit Rücksicht auf Mathematik und Naturwissenschaft. Leipzig, 1863. S. 227.

²⁾ *Matska*. Betrachtungen einiger Gegenstände der Logik mit besonderer Rücksicht auf ihre Anwendungen in der Mathematik, въ *Grüner's Archiv der Mathematik und Physik*, 6 Band, S. 28.

³⁾ *Günther*. Ueber einige Anwendungen und Erweiterungen des Hauber'sche Theorems, въ *Grüner's Archiv der Mathematik und Physik*, 56 Band, S. 26.

часъ указанія, рассмотрѣлъ также нѣсколько примѣровъ необратимыхъ предложеній и показалъ, что теорема Гаубера можетъ быть приложена съ большою пользою также и къ этимъ предложеніямъ, какъ орудіе, служащее для отысканія причинъ, породившихъ въ каждомъ данномъ случаѣ необратимость предложенія. Дѣйствительно, примѣненная къ такимъ предложеніямъ теорема Гаубера не только показываетъ, что желаніе пайдти въ этихъ случаяхъ обращенное предложеніе есть заблужденіе, но и даетъ цѣлый рядъ безошибочныхъ и весьма поучительныхъ заключеній. Кромѣ этого весьма существеннаго дополненія къ предыдущимъ работамъ, въ статьѣ Гюнтера заключаются также примѣры приложимости теоремы Гаубера къ вопросамъ, заимствованнымъ изъ анализа, теорій уравненій и прикладной математики. Желаніе дать теоремѣ Гаубера болшую определенность по отношенію къ собственно геометрическимъ вопросамъ побудило Гюнтера сообщить ей слѣдующее выраженіе ¹⁾:

„Если объ одномъ геометрическомъ изображеніи S , также какъ и о другомъ Σ , можно сказать, что имъ соотвѣтственно принадлежатъ метрическія или проєктивныя ²⁾ свойства a, b, c и α, β, γ , и что при $S \dots a, S \dots b, S \dots c$ и пр.,

также и

$\Sigma \dots a, \Sigma \dots b, \Sigma \dots c$ и пр.,

всегда оказываются правильными, то обратимость всѣхъ такихъ предложеній вполне возможна“.

Въ цѣпи предложеній, составляющей аналитическое доказательство, нѣкоторыя изъ послѣдовательныхъ предложеній могутъ быть между собою обратимы. Вслѣдствіе того является возможность разсматривать зависимость такихъ предложеній въ обращенномъ видѣ, то-есть, считая послѣдующее предложеніе слѣдствіемъ предыдущаго. Если всѣ предложенія, входящія въ составъ цѣпи, обратимы, то очевидно, обращеніе зависимости будетъ имѣть мѣсто на всемъ протяженіи цѣпи: аналитическое доказательство въ этомъ случаѣ представляется цѣпью предложеній, въ которой каждое послѣдующее предложеніе есть слѣдствіе предыдущаго, первое звено есть доказываемое предложеніе, послѣднее — принятая истина. Выводить слѣдствіе изъ

¹⁾ Ibid. S. 30.

²⁾ Подъ выраженіемъ «проєктивныя свойства» здѣсь разумѣются всѣ тѣ свойства, которые относятся не къ величинамъ, но къ положенію отдѣльныхъ частей фигуръ.

предложенія въ большинствѣ случаевъ бывають гораздо легче, чѣмъ находить предложеніе, изъ котораго данное должно выводиться какъ слѣдствіе; такъ что на практикѣ вообще удобнѣе пользоваться этимъ частнымъ случаемъ теоретическаго анализа, какъ по отношенію ко всей цѣпи, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ послѣдовательнымъ предложеніямъ; но при этомъ должна быть строго доказана обратимость предложеній, такъ какъ только при существованіи этой обратимости истинность слѣдствія будетъ доказательствомъ истинности предложенія, изъ котораго оно выводится. Истинность выводимыхъ слѣдствій при отсутствіи обратимости не доказываетъ истинности первоначальнаго предложенія, такъ какъ истинное можетъ быть выведено также и изъ ложнаго. Сравнительная легкость этого частнаго случая анализа составляетъ, конечно, главную причину его весьма частаго употребленія въ математическихъ наукахъ. Последнее обстоятельство, въ свою очередь, породило заблужденіе многихъ ученыхъ, полагающихъ, какъ это будетъ показано ниже, что этотъ частный случай вполне исчерпываетъ все содержаніе аналитическаго метода.

Разсмотрѣнный сейчасъ частный случай анализа можетъ быть иногда съ большою пользою приложенъ къ доказательству ложности предложеній, которыхъ несомнѣнность съ доказанными истинами непосредственно не видна. Въ самомъ дѣлѣ, если въ ряду необходимыхъ слѣдствій, выведенныхъ по указанному способу изъ разсматриваемаго предложенія, окажется слѣдствіе заведомо ложное или же явно несомнѣнное съ самимъ этимъ предложеніемъ или съ однимъ изъ выведенныхъ отъ него, то все это будетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ ложности разсматриваемаго предложенія, такъ какъ изъ истиннаго предложенія никогда нельзя вывести ложное или несомнѣнное слѣдствіе. При выводѣ слѣдствій въ настоящемъ случаѣ, какъ не трудно видѣть, нѣтъ надобности заботиться объ обратимости.

Обнаруженіе ложности предложенія имѣетъ существенную важность въ *аналитическомъ* методѣ доказательства (*reductio ad absurdum*). Изложимъ въ короткихъ словахъ этотъ методъ.

Если изъ двухъ предложеній одно вполне отрицаетъ другое, или говоря другими словами, если два предложенія—противорѣчающія, то очевидно, для убѣжденія въ истинности одного достаточно доказать ложность другаго. Въ болѣе сложныхъ вопросахъ, когда предложеніе, противорѣчающее предложенному, содержитъ въ себѣ нѣсколько

различныхъ случаевъ, приходится доказывать ложность каждаго изъ этихъ случаевъ: иначе не имѣли бы права считать доказываемое предположеніе истиннымъ. Этотъ методъ доказательства, какъ то ясно само собою, есть непрямой.

Переходя теперь къ примѣрамъ теоретическаго анализа, считаемъ необходимымъ напомнить читателю, что для общаго случая анализа обратимость предложеній не нужна, такъ какъ истинность предложеній служитъ полнымъ доказательствомъ истинности выводимыхъ изъ него слѣдствій: изъ истиннаго можно вывести только истинное.

Первый примѣръ. Если имѣемъ рядъ равныхъ отношеній, то сумма предыдущихъ членовъ отнесется къ суммѣ послѣдующихъ, какъ одинъ изъ предыдущихъ въ своему послѣдующему.

Это предложеніе вытекаетъ какъ непосредственное слѣдствіе изъ предложенія: сумма предыдущихъ членовъ равна суммѣ произведеній каждаго послѣдующаго члена на отношеніе. Оба предложенія между собою обратимы. Второе предложеніе вытекаетъ какъ непосредственное слѣдствіе изъ предложенія: предыдущій членъ равенъ произведенію послѣдующаго члена на отношеніе, что представляетъ доказанную истину. Послѣднія два предложенія необратимы.

Докажемъ обратимость перваго и втораго предложеній и необратимость втораго и третьяго, пользуясь дополненною теоремою Гаубера. Отношеніе суммы предыдущихъ членовъ къ суммѣ послѣдующихъ (подлежащее S) или равно данному отношенію (сказуемое a), или не равно данному отношенію (сказуемое b): не трудно видѣть, что въ первомъ случаѣ сумма предыдущихъ членовъ (подлежащее Σ) равна суммѣ произведеній каждаго послѣдующаго члена на данное отношеніе (сказуемое a), во второмъ же—она не равна этой суммѣ (сказуемое β). Такимъ образомъ первое и второе предложенія обратимы. Второму и третьему предложеніямъ для облегченія разсужденій дадимъ общія выраженія. Первая изъ двухъ находящихся во второмъ предложеніи суммъ (подлежащее S) или равна второй суммѣ (сказуемое a), или не равна (сказуемое b); всѣ соотвѣтствующія первой суммѣ слагаемыя (частный случай которыхъ берется въ третьемъ предложеніи) (подлежащее Σ) или равны соотвѣтственно всѣмъ соотвѣтствующимъ второй суммѣ слагаемымъ (частный случай ихъ также берется въ третьемъ предложеніи) (сказуемое a), или не равны (сказуемое β); но въ то же время не трудно видѣть, что при $S.....a$ или есть $\Sigma.....a$, или же $\Sigma.....\beta$, такъ какъ при равенствѣ суммъ слагаемыя могутъ быть соотвѣтственно равны, или соотвѣтственно различны.

метовъ при соотвѣствующихъ условіяхъ приводитъ непосредственно къ опредѣленію искомаго предмета, удовлетворяющаго даннымъ въ первоначальной задачѣ условіямъ. Предложенная задача будетъ, очевидно, рѣшена, если замѣнявая ее новая задача рѣшается непосредственно. Еслижъ эта вторая задача не можетъ быть рѣшена непосредственно, то примѣняя къ ней разсужденія, сдѣланныя по поводу предложенной задачи, получаемъ право замѣнить ее третьей задачей. Каждое рѣшеніе третьей задачи доставитъ рѣшеніе второй задачи, а это послѣднее, въ свою очередь, доставитъ рѣшеніе предложенной задачи. Если полученная такимъ образомъ третья задача не можетъ быть рѣшена непосредственно, то ее на изложенныхъ основаніяхъ замѣняютъ четвертой. Если четвертая задача не рѣшается непосредственно, то ее замѣняютъ пятой, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до задачи, рѣшающейся непосредственно. Всякое рѣшеніе этой послѣдней задачи доставляетъ рѣшеніе предыдущей, это послѣднее доставляетъ, въ свою очередь, рѣшеніе своей предыдущей и т. д. до рѣшенія предложенной задачи.

Но трудно видѣть, что изложенный методъ рѣшенія задачъ по существу совершенно тождественъ съ разсмотрѣннымъ выше методомъ доказательства теоремъ: второстепенныя вѣщныя различія происходятъ только отъ различія предметовъ, къ которымъ прижѣняются эти методы. Изъ этого слѣдуетъ, что оба эти метода представляютъ не болѣе какъ частные случаи одного общаго метода, названнаго древними *анализомъ*. Изложенный методъ рѣшенія задачъ называется *проблематическимъ анализомъ*, въ отличіе отъ разсмотрѣннаго выше *теоретическаго анализа*, какъ метода доказательства теоремъ.

Говоря о теоретическомъ анализѣ, мы ужъ имѣли случай указать и на обиліе предложеній, изъ которыхъ разсматриваемое предложеніе можетъ быть выведено какъ непосредственное слѣдствіе, и также на обусловленную этимъ обиліемъ невозможность общаго рѣшенія вопроса о выборѣ наивыгоднѣйшаго изъ этихъ предложеній, или выражались съ большою общностью, — наивыгоднѣйшей цѣли предложеній. Тѣ же самыя лженія имѣютъ мѣсто и въ проблематическомъ анализѣ, такъ какъ и въ немъ, очевидно, условія или рѣшенія предложенной задачи, также какъ и каждой изъ замѣняющихъ, могутъ вытекать какъ непосредственныя слѣдствія изъ условій или рѣшеній весьма многихъ другихъ задачъ. Изъ этихъ послѣднихъ однѣ могутъ ускорить и облегчить достиженіе предположенной цѣли, то-есть, разрѣшенія предложенной задачи, другія же, напротивъ того — замед-

лить и затруднить его; существуютъ также и такія, которыя дѣлають эту цѣль совсѣмъ недостижимою.

При замѣнѣ разсматриваемой задачи новою могутъ представиться, какъ это можно было замѣтить рѣже, два главныя случая: во-первыхъ, предметы обѣихъ задачъ одни и тѣ же; условія разсматриваемой задачи вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій замѣняющей; вторыхъ, предметы обѣихъ задачъ различны; рѣшеніи разсматриваемой задачи вытекаютъ какъ непосредственныя слѣдствія изъ рѣшеній замѣняющей. Займемся спеціальнымъ разсмотрѣніемъ этихъ случаевъ.

Первый случай. Такъ какъ въ этомъ случаѣ замѣняющая задача всегда выбирается такъ, что условія разсматриваемой задачи вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій замѣняющей, то всѣ рѣшенія послѣдней будутъ, очевидно, въ то же время и рѣшеніями первой. Но этими рѣшеніями не всегда исчерпывается все количество рѣшеній, принадлежащихъ разсматриваемой задачѣ: послѣдняя, очевидно, можетъ имѣть также и такія рѣшенія, которыя не удовлетворяютъ условіямъ замѣняющей. Такимъ образомъ нѣкоторыя рѣшенія разсматриваемой задачи могутъ не быть рѣшеніями замѣняющей и будутъ, очевидно, потеряны, если изслѣдованіе ограничится только разрѣшеніемъ замѣняющей задачи. Если же разсматриваемая задача не имѣетъ ни одного рѣшенія, не удовлетворяющаго условіямъ замѣняющей задачи, такъ что всѣ рѣшенія первой будутъ въ то же время и рѣшеніями второй, — то разрѣшеніе этой второй задачи исполнѣ исчерпываетъ всѣ рѣшенія первой. Ни потерянныхъ, ни лишннихъ рѣшеній при этомъ, очевидно, не будетъ: рѣшенію разсматриваемой задачи является совершеннымъ и полнымъ. Условія обѣихъ задачъ въ этомъ случаѣ могутъ быть названы обратными и все сказанное сейчасъ о задачахъ съ такими условіями можетъ быть выражено вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: если разсматриваемая и замѣняющая задачи имѣютъ обратныя условія, то рѣшенія второй тождественны съ рѣшеніями первой.

Правильность употребленія термина „обратный“ въ примѣненіи къ настоящему случаю, не очевидная сама по себѣ, нуждается въ подтвержденіи. Необходимо показать, что это примѣненіе вызывается самымъ принципомъ обратности.

Общій принципъ обратности, частный случай котораго — принципъ обратности предложеній — уже былъ представленъ выше, можетъ быть сформулированъ слѣдующимъ образомъ: „если есть пред-

метъ А, то есть предметъ В", и „если есть предметъ В, то есть предметъ А".

Связь между условіями замѣняемой и замѣняющей задачъ въ томъ случаѣ, когда всѣ рѣшенія замѣняемой задачи удовлетворяютъ условіямъ замѣняющей, можетъ быть схематизирована, какъ не трудно видѣть, слѣдующимъ образомъ: „если есть условія S' замѣняющей задачи, то-есть, предметъ (одинъ или нѣсколько) А, удовлетворяющій какъ имъ самимъ, такъ и условіямъ S замѣняемой задачи; если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) А, то есть и условія S замѣняемой задачи" и „если есть условія S замѣняемой задачи, то есть предметъ (одинъ или нѣсколько) А, удовлетворяющій какъ имъ самимъ, такъ и условіямъ S' замѣняющей задачи (условіе обратимости); если есть такой предметъ (одинъ или нѣсколько) А, то есть и условія S' замѣняющей задачи". Не трудно видѣть, что изъ этой схемы, которую также можно представить въ слѣдующемъ видѣ: „если есть S' , то есть А; если есть А, то есть S'' ", и „если есть S , то есть А; если есть А, то есть S'' ",—выводится какъ непосредственное слѣдствіе схема: „если есть S' , то есть S'' ", и „если есть S , то есть S' ". Такимъ образомъ, условія S и S' оказываются дѣйствительно обратимыми.

Для большей ясности сейчасъ изложеннаго прибавимъ еще одно замѣчаніе, справедливость котораго очевидна. Если существуетъ предметъ, удовлетворяющій какому-нибудь условіямъ, то существуютъ и эти условія. Дѣйствительно, по сказанному выше, эти условія всегда вытекаютъ изъ дефиниціи предмета, какъ необходимыя слѣдствія.

Подобно теоретическому анализу, проблематическій анализъ также допускаетъ преращеніе требуемой имъ зависимости между условіями задачъ замѣняемой и замѣняющей: замѣняющая задача можетъ быть выбрана такимъ образомъ, чтобы ея условія вытекали изъ условій замѣняемой какъ необходимыя слѣдствія. Если, при этомъ, условія обѣихъ задачъ не будутъ обратимы, то явленія, подобныя тѣмъ, которыя мы встрѣтили при изложеніи общаго случая, представляются и въ настоящемъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ рѣшенія разсматриваемой задачи должны удовлетворять условіямъ замѣняющей, какъ необходимыми слѣдствіями условій разсматриваемой задачи; въ то же время, вслѣдствіе предположенія о необратимости условій не всѣ рѣшенія замѣняющей задачи будутъ удовлетворять условіямъ разсматриваемой. Вслѣдствіе того разрѣшеніе замѣняющей задачи дастъ нѣкѣ рѣшенія разсматриваемой задачи, и кромѣ того, одно или нѣсколько рѣшеній, не удовлетворяющихъ этой послѣдней. Такимъ образомъ,

ограничивъ изслѣдованіе только однимъ разрѣшеніемъ замѣняющей задачи, мы найдемъ вмѣстѣ со всѣми рѣшеніями рассматриваемой задачи одно или нѣсколько рѣшеній ей постороннихъ.

Второй случай. Такъ какъ замѣняемая и замѣняющая задачи отличаются другъ отъ друга: въ первомъ случаѣ только отношеніями между искомыми и извѣстными предметами, а во второмъ какъ этими отношеніями, такъ и искомыми предметами одновременно, -- то второй случай, очевидно, является естественнымъ обобщеніемъ перваго. Вслѣдствіе того онъ даетъ несравненно большій просторъ и большую свободу въ выборѣ замѣняющей задачи. Обратимость условій во второмъ случаѣ будетъ состоять не въ обратимости только отношеній, какъ въ первомъ случаѣ, но въ обратимости отношеній и искомымъ предметомъ, рассматриваемыхъ совокупно. Поэтому, условія замѣняемой и замѣняющей задачъ въ настоящемъ случаѣ могутъ быть названы обратимыми только тогда, когда всѣ рѣшенія замѣняемой задачи вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ рѣшеній замѣняющей; когда, слѣдовательно, замѣняемая задача не имѣетъ ни одного рѣшенія, не вытекающаго какъ необходимое слѣдствіе изъ рѣшеній замѣняющей. Вѣрность этого опредѣленія можетъ быть легко доказана посредствомъ тѣхъ же приѣмовъ, какъ и въ первомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, связь между условіями замѣняемой и замѣняющей задачъ въ рассматриваемомъ случаѣ можетъ быть схематизирована слѣдующимъ образомъ: „Если есть условія S' замѣняющей задачи, то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) A , удовлетворяющій этимъ условіямъ; если есть предметъ (одинъ или нѣсколько) A , то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) B , удовлетворяющій условіямъ S замѣняемой задачи; если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) B , то есть и условія S замѣняемой задачи“, и „если есть условія S замѣняемой задачи, то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) B , удовлетворяющій этимъ условіямъ; если есть предметъ (одинъ или нѣсколько) B , то есть и предметъ (одинъ или нѣсколько) A , удовлетворяющій условіямъ S' замѣняющей задачи¹⁾ (условіе обратимости); если есть этотъ предметъ (одинъ или нѣсколько) A , то есть и условія S' замѣняющей задачи“. Не трудно видѣть, что изъ этой схемы,

¹⁾ Это предложеніе нуждается въ поясненіи. Если условія, опредѣляющіи предметъ B , вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ дефиниціи предмета A , то и обратно, какъ это слѣдуетъ изъ самаго понятія дефиниціи предмета, изъ дефиниціи предмета B будутъ вытекать условія, опредѣляющіи предметъ A .

которую также можно представить въ слѣдующемъ видѣ: „если есть S' , то есть A ; если есть A , то есть B ; если есть B , то есть S'' “, и „если есть S , то есть B ; если есть B , то есть A ; если есть A , то есть S'' “, выводится какъ непосредственное слѣдствіе схема: „если есть S' , то есть S'' “, и „если есть S , то есть S'' “. Такимъ образомъ, условія S и S' оказываются дѣйствительно обратимыми, что и нужно было доказать. Затѣмъ, всѣ другія заключенія, сдѣланные по поводу перваго случая, примѣняются безъ измѣненія и ко второму случаю.

Предыдущія изслѣдованія даютъ намъ весьма важное указаніе, которое необходимо весьма имѣть въ виду при выборѣ замѣняющей задачи; именно—эту послѣднюю нужно всегда стараться выбрать такъ, чтобы ея условія были обратимы съ условіями замѣняемой задачи, такъ такъ, но предыдущему, только въ этомъ одномъ случаѣ мы можемъ считать себя вполне застрахованными какъ отъ потери рѣшительныхъ изъ рѣшеній предложенной задачи, такъ и отъ полученія рѣшеній ея постороннихъ, и вслѣдствіе того, приобретаемъ увѣренность, что, найдя всѣ рѣшенія замѣняющей задачи, непосредственно затѣмъ найдемъ всѣ рѣшенія замѣняемой задачи. Конечно, въ болѣшинствѣ случаевъ бываетъ весьма трудно найти замѣняющую задачу, удовлетворяющую изложенному требованію, но не найдя такой и воспользовавшись какою-нибудь другою, всегда должно помнить, что найденное разрѣшеніе вопроса, вообще говоря, недостаточно: между полученными рѣшеніями могутъ или находиться нѣкоторые постороннія, или же отсутствовать нѣкоторые изъ принадлежащихъ разсматриваемой задачѣ. Чтобы устранить постороннія рѣшенія или открыть потерянные—необходимо особое изслѣдованіе.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію примѣровъ проблематическаго анализа, мы должны еще указать на весьма замѣчательный родъ вопросовъ, примѣненіе анализа къ рѣшенію которыхъ весьма много содѣйствовало поддержанію и укрѣпленію невѣрнаго взгляда древнихъ на сущность анализа, отождествлявшихъ его съ понятіемъ „разложенія“. Дѣло идетъ о вопросахъ, способныхъ къ разложенію на простѣйшіе вопросы. Разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, очевидно, должно начинаться съ разложенія ихъ на эти простѣйшіе вопросы. Выгодность такого разложенія совершенно очевидная въ случаѣ, если эти простѣйшіе вопросы независимы другъ отъ друга и могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, не можетъ быть сомнительною также и въ томъ случаѣ, когда они зависимы другъ отъ друга и могутъ быть разсматриваемы только вмѣстѣ, такъ какъ простыя вопро-

сы, вообще говоря, приводятся къ еще болѣе простымъ съ несравненно болѣею легкостью, чѣмъ содержащій ихъ всѣхъ сложный вопросъ.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ проблематическаго анализа. Но прежде, для болѣе ясной послѣдующаго изложенія, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Задачіи, для болѣе ясной опредѣленности рѣчи, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) замѣняющія и 2) замѣщаемыя. Къ первому разряду принадлежатъ такіе изъ замѣняющихъ задачъ, которыя имѣютъ одинъ и тотъ же искомый предметъ съ замѣняемою задачей, а ко второму—тѣ, которыя имѣютъ съ этой задачей разные искомые предметы. Правильность такого дѣленія видна изъ того соображенія, что первыя дѣйствительно замѣняютъ предложенную задачу, тогда какъ вторыя, не замѣняя сами предложенной задачи, даютъ только возможность замѣнить ее, или тотчасъ же, или послѣ большаго или меньшаго числа промежуточныхъ задачъ задачей, рѣшеніе которой уже извѣстно.

Первый примѣръ. Отецъ, по духовному завѣщанію, назначаетъ: старшему сыну, выдать 100 руб. и пятую часть остатка всего наслѣдства, второму 200 руб. и пятую часть оставшейся затѣмъ суммы, третьему 300 руб. и пятую часть оставшейся затѣмъ суммы и т. д. Оказывается, что всѣ сыновья получили поровну, и что все имущество раздѣлено между ними. Сколько было сыновей? ¹⁾

Такъ какъ все наслѣдство было раздѣлено поровну, между сыновьями, то искомое число сыновей, очевидно, найдется, если будетъ узвано, сколько разъ доля одного изъ братьевъ содержится во всемъ имуществѣ. Для рѣшенія этого вопроса необходимо опредѣлить имущество отца и величину доли каждаго изъ сыновей. Изъ этого слѣдуетъ, что предложенный вопросъ можетъ быть разложенъ на два зависимыя другъ отъ друга вопроса: опредѣлить имущество отца и узнать величину доли каждаго изъ сыновей. Найдемъ сперва имущество отца.

Старшій сынъ получилъ 100 руб. и пятую часть того, что осталось, то-есть, пятую часть всего имущества безъ пятой части 100 р., или что то же самое, безъ 20 руб. Такимъ образомъ, доля старшаго сына содержала 80-ью рублями болѣе пятой части всего имущества. Для другихъ сыновей, слѣдовательно, останутся четыре пятыхъ всего имущества безъ 80 рублей. Второй сынъ получилъ 200 руб. и пятую

¹⁾ Давидовъ. Начальная алгебра. Изданіе второе, стр. 131.

часть оставшагося, то-есть, четыре пятыхъ всего имущества безъ 280 руб., что составитъ вмѣстѣ сумму на 144 рубля большую $\frac{1}{25}$ всего имущества. По условію задачи доли старшаго и втораго братьевъ должны быть равны. Такимъ образомъ, рассматриваемую задачу можно замѣнить слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій предложенной:

Найти число, пятая часть котораго, сложенная съ 80, равняется $\frac{1}{25}$ себя самого, сложеннымъ съ 144.

Такъ какъ эта задача, имѣя только одно рѣшеніе, не можетъ представить рѣшеній, не удовлетворяющихъ условіямъ предложенной задачи, то обѣ онѣ обратимы.

Такъ какъ равенство двухъ чиселъ не измѣняется при уменьшеніи ихъ на одно и то же число, то мы можемъ уменьшить каждое изъ нашихъ чиселъ на 80 и на $\frac{1}{25}$ неизвѣстнаго числа: тогда оказывается, что рассматриваемая задача можетъ быть замѣнена слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій рассматриваемой:

Найти число, $\frac{1}{25}$ котораго составило число 64.

Не трудно видѣть, что эта задача и предыдущая удовлетворяютъ условію обратимости. Найденная вновь задача разрѣшается непосредственно черезъ умноженіе числа 64 на 25, что даетъ число 1600. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ, очевидно, одинъ и тотъ же предметъ удовлетворяетъ условіямъ каждой изъ трехъ приведенныхъ задачъ, то оказывается, что искомое имущество отца содержало 1600 рублей.

Обратимся теперь къ разрѣшенію второй задачи, то-есть, къ опредѣленію величины доли cadaго изъ сыновей по узнанному имуществу отца. Такъ какъ, по условію задачи, эти доли равны, то достаточно опредѣлить долю только одного изъ братьевъ, напримѣръ, старшаго. Выше было найдено, что эта доля содержала 80-ю рубля-ми болѣе $\frac{1}{5}$ всего имущества. Все же имущество содержало 1600 р.; $\frac{1}{5}$ его, слѣдовательно, будетъ содержать 320 руб. И такъ, рассматриваемую задачу можно замѣнить слѣдующею, всѣ условія которой вытекаютъ какъ необходимыя слѣдствія изъ условій рассматриваемой:

Найти число, равное суммѣ двухъ чиселъ 80 и 320.

Эта задача и рассматриваемая, очевидно, обратимы. Складывая число 80 и 320, мы получаемъ число 400, которое и представитъ рѣшеніе замѣняющей задачи, а такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ

удовлетворяеть условіямъ замѣняемой и замѣняющей задачъ, то мы должны заключить, что искомая доля старшаго сына содержала 400 рублей.

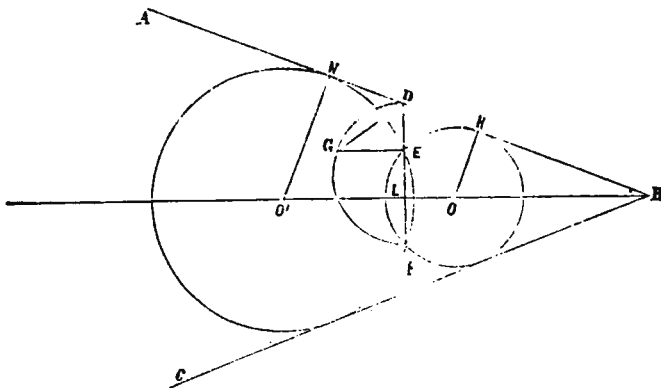
Опредѣливъ имущество отца и долю каждаго изъ сыновей, мы можемъ приступить къ рѣшенію предложенной задачи. Такъ какъ искомое число сыновей пайдется, если мы узнаемъ сколько разъ содержится доля одного изъ братьевъ во всемъ имуществѣ отца, то предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею, всѣ условія которой вытекають какъ необходимыя слѣдствія изъ условій предложенной задачи:

Найти число, показывающее сколько разъ содержится число 400 въ числѣ 1600.

Эта задача и замѣняемая ею предложенная, очевидно, обратныя. Раздѣливъ число 1600 на число 400, мы получимъ число 4, которое и представить рѣшеніе замѣняющей задачи; а такъ какъ условіямъ замѣняемой и замѣняющей задачъ удовлетворяеть одинъ и тотъ же предметъ, то искомое число сыновей есть 4.

Второй примѣръ. Черезъ данную внутри угла точку провести окружность касательную къ сторонамъ этого угла.

Фиг. 2.

Положимъ, что задача рѣшена, и искомая окружность найдена. Такъ какъ эта окружность касательная къ сторонамъ АВ и ВС даннаго угла, то центръ этой окружности долженъ лежать на линіи,

дѣлящей данный уголъ пополамъ. Если изъ данной точки E опустимъ на эту линію перпендикуляръ EL и на продолженіи его отложимъ длину LF , равную длинѣ EL , то по свойству хорды перпендикулярной къ радіусу, точка F будетъ лежать на окружности. Вслѣдствіе этого предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею: Черевъ точки E и F провести окружность касательную къ данной прямой AB .

Эта задача можетъ быть названа замѣняющею, такъ какъ она имѣетъ съ предложенною задачею одинъ и тотъ же предметъ. Всѣ условія новой задачи вытекаютъ изъ условій предложенной какъ необходимыми слѣдствія.

Принимая новую задачу рѣшенною, продолжимъ линію EF до пересѣченія съ данною линіею AB . Тогда на основаніи извѣстнаго свойства касательной найдемъ, что линія DN есть средняя пропорціональная между линіями DF и DE . Это замѣчаніе даетъ намъ возможность опредѣлить точку касанія N . Поэтому рассматриваемая задача можетъ быть замѣщена слѣдующею:

Найти среднюю пропорціональную между двумя данными линіями DF и DE .

Эта задача и замѣщаемая имѣютъ различные предметы, и потому мы здѣсь встрѣчаемся съ примѣромъ замѣщающихъ задачъ. Всѣ условія замѣщающей задачи вытекаютъ изъ условій замѣщенной задачи какъ необходимыми слѣдствія.

Такъ какъ хорда, соединяющая конецъ діаметра съ точкою круга, изъ которой опущенъ перпендикуляръ на діаметръ, есть средняя пропорціональная между всѣмъ діаметромъ и прилежащимъ отрѣзкомъ, то рассматриваемая задача будетъ рѣшена при посредствѣ слѣдующаго построения: На линіи DF какъ на діаметръ опишемъ полуокружность; изъ точки E возставаемъ перпендикуляръ къ діаметру и продолжаемъ его до пересѣченія съ полуокружностью; хорда GD будетъ искомою линіею. Отложивъ найденную длину вправо отъ точки D , мы получимъ точку касанія N искомага круга. Но найденная длина можетъ быть отложена также и лѣво отъ D , вслѣдствіе чего найдется точка N , которая, очевидно, будетъ служить точкою касанія для нѣкотораго другаго круга, также удовлетворяющаго всѣмъ условіямъ замѣщенной задачи и потому представляющаго второе рѣшеніе послѣдней.

Найдя такимъ образомъ третью точку искомага круга, мы ви-

димъ, что замѣщенная сейчасъ задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Провести окружность черезъ три данныя точки F, E и H. Всѣ условія замѣняемой задачи, очевидно, вытекаютъ изъ условій новой задачи, какъ необходимыя слѣдствія.

Основываясь на извѣстномъ свойствѣ хорды перпендикулярной къ радіусу, мы найдемъ центръ круга въ точкѣ пересѣченія O линіи BL, дѣлящей данный уголъ пополамъ, съ перпендикуляромъ къ линіи HE, проведенномъ черезъ ея средину. Точно такимъ же образомъ мы можемъ найти центръ другого круга, представляющаго, какъ мы видѣли, второе рѣшеніе предложенной задачи. Опредѣливъ центръ искомаго круга, мы можемъ безъ труда опредѣлить радіусъ этого круга и такимъ образомъ получить въ свое распоряженіе все, что нужно для построенія круга по извѣстному способу.

Третій примѣръ. Найти точку, изъ которой данная прямая видна подъ даннымъ угломъ.

Положимъ, что данный уголъ содержитъ n° , при чемъ $n < 180$. Зная, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, мы можемъ заключить, что въ равнобедренномъ треугольникѣ, въ которомъ основаніе есть данная прямая, а каждый изъ угловъ, прилежащихъ основанію, равенъ $90 - \frac{n^{\circ}}{2}$, вершина третьяго угла представляетъ искомую точку. Такимъ образомъ предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Построить треугольникъ по сторонамъ и прилежащимъ къ ней двумъ равнымъ угламъ, изъ которыхъ каждый содержитъ $90 - \frac{n^{\circ}}{2}$.

Всѣ условія предложенной задачи, очевидно, вытекаютъ изъ условій замѣщающей, какъ необходимыя слѣдствія.

Построивъ требуемый треугольникъ по извѣстнымъ правиламъ, мы найдемъ искомую точку. Но не трудно видѣть, что кромѣ этой точки, будутъ еще и другія, удовлетворяющія условіямъ предложенной задачи. Въ самомъ дѣлѣ, всякій треугольникъ, въ которомъ одна изъ сторонъ есть данная прямая, а сумма прилежащихъ къ пей угловъ равна $180 - n^{\circ}$, дастъ точку, вполне удовлетворяющую условіямъ предложенной задачи. Отсюда слѣдуетъ, что предложенная и замѣщающая задачи необратимы и что ограничиться рѣшеніемъ, даваемымъ замѣщающею задачей, значитъ потерять безчисленное множество рѣшеній предложенной задачи.

Четвертый примѣръ. По данной гипотенузѣ и данной суммѣ высоты и обоихъ катетовъ опредѣлить эти катеты и высоту ¹⁾).

Положимъ, что число a выражаетъ длину данной гипотенузы, число s — данной суммы, числа x и y — искомыхъ катетовъ, и наконецъ, число z — искомой высоты. Условія задачи приводятъ насъ непосредственно къ уравненію

$$1) x + y + z = a,$$

а при посредствѣ извѣстныхъ свойствъ прямоугольнаго треугольника къ уравненіямъ:

$$2) xy = az$$

$$3) x^2 + y^2 = a^2$$

Такимъ образомъ предложенная задача можетъ быть замѣнена слѣдующею:

Опредѣлить величины x , y и z , удовлетворяющія уравненіямъ (1), (2) и (3).

Всѣ условія этой задачи вытекаютъ изъ условій предложенной какъ необходимыя слѣдствія.

Видъ уравненій (1), (2) и (3) позволяетъ ввести въ процессъ ихъ разрѣшенія весьма важныя упрощенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, въ квадратномъ уравненіи вида $x^2 + px + q = 0$ сумма обоихъ корней есть $-p$, ихъ произведеніе q и сумма ихъ квадратовъ $p^2 - 2q$. Поэтому, пользуясь получаемыми изъ уравненій (1) и (2) выраженіями суммы и произведенія x и y черезъ z , мы заключаемъ что искомыя величины x и y будутъ корнями уравненія.

$$4) u^2 - (s - z)u + az = 0$$

Сумма квадратовъ корней этого уравненія есть

$$(s - z)^2 - 2az$$

въ то же время, по уравненію (3) она есть a^2 . Такимъ образомъ получаемъ уравненіе

$$5) (s - z)^2 - 2az = a^2$$

или

$$z^2 - 2(s + a)z + s^2 - a^2 = 0$$

¹⁾ Duhamel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Troisième partie. P, 38.

опредѣляющее z . Разрѣшивъ его, получимъ

$$z_1 = s + a + \sqrt{2as + 2a^3}$$

$$z_2 = s + a - \sqrt{2as + 2a^3}$$

Первое изъ этихъ рѣшеній не удовлетворяетъ условіямъ предложенной задачи, такъ какъ оно даетъ для искомой высоты треугольника величину большую $s + a$, что, очевидно, не можетъ имѣть мѣста. Вслѣдствіе того первое рѣшеніе будетъ *постороннимъ* для предложенной задачи, а сама эта задача и замѣняющая ее будутъ необратимы. Что же касается до втораго рѣшенія, то оно исполнѣ удовлетворяетъ условіямъ предложенной задачи, и будучи введено въ уравненіе (4), приводитъ его къ такому виду:

$$u^2 + (a - \sqrt{2as + 2a^3})u + a^2 + as - a\sqrt{2as + 2a^3} = 0$$

Оба корня этого новаго уравненія представляютъ искомыя значенія x и y .

Рассмотрѣніе примѣровъ проблематическаго анализа даетъ намъ возможность включить, что необратимость условій задачъ имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ (Для сокращенія рѣчи въ послѣдующемъ изложеніи условіямъ называть *производною* ту задачу, всѣ условія которой вытекаютъ изъ условій другой задачи, которую мы назовемъ *производящею*, какъ необходимыя слѣдствія):

Первый случай—если какое-нибудь условіе производной задачи вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ различныхъ условій или комплексовъ условій. Примѣромъ этого случая можетъ служить третій примѣръ, гдѣ условіе, что уголъ между лучами зрѣнія содержитъ n° , можетъ выводиться какъ изъ условія замѣщающей задачи, такъ и изъ другихъ условій, выражающихъ вообще, что сумма угловъ, прилежащихъ данной прямой въ треугольникѣ, есть $180 - n^\circ$.

Второй случай—если два различные, иногда даже несовмѣстные, комплекса условій, изъ которыхъ одинъ входитъ въ производящую задачу, приводятъ къ одному и тому же слѣдствію. Примѣромъ этого случая можетъ служить четвертый примѣръ, гдѣ уравненіе (5) можетъ быть выведено, кромѣ паденныхъ условій, также и изъ условій: $x + y + s = z$, $xy = az$, $x^2 + y^2 = a^2$.

Если, взявъ за исходную точку какое-нибудь извѣстное предложеніе, мы послѣдовательно отыщемъ сперва—предложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе взятаго предложенія, потомъ—пред-

ложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе найденнаго, потомъ—предложеніе, составляющее необходимое слѣдствіе втораго найденнаго и т. д., то вообще говоря, между многими уже извѣстными предложеніями могутъ также оказаться и предложенія новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, истина которыхъ утверждается истинною перваго предложенія. Это наблюденіе обнаруживаетъ намъ существованіе другаго естественнаго метода открытія новыхъ истинъ—метода, названнаго древними *синтезомъ*. Всмотрѣваясь ближе въ сущность синтеза, мы замѣчаемъ, что онъ есть ничто иное какъ обращеніе анализа. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ цѣнь предложеній, составляющую аналитическое доказательство какого-нибудь новаго предложенія, и обратимъ ее такъ, чтобы послѣднее, извѣстное, предложеніе стало на первомъ мѣстѣ, предпослѣднее на второмъ и т. д., и наконецъ, первое, доказываемое предложеніе на послѣднемъ, то мы получимъ цѣнь, первое звено которой есть извѣстное предложеніе, каждое изъ остальныхъ звеньевъ—необходимое слѣдствіе предшествующаго звена, и наконецъ, послѣднее звено—доказываемое новое предложеніе: такая цѣнь есть, несомнѣнно, синтетическая.

Синтезъ, какъ это легко видѣть по самой его сущности, можетъ быть приложенъ къ отысканію только такихъ новыхъ истинъ, которыя заранѣе не обозначены. Что же касается до предложеній, обозначающихъ заранѣе, то первоначальное доказательство ихъ путемъ синтеза должно быть признано совершенно невозможнымъ. Синтетическое доказательство такихъ предложеній можетъ быть дано (если не обращать вниманія на слѣдующую случайность) не рапѣ какъ послѣ отысканія аналитическаго доказательства. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить анализъ съ синтезомъ. Доказывая данное предложеніе аналитическимъ путемъ, мы всегда имѣемъ въ самомъ этомъ предложеніи точку исхода для всѣхъ послѣдующихъ разсужденій. Не то при употребленіи синтеза: тамъ мы не имѣемъ опредѣленной точки исхода, такъ какъ совершенно не знаемъ, какое изъ извѣстныхъ предложеній можетъ привести къ предложенію доказываемому: только случай можетъ натолкнуть насъ послѣ большаго или меньшаго числа безплодныхъ попытокъ на нужное предложеніе. Это свойство синтеза должно быть признано весьма важнымъ его недостаткомъ. Что же касается до испытываемаго при анализѣ затрудненія, какому изъ многихъ предложеній, приводящихъ къ разсматриваемому предложенію, какъ къ своему необходимому слѣдствію, должно отдать предпочтеніе при выборѣ замышляющаго предложенія, то подоб-

ное ему имѣеть мѣсто также и при синтезѣ,—такъ какъ даже и послѣ открытія важнаго предложенія мы еще не будемъ знать, какое изъ множества вытекающихъ изъ него слѣдствій приводитъ къ доказанному предложенію. Такимъ образомъ, кромѣ своего собственнаго весьма важнаго недостатка, синтезъ имѣеть еще и недостатокъ, свойственный анализу. Существованіе обоихъ этихъ недостатковъ, и въ особенности перваго, очевидно, дѣлають безнадежными всякія попытки приложенія синтеза къ доказательству заранѣе обозначенныхъ предложеній. За то, зная аналитическое доказательство какого-нибудь предложенія, мы, на основаніи доказаннаго выше свойства синтеза, можемъ безъ труда получить синтетическое доказательство того же предложенія путемъ обращенія аналитическаго доказательства.

Доказанное сейчасъ замѣчаніе о необходимости аналитическаго доказательства даннаго предложенія для отысканія его синтетическаго доказательства относится рѣшительно ко всѣмъ случаямъ, не исключая даже и тѣхъ простѣйшихъ, для которыхъ синтетическое доказательство, по видимому, отыскивается безъ всякаго участія анализа. Кажущееся нарушеніе общаго правила въ этихъ случаяхъ происходитъ единственно отъ того, что при нахожденіи синтетическаго доказательства, въ умѣ незамѣтнымъ вслѣдствіе простоты вопроса образомъ слагается, можетъ быть, даже неполное, аналитическое доказательство, указывающее—какое изъ извѣстныхъ предложеній нужно взять за исходную точку и какими слѣдствіями воспользоваться далѣе.

Неприложимость синтеза къ доказательству заранѣе обозначенныхъ предложеній даетъ намъ право заключить а priori, что употребленію синтеза вообще и сознательное его употребленію въ особенности должно было въ исторіи науки значительно предшествовать употребленію анализа,—такъ какъ первое время своего развитія при скудости научныхъ знаній и собственной неразвитости умъ человѣческій не былъ въ состояніи ставить себѣ вопросы; онъ бралъ только то и работалъ только надъ тѣмъ, что ему представлялось само собою.

При передачѣ другимъ доказательства какого-нибудь предложенія, часто замѣняютъ аналитическое доказательство его обращеніемъ—синтетическимъ доказательствомъ. Польза сказать, чтобы этотъ пріемъ, хотя онъ и весьма употребителенъ, давалъ какія-нибудь особенныя выгоды. Дѣйствительно, при его употребленіи слушающій всегда остается въ певѣдѣніи, какія причины заставили выбрать то, а не

другое изъ извѣстныхъ предложеній, то, а не другое изъ возможныхъ слѣдствій. Незнаніе этихъ причинъ, конечно, должно ложиться тяжелымъ бременемъ на память, заставляя ее дѣлать усилія тамъ, гдѣ вполне можно было бы обойтись безъ нихъ. Единственная выгода, достигаемая посредствомъ указаннаго приема, состоитъ въ томъ, что выводить слѣдствія вообще легче, чѣмъ находить предложеніе, изъ котораго рассматриваемое вытекаетъ какъ необходимое слѣдствіе. Но эта выгода, незначительная сама по себѣ, становится совершенно недействительною, когда имѣютъ дѣло съ аналитическимъ доказательствомъ, выражаемымъ цѣпью предложеній обращенной зависимости.

Рѣшеніе задачъ посредствомъ синтеза производится совершенно такимъ же образомъ, какъ и доказательство предложеній; сперва берется задача, которую умѣютъ рѣшить, потомъ изъ ея рѣшенія выводятъ рѣшеніе замѣняющей задачи, изъ этого рѣшенія — рѣшеніе слѣдующей замѣняющей задачи и т. д., пока не получаютъ рѣшенія новой задачи. Отсюда не трудно заключить, что проблематическій синтезъ, также какъ и теоретическій, во первыхъ, есть обращеніе анализа, и вторыхъ, можетъ быть приложенъ только къ рѣшенію задачъ, заранѣе не обозначенныхъ. Затѣмъ, всѣ прочія замѣчанія и заключенія, сдѣланныя при разсмотрѣніи теоретическаго синтеза, вполне могутъ быть приложены также и къ проблематическому. Что же касается до примѣровъ синтеза, то ими могутъ служить разсмотрѣнные выше примѣры анализа въ обращенномъ видѣ.

При рѣшеніи предложенныхъ задачъ аналитическимъ путемъ можетъ быть иногда съ большою пользою употребленъ синтезъ, какъ вспомогательное средство. Именно — можно заранѣе вывести изъ извѣстныхъ предложеній рѣшеніе одного или нѣсколькихъ вопросовъ, представляющихъ какую-нибудь аналогію съ предложеннымъ или подающимъ надежду быть встрѣченными при составленіи аналитической цѣпи вопросовъ. Въ первомъ случаѣ могутъ быть получены важныя указанія, во второмъ — полное рѣшеніе предложеннаго вопроса. Изложенное примѣненіе синтеза имѣло весьма большое распространеніе въ древности и подъ именемъ „Данныхъ“ (Data) составляло предметъ отдѣльныхъ сочиненій.

Доказательство предложенныхъ теоремъ, очевидно, также допускаетъ указанное сейчасъ примѣненіе синтеза.

Разсмотрѣнная теорія анализа и синтеза, по своей общности, строгости и опредѣленности рѣзко отличающаяся отъ предшество-

вавшихъ ей теорій тѣхъ же двухъ методовъ, впервые была представлена Дюгамелемъ въ его превосходномъ сочиненіи: „Des méthodes dans les sciences de raisonnement“. И до него нѣкоторые изъ писавшихъ о томъ же предметѣ (Папъ Александрійскій, Арно, авторъ „Logique de Port-Royal“ ¹⁾) близко подходили къ истинѣ, но по непонятной причинѣ, не останавливались на ней и уходили прочь, какъ бы не желая разстаться съ привычными заблужденіями. Все, что они приобрьтали въ этомъ случаѣ отъ встрѣчи съ истиной, высказывалось ими въ формѣ случайныхъ мыслей, брошенныхъ мимоходомъ и притомъ безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Этимъ, попятно, еще болѣе усиливались свойственныя имъ неточность и туманность изложенія. Указывая на этотъ фактъ, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на немъ, такъ какъ онъ весьма подробно рассмотрѣнъ въ первой части названнаго выше сочиненія Дюгамеля. Гораздо лучше будетъ перейти къ рассмотрѣнію современныхъ взглядовъ на анализъ и синтезъ, частью распространенныхъ въ образованіи обществъ, частью перешедшихъ или грозящихъ перейти даже въ учебники. Эти взгляды, за исключеніемъ одного, совсѣмъ не рассмотрѣны въ сочиненіи Дюгамеля, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ они слишкомъ сильны, чтобы ихъ игнорировать и считать безвредными для распространенія истинныхъ понятій о предметѣ.

Взглядъ Кондильяка на анализъ если не породилъ, то во всякомъ случаѣ весьма много содѣйствовалъ распространенію и укрѣпленію въ обществѣ и литературѣ того повѣрнаго понятія объ анализѣ, какъ о „разложеніи“, „разборѣ“ ²⁾, на которое мы уже указывали выше. По мнѣнію Кондильяка, анализъ состоитъ въ разложеніи цѣлаго на его простѣйшія части. Если дѣло идетъ о познаніи предмета, то по Кондильяку, цѣль достигнется, когда будутъ знать составныя части этого предмета, и когда, кромѣ того, пользуясь приобрьтеннымъ знаніемъ составныхъ частей, будутъ въ состояніи сформировать изъ нихъ въ умѣ изучаемый предметъ. „Анализировать значитъ наблюдать въ послѣдовательномъ порядкѣ качества предмета съ цѣлью дать имъ въ умѣ тотъ самый порядокъ, въ ко-

¹⁾ *Dugamel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Première partie, p. 75—78.*

²⁾ Это повѣрное понятіе встрѣчается даже и въ учебникахъ, напримѣръ, въ „Начальной алгебрѣ“ *А. Лёве* (см. изданіе второе, часть первая, стр. 60).

торомъ они существуютъ въ дѣйствительности. Это есть именно то, что природа насъ всѣхъ заставляетъ дѣлать. Анализъ, который считаютъ извѣстнымъ только философамъ, такимъ образомъ извѣстенъ всѣмъ. Нѣтъ никого даже и изъ самыхъ незначительныхъ портнихъ, кто не убѣждалъ бы въ этомъ; потому что, если вы, данъ для образца платье особенной формы, закажете портникамъ сдѣлать такое же, то онѣ естественнымъ образомъ прійдутъ къ мысли распоротъ и снова сшить этотъ образецъ, чтобы научиться шить заказанное вами платье. И такъ, онѣ знаютъ анализъ также хорошо, какъ и философы; но онѣ понимаютъ его пользу гораздо лучше тѣхъ, которые уиорствуютъ въ увѣренности, что есть другой методъ для того, чтобы научиться" ¹⁾. Эти слова Кондильяка съ полною ясностью показываютъ, что анализъ его есть ничто иное, какъ грубо-эмпирическій, почти механическій методъ изученія готоваго, находящагося въ рукахъ или передъ глазами предмета. Этотъ методъ, очевидно, никогда не приведетъ къ открытію умозрительной истины; самое большее—если онъ наведетъ на ея слѣдъ; точно также онъ совершенно лишенъ способности дать рѣшеніе умозрительной задачи, такъ какъ послѣдняя имѣетъ дѣло съ предметомъ еще неизвѣстнымъ и потому неспособнымъ къ непосредственному разсматриванію. Единственная роль, которая можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпасть на долю анализа Кондильяка при рѣшеніи умозрительныхъ вопросовъ, ограничивается приготовленіемъ къ этому рѣшенію, состоявшимъ, какъ было показано выше, въ разложеніи (если оно возможно) вопроса на простѣйшіе вопросы.

Не считая нужнымъ долѣе останавливаться на взглядахъ Кондильяка, имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ предмету, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними подробнѣе къ первой части „Des méthodes dans les sciences de raisonnement" Дюгамеля.

Весьма распространеннымъ можетъ считаться также мнѣніе, подразумѣвающее подъ анализомъ способъ рѣшать математическія задачи или доказывать предложенія посредствомъ вычисленій (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ посредствомъ уравненій), а подъ синтезомъ — употребленію съ тою же цѣлью построеній и вообще геометрическихъ приѣмовъ ²⁾. Все изложенное до сихъ поръ служить такимъ полнымъ,

¹⁾ *Duhamel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Première partie, p. 80.*

²⁾ *Буниковскій. Программа и конспектъ начальной геометріи для руководства*

и главное, такимъ очевиднымъ опроверженіемъ приведеннаго мнѣнія, что останавливаться на подробномъ разборѣ послѣдняго не представляется никакой надобности: достаточно сдѣлать только нѣкоторые историко-библіографическія замѣчанія. Разсматриваемое мнѣніе, рѣдко высказываемое открыто и очень часто подразумеваемое, появилось въ наукѣ, по словамъ Кондорсе ¹⁾, со времени переворота, совершеннаго въ наукѣ Декартомъ. Упроченное традиціей и слабымъ распространеніемъ знаній по философіи и исторіи математики, оно и въ настоящее время встрѣчается иногда въ учебникахъ и справочныхъ книгахъ ²⁾, и вслѣдствіе того, еще долгое время общается быть препятствіемъ для распространенія истинныхъ понятій о предметѣ.

Выше мы уже имѣли случай упомянуть, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, „аналитическій способъ есть такой видъ умствопіи, въ которомъ предполагаютъ найденнымъ то, что надобно доказать, и на этомъ уже основаніи выводятъ различные слѣдствія, пока не дойдутъ до истины, очевидной самой по себѣ или доказанной прежде“ ³⁾. Это опредѣленіе приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Вопервыхъ, если имѣютъ дѣло съ обратимыми предложеніями, то разсматриваемый способъ есть ничто иное, какъ подробно изложенный выше частный случай анализа. Свойства этого послѣдняго вполне подтверждаютъ справедливость сдѣланнаго заключенія.

Вовторыхъ, если имѣютъ дѣло съ предложеніями необратимыми, то разсматриваемый способъ теряетъ всякое положительное значеніе. Дѣйствительно, выше было нами показано, что при необратимости предложеній разсматриваемый способъ можетъ имѣть только отрицательное значеніе, такъ какъ, убѣждая въ ложности разсматриваемаго предложенія въ случаѣ появленія ложнаго слѣдствія, онъ не можетъ

въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, стр. 38. Того же автора Лексиконъ чистой и прикладной математики, стр. 28.

¹⁾ Dictionnaire encyclopédique des mathématiques par M. M. d'Alembert etc. Tome second, p. 389—390.

²⁾ Для примѣра можно указать на Hoffmann's Mathematisches Wörterbuch. 1-е Band, S 71.

³⁾ Булковский. Программа и конспектъ начальной геометріи для руководствъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, стр. 36. То же самое, выраженное въ менѣе ясной и менѣе точной формѣ, см. въ другомъ сочиненіи того же автора: «Лексиконъ чистой и прикладной математики», стр. 25.

убѣдить въ истинности предложенія при появленіи въ качествѣ слѣдствія истины, уже доказанной.

Довольно обширное распространеніе разсмотрѣннаго сейчасъ мнѣнія легко объясняется частымъ употребленіемъ соотвѣтствующаго частнаго случая анализа, какъ это уже было своевременно замѣчено.

Въ заключеніе мы считаемъ полезнымъ привести разборъ взглядовъ недавно умершаго тюбингенскаго профессора Германа Ганкеля на синтезъ и теоретическій анализъ. Хотя эти взгляды, по всей вѣроятности, и не успѣли еще распространиться, но извѣстность автора въ наукѣ и особенно въ исторіи математики дѣластъ вполне возможнымъ ихъ распространеніе. Къ тому же и уваженіе къ научнымъ заслугамъ автора не должно позволять партизанамъ мнѣній, несогласныхъ съ мнѣніями автора, проходить мимо этихъ послѣднихъ, какъ бы не удостоивая ихъ своего вниманія.

Приступая къ разсмотрѣнію аналитическаго метода ¹⁾, Ганкель говоритъ: „Это неопредѣленное объясненіе (сущности аналитическаго метода, данное Евклидомъ), оставалось потомъ неизмѣннымъ въ школьныхъ традиціяхъ, и подробныя объясненія позднѣйшихъ писателей едва ли сдѣлали его болѣе понятнымъ. Въ послѣдующемъ я попытался охарактеризовать болѣе точнымъ образомъ сущность аналитическаго метода въ смыслѣ древнихъ и установить притомъ условія, при которыхъ онъ можетъ имѣть мѣсто“ ²⁾. Изъ этихъ словъ нельзя заключить, считаетъ ли авторъ свое послѣдующее изложеніе выясненіемъ сущности аналитическаго метода, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, или же только выраженіемъ того представленія этой сущности, которое имѣли древніе; другими словами: думаетъ ли авторъ, что древніе владѣли совершеннымъ вполне исчерпывающимъ предметъ-знаніемъ этой сущности, къ которому позднѣйшіе писатели ничего не прибавили или даже и не могли прибавить, или нѣтъ? Общій характеръ всей статьи и полное отсутствіе мѣстъ, которыя прямо указывали бы на отрицательное рѣшеніе поставленнаго вопроса, заставляютъ болѣе склоняться на сторону положительнаго рѣшенія. Но независимо отъ этого замѣчаша, вполне достаточно и указанной сейчасъ неопредѣленности, чтобы наложить на критику обязанность разсмотрѣть взгляды автора съ точки зрѣнія каждаго изъ жив-

¹⁾ Hermann Hankel. Zur Geschichte der Mathematik in Alterthum und Mittelalter, S. 137.

²⁾ Ibidem, SS. 137—138.

шихся предположений, то-есть, принимая его изложеніе или выраженіемъ сущности анализа, или выраженіемъ представленія этой сущности, какъ его имѣли древніе.

„Чтобы доказать теорему „А есть В“ обыкновенно примѣняютъ синтезъ, который состоитъ въ томъ, что прежде всего, посредствомъ уже доказанныхъ предложеній и признанныхъ аксіомъ, сплочиваютъ рядъ предложеній: А есть D, D есть E..., пока не дойдутъ до предиката F, о которомъ извѣстно, что F есть В. Тогда этотъ рядъ тотчасъ же даетъ заключеніе А есть В, что и требовалось доказать“.

„Древніе для своихъ предложеній или для доказательства правильности построеній постоянно давали такіа синтетическіа доказательства, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ они употребляли анагогическую форму доказательства (*reductio ad absurdum*). Чтобы доказать по этому послѣднему способу, что „А есть В“, поступаютъ такимъ образомъ: принимаютъ, что „А есть не В“, потомъ составляютъ синтетическій рядъ заключеній: не В есть С, С есть D и т. д., пока не дойдутъ до предложенія съ предикатомъ E, которое, будучи соединено съ А въ предложеніе „А есть E“, противорѣчитъ несомнѣнной истинѣ. Поэтому, предложеніе „А есть не В“ не возможно, слѣдовательно, „А есть В“, что и требовалось доказать“.....

„Чтобы добраться до доказательства какъ-нибудь найденнаго или произвести испытаніе представленнаго предложенія, древніе пользовались методомъ, который былъ названъ ими теоретическимъ анализомъ и который состоитъ въ слѣдующемъ:

„Чтобы доказать, что „А есть В“, они прежде всего принимаютъ это предложеніе за признанное, потомъ вводятъ его въ сочетаніе съ другими несомнѣнными предложеніями: „В есть С“, „С есть D“, „D есть E“... и т. д., соединяютъ ихъ въ „А есть С“, „А есть D“..., пока не придутъ къ предложенію „А есть E“, которое или ложно, или несомнѣннымъ образомъ относительно соответствующей фигуры А справедливо. Въ первомъ случаѣ представленное предложеніе ложно, а предложеніе „А есть не В“ справедливо; такимъ образомъ мы узнаемъ въ *reductio ad absurdum* случай теоретическаго анализа. Но если предложеніе „А есть E“—справедливо, то оно приведетъ къ синтетическому доказательству разсматриваемаго предложенія, если только будетъ возможно выйти отъ „А есть E“ и затѣмъ соединить въ рядъ заключеній: „Е есть D“, „D есть С“, „С есть В“, изъ чего тогда и вытечетъ: „А есть В“. Для этого, какъ не трудно видѣть, однако же не-

обходимо, чтобы всѣ употребленія въ анализѣ геометрическихъ предположеній были безусловно обратимы" ¹⁾).

Прежде всего нужно замѣтить, что теорія синтеза, данная авторомъ, не достаточно обща. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть синтезъ съ общей точки зрѣнія, эта теорія рассматриваетъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ такой простой формы дедукціи, которая основанная на замѣнѣ одного предмета другимъ ему тождественнымъ. Хотя эта форма и есть одна изъ самыхъ полезныхъ и наиболѣе употребительныхъ въ наукахъ математическихъ, но ограничиться одною ею по меньшей мѣрѣ непрактично, чтобы не сказать ненаучно. Дѣло представится еще въ худшемъ видѣ, если обратить вниманіе на характеръ изложенія, который не только не позволяетъ появиться мысли о существованіи какой-нибудь другой формы дедукціи, кромѣ изложенной, но даже приводитъ мало свѣдущаго читателя къ убѣжденію въ несуществованіи такой формы.

Теоретическій анализъ, по взглядамъ Ганкеля, отличается отъ синтеза только первымъ предложеніемъ, которое для перваго есть предположеніе, а для втораго ужъ извѣстная истина. Всѣ остальные предложенія составляютъ совершенно такой же (синтетическій, по словамъ самого автора; см. вышеприведенный параграфъ объ аналогической формѣ доказательства) рядъ умозаключеній, какъ и при синтезѣ; такъ что можетъ явиться сомнѣніе—стоитъ ли изъ-за одной такой разницы отдѣлять этотъ случай отъ синтеза и принимать его за особый методъ. Также кажется нѣсколько страннымъ, что при своемъ взглядѣ на теоретическій анализъ, авторъ не только излагаетъ теорію аналогическаго способа доказательства отдѣльно отъ анализа, но и дѣлаетъ изъ нея какъ бы переходное звено между синтезомъ и анализомъ.

Достаточно привести себя на память нѣсколько аналитическихъ доказательствъ какихъ-нибудь теоремъ, чтобы съ полною очевидностью убѣдиться въ недостаточности, неполнотѣ, и слѣдовательно, въ отсутствіи общности по взглядахъ Ганкеля на анализъ. Изложенная выше общія теорія анализа позволяетъ намъ, не вдаваясь въ подробныя объясненія, прямо заключить, что анализъ Ганкеля есть только одинъ изъ частныхъ случаевъ настоящаго анализа, и именно тотъ, въ которомъ зависимость послѣдовательныхъ предложеній спо-

¹⁾ *Hankel. Zur Geschichte der Mathematik in Alterthum und Mittelalter, SS. 139—141.*

собна къ обращенію. Но при этомъ необходимо замѣтить, что даже и этотъ частный случай представленъ далеко не съ тою общностью, въ которой онъ способенъ, такъ какъ все сказанное выше о синтезѣ Ганкеля можетъ быть вполне примѣнено и къ его анализу. Такимъ образомъ методъ, изложенный Ганкелемъ подъ именемъ теоретическаго анализа, есть не болѣе какъ частный случай частнаго случая настоящаго анализа. Такъ какъ существенное и основное свойство этого частнаго случая состоитъ въ способности послѣдовательныхъ предложеній къ превращенію зависимости, то проглядывающая въ послѣдней изъ выписанныхъ нами фразъ Ганкеля, хотя и не выраженная ясно, мысль, что употребляемыя при его анализѣ геометрическія предложенія могутъ и не быть обратимыми, должна быть признана совершенно ошибочною.

Мысль, что теорія автора есть только выраженіе представленія древнихъ о сущности анализа, также не можетъ долго держаться, такъ какъ, не имѣя за себя прямыхъ свидѣтельствъ, она не избавлена отъ противорѣчающихъ. Дѣйствительно, если и есть возможность согласиться съ авторомъ на устраненіе свидѣтельства Евклида по причинѣ его неопредѣленности и неполноты, то этого никакъ нельзя сдѣлать по отношенію къ столь же неопредѣленному, но болѣе полному свидѣтельству Паппа Александрійскаго, тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ въ себѣ слѣдующее, прямо въ разрѣзъ идущее съ разсматриваемою теоріей мѣсто: „In resolutione enim, quod quaeritur ut jam factum supponentes, ex quo antecedente hoc consequatur expendimus: iterumque quoddam fuerit ejus antecedens; atque ita deinceps, usque dum in hunc modum regredientes, in aliquid jam cognitum, locoque principii habitum, incidamus. Atque hic processus Analysis vocatur, quasi dicas, inversa solutio“ ¹⁾. Эти слова не оставляютъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что древніе, хотя и не имѣли вполне яснаго понятія о сущности анализа, но тѣмъ не менѣе представляли его себѣ совершенно иначе, чѣмъ какъ это слѣдуетъ изъ теоріи Ганкеля.

На основаніи всего сказаннаго, мы получаемъ право заключить, что теорія анализа и синтеза, данная Ганкелемъ, какъ по существу дѣла, такъ и съ исторической точки зрѣнія, должна быть признана недостаточною.

¹⁾ См. седьмую книгу *Collectiones mathematicae* въ латинскомъ переводѣ Галлея. *Duhamel. Des méthodes dans les sciences de raisonnement. Première partie*, p. 68.

ИЗЪ ПОЪЗДНИ ВЪ ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ ЛѢТОМЪ 1877 ГОДА.

Цѣлью моея поѣздки было — собрать на мѣстѣ матеріалы для изученія и изслѣдованія *мингрельскаго языка*.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ, благодаря трудамъ двухъ ученыхъ — академика А. А. Шифнера и покойнаго барона П. К. Услара, изслѣдованіе горскихъ языковъ Кавказа сдѣлало громадныя успѣхи; можно сказать, что упомянутые изслѣдователи впервые открыли совершенно новый, невѣдомый міръ языковъ лингвистической наукѣ. Это открытіе пролило совершенно новый свѣтъ на этнографію, географію и исторію кавказско-горскихъ народовъ.

Въ настоящее время главные языки Кавказа, за исключеніемъ черкесскаго, изслѣдованы и сдѣлались уже достояніемъ науки. Нельзя того же сказать о языкахъ Закавказья, населеннаго *Грузинскими* или *Картвельскими* племенами. Въ послѣдніе тридцать лѣтъ, напротивъ того, весьма мало было сдѣлано для изслѣдованія языковъ грузинскаго, мингрельскаго, лазскаго и сванетскаго, составляющихъ картвельскую или иверійскую семью языковъ. Между тѣмъ, полное понятіе о характерѣ этихъ родственныхъ языковъ, равно и о характерѣ языка, лежащаго въ основаніи ихъ, можно составить только тогда, когда составятся общій сравнительный словарь и сравнительная грамматика этихъ языковъ, чему, естественно, должно предшествовать изслѣдованіе каждаго изъ нихъ порознь.

Я уже не разъ имѣлъ случай указывать ¹⁾ на грамматическую ли-

¹⁾ См. Сравнительный обзоръ морфологій иберійской группы кавказскихъ языковъ. С.-Пб. 1872 г., стр. 49—50.—О предполагаемомъ родствѣ грузинскаго языка съ индо-европейскими и туранскими языками. *Журн. Мин. Нар. Просв.* сентябрь, 1872 г.—Обзоръ грамматической литературы грузинскаго языка. С.-Пб. 1873 г., стр. 77.

тературу этихъ языковъ, на различныя мнѣнія ученыхъ о ихъ характерѣ и сродствѣ, равно и на то, что теперь предстоитъ сдѣлать въ этой области изслѣдованія; поэтому перехожу прямо къ предмету, насъ занимающему.

Я предположилъ себѣ начать изслѣдованіе съ мингрельскаго языка и для этой цѣли сталъ собирать матеріалы: 1) мнѣ прислали нѣсколько пѣсень изъ Мингреліи, впрочемъ не пародныхъ; 2) получилъ я положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Мингреліи, напечатанное (грузинскими буквами) на мингрельскомъ и русскомъ языкахъ; 3) самъ составилъ краткій мингрельско-грузинскій словарь. Весь этотъ матеріалъ я взялъ съ собою лѣтомъ прошлаго 1876 года и во время своего кратковременнаго пребыванія въ Мингреліи успѣлъ поправить и пополнить. Въ продолженіе лѣта текущаго 1877 года я пробылъ въ Мингреліи дольше и проникъ въ глубь страны, пересѣкъ ее въ двухъ направленіяхъ съ юга на сѣверо-западъ и сѣверо-запада на востокъ, по верхне-мингрельской дорогѣ, черезъ мѣстность, называемую „Салипартіано“¹⁾, и такимъ образомъ значительно увеличилъ число текстовъ на мингрельскомъ языкѣ.

Первое, что необходимо опредѣлить при изслѣдованіи языка, не имѣющаго письменности, — это границы его распространенія въ данное время; затѣмъ же должно указать мѣстности, говоръ которыхъ считается у туземцевъ лучшимъ по общедоступности, полнотѣ формъ и благозвучію выговора. Обыкновенно, одинъ изъ такихъ говоровъ полагается въ основаніе изслѣдуемаго языка, всѣ же другіе отступленія и отѣненія, неизбежныя въ каждомъ языкѣ, указываются особо. Такъ было поступлено и мною въ настоящемъ случаѣ. Но опредѣлить въ точности границы языка — задача не легкая, такъ какъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ говорятъ обыкновенно на двухъ языкахъ, на *родномъ* и на *пограничномъ*, и есть мѣстности, въ которыхъ нѣрѣдко затрудняешь отличить родное отъ неродного, напримѣръ, въ Самурзакіи, мѣстности, лежащей между рѣками Ингуромъ и Галидга, гдѣ одинаково господствуютъ языки мингрельскій и абхазскій. Но въ этихъ затруднительныхъ случаяхъ рѣшающимъ вопросомъ является

¹⁾ Замѣтну, географическаго содержанія, о своемъ путешествіи по Мингреліи я передалъ правительству дѣлъ Кавказскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества Л. П. Загурскому, который изъявилъ желаніе напечатать ее въ одномъ изъ изданій Общества.

языкъ женщинъ и дѣтей. Языкъ семейства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и родной языкъ даннаго народа. Границы района, занимаемаго мингрельскимъ языкомъ, не вполне совпадаютъ съ географическими и историческими границами бывшаго Мингрельскаго владѣнія. Судя по многимъ даннымъ, область распространенія мингрельскаго языка, должна была быть, въ прежнія времена, гораздо обширнѣе настоящей. На это указываетъ, между прочимъ, множество географическихъ названій чисто мингрельскаго происхожденія, которыя нинѣ остаются за предѣлами мингрельскаго языка. Въ настоящее время происходитъ борьба между имеретинскимъ говоромъ грузинскаго языка и мингрельскимъ языкомъ на юго-восточной сторонѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Цхепиш-цхали, и на сѣверо-востокѣ, хотя слабѣе, съ сванетскимъ языкомъ, въ мѣстностяхъ, смежныхъ съ Сванетіей: это замѣтно особенно въ окрестностяхъ *Джаври* на р. Ингурѣ, жители котораго говорятъ грубымъ и своеобразнымъ говоромъ, не легкопонятнымъ для прочихъ Мингрельцевъ. На сѣверо-западѣ имѣетъ мѣсто столкновение между мингрельскимъ и абхазскимъ языками въ Самурзаканѣ, гдѣ у жителей мингрельскій языкъ хоть и считается роднымъ, — жепишны и дѣти говорятъ на немъ, — но мужчины говорятъ и по абхазски. Въ настоящее время мингрельскій языкъ господствуетъ приблизительно въ слѣдующихъ предѣлахъ: юго-восточною границей можетъ считаться р. Цхепиш-цхали, западною — Черное море, сѣверо-западною — рѣка Гландзга (значить „берегъ рѣки“), а сѣверною — границы Сланетіи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что духовенство, князья, дворяне и ихъ прислуга съ давнихъ поръ говорятъ и по грузински, даже въ самомъ центрѣ Мингреліи. Лучшимъ говоромъ мингрельскаго языка по общедоступности, полнотѣ и разнообразію звуковъ и грамматическихъ формъ считается тотъ говоръ, которымъ говорятъ въ *Салипартіано* или *Салипартіо*. Мѣстность эта, находящаяся на 500—2.000 фут. надъ уровнемъ моря, лежитъ по обѣимъ сторонамъ р. Техура и заключаетъ въ себѣ около 16 деревень, частью нанесенныхъ на пятиверстную карту Кавказа, частью вѣтъ, или не вѣрно; таковы на лѣвомъ берегу р. Техура: Набуліи (= Нобулеви), Тчацхури, Ваха, Леце (= Лецеви), Сархино (= Салхино) — такъ называется собственно домъ вн. Дадіани, сама же деревня называется Катцари, — Оқ'ури (= Урія, на 5-ти верстной картѣ?), Тамоко, Мацацixe, Таргамуули, Пахурццелуу (= Пахорцоу). На правомъ берегу р. Техура: Гурдзеси, Китцце (= Китцля), Дошақ'ы (= Доша?), Талсері (= Таламри), Дгвана (= Тгвана), Жинота — такъ называются

поселенія по обомъ берегамъ Техура, близъ дома кн. Дадіани; эти мѣста часто воспѣваются въ мингрельскихъ историческихъ пѣсняхъ. Послѣ Салипартіано мѣстность, которая славится чистотою своего говора, это *Сачичуо*. Она лежитъ нѣсколько сѣвернѣе уѣзднаго города Ново-Сенаки, главнымъ образомъ, между рѣками Очхомури и Циви и состоитъ изъ слѣдующихъ деревень: Саджиджаа, Ахалидохоре, Хорши, Сагвасалио, Сааданаіо, Квалони, Зеи, Зуби, Сагугуна, Сачичуо. Произведенія же народной поэзіи, особенно въ стихотворной формѣ, сохранились болѣе и цѣльнѣе всего въ окрестностяхъ г. Зугдиди.

Здѣсь кстати замѣтимъ относительно грамматической формы названій упомянутыхъ мѣстностей: Са-липартіан-о, Са-чичу-о, Са-джиджа-о и т. п., что она—грузинскаго происхожденія, какъ напримѣръ, Са-циціан-о, Са-баратіан-о, Са-чила о, Са-хейндз-о, Са-церетл-о, то есть, владѣнія Циціановыхъ, Баратовыхъ, Чилаевыхъ, Чхейдзевыхъ, Церетели и т. п. *Nomina possessionis* въ мингрельскомъ языкѣ образуются иначе, такъ напримѣръ: Ле-бачил-е, названіе деревни близъ селенія Мартвили: въ ней живутъ крестьяне, до 20 семействъ по фамиліи Бачилава или Бачилаа; Ле-хандр-е, деревня между рѣками Абаши и Цхейнишъ-цахали: въ ней живутъ дворяне Хандрова; Ле-дгеб-е, деревня близъ гор. Зугдиди, жители которой кшзья, дворяне и крестьяне, по фамиліи Дгебуадзе; Ле-шамуг-е, близъ сел. Джвари на р. Ингурѣ, жители по фамиліи Шамуга; Ле-сичин-е, группа деревень близъ слияніи рр. Хопи и Очхомури, съ 200—300 семействъ жителей, по фамиліи Сичинава. Можетъ быть, и Ле-чхом-и такого же происхожденія.

Матеріалы, собранные мною въ продолженіе послѣдней поѣздки въ Мингрелію, состоятъ: изъ сказокъ, пѣсень, пословицъ и изреченій, перевода евангельскихъ притчъ и Молитвы Господней. Произведенія народной мингрельской поэзіи записаны мною частью съ устъ Зугдидцевъ, гдѣ особенно много всякаго рода разказчиковъ, импровизаторовъ, частью со словъ жителей Салипартіано и Сачичуо, въ произношеніи которыхъ нѣтъ большой разницы. Мингрельцы вообще одарены отъ природы превосходною памятью и тѣмъ подвижнымъ, скоро обнимающимъ и соображающимъ умомъ, что у Французовъ называется *esprit*; въ противоположность этому они не отличаются, на сколько я могъ замѣтить, избыткомъ фантазій и воображенія; этимъ можно объяснить сравнительную бѣдность и блѣдность ихъ народно-устной поэзіи, въ которой принимаетъ непосредственное участіе творческая

сила фантазіи и воображенія, а именно, сказки, легенды и т. п. съ сверхъестественными, чудовищными представленіями; этого рода произведенія Мингрельцевъ, кромѣ незначительности въ количественномъ отношеніи, отличаются еще и какою-то безцвѣтностью поэтического колорита, пѣкоторою прозаичностью и трезвостью. Напротивъ того, роды поэтическихъ произведеній, въ которыхъ ближайшее участіе принимаетъ живой умъ Мингрельцевъ, у нихъ въ большемъ изобиліи и пользуются особеннымъ почетомъ въ народѣ; таковы разныя остроумныя изреченія, поговорки, пословицы, загадки, эпизоды и анекдоты по части житейской мудрости, историческія, юмористическія и пасквильныя пѣсни на счетъ бѣлаго и чернаго духовенства обонихъ половъ, равню и на счетъ сосѣдей—Абхазцевъ и Имеретинъ (я ихъ записалъ), а вѣроятно, и на счетъ Свановъ. Производствъ въполнѣ эпическаго содержанія мнѣ не попадалось. Вообще же цѣльныхъ и законченныхъ произведеній я нашелъ мало; всѣ они испещрены позднѣйшими вставками, побочнаго характера, прерывающими лишь разказа и затрудняющими пониманіе его смысла. Впрочемъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось слышать двухъ братьевъ-раисововъ, извѣстныхъ во всей странѣ; они были на театрѣ военныхъ дѣйствій. По пѣсень эротическаго содержанія не мало, онѣ полны задушевности и простоты. Я привожу здѣсь въ переводѣ нѣсколько образчиковъ мингрельской народнй поэзіи.

Первая пѣсня: „Думы утопающаго“, рифмованная, 7-ми и 8-ми стопная; она слѣдующаго содержанія: молодецъ, можетъ быть, переправляясь черезъ плетевой мостъ или въ бродѣ, упалъ въ воду, и нощь, утопая предается думамъ, вспоминаетъ въ эту критическую минуту близкихъ сердцу.

1. Думы утопающаго *).

Горе мнѣ! Вѣдь, въ злосчастную пятницу
Я утонулъ въ рѣкѣ...
Утопали и другіе,
Но то, что случилось со мною, ничего такого не
случалось съ другими:

Лапти мнѣ измѣнили,
А то приплылъ бы, къ берегу...
„У невя есть жена,
Если бы послали къ ней человѣка,
Опа, думаю, стала бы оплакивать меня..“

Вотъ, ови — мой соколъ и ястребъ,
 Сидятъ (на рукѣ) у другаго!
 Вотъ, онѣ — мои гончіи и лагавыя (собаки),
 Онѣ идутъ за другимъ!
 Вотъ, ворона сдѣлала каплуномъ ^{а)}
 И зовутъ его (поѣсть мое мясо)!
 Вотъ, уже дни мои кончились,
 Лежу я (въ водѣ) у плетневаго (моста) ^{в).}

а) Это заглавіе дано пѣснѣ мною, какъ и двумъ нижеслѣдующимъ.

б) Каплуны въ большомъ употребленіи въ Мингреліи, какъ и Имеретіи; ихъ, обыкновенно, содержатъ особо и откармливаютъ черезъ-чуръ, давая имъ глотать нѣсколько разъ въ день кукурузное тѣсто. Утопающій предвидитъ тотъ моментъ, когда воронъ будетъ пожирать его трупъ и представляетъ его себѣ въ видѣ откармливаемого каплуна.

в) „Плетневые мосты“, какъ ихъ называютъ туземцы, въ большомъ употребленіи въ Мингреліи; они — самой простой, первобытной конструкции; ихъ устройство обыкновенно обходится весьма дешево. Они перекинуты черезъ рѣки на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга; множество деревень, лежащихъ на противоположныхъ берегахъ, соединены такими мостами. Существованіе ихъ вполне понятно, и никакіе американскіе мосты не въ состояніи ихъ вытѣснить: рѣки и рѣчки въ гористыхъ странахъ во всякое время года могутъ превращаться отъ дождей въ непроходимые потоки, по ширинѣ, силѣ и быстротѣ теченія весьма мало напоминающіе обыкновенный объемъ рѣки; слѣдовательно, устройство мостовъ тамъ дѣло не легкое, не говоря ужъ о томъ, что не дешево обойдется. (Разумѣется, этимъ нельзя оправдывать ихъ отсутствія тамъ, гдѣ ихъ можно и должно было бѣ устроить). Мингрельцы же не любятъ обходить кругомъ и предпочитаютъ прямо переправляться; и такъ какъ они отличные пловцы, наѣздики и лазуны, то или переплываютъ рѣку въ бродѣ, или верхомъ, или же переправляются черезъ плетневой мостъ. Мосты эти имѣютъ такую конструкцию: одни концы вѣтвей деревь, обыкновенно крѣпкой породы, бывають закрѣплены въ грудѣ камней на одномъ берегу рѣки, другіе концы этихъ вѣтвей, доходя до середины рѣки, соединяются тамъ съ вѣтвями, которыхъ концы закрѣплены такимъ же порядкомъ на противоположномъ берегу рѣки. Вѣтви эти, образуя мостъ шириною съ аршинъ, перевиты лозой дикаго винограда, имѣютъ иногда по сторонамъ еще вѣтви, въ видѣ перилъ, за кото-

рыя можно держаться. При переправѣ иной разъ мостъ такъ раскачивается, что спускается почти до уровня воды, но затѣмъ снова выпрямляется и вдается въ сторону. На рѣкѣ Техурѣ мнѣ пришлось раза два переправляться по такому мосту. Многіе, страдающіе головокруженіемъ при видѣ быстрого теченія рѣки, не рѣшаются переправляться по такимъ мостамъ. Несчастные случаи впрочемъ рѣдки. Одинъ изъ такихъ случаевъ послужилъ предметомъ приведенной пѣсни. Она по мингрельски довольно благозвучна. Мнѣ ее диктовалъ одинъ 60-ти лѣтній старикъ, напѣвая грустнымъ заунывнымъ тономъ, вполне гармонирующимъ съ ея содержаніемъ.

II. Шакалъ и человѣкъ.

О Бургъа *), Бургъа съ бѣлою бородой!

Кто когда-либо слышалъ, чтобы спѣгъ выпалъ въ половинѣ
октября?

Вотъ, гуму *) покосился (отъ снѣга?), свинья же ѣстъ его;

А на виноградъ напустились собака и шакалъ.

„Шакалъ *), скиталецъ, ты куда плетешься?

Кто тебѣ позволилъ обирать страву?

Мингрельскія женщины говорятъ, что нѣтъ у нихъ курицы*

„Впустите-ка меня внутрь (въ курятникъ); посмотрю,
есть или нѣтъ“..

Вбѣжалъ я туда и вытаскивалъ оттуда

Большихъ, жирныхъ куръ и грудныхъ поросятъ.

„(Тогда) ты свою Вурмарішя (кличка собаки) напустилъ

на меня,

„Я соскочилъ съ холма на холмъ и ускользнулъ!

„Ты стрѣлялъ въ меня изъ своего плохого ружья,

„Я покатился внизъ съ горы и (выстрѣлъ) не попалъ“...

Въ настоящее время, когда баринъ (помѣщикъ) погоститъ

у тебя,

Все равно, еслибы погостилъ твой заклятый врагъ:

Зарѣжь ты ему быка, а корову отправь вмѣстѣ съ нимъ,

На ясляхъ будетъ мычать (только) осиротѣлый теленокъ.

а) Нѣкоторые произносятъ „Бурдгъа“,—кличка мужичицъ и женщинъ въ Мингрелии. Бургъа—названіе травы „аркантъ“ съ бѣлыми цвѣтами.

б) Гѣму, гѣми, Andropogon sorghum, хлѣбное растеніе въ родѣ проса, сѣется въ Мингреліи повсюду.

в) Шакаль „тура“ въ мингрельскихъ сказкахъ играетъ часто роль лисицы.

Эта басня одна изъ самыхъ распространенныхъ и старинныхъ въ Мингреліи. Ее вездѣ знаютъ и говорятъ, что она гораздо иностраннѣе, хотя и не могли продиктовать мнѣ больше приведенной мною выше. Языкъ и размѣръ — старинные. Басня эта рифмована, послѣднія созвучія мѣняются и чередуются; число слоговъ въ строфѣ тоже не одинаково, а колеблется между 11—14 слогами.

По видимому, послѣднее четверостишіе не влечется съ предшествующею половиною; если его не разсматривать какъ *нравоученіе*, въ которомъ помѣщикъ сравнивается съ шакаломъ.

III. Царь и Дадіани.

Вотъ лавръ ^{а)}, лавръ, лавръ,
 На холмѣ растетъ у меня лавръ ^{б)}!
 Дадіани Леванъ ^{в)}, — побѣдоносный,
 Оповорилъ царя ^{г)}!...
 „О, царь, дядька, дядька, дядька,
 „Ты подожди здѣсь (не ходи впередъ)!“
 Вѣдь (такъ) тебѣ говаривалъ всегда
 Суджунскій ^{а)} прорицатель!...“

а) Дани, Дани, Дани лавровое дерево, *Laugus nobilis*,

б) Припѣвъ.

в) г) Упомянутые здѣсь Дадіани и царь, — это, по всей вѣроятности, владѣтельный князь Мингреліи, Леванъ II Великій (1591—1657), изъ первой династіи, и царь Имеретинскій Георгій III (1605—1639). Къ этимъ лицамъ приурочиваютъ приведенную выше историческую пѣсенку и мѣстные преданія, и обстоятельства дѣла. Пѣсня эта намекаетъ на одну драму или мелодраму изъ вѣковой борьбы, происходившей между владѣтельными князьями Мингреліи, Гуріи, Абхазіи съ Имеретинскими царями и между собою. Имеретинскій царь Багратъ III (1510—1546), пригласилъ будто бы на охоту владѣтеля Мингреліи Левана I Дадіани въ 1546 году въ сел. Хоня, въ 18 верстахъ отъ Кутаиса, близъ р. Цхенись-Цхали, обманомъ захватилъ его, связалъ, отвезъ въ Гелати, въ 8 верстахъ отъ Кутаиса, и заключилъ его тамъ въ крѣпость, откуда онъ однако успѣлъ бѣжать сначала въ Мингрелію, затѣмъ въ Константинополь.

Леванъ II Дадіани искалъ случая наказать, за такой вѣроломный поступокъ съ своимъ предкомъ, Имеретинскаго царя, съ которымъ не разъ сражался съ большимъ успѣхомъ. Такой случай представился. Карталинскій царь Ростомъ (1634—1658 гг.), желая привлечь на свою сторону Левана II Дадіани, чтобы въ лицѣ его имѣть союзника противъ Имеретинскаго царя Георгія III и друга его Кахетинскаго царя Теимураза I (1629—1634 гг.), просилъ руки сестры Левана II Дадіани Маріамы, бывшей жены Симона Гуріели, которому, послѣ одержанной побѣды, Леванъ велѣлъ выколоть глаза, и который въ то время еще былъ живъ. Леванъ согласился выдать за царя Ростомъ свою сестру, но боясь, чтобы по дорогѣ не напали на брачную свиту Имеретини, пригласилъ Ростомъ прибыть со стороны горы Персати; самъ же, собравъ большое войско, взялъ съ собою сестру свою Маріаму, проѣхалъ черезъ Самикелаю, Песе, р. Ріонъ и вступилъ на дорогу къ Какасъ-Хиди; здѣсь у сел. Багдади, нѣсколько южнѣе отъ Кутанса, близъ слиянія рѣкъ Ханисъ-Цвали и Сакреула, вручилъ съ большимъ торжествомъ свою сестру прибывшему Карталинскому царю Ростому, который немедленно отправился обратно въ свое царство. Дадіани тоже собрался въ обратный путь. Но царь Имеретинскій Георгій III, узнавъ заранѣе о предпологаемой встрѣчѣ Левана II и Ростомъ, собралъ войско, желая напасть на Дадіани по дорогѣ; предварительно же царь, взявъ съ собою „горсть людей“, отправился осмотрѣть расположеніе и силу непріятеля. Дадіани, будучи предупрежденъ объ этомъ послалъ людей подстеречь царя, котораго, въ самомъ дѣлѣ, застали въ—располохѣ, захватили и привели его къ Левану (въ 1636 г.). Тотъ взялъ его съ собою и торжественно вѣхалъ въ свое владѣніе съ плѣннымъ царемъ. Два года царь Георгій томился въ неволѣ у Левана. По истеченіи этого времени, царю была возвращена свобода, благодаря неуспѣшнымъ стараніямъ сына его Александра, который послалъ Левану, въ видѣ выкупа, кромѣ множества серебрянныхъ вещей, золотую корону, усыпанную драгоценными камнями, и сверхъ того, по особенному требованію Левана, послалъ ему еще всѣхъ армянскихъ и еврейскихъ кушцовъ, жителей двухъ деревень Чихора и Чхара. Этихъ кушцовъ Леванъ поселилъ въ Рухи (на р. Ингурѣ, въ 5-ти верстахъ отъ г. Зугдиди), который съ этихъ поръ, замѣчаетъ лѣтописецъ,—превратился въ городъ. По возвращеніи въ свою столицу, Кутаисъ, царь скоро умеръ, 1639 г. ¹⁾).

¹⁾ Histoire de la Géorgie, II p., I-re livraison, trad. par Brosset. St.-Petersb. 1856, pp. 69, 264, 268, 269, 270—273.

Вѣроятно, на этотъ эпизодъ изъ вѣковой драмы и намекаетъ упомянутая выше пѣсня.

д) Выраженіе „Суджунскій прорицатель“, который будто бы предсказывалъ царю „не ходить впередъ“,—тоже имѣетъ историко-этнографическое основаніе. Суджуна—деревня на юго-западѣ отъ уѣзднаго города Ново-Сенаки, близъ слиянія рѣкъ Техури и Абаша, и впаденія ихъ въ р. Ріонъ. Она извѣстна своею старинною церковью, куда ежегодно, въ день св. Георгія 23-го апрѣля, стекалось множество народа изъ всей Мингреліи. Наканунѣ праздника выбирали старца, преимущественно облеченнаго духовнымъ саномъ и извѣстнаго святостью своей жизни, заключали его на ночь въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ провести все время въ молитвѣ и созерцаніи будущаго; утромъ до обѣдни, въ день праздника, выводили его оттуда и поднимали на какое-нибудь возвышенное мѣсто, откуда онъ предвозвѣщалъ собравшемуся народу все, что должно было случиться съ владѣтелемъ Мингреліи и народомъ въ теченіе всего предстоящаго года до слѣдующаго праздника: побѣда ли надъ врагомъ, вторженіе ли врага въ страну, предстоящій урожай, болѣзни и т. п., все это составляло предметъ пророчества этого *Суджунскаго прорицателя*, къ словамъ котораго народъ питалъ безусловную вѣру. Мнѣ разказывали, что этотъ прозорливый оракулъ существовалъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія, и что праздникъ въ Суджунѣ постоянно сопровождался подобными церемоніями. Пѣсни приводятъ слова Суджунскаго оракула, будто бы предостерегающаго царя отъ постигшаго его несчастія, которое было вмѣстѣ съ тѣмъ триумфомъ для Левана Дадіани Побѣдоносца.

Кромѣ оригинальныхъ произведеній мингрельской народной музы, которыхъ образчики я привелъ выше въ переводѣ, въ моемъ собраніи мингрельскихъ текстовъ есть еще, какъ я замѣтилъ выше, переводы на мингрельскій языкъ. Переводы вообще не могутъ имѣть первостепеннаго значенія для грамматики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, для этимологій и синтаксиса, но для фонетики и для словаря они почти также важны, какъ и оригинальныя произведенія; особенно когда дѣло идетъ объ увеличеніи текстовъ, необходимо сдѣлать какъ можно большее число переводовъ. При участіи природныхъ Мингрельцевъ, которые будутъ наименованы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, сдѣлаю мною переводъ евангельскихъ притчъ, числомъ до 12-ти. Я имъ отдаю предпочтеніе, какъ разказамъ простымъ и безыскусственнымъ, чуждымъ отвлеченныхъ понятій, изобилующихъ примѣрами изъ обыденной, народной жизни, и притомъ, изложенныхъ въ повѣствованіи.

тельной формѣ, слѣдовательно, легко переводимыхъ на языкъ не литературный, каковъ мингрельскій. Къ нимъ я присоединилъ и переводъ Молитвы Господней, которая вообще переводится нелегко. Всѣ эти переводы были прочитаны мною по нѣскольку разъ, провѣрены въ разныхъ мѣстахъ природными Мингрельцами и поправлены по сдѣланнымъ ими замѣчаніямъ.

На основаніи указаннаго матеріала и личнаго знакомства съ живую рѣчью, постараюсь отмѣтить здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ характеристическія особенности грамматическаго строенія мингрельскаго языка, преимущественно такіе, которые или совсѣмъ чужды грузинскому языку, или же существуютъ въ немъ въ другомъ видѣ. При этомъ не ручаюсь, чтобы въ послѣдствіи, при ближайшемъ разборѣ и увеличеніи матеріала, мнѣ не пришлось кое-что измѣнить въ сказанномъ, но кажется не много...

Начнемъ со звуковъ: сверхъ пяти чистыхъ гласныхъ звуковъ а, е, и, о, у, которые свойственны и грузинскому языку, въ мингрельскомъ есть еще звуки приближительно ѣ и ы. Въ первомъ какъ бы сливаются два звука е+и, но такъ, что эти оба звука образуютъ одинъ вполне цѣльный и нераздѣльный звукъ; второй звукъ имѣетъ такой же характеръ, только на половину слабѣе перваго и въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Первый изъ этихъ звуковъ имѣетъ не только фонетическое, но и грамматическое (въ тѣсномъ смыслѣ слова) значеніе; такъ онъ является въ цѣлой группѣ глаголовъ характеромъ 3-го лица въ обоихъ числахъ, когда въ двухъ первыхъ лицахъ встрѣчается простой звукъ и. Кроме того, въ метрической формѣ онъ играетъ роль гласнаго и представляетъ собою слогообразовательную единицу. Второй же звукъ ѣ является въ концѣ каждаго слова, гдѣ нѣтъ пяти упомянутыхъ гласныхъ, особенно же часто встрѣчается онъ въ концѣ косвенныхъ глагольныхъ формъ, оканчивающихся согласными звуками; иногда онъ встрѣчается въ серединѣ слова (напримѣръ, часто передъ и), и въ такомъ случаѣ смягчаетъ послѣдующій согласный звукъ,—словомъ имѣетъ фонетическое вліяніе, что даетъ ему право на самостоятельное существованіе.

Звукъ у, встрѣчаясь весьма часто съ гласными а, е, и, о, образуетъ двугласный звукъ, извѣстный въ грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ у съ *брджу*.

Есть и придыхательный звукъ, встрѣчающійся передъ гласными, особенно передъ е=he, и а=ha; конечно, нѣтъ никакой необходимости изобрѣтати особые спеціальныя знаки для каждаго отдѣльнаго слу-

чая, когда придыхательное является передъ гласными, какъ это существуетъ въ грузинскомъ алфавитѣ, а можно довольствоваться однимъ знакомъ придыханія, ставя его каждый разъ при гласномъ звукѣ, долженствующемъ быть произнесеннымъ придыхательно,—такъ какъ придыханіе собственно одно, только послѣдующій гласный звукъ сообщаетъ ему тотъ или другой оттѣнокъ. Если же встрѣчается передъ согласнымъ, тогда придыханіе не имѣетъ никакого опредѣленнаго оттѣнка.

Относительно согласныхъ звуковъ слѣдуетъ замѣтить, что огромное большинство ихъ ничѣмъ не отличается въ произношеніи отъ грузинскихъ согласныхъ звуковъ, но есть и такіе, которые составляютъ исключительную принадлежность мингрельскаго языка; къ такимъ принадлежитъ звукъ *л*, который въ началѣ и серединѣ, передъ согласными произносится какъ напримѣръ, французское или нѣмецкое *l*, а передъ гласными и въ концѣ словъ—еще мягче, напримѣръ, *голя* (гора), *Намколю* (названіе деревни) и т. п. Здѣсь *л* звучитъ приблизительно какъ въ словахъ: *лѣстить*, *лѣзуть* и т. п. Тогда какъ грузинское *л* всегда и вездѣ произносится, правда, не такъ твердо какъ *л* въ словѣ „*колоколь*“, но, напримѣръ, такъ какъ нѣмецкое двойное *ll* въ словахъ „*sollen*, *wollen*“.

Есть и звукъ *ф*, соответствующій грузинскому *ფიე*.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ звуковъ мингрельскаго языка—это *q*. Въ грузинскомъ языкѣ есть звукъ *q*, то-есть, мгновенный, глубокий, звучный и полный гортанный звукъ; такой же звукъ есть и въ мингрельскомъ, но есть и вышеуказанный звукъ *q* (*quджи*, груз. *quри*, ухо, *quа*, груз. *шубли*, лобъ и т. п.), который составляетъ половину звука *q*, и котораго нѣтъ въ грузинскомъ. Но и не нашелъ въ мингрельскомъ языкѣ двухъ *х* звуковъ, для выраженія которыхъ существуютъ въ грузинскомъ алфавитѣ два спеціальныя знака, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ грузинскомъ языкѣ слышенъ только одинъ звукъ *х*; впрочемъ меня увѣрили, что у грузинскихъ горцевъ (Пшавовъ и Хевсуровъ) и теперь при произношеніи явственно слышатся два разнородные звука *х*, и что одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе гортанный характеръ, другой же пѣбшій. Ничего подобнаго я не могъ найдти въ мингрельскомъ.

Все ученіе о морфологій сводится къ двумъ важнѣйшимъ измѣненіямъ формъ, характеризующимъ эту часть грамматики — склоненіямъ и спряженіямъ. Къ нимъ мы и переходимъ теперь.

Въ мингрельскомъ языкѣ обѣ формы вполне выработаны и строго

разграничены между собою посредствомъ личныхъ знаковъ въ глаголахъ и падежныхъ именахъ. Спряженія отличаются особенною полнотою и разнообразіемъ, даже превосходящимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ грузинскія спряженія. Въсѣтъ съ разнообразіемъ возникаетъ и трудность ихъ анализа.

Формы спряженій двухъ главныхъ залоговъ, дѣйствительнаго и страдательнаго, воишѣ разграничены и отличаются другъ отъ друга специальными знаками. При этомъ дѣйствительный глаголъ, начинаясь въ первомъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, личными знаками *и, б, в* требуетъ дательнаго падежа, какъ и въ грузинскомъ языкѣ. На основаніи этихъ личныхъ знаковъ, являющихся въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, мингрельскія спряженія можно раздѣлить на двѣ большія группы,—на начинающіяся въ упомянутой формѣ съ 1) *и, б, в* и 2) *м*. Первый отдѣлъ знаковъ соотвѣтствуетъ личному мѣстоименію—я, второй знакъ—также мѣстоименію перваго лица, только въ косвенныхъ падежахъ—меня, мнѣ, мною. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что спряженія первой категоріи имѣютъ нѣкоторые времена, напримѣръ, давно-прошедшее, со знакомъ второй группы. Это различіе не ограничивается одною формальною стороною языка, но имѣетъ глубокій грамматическій смыслъ: тогда какъ знаки первой группы сами, представляя личное мѣстоименіе 1-го лица въ прямыхъ падежахъ, требуютъ послѣ себя дополненія въ косвенныхъ падежахъ, знакъ второй категоріи спряженій, самъ, представляя мѣстоименіе въ косвенныхъ падежахъ, требуетъ дополненія большою частью въ прямыхъ падежахъ.

Залоги, виды, наклоненія, времена, числа, лица большою частью до сихъ поръ удерживаютъ свои специальные характеристическіе знаки.

Перечень глагольныхъ категорій, для которыхъ существуютъ спеціальныя формы въ мингрельскомъ языкѣ: залогі—дѣйствительный и страдательный (средній и возвратный залогі имѣютъ или форму страдательную, или же форму 2-й категоріи спряженія); виды—однократный, многократный (или повторительный прошедшія времена), совершенный и несовершенный; наклоненія—изъявительное, условное, желательное, условно-желательное (спеціальной же формы для неопредѣленнаго наклоненія нѣтъ въ мингрельскомъ языкѣ), обнаружительное (не имѣетъ настоящаго времени), напримѣръ, побѣдишь *оказалось*, что я нашелъ, и повелительное наклоненіе; времена—настоящее, прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, давно-про-

шедшее, будущее, будущее совершенное; причастія всѣхъ трехъ временъ—настоящаго, прошедшаго и будущаго, дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ. Вопросительная форма также имѣетъ свой спеціальный знакъ.

Большая часть этихъ глагольныхъ формъ не сложна, а представляетъ одно органическое цѣлое; незначительная же часть ихъ образуется или посредствомъ вспомогательныхъ глаголовъ, или же посредствомъ приставляемыхъ въ началѣ и концѣ частицъ.

Въ роли вспомогательныхъ глаголовъ являются: *рына* быть (asse), *фона* быть (въ смыслѣ существованія), *луена* имѣть (о неодушевленныхъ предметахъ), *гуна*—имѣть (объ одушевленныхъ предметахъ), *кимини*, *киминуа* дѣлать, сдѣлать и *ко*, *кона* (*моринеба*) должно, надо, слѣдуетъ. Описательныя частицы суть, префиксы: *ка*, *ко*, *кы*; опѣ ставятся въ началѣ глаголовъ, для показанія совершеннаго, утвердительнаго дѣйствія; префиксы *но*, *на*, для показанія прошедшаго времени, они являются во второстепенныхъ временахъ и наклоненіяхъ, наконецъ суффиксы: *ми*, *да*, служащія для показанія условія, желанія, повторенія дѣйствія и т. п.

Не всѣ наклоненія имѣютъ одинаковое число временъ; изъ нихъ больше всего приходится на долю изъявительнаго наклоненія.

Въ мингрельскомъ языкѣ три лица и два числа. Родовъ пѣтъ ни въ глаголахъ, ни въ именахъ.

Изъ этого краткаго перечня мингрельскихъ глагольныхъ формъ можно легко заключить о ихъ богатствѣ и разнообразіи. Приведу два примѣра въ доказательство многозначительности, выразительности и своеобразности конструкціи этихъ формъ: *ми-шіа-б-ы-дес-ы-ко-ни*, давно-прошедшее повторительное время, желательнаго наклоненія, отъ глагола *шіаба*, найти, можно перевести такъ: какъ бы намъ желательно было бы, чтобы намъ можно было находить... *В-у-шіа-б-ы-дес*, или *В-у-шіа-б-ы-ди-ко-ни* страдательный залогъ желательнаго наклоненія давно-прошедшаго повторительнаго времени 1-е лицо единственнаго числа: желалъ бы, чтобы я долженъ былъ быть находимымъ ¹⁾.

Мингрельскія наклоненія не столь сложны и разнообразны, какъ спряженія. Вполнѣ органическими падежными формами могутъ счи-

¹⁾ Я воздерживался отъ приведенія большаго числа примѣровъ, вѣдѣніе неудовѣрительности описательныхъ знаковъ, которыми я передавалъ здѣсь мингрельскія слова.

таться формы именительнаго, родительнаго, дательнаго и творительнаго падежей. Остальныя, если допустить ихъ существованіе потому единственно, что они часто употребляются въ живой народной рѣчи,— все-таки слѣдуетъ разсматривать какъ неорганическія падежныя формы, такъ какъ онѣ образуются посредствомъ сложенія формы именительнаго падежа (по смыслу и винительнаго) и послѣ слоговъ: *шени* для, *шах* до, *ша* къ, *ше* изъ и т. п., которые въ мингрельскомъ языкѣ, играя роль служебную, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательное значеніе и въ свою очередь *могутъ* быть склоняемы. Склоненія также имѣютъ два числа: единственное и множественное. Знакъ множественнаго числа слѣдуетъ непосредственно за темой слова или за формой именительнаго падежа, и только послѣ знака множественнаго числа являются падежныя окончанія, совершенно тождественныя съ падежными знаками единственнаго числа, напримѣръ:

Единственное число:

им. *қуде* (домъ)
 род. *қуде-ши*
 дат. *қуде-сы*
 твор. *қуде-ты.*

Множественное число:

им. *қуде-епни*
 род. *қуде-епни-ши*
 дат. *қуде-епни-сы.*
 твор. *қуде-епни-ты.*

(Сложныя, или неорганическія падежныя формы):

қуде-шени (=дома для, то-есть,
 для дома)

қуде-шахъ (— до)
қуде-ша (— къ)
қуде-ше (— изъ)

қуде-епни- } *шени*
 } *шахъ*
 } *ша*
 } *ше*

Достойно вниманія, что формы родительныхъ падежей обонхъ чиселъ употребляются какъ прилагательныя формы и могутъ быть въ свою очередь склоняемы, напримѣръ, *қуде-ши*: им. *қуде-ши*, род. *қудеш(и)-ш(и)*, дат. *қуде-шис(ы)*, твор. *қуде-ши-ты* и т. п. Множественное число: им. *қуде-епни-ши*, род. *қуде-епни-ши-ши*, дат. *қудо-епни-ши-сы*, твор. *қуде-епни-ши-ты* и т. п. Эти примѣры ясно показываютъ прилагательное значеніе формы родительнаго падежа существительнаго, каковое явленіе имѣетъ множество аналогій въ другихъ языкахъ.

Прилагательное въ мингрельскомъ обыкновенно предшествуетъ существительному и въ такомъ случаѣ не склоняется; если же оно слѣдуетъ за существительнымъ, тогда склоняется прилагательное, и

нерѣдко существительное вовсе не измѣняетъ своего прямого окончанія.

Самая характеристическая черта мингрельскихъ прилагательныхъ, — это образованіе степеней сравненія; оно происходитъ въ мингрельскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: къ положительной формѣ придается въ началѣ префиксъ *у*, а въ концѣ суффиксъ *аши*, *ши*. Форма же превосходной степени имѣетъ перифрастическій характеръ и образуется посредствомъ формы сравнительной степени и нарѣчія „хольо“ еще, „умоси“ болѣе, больше; такъ напримѣръ, положительная форма „скуами“, красивый, сравнительная степень *у-скуам-аши*, красивѣе, превосходная: хольо *у-скуам-аши*, еще красивѣе (красивѣйшій). Есть и неправильныя формы степеней сравненія отъ прилагательныхъ: хорошій, маленький; великій и т. п.

Мингрельскія мѣстоименія имѣются также въ полномъ составѣ. Ихъ можно раздѣлить по значенію и по формѣ на существительныя, — таковы мѣстоименія личныя и указательныя, которыя тождественны съ личными мѣстоименіями 3-го лица, — и на мѣстоименія прилагательныя, то-есть, всѣ остальные категоріи мѣстоименій. Они склоняются какъ существительныя, и неправильныхъ формъ между ними не много.

Мингрельскія числительныя имена основаны вообще на десятичной системѣ счисления; при этомъ каждыя *десять*, *двадцать* и *сто* составляютъ особую единицу, такъ: 30 значить 20 и 10; 50 значить 40 и 10; 70 значить 60+10; 90 значить 80+10; но 40 значить дважды 20 (а не четыре раза 10); $60=3\times 20$, $80=4\times 20$. Между тѣмъ 10 не значить дважды 5, или 20 — дважды 10, или 100 — пять разъ 20, а посятъ особыя наименованія, которыхъ этимологія не ясна. 1000 же значить 10 разъ 100.

Количественныя, порядковыя, дробныя, собирательныя числительныя имѣются всѣ, но они рѣдко склоняются и обыкновенно не согласуются въ числѣ и падежѣ съ существительнымъ; такъ, напримѣръ, говорить: они схени буквально „сто лошадей“, ечи *қуде* буквально „двадцать домовъ“, — хотя, конечно, ошибки не будетъ, если сказать: они схен-еѣчи, ечи *қуде-еѣчи*, и всѣ поймутъ; только такая рѣчь покажется Мингрельцу чересъ-чуръ утонченною и непринимчивою.

Мингрельскій синтаксисъ также имѣетъ не мало своеобразныхъ характеристическихъ особенностей.

Вообще, всѣ части мингрельской грамматики вполне развиты и выработаны: звуки, именныя и глагольныя формы, построеніе предложений и періодовъ, наконецъ значительное число корней, которыхъ

нѣтъ въ грузинскомъ языкѣ, и которые, вѣроятно, унаслѣдованы мингрельскимъ языкомъ отъ общаго языка, даваго существованіе обоимъ имъ,—все это носитъ свой особый отпечатокъ, типичный характеръ и явно обнаруживаетъ, что мингрельскій—воплѣщенный и сформированный языкъ, полиправный съ близкородственнымъ ему грузинскимъ языкомъ, и по всей вѣроятности, происшедшій отъ одного и того же отца.

Думаю, что дальнѣйшая разработка и болѣе точный анализъ фактовъ языка еще болѣе уяснить и подкрѣпить эту мысль. Но для этого необходимо располагать большимъ матеріаломъ, чѣмъ я успѣлъ собрать въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; кромѣ того, этотъ матеріалъ необходимо разработать грамматически въ главныхъ частяхъ на мѣстѣ же, или по крайней мѣрѣ, въ присутствіи природнаго Мингрельца; въ противномъ случаѣ положеніе языкоислѣдователя похоже на положеніе композита, вынужденнаго писать композицію безъ музыкальнаго инструмента. При изслѣдованіи языка само собою возникаетъ масса вопросовъ, на которые не даетъ намъ отвѣта записанный матеріалъ, какъ бы онъ ни былъ полонъ и обиленъ; напримѣръ, извѣстно, что нельзя встрѣтить въ текстѣ всѣхъ формъ и грамматическихъ измѣненій *всѣхъ* словъ, заключающихся въ текстѣ, а возсоздать ихъ аналогически, произвольно, тоже нельзя, потому что какъ разъ эти, недостающія въ текстѣ, формы могутъ составлять уклоненія или исключенія изъ общей нормы; составить же грамматическій очеркъ только по имѣющимся формамъ, значитъ—отказаться отъ возможной полноты изслѣдованія. Поэтому питаю надежду, что мнѣ возможно будетъ еще провѣрить на мѣстѣ выводы, сдѣланные относительно мингрельскаго языка, и увеличить имѣющийся матеріалъ.

Въ заключеніе краткой характеристики мингрельскаго языка считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность князю Николаю Давидовичу Мингрельскому и матери его княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ за обязательное содѣйствіе, оказанное мнѣ во время моихъ изысканій.

Не менѣе мингрельскаго языка интересна и поучительна этнографія Мингрелія, которая также мало извѣстна. Къ сожалѣнію, время не позволяло мнѣ обратить особенное вниманіе на этнографическую сторону Мингрельскаго народа; я отмѣчалъ по части этнографіи только то, что имѣло непосредственное отношеніе къ языку, и что, такъ сказать, отражалось въ языкѣ. Такъ, въ нѣкоторыхъ названіяхъ дней недѣли, мнѣ кажется, явно сохранились слѣды языческой старины и

міросозерцанія Мингрельцевъ; напримѣръ: „воскресенье“ по мингрельски называется *жл-шха* (полная форма будетъ бжа-шха); бжа по мингрельски значитъ „солнце“; шха, этимологія котораго темна, является вторымъ составнымъ словомъ названія каждаго дня недѣли, слѣдовательно, условно можно перевести „день“. И такъ, названіе воскресенья по мингрельски будетъ значитъ „день солнца“. (Въ лазскомъ и сванетскомъ языкахъ названіе этого дни также значитъ „день солнца“). По мингрельски понедѣльникъ называется *тхутѣа-шха* то-есть, „день луны“, тхутѣа—луна. (Въ лазскомъ и сванетскомъ языкѣ то же самое значеніе имѣетъ названіе этого дня). Четвергъ по мингрельски называется *цл-шха*, то-есть, „день неба“, ца значитъ небо, (Въ сванетскомъ и лазскомъ значеніе названія этого дня тоже самое). Между тѣмъ въ грузинскомъ языкѣ всѣ названія дней недѣли носятъ христіанскій характеръ; такъ: воскресенье по грузински называется *квирა*, *квиріаке*, очевидно—греческаго происхожденія *κυριακή*; понедѣльникъ называется *ор-шабатѣи*, то-есть, второй день послѣ субботы; четвергъ называется *хутѣ-шабатѣи*, то-есть, пятый день отъ субботы и т. п. Достойно вниманія, что суббота имѣетъ одинаковое экзотическое названіе во всѣхъ четырехъ упомянутыхъ языкахъ, такъ: по грузински — *шабатѣи*, мингрельск. — *сабатѣи*, сванетски — *сапѣи*, лазски — *сабатон* (σαββατον).

Какъ ни странно на первый взглядъ, что грузинскій языкъ, имѣющій болѣе, чѣмъ тысячелѣтнюю литературу, не сохранилъ намъ того, что съ такимъ упорствомъ сохраняютъ до нашихъ дней его родственники, никогда не имѣвшіе и не имѣющіе никакой письменности, — но это фактъ, который громко говоритъ въ пользу громадной важности для науки нелитературныхъ языковъ, по видимому, бѣдныхъ, способныхъ только удовлетворять самымъ элементарнымъ и естественнымъ потребностямъ обществъ.

Въ программу моей поѣздки не входила археологія, но мнѣ удалось видѣть нѣсколько достопримѣчательныхъ старинныхъ построекъ, напримѣръ, извѣстный Гелатскій монастырь, въ 7—8 верстахъ отъ Кутаиса, не менѣе извѣстный Мартвильскій монастырь въ Мингреліи, между рѣками Абашой и Цхенис-цхали, Бетанійскую церковь не далеко отъ г. Тифлиса и др. Первые два монастыря часто посѣщаются путешественниками, которые описываютъ ихъ нѣрѣдко подробно и вѣрно. Поэтому распространяться о нихъ здѣсь считаю лишнимъ. Замѣчу только, что они съ наружной стороны довольно удачно реставрированы, такъ что съ перваго взгляда не легко за-

мѣтитъ въ наружной стѣнѣ позднѣйшія и новѣйшія работы, которыхъ впрочемъ не много; съ наружной стороны, зданія эти имѣютъ совершенно свѣжій видъ, который представляетъ рѣзкій контрастъ съ внутреннимъ видомъ, остающимся и по сіе время въ такомъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ за нѣсколько вѣковъ до нашего времени; слѣдовательно, эти монастыри имѣютъ глубокій историческій интересъ; между тѣмъ, какъ слышно, существуетъ предположеніе приступить къ ихъ внутренней реставраціи, если не относительно архитектуры, то относительно стѣнной живописи, которая сохранила намъ множество изображеній святыхъ и историческихъ личностей изъ грузинской исторіи; такъ напримѣръ, въ Гелатскомъ монастырѣ есть изображеніе царя Давида Возобновителя (1089—1125), католикаса Евдемона XVI в.; въ Мартвили, напримѣръ, между прочимъ, встрѣчается изображеніе основателя второй династіи Дадіановъ и др. Подъ этими изображеніями имѣются надписи съ указаніемъ именъ, званій, года и т. п. Кромѣ изображеній туземныхъ святыхъ и историческихъ личностей, эта живопись сохранила намъ и изображенія общихъ древнехристіанскихъ святыхъ въ византійскомъ стилѣ; въ виду такого значенія живописи старинныхъ грузинскихъ церквей, желательно было бы, прежде чѣмъ стереть ихъ или замазать и покрыть новыми изображеніями,—предварительно снять ихъ вчерпъ и оставить такимъ образомъ въ альбомѣ контуры старинныхъ изображеній, препроводивъ его на храненіе въ одно изъ государственныхъ книгохранилищъ. Этимъ способомъ можно было бы спасти эти драгоцѣннѣе памятники древнерелигіознаго искусства отъ окончательной гибели и оказать большую услугу не только мѣстной археологін и исторіи живописи, но и византійской.

Я не знаю, такъ ли было поступлено лѣтъ 25 тому назадъ, когда князь Г. Г. Гагаринъ росписалъ снова Тифлисскій Сіонскій соборъ; но такая попытка была сдѣлана относительно одного изображенія, снимки съ котораго теперь довольно распространены, и оно застраховано отъ исчезновенія. Это портретъ царицы Тамары ¹⁾ (XII в.), снятый княземъ Гагаринымъ съ стѣнной живописи въ Бетанійской церкви. Церковь эта заслуживаетъ особеннаго вниманія. Немножко поражаешься, встрѣтивъ такую монументальную и изящную постройку въ такой глуши, какъ ущелье р. Веры, хотя и не подалеку отъ Тифлиса. Дорога моя

¹⁾ На сколько онъ можетъ считаться действительно *портретомъ* царицы Тамары,—это, конечно, другой вопросъ.

лежала черезъ мѣстечко Коджори и бетанійское имѣніе барона Александра Павловича Николаи. Многоуважаемый баронъ обязательно предложилъ мнѣ въ качествѣ проводника своего человека, знакомаго съ мѣстностью, чѣмъ я охотно воспользовался.

Дорога или скорѣе тропа хотя не длинна (отъ имѣнія барона всего верстъ 4 — 5 до самой церкви), но весьма крутая и трудная: сначала она спускается въ ущелье и въ опрагъ р. Вѣры, и пройдя съ четверть версты въ самомъ руслѣ рѣки, обыкновенно, обильной водой, но на тотъ разъ совершенно высохшей по случаю весьма знойнаго лѣта ¹⁾, — потомъ снова поднимается вверхъ на противоположный берегъ по ущелью; пройдя тамъ версты двѣ, тропа снова спускается къ церкви, лежащей на холмообразной мѣстности, поднимающейся изъ котловины Вѣрскаго ущелья. Церковь не имѣетъ того величественнаго вида; какой представляютъ вышеупомянутые монастыри Гелатскій и Мартвильскій, не будучи такъ выгодно расположена, какъ они; по достоинствомъ своего строительнаго матеріала, состоящаго изъ разноцвѣтнаго тесаннаго камня, крѣпкой породы, изяществомъ и благородствомъ стиля, она если не превосходитъ, то не уступаетъ имъ и производитъ на зрителя въ высшей степени свѣтлое впечатлѣніе. Видъ и размѣры церкви въ общихъ чертахъ таковы: церковь съ куполомъ, крыша котораго обвалилась въ одномъ мѣстѣ съ южной стороны, построена въ византійскомъ стилѣ, снаружи вся каменная, весь корпусъ церкви цѣлъ, только въ двухъ мѣстахъ у западныхъ дверей стѣна треснула. Церковная стѣна имѣетъ въ ширину около 2¹/₄ аршинъ, внутри она кирпичная, только своды и столбы каменные. Длина церкви внутри, съ западныхъ дверей до алтаря 23 шага, ширина церкви 15 шаговъ, алтарь, раздѣленный на три части, имѣетъ въ длину 8 шаговъ. Остается еще каменный иконостасъ на аршинъ вышиной. Внутри церковь имѣетъ видъ креста. Въ 9-ти шагахъ отъ западныхъ дверей стоятъ два столба на разстояніи 7-ми шаговъ отъ боковыхъ стѣнъ церкви. Полъ кирпичный. Вездѣ на стѣнахъ, гдѣ только штукатурка не отстала, остались изображенія, а въ алтарѣ они вполне уцѣлѣли. Въ церкви есть много надгробныхъ камней съ надписями. Церковь имѣетъ два притвора съ западной и южной стороны; крыша перваго изъ нихъ уже обрушилась, такъ что входъ съ западныхъ дверей совершенно загромажденъ обвалившимися камнями; южный

¹⁾ 14-го августа, когда я тамъ проѣзжалъ, жара была свыше 35 град. по Реомюру.

притворъ цѣль, оттуда я входъ въ церковь. Окружность дверей, оконъ и т. п. покрыты рѣзьбою самого изящнаго характера; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна та наружная сторона церкви, которая обращена на сѣверо-востокъ. Вся церковь обнесена оградой. По словамъ грузинскаго географа Вахушта, церковь эта была посвящена имени Божьей Матери; это извѣстіе подтверждается отчасти народнымъ обычаемъ, оставшимся до сихъ поръ; жители сосѣднихъ грузинскихъ деревень приходятъ сюда наканунѣ 15-го августа поминать души своихъ усопшихъ, частью погребенныхъ тамъ и, переночевавъ въ оградѣ церкви, на другой день возвращаются домой. Это мнѣ сообщалъ грузинскій крестьянинъ, который стерегъ своего быка тамъ же, въ оградѣ церкви. Постройку ея Вахуштъ приписываетъ царицѣ Тамарѣ, которой портретъ вполне уцѣлѣлъ ¹⁾ въ группѣ, находящейся на сѣверной стѣнѣ, направо отъ алтаря. Длина группы 7 шаговъ, ширина около 2-хъ сажень. По сторонамъ находятся изображенія святыхъ, лица которыхъ почти совсѣмъ стерты. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ молодого человѣка безъ бороды и безъ усовъ; на немъ грузинская корона, одѣтъ въ грузинскую бархатную куртку (куладжа), носить саблю, стоитъ нѣсколько бокомъ къ Тамарѣ и указываетъ руками на нее. Въ изображеніи молодого человѣка видятъ портретъ Георгія Лаба, сына и наследника царицы Тамары. Сама Тамара представлена высокою, красивою женщиной (хотя и не съ столь тонкими и нѣжными чертами лица, какъ на гагаринскомъ снимкѣ), въ грузинской царской коронѣ, унизанной жемчугомъ, въ порфирѣ изъ снѣга бархата, подбитой горностаемъ; двѣ большія косы висятъ по обѣимъ сторонамъ лица, которое совершенно открыто, руки обращены на возлѣ стоящаго, также въ порфирѣ и коронѣ съ бородой, мужа ея Давида, который въ одной рукѣ держитъ жезлъ, другой указываетъ на возлѣ стоящаго святаго. Къ сожалѣнію, копія снята не со всей группы, но только съ изображенія царицы Тамары.

Повторю свое *pium desiderium*, прежде чѣмъ стереть или замазать старія изображенія при реставраціи подобныхъ памятниковъ церковной архитектуры и искусства, слѣдовало бы предварительно снять копіи, но крайней мѣрѣ, съ важнѣйшихъ изъ нихъ, какъ это

¹⁾ Къ этому портрету и этой церкви относится прекрасное, глубоко почувствованное стихотвореніе, извѣстнаго грузинскаго поэта кн. Григорія Дмитріевича Орбелини, подъ заглавіемъ: «Портретъ царицы Тамары въ беганійской церкви».

сдѣлано относительно портрета Тамары княземъ Гагаринымъ по желанію умнаго и просвѣщеннаго правителя края кн. Воронцова, тогдашняго намѣстника кавказскаго. Не только копія съ изображеній, но и каждый камень съ чудною рѣзбой, которыхъ, напримѣръ, въ оградѣ Бетанійской церкви валяется множество, или падаетъ въ оврагъ и уносится рѣкой,—составили бы драгоцѣнное украшеніе любого музея.

Къ числу историческихъ документовъ, которые мнѣ удалось осмотрѣть во время своей поѣздки, принадлежатъ „гуджари“ или дарственные грамоты Грузинскихъ царей. Въ настоящее время разработка исторіи Грузіи находится въ такомъ фазисѣ, когда всячески надо стараться увеличить количество фактовъ и данныхъ, сдѣлать извѣстнымъ нѣмѣющійся историческій матеріалъ всякаго рода, чтобы приблизить время строгой исторической критики. Поэтому приведеніе въ извѣстность и публикаціи такого матеріала должна быть теперь на первомъ планѣ. Извѣстные лѣтописные сборники и хроники грузинскіе, изданные въ подлинникѣ и переводѣ, знакомятъ насъ преимущественно съ внѣшнею, политическою жизнью страны, но есть масса другихъ матеріаловъ, которые заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о внутренней жизни народа и организаціи бывшаго грузинскаго царства. Къ такимъ матеріаламъ принадлежатъ и документы, извѣстные подъ именемъ „гуджари“. Эти дарственные или жалованія грамоты давались Грузинскими царями какъ отдѣльнымъ лицамъ свѣтскимъ и духовнымъ, такъ и учрежденіямъ, какъ-то: монастырямъ, церквамъ, и корпораціямъ, напримѣръ, латинскимъ миссіонерамъ разныхъ орденовъ и т. п. Въ нихъ подробно обозначены всѣ права и преимущества, которыя присваиваются въ силу подобнаго акта данному лицу или учрежденію. Форма всѣхъ этихъ актовъ почти одинакова. Въ началѣ призывается Господь Богъ, Иисусъ Христосъ, Святой Духъ, Богородица, ангелы, святые общіе и мѣстные, извѣстнѣйшіе въ странѣ образа, церкви и т. п. Такой-то царь Грузинскій (или владѣтель), потомокъ царей (еврейскихъ) Иессея, Давида, Соломона и жена его царица такая-то, дѣти ихъ такіи-то, пожаловали такому-то (имѣніе, званіе и т. п.) за такіи-то услуги или заслуги, оказанныя имъ царю и отечеству и т. п., что свидѣтельствуемъ самъ царь своимъ подписомъ и приложеніемъ печати. Далѣе обозначены нерѣдко: число, годъ, иногда и мѣсто совершенія акта, равно имя мѣдвѣна, или секретаря, писавшаго или скрѣпившаго актъ.

Такихъ актовъ находится и теперь множество; большая часть ихъ принадлежитъ времени послѣ XIV столѣтія. Хотя академикъ Броссе,

въ бытность свою въ Грузіи, успѣлъ разобрать лишь незначительную часть ихъ, хранившихся въ 40-хъ годахъ въ архивѣ синодальной конторы (теперь они хранятся въ архивѣ губернскаго правленія въ Тифлисѣ), тѣмъ не менѣе, почтенный ученый результатами своего разбора подтверждаетъ громадную важность этихъ документовъ преимущественно для внутренней исторіи Грузіи.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какая масса этихъ гуджаровъ приходится, напримѣръ, на долю Кутаисской губерніи, я представлю здѣсь краткій перечень копій гуджаровъ, осмотрѣнныхъ мною въ архивѣ кутаискаго губернскаго правленія, въ томъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ нашелъ. Порядокъ этотъ не хронологическій и не основанъ на внутренней связи документовъ, а такъ сказать, канцелярскій: документы регистрированы по мѣрѣ поступленія и рѣшенія комиссіей, разбирающею ихъ въ 1820-хъ годахъ въ Имеретіи, а въ Мингреліи въ 1859—1863 г. Имеретія раздѣлена на четыре округа, Мингрелія (съ Лечгумомъ) на три. Документы каждого *округа* связаны *выѣстѣ*, каждая *связка* заключаетъ въ себѣ по нѣсколько *книжъ*, *номерованныхъ по листамъ* (собств. по полулистамъ) съ указаніемъ номеровъ, входящихъ въ нихъ *статей*. Каждая статья заключаетъ въ себѣ по документу, такъ что число статей равняется числу отдѣльных документовъ. И такъ, мы укажемъ здѣсь число *связокъ*, *книжъ*, статей и листовъ относящихся къ каждому округу: 1) На Кутаисскій округъ приходится: связокъ 6, книгъ 89, статей 115,000, листовъ 8,285. 2) На Вакипскій округъ: связокъ 6, книгъ 75, статей 12,498, листовъ 6,995. 3) На Шоронанскій округъ: связки 3, книгъ 45, статей 5,948, листовъ 5,938. 4) На Рачинскій округъ: связки 4, книгъ 65, статей 9,264, листовъ 5,859. И того 19 связокъ, 334 книги, 39,210 статей и 27,077 листовъ. 1) На Сенакскій округъ приходится: книгъ 26, листовъ 4,815, статей 8,424. (Связокъ нѣтъ). На записку церковныхъ документовъ: книги 2, листа 441, статьи 353. 2) На Зугдидскій округъ: связки 2, книгъ 10, листовъ 2,468, статей 4,035. 3) На Лечгумскій округъ: книгъ 5, листовъ 1,399, статей 2,885. (Связокъ нѣтъ). И того связокъ 2, книгъ 45, листовъ 9,123, статей 15,344. Всего: 21 связка, 379 книгъ, 36,200 листовъ и 54,554 статьи.

Такова масса совершенно новыхъ, не тронутыхъ и невѣдомыхъ еще наукъ документовъ. И сколько тамъ предметовъ совершенно новыхъ по каждой отрасли наукъ, которые привлекаютъ вниманіе изслѣ-

допателя. Вообще, не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные по изученію Кавказа и Закавказья въ отношеніи географическомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ, историко-археологическомъ, — эта классическая страна во многихъ отношеніяхъ представляетъ все еще не початую почву для науки: она въ состояніи доставлять обильный и самый разнообразный матеріалъ цѣлой корпораціи ученыхъ для изысканій всякаго рода на многіе и многіе десятки лѣтъ.

А. л. Цагарели.

ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ПОЛОЦКА СЪ ЛИВОНІЕЙ ВЪ XIV ВѢКѢ.

Торговля, начатая Ливонскими Нѣмцами съ Россіей въ XII и XIII вѣкахъ ¹⁾, продолжалась и въ XIV, и приобрѣла болѣе развѣрши и болѣе опредѣленную организацію. Въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія мы видимъ, что въ Ригѣ живетъ значительное число Русскихъ; тамъ существовала особая русская улица, русская церковь съ церковнымъ дворомъ, русская гильдейская горница и русскіе домовладѣльцы, а предъ Несочными воротами даже русская деревня. Изъ древнѣйшей 'долговой книги города Риги, веденной съ 1286 по 1339 г., видно, что русскіе и литовскіе купцы наравнѣ съ иностранными купцами изъ Любека, Бремена, Мюнстера, Сеста, Кельна, Брауншвейга и др., а также наравнѣ съ Готландцами, Шведами и Англичанами, вели живыя торговыя сношенія съ Рижанами; подиня русскихъ и литовскихъ купцовъ составляютъ цѣлую треть всѣхъ подписей ²⁾. Попытно, что въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ принималъ дѣйтельное участіе Полоцкъ, какъ ближайшій къ Ригѣ торговый городъ. Изъ перемірныхъ грамотъ Литовскихъ князей съ Нѣмцами мы видимъ, что и тѣ, и другіе выговариваютъ себѣ, неприкосновенность торговли съ Полоцкомъ; такъ Гедиминъ, заключая въ 1323 г. договоръ съ Нѣмцами, включаетъ въ этотъ договоръ и Полоцкъ ³⁾; съ своей стороны и Нѣмцы не желали, чтобы торговля съ Полоцкомъ прекращалась; такъ напримѣръ залывлялъ магистръ Ливоніи Робинъ-фонъ-Эльцъ, заключая въ 1387 г. перемиріе съ Скиригайлой. „Мы желаемъ“, говоритъ онъ,—„чтобы всѣмъ гражданамъ, а въ особенности Полоцка и Вильны,

¹⁾ См. «Торговля и мирныя сношенія Русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ» въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за май мѣсяцъ 1876 г.

²⁾ *Bönnell*, Russisch-Livländische Chronographie, 130.

³⁾ *Bunge*, Liv- Esth- und Curländisches Urkundeubuch, II, 150—158, № DCXCIII и № DCXCIV

позволено было по крайней мѣрѣ приходить въ Ригу съ своими товарами и тамъ торговать¹⁾. Эта торговля съ Полоцкомъ была для Нѣмцевъ, какъ кажется, очень выгодна; по крайней мѣрѣ въ концѣ XIV столѣтія они постарались придать ей прочную организацію на манеръ общества нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ; именно 29-го сентября 1393 года рижскій совѣтъ далъ нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ въ Полоцкѣ, инструкцію, коей нѣкоторые пункты взяты изъ постановленій нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ. Согласно этой инструкціи, нѣмецкіе купцы должны были неизмѣнно соблюдать слѣдующія правила: Они должны выбирать изъ своей среды одного ольдермана, который заботился бы о пользѣ своихъ собратій и во всемъ поступалъ справедливо; онъ долженъ защищать права купцовъ, руководствуясь, съ одной стороны, предписаніями рижской думы, а съ другой—собственными соображеніями. Изъ купцовъ никто не долженъ покупать со смѣсью сала и воска²⁾; никто не долженъ покупать того, что забраковалъ другой; нельзя позволять, чтобы нѣмецкій купецъ покупалъ то, что покупаетъ русскій; нѣмецкимъ купцамъ нужно извѣстить объ этомъ ольдермана, и ольдерманъ долженъ сообщить своимъ купцамъ, чтобы они этого товара не покупали (этимъ распоряженіемъ, равно какъ и слѣдующимъ, уничтожалась конкуренція, и слѣдовательно, возможность возвышенія цѣнъ на русскіе товары). Также не должно ни одному купцу покупать кожанныхъ издѣлій, ластокъ или горностаевъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$ тысячи. Никто не долженъ покупать кожанныхъ издѣлій³⁾, въ которыхъ замѣчена поддѣлка, также издѣлій изъ подкрашенной шерсти, и однихъ словомъ, пикакихъ товаровъ, въ которыхъ замѣчена какая-либо фальшь; ни одинъ Нѣмецъ не долженъ покупать товару болѣе, чѣмъ на тысячу марокъ серебра, подлѣ условіемъ штрафа за неисполненіе того. Ни одинъ Нѣмецъ не долженъ посылать Рус-

¹⁾ Ibid., III, 499, № 1245.

²⁾ 26-го января 1332 г. нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ рѣшили, чтобы никто не покупалъ послѣ 29-го іюня дурнаго воска ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ, ни въ Полоцкѣ, ни въ Ригѣ, ни въ Дерптѣ, ни въ Ревелѣ, ни на Готландѣ. Chronographie, Bonnelt, 123.

³⁾ Постановленіемъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ отъ 29-го сентября 1346 г. запрещалось покупать испорченные меховые товары въ Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Феллинѣ, на Готландѣ и тамъ, куда только Русскіе заходятъ. Chronographie, 139.

скому провіантъ ¹⁾. Всѣ эти вышенписанные пункты должно содержать подъ страхомъ пени въ 10 марокъ серебра за неисполненіе. И если какой купецъ захочетъ уѣхать, то долженъ идти къ ольдерману и дать клятву, что все вышенписанное законоположеніе онъ сохранилъ безъ хитрости. И если кто-нибудь этого не захочетъ сдѣлать и тайнымъ образомъ поѣдетъ внизъ въ Ригѣ, то объ этомъ ольдерманъ долженъ извѣстить рижскій совѣтъ, а послѣдній долженъ судить его по своимъ купеческимъ уставамъ. Если же выбранный въ ольдерманы захочетъ уѣхать, то онъ объ этомъ долженъ дать знать своимъ купцамъ, и они должны выбрать другаго ольдермана. И если ольдерманъ призоветъ своего купца къ суду, или будетъ какое-либо дѣло предъ королемъ и Полочанами, то купецъ долженъ дать монету серебра (около рубля). И если купцы не прійдутъ, то должно читать предъ ними это право. Также если ольдерманъ кому-нибудь прикажетъ прійти, тотъ долженъ прійти, и если не прійдетъ, то долженъ заплатить ольдерману половину фердинга ($\frac{1}{4}$ марки). Рижскій совѣтъ хочетъ, чтобы всѣ эти вышенписанные пункты каждый соблюдалъ безъ хитрости.

Изъ этого мы видимъ, что общество нѣмецкихъ купцовъ въ Полоцкѣ имѣло во многомъ сходство съ устройствомъ нѣмецкихъ же купцовъ въ Новгородѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ устройство это было строго корпоративное; все было предусмотрено для отклоненія конкуренціи и возвышенія цѣнъ на русскіе товары. Теперь перейдемъ къ обзору торговыхъ сношеній Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ.

Около 1338 года между Русскими, Литовцами и Самогитами съ одной стороны и Нѣмцами съ другой происходила война; изъ-за чего была эта война и подробности ея мы не знаемъ. Миръ 1-го ноября 1338

¹⁾ «Ok ne schal neen dudessche den Russen sendene vuren». Издатель «Русско-Ливонскихъ актовъ» подъ словомъ vuren дѣлаетъ такое примѣчаніе: «vure wohl = vore, zusammengezogen von voder. fodr, Futter also Proviant oder Mundprovision». Съ этимъ соглашались и г. Руссенуртъ, иѣтний ренельскій знатокъ нижне-нѣмецкаго языка; соображеніями и объясненіями его мы пользовались при переводѣ грамотъ, написанныхъ на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Г. Бонкель думаетъ, что этимъ постановленіемъ запрещается веденіе комиссіонной торговли. Commentar., 213. Въ новгородской скарѣ есть подобное же мѣсто: «Neiman ne kal oc Walen gdt... noch Russen borgen, noch to sendere voren» — никто не долженъ ни давать займы Валійцамъ... ни Русскимъ, ни брать у нихъ въ займы». О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами. И. Андреевская, стр. 91. Намъ кажется, правдоподобіе послѣдній переводъ.

года прекратилъ военныя дѣйствія. Договоръ, заключенный по этому поводу, содержитъ въ себѣ много важнаго для исторіи торговыхъ сношеній Россіи съ Ливоніей. По этому договору Двина должна быть свободною для купцовъ, идущихъ внизъ и вверхъ съ той и другой стороны,—будутъ ли они христіане или язычники; также должны быть свободны всѣ рѣки, впадающія въ Двину вверхъ отъ р. Эвесты ¹⁾. Далѣе нѣмецкимъ купцамъ должно ѣздить также далеко, какъ со- вѣтникамъ Литовскаго князя; и Русскимъ, и Литовцамъ обезпечивает- ся безопасность относительно жизни и имущества. Двинѣ должно сдѣ- лать безопасною съ обѣихъ сторонъ всякимъ купцамъ, и заморскимъ. Если нѣмецкій купецъ придетъ въ Литовскую землю или въ Русскую, то онъ можетъ въ этой землѣ ѣхать, куда захочетъ. Равнымъ образомъ русскіе и литовскіе купцы, если придутъ въ Ригу, то могутъ идти, куда хотятъ въ странѣ Лифляндской, и такъ далеко, какъ управляетъ ма- гистръ. Далѣе, если нѣмецкій купецъ идетъ въ Литовскую землю, или въ христіанскую страну, то купцы могутъ оставлять свой то- варъ безопасно; но если они будутъ разбиты отъ разбойниковъ, то князь не долженъ вину ихъ принимать. Равнымъ образомъ, если ли- товское войско сдѣлаетъ походъ въ христіанскую страну и разобьетъ русскихъ или литовскихъ купцовъ, то магистръ не долженъ его вину принимать. Далѣе, если нѣмецкій купецъ украдетъ что-либо въ Литвѣ или на Руси, то должно судить его въ Ригѣ за этотъ проступокъ; и если Литвинъ или Русскій украдетъ у нѣмецкаго купца, то его должно судить за эту вину. И если нѣмецкіе купцы начнутъ споръ между собою въ Литвѣ или на Руси, то рѣшеніе его должно отло- жить до Риги, и тамъ судить. Равнымъ образомъ если Русскіе или Литовцы начнутъ споръ между собою въ землѣ магистра, то разбор- ку его должно отложить до ихъ старшины. Далѣе, если нѣмецкій купецъ завяжетъ споръ съ литовскимъ или русскимъ купцомъ, также Русскій или Литвинъ съ Нѣмцемъ, то должно судить тамъ, гдѣ онъ произойдетъ. Убѣжить ли Литвинъ, или Русскій чрезъ мирную землю въ христіанскую страну и принесетъ съ собою имущество, и князь захочетъ взять его въ свои руки (конфисковать), то долженъ отдать товаръ, принадле- жащій другому. И также если убѣжить какой-либо мужъ изъ хри- стіанской земли чрезъ мирную землю въ Литовцамъ или въ Русь и принесетъ съ собою имѣнье, и захочетъ магистръ и ландмаршалкъ конфисковать это имущество, то онъ долженъ отдать имущество при-

¹⁾ Рѣка Эвеста впадаетъ въ Двину съ правой стороны.

надлежащее другому. И убѣжить Литвинъ или Русскій чрезъ немирную землю въ христіанскую страну и принесть съ собою имущество, то его отдавать не должно. Далѣе съ обѣихъ сторонъ не должно дѣлать никакого закладыванія. Этотъ миръ заключенъ на десять лѣтъ съ согласія короля Литовскаго, епископа и князя Полоцкаго и города Полоцка, и князя Витебскаго, и города Витебска, и съ согласія магистра, лаудмаршалка и многихъ другихъ братьевъ и совѣтниковъ Рижскихъ.

Послѣ этого общаго договора Полоцкій епископъ Григорій и князь Глѣбъ-Наримунтъ, сынъ Гедимина заключили другой частный договоръ съ Нѣмцами относительно вѣсовъ ¹⁾. Вотъ этотъ договоръ: „Такъ хотимъ мы горожане с мѣштеремъ: переже, како вѣсити воскъ на скалахъ, а вамъ чинити такожь, нъ тяжелѣй пашего полупуда. Тотъ товаръ, который вѣсити на скалахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не принимай. А вѣсѣви крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какий ни товаръ будеть. А Пемцѣмъ дати вѣсчего отъ бѣрковска заушна отъ поску, отъ мѣди, отъ олова. А соль вѣсити у пудный рѣмѣнь отъ бѣрковска узати ему долгал, отъ рубля дати ему долгал. А в Ривѣ рускому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковска полъ овра, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю. А соль вѣсити пуднымъ рѣмѣнемъ, отъ бѣрковска дати ему отъ вѣса любѣдскій, отъ гривны серебра любѣдскій. А вѣсити чистый воскъ безъ подсады, безъ смола, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. Аяко привѣзетъ нечистый товаръ, а не любъ будеть, поехати ему назадъ со своимъ товаромъ, а свой князь тамо кавнить его. Аже пайдуть у Нѣмецъ

¹⁾ Русско-Литовскіе акты № LXXIV, стр. 52—55. Бонкеле относитъ этотъ договоръ къ 1338 г. и доказываетъ это тѣмъ, что въ 1338 году 1-е ноября былъ заключенъ договоръ Гедимина съ Нѣмцами; въ этомъ договорѣ, какъ мы видѣли, принимали участіе епископъ Полоцкій, князь и всѣ Полочане. Какъ они принимали участіе въ заключеніи этого общаго договора, такъ могли заключать и особенный договоръ о вѣсахъ; а такой договоръ могъ быть заключенъ раньше возобновленія торговыхъ сношеній послѣ пріостановки ихъ во время военныхъ дѣйствій и послѣ обезпеченія всеобщимъ мирнымъ договоромъ. Къ тому же запрещеніе покупать воскъ съ примѣсю послѣдовало отъ нѣмецкаго новгородскаго двора во второй половинѣ 1332 г., и слѣдовательно, этотъ договоръ никакъ не могъ быть заключенъ въ 1330 г. Имена епископа и князя значатся на привѣшенной къ этой грамотѣ печати. Подъ магистромъ здѣсь разумѣется Эбергардтъ оонъ Монгейтъ (1328—1340 г.). *Бонкеле, Commentar.*, 175—176.

нечистый товаръ у Руской земли, пойти ему назадъ с товаромъ у Ригу, тамъ его свой князь судить".

До 1399 года мы не имѣемъ болѣе никакихъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Полоцкомъ съ Литовскими Нѣмцами. За то въ этомъ и слѣдующемъ году по поводу торговли происходила большая переписка между Витовтомъ, подъ властію котораго находился Полоцкъ, и Ливонцами. Въ 1399 году, 6-го марта, Витовтъ далъ грамоту Рижанамъ, которою подтверждались прежнія торговныя права тѣхъ и другихъ. „Мы великій князь Витовтъ дали есмо сию грамоту бургомистру Ризскому Никѣбруге и всемъ Нѣмцемъ и купцемъ Ризскимъ и инымъ всемъ, что же и у Полоцку Полочаномъ цоловати добрымъ людемъ крестъ цоловати па томъ, што имъ чинити Нѣмцемъ всеу правду и ву всей у торгопли и во всякомъ торговомъ деле; а тако же і у Ризе и Полочаномъ цоловати крестъ Нѣмцемъ, добрымъ людемъ на томъ, сто Полочаномъ чинити всеу правду и у вѣ сѣ і у торговли і во всемъ торговомъ деле. А рубежа не чинити промежи себе на обе стороне, ни Нѣмцемъ, ни Молочаномъ знати истцю истца. А на то на все дали есме сию грамоту і печать свою велѣли привесити. А пѣсана у Полоцку, у четвергъ четъертое недли поста, марта у шестый день, по Божьему нароженіи вышло лѣті тысяча и чотыриста безъ единого лѣта“ ¹⁾. Можетъ быть, въ этомъ же году былъ заключенъ Полоцкимъ намѣстникомъ Монтигирдомъ и всѣми Полочанами договоръ по повелѣнію князя Витовта. Въ этомъ договорѣ говорится о крѣпкомъ держаніи мира, заключеннаго Нѣмцами съ княземъ Семеномъ и Полочанами; о томъ, чтобы въ ту и другую сторону путь былъ чистъ, а Нѣмцы и Полочане пользовались взаимною безопасностію. „Што есте со княземъ съ Семеномъ миръ узли и с мужи Полочаны, штобы то такъ: здержали тотъ миръ крепько, а мы такъ і держимъ крепько, доколе ізмідеть. А на томъ миру ваши пусть к намъ едутъ чисто, а наши к вамъ едутъ чисто; а вамъ блюсти Полочанипа какъ бы своего Нѣмчипа, а мы хочомъ нашего Нѣмчина блюсти какъ бы своего Полочанина“ ²⁾.

Въ 1400 году произошли столкновенія Полочанъ и Витовта съ Нѣмцами. Это видно изъ донесенія рижскихъ пословъ Тидемана Ниебругге и Лобберта Виттенборга. Эти послы были сначала въ Смо-

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты, № СХХІІ, стр. 44—45.

²⁾ Русско-ливонскіе акты № СХХХІV, 104.

ленскі для своихъ торговыхъ цѣлей, а потомъ для тѣхъ же цѣлей прибыли въ Полоцкъ. Съ ними послано было два боярина и письмо отъ Витовта. Въ письмѣ приказывалось Полочанамъ переговоры съ нѣмецкими послами о торговыхъ дѣлахъ и о пропускѣ нѣмецкихъ кунцовъ по всѣмъ ихъ правамъ. По показанію нѣмецкихъ кунцовъ, Полочане неохотно согласились на это; между послами и Полочанами произошелъ споръ. Полочане жаловались на Нѣмцевъ за то, что совѣтъ рижскій запретилъ Русскимъ торговать съ заморскими купцами въ Ригѣ, и что отъ Риги впервые произошло замѣшательство. На это нѣмецкіе послы отвѣчали, что этого не могло быть, потому что заморскіе купцы вольны торговать въ Ригѣ, съ кѣмъ хотятъ. Съ своей стороны нѣмецкіе послы тоже не остались въ долгу; они стали упрекать Полочанъ за то, что у нихъ неправильные вѣсы, напомнили о скалѣ и нудѣ, а также и о томъ, что они неправильно приняли нѣмецкую соль ¹⁾.

Столкновеніе съ Витовтомъ произошло по слѣдующему случаю: Витовтъ сталъ требовать, чтобы нѣмецкіе купцы продавали суено въ долгѣ, а расчетъ получили бы въ Вильнѣ; купцы отвѣчали, что это противно грамотѣ привилегій, въ которой сказано, что нѣмецкіе купцы должны торговать съ Русскими и Литовцами въ городѣ. Витовтъ на это разсердился и запретилъ имъ идти въ Ригу, а Литовцамъ и Русскимъ запретилъ ходить вверхъ и внизъ по Двинѣ; запретилъ Нѣмцамъ мелочной торгъ, покупать скотъ, рожь и медъ; необходимое для провіанта они должны были покупать тайкомъ; принуждалъ Нѣмцевъ насильно взять отъ Смольнянъ и Полочанъ воскъ со смѣсью ²⁾. Это подѣйствовало на Нѣмцевъ, и они, какъ видно изъ письма Витовта къ Рижанамъ отъ 4-го февраля 1401 года, отправили къ Витовту письмо, въ которомъ выразили свою скорбь вслѣдствіе подобныхъ столкновеній. Далѣе Витовтъ проводилъ ту мысль, что напрасно

¹⁾ Ibid. № СХХVII, 98 и 99.

²⁾ Ibid. № XXXV, 105. Запрещеніе торговать съ Русскими послѣдовало отъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ 25-го іюля 1318 года. *Воннелъ*, 107. Подобное же постановленіе было сдѣлано въ 1366 г. 24-го іюня собраніемъ уполномоченныхъ отъ приморскихъ городовъ въ Любекѣ, гдѣ для новгородскаго двора было постановлено: «никакой гость не долженъ ни продавать Русскому, ни покупать у него въ кредитъ, но на чистыя деньги или товары, подъ страхомъ пени пятидесяти марокъ серебра». О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами, *Ио. Андреевскаго*, 105.

ему не довѣряють, что никто отъ него еще не былъ несчастнымъ. Въ заключеніе говорится, что его города и земли въ ихъ волѣ: „Вольно вамъ къ намъ прїѣзжать и уѣзжать. Знайте также, что мы написали Полочанамъ, чтобъ они дали крестное цѣлованіе, что будутъ поступать справедливо, какъ въ отношеніи васъ, такъ и въ-совъ“ ¹⁾).

¹⁾ Русско-ливонскіе акты, № СХХХVI, 106.

Ив. Тихомировъ.

О ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРѢ ЗАПАДНЫХЪ ФИННОВЪ ПО ДАННЫМЪ ИХЪ ЯЗЫКА ¹⁾).

Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Von Dr August Ahlquist (Культурныя слова въ западно-финскихъ языкахъ. Вкладъ въ исторію древней финской культуры. Соч. д-ра Августа Ахквиста). Helsingfors. 1876.

V,

Семейный бытъ у древнихъ Финновъ; названія родства; домочадцы.—Бытъ общественный: община, народный сходъ.— Военные обычаи; вооруженіе.— Религіозныя понятія; дѣленіе времени и праздники; народное творчество.

Для изображенія *семейнаго быта* финскіе языки предлагают обильный матеріалъ. Какъ собственно финскій, такъ и другіе языки той же группы—по замѣчанію г. Ахквиста—сравнительно богаты самобытными словами, означающими родственныя связи, и въ этомъ отношеніи они могутъ быть поставлены на ряду съ языками литовскими и славянскими, въ которыхъ всѣ отбѣнки родства и свойства весьма точно отмѣчены различными словами. И такъ какъ названія родственныхъ связей въ большей части финскихъ языковъ одни и тѣ же, то изъ этого — думаетъ г. Ахквистъ — можно заключить, что правильный семейный бытъ сложился у Финновъ самобытно, независимо отъ вліянія другихъ народовъ, и притомъ въ то еще время, когда Финны не дѣлились на многія племена. Таковъ общій окончательный вы-

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* текущаго года.

водѣ почтеннаго изслѣдователя; но при этомъ нельзя не замѣтить, что въ болѣе частныхъ заключеніяхъ, относящихся къ исторіи развитія финскаго семейнаго быта, г. Алевисту нерѣдко приходится указывать слѣды чужаго вліянія.

Въ настоящее время, говоритъ онъ,—у Западныхъ Финновъ семья, финск. *pere*, *perhe*, эстск. и вотск. *pers*, лопск. *paerad*, *baeraš*, образуется далеко не тѣмъ способомъ, чѣмъ въ древности. У Тюркскихъ народовъ, а также и у Восточныхъ Финновъ, издревле существуетъ обычай, что молодецъ, желающій вступить въ бракъ съ дѣвушкой, вносить отцу ея такъ называемый калымъ, то-есть, вѣно или извѣстный выкупъ, вознагражденіе—не только за ея прокормленіе и воспитаніе, но и за ту рабочую силу, которой лишастся семья нестѣсти съ выходомъ ея замужъ. Размѣръ этого выкупа бываетъ иногда весьма крупнѣ; онъ зависитъ отъ того значенія, какимъ пользуется семья нестѣсти, и въ особенности—отъ размѣра ея приданаго. Но и у народа бѣднаго вносятъ калыма столь обязательнаго, что иной немущій Татаринъ такъ и умираетъ неженатымъ, потому что не въ состояніи накопить довольно денегъ для покупки жены. Въ былое время отъ калыма избавлялись тѣмъ, что добывали себѣ жену похищеніемъ, умышкой: обычай, домышль существующій у степныхъ Тюркскихъ народовъ, и многочисленныя слѣды котораго сохранились въ пѣсняхъ и преданіяхъ Урало-Алтайцевъ, живущихъ болѣе къ западу. Что же касается Финновъ Балтійскихъ, то ихъ брачный обычай составляетъ уже третью ступень въ общемъ развитіи семейнаго быта, такъ какъ, по всему вѣроятію, Финны, прійдя къ Балтійскому побережью, позаимствовали многое въ этомъ отношеніи у Литовскихъ народовъ и тѣмъ дополнили и развили кругъ собственныхъ обыкновеній. Наконецъ, дальнѣйшее измѣненіе послѣднихъ совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о бракѣ и церковныхъ обрядахъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго г. Алевистъ находитъ обильныя данныя въ кругу финскихъ словъ, относящихся къ семейному быту.

Женатый мужчина носитъ въ западно-финскихъ языкахъ двоякое названіе: во первыхъ, финск. и лопск. *mies*, эстск. и вотск. *mies*, венск. *m'ez*, собственно въ значеніи супруга, и вторыхъ, финск. *mees*, мадьярск. *ur*, господинъ, ввр. *verüs* или *veres*. Оба эти слова г. Алевистъ сопоставляетъ съ соответствующими имъ арійскими: первое — со слав. *мужь*, лат. *mas*, и второе — съ лат. *viras*, латышск. *vīrs*, лат. *vir*, какъ бы намекая тѣмъ самымъ, что корни этихъ словъ общи финскимъ и арійскимъ языкамъ. Впрочемъ, въ терминологіи

семейнаго быта можно, какъ увидимъ ниже, указать не одинъ примѣръ такого сходства.—Женщина имѣетъ по фински нѣсколько названій. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ происходитъ отъ корня: *naí, nei*, отъ котораго въ разныхъ нарѣчіяхъ западныхъ и частію восточныхъ образуются какъ общее названіе женщины, такъ и болѣе частныя — супруги, дочери, дѣвушки. Другое, также весьма распространенное названіе жены есть финск. *vaimo*, одного корня съ эстск. *vaim*, духъ, душа, чувство, и лопск. *vaimbo*, сердце; переходъ этого послѣдняго кореннаго значенія въ упомянутое выше производное объясняется, по мнѣнію г. Адвиста, употребленіемъ кореннаго слова въ ласкательномъ значеніи подобно нѣмецкому *mein Herzschen* или русск. *душенька*. Остальныя названія женщины суть финск. и лопск. *akka* и финск. *muja*; они имѣютъ оттънокъ шутиливости и употребляются преимущественно въ смыслѣ хозяйки; притомъ *muja* происходитъ отъ простонароднаго шведск. *moja*, имѣющаго то же значеніе.

Отъ самобытнаго *naí*, жена, происходитъ глаголъ финск., востск. и непск. *naia*, жениться; посвататься означаетъ по фински и эстски словомъ *kusia*, по ливск. *koš, kuotš*, происходящимъ отъ латышск. *kāsa*, свадьба. Собственно въ финскомъ языкѣ свадьба называется самобытнымъ словомъ *häät*, по въ лопскомъ то же слово, въ формѣ *hajak*, является лишь въ болѣе общемъ значеніи — угощеніи; эстскій языкъ также называетъ свадьбу словомъ, имѣющимъ во коренное, а перепосное значеніе, именно *pulmad* (мн. ч. число), что по прямому смыслу значить шумъ или толпа. Обручальное кольцо называется по фински *kihla*, лопск. *kihle*, эстск. *kihl*; послѣднее слово, равно какъ и ливск. *kil*, имѣетъ также значеніе залога, и вепск. форма *kehl* означаетъ закладъ. Хотя слово это распространено почти во всѣхъ западно-финскихъ нарѣчіяхъ, происходитъ оно изъ арійской группы языковъ: по латышски залогъ также значить *kīls*, и это коренное значеніе слова, что объясняется др.-сѣв. *gisl*, шведск. *gislan*, датск. *Gidsel*, нѣм. *Geissel*, заложникъ. Не трудно объяснить, почему обручальное кольцо, залогъ и закладъ называются словами одного корня: если бьются объ закладъ, то въ обезпеченіе справедливости своего утвержденія даютъ залогъ; такъ и при обрученіи кольцо есть залогъ того, что женихъ исполнитъ свое обязательство относительно невѣсты.

Для лицъ, вступающихъ въ бракъ, пѣтъ въ финскихъ языкахъ самобытныхъ названій. Въ собственно финскомъ, эстскомъ и лопскомъ слово, означающее невѣсту, финск. *morsian*, эстск. *mõrsi*, лопск.

moarzze, объясняется изъ литовскаго; венское *mužbîn*, отъ того же корня, означаетъ молодуху; далѣе, въ ливскомъ невіста называется *brut*, отъ нѣм. *Braut*, а въ вепскомъ, вогульскомъ и зырянскомъ сходно съ русскимъ—*nevest*, *nevesta*; наконецъ, и въ русско-корельскомъ мы опять встрѣчаемъ *neveska*, но лишь въ значеніи невістки. Какъ въ русск. *невестка* скрывается едва ли не древнѣйшій смыслъ этого слова — молодая жена, жена сына, ибо состояніе невісты, какъ дѣвицы, помолвленной за жениха, не соответствуетъ древнѣйшему обычаю умыканія и есть явленіе относительно позднѣйшее ¹⁾, — такъ и въ финскихъ языкахъ, при отсутствіи самобытнаго названія для помолвленной дѣвицы, есть чисто самобытное слово, означающее молодуху, еще не имѣющую дѣтей: финск. *nuorikko*, востск. *noorikko*, эстск. *noorik*, отъ коренного *nuori*, молодой.

Въ отношеніи къ названію жениха финскіе языки представляютъ нѣсколько выраженій; но одни изъ послѣднихъ, кореннымъ финскимъ, какъ напримѣръ, финск. *ylkä*, лопск. *irgge*, эстск. *peig*, означаютъ вступающаго въ бракъ человѣка только по переносному словопотребленію; другія же названія прямо перенаты изъ языковъ чужихъ: такъ, слав. *женихъ* перешло къ Кареламъ, Води, Вогуламъ и Мордвѣ. Подобно тому заимствованнымъ оказывается и наиболѣе употребительное въ собственно финскомъ языкѣ названіе жениха *sulhanen*, и притомъ распространеніе этого слова въ языкахъ западно-финской группы представляетъ—по мнѣнію г. Алевиста—свидѣтельство объ одномъ замѣчательномъ явленіи древняго финскаго быта. Между тѣмъ какъ по фински *sulhanen* значитъ женихъ, въ эстскомъ языкѣ мы находимъ то же слово *sullane*, *sulane*, въ ливскомъ *sulli*—въ значеніи слуги, работника. Таково же значеніе и латышск. *sullainis*, которое послужило прототиномъ для вышеупомянутыхъ словъ, а само есть ничто иное, какъ уменьшительное отъ *sulha*=слав. *слуга*. По догадкѣ г. Алевиста, переходъ значенія слуги въ значеніе жениха объясняется тѣмъ, что въ древности у Финновъ, вѣроятно, былъ обычай, сходный съ еврейскимъ, — что молодой человѣкъ, желающій жениться на какой-либо дѣвушкѣ, долженъ былъ до свадьбы прослужить нѣкоторое время въ работникахъ въ домѣ отца невісты.—Чтобы покончить съ кругомъ словъ, относящихся непосредственно до брачныхъ отношеній, упомянемъ еще, что для oznачenія вдовы, вдовца финскіе языки или

¹⁾ См. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, соч. П. Лавровскаго, стр. 90—91.

употребляютъ самобытное слово *leski*, *lesk* и пр., по первоначальному смыслу значущее вольный, свободный, или пользуются словами, заимствованными изъ русскаго языка.

Отъ терминовъ, касающихся собственно брачнаго состоянія, перейдемъ къ названіямъ кровнаго родства. Отецъ называется въ финскихъ языкахъ двояко: во первыхъ—финск. *isä*, эстск. *isa*, *isa*, вотск. *izä* и *äitä*, вог. *säs'*, остяцк. *äzi*, мадярск. *atyá*, морд. *at'a*, старикъ, самецъ, *at'ai*, тостъ, потацк. *ata*, *atai*, черем. *äitä*; и во вторыхъ—финск. *taatto*, эстск. *taat*, вепск. *tal*, ливск. *lõt'*, черем. *t'ötä*, дѣдъ; но, по замѣчанію г. Алевиста, оба эти названія такъ смѣшиваются одно съ другимъ въ употребленіи, что являются какъ бы двумя формами одного въ сущности корня; къ этому можно прибавить, что какъ въ финскихъ названіяхъ мужа и жены г. Алевистъ усмотрѣлъ нѣкоторое сродство съ словами арійской группы, такъ то же можетъ быть замѣчено и въ отношеніи названій отца: вспомнимъ греч. *ἄτα*, лат. и готск. *atta*, слав. *отъ*, *отецъ*, греч. *τάτα*, литовск. *tėtis*, русск. *татя* ¹⁾. Какъ финск. *isä*, по мнѣнію г. Алевиста, стоитъ въ близкой связи съ прилагат. *iso*, большой, такъ и встрѣчающееся во многихъ финскихъ языкахъ названіе дѣда или вообще старика — *äijä* происходитъ отъ корня, означающаго многій, великій. Гораздо менѣе распространено другое названіе дѣда или вообще старика—*ukko*: мы находимъ его только въ финскомъ собственно да въ вепскомъ *uk*; въ эстскомъ же, въ формахъ простой *Uki* и сложной *imeukid*, оно получило только спеціальный характеръ, какъ названіе мѣстеческихъ существъ: эстск. *Uki* — то же, что финское божество *Ukko*, а эстск. *imeukid* означаетъ сонныхъ духовъ. Къ этому должно прибавить, что *Ukko*, *Uki* не составляли однако, по мнѣнію Кастрена, коренныхъ личныхъ именъ почитаемаго Финскими племенами бога неба, но сперва придавались ему только какъ эпитеты, выражающіе почтеніе ²⁾.

Мать носитъ въ финскихъ языкахъ нѣсколько названій: одно изъ нихъ *emä*, *jema* и т. д. встрѣчается въ финскомъ собственно, вотскомъ, ливскомъ и остяцкомъ; другое—*enne*, *adne* и т. д.—то же въ вотскомъ и остяцкомъ, и сверхъ того, въ лопскомъ, мадярскомъ, вотяцкомъ и вогульскомъ. Кромѣ этихъ словъ самобытнаго происхож-

¹⁾ Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, *II. Лагрокскою*, стр. 10—11.

²⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie. Uebersetzt von A. Schiefner (St.-Petersh. 1853), стр. 26 и слѣд.*

денія, въ языкахъ корельскомъ, венскомъ и зырянскомъ мы находимъ названія матери, образованныя сходно съ обще-арійскимъ словомъ *matma*; въ финскомъ же собственно нинѣ наиболѣе употребительно въ этомъ смыслѣ слово *äiti*, эстск. *ei*, происходящее, вѣроятно, отъ готскаго *aihei*. Бабка обыкновенно называется по фински *tiitto*, отъ шведск. *mormor*.

Дитя называется въ финскомъ *lapsi*; въ эстскомъ, ливскомъ и венскомъ *laps*, въ вотскомъ *lahsi*; этому слову соответствуетъ мордовское *lefks*, въ значеніи дѣтенышъ. Название сына — финск. и вотск. *poika*, венск. *poig*, эстск. *poeg*, ливск. *puoga*, вотяцк. и зыр. *pä*, мадьярск. *fi* и *fin*, вог. *pü*, остяцк. *poñ*, принадлежитъ, по видимому, къ числу тѣхъ словъ, въ конхъ языки финскіе по своимъ корнямъ сближаются съ арійскими. Изъ сравненія формы этого слова въ западныхъ и восточныхъ финскихъ языкахъ г. Алквистъ заключаетъ, что окончаніе *ki* въ первыхъ есть слогъ производный, и что въ такой формѣ слово это сложилось, быть можетъ, подъ вліяніемъ шведскаго *pojke*, гдѣ окончаніе *ke* имѣетъ уменьшительное значеніе сравнительно съ датск. *rog*, англ. *boy*, франц. *page* и греч. *παῖς*; болѣе же первоначальную финскую форму этого слова, по предположенію г. Алквиста, составляетъ эстск. *poji*, ребенокъ, и вотск. *pojo*. — Для представителя третьяго поколѣнія, внука, финскіе языки не имѣютъ вовсе самобытнаго слова и пробавляются заимствованіемъ слав. *унукъ* въ формѣ *unika* *unikka*, и т. д. — Названіе дочери въ большей части финскихъ языковъ образуется изъ самобытнаго слова *ne*, которое уже было упомянуто выше въ значеніи женщины; въ томъ же смыслѣ встрѣчаются въ финскомъ собственно *tyttö*; это слово г. Алквистъ считаетъ возможнымъ сблизить съ татарскимъ *tuta*, означающимъ старшую сестру; но кромѣ указанныхъ выраженій, въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ у Западныхъ, такъ и у Восточныхъ Финновъ, названіе дочери заимствовано изъ языковъ арійской группы. То же должно сказать и о названіи сестры въ большей части финскихъ языковъ, хотя въ эстскомъ и лонскомъ и для этого понятія встрѣчаются выраженія самобытныя.

Г. Алквистъ обращаетъ вниманіе на ту особенность урало-алтайскихъ языковъ, что во многихъ изъ нихъ старшіе и младшіе братья, старшія и младшія сестры называются различными словами, и что въ то же время время дяди называется также, какъ старшій братъ, а тетка, какъ старшая сестра; впрочемъ, продолжаетъ почтенный авторъ, — особенность эта у Балтійскихъ Финновъ ужь утратилась

подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и европейской культуры. Что же касается Финновъ Восточныхъ, то приведенные г. Алквистомъ примѣры доказываютъ, что языки ихъ еще сохраняютъ, хотя отчасти, вышеуказанную черту древности. Итакъ, согласно сказанному, въ нынѣшнемъ словоупотребленіи многихъ западно-финскихъ языковъ названіе брата вообще производится изъ одного корня: таково финск. *veijo, veikko, veli*, эстск. *veli, vend*, лопск. *vellja* и т. д. (форма *veikko* перешла и въ русскій народный говоръ Петербургской губерніи изъ значенія товарища, брата — *вейка*); но названія дяди дробятся, смотря по тому, разумѣется ли дядя по матери, или дядя по отцу: первый называется по фински *eno*, по эстски и вотски *ono* и т. д., второй — финск. *setä*, эстск. *loll*; въ лопскомъ языкѣ дробленіе названія дяди по отцу идетъ еще далѣе, такъ что дяди, который старше отца, называется иначе, чѣмъ дядя моложе отца. Изъ восточно-финскихъ языковъ, тождество названій старшаго брата и дяди и отдѣльность названій младшаго брата особенно ярко выступаютъ въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотицкомъ, хотя при этомъ названные языки имѣютъ особые слова для означенія общаго понятія о братѣ. Наконецъ, тетка называется по фински, вотски и вепски *täti*, по этски *tädi, tönd*, и о происхожденіи этого слова г. Алквистъ не высказывается окончательно — заимствовано ли оно отъ слов. *тетя*, или же самобытное и стоитъ въ связи съ упомянутымъ выше финск. *tyttö*, дочь; но въ лопскомъ языкѣ мы опять находимъ особое названіе для тетки, которая старше матери — *goaske, koska*, и для такой, которая моложе матери — *niola*; подобно тому въ мордовскомъ, черемисскомъ и вотицкомъ проводится различіе между старшею и младшею сестрой.

Но останавливаясь далѣе на подробномъ анализѣ второстепенныхъ родственныхъ названій у Финновъ, который предложенъ г. Алквистомъ, ограничимся однимъ, истекающимъ отсюда выводомъ, именно — что въ финскихъ языкахъ встрѣчаются самобытные слова, коренныя, или по крайней мѣрѣ производныя, для означенія вочими, матини, пасинки, падчерицы, свекра, свекрови, зятя, свояка, шурина, дельера, снохи, золовки, невѣстки и сноиченицы. Можно съ увѣренностью сказать, что именно это обиліе самобытныхъ терминовъ для мелкихъ отѣнковъ родства и свойства и побудило почтеннаго финнолога высказать то заключеніе, что семья сложилась у Финновъ самостоятельно, прежде, чѣмъ они пришли въ соприкосновеніе съ Аріійскими народами вблизи Балтійскаго моря.

Подобное точное и подробное разграниченіе различныхъ род-

ственныхъ отѣнковъ, существовавшее въ старину у Славянъ, по замѣчанію изслѣдователя славянской терминологіи родства П. А. Лавровскаго, — „необходимо должно вести къ заключенію о происхожденіи его въ пору совмѣстной жизни цѣлаго рода, потому что только при такомъ условіи понятною становится потребность болѣе точнаго и опредѣленнаго выдѣленія родичей, а чрезъ это — и избѣжанія смѣшенія и недоразумѣній. Изъ наблюденія надъ постепеннымъ вымираниемъ родственныхъ названій“, продолжаетъ тотъ же ученый, — „въ послѣдующее, сравнительно позднѣйшее, историческое время жизни Славянъ, когда семейно-родовой бытъ ихъ видимо распадался, смѣло можно утверждать, что полнота родственныхъ терминовъ... относится къ самому полному развитію семейно-родовой связи“¹⁾. Г. Алквистъ хотя и засвидѣтельствовалъ обиліе родственныхъ названій у Финновъ, но не могъ сдѣлать отсюда выводъ, что у нихъ было живое сознаніе родоваго начала. Напротивъ того, онъ прямо говорить, что семейная или родоваая связь не вела у Финновъ къ социальному объединенію. Въ западно-финскихъ языкахъ существуетъ два слова, которыми означаетъ понятіе рода: во первыхъ — финск. и вотск. *suku*, эстск. и вепск. *sugu*, ливск. *sug*, лопск. *soikka*, и вторыхъ — финск. *heim*, эстск. *hõim*, ливск. *aim*; но ни то, ни другое выраженіе не имѣетъ значенія триба, кантона, клана или чего-либо подобнаго, почему и нельзя думать, чтобы семьи, принадлежавшія къ одному роду, составляли у Финновъ одну социальную единицу. Да образованіе такой связи, прибавляетъ г. Алквистъ, — было и не возможно, потому что каждая семья жила сама по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, ради удобства охоты и пастьбы скота.

Отдѣльное жилище одной семьи, большое или малое, называется по фински и вотски *talo*, по эстски *talo*, *talu*, по ливски *tal*, по лопски *dallo*; крестьянская усадьба съ принадлежащею къ ней землею, такъ называемый геймать, означаетъ по фински словомъ *tila*, а участокъ земли, предоставляемый въ пользованіе постороннему лицу за нѣкоторую плату или подъ условіемъ извѣстныхъ работъ, носитъ по фински названіе *torppa*, отъ шведск. *torp*. Для означенія домохозяина, домохозяйки употребляются въ финскомъ собственно слова *isäntä*, *etäntä*, повторяющіеся также, съ небольшими измѣненіями, въ эстскомъ, ливскомъ, вепскомъ и лопскомъ; въ южно-емскихъ говорахъ выраженія эти получили значеніе господина, госпожи. Но во всякомъ

¹ Ко реинное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ, стр. 37—38.

случаѣ, по замѣчанію г. Алевиста, происхождение ихъ отъ финск. *isä*, отецъ, и *etä*, мать, указываетъ на то народное воззрѣніе, по которому домохозяева являются лицами, заступающими мѣсто родителей.

Названій слуги, работника въ финскомъ языкѣ есть нѣсколько, но они по большей части заимствованныя. Одно изъ наиболѣе старинныхъ—финск. и востск. *orja*, эстск. *ori*, въ современномъ употребленіи означающее уже не простого слугу, а раба; но такъ какъ у древнихъ Финновъ, по всей вѣроятности, рабовъ не было вовсе, и какъ въ восточно-финскихъ языкахъ вовсе нѣтъ самобытныхъ словъ для означенія этого понятія, то г. Алевистъ допускаетъ предположеніе, что и слово *orja*—принятое и пожалуй не чуждо арійскому корню *ar*, что значить почитать, служить. Выше было упомянуто, что изъ слав. *слуга* образовалось эстск. *sullane*; финск. *holappa*, эстск. *holop* также, очевидно, происходитъ изъ русск. *холопъ*. Любопытно, что въ восточной Финляндіи распространено слово *kasakka* въ значеніи наемнаго работника: въ томъ же смыслѣ употребляется оно и въ русскомъ языкѣ въ Архангельской, Псковской и Тверской губерніяхъ¹⁾. Кстати замѣтить, что и слово *бобль* также перешло въ финскій языкъ въ формѣ *porini* и также употребительно въ той части Финляндіи, которая примыкаетъ къ русскимъ предѣламъ.

Замкнутостью, песообщительностью финскаго народнаго характера г. Алевистъ объясняетъ то обстоятельство, что финскіе языки очень бѣдны словами, означающими товарища, друга. Въ Калевалѣ употребляется въ смыслѣ товарища описательное выраженіе *toinen mi- es*, что буквально значить другой человѣкъ; въ современной финской рѣчи чаще всего встрѣчаются слова *kumppani*, *kumppali*, отъ шведск. *kumpan*, и *toveri*, отъ русск. *товарищъ*; послѣднее слово усвоено также Вепсами и Карелами. Другъ—по фински *ystävä*, отъ самобытнаго *yskä*, грудь; такимъ образомъ, по коренному своему смыслу слово это близко къ русскому *наперсникъ*. Но наиболѣе любопытно въ этой группѣ понятій эстское слово *sõbr*, ливск. *sõbbõrs*. Г. Алевистъ указываетъ прототипъ его въ литовск. *sẽbras*, товарищъ, и затѣмъ, говоритъ, что изъ эстскаго оно перешло въ финскій, гдѣ получило отвлеченное собирательно значеніе общества, товарищества. Что и въ финскомъ собственно оно имѣло въ старинну форму *sepra*, на это—по предположенію г. Ал-

¹⁾ Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 62.

квиста—указываетъ лопск. *sebre, satvve*, заимствованное изъ финскаго. Ученый финнологъ идетъ и еще далѣе, предполагая, что отъ Эстовъ и Кареловъ слово это перешло также въ русскій языкъ въ формѣ *сябрь*—знакомый, пріятель, и *себра*, работа общими силами. Ему извѣстно только современное употребленіе этихъ словъ въ Псковской и Олонецкой губерніяхъ, между тѣмъ какъ въ формѣ *шебѣрь, шабѣрь*, товарищъ, то же слово распространено во всей Великороссіи ¹⁾ и даже не чуждо другимъ славянскимъ языкамъ, напримѣръ, сербск. *себар*, земледѣлецъ ²⁾, почему и можетъ быть сочтено за коренное славянское.

До сихъ поръ въ этой главѣ мы слѣдовали за г. Алквистомъ въ характеристикѣ семейнаго быта Финновъ. Теперь же перейдемъ къ изображенію быта *общественнаго*, на сколько это позволяетъ финнологическій матеріалъ, собранный нами ученымъ.

Мы уже видѣли, что г. Алквистъ не нашелъ въ финскихъ языкахъ свидѣтельства о существованіи у Финновъ рода какъ соціальной единицы. Недостатокъ у нихъ общественности характерно обозначается отсутствіемъ самостоятельнаго слова и для названія сосѣда: отъ слова *vietri*, край, прилежащее, образовалось финск. *viergas*, что значитъ не сосѣдъ, а чужой; для означенія же сосѣда западно-финскіе языки усвоили себѣ сканд. *nábúi*, шведск. *nabo*, а восточно-финскіе — русск. *сусѣдъ*. При разселеніи Финновъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо границахъ между пастбищами и жилищами отдѣльныхъ семей; подобными границами могли служить только рѣки, горные крижи и т. п. Jus prius ossurantis предоставляло то или другое пространство въ извѣстныхъ рѣки, и земли, такимъ образомъ заняты, называлась *pylät*, занйма, займище. Когда являлась необходимость отмѣтить такой участокъ какимъ-либо знакомъ, ставился столбъ или клался камень, и его называли *pyykki, pyukki*: теперь это названіе межеваго знака. Другой, болѣе опредѣленной примѣты для поземельной собственности и не требовалось до тѣхъ поръ, пока земледѣліе не стало господствующимъ занятіемъ населенія. Отсюда понятно, заключаетъ г. Алквистъ, — почему фин-

¹⁾ См. Опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 201, 225, 261, 264. Ср. *сябровъ*, упоминаемыхъ въ Псковской судной грамотѣ 1467 г.; см. Руск. Ист. К. Н. Бестужева-Рюмина, I, 369 и 379.

²⁾ См. Серпски Рјечникъ, В. Караджича, стр. 674.

скіе языки не имѣютъ самобытныхъ словъ для означенія границы, края, рубежа, межи и пользуются для того выраженіями, заимствованными по большей части изъ русскаго; только у Вепсовъ встрѣчается самобытное слово *keskus*, но и оно есть лишь прямой переводъ русскаго *межа*.

Слабое сознаніе общественнаго принципа у Финновъ чувствуется и въ тѣхъ словахъ, коими они выражаютъ понятіе о населенномъ мѣстѣ и о народѣ. Деревня—по фински *kylä*, по востск. ливск. и вепсск. *killa* и т. д., но въ этомъ словѣ отнюдь не разумѣется сельская община, а лишь нѣкоторая совокупность человѣческихъ жилищъ. Точно также финск., эстск. и востск. *rahvas* или финск. *kansa* значить народъ только какъ множество людей. Впрочемъ г. Алевистъ указываетъ на одно самобытное финское слово, которое, по видимому, означало издревле нѣчто въ родѣ общины: это—*pitäjä*, что нынче значить приходъ, кирхшпиль. Это послѣднее значеніе слово *pitäjä* получило, очевидно, послѣ принятія христіанства, каковъ же былъ его коренной смыслъ—остается неизвѣстнымъ. По догадкѣ г. Алевиста, слово это сложилось первоначально у Еми или Тавастовъ, такъ какъ у этого племени раньше всего развилась общинная жизнь, и притомъ не въ эпоху новгородскаго или шведскаго владычества, а гораздо раньше, когда Емь была независима и находилась въ сношеніяхъ съ Литовцами и Русскими Славянами. Въ такомъ случаѣ развитіе финской *pitäjä* соответствовало бы развитію русскихъ погостовъ, которые прежде всего были отдѣльными сельбищами, а потомъ собраніемъ такихъ сельбищъ (изъ коихъ одно было главнымъ, а другія въ отпошсін къ нему выселками),—съ теченіемъ же времени получили значеніе религіозное—приходовъ и церквей, и гражданское—волостей съ центрами волостнаго управленія ¹⁾.

Г. Алевистъ предполагаетъ далѣе, что древняя финская *pitäjä* имѣла свое общественное собраніе, которое и называлось *keräjä*: самобытное финское слово, сдѣлавшееся въ послѣдствіи названіемъ суда въ скандинавскомъ смыслѣ; но выстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ и русскаго вліянія на образованіе такихъ народныхъ сходокъ, такъ какъ у Вепсовъ эти собранія называются *siim*, то-есть, согласно съ русск. *сеймъ*. Напрасно однако г. Алевистъ полагаетъ, что это послѣднее слово не принимается къ народнымъ сходкамъ собственно

¹⁾ Средневостскій, Читенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (С.-Пб. 1862), стр. 34.

на Руси: слово *снѣмъ* встрѣчается въ древне-русскихъ памятникахъ, а въ сопряженномъ олопецкомъ говорѣ находимъ именно въ этомъ смыслѣ *суемъ*, ближайшимъ образомъ сходное съ вепсск. *sini*. Въ богатомъ архивамъ вепсскомъ языкѣ сохранилось и другое замѣчательное слово—*kuiht*, которымъ означается пинѣ всякій баринъ или чиновникъ: г. Алквистъ предполагаетъ, что въ древности такъ называли главу общины, или по крайней мѣрѣ, народнаго вождя во время войнъ. Всѣ прочія названія правителей (кромѣ еще эстск. *isand*, по первоначальному смыслу—домохозяинъ) заимствованы финскими языками изъ русскаго, шведскаго или нѣмецкаго, равно какъ и большая часть другихъ словъ, относящихся къ общественному и государственному быту. Не вдаваясь поэтому въ подробности относительно терминовъ этого рода, скажемъ только, что Финны должны были позаимствовать у своихъ сосѣдей между прочимъ такіе слова общаго значенія, какъ судъ, свободный человѣкъ, законъ и пр.

Обращаемся къ собраннымъ г. Алквистомъ даннымъ о *воинскихъ обычаяхъ* древнихъ Финновъ. Хотя, говоритъ нашъ ученый, — Финны вообще народъ миролюбивый, но въ войнѣ они всегда проявляли храбрость, хладнокровіе и стойкость. Упорное сопротивленіе, оказанное Эстами Нѣмцамъ и Вепсами и Карелой Русскимъ, морскіе набѣги Кареловъ изъ Финскаго залива на западъ, ихъ постоянная вражда со Шведами и Русскими, наконецъ безчисленныя войны, веденныя Финнами въ эпоху шведскаго владычества, свидѣлствуютъ, что Финны отнюдь не боялись суровой военной потѣхи. Герои Калевалы являются въ минуты опасности по истинѣ мужественными, хотя нѣкоторые изъ нихъ вовсе не воины по ремеслу, и болѣе великолѣпнаго витязя, чѣмъ Лемминкайненъ, не воспѣлъ никакой другой народный эпосъ: доказательство, что военныя способности были высоко цѣнены тѣмъ народомъ, который сложилъ этотъ эпосъ. Тѣмъ не менѣе, Финны не знали правилъ военнаго искусства до покоренія Шведами и сперва употребляли на войнѣ только то орудіе, которое служило имъ на охотѣ за дикими зѣбрами. Поэтому и терминологія ихъ военнаго быта оказывается самостоятельной только отчасти. Такъ, въ западно-финскихъ языкахъ война называется самобытнымъ словомъ *sota*, *soda*, *soatie* и т. д.; воинъ, врагъ также имѣютъ ни откуда не заимствованныя названія; но для отряда у Финновъ

¹⁾ См. Словарь къ Причитаніямъ Сѣвернаго Края, Е. В. Барсова, стр. XVIII; только здѣсь владѣствіе означеніи, читается *суемъ* вм. *снѣмъ*.

уже не нашлось своего слова, кромѣ *joukko*, подъ которымъ разумѣется вообще толпа или множество, и *riikka*, очевидно происходящаго изъ русск. *полкъ*. Точно также Финны не могли обойтись безъ заимствованія въ названіяхъ лагеря, стражи, знамени и пр.

Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ оружія у Финновъ должно считать *riikko*, ножъ въ видѣ кинжала, чрезвычайно опасный, если искусно владѣть имъ. Такой ножъ, названіе котораго сохранилось только въ собственно финскомъ языкѣ, могъ быть одинаково употребленъ и на войнѣ, и на охотѣ. То же, безъ сомнѣнія, должно сказать о *kortti*, оружіи, упоминаемомъ въ Калевалѣ и по своему названію соответствующемъ русскому слову *кортикъ*. Напротивъ того, спеціальное боевое оружіе—мечъ, финск. *miekka*, эстск. *tõek* и т. д., почитъ въ западно-финскихъ языкахъ названію, составленное по образцу готск. *meki* или др.-сѣв. *moekir*. Для копья существуетъ, кромѣ заимствованныхъ съ запада названій, два самобытныхъ: во первыхъ, финск. *saitta*, лопск. *saitte*, и восторныхъ, финск. *tuura*, эстск. *tuur*; первое и теперь употребляется въ значеніи шеста, палики или трости, изъ чего можно видѣть, что древнѣйшее финское копье было не болѣе какъ палка изъ крѣпкаго дерева съ заостреннымъ концемъ, въ родѣ охотничьей рогатины. Такимъ же чисто народнымъ оружіемъ была дубина или палица, финск. *niija*, эстск. *niie*: самое слово однако происходитъ изъ латышскаго языка. Наконецъ, въ большомъ употребленіи у Финновъ былъ лукъ; онъ дѣлался двухъ родовъ: такъ называемый ручной лукъ—*kaari*, состоявшій только изъ дуги и тетивы, и самострѣлъ—*jousi*, заключавшій въ себѣ три части: дугу, тетиву и ложе. Названіе перваго извѣстно только у Еми и Эстовъ; второй же именуется сходными словами не только у большей части Западныхъ Финновъ, но и у нѣкоторыхъ Восточно-Финскихъ племенъ: это, безъ сомнѣнія, доказываетъ глубокую древность его употребленія Финнами. Г. Алквистъ сообщаетъ подробное и любопытное описаніе этого оружія со словъ извѣстнаго Лёнрота, которому, гдѣ-то сорокъ тому назадъ, удалось найдти въ русской Кареліи старинный финскій самострѣлъ. Употребленіе этого оружія было слѣдующее: въ крѣпко придѣланное къ концу ложа кольцо всовывали ногу, затѣмъ захватывали тетиву особымъ желѣзнымъ снарядомъ, прикрѣпленнымъ къ прочному кожаному поясу стрѣлка. и натягивали ее на зарубку валика, пращавшагося на желѣзномъ стержнѣ и внизу соприкасавшагося съ собачкой; такимъ образомъ, чтобы натянуть этотъ лукъ, требовалось усиліе всего тѣла, и даже самый большой силачъ не

могъ бы сдѣлать этого одними руками. Стрѣла вкладывалась въ плоскій жолобъ, и стрѣльба производилась прямо отъ руки: ложа къ плечу не прижимали, такъ какъ лукъ отдавалъ очень сильно. Стрѣла, употребляемая для самострѣла, дѣлалась съ острымъ наконечникомъ изъ крѣпкаго дерева, кости или желѣза; названіе ея — *nuoli* — очень распространено въ разныхъ языкахъ финской группы, между тѣмъ какъ названіе стрѣлы для лука ручнаго — *vasama* — извѣстно только у Финновъ собственно. Тѣ и другія стрѣлы для болѣе правильнаго полета снабжались на заднемъ концѣ тремя орлиными перьями. Стрѣлы хранились въ колчанѣ, финск. *viini*, который дѣлался изъ толстой плетенки съ деревяннымъ дномъ; его носили за спиной, и стрѣлы вынимались изъ него черезъ плечо. Для защиты туловища въ бою, древніе Финны надѣвали костяной панцирь — финск. *luusto*, отъ *luu*, кость. Въ послѣдствіи времени вошли въ употребленіе латы, а равно и щиты; для тѣхъ и другихъ финскіе языки обладаютъ только такими названіями, которыя происходятъ изъ чужихъ языковъ.

Въ заключеніе своего очерка древней финской культуры на основаніи данныхъ языка, г. Алквистъ обращается къ характеристикѣ *религіозныхъ понятій* древнихъ Финновъ. Въ этомъ отношеніи крупнѣйшимъ фактомъ, который засвидѣтельствовать и рѣчью народа, должно, по мнѣнію г. Алквиста, считать то обстоятельство, что Балтійскіе Финны прежде чѣмъ у нихъ утвердилось христіанство, успѣли къ своимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, основаннымъ на системѣ шаманизма, присоединить много новыхъ чертъ, которыя позаимствовали у культурныхъ Арійскихъ народовъ, ранѣе ихъ обитавшихъ вблизи Балтійскаго моря. Наблюденіе это впрочемъ высказано было уже давно Кастреномъ и академикомъ Шифнеромъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ собрали не мало и фактическихъ данныхъ для его подтвержденія¹⁾. Въ одной изъ статей своихъ о „Сампо“, знаменитомъ сочиненіи финскаго эпоса, г. Шифнеръ высказываетъ между про-

¹⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen über die Finnische Mythologie*, стр. 82, 164 и слѣд., 169 и слѣд., 203, 210 и слѣд., 298 и слѣд.; отрывокъ отсюда: «Was bedeuten die Wörter Jumala und Ukko in der finnischen Mythologie» см. въ *Mélanges Russes*, т. II (St.-Pbrg, 1852), стр. 176 и слѣд. и по русски: Учен. Зап. Импер. Акад. наукъ по I-му и III-му Отдѣл., т. I. Статьи А. А. Шифнера о финской и восточной мифологіи и о народномъ творчествѣ Финновъ и Эстовъ см. въ *Mélanges Russes*, т. I, II и IV; вторая статья о значеніи «Сампо» помѣщена также въ Учен. Зап. Акад. наукъ, I (1863).

чимъ слѣдующія соображенія: „Западные вѣтви Финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой или близкой прародины въ нынѣшнія мѣста жительства, не принесли съ собою сформированнаго ученія о богахъ, но узнали и приняли готовое лишь тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами Индо-Германскаго (Арійскаго) племени, опередившими ихъ въ образованіи... Но принявъ новое ученіе отъ сосѣдей, больше ихъ образованныхъ, они крѣпко держались его, и безъ сомнѣнія, сохранили нѣкоторыя черты древнестверныхъ мифовъ, давно исчезнувшія въ Скандинавіи и въ дошедшей до насъ письменности" ¹⁾. Въ той же статьѣ ученый академикъ замѣчаетъ, что въ такомъ же зависимомъ отношеніи финскій эпосъ находится и къ русскому, и что многія черты, которыя доселѣ считались перешедшими въ русскія сказки изъ финскихъ рувъ, на самомъ дѣлѣ всего скорѣе совершили обратный путь: „Кажется даже, какъ будто нѣкоторыя существенныя явленія въ Калевалѣ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь сказочнымъ цикламъ". Въ другой монографіи г. Шифнера находимъ не менѣе важныя указанія о томъ, что народное творчество Финновъ позаимствовалось эпическимъ матеріаломъ и отъ Литовцевъ ²⁾. Въ виду столь установившагося мнѣнія и достаточнаго количества собранныхъ фактовъ г. Алквисту не предстояло надобности входить въ особыя подробности въ настоящемъ случаѣ, и потому, говоря о свидѣтельствахъ языка относительно до-христіанскихъ вѣрованій Финновъ, онъ ограничился лишь нѣсколькими примѣрами заимствованій въ этой сферѣ.

Такъ, поклоненіе небу было однимъ изъ основныхъ принциповъ религіи, господствовавшей у Урало-Алтайскихъ народовъ. И тѣмъ не менѣе, въ западно-финскихъ языкахъ названіе неба является заимствованнымъ: у Финновъ собственно и у Води небо называется *taivas*, у Эстовъ *taevas*, у Литовъ *lovas*. Должно замѣтить, что представленія о небѣ, богѣ грома и божествѣ вообще, какъ доказалъ Кастрентъ, — нерѣдко у Финскихъ народовъ смѣшиваются ³⁾; такъ, слово *jumala*, первоначально значившее — родина грома, съ теченіемъ времени получило у Финновъ значеніе бога грома и вообще божества. Въмѣсто же того, они позаимствовали у Литовцевъ, какъ названіе неба, *die-*

¹⁾ *Записки Импер. Акад. наукъ*, т. I, стр. 135; ср. *Mélanges Russes*, т. IV, стр. 195 и слѣд., также 157 и 158.

²⁾ Ueber Kulowa und Kalewingen, въ *Mélanges Russes*, IV, стр. 255 — 288.

³⁾ *M. Al. Castrén's Vorlesungen ueber die Finnische Mythologie*, стр. 130 и сл.

vas, подъ коимъ литовскій языкъ разумѣтъ теперь вообще божество, но которое въ древности было именемъ какого-нибудь особаго бога. Существованіе этого слова въ большей части арійскихъ языкахъ (санскр. *dēva*, греч. θεός, Ζεύς, лат. *deus*, *divus*, латышск. *dēvs*, русск. *духъ* и т. д.) несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чисто арійскомъ его корнѣ. Отъ Литовцевъ же, по видимому, Финны взяли и другое слово — *perkele*, означающее лукаваго или Сатану; прототипъ этого слова есть лит. *perkūnas*, латышск. *pērķons*, значившее въ древности богъ грома, а теперь просто громъ. Сюда примыкаетъ и слав. *Перунъ*, и кажется, отъ этой послѣдней формы слѣдуетъ производить другое общераспространенное финское названіе дьявола — *pirtti*. У Лопарей, къ которымъ оба эти слова перешли отъ Еми, мы встрѣчаемъ ихъ въ формахъ *bargalak* и *birri*; у Эстовъ финскому слову *perkele* соответствуетъ *põrgel*, отъ котораго, въ свою очередь, образовалось *põrgu*, адъ. Изъ длиннаго ряда мнѣческихъ представленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и означающихъ ихъ словъ, заимствованныхъ Финнами отъ Скандинавскихъ народовъ, г. Алквистъ указываетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ: финское названіе водяного духа *näkki* происходитъ отъ др.-шведск. *nīkr*, позже *nesken*, *näck*, имѣющаго то же значеніе; по замѣчанію г. Алквиста, слово *näkki* замѣнило собою названія всѣхъ другихъ водныхъ божествъ, если только они когда-либо извѣстны были за предѣлами Карели. Здѣсь кстати замѣтить, что, по мнѣнію Кастрена, упоминаемое въ Калевалѣ водное мнѣческое существо — *Wetehinen*, то-есть, въ водѣ пребывающій, какъ по образу своему, такъ и по названію (sowohl begrifflich, als etymologisch) соответствуетъ русскому *Водяному*. „Везъ сомнѣнія“, говоритъ Кастрець, — „представленіе объ этомъ существѣ заимствовано Финнами изъ славянской мнѣологіи, гдѣ Водяной играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ *Wetehinen* въ финской“ ¹⁾. Другой любопытный примѣръ заимствованія скандинавскихъ повѣрій Финнами указать г. Алквистомъ въ мнѣческой личности *para*; такъ называютъ они нѣкотораго мелкаго духа, который сосетъ чужихъ коровъ и въ желудкѣ своемъ приносить эту добычу въ домъ къ своей хозяйкѣ, въ ея маслостойную кадку. У Шведовъ такое же существо носитъ названіе *bjära* или *baga*, а въ древне-сѣверномъ языкѣ оно называлось *tilberi*.

Новыя представленія и повятія, принесенныя къ Финнамъ хри-

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

стіанскимъ ученіемъ, породили цѣлую массу новыхъ словъ: нѣкоторая доля ихъ образовалась изъ собственного лексическаго запаса финскихъ языковъ, но большая часть заимствована изъ языковъ сосѣднихъ народовъ, которые возвѣстили христіанство Финнамъ. Есть примѣры усвоенія ими чужихъ словъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ихъ собственныхъ языкахъ могло бы найдтись самобытное выраженіе для соотвѣтствующаго понятія. Такъ, для выраженія понятія о молитвѣ во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ нашлись самобытныя слова: финск. *rukous*, лопск. *rokkadus*, эстск. *palve*. Всѣ названныя языки обладаютъ также самобытными словами для означенія духа: финск. *henki*, эстск. *hing*, лопск. *hæg*; но для означенія христіанскаго понятія о душѣ, слово это осталось только въ эстскомъ языкѣ, тогда какъ въ финскомъ собственно и лопскомъ явились слова *sielu*, *siello*, очевидно происходящія отъ нѣм. *Seele*, ст.-шв. *sial*, *sial*. Точно также для выраженія понятія о вѣрѣ собственно финскій языкъ употребляетъ самобытное слово *usko*, которому въ эстскомъ соотвѣтствуетъ *usk*, и въ лопскомъ — *osko*; въ русско-карельскомъ же это понятіе высказывается словомъ *vierni*, очевидно, съ русск. *вѣра*. Понятіе о грѣхѣ въ южно-емскихъ нарѣчіяхъ означаетъ словомъ *paht*, отъ самобытнаго финскаго корня; по сверхъ того, въ финскомъ же и лопскомъ языкахъ находимъ *sinti*, *suddo*, съ нѣмецк. *Sünde*, а въ русско-карельскомъ *reähgüi*, съ русск. *грѣхъ* (греч. *χρῆος*).

Разумѣется, еще рѣзче видны заимствованія финскихъ языковъ въ терминологіи богослуженія и церковной іерархіи; оно и не могло быть иначе по самому свойству предмета, и потому интересъ этихъ заимствованій заключается не столько уже въ количествѣ или значенія ихъ, сколько въ томъ, откуда, изъ какого языка взято то или другое слово. Такъ нѣкоторыя слова, относящіяся до предметовъ церковной жизни, попали въ языки Балтійскихъ Финновъ частію съ запада, частію съ востока; напримѣръ, монастырь въ Западной Финляндіи называется *kluostari*, *luostari*—отъ шведск. *kloster* (латинск. *claustrum*), а въ Восточной Финляндіи — *monasteri*, отъ русск. *монастырь* (греч. *μοναστήριον*); церковь у Финновъ-Емь — *kirkko*, у Финляндскихъ Кареловъ *kirikkö*, у Эстовъ *kirik* и т. д.—со шведск. *kyrka*, *kyrkia*, а у Русскихъ Кареловъ *tserkva*; монахъ имѣетъ по фински двойное названіе: *munk* — отъ шведск. *munkki*, и *manaha* — отъ русскаго слова. Символъ христіанства, крестъ носить въ западно-финскихъ языкахъ названіе русскаго происхожденія: финск. *risti*, эстск. *rist*, венеск. и ливск. *rist*, и это можетъ служить доказательствомъ,

что русскіе православные проповѣдники принесли христіанство къ Финнамъ, вѣроятно, задолго до завоеванія страны Шведами. Только Лопари, къ которымъ христіанская проповѣдь проникла изъ Швеціи, называютъ крестъ *kruos*, *tuosza* отъ сканд. *kors*, *kross*. Въ господствующихъ у Балтійскихъ Финновъ названіяхъ священника — финск. и вотск. *pappi*, лопск. вепск., эстск. *põr* и т. д., нельзя не узпать русск. *попъ*, что также свидѣтельствуешь въ пользу первоначальнаго принесенія христіанства къ Финнамъ изъ Руси.

Г. Алавиствъ отводитъ даже литовскимъ языкамъ долю вліянія на финскіе въ кругу словъ, выражающихъ церковныя понятія. Такъ, ливск. *raganõs*, эстск. *ragan*, финск. *rakana*, лопск. *baken*, *rakena* и даже вепск. *ragan*, нечистый, г. Алавиствъ объясняетъ лит. *ragõnas*, латышск. *raganz*—отъ лат. *ragatus*. Весьма однако вѣроятно, что всѣ эти формы одного и того же слова заимствованы изъ русскаго языка, въ которомъ *поганскій*, *поганный* въ древности значило не только нечистый, но и прямо зычскій, въ противоположность христіанскому. Точно также финское названіе Священнаго Писанія—*raamattu*, эстск. *raamat*, ливск. *rāmd*, образовалось по мнѣнію г. Алавиства, изъ литовскаго *grāmata*, письмо, или латышск. *gramata*, письмо, писаніе, книга; литовскіе же языки получили это, греческое по происхожденію, слово изъ славянскаго. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы выводить финскія формы прямо изъ славянской, безъ посредства литовскихъ парѣчій.

Еще нѣсколько словъ—о томъ, какія данныя собраны г. Алавиствомъ въ западно-финскихъ языкахъ относительно дѣленія времени и праздниковъ.

Въ названіяхъ минуты и часа западно-финскіе языки колеблются между выраженіями самобытными и заимствованными у Шведовъ; за то день—финск. и вотск. *päivä*, вепск. *päiv*, эстск. *päev*, ливск. *pāiva*, лопск. *bäivve*—получилъ имя чисто самобытное отъ солнца или солнечнаго, дневнаго свѣта. Названіе ночи также не заимствованное, и притомъ возводится къ одному корню не только въ западныхъ, но и въ восточныхъ финскихъ языкахъ. Недѣля у Финновъ собственно и Лопарей называется согласно съ старо-шведскимъ, затѣмъ у прочихъ Западно-Финскихъ племенъ и у большей части Восточныхъ Финновъ, обитающихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, встрѣчается богѣ или менѣе передѣланное русск. *недѣля*, и только у Вогуловъ и Остяковъ (а также у Мадырь) находитъ самобытное слово *zoat*, *tlabet*, что по первоначальному смыслу значитъ семь (ср.

слав. *седмица*). Воскресный день и вообще праздниѣ въ финскомъ собственно носятъ названія тождественныя; прочіе же шесть дней недѣли именуются частью просто по счету, частью словами шведскаго корня. Названіе мѣсяца во всѣхъ западно-финскихъ языкахъ самобытное—*ким*, кромѣ однако лопскаго, гдѣ употребляется взятое изъ скандинавскаго слова *танно*; при этомъ должно замѣтить, что и *ким*, и *танно* суть въ то же время названія луны. Древніе Финны, подобно многимъ народамъ Сибири, а также обитателямъ острововъ Тихаго океана, дѣлили годъ не на двѣнадцать, а на тринадцать мѣсяцевъ¹⁾: соотвѣтственно тому въ нарѣчій Русскихъ Кареловъ сохранилось для нихъ тринадцать названій; коренной смыслъ какъ этихъ послѣднихъ, такъ и современныхъ названій мѣсяцевъ у Финновъ собственно и у Эстонъ г. Алквистъ объясняетъ преимущественно различными явленіями природы, относящимися къ тому или другому времени года.

Что касается праздниковъ, то названія ихъ почти всѣ заимствованы Балтійскими Финнами отъ народовъ, которые принесли имъ христіанство: поэтому здѣсь встрѣчаются и шведскія, и датскія, и нѣмецкія, и русскія слова въ финской передѣлкѣ, и только одинъ христіанскій праздникъ Всѣхъ Святыхъ, кромѣ officialнаго церковнаго названія—финск. *pyhäin miesten päivä*, святыхъ мужей день, эстск. *pühade päev*—имѣетъ еще народное финское названіе *kekri* или новѣе *keyri*. Въ особенности оно распространено въ Восточной Финляндіи и объясняется тѣмъ, что такъ называлось у Финновъ, въ языческую эпоху, божество, служившее хранителемъ стадъ; празднованіе ему, совершавшееся осенью, было, по принятіи Финнами христіанства, перенесено на день Всѣхъ Святыхъ; и понѣмъ во многихъ мѣстностяхъ въ этотъ день въ каждомъ домѣ убивается баранъ, пьется водка, пиво и кофе, а молодежь веселится пляской и играми.

Въ древнее время на этомъ праздниѣ, равно какъ и на другихъ празднествахъ народныхъ, удобнѣе всего могло проявляться народное творчество Финновъ въ произведеніяхъ музыки и поэзіи. Этими-то выраженіями финскаго народнаго духа г. Алквистъ посвящаетъ слѣдующія послѣднія строки своего обзора лексическихъ данныхъ о древнемъ финскомъ бытѣ: Начиная съ остроумныхъ загадокъ — *ar-*

¹⁾ Ср. монографію акад. А. А. Шифнера *Das dreizehnmönatliche Jahr und die Monatsnamen der Sibirischen Völker* въ *Mélanges Russes*, III, стр. 307 и сл., и дополненіе къ ней д-ра Крейнепалда, тамъ же, стр. 400 и сл.

voitukset, arvutukset, и мудрыхъ пословицъ — *sanantaskut*, выраженныхъ въ стихотворной формѣ, финское народное творчество восходитъ по всѣмъ ступенямъ величественной лирики въ мненческихъ пѣсняхъ и въ заговорахъ, смѣло возносясь до познанія начала всѣхъ вещей, и въ чудныхъ пѣсняхъ воспѣваетъ дѣянія предковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Финны принесли даръ пѣсенъ изъ своей прародинны; но сознали они этотъ даръ и стали имъ пользоваться лишь на берегахъ Балтійскаго моря: это видно, между прочимъ, изъ того, что ихъ восточные родичи не обладаютъ ни стройно сложенною народною пѣсню, ни правильнымъ стихосложеніемъ, а лишь въ высшей степени простыми и бѣдными балладами въ размѣренной формѣ; въ послѣднихъ не замѣтно притома никакихъ слѣдовъ аллитераций; такимъ образомъ и это украшеніе стиха въ поэзію Западныхъ Финновъ пропало подъ вліяніемъ народовъ Германскихъ, развившихъ его до высокой степени. Самое названіе пѣсенъ—*runo*, первоначально примѣнявшееся только къ пѣснямъ волшебнымъ, по видимому, заимствовано Финнами отъ этихъ народовъ.

VI.

Общіе выводы о древнемъ бытѣ Западныхъ Финновъ. — Современный бытъ Воголовъ по личнымъ наблюденіямъ г. Алквиста. — Заключение.

Послѣдняя глава любопытной монографіи г. Алквиста содержитъ въ себѣ тѣ общіе выводы, которые истекаютъ изъ частнаго разсмотрѣнія лексическаго запаса западно-финскихъ языковъ, какъ свѣдѣтельства о древней культурѣ Балтійскихъ Финновъ.

„Если“, говоритъ онъ,—„мы бросимъ взглядъ на то, что уже было высказано нами въ предыдущемъ, то найдемъ, что положеніе Западныхъ Финновъ въ эпоху ихъ прихода на Балтійское побережье было приблизительно слѣдующее: Они кормились преимущественно отъ охоты и рыболовства. Главнымъ домашнимъ животнымъ была у нихъ собака, но держали они также и лошадей, и коровъ, хотя изъ молока коровьяго еще не умѣли изготовлять ни масла, ни сира. Овцу, козу и свинью они стали разводить только въ Балтійскомъ побережьи. Земледѣліе, по видимому, не было имъ совершенно чуждо, но то было земледѣліе кочующихъ народовъ, то-есть, простое распаханіе нови; изъ видовъ хлѣба имъ былъ извѣстенъ только ячмень, а изъ корнеплодныхъ растений только рѣпа. Отъ сосѣднихъ народовъ Прибалтійскихъ странъ научились они болѣе совершенной обработкѣ земли, а

также употребленію болѣе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, и стали засѣвать пшеницу, рожь, овесъ и стручковые плоды. Жилищемъ для семьи былъ шалашъ — *kota*, который строился конусообразно изъ древесныхъ стволовъ или жердей и иногда опирался на стволъ большого дерева, а зимою покрывался звѣринными шкурами; другого рода жилище составляла *sauna*, выкопанное въ землѣ углубленіе или землянка съ крышею надъ землею. Внутреннее устройство такого жилища было въ высшей степени просто: оно имѣло дверь, въ верху отверстіе для выхода дыма и по срединѣ—состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ камней мѣсто для разведенія огня; но не было въ немъ ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проходилъ или черезъ открытую дверь, или черезъ отверстіе, назначенное для выхода дыма. Съ рубленными жилищами, имѣющими крышу и полъ, съ отверстіями для воздуха, а позже съ окнами въ стѣнахъ, со скамьями и печами Финны познакомились только по приходѣ къ Балтійскому морю. Простая домашняя утварь состояла изъ нѣсколькихъ ящичковъ, плетушекъ и деревянной посуды. Остальное движимое имущество составляли принадлежности рыболовства и охоты, лыжи, сани и лодки. Орудіями передвиженія зимою служили лыжи, или же ѣздили на оленяхъ; лѣтомъ страстиновали пѣшкомъ или верхомъ, а также въ лодкахъ. Дорогъ и ѣздъ на колесахъ не существовало. Одежда состояла исключительно изъ звѣринныхъ шкуръ; одежду шила хозяйка дома костяными иглами. Мужчины дѣлали лодки, а также изготовляли принадлежности охоты и рыболовства. Что касается до другихъ промысловъ и рукодѣлій, то кажется, только кузнечное дѣло съ древнихъ временъ было знакомо Западнымъ Финнамъ, да и то можно еще сомнѣваться, было ли знаніе этого ремесла принесено ими изъ ихъ прародины. Изъ металловъ были имъ извѣстны, кажется, только мѣдь и серебро. Изъ рабочихъ инструментовъ для деревянныхъ подѣлокъ они знали только ножъ; каменный топоръ, по всей вѣроятности, былъ у древнихъ Финновъ въ употребленіи, по самое названіе этого оружія утратилось; съ желѣзнымъ же топоромъ они познакомились только на Балтійскомъ побережьи. Что касается до выдѣлки тканей, то вѣроятно, они знакомы были только съ валяньемъ войлоковъ, хотя впрочемъ умѣли прясть нитки веретеномъ изъ волокнистыхъ кропивныхъ растений. Съ овцой они познакомились только здѣсь, а равнымъ образомъ и съ искусствомъ изготовлять изъ шерсти овцы пряжу и ткани. Но имъ было извѣстно дубленіе шкуръ, и для лѣтней одежды они красили прости-

ми красками какъ дубленныя шауры, такъ и дитки, которыя пряли изъ кропивныхъ растений. Съ моремъ и мореплаваніемъ Финны познакомились только на побережьи Балтійскаго и Бѣлаго морей. До прибытія въ Прибалтійскія страны суда ихъ состояли изъ небольшихъ простыхъ лодокъ для плаванія по рѣкамъ; суда ихъ не имѣли парусовъ, и гребли на нихъ не тѣмъ способомъ, какъ въ настоящее время, а посредствомъ вращенія одного или многихъ веселъ особаго вида, которыя на финскомъ языкѣ называются *mela*. Городовъ не было. Торговля была мѣновая. Денегъ, какъ мѣры цѣнности, древніе Финны не знали. Средствомъ для мѣновой торговли были мѣха, преимущественно бѣлчьи, на которые Финны вымѣнивали у живущихъ на югѣ народовъ немногіе иноземные товары, для нихъ необходимыя. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣръ длины, употребленіе мѣры и вѣса было заимствовано отъ сосѣднихъ народовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Семейная жизнь у Финновъ была, кажется, достаточно развита. Многочисленныя названія по этой части, по большей части самобытныя и общія большинству финскихъ языковъ, служатъ доказательствомъ тому, что выражаемыя ими понятія сложились прежде, чѣмъ произошло на востокѣ раздѣленіе финскихъ племенъ. Но бракъ и соединенныя съ нимъ обряды, по видимому, еще въ періодъ язычества подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ вслѣдствіе соприкосновенія съ Литовскими народами. Рабовъ не было, но были наемныя свободныя слуги и работники. Нѣчто въ родѣ общины, подъ названіемъ *pitäjä*, существовало, по видимому, у нѣкоторой части Еми; такая община имѣла своего главу и воинскаго начальника, которому, можетъ быть—то соглашенію или по древнему обычаю, принадлежало право разбирать распри. Писанныхъ законовъ и собственно судей не было, а также не было наслѣдственныхъ князей и вообще нѣкакаго государственнаго устройства. Вообще кажется, древніе Финны, какъ всѣ кочевые и живущіе охотою народы, цѣнили болѣе безграничную индивидуальную свободу, чѣмъ спокойствію и безопасность, которая въ государствѣ покупается цѣной ограниченія этой свободы. Этимъ отъращеніемъ жить вмѣстѣ, которое и въ настоящее время отчасти замѣтно у финскихъ племенъ, можно объяснить, почему сосѣдними народамъ славянскаго и германскаго происхожденія такъ легко было подчинить себѣ Прибалтійскихъ Финновъ. Религія ихъ была шаманская, общая всѣмъ Урало-Алтайскимъ народамъ, прежде чѣмъ проникли къ нимъ буддизмъ, исламъ и христіанство. Что касается до Балтійскихъ Финновъ, то кажется, они уже во времена язычества.

заимствовали отъ сосѣднихъ Литовскихъ народовъ разныя религіозныя представленія, чуждыя шаманству. Христіанская проповѣдь явилась къ Финнамъ прежде всего, кажется, отъ Русскихъ, но собственно распространилась и утвердилась христіанская религія среди Финновъ старшіими шведскихъ и нѣмецкихъ миссіонеровъ.

„Вотъ“, заключаетъ г. Алевистъ,—„въ самыхъ общихъ чертахъ картина культурнаго состоянія и образа жизни Балтійскихъ Финновъ въ то еще время, когда на нихъ не успѣли отразиться вліянія осѣдлые у Балтійскаго Моря народы арійскаго происхожденія. Что картина эта вѣрна и изображаетъ собою дѣйствительность, конечно, нельзя доказать съ полною очевидностію, но вѣроятность этого очерка подтверждается тѣмъ культурнымъ состояніемъ Угорскихъ Финновъ, въ которомъ они находятся еще и въ настоящее время“.

И въ самомъ дѣлѣ, климатъ и природа страны, въ которой живутъ Вогулы и Остяки, именно—пространства отъ средняго Урала до нижняго теченія Иртыша и до средняго теченія Оби, очень близки схожи съ климатомъ и природой страны на западъ отъ Урала подъ тѣмъ же градусомъ сѣверной широты, то-есть, съ климатомъ и природой сѣверной части Европейской Россіи, иначе—той страны, гдѣ Западныя Финны, вѣроятно, жили за много вѣковъ до того, какъ пришли къ Балтійскому морю. Сходство это будетъ еще больше, если представить себѣ послѣднюю страну не тронутою замедлѣніемъ и вообще безъ той культуры, которую внесли въ нее Русскіе, и которая естественнымъ образомъ имѣла вліяніе и на климатъ. Съ другой стороны, извѣстно, что на Вогуловъ и Остяковъ арійская и вообще всякая чуждая культура оказала лишь весьма малое и непродолжительное вліяніе, а потому они и отстали отъ своихъ западныхъ братьевъ на цѣлыя столѣтія и стоятъ на той же или почти на той же степени культуры и ведутъ почти тотъ же образъ жизни, какой за много вѣковъ предъ симъ при одинаковыхъ условіяхъ, вели всѣ Финскіе народы. Вслѣдствіе этихъ-то обстоятельствъ, полагаетъ г. Алевистъ,—и можно нынѣшній образъ жизни и культурное состояніе Угорскихъ Финновъ сопоставлять съ тѣмъ, что мы можемъ узнать объ образѣ жизни и степени культуры Финновъ въ то время, когда они пришли съ востока въ Прибалтійскія страны. Въ подтвержденіе этого своего соображенія г. Алевистъ предлагаетъ сравнить сейчасъ набросанную имъ картину древняго финскаго быта съ разказами Кастрена о бытѣ Угорскихъ Остяковъ, или съ тѣмъ, что ему самому удалось подмѣтить о жизни Вогуловъ. Это дастъ г. Алевисту поводъ привести цѣликомъ тѣ наблюденія

надъ Вогулами, которыя были имъ сдѣланы въ 1858 году, во время пятидѣльнаго пребыванія среди нихъ, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ эти наблюденія были тогда же имъ записаны. Съ своей стороны, и мы считаемъ необходимымъ воспроизвести здѣсь этотъ любопытный этнографическій очеркъ, какъ прямое подтвержденіе основной мысли, развитой въ монографіи почтеннаго финскаго ученаго ¹⁾:

„На востокъ отъ средняго Урала между 59-мъ и 64-мъ градусами сѣверной широты тянутся параллельно съ Уральскими горами, одна возлѣ другой, три или четыре незначительныя и узкія возвышенности, которыя совершенно изолированы отъ Урала, а также не имѣютъ никакой связи и между собою. Между этими возвышенностями, которыя на мѣстномъ русскомъ языкѣ называются увалами, беретъ начало и протекаетъ множество рѣкъ, частью довольно значительныхъ и соединяющихся или непосредственно, или чрезъ другія рѣки съ огромною рѣкой Иртышемъ-Обью. Значительнѣйшія изъ этихъ рѣкъ суть слѣдующія: 1) *Тура*, которая течетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ Тоболъ; 2) *Тавда*, образуемая изъ двухъ параллельно текущихъ на юго-востокъ рѣкъ—*Сосва Южной* и *Лозы*; Тавда принимаетъ въ себя текущій съ сѣвера *Пелымъ* и впадаетъ также въ Тоболъ; 3) *Конда*, большая рѣка, образующая своимъ теченіемъ подобіе подковы, принимаетъ въ себя множество болѣе малыхъ притоковъ и впадаетъ въ Иртышъ; 4) *Сосва Сѣверная* ²⁾, образ-

¹⁾ Присоединяемъ къ этому очерку лишь нѣсколько поправокъ и дополненій, основанныхъ преимущественно на указаніяхъ Н. К. Чупина, который знакомъ съ Вогулами по своей многолѣтней жизни въ Пермской губерніи. Г. Чупинъ познакомился съ наблюденіями г. Алквиста по статьѣ берлинскаго ученаго Шотта въ *Erman's Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland*, т. 20, которую изревалъ и напечаталъ со своими примѣчаніями въ весьма мало распространенномъ изданіи—*Сборникъ Пермскаго вѣстника* за 1874 г., кн. I; статья же Шотта есть въ сущности сокращенный переводъ статьи г. Алквиста, напечатанной въ одномъ енисейскомъ журналѣ; что очеркъ г. Алквиста былъ еще въ 1858 году напечатанъ самимъ авторомъ по нѣмецки же въ *Бюллетенъ Академіи Наукъ*,—осталось неизвѣстнымъ г. Чупину.

²⁾ Названія Сосва и Лоза, безъ сомнѣнія, зырянскія, внесенныя въ русскій языкъ Зырянами, которые первоначально познакомили Русскихъ съ этимъ страномъ. Слово *юа* по зырянски означаетъ воду и встрѣчается во многихъ названіяхъ рѣкъ въ странѣ, обитаемой Зырянами и Пермяками, напримѣръ, Козва, Лавва, Койва, Яйна, Вильва, Сейва, Усва, Колва и т. д. На вогульскомъ языкѣ какъ Сѣверная, такъ и Южная Сосва называются Таитъ; по русски Южная Сосва, послѣ соединенія ея съ Лозой, также принимаетъ свое первоначальное названіе и именуется Тавдой. *Примѣчаніе 1. Алквиста.*

ушлася у подошвы Урала изъ соединенія многихъ маленькихъ рѣкъ, имѣеть въ своемъ теченіи почти форму буквы S и впадаетъ въ Обь недалеко отъ Березова; самый большой ея притокъ съ запада *Стега* или *Лалина* (на вогульскомъ языкѣ *Сакуя*), а съ юга *Танса* ¹⁾.

„За исключеніемъ мѣстностей около Туры и Южной Сосвы, гдѣ земледѣліе производится весьма успѣшно, вся страна, омываемая этими рѣками, состоитъ изъ лѣсовъ и бездонныхъ болотъ, которыя человѣкъ еще никогда не пытался, и вѣроятно, никогда и не попытается подчинить своему господству. Самые распространенныя породы въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ суть сосна, береза, ель, пихта, лиственница, кедръ и лиственница. Богатство этихъ лѣсовъ, а слѣдовательно, и богатство страны состоитъ изъ обитающихъ тутъ звѣрей, каковы: бобры, которые однако теперь встрѣчаются рѣдко, лисицы, также уже порѣдчавшія, песцы, встрѣчающіеся болѣе на сѣверѣ, соболя, которыхъ ловить въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ горностаями и бѣлками. Кромѣ этихъ пушныхъ звѣрей, которыхъ ловятъ ради ихъ шкуры, нужно также назвать въ числѣ лѣсныхъ обитателей лося или сохатаго и обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ (рябчиковъ, куропатокъ и тетеревей), которыхъ жители ловятъ себѣ на пищу ²⁾. Рѣки, именно Сѣверная Сосва и Обь, такъ богаты различнаго рода рыбою, что человѣку, не жившему здѣсь долгое время, не возможно узнать и исчислить всѣ породы.

„Въ этой странѣ съ незапамятныхъ временъ живутъ Вогули, которые съ ихъ близкими родичами Остяками уже въ древнія времена были извѣстны подъ именемъ Югры или Угровъ, но сами себя они называютъ Мансами (*Manzi*). Я не намѣренъ вдаваться въ историческія изслѣдованія, а также не буду увеличивать числа болѣе или менѣе счастливыхъ предположеній, которыя высказаны относительно названій Мансовъ и Вогуловъ; но касательно сего по-

¹⁾ На картѣ *Peguy* (*Ethnogr. geograph. Karte des nördlichen Ural-Gebiets*, entworfen auf einer Reise in den Jahren 1844 bis 1845 von *Anton v. Reguly*, St.-Petersburg 1845), которая вообще довольно подробна и вѣрна, названіе это написано *Tanla* (*Tarlia*), а равнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вогульскихъ наименованіяхъ замѣчается странное смѣшеніе буквъ *i* и *a*; напримѣръ, *Manla* вмѣсто *Massan*, а *Lerlia* вмѣсто *Lereja* и т. д.; это такъ болѣе удивительно, что г. Регули былъ самъ на мѣстѣ, и слѣдовательно, могъ слышать правильное наименованіе изъ устъ самихъ Вогуловъ.

Примечаніе к. Алксиста.

²⁾ Къ числу четвероногихъ г. Чупинъ присоединяетъ еще медвѣдя.

слѣднiяго должно замѣтить, что названiе это на самомъ мѣстѣ въ Сибири никѣмъ не употребляется, такъ какъ въ окрестностяхъ Пелыма Русскiе называютъ Вогуловъ просто инородцами или ясачными, а въ Березовскомъ уѣздѣ, какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, называютъ Остяками ¹⁾. Предположенiе г. Регули (въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, изд. Бера и Гельмерсена, томъ IX), что Вогулы не первобытные обитатели этой страны, а лишь сравнительно въ позднѣйшее время переселились сюда съ юга, ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ того, названiя рѣкъ, озеръ и горъ не только въ той странѣ, гдѣ теперь живутъ Вогулы, но и гораздо южнѣе и западнѣе, гдѣ издавна обитаютъ другiе народы, доказываютъ, что Вогулы были первобытными обитателями этихъ мѣстностей и давали названiя тамошнимъ урочищамъ, но были постепенно вытѣсняемы болѣе сильными сосѣдами. Богатство вогульскаго языка относительно мѣстныхъ явленiй природы и произведенiй можетъ также служить доказательствомъ, что Вогулы весьма давно водворились въ этой странѣ.

Южную границу занимаемой ими въ настоящее время области составляютъ рѣки Лозва и Тавда; но на сей послѣдней встрѣчаются Вогулы только въ трехъ небольшихъ деревняхъ Кошутской волости ²⁾; на западѣ Уралъ служитъ ихъ естественною гранью со страной, обитаемою Зырянами; къ сѣверу область Вогуловъ распространяется не далѣе какъ по сѣвернымъ притокамъ Сѣверной Сосвы, а на востокъ простирается до соединенной рѣки Иртышъ-Оби въ окрестностяхъ Березова, между тѣмъ какъ болѣе къ югу берега какъ Оби, такъ и Иртыша, находятся въ области Остяковъ. Въ административномъ отношенiи Вогулы относятся къ двумъ губершiямъ, именно: Пермской, гдѣ они живутъ въ Верхотурскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, и Тобольской, гдѣ занимаемая ими мѣстность находится въ округахъ Туринскомъ и Березовскомъ. Число ихъ сравнительно съ пространствомъ, въ которомъ они живутъ, весьма невелико. Въ Тобольской губершiи считается приблизительно 900 думъ Вогуловъ, платящихъ

¹⁾ По свидѣтельству г. Чупина, Русскiе въ Чердынскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ Пермской губершiи употребляютъ и названiе Вогуловъ; Зыряне зовутъ ихъ Вакульскъ; Вогулы же Березовскаго уѣзда, живущiе въ Лапинской и Сосвинской волостяхъ, называются дѣйствительно Остяками Лапинскаго нарѣчiя.

²⁾ Въ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Тобольской губершiи (С.-Пб., 1871) упоминается, подъ № 2698, сел. Кошукское.

лсакъ, а если на каждаго лсачнаго положить по шести не лсачныхъ, то будетъ почти вѣрно,—то число Вогуловъ, живущихъ въ губерніи, получится приблизительно въ 5.400 человекъ; въ Пермской губерніи все число ихъ не превышаетъ 900 человекъ; такимъ образомъ, общее число всѣхъ Вогуловъ составляетъ нѣсколько менѣе шести съ половиною тысячъ душъ обоего пола. Причинами такого слабого населенія—суровость климата, образъ жизни, уменьшеніе пушнаго звѣря и происшедшее отъ того общее обѣдненіе, и наконецъ,—высокая плата за обрядъ вѣнчанія, вслѣдствіе чего многіе молодые люди изъ Вогуловъ, не имѣя возможности внести ее, остаются холостыми. Въ Верезовскомъ округѣ вступленіе въ бракъ затрудняется еще обычаемъ платить калымъ за невѣсту. Къ общимъ причинамъ слабого населенія должно также отнести заразительныя болѣзни, изъ которыхъ оспа и сифилисъ причиняли большія опустошенія между Вогулами ¹⁾. Въ сосѣдствѣ съ Русскими число ихъ уменьшается и потому еще, что многіе Вогулы идутъ въ работники къ Русскимъ, отвыкаютъ отъ своего родного образа жизни и привыкаютъ къ быту Русскихъ, къ употребленію подки и такимъ образомъ отчуждаются отъ своего народа. Вообще мѣстные чиновники жалуются, что число какъ Вогуловъ, такъ и Остяковъ, ежегодно уменьшается,—по это составляетъ неизбѣжную долю всѣхъ тѣхъ народовъ, которые приходятъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей и не хотятъ подчиниться ея владычеству ²⁾.

„Вогуловъ по образу жизни можно назвать осѣдлымъ охотничьимъ народомъ. Побочными промыслами являются у нихъ на югѣ, около рѣкъ Лозвы и Пелыма, кое-какое земледѣліе и скотоводство, а на сѣверѣ около Сосвы рыболовство и отчасти оленеводство. Но главное и любимѣйшее занятіе Вогула составляетъ охота: онъ производитъ ее какъ изъ своего дома, такъ и изъ юрты, которую ставитъ въ двухъ или трехъ дняхъ пути отъ роднаго поселка. Охота на лосей начинается въ августѣ или сентябрѣ, такъ какъ животное это бываетъ тогда особенно жирно. Любимымъ мѣстопробываніемъ лосей

¹⁾ Это не согласно съ показаніемъ д-ра Н. Маліева, который въ числѣ 49 Вогуловъ, видѣнныхъ имъ въ сѣверной части Верхотурскаго уѣзда не нашелъ ни одного сенилтика, не смотря на то, что на эту болѣзнь обращалъ особое вниманіе; см. Отчетъ о Вогульской экспедиціи Н. Маліева (Каз., 1872 г.), стр. 16.

²⁾ Напротивъ того, по свѣдѣніямъ г. Маліева, численность Вогуловъ обрусѣвшихъ значительно увеличивается, Вогулы же дакие дѣйствительно уменьшаются въ числѣ; см. его Отчетъ, стр. 19.

служать сухіе острова среди болотъ, гдѣ главную ихъ пищу составляетъ зеленая трава; нерѣдко случается, что Вогуль, чтобы усилить произрастаніе травы, выжигаетъ такую мѣстность; этимъ объясняются частые пожары, которые въ Сибири опустошаютъ лѣса, не выжигшіе здѣсь, конечно, еще никакой цѣнности. Въ такихъ мѣстностяхъ Вогуль скоро находитъ слѣдъ лося и начинаетъ его преслѣдовать со своими собаками; нерѣдко преслѣдованіе продолжается четыре, пять дней, а иногда и цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ лось подпуститъ охотника на такое близкое къ себѣ разстояніе, чтобы тотъ могъ стрѣлять въ него. Если выстрѣлъ былъ удачный, то убитое животное на самомъ мѣстѣ боя свѣжуетъ на части, и затѣмъ на деревѣ или на высокихъ столбахъ устраивается кладовая, гдѣ разрѣзанное на узкія полосы мясо вѣшится и сохраняется отъ медвѣдей и другихъ хищныхъ животныхъ до зимы, когда его уносятъ отсюда. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ водятся лоси, ставятъ также большіе луки, которые сами стрѣляютъ при приближеніи животнаго, почему и называются по русски самострѣльцами или самострѣлами ¹⁾. Позже осенью, когда пушной звѣрь покрывается полною шерстью, когда вслѣдствіе замерзанія болотъ и протоковъ отърывается удобный путь по лѣсамъ, и когда на первомъ выпавшемъ снѣгу обозначаются слѣды животныхъ, — начинается настоящая охота, которую составляетъ главнымъ образомъ промыселъ на соболей. Животное это ловятъ разными способами въ теченіе всей зимы до весны, когда снѣгъ уже не можетъ держать на себѣ ни человѣка, ни собаки. При такой охотѣ хорошая собака неоцѣненна, и за такую собаку даже у Вогуловъ платятъ до 30-ти рублей; никогда маленькія собачки, которыхъ такъ любятъ старыя бабыни, не содержатся такъ хорошо, какъ Вогулы держатъ своихъ собакъ, которые вѣрностью и послушаніемъ далеко превосходятъ своихъ городскихъ современницъ. Цѣна соболей шкуры различна, смотря по достоинству, отъ четырехъ до десяти рублей, и при платѣ асака хорошій соболь принимается правительствомъ какъ взносъ за три души. Другое маленькое животное, за которымъ еще чаще, чѣмъ за

¹⁾ «Обитающіе по р. Чусовой русскіе поселяне и Вогуличи, заѣхавъ слѣды и тропы (лосей и оленей), настороживаютъ на нихъ большіе луки со стрѣлами, протягивая отъ нихъ самыя изъ тонкихъ бичевонъ состоящія, такъ что проходящій по тропѣ звѣрь захватываетъ за оныя ноги. Отъ сего натянутый лукъ приходитъ въ дѣйствіе, и стрѣла пробиваетъ лося или оленя на вылетъ». См. *Полное, Хозяйственное описаніе Пермской губерніи* (С.-Пб., 1813 г.), ч. II, стр. 227.

соболемъ, промышляютъ Вогулы, это—бѣлка; за нею охотятся въ теченіе цѣлаго года, какъ для удовольствія, такъ и для выгоды. Вообще Вогулъ никогда не отходитъ отъ своей юрты безъ собаки, ружья и топора. Если онъ отправляется въ путь пѣшкомъ, то собака сопровождаетъ его; если онъ плыветъ въ лодкѣ, то собака бѣжитъ по берегу рѣки слѣдомъ за нимъ. Какъ скоро собака подмѣтитъ бѣлку, то извѣщаетъ о томъ своего хозяина лаемъ; но хозяинъ бережетъ порохъ и дробь и стрѣлять бѣлку не станетъ; онъ просто ударяетъ обухомъ топора по стволу дерева, и если бѣлка при прыжкѣ на другое дерево не упадетъ на землю, то спугиваніе такого рода продолжается до тѣхъ поръ, пока бѣлка не перестанетъ прыгать съ дерева на дерево и не засядетъ упорно на одномъ мѣстѣ. Тогда дерево подрубается, и при его паденіи животное дѣлается вѣрною добычею внимательно наблюдающей собаки. Цѣна бѣлки различна — отъ 6 до 10 копѣекъ за штуку. Рѣже бьютъ лисицъ, которыхъ трудно ловить, и конечно, еще рѣже—медвѣдей. Лѣсныхъ птицъ ловятъ такъ называемыми слопцами, которые ставятся недалеко отъ жилища, такъ что женщины и вообще болѣе слабыя члены семейства легко могутъ наблюдать за ними. Весною бьютъ много водяныхъ птицъ, которыхъ или ловятъ разставленными въ водѣ волосяными сѣтками, или бьютъ стрѣлами; лукъ и стрѣлы составляютъ необходимую принадлежности каждой вогульской юрты.

„Рыболовство, которое на Тавдѣ и на ея притокахъ не особенно прибыльно, производится здѣсь обыкновенно зимою, такимъ образомъ, что въ сосѣдствѣ жилища рѣка или ручей совершенно пересыхаетъ заколомъ, и въ оставленныхъ отверстіяхъ этого закола ставятся большія морды. Такого рода рыбная ловля можетъ быть производима и женщинами, и другими членами семейства. Но для Вогуловъ, живущихъ на Сѣверной Сосвѣ, рыболовство имѣетъ большее значеніе и болѣе прибыльно. Весною, какъ только вскрыются рѣки, и немного понизится вода въ нихъ, они собираются большими толпами близъ устья рѣкъ и близъ отмелей на Сосвѣ и на Оби и остаются тамъ, въ построенныхъ изъ древесной коры юртахъ, въ теченіе всего лѣта до сентября, такъ что для многихъ вслѣдствіе того охота на лосей дѣлается невозможною. Наиболѣе употребляемыя здѣсь рыболовные сѣти суть неводы, и кто не видѣлъ такой рыболовной деревни на Сосвѣ или на Оби, тому трудно представить себѣ ту массу рыбы, какая ежегодно здѣсь ловится. Вогулъ никогда не солитъ рыбы, частью потому, что онъ считаетъ это излишнемъ рос-

кошью, частью потому, что ему трудно было бы купить столько соли, сколько нужно. Все то, что Вогуль, съ своимъ семействомъ и собаками не поѣдаетъ на самомъ мѣстѣ ловли,—а это не малое количество — вылитъ на зиму на солищѣ или коптится на шестахъ у разведеннаго огня.

„Кто хотя немного ѣздилъ по Россіи, тотъ, конечно, могъ замѣтить, что въ городахъ вмѣстѣ съ припиками и другими лакомствами продаются также какія-то зерна, величиною съ бобъ, которыя простой народъ любитъ грызть по воскресеньямъ и праздникамъ, и отъ которыхъ, говорятъ, такъ полнѣютъ русскія купчихи. Зерна эти — орѣхи, растущіе въ кедровыхъ шишкахъ, и собраніе ихъ составляетъ немаловажный побочный промыселъ бѣднѣйшихъ сибирскихъ Вогуловъ, а также Русскихъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ Сибири. Фунтъ такихъ орѣховъ стоитъ, напримѣръ, въ Казани отъ 7 до 8 коп. сер., на мѣстѣ же цѣна ихъ за пудъ отъ 90 к. до 1 р. 50 к. сер. При хорошемъ урожаѣ одно семейство можетъ собрать въ годъ нѣсколько десятковъ пудовъ кедровыхъ орѣховъ и такимъ образомъ заработать себѣ порядочныя деньги.

„Какъ уже было упомянуто выше, живущіе по Лозвѣ и Пелыму Вогулы начинаютъ понемногу заниматься земледѣліемъ, при чемъ, конечно, необходимо содержаніе скота и лошадей. Живущіе по Пелыму и въ его окрестностяхъ Русскіе вообще жалуются, что земледѣліе въ этихъ мѣстахъ мало прибыльно. Но на цѣлый градусъ сѣвернѣе Пелымской церкви или немного южнѣе 61-го градуса, въ вогульской деревнѣ *Массавъ* (*Mazsai*) ¹⁾, которая находится въ сторонѣ отъ рѣки Пелыма по направленію къ Уралу, Вогуль мало по малу обрабатываютъ себѣ такія хорошія пашни, что онѣ кормятъ его съ большимъ семействомъ въ теченіе цѣлаго года, а въ урожайныя годы онъ даже продаетъ довольно значительное количество хлѣба. Это можетъ служить доказательствомъ, что земледѣліе еще можетъ вознаграждать адѣсь трудъ прилежнаго работника, хотя, конечно, морозъ часто разрушаетъ его надежды. Надо однако замѣтить, что эта деревня есть послѣднее мѣсто къ сѣверу, гдѣ еще встрѣчается земледѣліе, ибо въ *Aitimje-ran* ²⁾, на 30 верстъ сѣвернѣе, сѣютъ только рѣпу, и то

¹⁾ Массавскій пауль (поселокъ) на р. Усѣ, см. Списокъ насел. мѣстъ Тобольской губерніи, № 2, 902.

²⁾ Такого названія въ Сп. насел. мѣстъ Тобольской губерніи не значится; быть можетъ, подъ этимъ названіемъ должно разумѣть, означенный подъ № 2903,

въ маломъ количествѣ. Названная деревня есть также послѣдняя на этой рѣкѣ, гдѣ еще имѣются лошади.

„Видѣсто лошадей Березовскіе Вогулы держатъ оленей. Но лишь немногіе изъ нихъ имѣютъ болѣе нѣсколькихъ десятковъ; на верховьяхъ рѣки Тапси такой Вогуль, который имѣетъ до двухъ сотъ оленей, будетъ считаться за очень богатаго человѣка, тогда какъ тотъ же Вогуль въ окрестностяхъ Обдорска, гдѣ болѣе богатые Самоѣды владѣютъ нѣсколькими тысячами этихъ животныхъ, считался бы почти за бѣдняка. Выгоды оленеводства вообще достаточно извѣстны, и потому нѣтъ надобности описывать ихъ здѣсь; но должно замѣтить, что кочевые народы сѣверной Сибири не умѣютъ донести важенку, какъ то дѣлаютъ Лопари финскаго и скандинавскаго сѣвера, отчего у нихъ и пропадаетъ немаловажная часть прибыли. Въ окрестностяхъ Березова мы находимъ однако у богатыхъ Вогуловъ скотоводство и лошадей, хотя высокая вода и разливы рѣки въ послѣдніе два года настолько повредили сѣновосамъ, что какъ Русскіе, такъ и Вогулы, и Остяки въ этихъ мѣстностяхъ должны были продавать свой скотъ.

„Земля, или лучше сказать, лѣсъ есть общее достояніе Вогуловъ, такъ что каждый имѣетъ право въ немъ охотиться и стрѣлять, сколько ему угодно. Живущимъ южнѣе по р. Пелыму Русскимъ, приходящимъ сюда зимою для охоты, Вогулы не иначе позволяютъ охотиться, какъ только вмѣстѣ съ ними, и такимъ образомъ Русскіе и Вогулы соединяются и образуютъ небольшіа охотничьи артели, въ которыхъ Вогуль свое право охоты дѣлитъ съ Русскимъ, а сей послѣдній снабжаетъ его за то хлѣбомъ, вся же добыча дѣлится на равныя части. Но относительно рыболовства существуютъ другіе порядки, такъ какъ всякое устье или другое какое-либо рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего владѣльца, отъ котораго только Русскіе и могутъ брать эти мѣста на аренду.

„Немного на свѣтѣ жилищъ, которыя были бы по своей внѣшности такъ просты, какъ вогульскіе поселки или такъ называемые *паулы*. Они всегда ставятся на возвышенномъ мѣстѣ около рѣки или около соединенія двухъ рѣкъ, такъ какъ рыболовный промыселъ у устья рѣки всегда прибыльнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и кромѣ того, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, пути сообщенія по рѣкамъ удобнѣе, чѣмъ по лѣсу. Паулы эти находятся на большомъ разстояніи

Вершинскій вогульскій пауль на рч. Мотвалы, въ 35 в. къ сѣв. отъ Массавскаго паула, въ 6 дворовъ (юртъ).

другъ отъ друга, въ двухъ или трехъ дняхъ пути, чтобы каждый поселокъ владѣлъ достаточнымъ пространствомъ для охоты и рыболовства. Каждый паулъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ или трехъ юртъ; пять юртъ составляютъ уже значительный поселокъ, а самый большой изъ пауловъ, которые я видѣлъ въ моемъ путешествіи, это—выше названный *Äimje-paul*, состоящій изъ семи юртъ. Юрты ¹⁾ бываютъ двухъ родовъ: зимнія и лѣтнія. Первые построены изъ бревенъ, проконопачены мохомъ и покрыты крышей изъ древесной коры и планокъ. Они бываютъ рѣдко болѣе трехъ сажень въ ширину и глубину. Двери, предъ которыми рѣдко бываетъ сѣни или навѣсъ, обыкновенно обращены къ югу, вѣроятно, по той причинѣ, что вѣтеръ съ этой стороны менѣе суровъ, чѣмъ съ другихъ сторонъ. Въ одномъ изъ угловъ около двери складывается изъ глины сбитой съ травой печь, имѣющая сходство съ англійскимъ каминкомъ, и въ которой огонь горитъ въ теченіе цѣлаго дня; на ночь отверстію въ крышѣ для выхода дыма закрываютъ берестомъ. Послѣ того какъ погаснѣтъ огонь, такая печь не даетъ тепла, да и притомъ она слишкомъ мала и сложена изъ слишкомъ дурного матеріала; ночью въ этихъ юртахъ порядочно заблутъ, и единственное средство противъ холода состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно ближе ложиться другъ къ другу. Дневной свѣтъ проникаетъ чрезъ окно, въ которое обыкновенно бываетъ вставлено стекло, а за неимѣніемъ его—рыбья кожа или бумага. По стѣнамъ юрты съ двухъ сторонъ устроены, въ поларшина вышиной, очень широкія лавки для сна, похожія на татарскія и покрытыя берестой или рогожами. Если въ юрту входитъ болѣе почетный гость, то на такой лавкѣ стелютъ оленью шкуру, но какъ ни привлекателенъ этотъ бѣлый и мягкій мѣхъ, нельзя посоветовать садиться на него, такъ какъ онъ бываетъ полонъ блохъ; вошедшій лучше всего сдѣлаетъ, если сядетъ на маленькую и низенькую скамью, служащую вмѣсто стола, такъ какъ скамья эта удалена отъ всякаго соприкосновенія съ лавками, и таиннымъ образомъ можно почти уберечься отъ блохъ. При каждой юртѣ находится одна или двѣ кладовыя для припасовъ, которыми строятся на высокихъ столбахъ, а непосредственно за ними начинается темный сосновый лѣсъ, шумъ котораго и свѣжій запахъ сосны такъ любезны сердцу Вогула. Лѣт-

¹⁾ Г. Алквистъ употребляетъ это названіе вогульского жилища согласно тому, какъ говорятъ Русскіе; сами же Вогулы называютъ свои жилища *küä*, *keäkä*.

нія юрты покрываются берестой; на Сосвѣ онѣ имѣютъ коническую форму; Вогуль всегда переходитъ въ такую юрту въ теплое время года, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ не удаляется отъ своей зимней юрты. Огонь въ лѣтнихъ юртахъ горитъ по срединѣ, и дымъ выходитъ чрезъ отверстіе въ крышѣ; юрты эти не имѣютъ пола и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе удобны, чѣмъ зимнія.

„Такъ устроены жилища Березовскихъ Вогуловъ. Южные Вогулы, живущіе по рр. Лозвѣ и Пелыму, рѣдко строятъ лѣтнія юрты, а живутъ лѣто и зиму въ бревенчатыхъ жилищахъ. Эти послѣднія отличаются отъ юртъ сѣверныхъ Вогуловъ только тѣмъ, что въ нихъ около очага вмазанъ довольно большой котелъ, изъ-подъ котораго чрезъ витую трубу дымъ проходитъ въ верхнюю часть очага. Южные Вогулы начинаютъ уже ставить русскіе срубы, помѣщая ихъ за юртами, такъ что сіи послѣднія служатъ сѣнями къ избѣ, а самая изба чистою половиной.

„Домашнія утварь и другія принадлежности домашняго быта у народа, такимъ образомъ живущаго, не могутъ быть разнообразны. Кромѣ собаки, ружье составляетъ самое дорогое имущество Вогула, хотя обыкновенно ружья ихъ самаго дурного качества. Затѣмъ у Вогула бываетъ еще оружіе—рогатина, топоръ и большой ножъ, который вмѣстѣ съ огнивомъ всегда виситъ у пояса. Кромѣ той посуды, въ которой варятъ пищу, вся остальная изъ бересты; даже ложки и дѣтскія люльки и качалки не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Иадѣлія Вогуловъ изъ бересты вообще хороши, хотя далеко не такъ красивы и не такъ аккуратны, какъ тѣ, что изготовляются въ сѣверной Финляндіи. Лодки для небольшихъ рѣкъ выдалбливаются изъ одного дремезнаго ствола и очень легки на ходу, но такъ низки, что на нихъ гребутъ не простыми веслами, а рулевымъ весломъ. На Сосвѣ и Оби есть однако у Вогуловъ и большія лодки съ мачтами; обыкновенно двѣ такіа лодки соединяются для плаванія цѣлаго семейства.

„Одежда южныхъ Вогуловъ приблизительно та же, что и одежда живущихъ тамъ Русскихъ, но обыкновенно она хуже и болѣе изорвана. Одежду Вогуловъ на Сѣверной Сосвѣ составляетъ извѣстнаа малица, которая на лѣто шьется изъ русскаго крестьянскаго сукна, а на зиму—изъ оленьихъ шкуръ, такъ что мѣхомъ бываетъ обращена къ наружной сторонѣ и затѣмъ подбита мѣхомъ же съ внутренней стороны. Шапокъ обитатели Сосвы не знаютъ. Лѣтомъ длинныя и густыя волосы, заплетенныя въ двѣ косы, составляютъ единственную защиту головы, по зимой какъ голова, такъ и лицо, покрываются

особаго рода мѣшкомъ изъ оленьихъ шкуръ, который пришитъ къ воротнику малицы. Обувь, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, составляютъ такъ-называемые пимы, родъ сапогъ съ длинными голенищами изъ оленьихъ шкуръ, которые на лѣто шьются изъ шкуръ, не покрытыхъ шерстью, а на зиму—изъ шкуръ, покрытыхъ шерстью, и притомъ внутри подбиваются оленьимъ мѣхомъ. Нижнее платье (рубашка и штаны) у нѣкоторыхъ — изъ русскаго холста, а у другихъ — изъ дубленыхъ оленьихъ шкуръ, которыя носятъ до тѣхъ поръ, пока не спадутъ съ тѣла въ доскутьяхъ. Одежда женщинъ также изъ оленьихъ шкуръ и почти того же покрою, что у Татарокъ; голову Вогулки покрываютъ большимъ не завязаннымъ платкомъ, который, подобно Татаркамъ, спускаютъ и на лицо при появленіи незнакомаго человѣка. Въ косы, также какъ у Татарокъ, вплетаются пестрыя ленты, бисеръ и другія блестящія украшенія; на пальцахъ какъ женщины, такъ и мужчины, носятъ мѣдныя кольца. Замѣчательно, что вогульскія женщины татуируютъ себѣ руки и ноги; татуировка ихъ не представляетъ собою какого-либо опредѣленнаго рисунка, но состоитъ изъ симметрически расположенныхъ линий; она дѣлается въ дѣтствѣ чрезъ наколъ иглой и втираніе порошкомъ наколотаго мѣста.

„Относительно пищи Вогуль неизбалованъ и неразборчивъ. Главная его пища, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, лѣсная птица и рыба, съ тою разницею, что лѣтомъ рыба бываетъ свѣжая, а зимою сушеная. Мясо оленей и лосей ѣдятъ они рѣдко, и то только богаче. Для бѣдныхъ Вогуловъ соль и хлѣбъ сдѣлались необходимою потребностію, но Сосвинскіе считаютъ ихъ предметами роскоши, и здѣшній Вогуль, возвращаясь изъ города, привозитъ ихъ по немощу дѣтямъ въ гостинецъ; подобно тому, какъ финляндскій крестьянинъ привозитъ въ видѣ гостинца сахаръ и бѣлый хлѣбъ. Вообще Вогуль долгое время можетъ быть безъ пищи, и при его странствованіяхъ въ лѣсу случается, что за неимѣніемъ посуды онъ цѣлыя недѣли питается сырою рыбой и сырымъ мясомъ тетеревей. Но если Вогуль начнетъ ѣсть, то ѣстъ много, такъ что за одинъ разъ можетъ съѣсть четыре или пять тетерекъ, выхлебать всю похлебку, въ которой онѣ варились, и сверхъ того, будетъ закусывать вмѣсто хлѣба сушеною рыбой. Единственный предметъ роскоши, который позволяетъ себѣ Вогуль, это—табакъ; куреніе его такъ распространено между Пелымскими Вогулами, что даже бабы и дѣвки курать и обыкновенно имѣютъ

свои собственныя трубки; Вогулы же Сосвинскіе не курать, но за то большіе охотники нюхать табакъ.

„По тѣлосложенію Вогулы средняго роста; малорослые мужчины встрѣчаются рѣдко; напротивъ того, довольно часто видишь мужчинъ стройнаго тѣлосложенія. Какъ охотникъ, Вогулъ скоро ходитъ и въ странствованіяхъ своихъ утомимъ, но въ крѣпости плечъ уступаетъ Русскому. Лицо круглое съ немного выступающими скулами, какъ у всѣхъ Финновъ; носъ широкій, но не плоскій; самый обыкновенный цвѣтъ волосъ—темнорусый, но довольно много встрѣчается людей и съ совершенно свѣтлыми волосами; глаза у нихъ открытые и круглые, но часто болятъ, вслѣдствіе жизни въ дымящихъ юртахъ. Примѣси монгольскаго типа, какъ это полагаютъ нѣкоторые путешественники,—я не могъ подмѣтить въ Вогулахъ, если не считать за признаки ея у южныхъ Вогуловъ, именно Кондинскихъ, сильно выступающія скулы, темноблѣдный цвѣтъ лица, какъ смоль черные волосы и малое количество волосъ на бородѣ. Можетъ быть, Кондинскіе Вогулы болѣе смѣшались съ чужими элементами, чѣмъ ихъ сѣверные братья, которые по внѣшности своей болѣе схожи съ Европейскими народами. Это предположеніе получаетъ еще большую силу и потому, что ихъ область болѣе доступна и ближе къ другимъ народамъ, соприкасающимися съ ними юга и востока, чѣмъ остальная земля Вогуловъ.

„По характеру своему Вогулъ — тихое и добродушное дитя природы. Вогулы никогда не имѣютъ печальнаго вида, постоянно болтаютъ и смѣются между собою; въ рѣчи ихъ есть особаго рода отѣнокъ доброжелательства, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ мягкости и доброты души. Это въ особенности относится къ Сосвинскимъ Вогуламъ, такъ какъ у Вогуловъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Русскими, открытость характера и добродушіе болѣе или менѣе исчезли. Не будучи мстительными, Вогулъ однако легко раздражается даже при малой обидѣ, но также легко мирится и притомъ вполне чистосердечно. Въ пьяномъ видѣ однако онъ становится бѣшенымъ, и тогда опасно бываетъ спорить съ нимъ; но къ счастью, въ такое состояніе онъ приходитъ только раза два въ годъ, когда отправляется въ городъ или въ церковь, ибо вслѣдствіе благоразумной заботливости правительства всякая продажа водки строго запрещена въ вогульскихъ деревняхъ. Большой недостатокъ въ характерѣ Вогула составляетъ его лѣность, которая и служитъ причиною, почему ему, какъ работнику, платятъ въ половину мѣся, чѣмъ Русскому. Къ ручному труду этотъ народъ мало склоненъ. Женщины

однако шьютъ одежду для себя и для мужей, употребляя притомъ вмѣсто обыкновенныхъ потоковъ жиля оленей или пряжу изъ крапивы. Что касается мужчинъ, то они не изготовляютъ даже своей домашней утвари; ибо между ними нѣтъ даже кузнецовъ, почему и ружья отдаются ими въ починку въ отдаленныя мѣста русскими кузнецами, а равно тамъ же закалываются и другія кузнечныя подѣлки. Замѣчаніе М. Кастрена и Ю. А. Гатемейстера, что Остяки могли бы быть хорошими плотниками, сказано на вѣтеръ и возбуждаетъ только улыбку въ каждомъ Сибирякѣ, которому хорошо извѣстно, что плотники приглашаются сюда издалека, хотя вездѣ по сосѣдству живетъ много Вогуловъ и Остяковъ.

„Религіозное сознаніе Вогула заключается въ шаманизмѣ, въ которомъ столь многіе народы сѣверной Азіи находятъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. Правда, Вогуль крещенъ, поситъ христіанское имя и внесенъ въ метрическую книгу; священникъ вѣнчаетъ его, креститъ дѣтей его и приглашается имъ отслужить панихиду надъ могилой умершаго члена его семьи, когда прѣзжаетъ въ ту мѣстность; Вогуль, посѣщая по своимъ дѣламъ разъ или два въ годъ село, въ которомъ находится его приходская церковь, идетъ въ церковь, заливаетъ восковую свѣчу передъ образомъ и нѣсколько разъ крестится. Но во всемъ остальномъ и въ душѣ Вогуль преданъ еще религіи своихъ предковъ. Обращеніе Вогуловъ въ христіанство началось въ первой половинѣ прошлаго вѣка и состояло болѣе въ насильственномъ разрушеніи ихъ идоловъ, чѣмъ въ проповѣди христіанскаго ученія. Съ этого времени они по названію христіане, и хотя, кажется, не воздвигали болѣе идоловъ, но по видимому, въ лѣсахъ ихъ есть извѣстныя мѣста, гдѣ Вогулы приносятъ въ жертву богамъ оленей, мѣха и серебряную монету, чтобъ они послали счастливую охоту. Хотя эти мѣста для жертвоприношеній остаются неизвѣстными чиновникамъ и вообще скрываются отъ Русскихъ, однако случается, что и Русскіе присутствуютъ при этихъ жертвоприношеніяхъ, когда они, какъ выше было сказано, имѣютъ съ Вогулами отправляются на охоту. Члены такой маленькой охотничьей артели присягаютъ другъ другу въ вѣрности передъ мордою медвѣдя, то-есть, они рѣжутъ эту морду однимъ ножомъ или кусаютъ ее зубами въ знакъ того, что если кто при общей охотѣ окажется безчестнымъ, то да будетъ поѣденъ медвѣдемъ, что, по твердому убѣжденію какъ Русскихъ, такъ и Вогуловъ, непременно должно случиться. Почитаніе медвѣдей, которое у предковъ Финскаго племени было всеобщее, проявляется у Вогуловъ

часть сѣсiv, отд. 2.

и въ другихъ чертахъ. Подобно тому, какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, гдѣ медвѣди еще вездѣ водятся, ихъ рѣдко называютъ—изъ почтенія или изъ страха—настоящими ихъ именемъ, а именуютъ „медовою лапой“ или другимъ какимъ-либо ласкательнымъ прозвищемъ,—такъ и Вогулы избѣгаютъ давать медвѣдю его настоящее имя и называютъ обыкновенно „старымъ“, чѣмъ, безъ сомнѣнія, хотятъ выразить свое къ нему уваженіе. Какъ въ Калевалѣ описывается тризна древнихъ Финновъ по медвѣдѣ, такъ и Вогулы тащутъ убитаго медвѣда съ пѣснями, музыкой, съ выстрѣлами изъ ружей въ деревню, гдѣ смерть его празднуется пирушкой и попойкой.

„Въ древности славилась торговля Югръ мѣхами. До утвержденія русскаго владѣчества въ этой странѣ вся эта торговля была въ рукахъ Зырянъ, которые, — конечно, въ позднѣйшее время — должны были подѣляться выгодами ея съ русскими купцами, но и до сихъ поръ принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Торговлю эту производятъ Зыряне Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи ¹⁾ и для того ежегодно прѣзжаютъ сюда изъ-за Урала двумя путями на ярмарки въ Березовъ и Обдорскъ. Болѣе южная дорога идетъ изъ Березова по Сосвѣ, по ея притоку Сигвѣ и потомъ черезъ Уралъ, который въ этомъ мѣстѣ такъ узокъ, что отъ послѣднихъ юртъ Березовскаго округа у истоковъ Сигвы, если дорога хороша, можно доѣхать на оленяхъ въ 24 часа до береговъ Печоры; и переѣздъ черезъ Уралъ тутъ такъ легокъ, что по этой дорогѣ ежегодно перевозятся нѣсколько тысячъ пудовъ муки на Печору, а отсюда доставляются болѣе грузные товары, какъ напримѣръ, ружья, топоры, котлы, салыныя свѣчи и т. д. ²⁾. Другая болѣе сѣверная дорога идетъ изъ Обдорска по рѣкѣ Соби или Синѣ до истоковъ впадающей въ Печору рѣки Усы и потомъ по Усѣ до Печоры ¹⁾. Вся торговля здѣсь

¹⁾ Такъ называемые Именцы.

²⁾ Это такъ называемый Оранецкій путь, ведущій отъ Сукерынскихъ юртъ на Сигвѣ, вдоль впадающей тутъ въ Сигву р. Сукерыи, потомъ черезъ Уралъ, далѣе мимо весьма высокой горы Сабли, находящейся уже на западной сторонѣ Урала, на д. Оранецъ на Печорѣ. См. письмо *Ретули* къ акад. Кеннену въ III-й книжкѣ *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*, стр. 172 и 173; *Горьмана*, *Сѣверный Уралъ*, стр. 199. Проходъ здѣсь черезъ Уралъ у Гоменова названъ Саблинскимъ.

Прим. г. Чукина.

¹⁾ Тутъ у г. Алиева ошибка: р. Синья начинается и впадаетъ въ Обь далеко южнѣе Обдорска и верховьяхъ Усы. Вѣроятно, онъ разумѣлъ такъ называемый Елецкій переходъ отъ Обдорска вверхъ по долинѣ впадающей въ Обь р. Соби, потомъ черезъ Уралъ и вдоль Ельца, одного изъ верхнихъ притоковъ

мѣсовая, при чемъ бѣлка служить общимъ мѣриломъ цѣнности товара. Подобно тому какъ на черемисскомъ языкѣ *ur* (по фински *orava*) означаетъ какъ бѣлку, такъ и копытнику, такъ и на вогульскомъ языкѣ слово *lin* (*lén*) означаетъ то же; такъ, напримѣръ, русскій гривенникъ по вогульски называется *lou lin* (10 бѣлокъ), рубль — *sét lin* или *sat lin* (100 бѣлокъ). Но такъ какъ цѣна бѣлки въ настоящее время гораздо значительнѣе, чѣмъ въ то время, когда вошло въ употребленіе это выраженіе, то Вогулы, говоря о деньгахъ, прибавляютъ взятое изъ татарскаго языка слово *oksa* въ суммѣ, для того чтобы сдѣлать различіе отъ дѣйствительной бѣлки, напримѣръ, десять рублей: *lou sét lin oksa* (10 сотенъ бѣлокъ денегъ), тогда какъ одно *lou sét lin* означало бы тысячу настоящихъ бѣлокъ, цѣна которыхъ въ теперешнее время гораздо болѣе десяти рублей. Въ торговлѣ Зырянъ и Русскихъ съ здѣшними Вогулами существуетъ система кредита, которая для сихъ послѣднихъ только разорительна. Купецъ отпускаетъ товаръ свой покупателю въ долгъ до слѣдующей охоты, при чемъ, конечно, на товаръ свой назначаетъ болѣшую цѣну, чѣмъ при наличной платѣ мѣхами; при уплатѣ же долга онъ старается по возможности уменьшить цѣну на товаръ должника. Вслѣдствіе того послѣдній затягиваетъ уплату долга и охотнѣе продаетъ товаръ другимъ, чѣмъ своему кредитору. Чтобы покрыть убытки отъ такой несвоевременной уплаты, а равно и отъ утраты должной суммы вслѣдствіе смерти должника, купецъ при слѣдующемъ окредитованіи долженъ наложить на свой товаръ еще болѣшую цѣну, часто вдвое. Исходомъ такой торговли въ кредитъ для многихъ Вогуловъ и Остяковъ бываетъ то, что сильно задолжавшій при неблагопріятной охотѣ или самъ долженъ поступить въ работники къ своему кредитору, или если у него есть сынъ, послать сына, что

Усы, къ этой послѣдней рѣкѣ. О Елецкомъ, иначе Вольшомъ, переходѣ Регула въ писемъ къ Кеппену говорить: «Эта большая дорога отъ Усы въ Обдорскъ — путь, по которому Русскіе изстари переправлялись черезъ Уралъ. Здѣсь проходятъ торгующіе Зыряне въ Обдорскъ, и тянутся толпами Самодѣи и частію Остяки. Этотъ проходъ, простирающійся въ длину на 30 верстъ (въ горахъ?), широкъ и просторенъ, но имѣетъ одинъ весьма важный недостатокъ: во время вьюговъ, свирѣпствующихъ здѣсь иногда по 3 и 4 дня сряду съ неимоверною силою, въ немъ нельзя найти себя защиты, такъ что цѣлые караваны и стада оленей разгоняются и побиваются бурей, и даже нерѣдко замерзаютъ люди. Впрочемъ, дорога эта, довольно важная для Ижемскихъ Зырянъ, не имѣетъ никакого значенія для Вогуловъ».

Прим. 1. Чунина.

часто обращается въ пожизненную кабалу, въ которой Вогуль или Остякъ отчуждается отъ своего племени и народа.

„У Вогуловъ нѣтъ дѣленія на роды, какъ у Самоѣдовъ и у нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ народовъ, но они, подобно Русскимъ, дѣлятся на полости, въ которыхъ имѣютъ своихъ собственныхъ головъ и старшинъ. Отъ нихъ прежняго самостоятельнаго управленія не осталось никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ того, что на Сосвѣ дватри семейства имѣютъ притязаніе называться князьями. Познакомившись съ двумя такими претендентами, я не могъ замѣтить никакой разницы между ними и ихъ соплеменниками, кромѣ того только, что лицо ихъ случайно было чище вымыто, между тѣмъ какъ по одеждѣ и по запятіямъ они ничѣмъ не отличались отъ другихъ и не требовали, кажется, отъ сихъ послѣднихъ никакого особеннаго къ себѣ почтенія. Вообще Вогулы, какъ и другіе живущіе здѣсь народы, управляются обыкновенными чиновниками изъ Березова и Обдорска, и это управленіе вслѣдствіе ихъ покорности и послушанія весьма незатруднительно: болѣе преданныхъ подданныхъ едва ли можно найдти; вездѣ спрашиваютъ они путешественника: какъ здоровье золотого хана (*zorni khan*, то-есть, Государь), какой видъ имѣетъ его жилище, одѣвается ли онъ въ тѣ мѣха, которыми они платятъ ясакъ, существуетъ ли миръ и спокойствіе въ странѣ и т. д. И народъ этотъ не имѣетъ причины желать для себя лучшаго управленія. Ясакъ, который онъ платитъ, чрезвычайно незначителенъ и почти вполнѣ возмѣщается тѣмъ, что казна отпускаетъ имъ порохъ и муку по пониженной цѣнѣ. Со стороны чиновниковъ Вогулы также не терпятъ большаго притѣсненія, такъ какъ споры свои обыкновенно разрѣшаютъ между собою безъ суда и вообще живутъ такъ далеко отъ чиновниковъ, что видятъ ихъ только разъ въ годъ при вносѣ ясака; кромѣ того, они уже научились приносить жалобы на притѣсненія, и это заставляеть чиновниковъ быть осторожными въ обращеніи съ ними“.

Таковъ бытъ Вогуловъ, какъ онъ очерченъ г. Алевистомъ. Описание это, конечно, очень коротко ¹⁾, но по всякомъ случаѣ оно несомнѣнно удовлетворяетъ той цѣли, ради которой включено въ мо-

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтить, что этнографическій матеріалъ о Вогулахъ, представляемый русскою литературой, довольно великъ и содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній, не отмѣченныхъ г. Алевистомъ; см. библиографію его въ статьѣ о Вогулахъ, въ Географическомъ и статистическомъ словарѣ Перской губерніи, составленномъ Н. Чунимымъ (Пермь, 1873 г.), I, 334—360.

нографію о древней финской культурѣ. Если мы снимемъ съ этой картины бита Вогуловъ нѣкоторыя позднѣйшія наслоенія, каково, напримѣръ, употребленіе огнестрѣльнаго оружія или водки, и даже самое знакомство Вогуловъ съ христіанскою религіей, то бытъ вогульскій представится намъ совершенно такимъ же, какъ древняя жизнь Западныхъ Финновъ, опредѣляемая данными ихъ языка. Итакъ, современная дѣйствительность оправдала научный пріемъ, употребленный г. Алевистомъ, и подтвердила вѣрность его заключеній и выводовъ изъ данныхъ языка.

По справедливому замѣчанію автора, сейчасъ изложенная параллель доказываетъ также, что заимствованіе культурныхъ словъ въ финскіе языки отъ сосѣднихъ дѣлалось Финнами не безъ необходимости, не изъ простаго желанія украсити родную рѣчь чужестранными выраженіями и т. п. Если бы вмѣстѣ съ заимствованіемъ словъ, не были заимствуемы и самыя предметы и понятія, этими словами обозначаемыя, — то не могло бы случиться, что различными отраслями Финскаго племени, въ различные времена и на дальнемъ разстояніи одна отъ другой, усвоивали себѣ отъ сосѣдей слова, означающія одни и тѣ же предметы и понятія; а именно это обстоятельство замѣчаемъ мы при сравненіи языковъ финскаго собственно и мадьярскаго, финскаго и лопскаго, финскаго и эстскаго. Даже въ предѣлахъ той области, въ которой распространенъ собственно финскій языкъ, мы видимъ, что въ полосѣ болѣе западной, въ собственно емскомъ нарѣчій, извѣстное понятіе означаетъ словомъ скандинавскаго происхожденія, а въ полосѣ восточной, среди Кареловъ, то же понятіе выражено словомъ, взятымъ изъ нѣмецкаго или русскаго языка. Очевидно, ни въ той, ни въ другой мѣстности Финны не имѣли понятія о тѣхъ предметахъ, названіе которыхъ имъ пришлось брать у сосѣдей, и стало быть, находились на низшей, сравнительно съ послѣдними, ступени развитія. Тѣмъ моложе однако—такое послѣднее слово г. Алевиста, — тѣмъ моложе Финны въ исторіи, и тѣмъ вѣроятнѣе, что наконецъ и для нихъ приходитъ пора внести свой вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію и самостоятельно развитъ тѣ культурныя задатки, которые усвоены ими отъ сосѣдей.

На этомъ мы можемъ покончить обзоръ содержанія книги г. Алевиста. Знатоки финскихъ языковъ, безъ сомнѣнія, подвергнутъ ее критическому разбору со стороны филологической;—наша задача была гораздо проще и скромнѣе: довѣряясь вполнѣ ученому авторитету г. Алевиста, какъ одного изъ первыхъ современныхъ

часть схсiv, отд. 2. 12

финнологовъ, мы имѣли въ виду извлечь изъ его розысканій только этнографическіе результаты, которые могли бы освѣтить какъ современное, такъ и древнее культурное состояніе Западныхъ Финновъ и ихъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ арійской расы.

Въ заключеніе позволимъ себѣ упомянуть о другомъ трудѣ по исторіи финскихъ языковъ, который имѣетъ много общаго съ книгой г. Алквиста: мы разумѣемъ ужъ упомянутое выше изслѣдованіе датскаго ученаго г. В. Томсена: „О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лопскій“. Между тѣмъ какъ г. Алквистъ основалъ свои результаты преимущественно на сравненіи финскихъ языковъ между собою и съ языками всѣхъ сосѣднихъ, какъ западныхъ, такъ отчасти и восточныхъ народовъ арійской расы, г. Томсенъ изслѣдовалъ филологически лишь одну область племенныхъ отношеній—культурныя связи Финновъ съ Германскимъ племенемъ, но за то постарался различить послѣдовательность въ развитіи этихъ связей по мѣрѣ соприкосновенія Западныхъ Финновъ съ тѣмъ или другимъ изъ народовъ Германскихъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы спеціалисты финской филологіи привели къ ближайшему соглашенію результаты, добытые обоими вышеназванными учеными, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обратили бы въ должной мѣрѣ вниманіе на отношеніе финскихъ языковъ къ славянскимъ. Подобныя изысканія, безъ сомнѣнія, прольютъ новый свѣтъ на все еще темные пока вопросы о древнихъ народныхъ движеніяхъ и зародышахъ гражданственности въ Восточной Европѣ.

Л. М.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА И ОБРАЗОВАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ВЪ РОССИИ¹⁾.

IV.

Императоръ Александръ II и современное состояніе училищъ.

А. Народныя училища. Предварительныя распоряженія; основанія устава 16 іюля 1864 г.; устраненіе прежнихъ недостатковъ законоположеніемъ 26 мая 1869, учрежденіемъ инспекцій народныхъ училищъ и школъ образцовыхъ, а также изданіемъ инструкціи для инспекторовъ народныхъ училищъ 29 октября 1871; воззваніе къ дворянству; законъ объ элементарныхъ школахъ 25 мая 1874 г. — Статистика и характеристика современнаго положенія училищъ. — Образование учителей. Учительскія семинаріи; семинарія въ с. Порѣцкомъ и В.-Иверскъ; общіе недостатки подобныхъ заведеній; образованіе учителей введеніемъ педагогическихъ курсовъ при уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. — Съѣзды учителей въ Россіи. — В. *Городскія училища* (указъ 31 мая 1872 г.). Уставъ о городскихъ училищахъ, учебные планы и штаты. Обрисованіе учителей. — Уставъ объ учительскихъ институтахъ; учебные ихъ планы; приведеніе въ исполненіе новыхъ предначертаній; дополнительные курсы въ учительскихъ институтахъ. — В. *Окраины государства и инородцы.* Западныя губерніи, Сибирь, Туркестанъ и т. д. Сельскія православныя училища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. — *Выглядъ на будущее:* уставъ о воинской повинности 1 января 1874 г.; усиленное стремленіе въ школы.

Благополучное царствованіе Императора Александра II имѣетъ великое значеніе для развитія и распространенія образованія въ Россіи; когда обнаружатся послѣдствія современныхъ реформъ въ этой области, въ сущности законченныхъ, покрайней мѣрѣ въ томъ, что касается до законодательной дѣятельности²⁾, тогда только вполнѣ

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр. Ноябрь 1877 года.

²⁾ За исключеніемъ устава университетовъ 18 іюня 1863 г., который въ часть охсiv, отд. 3.

будетъ сознано, какую важную эпоху составляетъ вліяніе этого Государя на народное образованіе въ Имперіи. Постараемся представить здѣсь наглядный обзоръ результатовъ, достигнутыхъ въ устройствѣ элементарныхъ училищъ за послѣднее время, въ особенности со дня вступленія въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго (съ 14 апрѣля 1866 г.).

Народныя училища. Министерство народнаго просвѣщенія еще съ 1856 года (А. С. Поровъ, 1853—1858) приступило къ составленію проекта устава *общеобразовательныхъ* учебныхъ заведеній, въ который входило и устройство народныхъ школъ. Это выраженіе „общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“ весьма замѣчательно: оно здѣсь въ первый разъ было употреблено въ официальномъ училищномъ актѣ (Вессель, руководство I, 314) и показываетъ, что уже въ то время министерство не считало болѣе единственною цѣлю и назначеніемъ училищъ — удовлетвореніе потребностей какого либо одного сословія, или образованіе канцелярскихъ чиновниковъ и писарей. Въ 1861 г. комитетъ, составленный изъ членовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, заведующихъ училищами равнаго именовація¹⁾, составилъ „общій планъ устройства народныхъ училищъ“, который не получилъ однако обязательной законной силы: преобразование училищъ низшаго разряда невозможно было въ то время, когда не были еще закончены реформы, касавшіяся устройства быта сельскаго населенія.

Іюль 14-го 1864 года было Высочайше утверждено „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“, обязательное для всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ и для воскресныхъ школъ.

Главныя основанія, принятія при составленіи этого законоположенія, заключаются въ слѣдующемъ (Ж. М. Н. Пр., сент. 1864):

1) Ускорить развитіе просвѣщенія въ народѣ, не поощрительными, но поощрительными мѣрами. Начало безусловной обязательности, личной какъ въ Пруссіи, или въ отношеніи общины, какъ во Франціи — отвергнуто. Правительство не принуждаетъ никого учиться или содержать школу, но поддерживаетъ желающаго. Для такого

1876 г. вновь былъ подвергнутъ пересмотру въ особой комиссіи подж. предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова.

¹⁾ Отъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, уѣздныхъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

поощренія (снабженіе школъ учебными пособиями, награды учителямъ и т. д.) была ассигнована до смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія на 1865 г. сумма въ 100,000 руб., съ тѣмъ, чтобы постепенное ея увеличеніе зависѣло отъ средствъ государственнаго казначейства.

2) Прекратить существовавшій антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ, какъ между отдѣльными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными, и соединить, въ отношеніи народныхъ училищъ, разрозненную дѣятельность разныхъ вѣдомствъ, православнаго духовенства и земскихъ учреждений. Съ этою цѣлью учреждаются въ каждомъ уѣздѣ *уездный* и въ каждой губерніи *губернскій* училищные совѣты. Уездный училищный совѣтъ состоитъ изъ членовъ отъ министерствъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства, изъ двухъ представителей уезднаго земскаго собранія, кромѣ того по одному отъ тѣхъ вѣдомствъ, которые содержатъ у себя начальныя народныя училища, и изъ члена городского общества. Предсѣдатель избирается собраніемъ на два года; дѣлопроизводство возлагается на штатнаго смотрителя училищъ. Губернскій совѣтъ составляютъ: епархіальный архіерей, какъ первенствующій членъ, начальникъ губерніи, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія. Училищные совѣты обязаны: имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда и губерніи, соотвѣтственно кругу ихъ дѣятельности; обзрѣвать училища; имѣть попеченіе объ открытіи новыхъ школъ и объ улучшеніи существующихъ; разрѣшать открытіе новыхъ начальныхъ училищъ; входить съ представленіями о пособияхъ, наградахъ и т. д. Размѣръ содержанія народныхъ училищъ устанавливается тѣми вѣдомствами, обществами и частными лицами, на счетъ которыхъ они учреждены. Такъ какъ члены училищныхъ совѣтовъ пользуются равными правами, то предполагалось, что ихъ возрѣнія на преподаваніе постепенно достигнутъ столь необходимаго для успѣха единства. Спеціальная обязанность представителя министерства народнаго просвѣщенія заключается въ предъявленіи совѣтовъ и мнѣній по вопросамъ педагогическимъ, въ указаніи полезныхъ учебныхъ пособій и въ надзорѣ за преподаваніемъ.

3) Избѣжать по возможности централизаціи и бюрократическаго управленія училищами. До сихъ поръ, сказано въ объяснительной запискѣ къ положенію, элементарныя школы всѣхъ вѣдомствъ были сильно сцентрализованы и управлялись большею частью бюрократическимъ порядкомъ. Все въ нихъ дѣлалось по предписаніямъ

высшей власти, все исходило изъ министерствъ, которымъ принадлежала и инициатива и окончательное рѣшеніе всѣхъ педагогическихъ и административныхъ вопросовъ. Въ этомъ, можетъ быть, заключается главная причина той всеобщей апатіи, рутини и застоя, которые повсемѣстно замѣчаются въ нашихъ училищахъ. При такомъ однообразномъ устройствѣ, во многихъ мѣстностяхъ, находящихся подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ условий, училища не могутъ удовлетворять потребностямъ народонаселенія. Отъ этого произошло, что наше общество чуждалось казенныхъ училищъ⁴. Новое законоположеніе устранило централизцію; училищные совѣты, которымъ подчинены училища въ педагогическомъ отношеніи, конечно не имѣли характера бюрократическихъ учреждений, а заведываніе экономическою частью было вполнѣ предоставлено учредителямъ училищъ. Министерство народнаго просвѣщенія не домогалось забрать въ свои руки управленія всѣми школами, въ убѣжденіи, что городскія и сельскія общества, духовенство и различныя вѣдомства скорѣе и съ большимъ усердіемъ будутъ хлопотать объ учрежденіи училищъ, когда имъ извѣстно, что управленіе учрежденными школами непосредственно зависитъ отъ нихъ.

4) Сдѣлать ученіе по возможности свободнымъ, предоставивъ, какъ обществамъ, такъ и частнымъ лицамъ, большой просторъ въ учрежденіи училищъ и облегчивъ желающимъ доступъ къ учительской должности. Существовавшія до того времени ограниченія въ правѣ открывать училища и въ доступѣ къ учительской должности, съ теоретической точки зрѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, были основательны и разумны; но на практикѣ, цѣль, имѣвшаяся въ виду, при ограниченіи свободы обученія, большею частью вовсе не достигалась. Отъ ищущихъ званія народныхъ учителей требовалось знаніе извѣстнаго круга предметовъ, но умѣнія обучать, педагогической способности не спрашивали; „съ другой стороны законъ о недопущеніи къ обученію лицъ, не имѣющихъ на то права, на практикѣ вовсе не исполнялся; не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, обученіемъ постоянно занимались и занимаются лица, не имѣющія требуемыхъ закономъ свидѣтельствъ — отставные солдаты, писаря, грамотные мѣщане, крестьяне и т. п. Хотя такое обученіе и считалось противозаконнымъ, но правительство не имѣло никакой возможности воспрепятствовать его на дѣлѣ; притомъ строгія мѣры противъ подобныхъ учителей едва ли были бы полезны и справедливы“. Съ этого времени, для открытія элементарныхъ училищъ какимъ либо обществомъ или

частнымъ лицомъ требуется только согласіе уѣзднаго училищнаго совѣта. Для того, чтобы обучать грамотѣ на дому, не требуется никакихъ дозволеній и свидѣтельствъ; напротивъ того, преподавать въ народныхъ училищахъ могутъ только лица, которые получаютъ на то особое разрѣшеніе уѣзднаго училищнаго совѣта, по представленіи удостовѣренія въ доброй нравственности и благонадежности.

Законоположеніе 1864 г., едва прошло десять лѣтъ, было замѣнено новымъ уставомъ, дѣйствующимъ въ настоящее время, въ сущности основанномъ на тѣхъ же началахъ, но представляющимъ болѣе развитія и опредѣленности. Такъ какъ уставъ этотъ необходимо будетъ изложить во всей подробности, то мы ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что организація училищныхъ совѣтовъ не была вполне удовлетворительна: большинство уѣздныхъ совѣтовъ выказало весьма мало дѣятельности. Причину этого недостатка конечно слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что вліяніе на народныя училища министерства народнаго просвѣщенія не преобладало надъ участіемъ другихъ вѣдомствъ и сельскихъ управленій (хотя, во всѣхъ странахъ, главная забота о распространеніи въ народѣ правильныхъ элементарныхъ школъ и главная отвѣтственность по этому предмету всегда возлагается на министерство просвѣщенія); поэтому силы, оживляющей и подвигающей впередъ, неоставало въ законѣ 1864 г. Независимо отъ этой юридической стороны дѣла, министерство народнаго просвѣщенія не имѣло въ своемъ распоряженіи необходимыхъ денежныхъ средствъ, чтобы выполнить свои предначертанія и поддерживать свое вліяніе. Тѣмъ не менѣе, законоположеніе 1864 г. оказало значительную услугу, побудивъ вновь открытія земскія учрежденія къ основанію многочисленныхъ училищъ и нѣкоторыхъ изъ существующихъ учительскихъ семинарій.

Къ устраненію сознанныхъ недостатковъ устава 1864 г. были направлены первыя же распоряженія гр. Д. А. Толстаго, касавшіяся законопроектовъ по народному образованію. Высочайше утвержденнымъ 26-го мая мѣсяцемъ государственнаго совѣта (Об. Пост. IV, 1221) „объ учрежденіи инспекторовъ народныхъ училищъ, открытіи образцовыхъ училищъ и о другихъ мѣрахъ къ развитію народнаго образованія“ опредѣлено слѣдующее относительно 34 губерній¹⁾, на которыя въ то время распространялись дѣйствія зем-

¹⁾ Эти 34 губерніи распределялись слѣдующимъ образомъ между учебными округами, 1) С.-Петербургскій округъ 5 губерній (С.-Петербургская, Новгород-

скихъ учреждений: 1) для наблюденія за народными училищами назначается въ каждой губерніи инспекторъ сихъ училищъ, который въ то же время состоитъ непремѣннымъ членомъ губернскаго училищнаго совѣта; 2) штаты министерства увеличены съ 1870 г. на 306,000 руб., съ назначеніемъ: 68,000 на содержаніе инспекторовъ (по 1500 руб. жалованья и 500 руб. на разъѣзды), 32,000 руб. на учрежденіе двухклассныхъ (по 1000 руб.) и столько же на учрежденіе одноклассныхъ (по 226 руб.) образцовыхъ училищъ въ мѣстностяхъ, жители которыхъ обязуются уступить необходимый участокъ земли, содержать строеніе училища въ порядкѣ, отапливать и освѣщать его; 68,000 руб. на снабженіе училищъ учебными пособиями и на выдачу наградъ лицамъ, заслуживающимъ поощренія, за усердіе къ дѣлу народнаго образованія (въ особенности учителямъ); 51,000 руб. на стипендіи молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ духовной семинаріи, которые будутъ избраны въ преподаватели городскихъ или сельскихъ обществомъ; и столько же (преимущественно въ видѣ единовременнаго пособия) на поддержаніе училищъ, содержимыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, городскими, сельскими обществами или частными лицами. Въ 1869 г., кромѣ 102,000 руб., ассигновано было авансомъ еще 100,000 руб. на постройку и первое устройство образцовыхъ школъ.

ская, Оловенская, Вологодская, Псковская; исключена Архангельская); 2) Московскій округъ 11 губерній (Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Смоленская, Владимирская, Нижегородская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская); 3) Казанскій округъ 5 губерній (Казанская, Вятская, Симбирская, Самарская, Саратовская, исключена Астраханская); 4) Харьковскій округъ 6 губерній (Харьковская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Воронежская, земли войска Донскаго); 5) Одесскій округъ 4 губерніи (Вессарабія, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская); 6) Киевскій 2 губерніи (Черниговская и Полтавская, исключены Киевская, Волынская и Подольская); 7) Оренбургскій 1 губ. Пермская (исключены: Оренбургская, Уфимская, округа Уральскій и Тургайскій). Съ 1-го янв. 1876 г. элементарныя училища въ губерніяхъ Удѣлной (Полом. 22-го ноября 1875 г. Ж. М. Н. Пр. т. 183, 1, 45) и Архангельской (9-го декабря, такъ же, стр. 49) подчинены, въ каждой, особому директору народныхъ училищъ и его помощникамъ, должность же директоровъ губернскихъ училищъ упразднена (Ср. Зак. 25-го мая 1874 г.). Съ 1-го января 1877 г. низшія училища Астраханской губерніи подчинены надзору особаго инспектора народныхъ училищъ (Высоч. утвѣрж. им. госуд. совѣта 28 дек. 1876 г. См. Ж. М. Н. Пр. 190, 1, 107).

Число часовъ въ двухклассныхъ училищахъ съ 31-го мая 1869 г. распределено слѣдующимъ образомъ:

	I классъ.		II классъ.		
	1 годъ.	2 годъ.	3 годъ.	4 годъ.	5 годъ.
Законъ Божій	6	6	4	4	3
Русскій языкъ	7	7	10	8	6
Арифметика	5	5	6	6	6
Исторія	—	—	—	2	3
Географія и естествен. исторія.	—	—	—	2	4
Рисованіе.	—	—	4	4	4
	18	18	24	26	26

Изъ обширной инструкціи обнародованной 4-го іюня 1875 г. для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія* (Моск. Сборн. 378, Ж. М. Н. Пр. августа 1875 г.), слѣдуетъ здѣсь привести по крайней мѣрѣ главные пункты: Когда мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ, что дозволяется только въ исключительныхъ случаяхъ, они не должны сидѣть на однихъ скамейкахъ (§§ 2 и 26). Къ обязательнымъ предметамъ причислено церковное пѣніе. Рисованіе или черченіе преподается только въ двухклассныхъ училищахъ (§ 3). По мѣрѣ средствъ и возможности вводятся гимнастика, ремесла и мастерства для мальчиковъ и рукодѣлія для дѣвочекъ, также занятія садоводствомъ и пчеловодствомъ (§ 5). Правильное устройство и введеніе дополнительныхъ курсовъ, указанныхъ въ 5 §, возлагается на инспектора, который обязанъ имѣть по возможности въ виду потребности мѣстнаго населенія (§ 77 и слѣд.). Въ одноклассныхъ училищахъ, съ цѣлью облегчить обученіе ремесламъ, положенная по штату сумма (226 руб.) на содержаніе школы можетъ быть увеличена въ размѣрѣ отъ 100 до 140 руб. (§ 9). Для открытія образцовой школы, съ по-еобіемъ отъ правительства, требуется согласіе министра народнаго просвѣщенія, испрашиваемое попечителемъ, по представленію директора губернскихъ народныхъ училищъ (§ 11). Относительно училищъ, которымъ не отпускается пособія изъ суммъ государственнаго казначейства, достаточно согласія попечителя учебнаго округа (§ 13). Училища, подвѣдомственные министерству, состоятъ подъ наблюденіемъ директора народныхъ училищъ и инспекторовъ (§ 15 и зак. 25-го мая 1874 г.). Лица, особенно уважаемыя, изъ мѣстныхъ гражданъ, которые могутъ оказать нравственную и матеріальную поддержку при учреж-

деніи или поддержаніи училища, избираются, участвующими въ его управленіи, въ званіе почетныхъ блюстителей (§ 20). Число учениковъ, поручаемыхъ одному преподавателю, не должно превышать 60-ти (§ 23). Дѣти мѣстныхъ обывателей обучаются бесплатно (§ 27), постороннія уплачиваютъ не болѣе 3 руб. въ годъ (§ 28). Курсъ ученія продолжается въ двухклассныхъ училищахъ 5 лѣтъ, въ одноклассныхъ же не менѣе 3 лѣтъ (§ 32). Время обязательной военной службы (шестилѣтній срокъ) сокращается на два года для тѣхъ, которые успѣшно посѣщали одноклассное училище, если не поступили въ службу вольноопредѣляющимися и не уволены отъ службы; окончившимъ курсъ ученія въ двухклассномъ училищѣ сокращается срокъ на три года (§§ 34, 35 и уст. о воин. повин. § 56). Кромѣ законоучителя, въ одноклассныхъ училищахъ полагается еще по одному преподавателю, въ двухклассныхъ по два учителя. Въ параллельныхъ классахъ преподаютъ особые учителя. По соображеніи съ мѣстными средствами могутъ быть назначаемы и помощники учителей (§ 56). Учители опредѣляются директоромъ по представленію инспектора; опредѣленіе законоучителей совершается съ согласія епархіальнаго начальства (§ 59). Съ дозволенія инспектора, преподавать въ училищахъ, устроенныхъ для мальчиковъ, могутъ и лица женскаго пола (§ 60). Жалованья учителямъ полагается въ годъ не менѣе 330 руб., законоучителямъ не менѣе 100 р. (въ двухклассныхъ же училищахъ не менѣе 150 руб.); кромѣ того, имъ назначается квартира бесплатно (§§ 61 и 64). Вознагражденіе за обученіе ремесламъ или мастерствамъ полагается до 160 руб. въ годъ, за обученіе гимнастикѣ и рукодѣліямъ до 100 руб. (§ 63). При каждомъ училищѣ слѣдуетъ имѣть: 1) учительскую бібліотеку, 2) учебную бібліотеку и 3) складъ учебныхъ книгъ¹⁾, тетрадей для

¹⁾ Учрежденіе подобныхъ складовъ, при неразвитости русской книжной торговли, крайне необходимо. И къ настоящему времени еще вполнѣ примѣнно то, о чемъ говорило министерство народнаго просвѣщенія въ 1864 году: «число хорошихъ учебниковъ и изданій для народа у насъ весьма незначительно; даже и тѣ немногія изданія, которые имѣются на лицо, доступны, можно сказать, для небогатыхъ людей только въ столицахъ и близкихъ къ нимъ мѣстностяхъ, потому что снабженіе отдаленныхъ губерній, по неустройству у насъ книжной торговли, крайне затруднительно; нерѣдко случается, что пересылка книгъ на разстояніи нашихъ-либо 1000 верстъ, увеличиваетъ вдвое ихъ цѣнность. Относительно учебниковъ и книгъ для народа, можно сказать навѣрное, что сбытъ ихъ въ скоромъ времени могъ бы удешевиться, еслибы только доставка ихъ

письма, письменныхъ принадлежностей и т. д., изъ котораго ученики могли бы покупать все для нихъ необходимое (§ 70).

Обязанности инспекторовъ народныхъ училищъ опредѣлены Высочайше утвержденною 29 октября 1871 г. инструкціею, выработанною министерствомъ народнаго просвѣщенія съ участіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣдомства православнаго исповѣданія (*Моск. Сборн.* 38—37). Согласно этой инструкціи инспекторамъ принадлежитъ исключительно и непосредственно надзоръ за училищами одноклассными и двухклассными, учреждаемыми министерствомъ народнаго просвѣщенія и за содержимыми отъ казны приходскими городскими училищами; за остальными народными училищами они надзираютъ совмѣстно съ членами училищнаго совѣта ¹⁾. Инспекторы должны обращать вниманіе на то: имѣютъ ли учителя законное право на преподаваніе, достаточно ли къ тому подготовлены и способны, и получаютъ ли должное вознагражденіе за свои труды (§ 7). Они входятъ съ представленіями о награжденіи усердныхъ учителей (§ 8), руководствуютъ неопытными (§ 9), устраняютъ отъ должности вовсе неспособныхъ временно, впредь до окончательнаго рѣшенія надлежащею властью (§ 10), заботятся объ усовершенствованіи готовящихся въ учителя и о выдачѣ имъ пособій (§§ 11, 12). Въ отношеніи къ надзору за преподаваніемъ, они обращаютъ вниманіе не только на методу, но также на объемъ, содержаніе и правильность изложенія (§ 14); даѣе прилагаютъ стараніе, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ были введены церковное пѣніе, гимнастика и обученіе ремесламъ (§ 15). Они заботятся также, чтобы всѣ училища были снабжены учительскими и ученическими библіотеками и учебными руководствами и чтобы въ библіотеки не допускалось ни одной книги, предварительно не одобренной министерствомъ народнаго просвѣщенія ²⁾ или духовнымъ

сдѣлалась удобнѣе и дешевле. Очевидно, мы не достигнемъ этого до тѣхъ поръ, пока ляды, занимающіеся у насъ книжною торговлею, будутъ вести свое дѣло по старинной ругинѣ и пока они не подумаютъ объ учрежденіи комиссіонерствъ и складовъ, о способахъ быстрого обихва изданій, развозки книгъ по деревнямъ, книжныхъ ярмаркахъ и другихъ подобныхъ способахъ, благодаря которымъ книжный товаръ такъ быстро обращается на иностранныхъ рынкахъ».

¹⁾ Директоры губернскихъ гимназій такимъ образомъ значительно облегчены въ ихъ трудахъ по надзору за училищами; окончательно они освобождены отъ этой обязанности законоположеніемъ 25 мая 1874 г.

²⁾ Списки одобренныхъ книгъ ежемѣсячно печатаются въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*

вѣдомствомъ (§§ 19, 20). Постоянно имѣютъ они въ виду внѣшнее и внутреннее благоустройство училищъ; матеріальное ихъ обезпеченіе и стараются склонить учредителей или содержателей училищъ къ необходимымъ для того пожертвованіямъ (§ 26 и слѣд.) Съ цѣлью способствовать внѣшнему благоустройству училищъ, они заботятся объ избраніи почетныхъ блюстителей при школахъ, непосредственно подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, и почетныхъ попечителей при другихъ элементарныхъ училищахъ, и входятъ куда слѣдуетъ съ представленіями объ ихъ награжденіи соотвѣтственно заслугамъ (§§ 38 и 39). Обязаны по возможности стараться объ открытіи новыхъ училищъ, склоняя къ необходимымъ для того пожертвованіямъ земства, городскія и сельскія управленія (§ 40 и слѣд.) Инспекторъ присутствуетъ съ правомъ голоса въ совѣтѣ попечителя, при обсужденіи вопросовъ, касающихся народныхъ училищъ (§ 53) и въ училищныхъ совѣтахъ. Противъ рѣшеній уѣзднаго училищнаго совѣта можетъ онъ возражать, предъявляя свое мнѣніе въ губернскій училищный совѣтъ, а рѣшенія послѣдняго можетъ обжаловать попечителю округа (§ 56). Можетъ созывать уѣздный училищный совѣтъ на чрезвычайныя собранія, по предварительному соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта (§ 58). Имѣетъ, кромѣ того, право осматривать учительскія семинаріи и руководить педагогическими курсами; открываемыми для учителей народныхъ училищъ (§ 60), присутствовать съ правомъ голоса во всѣхъ испытательныхъ комиссіяхъ, когда производится испытаніе на званіе учителей (§ 64) и руководствовать съѣздами учителей (§ 62).

Этою Высочайше утвержденною инструкціей министерство народнаго просвѣщенія пріобрѣтало существенно важное вліяніе на учебныя заведенія, даже не принадлежавшія непосредственно къ его вѣдомству и управленію: затѣмъ, для полнаго успѣха въ развитіи народнаго образованія, оставалось еще привлечь въ участію въ этомъ дѣлѣ и вліятельнѣйшія общественныя силы. По смыслу уставовъ 1804 и 1828 годовъ, предоставлено было мало вліянія на народное образованіе дворянскому сословію, въ лицѣ его представителей—мѣстныхъ предводителей дворянства. Въ законоположеніи 1864 г. и въ приведенной выше инструкціи инспекторамъ, о дворянствѣ вовсе не упоминается. Въ виду того высокаго значенія, какое имѣютъ въ Россіи дворяне-землевладѣльцы, былъ изданъ Высочайшій рескриптъ, отъ 25 декабря 1873 года, на имя графа Д. А. Толстаго, въ высшей степени важный, составляющій эпоху въ исторіи образованія въ Россіи,

и повтому мы считаемъ необходимымъ воспроизвести его здѣсь вполнѣ (*Моск. Сборн.* 105, *Жур. Мин. Нар. Просв.* янв. 1874 г.):

„Графъ Дмитрій Андреевичъ. Въ постоянныхъ заботахъ Моихъ о благѣ Моего народа, Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства. Дабы способствовать самостоятельному и плодотворному развитію народнаго образованія въ Россіи, Я утвердилъ въ 1871 и 1872 годахъ составленные, согласно съ такими Моими видами, уставы среднихъ учебныхъ заведеній вѣрннаго вамъ вѣдомства, долженствующихъ давать вполнѣ основательное общее образованіе юношеству, готовящемуся къ занятіямъ высшими науками, а не предназначающихъ себя къ инымъ—приспособлять къ полезной практической дѣятельности. Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благаго просвѣщенія распространялся по всѣмъ слоямъ населенія, Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое вслѣдствіе сего значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.

„Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіи нѣкоихъ, собиравалась, крѣпла и возвеличивалась Россія.

„Какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я вмѣняю въ непремѣнную

обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе.

„Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу принадлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліаній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ поставленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и разномноженію“.

Основанія, указанныя въ приведенномъ здѣсь рескриптѣ, подробно разработаны и примѣнены къ дѣлу въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1874 г. мѣстнымъ государственнаго совѣта и Высочайше утвержденномъ того же числа „Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ“ (*Моск. Сборн.* 109—124; *Ж. М. Н. Пр.* авг. 1874). Мѣстнымъ государственнаго совѣта опредѣлено: въ каждой изъ 34 губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, надзоръ за всѣми низшими училищами, какъ уѣздными такъ и городскими, возложить на 1 директора народныхъ училищъ и 2 инспекторовъ¹⁾. Директоръ получаетъ 2,500 руб. годоваго содержанія (1,000 руб. жалованья, 800 руб. квартирныхъ и на канцелярію, 700 руб. на разѣзды), инспекторы, каждый по 2,000 руб. (900+600+500). На содержаніе кан-

¹⁾ Число инспекторовъ въ каждой губерніи, по § 20 положенія, опредѣляется министромъ. Если земства пожелаютъ имѣть болѣе инспекторовъ, то должны отъ себя назначить имъ содержаніе; производство пенсій относится на счетъ государственнаго назначенія (22-го ноября 1875 г. *Ж. М. Н. Пр.* 183, 1, 42). Закономъ 27-го апрѣля 1876 г. предоставлены министру народнаго просвѣщенія средства (148,000 руб. ежегодно) постепенно учредить еще 74 инспекціи (въ 1877: 25, 1878: 50, 1879: 74) и по мѣрѣ надобности распределять ихъ по губерніямъ (*Ж. М. Н. Пр.* 186. 1, 52, 86).

целярій ¹⁾ при 34 губернскихъ и 358 уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ определено по 250 р. на каждую, на всѣ выѣстъ 98,000 р. Положеніе ²⁾ указываетъ цѣль и различныя виды начальныхъ народныхъ училищъ, а также способы преподаванія, и опредѣляетъ систему надзора за ними. Начальныя народныя училища имѣютъ цѣлю утвердить въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія (ст. 1). Къ начальнымъ народнымъ училищамъ относятся: а) вѣдомства духовнаго церковно-приходскія училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ въ городахъ, посадахъ и селахъ, съ пособіемъ или безъ пособія отъ казны, мѣстныхъ обществъ или частныхъ лицъ; б) вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія приходскія и низшія народныя училища, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ или частными лицами разнаго званія, исключительно на ихъ счетъ или частью на счетъ казны и пожертвованій благотворителей ³⁾; в) другихъ вѣдомствъ сельскія училища разныхъ наименованій, содержимыя на счетъ общественныхъ суммъ; г) всѣ вообще воскресныя школы ⁴⁾, учреждаемыя, какъ правитель-

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ Высочайше разрѣшено 28-го декабря 1876 г. учредить съ 1-го января 1877 г. особые училищныя совѣты, на правахъ уѣздныхъ, для заведыванія начальными народными училищами этихъ городовъ (*Ж. М. Н. Пр.* 190, 1, 113).

²⁾ Дополненія и измѣненія, последовавшія въ изданныхъ правилахъ, для болѣея наглядности, будутъ указаны здѣсь въ выноскахъ подъ страницей.

³⁾ Изъятіи отъ дѣйствія этого закона образцовыя училища вѣдомства народнаго просвѣщенія, учрежденныя по положенію 26-го мая 1869 года.

⁴⁾ Первыя воскресныя школы въ Россіи (за исключеніемъ Дерптскаго учебнаго округа, въ которомъ воскресныя школы существуютъ съ двадцатыхъ годовъ) открыты были въ 1859 г. въ Кіевѣ, гдѣ нашлось нѣсколько студентовъ университета, изъявившихъ готовность обучать дѣтей ремесленниковъ и рабочихъ бесплатно по праздничнымъ днямъ. Въ мартѣ 1860 года министерство народнаго просвѣщенія, по ходатайству С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, съ цѣлю распространенія грамотности и утвержденія твердыхъ религіозныхъ убѣжденій между ремесленнымъ населеніемъ столицы, предоставило попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа разрѣшеніе открытіе воскресныхъ классовъ, на первый разъ, при шести домахъ С.-Петербургскихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, съ тѣмъ чтобы потомъ, по мѣрѣ надобности, умножать число ихъ. Такъ какъ уже по истеченіи двухъ мѣсяцевъ эти помѣщенія оказывались недостаточными, Государь Императоръ 4-го іюня 1860 г. (Сб. Пост. III, 1525) Высочайше соизволилъ на помѣщеніе воскресныхъ классовъ въ залѣ стражковаго баталіона, съ тѣмъ, чтобы на учрежденіе каждой новой школы въ зданіяхъ, военному вѣдомству принадлежащихъ, было испрашиваемо Высочайшее соизво-

ствомъ, такъ и обществами городскими и сельскими, и частными лицами, для обученія лицъ ремесленного и рабочаго сословія (ст. 2). Предметы преподаванія назначены слѣдующіе: законъ Божій, (краткій катихизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо, первыя четыре дѣйствія арифме-

деніе (о такихъ соображеніяхъ три раза упоминается въ Сборникѣ Постановленій, т. III, 650, 810, 838). Быстрое увеличеніе числа учащихся въ этихъ школахъ побудило министерство народнаго просвѣщенія 21-го сентября 1860 г. (Сб. Расп. III, 400), въ видахъ содѣйствія этому общественному дѣлу, предоставить для домашняго воскресныхъ школъ, кромѣ тѣхъ зданій, которые уже заняты были ими, и всѣ остальные зданія, принадлежащія какъ гимназіямъ, такъ и уезднымъ и приходскимъ училищамъ. Въ 1860 году, министромъ народнаго просвѣщенія циркулярно были сообщены начальства учебнымъ округамъ основанія, на которыхъ могутъ быть открываемы въ городахъ, воскресныя школы и общія правила для наблюденія за ними школами; затѣмъ, 30-го декабря 1860 г. (Сб. Расп. III, 423), министръ сдѣлалъ особое распоряженіе о предметахъ преподаванія въ воскресныхъ школахъ («преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ воскресныхъ школахъ»). 8-го января 1861 г. (Сб. Пост. III, 649) послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы епархіальныя начальства сдѣлали распоряженіе о назначеніи въ каждую воскресную школу священника, который сверхъ обязанности преподаванія закона Божія, наблюдалъ бы, вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ и при его содѣйствіи, за недопущеніемъ въ школы ничего противнаго правиламъ православной вѣры и началамъ нравственности. Быстрое въ началѣ распространеніе и развитіе воскресныхъ школъ къ концу 1861 г. такъ видимо ослабѣло относительно численности учениковъ и качества преподаванія, за увлеченіемъ, какъ часто бываетъ, послѣдовало скорое охлажденіе и совершенное равнодушіе. Къ тому же, въ распоряженіяхъ по воскреснымъ школамъ принялъ участіе многія лица, не обладавшія необходимыми для такой дѣятельности качествами и познаніями. Когда, наконецъ, оказалось, что означенныя школы неблагонамѣренныя лица готовы были воспользоваться для преступной пропаганды, послѣдовало 10-го іюня 1862 г. (Сб. Пост. III, 865) Высочайшее повелѣніе: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нѣтъ существующія воскресныя школы и читальни. Дѣйствіе сего повелѣнія не распространялось на Олонецкія губерніи, гдѣ эти школы существуютъ издавна, но въ другихъ основаніяхъ, слѣдовательно не представляютъ тѣхъ поводовъ къ закрытію, которые приняты были во вниманіе въ губерніяхъ великорусскихъ, западныхъ и южныхъ. Затѣмъ 22-го октября 1862 г. (Сб. Пост. III, 945) дозволено было Нарвскому бургерскому цеховому обществу вновь открыть въ г. Нарвѣ, на иждивеніи сего общества, воскресную школу для таковыхъ ремесленныхъ учениковъ. Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 14-го іюня 1864 года учрежденіе воскресныхъ школъ снова повсемѣстно дозволено.

тики и, гдѣ возможно, церковное пѣніе¹⁾. Преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ (ст. 8, 4).... Дѣти обоего пола могутъ обучаться въ одномъ и томъ же училищѣ только въ томъ случаѣ, если дѣвочки не старше 12 лѣтъ. Воскресныя школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола (ст. 7). Установленіе платы за ученіе и освобожденіе отъ нея зависятъ отъ усмотрѣнія тѣхъ вѣдомствъ, обществъ и лицъ, на счетъ которыхъ училища содержатся (ст. 8). Правительственные вѣдомства и духовное начальство открываютъ и закрываютъ учрежденныя ими начальныя народныя училища по своему усмотрѣнію, сообщая только объ этомъ, для свѣдѣнія, уѣздному училищному совѣту (ст. 9). Народныя училища учреждаются земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и съ согласія уѣзднаго предводителя дворянства (ст. 10); размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ устанавливаются тѣми вѣдомствами, обществами, лицами, которыми училища учреждены и содержатся, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства (ст. 12).... Въ случаѣ беспорядковъ и вреднаго направленія ученія, училище временно закрывается по соглашенію инспектора съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; окончательное его упраздненіе за-

¹⁾ Правила объ испытаніяхъ 15-го октября 1874 г. (Моск. Сборн. 355 и Ж. М. Н. Пр. 176, 1, 37) явнѣе обозначаютъ цѣли преподаванія: отъ экзаменуемаго требуется, чтобы онъ читалъ по доступной его понятіямъ, не знакомой ему, книгѣ правильно, бѣгло, со смысломъ, и передавалъ прочитанное своими словами послѣдовательно или по меньшей мѣрѣ по предлагаемымъ ему вопросамъ, исчерпывая по возможности все содержаніе статьи. Онъ долженъ быть въ состояніи прочесть какую-нибудь четкую рукопись, а также Евангеліе или какую-нибудь изъ богослужебныхъ книгъ, напечатанныхъ церковно-славянскими буквами; долженъ умѣть написать диктуемый отрывокъ, который предварительно имъ прослушанъ, четко, скорописью (средней скорости), притомъ безъ пропуска, искаженія словъ и съ надлежащими знаками препинанія. По арифметикѣ требуется умѣние приложить четыре первыхъ дѣйствія къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ, встречающихся въ житейскомъ быту; экзаменующійся долженъ имѣть ясное понятіе о русскихъ мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ. Предписаніе «вести церковное пѣніе тамъ гдѣ преподаваніе его будетъ возможно» встрѣчается уже въ законоположеніи 1864 г.; 18-го марта 1866 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой комиссіи для составленія руководства къ обученію въ народныхъ школахъ церковному пѣнію (Сб. Пост. IV, 291. Ср. статью С. Миропольскаго «Обученіе пѣнію въ народной школѣ» Ж. М. Н. Пр. 189, 3, 1—22).

висятъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 11). Земство, а также городскія и сельскія общества, учреждающія и содержащія училища, имѣютъ право, для ближайшаго заведѣванія ими, избирать особыхъ попечителей и попечительницъ ¹⁾; тѣ и другія имѣютъ право засѣдать въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и подавать голосъ по дѣламъ своихъ училищъ, вполнѣ отвѣтствуя за порядокъ въ этихъ заведеніяхъ. Тѣмъ же правами пользуются частныя лица по училищамъ и воскреснымъ школамъ, ими учрежденнымъ (ст. 13, 14). Начальныя училища освобождаются отъ всякаго рода срочныхъ вѣдомостей, донесеній и т. п. Необходимыя о нихъ свѣдѣнія собираются членами училищнаго совѣта, на мѣстѣ, при осмотрѣ училищъ (ст. 15). Законъ Божій можетъ быть преподаваемъ или приходскимъ священникомъ или особымъ законоучителемъ ²⁾, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ училищъ (ст. 16). Мѣстному же епархіальному архіерею принадлежатъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія вообще; если признаетъ нужнымъ, свои замѣчанія по сему предмету онъ сообщаетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія (ст. 17). Прочіимъ предметамъ могутъ обучать, съ дозволенія инспектора, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица ³⁾, которымъ и утверждаются въ должности уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, по прошествіи того учебнаго года, въ которомъ, въ видѣ опыта, допущены къ преподаванію. Сроку годичнаго испытанія, по обстоятельствамъ, можетъ быть сокращаемъ (ст. 18).

¹⁾ Каждая школа можетъ имѣть только одного попечителя (8-го апрѣля 1872, *Моск. Сборн.* 212). Земствамъ не дозволено избирать наблюдателей, на которыхъ возлагался бы надзоръ за земскими училищами цѣлаго уѣзда или губерціи (7-го сентября 1874 г., 18-го января 1875. *Моск. Сборн.* 332, 359).

²⁾ Выраженіе «приходскій священникъ или же особый законоучитель», отступающее отъ смысла устава 1828 г., повторяется въ законоположеніи 14 іюля 1864 г., § 15. Въ 1870 году въ духовномъ вѣдомствѣ былъ возбужденъ вопросъ при какихъ условіяхъ можетъ быть допущено къ преподаванію закона Божія лицо не-духовное? По разсмотрѣніи этого вопроса Св. Синодъ опредѣлилъ, что лице, окончившія курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, даже когда не поступили на должности священника, для полученія права преподавать законъ Божій не подлежатъ никакому особому научному испытанію (Предп. мин. 22-го мая 1871; *Моск. Сборн.* 198).

³⁾ По предписанію министра отъ 3-го мая 1875 г. (*Моск. Сборн.* 364) пріисканіе и избраніе лицъ на учительскія должности обусловлено прежде всего желаніями и согласіемъ земства, общества и лицъ, содержащихъ училища. По ихъ представленію, инспекторъ выдаетъ разрѣшеніе начать преподаваніе.

Попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и въ нравственномъ его направленіи возложено: въ уѣздахъ — на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ губерніи — на губернскаго предводителя и губернский училищный совѣтъ (ст. 19). Завѣдываніе учебною частью въ губерніи ввѣрено директору народныхъ училищъ и его помощникамъ, инспекторамъ, которыхъ число опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, сообразно съ мѣстными условіями, пространствомъ, численностью населенія и т. п. (ст. 20). Директоръ народныхъ училищъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія; инспекторы избираются попечителемъ изъ лицъ, извѣстныхъ своею педагогическою опытностью ¹⁾ и имъ же утверждаются въ должности (ст. 21). Директоръ слѣдитъ за ходомъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ, посредствомъ личнаго осмотра, а равно и по донесеніямъ инспекторовъ, управляетъ дѣлами губернскаго училищнаго совѣта (ст. 22) и докладываетъ ему, со своимъ заключеніемъ, объ отчетахъ уѣздныхъ совѣтовъ (ст. 23). Уѣздный предводитель дворянства и инспекторъ могутъ устранять временно неблагонадежныхъ преподавателей ²⁾ отъ исполненія ихъ обязанностей. Окончательное ихъ увольненіе зависитъ отъ уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 24). На обязанности инспектора лежитъ завѣдываніе дѣлопроизводствомъ уѣзднаго училищнаго совѣта ³⁾ и составленіе годичнаго отчета по каждому изъ вѣреннныхъ ему уѣздовъ (ст. 26).

Училищные совѣты, находясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, состоятъ: уѣздный — подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ инспектора училищъ и членовъ,

¹⁾ Судя по этому, отъ нихъ не требуется безусловно университетскаго образованія.

²⁾ Также и въ педагогическомъ отношеніи неспособные учителя устраняются временно инспекторомъ, окончательно же увольняются уѣзднымъ совѣтомъ. (Предп. мин. 10-го мая 1875 г.).

³⁾ Въ отсутствіи инспектора дѣлопроизводство (составленіе протоколовъ, счетоводство и т. д.) можетъ быть поручаемо другому члену совѣта изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (Предп. мин. 25-го января 1875 г.). Отчеты представляются министру народнаго просвѣщенія попечителемъ учебнаго округа въ подлинникѣ. Директоры народныхъ училищъ могутъ, когда сочтутъ это необходимымъ, прилагать къ нимъ свои объясненія (Предп. мин. 3-го ноября 1874 г.).

по одному, отъ министерства народнаго просвѣщенія (по назначенію попечителя учебнаго округа), отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (по назначенію губернатора) и отъ епархіальнаго вѣдомства (по назначенію архіерея), двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городскаго общества, если оно жертвуетъ какія либо суммы на школы; губернской совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, состоитъ изъ директора народныхъ училищъ и членовъ — по одному отъ указанныхъ выше трехъ вѣдомствъ и двухъ отъ губернскаго земскаго собранія. Въ случаѣ отсутствія предводителей дворянства и лицъ, исправляющихъ ихъ должность, въ училищныхъ совѣтахъ предсѣдательствуютъ: въ губернскомъ директоръ, а въ уѣздномъ инспекторъ (ст. 27). Главныя обязанности уѣднаго совѣта слѣдующія: изысканіе способовъ къ открытію новыхъ и къ улучшенію существующихъ училищъ; закрытіе привнанныхъ вредными (ср. ст. 11); опредѣленіе и увольненіе учителей (ср. ст. 18 и 24); снабженіе училищъ учебными пособиями; представленіе губернскому совѣту о тѣхъ училищахъ и преподавателяхъ, которые заслуживаютъ поощренія; разсмотрѣніе и утвержденіе отчета, составляемаго ежегодно инспекторомъ, и представленіе его губернскому училищному совѣту (ст. 29). Уѣздный совѣтъ созывается уѣзднымъ предводителемъ дворянства и дѣла рѣшаетъ простымъ большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ (ст. 30). Инспекторъ наблюдаетъ за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, слѣдовательно и закона Божія; имѣетъ право, въ то время, когда вѣтъ засѣданій совѣта и въ предѣлахъ, опредѣленныхъ уставомъ, постановлять рѣшенія, съ личною, разумѣется, за нихъ отвѣтственностью (ст. 31). Губернскій совѣтъ имѣетъ предметами занятій: высшее попеченіе о начальныхъ училищахъ губерніи ¹⁾; пересмотръ заключеній директора объ отчетахъ инспекторовъ и представленіе этихъ отчетовъ съ своими замѣчаніями, черезъ директора, попечителю учебнаго округа ²⁾; разрѣшеніе представлений уѣздныхъ совѣтовъ и жалобъ на рѣшенія уѣздныхъ совѣтовъ и ихъ предсѣдателей; пазначеніе пособій изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта

¹⁾ Члены губернскаго совѣта, по его порученію, ревизуютъ училища, но дѣлая однако отъ себя никакихъ распоряженій относительно преподаванія; свои заключенія они представляютъ ни усмотрѣніе совѣта (Предп. мин. 7-го декабря 1874 г.).

²⁾ Не позже 20-го января каждаго года (Предп. мин. 12-го апрѣля 1875 г.).

министерствомъ народнаго просвѣщенія (ст. 32). Губернскій совѣтъ собирается по назначенію предводителя дворянства, по мѣрѣ надобности. Голосованіе такое же, какъ въ уѣздныхъ совѣтахъ (ст. 33, 34). Для дѣйствительности постановленій совѣтовъ требуется присутствіе, кромѣ предсѣдателя, не менѣе трехъ членовъ (ст. 35). Жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ приносятся первому департаменту сената, кромѣ вопросовъ по учебной части, которые подлежатъ разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія (ст. 37). Предводители дворянства, сверхъ исполненія прочихъ обязанностей, посѣщаютъ начальныя училища, по мѣрѣ возможности чаще, изыскивая средства къ удовлетворенію ихъ нуждъ, къ поддержанію существующихъ и открытію новыхъ училищъ; удостовѣряются въ нравственныхъ качествахъ учителей и въ полезномъ ихъ вліяніи на учащихся (ст. 38—40). Въ видахъ обезпеченія болѣе бдительнаго и постоянного наблюденія за нравственнымъ направленіемъ народныхъ училищъ, предоставлено губернскому совѣту избирать въ помощь уѣзднымъ предводителямъ дворянства особыхъ довѣренныхъ лицъ для надзора, изъ мѣстныхъ жителей, которые заявили чѣмъ либо свое сочувствіе народному образованію; эти лица не имѣютъ однако права распоряжаться самостоятельно и сообщаютъ свои наблюденія и предположенія предсѣдателю уѣзднаго училищнаго совѣта (ст. 41). По всѣмъ дѣламъ, заслуживающимъ особаго вниманія, предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителемъ учебнаго округа, а въ случаяхъ особой важности — непосредственно съ министрами народнаго просвѣщенія (ст. 42). Губернаторъ, какъ глава мѣстной администраціи, имѣетъ наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія; кромѣ того можетъ свои соображенія сообщать министру народнаго просвѣщенія (ст. 43).

Статистика учебныхъ заведеній. Общее число всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Имперіи, за исключеніемъ сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ (2,042 училища съ 46,812 учениками), составляло къ концу 1874 года (Ж. М. Н. Пр. 186, 1, 146 и 188, 1, 32), по свѣдѣніямъ, доставленнымъ попечителями учебныхъ округовъ, 22,389 (въ томъ числѣ 442 двухклассныхъ) съ 919,907 учащихся (754,655 муж. пола и 165,252 жен.). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число училищъ увеличилось на 1207 (102 двухклассныхъ, 1105 однокласс.), число учащихся возросло на 52,203 (34,819 муж. пола, 17,384 жен.). „Угнѣнительная сторона приведе-

ныхъ цифръ заключается въ увеличеніи числа двухклассныхъ, то-есть наиболѣе благоустроенныхъ училищъ, и въ развитіи образованія между женскимъ населеніемъ, до сихъ поръ чуждавшимся школы и черезъ то тормозившимъ дѣло ученія; но, вообще говоря, какъ число училищъ, такъ и число учащихся нельзя не признать еще крайне недостаточнымъ по сравненію съ образованными государствами Европы. При 76-ти милліонномъ населеніи Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Кавказа и областей Средней Азіи, которые не входятъ въ настоящее исчисленіе, приходится 1 школа на 3,394 человека, 1 учащійся на 82 человека всего населенія (точнѣе 82,6) и 1 учащійся на 12 дѣтей школьнаго возраста ¹⁾. Изъ дѣтей 7—14 лѣтнаго возраста, посѣщаютъ школу 1 мальчикъ изъ 7 и 1 дѣвочка изъ 35-ти. Выводъ отсюда простой: чтобы наша народная школа могла удовлетворять вполне своему назначенію и доставлять начальное умственное и религіозное образованіе всему молодому населенію, намъ нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, въ 6-ть разъ болѣе школъ и увеличить число учащихся между мальчиками въ 7 разъ, а между дѣвочками въ 35 разъ, не говоря уже о томъ, что всѣ существующія школы должны быть снабжены достойными наставниками и обезпечены въ матеріальныхъ средствахъ своего существованія". Особенное значеніе министръ придаетъ распространенію двухклассныхъ училищъ, потому что учрежденіе благоустроеннаго училища въ какой либо мѣстности неизбежно способствуетъ къ учрежденію подобныхъ же въ окрестности и привлекаетъ болѣе учениковъ; наоборотъ, дурно устроенная школа вкореняетъ общее къ ней равнодушіе и даже отталкиваетъ тѣхъ, которые ее посѣщаютъ.

На содержаніе двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ, по отчетамъ 1874 г., ассигновано было 5,127,478 руб. 67¹/₄ к. Распределеніе этой суммы между двухклассными и одноклассными училищами въ точности опредѣлено для каждаго учебнаго округа, за исключеніемъ Дерптскаго и Восточной Сибири; содержаніе 426 двухклассныхъ училищъ обошлось въ 571,624 руб. 53 к., то-есть каждаго изъ нихъ въ 1,341 руб. 84 к. и 21,072 одноклассныхъ училищъ въ 4,367,848 руб. 76³/₄ к., а каждаго въ 207 руб. 28 к. Источники содержанія показаны въ слѣдующей таблицѣ:

¹⁾ Если причислить лютеранскія сельскія училища Остзейскихъ губерній, то выводъ будетъ нѣсколько благоприятнѣе: 1 школа приходится на 311 жителей и 1 учащійся на 75,5.

	Двухклассныя училища.	Одноклассныя училища.	Двухклассныя и одноклассныя.
1. Изъ суммъ государ. казначейства. .	317,216 р. 69 к.	491,162 р. 70 ¹ / ₄ к.	20,468 р. 43 к.
2. Отъ городскихъ об- ществъ. .	112,241 » 55 »	470,720 » 73 ¹ / ₄ »	77,975 » 14 ¹ / ₄ »
Кромѣ того .	7,038 » 33 » ¹⁾	211,924 » 15 »	— —
3. Отъ сельскихъ об- ществъ и монечит. .	39,045 » 19 »	1,169,480 » 9 ¹ / ₂ »	39,635 » 14 ¹ / ₄ »
4. Отъ земства. .	43,477 » 7 »	1,617,315 » 96 ¹ / ₄ »	— —
5. Отъ дворянства ²⁾ . .	— —	250 »	1,000 » —
6. Сбора за ученіе ³⁾ . .	8,671 » 59 »	12,142 » 25	27,748 » —
7. Взноса почет. смо- трителей и блюст. ⁴⁾	17,684 » —	78,373 » 60	— —
8. Пожертвованій ча- стныхъ лицъ ⁵⁾ . .	14,897 » 21 »	116,634 » 90	7,260 » —
9. Войсков. суммъ ⁶⁾ . .	— —	141,981 » 60	— —
10. Спец. средствъ. .	8,177 » 31 »	39,642 » 1	12,828 » 66
11. Коробочнаго сбора съ Евреевъ .	2,693 » 34 »	7,133 » —	— —
12. Отъ разныхъ въ- домствъ .	54 » —	3,393 » 88	400 » —
13. Изъ другихъ источ- никовъ. .	418 » 25 »	7,693 » 90 »	690 » —
	571,624 р. 53 к.	4,367,848 р. 76 ³ / ₄ к.	188,005 р. 37 ¹ / ₂ к.
	5,127,478 руб. 67 ¹ / ₄ к.		

Пособіе, отпускаемое земствомъ въ пользу начальныхъ народныхъ училищъ, въ 1874 году увеличилось въ сравненіи съ предшестующимъ годомъ на 449,887 руб. 3¹/₄ коп. Въ 1875 и 1876 годахъ эта сумма, конечно, возвысилась еще болѣе; хотя у меня не имѣется точныхъ по этому предмету статистическихъ выводовъ ⁷⁾, во всякомъ случаѣ это

¹⁾ Въ отчетѣ Харьковскаго учебнаго округа суммы, поступающія отъ городскихъ и сельскихъ обществъ, показаны неправильно.

²⁾ 250 руб. по Московскому, 1000 руб. по Дерптскому округамъ.

³⁾ 27,748 руб. по Дерптскому округу, 11,731 р. 59 к. по Московскому, 6969 р. по Кіевскому. Въ учебныхъ округахъ: Харьковскомъ, Казанскомъ, Виленскомъ, Одесскомъ, и въ Сибири не взимается платы за ученіе.

⁴⁾ 44,059 руб. 60 к. по Казанскому округу, 24,916 руб. по Московскому, 15,020 руб. по Харьковскому, 9,246 р. по Одесскому, 3,816 р. по С.-Петербургскому; въ другихъ не значится.

⁵⁾ 80,693 руб. 9 к. по Московскому учебному округу.

⁶⁾ По учебнымъ округамъ Казанскому и Харьковскому.

⁷⁾ По послѣднимъ свѣдѣніямъ, приложеннымъ ко всеподданнѣйшему отчету г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 годъ, земствомъ израсходовано на

фактъ не подлежащій сомнѣнію, судя по многочисленнымъ извѣстіямъ, сообщеннымъ въ газетахъ, касательно учебной статистики и денежныхъ суммъ, ассигнуемыхъ губернскими и земскими земствами на потребности народнаго образованія. Такъ, напримѣръ, въ Бессарабіи въ 1875 г. насчитывалось 365 училищъ съ 22,690 учащимися мужскаго пола и 7,356 женскаго; 1 учащійся приходился на 36 жителей; въ Екатеринославской губерніи числилось 413 училищъ, 19,461 учащихъся мужскаго пола и 3,630 женскаго, слѣдовательно 1 учащійся на 58 жителей. Земство Вятской губерніи отпускаетъ на училища 298,430 руб. 55 коп. въ годъ, что составляетъ при населеніи, въ 2.406,024 (въ 1870), нѣсколько болѣе 12 копѣекъ на человѣка; въ томъ числѣ 41,600 руб. поступаютъ отъ губернскаго земства (изъ нихъ 25,000 руб. ассигнуются на содержаніе училища, учрежденнаго для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній и образованія учителей); одиннадцать уѣздныхъ земствъ вносили въ свои годовыя смѣты 256,830 руб. 55 к., именно: 1) Вятскій уѣздъ 20,336 руб. 55 к. (въ томъ числѣ непосредственно на народныя училища 16,458 руб. 70 коп.); 2) Слободскій—14,903 р. (собственно на народныя училища 10,865 руб. 26 коп.); 3) Глазовскій—12,430 руб. 20 коп. (11,350 руб. 20 коп. на народныя училища); 4) Яранскій—41,052 руб. 91 коп. (35,051 руб. 91 коп. на народныя училища); 5) Елабужскій—15,118 руб. 41 коп. (13,478 руб. 41 коп. на народныя училища); 6) Котельничскій—20,427 р. (17,582 р. на народныя училища); 7) Нолинскій—24,508 руб. (22,208 руб. на народныя училища); 8) Уржумскій—22,890 руб. (8,915 руб. на народныя училища); 9) Сарапульскій—51,766 руб. 81 коп. (27,398 руб. 96 коп. на народныя училища); 10) Малмыжскій—8,591 руб. 17 коп. (6,762 руб. 17 коп. на народныя училища); 11) Орловскій—24,806 р. 50 коп. (17,708 руб. 50 коп. на народныя училища). Кромѣ суммъ, которыя здѣсь показаны собственно на содержаніе народныхъ училищъ, нѣкоторые земства вносятъ въ свои смѣты довольно значительные расходы на исправленіе строеній, снабженіе мебелью и учебными пособіями (напримѣръ Вятскій уѣздъ 3,567 руб. 85 коп., Слободскій—3,757 руб. 74 коп.). Другіе расходы обращены на устройство педагогическихъ курсовъ, сѣздовъ учителей и т. д., иные вы-

содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ 2.069,550 руб. 14 коп., на 408,757 руб. 10³/₄ коп. болѣе, чѣмъ въ 1874 г. (Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1877 г. 1, 53).
Примеч. переводчикъ.

дѣлены въ пособіе среднимъ училищамъ, женскимъ институтамъ и проч. (*S. Petersb. Herald*, 1876, № 167).

Для губерній, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, Высочайше утвержденнымъ 12-го февраля 1868 г. мѣнѣемъ Государственнаго совѣта повелѣно для содержанія народныхъ училищъ временно учредить особый сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. По разчисленію, сдѣланному 31-го октябри 1876 г. на слѣдующій годъ, размѣръ сбора колеблется отъ 6 $\frac{1}{2}$ к. съ души (Витебская губернія) до 7 $\frac{3}{4}$ к. (Кіевская губернія).

Для полной характеристики состоянія элементарнаго преподаванія въ Россіи, въ семидесятыхъ годахъ, могутъ послужить ниже изложенныя свѣдѣнія.

Въ официальномъ отчетѣ за 1872 годъ (*Ж. М. Н. Пр.*, 174, 1, 18) сказано: „Въ губерніяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго и Одесскаго округовъ считается до 11,000 начальныхъ народныхъ училищъ, изъ которыхъ, по донесеніямъ инспекторовъ, въ 532 вовсе не было учителей, а въ 3,138 должности эти занимали лица, совершенно не соответствующія учительскому званію, полуграмотные крестьяне, волостные писаря и отставные нижніе чины, которые случайно попали на педагогическое поприще и никогда о немъ не думали до того времени. Усилія инспекторовъ народныхъ училищъ къ педагогическому усовершенствованію такихъ лицъ оказываются напрасными, при совершенной ихъ неподготовленности, и ихъ приходится терпѣть по неволѣ, чтобы не увеличить числа училищъ, остающихся вовсе безъ учителей“. Во многихъ сельскихъ школахъ Архангельской губерніи и въ 559 (изъ 1,359) элементарныхъ училищахъ губерній Псковской, Новгородской, Олонецкой и Вологодской, устроенныхъ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ церквей, даже въ 1874 г. „вовсе не преподавался законъ Божій, важнѣйшій и самый главный предметъ сельской школы“ (*Ж. М. Н. Пр.* 186, 1, 147 и 148). По представленію министра народнаго просвѣщенія, св. синодъ разрѣшилъ въ Архангельской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, гдѣ нѣтъ священниковъ, преподаваніе закона Божія и лицамъ, не получившимъ богословскаго образованія, съ тѣмъ, чтобы такіе лица назпачались, по надлежащемъ удостовѣреніи епархіальнаго начальства въ ихъ благонадежности и по прочтеніи въ мѣстной гимназій, въ присутствіи законоучителя оной, пробнаго урока по этому предмету, и чтобы за направленіемъ преподаванія наблюдалъ мѣстный благочинный или другое духовное лицо по усмотрѣнію епархіаль-

наго начальства. Министръ полагалъ, что эту мѣру необходимо распространить и на мѣстности другихъ губерній, поставленныя въ такія же неблагопріятныя условія относительно преподаванія закона Божіа.

На учительскомъ съѣздѣ въ Олонцкой губерніи ¹⁾ въ 1873 году (Ж. М. Н. Пр. 172, 4, 6 и слѣд.) преподавателями высказано было слѣдующее: училища вообще находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; приемъ учащихся не ограниченъ никакимъ опредѣленнымъ срокомъ; посѣщеніе классовъ самое неаккуратное; помѣщенія училищъ тѣсны, мрачны и для классныхъ занятій мало приспособлены. Петро-заводскаго уѣзда Великогубское училище постоянного помѣщенія не имѣетъ; зимой оно помѣщается въ крестьянской избѣ, темной и грязной, а лѣтомъ переводится въ тотъ домъ, гдѣ расположено волостное правленіе, по въ которомъ нѣтъ нечи. Въ селѣ Сѣнной-Губѣ подъ училище отведена комната въ крестьянской избѣ, тѣсная и сырая, по сосѣдству питейное заведеніе; въ Остречинахъ дѣти занимаются въ кухнѣ хозяина дома; въ помѣщеніи Рѣчно-Георгіевской школы зимою такой холодъ, что ученикамъ и учителю приходится сидѣть въ шубахъ и теплыхъ сапогахъ. Не при всѣхъ училищахъ имѣются почетные поечители, и пожертвованія, ими дѣлаемыя, крайне незначительны.

Всѣхъ народныхъ школъ въ Полтавской губерніи въ 1875 году (Ж. М. Н. Пр. 189, 4, 45) находилось 547. Число учащихся простиралось до 22,269, изъ коихъ 1,463 дѣвочки. Всего на содержаніе этихъ школъ было израсходовано 115,412 руб. 84 коп. (изъ государственнаго казначейства — 4,528 руб., отъ городскихъ обществъ — 10,351 руб. 67 коп., отъ земства — 60,811 руб. 67 коп., отъ сельскихъ обществъ — 29,962 руб. 17 коп., сбора платы за ученіе — 1,535 руб. 50 коп.). Учебная часть въ означенныхъ училищахъ находилась вообще въ удовлетворительномъ состояніи: на первомъ мѣстѣ стоятъ двухклассныя и одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія. „Если дѣлать оцѣнку достоинствъ и заслугъ учителей народныхъ училищъ, то преимущество въ этомъ отношеніи едва ли не придется отдать лицамъ, окончившимъ курсъ въ гражданскихъ уѣздныхъ училищахъ, по той причинѣ, что почти всѣ они избираютъ учительскія должности совершенно сознательно и съ полною рѣши-

¹⁾ Въ 1875 году обстоятельства, кажется, перемѣнились уже къ лучшему. См. Ж. М. Н. Пр. 189, 4, 107.

мостію посвятить себя надолго, или даже навсегда, учительскому званію, и, не имѣя въ виду перехода къ чему-нибудь другому, болѣе обезпечивающему ихъ, ведутъ дѣло добросовѣстно и аккуратно. Что касается окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, нѣкто не усумнится, что и по познаніямъ, и по развѣтїю, и потому, что они спеціально изучали въ семинаріи педагогику и дидактику, занимаясь при томъ практикой обученія въ воскресной школѣ, они вполне могутъ быть полезными дѣятелями по части народнаго образованія; но извѣстно, что учительская служба составляетъ для нихъ не конечную цѣль, а только средство къ достиженію другой цѣли, и потому большинство изъ нихъ, къ сожалѣнію, смотритъ на учительство какъ на временное только переходное состояніе; бываютъ исключенія, но они относятся лишь къ немногимъ избраннымъ молодымъ людямъ изъ этой категоріи".

Въ Казанской губерніи (*Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 52) „большая часть помѣщеній далеко не удовлетворяютъ гигиеническимъ и педагогическимъ требованіямъ,—они тѣсны, холодны и сыры, не имѣютъ вентиляціи и учителю приходится для очищенія воздуха зимой отворять стѣнные двери, или, вынувъ зимнюю раму, открывать окно. Есть и такіе помѣщенія, гдѣ зимнія рамы вовсе не вставляются. Кроме того, училищныя помѣщенія и содержатся не совсѣмъ опрятно".

О начальныхъ училищахъ Тамбовской губерніи сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Въ Тамбовскомъ уѣздѣ (*Ж. М. Н. Пр.* 189, 4, 98) „помѣщенія, отводимыя обществами, по большей части тѣсны, грязны, холодны и неудобны". Въ Кирсановскомъ уѣздѣ (тамъ же, стр. 100) шесть помѣщеній (изъ 11) „тѣсны, холодны и вообще неудобны... Балыклевская школа, расположенная въ караулѣ, въ которой отведена также комната и для арестуемыхъ, никогда зимою не отапливается. Во время осмотра этой школы инспекторомъ, и учитель, и дѣти сидѣли въ тулупахъ, но занятія письмомъ все-таки не могли происходить по причинѣ сильнаго холода". Объ училищѣ Талицко-Чаплицкомъ Усманскаго уѣзда (тамъ же, стр. 101) инспекторъ отзывается, что „помѣщеніе состоитъ изъ подвального жилья и представляетъ собою родъ погреба, гдѣ мальчики положительно биткомъ набиты, такъ что между столами нѣтъ прохода и все-таки многимъ нѣтъ мѣста; воздухъ въ этой школѣ одуряющій". Къ другимъ недостаткамъ, много разъ официально указаннымъ, сельскаго училищнаго быта слѣдуетъ отнести чрезмѣрно большое число мѣстныхъ

праздниковъ, очень неаккуратное посѣщеніе классовъ, неудовлетворительное вознагражденіе учителей за ихъ труды и т. п.

Къ этимъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ самимъ министерствомъ, слѣдуетъ присоединить и газетныя сообщенія. Въ четырехъ уѣздахъ Полтавской губерніи въ два года, 15 училищъ закрыты „по недостатку средствъ на содержаніе“. Хотя суммы, ассигнованныя на этотъ предметъ земствомъ, были во всякомъ случаѣ недостаточны, но даже и онѣ не выплачивались сплошн. Въ Пирятинскомъ уѣздѣ, въ которомъ въ два года закрыты 14 училищъ, въ остальныхъ 15-ти половина учителей не получали жалованья. Тѣмъ не менѣе въ 1870 году оказалось въ остаткѣ по этому уѣзду 920 рублей изъ ассигнованныхъ 1,450, и въ слѣдующемъ году 785 рублей не израсходованы изъ назначенныхъ 1,825. Слѣдовательно въ два года оказалось 1,705 рублей „экономія“ по смѣтѣ одного уѣзда, а между тѣмъ училища закрываются по недостатку средствъ къ содержанію ихъ! Общество распространенія грамотности въ Нижегородской губерніи въ 1873 году просило волостныя правленія доставить ему свѣдѣнія на слѣдующіе вопросы: 1) какія мѣры могутъ наиболѣе успѣшно содѣйствовать къ достиженію цѣлей общества? 2) въ чемъ заключаются существенныя недостатки училищъ? и 3) какого содержанія должны быть книги, наиболѣе полезныя для училищъ, чтобы выписать ихъ для храненія въ складахъ, проектированныхъ при каждомъ училищѣ? На эти вопросы одно изъ волостныхъ правленій отвѣтило: 1) въ волости не имѣется никакихъ мѣръ къ успѣшному содѣйствію цѣлямъ общества, такъ какъ въ волости не найдется ни одного образованнаго крестьянина, который былъ бы въ состояніи понять цѣли общества; 2) въ волости не имѣется училищъ и въ сосѣднихъ волостяхъ ихъ нѣтъ, поэтому волостное правленіе не можетъ указать ихъ недостатковъ; и 3) въ волости не находится никого, кто согласился бы содержать складъ книгъ для продажи, а поэтому никто изъ волостнаго схода не можетъ выразить своего мнѣнія о томъ, какія книги могутъ быть наиболѣе полезны для распространенія элементарныхъ свѣдѣній въ народѣ, и въ волостномъ собраніи нѣтъ никого, кто желалъ бы содѣйствовать этой задачѣ. Корреспондентъ „Голоса“ (февр. 1874 года), полагаетъ, что безъ преувеличенія, большинство волостныхъ правленій могло бы отвѣчать тѣми же словами на запросы общества. Если принять въ соображеніе, что сельскіе учителя получаютъ годоваго содержанія по 100, 75, 50, даже по 30 и 20 рублей въ годъ, то при всей ихъ

неспособности, невольно приходится ихъ считать „чрезмѣрно хорошими“. Число дѣтей 7—14 лѣтнаго возраста достигаетъ въ губерніи до 183,000. Если считать на каждую школу въ 50 учениковъ, ежегоднаго расхода до 400 руб., то въ Нижегородской губерніи на 3,660 училищъ потребовалось бы ежегодно 1,464,000 руб.; между тѣмъ ассигновано было въ 1872 году на содержаніе элементарныхъ школъ въ губерніи всего только 55,594 руб. Въ отчетѣ по Харьковскому уѣзду за 1873 г. между прочимъ сказано: содержаніе учителей совершенно неудовлетворительно; учитель получаетъ, одинъ 15 руб., другой 13 руб. въ годъ. Какіе преподаватели служатъ за такое вознагражденіе и какъ долго могутъ они продержаться въ такомъ безотрадномъ положеніи, всякій легко себѣ самъ представить безъ дальнѣйшихъ объясненій. Едва ли можно пенять на учителей, когда они свои педагогическія услуги соразмѣряютъ съ получаемой платой. Такъ одинъ деревенскій дьячокъ, въ окрестностяхъ Харькова, получавшій 20 руб. годоваго содержанія, догадался запираеть, каждое утро, своихъ учениковъ на ключъ, и предоставивъ ихъ собственному усмотрѣнію, занимался другими своими работами. Въ Основскомъ училищѣ, единственно по тѣснотѣ помѣщенія, число учениковъ уменьшилось въ одинъ годъ съ 60 до 25. Результаты преподаванія были ничтожны, посѣщеніе классовъ неаккуратное. Преподаваніе закона Божія въ нѣкоторыхъ училищахъ не подвигается далѣе ветхаго завѣта, такъ что дѣтямъ ничего не разказываютъ о Спасителѣ и его ученіи (*St.-Petersb. Zeitung*, 1873 г. № 167). Съ линіи Кіево-Врестской желѣзной дороги *Русскій Миръ* сообщаетъ, что лѣтомъ 1876 г., въ ближайшихъ деревняхъ, не имѣлось еще помѣщеній, которыми могли бы служить для училища, и преподаваніе велось не рѣдко въ первой отведенной хижинѣ, въ которой, вмѣстѣ съ учениками, помѣщались и хозяева дома, отдавшіе его въ наемъ. Къ тому же, въ зимнее время, почти всѣ крестьянскія жилища того края служатъ одновременно и теплыми для домашняго скота.

Къ этимъ характеристическимъ даннымъ можно было бы еще многое прибавить. Но уже достаточно ясно, что потребуется очень много усилій для приведенія училищъ въ удовлетворительное состояніе. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что неудобства и недостатки годъ отъ году уменьшаются. Ручательствомъ за быстрое улучшеніе въ близкомъ будущемъ, по нашему убѣжденію, служить то обстоятельство, что министерство народнаго просвѣщенія само охотно сознаетъ

всякое обнаруженное зло и приводить его въ извѣстность въ официальномъ своемъ журналѣ.

Образованіе учителей. Учительскія семинаріи. Лучшимъ способомъ приготовленія учителей слѣдуетъ считать учрежденіе учительскихъ семинарій. Совершенное отсутствіе подобнаго рода заведеній въ Россіи составляло великій недостатокъ. Заслуга, заключающаяся въ томъ, что это обстоятельство было наконецъ понято и ясно сознано, принадлежитъ А. В. Головинну, хотя предложенное въ то время учрежденіе 15 семинарій и не состоялось по случаю увольненія г. Головина отъ занимаемой имъ должности (14 апрѣля 1866 г.). Проектъ, выработанный въ 1860 г. объ учительскихъ семинаріяхъ для приготовленія преподавателей въ народныя школы, остался безъ примѣненія на практикѣ; точно также не имѣла послѣдствій посылка, въ 1862 и 1863 годахъ, за границу, нѣкоторыхъ ученыхъ для изученія, преимущественно въ Германіи и Швейцаріи, существующихъ тамъ способовъ приготовленія элементарныхъ учителей. Въ 1862 году открыта учительская семинарія въ Финляндіи, а въ 1864 году нѣскольکو подобныхъ заведеній въ Привислянскомъ краѣ подъ названіемъ педагогическихъ ¹⁾ курсовъ. Высочайшими повелѣніями 29 ноября 1862 г. (Сб. Пост. III, 948) ассигновано 6,000 руб. въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа, 3 января 1863 г. (Сб. Пост. III, 954) въ распоряженіе попечителей округовъ Кіевскаго и Виленскаго, каждому по 3,062 руб. 50 коп. одновременно, для приготовленія учителей народныхъ училищъ. Въ то же время на Кавказѣ возникли двѣ учительскія семинаріи, одна учрежденная обществомъ возстановленія православія — въ Тифлисѣ, другая на счетъ Кубанскаго казачьяго войска“ (*Вестель*, Руководство I, 321). Первую учительскую семинарію во внутреннихъ губерніяхъ открылъ въ 1863 году въ Москвѣ начальникъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковъ „для приготовленія учителей въ училища военнаго вѣдомства ²⁾, преобразованныя въ 1864 году въ начальныя военныя школы, а потомъ въ военныя прогимназіи“ (*Вестель*, I, 320). Первая учительская семинарія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія

¹⁾ Уставы педагогическихъ курсовъ изданы различные для польскаго, греко-уніанскаго и литовскаго населеній (²⁾ 17 января 1866 г. Сб. Пост. IV, дополн. стр. 85, 95, 105).

²⁾ Училища военнаго вѣдомства преобразованы въ 1859 году изъ бывшихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ военныхъ кантонистовъ.

была (кромѣ Дерптской, которая получила новый уставъ 11 января 1861 г., Сб. Пост. III, 662) Молодечинская (25-го іюня 1864 г., Сб. Пост. III, 1291, 1293). Затѣмъ, слѣдующее исчисленіе показываетъ постепенное распространеніе учительскихъ семинарій за послѣдніе годы:

Къ 1 января 1871 г. числилось 15 семинарій, въ томъ числѣ 11 учрежденныхъ правительствомъ: по одной въ Дерптѣ, Ригѣ, Молодечинѣ, Киевѣ (въ 1873 г. переведенная въ Коростышневъ) и 7 въ Варшавскомъ учебномъ округѣ (въ Варшавѣ, Вымыслинѣ, Сѣвнинѣ, Бѣлѣ, Сольцѣ, Вейверахъ, Холмѣ); 3 семинаріи открыты земствомъ въ Рязани, Новгородѣ и Черниговѣ; кромѣ того Екатерининскій институтъ въ Тамбовѣ, основанный Д. С. С. Нарышкинымъ въ память умершей его супруги, на пожертвованный имъ капиталъ въ 250,000 рублей.

Къ 1 января 1872 г. числилось 25 семинарій, слѣдовательно 10 новыхъ, въ томъ числѣ 6 учрежденныхъ правительствомъ: въ Гатчинѣ (С.-Пб. учебн. округа), Новомъ (Моск. округа), Бѣлгородѣ (Харьк. округа), Самарѣ, Николаевѣ (позднѣе переведенная въ Херсонѣ), Ленчицѣ (Варшав. округа); 4 открыты земствомъ — двѣ для приготовленія учителей въ Поливановѣ (Моск. округа, съ 1874 содержимая отъ правительства) и въ Торжкѣ (Моск. окр., съ 10 іюня 1875 содержимая отъ правительства) и двѣ для приготовленія учительницъ въ Твери и Казани.

Къ 1 января 1873 года считалось 42 семинаріи, слѣдовательно 17 новыхъ, въ томъ числѣ 13 учрежденныхъ правительствомъ: въ Тотмѣ (С.-Пб. округа), Алферовѣ, Карачевѣ (Моск. округа), Казани, Порѣцкомъ (Казан. округа), Симферополѣ (татарск. учит.), Байрамчѣ (Одесс. округа), Полоцкѣ, Поневѣжѣ (Вилен. округа), Андреевѣ (Варш. округа), Уфѣ (татарск. учит.), Иркутскѣ, Омскѣ; 4 открыты земствомъ, двѣ для приготовленія учителей въ С.-Петербургѣ и Вяткѣ и двѣ для приготовленія учительницъ въ Костромѣ и Самарѣ.

Къ 1 января 1874 г. семинарій было 45, въ томъ числѣ вновь открытыхъ 3, отъ правительства 1 въ Красноярскѣ (Вост. Сибирь), 1 отъ земства въ Курскѣ и 1 семинарія для приготовленія учительницъ въ Москвѣ при братствѣ св. Равноапостольной Маріи.

Къ 1 января 1875 года всего было 50 семинарій, въ томъ числѣ новыхъ 5, отъ правительства 4, въ Псковѣ, Пензѣ, Волчанскѣ (Харьк.

округѣ), Новомъ Бугѣ (Одесс. округѣ), 1 отъ земства для приготовленія учительницъ въ С.-Петербургѣ.

Къ 1 января 1876 г. всего было уже 57 семинарій, въ томъ числѣ новыхъ 8 (такъ какъ женская учительская семинарія въ С.-Петербургѣ закрылась); всѣ вновь открытыя семинаріи учреждены правительствомъ: въ Вытегрѣ, Череповцѣ (С.-Пб. окр.), Владимірѣ (поздѣе перенесенная въ Киржачѣ), въ Вольскѣ (Казан. окр.), Воронежѣ, Переяславлѣ (Одесс. окр.), Несвижѣ, Свислочѣ (Вилен. окр.).

Въ теченіе 1876 г., какъ видно изъ изданныхъ официальныхъ извѣстій, открыты 3 семинаріи правительствомъ въ Острогѣ (Кіев. окр.), Казани (татар. учит.) и Елисаветинѣ (переведенная въ Благовѣщенскій заповѣдъ, Уфимской губерніи). Общее число существующихъ до настоящаго времени учительскихъ семинарій достигаетъ до 60, именно: 48 учрежденныхъ правительствомъ (3 для — приготовленія татарскихъ учителей въ Симферополѣ, Уфѣ и Казани); 10 содержимыя отъ земства: шесть мужскихъ (въ С.-Петербургѣ, Новгородѣ, Рязани, Вяткѣ, Курскѣ и Черниговѣ) и четыре женскихъ (въ Твери, Костромѣ, Казани и Самарѣ), 1 семинарія для учительницъ при братствѣ св. Маріи въ Москвѣ, 1 Екатерининскій институтъ. Такимъ образомъ въ теченіе перваго дѣсятилѣтія министерства графа Д. А. Толстаго открыто не менѣе 51 учительской семинаріи. Съ 1 іюля 1877 г. разрѣшено открыть еще семинарію въ Новочеркасскѣ (28 декабря 1876 года, *Жур. Мин. Нар. Просв.* 190, 1, 114). Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 190, 4, 36) открыты двѣ учительскія семинаріи: Кубанская въ станицѣ Ладовской и Закавказская въ городѣ Гори.

Г. Стракъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА ¹⁾.

Въ соисканіи наградъ графа Уварова въ настоящемъ году участвовали исключительно труды по части русской и славянской исторіи, такъ какъ учредитель этихъ премій счелъ уместнымъ измѣнить первоначальное ихъ назначеніе, исключивъ изъ права состязаться на нихъ драматическія произведенія и оставивъ впредь это право только за историческими сочиненіями. Такихъ сочиненій на нынѣшній разъ было представлено авторами двѣнадцать; кромѣ того, оставалось три сочиненія, отложенныхъ отъ предыдущаго конкурса. Всѣ эти пятнадцать сочиненій были печатныя. Коммиссія, которую Академія, на основаніи правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила для разсмотрѣнія этихъ трудовъ и для постановленія о нихъ приговора, состояла изъ гг. академиковъ М. И. Броссе, И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. Θ. Вычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. А. Шифнера. По предварительномъ просмотрѣ переданныхъ на ея судъ сочиненій, коммиссія избрала для каждаго изъ нихъ рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробныя рецензіи къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, коммиссія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензіи ихъ

¹⁾ Читанъ въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1877 г. непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ.

не были доставлены тѣми лицами, которые приняли на себя ихъ составленіе. Затѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ сочиненій, комиссія положила: слѣдующимъ десяти изъ нихъ удостоить Уваровскихъ наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Варяги и Русь, историческое изслѣдованіе *С. Геденова*. С.-Петербургъ. 1876.
Для тома.

Для оцѣнки этого труда комиссія сочла нужнымъ прибѣгнуть къ содѣйствію профессора университета Св. Владиміра *Ө. Я. Фортинскаго*. Сверхъ того, имѣя въ виду, что въ построеніи системы доводовъ автора въ пользу его теоріи начала Руси важное мѣсто занимаютъ соображенія, заимствованныя изъ области славянской филологіи, комиссія поручила разсмотрѣть трудъ г. Геденова со стороны этой науки академику *И. И. Срезневскому*. Составленные этими двумя учеными разборы послужили основаніемъ для приговора Академіи объ изслѣдованіи г. Геденова. Кромѣ того, членъ комиссіи академикъ *А. А. Куникъ* счелъ нужнымъ присовокупить къ рецензіи г. Фортинскаго два замѣчанія свои о заслугахъ, оказанныхъ г. Геденовымъ норманистами, и о томъ, должно ли считать Байера основателемъ норманской теоріи, какъ утверждаетъ это г. Фортинскій.

Въ своей рецензіи г. Фортинскій входитъ въ фактическія подробности для оцѣнки прочности доводовъ автора и заключаетъ свою рецензію слѣдующими словами: „Изслѣдованіе г. Геденова, какъ представляющее попытку пересмотрѣть и разрѣшить парижскій вопросъ въ цѣломъ его объемѣ, конечно, должно быть признано вполне соответствующимъ современнымъ потребностямъ русской исторической науки. Но являясь опаснымъ врагомъ норманской системы, г. Геденовъ, по нашему мнѣнію, оказывается не особенно осмотрительнымъ при постройкѣ своей собственной: то онъ употребляетъ въ дѣло матеріалъ весьма сомнительнаго качества (преданія), то неудачно примѣняетъ научные приемы къ объясненію источниковъ, то попадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Его система вендскаго происхожденія Варяжскихъ князей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она представлена имъ, едва ли будетъ усвоена. Впрочемъ, слабость системы зависитъ не столько отъ лжи автора, сколько отъ скудости средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и во всякомъ случаѣ изслѣдованіе „Варяги и Русь“ — цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу“.

Съ своей стороны, г. Срезневскій отзывается о книгѣ г. Гедесопова, какъ о произведеніи, на которое нельзя не смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ. По его словамъ, „это—плодъ огромной ученой работы, потребовавшей и много времени, и самоотверженной усидчивости, и разнообразной пачитанности, и еще болѣе разнообразныхъ соображеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшимости бороться съ такими силами, которыхъ впечатленіе окрѣпило не только отъ ихъ внутренней стойкости, но и отъ общаго уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—плодъ не одного изъ тѣхъ людей науки, которые, по самому выбору дѣятельности своей жизни, обязаны трудиться надъ разрѣшеніемъ научныхъ задачъ, а одного изъ тѣхъ очень немногихъ любителей научныхъ занятій, которые должны отвлекаться отъ нихъ исполненіемъ другихъ обязанностей. Задача, за которую взялся г. Гедесоповъ, составляла одну изъ самыхъ трудныхъ въ области русской древности — одну изъ тѣхъ задачъ, которыя хотя и привлекали въ себѣ издавна наибольшее число ученыхъ силъ, но все еще остаются за дачами и не столько уяснялись изслѣдованіями, сколько отдаляли и отдаляютъ изслѣдователей отъ строгаго безпристрастія, завлекая ихъ въ борьбу на защиту какого-нибудь увѣровавшаго мнѣнія противъ всѣхъ другихъ. Самые осторожные изслѣдователи въ такихъ случаяхъ позволяютъ себѣ, даже сами не замѣчая того, порывы самоувѣренности и неуваженія къ мнѣніямъ противниковъ; а чѣмъ у кого меньше навыка остерегаться и больше пылкости, тѣмъ неизбежнѣе и рѣзче эти порывы. Нерѣдко доводили они людей науки до самозаблесія и превращали ихъ въ шрыхъ фанатиковъ, отвергавшихъ всякія научныя указанія и подбиравшихъ въ защиту избраннаго мнѣнія не ученые доказательства, а толпу глашатаевъ, заглушавшихъ шумомъ ихъ голосовъ всякое другое мнѣніе и всякія доказательства. Все это тѣмъ возможнѣе, чѣмъ настойчивѣе требовательность общаго научнаго направленія подводитъ все къ окончательнымъ выводамъ, чѣмъ менѣе возможно оставаться при мнѣніи, что тотъ или другой вопросъ науки, при помощи только тѣхъ данныхъ, которыми имѣются въ виду въ данную минуту, долженъ оставаться въ числѣ не рѣшенныхъ. По нѣкоторымъ вопросамъ эта требовательность даже почти не отвратима, и въ ряду ихъ не можетъ не быть поставленъ тотъ, на которомъ остановился г. Гедесоповъ. Надо быть слишкомъ равнодушнымъ къ судьбамъ Русскаго народа, надо быть не Русскимъ, чтобы не домогаться положительнаго отвѣта на него. Въ то же время надо быть слишкомъ мало требо-

вательнымъ въ научномъ отношеніи, чтобы удовлетвориться здѣсь первымъ встрѣчнымъ отвѣтомъ, могущимъ показаться сколько-нибудь правдоподобнымъ. Тому же, кто не удовлетворенъ ни однимъ изъ отвѣтовъ, доселѣ сдѣланныхъ, ни подборомъ доказательствъ, его подтверждающихъ и уничтожающихъ значеніе всѣхъ другихъ отвѣтовъ, остается одно: самому идти въ чащу изслѣдованій и искать тамъ того, что не найдено другими. Въ такомъ положеніи, вѣроятно, былъ и г. Геденовъ, когда занялся самостоятельную разработкою данныхъ по вопросу о Варягахъ и Руси, и къ чести его нельзя не сказать, что онъ пошелъ въ чащу изслѣдованій не съ тѣмъ, чтобы потомъ имѣть только право сказать, что онъ былъ въ этой чащѣ, чтобы остановиться только кое на чемъ и кое-какъ и самодовольно вынести оттуда какія-нибудь доказательства въ защиту отвѣта, ему болѣе правящагося, и въ отпоръ всѣхъ другихъ отвѣтовъ: онъ пошелъ въ эту чащу, для многихъ и многихъ, даже для людей науки, непроглядную, не только съ самоотверженіемъ, но и съ любовью охотника, и съ тѣмъ, чтобы всю ее осмотрѣть и всею овладѣть для своего дѣла". Очертивъ такимъ образомъ значеніе и общій характеръ труда г. Геденова, г. Срезневскій входитъ въ подробное разсмотрѣніе филологическихъ доводовъ, приводимыхъ авторомъ въ подтвержденіе его теоріи вендскаго происхожденія Варяговъ и Руси, и въ заключеніе заявляетъ, что, „не смотря на необходимость подтвердить эту теорію значительно болѣшнимъ количествомъ болѣе вѣсныхъ, чѣмъ у г. Геденова, доказательствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на необходимость болѣе положительно опровергнуть возможности глядѣть на языкъ древнихъ Руссовъ какъ на одну изъ вѣтвей тевтонскаго корня, изслѣдованіе автора достойно уваженія и признательности. Оно таково, что еслибы защищаемое имъ мнѣніе, по недостаточности выставленныхъ въ немъ доказательствъ, и было отвергнуто, все же теперь нельзя уже будетъ относиться и къ этому мнѣнію, и къ мнѣнію протявпому, имъ опровергаемому, съ тѣмъ аналитическимъ спокойствіемъ, которое утверждалось все крѣпче, все безусловнѣе“.

II.

Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей 1558—1594. Грамоты, собранныя, переписанныя и издачныя Ю. В. Толстымъ. С.-Петербургъ. 1875.

Въ русской исторической литературѣ наше время отличается особеннымъ развитіемъ дѣятельности, направленной къ отысканію

и обнародованію всякаго рода архивныхъ документовъ, какъ такихъ памятниковъ, которые всего болѣе дадутъ возможность достигнуть полноты и достовѣрности въ изображеніи историческихъ дѣятелей и событій. Въ числѣ трудовъ, обогатившихъ науку въ этомъ направленіи, почетное мѣсто занимаетъ книга Ю. В. Толстаго, имѣющая своимъ предметомъ первыя сорокъ лѣтъ сношеній Россіи съ Англіей во второй половинѣ XVI столѣтія. Фазисы послѣдовательнаго развитія этихъ сношеній представляютъ собою много любопытнаго и поучительнаго, и авторъ оказалъ ихъ разъясненію истинную услугу наданіемъ въ свѣтъ 82 документовъ, извлеченныхъ имъ въ Лондонѣ изъ Британскаго музея и изъ тамошняго государственнаго архива, а также въ Москвѣ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ изданій. Собраннымъ документамъ авторъ предпослалъ очеркъ сношеній Россіи съ Англіей въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1553 года по 1593, составленный на основаніи какъ этихъ матеріаловъ, такъ и другихъ документовъ, къ сожалѣнію, не вошедшихъ въ сборникъ.

О сношеніяхъ Россіи съ Англіей во второй половинѣ XVI столѣтія находятся довольно полныя свѣдѣнія у нашихъ историковъ князи Щербатова, Карамзина и Соловьева, а также у Чулкова — въ Историческомъ описаніи Россійской комерціи. О томъ же предметѣ подробно писали, въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, академикъ Гамель и нѣкоторые другія лица. Тѣмъ не менѣе, по замѣчанію академика Бычкова, составившаго рецензію труда Ю. В. Толстаго, автору удалось въ своемъ очеркѣ сообщать нѣсколько любопытныхъ данныхъ, не бывшихъ въ виду ученыхъ, и представить новыя соображенія и новыя объясненія уже извѣстныхъ фактовъ. Главная достоинство очерка — ясность изложенія, достигнутая безъ ущерба для полноты: все существенно-важное нашло въ немъ надлежащее мѣсто. Изложенные въ очеркѣ факты весьма наглядно, съ одной стороны, опредѣляютъ характеръ нашихъ сношеній съ Англіей, а съ другой — рисуютъ въ яркомъ свѣтѣ отношеніе къ намъ западной Европы.

Приложенные къ Очерку документы представляютъ собою матеріалъ большею частію officialнаго характера. Значеніе ихъ для предмета, къ которому они относятся, несомнѣнно; многіе же изъ нихъ замѣчательны и потому еще, что доставляютъ любопытныя черты для характеристики Іоанна Грознаго и его времени. Не смотря однако на обиліе документовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ

г. Толстаго, въ ней, по замѣчанію г. Вычкова, оказываются нѣкоторые пробѣлы, изъ которыхъ одни могли бы быть восполнены по печатнымъ изданіямъ, а другіе — по указаніямъ, находящимся въ этихъ же изданіяхъ. При нѣкоторыхъ документахъ даны переводы на современный русскій языкъ, тогда какъ существуютъ старыя ихъ переводы, всегда имѣющіе для изслѣдователя болѣе значенія. Въ нѣкоторыхъ документахъ встрѣчаются разночтенія съ прежде напечатанными, которые иногда пополняютъ и текстъ. Наконецъ, легенды о документахъ, помѣщенные въ оглавленіи ихъ на англійскомъ языкѣ, не вполне достаточны, такъ какъ не даютъ понятія о томъ, списанъ ли документъ съ подлинника или съ копіи, и если съ копіи, то съ современной или съ позднѣйшей и былъ ли онъ прежде кѣмъ-либо напечатанъ и какъ, съ пропусками или безъ пропусковъ, правильно или неправильно.

Все это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ научнаго значенія документовъ, изданныхъ г. Толстымъ, и во всякомъ случаѣ его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, которая въ настоящее время, при богатствѣ обнародованныхъ матеріаловъ, можетъ развиваться только при посредствѣ подобныхъ монографій.

III.

Сношенія Россіи съ Европейскими державами передъ войною 1812 года. Соч. А. Н. Попова. С.-Петербургъ. 1876.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе Александра Попова. Москва. 1876.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе Александра Попова. Москва. 1876.

А. Н. Поповъ принадлежитъ къ числу наиболѣе даровитыхъ нашихъ историческихъ писателей. Уже болѣе тридцати лѣтъ онъ работаетъ и надъ исторіей русскаго права, и вообще надъ русскою исторіей. Кто не знаетъ его трудовъ о Русской Правдѣ, о возмущеніи Стеньки Разина, о русскомъ посольствѣ въ Польшу въ 1673—1677 гг., о сношеніяхъ Россіи съ Римомъ въ 1845—1850 гг., его участіи въ изданіяхъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Русскаго Историческаго Общества, его сочиненія о поѣздѣ въ Черногорію? Многосторонность свѣдѣній и интересовъ, выказанная въ этихъ трудахъ, постоянное стремленіе работать на основаніи первоначальныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ, живость изложенія — качества, общепознанныя изъ лито-

ратурной дѣятельности г. Попова, возбуждаютъ интересъ къ каждому вновь предпринимаемому труду.

Въ послѣдніе годы вниманіе почтеннаго историка было занято Отечественною войною 1812 года, и въ журналахъ стали появляться отдѣльныя его изслѣдованія, касающіяся этой любопытной эпохи. Три такіе изслѣдованія, многиѣ оконченыя, вышли въ свѣтъ особыми книгами и явились нынѣ на судъ Академіи. Они составляютъ одно цѣлое, часть котораго, обвиняющая дѣянія Кутузова по очищеніи имъ Москвы, печатается нынѣ въ журналѣ *Русскія Старина*. Увѣнчавъ означенныя три монографіи Уваровскою наградой, Академія основала свой приговоръ о нихъ на отзывѣ, сообщенномъ ей, по ея просьбѣ, профессоромъ здѣшняго университета К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Ученый критикъ признаетъ, что сложность тѣхъ замѣчательныхъ событій, исторію которыхъ излагаетъ г. Поповъ, а равно и обиліе относящагося сюда матеріала, частью разсѣяннаго по разнымъ изданіямъ на разныхъ языкахъ, частью не изданнаго и хранящагося въ архивахъ чуть ли не всѣхъ странъ Европы, дѣлали задачу автора весьма трудною, и что поэтому онъ, приблизясь къ ея разрѣшенію, вполне достоинъ вниманія и благодарности общества.

Ближайшій разборъ этихъ сочиненій рецензентъ начинаетъ съ того изъ нихъ, которое, по содержащимся въ немъ фактамъ, предшествуетъ двумъ остальнымъ. Главнымъ источникомъ для этого обзора дипломатическихъ сношеній нашихъ передъ войною 1812 г. служили г. Попову донесенія русскихъ посланниковъ, хранящіеся въ Петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Для дополненія и поясненія ихъ онъ употреблялъ тѣ иностранныя сочиненія, къ которымъ имѣлъ наиболѣе свободный доступъ въ сторонѣ нѣкоторыхъ, по мнѣнію рецензента, важныхъ пособія. Такъ, изъ обширной нѣмецкой литературы, обнимающей это время, г. Поповъ обратилъ во вниманіе лишь очень немногое. Кромѣ того, читатель остается въ неутѣдливости, какіе именно документы бралъ авторъ, и почему именно бралъ онъ ихъ. Г. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что изложеніе г. Попова болѣе подробно знакомитъ съ дипломатическою дѣятельностію нашихъ заграничныхъ агентовъ, чѣмъ это было сдѣлано другими нашими историками; многое, разказанное по русскимъ документамъ, представляется у него яснѣе, чѣмъ было извѣстно по документамъ, сообщеннымъ историками иностранными; но при всемъ томъ довольно является желаніе выслушать и свидѣ-

тельства чужестранной литературы, напримеръ, показанія извѣснаго Дункера, въ сочиненіи котораго, со свойственною этому писателю основательностью, представлены сношенія между Пруссіей и Россіей.

Другой недостатокъ разсматриваемой монографіи рецензентъ видитъ въ томъ, что авторъ, принявъ способъ изложенія по странамъ, держится въ каждой странѣ болѣе или менѣе хронологическаго порядка. Эта система, по мнѣнію рецензента, имѣетъ свои выгоды, но и свои невыгоды: она выгодна тѣмъ, что позволяетъ сразу представить отношенія къ извѣстной странѣ и помогать читателю составить себѣ понятіе о руководящихъ лицахъ и политическихъ побужденіяхъ страны; невыгодна же тѣмъ, что когда попросту сосредоточивается на одномъ пунктѣ, вниманіе читателя слишкомъ раскидывается и нелегко сосредоточивается на томъ или другомъ моментѣ. Вообще первую изъ трехъ книгъ г. Попова рецензентъ считаетъ обширными и во многихъ отношеніяхъ удовлетворительными извлеченіемъ изъ русскаго архивнаго матеріала; можно было бы только пожелать болѣе полного сличенія съ матеріаломъ, хранящимся въ иностранныхъ архивахъ, хотя бы, на первое время, посредствомъ справокъ съ болѣе авторитетными сочиненіями. Само собою разумѣется, что главною причиною почти исключительнаго пользованія русскими архивными матеріалами является у г. Попова привычка къ тщательной самостоятельной работѣ; тѣмъ не менѣе, читатель въ правѣ былъ бы пожелать болѣе ширинъ въ сближеніяхъ съ иностранными показаніями.

Вторая монографія г. Попова описываетъ состояніе Москвы до вступленія туда Французовъ. Въ изложеніи этого предмета авторъ, давая приличное мѣсто современнымъ актамъ, хранящимся въ архивѣ, выслушиваетъ возможно большее число свидѣтелей каждаго факта и взвѣшиваетъ ихъ показанія, критически повѣряя одно другимъ. Въ результатъ такого изученія является очень живое изображеніе Москвы и дѣйствовавшихъ въ ней личностей. Какъ на особенно рельефно очерченныхъ, рецензентъ указываетъ на личности графа Ростопчина и Кутузова, находя, что г. Поповъ уяснилъ первую изъ нихъ едва ли не окончательно, а вторую изобразилъ вполне симпатически, согласно съ тѣмъ образомъ великаго полководца и тонкаго дипломата, который присвоенъ Кутузову и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Къ заслугѣ автора рецензентъ относитъ то обстоятельство, что, выставляя отрицательныя стороны лицъ, онъ остается совершенно чуждымъ историческаго направленія: лица, имъ выводи

мы на сцену, всегда окружены атмосферою своего времени, и читатель поставленъ въ возможность понимать, почему они дѣйствовали такъ, а не иначе. Вообще видно, что авторъ, еще не приступая къ своему труду, изучилъ всѣ доступные ему источники, вслѣдствіе чего едва ли многое придется со временемъ измѣнить въ начертанной имъ картинѣ и едва ли не должно будетъ навсегда остановиться на его характеристикѣ главныхъ лицъ описываемаго имъ времени.

Что касается до третьяго изслѣдованія г. Попова, то обиліе матеріаловъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, позволило ему нарисовать чрезвычайно полную картину безпорядковъ въ Москвѣ при занятіи ея Наполеоновскою арміею, бѣдствій московскихъ жителей и тѣхъ отношеній, въ которыхъ войска, занявшія городъ, стояли къ ея жителямъ. Множество мелкихъ чертъ, подобранныхъ авторомъ въ различныхъ разказахъ о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, по мнѣнію рецензента, драгоцѣнны не только для исторіи 1812 г., но и вообще для исторіи русской жизни и для характеристики Русскаго народа. Всего любопытнѣе въ этой книгѣ разборъ вопроса о томъ, кто сжегъ Москву: авторъ, внимательно разобравъ существующія мнѣнія и преданія, основательно указываетъ и на роль Ростопчина, и на роль народа, и на случайныя обстоятельства въ этомъ происшествіи, такъ что сложный вопросъ о московскомъ пожарѣ едва ли не слѣдуетъ теперь считать рѣшеннымъ.

Вообще двѣ послѣднія монографіи г. Попова рецензентъ называетъ вполнѣ удачными и весьма важными въ научномъ отношеніи, потому что авторъ постоянно держался въ нихъ исторической критики, собиралъ какъ можно больше матеріаловъ, подтверждающихъ между собою, опредѣлялъ степень ихъ достовѣрности и уже послѣ того пользовался ими для своей картины. Важность этихъ сочиненій тѣмъ значительнѣе, что они послужатъ къ распространенію въ публикѣ правильныхъ воззрѣній на достопамятныя событія 1812 года, будутъ поддерживать память о нихъ и самымъ своимъ объективнымъ безпристрастіемъ способствовать воспитанію патріотическихъ чувствъ, никогда прочно не поддерживающихся тенденціозными писаніями.

IV.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе генералъ-лейтенанта М. Н. Волдановича. С.-Петербургъ. 1876.

Съ просьбой о составленіи рецензій на это новое, многотомное твореніе нашего неутомимаго, многоуважаемаго военнаго историка

комиссія обратилась къ полковнику П. О. Дубровину, о которомъ ей было извѣстно, что онъ специально изучалъ Восточную войну не только по всему наличному составу уже довольно богатой печатной литературы предмета, но и въ огромной массѣ рукописныхъ документовъ, сохраняемыхъ въ разныхъ русскихъ архивахъ. На такое приглашеніе г. Дубровинъ отозвался составленіемъ обширной записки, въ которой, независимо отъ внимательнаго разбора каждаго изъ сообщенныхъ г. Богдановичемъ фактовъ, онъ изложилъ результаты собственныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій о предметѣ, такъ что эта рецензія можетъ считаться какъ бы дополненіемъ труда нашего маститаго военнаго историка.

До появленія книги г. Богдановича мы не имѣли полного изobraженія нѣкихъ событій, извѣстныхъ подъ названіемъ Восточной войны 1853 — 1856 годовъ, не смотря на то, что независимо отъ архивныхъ документовъ существуетъ уже обширная литература, касающаяся отдѣльныхъ эпизодовъ, описанія сраженій и проч. Кромѣ сочиненій Тотлебена, Ковалевскаго, Лихутипа, Ушакова, Затлера, біографіи Корнилова, составленной Жандромъ, записокъ Алабина и Берга, — мы имѣемъ нѣсколько сборниковъ: „Сборникъ Рукописей“, изданныхъ по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, сборникъ Путилова и пять выпусковъ „Матеріаловъ для исторіи Крымской войны“. Сверхъ того, существуетъ много иностранныхъ сочиненій, а въ нашей періодической литературѣ разбросана масса статей, относящихся къ этой войнѣ: болѣею частью онѣ, какъ свидѣтельство очевидцевъ, весьма важны при изученіи хода историческихъ событій, но онѣ требуютъ критической оцѣнки, точнаго и всесторонняго изученія.

„Для исторіи Восточной войны“, говоритъ г. Дубровинъ, — „есть столько матеріаловъ, что они своимъ обиліемъ, можно сказать, стѣсняютъ писателя. Въ нихъ найдутся данныя, при помощи которыхъ мы увидимъ живыхъ людей и ихъ дѣятельность, и мы въ правѣ желать, чтобы то и другое сдѣлалось достоинствомъ исторіи, чтобы она была живою и увлекательною. Никто не станетъ утверждать, чтобы характеры лицъ и даже цѣлыхъ массъ не имѣли вліянія на защиту крѣпости или на исходъ сраженія.... Мы защищали“, говоритъ далѣе г. Дубровинъ, Севастополь грудью въ буквальный смыслъ слова, а не при помощи однихъ только укрѣпленій, и слѣдовательно, улошнть особенность войскъ, характеры дѣйствующихъ лицъ, и наконецъ, побужденія, ими руководившія, столь же важно, сколько

перечисленіе батарей и указаніе, на какомъ мѣстѣ онѣ были поставлены". Такой изглядъ давно ужъ установился въ военной литературѣ, и руководясь имъ, рецензентъ разбираетъ подробно, такъ-сказать, шагъ за шагомъ, сочиненіе М. И. Богдановича, дополняя многія главы обширнаго его труда обстоятельнымъ изложеніемъ тѣхъ же событій по документамъ, которыми не пользовался г. Богдановичъ. Судя за его разказомъ, г. Дубровинъ останавливается преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, которыя, по его мнѣнію, требовали болѣе полной обрисовки событій. При этомъ рецензентъ приложилъ къ книгѣ г. Богдановича много своего труда, именно въ убѣжденіи, что сочиненіе г. Богдановича заслуживаетъ полнаго вниманія, имѣетъ несомнѣнные достоинства и можетъ быть вполне отнесено къ числу тѣхъ сочиненій, которыя, во первыхъ, соответствуютъ современнымъ требованіямъ науки, а во вторыхъ, восполняютъ тогъ пробѣлъ, который ощущался въ нашей военной литературѣ. До сихъ поръ послѣдняя не имѣла общаго очерка борьбы Россіи съ Турціей и западными державами, и полная исторія Восточной войны явился впервые въ изложеніи М. И. Богдановича.

Почтенный авторъ, за исключеніемъ исторіи обороны Севастополя, не имѣлъ путеводителя и долженъ былъ самъ прокладывать себѣ путь среди многочисленнаго и весьма разнообразнаго матеріала. Оцѣнка послѣдняго вполне зависѣла отъ личныхъ взглядовъ автора. Взгляды на достоинство и важность источника, даже на самыя событія могутъ быть различны и слагаются подъ впечатлѣніемъ характера и обилія источниковъ. Владѣя послѣдними въ болѣе или меньшей степени, авторъ можетъ останавливаться или на описаніи лишь однихъ фактовъ, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдовать и причины, вызвавшія совершившіяся событія. „Восточная война“ М. И. Богдановича, можно сказать, принадлежитъ къ первой категоріи.

Придерживаясь преимущественно фактической спеціально-военной стороны, авторъ, за весьма немногими исключеніями, сообщаетъ точныя данныя о численности и составѣ войскъ. Описанію хода дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, на Балтійскомъ, Вѣломъ и Черномъ моряхъ и въ Тихомъ Океанѣ совершенно ново и основано на неизданныхъ документахъ. Въ особенности удачно изложеніе военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. Владѣя частными записками и пользуясь указаніями многихъ лицъ, участниковъ этой кампаніи, авторъ имѣлъ возможность охарактери-

зовать событія и лица и поставить ихъ въ то положеніе, въ которомъ они дѣйствительно находились.

Вообще характеристика дѣятелей и біографическія о нихъ свѣдѣнія придаютъ сочиненію характеръ жизненности, и въ этомъ отношеніи исторія Восточной войны не подлежитъ никакому упреку. Большая часть сраженій описана авторомъ весьма подробно, и притомъ сообщено много новыхъ свѣдѣній. Приводя въ своемъ сочиненіи многіе документы, до сихъ поръ не изданные и не всѣмъ доступные, М. И. Богдановичъ не отвергаетъ и иностранныхъ писателей. Сличая показанія двухъ противныхъ сторонъ и устраняя противорѣчія, въ нихъ встрѣчающіяся, авторъ, путемъ серьезнаго изученія матеріаловъ, достигъ того, что достоинства его сочиненія значительно превъсильютъ замѣчаемые въ немъ рцензентомъ недостатки.

V.

Исторія Тверскаго Княжества. В. С. Борзаконскаго. С.-Петербургъ. 1876.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ, по вызову комиссіи, составленъ профессоромъ Е. Е. Замисловскимъ, который, въ сдѣланной имъ весьма внимательной оцѣнкѣ труда г. Борзаконскаго, обрисовалъ въ главныхъ чертахъ исторію Тверскаго княжества, на сколько она выступаетъ въ общей исторіи сѣверо-восточной Руси.

Послѣ Москвы Тверь была однимъ изъ самыхъ значительныхъ центровъ русской жизни въ XIII и XIV столѣтіяхъ, такъ что отъ внимательнаго изученія исторіи этого знаменитаго княжества можно ожидать замѣтныхъ послѣдствій для русской исторической науки. То, что могла представить наша историческая литература для знакомства съ исторіей Тверскаго княжества до выхода въ свѣтъ сочиненія г. Борзаконскаго, далеко не могло удовлетворять тѣмъ научнымъ требованіямъ, какія явились съ тѣхъ поръ, какъ было обращено особенное вниманіе на изученіе исторіи отдѣльныхъ княжествъ. Событія, наиболѣе выдающіяся въ исторіи Тверскаго княжества, могли быть понятны только при внимательномъ и всестороннемъ изученіи дѣятельности каждаго изъ Тверскихъ князей. Выдѣливъ особенности Кіева, Новгорода, Пскова и другихъ центровъ русской жизни, наука не могла не желать собранія въ одно цѣлое всѣхъ дошедшихъ до насъ извѣстій о внутреннемъ строѣ Тверскаго княжества. Всѣмъ этимъ научнымъ вопросамъ въ значительной степени удовлетворить, по заявленію рцензента, сочиненіе г. Борзаконскаго

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ этого труда слѣдуетъ отнести добросовѣстное изученіе источниковъ, пользованіе ими согласно съ требованіями современной критики и основательное знакомство съ литературой, имѣющею отношеніе къ предмету изслѣдованія.

Исчисленіе источниковъ, которыми пользовался г. Борзаконскій при обработкѣ своего труда, послужило для рецензента убѣдительнымъ доказательствомъ неусомнимаго трудолюбія и начитанности автора. Но при всемъ глубокомъ уваженіи къ тому, что имъ сдѣлано, слѣдуетъ однако замѣтить, что его сочиненіе болѣе удовлетворяло бы требованіямъ критики, еслибы къ нему было приложено обзорнѣе источниковъ и пособій, хотя бы съ краткими критическими замѣтками, еслибы обращено было вниманіе на послѣднее изданіе Лаврентьевской лѣтописи, и еслибы, наконецъ, ссылки на русскій переводъ сочиненія Гюрберштейна были дополнены ссылками на соответствующія имъ мѣста въ лучшихъ изданіяхъ Записокъ о Московіи. Нѣкоторые библиографическія данныя, сообщаемыя авторомъ, могли бы быть дополнены указаніями на свѣдѣнія и замѣтки, заключающіяся въ указываемыхъ рецензентомъ изданіяхъ и сочиненіяхъ. Весьма было бы также желательно, чтобы г. Борзаконскій составилъ карту Тверскаго княжества и подробный указатель къ своему сочиненію.

Далѣе рецензентъ замѣчаетъ, что о задачахъ, которыя по предмету имѣлъ въ виду авторъ „Исторіи Тверскаго княжества“, можно только догадываться: имъ самимъ онъ не опредѣлены. По видимому, одною изъ главныхъ задачъ было желаніе возстановить исторію вѣншихъ сношеній Тверскихъ князей. Главы, посвященные ся изложенію (II—VIII), составляютъ наилучше обработанную часть сочиненія г. Борзаконскаго и болѣе удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ, чѣмъ тѣ главы (I, стр. 1—68; IX, стр. 205—240), въ которыхъ заключается обзорнѣе историко-географическое и очеркъ внутренняго состоянія Тверскаго княжества.

Къ сожалѣнію, авторъ не сдѣлалъ общаго обзорнѣя событій Тверскаго княжества, не опредѣлилъ его значенія въ ряду другихъ земель и княжествъ русскихъ, не свелъ въ одно цѣлое своихъ замѣтокъ, которыя касаются судебъ этого княжества. Въ своихъ общихъ выводахъ онъ не всегда принималъ въ соображеніе всю сумму историческихъ условій и данныхъ, на которыхъ они могли бы быть основаны, хотя указанія на эти условія и данныя отыскиваются въ „Исторіи Тверскаго княжества“, вообще отличающейся объективностью въ изложеніи фактовъ. Заботясь не столько объ отысканіи внутренней

связи между фактами и объ опредѣленіи ихъ значенія, сколько о томъ, чтобъ ихъ вѣрно воспроизвести въ своемъ разказѣ, авторъ старался найти ближайшее отношеніе между отрывочными извѣстіями, ценосредственно извлекаемыми изъ источниковъ, и сохранялъ всё сколько-нибудь замѣчательныя фактическія подробности.

Значительную и весьма полезную въ научномъ отношеніи часть „Исторія Тверскаго княжества“ составляютъ примѣчанія г. Борзаконского. Число ихъ доходитъ до 1263; они напечатаны мелкимъ убористымъ шрифтомъ и занимаютъ 152 страницы, а собственно исторія Тверскаго княжества, напечатанная шрифтомъ, болѣе крупнымъ, — 240 страницъ. Въ примѣчаніяхъ авторъ постоянно отмѣчаетъ всё сходныя извѣстія, имъ отысканныя въ источникахъ, выписываетъ изъ нихъ мѣста, въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныя или подтверждающія его мнѣнія, сопоставляетъ противорѣчивыя или несоходныя между собою и сомнительныя изъ нихъ опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Эта кропотливая работа, требовавшая много времени, конечно, будетъ по достоинству оценена учеными изслѣдователями, понимающими и всю ея тяжесть, и всю ея важность, и необходимость.

VI.

Полный Мѣсяцесловъ Востока. Т. I. Восточная агиологія. Т. II. Святой Востокъ. Сочиненіе Архимандрита Сергія. Москва. 1876.

Постановляя свой приговоръ объ этомъ сочиненіи, коммиссія имѣла въ виду подробный и обстоятельный разборъ его, составленный профессоромъ Московской духовной академіи И. Мансветовымъ, которому его собственные труды по части церковной археологіи и литературы приобрѣли право голоса при оцѣнкѣ сочиненій, относящихся къ этимъ специальностямъ. Сущность мнѣнія рецензента сводится къ слѣдующему:

Та отрасль церковно-исторической литературы, изученію которой посвященъ обширный трудъ архимандрита Сергія, пользовалась издавна особенною популярностью, сравнительно съ другими, возбуждала къ себѣ глубокий интерес и представляла, для своего изученія, богатый запасъ письменныхъ данныхъ. Разказы о мученикахъ и святыхъ занимали видное мѣсто въ древнѣйшихъ памятникахъ церковной исторіи въ видѣ сборниковъ и житій; эти сказанія составляли излюбленную книгу для чтенія; изъ этого матеріала черпали свое содержаніе церковныя гимнографія и проповѣди; пакопецъ, календарныя записи легли въ основу церковнаго года и опредѣляли строй типика.

Однако, не смотря на богатство и относительную доступность агиологическаго матеріала, критическое его изученіе началось сравнительно недавно и первыми своими опытами, равно какъ и продолженіемъ, было обязано западнымъ ученымъ, начиная съ XVI—XVII вѣковъ. Какъ и въ другихъ отрасляхъ исторіи, эти ученые занимались здѣсь преимущественно памятниками христіанскаго запада, хотя ими было сдѣлано немало и по части восточной агиологіи. Вообще же говоря, научная разработка этой части находится еще въ очень неудовлетворительномъ состояніи, и не только пѣтъ цѣльнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ, но и оставались до послѣдняго времени нетронутыми весьма важныя его стороны.

Архимандритъ Сергій поставилъ себѣ задачей обнять этотъ отдѣлъ науки въ возможной полнотѣ, рассмотреть его по возможности со всѣхъ главныхъ сторонъ, подлежащихъ изученію, и изслѣдовать въ порядкѣ происхожденія самые памятники. Но сколь ни широки рамки, въ которыхъ выѣщаетъ авторъ свое изслѣдованіе о святыхъ восточной церкви, самая новостъ и малообработанность нѣкоторыхъ отдѣловъ этого предмета по необходимости ограничили его труды собраніемъ и изложеніемъ календарнаго и проложнаго матеріала, первоначальнымъ изученіемъ вповѣ открытыхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ,—словомъ, кропотливою черною работою надъ источниками, которыхъ еще не коснулась рука изслѣдователя. Поэтому во многихъ мѣстахъ сочиненія о. Сергія замѣтны подавляющее вліяніе факта и недостатковъ обработки. Перечни именъ и цифръ безъ обобщеній и выводовъ придаютъ изложенію автора видъ сухаго сборника фактовъ, часто не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ прежде изложенными. Даже и тамъ, гдѣ сочинитель стоитъ въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, гдѣ на помощь ему приходятъ чужія изслѣдованія, — и тамъ онъ какъ бы боится обобщеній, не подводитъ итога своимъ черновымъ работамъ и подавляетъ читателя массою приводимыхъ фактовъ. Это должно сказать о второмъ отдѣлѣ агиологіи, гдѣ авторъ разбираетъ восточныя мѣсяцесловы при евангелихъ и апостолахъ, объ отдѣлѣ житій святыхъ и о снѣткахъ. По съ другой стороны, это неумоимое пачленіе за фактомъ, эта кропотливая работа надъ массою именъ и цифръ, это богатство хронологическихъ указаній и мелкихъ историческихъ частности, множество цитатъ и справокъ, придаютъ труду о. Сергія высокую цѣну и научное достоинство, потому что основаніемъ для всякаго ученаго труда служатъ именно эти фактическія данныя, и чѣмъ строже и тверже по-

ставлена фактическая сторона предмета, чѣмъ больше матеріала взято въ разсмотрѣніе, тѣмъ тверже бываетъ и самый выводъ ученаго. Но совмѣстить достоинство серьезнаго вывода съ первоначальною черпковою работою удастся не всѣмъ, и авторъ не былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ общее значеніе и характеръ книги о. Сергія, рецензентъ входитъ затѣмъ въ ближайшее разсмотрѣніе каждаго изъ ея отдѣловъ, при чемъ указываетъ на встрѣчающіеся въ нихъ недостатки и промахи, жѣстами оспариваетъ выводы автора, дополняетъ сдѣланные имъ пропуски и обнаруживаетъ, гдѣ слѣдуетъ, недостатокъ обработки и обобщенія сыраго матеріала.

Въ заключеніе опъ, однако, признаетъ, что эти отрицательныя черты сглаживаются и блѣднѣютъ въ виду широкой задачи, поставленной авторомъ, и ея счастливаго выполненія, потребовавшаго обширныхъ, нелегко добываемыхъ пособій и такого настойчиваго научнаго усердія со стороны отца Сергія, такого долгаго и упornaго труда, на какіе способны немногіе.

VII.

Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки, архимандрита Амфилохія
Съ приложеніемъ снимковъ. Москва. 1876.

Рецензія этого сочиненія была составлена академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Библіотека Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, созданіе патриарха Пикона, составляетъ одно изъ древнѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ, замѣчательное по богатству и важности собранныхъ въ немъ письменныхъ памятниковъ. Ученые обратили на нее вниманіе въ то время, когда стали заниматься изученіемъ вообще монастырскихъ бібліотекъ, съ цѣлью отысканія рукописей, важныхъ для исторіи. Впослѣдствіи этою бібліотекою занимались К. Θ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ. Кромѣ того, новоіерусалимскія рукописи были разсматриваемы и нѣкоторыми другими изслѣдователями, посѣщавшими монастырь. Не смотря на все это, Воскресенская бібліотека, въ полномъ своемъ составѣ, оставалась неизвѣстною до тѣхъ поръ, пока не познакомилъ съ нею ученыхъ отецъ архимандритъ Амфилохій. Все достояніе бібліотеки, хранившееся долгое время безъ тщательнаго призора, было приведено въ порядокъ заботами отца архимандрита въ бытность его настоятелемъ Воскресенскаго монастыря. По ознакомившись этимъ, опъ сообщилъ въ *Извѣстіяхъ Отдѣленія*

Русскаго языка и словесности свѣдѣнія объ отдѣльныхъ воскресенскихъ рукописяхъ и между прочимъ особенно подробныя замѣчанія о спискѣ Антиоховыхъ Пандектовъ; затѣмъ онъ воспользовался пѣкоторыми изъ этихъ рукописей для своихъ работъ относительно памятниковъ древняго нашего языка и письменности, и наконецъ, издалъ отдѣльнымъ сочиненіемъ подробное описаніе всѣхъ 242 рукописей и 135 старопечатныхъ книгъ Новоіерусалимской бібліотеки.

Представивъ общій обзоръ этого сочиненія, рецензентъ признаетъ, что оно удовлетворяетъ своей задачѣ, знакомя читателя со всѣмъ богатствомъ означенной бібліотеки и останавливая вниманіе на пѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ. Этими подробностями трудъ отца Амфилохія отличается, по отзыву г. Срезневскаго, отъ описаній, составленныхъ Калайдовичемъ и Стросовымъ. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что они касаются не всѣхъ памятниковъ, которые того заслуживаютъ. Равнымъ образомъ, рецензентъ сожалеетъ, что авторъ не помѣстилъ въ своей книгѣ указаній на то, что сдѣлано и издано относительно воскресенскихъ памятниковъ имъ самимъ и что — его предшественниками.

Достоинство книги отца Амфилохія увеличивается большимъ, приложеннымъ при ней, сборникомъ снимковъ почти со всѣхъ замѣчательныхъ памятниковъ бібліотеки. Въ этомъ отношеніи, трудъ отца Амфилохія — рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ. Представленныя адѣсь палеографическія наблюденія автора важны, какъ по подробностямъ, въ нихъ заключающимся, такъ и потому, что обнимаютъ довольно большое пространство времени и даютъ немало новыхъ указаній.

Въ заключеніе г. Срезневскій отзывается о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи, какъ о воистинѣ достойномъ Уваровской награды, тѣмъ болѣе, что его авторъ принадлежитъ къ небольшому у насъ числу изслѣдователей древнихъ письменныхъ памятниковъ, а по своей неутомимости, занимаетъ, безспорно, первое мѣсто.

VIII.

Иванъ Песешковъ. Часть I. Посошковъ, какъ экономистъ. Сочиненіе А. Брикнера. С.-Петербургъ. 1876.

Коммиссія передавала это сочиненіе, для ближайшаго разсмотрѣнія, академику В. П. Безобразову, который, въ составленной имъ рецензій, называетъ этотъ трудъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу, тѣмъ болѣе важнымъ и полезнымъ, что сочиненіе состоитъ изъ 4 частей, отд. 4.

невіе почтеннаго Дерптскаго профессора относится къ наименѣе разработанной области исторіи Россіи. Задачей автора было характеризовать личность Посошкова, его общественную дѣятельность и литературные труды по отношенію къ русской жизни его времени и къ движенію просвѣщенія въ западной Европѣ. Исполненіе этой задачи представлялось заманчивымъ уже потому, что личность Посошкова весьма вынукло выдается въ величайшую эпоху нашей исторіи—предъ реформами Петра Великаго и во все время его царствованія, а между тѣмъ она была мало выяснена, не смотря на труды Погодина, который говоритъ о Посошковѣ, имѣя открытымъ, исключительно подъ влияніемъ восхищенія къ своему открытію. Но книга г. Брикнера переходитъ далеко за предѣлы этой прямой задачи; специальная тема автора послужила ему только исходною точкою для гораздо болѣе обширнаго изслѣдованія, а именно для начертанія картины экономическаго и финансоваго быта Россіи за цѣлый, самый интересный вѣкъ ея исторіи. Всѣ главнѣйшія отрасли народнаго хозяйства: земледѣліе, промышленность, торговля, характеристическія черты государственныхъ финансовъ XVII и XVIII столѣтій, и сверхъ того, общій экономическій строй русскаго общества, экономическія условія каждаго быта сословія и ихъ взаимныя отношенія разсмотрѣны авторомъ съ такою подробностью, что теперь, благодаря его книгѣ, мы имѣемъ общій систематическій обзоръ важнѣйшихъ хозяйственныхъ и финансовыхъ явленій въ жизни нашего народа въ эпоху перехода его отъ средневѣковой къ новѣйшей исторіи. Эти явленія описаны г. Брикнеромъ параллельно съ разборомъ сочиненій Посошкова. Для своего труда авторъ воспользовался существующими уже историческими работами, русскими и иностранными, а также издавными первоначальными источниками, каковы наши законодательные акты и записки иностранцевъ XVII и XVIII столѣтій.

Что касается до специальной темы сочиненія, то г. Брикнеръ представилъ подробное жизнеописаніе Посошкова, полную характеристику его какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и писателя, критическій очеркъ всѣхъ его сочиненій и анализъ его экономическихъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи рецензентъ считаетъ трудъ г. Брикнера окончательнымъ, такъ что едва ли какіе-нибудь новые историческіе матеріалы и открытія еще больше разъяснятъ личность Посошкова, какъ мыслителя, и значеніе его общественной и литературной дѣятельности. Г. Безобразовъ полагаетъ, что благодаря г. Брикнеру, уже не будутъ болѣе возможны разныя гадательныя сужденія, встрѣ-

чавшіяся до сего времени о Посошковѣ и о его ученыхъ и государственныхъ трудахъ, хотя и нельзя согласиться со всеми мнѣніями автора объ этой личности. Г. Врикнеръ, какъ это часто случается, увлекся своимъ предметомъ и преувеличилъ глубину экономическихъ воззрѣній Посошкова; при всемъ томъ, это увлеченіе не вредитъ научнымъ достоинствамъ сочиненія, потому что авторъ съ крайнею добросовѣстностію не только излагаетъ и разбираетъ противоположныя ему мнѣнія, но и безпристрастно указываетъ на факты, основываясь на которыхъ, можно оспаривать его собственныя мнѣнія и выводить заключенія, не согласныя съ его взглядомъ на Посошкова. Большаго требовать отъ ученаго труда рецензентъ не считаетъ возможнымъ, признавая, что увлеченія автора не могутъ быть поставлены ему въ укоръ, когда они не вредятъ точности его изслѣдованій и не искажаютъ выводовъ, къ какимъ приходитъ самъ читатель.

IX.

Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе П. Житецкаго. Кіевъ. 1876.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ, по приглашенію коммисіи, составленъ профессоромъ Харьковскаго университета А. А. Потебней, на мнѣніи котораго Академія основала свой приговоръ объ изслѣдованіи г. Житецкаго въ томъ соображеніи, что г. Потебня не только самъ занимался предметомъ этого изслѣдованія, но и отчасти подалъ поводъ къ появленію въ свѣтъ этого труда. Послѣ болѣе или менѣе ученыхъ попытокъ объяснить сущность малорусскаго нарѣчія, г. Потебня занимался разрѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ относительно звуковыхъ особенностей этого нарѣчія, стараясь объяснить ихъ помощію исторіи языка и сравненіемъ съ другими славянскими нарѣчіями. Его изысканія по этой части заключаются въ статьѣ о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій (1866 г.) и въ замѣткѣ о малорусскомъ нарѣчіи (1871 г.). На основаніи этихъ отличныхъ трудовъ, а также и другихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій о науцѣ языка, г. Житецкій составилъ свой „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, съ цѣлью изложить звуковую исторію этого нарѣчія на основаніи живыхъ современныхъ говоровъ и памятниковъ русской письменности съ XI вѣка до XVII включительно, и провести, въ области звуковъ, возможно точныя границы между нарѣчіемъ малорусскимъ и языками церковно-славянскимъ и древне-русскимъ, касаясь тутъ же и нарѣчія великорусскаго. При этомъ онъ задался мыслью

о необходимости изучить звуковую сторону малорусскаго нарѣчія въ исторической преемственности звуковыхъ явленій. Хотя авторъ намѣревался идти путемъ не сравнительнымъ, а историческимъ, однако, какъ это можно заключать изъ словъ г. Потебни, отношенія способа сравнительнаго къ историческому были ему не совсѣмъ ясны. Подвергнувъ сперва въ 1-й главѣ цѣль и приемы г. Житецкаго и во 2-й вопросъ о „правильнѣ“ русскому довольно строгому разбору, рецензентъ обращается къ отдѣльнымъ вопросамъ, а именно—разсматриваетъ въ 3-й главѣ малорусское і вмѣсто ѣ, въ 4-й малорусское і изъ основныхъ о, е, въ 5-й звукъ ы въ малорусскомъ нарѣчіи, въ 6-й з и ѣ въ начальной исторіи русскаго языка и количественныя черты малорусскихъ согласныхъ, а въ 7-й качественныя черты малорусскихъ согласныхъ. По мнѣнію ученаго критика, г. Житецкій по владѣлъ достаточнымъ матеріаломъ длѣ всѣхъ гоноровъ малорусскаго нарѣчія, и потому ему часто приходилось обращаться къ разнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, а это находится въ прямомъ противорѣчіи съ его увѣреніемъ, что онъ держится чисто-историческаго метода. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторые повѣншія сочиненія о науцѣ языка, и особенно лекціи Макса Мюллера, не остались безъ вреднаго вліянія на автора. Кромѣ того, онъ не довольно знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, а потому не оцѣнилъ всей важности этого языка въ отношеніи къ малорусскому нарѣчію. Тѣмъ не менѣе стремленіе г. Житецкаго дѣлать выводы на основаніи существующихъ фактовъ заслуживаетъ всякой похвалы, и нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ замѣчаетъ, что односторонніе обобщенія, какъ бы они ни были несостоятельны, имѣютъ безспорно то хорошее качество, что пробуждаютъ мысль къ открытію новыхъ путей, а эти послѣдніе приведутъ къ новымъ, болѣе широкимъ и вѣрнымъ обобщеніямъ. Такъ какъ авторъ отличается краснорѣчивымъ и живымъ изложеніемъ предмета, то можно надѣяться, что сочиненіе его найдетъ себѣ многихъ читателей, и между прочимъ такихъ, которые посвящаютъ себя дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго языка, въ которой труду г. Житецкаго принадлежитъ почетное мѣсто.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Академія сочла долгомъ выразить свою признательность гг. постороннимъ критикамъ за содѣйствіе, которое они ей оказали чрезъ составленіе разборовъ конкурсныхъ сочиненій; пятерымъ же изъ нихъ, а именно Н. О. Дубровину, А. А. Потебнѣ, И. Д. Мансветову, О. Я. Фортинскому и Е. Е. Замысловскому она пазначила золотыя Уваровскія медали.

ЭКСПЕДИЦІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО ЗА ТЯНЬ-ШАНЬ И НА ЛОБЪ-НОРЬ.

Географическое изученіе внутренней Азіи сдѣлало, въ послѣднія десятилѣтія, чрезвычайные успѣхи, въ ряду которыхъ не малая доля принадлежитъ русскимъ путешественникамъ. Ихъ неутомимости и любознательности наука по преимуществу обязана этимъ огромнымъ развитіемъ свѣдѣній о значительной части Восточнаго Туркестана и Монголіи. Въ числѣ русскихъ дѣятелей по изученію Средней Азіи имя подполковника генеральнаго штаба Н. М. Пржевальскаго занимаетъ видное мѣсто. Кромѣ путешествія въ Южно-Уссурийскій край, имъ исполнена въ теченіе трехъ лѣтъ (1870 — 1872 гг.) огромная экспедиція въ южную и юго-западную Монголію, на пространство отъ Далай-нора до верхнихъ чистей Янъ-цзе-кына, результатами которой были: глазомѣрная съемка на пространство 5,300 верстъ; опредѣленіе широты 18 точекъ, которое повело къ перенесенію нѣкоторыхъ мѣстностей на картахъ на цѣлый градусъ по меридіану; девять наблюденій магнитнаго склоненія и семь пунктовъ горизонтальнаго напряженія въ странѣ, для которой подобныхъ данныхъ совсѣмъ не было; опредѣленіе 146 пунктовъ гипсометрически, съ точностью, дающею возможность судить о рельефѣ страны и ея абсолютномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря; метеорологическія наблюденія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они до сихъ поръ не были производимы; измѣреніе температуры во множествѣ водоемовъ на пройденномъ пути; собраніе любопытныхъ этнографическихъ свѣдѣній о Монголахъ, Тангутахъ, Дунганахъ и Далдахъ, и наконецъ, собраніе обширныхъ коллекцій зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ.

Не успѣло еще кончиться предпринятое Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ изданіе подробнаго описанія этого путешествія ¹⁾, какъ г. Пржевальскій отправился въ новую экспедицію—въ западную часть средне-азиатской пустыни. При этомъ онъ началъ свое изслѣдованіе съ восточнаго Тянь-Шаня, отъ Кульджи и Хами, и предположилъ распространить ихъ чрезъ бассейнъ озера Лобъ-Норъ въ Тибетъ до Гималаевъ. Въ недавнее время полученъ въ С.-Петербургѣ отчетъ г. Пржевальскаго объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ этого путешествія, о побѣдѣ его изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Хотя неутомному путешественнику и пришлось убѣдиться въ невозможности проникнуть въ Тибетъ этимъ путемъ, тѣмъ не менѣе самое описаніе его странствованій въ неизвѣстной мѣстности бассейна Лобъ-Нора представляетъ большой въ географическомъ отношеніи интересъ. А потому небольшое извлеченіе изъ этого, еще неизданнаго въ свѣтъ, отчета не будетъ лишнимъ.

Утромъ 12-го августа 1876 года г. Пржевальскій и его спутники выступили изъ Кульджи, напутствуемые добрыми пожеланіями соотечественниковъ, проживающихъ въ названномъ городѣ. Путь лежалъ первоначально вверхъ почти по самому берегу р. Или, долина которой здѣсь густо заселена Таранчанами. Всюду видно, что населеніе живетъ зажиточно. Магометанская инсurreкція не коснулась своимъ разрушительнымъ потокомъ этой части Илійской долины. Красивыя, чистыя деревни съ садами и высокими серебристыми тополями слѣдуютъ чуть не сплошь одна за другою. Въ промежуткахъ раскинуты хлѣбныя поля, орошаемыя многочисленными арыками, а на лугахъ, по берегу самой Или, пасутся большія стада барановъ, рогатаго скота и лошадей.

Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Или, экспедиція достигла до мѣста слиянія рѣкъ Кунгеса и Текеса, образующихъ рѣку Или. За Текесомъ путь ея лежалъ, все въ томъ же восточномъ направленіи, долиною нижняго Кунгеса, которая ничѣмъ особенно не отличается отъ верхне-илийской; только здѣсь въ большемъ обиліи встрѣчается ковыль. Окраины горы, какъ и прежде, имѣютъ луговой характеръ и вовсе лишены лѣсной растительности. Такъ до рѣки Цанмы, лѣваго притока

¹⁾ Понимай изданы два тома этого путешествія, подъ заглавіемъ: «Монголія и страна Тангутонъ»; въ первомъ томѣ содержится общео описаніе путешествія и наблюденія г. Пржевальскаго надъ жителями Восточной Монголіи; во II томѣ разработаны данныя о климатѣ ея, собранныя во время путешествія.

Кунгеса. Здѣсь же, то-есть, на Цанмѣ, виднѣются послѣднія пашни и кочевья Тургоутовъ. Далѣе, вплоть до выхода въ Карашарскую долину, путешественники вовсе не встрѣчали жителей. Отъ рѣки Цанмы, выйдѣвъ съ увеличеніемъ абсолютной высоты мѣстности ¹⁾, долина Кунгеса измѣняетъ свой характеръ: дѣлается уже и гораздо плодороднѣе. Въ замѣнъ прежней тощей растительности волнистая степь покрывается превосходною разнообразною травой, которая съ каждымъ десяткомъ верстъ становится выше и гуще. Окрѣпшія горы также принимаютъ болѣе суровыя формы, и на нихъ появляются еловые лѣса, нижній предѣлъ которыхъ обозначаетъ собою поясъ лѣтнихъ дождей. По лѣснымъ дугамъ, а также по скатамъ сосѣднихъ горъ, вездѣ заросли густѣйшія, переплетенныя выюнкомъ и павиликою, травы, часто въ сажень вышиною. Лѣтомъ въ подобной гущинѣ почти невозможно пробраться.

На рѣкѣ Кунгесѣ экспедиція рѣшилась остановиться на нѣсколько дней. Она выбрала для своей стоянки то именно мѣсто, гдѣ въ 1874 году стоялъ нѣсколько мѣсяцевъ постъ изъ одной казачьей сотни, и гдѣ еще остались цѣлы саран, кухня и баня. Въ теченіе этой стоянки путешественники занялись охотою и ботаническими поисками весьма успѣшно.

Затѣмъ экспедиція направилась вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цанмѣ до самаго ея истока, и такимъ образомъ, придвинулась къ подножію хребта Нарата, состояющаго, выйдѣвъ съ своими западными продолженіями ²⁾, съверную ограду обширнаго и высокаго плато, помѣщеннаго въ самомъ сердцѣ Тянь-Шани и извѣстнаго подъ именемъ Юлдуса.

Хребетъ Наратъ хотя и не достигаетъ предѣла вѣчнаго снѣга, но тѣмъ не менѣе имѣетъ самый дикій, вполне альпійскій характеръ. Вершины отдѣльныхъ горъ и ихъ крутые боковые скаты, въ особенности близъ гребня хребта, вездѣ изборозжены голыми, отвѣсными скалами, образующими узкія и мрачныя ущелья. Немного пониже разстилаются альпійскіе луга, а еще ниже, на сѣверномъ склонѣ горъ, разбросаны островами еловые лѣса; южный же склонъ Нарата безлѣсенъ.

¹⁾ Абсолютная высота Кульджи около 2,000 футовъ.

²⁾ Западными продолженіями Нарата служатъ (въ посаждовательномъ порядкѣ) хребты: Дагитъ, Хара-норъ, Куку-зунъ, Джамби-дабинъ. Три послѣдніе, какъ говорятъ, вѣчно снѣговые.

Спустившись съ Нарата, путешественники очутились на Юлдусъ. Имя это въ переводѣ означаетъ „звѣзда“ и дано описываемому плато, быть можетъ, вслѣдствіе его высокаго положенія въ горахъ. Отчасти такое названіе могло производиться и потому, что Юлдусъ представляетъ обитованную страну для кочевниковъ въ отношеніи скотоводства. Здѣсь вездѣ превосходныя пастбища; притомъ же гдѣтомя нѣтъ мошекъ и комаровъ. „Мѣсто прекрасное, прохладное, кормное; только бы жить господамъ да скотинѣ“, говорили еще ранѣе путешественникамъ Тургоуты, разказывая про Юлдусъ.

Самъ Юлдусъ состоитъ изъ двухъ частей: Большаго Юлдуса, занимающаго болѣе обширную западную половину всей котловины, и Малаго, помѣщеннаго въ ея меньшей восточной части. Въ общемъ какъ тотъ, такъ и другой Юлдусы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ; разница лишь въ величинѣ. Малый Юлдусъ, весь пройденный вдоль экспедиціей, представляетъ собою степную равнину, протанувшую на 135 верстѣ по долготѣ и расширенную по срединѣ верстѣ тридцать. Абсолютная высота Малаго Юлдуса, по приблизительному вычисленію, простирается отъ 7500 до 8500 тысячъ футовъ.

Какъ разъ срединю Малаго Юлдуса, во всю его длину, протекаетъ порядочная рѣчка Бага-Юлдусъ-голь, впадающая въ Хайду-голь, который проходитъ по Большому Юлдусу и затѣмъ несетъ свои воды въ озеро Багарашъ¹⁾. Самыя низкія части Малаго Юлдуса лежатъ по нижнему теченію Бага-Юлдусъ-гола; на верховьяхъ этой рѣки и ближе къ крайнимъ горамъ мѣстность выше.

На Юлдусъ экспедиція провела около трехъ недѣль, занималась, главнымъ образомъ, охотою на звѣрей. Последнихъ было добыто болѣе десятка прекрасныхъ экземпляровъ для коллекціи, въ томъ числѣ два самца *Ovis Polii*. Этотъ великолѣпный баранъ, свойственный исключительно высокимъ нагорьямъ Средней Азіи, встрѣчается на Юлдусъ часто, иногда стадами отъ 30—40 головъ.

Вдоволь поохотившись на Юлдусъ, путешественники направились въ долину Хайду-гола черезъ южный склонъ Тянь-Шаня. Подъемъ на перевалъ со стороны Юлдуса чрезвычайно пологій, даже едва замѣтный, хотя абсолютная высота этого перевала 9,300 футовъ. За то спускъ крайне труденъ. Едва замѣтная тропинка идетъ здѣсь, на протяженіи 40 верстѣ, ущельемъ р. Хабцагай-гола, а затѣмъ 22 версты по Балактай-голу. Оба ущелья чрезвычайно узки (мѣстами не

¹⁾ Бостанъ-норъ на киргизахъ. Киргизы называютъ это озеро Тонгизъ-норъ.

болѣе 60 сажень), дно ихъ усыпано осколками камней и валунами, бока же обставлены громадными отвѣсными скалами.

На Хайду-голь путешественники остановились въ урочищѣ Харамото, гдѣ встрѣтили первыхъ жителей Тургоутовъ, которые приняли ихъ радушно. Между тѣмъ быстро разнесшійся слухъ о приближеніи Русскихъ всполошилъ все ближайшее мусульманское населеніе. Увѣрили, что идетъ русское войско, и что на Хайду-голь появился уже передовой отрядъ. Подобному слуху еще болѣе повѣрили, когда съ перваго же дни прихода начали раздаваться выстрѣлы путешественниковъ по фазанамъ и другимъ птицамъ. Мусульмане, живущіе по Хайду-голю, недалеко отъ Харамото, до того трусили, что побросали свои дома и убѣжали въ Карашаръ.

• На третій день прихода путешественниковъ въ Харамото къ нимъ явились шесть человекъ мусульманъ, посланныхъ правителемъ города Корлы (въ 50 в. на юго-востокъ отъ Карашара)—Токсобаемъ—узнать о цѣли ихъ прихода. Г. Пржевальскій объяснилъ, что идетъ на Лобъ-Норъ, и что про его путешествіе хорошо извѣстно Якубъ-беку ¹⁾. Съ такими вѣстями посланцы отправились обратно въ Корлы, но на противоположной сторонѣ Хайду-голя былъ поставленъ небольшой пикетъ для наблюденія за путешественниками. На слѣдующій день къ нимъ опять явились тѣ же посланцы и объявили, что Токсабай отправилъ гонца къ владѣтелю Восточнаго Туркестана, нинѣ ужъ умершему, Якубъ-беку, находившемуся тогда въ г. Токсумѣ, недалеко отъ Турфана, и что до полученія отвѣта нельзя идти далѣе.

Простоявъ семь дней въ Харамото, путешественники получили наконецъ разрѣшеніе идти въ городъ Корлы (но не въ Карашаръ), черезъ который лежатъ путь на Лобъ-Норъ. Отъ Харамото до Корлы 62 версты. Они прошли это разстояніе въ три дня, сопровождаемые тѣми же людьми, которые пріѣзжали къ нимъ въ первый разъ. Дорогою на каждой стоянкѣ путешественникамъ приводили барана и приносили фруктовъ. Прежде чѣмъ достигнуть Корлы, необходимо пройти черезъ послѣдній отрогъ Тянь-Шаня уцѣльсѣмъ, по которому стремится рѣка Конче-дарья, вытекающая изъ Багараша въ Таримъ. Это ущелье имѣетъ верстъ десять длины и чрезвычайно узко. При входѣ

¹⁾ Ранѣе выступленія экспедиція изъ Кульджи, Якубъ-бекъ уведомилъ письменно Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго, что Русскіе, идущіе на Лобъ-Норъ, встрѣтятъ гостепріимство въ предѣлахъ Джитышара.

и выходѣ устроены изъ глины два укрѣпленія, въ которыхъ стоятъ небольшіе караулы.

Лишь только путешественники пришли въ Корлу и помѣстились въ отведенномъ имъ города домѣ, какъ къ нимъ былъ приставленъ караулъ подъ предлогомъ охраненія, а въ сущности для того, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и путешественниковъ не пускали въ городъ. „Вы — наши гости дорогіе“, говорили имъ, — вамъ не слѣдуетъ беспокоиться, все что нужно будетъ вамъ доставлено“. Имъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты; но этимъ да сладкими рѣчами и ограничивалось гостепріимство. Все что только интересовало ихъ, что составляло прямую задачу ихъ изслѣдованій, было для путешественниковъ закрыто. Они не знали ни о чемъ далѣе воротъ своего двора. На всѣ вопросы, относительно, напримѣръ, города Корлы, числа здѣшнихъ жителей, ихъ торговли, характера окрестной страны и пр. они получали самые уклончивые отвѣты или явную ложь. Такъ было во все время шестимѣсячнаго пребыванія экспедиціи во владѣніяхъ Якубъ-бека, или какъ называли его подданные, Бадуалета (счастливца). Только впоследствии, на Таримѣ и Лобъ-Норѣ, путешественникамъ удалось изрѣдка, тихомолкомъ, вывѣдать кой-что у мѣстныхъ жителей, которые были вообще къ нимъ расположены, но боялись явно выказывать такое расположеніе. Отъ Таримцевъ же путешественники узнали, что въ Корлы, съ окрестными деревнями, считается до шести тысячъ жителей обоого пола. Самый городъ состоитъ изъ двухъ частей, обнесенныхъ глиняными стѣнами: стараго, населеннаго торговцами, и новой крѣпости, въ которой живутъ только войска. Послѣднихъ во время посѣщенія Корлы членами экспедиціи было очень мало: всѣ ушли въ г. Токсумъ, гдѣ Якубъ-бекъ, подъ личнымъ своимъ надзоромъ, возводилъ укрѣпленія противъ Китайцевъ.

На другой день по прибытіи въ Корлу, въ г. Пржевальскому лился одинъ изъ приближенныхъ Бадуалета, нѣкій Заманъ-бекъ, бывшій русскій подданный, выходецъ изъ города Нуки въ Закавказьи, и сколько кактеса, Армянинъ по происхожденію. Этотъ Заманъ-бекъ, состоявшій нѣкогда даже въ русской службѣ, отрывчиво говорилъ по русски и съ первыхъ словъ объявилъ, что присланъ Бадуалетомъ сопутствовать экспедиціи на Лобъ-Норѣ. Очевидно было, что Заманъ-бекъ посылается для наблюденія за экспедиціей, и что присутствіе офціальнаго лица будетъ не облегченіемъ, но помѣхою

для ея изслѣдованій. Такъ и случилось впоследствии. Впрочемъ Заманъ-бекъ лично былъ весьма расположенъ къ Русскимъ, и на сколько было возможно, оказывалъ имъ услуги. „Глубокою благодарностию обязанъ я“, говоритъ г. Пржевальскій, — „за это почтенному беку. Съ нимъ на Лобъ-Норѣ намъ было гораздо лучше, нежели съ кѣмъ-либо изъ другихъ довѣренныхъ Якубъ-бека — конечно, на столько, на сколько можетъ быть лучше въ дурномъ вообще“.

4-го ноября экспедиція выступила изъ Корлы въ направленіи къ Лобъ-Нору. Кромѣ людей ея каравана, съ Заманъ-бекомъ ѣхалъ еще какой-то хаджи и нѣсколько человекъ прислуги. Съ перваго шага эти спутники г. Пржевальскаго заявили себя самымъ непривлекательнымъ образомъ. Чтобы не показывать города, Русскихъ повели отъ квартиръ окольными путемъ, по полямъ, и не стидились увѣрить, что лучшей дороги нѣтъ. Пришлось по неволѣ прикидываться незнайкой, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и много разъ впоследствии. Про самую пустую вещь путешественники не могли ничего точно узнать, не видая ея собственными глазами. Ихъ подозрѣвали и обманывали на каждомъ шагѣ. Мѣстному населенію запрещено было даже говорить съ ними. Выходило, что экспедиція шла подъ конвоемъ; ея спутники были шпіоны — не болѣе. Заманъ-бекъ часто видимо тяготился подобнымъ положеніемъ, но не могъ, конечно, измѣнить своего поведенія относительно Русскихъ. Впоследствии на Лобъ-Норѣ, когда къ нимъ уже присмотрѣлись, прежняя подозрительность немного исчезла, по сначала полицейскій надзоръ былъ самый строгій. Даже каждую недѣлю являлся гонецъ отъ Бадуалета или Токсабая „узнать о здорони Русскихъ“, какъ паввно сообщалъ Заманъ-бекъ.

Вѣроятно, для того, чтобы заставить путешественниковъ отказаться отъ дальнѣйшаго странствованія, ихъ повели къ Тариму самою трудною дорогою, идя которою пришлось переправляться впавай черезъ двѣ довольно большія и глубокія рѣчки — Конче-дарья и Ичике-Дарья. Избравъ этотъ путь, вѣроятно, хотѣли запугать Русскихъ трудности переправы впавай, при морозахъ, достигавшихъ —16,7 Ц. на восходѣ солнца.

Переходъ отъ Корлы до береговъ Тарима, на разстояніи 86 верстъ, г. Пржевальскій посылалъ, между прочимъ, на собраніе свѣдѣній касательно бассейна средняго теченія Тарима и на изученіе жителей этой страны. Послѣ переправы черезъ рѣки Конче и Ичике, экспедиція вышла на Таримъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Угенъ-дарья, а отсюда, сдѣлавъ еще переходъ, добралась до деревни

Ахтармы, самаго большаго изъ всѣхъ таримскихъ и лобъ-норскихъ селеній. Здѣсь имѣетъ мѣстопробываніе управитель Тарима — пѣкій Аэлямъ-ахунъ. Не смотря на свой громкій титулъ, который, какъ переводилъ Русскимъ Замапъ-бекъ, — означаетъ „наученѣйшій человѣкъ“, вѣтъ ахунъ совершенно безграмотенъ.

Въ Ахтармѣ, гдѣ путешественники простояли восемь дней, было сдѣлано астрономическое наблюденіе долготы и широты, а барометръ бы да измѣрена абсолютная высота. Последняя достигаетъ 2,500 фут. Озеро Лобъ-Норъ поднимается надъ уровнемъ моря на 2,200 фут. такъ что нижній Таримъ имѣетъ сравнительно небольшой наклонъ. Тамъ не менѣе теченіе въ этой рѣкѣ весьма быстрое; оно достигаетъ, при среднемъ уровнѣ воды, около 180 футовъ въ минуту.

Изъ Ахтармы путь экспедиціи лежалъ внизъ по Тариму. То удаляясь отъ берега, то приближаясь къ нему, экспедиція прошла по Тариму около 190 верстъ до слиянія его съ рукавомъ Кожъ-ала-дарья; здѣсь выстроенъ глиняный фортъ. Отсюда путешественники направились не на Лобъ-Норъ, до котораго было уже недалеко, а прямо на югъ въ деревню Чархалымъ, основанную лѣтъ тридцать тому назадъ ссыльными, а частію добровольными переселенцами изъ Хотана. Въ настоящее время эта деревня состоитъ изъ 21 двора и глинянаго форта въ которомъ помѣщаются ссыльные. Они обязаны заниматься хлѣбопашествомъ на пользу казны; прочіе же жители сѣютъ для себя. Вода для орошенія полей получается изъ рѣки Чархалымъ-дарья; вытекающей изъ сосѣднихъ горъ. Эти горы стоятъ на южной сторонѣ Лобъ-Нора, достигаютъ громадныхъ размѣровъ и извѣстны подъ именемъ хребта Алтынъ-тагъ.

Верстахъ въ трехстахъ къ юго-западу отъ Чархалыма, на рѣкѣ Черченъ-дарья, лежитъ небольшой городъ Черченъ, правитель котораго вѣдаетъ и Чархалымомъ. Отъ Черчена далѣе къ юго-западу десять дней пути до большаго оазиса Нан (900 дворовъ), откуда черезъ три дня пріѣзжаютъ въ городъ Керію, имѣющій, какъ сообщали путешественникамъ, до трехъ тысячъ домовъ. Изъ Керіи, черезъ городъ Чжиру, путь лежитъ въ Хотанъ. Последний, равно какъ Керія и Черченъ, находится въ зависимости отъ Якубъ-бека Кашгарскаго. Въ одномъ днѣ пути отъ Керію въ горахъ добываютъ золото. Золотые рудники находятся также въ пяти переходахъ отъ Черчена, въ верховьяхъ Черченъ-дарьи. Здѣсь, какъ говорили Русскимъ, ежегодно добываютъ около шестидесяти пудовъ золота, поступающаго въ казну Якубъ-бека.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ Чархалыкъ, видны развалины глиняныхъ стѣнъ стариннаго города, который путешественникамъ называли Оттогушъ-шари. Эти развалины имѣютъ около трехъ верстъ въ окружности; впереди главной стѣны были выстроены сторожевыя башни. Кромѣ того, въ двухъ дняхъ пути отъ Чархалыка къ Черчену лежатъ развалины другаго города—Гасъ-шари. Наконецъ, близъ Лобъ-Нора путешественники нашли остатки третьяго города, весьма обширнаго. Это мѣсто зовется просто Конс-шари, то-есть, старый городъ. Отъ мѣстныхъ жителей путешественники не могли однако узнать никакихъ преданій о всѣхъ этихъ древностяхъ.

Отдохнувъ недѣлю въ Чархалыкѣ, г. Пржевальскій оставилъ здѣсь большую часть своего багажа и при немъ трехъ казаковъ, съ остальными же тремя и помощникомъ своимъ Ф. Л. Эклономъ отправился на другой день Рождества въ горы Алтынъ-тагъ на охоту за дикими верблюдами, которые, по единогласному увѣренію Лобъ-норцевъ, водятся въ вышеназванныхъ горахъ и пустыняхъ къ востоку отъ Лобъ-Нора. Заманъ-бекъ съ своими спутниками также остался въ Чархалыкѣ.

Хребетъ этотъ начинается видѣться еще отъ переправы Айрыганъ, то-есть, верстъ за полтора, сначала узкою, неясною полосой, чуть замѣтною на горизонтѣ. Послѣ утомительнаго однообразія долины Тарима и прилегающей къ нему пустыни, путникъ съ отрадою смотритъ на горный кряжъ, который съ важнымъ переходомъ дѣлается все болѣе и болѣе яснымъ. Можно уже различать не только отдѣльныя вершины, но и главные ущелья. Опытный глазъ видитъ издали, что горы не малепкихъ размѣровъ, и не ошибается. „Когда мы пришли въ д. Чархалыкъ“, сообщаетъ г. Пржевальскій.—„то Алтынъ-тагъ явился передъ нами громадпою стѣною, которая далѣе къ юго-западу высилась еще болѣе и переходила за предѣлы вѣчнаго снѣга. Намъ удалось изслѣдовать описываемыя горы, то-есть, собственно ихъ сѣверный склонъ, на протяженіи около 300 верстъ, считая къ востоку отъ Чархалыка. На всемъ этомъ пространствѣ Алтынъ-тагъ служитъ окраиною высокаго плато къ сторонѣ болѣе низкой Лобъ-норской пустыни. Хотя намъ и не удалось, по причинѣ глубокой зимы и недостатка времени, перейти за Алтынъ-тагъ и измѣрить абсолютную высоту мѣстности на южной сторонѣ этихъ горъ, но несомнѣнно, что тамъ разстилается высокое плато, поднятое надъ уровнемъ моря не менѣе 12 или 13 тысячъ футовъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать, судя по огромной абсолютной

высотѣ долины передовыхъ уступовъ Алтынъ-тага. Проводники наши, не одинъ десятокъ разъ охотившіеся на той сторонѣ описываемыхъ горъ, сообщали намъ, что если идти къ югу по старой дорогѣ, которою прежде (до Дунганскаго возстанія) Калмыки ходили изъ Тибетъ, то тотчасъ же за Алтынъ-тагомъ разстилается высокая равнина шириною верстъ 50. За нею стоитъ опять поперечный хребтъ (верстъ 20 шириною), не имѣющій особеннаго названія, а за этимъ хребтомъ вновь лиается равнина, шириною верстъ до сорока. Эта равнина обильна ключевыми болотами (сазами), и по южную ея сторону высится огромный вѣчно снѣговой хребтъ Чамепъ-тагъ. Обѣ вышеупомянутыя долины уходятъ къ востоку за горизонтъ; туда тянутся и хребты, параллельно другъ другу. Къ западу же всѣ три хребта—Алтынъ-тагъ, безымянный и Чамепъ-тагъ—соединяются недалеко отъ г. Черчена въ одинъ вѣчно-снѣговой хребтъ—Тугузъ-дабанъ, потянувшійся къ городамъ Керин и Хотану. Въ общемъ описываемыя горы характеризуются своимъ крайнимъ бесплодіемъ. Только по высокимъ долинамъ и въ ущельяхъ здѣсь можно встрѣтить какую-либо растительность, два-три низкихъ уродливыхъ солончаковыхъ растеній, преобладающихъ по высокимъ долинамъ, три-четыре породы сложнопѣстныхъ, низкіе кустики *Potentilla*, *Erhodga* и др.". Далѣе, нѣсколько любопытнѣйшихъ страницъ своего разказа г. Пржевальскій посвящаетъ описанію охоты за дикимъ верблюдомъ и зоологическимъ подробностямъ объ этомъ любопытномъ животномъ, четыре экземпляра котораго ему удалось добыть для своей коллекціи.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, миновавъ озеро Карабуранъ, сквозь которое протекаетъ Таримъ, экспедиція достигла до Лобъ-Нора. По своей формѣ это озеро, или вѣрнѣе, болото представляется неправильный эллипсъ, сильно вытянутый отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Наибольшая длина въ этомъ направленіи около 90 или 100 верстъ; ширина же не превосходитъ 20 верстъ. Такъ, по крайпей мѣрѣ, сообщали членамъ экспедиціи мѣстные жители. Самому г. Пржевальскому удалось изслѣдовать только южный и западный берега Лобъ-Нора и пробраться въ лодкѣ по Тариму до половины длины всего озера; далѣе вѣхать было нельзя по причинѣ мелководья и густоты тростниковъ. Эти послѣдніе поростаютъ сплошь весь Лобъ-Норъ, оставили лишь на южномъ его берегу узкую (отъ 1 до 3 вв.) полосу чистой воды. Кромѣ того, небольшія чистыя площадки разсыпаны, какъ зигзаги, среди тростниковъ. По разказамъ туземцевъ, описываемое озеро, имѣетъ тридцать тому назадъ, было глубже и гораздо

чище. Съ тѣхъ поръ Таримъ началъ приносить меньше воды, озеро мелѣть, а тростники размножаться. Такъ продолжалось лѣтъ двадцать, но теперь, уже шестой годъ, какъ вода въ Таримѣ снова прибываетъ, и не имѣя возможности помѣститься въ прежней, нынѣ заросшей тростникомъ рамѣ озера, залиываетъ его берега.

Весь февраль мѣсяцъ экспедиція посвятила сначала на ознакомленіе съ населеніемъ Лобъ-Нора и затѣмъ уже занялась исключительно наблюденіемъ надъ пролетомъ птицъ.

Лобъ-Норцы или Кара-Курчины (по мѣстному названію) — народъ, находящійся на самой низкой степени умственного развитія, можетъ быть, стоитъ съ этой точки зрѣнія еще ниже, нежели обитатели первобытныхъ свайныхъ построекъ. Живя на плоскихъ отмеляхъ среди Лобъ-Нора, люди эти, не смотря на суровый климатъ, довольствуются жалкими патрами, сплетенными изъ мѣстнаго камыша, въ которыхъ они защищены отъ непогоды на столько же, какъ и на открытомъ воздухѣ. Жалкая одежда, едва прикрывающая ихъ наготу и сотканная изъ волоконъ мѣстнаго подыпаго растенія, нѣсколько рыболовныхъ сѣтей и челнокъ составляютъ все движимое имущество семьи, питающейсѣ круглый годъ рыбою, которую жители добываютъ здѣсь же, вкругъ своего жилища. Если у Кара-Курчиновъ и встрѣчаются погода металлическихъ ножи, топоры, то это рѣдкое явленіе: предметы эти вымѣниваются ими отъ приходящихъ сюда жителей Корлы.

Наблюденія г. Пржевальскаго надъ пролетомъ птицъ дали ему обильные результаты для орнитологіи вообще. Невозможно представить себѣ того громаднаго количества птицъ, которое прилетаетъ на Лобъ-Норъ, чтобъ отдохнуть на пути съ юга, и ежедневно смѣняется вновь прилетающими видами.

Въ мартѣ мѣсяцѣ экспедиція двинулась въ обратный путь. Конецъ марта и начало апрѣля были проведены въ долинѣ нижняго Тарима; не смотря на весеннее тепло, экспедиціяшла здѣсь то же царство смерти, что и зимою.

Возвратись 25-го апрѣля въ г. Корлу, путешественники были помѣщены въ прежнемъ домѣ, опять содержались въ заперти и подъ карауломъ. На пятый день по приходѣ они имѣли свиданіе съ Ляубъ-бекомъ. Послѣдній принялъ ихъ ласково, по крайней мѣрѣ паружно, и все время аудіенціи, продолжавшейся около часа, не переставалъ увѣрять въ своемъ расположеніи къ Русскимъ вообще, а къ г. Пржевальскому лично въ особенности. Однако, факты показывали противное. Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія, путеше-

ственниковъ, также подъ карауломъ, проводили за Хайду-голь и при разставаніи не устыдились попросить росписку въ томъ, что они остались всѣмъ довольны во время своего пребыванія въ предѣлахъ Джитышара.

Въ отвѣтъ на подарки, сдѣланные г. Пржевальскимъ Якубу-беку и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ, члены экспедиціи получили четыре лошади и десять верблюдовъ. Послѣдніе были до крайности плохи и нѣкъ издохли въ два дня, лишь только Русскіе вошли въ горное ущелье Волгантой-гола. Положеніе путешественниковъ сдѣлалось тогда весьма труднымъ. Ворочаться назадъ нечего было и думать, а между тѣмъ на липо осталось только десять верблюдовъ и шесть верховныхъ лошадей. Завьючивъ послѣднихъ и сжегши всѣ лишнія вещи, безъ которыхъ можно было обойтись, путешественники взошли пѣшкомъ на Юлдусъ. Отсюда г. Пржевальскій послалъ казака и переводчика въ Кульджу дать знать о трудномъ положеніи экспедиціи и просить помощи. Черезъ три недѣли явились новыя вьючныя животныя и продовольствіе. Въ послѣднемъ путешественники особенно нуждались, такъ какъ ихъ небольшіе запасы, взятые изъ Корли, вскорѣ истощились, и пришлось питаться исключительно охотою.

Въ половинѣ мая, когда они пришли на Юлдусъ, растительная жизнь развернулась здѣсь еще весьма мало. Много было работы солнцу растопить глубокой зимній снѣгъ и согрѣть оледенѣвшую почву. Не скоро, только въ юнѣ мѣсяцѣ, мертвящій холодъ уступилъ мѣсто благотворному теплу.

Переваливъ, въ началѣ іюня, черезъ хребетъ Наратъ, на южномъ склонѣ котораго весенняя флора была еще разнообразнѣе, чѣмъ на Юлдусѣ, экспедиція спустилась на верховья р. Цаппы. Здѣсь сразу измѣнился характеръ климата и растительности: появились еловые лѣса, а по долинамъ и горнымъ склонамъ густая трава достигала уже двухъ футовъ вышины. Дожди падали каждый день; черноземная почва была напитана водою словно губка. То же обиліе влаги встрѣтили путешественники и въ сосѣдней долинѣ Кунгеса. Только здѣсь, при меньшей абсолютной высотѣ, травянистая растительность была еще болѣе развита и богаче цвѣтущими видами. Покончивъ здѣсь съ своими изслѣдованіями, путешественники поспѣшили въ Кульджу, куда и прибыли въ началѣ іюля, усталые и оборванные, но за то съ богатою научною добычею.

„Оглянувшись назадъ“ — такъ г. Пржевальскій заключаетъ свой отчетъ, — „нельзя не сознаться, что счастье вповѣ послужило мнѣ

удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-Нора не удалось бы. Ранѣе, Якубъ-бекъ, еще не боявшійся Китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у Русскихъ, едва ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи печего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя, послѣ недавней смерти Бадуалета, пачали волновать весь Восточный Туркестанъ.“

Что касается научныхъ результатовъ экспедиціи на Лобъ-Норъ, то они заключаются въ слѣдующемъ: 1) сдѣлана маршрутно-глазо-мѣрная съемка всего пути отъ Кульджи на 1,200 верстъ внутрь Азій; 2) астрономически опредѣлена долгота и широта семи пунктовъ; 3) сдѣланъ рядъ барометрическихъ опредѣленій высотъ; 4) произведенъ рядъ метеорологическихъ наблюденій — четыре раза въ сутки; 5) составлены этнографическія описанія неизвѣстныхъ до послѣдняго времени народовъ, живущихъ въ бассейнѣ нижняго Тарима и на Лобъ-Норѣ; 6) специально изслѣдована мѣстная фауна: млекопитающихъ найдено вмѣстѣ съ домашними 55 видовъ, и птицъ 218 видовъ; 7) собраны коллекціи зоологическая и ботаническая; въ первой величайшую рѣдкость составляютъ четыре экземпляра дикяго верблюда. Обиліе этихъ результатовъ говоритъ само за себя, и потому нѣтъ надобности распространяться о разнообразныхъ заслугахъ нашего неутомимаго путешественника: одною вышеописанною поѣздкою Н. М. Пржевальскій приобрѣлъ себѣ почетное имя въ кругу современныхъ дѣятелей географической науки.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ТАТАРСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ.

Въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* г. Смирновъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ“, въ которой онъ разбираетъ между прочимъ „Грамматику русскаго языка, составленную для Татаръ Восточной Россіи. Соч. В. Р. (Казань, 1873)“.

Г. Смирновъ начинаетъ съ того, что цѣлую страницу (9 и 10) посвящаетъ разбору предисловія къ „Грамматикѣ“, которое само не занимаетъ и третьей части объема этого разбора. Авторъ главнымъ образомъ не можетъ понять слѣдующаго мѣста: „Грамматика эта имѣетъ быть учебникомъ для всѣхъ Татаръ вообще и въ особенности для шакирдовъ медресъ“. Слова эти объясняются легко: они вытекали изъ положенія палихъ русско-татарскихъ школъ. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, при магометанскихъ медресахъ открыты съ 1870 г. русскіе классы, въ курсъ которыхъ вошло между прочимъ краткое изученіе русской грамматики. Шакирды (то-есть, студенты магометанскаго богословія) этѣхъ медресъ, изучавшіе подробно арабскую грамматику, сами желали введенія этого курса и требовали отъ учителей, чтобы они преподавали имъ грамматику русскаго языка. Учители со своей стороны не знали, какъ принятись за дѣло. Русскія грамматики, издавныя до тѣхъ поръ, не годились, потому что изложены лишь на русскомъ языкѣ; поэтому преподаватели обратились ко мнѣ съ просьбою достать имъ требующія для классовъ грамматики. При такихъ обстоятельствахъ я считалъ лучшимъ средствомъ для достиженія цѣли составить рядъ парадигмъ флексій русскаго языка и соединить эти парадигмы краткимъ объяснительнымъ текстомъ на татарскомъ языкѣ, изъ котораго шакирды могли бы нѣсколько позна-

комиться съ грамматическими правилами. Составить объясненія было не легко, потому что воззрѣнія Арабовъ на грамматику во многихъ отношеніяхъ расходятся съ нашими воззрѣніями, подобная же книга должна имѣть задачей пополнить пробѣлы въ понятіяхъ учениковъ о грамматикѣ вообще и примѣнить знакомыя имъ категоріи къ пониманію русской грамматики. Второе затрудненіе состояло въ томъ, что, по принципу, я употребляю въ книгахъ, издаваемыхъ на татарскомъ языкѣ для нашихъ народныхъ школъ, разговорный татарскій языкъ, писать же на этомъ языкѣ сжатая грамматическія объясненія очень трудно. Сколько разъ каждая фраза была переписана и передѣлана для того, чтобы точнѣе выразить мысль! Сколько разъ отчаявался я въ возможности изложить то, что требовалось, простымъ разговорнымъ языкомъ! Наконецъ, послѣ продолжительныхъ трудовъ, татарскій текстъ былъ составленъ. Для ознакомленія учениковъ съ нашей терминологіей въ этотъ текстъ были внесены въ скобкахъ всѣ русскіе термины, какъ это сдѣлано между прочимъ г. Николічемъ въ русской грамматикѣ для Нѣмцевъ. Кромѣ того, для ближайшаго объясненія русскихъ терминовъ иногда былъ поставленъ арабскій терминъ и дословный татарскій переводъ русскаго термина. Последнее было возможно только при введеніи множества неологизмовъ, а такъ какъ неприродный Татаринъ легко можетъ ошибиться при образованіи неологизмовъ, то относительно каждаго новаго термина я совѣтовался предварительно съ лицами, которымъ я выразилъ въ предисловіи свою благодарность за оказанную ими мнѣ помощь.

Что первоначальная грамматика чужаго языка должна быть составлена на родномъ языкѣ учениковъ, это всеобщее ирипятый принципъ, и всѣ грамматики нѣмецкія, французскія, латинскія и греческія, употребляемыя въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, составлены по русски. Даже Татары, вовсе не знаменитые педагоги, учатъ въ медресахъ арабской этимологіи по руководствамъ, составленнымъ на татарскомъ языкѣ.

Когда татарскій текстъ былъ уже изготовленъ къ печати, во мнѣ пробудилось сомнѣніе, въ состояніи ли учителя, получившіе образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, точно понимать этотъ татарскій текстъ, и я рѣшился составить для означенныхъ учителей дословный русскій переводъ татарскаго текста. Тутъ новое затрудненіе. Бѣдность не разработаннаго разговорнаго языка придала дословному переводу скучный и однообразный характеръ, и дословный переводъ оказывался просто невозможнымъ, когда я желалъ какъ-нибудь сносно

выразить фразу по русски. По совѣту извѣстнаго оріенталиста Н. И. Ильминскаго, я предпочелъ пожертвовать исправностью русскаго слова и по возможности строже держаться дословнаго перевода. Удивительно ли послѣ того, что дословный русскій переводъ наполненъ татаризмами, и не странно ли, что мой критикъ не замѣтилъ причины этихъ погрѣшностей?

Обратимся теперь къ объясненію словъ предисловія. Наша грамматика составлена для шакирдовъ, знающихъ арабскую грамматику, и должна служить для нихъ руководствомъ; для нихъ писанъ и татарскій текстъ; русскій же переводъ служитъ облегченіемъ для учителей. А такъ какъ въ другихъ школахъ тоже необходимо упражняться въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, то эта грамматика можетъ служить и въ другихъ школахъ учебнымъ пособіемъ для учителей.

Я не имѣю намѣренія разбирать подробно критику г. Смирнова. Сознаюсь, что въ моей грамматикѣ дѣйствительно громадное число опечатокъ и неточностей, что отчасти произошло отъ того, что она была набрана Татариномъ, почти не знающимъ по русски, отчасти же отъ того, что во время печатанія я нѣсколько разъ падался въ отлучки. Объ этомъ недостатокѣ перваго изданія грамматики я крайне сожалею и очень благодаренъ г. Смирнову, что онъ съ такимъ терпѣніемъ разсмотрѣлъ ее, такъ что его указанія послужатъ для улучшенія втораго изданія, которое уже готовится. (Первое изданіе, какъ оныѣ, было отпечатано только въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ и совершенно разошлось). Но значительное число замѣтокъ ученаго рецензента все-таки нужно считать придирками. Авторъ нигдѣ не обнаруживаетъ желанія исправить мои ошибки, но только старается выставить невѣжество сочинителя. Въ доказательство этого разберу начало критики.

§ 1. Г. Смирновъ не взялъ въ соображеніе, что параграфъ этотъ нуженъ для шакирдовъ, которыхъ арабская грамматика учила, что слово состоитъ изъ буквъ; онъ необходимъ для объясненія слѣдующихъ параграфовъ, доказывающихъ невѣрное воззрѣніе арабской грамматики. Замѣтка объ опечаткахъ есть чистая придирка; ясно видно, что при печатаніи отпали 4 крайнія буквы. Слово „отдѣльный“ правда, не ловко употреблено; слѣдовало сказать: „ему только свойственные отѣлки“. Татарское слово „бирдан“ (sic) не соответствуетъ слову „отдѣльные“, а слову „общее“: видно, что г. Смирновъ вовсе не понималъ татарскаго текста.

§ 5. „Собственный голосъ“—не метафора, а дословный переводъ

слова „таушъ“, и кромѣ того, употреблено для разъясненія слова „гласныя“.

§ 9. „Выдыханіе“—переводъ татарскаго слова „тин чыгаруы. Опре-
дѣленіе это было необходимо, потому что Татары называютъ „сло-
гомъ“ совершенно другое.

§ 14. „Словъ“ есть отпечатка; это ясно изъ того, что „миръ“
набрапо курсивно, и послѣ него нѣтъ запятой, которую поставилъ
г. Смирновъ. Примѣчаніе объ *i* и *и*—придирка: наши учителя не
знаютъ другаго названія.

Упомянутыя послѣ этого выраженія, рѣжущія русское ухо, про-
исходятъ отъ дословнаго перевода татарскаго текста.

§ 39. „На мѣсто“=вмѣсто, моя личная ошибка, какъ я могъ убѣ-
диться изъ рукописи.

Замѣчаніе о § 35 сдѣлано г. Смирновымъ для краснаго словца.

§ 42. Я согласенъ, что дословный переводъ съ татарскаго не
хорошо переданъ по русски, но думаю, что г. Смирновъ все-таки по-
нялъ смыслъ, не смотря на увѣреніе въ противномъ.

Замѣчаніе о 26-й страницѣ справедливо; правило, изложенное
тутъ, не полно, но если ученый рецензентъ желалъ помочь дѣлу, онъ
долженъ былъ бы дополнить его, говоря: „слова на *а, р, и, с*“. То,
что авторъ возражаетъ противъ склоненія словъ на „ей“, какъ напри-
мѣръ, „соловей“, болѣе чѣмъ наивно. Желалъ ли онъ, чтобъ я изъяснилъ
ученикамъ, откуда является эта неправильность: что слова на „ей“
склоняются совершенно такъ, какъ слова на „енъ“, и что неправиль-
ность происходитъ отъ силлабическаго графическаго принципа рус-
скаго алфавита „соловей, соловѣя, соловѣю“ и т. д.

§ 62. Для Татарина, знающаго только правильное склоненіе, всѣ
обозначенныя въ этомъ параграфѣ формы множественнаго числа явля-
ются неправильностями. Желалъ ли г. Смирновъ, чтобъ я объяснилъ
причину всѣхъ неправильностей, что слова *братья, друзья* и т. д. по
своему происхожденію не множественное число, а собирательныя имена
женскаго рода?

§ 65. „Господь“ вмѣсто „Господи“—опечатка.

Думаю, что читатель могъ изъ вышесказаннаго достаточно убѣ-
диться, что пріемъ г. Смирнова совершенно своеобразный: онъ ра-
дуется, отыскавъ опечатку, неточность и довольствуется тѣмъ, что
ставитъ „sic“ или прибавляетъ насмѣшливое примѣчаніе.

Теперь обращаюсь къ той части грамматики, которую я осмѣлился
въ предисловіи назвать самостоятельной работой, и на которую болѣе

всего нападаетъ г. Смирновъ. Словами „самостоятельная работа“ очень недоволенъ мой критикъ; онъ видитъ въ этой части моей грамматики бессмысленный хаосъ и утверждаетъ, что ее составлялъ человѣкъ, не имѣющій понятія о формахъ русскаго глагола. Такая строгая критика принуждаетъ меня представить на судъ читателей, кто изъ насъ заслуживаетъ порицанія, а такъ какъ грамматика моя знакома только весьма незначительному числу читателей, то я долженъ самъ болѣе подробно указать на причины, побудившія меня изложить ученіе о глаголѣ способомъ, отличнымъ отъ способа учебниковъ, употребляемыхъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, надѣюсь, что подобное объясненіе не будетъ безъ интереса для педагоговъ.

При составленіи учебника грамматики я долженъ былъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на умственное развитіе учениковъ, для которыхъ назначенъ былъ учебникъ. Ученики русскихъ классовъ при медресахъ большею частью почти взрослые люди отъ 15—25 лѣтъ, знающіе очень плохо по русски, изучавшіе подробно этимологію и синтаксисъ арабскаго языка, но не имѣющіе понятія о грамматикѣ роднаго языка. Познанія ихъ въ арабскомъ языкѣ очень тверды, — объ этомъ я могу засвидѣтельствовать вопреки увѣреніямъ г. Смирнова. Кромѣ того, ученики медресъ изучали арабскую грамматику съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ изучаются священные книги, и считаютъ грамматическія правила неопровержимыми догматами. Всякій человѣкъ, знающій арабскій языкъ, легко пойметъ, что познанія, извлеченныя изъ арабской грамматики по арабскимъ источникамъ, могутъ помочь ученику при изученіи русской грамматики только для пониманія грамматическихъ категорій и для синтаксическихъ объясненій, но что пріобрѣтенныя такимъ путемъ познанія не въ состояніи облегчить пониманіе фонетическаго строя и флексій измѣняемыхъ частей рѣчи русскаго языка. Родной же языкъ учениковъ, который они знаютъ только практически, есть языкъ аглутинирующій и еще далѣе отстоящій отъ фонетики и флексій русскаго языка, чѣмъ арабскій, а поэтому въ немъ нельзя найти необходимыхъ данныхъ для сравненія съ русскимъ языкомъ. Наконецъ, незваніе учениками русскаго языка препятствуетъ тому, чтобы искать матеріалъ для объясненій въ самомъ же русскомъ языкѣ.

При такихъ обстоятельствахъ изложеніе спряженія русскаго глагола представляло громадныя затрудненія. Въдѣ и для самихъ Русскихъ это спряженіе остается непонятнымъ, и до сихъ поръ оно еще

не окончательно разработано, потому что требуется, для своего объясненія, полнаго знанія исторической грамматики всѣхъ славянскихъ языковъ, и кромѣ того, русскія слова писаны по силлабическому графическому принципу, препятствующему понимать истинныя причины фонетическихъ измѣненій.

Учебникъ нашъ имѣлъ единственною цѣлью объяснить флексіи русскихъ словъ, и потому и долженъ былъ по возможности сократить синтаксическія опредѣленія. Это было облегчено познаніями учениковъ въ арабской грамматикѣ, и я дѣлалъ болѣе обстоятельныя опредѣленія только тогда, когда побуждало меня къ тому особое воззрѣніе Арабовъ на извѣстный вопросъ.

Для примѣра я приведу здѣсь § 108.

„Глаголь показываетъ дѣйствіе и состояніе предметовъ, поэтому мы раздѣляемъ глаголы: 1) на глаголы дѣйствительные или переходящіе; 2) на средніе или не переходящіе. Глаголы перемѣняютъ свои окончанія, чтобы выразить времена и лица рѣчи. Эту перемѣну мы называемъ спряженіемъ“.

Раздѣленіе глаголовъ на дѣйствительные и средніе не требовало подробнаго объясненія, потому что арабскіе терминны „шутагади“ и „лазизъ“, находящіеся въ татарскомъ текстѣ, вполне опредѣляютъ названныя категоріи; напротивъ того, объясненіе слова „спряженіе“ потребовалось потому, что такое слово не имѣетъ соответствующаго арабскаго термина.

Затѣмъ, при составленіи учебника я долженъ былъ обратить вниманіе на степень образованія учителей, которымъ предстояло заниматься по моей грамматикѣ. Незначительное вознагражденіе за это преподаваніе едва ли даетъ возможность опредѣлять учителей, получившихъ какое-нибудь высшее образованіе, и мы должны радоваться—по крайней мѣрѣ въ настоящее время,—если имѣемъ учителей, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ. Понятно, что отъ такихъ учителей нельзя требовать научнаго взгляда на фонетику славянскихъ нарѣчій, и всякое объясненіе, выходящее изъ круга ихъ понятій, не облегчило бы пониманіе формъ, но напротивъ того, еще болѣе запутало бы ихъ слабыя познанія.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ составить рядъ практическихъ, какъ можно болѣе опредѣленныхъ правилъ, такъ чтобы ученикъ могъ усвоить себѣ практическимъ путемъ всѣ флексіи измѣняемыхъ частей рѣчи русскаго языка.

Теперь обращаюсь къ изложенію глагола, и представляя общій ходъ этого изложенія, присоединю необходимыя замѣчанія.

І. Предварительныя понятія о глаголѣ.

Перечисленіе всѣхъ глагольных формъ: § 109. Наклоненія, времена. — § 110. Причастныя формы. — § 111. Дѣепричастія. — § 112. Paradigma: я работаю. — § 113. Объ основахъ и о неопредѣленномъ наклоненіи.

Я хорошо понимаю, что совершенно неудобно принимать восточною точкою для образованія спряженія неопредѣленную форму (которую, по призыву русскихъ грамматикъ, я называю наклоненіемъ, хотя она не имѣетъ ничего общаго съ наклоненіями). Но такъ какъ всѣ словари и грамматики принимаютъ эту форму основаніемъ глагола, то и я былъ вынужденъ покориться этому обычаю. Чтобы облегчить образованіе остальныхъ глагольных формъ отъ неопредѣленной формы, я составилъ рядъ правилъ для нахождения такого состава глагольнаго корня, который могъ бы служить для болѣе легкаго производства этихъ формъ. Означенный составъ корня я назвалъ основой и объяснилъ его арабскимъ терминомъ „асл“, который представлялъ для учениковъ совершенно опредѣленное понятіе, соответствующее русскому термину.

Основы эти приведены въ томъ порядкѣ, какой показался практичнымъ для образованія остальныхъ формъ:

1) Основы, оканчивающіяся на гласную букву: *а, я, ѣ* (сохраняющія эти буквы во всѣхъ формахъ), *ова, сва, ы* (перемѣняющія эти окончанія на *у, ю, о*), *о, у* (отбрасываемыя при образованіи настоящаго времени) *на, са* (перемѣняющія эти слогі на *ч, ш*).

2) Основы, оканчивающіяся на твердую согласную букву *т, д* (выбрасываемыя въ прошедшемъ времени), *б, с, з* (сохраняемыя всегда), *н, ѣ* (измѣняющіяся на *ч* и *ж*).

3) Основы, оканчивающіяся на смягченную согласную букву *лъ, рь, чь, нь* (сохраняемыя во всѣхъ формахъ), *ть, дь* (измѣняющіяся на *ч* и *ж*), *бь, нь, вь, мь*.

Приведенныя мною основы не имѣютъ притязанія быть дѣйствительными историческими основами, объясненіе коихъ только затрудняло бы безъ того трудное для шакирдовъ спряженіе. Возможно ли объяснить научнымъ образомъ настоящее производство этихъ основъ дѣтями, да еще инородцамъ, не знающимъ ни русскаго языка, ни другихъ славянскихъ нарѣчій, не говорящимъ даже ни на одномъ изъ языковъ индо-европейской семьи? Не останутся же такія полунауч-

ныя объясненія непонятнымъ для учениковъ наборомъ словъ, выдаваемымъ за научную истину? Какъ объяснить, напримѣръ, вставку буквы *о* въ глаголъ „колотъ“? Считаетъ ли г. Смирновъ возможнымъ объясненіе этой вставки инородцамъ, да еще народными учителями? Тогда потребовалось бы также объясненіе неокончательнаго наклоненія какъ дательнаго падежа отглагольнаго имени, указаніе на основно-славянскую невозможность оканчивать слоги согласными звуками. Чтобы понять все это, необходимо знаніе исторической грамматики.

кол-т-и = кол-о-т-и = колотъ

мел-ко = мол-ко = мол-о-ко

гал-ва = гол-ва = гол-о-ва

(Bart, barba) бар-да = бар-да = бор-о-да.

Такія объясненія въ народной школѣ невозможны. Не проще ли наше правило: „Глаголы на *отъ* имѣютъ основу на *о*, и эта буква при образованіи настоящаго времени отбрасывается“? Или можно ли касаться объясненія перехода *ж* и *и* : основы на *ч* и *ж* въ словахъ „беречь“, „печь“:

$$\left. \begin{array}{l} \text{гт} \\ \text{кт} \end{array} \right\} = \text{тj} = \left\{ \begin{array}{l} \text{шт (др.-болг.)} \\ \text{ч (русск.)} \\ \text{ц (польск.)} \\ \text{h (сербск.)} \end{array} \right.$$

(bergen) берг-т-и = бер-кт-и = бер-тj-и = бер-е-ч-(и) = беречь

пек-т-и = пе-кт-и = пе-тj-и = печь

Какъ объяснить эти переходы безъ сравнительной грамматики и строгаго изученія звуковыхъ законовъ не только славянскихъ, но вообще всѣхъ индо-европейскихъ языковъ?

Что касается трудности дать ученикамъ понятіе о глагольныхъ основахъ, то я позволяю себѣ описать, какъ это дѣлается въ казанской татарской учительской школѣ. гдѣ я могъ убѣдиться, что подобное ученіе не причиняло ученикамъ ни малѣйшаго затрудненія. Учитель сначала просилъ учениковъ образоватъ нѣкоторыя формы татарскаго глагола и доводилъ ихъ вопросами до того, что они находили сами, что въ татарскомъ спряженіи основой служить второе лицо повелительнаго наклоненія ¹⁾. Послѣ этого учитель обращался

¹⁾ Г. Смирновъ спрашиваетъ: есть ли такіе языки, гдѣ основы существуютъ самостоятельно? Значитъ ему неизвѣстны спряженія тюркскихъ глаголовъ; но есть еще много другихъ языковъ, даже индо-европейскихъ, съ самостоятельно употребляемыми основами, не говоря уже о санскритскомъ языкѣ — какъ напримѣръ, латинскій: ama! mone! audi! греческій: φίρε, λόε! славянскій: жено, рече.

къ формамъ глагола: „работать“, и ученики убѣждались, что адѣсь нельзя найдти такой самостоятельной формы, которая могла бы служить основой, но что во всѣхъ формахъ находятся три слога „работа“, къ которымъ прибавляются всегда окончанія спряженія. Эти три слога были названы *основой* („асл“), и было объяснено, что эта основа въ русскомъ языкѣ не употребляется въ живой рѣчи. Пройденная такимъ образомъ глава объ основахъ не представляла никакого затрудненія, и ученики приучивались отыскивать основы въ теченіе какого-нибудь полчаса.

§ 114. Прошедшее время. Образование прошедшаго времени изъ вышеупомянутыхъ основъ не представляетъ никакого затрудненія. Я устанавливаю для этого образования три правила. Прошедшее время образуется:

- 1) изъ основъ, оканчивающихся на гласную букву и на *т* и *д* чрезъ прибавленіе окончаній *лъ, ла, ло, ли*;
- 2) изъ основъ, оканчивающихся на смягченную согласную букву чрезъ прибавленіе окончаній: *илъ, ила, ило, или*;
- 3) изъ основъ, оканчивающихся на твердыя согласныя буквы чрезъ прибавленіе *ъ, а, ло, ли*.

Здѣсь же приведено нѣсколько глаголовъ, отступающихъ отъ этихъ правилъ: а) глаголы на *среть*, б) глаголы на *нуть*, отбрасывающіе *ну, в)* неправильные *шелъ* и *ошибся*.

Образованіе прошедшаго времени было усвоено учениками въ одинъ и тотъ же урокъ, вмѣстѣ съ предыдущею главою.

Упомянутые выше глаголы на *среть* (умереть—умеръ) приведены въ видѣ исключенія, потому что мнѣ не хотѣлось устанавливать отдѣльную основу на *р* для трехъ глаголовъ, и слова: „какъ будто основа ихъ оканчивается на согласную букву“ относятся къ правилу § 113, гдѣ не приведены основы на *р*. Очевидно, г. Смирновъ не понималъ въ чемъ здѣсь дѣло; иначе онъ не сталъ бы придираться къ этимъ словамъ.

§ 116. Настоящее время вообще. Здѣсь, по весьма понятной причинѣ, я раздѣлилъ глаголы на два спряженія: 1) *ю (у), ешь, етъ, ежъ, ете, ютъ (утъ)*; 2) *ю (у) ишь, итъ, имъ, ите, ятъ (атъ)*; я не объяснял причины этого двоякаго спряженія, а просто сказалъ, что глаголы, основы которыхъ оканчиваются на гласную и на твердую согласную букву, спрягаются по первому спряженію, а глаголы съ основами на смягченную согласную букву—по второму.

Какъ же было поступить иначе? Желаетъ ли г. Смирновъ, чтобъ

я объяснял это дѣло историческимъ путемъ? Какъ было растолковать, что первое спряженіе вставляетъ тематическій слогъ *je* (е), а второе прибавляетъ окончанія прямо къ основамъ на *и*, не отличая общеглагольныхъ основъ отъ основъ настоящаго времени? Считаетъ ли онъ практичнымъ объяснить вполнѣдствіи слитіе тематическаго *je* съ предыдущимъ согласнымъ звукомъ и выразить это лингвистическимъ алфавитомъ, потому что вѣдь русскій алфавитъ при господствующемъ въ его теперешнемъ примѣненіи сллلابическомъ графическомъ принципѣ не годится для нагляднаго объясненія этого процесса:

пис-а-т-и=пис-је-у=пишу, пис-је-т, пи-ш-еть
во-јѣв-а-т-и=во-јеу-је-у=во-ю-ю, во-јеу-је-тъ=во-ю-еть
цѣл-ов-а-т-и=цѣл-ау-је-у=цѣлу-ю, цѣл-ау-је-т=ца-лу-еть
клик-а-т-и=кли-кје-у=кли-ч-у, кли-кје-тъ=кли-ч-еть.

Я увѣренъ, что практическія мои правила понятнѣе для шакирховъ и для ихъ учителей.

§ 117—126. Разные классы настоящаго времени. Для образованія настоящаго времени, я раздѣлилъ глаголы на девять классовъ, изъ которыхъ первые шесть принимаютъ окончанія перваго спряженія, а послѣдніе три — окончанія втораго спряженія. Классы эти соотвѣтствуютъ по своему порядку основамъ, приведеннымъ въ § 113. Они суть слѣдующіе:

І. Спряженіе.

І классъ—основы на *а*, *я*, *ь*—прибавляютъ окончанія безъ перемѣны основы.

ІІ классъ—основы на *ова*, *ева*, *ы*—перемѣняютъ окончанія основы: *оа* на *у*, *еа* на *ю*, *ы* на *о*.

ІІІ классъ—основы на *о*, *у*—отбрасываютъ эти гласныя буквы отъ основы.

ІV классъ—основы на *ка*, *та*, *за*, *са*, *ска*—перемѣняютъ эти послѣдніе слоги основъ
ка на *ч*, *та* на *ж*, *са*
на *ш*, *ска* на *щ*.

V классъ—основы на *б*, *д*, *з*, *с*—прибавляютъ окончанія, не измѣняя основы.

VI классъ—основы на *к*, *т*—перемѣняютъ во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и въ 1-мъ и 2-мъ лицахъ множественнаго числа *к* на *ч*, *т* на *ж*.

Перехожу ко второму спрашенію:

VII классъ—основы на *ль, рь, чь, жь, шь*—прибавляютъ оконча-
нія, не измѣняя основы.

VIII классъ—основы на *бь, вь, мь, нь*—вставляютъ въ первое мѣ-
лицѣ единственнаго числа
букву *ль*.

IX классъ—основы на *сь, зь, нь, дь, сть*—измѣняютъ въ первомъ
лицѣ единственнаго чи-
сла послѣднія буквы:
с на *ш*, *з*, *д* на *ж*, *т*
на *ч*, *ст* на *щ*.

Что вышеозначенные классы составлены только въ видахъ прак-
тическаго изученія для инородцевъ, объ этомъ едва ли нужно здѣсь
упоминать; это, я полагаю, сейчасъ же замѣтитъ всякій, кто загля-
нетъ въ нихъ повнимательнѣе. Мнѣ нечего было здѣсь гоняться за
ученостію. Могу увѣрить г. Смирнова, что я хорошо понимаю, что
научное изложеніе спряженія должно быть совершенно другое; я во-
все не возвращаюсь къ отжившимъ ученіямъ, но только руковод-
ствовался педагогическими соображеніями. Я былъ бы очень благода-
ренъ г. Смирнову, еслибы онъ сдѣлалъ какія нибудь улучшенія въ
моей системѣ, которая—сознаюсь въ этомъ—имѣетъ много недостат-
ковъ, но этихъ именно-то недостатковъ и не замѣтилъ мой критикъ.
Если г. Смирновъ издастъ когда-нибудь грамматику, годную для на-
шихъ школъ, увѣряю его, что не стану продолжать своихъ трудовъ
на этомъ довольно чуждомъ для меня поприщѣ.

§ 127. Неправильное образованіе настоящаго времени. Выставивъ
вышеупомянутые девять классовъ настоящаго времени, я, понятно,
былъ принужденъ считать всѣ глаголы, не подходящіе подъ эти ру-
брики, отступающими отъ общихъ правилъ. Это кажется мнѣ на
столько яснымъ, что я не могу себѣ и представить, какъ слѣдовало
бы поступить иначе. Удивительнѣе всего, что г. Смирновъ и надъ
этимъ любезно насмѣхается. Учившись по латини или по гречески,
г. Смирновъ впалъ, конечно, нѣкоторыя изъ грамматикъ, употребле-
мыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ,—Кюнера, Цумпта, Шульца,
Беллермана, Бутмана и т. д. У нихъ дѣло изложено совершенно
также, какъ въ моей грамматикѣ. Они выставляютъ образцы правиль-
наго спряженія и называютъ всѣ отступленія неправильностями. Ду-
мастъ ли г. Смирновъ, что всѣ эти филологи не знали, отчего про-
исходятъ эти неправильности латинскаго или греческаго спряженія?

Только Нидерле и Курціусъ стараются ввести болѣе научные взгляды на флексіи греческаго языка и въ пизншихъ классахъ гимназій, но ихъ система далеко не принята всѣми педагогами. Совѣтую г. Смирнову прочесть по этому поводу возраженія, сдѣланныя Курціусу Крюгеромъ, и предисловіе къ латинской грамматикѣ Шульца, и онъ, можетъ быть, убѣдится, что я не одинъ воинъ въ полѣ, что я имѣлъ болѣе права употребить практическую систему, ибо названные мною ученые писали для гимназистовъ, я же писалъ для народныхъ школъ.

Отступленія отъ общихъ правилъ спряженія опять введены въ опредѣленную систему и раздѣлены на девять главныхъ категорій, обозначенныхъ римскими цифрами; четыре же второстепенныя отступленія отъ перваго главнаго отступленія обозначены арабскими цифрами.

I. Отбрасываніе отъ основъ послѣднихъ гласныхъ буквъ *а, я, ѣ*: 1) опредѣленіе класса, по которому образуется настоящее время послѣ отбрасыванія гласной буквы (звука); 2) прибавленіе буквы; 3) расширеніе основы; 4) не подходящія подъ классы.

II. Переимѣна конечной гласной буквы.

III. Глаголы на *за, да, та, ха*, спрягаемые по V классу.

IV. Неправильные на *у*.

V. Неправильные на *о*.

VI. Глаголы съ главною буквою предъ окончаніемъ *ить*.

VII. Основы на *тъ*, образующіе неправильно первое лицо.

VIII. Основы, прибавляющія букву.

IX. Неправильные глаголы (apomalia).

Значительное число неправильныхъ глаголовъ встрѣчается только въ первой категоріи. Чтобы дать понятіе объ этихъ таблицахъ, я позволяю себѣ сдѣлать болѣе обстоятельный обзоръ перваго подраздѣленія первой категоріи, то-есть, образованіе неправильнаго настоящаго времени глаголовъ, основа коихъ оканчивается на *а*.

I а. Глаголы, основа коихъ оканчивается на *а*, которые отбрасываютъ гласную букву *а* при образованіи настоящаго времени:

1) Отбросить спрягаются по I-му классу: *ора(ть)*, *ор-ю*, *-ешь* и т. д.; 2) по пятому классу: *ора(ть)*, *ор-у*, *-ешь*; 3) по шестому классу: *лг(а)ть*, *лг-у*, *лж-ешь* и т. д.; 4) по седьмому классу: *бренча(ть)*, *бренч-у*, *-ишь* и т. д.; 5) по восьмому классу: *спа(ть)*, *сп-л-ю*, *сп-ишь* и т. д.; 6) прибавляя буквы *а, н, ж*, *дрема(ть)*, *дрем-л-ю*, *-л-ешь* и т. д.; *жа(ть)*, *ж-н-у*, *-н-ешь* и т. д.; *жа(ть)*, *ж-м-у*, *-м-ешь* и т. д.; 7) расширяютъ основу вставленіемъ гласной буквы: *бра(ть)*, *б-е-р-у*, *ешь*

и т. д.; гна(ть), го-н-ю, -ишь и т. д.; 8) неподходящія подъ классы: ѣха(ть), ѣ-д-у, -ешь и т. д.; (по)сла(ть), шл-ю, -ешь и т. д.; бѣжа(ть), бѣ-г-у, бѣжишь бѣг-уть.

Здѣсь приведено только по одному примѣру; напротивъ того, въ моей грамматикѣ я старался дать по возможности полный списокъ означенныхъ глаголовъ. Пробѣлы въ этомъ отношеніи будутъ дополнены въ слѣдующемъ изданіи. Такимъ образомъ мои таблицы въ состояніи служить ученикамъ и справочною книгою для вѣрнаго опредѣленія спряженія любого глагола встрѣчаемаго учениками.

Насмѣшки г. Смирнова надъ „не подходящими подъ классы“ глаголами ясно показываютъ, что онъ опять не понялъ моего раздѣленія. Какъ можно называть его исключеніемъ изъ исключеній? Главная его неправильность состоитъ въ отбрасываніи основы *а*; подъ эту рубрику подходитъ глаголъ *ѣхать* (основа *ѣх(а)*), но класса, въ которомъ *х* перешла бы на *д*, нѣтъ въ нашемъ раздѣленіи, поэтому и слѣдуетъ считать его не подходящимъ подъ классы. Точно также „бѣжать“ (основа *бѣж(а)*) спрягасмал, какъ будто это глаголъ VI класса, но принимающая въ 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 1-мъ и 2-мъ лицахъ множественнаго числа окончанія втораго спряженія.

Г. Смирновъ во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ какъ будто обвиняетъ меня въ незнаніи причинъ этихъ неправильностей и желаетъ всегда между строками учить меня, но въ то же время, довольствуется одними только намеками! Такъ напримѣръ, и послѣ *жати*, *жму* и *жеть*, *жму* ставитъ онъ свой обычный *зис*. Думаетъ ли г. Смирновъ, что я предполагаю, будто эти *ж* и *н* дѣйствительно вставны?

$$\left. \begin{array}{l} \text{жоп-т-и} = \text{ж-(п)с-ти} \\ \text{ж-л-т-и} \end{array} \right\} \text{жать.}$$

$$\left. \begin{array}{l} \text{жем-т-и} = \text{жен-т-и} = \text{ж-(м)с-ти} \\ \text{ж-л-т-и} \end{array} \right\} \text{жеть.}$$

Неправильность здѣсь, очевидно, въ неопредѣленномъ наклоненіи по идѣ моей задачей было объяснить ображенье настоящаго времени изъ неопредѣленнаго наклоненія. Такое же обратное образованіе представлено мною при глаголахъ:

$$(\text{егге}) \text{ бер-т-и} = \text{бр-а-ти} = \text{брать}$$

$$\left. \begin{array}{l} \text{мен-т-и} = \text{ме-ти} \\ \text{мл-ти} \end{array} \right\} = \text{мать.}$$

$$\text{мел-ти} = \text{мол-ти} \mid = \text{мол-о-ти} = \text{молоть.}$$

Въ послѣднемъ глаголѣ переходъ *е* на *о* объясняется фонетиче-

скимъ правиломъ, что въ извѣстный періодъ развитія русскаго языка гласный звукъ *е* передъ твердою *л* всегда переходитъ на *о* (мел-ко= мол-ко). Въ настоящее время *е* корня не требовало измѣненія, потому что изъ *лј* образовался смягченный *лъ* (мел-је-ѧ перешло въ мел-ј-ѧ= мелю). Объяснять такіе переходы въ народной школѣ я считаю просто невозможнымъ, а потому и назвалъ глаголы, представляющіе подобныя звуковыя измѣненія, неправильными и выпустилъ всякое полularное объясненіе.

Точно также я поступилъ съ многочисленными глаголами на *ь*, отбрасывающими эту букву и спрягаемыми по второму спряженію (классы VII, VIII, IX), и съ глаголами на *ать*, какъ „держать“, „ворчать“. Всѣ эти глаголы при научномъ объясненіи должны образовывать одинъ отдѣлъ, потому что „держать“ „ворчать“, развились изъ „держѣть“, „ворчѣть“, гдѣ предшествующими шипящими звуками *ч*, *ж*, *ш* обусловленъ переходъ древняго долгаго *е* (то-есть, *ь*) въ *а*.

вор-кѣ-ѣ-ти = вор-чѣ-ти = ворчать
 дер-гѣ-ѣ-ти = дер-жѣ-ти = держать
 велѣ-ѣ-ти = велѣ-ти = велѣть.

Также не научно объясненіе:

пѣть — пою и пить — пью.
 пѣ-ти = пѣ-ти | пѣ-ам = по-у = пою
 пѣ-ти = пѣ-ти | пѣ-ам = пѣ-у = пью,

§ 128. Повелительное наклоненіе. Здѣсь приведены три правила для образованія повелительнаго наклоненія изъ втораго лица настоящаго времени окончаніями: 1) и—ите, 2) ѧ—ѧте, 3) ь—ѧте. Затѣмъ упомянуто о неправильномъ образованіи: пей, бей, лей, шей. Г. Смирновъ считаетъ послѣднее правило лишнимъ или неполнымъ. По крайней мѣрѣ, говоритъ онъ,—слѣдуетъ прибавить: рой, вой" и т. д. Какъ же это? Мы говорили, что повелительное наклоненіе образуется изъ втораго лица настоящаго времени безъ *еши* чрезъ прибавку окончанія повелительнаго наклоненія. Такъ отъ „шьешь“ остается *шь*, слѣдовательно, правильное повелительное наклоненіе было бы *пши*, а между тѣмъ употребляется *пей*, развѣ это правильно? „Вой“ напротивъ того образуется изъ *во—еши*. Что же тутъ неправильнаго?

§ 141. Образованіе дѣпричастій. Этотъ параграфъ можетъ быть немного измѣненъ, но замѣчанія г. Смирнова не представляютъ ничего существеннаго. Что касается формы „давая“, то мнѣ хорошо извѣстно, что она употребляется только съ предлогами.

§ 148. О видахъ глагола. Здѣсь выставлены безъ особыхъ объясненій, виды 1) опредѣленный и неопредѣленный, 2) однократный и многократный, 3) совершенный и несовершенный. Причина, побуждавшая меня помѣстить ученіе о видахъ послѣ образованія настоящаго времени, была та, что безъ объясненій совершеннаго и несовершеннаго видовъ не возможно образовать будущее время. Смѣшивать будущее совершеннаго вида съ настоящимъ, называя ихъ формами настоящаго съ значеніемъ будущаго, оказалось неудобнымъ. Я вполнѣ согласенъ, что эта глава изложена слишкомъ сжато, но я имѣлъ здѣсь дѣло только съ этимологіей русскаго языка; объяснять же значеніе и употребленіе видовъ есть дѣло синтаксиса.

§ 151—153. Возвратные глаголы. Такъ какъ употребленіе возвратныхъ глаголовъ причиняетъ большое затрудненіе Татарамъ, и глаголы эти показываютъ нѣкоторые измѣненія глагольных окончаній, то я посвятилъ имъ особую главу. Сначала упомянуто объ образованіи ихъ посредствомъ окончанія *ся* (сь), а потомъ изложено, что такіе глаголы имѣютъ тройное значеніе: 1) глаголовъ возвратныхъ, 2) взаимныхъ и 3) общихъ. Для болѣе точнаго объясненія показано, что татарскій языкъ имѣетъ такіа же формы, и что эти формы образуются въ татарскомъ языкѣ чрезъ прибавленіе буквъ *н* и *ш*. Въ § 152 приведена *paradigma* спряженія.

Еслибы г. Смирновъ зналъ, какъ трудно удается Татарамъ употребленіе означенныхъ глаголовъ, онъ не удивился бы тому, что я изложилъ ихъ въ особой главѣ. Совершенно напрасно порицаетъ онъ меня за то, что я привелъ правила образованія татарскихъ глаголовъ: по моему, слѣдовало бы порицать, что я прибѣгалъ слишкомъ рѣдко къ такимъ сравненіямъ, которыя лучше всего объясняютъ чужія формы. Во второмъ изданіи постараюсь исправить эту ошибку.

§ 157. Однократный видъ. Здѣсь показано спряженіе однократныхъ глаголовъ оканчивающихся на *нутъ*. Общее правило § 157 слѣдующее: „Однократный видъ образуется изъ такихъ глаголовъ, значеніе которыхъ допускаетъ однократность и мгновенность, то-есть, изъ глаголовъ, выражающихъ движеніе и звукъ“. Въ этомъ правилѣ г. Смирновъ усматриваетъ ошибку противъ логики. Всякій, я думаю, понимаетъ, что послѣ „то-есть“ я хотѣлъ выставить для примѣра два значенія глаголовъ, допускающихъ мгновенность. Слѣдовало, пожалуй, послѣ „то-есть“ поставить слово, „напримѣръ“ или „какъ“ или прибавить еще нѣкоторые другія значенія.

§ 159—161. Образование многократнаго вида. Здѣсьставляются,

вопервыхъ, тѣ перемѣны основъ глаголовъ, которыми происходятъ при образованіи этого вида; потомъ приводятся окончанія: *идить, идать, вать, ать, лить*, образующія многократный видъ, и указанія, въ какихъ случаяхъ эти окончанія употребляются; наконецъ, приведены тѣ глаголы, которые образуютъ многократный видъ не окончаніями, но перемѣнами глагольныхъ основъ, то-есть, односложныхъ глаголовъ, расширяющихъ основы вставкою гласныхъ, какъ *наприхѣръ брать*, — *бйрать, звать* — *зйвать, жать* — *жймать*. Я ставилъ простыя формы этихъ глаголовъ, которые большею частью употребляются только съ предлогами, *ждать, вмѣсто ожидать или дожидаться*. Въ этомъ я слѣдовалъ прихѣру г. Николича. Но г. Смирновъ выставилъ это какъ незнаніе мною русскаго языка.

Не хочу хвалить сдѣланнаго мною изложенія спряженія глаголовъ, но смѣю думать, что общій ходъ этого изложенія слѣдуетъ строгому принципу, вытекающему изъ чисто-педагогическихъ соображеній. Что этотъ первый опытъ страдаетъ многими погрѣшностями, что въ немъ много пробѣловъ — это не удивительно. Но надѣюсь, что всякій безпристрастный судья не назоветъ его хаосомъ, какъ поступилъ мой рецензентъ. Если г. Смирновъ не уяснилъ себѣ хода моего изложенія, то это доказываетъ, что у него мало педагогической опытности, — а же былъ болѣе десяти лѣтъ преподавателемъ языковъ и убѣдился, что грамматика чужаго языка должна быть составлена иначе, чѣмъ грамматика языка роднаго. Что мой трудъ вполне самостоятеленъ, съ этимъ согласится всякій, кто только знакомъ съ русскими грамматиками, составленными для иностранцевъ. Если я упоминалъ объ этомъ въ предисловіи, то не изъ хвастовства, но единственно съ цѣлю принять на себя полную отвѣтственность за придуманное мною изложеніе.

Теперь перехожу къ тому предмету, который собственно и побудилъ меня отвѣчать г. Смирнову, и который я считаю главною цѣлью его критики.

Г. Смирновъ на стр. 22-й и 23-й нападаетъ на татарскій текстъ моей грамматики. По его мнѣнію, задача русской грамматики вовсе не та, чтобы учить Татаръ татарскому языку. Но развѣ мы обучаемъ учениковъ татарскому языку, если стараемся на этомъ для нихъ природномъ языкѣ излагать правила русскаго языка? Можно даже порицать меня за то, что я слишкомъ мало прибѣгалъ къ сравненіямъ съ роднымъ языкомъ учениковъ, потому что подобныя сравненія легче всего объяснить правила чужаго языка. Еслибы даже

ученики начали изучать въ нашихъ школахъ и татарскій языкъ, то и тутъ я не видѣлъ бы вреда. Только изученіе арабскаго языка можетъ замѣтно отвлечь ихъ отъ русской культуры, но не изученіе языка роднаго, который вовсе не служитъ представителемъ и толкователемъ мусульманскихъ стремленій. Авторъ критики болѣе всего нападаетъ на меня за то, что для передачи объясненій на татарскомъ языкѣ я употребилъ шрифтъ арабскій; онъ требуетъ транскрипціи татарскаго текста русскими буквами, да еще безъ всякихъ дополнительныхъ звуковъ. Что же сказалъ бы г. Смирновъ, еслибы кто-ни будь сочинилъ татарскую грамматику для Русскихъ, и ему вздумалось бы изложить всѣ русскія объясненія арабскими буквами? Для кого годилась бы эта грамматика? Между прочимъ, критикъ мой указываетъ на превосходство русскаго алфавита предъ арабскимъ и на то обстоятельство, что никакимъ алфавитомъ нельзя съ точностью обозначать звуки какаго бы то ни было языка. Эта мысль—безспорно вѣрна. Русскій алфавитъ вовсе не передаетъ отчетливо всѣхъ звуковъ русскаго языка, а арабскій алфавитъ еще хуже передаетъ звуки языка татарскаго. Но русскій алфавитъ приспособленъ къ передачѣ звуковъ русскаго языка, какъ и арабскій—къ передачѣ звуковъ татарскаго. Татары, принявъ арабскія буквы, измѣнили отчасти ихъ значеніе такъ что въ настоящее время чужіе знаки соответствуютъ главнымъ законамъ татарскаго языка, такъ напримѣръ, буквы *ка* и *кеф*, *сич* и *седж*, *Гейм* и *Гейф* получили вовсе не свойственную роль служить выраженіемъ гармоніи гласныхъ, для которой арабская азбука не имѣла достаточныхъ знаковъ. Думаетъ ли г. Смирновъ, что возможно употребленіе алфавита, не приспособленнаго къ звуковымъ законамъ того языка, для передачи звуковъ котораго онъ долженъ служить? Пусть онъ попробуетъ написать болѣе обширный французскій текстъ русскими буквами, или русскій текстъ нѣмецкими! Развѣ латинскія буквы Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ одинаковы? Нѣтъ. Онѣ приведены для каждаго изъ этихъ языковъ въ своеобразную систему и эта система, называемая обыкновенно правописаніемъ, упрощалась и устанавливалась лишь въ теченіе продолжительнаго времени и послѣ безчисленныхъ трудовъ. Пусть г. Смирновъ сравнитъ русскую азбуку съ греческою, которая послужила первообразомъ русской. Въ этой послѣдней принять силлабическій графическій принципъ, совершенно чуждый не только греческому, но и непосредственно изъ него развивавшемуся кирилловскому алфавиту, дающему, съ своей стороны, начало русской азбукѣ. Въ русской азбукѣ нѣкоторые

перемены согласныхъ выражаются начертаніемъ слѣдующихъ за ними гласныхъ своеобразно звуковымъ законамъ русскаго языка.

Когда мы желаемъ писать на какомъ-нибудь языкѣ чужимъ алфавитомъ, то должны приспособлять этотъ алфавитъ къ звуковымъ законамъ даннаго языка. А что русская азбука въ такомъ видѣ, въ какомъ она употребляется для русскихъ текстовъ, не годится для передачи текстовъ татарскихъ, въ этомъ долженъ сознаться каждый знатокъ татарскаго языка. Я считаю себя въ этомъ вопросѣ компетентнымъ судьей. Никто—могу это смѣло сказать—болѣе меня не написалъ татарскихъ текстовъ русскими буквами, и я сознаюсь, что болѣе привыкъ писать по татарски русскими буквами, чѣмъ арабскими.

Еще прошлою осенью имѣлъ я случай убѣдиться въ вѣрности этихъ воззрѣній. Я познакомился въ Казани съ капитаномъ Алтынъ-Сарыномъ, Киргизомъ, получившимъ образованіе въ русскомъ учебномъ заведеніи и служившимъ много лѣтъ въ Оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ. Онъ въ первый разъ увидѣлъ у меня изданныя мною киргизскіе тексты; посвятивъ полчаса на разсмотрѣніе этихъ текстовъ, онъ началъ читать ихъ также быстро, какъ русскую книгу, не смотря на то, что при транскрипціи я употребилъ лишніе для практики знаки и даже ввелъ отчасти верусскія буквы. Потомъ я показалъ ему киргизскую хрестоматію г. Терпѣева, писанную подобно текстамъ русскаго языка, безъ всякихъ знаковъ, какъ желаетъ г. Смирновъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ не были въ состояніи добраться до смысла приведенныхъ тамъ текстовъ безъ помощи русскаго перепода. Г. Алтынъ-Сарынъ замѣтилъ, что эта письменность, по его мнѣнію, никогда не можетъ быть употребляема на практикѣ, и что она въ десять разъ затруднительнѣе арабской, которую онъ лично терпѣть не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе г. Алтынъ-Сарына совершенно справедливо. Только такой алфавитъ можетъ у Киргизовъ (или пожалуй и у Татаръ) вытѣснить арабскій, который представилъ бы народу значительное облегченіе. Что и русскимъ алфавитомъ безъ знаковъ можно отчетливо и вѣрно передать татарскій текстъ, это—безспорно. Въ русскомъ алфавитѣ болѣе 30 буквъ, а столькожъ буквъ для татарскаго языка даже и не нужно. Но тогда надо замѣнить сллабическій графическій принципъ русской азбуки. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ создать такіе звуковые принципы, чтобы буквы для обозначенія гласныхъ звуковъ не имѣли отношенія къ предыдущему согласному; такъ что е = é (франц.) э = ö, ю = у, я = ä, и слогъ,

начинающіеся съ согласной j, слѣдовало бѣ обозначать посредствомъ двухъ буквъ ie, iэ, iю, iя и т. д. Тогда всякая сбивчивость устранилась сама собою. Правила же, въ родѣ предлагаемыхъ г. Смирновымъ, а именно, что въ однихъ словахъ буква у должна выговариваться какъ русское у, въ другихъ какъ французское u, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Только та азбука годится для чтенія, которая имѣетъ опредѣленную орфографію и не требуетъ лишней догадливости читателя.

Г. Смирновъ касается и другой стороны вопроса, а именно, возможно ли и удобно ли, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ, вводить въ учебники для Татаръ татарскіе тексты, писанные русскими буквами, и утверждаетъ, что это не только возможно, но даже полезно. Я никакъ не могу согласиться съ его мнѣніемъ. Что полезно распространить русскую азбуку у инородцевъ, которые не имѣютъ своей письменности, каковы крещенные Татары, Черемисы, Вотяки и Киргизы, — въ этомъ я самъ убѣжденъ, и тѣ, которые стараются распространить ее, дѣлаютъ великое благо и государству — и этимъ народамъ. Но положеніе нашихъ Татаръ — совершенно другое. Грамотность у нихъ распространена до такой степени, что — можно смѣло сказать — болѣе 60% умѣютъ писать и читать арабскимъ алфавитомъ. Въ нашихъ краяхъ находятся сотни медресъ, тысячи народныхъ школъ, въ которыхъ болѣе ста тысячъ дѣтей и молодыхъ людей обучаются большую часть года. Въ одной Кавани печатается ежегодно до 100.000 букварей для изученія арабской грамоты. Правительство желаетъ теперь распространить знаніе государственнаго языка среди этого населенія, и самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли является учрежденіе отдѣльных русскихъ классовъ при существующихъ магометанскихъ школахъ. Татары неохотно соглашались на открытіе подобныхъ классовъ. Кромѣ того, они очень подозрительны и постоянно опасаются, что упомянутые классы ведутъ къ ослабленію ихъ религіозныхъ воззрѣній. Всѣ эти обстоятельства тормозятъ благія стремленія правительства, не смотря на безусловную ихъ вѣрность. Нужно ли еще больше увеличивать встрѣчаемыя имъ затрудненія? Должны ли мы вредить своему дѣлу, твердя Татарамъ теперь, когда мы еще не приобрѣли ихъ довѣрія: „ваша письменность нигде не годится, бросьте ее и употребляйте русскія буквы“. Должны ли мы стать въ положеніе враждебное къ мулламъ — учителямъ и дать фанатикамъ поводъ къ распространенію предвѣстныхъ для нашего дѣла слуховъ? Развѣ наши ученики не посѣца-

ють тоже магометанскіи школы? Развѣ они отличаются пѣ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ отъ тѣхъ учениковъ, которые не носѣщаютъ русскихъ классовъ? Какое это не зараженное мусульманскимъ фанатизмомъ юношество, о которомъ упоминаетъ г. Смирновъ, и что онъ подразумеваетъ подъ словомъ русская школа? Нѣтъ, громкими фразами нельзя измѣнить истиннаго положенія дѣлъ! Если мы желаемъ ввести русскій языкъ какъ полезный для Татаръ предметъ въ ихъ школы, то должны связать приобрѣтенныя учениками знанія съ тѣми знаніями, которыя мы намѣрены имъ привить; если же мы убѣдились, что татарскіе тексты, написанные арабскимъ алфавитомъ, служатъ лучшимъ средствомъ для первоначальнаго введенія новаго предмета, то и нужно начать новое ученіе по этимъ книгамъ, и только впослѣдствіи переходить къ книгамъ русскимъ.

Всѣ доводы г. Смирнова нисколько не убѣдили меня въ превосходствѣ употребленія русской транскрипціи. Что Турки открыто высказывались о неудобствѣ арабскаго алфавита, я знаю, и нисколько этому не удивляюсь. Но эти Турки совершенно неправильно называли мусульманскими архистаровѣрами; я думаю, что софты и пшамы не соглашались съ ихъ мнѣніемъ. Въ мусульманскомъ мірѣ, гдѣ я вращаюсь пятнадцать лѣтъ, такіе Турки называются полуневѣрными. У нашихъ Татаръ и у Татаръ Средней Азіи нѣтъ людей съ подобными взглядами; между ними никто не сомнѣвается, что азбука арабская ниспослана самимъ Богомъ, и что истинный мусульманинъ не долженъ писать на своемъ языкѣ другими буквами, какъ только буквами Корана.

Я благодаренъ г. Смирнову за его замѣчанія, которыя могутъ служить для улучшенія втораго изданія грамматики, но говорю впередъ, что и оно будетъ составлено въ духѣ изданія перваго, которое, не смотря на всѣ его недостатки, принесло на практикѣ значительную пользу.

На сколько критика г. Смирнова изобилуетъ замѣчаніями о русскомъ переводѣ моей грамматики, на столько она бѣдна относительно татарскаго текста, который, по моему мнѣнію, и долженъ былъ болѣе всего интересоваться ученаго ориенталиста.

Г. Смирновъ не хочетъ, по видимому, знать звуковыхъ законовъ татарскаго языка, гармонія гласныхъ для него не существуетъ, и едва ли прислушивался онъ къ выговору татарскихъ словъ. Какъ же объяснить себѣ яначе транскрипцію „бир-даі“ вмѣсто „бір-дэй“, „равиши“ вмѣсто „рэуши“ (еслибы это слово выговаривалось „равиш“, то

слѣдовало по крайней мѣрѣ писать „равыши“. Я могъ бы привести еще цѣлый рядъ такихъ ошибокъ, находящихся въ примѣчаніяхъ на счетъ учебника г. Казаса, каковы „дыши“, „джакилыкъ“. То же слѣдуетъ сказать и о грамматическихъ замѣчаніяхъ г. Смирнова: я перевелъ слово „страдательный залогъ“ сложнымъ словомъ „азаб рэуши“: это г. Смирнову не нравится. Онъ нашелъ, что у меня гдѣ-то переведено слово „мученіе“ черезъ „изаб“: говорить, что персидское слово „равыши“ означаетъ походку, походженіе; слѣдовательно, по мнѣнію его, „азаб раваша“ значитъ „поучительная походка“, или „походженіе“. Не говоря ужь о томъ, что „азаб“ значитъ: мученіе и страданіе, и что слово „рэуш“ не значитъ по татарски походка или походженіе, но „видъ“ „положеніе“ (впрочемъ это слово имѣетъ такое же значеніе и въ персидскомъ языкѣ), г. Смирновъ своимъ переводомъ доказываетъ только, что ему еще неизвѣстно, что сопоставленіе двухъ именъ существительныхъ можетъ выразить двойное понятіе. Если два слова просто сопоставляются въ *casus indefinitus*, тогда первое принимаетъ значеніе прилагательнаго; если же при сопоставленіи двухъ именъ существительныхъ въ *casus indefinitus* ко второму имени прибавляется иѣстоименіе притяжательное третьяго лица, то первое слово принимаетъ значеніе родительнаго падежа, и потому „азаб рэуши“ значитъ: „состояніе страданія“ совершенно также, какъ нѣмецкое: *Leidensform*. Такое сопоставленіе именъ весьма обыкновенно во всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ (Казанъ каласы, *la ville de Kazan*, Идил крымъ, берегъ Волги и т. д.). Такимъ образомъ надѣюсь, слово „азаб рэуши“ не хуже передаетъ понятіе „страдательный залогъ“, чѣмъ латинскій терминъ *vox passiva*¹⁾.

А вотъ еще одна странность въ критикѣ г. Смирнова. Русскіе знаки препинанія я назвалъ въ татарскомъ текстѣ такъ, какъ ихъ уже называли ученики русскихъ классовъ раньше изданія моей грамматики. Такъ напримѣръ, „запятая“ названа „ютюр“ (утур). Г. Смирновъ, не

¹⁾ Когда я писалъ эту статью, случайно пришелъ ко мнѣ шакирдъ Кашкард-скіаю медресе Губийдулла Мухтаровъ не знающій ни одного слова по русски и не видѣвшій еще моей грамматики. Чтобы убѣдиться въ томъ, годится ли терминъ „азаб рэуши“, я заговорилъ съ нимъ о грамматикѣ, и между прочимъ сказалъ, что русскій глаголъ имѣетъ два „рэуш“: 1) „эмел рэуши“ и 2) „азаб рэуши“; напримѣръ: *жизниш*—онъ закрылъ—есть „эмел рэуши“; какъ же будетъ „азаб рэуши“? Шакирдъ не останавливаясь отвѣтилъ: „*Жабылды*“; должно быть твое слово „азаб рэуши“ означаетъ то же самое, какъ нашъ „жаджила“. Отвѣтъ этотъ доказываетъ, что мой переводъ вовсе не ошибенъ.

ная, что такъ называютъ Татары арабскую „дама“, похожую съ виду на русскую запятую, думаетъ, что я назвалъ её „уыр“=„сидись“! какъ будто въ значеніи „остановись“. Не знаю, за кого г. Смирновъ меня принимаетъ, допуская, что я передаю имя существительное черезъ повелительное наклоненіе, но этого мало: онъ думаетъ, что изъ повелительнаго наклоненія я образовалъ новое имя существительное окончаніемъ, которыми образуются только существительныя изъ существительныхъ, именно окончаніемъ „даш“ (дэш). Г. Смирнову извѣстно, что я жилъ болѣе пятнадцати лѣтъ среди Татарскихъ племенъ; извѣстно ему, что въ теченіе всего этого времени я занимался изученіемъ ихъ языка, и послѣ всего этого онъ полагаетъ, что я не изучилъ даже первыхъ элементовъ ихъ грамматики. Иѣтъ „кютюрдэшлэр“ просто значить „товарищи дама“ или „пары ковычекъ, сопровождающихъ всегда другъ друга“, это названіе не выдуманно мною, а усвоено отъ учениковъ нашей казанской школы, которые сами дали кавычкамъ такое совершенно подходящее названіе.

Надѣюсь, что мое возраженіе опровергаетъ большую часть нападокъ моего рецензента. Во всякомъ случаѣ продолженіе спора я считаю бесполезнымъ. Это—мое послѣднее слово.

В. Радловъ.

ВІСВІСТІЯ О ДІЯТЕЛЬНОСТІ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІИ.

I. ВИСІІІА УЧЕБНІІА ЗАВЕДЕНІА.

Ветеринарные институты.

а) *Харьковскій ветеринарный институтъ.*

Въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, по штату 8-го мая 1873 года, положено 10 преподавателей существенныхъ ветеринарныхъ предметовъ, именно: ординарныхъ профессоровъ, въ числѣ коихъ и директоръ института—3, экстраординарный—1, доцентовъ—4 (изъ нихъ 2 для существенныхъ ветеринарныхъ предметовъ, 1 для сельского хозяйства и 1 для фармакогнозіи и фармаціи), 1 прозекторъ и 1 ученый кузнецъ. Предметы вспомогательные, какъ-то химія, физика, ботаника, зоологія, минералогія, физическая географія, богословіе, языки русскій и нѣмецкій, студенты института слушаютъ въ Харьковскомъ университетѣ совместно съ студентами медицинскаго факультета. Къ 1-му января 1877 года на лицо состояло 7 штатныхъ преподавателей; затѣмъ вакансій преподавательскихъ было—3, именно 1 ординарнаго профессора и 2 доцентовъ. Предметы, по коимъ не имѣлось преподавателей, поручены были наличнымъ преподавателямъ, именно: клиника внутреннихъ и заразительныхъ болѣзней и чтеніе ученія о поварныхъ заразительныхъ болѣзняхъ — профессору клиники наружныхъ болѣзней, директору института Мельниченко, частная патологія и терапія — экстраординарному профессору Журовскому, гигиена и діететика—ординарному профессору Полюгѣ, ученіе о заводахъ — доценту Панловичу, общая патологія — приватъ-доценту Ковалевскому.

Совѣтъ Харьковскаго ветеринарнаго института имѣлъ въ теченіе 1876 года 36 засѣданій, изъ нихъ 18—для обсужденія разныхъ институтскихъ дѣлъ и 18—экзаменаціонныхъ при испытаніяхъ студентовъ и фельдшерскихъ учениковъ, ищущихъ степени ветеринарнаго врача и званія ветеринарнаго фельдшера. Для усиленія учебной дѣятельности и поощренія студентовъ, просившимъ и заслужившимъ по успѣхамъ назначенію отъ института стипендіи; кромѣ этого, какъ стипендіатамъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ, выдали были денежныя пособія изъ остатковъ штатныхъ суммъ, а нѣкоторые освобождены были отъ платы за слушаніе лекцій. На соисканіе наградъ медалями совѣтомъ института предложены были двѣ темы: а) „Изложеніе раціональнаго способа леченія чумы рогатаго скота во всѣхъ ея періодахъ, основаннаго на современной фізіологій“ и б) „Механизмъ движенія“. За представленныя на первую изъ сихъ темъ сочиненія награждены окончившіе курсъ съ званіемъ ветеринарнаго врача: золотомъ медалью — Владиміръ *Лисицынъ*, серебряною — Александръ *Рождественскій*, почетнымъ отзывомъ — Федоръ *Лисицынъ*, Павелъ *Воиновъ*, Юсифъ *Карцевскій* и Александръ *Остапенко*. На вторую изъ названныхъ темъ не было представлено ни одного сочиненія, что, по объясненію совѣта института, произошло вслѣдствіе невозможности студентамъ старшаго курса заняться письменными работами въ виду какъ значительнаго числа лекцій, выслушанныхъ ими вслѣдствіе ускореннаго выпуска, такъ и наступившихъ вскорѣ затѣмъ выпускныхъ экзаменовъ.

Изъ числа окончившихъ курсъ студентовъ, двое: Алексій *Киклютинъ* и Александръ *Остапенко*, по избранію совѣта, оставлены при институтѣ въ званіи припадъ-доцентовъ.

Преподаватели и другія служащія въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературныя труды: директоръ института, профессоръ *М. Мельниченко* — отлитографировалъ 3-ю часть своихъ лекцій по предмету теоретической хирургіи; исправляющій должность экстраординарнаго профессора *М. Журавскій* — напечаталъ статьи: въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ — „Операціонный столъ“ и въ Медицинской газетѣ — „Объ опредѣленіи родины чумы рогатаго скота“; доцентъ *А. Павловичъ* — напечаталъ диссертацию на степень магистра сельскаго хозяйства подъ заглавіемъ: „О кормовыхъ травахъ, дико растущихъ и воздѣлываемыхъ въ Украйнѣ“; приватъ-доцентъ *А. Остапенко* — отлитографировалъ свои лекціи по предмету акушерства для студентовъ IV курса. Команди-

рованы были съ ученою цѣлью: директоръ института Мельниченко— въ Россію и преимущественно въ губерніи Киевскую и Подольскую, для изслѣдованія и изученія причинъ появленія и способовъ распространенія чумы на рогатомъ скотѣ, и ординарный профессоръ Полота — въ Варшаву, для присутствованія въ качествѣ депутата отъ института на 5-мъ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей.

Денежныя средства института въ 1876 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: по финансовой смѣтѣ ассигновано было къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на личный составъ — 23,091 руб., на отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы—2,450 руб., на библіотеку и кабинеты—2,300 руб., на вознагражденіе библіотекаря изъ преподавателей — 150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекою—1,400 руб., на содержаніе педалей и служителей — 1.600 руб., на кузницу — 100 руб., на канцелярскіе припасы — 150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института — 400 руб., на изготовленіе медалей — 100 руб., на повѣзки съ ученою цѣлью— 550 руб., на стипендіи студентамъ — 3,000 руб., на обмундировку студентамъ, окончившимъ курсъ — 900 руб., на содержаніе стипендіатовъ коннозаводскаго вѣдомства — 2,327 руб. 18 коп., а всего, выѣстъ съ 6,433 руб. 62 коп., оставшимися отъ 1875 года, въ приходѣ было — 44,951 руб. 80 коп. Изъ этой суммы въ теченіе года израсходовано—38,522 руб. 31 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1877 года имѣлось — 6,429 руб. 69 коп. Суммы сбора съ учащихся за слушаніе лекцій, составляющей спеціальныя средства института, въ остаткѣ отъ 1875 года имѣлось —1,044 руб. 49¹/₂ коп., въ теченіе 1876 года поступило—1,936 руб., всего такимъ образомъ въ приходѣ было — 2,980 руб. 49¹/₂ коп., израсходовано—2,093 руб. 64 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1877 года было—886 р. 85¹/₂ коп

Учащихся къ 1-му января 1876 года состояло — 220, въ томъ числѣ: студентовъ — 211 и фельдшерскихъ учениковъ — 11; въ теченіе 1876 года вновь поступило: въ студенты—87 и въ фельдшерскіе ученики—13; выбыло: студентовъ—105, изъ нихъ по окончаніи курса—75, не окончивъ курса — 30; фельдшерскихъ учениковъ, окончившихъ курсъ — 4; затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось: студентовъ—193, фельдшерскихъ учениковъ—20. Изъ общаго числа студентовъ освобождено отъ платы—10, получили отсрочки во взносѣ платы — 21, принято на казенныя стипендіи — 10, получили пособія—19. Стипендіатовъ состояло: институтскихъ—12, области вой-

ска Донскаго — 3. разпыхъ земствъ изъ фельдшерскихъ учениковъ — 10. Изъ числа окончившимъ въ 1876 году курсъ, удостоено ветеринарныхъ степеней и званій: ветеринарнаго врача — 75, ветеринарнаго помощника — 1 и ветеринарнаго фельдшера — 4.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ институтской библіотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, гравюръ и эстамповъ — 2,863 названія 4,185 томовъ на сумму 12,176 руб. Въ физическомъ кабинетѣ — 246 нумеровъ на 4,420 руб. Въ химическомъ кабинетѣ — 677 нумеровъ на 482 руб. Въ химической лабораторіи студенты 2-го курса, а нѣкоторые и изъ 3-го курса, подъ руководствомъ лаборанта фармаціи, занимались упражненіями въ химическомъ анализѣ. Въ фармакогностическомъ кабинетѣ читались — 267 нумеровъ на 203 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 1,666 нумеровъ на 430 руб.; въ гербаріи и ботаническомъ саду — 6,000 нумеровъ на 430 руб. Въ музеѣ анатомическаго театра: въ отдѣленіи физиолого-анатомическомъ — 3,715 нумеровъ на сумму 4,714 руб., въ отдѣленіи патолого-анатомическомъ — 241 нумеръ на 1,051 руб. Въ анатомическомъ театрѣ, студенты 1-го, 2-го и 3-го курсовъ, подъ руководствомъ прозектора, занимались упражненіями въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, а студенты 4-го курса изготовляли препараты для окончательныхъ испитаній изъ практической анатоміи. Въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ числилось — 61 нумеръ на сумму 255 руб.; въ сельскохозяйственно-химическомъ кабинетѣ — 73 нумера на 252 руб.; въ физиологическо-химическомъ кабинетѣ — 196 нумеровъ на 2,473 руб.; въ аптекѣ — 1,344 нумера на 2,750 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 189 нумеровъ на 625 руб. Въ кузницѣ при институтѣ студенты 3-го курса, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ ученаго кузнеца, занимались приготовленіемъ подковъ для копытъ здоровыхъ и патологическихъ, а во 2-мъ семестрѣ студенты 4-го курса сами изготовляли подковы и сами же пригоняли ихъ къ копытамъ, что и составляетъ окончательный экзаменъ изъ этого предмета. Въ собраніи зубныхъ препаратовъ числилось — 40 нумеровъ на 105 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 343 нумера на 1,986 руб.; въ клиникѣ — 83 нумера на 396 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 2,800 нумеровъ на 3,794 руб. Движеніе больныхъ животныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ постоянной клиникѣ оставалось отъ 1875 года — 7, въ теченіе 1876 года посту-

пило — 238; изъ этого числа выздоровѣло — 167, получило облегченіе — 21, признано неизлечимыми — 2, пало 44, затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось на излеченіи — 11; въ амбулаторной клиникѣ больныхъ животныхъ пользовалось — 176, въ поликлиникѣ — 187.

б) *Дерптскій ветеринарный институтъ.*

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ, руководствующемъ въ дѣйствіяхъ своихъ уставомъ и штатомъ, общими съ ветеринарными институтами Харьковскимъ и Казанскимъ, къ 1-му января 1877 года состояло штатныхъ преподавателей ветеринарныхъ предметовъ — 9, именно: ординарныхъ профессоровъ (въ числѣ ихъ и директоръ института) — 3, экстраординарный профессоръ — 1, доцентовъ — 4, провекторъ — 1. Вспомогательные предметы учебнаго курса въ институтѣ преподаются за особое вознагражденіе, на что по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1876 году, назначено къ отпуску изъ государственнаго казначейства по 1,500 руб. въ годъ.

Въ теченіе 1876 года сѣять института имѣлъ 30 засѣданій. Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ служило назначенію лучшимъ изъ нихъ стипендій изъ отпускаемой на сей предметъ по штату суммы. На предложенную совѣтомъ въ 1876 г. тему подъ заглавіемъ „Ueber die Entwicklung der Spermatozoen“ представлено было рѣзшеніе казеннымъ стипендіатомъ Христіаномъ Гельманомъ, который и удостоенъ золотой медали. На 1877 годъ, для соисканія наградъ медалями, предложена слѣдующая тема: „Versuche über die Verwendbarkeit des Vaporimeters von Geissler zur Prüfung aetherischer Oele auf Verfälschungen“.

Преподаватели Дерптскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института, профессоръ Ф. Унтербергеръ — „О чужѣ рогатаго скота и о мѣрахъ къ предохраненію и пресѣченію оной, и нѣсколько словъ о сибирской язвѣ“, напечатанное изданіемъ Симбирскаго уѣзднаго земства и въ Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde статью „Der Konowal von Ladoga“; ординарный профессоръ Е. Земмеръ — напечаталъ въ Deutsche Zeitschrift für Thiermedizin und vergleichende Pathologie Боллингера и Франка статьи: „Versuche über Uebertragbarkeit der Tuberkulose der Rinder auf andere Thiere“, „Zur pathologischen Anatomie der With“, „Ueber die Tuberkulose des „Gehirns“ и „Versuche über die Uebertragbarkeit des Rötzes“; экстраординарный профессоръ К. Рутманъ — напечаталъ „Die Schafzucht in Karloifka“.

mit besonderer Berücksichtigung der sanitären Verhältnisse“. Это сочиненіе представлено санитарному конгрессу въ Брюссель и удостоено преміи.

Денежныя средства института находились въ 1876 году въ слѣдующемъ положеніи: 1) штатныхъ суммъ: остатка отъ 1875 года—2,024 руб. 95 коп., ассигновано было по финансовой смѣтѣ изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава 23,091 руб., на вознагражденіе преподавателямъ вспомогательныхъ предметовъ—1,500 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособия—9,200 р., на стипендіи студентамъ—3,000 р., и того—36,791 р., а съ остаткомъ отъ 1875 г.—38,815 руб. 95 коп.; 2) специальныхъ средствъ: а) сбора за слушаніе лекцій: отъ 1875 года осталось—12 руб. 92 коп., въ 1876 г. поступило—324 руб., израсходовано—186 руб. 48 коп., къ 1877 году въ остаткѣ было—150 руб. 44 коп.; б) сбора за леченіе животныхъ: оставалось отъ 1875 года—719 руб. 43 коп., поступило въ 1876 г.—1,092 руб. 94 коп., израсходовано—1,682 руб. 68 коп., къ 1877 году остатка—129 руб. 69 коп.; в) пожертвованныхъ: остатка отъ 1875 г.—7,272 руб. 20 коп., въ 1876 г. въ приходѣ—357 р. 85 к.; въ расходѣ—349 р. 50 к., оставалось къ 1877 году—7,280 р. 55 к.

Учащихся въ институтѣ къ 1-му января 1876 года состояло: студентовъ—36, фельдшерскихъ учениковъ—8, вольнослушателей—1; въ 1876 году вновь поступило: студентовъ—25 (изъ высшихъ учебныхъ заведеній—1, изъ гимназій—6, изъ реальныхъ училищъ—2, изъ духовныхъ семинарій—2, домашняго образованія—14), фельдшерскихъ учениковъ—3; въ теченіе года выбыло: студентовъ—10, изъ нихъ до окончанія курса—2, по окончаніи курса—10, постороннихъ слушателей—1; затѣмъ къ 1-му января 1877 г. оставалось: студентовъ—49, фельдшерскихъ учениковъ—11. Изъ общаго числа состоявшихъ въ 1876 г. 61 студента освобождено было отъ платы 22, что составляетъ 36% общаго числа. Стипендіей, въ размѣрѣ 150 руб., пользовались 20 студентовъ, изъ нихъ пятерымъ выдана прибавка по 100 руб. каждому, а одному—50 руб. Изъ числа окончившихъ курсъ студентовъ 10 утверждены въ степени ветеринарнаго врача.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго ветеринарнаго института къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ институтской библіотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ—4,747 названій, 9,421 томъ на сумму 26,455 руб. Въ физическомъ кабинетѣ—518 номеровъ

на 6,270 руб.; въ химическомъ кабинетѣ—213 номеровъ на 1,254 р.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—645 номеровъ на 259 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ—3,079 номеровъ на 1,272 р.; въ зоологическомъ собраніи—430 номеровъ на 67 р.; въ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра: физиолого-анатомическомъ—533 номера на 7,660 руб., патологико-анатомическомъ—1,326 номеровъ на 2,718 р.; въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ—186 номеровъ на 179 руб.; въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ—94 номера на 387 р.; въ кузницѣ—85 номеровъ на 566 руб.; въ сельскохозяйственномъ кабинетѣ—19 номеровъ по 645 руб.; въ физиологико-химическомъ кабинетѣ—50 номеровъ на 601 р.; въ аптекахъ—318 номеровъ на 1,991 р.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—378 номеровъ на 305 р.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—146 номеровъ на 78 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—232 номера на 943 р.; въ зоотомическомъ кабинетѣ—1,050 р. на 741 руб.; въ клиникѣ—314 номеровъ на 2,597 р. Движеніе больныхъ животныхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1876 г. оставалось больныхъ—22, въ теченіе года вновь поступило—3,206, изъ нихъ было польвовано: въ клиникахъ—310, амбулантно—1,545 и въ институтѣ—1,373; изъ этого числа выздоровѣло—2,625, пало—51, предано смерти для анатомико-патологическихъ и ветеринарно-судебныхъ изслѣдованій—23; паціентовъ, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями, было—21, исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 501; къ 1-му января 1877 года въ клиникѣ оставалось больныхъ животныхъ—17. Въ патологическомъ отдѣленіи вскрыто труновъ животныхъ: навшихъ въ клиникѣ—51, преданныхъ смерти—23, поступившихъ извнѣ—39, всего—113 труновъ. Операций было произведено: менѣе важныхъ—343, болѣе значительныхъ—112; въ клинику доставлено было 12 животныхъ, подозрѣваемыхъ въ бѣшенствѣ, которое и подтвердилось произведеннымъ вскрытіемъ. Въ лабораторіи института, подъ руководствомъ доцента фармаціи, произведено 12 анализовъ диабетической мочи относительно специфическаго глѣса и квантитативнаго содержанія сахара и одинъ анализъ для открытія яда. Этотъ послѣдній анализъ былъ произведенъ по просьбѣ дерптскаго Уѣзднаго полицейскаго управленія, для рѣшенія тяжбаго дѣла о томъ, послѣдовала ли смерть переданнаго институту для вскрытія медвѣди вслѣдствіе выстрѣла, или же предшествовавшего отравленія стрихниномъ.

в) *Казанскій ветеринарный институтъ.*

Казанскій ветеринарный институтъ, открытый въ 1874 году, съ присвоеніемъ ему устава и штата Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ институтовъ, въ 1876 году имѣлъ три курса студентовъ и три класса учениковъ состоящей при институтѣ ветеринарно-фельдшерской школы. Къ 1-му января 1877 года состояло преподавателей въ институтѣ: ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ директоръ института)—3, доцентовъ—2, помощникъ прозектора—1, ученый кузнецъ—1, ассистентовъ клиники—2, лаборантъ фармаціи—1 и три преподавателя по найму; въ фельдшерской школѣ, сверхъ помощника прозектора, ученаго кузнеца, двухъ ассистентовъ и лаборанта фармаціи,—запоучитель и преподаватель русскаго языка.

Въ теченіе 1876 года совѣтъ Казанскаго ветеринарнаго института имѣлъ 34 засѣданія, въ которыхъ, между прочимъ, постановлено: а) по случаю встрѣтившихся затрудненій въ веденіи практическихъ занятій студентовъ по аналитической химіи въ университетѣ, вести эти занятія въ фармакогностической лабораторіи института, что и приведено въ исполненіе съ начала 1876—1877 академическаго года; б) для руководства въ клиникахъ и въ университетѣ составлены и введены въ дѣйствіе клиническія правила, инструкціи ассистентамъ клиники и правила о польной продажѣ лекарствъ, и в) съ цѣлію опредѣлить обязанности студентовъ относительно слушанія ими русскаго и нѣмецкаго языковъ, сдѣлать русскій языкъ обязательнымъ для студентовъ 1-го и 2-го курсовъ, а нѣмецкій—только для студентовъ 1-го курса. Для поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, кромѣ стипендій, выдаваемыхъ изъ опредѣленной на то штатной суммы, студентамъ, отличающимся поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами, назначались единовременныя денежныя пособія, или они освобождались отъ взноса платы за слушаніе лекцій; при этомъ инспекторомъ былъ веденъ контроль надъ исполненіемъ учащимися лежащихъ на нихъ учебныхъ обязанностей.

Медалей студентамъ въ 1876 году присуждено не было, такъ какъ лишь съ открытіемъ 3-го курса, послѣдовавшимъ во второй половинѣ года, студенты признаны достаточно подготовленными къ разрѣшенію научныхъ вопросовъ для соисканія медалей, и съ этой цѣлью дана для разрѣшенія, на срокъ 1-го декабря 1877 года, слѣдующая тема: „какое вліяніе имѣетъ на внутреннюю температуру

тѣла у рогатаго скота (коровы) время дня и температура окружающей среды“.

Преподаватели Казанскаго ветеринарнаго института издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: директоръ института, профессоръ *Зейфманъ*—подготовилъ для помѣщенія въ Архивъ ветеринарныхъ наукъ статью подъ заглавіемъ: „Трихины и трихинная болѣзнь (Trichina et Trichinosis)“; профессоръ *Даме*—издалъ литографированныя лекціи по частной патологій и терапіи; доцентъ *Блумбергъ*—напечаталъ статьи: въ Neue Dorptsche Zeitung — „Ein Vorschlag zur Beseitigung einiger localer Ueberstände“, въ Archiv für wissenschaftliche und practische Thierheilkunde—„Ein Beitrag zur Anatomie der Taenia plicata, Taenia perfoliata et Taenia mamillana“ и въ журналѣ Коннозаводства—„Объ эстонской лошади и о Торчельскомъ конскомъ заводѣ“; преподаватель, докторъ медицины *Наваликинъ*—напечаталъ „Myothermische Untersuchungen“. Командированы были съ ученою цѣлію: за границу—ординарный профессоръ Стржедзинскій и доцентъ Лемайтъ и въ разныя губерніи Россіи—директоръ и профессоръ Зейфманъ.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: по финансовой свѣдѣ ассигновано было на содержаніе института: на личный составъ—23,091 руб., на хозяйственные расходы—2,450 руб., на библіотеку и кабинеты—2,300 руб., на вознагражденіе библіотекарей изъ преподавателей—150 руб., на клинику съ ветеринарною аптекой—1,400 руб., на содержаніе педеля и служителей—1,600 руб., на кузницу—100 руб., на канцелярскіе припасы—150 р., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе медальей—100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлію—550 руб., на стипендіи—3,000 руб. и на наемъ помѣщенія для института—5,000 руб., итого—40,291 руб., а съ присоединеніемъ къ сему остаточныхъ отъ 1875 года 7,225 руб. 25 коп., вся штатная сумма составляетъ 47,516 руб. 45 коп. Изъ этого числа въ теченіе года израсходовано—36,653 руб. 53 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года оставалось—10,862 руб. 92 коп. Специальныхъ средствъ института, именно сбора за слушаніе лекцій, оставалось отъ 1875 года—2,276 руб. 38 коп., въ теченіе 1876 года поступило—3,520 руб., въ теченіе года израсходовано—3,238 руб. 78 коп., затѣмъ къ 1-му января 1877 года въ остаткѣ имѣлось—2,557 руб. 51 коп.

Движеніе учащихся въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ и въ состоящей при институтѣ школѣ для изготовленія ветеринар-

ныхъ фельдшеровъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1876 года состояло: въ институтѣ студентовъ—99, въ школъ—15; въ теченіе года вновь поступило въ студенты—88 (изъ гимназій—43, изъ духовныхъ семинарій—41, изъ другихъ учебныхъ заведеній—4), фельдшерскихъ учениковъ—4; въ теченіе года было: студентовъ—35, фельдшерскихъ учениковъ—2; затѣмъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо: студентовъ—152 (на 1-мъ курсѣ—68, на 2-мъ—43, на 3-мъ—41), фельдшерскихъ учениковъ—17 (въ 1-мъ классѣ—3, во 2-мъ—6, въ 3-мъ—8). Изъ общаго числа бывшихъ въ 1876 году 187 студентовъ освобождено было отъ взноса платы—74, что составляетъ 40% общаго числа; разсроченъ взносъ платы—13 студентамъ. Стипендіями казенными, въ размѣрѣ по 200 руб. въ годъ, пользовались 11 студентовъ; пособій выдано было 56 студентамъ 1,380 руб., въ размѣрѣ отъ 75 до 25 руб. Сверхъ того, на счетъ стипендій земствъ и нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ, содержались 10 студентовъ на сумму 2,430 руб. и 7 фельдшерскихъ учениковъ на сумму 1,348 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго ветеринарнаго института находились къ 1-му января 1877 года въ слѣдующемъ положеніи. Въ институтской библіотекѣ числилось книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ—1,167 названій, 1,701 томъ, на сумму 4,051 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—356 номеровъ на 2,088 руб.; въ аптекѣ—909 номеровъ на 2,625 руб. Въ аптекѣ, фармакогностической и химической лабораторіяхъ, подъ руководствомъ доцента Лемана и лаборанта Эйхенфельда, студенты 3-го курса упражнялись изготовленіемъ и составленіемъ различныхъ химическихъ и фармакогностическихъ препаратовъ; кромѣ того, студенты этого курса занимались, подъ наблюденіемъ доцента Лемана, по три раза въ недѣлю, по 2 часа, повтореніемъ важнѣйшихъ экспериментовъ, показанныхъ во время курса аналитической химіи. Въ отдѣленіяхъ музея анатомическаго театра числилось: въ физиолого-анатомическомъ—60 номеровъ на сумму 1,075 руб., въ патолого-анатомическомъ—356 номеровъ на 1,935 руб. Въ анатомо-патологическомъ кабинетѣ, подъ наблюденіемъ доцента Блумберга, практическія занятія со студентами 3-го курса состояли въ производствѣ вскрытій, по мѣрѣ доставленія труповъ животныхъ къ анатомическому театру; всѣхъ труповъ во второй половинѣ года было доставлено и вскрыто—9. По частной патологіи и терапіи, подъ руководствомъ ординарнаго профессора Ланге, студенты 3-го курса произво-

часть оконч., отд. 4. 5

дили анализы мочи нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, при чемъ была изслѣдована моча какъ у здоровыхъ, такъ и у больныхъ животныхъ. Въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ числилось — 127 номеровъ на сумму 663 руб.; въ кузницѣ—197 номеровъ на 602 руб. Въ кузницѣ, подъ руководствомъ ученаго кузнеца, ветеринара Кальчинга, занимались фельдшерскіе ученики 1-го класса изготовленіемъ подковъ изъ свинца и желѣза, а 2-го и 3-го классовъ какъ дѣланіемъ подковъ изъ желѣза, такъ и подковываніемъ копытъ. Въ сельско-технологическомъ кабинетѣ было 34 номера на 682 руб.; въ фивіолого-химическомъ кабинетѣ—646 номеровъ на 3,597 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ — 98 номеровъ на 314 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 22 номера на 63 руб.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 282 номера на 709 руб.; въ клиникѣ—685 номеровъ на 3,140 руб.; зоотомическомъ кабинетѣ—712 номеровъ на 1,913 руб. По зоотоміи, подъ руководствомъ ординарнаго профессора Стржедзинскаго и помощника профессора Грипина, студенты 2-го курса занимались препарированіемъ различныхъ частей труповъ животныхъ ежедневно въ указанное по росписавію вечернее время по группамъ; для этой цѣли было приобрѣтено живыхъ лошадей на 121 руб. 94 коп., анатомическихъ препаратовъ было изготовлено—40. Для нагляднаго же изученія анатоміи было изготовлено 33 рисунка разныхъ частей лошади въ формѣ стѣнныхъ таблицъ, съ печатными для каждой изъ нихъ текстомъ, на сумму 304 руб. Въ клиника въ теченіе 1876 года поступило больныхъ животныхъ—240, изъ нихъ 59 въ постоянныя клиники, а 181—амбулянтно. Изъ животныхъ, пользовавшихся въ стаціонарной клиникѣ, выздоровѣло и получило облегченіе—50, пало—9; важнѣйшихъ операцій произведено было — 19. Приведенныя о клиникѣ цифры нельзя не признать вообще удовлетворительными, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что клиника открыта лишь съ 1876 г., а съ другой — что жители Казани, преимущественно малообразованное татарское населеніе, еще не привыкли прибѣгать къ раціональному леченію своихъ домашнихъ животныхъ; притомъ же содержаніе животныхъ въ стаціонарныхъ клиникахъ института было сопряжено съ нѣкоторымъ неудобствомъ для владѣльцевъ животныхъ, такъ какъ не былъ еще установленъ порядокъ продовольствія больныхъ животныхъ отъ института, и владѣльцы должны были сами заботиться доставленіемъ для нихъ корма. При клиническихъ занятіяхъ студенты, обиланы были постоянно паходиться и фельдшерскіе ученики

послѣднихъ двухъ классовъ и, подѣ руководствомъ ассистентовъ, исполнять въ постоянныхъ клиникахъ все, относящееся къ леченію и уходу за больными животными. Независимо отъ сего, подѣ руководствомъ ассистента, преподающаго хирургію, ученики 3-го класса упражнялись въ производствѣ простѣйшихъ хирургическихкихъ операцій надъ животными.

II. ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Виленское Мариинское высшее женское училище.

Виленское Мариинское высшее женское училище съ пансіономъ, состоящее подѣ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, принадлежитъ къ числу учебныхъ заведеній 1-го разряда и состоитъ изъ 7-ми классовъ нормальныхъ, 8-го спеціально-педагогическаго и приготовительнаго для малолѣтнихъ дѣвицъ. Служащихъ въ училищѣ къ 1-му января 1877 года состояло: директоръ—1, главная надзирательница—1, классныхъ воспитательницъ—13, штатныхъ преподавателей—3, законоучителей—4 (два—православнаго и два—римско-католическаго и лютеранскаго исповѣданій), преподавателей, состоящихъ на службѣ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ—10, преподавательницъ—7 (въ числѣ ихъ учительницы пѣнія, руководѣнія и танцевъ), прочихъ служащихъ—6.

Учащихся было къ 1-му января 1877 года—495. По вѣрноповѣданіямъ онѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православнаго вѣроисповѣданія—263, римско-католическаго—144, лютеранскаго и реформатскаго—27, магометанскаго—5, іудейскаго—56; по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—403, духовнаго званія—25, городскихъ сословій—62, сельскихъ сословій—3, иностранцевъ—2. Выбыло въ теченіе 1876 года: до окончанія курса—31, по окончаніи курса—27, въ томъ числѣ 22—по окончаніи курса 7-ми классовъ, а 5—изъ 8-го педагогическаго класса. Изъ общаго числа 457 ученицъ приготовительнаго и первыхъ шести классовъ переведено въ слѣдующіе классы—374, что составляетъ 81,8% общаго числа; осталось на 2-й годъ въ классѣ—78, то-есть, 17%, уволено за неуспѣшность—5, то-есть, 1,1%. Изъ числа переведенныхъ въ слѣдующіе классы удостоены: 1-й награды—30, 2-й награды—36, всего 66, что составляетъ 14,4% всего числа подвергавшихся переводнымъ испытаніямъ. Въ выпускномъ VII классѣ состояло 22 ученицы и всѣ

онѣ признаны достойными аттестата, дающаго права на званіе домашней учительницы. Въ числѣ ихъ 5 награждены при выпускѣ медалями, а 5—похвальными листами и книгами; въ 8-й педагогическій классъ поступили — 8. Въ 8-мъ классѣ въ теченіе 1876 года было 5 ученицъ и всѣ онѣ удостоены званія домашней учительницы: 1—по русскому языку, 1—по нѣмецкому, 2—по арифметикѣ и 1—по арифметикѣ и французскому языку. Успѣхи ученицъ во 2-й половинѣ 1876 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: оказавшихъ отличные и хорошіе успѣхи по всѣмъ предметамъ—119, что составляетъ 24%, оказавшихъ удовлетворительные успѣхи—258, то-есть, 51,1%, не вполне удовлетворительные—123 или 24,9%. Такимъ образомъ, число вполне успѣвающихъ ученицъ составляетъ 75,1%. Наибольшее число ученицъ не вполне успѣвающихъ (34,9%) приходится на долю 1-го, 2-го и 3-го классовъ, а на долю остальныхъ классовъ, кромѣ приготовительнаго, приходится 16,4%.

Поведеніе ученицъ, признанное вполне удовлетворительнымъ, выразилось за вторую половину 1876 года въ слѣдующихъ цифрахъ: получившихъ въ среднемъ выводѣ 5 было—437 ученицъ, получившихъ $4\frac{1}{2}$ —46 и получившихъ 4—12. Проступки ученицъ, въ особенности пансіонерокъ, состояли въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ дисциплинарныхъ правилъ и были такого рода, что влекли за собою только замѣчанія со стороны классныхъ воспитательницъ и въ рѣдкихъ случаяхъ—главной надзирательницы и директора училища.

При Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ имѣется пансіонъ, въ которомъ состояло 176 воспитанницъ, въ томъ числѣ 105—пансіонерокъ таможеннаго вѣдомства, 6—казенныхъ, 1—стипендіатка Министерства Народнаго Просвѣщенія, 10—стипендіатокъ частныхъ лицъ и 54 своекоштные пансіонерки. Православныхъ пансіонерокъ было 132 или 75% общаго числа. Пансіонерки римско-католическаго исповѣданія почти исключительно казеннокоштные таможеннаго вѣдомства и фундушей Цвинскаго и Дунина-Слѣпоца. Главный надзоръ за внутреннимъ порядкомъ и распределеніемъ времени въ пансіонѣ лежитъ на обязанности главной надзирательницы училища, въ помощь которой ежедневно дежурятъ по 4 классныхъ воспитательницъ, находящіяся безотлучно при воспитанницахъ какъ въ урочное время такъ и во время рекреаций. Кромѣ 4-хъ дежурныхъ воспитательницъ въ урочное время, съ 9-ти часовъ утра до 3-хъ по полудни, надзоръ за всѣми воспитанницами, какъ пансіонерками, такъ и приходими, лежитъ на обязанности и остальныхъ 9-ти классныхъ воспитатель-

ницъ, которыя безотлучно присутствуютъ на урокахъ преподавателей и во время промежутковъ между уроками.

При училищѣ состоятъ педагогическій совѣтъ и комитеты хозяйственный и временно-строительный. Педагогическій совѣтъ имѣлъ въ 1876 году 13 засѣданій, въ которыхъ обсуждались вопросы по части учебно-воспитательной, а частію и хозяйственной. Кромѣ засѣданій сего совѣта, въ теченіе 1876 года были неоднократно собираемы коммисіи какъ предметныя, такъ и классныя, для обсужденія вопросовъ относительно устройства учебной части по новому положенію объ училищѣ, а также для обсужденія пробныхъ уроковъ, даваемыхъ воспитанницами 8-го педагогическаго класса; такихъ засѣданій было до 30-ти. Хозяйственный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ главной надзирательницы и двухъ преподавателей, имѣлъ 24 засѣданія, въ которыхъ обсуждались важнѣйшія дѣла по хозяйственной части. Въ 1876 году директоромъ училища составлена подробная инструкция для хозяйственнаго комитета. Временно-строительный комитетъ по переустройству зданій училища, состоящій, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ членовъ: губернскаго инженера, архитектора Виленскаго учебнаго округа и двухъ преподавателей, имѣлъ 14 засѣданій, въ которыхъ обсуждались и рѣшались всѣ дѣла по переустройству зданій училища.

Учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища къ 1 января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ фундаментальной библіотекѣ числилось книгъ—113 названій 30 томовъ, изъ числа которыхъ въ 1876 году приобрѣтено 35 названій, 101 томъ, на сумму 116 руб.; въ пансіонской библіотекѣ—16 названій и томовъ. Въ физическомъ кабинетѣ—106 инструментовъ и приборовъ, въ число коихъ приобрѣтено въ 1876 году 1 инструментъ цѣнностью въ 90 руб. Въ кабинетѣ естественныхъ наукъ—894 разныхъ предметовъ, именно: по зоологіи—385, по минералогіи—509. Прочихъ учебныхъ пособій состояло: лексиконовъ—17, атласовъ, глобусовъ, географическихъ и историческихъ картъ—61 экземпляръ, моделей и другихъ предметовъ для рисованія и черченія—197 экземпляровъ, другихъ учебныхъ пособій—3.010 экземпляровъ; въ 1876 году приобрѣтено 1.197 экземпляровъ.

Средствами содержанія Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища служатъ: сумма, отпускаемая изъ государственнаго казначейства, и спеціальныя средства училища, въ составъ коихъ входятъ: а) сборъ за ученіе, б) плата за содержаніе пансіонерокъ и в) пожер-

твованные капиталы. Изъ суммъ государственнаго казначейства отпускается по 27.366 руб. въ годъ. Плата за ученіе взимается по 30 руб. въ годъ съ каждой воспитанницы. Отъ платы этой освобождаются только дочери лицъ, служащихъ при училищѣ. Въ 1876 году суммы сбора за ученіе поступило 13.867 руб., что вмѣстѣ съ остатками отъ отъ прежнихъ лѣтъ составить 15.203 руб. 80 коп. Изъ этой суммы израсходовано—12.150 руб. 9 коп., затѣмъ къ 1 января 1877 года оставалось на лицо—3.053 руб. 71 коп. Платы за пансіонерокъ, по 200 руб. въ годъ съ каждой, поступило въ 1876 году 31.474 руб., что вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прежнихъ лѣтъ составило 40.937 руб. 77 коп. Изъ этой суммы израсходовано 33.283 руб., затѣмъ къ 1 января 1877 года оставалось 7.664 руб. 16 коп. Израсходованная сумма главнымъ образомъ употреблена на содержаніе пансіонерокъ, снабженіе ихъ книгами и учебными принадлежностями, содержаніе пансіонской прислуги, больницы, отопленіе и освѣщеніе пансіона и другіе экстренные сверхсмытные расходы. Пожертвованныхъ капиталовъ состояло 6.950 руб., на проценты конхъ содержалось 5 стипендіатокъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Въ минувшемъ году Царскосельскій училищный совѣтъ постановилъ учредить сѣзды законоучителей для выясненія вопросовъ, могущихъ служить къ улучшенію преподаванія закона Божіа въ народныхъ училищахъ.

Чтобы подробнѣе выработать основанія, на которыхъ долженъ былъ происходить сѣзды, училищный совѣтъ образовалъ особую комиссію изъ своихъ членовъ. Комиссія въ первое же засѣданіе пришла къ заключенію о необходимости пригласить особаго руководителя-спеціалиста, который своими совѣтами и указаніями способствовалъ бы возможно правильному разрѣшенію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сѣзда, при чемъ указала на протоіерея Д. П. Соколова, какъ на лицо, вполне компетентное въ этомъ отношеніи.

Такъ какъ Царскосельскимъ земствомъ денежныхъ средствъ на учрежденіе сѣзда въ 1876 г. не было назначено, то члены совѣта отъ земства, которымъ предоставлено распоряженіе школьною земскою ассигновкою, заявили, что они только въ такомъ случаѣ готовы принять на себя отвѣтственность по предстоявшимъ расходамъ, если

расходы эти будут не значительны. Посему комиссия обратилась къ протоіерею Д. П. Соколову съ вопросом объ условіяхъ, на которыхъ онъ согласился бы руководить съѣздомъ. О. Соколовъ изъявилъ готовность исполнить эту обязанность безвозмездно.

При обсужденіи вопросовъ, которые должны были быть разрешены съѣздомъ, комиссия прежде всего обратила вниманіе на причины, влекущія за собою неудовлетворительность успѣховъ по закону Божію въ школахъ Царскосельскаго уѣзда. Причинами этими были признаны: 1) недостатокъ законоучителей; 2) крайняя ограниченность получаемого ими вознагражденія; 3) манкировки законоучителей; 4) неопредѣленность распредѣленія программы закона Божія по отдѣленіямъ школы; 5) отсутствіе надлежащей методы преподаванія; 6) незнакомство съ существующими методами; 7) отсутствіе надлежащихъ учебниковъ и пособій.

Сообразно этому комиссіею были постановлены слѣдующіе вопросы: а) какъ устранить неудовлетворительность преподаванія закона Божія, на сколько она происходитъ отъ недостаточнаго числа законоучителей; б) въ какомъ размѣрѣ положить вознагражденіе законоучителямъ и преподавателямъ закона Божія и какъ выдавать его — помѣсячно или поурочно; в) какъ опредѣлять программу народной школы по закону Божію съ распредѣленіемъ ея на трехгодичный курсъ; г) какъ опредѣлять число уроковъ въ каждомъ отдѣленіи, необходимыхъ для прохожденія курса; д) какъ опредѣлить методъ преподаванія; е) составить списокъ учебниковъ и учебныхъ пособій по закону Божію; ж) выяснить — въ чемъ должны состоять самостоятельныя работы по закону Божію. Сверхъ этихъ вопросовъ каждому изъ членовъ предоставлено было останавливать вниманіе и на другихъ, относящихся къ непосредственной дѣлѣ съѣзда.

11 августа засѣданія съѣзда были открыты въ помѣщеніи съѣзда мировыхъ судей Царскаго Села; кромѣ Д. П. Соколова присутствовали на немъ 15 законоучителей, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, предсѣдатель земской управы и члены Царскосельскаго училищнаго совѣта.

Предъ обсужденіемъ перваго изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ руководитель съѣзда объяснилъ, что вопросъ этотъ поставленъ училищнымъ совѣтомъ по той причинѣ, что въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ законъ Божій не преподавался ни мѣстными священниками, ни другими лицами, имѣющими на то право по своему образованію въ духовныхъ семинаріяхъ. Съѣздъ пришелъ къ тому убѣжденію, что

наличныя священники, діаконы и псаломщики Царскосельскаго уѣзда въ состояніи и съ охотою согласны выполнять обязанности законоучителей во всѣхъ училищахъ своего уѣзда и что если иные изъ нихъ не исполняли упомянутыхъ обязанностей, то происходило это единственно отъ недоразумѣнія. Поводомъ къ этому служило слѣдующее: училищный совѣтъ, опиравсь на ст. 16 полож. о нач. народ. уч., считалъ лишь тѣ училища имѣющими законоучителей, въ которыхъ законоучители эти были утверждены епархіальнымъ начальствомъ по представленію инспектора народныхъ училищъ, между тѣмъ какъ мѣстные священники, по опредѣленіи своимъ на священническое мѣсто получившіе отъ епархіальной власти право и обязанность законоучительства въ школахъ своего прихода раньше учрежденія училищныхъ совѣтовъ, преподавали и продолжали преподавать законъ Божій въ этихъ школахъ и тогда, когда онѣ перешли въ вѣдѣніе вповѣ открытаго училищнаго совѣта. Вслѣдствіе того они не считали себя обязанными подавать прошенія или заявленія о новомъ опредѣленіи ихъ на законоучительскую должность. Затѣмъ, не рѣдко въ приходахъ, отдаленныхъ отъ церкви, учреждаются школы частными лицами или обществами, объ открытіи коихъ мѣстнаго священника не увѣдомляютъ и такимъ образомъ ставятъ его въ невозможность быть ея законоучителемъ.

По разсмотрѣніи означенныхъ недоумѣній, сѣздъ выразилъ желаніе, чтобы священники уѣзда заявили на самомъ сѣздѣ — въ какихъ школахъ они преподають или желаютъ преподавать законъ Божій, а члены училищнаго совѣта, принявъ это заявленіе, испросили бы у преосвященнаго, установленнымъ въ § 16-мъ положенія порядкомъ, новос утвержденіе ихъ въ должности законоучителей. Затѣмъ, для устраненія на будущее время какихъ либо недоразумѣній относительно замѣщенія законоучительскихъ вакансій, сѣздъ находилъ желательнымъ установить слѣдующій порядокъ: при открытіи каждой новой школы или при выбытіи по какимъ-либо причинамъ законоучителя изъ школы прежде устроенной, содержатель ея обращается прежде всего къ мѣстному священнику и, получивъ отъ него согласіе на занятіе должности законоучителя, испрашиваетъ у епархіальнаго начальства утвержденіе его въ этой должности узаконеннымъ порядкомъ. Въ случаѣ отказа мѣстнаго священника или изъ тѣхъ (крайне рѣдкихъ) случаевъ, когда законоучителемъ по законнымъ причинамъ не можетъ быть поручено мѣстному священнику, занятіе этой должности предлагается мѣстному діакону

или псаломщику изъ окончившихъ курсъ семинаріи; а если и они не могутъ отвѣчать согласіемъ, то—священнику другого прихода или окончившему курсъ духовной семинаріи.

Члены училищнаго совѣта полагали, что означенною мѣрою не устранится вполне недостатокъ въ законоучителяхъ. Указано было между прочимъ, что предвидится открытіе новыхъ школъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ церквей на 8 и болѣе верстъ. Мѣстные священники едва ли сочтутъ возможнымъ аккуратно посѣщать ихъ, вслѣдствіе чего школы эти или останутся совсѣмъ безъ преподаванія закона Божія или преподаваніе его не будетъ отличаться надлежащею правильностью. Члены сѣзда полагали, что въ такомъ случаѣ можно было бы опредѣлять учителями лицъ, окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, имѣющихъ право преподавать и законъ Божій.

Одинъ изъ членовъ сѣзда заявилъ, что не малое число недоразумѣній относительно недостатковъ преподаванія закона Божія (объема его, метода и пріемовъ) прекратилось бы само собою, если бы надъ преподаваніемъ этимъ былъ установленъ особый постоянный надзоръ, а именно назначено было духовное лицо, къ которому законоучители могли бы обращаться за совѣтомъ въ дѣлѣ своего учительства, и которое было бы ихъ представителемъ въ училищномъ совѣтѣ. Сѣздъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и опредѣлилъ ходатайствовать о назначеніи постоянного наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ сельскихъ народныхъ училищахъ, какъ помощника главнаго наблюдателя, епархіальнаго архіерея, примѣнительно къ ст. 17 полож. о нач. нар. уч. Такимъ лицомъ, по мнѣнію сѣзда, могъ бы быть членъ училищнаго совѣта отъ духовенства.

Въ отвѣтъ на вопросъ о размѣрахъ и способѣ вознагражденія за преподаваніе закона Божія въ земскихъ народныхъ училищахъ сѣздъ высказалъ, что такъ какъ земскія народныя училища по программѣ своей стоятъ наравнѣ съ одноклассными сельскими училищами министерства народнаго просвѣщенія, то и вознагражденіе законоучителей сельскихъ школъ справедливо было бы уравнивать съ вознагражденіемъ законоучителей министерскихъ училищъ, которые получаютъ за 6 часовыхъ уроковъ въ недѣлю по 100 руб. въ годъ, то-есть, по 16 руб. 75 коп. за годовой часъ. При этомъ замѣчено было, что многія земскія училища находятся въ значительномъ разстояніи отъ церквей и что поэтому было бы справедливо назначать законоучителямъ такихъ школъ, кромѣ поурочной платы, добавочное вознагражденіе за проѣздъ.

При обсужденіи программы закона Божія для одноклассныхъ сельскихъ училищъ и распредѣленія ея на трехгодичный курсъ приняты были въ основаніе двѣ программы: а) программа для сельскихъ двухклассныхъ училищъ, составленная министерствомъ народнаго просвѣщенія и одобренная Св. синодомъ 24-го сентября 1869 года (первый классъ) и б) программа для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣсть свидѣтельство въ знаніи курса народныхъ училищъ, чтобы воспользоваться льготою при отбываніи воинской повинности. Вторая изъ этихъ программъ опредѣляетъ minimumъ объема курса одноклассной сельской школы; первая же послужила руководствомъ при обозначеніи метода преподаванія и распредѣленія учебнаго матеріала на три круга, соотвѣтственно тремъ учебнымъ годамъ означенной школы.

Первый годъ ученія. Для перваго года ученія единогласно всѣми законоучителями было признано изученіе повседневныхъ молитвъ съ доступнымъ для дѣтскаго пониманія объясненіемъ ихъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что въ первомъ году только приступаютъ къ обученію дѣтей чтенію и письму и, слѣдовательно, заучивать имъ молитвы приходится со словъ учителя; что ученики перваго года по своей малоразвитости не способны усвоить сознательно обширныя молитвы, состоящія изъ многихъ сложныхъ предложеній, или трудныя по своему слововыраженію; что съ другой стороны желательнымъ было бы пройти съ дѣтьми такой кругъ молитвъ, въ которомъ содержался бы возможно цѣлый курсъ православнаго христіанскаго вѣроученія, съѣздъ остановился для перваго года сельской школы на слѣдующихъ краткихъ молитвахъ: 1) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. 2) Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. 3) Господи Иисусе Христе... 4) Слава Тебѣ, Боже пашъ, слава Тебѣ. 5) Царю небесный... 6) Святыи Боже... 7) Слава Отцу и Сыну... 8) Пресвятая Троице... 9) Господи, помилуй. 10) Отче нашъ... 11) Господи, благослови. 12) Благодаримъ Тя, Христе Боже... 13) Богородице Дѣво... 14) Краткое молитвенное обращеніе къ ангелу хранителю и святому. 15) Спаси, Господи, люди Твоя... 16) Краткій памятникъ живыхъ и умершихъ.

Чтобы изученіе молитвъ не превратилось въ механическое, безъ пониманія ихъ смысла и безъ всякаго отношенія къ жизни, съѣздъ призналъ необходимыми слѣдующія мѣры:

1) Изученію молитвъ должно предшествовать собесѣдованіе о Богѣ-Творцѣ и Промыслителѣ, о молитвѣ славословія, благодаренія и прошенія, о вѣдѣніи знакахъ молитвы, особенно о крестномъ знаменіи

и о мѣстѣ молитвъ дома предъ иконами и въ храмѣ. 2) Изученію каждой молитвы въ отдѣльности должна предшествовать бесѣда о содержаніи этой молитвы, такъ чтобы она являлась какъ бы результатомъ этой бесѣды. Бесѣда должна состоять не изъ отвлеченныхъ разсужденій, доступныхъ только взрослымъ и развитымъ людямъ, а опираться на разказахъ изъ священной исторіи или, еще лучше, на разсмотрѣніи фактовъ жизни, доступныхъ дѣтскому наблюденію и пониманію. 3) При изученіи каждой молитвы въ отдѣльности нужно слѣдовать такому порядку: а) прочтеніе молитвы, б) объясненіе непонятныхъ словъ и замѣна ихъ болѣе понятными, в) разборъ молитвы по предложеніямъ, г) переводъ или возможно краткій и близкій къ тексту перифразъ молитвы, е) переспрашиваніе учениковъ, ф) заучиваніе молитвы дѣтьми посредствомъ многократнаго ея повторенія. При спрашиваніи учениковъ слѣдуетъ требовать полныхъ отвѣтовъ. 4) При изученіи молитвъ необходимо напоминать дѣтямъ, что они заучиваютъ ихъ не для класснаго отвѣта, а для употребленія въ своей жизни, и постоянно указывать имъ, когда и въ какихъ случаяхъ они должны молиться Богу словами той или другой молитвы.

При рѣшеніи вопроса — въ какомъ порядкѣ должны идти общія предварительныя бесѣды предъ изученіемъ молитвъ, члены съѣзда раздѣлились: одни соглашались съ мнѣніемъ о. Соболева, что сначала нужно говорить о Богѣ и молитвѣ къ Нему и затѣмъ уже о внѣшнихъ знакахъ и мѣстѣ молитвы, въ тѣхъ видахъ, чтобы отвлекать дѣтей отъ ложнаго представленія, будто вся суть молитвы состоитъ въ крестномъ знаменіи и въ иконѣ; другіе, вслѣдъ за о. Хутынскимъ, предлагали начинать съ объясненія внѣшнихъ молитвенныхъ знаковъ и затѣмъ переходить къ внутреннему смыслу молитвъ, выполняя этимъ педагогическое правило: идти отъ конкретнаго къ отвлеченному. Такъ какъ можно сказать многое въ пользу того и другаго изъ этихъ мнѣній и вопросъ касается не метода преподаванія, а приѣма его, разнообразіе же приѣмовъ не вредитъ единству преподаванія, то съѣздъ рѣшилъ предоставить порядокъ предварительныхъ собесѣдованій на полю законоучителей.

Оживленія преній возбудилъ вопросъ—въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ изучать самыя молитвы. Одни, вслѣдъ за о. Вѣтвеницкимъ, опираясь на указанія церковнаго устава, полагали необходимымъ изучать молитвы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены въ Часословѣ и Молитвословахъ и въ какомъ произносятся при общественномъ Богослуженіи. Мнѣніе это находитъ твердую опору въ

стремленіи сблизить школу съ церковью. Другіе возражали, что церковный распорядокъ молитвъ имѣетъ глубокую догматическую основу, пониманіе коей совершенно недоступно для дѣтей перваго возраста, только что начинающихъ учиться; иначе пришлось бы на первыхъ же урокахъ объяснять и изучать очень трудную по изложенію и содержанию молитву къ Духу Святому. О. Соболевъ предложилъ слѣдующій порядокъ: молитвы къ первому лицу Св. Троицы (Отче нашъ), ко второму лицу (Господи Іисусе), къ третьему лицу (Царю небесный), къ тремъ лицамъ Божества (Пресвятая Троице), къ Богоматери (Богородице Дѣво), Ангелу Хранителю, Святому, за Царя и отечество, за живыхъ и умершихъ. Краткія же молитвенныя обращенія могутъ быть присоединены, по его мнѣнію, къ указаннымъ въ началѣ молитвамъ. Соглашаясь съ цѣлесообразностью этого плана, большинство съѣзда пришло къ заключенію принять его въ руководство съ тѣмъ только, чтобы начинать изученіе съ самыхъ краткихъ молитвъ (Слава Тебѣ, Боже; Господи, благослови; Господи, помилуй; Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшному), — затѣмъ переходить къ изученію краткихъ же молитвъ къ Пресвятой Троицѣ и къ Господу Іисусу Христу и уже послѣ этого изучать молитвы: „Отче нашъ" и „Царю небесный". Принимая же во вниманіе важное значеніе церковнаго распредѣленія молитвъ, съѣздъ призналъ полезнымъ подѣлить указывать дѣтямъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ произносить ихъ по указанію православной церкви.

Второй годъ ученія. Руководствуясь указаніями программы, утвержденной Св. синодомъ въ 1869 году, съѣздъ рѣшилъ проходить во второй годъ ученія слѣдующіе краткіе разказы изъ священной, преимущественно новозавѣтной, исторіи: Сотвореніе міра и человѣка. Грѣхъ-паденіе первыхъ людей. Обѣщаніе Спасителя и наказаніе за грѣхъ. Всемирный потопъ. Непочтительность Хама къ отцу и появленіе идолопоклонства. Привзаніе Авраама и его потомства. Рождество Богоматери и введеніе ея во храмъ. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ. Рождество Христова. - Срѣщеніе Господне. Крещеніе Господне. Чудеса Христа Спасителя. Главныя заповѣди Христовы. Притча о милосердіи Самаритянъ. Ученіе Іисуса Христа о страшномъ судѣ. Ученіе Христова о молитвѣ. Благословеніе дѣтей. Преображеніе Господне. Воскрешеніе Лазаря. Торжественный входъ въ Іерусалимъ. Тайная вечеря. Крестныя страданія Іисуса Христа и смерть Его. Воскресеніе Христова. Вознесеніе Господне. Сшествіе Св. Духа. Успеніе

Богоматери и покровъ Ея надъ міромъ. Воздвиженіе Честнаго креста Христова.

Совмѣстно съ разказами изъ священной исторіи объясняются и заучиваются мало-по-малу символъ вѣры и заповѣди и дѣлаются указанія на важнѣйшіе обряды и дѣйствія православнаго Богослуженія. Изъ каждаго разказа законоучитель дѣлаетъ нравственные выводы.

Ученики этого отдѣленія читають Евангеліе на русскомъ языкѣ.

Третій годъ ученія. Въ третій годъ стѣздъ считалъ необходимымъ изучить, съ повтореніемъ прежде пройденнаго, слѣдующіе краткіе разказы: изъ ветхозавѣтной исторіи: Столпотвореніе Вавилонское. Жертвоприношеніе Исаака. Исторія Іова. Рожденіе и призваніе Моисея. Исходъ Евреевъ изъ Египта. Синайское законодательство. Вступленіе Израилтянъ въ обѣтованную землю. Краткое понятіе о временахъ судей. Краткія свѣдѣнія о временахъ царей. Понятіе о пророкахъ и событія изъ жизни Іліи и Елисея. О пророкѣ Давидѣ. Краткія свѣдѣнія о судьбѣ іудейскаго царства послѣ вавилонскаго плѣна.—Изъ новозавѣтной исторіи: Объ Іоаннѣ Предтечѣ и его проповѣди. Укрощеніе Іисусомъ Христомъ бури на озерѣ. Изцѣленіе гадаринскаго бѣсноватаго. Судъ надъ Іисусомъ Христомъ у первосвященниковъ и у Пилата. Краткое ученіе о церкви Христовой. Устройство христіанскихъ храмовъ. О числѣ таинствъ и главнѣйшихъ дѣйствіяхъ при совершеніи ихъ. Понятіе о Священномъ писаніи и символѣ вѣры.

Изъ каждаго разказа законоучитель дѣлаетъ нравственные выводы примѣнительно къ жизни своихъ учениковъ.

Совмѣстно съ разказами объясняются и изучаются молитвы: утреннія (къ Тебѣ, Владыко), вечернія (Господи, Боже нашъ) и „Достойно есть“. Если будетъ время, то ученики этого года пройдутъ объясненіе литургіи. Евангеліе они читають на славянскомъ языкѣ.

По вопросу о числѣ уроковъ, потребныхъ для прохожденія курса закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, стѣздъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: на практикѣ установился и условіями жизни сельскихъ священниковъ, отвлекаемыхъ отъ преподаванія исполненіемъ церковныхъ требъ, поддерживается обычай назначать для закона Божія по четыре часовыхъ урока въ недѣлю, причемъ на каждое отдѣленіе школы приходится еженедѣльно по два урока въ 40 минутъ каждый, вѣрнѣе въ 30 минутъ, такъ какъ 10 минутъ уходятъ на задаваніе и пересмотръ самостоятельныхъ работъ. По

мнѣнію присутствовавшихъ на сѣздѣ, этого времени достаточно для того, чтобы пройти курсъ съ среднимъ и высшимъ отдѣленіями школы и приготовить послѣднее изъ нихъ къ окончательному экзамену, оставляя безъ правильныхъ и постоянныхъ занятій младшее отдѣленіе. Если же заниматься и съ нимъ совершенно такъ же, какъ съ двумя старшими, то придется или сократить программу, что невозможно въ виду установленныхъ правилъ для пользованія льготою по воинской повинности, или увеличить число недѣльных уроковъ до шести, какъ это сдѣлано въ школахъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; съ этимъ послѣднимъ не могутъ согласиться нѣкоторые изъ законоучителей, особенно изъ имѣющихъ въ своемъ приходѣ по двѣ школы, по недостатку времени, а земская управа не предвидитъ пока возможности найти средства для увеличенія вознагражденія законоучителей. Кромя того, многіе изъ нихъ заявили, что они не могутъ придумать самостоятельныхъ работъ по закону Божію для младшаго отдѣленія въ первые три мѣсяца учебнаго года; всѣ работы, предложенныя нѣкоторыми изъ членовъ сѣзда (какъ, напримѣръ, писаніе учениками буквъ и т. п.), взяты изъ области предметовъ, преподаваемыхъ учителемъ.

На основаніи всего этого, законоучители пришли къ убѣжденію, чтобы учителя и учительницы оказывали имъ содѣйствіе, принявъ на себя обязанность вести первое отдѣленіе школы и по предмету закона Божія, а именно: пройти съ дѣтьми предложенный выше кругъ повседневныхъ молитвъ съ доступнымъ для нихъ объясненіемъ смысла. Учителя будутъ вести объясненія подъ надзоромъ законоучителя и строго держась одобреннаго имъ руководства; законоучитель, разумѣется, будетъ наблюдать только за правильностію объясненія молитвъ, предоставляя учителю выборъ приема преподаванія и распредѣленіе предоставленнаго ему учебнаго матеріала. Если бы учителя и учительницы взяли на себя этотъ трудъ, то законоучитель могъ бы все время употребить на обученіе дѣтей двухъ высшихъ отдѣленій и пройти съ ними курсъ закона Божія съ успѣхомъ и безъ всякаго для нихъ обремененія.

Въ видахъ сокращенія числа пріѣздовъ въ школу всѣ законоучители высказали желаніе, чтобы имъ дозволено было соединять въ одинъ разъ по два часовыхъ урока и пріѣзжать въ школу два раза въ недѣлю.

Законоучители заявили, что сельскіе священники, при всемъ желаніи быть строго точными въ выполненіи своихъ обязанностей, бы-

ваютъ иногда поставлены въ необходимость или мажорировать урокомъ, или переносить его на другой часъ и день, а потому и слѣдовало бы разрѣшить имъ подобное перемѣщеніе уроковъ, при чемъ каждый разъ они должны извѣщать объ этомъ заранее.

Что касается метода преподаванія закона Божія, законоучители, согласно программѣ, утвержденной Св. Синодомъ въ 1869 г., рѣшили: символъ вѣры, заповѣди и молитвы изучать и объяснять совмѣстно съ разказами изъ св. исторій и дѣлать при этомъ объяснительныя указанія на важнѣйшія дѣйствія Богослуженія; но въ вопросѣ о приложеніи этого метода произошло разногласіе: одни предлагали изучать сначала молитву, вѣроопредѣленіе или заповѣдь, затѣмъ объяснять заученное отвлеченное положеніе и послѣ того, для большаго уясненія предмета, излагать событія св. исторій, то-есть, отъ отвлеченнаго переходить къ конкретному; другіе, напротивъ, предпочитали противный путь. Соотвѣтственно этимъ двумъ мнѣніямъ высказаны были противоположныя взгляды и на значеніе наглядныхъ пособій, каковы картины изъ св. исторій. Державшіеся перваго мнѣнія находили эти картины или совершенно бесполезными, или пригодными только для того, чтобы при помощи ихъ привлечь и сосредоточить вниманіе учениковъ; приверженцы втораго мнѣнія считали картины полезными и даже необходимыми для полнаго уясненія, путемъ наводящихъ вопросовъ, сущности событій и отношенія ихъ къ жизни учащихъся. Защитники употребленія наглядныхъ пособій при преподаваніи закона Божія доказывали, что существующія въ употребленіи картины (иностраннаго происхожденія) не вполне удовлетворяютъ требованіямъ нашей школы и потому не могутъ приносить ожидаемой отъ нихъ пользы, а для большинства учителей, не вполне знакомыхъ съ методомъ нагляднаго обученія, или ненужны, или служатъ только развлеченіемъ. Послѣ долгихъ преній съѣздъ, опиравшійся на ясныхъ предписанія программы, утвержденной Св. Синодомъ въ 1869 г., а равно и на указанія опыта, пришелъ къ заключенію: во второй и третій годы ученія преподаваніе каждаго урока начинать малолѣтнѣмъ событіямъ св. исторій, переходить затѣмъ къ объясненію и изученію символа вѣры, заповѣдей и молитвъ и къ сообщенію важнѣйшихъ богослужебныхъ свѣдѣній. Что же касается до объясненія и изученія молитвъ въ первомъ годѣ ученія, то, признавъ обязательными предварительныя бесѣды, оставить на волю преподавателей выборъ событій изъ области св. исторій, или ежедневныхъ явленій, доступныхъ дѣтскому пониманію.

Распредѣливъ программу закона Божія на три учебныхъ года и опредѣливъ методъ преподаванія этого предмета, съѣздъ приступилъ къ учебникамъ и учебнымъ пособиямъ. Для перваго года сочтено было полезнымъ не назначать учебника, такъ какъ дѣти заучиваютъ молитвы со словъ учителя, а объяснительные разказы изъ св. исторіи ведутся по картинамъ. Пособіемъ могутъ служить: 1) переводы на русскій языкъ самыхъ употребительныхъ молитвъ Чечены. 2) Объясненіе символа вѣры, молитвъ и заповѣдей, съ подготовительными къ нему разказами изъ св. исторіи, Григорія Чельцова. 3) Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ, протоіерея Д. Соколова и 4) Уроки по закону Божию для народныхъ школъ, изд. Московскаго комитета грамотности. Наилучшимъ руководствомъ для втораго и третьяго отдѣленій было признано: „Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ“ протоіерея Д. Соколова. Учебнымъ пособіемъ для этихъ отдѣленій можетъ также служить „Книга для духовно-нравственнаго наставленія въ законѣ Божиѣ“, протоіерея Платона Афинскаго. Кромѣ того, желательно, чтобы Евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ находилось у каждаго ученика, особенно въ высшихъ отдѣленіяхъ школы; а какъ на наглядное пособіе для одноклассныхъ сельскихъ школъ съѣздъ указалъ на изданіе картинъ изъ св. исторіи, выполняемое С.-Петербургскими заведеніемъ мстахромотиіи. Если же картины эти окажутся недоступными по цѣнѣ для земскихъ школъ, то могутъ быть употребляемы картины, издаваемые Московскимъ комитетомъ грамотности. Хорошо было бы имѣть большую карту мѣстностей, упоминаемыхъ въ св. исторіи, но такъ какъ таковой въ продажѣ не имѣется, то остается пользоваться большою картою Палестины, изданною Иль-нымъ.

Кромѣ указанныхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, съѣздъ находилъ полезнымъ имѣть въ школѣ слѣдующія книги для чтенія учениковъ: Чтеніе изъ Псалтыри и пророческихъ книгъ ветхаго заплѣта, изд. Лицея Цесаревича Николая; Сокровище духовное, отъ міра собираемое изъ твореній св. Тихона, В. Важанова; Принѣрмъ благочестія изъ житій святыхъ, В. Важанова; Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, св. Свирѣлина; Соловецкій монастырь, соч. Максимова, изд. постоянной комиссіи народныхъ чтеній; Троицкая Сергіевская лавра, изд. постоянной комиссіи народныхъ чтеній; Святѣиіи Кіеіа, свѣц. Опатовича; О свѣтой землѣ, 12 чтеній для народа, св. В. Пѣцова; Избранная житія святыхъ, кратко наложен-

ныя по руководству Четинхъ Миней, составл. Бахметовою. 12 книгъ; Св. Кириллъ и Меодій—просвѣтители Славинъ, чтеніе для народа, П. Рогова; Житіе преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, народное изд. фанъ-дерь-Флинта и Кочетова; Чтеніе для дѣтсѣй, на-сторѣ Тодто; ученіе о Богослуженіи православной церкви, протоіерея Д. Соколова; Руководство къ пониманію православнаго Богослуженія, свящ. П. Лебедева; Слѣдованная Псалтирь и Часословъ (для приу-ченія дѣтсѣй къ чтенію въ церкви); Изложеніе литургій св. Іоанна Златоустаго для миринъ, изд. Св. Синода.—Для фундаментальной би-бліотеки: Библия на русскомъ языкѣ; Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, св. Смарагда; О церковномъ Богослуженіи,—писма къ православному, І. І. Ыльюстина; Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній изъ Апостола, В. Николаевского; Исторія Русской церкви (сокращен-ная) архіеп. Филарета; Разказы изъ исторіи христіанской церкви, изд. Бахметовой, 3 части; Руководство къ преподаванію закона Бо-жія, свящ. І. Вѣтвеницкаго; Училище благочестія; Опытъ методиче-скаго руководства для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ св. исторіи свящ. Пѣвцова (хотя, по мнѣнію съѣзда, картины Шрейбера, для которыхъ составлена книга о. Пѣвцова, едва-ли могутъ служить по-собіемъ для нашей школы); Руководство къ преподаванію общеобра-зовательныхъ предметовъ, изд. Весселемъ. Т. II (статья Соколова: „О преподаваніи закона Божія“).

При разрѣшеніи вопроса — изъ чѣмъ должны состоять самосто-ятельныя работы по закону Божію—нѣкоторые законоучители изло-жили, какъ они ведутъ уроки съ тремя отдѣленіями школы. Изъ изсказаннаго ими оказалось, что нѣкоторые задають урокъ одно-временно двумъ старшимъ отдѣленіямъ, а младшее оставляють или безъ дѣла, или дають ему разглядывать картины по св. исторіи; многіе, занимаясь однимъ изъ старшихъ отдѣленій, другому дають самостоятельную работу и слѣдятъ за выполненіемъ ея, а младшее занимають чѣмъ случится. Всѣ вообще высказали недоумѣніе, чѣмъ занимать младшее отдѣленіе школы, когда идетъ урокъ въ стар-шихъ отдѣленіяхъ. Съѣздъ остановился на слѣдующемъ: а) каждый урокъ долженъ быть преподаваемъ каждому отдѣленію школы от-дѣльно; преподаваніе одного и того же урока двумъ отдѣленіямъ за-разъ не должно быть допускаемо; б) во время занятій съ однимъ отдѣленіемъ школы, другія два слѣдуетъ занимать посильными само-стоятельными работами, и в) за дисциплину въ классѣ отвѣчаетъ тотъ часть сесіи, отд. 4.

учитель, который занимается съ нимъ; поэтому поддерживать дисциплину во время урока по закону Божію лежитъ на обязанности законоучителя. Самостоятельными работами для средняго и старшаго отдѣленій, а въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго года и для младшаго, могутъ служить: списываніе съ доски или книги изучаемой молитвы, переписываніе въ тетрадь славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ изучаемой молитвѣ, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, письменный переводъ или перифразъ молитвы, письменное изложеніе разказаннаго законоучителемъ; приписыванье и чтеніе въ славянскомъ Евангеліи преподаваннаго законоучителемъ разказа, повтореніе разказаннаго учителемъ урока. Въ заключеніе, всѣ согласились, что самостоятельныя работы въ первые четыре мѣсяца ученія должны были бы лежать на обязанности учителей и учительницъ.

На сѣздѣ прочитано было мнѣніе о. Силина „о содѣйствіи учителя законоучителя въ нравственномъ воспитаніи дѣтей народнаго училища“. Для достиженія этой цѣли, о. Силинъ предлагалъ слѣдующія мѣры: ежедневно утромъ дѣти, подъ наблюденіемъ учителя или учительницы, совершаютъ утреннюю молитву; вслѣдъ за молитвою учитель или учительница читаетъ главу изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ, содержаніе коей предварительно сообщается дѣтямъ; послѣ каждой перемены дѣти поютъ „Отче нашъ“ или „Достойно“, или символъ вѣры; молитвы читаются предъ обѣдомъ, предъ началомъ ученія, послѣ обѣда, по окончаніи уроковъ и вечернія; къ вечернимъ присоединяется напутственное чтеніе славянскаго текста 10 заповѣдей и изъ Еванг. Матфея гл. XXII, ст. 37—40: Старшимъ дѣтямъ, для поощренія ихъ и въ утѣху родителей, можно дозволить въ церкви чтеніе псалмовъ, канонъ и часовъ, но не Апостолъ. Такъ какъ большая часть мѣръ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, предлагаемыхъ о. Силинымъ, указана въ инструкціи земскимъ учителямъ, то сѣздъ не нашелъ нужнымъ подвергать ихъ новому разсмотрѣнію. Рѣшено было только нѣсколько частныхъ вопросовъ и недоразумѣній, вызываемыхъ какъ означенною инструкціею, такъ и заявленіями о. Силина: что разумѣть подъ молитвою утреннею, одну или рядъ молитвъ? По мнѣнію сѣзда, число молитвъ не должно быть велико, — къ предначинательнымъ по „Отче нашъ“ достаточно прибавить „Къ Тебѣ, Владыко“..., молитву за Царя, и затѣмъ молитву предъ ученіемъ. Молитвы утреннія должны читать старшіе ученики и непременно по книгѣ. Вмѣсто чтенія цѣлой главы изъ Евангелія на славянскомъ языкѣ, сѣздъ нашелъ болѣе цѣлесо-

образнымъ чтеніе Евангелія по русски небольшими отрывками, по указанію законоучителя. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ священникъ, по характеру своего прихода, находитъ неудобнымъ замѣну славянскаго языка русскимъ, можетъ быть читаемо Евангеліе и по славянски, но затѣмъ непременно долженъ быть прочитанъ и русскій его переводъ. Пѣніе дѣтьми молитвъ въ учебное время было бы желательно въ видахъ постепеннаго приученія дѣтей къ пѣнію въ церкви, и съѣздъ выразилъ убѣжденіе, что законоучитель или учитель не оставить этого безъ вниманія, а содержатели школъ употребятъ зависящія отъ нихъ средства на введеніе во всѣхъ школахъ правильнаго обученія церковному пѣнію. Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ о. Силина, что неудобно допускать дѣтей до чтенія Апостола въ церкви, — ребенокъ можетъ смутиться, остановиться и тѣмъ произвести нѣкоторое замѣшательство; этого смущенія не бываетъ при чтеніи часовъ или канонъ на клиросѣ, гдѣ читающій каждую минуту можетъ быть поддержанъ и замѣненъ псаломщикомъ.

Нѣкоторыми законоучителями заданъ былъ вопросъ: обязаны ли учителя и учительницы ходить съ дѣтьми въ церковь по праздничнымъ днямъ, а также постомъ говѣть съ ними? Съѣздъ, въ виду разбросанности сельскаго населенія, нашелъ невозможнымъ обязать всѣхъ безразлично учителей по праздникамъ собирать учениковъ въ школу и вестъ ихъ въ церковь, хотя тамъ, гдѣ это возможно, слѣдуетъ непременно поступать такимъ образомъ. Что же касается говѣнья, то учителя должны, конечно, заботиться, чтобы всѣ учащіеся въ школахъ говѣли одновременно, вмѣстѣ съ своими родителями, и, въ такомъ случаѣ, они обязаны водить дѣтей къ Богослуженію и наблюдать за ними въ церкви.

НЕКРОЛОГЪ.

1.

А. Н. Поповъ..

Двѣ недѣли тому назадъ, 16-го ноября, скончался 57 лѣтъ отъ роду, послѣ не очень продолжительной, но тяжелой болѣзни, одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ нашихъ ученыхъ дѣятелей Александръ Николаевичъ Поповъ. Печать наша до сихъ поръ, за весьма немногими исключеніями, не отозвалась еще на это прискорбное событіе. Думаемъ, что произошло это отнюдь не отъ равнодушія и также не отъ того, чтобы заслуги покойнаго были мало извѣстны и недостаточно цѣнились людьми, дорожащими успѣхами отечественной науки. Скорѣе слѣдуетъ предположить противное: говорить объ А. Н. Поповѣ значитъ говорить главнымъ образомъ объ его ученыхъ трудахъ, въ которыхъ сосредоточивался для него интересъ и цѣль жизни, а труды эти такъ разнообразны и отиѣсны такимъ самостоятельнымъ характеромъ, что бѣглый очеркъ не можетъ дать надлежащаго о нихъ понятія. Нужно многое припомнить и многое сообразить для достойнаго выполненія подобной задачи. Не считая возможнымъ приступить къ ней теперь же, въ виду еще свѣжей могилы, считаемъ однако долгомъ почтить пѣсколькими сочувственными словами память человека, который былъ дорогъ намъ во многихъ отношеніяхъ, и между прочимъ потому, что въ теченіе тридцати лѣтъ сряду многія изъ его произведеній появлялись на страницахъ нашего журнала.

Укажемъ прежде всего на одну, весьма замѣчательную черту въ дѣятельности А. Н. Попова. Нередко случается у насъ, что человѣкъ выступаетъ на ученое поприще съ блестящимъ успѣхомъ и поз-

буждает большія надежды, но съ теченіемъ времени энергія его ослабѣваетъ и надежды превращаются въ воспоминанія. Покойный, напротивъ, оставался вѣренъ себѣ отъ начала до конца. Можно сказать даже, что если въ молодости трудился онъ неутомимо, то съ годами страсть къ труду постепенно возрастала въ немъ,—что если, выступивъ на ученое поприще, онъ тотчасъ же обратился на себѣ вниманіе лучшихъ ревнителей науки, то многое, чѣмъ по справедливости могъ онъ гордиться, совершенно было имъ подтѣвлено въ концѣ его жизни. Такова же была судьба и литературной его репутаціи: онъ всегда пользовался почетною извѣстностью, но въ началѣ извѣстность эта не выходила изъ тѣснаго у насъ круга людей, исключительно занимающихся наукою, тогда какъ въ послѣдніе годы имя его сдѣлалось достояніемъ всей просвѣщенной публики, съ жадностью читавшей обширные отдѣлы изъ его „Исторіи отечественной войны 1812 года“.

А. Н. Поповъ окончилъ курсъ въ 1839 году по юридическому факультету Московскаго университета и вышелъ первымъ кандидатомъ; чрезъ два года послѣ того онъ уже издалъ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву“, вызвавшую, между прочимъ, полемику между авторомъ и М. П. Погодинымъ въ *Москвитяинѣ* (1842 г.), главнымъ образомъ потому, что А. Н. отстранялъ вопросъ о національности Варяговъ. Замѣтимъ при этомъ, что онъ былъ первымъ изъ удостоенныхъ Московскимъ университетомъ степени магистра юридическихъ наукъ по уставу 1836 года. Уже въ это время узлы тѣсной дружбы связывали его съ представителями кружка, извѣстнаго подъ именемъ славянофиловъ; но хотя А. Н. Поповъ принадлежалъ къ нему, хотя онъ горячо сочувствовалъ образу мыслей такихъ людей, какъ Ю. О. Самаринъ, А. С. Хомяковъ и др., направленіе упомянутаго кружка только отчасти отражалось на его трудахъ. Причину того слѣдуетъ, быть можетъ, искать въ общемъ складѣ его ума, въ высшей степени положительнаго и точнаго, ставившаго себѣ главною задачею, приступая къ какому-нибудь явленію, изслѣдовать его со всѣхъ сторонъ, а не подводить его подъ тѣ или другія теоріи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ, между прочимъ, на слѣдующее обстоятельство: въ половинѣ сороковыхъ годовъ посѣтилъ онъ Черногорію, издалъ отдѣльно описаніе своего путешествія въ эту страну (С.-Пб., 1846 г.) и помѣстилъ о ней двѣ обширныя статьи въ *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія* за 1846 годъ („Очеркъ исторіи Черногорья“ т. XLIX и „Законодательный бытъ Черногорья“ т. LI).

мы находимъ тутъ мало слѣдовъ славянофильскихъ тенденцій; авторъ избѣгаетъ общихъ разсужденій, не говоритъ почти вовсе о лич- ныхъ своихъ впечатлѣніяхъ, но за то старается обстоятельно позна- комить читателей съ историческими судьбами и съ внутреннимъ устройствомъ Черногорскаго племени, и тотчасъ видно, что за дѣло это взялся человекъ какъ нельзя лучше подготовленный къ нему. Исторію Черной Горы излагаетъ онъ на основаніи печатныхъ произ- веденій, изданныхъ въ Вѣлградѣ и Цетинѣ, на основаніи разсказовъ владыки и другихъ вліятельныхъ лицъ, а также народныхъ пѣсней, записанныхъ имъ со словъ Вука Караджича и Милутиновича; говоря о законодательномъ бытѣ Черногоріи, онъ объясняетъ происхождение судейскаго владыки Пистра и подвергаетъ его подробному разбору. Вездѣ на первомъ планѣ внимательное изученіе дѣла, желаніе пролить на него какъ можно болѣе свѣта, а если ужъ донскиваться непремѣнно тенденцій автора, то охотники этого могли указать развѣ на замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: „Грознѣе, опаснѣе силы Турокъ предстоитъ Чер- ногорью новая опасность — вліяніе чуждаго просвѣщенія. Сколько славянскихъ племенъ, чрезъ нравственное вліяніе чуждыхъ началъ, замолкли въ исторіи и подпали чуждой власти! Бѣдная небольшая область Черной Горы, отдѣленная отъ моря, не имѣетъ достаточно средствъ къ развитію промышленности и народнаго богатства. По внѣшней необходимости она должна быть въ зависимости отъ дру- гихъ; поэтому легко проникнуть чуждому просвѣщенію въ Черного- рію. Пожелаемъ, чтобы новое просвѣщеніе въ Черной Горѣ созда- лось на основаніи православной вѣры и славянской народности. Дос- тигнуть собственною силою до независимости внѣшней, достигнуть и до независимости духовной, независимости просвѣщенія — достойно Черногорья, племени намъ однороднаго, маленькаго племени, которое столѣтія вело войну „ради свете вѣре православне и свободе свога отечества“.

Въ промежутокъ времени отъ 1842 до 1850 года не переставали появляться статьи А. Н. Попова преимущественно историко- юриди- ческаго содержанія: особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ пре- красная статья его о Шлецерѣ (*Московскій Сборникъ*, 1847 г.), въ ко- торой, съ обычною своею осторожностью въ выводахъ, авторъ дер- жался середины между приверженцами варяжской и славянской теорій о происхожденіи Руси; затѣмъ статьи „Объ опекахъ и наслѣдствѣ во время Русской Правды“ (*Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи* Д. Валуева, 1845 г.) и „Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ

въ Московскомъ государствѣ" (*Съсрное Обзор.* 1849 г., кн. I) ¹⁾. Но, занимаясь предметомъ своей специальности, А. Н. Поповъ не ограничивался только имъ. Мы видимъ, что въ сороковыхъ годахъ, послѣ того какъ посѣтилъ онъ славянскія земли и Италію, онъ очень интересовался искусствомъ, о чемъ свидѣтельствуемъ цѣлый рядъ его статей: „О чешской живописи“ (въ *Часопись Чешскаго Музея* 1842 г. и въ *Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ.*, т. XIII), „О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ“ (*Моск. Сбор.* 1846 г.), „Объ италянскон живописи въ среднихъ вѣкахъ. I. Джіотто и его послѣдователи“ (*Със. Обзор.* 1848, кн. I), „Иконописаніе. Матеріалы для исторіи русскихъ художествъ“ (тамъ же, 1849 г., кн. I). Въ особенности интересовало его то религіозное направленіе, которымъ отличалось искусство среднихъ вѣковъ до эпохи Возрожденія; онъ справедливо видѣлъ, въ немъ много общаго съ нашею старинною иконописью.

По защищеніи магистерской диссертациі Александръ Николаевичъ желалъ, кажется, занять каведру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ намѣреніе его не могло осуществиться. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу секретаремъ въ первый департаментъ Правительствующаго Сената, при чемъ, по докладу графа Блудова, повелѣно было ему заниматься и работами во II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, а въ 1846 году онъ оставилъ службу въ Сенатѣ и былъ причисленъ во II Отдѣленіи „для составленія исторіи уголовного судопроизводства и гражданскаго права“. Графъ Д. Н. Блудовъ, стоявшій тогда во главѣ этого учрежденія, славился, какъ извѣстно, своимъ умѣньемъ привлеать къ себѣ людей науки, оказывая имъ просвѣщенное покровительство въ ихъ занятіяхъ, и конечно онъ сдѣлалъ отличный выборъ въ лицѣ чловека съ такимъ свѣтлымъ умомъ, многосторонними способностями и обширнымъ юридическимъ образованіемъ, какимъ былъ А. Н. Поповъ. Тѣсная связь установилась между подчиненнымъ и начальни-

¹⁾ Упомянемъ здѣсь также о нѣкоторыхъ рецензіяхъ А. Н. Попова за означенный періодъ времени: въ *Ж. М. Н. Пр.*, т. I, рецензія на «Сибирскій Сборникъ»; тамъ же, т. II, рецензія на первый томъ «Исторіи русской словесности» С. П. Шевырева; въ *Съср. Обзор.* 1849 г., кн. I, разборы «Исторіи русскаго гражданскаго судопроизводства», соч. М. Михайлова и «Обозрѣнія высшей исторіи русскаго законодательства» Н. Рождественскаго.

комъ. А. Н. принадлежала видная роль въ работахъ, лежавшихъ на обязанности Второго Отдѣленія,—не забудемъ, между прочимъ, что въ 1860 году былъ онъ назначенъ членомъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому вопросу,—по тѣмъ же время не прекращалась и ученая его дѣятельность, въ которой значительную пользу оказывало вліяніе графа Д. Н. Блудова, предоставлявшаго ему возможность пользоваться многими, что иначе оставалось бы недоступнымъ для него ¹⁾. Упомянемъ о главнѣйшихъ трудахъ А. Н., начиная съ 1850 года. Вмѣстѣ съ А. О. Бычковымъ редактировалъ онъ I-й томъ Дворцовыхъ Разрядовъ, изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи и написалъ къ нимъ предисловіе; онъ же принималъ дѣятельное участіе въ другомъ предпріятіи Второго Отдѣленія — въ изданіи „Памятникомъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи“, которое въ настоящее время должно быть возобновлено Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ; въ началѣ пятидесятихъ годовъ занималъ онъ должность секретаря Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1857 году А. Н. Поповъ помѣстилъ въ *Русской Бесѣдѣ* свои изслѣдованія о бунтѣ Стеньки Разина и напечаталъ матеріалы, относящіеся къ этому предмету; трудъ, о которомъ мы говоримъ, исчерпываетъ какъ нельзя болѣе полно фактическую сторону упомянутого событія, такъ что въ этомъ отношеніи не прибавлено ничего существеннаго историками, которые по слѣдамъ его занимались смутю, вспыхнувшей при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Считаемо не лишнимъ представить здѣсь перечень другихъ трудовъ Александра Николаевича: въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* помѣщена была нѣтъ статья „Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ“ (1851, т. LX), въ *Временникѣ Моск. Общ. истор. и древ. Росс.* (1851 г.)—„Переписка дьяка Васильева“ и тамъ же (1852 г.)—уставная грамота патріарха Адріана къ архимандриту Троицко-Сергіева монастыря Евфимію; въ *Запискахъ Им. Геогр. Общ.* (1853 г.)—„Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ“; въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ (1854 г.)—„Лѣтопись великихъ князей Литовскихъ“; въ *Русской Бесѣдѣ* (1856 г., кн. I)—„Русское посольство во Францію въ 1668 году“ и тамъ же

¹⁾ Что касается отношеній А. Н. Попова къ названному нами государственному челоѣку, то см. объ этомъ, между прочимъ, рѣчь его «Нѣсколько словъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ», произнесенную 4-го марта 1864 года въ Им. Русск. Археологическомъ Обществѣ.

(кн. II)—„Сокола и вѣрета царя Алексѣя Михайловича“; въ *Рус. Вѣстникѣ* (1857 г., кн. VIII) — „Турецкая война при Θεодорѣ Алексѣвичѣ“, въ *Русской Вѣсткѣ* (1858 г., кн. IV)—„О построеніи корабля Орла въ царствованіе Алексѣя Михайловича“; въ *Вѣстникѣ Европы* (1868 г.) — „Дѣло Новикова и его товарищей“ и въ *Зарѣ* (1870 г.)—„Разсужденія по законамъ о наслѣдствѣ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія“; статьи эта представляетъ лишь отрывокъ изъ исторіи наслѣдственнаго права въ Россіи, оставшейся въ рукописи. Отдѣльно было издано А. Н. Поповымъ (1854 г.)—„Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 гг. (Нѣсколько лѣтъ изъ отношеній древней Россіи къ европейскимъ державамъ)“. Кромѣ того ему же принадлежатъ: замѣтка объ одной иконѣ со славянскою надписью въ храмѣ св. Петра въ Римѣ (*Иза. Р. Арх. Общ.* 1857 г., т. I), редакція IV, V и VIII томовъ „Записокъ Имп. Русскаго Археологическаго общества (при чемъ въ V томѣ помѣщена была имъ статья „Дипломатическая тайнопись временъ Алексѣя Михайловича“) и VI тома „Записокъ Русск. Географическаго общества“¹⁾.

Благодаря служебному своему положенію, А. Н. имѣлъ въ распоряженіи своемъ много важныхъ документовъ, относящихся къ исторіи отношеній нашего правительства къ римской куріи. Съ общиною своею добросовѣстностью занялся онъ изученіемъ этого предмета и плодомъ его занятій были обширныя и въ высшей степени интересныя статьи: „Послѣдняя судьба папской власти въ Россіи“ (*Вѣстн. Европы* 1868 г.) и „Споменія Россіи съ папскимъ дворомъ въ 1845—1847 годахъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1870 г., т. CXLVII—CXLIH). Это обстоятельство побуждало Академію Наукъ, при обсужденіи сочиненій, представляемыхъ на Уваровскія преміи, поручать А. Н. Попову разсмотрѣніе такихъ трудовъ, кои касались отношеній католицизма къ Россіи²⁾.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины А. Н. Поповъ сосредоточилъ ученую свою дѣятельность главнымъ образомъ на достослав-

¹⁾ Сверхъ того рецензіи напечатаны были А. Н. Поповымъ: на сборникъ стиховъ съ древнихъ печатей П. И. Иванова и на *Чтенія Моск. Общ. истор. и древн.* (въ *Иза. Арх. Общ.* т. I).

²⁾ Въслѣдствіе того имъ написаны рецензіи: на сочиненіе священника Морошкина «Иезуиты въ Россіи съ царствованія императрицы Елизаветы II» въ 11-мъ и 14-мъ присужденіи наградъ графа Уварова и на соч. г. Коллонтача «Исторія воссоединенія западнорусскихъ униатовъ старыхъ временъ» въ 17-мъ присужденіи тѣхъ же наградъ.

номъ событій въ нашей исторіи — отечественной войнѣ 1812 года. Подготовительныя его работы были чрезвычайно обширны; онъ усуминно работалъ въ архивахъ, старался отыскивать документы и въ другихъ мѣстахъ и любознательно было слушать его разказы о томъ, какъ иногда случалось ему находить ихъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было бы ихъ ожидать. Сколько можно было судить изъ его словъ, онъ успѣлъ довести до конца свой трудъ, который нуждался лишь въ окончательной редакціи, — слѣдовательно есть надежда, что публика увидитъ его въ печати. Отдѣльныя части этого труда появились уже на страницахъ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, *Русскую Архива* и *Русской Старины* и три первыхъ изъ нихъ (отрывокъ, появившійся въ *Русской Старинѣ*, еще не былъ оконченъ печатаніемъ, когда скончался авторъ) были удостоены Уваровской преміи. Въмѣсто собственнаго сужденія о достоинствѣ ихъ, мы предпочитаемъ сослаться на сужденіе такого компетентнаго лица, какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, которое читатели найдутъ въ этой же книгѣ нашего журнала (отд. IV, Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова, 70—73). По справедливому его замѣчанію важность упомянутыхъ монографій, тѣмъ значительнѣе, что онъ послужатъ къ распространенію въ публикѣ правильныхъ воззрѣній на достопамятныя событія 1812 года, будутъ поддерживать память о нихъ и самымъ своимъ объективнымъ безпристрастіемъ способствовать воспитанію патриотическихъ чувствъ, никогда прочно не поддерживающихся тенденціозными писаніями*.

Въ половинѣ минувшаго сентября вернулся А. Н. Поповъ изъ деревни и при свиданіи нашемъ съ нимъ нельзя было и замѣтить при знакахъ недуга, который, чрезъ нѣсколько же дней послѣ того, долженъ былъ совершенно разбить его организмъ: съ такимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о событіяхъ теперешней войны, о своихъ занятіяхъ, такъ спѣшилъ онъ изготовленіемъ одного изъ томовъ сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, содержаніе коихъ составляли доставленные имъ документы, относящіеся къ первой четверти текущаго столѣтія, и который долженъ былъ появиться ко дню столѣтней годовщины рожденія императора Александра Павловича. Чрезъ два мѣсяца послѣ того лежалъ уже предъ нами бездыханный трущъ ревностнаго труженика науки. Много сдѣлалъ онъ для нея и оставилъ по себѣ имя, которое всегда будетъ произноситься съ признательностью и уваженіемъ.

II.

Ө. В. Чижовъ.

14-го ноября скончался въ Москвѣ одинъ изъ извѣстѣйшихъ представителей такъ-называемаго славянофильства 1840-хъ годовъ, замѣчательный своимъ умомъ и образованіемъ писатель и общественный дѣятель—Өдоръ Васильевичъ Чижовъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, онъ родился въ 1811 году, а образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1832 году со степенью кандидата. Специальностью его въ университетѣ были математическія науки, которыми онъ занимался съ большою любовью и замѣчательнымъ успѣхомъ. Уже въ 1833 году былъ онъ приглашенъ для чтенія, въ Петербургскомъ университетѣ, начертательной геометріи. Въ 1836 году онъ напечаталъ магистерскую диссертацию: „Объ общей теоріи равновѣсія съ приложеніемъ къ равновѣсію жидкихъ тѣлъ и опредѣленію фигуры земли“; сочиненіе это—по отзыву специалистовъ—отличается особенною отчетливостью изложенія этой, столь важной въ аналитической механикѣ, теоріи. Затѣмъ въ 1838 году Чижовъ издалъ довольно большой, основанный на трудахъ Пертингтона, Стефенсона и Араго, трудъ подъ заглавіемъ: „Паровыя машины. Исторія, описаніе и приложеніе ихъ“, со множествомъ чертежей; это было первое по сему предмету сочиненіе на русскомъ языкѣ. Университетское преподаваніе, а равно и учено-литературные труды по математическимъ наукамъ Чижовъ продолжалъ до исхода 1840 года, при чемъ статьи свои печаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Синѣ Отечества*, *Библіотекѣ для чтенія* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

Но въ то же время дѣятельная мысль Чижова начала обращаться въ другую сторону—къ запатіямъ словесности, искусствами, исторіей, науками философскими и политическими; соотвѣтственно этимъ новымъ своимъ интересамъ, Чижовъ издалъ въ 1839 году русскій переводъ „Исторіи европейской литературы XV и XVI столѣтій“ Галлама, со своими примѣчаніями и дополненіями, обнаружившими уже обширную и основательную начитанность переводчика, а затѣмъ пе-

редѣлялъ на русскій языкъ прекрасное сочиненіе одной англійской писательницы, подъ заглавіемъ „Призваніе женщинъ“, которое и вышло въ 1841 году. Осенью 1840 года плохое состояніе здоровья заставило Чижова уѣхать за границу на три года, и это путешествіе по разнымъ частямъ Европы, а преимущественно по Италіи и землямъ Австрійскихъ Славянъ, окончательно обратило его мысль на вопросы гуманитарныхъ наукъ и политики. На университетскую кафедру онъ болѣе не возвращался по приѣздѣ изъ-за границы, и переселился въ Москву, сблизился тамъ съ славянофильскимъ кружкомъ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ и др. Къ этому времени относятся замѣчательныя по оригинальной мысли статьи его о русскомъ искусствѣ („О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ“ — въ *Московскомъ Сборникѣ* 1846 г.) и средневѣковой итальянской живописи („Джіованни Фіеозольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи“ — въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г., кн. IV), путевыя замѣтки о Франціи, Швейцаріи и Славянскихъ земляхъ (*Моск. Сборн.* 1847 г. и *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. I и II), разборъ „Римскихъ Писемъ“ А. Н. Муравьева и „Памятниковъ Московской древности“ И. М. Снегирева (*Моск. Сб.* 1847 г.). Кромѣ того, онъ печаталъ иногда статьи въ *Москвитяинѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Съ 1858 года О. В. Чижовъ занялся преимущественно разработкой русскихъ экономическихъ вопросовъ и сталъ редакторомъ журнала *Вѣстникъ Промышленности*, который продолжался четыре года, и въ которомъ онъ также помѣстилъ нѣсколько статей, между прочимъ о томъ „Какимъ путемъ должно идти образованіе низшихъ слоевъ общества“ (1859 г., № 2). Сверхъ того, въ 1859 г. Чижовъ сдѣлался редакторомъ газеты *Акціонеръ*, которая выходила какъ приложение сперва къ *Вѣстнику Промышленности*, а послѣ къ Дню И. С. Аксакова; въ *Акціонерѣ* также помѣщено нѣсколько статей Чижова по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Съ прекращеніемъ этого изданія Чижовъ окончательно оставилъ литературныя занятія и принялъ участіе въ различныхъ промышленныхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ. Здѣсь блестящія его способности нашли себѣ новое широкое приложеніе, и высокая честность и благородство придавали особенный вѣсъ его дѣйствіямъ.

Въ послѣдніе годы жизни Чижовъ не отличался крѣпостью здоровья. „Давно ожидавшая по его хилости и хворости катастрофа“, говоритъ г. Н. В. въ некрологѣ Федора Васильевича, помѣщенномъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 284), — „все-таки была неожиданною:

онъ умеръ на рукахъ друга своего, Г. П. Галагана, почти за разговоромъ о томъ, какъ, оправившись отъ своей болѣзни, пріѣдетъ къ нему въ Малороссію отдохнуть въ деревнѣ. Только за полчаса предъ этимъ онъ пожалъ руку другому своему другу И. С. Аксакову, прося навѣстить завтра и радуясь, что болѣзнь видимо проходитъ и ему дѣлается лучше. Разрывъ жилъ мгновенно прекратилъ эту, до послѣдняго мига, бодрую жизнь. Конецъ этого человѣка выразилъ его жизнь. Дневникъ, который покойный велъ аккуратно съ 14-ти-лѣтнаго возраста до 66 лѣтъ, нашли на его столѣ доиспаннымъ до своей послѣдней страницы: уже роковое „14 ноября 1877 года“ было занесено покойникомъ за весь день съ утра до вечера въ этотъ дневникъ какъ въ половинѣ одиннадцатаго пришла смерть. Естественно было подумать о его посмертныхъ распоряженіяхъ. Послѣ него осталась образцовая библіотека и, въ разныхъ предпріятіяхъ, состояніе свыше милліона. Самый этотъ дневникъ человѣка, который въ жизни своей сходилъ со столькими замѣчательными людьми, и чья жизнь была исполнена столькихъ своеобразныхъ эпизодовъ, подавалъ ближнимъ поводъ къ раздумью. Оказалось, что библіотека покойнымъ завѣщана любимой имъ Москвѣ, Румянцевскому музею; ему же и дневникъ, съ просьбой напечатать его и издать лишь по истеченіи сорока лѣтъ со дня его смерти; а состояніе завѣщано имъ родному городу Костромѣ, на устройство, по его мысли, одного высшаго техническаго училища и трехъ дополнительныхъ къ нему заведеній въ трехъ назначенныхъ имъ уѣздахъ его родины“

Ө. В. Чижевъ похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ,—тамъ же, гдѣ находятся могилы его друзей А. С. Хомякова, И. В. и П. В. Кирѣевскихъ и П. В. Гоголя.

ПО ПОВОДУ ЭНЕИДЫ ВИРГИЛИЯ VI, 882—887.

Heu, miserande puer, si qua fata aspera rumpas!
tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis;
purpureos spargam flores, animamque nepotis
his saltem accumulem donis et fungar inani
munere. Sic tota passim regione vagantur,
aeris in campis latis atque omnia lustrant.

Многого еще оставляет желать объясненіе этихъ стиховъ, которыми заканчивается прославленіе Рима и его героевъ, тѣни коихъ Анхизъ представляетъ въ подземномъ царствѣ своему сыну.

Прежде всего ошибочно мнѣніе ученыхъ, которые въ стихѣ 882 принимаютъ si за условный союзъ и ставятъ запятую послѣ слова rumpas. Уже изъ предшествующей рѣчи Анхиза ясно, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, даже если онъ fata aspera non rumpit (т. е. умретъ преждевременною смертію), есть одинокъ изъ Марцелловъ, т. е. окажется достойнымъ своего происхожденія отъ знаменитаго героя второй пунической войны. Такимъ образомъ, соглашаясь съ толкованіемъ Вагнера, мы считаемъ si = o si, за частицу желательную, и послѣ стиха 882 ставимъ восклицательный знакъ.

Далѣе, Перликамъ ошибается, предполагая пробѣлъ послѣ словъ tu Marcellus eris. Слова эти вовсе не указываютъ на высокія качества юности, они не означаютъ: „ты будешь достоинъ имени Марцелловъ“¹⁾, но заключаютъ въ себѣ просто отвѣтъ на вопросъ Энея (стихъ 864) „filius anne aliquis magna de stirpe nepotum“, который можно понять лишь такъ: „сынъ ли онъ, т. е. потомокъ ли только что

¹⁾ Хотя и въ этомъ случаѣ излишне было бы прибавлять что-нибудь въ похвалу ему, ибо уже и прежде онъ служилъ предметомъ прославленія.

прославленного Марцелла, или кто либо другой изъ великаго рода нашихъ внуковъ (т. е. прочихъ Римлянъ)?

Было бы вполне негѣно подѣ словомъ *perotum* понимать потомковъ Марцелла; да и относительно *magna* — великій человекъ еще не долженъ непремѣнно имѣть *magnum stirpem*. Перѣдко встрѣчается *aliquis* вмѣсто *alius quis*; такъ, напримѣръ, Аен. II 48: *aut aliquis latet error*.

Слова: *manibus date lilia plenis, purpureos spargam flores*, большинствомъ толкователей понимаются такъ, что Анхизъ проситъ своихъ спутниковъ давать ему полными горстями лиліи для того, чтобы онъ осыпалъ ими могилу Марцелла. При этомъ ссылаются на авторитетъ Плинія, Н. Н. XXI, 5, который между различными родами этого цвѣтка упоминаетъ также *rubens lilium* и *purpurea lilia*. Можно было бы еще сослаться и на то, что *purpureus*, равно *porphyræus*, у поэтовъ не всегда обозначаетъ красный цвѣтъ, но иногда и идеальный, отличающійся высшею степенью красоты; какъ, напримѣръ, у Горация, с. IV, 1, 10, *purpureis ales ologibus*. Тѣмъ не менѣе указанное объясненіе не совсѣмъ достойно поэта и къ тому же сомнительно съ точки зрѣнія грамматики. Что касается перваго пункта, то невольно возникаетъ вопросъ, отчего Анхизъ проситъ цвѣтотъ у своихъ спутниковъ, вмѣсто того чтобы самому срывать ихъ и осыпать ими могилу? Развѣ ему не позволялъ этого церемоніалъ подземнаго царства? Отчего его сынъ, не менѣе обзятый скорбью, не долженъ былъ дѣлать того же самаго? Что же касается втораго пункта, то я не думаю, чтобы можно было выпускать *ut finale* послѣ глаголовъ, которые не означаютъ собою намѣренія, напримѣръ: *mando, curo*, или *do*, если оно = *concedo*. Здѣсь же оно имѣетъ значеніе „дать“, а потому *ut* послѣ *date* не можетъ быть выпущено. Ибо хотя издатели въ защиту этого и приводятъ мѣсто изъ Аен. IV, 683, 4:

*date, vulnera lymphis
abluam,*

но они ошибаются. Здѣсь слѣдуетъ читать: *date vulnera lymphis abluam*. Мы имѣемъ тутъ просто примѣръ, столь часто встрѣчающейся у древнихъ *enallage*. Можно бы было привести изъ Виргилія еще большое число примѣровъ такой вольности; указанному мѣсту вполне соответствуетъ Аен. III, 61:

linquere pollutum hospitium et dare classibus austros.

Итакъ, опущеніе *ut*, какъ кажется намъ, не имѣетъ оправданія. Если же глаголы *spargam*, *accumulem*, *fungar* считать за *coniunctivi hortativi*, такъ что они находятся въ зависимости отъ *dáte*, то мысль будетъ выражена довольно странно, ибо скорѣе слѣдовало бы ожидать здѣсь будущаго времени. Поэтому я считаю *spargam* за *ind. fut.* и ставлю послѣ него точку съ занятой или двоеточіе. Смыслъ же всего отрывка, по моему, слѣдующій: вы (Анхизъ обращается къ Энею и Сибиллѣ) бросайте полными горстями лиліи, а я буду сыпать розы; пусть поднесу я, по крайней мѣрѣ, эти подарки изображенію моего внука и посвящаю ему этотъ пустой даръ (обычай приносить въ память усопшимъ цвѣты и вѣнки былъ у древнихъ столь же распространенъ какъ и у насъ). А что *rugireus flos* употребляется въ смыслѣ розы и что любимые цвѣты древнихъ — лилія и роза — часто упоминаются вмѣстѣ, это достаточно извѣстно. Въ доказательство можно сослаться на *Aen. XII, 68, 69; Ov. am. II, 5, 37* и *Anthol. Lat. Burm. VI, 87, 32*.

При стихѣ 886 слѣдовало бы замѣтить слѣдующее. Обыкновенно у *Виргилія*, также какъ и у большей части поэтовъ, конецъ длинной рѣчи совпадаетъ съ концомъ стиха; иногда авторъ прерываетъ рѣчь послѣ перваго дактиля, какъ напримѣръ, *Aen. 569, 70* и *XII, 503, 6*.

Наконецъ, замѣчу еще, что *aeris* въ стихѣ 887 слѣдуетъ непременно отнести къ слову *campis*, а не къ предшествующему *regione*, какъ дѣлаютъ очень многіе. Въ пользу этого говорить не только то обстоятельство, что *Servius ad Aen. V, 735, Schol. ad Lucan. IX, 6* и *Ansonius* въ началѣ стихотворенія „*Cupido cruci affixus*“ цитатами своими одобряютъ подобное объясненіе ¹⁾, но еще и то, что въ противномъ случаѣ слова *in campis latis* оказались бы совершенно лишнимъ прибавленіемъ. Подлежитъ сомнѣнію также, можно ли считать *aer* = *nebula*, *caligo*, какъ предполагаютъ толкователи, ссылаясь на извѣстное употребленіе *âîr* и на стихъ 827, гдѣ дѣйствительно встрѣчается слово *poх*, или же, напротивъ, нужно принимать *aer* въ смыслѣ *aether*; ср. *V, 640, 41*.

То, что *aether* употребляется вмѣсто *aer*, достаточно извѣстно; а то, что *aer* иногда употребляется также вмѣсто *aether*, я доказалъ въ примѣчаніи къ *Hor. od. I, 28, 5 pg. XX* (введеніе къ стереотипному изданію).

¹⁾ Древніе часто ошибались въ толкованіи *Виргилія*; ср., напримѣръ, замѣчанія ученыхъ *ad Aen. VI, 802: acripedem cervam*.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССКИМЪ ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ КЛАССИКОВЪ, АЗБУКЪ, РАЗГОВОРОВЪ, ГРАМАТИКЪ И СЛОВАРЕЙ ПО 1871 Г. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ¹⁾.

Переводы съ латинскаго отдѣльныхъ произведеній и цѣлыхъ сочиненій римскихъ писателей.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду исключительно переводы, изданные отдѣльными книгами, хотя бы эти переводы до появленія въ свѣтъ и были напечатаны въ журналахъ. Впрочемъ, все наиболѣе замѣчательное въ этомъ родѣ выходило обыкновенно отдѣльными изданиями. Въ особомъ отдѣлѣ нашего указателя мы приведемъ полный перечень всего, что появлялось по отдѣлу классическихъ языковъ въ повременныхъ изданіяхъ въ переводѣ или въ подражаніи классическимъ образцамъ.

- 1) Эний. Переводъ съ латинскаго. Москва. 1802 года.
- 2) Терентіи П. Аделфы или Братья, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ латинскаго перевелъ *К. Флоринскій*. СПб. 1774 года.
- 3) Форміонъ. Съ латинскаго перевелъ *С. Синайскій*. СПб. 1774 года.
- 4) П. Терентія комедіи. СПб. 1774 года, 3 части.
- 5) Комедіи Терентіеви. Изданіе Академіи наукъ. Перев. съ лат. С.-Пб. 1806 года.
- 6) Цицеронъ М. Т. О должностяхъ. 3 книги. Перевелъ *Борисъ Волчковъ*. С.-Пб. 1761 года.
- 7) — Двѣнадцать избранныхъ рѣчей. Перевелъ *Кирыкъ-Кондратовичъ*. С.-Пб. 1767 года.
- 8) — О утѣшеніи. С.-Пб. 1775 года.

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* текущего года.

- 9) — О естествѣ боговъ, 3 книги. Перевелъ *Григорій Кожовъ*. М. 1807 года.
- 10) — Делій. С.-Пб. 1781 года.
- 11) — Бесѣда о старости. Пер. съ латинскаго *А. Зинovieва*. М. 1866 г.
- 12) — О старости. Курскъ. 1795 года.
- 13) — Тоже, Казань. Пер. *Кариссъ*. 1795 г.
- 14) — 1-я рѣчь на Катилину. Перевелъ *Прохоръ Сузоровъ*. М. 1807 года.
- 15) — Рѣчь за стихотворца Авла Лицинія Архія. Перевелъ *Илья Гриневичъ*. Харьковъ. 1818 года.
- 16) — Разсужденіе о добродѣтели. Перевелъ *Николай Прокоповичъ-Антонскій*. М. 1820 года.
- 17) — Размышленія о совершенномъ добрѣ и крайнемъ злѣ. Перевелъ съ латинскаго *Н. Писниковъ*. С.-Пб. 1793 года.
- 18) Краткое описаніе о войнахъ изъ книгъ Юлія Цезаря съ нѣкоторыми примѣчаніями. Съ французскаго перевелъ *Борисъ Волковъ*. М. 1711 (?) года.
- 19) Каія Юлія Цезаря записки о походахъ его въ Галлію. Перевелъ съ латинскаго *Сергій Воронъ*. С.-Пб. 1774 года. Переводъ содержитъ только 1-ю часть латинскаго подлинника.
- 20) Сочиненія К. Ю. Цезаря всѣ, какія до насъ дошли отъ него или подъ его именемъ, съ приложеніемъ его жизнеописанія, сочиненнаго Светоніемъ. Съ латинскаго перевелъ и издалъ *А. Клевановъ*. М. 1857 года. (Библіотека римскихъ писателей, томъ II).
- 21) Салустія Криспа войны Катилинская и Югурфинская. Съ латинскаго перевелъ *Василій Крамаренковъ*. С.-Пб. 1769 года.
- 22) Каія Криспа Саллустія. Исторія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурфы. Перевелъ съ латинскаго академикъ *Николай Озерецковскій*. Издава Академіей Россійской на латинскомъ и руссiйскомъ языкахъ. С.-Пб. 1809 г.
- 23) Саллустія сочиненія всѣ, какія до насъ дошли, съ жизнеописаніемъ и 4-мя рѣчами Цицерона противъ Катилины. Перевелъ *А. Клевановъ*. М. 1857 г. (Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ, томъ I).
- 24) Корнелія Непотъ. Съ латинскаго перевелъ *Антіохъ Дм. Кантемиръ* (1709—1744 г.).
- 25) Корнелія Непота Житія славныхъ генераловъ. Съ латинскаго

въ пользу юношества переведено *Вас. Лебедевымъ*. Издано Академією наукъ. Изд. 1-е С.-Пб. 1748 г., изданіе 2-е С.-Пб. 1785 г.

26) — Жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ. Пер. *А. Клевановъ*. С.-Пб. 1867 года; 2-е 1871 года.

27) — Для изучающихъ латинскій языкъ безъ помощи учителя въ подстрочномъ переводѣ *К. Я. Билицкаю*. Херсонъ. 1869 года.

28) *Виргилія Марона Энеида*, героическая поэма. Перевелъ съ латинскаго стихами *В. Петровъ*. Три первыхъ пѣсни. С.-Пб. 1770 г.

29) Тоже. Изданіе 2-е, 12-ть пѣсень. 1781—1786 г.

30) Тоже. Переводъ *В. Сенковскаю*. Три первыхъ пѣсни. С.-Пб. 1776 года.

31) Тоже. Пѣснь 1-я. Съ латинскаго перевелъ *Иродіонъ Витримскій*. На русск. и латинск. языкъ. М. 1820 года.

32) — Георгики или о земледѣліи. Переведены съ латинскаго *Рубаномъ*. С.-Пб. 1777 г.

33) *Виргиліевы георгики*. Перевелъ *А. Раичъ*. М. 1821 г.

34) — Эклоги съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ идиллій *Θεοκρίта*, *Віона* и *Мосха*. Перевелъ стихами съ латинскаго и греческаго проф. *А. Мерзляковъ*. М. 1807 г.

35) *Энеида*. Переводъ *І. Шершеневича*. Варшава. 1868 г.

36) *Энеида*. Перевелъ съ латинскаго въ стихахъ (амфибрахіемъ) *И. Соснецкій*. М. 1872 года.

37) — четыре эклоги. Перев. *Павелъ Кутузовъ*. М. 1804 г. (Другъ Просвѣщенія).

38) — 7-я эклога. Перевелъ *Григорій Салтыковъ*. М. 1805 г. (Другъ Просвѣщенія).

39) — 1-я эклога. М. 1805 г. (Другъ Просвѣщенія).

40) *Публия Овидія Назона Метаморфозы* въ лицахъ съ краткими объясненіями. С.-Пб. 1721 г.

41) — Превращенія. Перевелъ съ російской прозы стихами *Василій Майковъ*. Первые 4 книги. С.-Пб. 1775 года. Слѣдующія 4 книги въ „Модномъ изданіи“ за тотъ же годъ.

42) — Превращенія. Книги первая и вторая. С.-Пб. 1772 г. Переводъ *Григорія Козицкаю*.

43) — Превращенія съ примѣчаніями и историческими объясненіями. 3 части въ 15 книгахъ. М. 1794 года. Пер. *Рембовскій*.

44) — Превращенія. Съ латинскаго прозою *Петръ Соколовъ*, съ латинскимъ подлинникомъ ч. I (3 книги) С.-Пб. 1808 годъ.

- 45) — Плачь. На латинскомъ и русскомъ языкахъ. П. *Срез-неоскино* С.-Пб. 1795 года.
- 46) — Плачь, писанный имъ во время изгнанія въ Та-вридѣ стихами, переводъ съ приобщеніемъ лат. подлинника. М. 1797.
- 47) — Елегіи. Съ французскаго Ал—ръ *Тинковъ*. С.-Пб. 1768 г.
- 48) — Избранныя печальныя елегіи. Съ латинскаго пе-ревода 1796 года.
- 49) — Двѣ Иронды или два письма древнихъ Ироній. Перевелъ съ латинскаго В. *Рубанъ*. С.-Пб. 1774 г.
- 50) — Героида XI. Перевелъ съ латинскаго Иванъ *Со-кольскій*. С.-Пб. 1818 г.
- 51) Уединенные часы пустынноика въ хижинѣ или собраніе разныхъ сочиненій (?) и переводовъ изъ лучшихъ мѣстъ Оссіана и Овидія, издалъ В. Л. М. 1815 г.
- 52) Горація Кв. Флакка съ латинскаго стихами перевелъ Антіохъ *Кантемиръ* съ примѣчаніями. С.-Пб. 1744 г. Изданіе 2 С.-Пб. 1788 г.
- 53) — Письмо о стихотворствѣ и нѣсколько одъ. Съ ла-тинскаго. Проф. Москов. университета Николай *Поповскій*. С.-Пб. 1753 г. и 1801 г.
- 54) — Сатиры. Съ латинскаго перевелъ Иванъ *Барковъ*. С.-Пб. 1763 г.
- 55) — Оды и письмо о стихотворствѣ. Переводъ съ ла-тинскаго. С.-Пб. 1802 г.
- 56) — Сатиры. Изданы Академіею наукъ. Съ латин-скаго. С.-Пб. 1808 года.
- 57) — Оды: Къ кораблю *Виргиліеву*. Перевелъ гр. *Хоо-стовъ* (Другъ Просвѣщенія 1804. I, 215).
 Къ *Сексту*. (Другъ Просвѣщенія 1804. II, 236).
Beatus ille, qui procul. (Другъ Просвѣщенія 1804. IV, 126).
 Книги 1-я ода 12-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. I, 77).
 Книги 2-я ода 3-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 192).
 Книги 1-я ода 16-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. III, 202).
 На смерть *Квинтилія*. (Другъ Просвѣщенія 1805. IV, 34).
Венерѣ. (Другъ Просвѣщенія 1805. IV, 233).
- 58) — Пять сатиръ въ стихахъ. Переводъ съ латин-скаго. М. 1843 года.
- 59) — Наука о поэзіи или посланіе къ *Пизонамъ*. Пере-водъ съ лат. *М. Дмитріева*. М. 1853 г.

- 60) — Оды. Переводъ съ лат. *А. Фста.* С.-Пб. 1856 г.
- 61) Опытъ перевода Горациевыхъ одъ съ латинскаго подлинника, *В. Орлова.* С.-Пб. 1830 г.
- 62) — Сатиры. Съ латинскаго перевелъ въ стихахъ съ объяснит. примѣчаніями *М. Дмитриевъ.* М. 1858 г.
- 63) Тибулла Елегія изъ 1-й книги пятал. Стихами перевелъ *Як. Толстой.* С.-Пб. 1818 г.
- 64) — Елегія 2-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 111). Елегія 4-я. (Другъ Просвѣщенія 1805. II, 206).
- 65) Тита Ливія. Исторія народа римскаго. 5 томовъ. Перев. *А. Клевановъ.* М. 1858—1867 г.
- 66) Корнелія Тацита жизнь Юлія Агриколы. Перев. съ латин. М. 1798 г. *М. Ив. Горинъ.*
- 67) — Жизнь Юлія Агриколы. Переводъ съ латинскаго *Θ. Пустыловъ.* Изданіе Академіи наукъ. С.-Пб. 1802 г. и 1803 г.
- 68) — — Покорителя Британія подъ власть Римскаго народа. Новое изданіе. М. 1805 года.
- 69) — Лѣтописи. 4 части. Пер. съ латинскаго *Θ. Пустыловъ.* С.-Пб. 1805—1807 г.
- То же, три час. 1805 1806 г.
- 70) — Лѣтописи. Перевелъ съ лат. *Степанъ Руковский.* Издано Академіею Россійскою, на руссійск. и лат. языкахъ. С.-Пб. 4 части. 1806—1809 г.
- 71) — О положеніи, обычаяхъ и о народахъ древнегерманскихъ. Перевелъ съ латинскаго *Василій Сетьмовъ.* С.-Пб. 1772 года.
- 72) — О положеніи и обычаяхъ народовъ древней Германіи. Издано Академіею наукъ. Перев. съ латин. С.-Пб. 1806 г.
- 73) — римскаго историка сочиненіе объ ораторахъ (приписываемое и Квинтиліану) или о причинахъ испортившагося краснорѣчія. Съ латинск. перевелъ *Θ. Пустыловъ.* С.-Пб. 1805 г.
- 74) — Исторія народа Римскаго. Перевелъ съ латинскаго *Θ. Пустыловъ.* С.-Пб. 1807 года.
- 75) — Сочиненія. Часть 2-я: лѣтописей книги I—XVI. Перевелъ и издалъ *А. Клевановъ.* М. 1870 г.
- 76) — Лѣтописи. Перев. *А. Кронсбергъ.* 2 тома. М. 1859 г.
- 77) Плинія Младшаго похвальное слово императору Траяну. Перевелъ *И. Толмачевъ.* Спб. 1822 г.

78) Сенеки Нравственныя дѣкарства. Перевелъ съ лат. *Александръ Молчановъ*. М. 1783 г.

79) — Лучи мудрости или правоучительныя разсужденія Сенеки и Плутарха и прочихъ славныхъ въ древности мужей. Съ латинскаго. 2 части. М. 1786 г.

80) Сенеки. Мысли о смерти и другихъ несчастіяхъ. Перев. съ лат. С.-Пб. 1809 г.

81) Письмо къ Луцілію отъ Сенеки. Перевелъ *Мик. Гамбовъ* (Другъ Просвѣщ.). 1805 г. I, 123.

82) Квинта Курція Исторія о Александрѣ Великомъ, царѣ Македонскомъ, съ дополненіями и примѣчаніями Фрейнштейма. Перевелъ съ лат. *Степанъ Крашенинниковъ* (академикъ). 2 части. Издано Академіею наукъ 1750 года. Тоже, изданіе 3-е—1793 года; изданіе 4-е—1800—1801 г. Изд. 6-е 1812—1813 г.

83) — Тоже, съ примѣч. Фрейнштейма. Перевелъ съ лат. *А. Мартосъ*. 2 ч. С.-Пб. 1819 годъ.

84) Светонія Жизнь первыхъ 12 кесарей. Съ латинскаго перевелъ *М. Плиньскій*. 2 ч. С.-Пб. 1776 года.

85) — Жизнь и дѣянія 12 римскихъ цезарей. М. 1794 г. Перев. съ лат. Изд. 2-е 1796 г.

86) Жизнь Тиверія. Переводъ изъ Светонія *Н. Мохова*. Тамбовъ. 1866 года.

87) Евтропія Сокращенная Римская исторія. Съ лат. перевелъ *С. Воронцовъ*. М. 1759 г. 2-е изданіе 1779 г.

88) Юстинъ. древней универсальной исторіи Трога Помпея сократитель. Перевелъ съ латин. *Никита Поповъ*. С.-Пб. Изданіе Акад. наукъ. 1768 г.

89) Юстина, древняя исторія. Изданіе Акад. наукъ. С.-Пб. 1806 г.

90) — Всеобщая исторія, извлеченная изъ бытописаній Трога Помпея. Перевелъ съ лат. *Семенъ Борзцовскій*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, служащихъ къ поясненію оной. С.-Пб. 1824 года.

91) Матеркула Валлея. Сокращеніе греческія и римскія исторіи. Перев. съ лат. *Феодора Морсьенкова*. С.-Пб. 1774 г. Изданіе Академіи наукъ.

92) Валерія Максима Изрѣченія и дѣла достопамятныхъ 9 книгъ. Перевелъ съ лат. *Иванъ Алексѣевъ*. 2 ч. С.-Пб. Изданіе Академіи наукъ. 1772 г.

93) Федра Басни. Перевелъ стихами *Ив. Барковъ*, съ лат. подлинн. Спб. 1763 г.; изд. 2-е 1787 г.

94) Изъ Проперція отрывки (Другъ просв.) 1805, II, 42.

95) Отрывки изъ IV книги Лукиановой Фарсальской битвы. Перев. *И. Кутузовъ* (Другъ Просвѣщ.). 1804, III, 108.

96) Изъ Марціала. Эпиграмма. Вѣстн. Евр. XV, 331.

97) Отрывки изъ перпой сатиры Ювенала. Перев. *И. Кутузовъ*, (Другъ Просвѣщ.). 1804, IV, 244.

98) Авла Гелла Повѣсть объ Аріонѣ. (Другъ Просвѣщ.) 1805, II, 53.

99) Петронія Арбитра Гражданская брань. Перевелъ *А. Н. Муравьевъ*.

100) Аннея Флора Луція 4 книги Римской исторіи отъ царя Ромула до Августа. Съ лат. перевелъ *Левъ Прозоровъ*. М. 1792 г.

101) Апулея, платонической секты философа, Золотой осель. Съ лат. перевелъ *Ев. Костровъ*. М. 1780—1 г. Изд. 2-е 1870 г.

102) Клавдія Клавдіана творенія. Съ лат. переложилъ стихами *Мих. Ильинскій*. Ч. I, 1782 г.

103) Катона Нравоучит. правила. Съ латин. С.-Пб. 1773 г.

104) Авзонія софиста Предуготовленіе къ краснорѣчію. Съ латин. *И. Терновскій*. М. 1805 г.

105) Марка Антонія рѣчь къ войску. Съ лат. перев. *Мих. Дмитревскій*. М. 1807 г.

106) Полидора Виргилія Урбинскаго осмь книгъ о изобрѣтателяхъ вещей. Переведено съ латинскаго на славяно-русскій. М. 1790 г.

107) То же, 2 ч. М. 1789 г.

108) Аполлодора. Грамматика Лонвйскаго. Съ лат. перев. *В. И.* М. 1787 г.

109) Аристотеловы разсужденія о добродѣтели и пороки. Перев. съ латинск. С.-Пб. 1787 г.

110) Секстія Пинеагорейца Притчи съ греческаго на латинскій Руфипомъ, и съ латинскаго на русск. *М. Невзоровымъ* переведены. М. 1801 г.

111) Сянтіа философа притчи. Съ латинскаго. М. 1788 г.

112) Архимедовыхъ еооремъ дефиниціи или нѣкоторое слово-толкованіе. Перев. съ лат. С.-Пб. 1745 г.

113) Теофраста О свойствѣ нравственности человѣческой. Съ лат. перев. прот. *А. Протасовъ*. С.-Пб. 1772 г.

114) Ксенофонта философа и полководца славнаго исторія о

старшемъ Кирѣ, основателѣ персидской монархіи. Съ латинскаго С.-Пб. 1759 г. Изд. 2-е 1788 г.

115) Флавія Іосифа Древности іудейскія. Съ латинскаго перев. свящ. *М. Самуиловъ*. С.-Пб. 1779 г. Изд. 2-е 1795, г. Изд. 4-е 1818 г.

116) О войнѣ Іудеевъ. Съ латинскаго перев. *М. Алексеевъ*. С.-Пб. 1786 г. Изд. 3-е 1804 г. Изд. 4-е 1818 г.

117) Совершаніе превосходѣйшихъ писателей латинскаго языка, жившихъ въ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ для пользы учащихся, сочин. *Воррихія*. Перев. съ лат. свящ. *Г. Донковъ*. С.-Пб. 1788 г.

118) Исторія о Августакъ. Изъ 6 лат. писателей. Перев. съ лат. 2 ч. С.-Пб. 1775 г.

119) Выбранныя изъ писателей исторія, къ которымъ присоединены честнаго житія различные примѣры, изъ тѣхъ же писателей взятые. Перев. съ лат. *И. Соколовъ*. С.-Пб. 1764—1765 г.

120) Истина о бogaхъ и баснословныхъ герояхъ. Перев. съ лат. *П. Нечпеевъ*. М. 1789 г.

121) Кабинетъ любомудрія, въ которомъ точно изъясняется общее всѣхъ древнихъ любомудрцевъ азыческихъ описаніе о Богѣ, добродѣтели и пороки и средствахъ, прямо ведущихъ человѣка къ истинному благополучію. Перев. съ греч. и лат. *М. Цеттихъ*. М. 1783 г.

Отдѣльныя сочиненія, относящіяся къ классической римской миеологіи, литературы и древности.

1) Руководство къ миеологіи Гедерика. Перев. съ нѣм. *Леонова*. М. 1781 г.

2) Понятіе о миеологіи. М. 1788 г.

3) Разсужденіе о пенатахъ римскаго народа, которыхъ по преданію Эней привезъ съ собою въ объясн. мѣста Діонисія Галикарн. кн. 1 гл. 67—69. Соч. *Буле*, профессора Московскаго университета. М. 1805 г.

4) О сенатѣ древняго Рима. Соч. *Мануци*. Перев. *И. Рижскаго*. М. 1784 г.

5) Опытъ разсужденія о томъ, что Римляне заимствовали у Грековъ и Етрусковъ. Съ лат. *И. Рншетниковъ*. М. 1817 г.

6) Описаніе нравовъ и обычаевъ древнихъ Римлянъ. С.-Пб. 1792 г.

7) Амагтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ

древней классической словесности, *И. Кронсберга*. 2 ч. Харьковъ. 1825—1826 г.

8) Олимпъ, или греческая и римская мифологія въ связи съ египетскою, германскою и индійскою. А. Петискуса. Пер. *И. Евстифіева*. Съ 67 рис. Изд. М. Вольфа. С.-Пб. 1861 г.

9) Мифологія, съ рисунками. Ламе-Флери. С.-Пб. 1858 г.

10) Похожденія Энея. Странствованіе Одиссея. Разказы для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

11) Разказы изъ Одиссеи Гомера. Сост. *И. Вышеславцевъ*. 2 ч. С.-Пб. 1864 г.

12) Римская исторія въ разказахъ для дѣтей. Ламе-Флери. Пер. *В. Модестовъ*. 2 ч. М. 1859—1860 г.

13) Древній міръ и средніе вѣка. Преимущественно для воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній. *Д. Иловайскаго*. Изд. 6-е. М. 1867 г.

14) Древняя исторія въ этнографическомъ порядкѣ, со включеніемъ синхронистической таблицы. Сост. *А. Амниевымъ*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1851 г.

15) Исторія древняго міра. Курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній. *Н. Турунова*. С.-Пб. 1847 г.

16) Исторія древняго міра и Греціи. По Нессельту, съ 13 изд. Сост. и доп. *Скворцовымъ*. Изд. тов. „Общ. польза“. С.-Пб. 1864 г.

17) Очерки изъ исторіи народныхъ сказаній. Грубе. Перев. съ нѣмецкаго. (Изд. Криницкаго и Сланутинскаго). Изд. 4-е. М. 1865 г. Древн. исторіи. Изд. 3-е. С.-Пб. 1867 г.

18) Разказы о старинныхъ людяхъ. 4 книжн. кн. III. Древніе Греки. Кн. IV. Древніе Римляне. Изд. переводчицы. С.-Пб. 1865 г.

19) Руководство къ древней исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. *С. Смаринова*. С.-Пб. 1849.

20) Руководство къ изученію всеобщ. исторіи для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Т. В. Вельтера. Древняя исторія. Перев. съ нѣмец. С.-Пб. 1862 г.

21) Руководство къ познанію древней исторіи для средн. учеб. заведеній. *С. Смаринова*. Изд. 6-е. С.-Пб. 1852 г.

22) Учебникъ всеобщей исторіи для женск. учебн. заведеній. Состав. Эзеромъ и испр. Г. Веберомъ. Перев. съ нѣмецк. Древняя исторія. (Изд. Криницкаго и Сланутинскаго). М. 1864 г.

23) Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народа и жизне-

описаніяхъ замѣчательныхъ людей. Э. Вредена. 2-е изд., испр. и доп. С.-Пб. 1863 г.

24) Учебникъ древней исторіи. Сост. по „*Lehrbuch der alten Geschichte*“ Нессельта, *Скворцовымъ*. С.-Пб. 1863 г.

25) Весталки, римскія непорочныя дѣвы. Истор. очеркъ. А. Бутковскаго. М. 1862 г.

26) Галлы въ эпоху Кая Юлія Цезаря. А. *Гортіенскаго*. Москва. 1865 г.

27) Жизнь древнихъ Римлянъ (отъ основанія Рима до Константина Вел.) *Гриневича*. Одесса. 1846 г.

28) Исторія Рима отъ основанія города до Р. Х. М. *Богоявленскаго*. С.-Пб. 1855 г.

29) Исторія Юлія Цезаря. Соч. импер. Наполеона III, пер. М. *Стасюлевича*. С.-Пб. Изд. Вольфа. 1865—1867 г.

30) Исторія Юлія Цезаря (его войны). Соч. Наполеона I-го, диктован. имъ на остр. св. Елены Г. Маршану, пер. съ французскаго. М. 1865 г.

31) Кесари (Нерояъ). Соч. Ф. Шампаньи. Пер. съ француз. С.-Пб. 1842 г.

32) Мнѣя классич. древности. Г. Штоля. Пер. съ нѣм. В. *Покровскаго*. и П. *Медвѣдова*. Томъ I и II, съ рисунк. и политип. Изд. А. Глазунова. М. 1865 г.

33) Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Съ рис. 1849 года.

34) Прописи. Сборникъ статей по классич. древности. Изд. П. *Левинъскаго*. 5 т. 1855—1857. Тома 1-й, 2-й и 3-й. Изд. 2-ое. М. 1869 г.

35) Римская исторія Момсена. Пер. съ нѣм. С. Д. *Шестакова*. Библіотека историч. писателей, изд. А. Станкевичемъ. Ч. 1. Москва. 1861 г.

36) Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла Римлянъ. Д-ра Коппа. М. 1868 г.

37) Римскія женщины, историч. разказы по Тациту. П. *Кудрявцева*. Съ рис. Изд. 2-ое. М. 1860 г.

38) Римъ. Начало, распространіе и паденіе всемірной монархіи Римлянъ. В. Вергера. Пер. съ нѣм. П. *Евстафьева*. 2 тома. 500 рис. въ текстѣ. Изд. Вольфа. С.-Пб. 1865 г.

39) Тертуліанъ и его вѣкъ. Н. *Савельева-Ростиславича*. С.-Пб. 1848 г.

40) Чудеса древнаго и новаго міра, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности, замѣчательныхъ городовъ, архитектурныхъ, скульптурныхъ и др. произведеній новѣйшихъ временъ. *Ред. Гремина.* Съ рис. въ текстѣ. Изд. Тов. „Общ. П“. С.-Пб. 1860 г.

41) Значеніе древней филологіи и мѣсто, которое она занимаетъ въ кругу наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ. Соч. *Штейнмана.* С.-Пб. 1851 г.

42) Книга для чтенія, при изученіи исторіи древней классич. поэзіи. Сост. *Н. Мизко.* М. 1865 г.

43) Очеркъ исторіи римской литературы Гарлеса. Пер. съ лат. М. 1838 г.

44) Очеркъ исторіи римской литературы. Соч. Шаффа и Гоффмана. Перевелъ съ нѣм. *Н. Соколовъ.* М. 1856 г.

45) Очеркъ литературы древн. и нов. народовъ. Сост. *Гарусовъ.* Томъ 1-й. Поэзія драматическая, съ 52 политип. М. 1862 г.

46) Римская письменность въ періодъ царей. Изслѣдованіе *В. Модестова.* Казань. 1868 г.

47) Тацитъ и его соч. Историко-литературное изслѣдованіе. *В. Модестова.* С.-Пб. 1864 г.

48) Ювеналъ. Двѣ публич. лекціи *Н. Благовѣщенскаго.* С.-Пб. 1860 г.

49) Очерки Рима. Соч. *А. Майкова.* С.-Пб. 1847 г.

50) Исторія политич. ученій. Часть 1. Древность и средніе вѣка *Б. Чичерина.* М. 1869 г.

51) Вопросъ объ историч. значеніи Римской Имперіи и Тацитъ, *М. Драгоманова.* Ч. 1-я. Кіевъ. 1869 г.

52) Древнее общество, обзоръ вѣрованій, права и учреждений Греціи и Рима. Соч. *Фюстель-Куланжа.* Изд. *Н. Ламанскаго.* 2 т. С.-Пб. 1867—1868 г.

53) Древняя исторія въ разказахъ для дѣтей. Ламе-Флери. Изд. 2-е, съ картин. М. 1869 г.

54) Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. *Д. Иловайскаго.* Изд. 3-е. М. 1869 г.

55) Жизнь древнихъ. Соч. *М. Чистякова.* С.-Пб. 1868 г.

56) Исторія пластика съ древнѣйш. временъ до наш. времени. *В. Любке,* съ 231 рисунк. въ текстѣ. М. 1870 г.

57) Замѣчательнѣйшія архитектурныя и художественныя постройки земнаго шара. Соч. *А. Лефевра,* перев. и дополненія о Россіи *В. Яковлева,* съ политип. С.-Пб. 1870 г.

58) Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизаціи. Сочин. *А. Рославскаго-Петровскаго*. Харьковъ. 1870 г.

59) Каталогъ древнихъ римскихъ и византійскихъ медалей и монетъ, хранящихся въ монетъ-кабинетѣ Императорской академіи художествъ. *Д. Прозоровскаго*. С.-Пб. 1870 г.

60) Синхронистическая таблица всемірной исторіи. *Б. Ширкова*. С.-Пб. 1871 г.

61) Хронологія всеобщей исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, по руководствамъ Шульгина, Соловьева, Иловайскаго и др. Сост. *Архангельскій*. С.-Пб. 1870 г.

62) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества, Морица Каррьера. Пер. *Е. Корша*. Томъ 1-й. Зачатки культуры и восточная древность. Москва. 1870 г.

63) О Саллустіевой рѣчи противъ Цицерона и о нѣкоторыхъ вставкахъ, находящихся въ риторическихъ наставленіяхъ Квинтиліана. Критическое изслѣдованіе *А. Кубарева*. Москва. 1870 г.

64) Хронологія древней исторіи. Пособіе для 3 и 4 классовъ гимназій. Сост. по древней исторіи *Д. Иловайскаго*, Серг. Дудышкинымъ. М. 1871 г.

65) Жизнь знаменитыхъ Римлянъ, изложенная по Плутарху. Альф. Фелье. С.-Пб. 1872 г.

66) Исторія Греціи и Рима. *А. Ткачева*. Часть 1. Греція. С.-Пб. 1871 г.

67) Изслѣдованіе о Персеѣ у древнихъ эпиковъ, логографовъ, лириковъ, трагиковъ и комиковъ, *А. Мержинскаго*. Варшава. 1872 года.

68) Описаніе замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Сочин. Віардо. Съ 49 полит. Пер. и дополнено о Россіи *Е. Яковлевимъ*. С.-Пб. 1871 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Греческій языкъ и словесность.

I. Изданія текстовъ греческихъ писателей съ комментаріями и безъ оныхъ.

1) Исократъ Аоннейскаго ораторскія и философическо-политическія рѣчи о должностяхъ какъ всякаго человѣка въ разсужденіи приватнаго и гражданскаго состоянія, такъ и царствующихъ особъ. Пе-

реводъ съ греческаго и съ греческимъ подлинникомъ. *И. Дмитревскаю*. С.-Пб. 1789 г.

2) Стихотворенія Анакреона Тійскаго на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1794 года.

3) Демосеопово надгробное слово Афинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при Херонеѣ, съ перев. на русскій языкъ. *Евсевія* епископа Калужскаго. Калуга. 1807 г.

4) То же въ 3-хъ частяхъ, подлинникъ и переводъ. Изд. Имп. А. Н. 1806 г.

5) Облава, комедія Аристофана, на афинскомъ театрѣ въ первый разъ представленная во время большаго Діонисіева праздника, въ 1 году I.XXXIX Олимпіады (въ 425 г. до Р. Хр. по счисленію Ньютона), при архонтѣ Исархѣ, на греч. и русск. языкахъ. *Муравьева-Апостола*. С.-Пб. 1821 г.

6) Отборнѣйшія Эзоповы басни. Изданіе *Михайла Маклакова*. Москва. 1821 года.

7) Греческіе классики на російскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1823—1828 г. Двадцать шесть частей, а именно: а) Часть 1-я. Васня Эзопъ. б) Часть 2-я. Гимны Каллимаха. в) Часть 3-я. Трагедія Эдипъ царь. 1823 г. г) Часть 4-я. Эдипъ въ Колопѣ. 1823 года. д) Часть 5-я. Антигона. 1823 г. е) Часть 6-я. Трахиніанки. 1824 г. ж) Часть 7-я. Аяксъ Неистовый. 1825 г. з) Часть 8-я. Филоклетъ. 1826 г. и) Часть 9-я. Электра. 1825 г. і) Части 10—13. Илиада. 1825 г. к) Части 14—17. Одиссея. 1826 г. л) Части 18—22. Исторія Иродотова съ примѣчаніями. 1826 г. м) Часть 23-я. О высокомъ или величественномъ. Твореніе Діонисія Лонгина. Пер. съ греч. съ примѣчаніями. 1826 г. (Изд. I. 1803 г.). н) Части 24—25. Циндартъ. 1827 г. о) Часть 26-я. Анакреонъ. 1828 г.

8) Ксенофоновы достопамятности Сократа, въ 4 книгахъ. Издавъ съ полнымъ англино-россійскимъ словаремъ *П. С. Ивашковскій*. С.-Пб. 1829 года.

9) Походъ Кира младшаго по тексту Кригера. Издавъ *Зедерлопомъ*. М. 1840 г.

10) *Homeri Ilias*. Текстъ со словаремъ для гимназій. Составилъ *Я. Кремеръ*. Ч. I. М. 1869 г. 1870 г. Изд. 2, исправл. 1871 г.

11) *Homeri Odyssea*. Текстъ со словаремъ и приложеніемъ о гомеровскомъ діалектѣ. Состав. для гимназій *Я. Кремеръ*. Ч. 1-я. М. 1869 г. и 1870 г. Изданіе 2-е. М. 1871 г. Исправл.

12) Xenophontis Anabasis. Текстъ со словаремъ *И. Кремера*. Изд. 3-е, испр. и доп. М. 1872 г. Изд. 1-е 1869 г. Изд. 2-е 1870 г.

13) Xenophontis Memorabilia. Текстъ со словаремъ для гимназій. *Я. Кремера*. М. 1869 г. М. 1870 г.

14) Xenophontis Cyropaedia. (Киропедія Ксенофонта). *Я. Кремера*. Текстъ со словаремъ, составленнымъ для гимназій. М. 1870 г.

15) Herodoti histotiarum liber I. Текстъ со словаремъ и приложеніемъ объ іоническомъ діалектѣ. *И. Кремера*. М. 1872 г.

16) Апологія Сократа и Критонъ Платона. Текстъ со словаремъ. Сост. *Я. Кремеръ*. М. 1870 г. Изд. 2-е, дополн. 1873 г.

17) Эвтифронъ. Діалогъ Платона, съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. *Захарбекова*. М. 1872 г.

1) Агапита Увѣщанія императору Іустиніану, съ греч. подлинникомъ. Переводъ *Степана Писарева*. С.-Пб. 1771 г.

2) Древняя Александрія. Путешествіе Кіево-Екатерино-греческаго монастыря архим. Константина. На руссійск. и греч. языкахъ. М. 1803 года.

II. Хрестоматія, разговоры, темы и учебныя книги, руководства къ переводамъ на греческомъ языкѣ.

1) Разговоры и разказы на руссійскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. Изд. Акад. наукъ. 1762 г. 4 руб. То же на одномъ русскомъ 2 руб.

2) Разговоры школьныя на греч., лат., франц., нѣм. и руссійск. языкахъ. 1776 г. Изд. 2-е. 1783 г.

3) Избранныя мѣста изъ греческихъ писателей. Собралъ Христіанъ Маттеи. Съ греческаго перевелъ *Борисъ Филоновъ*. На руссійскомъ и греческомъ языкахъ. М. унив. Т. 1785 г.

4) Греческаго языка начальное познаніе. Ч. 1-я. Нѣкоторыя мѣста, взятые изъ греческихъ древнихъ писателей съ руссійскимъ переводомъ. М. унив. тип. 1797 г.

5) Греческая хрестоматія съ латинскимъ переводомъ, съ русскими отчасти и съ латинскими примѣчаніями и словаремъ. Изд. Христіаномъ Фр. Маттеемъ. М. унив. тип. 1806 г.

6) Учебная книжка древняго греческаго языка. Изданіе *Михаила Каченовскаго*. М. 1807 г. Изд. 2-е 1809 г.

7) То же. Изданіе 4-е и 5-е съ прибавленіемъ 2-й части и со словаремъ, знатно приумноженнымъ. М. 1822 и 1827 г.

8) Греческая хрестоматія или выписка легчайшихъ мѣстъ изъ древнихъ писателей, составленная въ Германіи *Францемъ Якобомъ*, съ переводомъ примѣчаній и словаря. Изд. М. *Каченовскій*. М. унив. тип. 1821 г.

9) То же. М. 1835 г.

10) Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на греческій. 2 части. А. *Соколова*. С.-Пб. 1833—1834 г.

11) Учебная греческая книга. 2 части. М. 1835 г.

12) Учебная греческая книга Якоба. С.-Пб. 1838 г.

13) Учебная греческая книга, составленная изъ отличныхъ сочиненій отцовъ церкви. М. 1851 г. Изданіе 2-е. М. 1867 г.

14) Греческая учебная книга Якоба. Ч. 1-я 1 и 2 курсъ. Изд. 3. С.-Пб. 1868 г. (См. выше № 16).

15) Учебникъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій, составленный по грамматикамъ Курціуса и Кюнера. Я. *Кремеръ*. М. 1869 г.

16) Греческая хрестоматія съ примѣчаніями и словаремъ. Сост. П. *Носовъ*. С.-Пб. 1869 г. Изд. 2-е, 1871 г.

17) Учебникъ для переводовъ съ греч. на русск. и съ русск. на греч. Сост. по грамм. Курціуса и Кюнера К. Шепклъ. Обработалъ для русск. гимназій Я. *Кремеръ*. Изд. 2-е. М. 1871 г. (См. выше № 15).

18) Сборникъ примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ греч. на русск. и обратно. Сост. по Везверу М. *Григоревскій*. С.-Пб. 1872 г.

III. Лексиконы и словари греческіе.

1) Словарь *Папая Геринды*. 1627 г.

2) То же. 2-е изданіе. 1683 г.

3) Словарь *Поликарпова*. 1704 г.

4) — на 6 языкахъ *Григорія Польшки*. 1763 г.

5) — (ботанич.) *Мейера*. 1783 г.

6) — *Палмиса*. 1787—1789 г.

7) — *Я. де-Маріиво*. 1790—1791 г.

8) — *Гесперовъ Синьовскаю*. 1798 г.

9) — *Шревелия*. 1820 г.

(Смотри въ отдѣлѣ лексиконовъ и словарей латинскихъ).

10) Лексиконъ греко-россійско-французскій. Издалъ *Досифей Кола*, іеромонахъ греческаго Московскаго монастыря. 1810 г.

11) Собраніе коренныхъ словъ греческаго языка въ азбучномъ

порядкѣ, съ показаніемъ: 1) какихъ родомъ бываютъ имена существительныя; 2) какъ сѣя имена, равно какъ и прилагательныя, перемѣняются въ родительныхъ падежахъ; 3) какъ глаголы перемѣняются въ будущихъ временахъ. Издаѣль *А. Очинскій*. С.-Пб. 1823 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

12) Краткій словарь греческаго языка. Составленъ Фридр. Ростомъ. Приспособленъ къ употребленію русскаго юношества *А. К—мъ*. 2 ч. С.-Пб. 1831—1832 г.

13) Словарь греко-россійскій въ Новому Завѣту. М. 1837 г.

14) Полный греческо-русскій словарь *С. Иваишкова*. М. 1838 г.

15) Словарь греческо-русскій. Изданіе Академіи наукъ. С.-Пб. 1847 г.

16) Словарь греческо-русскій. Изданіе Деп. мин. народн. просв. М. 1848 г. 2 тома. *К. Коссовича*.

17) Греческо-русскій словарь для 7-й книги Одиссеи. *Г. Ежескаю*. Пересмотрѣнный и изданный *И. Коссовичемъ*. М, 1849 г.

18) Греческо-латинскій словарь въ 2 ч. *И. Синайскаю*. М. 1862 г.

19) Греческо-русскій словарь *И. Синайскаю*. М. 2-е изд. 1869 г.

20) Русско-греческій словарь *И. Синайскаю*. М. 2-е изд. 1869 г.

21) Греческо-русскій филологическій словарь для греческой хрестоматіи *И. Дубовникова*. М. 1862 г.

22) Греческій словарь на евангеліе отъ Матвея для воспитанниковъ IV класса Лицея Ц. Николая. *Св. Малиновскій*. М. 1870 г.

IV. Азбуки и букваріи греческіе.

1) Букварь Каріона *Истомина*, изд. 1, 1692 г.

2) То же. Изд. 2, 1822 г.

3) Букварь *Поликарпова*. 1701 г.

(См. въ отдѣлѣ азбукъ и букварей лат. яз.).

4) Азбука греческая съ латинскимъ переводомъ. М. 1763 года. Много разъ была перепечатываемая.

5) Россійская азбука для обученія юношества чтенію на руссійскомъ и греческомъ языкахъ. Пзд. Императорской Академіи наукъ. С.-Пб. 1782 г.

6) Азбука для обученія юношества чистописанію, по Высочайшему повелѣнію для общественныхъ школъ напечатанная, съ присовокупленіемъ греческой азбуки и гражданскаго начальнаго ученія на 25 листахъ. С.-Пб. 1786.

7) Азбука руссійская гражданской и церковной печати для обу-

ченія юношества чтенію, по Высочайшему повелѣнію для общественныхъ школъ напечатанная. Къ ней же продолженіе гражданскаго начальнаго ученія, съ приложеніемъ системы знаній человѣческихъ. Съ греческимъ переводомъ. М. 1786 г.

8) Азбука греческая въ пользу Россійскаго юношества. Изд. 3. М. Унив. типогр. 1788 г.

9) Азбука греческая. С.-Пб. 1803 г.

V. Грамматикъ этимологія, синтаксисъ, стилистика и просодія греческаго языка.

1) Грамматика доброглаголиваго еллино-славянскаго языка, совершеннаго искусства осьми частей слова, къ наказанію многонменитому Россійскому роду сложенная отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже во Львовской школѣ. На греческомъ и славянскомъ языкахъ во Львовѣ, въ друкарнѣ братской. 1591 г.

2) Грамматика греческая съ Россійскимъ переводомъ. С.-Пб. 1765 г.

3) Грамматика греческая, собранная въ Московской Славяно-греко-латинской академіи изъ разныхъ грамматикъ, съ Россійскимъ переводомъ. М. 1787 г.

4) Краткая грамматика греческаго языка, изданная для народныхъ училищъ. М. 1787 г. Изд. 2, дополненное, 1809 г.

5) Грамматика греческая, въ которой синтаксисъ, также различныя греческіе діалекты и просодія изъ разныхъ древнихъ писателей выбранными примѣчаніями и правилами объяснены. Составлена *Варлаамомъ Лаптевскимъ*, исправлена *Георгіемъ Щербачкинымъ*. Перевелъ съ латинскаго *Василій Петровъ*. 1788 г. (Рѣдка).

6) Греческая грамматика или наставленія греческаго языка, собранныя изъ лучшихъ грамматикъ въ пользу обучающихся греческому языку. М. 1788 г.

7) Наставленія греческаго языка, съ присовокупленіемъ словъ, находящихся въ Новомъ Заветѣ. Соч. *Семена Протасова*. М. 1789 г.

8) Грамматика или наставленія греческаго простаго языка. Собрана въ Московской Славяно-греко-латинской академіи. М. 1788 г.

9) Азбука греческая или начальныя познанія греческаго языка, съ грамматическими правилами, разговорами, Езоповыми баснями. Издасть *Павель Антоновъ*. 3 части, съ разными присовокупленіями, фигурами и вышетами. М. 1794 г.

10) Греческаго языка начальное познаніе. ч. II. Словопроизведеніе или этимологія. М. Унив. тип. 1797 г. издавіе. 3 части. 1797 г.

11) Грамматика греческая. Сочинена въ Московской Славяно-греко-латинской академіи. М. 1807 г.

12) Грамматика краткая древняго греческаго языка. С.-Пб. 1809 г. Изд. 4. 1820 г.

13) Начальныя правила греческаго языка въ пользу Россіянъ и Грековъ на руссійскомъ и греческомъ языкахъ изложенныя. Москва. 1815 г.

14) Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія руссійскому юношеству греческаго языка. Соч. *А. Стурдзы*. Издавъ Толмачевъ. С.-Пб. 1817 г.

15) Новая полная практическая грамматика греческая, изложенная по методу славнаго Бредера, съ прибавленіемъ греческой поэзіи. Издавъ священникъ *Г. П—овъ*, 4 части. М. 1817—1819 г.

16) Поэзія эллискаго языка или греческая просодія, гдѣ яспо открыты правила, какъ писать греческіе стихи, съ прибавленіемъ о разныхъ родахъ стихотворства греческаго. Соч. свящ. *Г. П—ва*. М. Унив. тип. 1817 г.

17) Краткая грамматика древняго греческаго языка. Изд. Деп. М. Нар. Пр. Изд. 4. С.-Пб. 1820 г.

18) Сводъ руссійскому юношеству о произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ. Соч. *Ив. Мартынова*. Спб. 1822 г.

19) Сводъ латинск. грамматикъ съ греческими или грамматика латинско-греческая. Соч. *Арх. Иннокентія*. М. 1826 г. См. въ отдѣлѣ лат. грамматикъ.

20) Начальныя правила греческаго языка. Изд. 2. *И. Д.* Москва, 1831 г.

21) Правила греческаго языка. Соч. *Давидова*. М. 1831 г.

22) Руководство къ изученію языка греческаго. Соч. *Комовскаю*. С.-Пб. 1832 г.

23) Начальныя правила греческой грамматики, по руководству Шнейдера. С.-Пб. 1836.

24) Грамматика греческая. Составлена по Бутману *Д. Поповымъ*. М. 1833 г.

25) Метрика греческаго языка. *И. Синайскаю*. М. 1843 г.

26) Грамматика греческая. Составилъ *Вульфъ*. Ч. I. Этимологія. М. 1843 г.

27) Элементарная грамматика греческаго языка, сост. Кюннеромъ. Перев. *К. Коссовича*, проф. С.-Пб. университета. С.-Пб. 1843 г. Изд. 4 исправл. и дополн. С.-Пб. 1868 г., съ присоююупленіемъ грече-

70 УКАЗАТЕЛЬ КЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

ской хрестоматіи и словарей русско-греческаго и греческо-русскаго. С.-Пб. 1869 г.

28) Синтаксисъ греческаго языка съ прииѣненіемъ общихъ правилъ къ Новому Завету и указаніемъ на сходство съ симъ синтаксисомъ синтаксиса латинскаго языка. Сост. *А. Миняевымъ*. М. 1847 г.

29) Практическая грамматика греческаго языка для Русскихъ. Соч. *И. Л. Бюрнуфа*. С.-Пб. 1848 г.

30) Краткая грамматика ново-греческаго языка. *М. Палеолога*. Одесса. 1843 г.

31) Первоначальное руководство къ этимологіи греческаго языка. *Б. Ордыханскаго*. М. 1853 года.

32) Греческая грамматика, по современнымъ руководствамъ составленная *И. Синайскимъ*. М. 1857 г.

33) Краткая грамматика древняго греческаго языка. М. 1855 1858 и 1868 г. Издана по Высочайшему повелѣнію.

34) Руководство къ изученію греческаго языка. *И. Л. Бюрнуфа*. Перев. съ франц. С.-Пб. 1861 г.

35) Таблицы правильныхъ греческихъ спряженій, производства временъ и третьяго склоненія. Сост. *В. Басовъ*. М. 1867 г.

36) Греческая грамматика Г. Курціуса. Перев. съ нѣмецкаго *В. Милошодовъ*. Съ 4-го нѣм. изд. М. 1862 г. Изд. 2-е. 1868 г.

37) Греческая грамматика Курціуса, въ перев. *Я. Кремера*. М. 1868 г. Изд. 2-е. 1872 г.

38) Учебная греческая грамматика Р. Кюнера. Перевелъ *П. Н. С.-Пб.* 1868 г.

39) Греческая грамматика для учениковъ III кл. Изд. Лицея Цесаревича Николая. М. 1868 г. Изд. 2-е исправл. М. 1872 г.

40) Краткая этимологія греческаго языка для начинающихъ. *А. Юркевича*. Кіевъ. 1869 г.

41) Практическій курсъ греческаго языка по Курціусу, съ прииѣрами для переводовъ изъ Шенкля. Ч. I. Этимологія. *М. Григорьевскаю*. М. 1869 г. Изд. 2-е, испр. и дополн. 1872 г.

42) Практическій курсъ греческаго языка. *М. Григорьевскаю*. Ч. 2-я. Синтаксисъ. С.-Пб. 1872 г.

43) Учебная греческая грамматика Р. Кюнера. Перевелъ съ необходимыми измѣненіями и исправленіями съ XXIV изданія подлинника *П. Носовъ*. Изд. 3-е, пересмотр. и исправл. С.-Пб. 1869 г. Изд. 4-е, пересмотр. и исправл. 1870 г. Изд. 5-е. 1873 г.

44) Основанія синтаксиса греческаго языка. Синтаксисъ обычно-

венный, преимущественно аттической прозы. К. В. Крюгера. Перев. съ иѣм. *К. Мисовскаго*, съ 7-го изд. М. 1870 г. Изд. Лицея Цесаревича Николая.

45) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи греческаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. *П. Ницинскаго*. Одесса. 1870 года.

46) Грамматика языка греческаго. *А. Ладинскаго*. С.-Пб. 1871 г.

47) Учебникъ греческаго языка. *Н. Фоккоа*. Вып. I. Склоненія. С.-Пб. 1871 г.

48) Этимологія гомеровскаго и геродотовскаго нарѣчія. К. В. Крюгера. Перев. съ иѣм. *К. Мисовскій*. Изд. Лицея Цесаревича Николая. М. 1872 г.

49) Этимологія греческаго языка для гимназій. Составилъ на основаніи сравнительнаго языкознанія *Ив. Штримскъ*. С.-Пб. 1872 г.

VI. Переводы съ греческаго произведеній классическихъ писателей—какъ отдѣльныхъ произведеній и отрывковъ, такъ и цѣлыхъ сочиненій.

I. Классическіе писатели.

Къ началу нынѣшняго столѣтія относятся замѣчательные переводы *Мартимова*, прозой. Они были издаваемы съ подлинникомъ и безъ подлинника. Первые изъ нихъ мы подробно перечислили выше въ первомъ отдѣлѣ (изданія авторовъ). Здѣсь же приводимъ, въ числѣ различныхъ, вторые—каждый изъ переводовъ отдѣльно при имени соотвѣтствующаго классическаго автора.

А. Гомеръ.

1) *Иліада*, 24 пѣсни съ греческаго прозой. Перев. *Петръ Евдокимовъ*. 2 части. С.-Пб. 1776 г.

2) I—VI пѣсни *Иліады* стихами, перевелъ *Ермилъ Костровъ*. М. 1787 г.

3) Отрывокъ изъ XVI книги Гомеровоіи *Иліады*. Другъ Просвѣщенія. 1805 года. II, 31.

4) VII пѣснь *Иліады* Гомера. Перевелъ стихами *Николай Гиндицъ*. С.-Пб. 1809 г.

5) VII—IX пѣсни *Иліады* Гомера. Вѣстникъ Европы 1811 года № 14 и 15. Перев. *Ермилъ Костровъ*.

6) VIII-я пѣснь *Иліады* Гомера въ V книгѣ Весѣды любителей Россійскаго слова.

7) Илиада Гомера (части 10—13 греческихъ классиковъ) перевелъ *Мартыновъ*. С.-Пб. 1825 г.

8) Илиада Гомера. Перевелъ съ греческаго *Н. Гнѣдичъ*. 2 части. С.-Пб. 1829 г. Изд. 3-е 2 части. Спб. 1862 г.

9) Илиада Гомера. Переводъ съ греческаго прозой *Ордынскою*. Отеч. Зап. 1852—1853 г.

10) Отрывокъ изъ Илиады. Стихотворенія *Жуковскаю*. Изд. 5-е. 1849 г., т. 5, стр. 67—99.

То же. Изданіе 6-е, 1869 г., т. 3, стр. 53—82.

То же. Альманахъ Сѣверные цвѣты 1829 г. Отрывки заимствованы изъ VI, XVII, XIX и XX пѣсенъ, а именно: 1) прощаніе Гектора съ Андромахой; 2) битва за тѣло Патрокла; 3) скорбь Ахиллеса о погибшемъ другѣ, его свиданіе съ богиней-матерью; 4) освобожденіе Патроклова тѣла послѣдствіе появленія Ахиллеса; 5) Вооруженіе Ахиллеса божественными доспѣхами и его разговоръ съ конями; 6) совѣтъ боговъ.

11) Два отрывка изъ Илиады Гомера. Пѣснь 1-я и 2-я. Стихотворенія *Жуковскаю*. Изданіе 6-е, т. 3, стр. 402—445. 1869 года.

То же. Прописан, т. IV, 1854 года.

12) Единоборство Аякса и Гектора. Изъ VII книги „Подражанія и переводы греческимъ и латинскимъ стихотворцамъ“ *А. Мерзлякова*, т. I, стр. 161—179. Москва. 1825 г.

13) Гимны Гомера: Землѣ, Солнцу, Лунѣ, Минервѣ, Вакху, Венерѣ, Марсу, Папу. То же, т. II, 1826 года, стр. 9—17; 24—28; 50—57.

14) Улиссъ у Алкиноя, изъ Одиссеи VIII кн. То же, т. I. 1825 г. стр. 179—185. Москва.

15) Одиссея. Ироническое твореніе Омира. Переводъ съ греческаго прозой. 2 части. М. 1788 г.

То же. Одиссея или странствованіе Улисса, героическое твореніе Гомера. Изд. 2-е, исправленное. С.-Пб. 1815 г. НВ. Примѣчаніе *Полторацкаго* (извѣстнаго библіофила): „Хотя и сказано на заглавіи черной нѣсни, что переводъ съ греческаго, мнѣ извѣстно, что съ латинскаго“.

16) Одиссея Гомера. Перев. съ греческаго *Ивана Мартынова* (т. 14—17, греческіе классики). С.-Пб. 1826 года.

17) Одиссея Гомера. Переводъ съ греческаго въ стихахъ разнѣромъ подлинника, съ примѣчаніями переводчика и рисунками *Флаксама*. С.-Пб. 1840 г.

18) Стихотворенія *Жуковскаго*. Изданіе 5-е 1849 года, т. 8 и 9 Одиссеи Гомера.

19) Тоже. Изданіе 6-е, т. V, 1869 года. Гомерова Одиссея въ переводѣ *Жуковскаго*, изданіе 2-е.

20) Одиссея Гомера. Переводъ *В. А. Жуковскаго*. 2 ч. съ 27-ю рисунками. М. 1871 г.

21) Притчи Езоповы и притомъ Гомера, стихотворца греческаго, Жабы и мышей бой, или браць. Переподъ *Ильи Коніевскаго*. На русскомъ и латинскомъ языкахъ. Амстердамъ. 1700 г.

22) Ватрахомиомахія. Съ латинскаго перевелъ *В. Рубанъ*. С.-Пб. 1772 годъ. Изданіе 2-е С.-Пб. 1788 года.

23) Ватрахомиомахія. Съ греческаго перевелъ *Алексій Ошинскій*. С.-Пб. 1812 года.

24) Омирова Ватрахомиомахія или война лягушекъ и мышей, переложенная въ стихи шт. кап. *Телегиннаго*. М. 1845 г.

25) Война мышей и лягушекъ (Сказка, отрывокъ). Стихотворенія *Жуковскаго*. Изд. V-е, т. IV, стр. 281—249. С.-Пб. 1849 г.

То же. Изданіе 6-е 1869 г. т. 2 стр. 468—482.

В. Эзопъ.

1) Басни Езопы, пер. *Ил. Коніевскаго*. Амстердамъ. 1700 г.

Тоже съ другимъ заглавіемъ: Притчи Эсоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ, ихъ же Авіенъ стихами изобрази — совокупно же Вранъ жабы и мышей, Гомеромъ древле описана со изрядными въ обоихъ книгахъ лицами и с толкованіемъ. В Амстеродамѣ напечатана. Лѣта 1700.

2) Эсоповы притчи, повелѣніемъ Царскаго велічества напечатаны въ Санктъ-петербургѣ 1717 лѣта.

3) Эсоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ полнымъ описаніемъ жизни Эзоповой, разсужденіями нравственными и историческими, приобщеніемъ различныхъ басней Бабріевыхъ, Авіеновыхъ, повѣстими Эзоповыми и двумя сраженіями мышей съ кошками и лягушками. М. 1792 года.

4) Басни Эзоповы на франц. языкѣ съ перев. на російскій. М. 1809 г.

5) Эзоповы басни съ правоученіями и примѣчаніями Рожера Лотранжа. Перевелъ *С. Волчокъ*. С.-Пб. 1810 г.

6) Эзоповы басни для обученія юношества франц. яз., съ присо-
вокупленіемъ словъ, служащихъ къ основательному познанію сего

74 УКАЗАТЕЛЬЪ ЕЪ РУССК. ИЗДАНИЯМЪ ГРЕЧ. И ЛАТИНСК. КЛАССИКОВЪ.

иностранныго языка во всѣхъ его грамматическихъ правилахъ и собственныхъ выраженіяхъ. Перев. съ франц. *П. Петровъ*. На русс. и франц. язз. С.-Пб. 1812 г.

7) Отборнѣйшія Езоповы басни. Издаѣъ *Михайла Мамлакова*. М. 1821 г.

8) Езоповы басни на Росс., Нѣмец. и Франц. язз. М. 1827 г.

9) Басни Эзопа. Перевелъ съ греческаго *Мартиновъ* (Греческіе классики, ч. I.). С.-Пб. 1823 года.

10) Эзоповы басни въ стихахъ. Перев. съ греч. *Бориса Федорова*. С.-Пб. 1829 г.

11) Эзоповы басни на русскомъ языкѣ, 2 части. М. 1858 года. *НВ. Дрешнерускіе переводы басенъ Эзопа перечислены г. Пытинимъ: Очеркъ исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ. Уч. Зап. 2-го Отд. Ак. Н. кн. IV, 1858 г. на стр. 169—171 указано шесть списковъ и на стр. 172 еще одинъ списокъ.*

1) Гимны Каллимаха. Перевелъ съ греч. *Ио. Мартиновъ* (Греческіе классики, ч. 2-я 1823 г. С.-Пб.)

2) Гимны Каллимаха: Аполлону, Купальня Минервы, Церерѣ, Власы Вереники. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. 1826 г., т. II, стр. 17—24; 28—50. Москва.

В. Гезіодъ.

1) Исіода Аскрейскаго творенія. Перевелъ съ греческаго *А. Фрязиновскій*. С.-Пб. 1779 г.

2) Отрывокъ перевода изъ I-й книги Гезіодовой. Перевелъ *Пав. Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804, II, 133.

3) Дни. Изъ твореній Гезіода. Другъ Просв. 1805, I, 24.

4) Творенія Гезіода, переведенныя *Павломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ*. Москва. 1807 г. *НВ.* Въ предувѣдомленіи къ поэмѣ „Работы и дни“ сказано, что она переведена съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго.

5) Творенія Гезіода Аскрейскаго. Съ греческаго перевелъ *А. Олинскій*. С.-Пб. 1830 г.

Г. Тиртсѣй.

1) Тиртеевы оды. Переводъ съ греческаго. Вѣстникъ Европы 1805 года, XXIV, 29.

2) Оды Тиртея. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*, т. II, М. 1826 г., стр. 63—74.

Д. Сафо.

1) Стихотворенія Сафы, переведенныя *Павломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ*. М. 1805 г.

2) Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями. Перевелъ съ греческаго *В. Анастасевичъ*. С.-Пб. 1808 г.

3) Гимны Сафы: Венерѣ. Къ щастливой любовницѣ. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 57—60.

Е. Анакреонъ.

1) Стихотворенія Анакреона Тійскаго на руссiйскомъ и греческомъ языкахъ. С.-Пб. 1794 г. *Н. Львова*. Переведено по подстрочному переложенію Таврическаго архіепископа Евгенія Вулгара.

2) Анакреоновы стихотворенія. Переводъ *Н. Львова*, съ греческимъ подлинникомъ. С.-Пб. 1798 г.

3) Анакреонтическія стихотворенія въ переводѣ *Державина*. 1804 года. Во 2 изд. всѣ 3 части перепечатаны со многими дополненіями 1808 г. ч. 3. Потомъ безъ измѣненія печатались во всѣхъ собраніяхъ сочиненій.

4) Анакреоновы стихотворенія съ присовокупленіемъ краткаго описанія его жизни. Перевелъ *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1801 г. Въ-длинными стихами.

5) То же. (Греческіе классики, ч. 26-я). Перев. *Ив. Мартыновъ*. С.-Пб. 1828 г.

6) Ода изъ Анакреона: Голубка. Перевелъ графъ *Хвостовъ*. Другъ Просв. 1805 г. I. 84.

7) Пѣсни Анакреона. Перев. *Елизаветы Кульманъ*.

8) Пѣсни Анакреона Теосскаго. *Мел.* Собраніе сочиненій, 1862 года, т. 2—3.

9) Пѣсни Анакреона, въ переводѣ и съ примѣчаніями *А. Бажанова*. М. 1861 г.

Ж. Пиндаръ.

1) Первая Пиндарова пиническая пѣснь. Переводъ *Державина*. Вѣст. Европы V, II. 268.

2) То же. Собраніе сочиненій рус. авторовъ, т. II, стр. 198.

3) Пиндарова Олимпийская первая пѣснь. Перев. *Державина*. Собраніе сочиненій рус. авторовъ, т. II, стр. 206.

4) Творенія Пиндара, содержащія оди олимпическія и пническія. Перев. съ франц. *Пав. Голенищевъ-Кутузовъ*, съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство, на баснословіе, на исторію Грековъ, ихъ игры, праздники и пр. 2 части. М. 1804 года.

То же. Оды Пиндаровы, въ стихахъ и съ ризмами. М. 1804 г. Переп. *П. Голенищевъ-Кутузовъ*.

5) Пиндаръ въ переводѣ *Мартинава*. (Греческіе классики, ч. 24 и 25). С.-Пб. 1827 г.

6) Первая Пиндарова олимпійская ода Герону Сиракузскому. Подражанія и переводы *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 74—84.

7) Двѣ оды Пиндара: 9-я Пниойская ода и Олимпійская 3-я ода. *Журн. Мин. Нар. Просв.*. 1858 г. Апрѣль.

3. *Оеокритъ*.

1) Циклопъ. Идиллія Оеокрита. Перев. гр. *Хвостова*. Другъ Просв. 1804 г. № 1. 28.

2) Оеокритова 18 идиллія: Превръщенный пастухъ. Другъ Просв. 1805 г. I. 91.

3) Кабанъ. Идиллія Оеокрита. Перев. *П. Голенищевъ-Кутузова*. Другъ Просв. 1804. II. 35.

4) Эклоги Оеокрита: Циклопъ, Рыбаки и Друзья. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 149—162.

5) Виргиліевы эклоги съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ идиллій Оеокрита, Біона и Мосха. Перевелъ стихами съ латин. и греческаго проф. *А. Мерзляковъ*. М. 1807 г.

6) Сиракузянки. Идиллія Оеокрита. Перев. *Н. И. Гиндича*.

7) Оеокритовы идилліи. Перевелъ съ греч. *Борисъ Сферинъ*. С.-Пб. 1808 года.

8) Идилліи Оеокрита: Рыбаки, Амариллида, Дѣтство Алкида, Алкидъ и Волшебница. Собраніе сочиненій *Л. Мел.* 1857 года.

И. *Біонъ и Москъ*.

1) 2-я Идиллія Біона. Перев. *Голенищевъ-Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804. III, 220.

2) Эклоги Біона: Малевый птицеловъ и Амуръ, Ученъе, Плачь объ Адонисѣ. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1826 г., ч. II, стр. 162—166; 176—185.

3) Первая мидлія Мосха. Перев. *И. Голенищевъ-Кутузовъ*. Другъ Просв. 1804. IV. 32.

4) Эклоги Мосха: Амуръ-бѣглець. Европа. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. 1826 г., ч. II, стр. 166—176.

І. Лукіанъ Самосатскій.

1) Разговоры между мертвецами изъ Лукіана Самосатскаго. Съ латинскаго. М. 1773 г. Изданіе 2-е 1788 г.

2) Лукіана Самосатянина. Разговоры мертвыхъ, переложенные съ греческ. языка священ. *Ив. Сидоровымъ* и *М. Пахомовымъ*. 3 части. С.-Пб. 1775—1784 г.

3) Разговоры о мертвыхъ. Съ греч. Изданіе Академіи наукъ. В. 3 частяхъ. 1808 года.

1) Еліана. Различныя повѣсти. Съ греческ. *Ив. Алексѣевъ*, ч. I. С.-Пб. 1787 года.

К. Эсхиль.

1) Кассандра въ чертогахъ Агамемнона. Изъ трагедіи Эсхила Агамемнонъ. Переводы и подражанія *Мерзлякова*. М. 1825 г., ч. I, стр. 60—75.

2) Электра и Орестъ при гробѣ Агамемнона. Изъ трагедіи Эсхиловой: Хоефоры или приносители возліаній. *Ibidem*, стр. 75—98.

3) Сцена изъ трагедіи Эсхиловой: Седьмъ вождей подъ Ѡивами. *Ibidem*, стр. 125—132.

4) Персы Эсхила. Перев. *Ордынскаго*. Отдѣльная брошюра изъ Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета.

5) Прикованный Прометей Эсхила. Переводъ *Павловой*.

6) Скованный Прометей Эсхила. Перев. *Мих. Илеикий*. Современникъ 1863 года, № 1.

7) Драмъ Эсхила. Переведъ съ греч. *Н...а*. Т. 1: Агамемнонъ. Хоефоры. Эвмениды. Персы. С.-Пб. 1864 г.

Л. Софоклъ.

1) Филоктетъ. Сочиненіе Софокла. Перев. прозою. М. 1799 года.

2) Филоктетъ въ 3 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Софокла, переводъ стихами. М. 1816 года.

3) Филоктетъ. Переведъ *Мартыновъ*. М. 1826 г. (Греческіе классики, ч. 8-я).

4) Филоклетъ. Трагедія Софокла. С греческова перевел і замечаніяи объясніл Н. Тимаевъ). С.-Пб. 1850 г.

5) Эдипъ-царь. Перев. *Ив. Мартинова*. С.-Пб. 1823 г. (Греческіе классики, ч. 3-я).

6) Эдипъ-царь. Переводъ съ греческаго въ стихахъ *С. Д. Шестакова*. Пропилев, т. II. 1855—1857 года.

7) Эдипъ въ Колонѣ. Перев. съ греч. прозой *Ив. Мартинова*. С.-Пб. 1823 г. (Греческіе классики, ч. IV).

8) Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческаго *В. Водовозова*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. № 1.

9) Антигона Софокла. Перев. *Ив. Мартинова*. (Греческіе классики, ч. V-я). С.-Пб. 1823 года.

10) Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греч. въ стихахъ *С. Д. Шестакова*. Отеч. Зап. 1854 г. № 7.

11) Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческ. стихами *В. Водовозова*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г. № 9.

12) То же. Классная бібліотека 1873 года.

13) Антигона Софокла. Переводъ *Аполлона Григорьева*. Вибліотека для Чтенія 1857 года.

14) Трахиніянки. Перев. съ греч. *Ив. Мартиновъ* (Греческіе классики, ч. 6-я). С.-Пб. 1824 г.

15) Ляксъ Ненстовій. Перев. съ греч. *Ив. Мартиновъ* (Греческіе классики, ч. 7-я). С.-Пб. 1825 г.

16) Электра. Перев. съ греч. *Ив. Мартиновъ*. (Греческіе классики ч. 9-я). С.-Пб. 1825 г.

17) Сцены изъ трагедіи Софокловой Эдипъ Колонейскій. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1825 г. ч. I, стр. 3—22.

18) Антигона. Изъ трагедіи Софокловой сего имени. *Ibidem*. стр. 132—161.

М. Еврипидъ.

1) Алкеста. Изъ трагедіи Еврипидовой сего имени. Переводы и подражанія *А. Мерзлякова*. М. 1825 г. ч. I, стр. 22—35.

2) Сцены изъ трагедіи Еврипидовой: Гекуба. *Ibidem*. стр. 35—60.

3) Сцены изъ трагедіи Еврипидовой: Ифигенія въ Тавридѣ. *Ibidem*, стр. 98—125.

4) Ифигенія въ Авлидѣ. Перев. съ греч. стихами *В. Водовозова*. Вибл. для чтенія 1856 г. № 8.

5) Отрывки изъ трагедіи Гекуба. „Сынъ Отч.“ 1851 г. № 4.

6) Медея. Трагедіи Еврипида. Перев. проф. Харьковск. универс. *Тихоновичъ*. — „Актъ“ Харьковского университета 1861 г.

Н. Аристофанъ.

1) Облака. Перев. *Муравьева-Апостола*. С.-Пб. 1821 г. Полное заглавіе см. отд. I, № 4.

2) Облака. Перев. съ греч. *Карновича*. Репертуаръ 1845 г. № 1,

3) Всадники. Перев. съ греч. *Карновича*. „Отеч. Зап.“ 1849 г. № 1.

4) Ахарняне. Перев. съ греч. *Ордынскаго*. „Отеч. Зап.“ 1850 г., № 6.

5) Птицы. Комедія Аристофана. Перев. съ греч. М. *Скворцова*. Варшава. 1874 г.

О. Геродотъ.

1) Иродота Аликарнасскаго повѣствованіе. Съ лѣмецкаго перовелъ *Андрей Нартковъ*. 3 части. С.-Пб. 1763 и 1764 г.

2) То же. С.-Пб. 1826—1827 г.

3) Исторія Иродотова. Перев. съ греч., съ примѣчаніями *Ио. Мартыновъ*. С.-Пб. 1810 г.

4) То же. Греческіе классики. Части 18—22. С.-Пб. 1826 г.

П. Ксенофонтъ.

1) Ксенофонта: О достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ 4 книги и оправданіе Сократово передъ судіями. Перев. съ греч. *Григорій Полытика*. С.-Пб. Тин. Акад. наукъ. 1762 г.

2) Спокойствіе Кирова или повѣствованіе его жизни отъ 16 до 40 лѣтъ рожденія его. Перев. *Андр. Нартковъ*. 3 части. С.-Пб. 1766 г.

3) Исторія о младшемъ Кирѣ. Перев. съ франц. С.-Пб. 1782 г.

4) Ксенофонта: Исторія о старшемъ Кирѣ. Изд. Акад. наукъ. С.-Пб. 1806 г.

5) Ученіе Сократово по Ксенофонту. Въ видѣ разговоровъ. 4 книги. Перев. съ греч. *Ио. Синайскимъ*. М. 1857 г.

6) Анабазисъ Ксенофонта. Русс. перев. въ Военной библіотекѣ, издававшейся *Глазуновымъ*.

Р. Плутархъ.

1) Наставленія Плутарха о дѣтководствѣ или воспитаніи дѣтей. Съ греч. перев. *Писарева*. С.-Пб. 1771 г.

2) Биографія Плутарха. Перев. съ греч. „Сѣверн. Вѣстн.“ I, 142. 290.

3) Плутархъ. Слово о неприступающемъ любопытствѣ. Перев. съ греч. *С. Писарева*. С.-Пб. 1786 г.

4) Плутархъ. Нравственныя и философическія сочиненія, ч. I. Переложеніе съ греч. *Ивана Алексѣева*. С.-Пб. 1789 г.

5) Плутархъ. О суетѣ. Перев. съ греч. *Ев. Сферинъ*. С.-Пб. 1807 г.

6) Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Перев. съ греч. *С. Дистумисъ*. С.-Пб. 1810 г.

7) То же. Сравнительныя жизнеописанія съ историческими и критическими примѣчаніями, съ географическими картами, съ изображеніями славныхъ мужей. По Высочайшему повелѣнію, ч. I—3. С.-Пб. 1814—1815 г.

8) То же. Сравнительныя жизнеописанія. *Спиридона Дистумиса*. С.-Пб. ч. 4—5, 1816 г.

9) То же. Заглавіе см. подъ № 7, 7—13 части. 1817—1821 г.

10) Жизнеописанія Плутарха. Перев. съ греч. подъ ред. *В. Герье*. Вып. I. М. 1862 г.

С. Павзаній.

1) Павзаній или Павсаніево описаніе Еллады. Съ греч. перевели свящ. *Ив. Сидоровскій* и *Матв. Пахомовъ*. 3 части. С.-Пб. 1788—1789 г.

2) Павзанія: Описаніе Еллады. Перев. съ греч. Изд. Акад. наукъ. С.-Пб. 1808 г.

Диодора Сицилійскаго: Историческая бібліотека. Перев. съ греч. *Ив. Алексѣева*. 6 частей. С.-Пб. 1774—1776 г.

Повѣствованіе о болѣзни, отъ которой Марку Аврелію, Римскому императору смерть приключилась, съ приобщеніемъ мудрыхъ совѣтовъ, данныхъ имъ при смерти сыну своему принцу Коммоду и всѣмъ министрамъ. Перев. съ греч. М. 1789 г.

Стратегемы Поліена, заимствованныя изъ сочиненій равныхъ авторовъ о важнѣйшихъ древнихъ полководцахъ, герояхъ и знаменитыхъ жещинахъ. Перев. съ греческаго *Д. Пападопуло*. С.-Пб. 1842 г.

Иродіанова исторія о Римскихъ государяхъ, бывшихъ послѣ Марка Аврелія Антопія, до избранія въ императоры Гордіана Младшаго. Перев. съ греч. *Козьмы Озерецковаго*. Изд. Академіи наукъ. С.-Пб. 1774 г.

Исторія Геродіана въ 8 книгахъ о Римской имперіи, по кончинѣ Марка Аврелія, до избранія младшаго Гордіана. Перев. съ греч. *В. Оболенскаю*. М. 1829 г.

Рѣчь, которую говорилъ оклеветанный Велизарій передъ Юстиніаномъ, государемъ своимъ. Перев. съ греч. *Аполлосъ*. М. 1778 г.

Т. Византійскіе историки.

1) Исторія Льва Діакона Кокобскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Геесе. Перев. съ греч. *Д. Поповъ*. С.-Пб. Тип. Акад. наукъ. 1820 г.

2) Василия Македонянина, царя греческаго, увѣщательныхъ 66 главъ къ сыну его Льву. Перев. съ греч. М. 1776 г.

3) Георгія Пахимера. Исторія Михаила и Андроника Палеологовъ. При С.-Пб. Духовн. Акад. Подъ ред. *И. Троицкаю*. С.-Пб. 1863 г.

4) Записки Никифора Врѣнія.

5) Лѣтопись великаго логофета Акрополита.

6) Никиты Хоніата. Исторія съ царствованія Іоанна Комнина.

7) Обзорѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ.

8) Прокофія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готфамъ.

9) Римская исторія Никифора Григоры.

10) Сказанія о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина.

У. 7 мудрецовъ.

1) Гномологикъ или собраніи изъ разныхъ творцевъ мѣтнія Хрисологовы по алфавиту и притомъ краткія нѣкоторыхъ древнихъ писателей эпистолы или граматки: еще всѣ седьми греческихъ мудрецовъ и другихъ философовъ апофегматы или наставленія и совѣты. Переводъ съ эллино-греческаго *Степана Писарева*. С.-Пб. 1767 г.

Ф. Платонъ.

1) Творенія велемудраго Платона. Перев. съ эллино-греческаго свв. *Ив. Сидоровскій* и *Матв. Пазомовъ*, 3 части въ 4 книгахъ. С.-Пб. 1780—1785 г.

2) Разговоры Платоновы о законахъ. Переводъ *В. Оболенскаю*. Съ греческаго. М. 1827 г.

3) Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя № 12.

ныя проф. С.-Петербургской духовной академіи *Карновымъ*. Т. I-й. 1841 г. С.-Пб. Протагоръ. Эвтидемъ. Лахесъ. Т. II-й. 1842 г. С.-Пб. Хармидъ. Эвтифронъ. Менопъ. Анологія. Критонъ. Т. III и IV.

4) Тоже. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. С.-Пб. 1863. Т. I-й: Протагоръ. Эвтидемъ. Лахесъ. Хармидъ. Иппіасъ. Эвтифронъ. Анологія Сократа. Т. II-й: Критонъ. Федонъ. Менопъ. Горгіасъ. Алкивиадъ 1-й и 2-й. Т. III-й: Политика или государство. Т. IV-й: Федръ. Пиръ. Лячисъ. Иппіасъ большой. Менексепъ. Иопъ. Феагъ. Соперники. Нипархъ. Клитофонъ.

5) Философскія бесѣды Платона въ русскомъ переводѣ: Эвтифронъ. Анологія Сократа. Кратонъ. Федонъ. Перев. и изд. *А. Клеванова*. М. 1861 г.

6) Горгіасъ, разговоръ Платона. Перев. съ греческаго *В. И. Карновымъ*. М. 1857 г.

7) Менопъ, діалогъ Платона. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями, съ предисловіемъ и анализомъ *Н. Скворцова*. М. 1867 г.

Х. Аристотель.

1) Философія Аристотеля по заимствованію перипатетиковъ, изданная Кіевской академіи префектомъ *Михайломъ Козачинскимъ*. На руссiйскомъ и польскомъ языкахъ. Кіевъ. 1749 г.

2) О позвiи Аристотеля. Перевелъ и объяснилъ *Ордынский*. М. 1854 г.

3) Категорiи Аристотеля. На греческомъ и русскомъ языкахъ. Перевелъ и объяснилъ *М. И. Касторскій*. С.-Пб. 1859 г.

4) Политика Аристотеля. Переводъ съ греческаго языка, съ примѣчаніями, съ критическимъ изслѣдованіемъ и съ двумя экскурсами, содержащими въ себѣ ученіе о правѣ и воспитаніи. *Н. Скворцова*. М. 1865 г.

Ц. Эпиктетъ и Кевитъ.

1) Епиктита стоическаго философа: Енхиридiонъ и Апоегмы и Кевита Оивейскаго: Картина или изображеніе житiя человѣческаго. Съ греческаго перевелъ *Григорій Польшика*. С.-Пб. 1759 г.

2) Тоже. Изданіе 2-ое. С.-Пб. 1767 г.

3) Епиктита, стоическаго философа: Енхиридiонъ и Апоегмы. Изданіе Академіи Наукъ. С.-Пб. 1806 г.

Ч. *Исократъ.*

1) Политическія рѣчи. Съ греческаго перев. *И. Дмитревскій.* С.-Пб. 1789 г.

Ш. *Демосвѣтъ.*

1) Рѣчь 1-я Демосвѣта противъ Филиппа. С.-Пб. 1776 г.

2) Рѣчь Демосвѣта о вѣнцѣ. Съ греческаго перевелъ *Егоръ Пономаревъ.* С.-Пб. 1784 г.

3) Демосвѣново надгробное слово Афинянамъ, убіеннымъ въ сраженіи при Херонѣѣ. Переводъ съ эллино-греческаго *Евсевія*, снископа Калужскаго. С.-Пб. 1807 г.

4) Тоже въ 3-хъ частяхъ. Изданіе и переводъ Академіи Наукъ. С.-Пб. 1808 г.

5) Девятая Демосвѣнова Филиппика. Вѣстникъ Европы. XII. 143.

Щ. *Аполлодоръ, Лонгинъ и Палефатъ.*

1) Аполлодора грамматика афинейскаго: Библіотека о азыческихъ богахъ. Съ греческаго перевелъ Московской типографіи справщикъ *Ал. Барсовъ.* М. 1795 г.

2) О высокому или величественному. Соч. Лонгина (неоплатоника). Перевелъ съ греческаго *Ив. Мартыновъ.* С.-Пб. 1803 г.

3) Тоже. Греческіе классики въ переводѣ *Ив. Мартынова.* Ч. 23. С.-Пб. 1826 г.

4) Палефата греческаго писателя: О невѣроятныхъ сказаніяхъ о богахъ. Перевелъ и примѣчаніями изъяснилъ *Феодоръ Туманскій.* С.-Пб. 1791 г.

Б. *Иппократъ.*

1) Объ Иппократѣ и его ученіи съ переводомъ на русскій азыкъ трехъ славнѣйшихъ и подлинныхъ его книгъ. *С. Волыжскій.* С.-Пб. 1840 г.

2) Афоризмы Иппократа. Переводъ *П. Шюца.* С.-Пб. 1848 г.

Лучшія мѣста изъ разныхъ греческихъ писателей, собранныя профессоромъ Маттеемъ. Перевелъ съ греческаго студентъ *М. Дмитревскій.* М. 1807 г.

Образъ невинной любви. Переводъ съ греческаго на латинскій и съ латинскаго на русскій. Изданіе Академіи Наукъ. С.-Пб. 1806 г.

Кабинетъ любомудрія, въ которомъ точно изъясняется общее всѣхъ древнихъ любомудрцевъ азыческихъ описаніе о Богѣ, добродѣтели и пороки и средствахъ, прямо ведущихъ (sic!) человѣка къ истинному

благополучію. Перевелъ съ эллино-греческаго и латинскаго М. Цю-
лѣкинъ. М. 1783 г.

Отдѣлъ VII. Сочиненія и статьи по языку, археологін, древностямъ и словес-
ности греческой.

Сочиненія и статьи, стоящія въ связи съ изслѣдованіями по ла-
тинскому языку, указаны въ отдѣлѣ того же названія.

• 1) Славянская мѣологія сравнительно съ греческой. Составилъ
И. Левитскій. 4 части. С.-Пб. 1812—1815 г.

2) Изрѣченія Лакедемонцевъ, избранныя Плутархомъ съ приоо-
единеніемъ краткаго начертанія о ихъ правленіи, законахъ, нравахъ,
обычаяхъ и мыслей его о суетвѣріи. Съ нѣкоторыми примѣчаніями
Иларіона Висильева. М. 1819 г.

3) Греческія древности Адама. М. 1824 г.

4) Амагтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся
къ язычнымъ исторіямъ и древней классической словесности. *Ив.*
Кронберга. 2 части. Харьков. 1825—1826 г.

5) Рѣчь объ отличительныхъ качествахъ, которыми преимуще-
ственно древніе греческіе классики заслуживали неоспоримое право
быть всегдашними руководителями хорошаго вкуса въ словесности не
только во время политическаго существованія Грековъ, но и по уни-
чтоженіи оного. *Сим. Иваишковаго*. М. 1827 г.

6) Опытъ словаря гадавій и прорицалицъ, священныхъ праздни-
ковъ и жертвоприношеній, существовавшихъ у древнихъ Грековъ и
Римлянъ. *И. Б.* С.-Пб. 1830 г.

7) Опытъ о ближайшемъ сродствѣ славяно-россійскаго языка съ
греческимъ. 3 части. Соч. *Эконоида*. С.-Пб. 1828 г.

8) Исторія древней Греціи, населеній и завоеваній оной отъ перво-
бытнаго состоянія сей страны до разрушенія Македонскаго государ-
ства Гиллисиса. Перев. съ англійск. *А. Огинскій*. 8 т. С.-Пб. 1830—
1831 г.

9) Ученныя записки, издаваемыя Московскимъ Императорскимъ уни-
верситетомъ, 36 книгъ. М. 1833—1836 г.

10) Исторія древней и новой литературы Ф. Шлегеля. Перев. съ
нѣм. *В. Касковскій*. 2 т. С.-Пб. 1835 г.

11) Ученныя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ уни-
ситетомъ. 1835—1855 г. 4 кн. въ годъ.

12) Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ наро-
довъ. *С. Шевырсова*. М. 1837 г.

- 13) Очеркъ исторіи греческой литературы. Перев. съ латинскаго *Г. Гарлеса*. М. 1838 г.
- 14) Колѣна и сословія аттическія. Сочин. *М. Куторми*. С.-Пб. 1838 г.
- 15) Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 1839 г.
- 16) Разсужденіе о важности греческаго языка. *Н. Коссовича*. М. 1846 г.
- 17) Греческій глаголь въ своемъ развитіи, издапши (sic!) старшимъ учителемъ I-й Московской гимназій магистрантомъ *И. Коссовичемъ*. М. 1846 г.
- 18) Исторія аѳинской республики. *М. Куторми*. С.-Пб. 1848 г.
- 19) Жизнь аѳинскаго олигарха Критія. Разсужд. *В. Ведрова*. С.-Пб. 1848 г.
- 20) Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ, съ рисунками и планомъ театра. *М. К(ублицкаго)*. М. 1849 г.
- 21) О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи. *П. М. Леонтьева*. М. 1850 г.
- 22) Ликургъ аѳинскій. *М. Стисюлевича*. С.-Пб. 1851 г.
- 23) Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія. Историч. разсужденіе *И. Бабста*. М. 1851 г.
- 25) Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы. *А. Демлена*. Кіевъ. 1851 г.
- 25) Очеркъ древнѣйшаго періода греческой философіи. *М. П. Каткова*. М. 1853 г.
- 26) Опытъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института 6-го и 7-го выпускровъ, 2 книги. С.-Пб. 1852—1853 г.
- 27) Полигенизмъ древнихъ Грековъ. Обзоръ языческихъ вѣрованій и обрядовъ древнихъ Грековъ съ краткимъ очеркомъ религіи Римлянъ. Соч. *Вазн*. С.-Пб. 1855 г.
- 28) Пропілеи. Сборникъ статей по классической древности. Изд. *П. Леонтьевымъ*. 5 томовъ. 1855—1857 г. Изд. 2-е. Т. 1, 2, 3. М. 1869 г.
- 29) Походъ Аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ. *В. Ведрова*. Съ планомъ города Сиракузъ. С.-Пб. 1857 г.
- 30) Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ,

римскихъ и славянскихъ, изготовл. къ 100-лѣтнему юбилею Императорскаго Московскаго университета трудами профессоровъ *Петрова, Клина, Меньшикова* и *Буласса*. М. 1855 г.

31) Сборникъ ученыхъ статей, написанныхъ профессорами Казанскаго университета въ память его десятилѣтія. Казань. 2 тома. 1857 г.

32) Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго университета. 2 тома. С.-Пб. 1857—1860 г.

33) Мифологія Ламе-Флери. С.-Пб. 1858 г.

34) Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянороднаго. Вып. I. *А. Зернина*. Харьковъ. 1858 г.

35) Исторія Греціи. Э. Курціуса. Перев. съ нѣм. 1-го тома. 1-е отд. Изд. II. *Иопова*. М. 1858 г.

36) Македонская гегемонія и ея приверженцы. II. *Астафьева*. С.-Пб. 1856 г.

37) Персидскія войны. Критическія изслѣдованія событій этой эпохи древней греческой исторіи. *М. Куторми*. С.-Пб. 1858 г.

38) Аѣны и Константинополь. Путевныя записки *А. Милюкова*. С.-Пб. 1859 г.

39) Похожденія Энея. Странствованіе Одиссея. Разказы для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

40) Геродотъ и его повѣствованія. Разказъ для дѣтей. С.-Пб. 1860 г.

41) Древности Геродотовой Скіиѣи. Изд. Императорской Археологической Коммисіи. Вып. 1. С.-Пб. 1866 г.

42) Греческая мифологія или сказанія о верѣ и о богахъ древнихъ народовъ, именуемыхъ Греками и Римлянами. II. *Причудинскаго*. С.-Пб. 1860 г.

43) Олимпъ, или греческая и римская мифологія въ связи съ египетскою, германскою и индійскою. *А. Петискуса*. Перев. *Н. Егстафьева*. С.-Пб. 1861 г. Изд. 2-е. С.-Пб. 1873 г.

44) Разказы о греческихъ герояхъ *В. Нибура*. М. 1862 г.

45) Эпоха древней тиранніи въ Греціи. *В. Бауэра*. С.-Пб. 1863 г.

46) Аполлонъ Боздроміосъ, статуя музея гр. С. Строганова, объясненіи академикомъ *Д. Стефани*. С.-Пб. 1863 г.

47) Чудеса древняго и новаго міра, или описаніе важнѣйшихъ памятниковъ древности, замѣчательныхъ городовъ и пр. Ред. *Гренина*. С.-Пб. 1860 г.

48) Исторія греческой литературы (Поэзія) Мунка. Перев. съ нѣм. С.-Пб. 1862 г.

49) Исторія греческой поэзія для гимназій. Мунка. Перев. *Н. Соколова*. М. 1863 г.

50) Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древн. до новѣйш. временъ. Грессе. Перев. съ нѣм., вып. 1. С.-Пб. 1861 года.

51) Исторія литературы древняго и новаго міра, сост. по Шерру, Шлоссеру, Геттнеру, Шлегелю, Шмидту, Готтшалу и др. Сост. *А. Милуховымъ*. Т. I. Эллада и Римъ. С.-Пб. 1862 г.

52) Всеобщая исторія литературы. I. Шерра. Перев. *А. Пяткина*. С.-Пб. 1865 г.

53) Очерки литературы древн. и нов. народовъ. Т. I. Поэзія драматическая. М. 1862 г. Сост. *Гирсуловъ*.

54) Очеркъ греческой литературы. Сост. *А. В. Марковымъ-Виноградскимъ*. С.-Пб. 1863 г.

55) Разказы изъ Одиссеи Гомера. Сост. *П. Вышеславецъ*. 2 ч. С.-Пб. 1864 г.

56) Исторія древняго міра и Греціи. По Нессельту съ 13 изд. Сост. и доп. *Скворцовъ*. С.-Пб. 1864 г.

57) Учебникъ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія культуры. Соч. Г. Цейса. Перев. *И. Катаева*. Ч. I. 2-й вып. Древняя исторія. С.-Пб. 1864 г.

58) Разказы о старинныхъ людяхъ. Кн. III: древніе Греки. С.-Пб. 1865 г.

59) Обзорѣніе философской дѣятельности Платона и Сократа. По Целлеру. Съ приложен. въ русск. перев. 4-хъ изслѣдованій Кузена. *А. Клеванова*. М. 1861 г.

60) Мѣны классической древности Г. Штоля. Перев. съ нѣм. *В. Покровскаю* и *П. Медвѣдева*. Т. I и II. М. 1865 г.

61) Тоже. Древнее общество. Обзоръ вѣроисп. и т. д. С.-Пб. 1868 г.

62) Древнее отечество. Обзоръ культа, права и учрежденій Греціи и Рима. Фюстель-Куланжа. Кп. I: Древніи вѣрованія. Кн. II. Семья. Изд. *Н. И. Ламанскаю*. С.-Пб. 1867 г.

63) Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ Г. В. Шталя. Перев. съ нѣм. подъ ред. *Васильевскаю*. С.-Пб. 1868 г.

64) Гражданская община античнаго міра. Исслѣдованія о бого-служебнѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Фюстель-де-Бюланжа. Перев. *Е. Корша*. М. 1867 г.

65) Эллада. Картины древней Греціи, ея религія, могущество и просвѣщеніе. В. Вегнера. Перев. съ нѣм. *П. Евстафьева*. 2 тома. С.-Пб. 1868 г.

66) Историко-филологическія изслѣдованія: 1) Аѳинскій царь Кодръ и отмиѣна царской власти въ Аѳинахъ; 2) Архонство и стратегія въ Аѳинахъ во время Персидскихъ войнъ. *К. Любимая*. С.-Пб. 1868 г.

67) Исторія адвокатуры. Вып. I. Древній міръ: Египетъ, Индія, Евреи, Греки, Римляне. *А. Стоянова*. Харьковъ. 1869 г.

68) Исторія политическихъ ученій. Ч. I. Древность и средніе вѣка. *Б. Чичерина*. М. 1869 г.

69) Временичисленіе христ. и язич. міра, съ изложеніемъ календарей: китайскаго, японскаго, народовъ Индо-Китая, египетскаго, древне-греческаго, римскаго, Юліанскаго и Григоріанскаго, а также еврейскаго и магометанскаго. Сост. *М. Ларошъ*. Изд. 2-е исправл. и значит. дополн. С.-Пб. 1867 г.

70) Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка. *В. Г. Василевскаю*. С.-Пб. 1869 г.

71) Фонетическая и графическая система древняго эллинскаго языка. Сост. *Н. Карпъевъ*. М. 1869 г.

72) Продажныя женщины. Картины публичнаго разврата на востокѣ, въ античномъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ настоящее время. Сост. *К. И. Бабиковымъ*. М. 1870 г.

73) Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. В. Любке. М. 1870 г.

74) Міръ древній и новый. Человѣкъ и государство. *А. Горьмаева*. М. 1871 г.

75) Платонъ—о знаніи и борьбѣ съ сенсуализмомъ и разсудочнымъ эмпиризмомъ. Анализъ діалога *Софистъ*. Съ примѣч. и объясн. *Н. Скворцова*. М. 1871 г.

76) Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. *Ф. Зеленоюрскаю*. С.-Пб. 1871 г.

77) Езопъ, древній мудрецъ и баснописецъ и его страшная смерть. Собрано изъ разныхъ источниковъ *И. И....мъ*. М. 1871 г.

78) Классическая система образованія. Ея настоящее положеніе и значеніе въ воспитаніи I. Джонса. Перев. съ англ. С.-Пб. 1868 г.

79) Исслѣдованія по исторіи греческаго искусства *Адріана Прахова*. С.-Пб. 1871 г.

80) Описаніе замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Віардо. Перев. и доп. о Россіи *В. Яковлева*. С.-Пб. 1871 г.

81) Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка. Историческое изслѣдованіе. *И. Чистовича*. С.-Пб. 1871 г.

В. Лебедевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

P. Virgilio Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié, d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction et une notice par *E. Benoist*, professeur suppléant de poésie latine à la Faculté des Lettres de Paris. Volume premier. Bucoliques et Géorgiques. Deuxième édition, revue et augmentée d'un choix de variantes. Paris. Librairie Hachette et Cie. 1876. CXXVII: 352.

Во Франціи уже около пятнадцати лѣтъ нѣкоторые отдѣлы филологической науки снова приобрѣтають ревностныхъ приверженцевъ, хотя, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что начиная съ XVII вѣка любовь къ изученію древней эпиграфики, нумизматики и археологій никогда тамъ не охлаждалась; напротивъ того, названными науками занимались въ этой странѣ съ непрерывнымъ усердіемъ и успѣхомъ. За то все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ точное изслѣдованіе языка древнихъ авторовъ, изслѣдованіе метрическихъ особенностей поэтовъ и на основаніи такихъ изслѣдованій построенная критика и объясненіе классическихъ авторовъ. Нельзя поэтому удивляться, что въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій ослабло изученіе греческой и римской исторіи литературы, ибо изученіе это не можетъ достигнуть успѣшныхъ результатовъ безъ основательнаго и подробнаго знанія отдѣльныхъ авторовъ; многочисленные труды по этой отрасли филологіи ограничивались у Французовъ скорѣе фирмерствомъ, остроумною игривостію и тѣмъ, что Римляне называли *lumina orationis*, тѣмъ основательнымъ изслѣдованіемъ источниковъ и методическою критикою. Совершенно иное зрѣлище представляли филологическія занятія во Франціи за періодъ времени отъ 1550 по 1650 гг.

Франція была тогда безспорно центромъ всѣхъ филологическихъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ Италія, въ XIV и XV вѣкахъ снискавшая себѣ славу возрожденіемъ древнихъ классиковъ, со смертію

Петра Викторія († 1584 г.) и Антонія Мурета († 1585 г.), впрочемъ тоже уроженца Франціи, лишилась своихъ послѣднихъ оригинальныхъ филологовъ. Такие люди какъ Robertus и Henricus Stephanus, Turnebus, Lambinus, Auratus, Pithoeus, Petavius, главнымъ же образомъ великіе ученые: Josephus Justus Scaliger, Isaac Casaubonus и Claudius Salmasius приобрѣли безсмертную славу въ области классической филологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, то-есть, не включая сюда археологію, эниграфику и нумизматику, и благотворно вліяли не только на Францію, но также на Германію, Голландію и Англію. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ повятѣе, что названные ученые, вслѣдствіе политическихъ и религіозныхъ неурядицъ своего времени, вели кочевую жизнь и не всегда заканчивали ее во Франціи. Такъ напримѣръ самый знаменитый изъ нихъ, Скалигеръ, умеръ, какъ извѣстно, въ Лейденѣ и положилъ основаніе филологической школѣ въ только что открытомъ тамъ университетѣ, который и до сего времени обладаетъ, можно сказать, превосходными представителями филологической науки.

Вѣкъ Лудовика XIV, имѣвшій столь громадное значеніе для французской исторіи и для французской литературы, произвелъ существенную перемену. Французскіе филологи, въ восторгѣ отъ того впечатлѣнія, которое беллетристика ихъ производила на всю образованную Европу, ревностно принялись за труды, обшцавшіе вѣрный успѣхъ у большинства публики и влѣсто того, чтобы увеличивать ученую литературу своими собственными изслѣдованіями, предпочитали по болѣе-шей части пользоваться прѣжными плодами учености какъ отечественной, такъ и иностранной. Неблагопріятствовало также серьезнымъ занятіямъ и методической критикѣ вліяніе іезуитовъ на образованіе юношества, вліяніе все болѣе и болѣе усиливавшееся во Франціи со временъ Лудовика XIV. Іезуиты поощряли преимущественно изящную литературу стихотворную и прозаическую; во французскихъ гимназіяхъ и до сихъ поръ придаютъ большое значеніе изящнымъ литературнымъ упражненіямъ. Впрочемъ интересъ къ греческимъ и римскимъ классикамъ во Франціи никогда не охлаждалъ, а за Французами безспорно надо признать талантъ изящно объяснять этихъ классическихъ писателей, переводить ихъ и подражать имъ. За то экзегетическіе ихъ труды начали утрачивать мало по малу грамматическую и метрическую основательность; перестали также во Франціи заниматься и критикой текста; соотвѣтственно этому возрастало и равнодушіе къ трудамъ иностранныхъ ученыхъ. Тѣмъ болѣе по-

хвалы заслуживаетъ то обстоятельство, что съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи стараются наверстать упущенное въ занятіяхъ филологіею. Около десяти лѣтъ тому назадъ одинъ изъ представителей книжной торговли въ Парижѣ (Hachette et Comp.) предпринялъ новое „Collection d'éditions savantes des principaux classiques latins et grecs, textes publiés d'après les travaux les plus récents de la philologie avec des commentaires critiques et explicatifs, des introductions et des notices“. О планѣ и успѣхѣ этого изданія мы находимъ въ позднѣйшихъ объявленіяхъ слѣдующее:

Les ouvrages dont le titre précède inaugurent une série d'éditions destinées, nous l'espérons, à faire honneur à la science de notre pays, à fonder chez nous une école de philologie grecque et latine, à bien mériter du monde érudit et du monde universitaire.

Exécutées sur le plan de celles qui ont paru dans le XVIe et le XVIIe siècle sous le nom de *Variorum*, ces éditions contiennent: 1° un texte revu et corrigé d'après les travaux les plus récents; 2° les variantes essentielles; 3° un commentaire critique et explicatif, rédigé en français.

Elles s'adressent surtout aux professeurs et aux personnes qui se destinent à l'enseignement.

Le Virgile a été notre premier spécimen pour les auteurs latins. C'est un professeur de l'Université qui a ouvert résolument la voie. Justice a été rendue, dès les premiers jours, à son important travail. Des témoignages de la plus compétente autorité ont assigné à l'œuvre de M. Benoist une place éminente parmi les travaux de la critique contemporaine. Le succès des travaux de M. Benoist ont engagé M. Patin, l'illustre doyen de la Faculté des lettres de Paris, à le choisir comme suppléant dans la chaire de poésie latine à la Sorbonne.

Les trois premiers auteurs grecs de notre collection ont obtenu tous les trois, à une année de distance, le prix dont l'*Association pour l'encouragement des études grecques* dispose annuellement. Ce sont le *Sophocle* de M. Tournier, maître de conférences à l'École normale; l'*Euripide* du savant doyen de la Faculté des lettres de Besançon, M. Henri Weil; et enfin l'*Iliade* d'Homère, revue et corrigée par M. Alexis Pierron d'après les documents authentiques de la recension d'Aristarque.

На ряду съ этимъ обширнымъ изданіемъ, имѣются еще другія, меньшаго объема, предназначеныя для учениковъ гимназій съ тѣмъ

же самымъ текстомъ, но не съ такимъ обиліемъ примѣчаній, приспособленныхъ къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Лучшимъ изданіемъ латинскихъ авторовъ можно считать изданіе Виргилія въ трехъ томахъ, составленное въ 1867 году г. Бенуа; этотъ ученый и за границей славится своими основательными изслѣдованіями преимущественно по Плавту. Какъ удаченъ былъ сдѣланный имъ выборъ, доказываетъ то обстоятельство, что теперь потребовалось уже новое изданіе упомянутаго сочиненія. И дѣйствительно трудъ г. Бенуа какъ во Франціи, такъ и за границей былъ принятъ общимъ и вполне заслуженнымъ одобреніемъ, ибо трудъ этотъ соединяетъ истинно французскую элегантность и тонкій вкусъ съ основательнымъ знаніемъ латинскаго языка и знакомствомъ съ трудами, относящимися къ жизни и сочиненіямъ Виргилія до позднѣйшихъ временъ. Бенуа по скромности приписываетъ большую часть своего успѣха во 1) вновь пробудившемуся нынѣ расположенію Французовъ къ серьезнымъ занятіямъ, а во 2) научному соперничеству, вызванному во Франціи при видѣ тѣхъ успѣховъ, которые филологія сдѣлала въ сосѣдней съ нею странѣ. Несомнѣнно однако, что достоинства самой книги играютъ тутъ главную роль.

Хотя авторъ на стр. XI и говоритъ, что въ своемъ изданіи Виргилія, въ критикѣ и объясненіяхъ, онъ придерживался метода, которому слѣдовали во Франціи относительно Виргилія Badius Jodocus, Ascensius, Robert и Henri Stephanus, Lemaire и другіе, а въ Англіи Квинингтонъ, въ Германіи же между прочимъ Форбигеръ и Ладенигъ, тѣмъ не менѣе изданіе его отличается отъ большей части изданій только что названныхъ комментаторовъ и критиковъ двумя преимуществами: краткостью, — особенно относительно цитатъ соблюдена у него должная мѣра — и методичностью критики, а также здравымъ сужденіемъ; этихъ достоинствъ нѣтъ напримѣръ, у Форбигера, въ другихъ отношеніяхъ не лишеннаго заслугъ.

Г. Бенуа избѣжалъ кромѣ того реторики и разлагательствованій, столь часто встрѣчающихся въ комментаріяхъ французскихъ ученыхъ. Онъ воздержался и отъ злоупотребленія слишкомъ частыми цитатами изъ новѣйшихъ, особенно французскихъ писателей, образцомъ которымъ служилъ Виргилій; въ этомъ случаѣ онъ поступилъ совершенно основательно, такъ какъ польза цитатъ для филологической критики и толкованій обыкновенно ничтожна.

Во второй главѣ своего введенія, г. Бенуа, пользуясь извѣстнымъ

трудомъ Риббека, помѣстивъ критическій перечень рукописей Виргилія. При этомъ случаѣ можно было бы желать, на стр. XVI, болѣе точнаго обсужденія мнѣній Риббека о видѣ и состояніи коренной или пожалуй коренныхъ (archetyp) рукописей поэта. Намъ по крайней мѣрѣ мнѣніе это показалось крайне сомнительнымъ, хотя оно и соответствуетъ тѣмъ критическимъ приемамъ, которыхъ онъ придерживался относительно установленія Виргиліева текста. Впрочемъ одобряю я и то, что г. Венуа, въ противоположность Риббеку, отдаетъ преимущество Mediceus передъ Palatinus и другими рукописями. Онъ подробно мотивируетъ свое мнѣніе на стр. XVII и XVIII. На стр. XIX мы находимъ его замѣтки о несличенной еще рукописи (находящейся въ библіотекѣ Montpellier), сличеніе которой Риббекъ считалъ желательнымъ. Г. Венуа говоритъ, что эта рукопись очень сходна съ Верненсес b и c (особенно съ c), по впрочемъ принадлежитъ скорѣе къ X или даже XI, чѣмъ IX вѣку. Упоминая о прочихъ ученыхъ до Риббека, сличавшихъ рукописи для критики Виргилія, г. Венуа подтверждаетъ, что сличенія Pottier не болѣе точны, чѣмъ сличенія того же самаго ученаго для Горатія.

На стр. XXI—XXV находится заимствованный у Риббека длинный перечень древнихъ комментаторовъ Виргилія, при чемъ говорится о пользѣ послѣднихъ для критики поэта. По этому случаю нельзя не пожалѣть, что различные схоласти Виргилія еще не изданы вмѣстѣ и что вѣрнѣйшій и полнѣйшій изъ нихъ, Сервій, вообще еще не появился въ изданіи критически исправленномъ. Для Вернскихъ схолій много сдѣлано Гагеномъ, а для схолій, находящихся въ Веронѣ и для комментарія Проба — Кейлемъ. Очевидна та польза, какую для правильнаго пониманія поэта могло бы принести такое съ умѣньемъ составленное изданіе всѣхъ древнихъ толкователей Виргилія. Къ сожалѣнію большая часть изданій латинскихъ схоластовъ, появившихся за послѣднее время въ Германіи, неудовлетворительна. Затѣмъ у г. Венуа слѣдуетъ списокъ главнѣйшихъ авторовъ, цитировавшихъ Виргилія или подражавшихъ ему. Въ этомъ отношеніи трудъ Риббека, которымъ пользовался г. Венуа, опять таки заставляетъ желать многого относительно полноты.

Исторія критики текста Виргилія (глава 3) можетъ быть раздѣлена на двѣ эпохи, — эпоху Николая Гейнзіа и послѣ него. Этотъ остроумнѣйшій изъ всѣхъ голландскихъ критиковъ проложилъ новые пути для возстановленія текста Виргилія и Овидія отчасти тѣмъ, что обратилъ надлежащее вниманіе на лучшія рукописи, исключивъ

изъ текста безчисленныя интерполации, проникнувши въ нихъ изъ рукописей плохихъ, отчасти же тѣмъ, что испорченныя или сомнительныя мѣста старался исправить съ помощью, хотя и не методической, за то гениальной критики.

Венуа разсматриваетъ многочисленныя изданія Виргилія съ знаніемъ дѣла, съ большимъ тактомъ и безпристрастіемъ. На стр. XLI онъ справедливо порицаетъ „la critique à outrance“ Риббека и находитъ главное достоинство его труда въ томъ, что этотъ ученій „a poussé la science philologique d'un instrument critique incomparable“. Я не совсѣмъ безусловно согласенъ съ этою похвалою. Риббекъ во многихъ случаяхъ могъ бы съ большею точностью обозначать варианты рукописей, которыми пользовались другіе ученые; кромѣ того, у меня есть основаніе предполагать, что и данныя о сличенныхъ имъ рукописяхъ не всегда исполнѣны вѣрно и полны. Ему слѣдовало бы также гораздо подробнѣе приводить мнѣнія другихъ ученыхъ. Тѣмъ не менѣе упомянутыя г. Венуа достоинства труда Риббека дѣлаютъ этотъ трудъ весьма важнымъ и незаменимымъ для изученія Виргилія.

Упомянутый отдѣлъ заканчивается у г. Венуа перечисленіемъ появившихся въ текущемъ столѣтіи во Франціи сочиненій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ толкованію Виргилія (стр. XLV—L).

Четвертая глава трактуетъ главнымъ образомъ объ ореографическихъ принципахъ издателя и чрезвычайно интересна частью сама по себѣ, частью же по отношенію къ вопросу о томъ, въ какомъ состояніи находится нынѣ изученіе латинскаго языка во Франціи. По истинѣ удивительно, съ какимъ упрямствомъ бѣольшая часть филологовъ этой страны (которую нельзя назвать упрямствомъ въ чрезвычайномъ преклопеніи предъ устарѣвшими авторитетами) придерживается ошибочной и непослѣдовательной латинской ореографіи, основывающейся или на плохихъ повдѣланныхъ рукописяхъ или же созданной просто произволомъ ученыхъ XV и XVI вѣковъ. Французы возстаютъ противъ нововведеній, но эти нововведенія въ сущности только кажущіяся и въ основѣ ихъ лежатъ совершенно консервативныя принципы. Въдѣ все то, что установлено относительно ореографіи главнымъ образомъ Ричлемъ и его школой, а также Лахманомъ, Флеккѣзенномъ, Корсеномъ и др., опирается почти исключительно на авторитеты римскихъ грамматиковъ, древнѣйшихъ и лучшихъ рукописей и надежныхъ надписей: упомянутыми нововведеніями лишь подтверждаются забытыя мнѣнія прежнихъ ученыхъ, напримѣръ, Альда Мануція.

Нельзя поэтому не считать большою смѣлостью со стороны г. Бенуа, что онъ отказался отъ предразсудка своихъ соотечественниковъ. Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ столь же рѣшительно, сколько и осторожно; не подлежитъ сомнѣнію, что усердіе къ орографическимъ реформамъ завлекло нѣмечскихъ филологовъ слишкомъ далеко и что особенно въ изданіяхъ, предназначенныхъ для обширной публики, нужно вводить реформы съ крайнею осмотрительностью. На это обстоятельство часто не обращаютъ надлежащаго вниманія, — укажемъ для примѣра на изданіе (въ другихъ отношеніяхъ, впрочемъ, весьма почтенное) Тацита, сдѣланное Ниппердеемъ. Между принятыми г. Бенуа (стр. LIX—LXXXIV) нововведеніями, заимствованными большею частью изъ извѣстной книги г. Брамбаха о латинской орографіи, встрѣчается очень немногое, съ чѣмъ нельзя вполне согласиться. До какой степени г. Бенуа вынужденъ былъ сообразоваться съ предразсудками, господствующими въ Франціи, видно изъ того, что комментируемаго имъ поэта и по латини даже называетъ онъ всегда *Virgilius* (что во французскомъ онъ придерживается принятой формы означеннаго имени, это—совершенно основательно), между тѣмъ какъ теперь за правильную форму признается всѣми, въ томъ числѣ и самими, г. Бенуа, форма *Vergilius*.

Конецъ введенія посвященъ подробному, основательному и интересному описанію жизни и сочиненій *Виргилія* (стр. LXXXV—CXXVII). Намъ кажется, что тутъ можно бы было обстоятельнѣе рассмотреть (стр. LXXXIX) трудный и запутанный вопросъ о томъ, *Виргилію* ли принадлежать *Culex*, *Ciris* и другія мелкія стихотворенія такъ называемой *appendicis Vergilianae*; при этомъ г. Бенуа могло бы оказать нѣкоторныя услуги мое введеніе къ изданію *Prætorum* стр. XL—XLV въ изданномъ мною у Тейбнера *Катуллѣ*. Затѣмъ слѣдуютъ *Vicolicæ*, *Georgicæ* съ комментариемъ. Ради краткости мы не будемъ подробно обсуждать отдѣльныя, сомнительныя мѣста, но упомянемъ лишь нѣ общихъ чертахъ о методѣ автора. Въ своей критикѣ онъ вообще консервативенъ, такъ что дѣлаетъ даже упрекъ (стр. XLIV) Гаупту за смѣлость его сужденій. Мнѣ кажется, напротивъ, что будущій издатель *Виргилія*, не раздѣляя впрочемъ эксцентричностей Риббека, долженъ еще гораздо чаще, чѣмъ Гауптъ, прибѣгать къ конъектуральной критикѣ, и не по отношенію только къ такъ называемой *appendix Vergiliana*, рукописныя вспомогательныя средства коей сравнительно скудны и для которой въ критическомъ отношеніи до сихъ поръ сдѣлано очень мало.

Въ доказательство консервативной критики г. Велуа приведу одинъ примѣръ, который однако мнѣ кажется тѣмъ болѣе подходящимъ, что принципъ, котораго держался въ этомъ случаѣ авторъ, касается цѣлаго ряда мѣстъ у Виргилія и другихъ поэтовъ. Лахманъ (Lucret. III, 1042, pg. 206 sqq.) утверждаетъ, что формы *iit* и *petiit* въ классическое время латинскаго языка имѣли долгій конечный слогъ и я не колеблясь держусь того же мнѣнія d. г. m. poet. Lat. Г. Велуа (подобно Вагнеру и Конингтону) оспариваетъ это pg. 325 и пишетъ напр. Georg. II, 81:

exiit ad caelum gamis felicibus arbos.

Возвращеніе свое мотивируетъ онъ тѣмъ довольно шаткимъ доводомъ, что рукописи въ названныхъ формахъ имѣютъ почти всегда двойное *i*. Однако древнѣйшія рукописи Виргилія ни въ какомъ случаѣ не старіе V столѣтія, а въ то время обыкновенно сокращали въ упомянутыхъ формахъ конечный слогъ (см. d. г. m. l. c.), хотя впрочемъ и долгота конечнаго слога *it*, по примѣру лучшихъ временъ. встрѣчается еще въ извѣстной эпиграммѣ эмендатора стихотвореній Виргилія, Астерія:

siqua minus vacuus praeteriit animus.

Нечего, слѣдовательно, удивляться, что переписчики неупотребительными слитными формами *it*, *petit* замѣнили употреблявшимися въ ихъ время формами. Впрочемъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ *Georgica* лучшее преданіе у Нонія 339,20 s. v. *longum* представляетъ *exit* (302, 4 s. v. *felix* у него же *exilit*); вѣроятно изъ критическаго изданія Нонія можно будетъ извлечь пользу и для Виргилія.

Вполнѣ согласенъ я съ г. Велуа въ томъ, что онъ не одобряетъ измышленнаго Риббекомъ (по далеко не вполне принятаго и въ Германіи) строфическаго раздѣленія буколическихъ стихотвореній Виргилія. Раздѣленіе это приноситъ мало пользы и провести его безъ произвольныхъ измѣненій невозможно.

Хотя у г. Велуа примѣненіе конъектуральной критики ограничено болѣе тѣсными, чѣмъ слѣдовало бы, размѣрами, тѣмъ не менѣе трудъ его обнаруживаетъ значительный прогрессъ въ сравненіи съ другими французскими изданіями Виргилія, ибо, между тѣмъ какъ прочія французскія изданія безусловно придерживаются принятыхъ уже въ XVII вѣкѣ чтеній такъ называемой *Vulgata*, г. Велуа, напротивъ, повсюду принималъ въ соображеніе преданія лучшихъ рукописей.

Если такимъ образомъ мы только въ ограниченной степени можемъ согласиться съ критическою обработкой текста Виргилія г-мъ

Бенуа, то тѣмъ болѣе похвалъ заслуживаетъ экзегетическая часть его комментарія. Комментарій этотъ касается одинаково какъ реальной, такъ и грамматической и метрической сторонъ; принимая въ соображеніе съ одной стороны потребности учащейся молодежи, опъ въ противоположность другимъ издателямъ не обходитъ молчаніемъ и дѣйствительно трудныя мѣста, которыми, какъ извѣстно, изобилуютъ *Vicōlica* и тѣмъ болѣе *Georgica*.

Всюду при этомъ обнаруживается знакомство г. Бенуа съ латинскими авторами и съ литературой, относящеюся къ *Virgiliū*. Что касается трудовъ различныхъ ученыхъ, то повидимому ничего существеннаго не ускользнуло отъ его вниманія. Вообще изданіе г. Бенуа можетъ быть смѣло рекомендовано не только филологамъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто, оставивъ школу, продолжаетъ интересоваться наипопулярнѣйшимъ на ряду съ *Horatiū* изъ римскихъ поэтовъ.

Л. Миллеръ.

торомъ прочитывался общій отчетъ о состояніи всѣхъ С.-Петербургскихъ гимназій.

Въ 1828 г. появилась метода обученія, отъ которой ожидали большой пользы, а именно „риемически-обобщительная“ метода, основанная на началахъ Вазедона и введенная еще въ 1819 г. въ пѣмеккомъ училищѣ св. Петра директоромъ сего заведенія докторомъ Готлибомъ фонъ-Шубертомъ (1818—1833), который излагалъ ее слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „Онъ (Шубертъ) приглашалъ учителей употребить всѣ старанія, съ цѣлью сдѣлать преподаваніе болѣе общимъ и склонить каждаго изъ учениковъ, отъ самаго слабаго до сильнѣйшаго, принять живое участіе въ преподаваніи, такъ чтобы въ концѣ урока можно было вынести извѣстную долю пользы и вѣрный успѣхъ. Для достиженія этой цѣли онъ предлагалъ вести дѣло преподаванія такимъ образомъ, чтобы низшіе классы предназначались преимущественно для затверживанія уроковъ, чтобы въ нихъ все, касающееся частію формальнаго, частію историческаго знанія и что слѣдовательно составляетъ дѣло памяти, твердо выучивалось бы учениками при содѣйствіи учителей. Этимъ способомъ, увѣрялъ Шубертъ, ему удалось, съ Божіею помощію, создать классъ упражненія во французскомъ языкѣ, въ которомъ даже самыя повѣжественныя головы должны были достигать хорошихъ результатовъ. Для этой цѣли онъ распорядился, чтобы главное содержаніе каждаго урока, равно какъ существеннѣйшія основанія и общія начертанія науки, за непремѣннымъ исключеніемъ всего, что пока еще не было понятно для дѣтскаго возраста и долженствовало быть отложено для высшихъ классовъ, громко и внятно говорилось учителями въ риемической связи и затѣмъ повторялось слово въ слово учениками съ трехъ лавокъ разомъ. Къ такимъ устнымъ общимъ упражненіямъ онъ относилъ: 1) примѣры изъ разныхъ языковъ, склоненія и спряженія по порядку падежей, лицъ и чиселъ и въ обратномъ порядкѣ, а затѣмъ въ разбивку падежей и лицъ; 2) мѣстоименія, риемическимъ образомъ расположенные предлоги, вокабулы и даже необходимѣйшія правила грамматики, которыя слѣдовало потомъ объяснять понятными для учениковъ примѣрами, дабы такимъ образомъ они могли сознательно усвоить себѣ эти правила; 3) нѣкоторые тексты изъ св. Писанія и духовныя пѣсни, сокращенный катехизисъ, краткія правила нравственности, басни. Все это, изложенное учителями громко, съ достоинствомъ и въ риемическомъ порядкѣ, упражняетъ одновременно языкъ, умъ и память ученика и не только исполнѣе устраняетъ трудности мучительнаго заучиванія уроковъ на дому, но и уменьшаетъ число

¹⁾ *1. r. C. Lemmerich, Geschichte der deutschen Hauptschule St. Petri. 1862. II, 339 слѣд.*

наказаній бѣднѣмъ дѣтямъ за незнаніе этихъ уроковъ; 4) наконецъ замѣчательнѣйшія эпохи, годы и таблицы библейской и всеобщей исторіи; названія главнѣйшихъ странъ, городовъ, горъ, морей, рѣкъ и мысовъ должны быть учителемъ показаны палочкой на картѣ и риемически названы, потомъ повторены учениками и наконецъ прогнѣрены по атласу. Ученики должны были не ранѣе отвѣчать заданный урокъ и объяснить главное содержаніе того, что было пройдено, какъ послѣ общаго упражненія съ учителемъ, дабы сей послѣдній могъ убѣдиться, что большая часть ихъ можетъ дать точный отвѣтъ. Кажущаяся потеря времени, происходящая отъ примѣненія этой методы, повела бы къ самымъ поразительнымъ результатамъ и показала бы, на сколько она обогащаетъ умъ и сердце учениковъ. Въ 1827 г. директоръ нѣмецкаго училища явился въ собраніи учителей, что десятилѣтній опытъ въ полной мѣрѣ доказалъ, на сколько, сравнительно съ прежнимъ временемъ, успѣли, благодаря этому способу преподаванія, ученики низшихъ классовъ и какъ успѣшно другія училища ввели его у себя. Преимущества означенной методы въ скоромъ времени были всѣми признаны. Въ концѣ 1828 г. князь Ливенъ приказалъ 12 учителямъ гимназій разныхъ губерній лично усвоить риемическую методу въ самомъ училищѣ св. Петра, подъ руководствомъ г. Шуберта. Въ 1829 г. попечитель Казанскаго учебнаго округа Мусиль-Пушкинъ, ознакомившись съ этою методою послѣдствіе довольно продолжительнаго посѣщенія нѣмецкаго училища св. Петра, до того увлекся ею, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отправилъ въ С.-Петербургъ инспектора Казанскаго университета Васильева исключительно для того, чтобы онъ изучилъ эту превосходную методу¹⁾. Это послѣднее обстоятельство не совсѣмъ вѣрно: Васильевъ 10-го марта 1829 г. командированъ былъ въ Петербургъ для осмотра всѣхъ лучшихъ училищъ, съ цѣлю „вникнуть въ разные способы преподаванія, а потомъ все полезное ввести въ училищахъ Казанскаго учебнаго округа“. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ столицѣ, онъ привезъ между прочимъ рисунки классныхъ столовъ¹⁾. Метода же хороваго обученія (Владиміровъ называетъ ее линкастерскою) была примѣнена въ Казанскомъ округѣ преимущественно къ иностраннымъ языкамъ. Очевидную пользу ся гимназическій соѣтъ въ донесеніи своемъ училищному комитету доказывалъ тѣмъ, что при обыкновенномъ обученіи преподаватель, напримѣръ нѣмецкаго языка, принужденъ заниматься по одиночкѣ съ каждымъ ученикомъ, а потому, при множествѣ учениковъ, не можетъ

¹⁾ Столы съ лянками, одинъ другаго выше; въ столахъ были вставлены оловянные черпальники. Для учителей устроены были въ классахъ возвышенныя мѣста съ явсдрами. См. *Владимірова* II, 182.

успѣть выслушать каждаго изъ нихъ. „Опытъ обнаружилъ, что выгоды этого метода оказались на дѣлѣ, потому что въ 1829—1830 академическомъ году изъ нижняго пѣмечнаго класса передано въ средній 31 чел., между тѣмъ какъ въ 1826 г. переведено 10, въ 1827 г.—19 и въ 1828 г.—10“. Этотъ способъ, по донесенію того же совѣта, въ низшихъ многолюдныхъ классахъ оказался также полезнымъ для затверживанія чего либо на память въ самомъ классѣ и вычисленія общей арифметической задачи учениковъ ¹⁾).

Уваровъ отъ времени до времени вызывалъ провинціальныхъ педагоговъ въ С.-Петербургъ для ознакомленія ихъ съ устройствомъ тамошнихъ училищъ и съ способами преподаванія въ нихъ ²⁾. Въ то время особенное вниманіе обращала на себя метода доктора философіи Антона Язвинскаго въ примѣненіи къ преподаванію исторіи. Язвинскій былъ уроженецъ Минска, высшее образованіе получилъ въ Вилнѣ, затѣмъ поступилъ въ военную службу, которую оставилъ въ 1819 г. съ чиномъ поручика артиллеріи, путешествовалъ болѣе десяти лѣтъ во Франціи, Пруссіи, Швейцаріи и Италіи, и въ этой послѣдней странѣ изобрѣлъ методу, по которой наилучшимъ образомъ можно было бы преподавать начальные науки. Сперва онъ примѣнилъ ее къ обученію исторіи и въ 1832 г. ему удалось заинтересовать ею Парижскихъ педагоговъ. Онъ представилъ Парижскому обществу „Société des méthodes d'enseignement“ девятилѣтняго мальчика, который менѣе чѣмъ въ 20 уроковъ изучилъ пачусть годы царствованія всѣхъ римскихъ, французскихъ, англійскихъ и польскихъ государей и троякимъ способомъ доказывалъ, что твердо усвоилъ себѣ заученное, а именно: онъ пересчитывалъ всѣ имена правителей по порядку, всегда обозначалъ время ихъ царствованія и наоборотъ; затѣмъ опредѣлялъ относительно каждаго года — который былъ этотъ годъ въ царствованіи того или другаго изъ современныхъ правителей. На испытаніи мальчикъ ошибся только одинъ разъ. Тогда общество назначило особую комиссію для испытанія метода, и одинъ изъ ея членовъ, Сабатье, сдѣлалъ сообщеніе, что онъ обратился къ Язвинскому съ просьбой принять на себя обученіе въ одномъ классѣ его школы, въ которомъ было 38 воспитанниковъ 8—10-лѣтняго возраста, что послѣ шести уроковъ большинство учениковъ отлично усвоили себѣ таблицу всемірной исторіи и могли назвать годъ рожденія и смерти всякаго замѣчательнаго историческаго лица, равно какъ каждаго событія. Къ такому счастливому результату, по отзыву Сабатье, не приводила до тѣхъ поръ еще ни одна метода. Съ тѣмъ же одобреніемъ отнеслось къ методѣ Язвинскаго „Société phi-

¹⁾ Владиміровъ, II, 168, 169.

²⁾ Тамъ же, II, 310; Отто, Волог. дир. 83, 85.

lotechnique" въ лицѣ своихъ членовъ де-Сильвестра, Деспинга и Дутена. Такимъ образомъ означенная метода получила доступъ во Франціи. Въ 1835 г. Уваровъ пригласилъ изобрѣтателя ея пріѣхать въ Россію. Въ іюлѣ 1836 г. ему поручены были 12 воспитанниковъ и 6 студентовъ Главнаго Педагогическаго института: первымъ изъ нихъ послѣ 20 уроковъ было произведено два испытанія, 17 и 19 августа. Оказалось, что воспитанники знали важнѣйшія событія российской исторіи, имена и время царствованія всѣхъ русскихъ князей и государей, начиная съ Рюрика до императора Николая Павловича, равно какъ имена всѣхъ византійскихъ императоровъ отъ послѣдняго раздѣла римской имперіи до 1195 г., всего 152 именъ съ соотвѣствующими годами (230 годовъ). Въ классѣ была поставлена доска, разграфленная нѣломъ на 20 большихъ квадратовъ, и каждый изъ этихъ квадратовъ въ свою очередь раздѣленъ былъ на 100 малыхъ. По точкѣ, поставленной на одномъ изъ 230 малыхъ квадратовъ, воспитанникъ опредѣлялъ, безъ малѣйшаго замедленія, извѣстный годъ, царствованіе извѣстнаго лица, или же въ какомъ году событіе совершилось и т. д. Задаваемы были ученикамъ еще и труднѣйшіе вопросы, напримѣръ, не ставилось точки (воспитанники утверждали, что чрезъ нѣсколько уроковъ доска будетъ излишней); по данному году молодые люди называли случившіеся въ этомъ году, въ теченіе всѣхъ столѣтій, событія. И все это знали двѣнадцатилѣтніе мальчики, приводившіе въ изумленіе даже знатоковъ исторіи. Уваровъ, въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, говоритъ, что два происшедшія въ присутствіи его испытанія рѣшительно утверждали достоинство метода, что воспитанники на всѣ вопросы отвѣчали скоро вѣрно и отчетливо, и что онъ дозволилъ прибыть въ Петербургъ нѣкоторымъ учителямъ изъ учебныхъ округовъ для ознакомленія съ методомъ Язвинскаго (отч. 1836 г., 91). Уже въ 1836 г. метода эта была введена въ двухъ низшихъ классахъ 2-й и 4-й столичныхъ гимназій и въ двухъ уѣздныхъ училищахъ¹⁾, и педагоги, какъ напримѣръ Ободовскій, выносили ея пользу. Однако она имѣла и сильныхъ противниковъ. Эти послѣдніе говорили, что ея облегчается только заучиваніе наизусть чиселъ и что въ этомъ отношеніи изобрѣтеніе Язвинскаго можетъ считаться въ высшей степени благотвѣльнымъ; съ другой же стороны, ученикъ знакомится только съ остономъ, но не съ самою исторіею. Такимъ образомъ метода эта есть превосходное вспомогательное средство при изученіи исторіи, но одна, сама по себѣ, исключительно не можетъ быть употребляема, потому что доведетъ науку до убійственной сухости. Первоначальное изученіе исторіи должно просто ограничиваться чтеніемъ

¹⁾ См. Журн. М. Н. 112, 196—214. XI, 517. XXI, 3, 331.

и разказомъ замѣчательнѣйшихъ событій. Мнѣніе это было выражено даже въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* ¹⁾. Съ 1837 г. способъ Явинскаго былъ примѣненъ во всѣхъ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, особенно въ 3 классѣ, гдѣ, при помощи его, сообщали событія изъ русской исторіи, въ виду того, что многіе ученики, не окончивающіе полнаго гимназическаго курса, выходя изъ низшихъ классовъ, будутъ имѣть по крайней мѣрѣ свѣдѣнія въ отечественной исторіи, которая, при тогдашнемъ распредѣленіи по классамъ (по уставу русская исторія преподавалась съ VI класса), оставалась для нихъ совершенно неизвѣстною ²⁾. Равнымъ образомъ означенная метода введена была и во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ она и продолжала существовать до 1852 г. Но и въ другихъ учебныхъ округахъ, напримѣръ въ Казанскомъ, метода Явинскаго обратила на себя вниманіе; попечитель сего округа посѣщалъ съ лицами тогдашней Казанской знати уроки учителя исторіи Лазарева, ознакомившагося, во время своей командировки въ С.-Петербургъ (1836 г.), со способомъ хронологіи по методѣ Явинскаго; способъ этотъ былъ объясненъ и Наслѣднику Цесаревичу, посѣтившему въ сопровожденіи В. А. Жуковскаго, Казанскую гимназію въ 1837 г. ³⁾. О примѣненіи метода въ Кіевѣ находятся донесенія за 1842 г. ⁴⁾. Означеннымъ мнемотехническимъ методомъ возбужденіи памяти былъ отчасти утвержденъ мипистромъ механической способъ преподаванія, по крайней мѣрѣ одного изъ предметовъ учебнаго курса. Справедливо замѣчаетъ Вороновъ ⁵⁾: „многочѣтній опытъ доказалъ, что успѣхи изученія чиселъ по этой методѣ, съ перваго взгляда поразительные, не могутъ быть сравнены въ отношеніи прочности съ тѣми успѣхами, которые пріобрѣтаются обыкновеннымъ способомъ заучиванія чиселъ по соображенію; при томъ же эта метода полезна особенно только тѣмъ воспитанникамъ, у которыхъ преимущественно развита память мѣста; многіе же ученики легче запоминали просто числа“. Явинскій хотѣлъ примѣнять свою методу и къ другимъ наукамъ: географіи, математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, химіи, медицинѣ, военному искусству и законовѣдѣнію ⁶⁾, не исключая даже языковъ. Однако опытъ былъ сдѣланъ только относительно географіи (во 2-й С.-Петербургской гимназіи) и положительно не удался, такъ какъ методу можно было примѣнять только къ числамъ, напримѣръ, къ числу жителей и квадратному пространству. Равнымъ образомъ попытка

¹⁾ См. Ч. XXIV, 4, 90.

²⁾ *Аничковъ*, 142.

³⁾ *Владиміровъ*, II, 253, 266 слѣд., 278.

⁴⁾ *Андріановъ*, 59.

⁵⁾ Историч. обозрѣніе уч. зав. С.-Пет. уч. округа II, 51.

⁶⁾ *Журн. Мин. II*, 198.

примѣнять ее къ преподаванію французскаго языка (въ 3-й гимназіи) привелъ къ убѣжденію, что воспитанники скорѣе заучивали отдѣльные слова (единственная польза, которую могла принести метода) по тетрадямъ или по книгѣ. Опытъ примѣненія метода къ латинскому языку, по настоянію директора 3-й гимназіи, не былъ принятъ ¹⁾.

Окончательное рѣшеніе касательно метода Язвинскаго высказано было комитетомъ, составленнымъ въ августѣ 1839 г. изъ ректора Петербургскаго университета Шульгина, профессора Устрялова и адъюнкта Касторскаго. Оно заключалось въ слѣдующемъ: „употребленіе механическихъ средствъ ученія, непрочно въ большихъ объемахъ, возможно однако при изученіи основныхъ фактовъ исторіи по си хронологической сторонѣ и въ семъ отношеніи представляеть учащимся облегченіе, котораго дѣйствительность подтверждается опытомъ; но такое пособие слѣдуетъ ограничивать только самымъ юнымъ возрастомъ, въ самыхъ низшихъ классахъ училищъ“. Окончательный приговоръ былъ тотъ, что способъ Язвинскаго обременяетъ дѣтей младшаго возраста излишними подробностями, а посему долженъ быть сокращенъ и измѣненъ ²⁾.

Кромѣ того слѣдуетъ еще упомянуть объ исторически-синхронистическихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго; объ одной изъ нихъ находимъ отзывъ въ XI ч. *Жур. Мин. Нар. Просв.* „Таблицы Жуковскаго“, сказано тамъ, „служать собственно не для наученія исторіи, а для повторенія, и притомъ не однихъ именъ и чиселъ, но всѣхъ фактовъ въ связи прагматической. Когда изданы будутъ вполнѣ таблицы и Язвинскаго и Жуковскаго, мы будемъ имѣть самыя лучшія пособія для первоначальнаго и второстепеннаго обученія по исторіи“. Кромѣ этого отзыва, нигдѣ, кажется, не было рѣчи объ означенныхъ таблицахъ.

Наконецъ, скажемъ и о томъ, что было сдѣлано при Уваровѣ для преподаванія закона Божія. По § 137 устава гимназій законоучителемъ могло быть только духовное лицо; въ силу циркулярнаго предложенія 3 ноября 1838 г. лица, сложившія съ себя духовный санъ, не должныствовали быть допускаемы къ должностямъ по учебной части, хотя это и случалось. Но такъ какъ епархіальныя начальства увольняли законоучителей безъ всякаго, не только участія, но даже свидѣнія о томъ со стороны учебнаго начальства, то министръ исходатайствовалъ предписаніе св. синода, чтобы законоучителей учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, опредѣленныхъ по сношенію училищнаго съ епархіальнымъ началь-

¹⁾ *Личкова*, 152.

²⁾ *Вороновъ*, II, 153.

ствомъ, не удалить и не увольнять отъ сихъ должностей, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ училищнымъ начальствомъ; законоучителей же, которые опредѣлены въ эти должности по собственному усмотрѣнію епархіальнаго начальства, пресвященныя въ правѣ удалять во всѣхъ случаяхъ, подающихъ къ тому поводъ (28 апрѣля 1838 г.). Такъ какъ законоучители часто уклонялись отъ исполненія лежавшихъ на нихъ обязанностей, то предписано было набирать только такихъ, которые сколько можно менѣе были бы заняты по епархіальному управленію, и при опредѣленіи ихъ вѣнчать имъ, чтобы они, имѣя въ виду принимаемая на себя обязанности наставниковъ и простицающую для нихъ отъ училищной службы пользу, старались исполнять дѣло служенія своего съ полнымъ усердіемъ и безъ малѣйшаго упущенія (10 мая 1839 г.). Въ 1841 г. (16 іюля) послѣдовало циркулярное предложеніе, чтобы мѣстныя училищныя начальства представляли архіереямъ, по истеченіи каждаго полугодія, вѣдомости о числѣ пропущенныхъ законоучителями уроковъ, и чтобы архіереи принимали эти вѣдомости въ соображеніе при представленіи ихъ къ наградамъ.

Послѣднее обстоятельство вызвало постановленіе, чтобы на испытанія въ законѣ Божіемъ каждый разъ приглашаемо было почетное духовенство (23 іюля 1841 г.). Пресвященный Иркутскій сообщилъ оберъ-прокурору, что лица, которымъ подвѣдомы свѣтскія учебныя заведенія, нерѣдко обращаются къ епархіальному начальству съ требованіемъ о наградахъ священнослужителямъ, преподающимъ законъ Божій, и что хотя отказывать въ таковыхъ требованіяхъ имѣть уважительныхъ причинъ, тѣмъ не менѣе и соглашаться на нихъ имѣть достаточныхъ основаній, ибо при испытаніяхъ въ законѣ Божіемъ никто изъ духовенства не бываетъ, а дѣлаются только приглашенія къ торжественнымъ актамъ, на которыхъ объ успѣхахъ и развитіи дѣтей нельзя судить.

Такъ какъ преподаваніе закона Божія шло повидимому не совсѣмъ удовлетворительно, то было Высочайше повелѣно: „для надлежащаго единства въ направленіи преподаванія закона Божія, въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ и въ окрестностяхъ оныхъ, поручить избрать къ наблюденію за симъ предметомъ надежнаго и опытнаго духовнаго спонсника, которому и подчинить въ семъ отношеніи всѣхъ законоучителей поминутыхъ заведеній“ ¹⁾ (12 марта 1844 года).

Законоучители лютеранскаго исповѣданія были уже раньше подчинены надзору генеральной консисторіи (16 октября 1841 г.). Что же касается учениковъ лютеранскаго и католическаго исповѣданій, то прежде случалось иногда, что они обязательно обучались закону Божію въ классахъ законоучителя православнаго исповѣданія, памири-

мѣръ, въ 1833 г. въ Казани ¹⁾. Но когда предположено было ввести это постановленіе и въ Вѣлорусскомъ округѣ, то Уваровъ нашелъ, что оно „было бы противно общей вѣротерпимости въ Россійской Имперіи“ и не можетъ быть принято за непремѣнное правило. Онъ объяснилъ, что это „могло бы возродить непріятный для правительства ропотъ, для отвращенія косяго и всякаго подозрѣнія въ принужденіи совѣсти, должно предоставить сіе на волю родителей и допустить только нѣ случаи ихъ желаній, письменио изъясненнаго мѣстному училищному начальству“ (20 января 1834 года). Преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія введено было за особую плату: въ 1839 г. при Харьковской гимназіи, въ 1843 при 2-й, въ 1846 при 5-й Петербургскихъ гимназіяхъ. Въ 10 гимназіяхъ имперіи онъ преподавался былъ бесплатно (отч. 1847 г., 6). Равнымъ образомъ введено было въ вѣкоторыхъ мѣстахъ преподаваніе закона Божія католическаго исповѣданія, напримѣръ, въ Витебскомъ уѣздномъ училищѣ (22 апрѣля 1842 г.), Херсонской гимназіи (12 мая 1844 г.), Петербургской 5 гимназіи (20 ноября 1847 г.), преимущественно же въ западныхъ губерніяхъ: при первой Кіевской гимназіи была даже устроена временная римско-католическая каплица для отправленія богослуженія по латинскому обряду (30 марта 1846 года).

Система испытаній и аттестатовъ была установлена при Уваровѣ: 29 января 1837 г. введены правила испытанія сперва въ видѣ опыта на четыре года, затѣмъ 19 марта 1842 г. былъ продолженъ такой же срокъ, а 15 февраля 1846 г. правила были утверждены окончательно. Они „стояли не малаго труда и требовали многихъ предварительныхъ соображеній“ (отч. 1836 г., 17). На основаніи ихъ степень успѣховъ обозначалась цифрами, пѣ коихъ 1 показываетъ слабые, 2 посредственные, 3 достаточные, 4 хорошие и 5 отличные успѣхи. Тѣми же цифрами означаются прилежаніе, способности и поведеніе учениковъ въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ учителей и коммандныхъ надзирателей: такимъ образомъ 5 показываетъ поведеніе отличное, 4 хорошее, 3 доброепорядочное, 2 посредственное и 1 худое. Дробь при оцѣнкѣ познаній и поведенія вовсе не употребляются. Хотя означеніе успѣховъ учащихся безусловно предоставлено собственному усмотрѣнію, опытности и благонамѣренности испытателей и преподавателей, при всемъ томъ принято общимъ правиломъ, чтобы цифра 5 въ отбѣткѣ успѣховъ принадлежала лишь тѣмъ ученикамъ, которые все пройденное по какому-либо предмету знаютъ весьма основательно, на всѣ вопросы отбѣчаютъ вполне удовлетворительно и при томъ нѣ систематическомъ порядкѣ, всѣ возраженія опровергаютъ,

¹⁾ Владиміровъ, II, 214.

выражаются ясно, точно и свободно. Цифра же 1 ставится тѣмъ, которые многого изъ пройденнаго не понимаютъ, отвѣчаютъ сбивчиво, пересказываютъ лишь вытверженное наизусть, притомъ со многими ошибками и неясно. Для составленія вопросовъ для экзаменовъ, всякій учебный предметъ слѣдовало изложить въ подробной программѣ и вопросы эти должны были быть одинаковыми для всѣхъ училищъ округа. Изъ вопросовъ по каждому предмету, свернутыхъ единообразно, самъ экзаменующійся вынимаетъ два и, по прочтеніи ихъ, передаетъ предсѣдательствующему (ученики, не присутствовавшіе на общемъ экзаменѣ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, допускаются къ нему въ учебное время). Основаніемъ для перевода учениковъ въ высшіе классы должны служить успѣхи ихъ въ наукахъ: удостоиваются перевода только получившіе въ среднемъ числѣ не менѣе 3; если бы при выводѣ сего числа оказалась дробь, то половина и больше принимается за единицу; получившіе въ среднемъ числѣ менѣе 3, не переводятся, даже и при отличномъ поведеніи, въ высшіе классы; слѣдовательно въ этомъ случаѣ было установлено важное начало, что при переводѣ ученика въ высшій классъ поведеніе его не принимается въ разсчетъ. Начало это основывалось на томъ, что „переводить ученика въ высшій классъ за одно лишь поведеніе было бы несообразно съ цѣлію учебныхъ заведеній и для него самого бесполезно; а оставлять успѣвшаго въ наукахъ, при поведеніи посредственномъ, въ томъ же классѣ не слѣдуетъ, потому что онъ пребывалъ бы празднымъ“. Получившіе въ среднемъ числѣ за успѣхи и поведеніе 5 или не менѣе 4 награждаются, на основаніи §§ 75 и 174 устава, книгами или похвальными листами, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе трехъ учениковъ въ классѣ. Поведеніе учениковъ опредѣляется директоромъ и инспекторомъ, или штатнымъ смотрителемъ, какъ на основаніи отзывовъ учителей и комитетныхъ надзирателей, такъ и по собственнымъ ихъ наблюденіямъ.

Въ уѣздныхъ училищахъ испытаніе производится преподавателемъ предмета, въ присутствіи штатнаго смотрителя и одного изъ учителей, по общему ихъ и смотрителя назначенію; къ присутствованію на экзаменѣ приглашается почетный смотритель. Оцѣнка познаній учениковъ, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя, дѣлается преподавателемъ въ особомъ спискѣ, который смотритель и прочіе члены присутствія утверждаютъ своею подписью. Штатный смотритель представляетъ общему собранію учителей выводъ среднихъ чиселъ изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей по каждому предмету; при семъ опредѣляется средняя цифра, означающая степень познаній каждаго ученика по тому или другому предмету, а также и по всѣмъ предметамъ совокупно. Если ученикъ, получившій въ среднемъ выводѣ не менѣе 3, будетъ имѣть въ законѣ Божіемъ, русскомъ языкѣ и ариметикѣ 1,

то онъ не удостоивается перевода или аттестата; оказавшійся же слабымъ въ одномъ изъ сихъ предметовъ, не допускается къ дальнѣйшему испытанію.

Въ гимназіяхъ испытаніе производится преподавателемъ предмета (по тѣмъ предметамъ, для коихъ имѣется по два учителя—старшимъ изъ нихъ, хотя бы онъ и не преподавалъ въ классѣ, который экзаменуется) въ присутствіи директора и одного изъ старшихъ учителей, по назначенію педагогическаго совѣта. Испытаніе, кромѣ выпускнаго въ седьмомъ классѣ, можетъ быть производимо одновременно въ двухъ классахъ—въ одномъ подъ предсѣдательствомъ директора, а въ другихъ—инспектора. На выпускномъ экзаменѣ присутствуютъ всѣ члены педагогическаго совѣта, а если гимназія находится въ томъ городѣ, гдѣ помѣщается управленіе учебнаго округа, то и инспекторъ казенныхъ училищъ. Окончательное испытаніе обнимаетъ всѣ учебные предметы гимназическаго курса, кромѣ искусствъ. Гимназическіе экзамены, къ которымъ приглашается почетный попечитель, производятся совершенно также, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ. Для полученія аттестата, ученикъ, окончившій курсъ, долженъ имѣть и по успѣхамъ, и по поведенію не менѣе 3. Независимо отъ сего, надлежитъ ему получить также не менѣе 3 въ каждомъ изъ слѣдующихъ главныхъ предметовъ: законъ Божіею, русской словесности, латинскому и греческому языкамъ (тамъ, гдѣ преподается греческій языкъ), въ арифметикѣ и геометріи. Впрочемъ, если ученикъ оказывается слабымъ въ греческомъ языкѣ, то это не препятствуетъ ему получить обыкновенный гимназическій аттестатъ, безъ права на классный чинъ. Ученикъ, получившій изъ какого либо предмета 1, не только не можетъ быть выпущенъ съ аттестатомъ, но не переводится и въ высшій классъ.

Приложенныя къ правиламъ для экзаменовъ въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ три таблицы поясняютъ нагляднымъ образомъ то, что изложено выше. Возьмемъ напримѣръ таблицу среднихъ балловъ по русскому языку: среднее число изъ ежемѣсячныхъ отиѣтокъ преподавателя 5, отиѣтка на экзаменѣ 3, средній выводъ 4; затѣмъ, въ таблицѣ для перевода и выпуска учениковъ: законъ Божій 2, русскій языкъ 5, арифметика 4, геометрія 3, исторія 2, географія 2, рисованіе и чистописаніе 3, средній баллъ 3, поведеніе 3; наконецъ по таблицѣ по каждому предмету отдѣльно, напримѣръ по закону Божію: священная исторія 3, катехизисъ 3, церковная исторія 2, черты дѣятельнаго ученія вѣры 3, всего 11, общій баллъ 3; по русской словесности: грамматика русская 3, славянская 3, логика 3, риторика 3, пѣнстика 2, сочиненіе 3; итого 17, общій баллъ 3; по латинскому языку: грамматика 3, переводъ на русскій языкъ 3, переводъ съ русскаго на латинскій 3, сочиненіе 2, итого 11, общій баллъ 3, и. т. д.

Означенныя правила встѣрили, какъ кажется, сильное сочувствіе въ средѣ учителей. Такъ, напр., въ отчетѣ Вологодской дирекціи за 1836 г. сказано: „кто былъ наставникомъ, тотъ исполнѣ можетъ чувствовать, какъ трудно бываетъ его обязаность при переводахъ воспитанниковъ въ высшіе классы или при выпускѣ съ аттестатами. Самые благонамѣренныя отцы, по врожденной, безиредѣльной любви къ дѣтямъ, иногда слишкомъ пристрастно желали и даже требовали, чтобъ сынъ ихъ былъ переведенъ въ слѣдующій классъ. До сихъ поръ не было постоянныхъ положеній для перевода, но пророзрливое начальство отвратило теперь и это неудобство. Теперь всѣ возраженія уничтожаются, любовь родительская покорится закону. Отъ этого экзамены получали нынѣ еще болѣе достоинства, и внутренняго и наружнаго“¹⁾.

Правила подверглись въ некоторымъ видоизмѣненіямъ прежде всего въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, а именно было постановлено: 1) дроби, если онѣ менѣе половины, не отбрасывать, если же онѣ болѣе половины—не принимать ихъ за единицу; въ послѣднемъ случаѣ сдѣлано было исключеніе лишь для выпускныхъ испытаній; 2) русскую исторію и русскую географію включить въ число главнѣхъ предметовъ (16 марта 1840 г.). По Одесскому округу разрѣшено было принять, въ видѣ опыта, за правило, чтобы гимназисты не кореннаго русскаго происхожденія были переводимы изъ класса въ классъ не иначе, какъ когда имѣютъ по русскому языку ежемѣсячныя и экзаменныя отмѣтки не менѣе 3; при этомъ выводѣ среднихъ балловъ изъ отмѣтокъ 1, 2 а 3 (то-есть, 1 и 2, 2 и 3, 2 и 1), дроби слѣдовало отсѣкать, а принятіе половины за единицу допускаемо было только при высшихъ отмѣткахъ (то-есть, при 3 и 4, 3 и 5 и 4 и 5 (5 апрѣля 1813 г.).

Окончательное испытаніе въ гимназіи не давало еще само по себѣ права на поступленіе въ университетъ. Весьма вѣроятно, что уставъ 1828 г. не имѣлъ этого въ виду. Къ такому заключенію приводятъ § 233, гдѣ идетъ рѣчь только о лицахъ, желающихъ поступить въ университетъ на казенное содержаніе, которые „принимаются въ университетъ по конкурсу“, и § 238, на основаніи коего обучавшіеся дома или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и желавшіе на публичномъ экзаменѣ доказать, что они обладаютъ достаточными свѣдѣніями въ предметахъ гимназическаго курса, должны были подавать заявленіе о томъ университету, „принимленіе коего достойнымъ выдаетъ аттестаты, съ которыми они получаютъ и всѣ присвоенныя обучавшимся въ гимназіяхъ права“. Однако ясныхъ указаній на этотъ счетъ въ уставѣ гимназій не содержится. Только въ уставѣ университета св. Владиміра, въ § 38, было опредѣленно сказано, что въ этотъ уни-

¹⁾ *Отто, Вол.*, 82.

верситетъ поступаютъ молодые люди, успѣшно окончившіе полный курсъ гимназій или равныхъ имъ заведеній. „Правило это было предназначено для того“ (сказано въ распоряженіи 5 мая 1857 г., отмѣнившемъ означенное постановленіе), „чтобы побудить уроженцевъ западныхъ губерній обучаться въ общественныхъ заведеніяхъ“. При Уваровѣ вопросъ этотъ по крайней мѣрѣ былъ выясненъ: по § 19 университетскаго устава 26 іюля 1835 г. всѣ желавшіе поступить въ число студентовъ должны были предварительно выдержать испытаніе, при чемъ принимались въ расчетъ одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими полного гимназическаго курса, которые давали имъ право экзаменоваться прежде другихъ или даже быть вовсе освобожденными отъ экзамена. Еще точнѣе сказано въ п. 2 правилъ объ испытаніяхъ, изданныхъ 29 января 1837 г.: „получившіе удовлетворительныя аттестаты отъ гимназій объ окончаніи въ сихъ заведеніяхъ полного курса и объ успѣхахъ окончательнаго въ опытахъ испытанія, если удостовѣны притомъ одобрительными отзывами о поведеніи, могутъ быть освобождены отъ вторичнаго испытанія при поступленіи въ университетъ, но не иначе, какъ по представленію попечителя учебнаго округа, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, и смотря по степени довѣренности, которую заслуживаетъ гимназія“. Эти права предоставлены были съ 30 октября 1836 г. воспитанникамъ Петербургскихъ гимназій, такъ какъ, сказано въ представленіи попечителя, „гимназій эти, находясь подъ ближайшимъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія и по указаніямъ его пріобрѣтая болѣе и болѣе основательности и твердости методическаго способа ученія, заслуживаютъ довѣрія, и требованіе отъ воспитанниковъ новаго экзамена оказалось бы излишнимъ и обременительнымъ для молодыхъ людей“. Опытъ обнаружилъ, говорится далѣе, что это послѣднее обстоятельство“ есть одна изъ причинъ, отъ чего въ верхнихъ классахъ столичныхъ гимназій бываетъ мало воспитанниковъ; многіе изъ нихъ, имѣя въ виду, что и при хорошемъ окончаніи гимназическаго курса, для вступленія въ университетъ они должны подвергнуться въ немъ пріемному экзамену, предпочитаютъ оставаться заведеніе изъ 6-го и даже 5-го класса и, по предварительномъ приготовленіи на дому, предстать въ университетъ на испытаніе“. 23 марта 1838 г. разрѣшено было принимать въ университетъ св. Владиміра учениковъ 1-й Кіевской гимназіи безъ вторичнаго экзамена; 10 апрѣля 1841 г. это право было распространено на 1-ю и 2-ю Московскія гимназій, но только для тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые, при похвальномъ поведеніи, оканчивали курсъ съ отличіемъ, то-есть, имѣли въ среднемъ итогѣ $3\frac{1}{2}$ и притомъ отъѣтки 5 и 4 по главнымъ предметамъ того факультета, въ который они желали поступить; означенная льгота была имъ даваема попе-

чителемъ, который доводилъ о томъ до свѣдѣнія министра. Такое же право получили и студенты Вилопскаго дворянскаго института „по уваженію отличнаго состоянія учебной его части“ (5 мая 1842 года), всѣ гимназін Московскаго учебнаго округа (сперва Тверская, Ярославская, Калужская и Рязанская—26 марта 1843 г.; Владимірская, Костромская, Тульская, Смоленская—14 іюля 1845 г.; наконецъ, 3-я Московская—22 ноября 1845 г.), а по Казанскому округу пользовалась имъ только Вятская гимназія (5 августа 1848 г.).

Случалось, какъ упомянуто выше, что „нѣкоторые ученики гимназій и воспитанники пансіоновъ, по окончаніи ученья въ шестомъ, пятомъ и даже четвертомъ классѣ, оставляютъ сіи заведенія и, приготавлиаясь въ теченіе нѣкотораго времени наскоро, посредствомъ частныхъ уроковъ, къ поступленію въ студенты, являюся на испытаніе въ университетъ, гдѣ, по недостатку надлежащей въ производствѣ экзамена строгости, бывають иногда удостоинаемы принятіа“ (циркулярное предложеніе 27 октября 1837 года). Вслѣдствіе того министръ счелъ нужнымъ предписать, чтобы ученики и воспитанники гимназій, по окончаніиію полнаго въ нихъ курса, допускались къ университетскому экзамену не прежде, какъ по истеченіи времени, равнаго тому, какое слѣдовало бы имъ провести въ гимназіяхъ, чтобы окончить курсъ наукъ. Вслѣдствіе сего попечителямъ поручено было составлять ежегодно по учебнымъ округамъ списки воспитанниковъ, выбывающихъ изъ 4, 5 и 6 гимназическихкихъ классовъ, и сообщать ихъ университетамъ и лицеямъ. Не смотря на это случалось, что воспитанники, оставлявшіе гимназіи, не представляли документовъ о пребываніи своемъ въ нихъ и были допускаемы къ приѣмному испытанію, даже поступали въ число студентовъ, безъ соблюденія установленныхъ сроковъ. Для устраненія такого неудобства, предложено было попечителямъ округовъ доставлять списки выбывающихъ воспитанниковъ во всѣ университеты и лицеи въ два постоянные срока—къ 1 іюня и затѣмъ не позже 15 августа, то-есть, въ началѣ академическаго года (9 іюня 1838 г.). Ученики, покидавшіе седьмой классъ по безуспѣшности, могли быть допущены къ экзамену для поступленія въ высшіи учебныя заведенія не иначе, какъ по прошествіи одного года со времени выбытія изъ гимназій. Исключенные за дурное поведеніе подчинялись тѣмъ же правиламъ относительно времени, по прошествіи котораго могли поступать въ университеты и лицеи. Но начальства этихъ заведеній, соображаясь съ степенью проступка, означаемаго въ выдаваемыхъ такимъ воспитанникамъ гимназическихкихъ свѣдѣтельствахъ, должны были принимать ихъ не иначе, какъ по строгому удостовѣреніи въ томъ, что они исправлялись и подѣ коллективною отвѣтственностію соудѣа (16 октяб- 1841 г.). Только подѣ этимъ условіемъ получали они возможность

пройти высшій курсъ наукъ и „сдѣлаться полезными государству и обществу людьми“. Чтобы не произошло однако и при этомъ какой-либо неосмотрительности, университетскій совѣтъ обязанъ былъ относительно пріема означенныхъ воспитанниковъ каждый разъ испрашивать согласіе попечителя, которое требовалось также и для исключенія учениковъ изъ высшихъ классовъ гимназій (предложеніе попечителю Казанскаго округа 27 ноября 1841 года). Наконецъ, въ виду того, что недостатокъ желающихъ обучаться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уменьшился и съ цѣлью оградить ихъ отъ наплыва слабо подготовленныхъ молодыхъ людей, а также побудить гимназистовъ къ успѣшнѣйшему окончанію ученія, было постановлено, чтобы окончившіе гимназическій курсъ съ неудовлетворительными успѣхами вовсе не допускаемы были въ университеты и лицей (19 октября 1844 года).

Что касается предоставленнаго § 235 устава гимназій права на XIV классъ всѣмъ обучающимся греческому языку, то, естественно, нельзя было примѣнить его къ воспитанникамъ, которые обучались по гречески только въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ въ гимназій, еще не вполне преобразованной; однако бывали случаи выдачи аттестатовъ даже и при такомъ условіи. Уваровъ, „находя предоставленіе такого права, происходящее собственно отъ неясности § 235, не соответствующимъ цѣли, именно распространенію между учащимися основательнаго знанія греческаго языка“, постановилъ за правило давать XIV классъ лишь тѣмъ окончившимъ курсъ ученикамъ, которые, сверхъ успѣховъ въ другихъ наукахъ, окажутъ въ греческомъ языкѣ свѣдѣнія, сообразныя съ курсомъ оного; при томъ аттестаты слѣдовало выдавать не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя округа (12 сентября 1836 г.). Конечно, это правило способствовало основательному изученію греческаго языка; мы видимъ, однако, что въ нѣкоторыхъ округахъ греческій языкъ вовсе не входилъ въ расчетъ при удостоеніи воспитанниковъ класснымъ чиномъ. Такъ, на примѣръ, вслѣдствіе представленія Виленскаго военнаго-губернатора князя Долгорукова, 14 ноября 1833 г. было Высочайшее повелѣніе: „при повомъ устройствѣ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской и въ Вѣлостокской области гимназій и при нѣкоторыхъ изъ нихъ благородныхъ пансіоновъ, воспитанникамъ тѣхъ и другихъ предоставить права, изображенныя въ уставѣ 1828 г., съ тѣмъ только, чтобы вмѣсто требующагося по § 235 для полученія при выпускѣ права на чинъ XIV класса знанія греческаго языка, право сіе присвоить тѣмъ, кои, сверхъ отличія во всѣхъ прочихъ наукахъ и въ поведеніи, окажутъ совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ російской словесности“. Такимъ образомъ преимуществу, дарованнаго первоначально съ цѣлью возвыше-

пія класическаго образованія, получили иное назначеніе. Въ 1834 г. та же шѣра была распространена и на гимназіи Кіевской, Волынской и Подольской губерній, равно какъ на гимназіи Дерптскаго учебнаго округа, хотя въ этомъ послѣднемъ греческій языкъ требовался независимо отъ правъ, предоставленныхъ за знаніе русскаго языка. Министръ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ (1834 г., 92) говорилъ: „по Кіевской гимназіи оказался необыкновенный успѣхъ въ изученіи русскаго языка въ тѣхъ дѣтихъ, которые прежде оному совсѣмъ не учились“. Право на чинъ за успѣхи въ русскомъ языкѣ было также распространено на Таврическую губернію и Бессарабскую область (отч. 1838 г., 78), равно какъ на состоявшую при Ришельевскомъ лицѣ гимназію (11 апрѣля 1839 г.), впрочемъ относительно только лицъ не кореннаго русскаго происхожденія и родители коихъ состояли въ русскомъ подданствѣ; преимуществомъ этимъ не пользовался Виленскій дворянскій институтъ (18 поября 1841 года).

Наконецъ, право на XIV классъ въ училищахъ Закавказскихъ и Сибирскихъ было предоставлено воспитанникамъ, кончившимъ, сверхъ прочихъ наукъ, еще курсъ русскаго законовѣдѣнія и судопроизводства (отч. 1835 г., 95, 1837 г., 101).

Пріемные университетскіе экзамены, къ которымъ (распор. 18 марта 1831 г.) допускаемы были молодые люди не моложе 17, а въ послѣдствіи 16 лѣтъ отъ роду, отличались, и притомъ въ немаловажныхъ пунктахъ, отъ выпускнаго гимназическаго экзамена. Первые изъ нихъ состояли, правда, изъ тѣхъ же предметовъ и въ томъ же объемѣ, какъ въ гимназіяхъ, но были раздѣлены на устные и письменные. Вопросы по устному и темы для письменныхъ испытаній изготовлялись и разсматривались въ факультетахъ. Если экзаменовавшійся не отвѣчалъ на всѣ (три) вынутые имъ самими вопросы, то могъ взять еще два или три. По русской словесности назначаемы были такія темы, чтобы можно было судить не только о свѣдѣніяхъ молодаго человѣка въ грамматикѣ и риторикѣ, но и о степени умственнаго его развитія. Имѣвшіе дослаторчныя свѣдѣнія въ иностранныхъ языкахъ могли просить, чтобы ему для сочиненій предлагались были имъ на какомъ либо изъ этихъ языковъ, а остальные должны были дѣлать переводы съ русскаго языка и обратно. По математикѣ требовалось разрѣшить письменно по дѣи задачи изъ ариметики, алгебры, геометріи и по одной изъ тригонометріи. По разсмотрѣніи каждаго изъ письменныхъ упражненій, экзаменаторъ, для вищаго удостовѣренія, предлагалъ по содержанію ихъ нѣсколько словесныхъ вопросовъ. Для оцѣнки свѣдѣній употреблялись цифры 0, 1, 2, 3, 4 и 5, изъ коихъ первая означала совершенное незнаніе; въ среднемъ wypadѣ слѣдовало имѣть, какъ и въ гимназіяхъ, но крайней шѣры 3.

Получившіи изъ какихъ либо двухъ предметовъ по единицѣ лишился права (конечно, одновременно) вступить въ университетъ. Изъ за-копа Вожіяго и русскои словесности подлежало имѣть по менѣе 3, изъ латинскаго языка по крайней мѣрѣ 2. Желашіе поступить въ 1-е (математическое) и 2-е (филологическое) отдѣленіе философскаго факультета должны были получить не менѣе 3, первые изъ нихъ въ латинскомъ, а послѣдніе — въ математикѣ. Выражено было также желаніе, чтобы поступающіе въ филологическое отдѣленіе философскаго факультета обладали и достаточными свѣдѣніями въ греческомъ языкѣ, что и предлагалось ставить имъ въ обязанность по мѣрѣ того какъ вводилось преподаваніе этого языка въ гимназіяхъ. Знаніе греческій и латинскій языки, если не намѣревались они поступить въ упомянутое отдѣленіе философскаго факультета, имѣли право ограничиваться испытаніемъ лишь въ одномъ изъ повѣдшихъ языковъ. Не приняты въ университетъ, по причинѣ неудачнаго экзамена, не могли экзаменоваться снова прежде истеченія академическаго года.

Окончательныя испытанія въ гимназіяхъ (по крайней мѣрѣ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ) происходили съ 1837 года по окончаніи учебныхъ занятій. Въ представленіи по сему поводу попечителя означеннаго округа фонъ-Брадке было сказано, что при этомъ имѣлось, между прочимъ, въ виду отстранить слѣдующія главные неудобства: 1) одни лишь ученики высшихъ классовъ, познавшіе коихъ уже достаточно опредѣлились и характеръ окрѣпъ, могутъ во время вакацій подготовиться къ испытанію, не развлекаясь разсѣянными домашней жизни и удовольствіемъ, ощущаемымъ ими отъ того, что они паходится въ кругу ближайшихъ своихъ родныхъ; 2) даже хорошему ученику необходимъ установленный для вакацій отдыхъ; наконецъ 3) воспитанники VII класса не могутъ во-время явиться къ испытанію въ университетъ, ибо лекція по уставу университета Св. Владимира, пачинаются съ конца іюля, то-есть, когда еще не истекла срокъ гимназическихъ вакацій. Министръ согласился, чтобы годичныя испытанія въ окончательныхъ только классахъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа были производимы до вакацій (15 апрѣля 1837 г.). Вскорѣ однако это отступленіе отъ гимназическаго устава было распространено на Московскій округъ (17 декабря 1840 г.), а затѣмъ и на Одесскій (во вниманіе къ географическому положенію сего послѣдняго, какъ сказано въ отч. 1848 г., 72).

На равнѣ съ строгимъ производствомъ испытаній, Уваровъ требовалъ и строгой дисциплины (отч. 1833 г., 74). Относительно этого существовало однако мало спеціальныхъ распоряженій. По представленію попечителя Казанскаго учебнаго округа утверждены были правила, ограничивающія вторичный пріемъ въ гимназіи исключенныхъ изъ

нихъ учениковъ (19 мая 1838 г.). По уставу (§ 102), исключенный изъ учебнаго училища былъ принималъ снова не иначе какъ по истеченіи года, съ ручательствомъ людей достовѣрныхъ, что онъ исправился. Это правило примѣнено было также къ ученикамъ гимназій, совершившимъ проступки, которые не показывали еще совершенно испорченной нравственности. Если же ученикъ подвергался исключенію вторично, или же и въ первый разъ былъ исключенъ за исполнѣе предосудительное поведеніе, то не могъ уже никогда возвратиться въ гимназію: впрочемъ, и эта мѣра была принимаема только съ разрѣшенія попечителя. О каждомъ исключенномъ временно или навсегда директоры гимназій должны были извѣщать другъ друга, а на документахъ, возвращаемыхъ ученику, ставилась отмѣтка о постигшей его карѣ (1838 г.).

Что касается тѣлесныхъ наказаній, Кіевскій попечитель предлагалъ примѣнить ихъ не только къ тремъ нижнимъ, но и къ четвертымъ высшимъ классамъ. „Такъ какъ, сказано въ представленіи его, по § 150 устава въ первый и второй классы гимназій принимаются дѣти не моложе 10 лѣтъ, а въ третій и четвертый— не моложе 12, то, на семъ основаніи, значительная часть воспитанниковъ поступаютъ въ четвертый классъ на 13 году отъ роду и въ 16 лѣтъ оканчиваютъ полный курсъ гимназическаго ученія. Находясь въ столь нѣжномъ возрастѣ, особенно въ четвертомъ и пятомъ классахъ, естественно, что дѣти не могутъ еще понимать собственной своей пользы и надлежаще управлять своими поступками; почему, со свойственнымъ этому возрасту легкомысліемъ, они не менѣе, чѣмъ воспитанники трехъ нижнихъ классовъ, вовлекаются въ разныя шалости и проступки, и многіе, зная, что они въ высшихъ классахъ освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, очевидно становятся частью отъ часу хуже, какъ въ нравственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ. Изъ которыхъ изъ нихъ, соскучившись, наконецъ, ученическими своимъ бытомъ, увлекаются необдуманнѣе желаніемъ оставить ученіе помимо воли своихъ родителей и опекуновъ, въ намѣреніи преждевременно поступить въ службу и въ такомъ случаѣ, не считая для себя наказаніемъ исключеніе изъ гимназій, лишаются надлежащаго образованія и становятся въ тягость своимъ родителямъ и родственникамъ“. Попечитель говорилъ далѣе, что онъ „истощилъ всѣ мѣры ко внушенію сими дѣтими важности ихъ исключенія изъ гимназій, и все-таки рѣдко достигалъ своей цѣли; вслѣдствіе того, по необходимости, для спасенія дѣтей отъ гибели, иногда разрѣшалъ мѣстному гимназическому начальству употреблять тѣлесныя наказанія, что всегда почти производило желаемую пользу, и одного подобнаго примѣра было достаточно для того, чтобы на долгое время удерживать другихъ воспитанниковъ высшихъ классовъ отъ своеволюта

и дурных поступковъ. Но воспитанники должны быть наказываемы какъ тѣлесно, такъ и исключеніемъ изъ гимназій не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ разрѣшенія попечителя округа. Тѣлесное наказаніе, вѣроятно, по самымъ причинамъ, уже введено въ гимназіяхъ Царства Польскаго, и можно быть увѣренными, что рѣдко встрѣтится надобность оное употреблять, когда ученикамъ высшихъ классовъ будетъ извѣстно, что они могутъ подвергнуться сей карѣ. Министръ согласился на означенное предложеніе подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы тѣлесное наказаніе въ высшихъ классахъ было допускаемо въ случаяхъ крайней надобности и не иначе, какъ по желанію, или съ согласія родителей, „полагая, что каждый благоразумный наставникъ можетъ съ помощію заключающихся въ уставѣ мѣръ наказанія достигнуть предполагаемой цѣли“ (31 марта 1838 г.).

Прочія распоряженія относительно учениковъ имѣли чисто внѣшній характеръ. Такъ, напримѣръ, было предписано при встрѣчѣ съ генералами снимать фуражки (4 іюля 1835 г.), носить волосы въ пристойномъ видѣ, сообразно съ форженною одеждою (3 декабря 1837 г.).

Для надзора за вольноприходящими учениками учреждена была новая должность надзирателей, съ предоставленіемъ имъ правъ компанійныхъ надзирателей при пансіонахъ, и съ назначеніемъ имъ жалованья, смотря по экономическимъ средствамъ заведеній. Такія должности существовали уже и прежде въ западныхъ губерніяхъ (15 февраля 1838 г.). Главною причиною для учрежденія ихъ министръ выставлялъ то обстоятельство, что бѣдные родители иногда бываютъ вынуждены пристраивать своихъ дѣтей въ частныхъ домахъ, не представлявшихъ достаточнаго ручательства въ нравственномъ отношеніи (отч. 1838 г., 11).

Относительно педагогическаго состава учебныхъ заведеній Уваровъ во многомъ расширилъ права устава. Въ циркулярномъ предложеніи его отъ 8 марта 1834 г., между прочимъ, сказано: „Я нахожу, что однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ приведенію сихъ заведеній (гимназій) въ цвѣтущее состояніе есть осмотрительный, непосредственный выборъ благонадѣжныхъ директоровъ; отъ усерднаго содѣйствія видамъ министерства сихъ чиновниковъ зависитъ успѣшное стремленіе ихъ къ предначертанной цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтеніе общественной довѣренности. Вслѣдствіе сего прошу принять въ руководство: рѣшительное утвержденіе въ семъ званіи испрашивать только способнымъ, достаточно извѣстнымъ по всѣхъ отношеніяхъ по прежней службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; при недостаткѣ въ совокупности такихъ удостовѣреній, стараться по возможности о желающихъ поступать въ директоры училищъ собирать

всѣ нужныя свѣдѣнія, и при благопріятствѣ полученныхъ о нихъ отзвонѣ, допускать ихъ сначала только къ исправленію должности директора" 24 декабря 1837 г. званіе директора повышено было однимъ классомъ (изъ VII въ VI) „сообразно съ совершенствованіемъ гимназій и съ важностію, которую эти чиновники приобрѣли какъ въ общемъ мѣстѣ, такъ и въ системѣ публичнаго воспитанія" (отч. 1837 г., 15).

Равнымъ образомъ и должность инспектора при гимназіяхъ съ пачею была возвышена однимъ классомъ, а именно возведена въ VII классъ. По представленію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, мотивированному крайнимъ недостаткомъ русскихъ учителей въ западныхъ губерніяхъ, министру предоставлено было разрѣшать совмѣщеніе инспекторской должности съ учительскою (9-го мая 1833 г.), хотя въ принципѣ самъ онъ былъ противъ такого совмѣщенія „преподаванія за деньги" съ поименованною должностію, „ибо инспекторъ, а также и директоръ, должны сами смотрѣть за точнымъ исполненіемъ обязанностей наставниковъ" ¹⁾. Согласно уставу старшіе учителя оставались въ IX, прочіе въ X, учитель рисованія въ XII классѣ. По уѣзднымъ училищамъ должность штатнаго смотрителя числилась въ IX, учителей наукъ въ XII, учителя рисованія въ XIV классѣ. Смотрителемъ каждаго уѣзднаго училища слѣдовало, по § 49 устава, избирать одного изъ учителей того же училища, отличившагося ревностію къ службѣ, хорошимъ поведеніемъ и свѣдѣніями. Вскорѣ однако (26-го ноября 1833 г.) пришлось разрѣшить опредѣлять въ эту должность и окончившихъ курсъ студентовъ или кандидатовъ, а равно и лицъ, служившихъ въ другихъ вѣдомствахъ и имѣющихъ достаточныя къ сему званію способности, „каковыя случаи", сказано въ циркулярѣ 17-го февраля 1834 года, „при существующей нынѣ съ увеличеніемъ окладовъ большей возможности дѣлать выборъ учителей со всею строгостію, не могутъ встрѣчаться часто, а со временемъ и вовсе прекратятся".

Директоры гимназій утверждались въ соотвѣтствующемъ ихъ должности классѣ по выслугѣ въ ней девяти лѣтъ, всѣ прочія лица (инспекторы съ 20-го января 1836 г.)—послѣ четырехъ лѣтъ. Подобно гражданскимъ чиновникамъ, были раздѣлены по разрядамъ и учителя военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ (положеніемъ 18-го ноября 1836 г.) и служившіе по учебной части министерства народнаго просвѣщенія. На основаніи упомянутаго положенія къ первому разряду были отнесены старшіе учителя и лица, пользовавшіяся преимуществами старшихъ учителей, то-есть, имѣвшія аттестаты объ окончаніи ими наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; ко второму раз-

¹⁾ См. статью *Фортулатова* въ *Русскомъ Архивѣ* 1869 г., 320.

ряду—имѣвшіе аттестаты объ окончаніи наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ поименованные чиновники, состоявшіе при учебныхъ заведеніяхъ, могли быть производимы тремя чинами выше присвоеннаго каждой должности класса, но при каждомъ производствѣ они подлежали опредѣленному сбору (10-го апрѣля 1837 г.). Поступавшимъ на учительскую должность выдавалось (кромя путевого довольствія, размѣръ коего не опредѣленъ) третное не въ зачетъ жалованья, съ обязательствомъ прослужить по учебной части министерства народнаго просвѣщенія не менѣе двухъ лѣтъ (что не всегда случалось); въ противномъ случаѣ это пособіе долженствовало быть возвращаемо (19-го января и 3-го ноября 1837 года).

Постановленія о пенсіяхъ служащимъ по учебной части были опредѣлены съ подлежащею точностью только въ нѣкоторыхъ пунктахъ положеніемъ 18-го ноября 1836 г. На основаніи его право на пенсію даетъ только безнорочная, начальствомъ засвидѣтельствованная служба; прослужившіе 15 лѣтъ или же до 20, получаютъ при отставкѣ въ пенсію одну треть оклада; 20 лѣтъ или же до 25 лѣтъ—дѣй третей; болѣе 25 лѣтъ—полный окладъ. Выходящимъ въ отставку по разстроенному на службѣ здоровью сроки на пенсіи сокращаются пятаю, а одержимымъ тяжкими, неизлечимыми болѣзнями—десятью годами. Кроме того служащимъ по учебной части предоставлены были еще слѣдующія права: всякій, кто по выслугѣ 25 лѣтъ вновь будетъ оставленъ на службѣ, получаетъ, сверхъ жалованья, и пенсію, при чемъ за каждыя пять лѣтъ прибавляется одна пятая доля пенсіи (23-го ноября 1837 г.); вдовы и дѣти лицъ, умершихъ въ отставку съ пенсіею, получаютъ оную сполна; вдовамъ лицъ, умершимъ на службѣ учебной прежде выслуги пенсіи, производится за службу мужа, продолжавшуюся не болѣе 5 лѣтъ, единовременно годового оклада, за службу до 10 лѣтъ—полуторный окладъ, за 10 и болѣе (до 15 лѣтъ)—двойной окладъ; вдовамъ и дѣтямъ училищныхъ чиновниковъ, кои особенно отличились на службѣ, министру предоставлено было право выдавать двойной окладъ жалованья (21-го марта 1835 г.). Права на пенсіи были распространены впоследствии и на учителей рисованія (19-го марта 1841 г.), равно какъ на законоучителей всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (20-го февраля 1834 г.), съ оговоркою относительно послѣднихъ, что пенсіи и единовременныя пособія слѣдовало назначать имъ не иначе, какъ съ согласія духовнаго ихъ начальства, по предварительному съ онымъ спомощію. Жалованье учителямъ съ 26-го февраля 1835 г. выдавалось по истеченіи каждаго мѣсяца.

Преподавателямъ учебныхъ заведеній, на основаніи устава, придоставлено было право содержать у себя пансіонеровъ. И объ этомъ обстоятельстве было подробно сказано въ положеніи 19-го іюня

1842 г. (утвержденномъ сперва въ видѣ опыта на три года, а въ 1845 г. окончательно). На основаніи его не только преподаватели, но также директоры и инспекторы могли имѣть пансіонеровъ, однако не иначе какъ съ особаго разрѣшенія министра. Условія для учителей были поставлены слѣдующія: неукоризненное поведеніе и добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей; предварительное удостовѣреніе директора гимназіи въ удобствѣ и приличіи помѣщенія воспитанниковъ, при чемъ принимаются въ уваженіе и семейныя отношенія учителя. Основываясь на этомъ, директоръ опредѣляетъ, сколько именно пансіонеровъ можетъ содержать учитель; впрочемъ число ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно было превосходить десяти, включая и собственныхъ дѣтей учителя, если они проживаютъ у него. Относительно учебныхъ заведеній, при коихъ существовали благородные пансіоны, безусловное разрѣшеніе учителямъ содержать пансіонеровъ относилось лишь къ дѣтямъ тѣхъ состоятій, которые не могли поступить въ означенные пансіоны; воспитанниковъ же благородныхъ сословій дозволялось принимать имъ только въ томъ случаѣ, если не было возможности продолжать пріемъ въ благородный пансіонъ, или если для поступленія въ оный надлежало воспитаннику приобрести необходимыя начальныя свѣдѣнія. Если у учителя оказывалось болѣе пяти пансіонеровъ, или если въ числѣ ихъ находились еще не посѣщавшіе гимназическихъ классовъ, то для наблюденія за ними во время отсутствія учителей, слѣдовало имѣть надзирателя. Учители принимали пансіонеровъ по письменнымъ условіямъ съ ихъ родителями или родственниками и въ условіяхъ этихъ точно были обозначаемы: время, на которое отданъ воспитанникъ; годичная плата за его содержаніе; желанія родителей или родственниковъ въ учебномъ отношеніи; содержаніе воспитанника пищею, одеждою, учебными пособиями и т. п. Разрѣшенію содержать воспитанниковъ выдавалось попечителемъ учебнаго округа. Училищное начальство (директоръ) было обязано, сколь можно чаще, посѣщать пансіонеровъ и наблюдать, чтобы учителя исполняли въ точности свои обязанности; для сего оно должно было представлять полугодичныя вѣдомости. Въ случаѣ несправнаго или недобросовѣстнаго образа дѣйствій учителя, попечитель могъ лишить его права имѣть пансіонеровъ, но отнятіе упомянутого права, если оно не было послѣдствіемъ какого-либо предосудительнаго поступка, не имѣло никакого вліянія на службу учителя въ учебномъ заведеніи.

Обязанности учителей относительно преподаванія (§ 158 — 165 устава 1828 г.) почти тѣ же, какъ и предписанныя уставомъ 1804 года: учителя должныствовали служить примѣромъ благочравія и трудолюбія, ревностнаго исполненія долга и строгата соблюденія не только правилъ чести, но и правилъ, соблюдаемыхъ въ обществѣ

и т. п. Главнѣйшая же обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы образовывать умы и сердца вѣрнѣмыхъ имъ юношей; при этомъ слѣдовало имъ имѣть въ виду, что „преподаваніе есть только руководство для достиженія познаній, кои учениками приобрѣтаются не иначе, какъ собственными усиліями. Соотвѣтственно возрасту учащихся, сіе руководство можетъ быть двухъ родовъ: въ низшихъ классахъ учитель долженъ болѣе объяснять и часто повторять свои объясненія, но старался и тогда уже, посредствомъ вопросовъ и задачъ, приучать дѣтей разсуждать, соображать, однимъ словомъ, дѣйствовать умомъ. Въ классахъ высшихъ сія умственная дѣятельность учениковъ должна быть еще усилена. Простое диктованіе уроковъ, служащее лишь къ механическому затвержденію наизусть, ни въ какомъ случаѣ не дозволяется“.

Министерство старалось, кромѣ того, привлечь учителей къ самостоятельнымъ занятіямъ наукой въ свободное отъ классовъ время. Уже при князѣ Ливенѣ (9-го марта 1832 г.) предложено было имъ составлять описаніе естественныхъ произведеній и собирать достопримѣчательнѣйшіе ботаническіе, зоологическіе предметы и минералы по инструкціи, составленной Академіею Наукъ, предлагавшею по 20 к. за каждый экземпляръ тѣхъ растений, кои она признаетъ заслуживающими помѣщенія въ ботаническомъ ея музеѣ. Равнымъ образомъ была составлена инструкція для производства метеорологическихъ наблюдений, о коихъ часто упоминается въ отчетахъ министерства народнаго просвѣщенія (отч. 1836 г., 38, 46, 55, 70, 76; 1837 г., 46, 48, 77, 84, 91); впрочемъ только въ отчетѣ за 1840 годъ (стр. 6) впервые упомянуто объ изготовленіи необходимыхъ для подобныхъ наблюдений инструментовъ, подъ надзоромъ академика Купфера. Усиленіе ученой дѣятельности преподавателей гимназій было вызвано распоряженіями попечителя Казанскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Мусина-Пушкина. При обзорѣннй подвѣдомственныхъ ему гимназій, сказано въ его донесеніи министру, замѣтилъ онъ, что учителя по большей части ограничиваютъ занятія свои лишь преподаваніемъ въ классахъ, но не слѣдятъ за ходомъ наукъ, что такимъ образомъ большая часть наставниковъ уклоняется отъ умственной дѣятельности въ возрастѣ, наиболѣе къ тому доступномъ и свободномъ. „Науки, преимущественно въ практическомъ ихъ приложеніи, теряютъ многое; разнообразныя сѣдѣнія, которыя часто только на мѣстѣ собрать можно, обращаются въ тѣсномъ кругу туземцевъ, и университетское образованіе остается на той степени, до которой достигло оно усиліями съюсѣдны профессоровъ“. Вслѣдствіе того распорядился онъ въ 1838 г., чтобы учителя сообщали ему чрезъ директоровъ гимназій результаты своихъ научныхъ занятій. „Предметы для того, предоставленные собственному ихъ избранію, могутъ

состоять: въ разсужденіяхъ объ отрасляхъ преподаваемыхъ имъ наукъ, въ изслѣдованіяхъ о лучшихъ способахъ преподаваній, въ критическихъ трактатахъ о руководительныхъ книгахъ, въ переводахъ замѣчательныхъ статей по части каждаго, въ статистическихъ, этнографическихъ и топографическихъ замѣчаніяхъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ событій, описаніяхъ древностей, собраніи мѣстныхъ повѣрій" и т. п. „Для возбужденія же въ учителяхъ, въ этомъ отношеніи, соревнованія“, попечитель, предложилъ тѣ изъ сочиненій, которыя окажутся заслуживающими особеннаго вниманія, печатать въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго университета или въ „Начальственныхъ распоряженіяхъ“. Въ 1839 году были представлены ему разныя сочиненія и переводы отъ 34 учителей; онъ поручилъ разсмотрѣть ихъ профессорамъ, затѣмъ объ отзывавъ профессоровъ далъ знать каждому по принадлежности, изъявивъ благодарность тѣмъ изъ учителей, труды коихъ признаны были удовлетворительными, и сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Находя таковыя распоряженія попечителя Казанскаго округа весьма полезными для усовершенствованія учителей чрезъ возбужденіе умственной ихъ дѣятельности“, министръ циркулярно сообщалъ о семъ попечителямъ другихъ учебныхъ округовъ (24-го мая 1840 г.). Означенная мѣра была скорѣ примѣнена къ округамъ Киевскому и Бѣлорусскому (19-го сентября 1840 г.). Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ она привела къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ: стоитъ только указать на перечень ученыхъ изысканій преподавателей Вологодской гимназій¹⁾, но не слѣдовало заходить слишкомъ далеко. Изъ разказа Отто объ училищахъ Вологодской губерціи видно, что директоромъ предписано было представлять ежемѣсячно въ снѣтъ гимназій по одному сочиненію отъ преподавателей каждаго училища, особенно убѣдительныхъ, дабы учителя „могли тѣмъ показать респектъ свою къ исполненію обязанности, возлагаемой на нихъ начальствомъ“. Не всѣ однако педагоги могли удовлетворить этому требованію; нѣкоторые изъ нихъ объясняли, что не въ состояніи представить сочиненій по недостатку свободнаго времени; еще основательнѣе выразился одинъ изъ нихъ, что хотя онъ и имѣетъ свободное время, но поступилъ лишь недавно на службу и не имѣя опытности, занимается преимущественно педагогикой; другой объяснилъ, что онъ „не пріобихъ скоро и легко изливать мысли свои на бумагу“. Директоръ, напоминая этому строптивому учителю, что гимназисты представляютъ же письменныя упражненія въ весьма короткій срокъ, строжайше подтвердилъ ему, что если въ ближайшую очередь онъ не исполнитъ предписанія, то будетъ о немъ представлено куда слѣдуетъ „не яко

¹⁾ Отто, стр. 91, стр. 88.

о неспособномъ чиновникѣ, но поступающемъ вопреки приказаніямъ начальства". Очевидно, все это было черезъ чуръ строго, какъ обнаружили послѣдствія. Такъ, напримѣръ, совѣтъ Вологодской гимназіи нашелъ, что представленныя однимъ учителемъ метеорологическія наблюденія, безъ показаній барометрическихъ и направленія вѣтровъ, удовлетворяютъ только любопытству, не имѣя научнаго значенія; собраніе омонимовъ, приготовленное другимъ учителемъ, дирекція признала даже за трудъ полезный, но въ сущности это была пустая дѣтская забава, не смотря на объемистую тетрадь, въ которой авторъ серьезно доказывалъ, напримѣръ, что „иволга"—птица, а „и Волга"—союзъ и имя существительное¹⁾. Цѣлесообразнѣе поступалъ С.-Петербургскій учебный округъ. Попечитель его, князь Довдуковъ-Корсиконъ, потребовалъ въ 1837 г., чтобы учителя представили ему, каждый по своему предмету, подробный учебный планъ, котораго они держатся въ преподаваніи. Такіе планы составлялись въ 1838—1840 годахъ и, по обсужденіи ихъ въ педагогическихъ совѣтахъ, препровождаемы были попечителемъ на разсмотрѣніе совѣта университета, замѣчанія коего сообщались учителямъ. Независимо отъ другихъ выгодъ, означенная мѣра доставила попечителю возможность ознакомиться со взглядомъ на науку преподавателей и педагогическихъ совѣтовъ²⁾.

Что касается приѣма въ учебныя заведенія дѣтей различныхъ сословій, то рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія 9 мая 1837 г. подтверждено было точное и повсемѣстное соблюденіе правилъ, наложенныхъ въ рескриптѣ 1827 года, повелѣвавшемъ принимать въ высшія учебныя заведенія и допускать къ слушанію лекцій мѣщанъ и крестьянъ свободнаго состоянія только по увольненіи ихъ отъ рекрутской и другихъ повинностей тѣми обществами, къ коимъ они принадлежали; крѣпостныхъ же людей — по увольненіи отъ крѣпостной зависимости по волѣ помѣщиковъ (см. выше стр. 234). „Хотя случаи нарушенія сихъ правилъ въ училищахъ, собственно въ вѣдомствѣ министерства состоящихъ, были рѣдки", сказано въ рескриптѣ 1837 г., „но въ заведеніяхъ частныхъ и такъ называемыхъ реальныхъ училищахъ они и нынѣ еще перѣдко встрѣчаются. Въ сихъ послѣднихъ заведеніяхъ, (тутъ, безъ сомнѣнія, идетъ рѣчь о школахъ, состоявшихъ въ вѣденіи министерства финансовъ, и о частныхъ школахъ помѣщиковъ) съ преподаваніемъ наукъ, свойственныхъ земледѣльческой, фабричной и заводской промышленности, перѣдко соединяются и науки высшей словесности и между тѣмъ допускаются въ нихъ къ обученію безъ различія люди

¹⁾ *Отто*, Вл. дѣл., 89, 90.

²⁾ *Воронова*, II, 160

какъ свободныя, такъ и крѣпостныя. Симвъ смѣшеніемъ состояній нарушится порядокъ соразмѣрности, въ степеняхъ ученія вообще установленный, и вводитъ противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ". Посему въ рескриптѣ поручено было министру строго наблюдать, чтобъ для дѣтей крѣпостныхъ, не имѣвшихъ свидѣтельства объ ихъ увольненіи, обученіе ограничивалось лишь низшими училищами (приходскими и уѣздными); чтобъ всѣ частныя пансіоны, относительно ихъ курса, раздѣлены были на степени сообразно общему устройству училищъ, и чтобъ въ тѣ изъ нихъ, курсъ коихъ соотвѣтствуетъ гимназическому, ни подъ какимъ видомъ не были допускаемы лица крѣпостнаго состоянія; чтобы въ такъ называемыхъ реальныхъ училищахъ науки словесныя были ограничены раздѣлами тѣхъ въ училищахъ приходскихъ и уѣздныхъ (ср. цирк. 5 іюня 1837 г.).

Съ 1840 г. вниманіе министра въ озабоченномъ отношеніи было обращено также на средніи и высшіи учебныя заведенія. „Я съ удовольствіемъ замѣчаю“, говорилъ онъ въ циркулярѣ своемъ отъ 31 декабря 1840 г., „что университеты постоянно приближаются къ желаемому совершенству. Между тѣмъ, при личномъ осмотрѣ въ нынѣшнемъ году университета св. Владиміра, я имѣлъ поводъ особенно замѣтить одно обстоятельство, которое представляется мнѣ довольно важнымъ при настоящемъ общемъ стремленіи всѣхъ сословій къ высшему образованію. По моему мнѣнію, при соблюденіи совершенной справедливости при приѣмѣ студентовъ, необходимо обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ учебнымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся предъ ними будущность. Если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то, съ другой, это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской. Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ прѣбрѣтению роскошныхъ знаній, практическое приложение коихъ въ послѣдствіи весьма часто, не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательныя ожиданія юношей". Министръ приглашалъ попечителей учебныхъ округовъ войти въ ближайшее соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ и представить свои мнѣнія о томъ, какія мѣры слѣдовало бы принять правительству съ цѣлью устроить упомянутое явленіе. Къ числу такихъ

мѣръ относится между прочимъ и та, коею (15 іюля 1845 г.) была возвышена плата за ученіе. Впрочемъ, не видно, чтобъ она была предложена попечителями.

Первое распоряженіе Уварова относительно платы за ученіе со-
держится въ циркулярѣ отъ 13 іюля 1833, въ которомъ лишь воспроиз-
ведены главнѣйшія начала положенія 1 февраля 1819 г. Плата
должна была распределяться слѣдующимъ образомъ: половина ея
назначалась на единовременныя награды отличнѣйшимъ учителямъ
по представленію попечителя; одна четверть отдѣлялась въ эконо-
мическую сумму каждаго заведенія, остальная же четверть — для
усиленія капитала на производство пенсій учителямъ приходскихъ
училищъ и семействамъ ихъ. Плата за ученіе въ гимназіяхъ осталась
прежняя. Это постановленіе было замѣнено утвержденными Главнымъ
правленіемъ училищъ, 11 декабря 1837 г., въ видѣ опыта на четыре
года правилами, на основаніи коихъ всѣ гимназіи Имперіи раздѣлены
были на два разряда; въ отнесенныхъ къ первому разряду было
взимаемо по 15, а ко второму — по 10 руб. асс. въ годъ. Кромѣ
того, въ нижеподписанныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не причислен-
ныхъ къ означеннымъ разрядамъ, полагалась особая плата: въ
С.-Петербургскихъ второй и Ларинской гимназіяхъ — по 60 р., а въ
третьей, равно какъ въ двухъ Московскихъ и Одесской, по 30 р.
асс.; въ четырехъ гимназіяхъ Западнаго края — по 3 р. сер. въ годъ.
Отъ платы освобождались: дѣти учителей и чиновниковъ при учеб-
ныхъ заведеніяхъ, стипендіаты приказовъ общественнаго призанія
и вообще благотворительныхъ обществъ, сироты и дѣти недостаточ-
ныхъ родителей; послѣднимъ изъ нихъ попечитель могъ предоставить
также право вносить лишь половинную плату. 16 іюля 1842 г. изда-
ны были, на два года, новыя правила относительно платы за ученіе,
размѣръ коей почти не измѣнился (напримѣръ, для гимназій перваго
разряда — 4 руб., втораго — 3 руб. сер.), заключавшія нѣкоторыя
дополненія, а именно: отъ платы освобождены были дѣти учителей
и чиновниковъ, служившихъ при тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ
эти дѣти воспитывались; лица, представившія свидѣтельство о бѣд-
ности, тоже освобождались отъ изпоса установленной платы, но не
иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи. Этими
правилами не требовалось отчислять часть годичнаго сбора на со-
ставленіе пенсіоннаго капитала; напротивъ, нѣкоторая часть его упо-
треблялась на поощреніе достойныхъ учителей, на вспоможеніе бѣд-
нымъ ученикамъ и на усиленіе способовъ содержанія учебныхъ заведе-
ній: снѣжекъ того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Бѣлорускаго и Кіевскаго
округовъ, на выдачу училищнымъ чиновникамъ квартирныхъ денегъ.
29 іюня 1844 г. постановлено было означенныя правила сохранить
въ силѣ впредь до особаго распоряженія. по слѣдъ за тѣмъ явились

другія соображенія, на основаніи коихъ выработался совершенно новый взглядъ на этотъ предметъ.

Въ предложеніи министра (1845 г.) было сказано, что введенная впервые въ 1817 г. плата за ученіе составляла въ гимназіяхъ столичныхъ 17—11 руб., въ прочихъ — 5—3 р., за исключеніемъ первой Кіевской и Таганрогской, гдѣ взималось по 7 руб. въ годъ, и гимназій Новочеркасской, Ставропольской, Тифлисской и трехъ Сибирскихъ, гдѣ платы вовсе не полагалось (въ университетахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ взималось за слушаніе лекцій 28 р. 57 коп., въ Харьковскомъ, Кіевскомъ и Казанскомъ — 14 р. 28 к. въ годъ). Но „принимая въ соображеніе: 1) что плата за ученіе является самая ограниченная; 2) что эта плата составляетъ исключительный источникъ для усиленія экономическихъ суммъ и покрытія сверхштатныхъ расходовъ; 3) что ко внесенію новыхъ статей расходовъ въ смѣту на счетъ государственнаго казначейства представлялось затрудненіе и, наконецъ, 4) что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ чрезъ мѣру умножался приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства“, Уваровъ призналъ необходимымъ, по предварительному соизволенію Государя, „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій“, — увеличить размѣры упомянутой платы въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе сего составлено было новое положеніе, по которому плата назначена: со всѣхъ слушающихъ лекцій въ университетахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ по 40 р., Харьковскомъ, Казанскомъ и Кіевскомъ — по 20 р.; въ гимназіяхъ обѣихъ столицъ — по 20 р., въ Кіевской первой 17 р., въ Одесской и Таганрогской — по 7 руб., во всѣхъ прочихъ, за исключеніемъ выше поименованныхъ, освобождаемыхъ отъ сбора, по 5 руб. Государь на докладной запискѣ 9 іюня 1845 г. объ этихъ предложеніяхъ положилъ резолюцію: „совершенно справедливо, но прибавить, какъ мною замѣчено“. Замѣчаніе это относилось къ тому, что Государю благоугодно было назначить плату: въ столичныхъ университетахъ по 50 р., въ прочихъ по 40 р., въ гимназіяхъ столичныхъ по 30 р., а въ первой Кіевской, Одесской и Таганрогской — по 20 р. По той же докладной запискѣ состоялось Высочайшее повелѣніе: „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ“. Вслѣдствіе сего министръ входилъ со всенподданнѣйшими докладомъ, въ которомъ объяснилъ, что по этому предмету приняты уже рѣшительныя мѣры, которыя произведутъ желаемыя послѣдствія. По поводу

представленія исправлявшаго должность Смоленскаго губернатора о дозволеніи купеческимъ дѣтямъ проходить безпрепятственно гимназическій курсъ, Уваровъ внесъ 3 іюня въ комитетъ министровъ записку о средствахъ устранить отъ гимназій дѣтей купцовъ, мѣщанъ и другихъ лицъ податнаго состоянія. „Съ запрещеніемъ, говорилъ онъ, принимать въ гимназіи безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ купцовъ и мѣщанъ, заведенія сіи сдѣлаются преимущественно мѣстомъ воспитанія для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; среднее сословіе обратится въ уѣздныя училища“. Относительно увеличенія платы, министръ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе, что размѣры ея были предположены не произвольно, но по соображенію мѣстныхъ средствъ и на основаніи тѣхъ предварительныхъ данныхъ, которыя доставлены начальствомъ учебныхъ округовъ. А потому онъ выражалъ опасеніе, что значительное возвышеніе платы можетъ затруднить министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ переищъ надъ домашнимъ и частнымъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, говорилъ онъ, постоянно были направляемы къ этому его усилія, и хотя нѣмнѣе намѣренія его осуществлены въ значительной степени, хотя въ Имперіи опасенія на этотъ счетъ не такъ велики, какъ въ Царствѣ Польскомъ; однако для губерній югозападнаго края этотъ вопросъ все еще представлялъ особенную важность. Во внутреннихъ губерніяхъ плата за ученіе была установлена не слишкомъ давно; до сего времени всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедратаго правительства. На основаніи всего этого министръ испрашивалъ дозволенія не возвышать плату еще въ теченіи пяти лѣтъ. На докладѣ его положена была высочайшая резолюція: „согласенъ на три года“. По высочайшему повелѣнію 14 іюня 1845 г. требовались отъ дѣтей купцовъ двухъ низшихъ гильдій и мѣщанъ увольнительныя свидѣтельства при поступленіи ихъ въ гимназіи; повелѣніе это было впоследствии (31 декабря 1845 г.) распространено и на лицъ, желавшихъ пріобрѣсти университетское образованіе; дѣти купцовъ первой гильдіи освобождались отъ такихъ свидѣтельствъ. По истеченіи трехгодичнаго срока со времени изложенныхъ выше предположеній, Уваровъ исподланившіе донесъ 31 декабря 1848 г., что нѣтъ сдѣлано распоряженіе объ увеличеніи платы за ученіе; относительно Одесской и Таганрогской гимназій онъ полагалъ, что увеличеніе ея съ 7 до 20 руб. слишкомъ значительно и испрашивалъ соизволенія на ограниченіе ея въ Одессѣ 15, а въ Таганрогѣ 10 р. сер. въ годъ. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ находилъ возможнымъ учредить сборъ съ 1849—50 учебнаго года и съ учащихся въ Сибирскихъ гимназіяхъ по 5 р. сер. въ годъ. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Учебныя планы, въ установленіи коихъ Уваровъ принималъ столь

дѣйтельное участіе, что можно было, казалось, надѣяться на долго-временную ихъ прочность, подверглись однако измѣненіямъ, имѣвшимъ неблагопріятныя послѣдствія. Правда, планъ уѣздныхъ училищъ остался въ существенныхъ его чертахъ такимъ же, каковымъ былъ изложенъ въ уставѣ. Только относительно закона Божіа признано было полезнымъ преподавать краткую священную исторію и краткій катехизисъ по книгѣ, изданной отъ св. Синода, подъ заглавіемъ „Начатки христіанскаго ученія“, во второмъ классѣ — первую часть пространнаго катехизиса, въ третьемъ — остальные его части (18 октября 1837 г.). Измѣненіе коснулось также и преподаванія исторіи, во впрочемъ лишь въ Вѣлорусскомъ округѣ. Исправлявшій должность товарища министра, графъ Протасовъ, замѣтилъ, при обзорѣ учеб-ныхъ заведеній этого округа, что преподавать русскую исторію, какъ было постановлено, въ IV классѣ (Вѣлорусскій округъ имѣлъ четырех-классныя уѣздыя училища) неудобно, ибо большинство учащихся, оставляя училище не достигнувъ высшаго класса, не имѣютъ никакого понятія объ отечественной исторіи. Для отстраненія сего неудобства, было предписано начинать во всѣхъ училищахъ Вѣлорусскаго округа краткое преподаваніе русской исторіи съ III класса и назначить для сего не менѣе двухъ уроковъ въ недѣлю (28 ноября 1835 г.).

Совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ уставъ, развились дополни-тельные курсы. Въ большей части предметомъ ихъ служили языки, преимущественно латинскій и нѣмецкій. Это занятіе языками имѣло цѣлю удовлетворить высказывавшейся во многихъ мѣстахъ потребности помѣщать дѣтей въ гимназіи, по окончаніи ими курса въ уѣздномъ училищѣ. Кромѣ того случалось, что въ дополнительныхъ курсахъ преподавался какой либо одинъ языкъ — нѣмецкій, французскій или латинскій, или же латинскій съ французскимъ вмѣстѣ; или латинскій и нѣмецкій вмѣстѣ съ алгеброй, или же наконецъ мѣстные языки, какъ-то: татарскій, монгольскій, новогреческій, молдаванскій. Сравнительно очень рѣдко преподавались, для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей въ промышленномъ, торговомъ, земледѣльческомъ и другихъ отношеніяхъ, науки торговая, бухгалтерія, англійскій языкъ, минералогія, геогнозія, законопѣдніе и бухгалтерія, даже кораблестроительное искусство.

При тѣхъ уѣздныхъ училищахъ Казанскаго учебнаго округа, гдѣ не существовало отдѣльныхъ приходскихъ училищъ, предполагалось учредить приготовительные классы для обученія чтенію и писму (22 декабря 1839 г.).

Гораздо большимъ перемѣнамъ, повлекшимъ за собою окончательное отступленіе отъ устава 1828 г., подверся учебный планъ гимназій. Изъ него исключена была прежде всего статистика, по тѣмъ же при-

чинамъ, какъ и въ 1819 г. Въ циркулярѣ министра отъ 17 ноября 1844 г. было сказано: „по вопросу о томъ слѣдуетъ ли преподавать въ гимназіяхъ статистику, въ видѣ отдѣльной науки, или не удобнѣе ли сей предметъ соединить съ преподаваніемъ географіи, ограничиваясь только выводами данныхъ, принадлежащихъ статистикѣ, отсѣкая отъ сей послѣдней всякія разсужденія, имѣющія ближайшую связь съ политическими науками и слѣдовательно принадлежащими къ кругу университетскаго преподаванія, требованы были отъ попечителей учебныхъ округовъ мнѣнія. По полученіи таковыхъ мнѣній, усматривая, что преподаваніе статистики, какъ отдѣльной науки, признается излишнимъ, я прошу: 1) сдѣлать распоряженіе о соединеніи сего предмета съ географіею въ той степени развитія, какія приличны для учебныхъ заведеній втораго разряда, и 2) въ замѣтъ двухъ, уменьшаемыхъ такимъ образомъ уроковъ въ VII классѣ, усилить другіе нынѣ преподаваемые предметы“. Та же участь постигла и логику (9 января 1847 г.). „Избраніе руководства по этой наукѣ“, говорится въ циркулярѣ, „представляло доселѣ неустрашимыя препятствія, ибо всѣ существующія сочиненія мало приспособлены къ понятіямъ юношества. Отъ того преподаваніе логики почти не приноситъ пользы и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвѣченныя, темныя положенія, которыя либо забываются ими, либо служатъ поводомъ къ ошибочнымъ ¹⁾ примѣненіямъ; такъ какъ логика читается въ университетѣ, то я, съ высочайшаго соизволенія, прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы преподаваніе этой науки въ гимназіяхъ было на время остановлено, а часы, на то положенныя, употреблены на усиліе другихъ предметовъ“. Противъ преподаванія логики высказался между прочимъ министръ въ своемъ отчетѣ (1846 г., 8), утверждая, что этотъ предметъ недоступенъ ни возрасту, ни степени развитія гимназистовъ (такъ же разсуждали въ 1842 г. ревизоры первой Казанской гимназіи; см. Владимірова II, 321). Конечно, мнѣніе такого рода не имѣло ничего общаго съ высказаннымъ въ послѣдствіи однимъ педагогомъ, что логика для ученыхъ не нужна, а для глупыхъ бесполезна ²⁾).

Съ 1847 академическаго года чтеніе логики введено было въ Петербургскомъ университетѣ, по одному разу въ недѣлю; въ гимназіяхъ уроки логики замѣнены практическими упражненіями въ отечественномъ языкѣ ³⁾. Въ Московскомъ округѣ, хотя, по распоряженію попечителя, логика и была отиѣнена въ гимназіяхъ какъ предметъ самостоятельный („по несовершенству руководства слѣдуетъ временно

¹⁾ Вырженію «ошибочнымъ» употреблено въ печатномъ циркулярѣ. Въ проектѣ же циркуляра сказано «препятствія». См. *Журн. М. И. Пр.* CXLI, 2, 165. *Гильбоисъ*, 19.

²⁾ *Иль Моржикинъ Сборника въ Журн. Мин. И. Пр.* 1855 г. XCII, 2, 13.

³⁾ *Вороновъ*, II, 139.

прекратить преподавание ее⁴⁾), но старшему учителю русской словесности было поручено при преподавании риторики проходить изъ первой части логики столько, сколько необходимо для уразумѣнія главнѣйшихъ основаній курса литературы. Еще въ 1859 г. въ официальныхъ отчетахъ гимназій встрѣчается названіе „учителя русской словесности и логики“¹⁾.

Въ преподаваніи математики, циркулярнымъ предложеніемъ министра отъ 15 декабря 1845 г., была отиѣнена геометрія начертательная и аналитическая, но съ тѣмъ, чтобы математическая географія преподаваема была впродъ въ VI или VII классахъ. Вслѣдствіе этого сократилось и число уроковъ математики, такъ какъ въ I—VI классахъ приходилось теперь по 3, а въ VII 2 урока, слѣд. тремя уроками менѣе положенныхъ уставомъ для гимназій безъ греческаго языка, и пятью болѣе для гимназій съ языкомъ греческимъ. Такимъ образомъ преподаваніе математики по измѣненному учебному плану было таково: въ I классѣ—отвлеченныя цѣлыя числа, четыре правила ариметики; II кл.: обыкновенныя и десятичныя дроби, отношенія и пропорціи; III кл.: примѣненіе геометрической пропорціи, первая начала алгебры; IV кл.: продолженіе алгебры, геометрія; V кл.: окончаніе геометріи, практическія упражненія въ алгебрѣ; VI кл.: алгебра и тригонометрія; VII кл.: продолженіе всего пройденнаго изъ математики и пополненіе нѣкоторыхъ статей, если время и способности учащихся позволяютъ. Преподаватель преимущественно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы развѣять и укрѣпить въ ученикахъ самостоятельность въ примѣненіи извѣстныхъ имъ теоретическихъ началъ въ рѣшеніи практическихъ задачъ.

По географіи въ Казанскомъ учебномъ округѣ былъ утверждёнъ новый планъ (16 марта 1840 г.), но только для гимназій, гдѣ географія входила въ число главныхъ предметовъ, съ особымъ преподавателемъ, при двухъ недѣльныхъ урокахъ въ каждомъ классѣ (въ старшихъ изъ нихъ по средамъ послѣ обѣда).

Болѣе важнымъ отступленіемъ отъ учебнаго плана слѣдуетъ считать освобожденіе учениковъ гимназій отъ обученія латинскому языку, допущенное Уваровымъ по слѣдующему частному случаю (23 апрѣля 1843 г.): аудиторъ Васильевъ просилъ дозволить сыну его, окончившему курсъ въ уѣздномъ училищѣ и поступившему въ гимназію, не посѣщать уроковъ латинскаго языка, по той причинѣ, что онъ готовится въ военную службу и не имѣетъ въ латинскомъ языкѣ особенной надобности; пошехонскій Вѣлорусскаго округа обратился въ министерство съ запросомъ, могутъ ли вообще ученики гимназій быть увольняемы отъ изученія упомянутаго языка? На это министеръ отвѣ-

¹⁾ Гамбозъ, 19, 20.

чалъ, что по уставу учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 г., латинскій языкъ составляетъ необходимую принадлежность полнаго гимназическаго курса гимназій, а посему необучавшіяся ему не могутъ быть предоставляемы при выпускѣ ихъ изъ заведенія права, которыми пользовались окончившіе полный курсъ. Что же касается до освобожденія нѣкоторыхъ учениковъ гимназій и дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, по желанію родителей ихъ или родственниковъ, отъ обученія латинскому языку, то это — говорилъ министръ — можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, но особенно уважительнымъ причинамъ и безъ предоставленія имъ правъ.

Относительно преподаванія иностранныхъ языковъ произошло въ Казанскомъ округѣ довольно существенныя перемѣны. Причиной было то, что ревизія обнаружила слабыя свѣдѣнія учениковъ въ этихъ языкахъ, особенно во французскомъ. Вслѣдствіе сего предписано было обучать французскому языку въ I и II классахъ, убавивъ по одному уроку русскаго языка, а въ IV—VII классахъ по одному уроку языка греческаго; для усиленія занятій французскимъ языкомъ и математикой въ I классѣ сокращено было также число уроковъ математики (1836 и 1837 гг.). По представленію попечителя Казанскаго округа министръ разрѣшилъ въ 1837 г., сверхъ положенныхъ по штату учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ, назначить еще по одному для каждого языка. Въ Казанской гимназій началъ преподавать и англійскій языкъ (5 апр. 1837 г.)¹⁾. Измѣненіе учебнаго плана въ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа произошло вслѣдствіе записки, представленной графомъ Головкинымъ (и одобренной министромъ 31 августа 1839 г.). „Изъ сравненія числа учащихся въ гимназіяхъ“, сказано въ этой запискѣ, „съ числомъ поступающихъ въ университетъ легко убѣдиться можно, что едва только десятая часть ихъ получаетъ дальнѣйшее образованіе. Это ведетъ къ заключенію, что гимназіи наши суть заведенія, изъ которыхъ преимущественно молодые люди, по окончаніи воспитанія, ноступаютъ на поприще служенія. Разсматривая съ этой стороны наши гимназіи, нельзя не замѣтить, что курсъ гимназическаго ученія требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій. Въ таблицахъ распредѣленія лекцій, приложенныхъ къ уставу 1828 г., назначено для преподаванія математики въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ не введенъ греческій языкъ, 23 урока и для языковъ французскаго и нѣмецкаго въ совокупности 30 уроковъ въ недѣлю; но въ гимназіяхъ съ греческимъ языкомъ назначено для математики только 15 и для языковъ нѣмецкаго и французскаго въ сложности 18 уроковъ; отняты же отъ этихъ предметовъ 20 уроковъ

¹⁾ См. *Владимірова*, II, 268 слѣд.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышло новое (четвертое) изданіе книги:

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ,
Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе дополнено всѣми тѣми стихотвореніями, которыя
указаны послѣдними учебными планами министерства народ-
наго просвѣщенія по русскому языку.

Книга посвящена, съ Высочайшаго Соизволенія Его Император-
скаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшему
Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Цѣна **75** коп.

Учебныя заведенія, выписывающія прямо отъ составителя не ме-
нше **100** экземпляровъ, платятъ **50** коп.

Адресъ составителя: С.-Петербургъ, на углу Вознесенскаго
и Екатерингофскаго проспекта, д. № 28, кв. № 12.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЛОГИКА Г. СТРУВЕ,

Ординарнаго Профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Учебникъ для преподаванія и самообученія, одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшимъ Синодомъ какъ руководство для гимназій и духовныхъ семинарій. Изданіе четвертое. Съ алфавитнымъ указателемъ. Варшава, 1878 года. Цѣна одинъ рубль.

ДЛЯ ПНОГОРОДНЫХЪ ПЕРЕСЫЛКА БЕЗПЛАТНАЯ.

Изданіе это вновь пересмотрѣно авторомъ и пополнено различными примѣрами. Главное-же вниманіе обращено на формальную сторону руководства; желаніемъ автора было придать изложенію предмета по возможности еще большую строгость, опредѣленность и ясность. Для достиженія этой цѣли, онъ воспользовался какъ указаніями Ученаго Комитета, такъ и замѣчаніями практическихъ педагоговъ.

Записки Ново-Александрійскаго Института сельскаго-хозяйства и лѣсоводства. Годъ первый 1876 г. В. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ у В. М. Истомина въ Варшавѣ.

РУССКІЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТИ ВЫПУСКАХЪ

издаваемый

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

И. И. Березинымъ.

Выпускъ XIII, тетрадь 1, С.

Цѣна за полное изданіе 60 руб. Можно подписываться съ разсрочкою уплаты, по соглашенію съ издателемъ (Офицерскій, 60).

1-го ДЕКАБРЯ вышла XII-я, ДЕКАБРЬСКАЯ, книга исторического
журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Въ этой книгѣ между другими статьи напечатаны: Очеркъ царствованія Александра I-го, статья Е. П. Карновича.—Воспоминанія графини Шуазель-Гуфье.—Записки М. Ө. Орлова.—Достопамятные дѣятели эпохи царствованія Александра I и его сподвижники.—Обзоръ „Русской Старины“ изд. 1877 года,—Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ статьи и материалы и проч.

Приложенія: I. Снимокъ съ подлиннаго письма Александра I-го, отъ 24-го мая 1812 г.—II. Портретъ М. Ө. Орлова, гравюра Л. А. Сѣркова.

Обыкновенный подписчикамъ «Русской Старины» хромолитографическій, отпечатанный красками, портретъ Н. В. Гоголя—вполнѣ точное воспроизведеніе подлинника, писаннаго знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ 1841 г., въ Римѣ, печатается, подъ наблюденіемъ академика Л. А. Сѣркова, въ Парижѣ г-мъ Лемерсье. Къ сожалѣнію, къ 1-му декабрю, т. е. ко дню выхода и разсылки настоящей книги—портретъ не былъ еще оконченъ печатаніемъ, а потому онъ будетъ разосланъ при одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины» 1878 г., немедленно послѣ полученія его изъ Парижа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1878 Г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ «Русской Старины» 1878 г., съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою — **ВОСЕМЬ** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Невскомъ пр., д. № 46 (противъ Гостиного двора). Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

 Гг. иногородные имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго капота, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прошедшихъ годовъ изд. „Русской Старины“ можно получить—изд. 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. Каждата года въ 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкою.

Изд.-Ред. «Русской Старины» Семёвовій.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТРАП.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 годъ 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

1. 22-ю августа (3-ю сентября) 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при медицинскомъ факультетѣ Харьковского университета .	69
2. 20-ю августа 1877 года. Объ измѣненіи редакціи 1-го общаго примѣчанія къ штатамъ реальныхъ училищъ .	—
3. 10-ю сентября 1877 года. Объ опредѣленіи въ Полтавскую гимназію третьяго помощника классныхъ наставниковъ	70
4. 5-ю октября 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Рижской Александровской гимназіи	123
5. 6-ю октября 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.	—
6. 20-ю октября 1877 года. Объ учрежденіи стипендій при Рижской Александровской гимназіи	124

7. 21-ю октября 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ университетѣ .	124
8. 21-ю октября 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при университетѣ св. Владиміра.	—
9. 22-ю октября 1877 года. О предоставленіи нѣкоторыхъ преимуществъ попечителямъ и почетнымъ блюстителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ изъ крестьянъ	125

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

13-ю декабря 1876 года (№ 13)	70
13-ю августа 1877 года (№ 7) .	71
31-ю октября 1877 года (№ 8) .	125

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 9-ю сентября 1877 года. Положеніе о стипендіи имени преосвященнаго Леопида, бывшаго архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ	72
2. 11-ю августа 1877 года. Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ иждовію генералъ-маіора Надеждою Михайловною Коровкиною при Ливенскомъ реальномъ училищѣ	126
3. 19-ю августа 1877 года. Положеніе о стипендіи имени купца В. В. Свѣтогорова при Тверскомъ реальномъ училищѣ.	127
4. 25-ю августа 1877 года. Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника Николая Федоровича Малинина при Рязанской гимназій .	128
5. 5-ю октября 1877 года. Положеніе о стипендіи Саввы Аксеновича Попова, при Рижской Александровской гимназій	129
6. 20-ю октября 1877 года. Положеніе о стипендіи Андрея Тимофѣевича Рябинина, учрежденной при Рижской Александровской гимназій .	130
7. 21-ю октября 1877 года. Правила о стипендіи статскаго совѣтника Густава Ивановича Эйсмана при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра въ Киевѣ	131
8. 21-ю октября 1877 года. Правила о Грумовской стипендіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	132

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЕНІЯГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

27-го сентября 1877 года (№ 12)	73
23-го сентября 1877 года (№ 13)	75
15-го октября 1877 года (№ 14)	132

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи“. Гексли и Мартина (элементарный практическій курсъ біологін). Перев. съ англійскаго *А. Я. Герда*. 76

О книгѣ: „Руководство къ арифметикѣ“. Сост. ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Н. В. Бунаевъ*. 77

О книгѣ: „Латинская грамматика Эллсдта Зейфферта“. Перев. съ приспособленіями къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ, старшимъ учителемъ Лицея Цесаревича Николая *П. Пьяничкинымъ* и бывшимъ преподавателемъ Московской 3-й гимназіи *В. Зубковымъ*. —

О книгѣ: „Начатки ботаники“. І. Д. Гукера, президента королевскаго общества, директора Бьюскаго ботаническаго сада. Переводъ съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями *А. Ѳ. Баталова*. —

О книгѣ: „Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ“. Составилъ *В. Пинатовичъ*. —

О книгахъ: 1) „Musterstücke. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ“. Для употребленія въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. 2) „Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій“. Съ грамматическими примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Сост. *Морицъ Массонъ*. —

О книгѣ: „Задачи на наибольшія и наименьшія величины, рѣшаемыя начальною алгеброю“. Сост. учитель Динабургскаго реальнаго училища *А. Бяляевъ*. 78

О книгахъ: 1) *К. Ф. Зюффле*: „Статьи для перевода на латинскій языкъ“. Руководство, переведенное съ приспособленіемъ

къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ преподавателями древнихъ языковъ во 2-й Московской гимназіи *К. Павличковскимъ* и *В. Исаинымъ*. 2) „Общій элементарный курсъ механики, съ приложеніемъ собранія задачъ“. *Е. П. Котельникова*. 78

О книгѣ: „Систематическій сборникъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощію земнаго и небеснаго глобусовъ“. Состав. *А. Мануиловъ* —

О книгѣ: „Нидерле. Грамматика греческаго языка“. *И. Мейера* и *В. Рейнера*. 134

О книгахъ: 1) „Полная наглядная практика торговаго счетоводства по новой системѣ“. 2) „Краткая наглядная практика торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ“. 3) „Теорія торговаго счетоводства по новой русской тройной системѣ“. Составленные *Ө. Езерскимъ* —

О книгѣ: „Орлеанская дѣва“. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ, Шиллера, въ переводѣ Жуковскаго, съ примѣчаніями *Н. Я. Максимова* —

О книгѣ: „IV-й выпускъ географическаго атласа всѣхъ частей свѣта“. *А. Ильина*. 135

О книгѣ: „Шекспиръ. Гервинусъ“. Перевелъ съ нѣмецкаго *Константинъ Тимофеевъ*. —

О книгѣ: „Родина. Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ устномъ и письменномъ“. Сост. *А. Радо-нежскій*. —

О книгѣ: „Учебникъ словесности“. 1) Стилистика. 2) Теорія прозы. 3) Теорія поэзіи. *Андрей Филомова*. —

О книгѣ: „Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи Т. Румпеля“. Переводъ *П. М. Цейдлера*. —

О книгѣ: „Европа въ физическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ“. Составилъ преподаватель Тверскихъ: реальнаго училища и Маріинской женской гимназіи *В. Гулосичъ*. —

О книгѣ: „Избранныя сатиры Горация для среднихъ учебныхъ заведеній“. *В. И. Модестова* —

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Руководство къ составленію періодовъ“. 2) „Сборникъ статей для теоретическаго изученія“

образцовъ русской литературы примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній, съ объясненіями, примѣчаніями, вопросами для разбора и повторенія и особымъ приложеніемъ краткихъ плановъ темъ для ученическихъ сочиненій". Состав. преподавателемъ Московской VI-й гимназіи и нѣмецкой Петропавловской школы *Н. Баталинимъ* 78

О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ пѣсень“. Состав. *А. Никулинымъ* 79

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія“. Сост. *А. Вороновъ* —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Элементарная грамматика“. Сост. *Н. Говоровъ*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „С. Смайльсъ. Исторія шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда“. Перев. *С. И. Смирновой*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Русская исторія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“ —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая классная книга для чтенія. Пособіе для начальнаго обученія родному языку“. Состав. преподаватель 6-й С.-Петербургской гимназіи *П. Г. Васильевъ*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Вѣчный труженикъ. Жизнеописаніе шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда“. Соч. *Самуэля Смайльса*. Переводъ *С. Майковой*. 136

О брошюрѣ по заглавіемъ: „Краткое и общепонятное объясненіе молитвы Господней. Поученіе духовнаго отца духовнымъ дѣтиѣмъ“. Сост. протоіереемъ *А. Жилобовскимъ* —

Официальныя извѣщенія 80 и 136

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Философскія начала цѣльнаго знанія. *В. Соловьева*. 1

Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. *А. Брикнера* 33 и 149

О рукописяхъ исторіи Никиты Акомината въ Парижской національной библіотекѣ. *Ө. Успенскому*. 64

О литературной и ученой дѣятельности Августа Вѣлевскаго. *С. Пташицкаго*. 115

Объ анализѣ и синтезѣ. *А. Бобынина* 174

Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 года. <i>Ал.</i>	
<i>Панарели</i>	208
Торговля сношенія Полоцка съ Ливоніей въ XIV вѣкѣ. <i>Ив.</i>	
<i>Тихомирова</i>	232
О древней культурѣ западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка. <i>Л. М.</i>	240

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Важнѣйшія явленія Польской исторической литературы въ Познани и Галиціи въ 1876 году.	80
Еще объ изданіи Табари. Варона <i>В. Розена</i>	107

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Низшія училища и образованіе учителей въ Россіи. <i>Г. Страка</i>	1 и 33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Перепись народонаселенія во Франціи въ 1876 году сравнительно съ германскою переписью 1875 года. <i>С. Маттева</i>	1
О работахъ профессора К. Гревингга по изслѣдованію первобытныхъ древностей Прибалтійскаго края	18
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища, в) высшія учебныя заведенія	23 и 120
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	56
Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова.	65
Экспедиція Н. М. Пржевальскаго за Тянь-Шань и на Лобь-Норь	85
Еще нѣсколько словъ объ учебникахъ русскаго языка для татарскихъ народныхъ школъ. <i>В. Радлова</i>	98
<i>А. Н. Поповъ (тоже)</i>	148
<i>Ө. В. Чижевъ (некрологъ).</i>	155

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Объ удвоеніи сигмы аориста и будущаго въ Гомеровскомъ нарѣчій. <i>В. Пестра</i>	1

Указатель къ русскимъ изданіямъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, азбукъ, разговоровъ, граматикъ и словарей по 1871 годъ включительно. <i>В. Лебедева</i>	18 и 52
Замѣтка къ Горацию Сарт. II, 12. <i>И. Мейера</i>	46
По поводу Энеиды Виргилія VI, 882—887. <i>Л. Миллера</i> .	49

БИБЛІОГРАФІЯ.

P. Virgilii Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié, d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction et une notice par E. Benoist. <i>Л. Миллера</i> .	90

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. <i>Е. К. Шмидта</i> .	

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

По поводу Энеиды Виргилія VI, 882—887. Л. Миллера.

Указатель къ русскимъ изданіямъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, азбукъ, разговоровъ, грамматики и словарей по 1871 г. включительно В. Лебедева.

Библиографія:

P. Virgillii Maronis opera. Oeuvres de Virgile. Texte latin, publié, d'après les travaux les plus récents de la philologie avec un commentaire critique et explicatif, une introduction et une notice, par E. Benoit Л. Миллера.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмидт.

Редакторъ. Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-я декабрь)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.
